This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

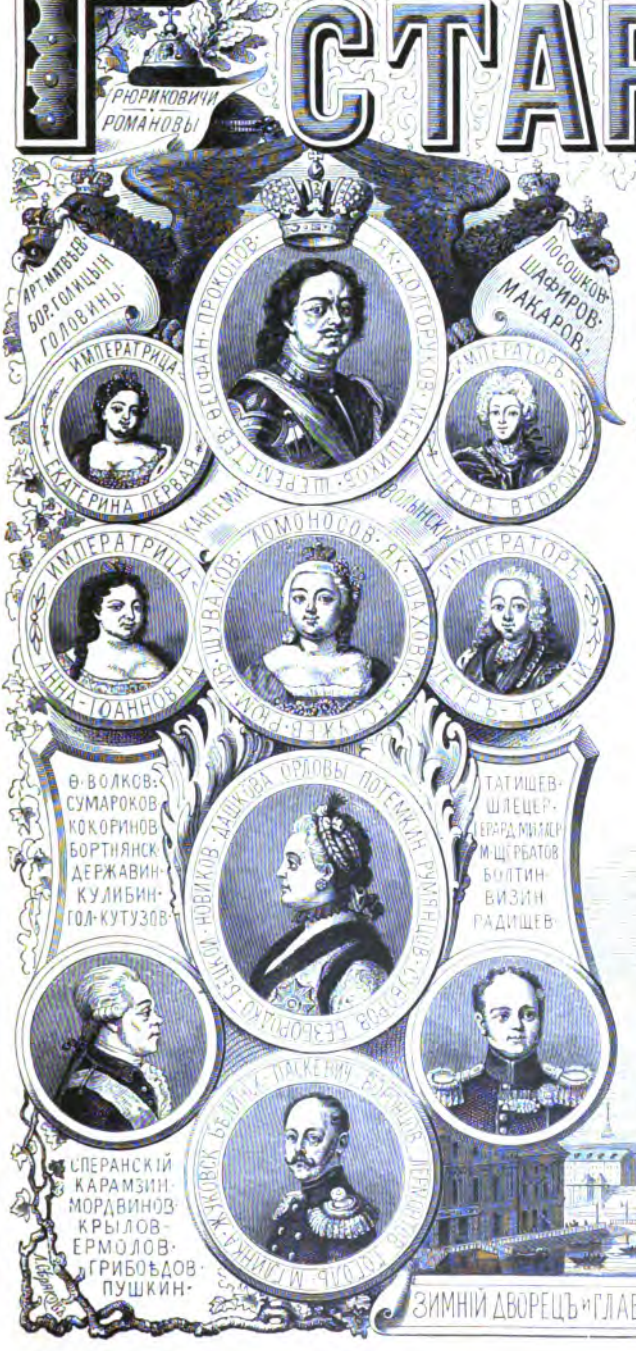
FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898

РУССКАЯ СТАРИНА



ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1906.

P Slw 605.25

Title Page

CAMBRIDGE, MASS.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. ОКТЯБРЬ. 1906 годъ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки императр. Екатерины II . . . . . 5—53

II. Воспоминанія В. Н. Никитина . . . . . 54—161

III. Изъ дневника М. И. Михайлова . . . . . 162—199

IV. Мысли и воспоминанія полика. О. Еленскій. . 200—242

V. Изъ архивныхъ мелочей. 243—244

VI. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Видъ памятника императрицы Екатерины Второй въ С.-Петербургѣ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

X-я книга „Русской Старины" вышла 1-го октября 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Вновь вышедшія книги.

1. **Полное собраніе сочиненій Омулевскаго.** Изданіе подъ редакціей П. В. Быкова, два тома. Изданіе Маркса. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. Издано хорошо, съ портретомъ автора.

2. **Стихотворенія Плещеева.** 4-е дополненное изданіе подъ редакціею П. В. Быкова, издано Марксомъ. Роскошное изданіе, съ портретомъ, на прекрасной бумагѣ. Два тома, по 3 р. 50 к. каждый.

3. **Исторія одной души.** Елены Келлеръ. Переводъ З. А. Рагозиной, съ портретами и рисунками. Цѣна 80 к.

4. **Разсказы и пьесы** Антона Чехова. Цѣна 1 р. 50 к.

5. **Русская стенографія.** Составилъ О. П. Петерсенъ. Цѣна 1 р. 50 к.

6. **Самоучитель шахматной игры.** Составилъ Э. С. Шифферсъ. Цѣна 2 р.

7. **Атласъ по отечествовѣдѣнію.** Часть II. Сибирь и Туркестанъ. Составилъ баронъ Торнау. Цѣна въ папкѣ 1 р. 20 к.

ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1906.

ОКТЯВРЬ. — НОЯБРЬ. — ДЕКАВРЬ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка, по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“ 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Записки императрицы Екатерины Второй.

VI [1]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ мы узнали, что 24-го іюля городъ Мемель сдался на капитуляцію русскимъ войскамъ; а въ августѣ получено было извѣстіе о Гроссэгерсдорфскомъ сраженіи, которое русскіе выиграли 19-го числа того же мѣсяца. Въ день празднованія этой побѣды я дала у себя въ саду большой обѣдъ, на который пригласила великаго князя и все, что было въ Ораніенбаумѣ значительныхъ лицъ; онъ и все общество, повидимому, были веселы и остались довольны моимъ обѣдомъ. Великій князь на время позабылъ свою досаду, которую причинила ему эта война, начавшаяся между Россіею и королемъ прусскимъ. Великій князь съ самаго дѣтства чувствовалъ особенную склонность къ прусскому королю; сначала тутъ не было ничего удивительнаго, но потомъ это пристрастіе дошло до безумія. Въ то время общая радость по случаю успѣха русской арміи обязывала его скрывать свои мысли, но, въ сущности, ему досадно было пораженіе прусскихъ войскъ, которыя онъ считалъ непобѣдимыми. Въ этотъ день я приказала дать ораніенбаумскимъ каменщикамъ и другимъ рабочимъ жаренаго быка. Вскорѣ затѣмъ мы возвратились въ городъ, гдѣ заняли Лѣтній дворецъ. Тутъ, однажды вечеромъ, графъ А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что императрица въ комнатѣ у жены его, и что я могу пойти поговорить съ нею, такъ какъ я этого желала прошедшею зимою. Я тотчасъ отправилась въ отдѣ-

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1906 г.

леніе графа и графини Шуваловыхъ, находившееся въ концѣ моего отдѣленія. Я застала императрицу одну. По обыкновенію я подошла къ рукѣ, и она поцѣловала меня. Потомъ я имѣла честь услышать, что она, узнавши о моемъ желаніи поговорить съ нею, нарочно для того пришла сегодня, и спрашиваетъ, что мнѣ нужно. Надо замѣтить, что тогда прошло уже восемь мѣсяцевъ и даже больше съ тѣхъ поръ, какъ я говорила съ графомъ А. Шуваловымъ о Брокдорфѣ. Я отвѣчала, что прошлою зимою, видя поведеніе Брокдорфа, я сочла необходимымъ сказать о немъ графу А. Шувалову, дабы онъ могъ довести то до свѣдѣнія ея величества; что когда Шуваловъ спросилъ, имѣетъ ли онъ право сослаться на меня, я сказала, что если ея величество сама меня спроситъ, то я повторю ей лично все, что сказала, и все, что знаю. Тогда я разсказала ей исторію Элендсгейма, все, какъ было. Она выслушала меня, повидимому, довольно холодно и стала разспрашивать подробности о домашней жизни великаго князя и о лицахъ, его окружавшихъ. Я передала ей съ самою строгою точностью все, что знала; замѣтивъ по моимъ разсказамъ о голштинскихъ дѣлахъ, что они мнѣ довольно извѣстны, она сказала: „вы, кажется, хорошо знаете эту страну“. Я чистосердечно отвѣчала, что мнѣ немудрено знать ее, ибо я познакомилась съ тамошними дѣлами по волѣ великаго князя. Тутъ изъ выраженія лица императрицы я замѣтила, что такая довѣренность произвела на нее непріятное впечатлѣніе; вообще, во все время нашего разговора, она мнѣ показалась какъ-то странно недовѣрчивою; она заставляла меня говорить и дѣлала мнѣ вопросы, а сама отъ себя почти не говорила ни слова, такъ что все это можно было назвать скорѣе вывѣдываніемъ съ ея стороны, нежели откровеннымъ разговоромъ. Наконецъ она отпустила меня такъ же холодно, какъ и приняла, и я не знала, что подумать объ этой аудіенціи, про которую А. Шуваловъ велѣлъ мнѣ никому отнюдь не сказывать, что́ я ему обѣщала. Да и хвалиться было нечѣмъ! Возвратившись къ себѣ, я приписала холодность императрицы тому, что Шуваловы, какъ давно мнѣ сказывали, успѣли внушить ей антипатію ко мнѣ. Послѣ мы увидимъ, какое отвратительное употребленіе (если смѣю такъ выразиться) заставили ее сдѣлать изъ этого разговора между мною и ею.

Черезъ нѣсколько времени мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться взятіемъ Мемеля и Гросс-эгерсдорфскою побѣдою и идти впередъ, повернулъ назадъ съ такою поспѣшностью, что это отступленіе походило на бѣгство, потому что онъ бросалъ и сожигалъ припасы и заколачивалъ пушки. Никто не могъ понять, что это значило; даже друзья не знали, что сказать ему въ оправданіе, и, вслѣдствіе этого, всѣ начали доискиваться

тайныхъ причинъ. Хотя я не знаю въ точности, чему слѣдуетъ приписать это поспѣшное и ни съ чѣмъ несообразное отступленіе фельдмаршала Апраксина, съ которымъ я больше не видалась въ моей жизни, однако, думаю, что причиною тому могли быть извѣстія, которыя онъ получалъ отъ дочери, княгини Куракиной, по-прежнему находившейся въ любовной связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ (больше изъ политики, нежели по склонности), отъ зятя, князя Куракина, отъ друзей и родственниковъ. Всѣ они увѣдомляли его, что здоровье императрицы съ каждымъ днемъ становится хуже; въ то время почти всѣмъ было извѣстно, что съ нею постоянно каждый мѣсяцъ бываютъ сильныя конвульсіи, производившія замѣтное ослабленіе въ ея организмѣ; что послѣ каждой такой конвульсіи дня два, три или четыре она остается въ такой слабости и въ такомъ истощеніи всѣхъ способностей, какъ будто въ летаргическомъ снѣ, и что въ эти дни нельзя говорить ни о чемъ ни съ нею, ни при ней. Фельдмаршалъ Апраксинъ, по всему вѣроятію, преувеличивая опасность, въ которой находилась императрица, не счелъ нужнымъ идти дальше въ Пруссію и подъ предлогомъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ пошелъ назадъ, чтобы быть ближе къ русскимъ границамъ, ибо предвидѣлъ, что въ случаѣ кончины императрицы война эта немедленно будетъ остановлена. Трудно оправдать поступокъ фельдмаршала; но таковы могли быть его разсчеты, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ свое пребываніе нужнымъ въ Россіи, какъ я сказала, говоря объ его отъѣздѣ. Графъ Бестужевъ прислалъ мнѣ сказать черезъ Штамбке, какой оборотъ принимали дѣйствія фельдмаршала Апраксина, на которыя громко жаловались послы императорскій и французскій. Онъ просилъ меня, чтобы я, по пріязни своей, написала къ фельдмаршалу и вмѣстѣ съ нимъ, Бестужевымъ, уговорила его снова двинуться впередъ и положить конецъ этому бѣгству, которое враги его объясняютъ самымъ неблагопріятнымъ и постыднымъ для него образомъ. Я дѣйствительно написала письмо къ фельдмаршалу Апраксину, увѣдомляя его, что въ Петербургѣ ходятъ о немъ дурные слухи, что друзья его не знаютъ, чѣмъ оправдать его поспѣшное отступленіе, и прося, чтобы онъ шелъ впередъ и повиновался распоряженіямъ правительства. Великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, доставилъ ему это письмо. Апраксинъ не отвѣчалъ мнѣ. Между тѣмъ, къ намъ пріѣзжалъ прощаться и уѣхалъ на почтовыхъ изъ Петербурга главный директоръ императрицыныхъ построекъ, генералъ Ферморъ; намъ сказали, что онъ отправился принять начальство надъ арміею; онъ нѣкогда былъ начальникомъ штаба у графа Миниха. Генералъ Ферморъ прежде всего потребовалъ, чтобы ему дали его чиновниковъ или помощниковъ по управленію постройками, бригади-

ровъ Рязанова и Мордвинова, и съ ними отправился къ арміи. Эти военные люди умѣли только заключать контракты по постройкамъ. Какъ скоро онъ пріѣхалъ, ему велѣно было заступить мѣсто фельдмаршала Апраксина, который былъ вызванъ въ Петербургъ и по пріѣздѣ получилъ приказаніе оставаться въ Тригорскомъ и тамъ ждать воли императрицыной. Участь его долго оставалась не рѣшенной, потому что друзья его, дочь и Петръ Шуваловъ, употребляли всевозможныя мѣры и прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, чтобы потушить гнѣвъ императрицы, разжигаемый графами Воронцовымъ, Бутурлинымъ, Иваномъ Шуваловымъ и другими, которые дѣйствовали по внушеніямъ вѣнскаго и версальскаго пословъ и требовали суда надъ Апраксинымъ. Наконецъ, были назначены слѣдователи по его дѣлу. Послѣ первыхъ вопросовъ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ сдѣлался апоплексическій ударъ, послѣ котораго онъ не прожилъ болѣе сутокъ. При дальнѣйшемъ слѣдствіи непремѣнно былъ бы замѣшанъ въ дѣло генералъ Ливенъ, другъ и повѣренный тайнъ Апраксина, что меня еще болѣе бы огорчило, потому что Ливенъ былъ искренно привязанъ ко мнѣ. Но какъ ни была я дружна съ Ливеномъ и Апраксинымъ, во всякомъ случаѣ могу поклясться, что совершенно не знала о причинахъ ихъ поступка и о самомъ ихъ поступкѣ, хотя и старались распустить слухъ, будто они пошли назадъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, потому что желали сдѣлать угодное великому князю и мнѣ. Ливенъ иногда странно выражалъ свою привязанность ко мнѣ; между прочимъ, въ маскарадѣ у графа Эстергази, вѣнскаго посла, гдѣ была императрица и весь дворъ, Ливенъ, глядя на меня, сказалъ стоявшему возлѣ него графу Понятовскому: „вотъ женщина, за которую честному человѣку можно охотно вынести нѣсколько ударовъ кнута“. Это мнѣ разсказывалъ самъ графъ Понятовскій, впослѣдствіи король польскій.

Генералъ Ферморъ, принявъ начальство, поспѣшилъ исполнить то, что ему было приказано, немедленно двинулся впередъ и, несмотря на суровую зиму, занялъ Кенигсбергъ, который выслалъ къ нему своихъ депутатовъ 18-го января 1758 г. Въ эту зиму я замѣтила, что Левъ Нарышкинъ вдругъ совершенно перемѣнилъ свое поведеніе; онъ сталъ невѣжливъ и грубъ и неохотно приходилъ ко мнѣ, ссылаясь на причины, которыя показывали, что у него что-то есть противъ меня, противъ своей сестры, невѣстки, графа Понятовскаго и всѣхъ моихъ приближенныхъ. Я узнала, что онъ почти не выходитъ отъ Ивана Шувалова, и догадалась, что его отвлекали отъ меня, думая мнѣ отмстить этимъ за то, что я помѣшала его браку съ Хитровой, и что навѣрное отъ него вывѣдаютъ разныя вещи и добьются разныхъ признаній, которыя могутъ повредить мнѣ. Его невѣстка,

сестра и братъ также сердились на него за это, и въ самомъ дѣлѣ онъ велъ себя, какъ помѣшанный, и съ полнымъ чистосердечіемъ всячески оскорблялъ насъ, между тѣмъ, какъ въ это самое время я на свои деньги меблировала домъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить послѣ свадьбы. Всѣ обвиняли его въ неблагодарности и говорили ему, что онъ—безчувственный человѣкъ, однимъ словомъ, что онъ никоимъ образомъ не можетъ быть недоволенъ мною. Было ясно, что онъ служилъ орудіемъ для тѣхъ, которые успѣли овладѣть имъ. Онъ больше обыкновеннаго ухаживалъ за великимъ княземъ, всячески забавлялъ его и заставлялъ дѣлать именно то, чего я не одобряла, какъ ему было извѣстно. Невѣжливость свою онъ простиралъ иногда до того, что даже не отвѣчалъ на мои вопросы. Въ то время я не могла себѣ объяснить, чѣмъ я могла его обидѣть; напротивъ, можно сказать, что я не переставала оказывать мое расположеніе и дружбу, какъ ему, такъ и всей его семьѣ, съ тѣхъ поръ какъ ихъ знала. Мнѣ кажется, что онъ удвоилъ свои любезности относительно великаго князя также по совѣту Шуваловыхъ, увѣрившихъ его, что милость великаго князя всегда для него надежнѣе моей, такъ какъ ни императрица, ни великій князь не расположены ко мнѣ и не любятъ меня; что онъ можетъ повредить своему счастію, если не отстанетъ отъ меня; что какъ скоро императрица умретъ, великій князь посадитъ меня въ монастырь, и проч. Мнѣ было донесено, что Шуваловы именно говорили обо всемъ этомъ. Кромѣ того, его обнадежили, что великій князь, въ знакъ своей милости, дастъ ему орденъ св. Анны. Посредствомъ такихъ доводовъ и приманокъ изъ этого слабаго и безхарактернаго человѣка извлекали какія угодно признанія, и онъ самъ простиралъ свое легкомысліе дальше, нежели отъ него требовалось, хотя иногда, какъ увидимъ ниже, съ нимъ бывали припадки раскаянія. Онъ старался всѣми средствами отдалять отъ меня великаго князя, который въ это время почти не переставалъ дуться на меня и снова связался съ графиней Елизаветой Воронцовой.

Къ веснѣ этого года разнесся слухъ, что принцъ саксонскій Карлъ, сынъ польскаго короля Августа III, пріѣдетъ въ Петербургъ. Это было вовсе непріятно великому князю по разнымъ причинамъ: во-первыхъ, онъ боялся, что пріѣздъ принца стѣснитъ его, а онъ не любилъ ни малѣйшаго обстоятельства, которое могло разстроить заведенный имъ образъ жизни; во-вторыхъ, саксонскій домъ находился на сторонѣ враговъ прусскаго короля; въ-третьихъ, великій князь могъ опасаться невыгоднаго для себя сравненія съ принцемъ Карломъ, хотя такое опасеніе означало бы великую скромность, потому что принцъ Карлъ самъ по себѣ былъ человѣкъ ничтожный и необразованный; кромѣ охоты и танцевъ, онъ ничего не зналъ, и я

сама слышала отъ него, что онъ во всю жизнь не бралъ книгъ въ руки, исключая молитвенниковъ, которые ему давала королева, мать его, большая ханжа. Онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Петербургъ 5-го апрѣля этого года. Его принимали съ большою церемоніею, великолѣпіемъ и блескомъ; свита его была очень многочисленна; его сопровождало много саксонцевъ и поляковъ, въ томъ числѣ Любомірскій, Потоцкій, Ржевусскій, котораго называли прекраснымъ, два князя Сулковскіе, графъ Сапѣга, графъ Браницкій, впослѣдствіи славный генералъ, графъ Энзидель и множество другихъ, именъ которыхъ я теперь не припомню. При немъ находился еще нѣкто Лахиналь, что-то въ родѣ гувернера; онъ руководилъ его поведеніемъ и завѣдывалъ его перепискою. Принца Карла помѣстили въ домѣ камергера Ивана Шувалова, только-что отстроенномъ. Хозяинъ украсилъ этотъ домъ, на сколько было у него вкуса, тѣмъ не менѣе домъ былъ безъ вкуса и довольно плохъ, хотя чрезвычайно роскошно убранъ. Въ немъ было много картинъ, но, большею частью, копій; одну комнату облекли чинаровымъ деревомъ, но такъ какъ чинара не казиста, то поверхъ ея навели глазурь, отчего комната сдѣлалась желтою; чтобы поправить дѣло и уничтожить скверный желтый цвѣтъ, ее покрыли очень тяжелою и богатою рѣзьбою, которую посеребрили. Снаружи этотъ домъ, хотя очень огромный, напоминалъ своими украшеніями манжеты изъ Алансонскихъ кружевъ, такъ много на немъ было разныхъ украшеній. Графъ Иванъ Чернышевъ назначенъ былъ состоять при саксонскомъ принцѣ, которому все содержаніе отпускалось отъ двора, и дана была дворцовая прислуга. Въ ночь передъ тѣмъ днемъ, какъ принцъ Карлъ посѣтилъ насъ, я почувствовала страшную колику съ такимъ поносомъ, что должна была слишкомъ тридцать разъ ходить на низъ. Сверхъ того, со мною сдѣлалась лихорадка; но, несмотря на все это, на утро я одѣлась и приготовилась принять принца Карла. Около двухъ часовъ послѣ обѣда его повели къ императрицѣ, а отъ нея привели ко мнѣ; великій князь долженъ былъ придти тотчасъ послѣ него. Для этого поставлены были у стѣны три кресла; на среднемъ сидѣла я, направо отъ меня великій князь, налѣво принцъ Карлъ. Мнѣ пришлось вести разговоръ, потому что его высочество не хотѣлъ вымолвить слова, а принцъ Карлъ былъ не разговорчивъ. Разговоръ продолжался съ полчетверти часа, послѣ чего принцъ Карлъ, наконецъ, всталъ и началъ представлять намъ свою огромную свиту; съ нимъ было, кажется, больше 20 человѣкъ, къ которымъ въ этотъ день присоединились посланники польскій и саксонскій, находившіеся при русскомъ дворѣ, и ихъ чиновники. Черезъ полчаса принцъ удалился, а я раздѣлась, легла въ постель и пролежала дня три или четыре въ сильной лихорадкѣ, послѣ кото-

рой я почувствовала признаки беременности. Въ исходѣ апрѣля мы отправились въ Ораніенбаумъ; но еще въ городѣ узнали, что принцъ Карлъ ѣдетъ волонтеромъ въ русскую армію. Передъ отъѣздомъ туда онъ отправился съ императрицею въ Петергофъ, гдѣ ему давали праздники. Но мы ни тамъ, ни въ городѣ не участвовали въ этихъ праздникахъ и проводили время въ своемъ обществѣ; принцъ Карлъ простился съ нами и уѣхалъ 4-го іюля.

Видя, что великій князь постоянно очень на меня сердится, чему я не находила другой причины, кромѣ той, что я не хотѣла знать ни Брокдорфа, ни графини Елизаветы Воронцовой, сдѣлавшейся снова любимою султаншею, я вздумала дать его императорскому высочеству праздникъ въ моемъ Ораніенбаумскомъ саду и тѣмъ, буде возможно, смягчить его гнѣвъ; я знала, что всякій праздникъ по душѣ великому князю. Вслѣдствіе этого, я приказала моему тогдашнему архитектору, итальянцу Антонію Ринальди, сдѣлать изъ дерева въ отдаленномъ мѣстѣ большую колесницу, такъ, чтобы на ней могъ помѣститься оркестръ въ шестьдесятъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Стихи я велѣла сочинить придворному поэту, итальянцу, а музыку капельмейстеру Арайѣ. Въ саду, въ большой аллеѣ, устроена была иллюминованная декорація съ занавѣсью; напротивъ разставлены столы для ужина. 11-го іюля къ вечеру его императорское высочество, все, что было жителей въ Ораніенбаумѣ, и множество пріѣхавшихъ изъ Кронштадта и Петербурга отправились въ садъ, который уже былъ иллюминованъ. Сѣли за ужинъ, и послѣ перваго блюда занавѣсь, закрывавшая большую аллею, поднялась; вдали показался подвижной оркестръ, который везли двадцать быковъ, убранныхъ гирляндами; а оркестръ окружали танцоры и танцовщицы, сколько я могла ихъ найти. Аллея была такъ ярко иллюминована, что можно было различать всѣ предметы. Когда оркестръ остановился, на небѣ, какъ будто нарочно надъ самою колесницею, показался мѣсяцъ. Это произвело необыкновенный эффектъ и очень удивило все общество; къ тому же погода стояла чудеснѣйшая. Всѣ вскочили изъ-за столовъ, чтобы ближе послушать симфонію и полюбоваться зрѣлищемъ. Какъ скоро симфонія кончилась, занавѣсь опустилась, всѣ усѣлись за столы, и послѣ втораго блюда послышались трубы и литавры, явился скоморохъ и началъ кричать: „милостивые государи и милостивыя государыни! пожалуйте ко мнѣ, въ моихъ лавочкахъ будетъ даровая лотерея". По обоимъ бокамъ декораціи поднялись небольшія занавѣси и открылись двѣ маленькія, ярко освѣщенныя лавочки, изъ которыхъ въ одной находился фарфоръ, а въ другой цвѣты, ленты, вѣера, гребенки, гарусъ, перчатки, портупеи и тому подобное тряпье, которое было все разобрано по билетамъ. Послѣ раздачи вещей всѣ отпра-

вились за дессертъ, и потомъ начались танцы, продолжавшіеся до 6 часовъ утра. На этотъ разъ никакая интрига и никакое недоброжелательство не омрачили моего праздника; его императорское высочество и всѣ посѣтители были въ восторгѣ, и то и дѣло хвалили великую княгиню и ея праздникъ; въ самомъ дѣлѣ я не пожалѣла издержекъ; вино находили отличнымъ, ужинъ вкуснѣйшимъ. Все было на мой собственный счетъ, такъ что я истратила отъ 10 до 15 тысячъ рублей, получая въ годъ всего 30 тысячъ. Но праздникъ этотъ могъ обойтись мнѣ еще дороже: въ самый день 17-го іюля я поѣхала въ кабріолетѣ съ Нарышкиною посмотрѣть, все ли сдѣлано, какъ слѣдуетъ; и когда выходила изъ кабріолета и уже встала на подножку, лошадь вдругъ дернула, и я упала на колѣни наземь; тогда шелъ четвертый или пятый мѣсяцъ моей беременности. Я не показала никакого виду, веселилась не меньше другихъ и ухаживала за моими гостями, но очень боялась выкинуть; однако, все обошлось благополучно, и я отдѣлалась однимъ страхомъ. Великій князь, всѣ его приближенные, всѣ его голштинцы и даже самые заклятые враги мои въ теченіе нѣсколькихъ дней не переставали восхвалять меня и мой праздникъ; не было ни друга, ни недруга, кто бы не получилъ отъ меня на память какого-нибудь тряпья; и такъ какъ въ этомъ праздникѣ или маскарадѣ участвовало множество народа изъ всѣхъ сословій и въ саду появилось множество женщинъ, которыя иначе никакъ не могли быть при дворѣ и въ моемъ присутствіи, то всѣ хвалились и показывали другъ другу мои подарки, въ сущности очень неважные. Я думаю, не было ни одной вещи, которая бы стоила болѣе ста рублей. Но эти вещи были получены отъ меня, и потому всѣ говорили другъ другу: это получено мною отъ ея императорскаго высочества великой княгини, она необыкновенно добра, она всѣхъ обдарила, она прелесть какъ мила, она глядѣла на меня такъ снисходительно, она улыбалась такъ прекрасно, она заставляла насъ танцовать, изволила угощать, гулять съ нами, отводила мѣста, у кого не было мѣстъ, сама все показывала всѣмъ и была необыкновенно весела; словомъ, во мнѣ открыли свойства, которыхъ прежде не знали за мною, и я обезоружила враговъ моихъ, что и было моей цѣлью. Впрочемъ, какъ мы увидимъ, это продолжалось не долго.

Послѣ этого праздника Левъ Нарышкинъ по-прежнему началъ ходить ко мнѣ. Однажды я застала его въ своемъ кабинетѣ; онъ разлегся на диванѣ и распѣвалъ какую-то пѣсню, въ которой не было человѣческаго смысла; видя такую невѣжливость, я тотчасъ вышла изъ кабинета, заперла за собою дверь и отправилась къ его невѣсткѣ, которой сказала, что непремѣнно слѣдуетъ достать порядочный пу-

чокъ крапивы, высѣчь этого человѣка за его сумасбродное поведеніе и выучить его уважать насъ. Нарышкина охотно согласилась, мы велѣли принести розогъ, обвязанныхъ крапивою, взяли съ собою одну изъ моихъ женщинъ, вдову Татьяну Юрьевну, и всѣ три пошли въ мой кабинетъ: Нарышкинъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ и во все горло распѣвалъ свою пѣсню. Увидавъ насъ, онъ хотѣлъ убѣжать; но мы успѣли настрекать ему руки, ноги и лицо, такъ что онъ дня два или три долженъ былъ оставаться въ своей комнатѣ, не смѣя даже никому сказывать, что случилось, потому что мы его увѣрили, что при малѣйшей его невѣжливости, при малѣйшей непріятности, которую онъ намъ сдѣлаетъ, мы возобновимъ наше наказаніе, такъ какъ иначе съ нимъ не было никакихъ средствъ. Мы все это дѣлали, какъ будто шутя и вовсе безъ злобы; но, тѣмъ не менѣе, проучили Нарышкина, по крайней мѣрѣ, онъ сдѣлался тише прежняго.

Въ августѣ мѣсяцѣ въ Ораніенбаумѣ мы узнали, что 14 числа происходило Цорндорфское сраженіе, самое кровопролитное во всемъ столѣтіи; съ обѣихъ сторонъ считали убитыми и раненными слишкомъ по 20 тысячъ человѣкъ; мы лишились множества офицеровъ, до 1.200 человѣкъ. Насъ извѣстили объ этомъ сраженіи, какъ о побѣдѣ, но шопотомъ передавалось извѣстіе, что потери съ обѣихъ сторонъ были одинаковы, что въ теченіе трехъ дней оба непріятельскія войска не смѣли приписывать себѣ побѣды, и что, наконецъ, на третій день король прусскій въ своемъ лагерѣ, а генералъ Ферморъ на полѣ битвы служили благодарственные молебны. Императрица и весь городъ были поражены скорбью, когда сдѣлались извѣстны подробности этого кроваваго дня; многіе лишились родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Долгое время только и было слуховъ, что о потеряхъ. Много генераловъ было убито, ранено, либо взято въ плѣнъ. Наконецъ, убѣдились въ неспособности генерала Фермора и въ томъ, что онъ вовсе человѣкъ не воинственный. Дворъ отозвалъ его, и на его мѣсто главнокомандующимъ русской арміей въ Пруссіи назначенъ былъ генералъ графъ Петръ Салтыковъ, котораго для этого вызвали изъ Украйны, гдѣ онъ стоялъ съ полками. До его пріѣзда начальство надъ арміею поручено было генералу Фролову-Багрѣеву, но съ секретнымъ предписаніемъ ничего не дѣлать безъ совѣта съ второстепенными генералами, графомъ Румянцовымъ и его зятемъ, княземъ Александромъ Голицынымъ. Румянцева обвиняли въ томъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи 10.000 человѣкъ и находясь недалеко отъ поля битвы, на высотахъ, куда къ нему долетали пушечные выстрѣлы, онъ могъ бы сдѣлать битву болѣе рѣшительною, если бы ударилъ въ тылъ прусской арміи въ то время, какъ она дралась съ нашею: графъ Румянцевъ этого не сдѣлалъ, и

когда зять его, князь Голицынъ, послѣ битвы пріѣхалъ къ нему въ лагерь, сталъ разсказывать ему о бывшемъ кровопролитіи, тотъ принялъ его очень дурно, наговорилъ ему разныхъ грубостей и послѣ этого не хотѣлъ съ нимъ знаться, называя трусомъ, чѣмъ князь Голицынъ вовсе не былъ; несмотря на побѣды Румянцева и на теперешнюю славу его, вся армія убѣждена, что онъ уступаетъ Голицыну въ храбрости.

Въ началѣ сентября императрица находилась въ Царскомъ Селѣ. Осьмаго числа, въ день Рождества Богородицы, она пошла изъ дворца пѣшкомъ къ обѣднѣ въ приходскую церковь, находящуюся въ двухъ шагахъ отъ воротъ, къ сѣверу. Только-что началась служба, она почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви, сошла по крыльцу, которое ведетъ наискось во дворецъ, и, дошедши до угла церкви, упала безъ чувствъ на траву. Ее обступила толпа народа, сошедшагося изъ окрестныхъ деревень на праздникъ, къ обѣднѣ. Когда она вышла изъ церкви, съ ней никого не было изъ свиты; извѣщенныя дамы и другіе ея приближенные тотчасъ прибѣжали на помощь и нашли императрицу безъ движенія и безъ сознанія посреди народа, который глядѣлъ на нее, не смѣя къ ней приблизиться. Она была велика ростомъ и тяжела, и упавши должна была сильно ушибиться. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ и послали за докторомъ и хирургомъ; послѣдній пришелъ напередъ и немедленно пустилъ ей кровь тутъ же на травѣ, посреди и на глазахъ всего народа, но она не приходила въ себя. Доктора долго ждали; онъ самъ былъ боленъ и не могъ ходить; принуждены были принести его на креслѣ. Это былъ Кондоиди, грекъ родомъ, а хирургъ — Фузадье, французскій эмигрантъ. Наконецъ, принесли изъ дворца ширму и кушетку, на которую положили императрицу; съ помощью разныхъ средствъ ее привели немного въ чувство; но, открывши глаза, она никого не узнала и едва внятнымъ голосомъ спросила, гдѣ она. Все это продолжалось слишкомъ два часа, по прошествіи которыхъ рѣшились перенести императрицу на кушеткѣ во дворецъ. Можно себѣ представить смущеніе, въ которомъ должны были находиться всѣ придворные. Гласность событія еще болѣе увеличивала его непріятность; до сихъ поръ скрывали нездоровье императрицы, теперь оно сдѣлалось всѣмъ извѣстно. На другой день, поутру, въ Ораніенбаумѣ, я получила отъ графа Понятовскаго записку, въ которой онъ извѣщалъ меня о подробностяхъ. Я тотчасъ пошла передать ихъ великому князю, который ничего не зналъ, потому что отъ насъ самымъ тщательнымъ образомъ скрывали вообще все, и въ особенности относившееся лично до императрицы. Обыкновенно только каждое воскресеніе, когда мы жили съ нею не въ одномъ мѣстѣ, одинъ изъ нашихъ кавалеровъ

отправлялся узнавать объ ея здоровьѣ. Мы сдѣлали это въ слѣдующее воскресеніе и узнали, что въ теченіе нѣсколькихъ дней императрица оставалась безъ свободнаго употребленія языка, и что до сихъ поръ еще она говоритъ не совсѣмъ внятно. Разсказывали, что въ обморокѣ она прикусила себѣ языкъ. Все это заставляло предполагать, что слабость ея была болѣе слѣдствіемъ конвульсій, нежели обморока. Въ исходѣ сентября мы возвратились въ городъ.

По причинѣ беременности я не выходила больше въ публику, ошибочно разсчитывая срокъ родинъ моихъ. Это было непріятно великому князю, потому что, когда я выходила, онъ могъ сказываться больнымъ и оставаться у себя въ комнатахъ. Такъ какъ императрица также появлялась рѣдко, то на мнѣ лежала обязанность хозяйничать на куртагахъ, придворныхъ праздникахъ и балахъ; въ случаѣ же моей болѣзни, чтобы кто-нибудь изъ насъ былъ въ публикѣ, заставляли выходить его императорское высочество. Такимъ образомъ, моя беременность не нравилась великому князю, и разъ, у себя въ комнатѣ, въ присутствіи Льва Нарышкина и многихъ другихъ, онъ вздумалъ сказать: „Богъ знаетъ, откуда моя жена беременѣетъ; я не знаю навѣрное, мой ли это ребенокъ, и долженъ ли я признавать его своимъ“. Левъ Нарышкинъ въ ту же минуту прибѣжалъ ко мнѣ и передалъ мнѣ этотъ отзывъ. Это, разумѣется, испугало меня; я сказала Нарышкину: „Вы не умѣли найтись; ступайте къ нему и потребуйте отъ него клятвы въ томъ, что онъ не спалъ со своею женою, и скажите, что какъ скоро онъ поклянется, вы тотчасъ пойдете донести о томъ Александру Шувалову, какъ начальнику тайной канцеляріи“. Левъ Нарышкинъ дѣйствительно пошелъ къ великому князю и потребовалъ отъ него этой клятвы, на что тотъ отвѣчалъ: „Убирайтесь къ чорту и не говорите мнѣ больше объ этомъ“. Слова великаго князя, произнесенныя съ такимъ безразсудствомъ, очень меня разсердили, и съ тѣхъ поръ я увидала, что мнѣ остаются на выборъ три равно опасные и трудные пути: первое—раздѣлить судьбу великаго князя, какая она ни будетъ, второе—находиться въ постоянной зависимости отъ него и ждать, что ему угодно будетъ сдѣлать со мною, третье—дѣйствовать такъ, чтобы не быть въ зависимости ни отъ какого событія. Сказать яснѣе, я должна была либо погибнуть съ нимъ, или отъ него, либо спасти самое себя, моихъ дѣтей и, можетъ быть, все государство отъ тѣхъ гибельныхъ опасностей, въ которыя, несомнѣнно, ввергли бы ихъ и меня нравственныя и физическія качества этого государя. Послѣдній путь казался мнѣ наиболѣе надежнымъ; поэтому я рѣшилась по-прежнему, сколько могла и умѣла, давать ему благіе совѣты, но не упорствовать, когда онъ имъ не слѣдовалъ, и не сердить его, какъ прежде; указывать ему его настоящія выгоды всякій

разъ, какъ представится къ тому случай, но въ остальное время хранить самое строгое молчаніе, и, съ другой стороны, соблюдать свои интересы по отношенію къ публикѣ, такъ чтобы сія послѣдняя видѣла во мнѣ спасительницу общественнаго блага.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, увѣдомилъ меня, что король польскій прислалъ графу Понятовскому отзывныя грамоты; графъ Бестужевъ имѣлъ по этому случаю горячую переписку съ графомъ Брюлемъ и саксонскимъ кабинетомъ, негодуя, зачѣмъ они, какъ прежде, не совѣтовались съ нимъ объ этомъ предметѣ. Онъ, наконецъ, узналъ, что все дѣло было устроено происками вице-канцлера графа Воронцова и Ивана Шувалова, которымъ помогалъ саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, Прассъ. Вообще этотъ Прассъ, къ удивленію, имѣлъ свѣдѣнія о многихъ предметахъ, о которыхъ, повидимому, ему вовсе неоткуда было узнавать; источникъ этихъ свѣдѣній открылся много лѣтъ спустя. Прассъ былъ тайнымъ и весьма скромнымъ любовникомъ жены вице-канцлера, графини Анны Карловны, урожденной Скавронской, которая и видалась съ нимъ у пріятельницы своей, Самариной, жены церемоніймейстера. Графъ Бестужевъ потребовалъ у Понятовскаго полученныя имъ отзывныя грамоты и отослалъ ихъ назадъ въ Саксонію подъ предлогомъ несоблюденія формальностей.

Въ ночь съ 8 на 9 декабря я начала чувствовать боли и приближеніе родовъ; я велѣла Владиславовой извѣстить о томъ великаго князя и графа А. Шувалова, чтобы онъ могъ доложить императрицѣ. Черезъ нѣсколько времени явился ко мнѣ въ комнату великій князь въ своемъ голштинскомъ мундирѣ, въ сапогахъ со шпорами, повязанный шарфомъ, и съ огромною шпагою на боку, однимъ словомъ, въ полномъ парадѣ. Было около половины третьяго ночи; удивленная его нарядомъ, я спросила, зачѣмъ онъ такъ изысканно одѣлся. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что истинные друзья познаются въ важныхъ случаяхъ жизни, что въ этомъ мундирѣ онъ готовъ исполнить долгъ свой, что долгъ голштинскаго офицера по присягѣ защищать герцогскій домъ отъ всѣхъ непріятелей, и что такъ какъ я нахожусь въ опасности, то онъ поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Можно было подумать, что онъ шутитъ, но ничуть не бывало, онъ говорилъ очень серьезно; я тотчасъ догадалась, что онъ пьянъ, и посовѣтовала ему идти спать, говоря, что придетъ императрица и разгнѣвается вдвойнѣ, когда увидитъ его пьянымъ и съ ногъ до головы въ голштинскомъ мундирѣ, котораго, какъ я знала, она не могла терпѣть. Я долго уговаривала его идти, и, наконецъ, съ помощію Владиславовой и бабушки, увѣрявшей, что я еще не такъ скоро рожу, успѣла его выпроводить. Когда онъ ушелъ, пришла императрица. Она спросила,

гдѣ великій князь; ей сказали, что онъ только-что вышелъ и придетъ назадъ. Такъ какъ боли мои утихли, и бабушка говорила, что остается еще нѣсколько часовъ до родинъ, то императрица удалилась въ свои покои, а я легла въ постель и заснула. На утро я встала по обыкновенію, чувствуя по временамъ боли и потомъ нѣсколько часовъ сряду оставаясь спокойною. Къ вечеру мнѣ захотѣлось ѣсть, и я велѣла принести себѣ ужинъ. Бабушка, сидѣвшая близко и видѣвшая, съ какою алчностью я ѣмъ, говорила: „кушайте, кушайте, этотъ ужинъ вамъ будетъ полезенъ". Дѣйствительно, окончивши ужинъ, я встала изъ-за стола, и въ ту самую минуту, какъ встала, со мною сдѣлалась такая боль, что я громко вскрикнула. Бабушка и Владиславова схватили меня подъ руки, уложили на родильную кровать и велѣли позвать великаго князя и императрицу... Только-что они вошли ко мнѣ въ комнату, какъ 9 декабря, между 10 и 11 часами вечера, я родила дочь. Я просила императрицу, чтобы она позволила назвать ребенка ея именемъ, но ей угодно было дать имя старшей сестры своей, герцогини голштинской, Анны Петровны, матери великаго князя. Сей послѣдній, повидимому, очень радовался рожденію этого дитяти, устраивалъ у себя въ комнатахъ большіе обѣды, велѣлъ праздновать это событіе въ Голштиніи и съ полнымъ самодовольствомъ принималъ всѣ поздравленія. На шестой день дочь мою крестили; императрица была крестною матерью и принесла мнѣ указъ кабинету съ пожалованіемъ мнѣ 60.000 рублей; столько же она приказала выдать и великому князю, что еще больше его обрадовало. Послѣ крестинъ начались праздники, на которыхъ, какъ говорили, было очень весело; но я ни одного изъ нихъ не видала, оставаясь въ своей постели одна одинехонька, рѣшительно безъ всякаго общества. Только-что я родила, императрица въ этотъ разъ, какъ и въ первый, унесла ребенка къ себѣ въ комнаты, и меня, подъ предлогомъ необходимаго мнѣ спокойствія, оставили безъ всякаго сожалѣнія совершенно одну: никто не приходилъ ко мнѣ въ комнаты, никто не спрашивалъ и не присылалъ спрашивать о моемъ здоровьѣ. Какъ и въ первый разъ, я очень огорчалась этимъ забвеніемъ; но теперь я приняла всѣ возможныя предосторожности противъ сквознаго вѣтра и неудобствъ помѣщенія; послѣ родовъ я не оставляла постели, и такъ какъ никто не смѣлъ приходить ко мнѣ, развѣ украдкою, то я рѣшилась помочь и этому горю. Кровать моя стояла почти по серединѣ довольно длинной комнаты; окна были съ правой стороны отъ кровати; незамѣтная дверь вела въ комнату съ гардеробомъ, которая была загромождена ширмами и сундуками и служила также переднею комнатою. Начиная отъ постели до этой двери я велѣла поставить огромныя ширмы, за которыми образовался чудес-

нѣйшій кабинетъ, какой можно себѣ вообразить, взявъ во вниманіе мѣстность и обстоятельства. Въ этомъ кабинетѣ у меня стоялъ диванъ, были зеркала, передвижные столы и нѣсколько стульевъ. Когда я задергивала занавѣски моей постели съ этого боку, то ничего не было видно; а, отдернувши ихъ, я видѣла кабинетъ мой и тѣхъ, кто въ немъ сидѣли. Приходившіе въ комнату видѣли только ширмы, и когда спрашивали, что у меня за ширмами, имъ отвѣчали, что тамъ стоитъ судно, которое, разумѣется, никто не любопытствовалъ видѣть; впрочемъ, и его можно было показать, не показывая кабинета, загороженнаго ширмами.

1 января 1759 г. придворные праздники заключились великолѣпнѣйшимъ фейерверкомъ, который сожженъ былъ между баломъ и ужиномъ. Я все еще считалась родильницей и не являлась ко двору. Передъ сожженіемъ фейерверка графъ Петръ Шуваловъ вздумалъ показать мнѣ планъ его; Владиславова сказала ему, что я сплю, и что она пойдетъ посмотрѣть, не проснулась ли я. Я не спала, но лежала въ постели, и у меня было мое обыкновенное маленькое общество, состоявшее изъ тѣхъ же лицъ, что и прежде: Нарышкиной, Сенявиной, Измайловой, графа Понятовскаго; сей послѣдній послѣ своего отзыва сказался больнымъ, но приходилъ ко мнѣ, а позванныя дамы довольно любили меня и предпочитали бесѣду со мною баламъ и праздникамъ. Владиславова не знала навѣрное, кто у меня, но по своей догадливости не сомнѣвалась, что кто-нибудь долженъ быть; я еще засвѣтло сказала ей, что отъ скуки раньше лягу спать, и потому она больше не приходила. Услыхавъ отъ графа Шувалова, что онъ желаетъ меня видѣть, она постучалась ко мнѣ въ дверь; я задернула занавѣски постели со стороны кабинета и отозвалась ей, что она можетъ войти. Она вошла и доложила о приходѣ графа П. Шувалова; я велѣла просить. Она пошла звать его; гости мои надрывались со смѣху въ ожиданіи этой забавной сцены и говорили, что Шуваловъ готовъ будетъ поклясться, что засталъ меня одну въ постели, между тѣмъ какъ однѣ занавѣски будутъ отдѣлять мою веселую компанію отъ этого важнаго лица, бывшаго въ то время придворнымъ оракуломъ и находившагося въ отличномъ довѣріи у императрицы. Наконецъ, онъ вошелъ и поднесъ мнѣ планъ своего фейерверка; онъ былъ тогда генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Я тотчасъ стала извиняться въ томъ, что заставила ждать его, и сказала, что только-что проснулась, и для этого нарочно протирала себѣ глаза. Я солгала, чтобы не выдать Владиславову. Послѣ этого я вела съ нимъ довольно продолжительный разговоръ, такъ что онъ даже самъ сталъ торопиться уйти, чтобы скорѣе начать фейерверкъ и не заставить

ждать императрицу. Я распростилась съ нимъ, и когда онъ ушелъ, я снова отдернула занавѣски. Гостямъ моимъ, послѣ долгаго хохота, захотѣлось пить и ѣсть, и я сказала имъ: „Будьте покойны, мы достанемъ то и другое; было бы очень несправедливо морить васъ голодомъ за вашу любезность ко мнѣ и за то, что вы пришли навѣстить меня". Я снова задернула занавѣски и позвонила. Вошла Владиславова, и я сказала ей, чтобы она велѣла принести мнѣ ужинъ, прибавивъ, что чувствую страшный аппетитъ, и что мнѣ надо, по крайней мѣрѣ, шесть кушаній. Когда ужинъ былъ готовъ, и его подали, я велѣла все пододвинуть къ моей постели и сказала лакею, чтобы онъ шелъ. Тогда гости мои вышли изъ-за ширмъ и, какъ голодные, принялись за ужинъ; веселость усиливала аппетитъ. Я не помню въ жизни другаго вечера, который бы прошелъ такъ весело и забавно. Когда всѣ наѣлись, я велѣла точно такъ же, какъ и прежде, унести остатки ужина. Должно быть, только лакеи нѣсколько были удивлены моимъ необыкновеннымъ аппетитомъ. При дворѣ оканчивался ужинъ, когда гости мои отправились по домамъ, очень довольные проведеннымъ вечеромъ. Графъ Понятовскій, уходя, обыкновенно надѣвалъ русскій парикъ и шинель, и когда часовые спрашивали, кто идетъ, онъ отвѣчалъ: музыкантъ великаго князя. Мы много смѣялись въ этотъ вечеръ надъ русскимъ парикомъ.

Въ этотъ разъ, по истеченіи шести недѣль, я брала молитву въ императрицыной церкви, въ присутствіи одного только графа А. Шувалова. Въ исходѣ масленицы, по окончаніи всѣхъ городскихъ праздниковъ, при дворѣ было три свадьбы. Графъ Александръ Строгановъ женился на графинѣ Аннѣ Воронцовой, дочери вице-канцлера; черезъ два дня потомъ Левъ Нарышкинъ на Закревской и въ тотъ же день графъ Бутурлинъ на графинѣ Маріи Воронцовой. Всѣ три дѣвицы были фрейлинами императрицы, и по случаю этихъ трехъ свадебъ гетманъ Разумовскій и датскій министръ, графъ Остенъ, держали пари, кто изъ троихъ молодыхъ супруговъ первый украсится рогами. Такимъ оказался графъ Строгановъ, хотя супруга его была всѣхъ хуже лицомъ и въ то время слыла невиннымъ ребенкомъ. День наканунѣ свадьбы Льва Нарышкина и графа Бутурлина былъ очень несчастнымъ днемъ. Съ давнихъ поръ ходили тайные слухи о томъ, что значеніе великаго канцлера, графа Бестужева, ослабѣваетъ, и что непріятели одолѣваютъ его. Онъ лишился друга своего, генерала Апраксина. Графъ Разумовскій старшій долгое время держалъ его сторону, но съ тѣхъ поръ, какъ Шуваловы окончательно вошли въ милость, онъ больше ни во что не вмѣшивался, и только изрѣдка, когда представлялся случай, ходатайствовалъ по неважнымъ дѣламъ за своихъ родственниковъ

и друзей. Шуваловы и М. Воронцовъ были подстрекаемы въ ненависти своей въ великому канцлеру послами австрійскимъ, графомъ Эстергази, и французскимъ, маркизомъ Лопиталемъ, который былъ увѣренъ, что графъ Бестужевъ болѣе склоненъ къ союзу Россіи съ Англіей, нежели съ Франціею. Австрійскій посолъ интриговалъ противъ графа Бестужева за то, что онъ настаивалъ, чтобы Россія, слѣдуя союзному трактату, высылала Маріи-Терезіи только вспомогательное войско, а не употребляла на войну противъ прусскаго короля всѣхъ силъ своихъ. Графъ Бестужевъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ патріотъ, и его трудно было водить за носъ, между тѣмъ какъ М. Воронцовъ и Иванъ Шуваловъ находились совершенно подъ вліяніемъ обоихъ пословъ. Недѣли за двѣ до паденія Бестужева, французскій посолъ, маркизъ Лопиталь, явился къ вице-канцлеру Воронцову съ депешею въ рукѣ и сказалъ ему: „Графъ, вотъ депеша, которую я получилъ отъ двора своего; въ ней сказано, что, если вы черезъ двѣ недѣли не заступите мѣсто великаго канцлера, то я долженъ обратиться къ нему и вести дѣла исключительно съ нимъ“. Воронцовъ разгорячился и отправился къ Ивану Шувалову, послѣ чего представили императрицѣ, будто вліяніе графа Бестужева омрачаетъ ея славу въ Европѣ. Императрица приказала въ тотъ же вечеръ собрать конференцію и позвать на нее великаго канцлера. Тотъ сказался больнымъ; тогда болѣзнь эту назвали неповиновеніемъ и послали сказать ему, чтобы онъ немедленно былъ. Бестужевъ явился, и въ полномъ собраніи конференціи его арестовали, лишили должностей, чиновъ и орденовъ, хотя рѣшительно никто не могъ сообразить, за какія вины постигаетъ такая немилость перваго государственнаго человѣка. Его отослали домой подъ присмотромъ заранѣе назначенной роты гвардейскихъ гренадеровъ, которые, проходя берегомъ Мойки, гдѣ находились дома графовъ Александра и Петра Шуваловыхъ, говорили между собой: „Ну, слава Богу, мы теперь возьмемъ этихъ проклятыхъ Шуваловыхъ; они только и дѣлаютъ, что выдумываютъ пошлины“; но, когда имъ велѣно было стеречь Бестужева, они говорили: „Это не онъ, это другіе обираютъ народъ“. Хотя графъ Бестужевъ былъ арестованъ въ самомъ дворцѣ и недалеко отъ флигеля, гдѣ мы жили, въ тотъ вечеръ мы ничего не узнали: до такой степени тщательно скрывали отъ насъ все происходившее. На утро, въ воскресенье, когда я проснулась, мнѣ принесли отъ Льва Нарышкина (который давно уже сдѣлался опять надеженъ) записку графа Понятовскаго. Записка эта начиналась слѣдующими словами: „Человѣкъ никогда не бываетъ лишенъ всѣхъ средствъ. Пользуюсь этимъ путемъ, чтобы увѣдомить васъ, что вчера вечеромъ графъ

Бестужевъ взять подъ стражу и лишенъ всѣхъ должностей и чиновъ; съ нимъ вмѣстѣ также вашъ брильянтщикъ Бернарди, Елагинъ и Ададуровъ". Эти строки ошеломили меня. Перечитавши ихъ, я сообразила, что мнѣ нѣтъ никакой возможности не быть замѣшанной въ это дѣло. Чтобы понять это, нужно слѣдующее объясненіе. Бернарди, довольно умный итальянецъ, торговалъ брильянтами и поэтому имѣлъ доступъ во всѣ дома. Я думаю, не было дома, который бы не задолжалъ ему, и которому бы онъ не оказалъ какую-либо небольшую услугу. Такъ какъ онъ безпрестанно бывалъ вездѣ, то на него возлагались иногда разныя порученія: записка, посланная черезъ Бернарди, всегда доходила вѣрнѣе и скорѣе, нежели черезъ лакеевъ. Такимъ образомъ, арестъ его встревожилъ весь городъ; онъ для всѣхъ исполнялъ коммиссіи, и для меня такъ же, какъ и для другихъ. Елагинъ былъ нѣкогда адъютантомъ у оберъ-егермейстера, графа Разумовскаго, въ то время, какъ тотъ держалъ у себя подъ опекою Бекетова, и остался домашнимъ у Разумовскихъ. Онъ былъ друженъ съ графомъ Понятовскимъ, вообще былъ человѣкъ честный и надежный; стоило однажды пріобрѣсти его расположеніе, чтобы больше не сомнѣваться въ немъ. Онъ всегда показывалъ усердіе и особенную привязанность ко мнѣ. Ададуровъ нѣкогда училъ меня русскому языку и съ тѣхъ поръ очень былъ привязанъ ко мнѣ. Я замолвила о немъ слово графу Бестужеву, который сначала не любилъ его за сношенія съ врагомъ его, княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, и лишь въ послѣдніе два-три года сталъ довѣряться ему. Когда я прочитала записку графа Понятовскаго и стала размышлять о ней, тысячи ощущеній, одно другаго непріятнѣе, наполнили мою душу. Словно съ кинжаломъ въ сердцѣ, я одѣлась и пошла къ обѣднѣ, гдѣ мнѣ показалось, что почти всѣ, кого я встрѣчала, ходили съ такими же длинными лицами, какъ и я. Никто во весь день ничего не говорилъ мнѣ, какъ будто не было извѣстно о случившемся. Я тоже хранила молчаніе. Великій князь никогда не любилъ графа Бестужева. Онъ мнѣ показался довольно веселъ въ этотъ день, но изъ его обращенія ничего не было видно, хотя онъ держался довольно далеко отъ меня. Вечеромъ надобно было идти на свадьбу. Я снова одѣлась и присутствовала на вѣнчаніи графа Бутурлина и Льва Нарышкина, на ужинѣ и на балѣ. Во время танцевъ я подошла къ маршалу свадьбы, князю Никитѣ Трубецкому, какъ будто посмотрѣть ленты на его маршальскомъ жезлѣ, и сказала ему вполголоса: „Что все это значитъ? Нашли ли вы больше преступленій, нежели преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, нежели преступленій?" На это

онъ мнѣ сказалъ: „Мы сдѣлали, что намъ было приказано, а преступленій еще ищутъ. До сихъ поръ поиски не удаются". Послѣ разговора съ нимъ я пошла разговаривать съ фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, который сказалъ мнѣ: „Бестужевъ арестованъ, но теперь мы ищемъ причины ареста". Такъ говорили два слѣдователя, назначенные императрицею по дѣлу Бестужева. Его арестовалъ графъ Александръ Шуваловъ. На этомъ балу я видѣла издали Штамбке и замѣтила, что онъ печаленъ и смущенъ. Императрица не присутствовала ни на одной изъ этихъ свадебъ, ни въ церкви, ни на пиру. На другой день пришелъ ко мнѣ Штамбке и сказалъ, что Бестужевъ прислалъ ему записку, въ которой поручалъ ему передать мнѣ, чтобъ я не тревожилась насчетъ того, что я знаю, и увѣдомлялъ, что успѣлъ бросить въ огонь, и что, когда его станутъ допрашивать, онъ сообщитъ ему обо всемъ тѣмъ же путемъ. Я спросила Штамбке, какой это путь, и узнала, что записку Бестужева доставилъ ему трубачъ—егерь графа, и что они условились на будущее время сноситься между собою, кладя записки въ назначенное мѣсто между кирпичами, недалеко отъ дома графа Бестужева. Я велѣла Штамбке, который самъ былъ, какъ мнѣ казалось, въ великомъ страхѣ, быть какъ можно осторожнѣе, чтобы эта опасная переписка не открылась. Тѣмъ не менѣе, онъ и графъ Понятовскій продолжали сноситься съ графомъ Бестужевымъ. Когда Штамбке ушелъ, я кликнула Владиславову и велѣла ей отправиться къ ея зятю Пуговошникову и отдать ему отъ меня записку, которую я ему написала въ слѣдующихъ словахъ: „Вамъ нечего бояться; все успѣли сжечь". Эти слова его успокоили; послѣ ареста Бестужева онъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Вотъ чего онъ долженъ былъ бояться за себя, и вотъ что успѣлъ сжечь графъ Бестужевъ. Болѣзненное состояніе императрицы и ея частыя конвульсіи заставляли всѣхъ думать о будущемъ. Графъ Бестужевъ, и по мѣсту своему, и по своимъ способностямъ, конечно, не менѣе другихъ долженъ былъ заботиться о томъ, что предстояло. Онъ зналъ, что великому князю съ давнихъ поръ внушено къ нему отвращеніе. Ему очень хорошо была извѣстна умственная слабость этого государя, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ престоловъ. Очень естественно было, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій другой, желалъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ перестала внимать внушеніямъ, которыя сначала отдаляли меня отъ него. Кромѣ того, въ личномъ отношеніи онъ, можетъ быть, считалъ меня единственнымъ существомъ, на которомъ, въ случаѣ смерти императрицы, могла быть основана надежда общества. Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ размышленій онъ

составилъ планъ, чтобы, какъ скоро императрица скончается, великій князь по праву былъ объявленъ императоромъ, но чтобы въ то же время мнѣ было предоставлено публичное участіе въ управленіи; всѣ лица должны были оставаться при своихъ мѣстахъ; Бестужевъ получалъ званіе подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и предсѣдательство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ: иностранной, военной и адмиралтейской. Такимъ образомъ, желанія его были чрезмѣрны. Онъ прислалъ мнѣ проектъ этого манифеста, писанный рукою Пуговошникова; но я, поговоривъ съ графомъ Понятовскимъ, чрезъ котораго манифестъ былъ мнѣ доставленъ, отвѣчала ему словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня и считаю, что ихъ очень трудно исполнить. Онъ писалъ и переписывалъ свой проектъ много разъ, перемѣнялъ его, распространялъ, сокращалъ и былъ, повидимому, имъ очень занятъ. Сказать по правдѣ, я смотрѣла на его проектъ почти какъ на бредни и какъ на приманку, посредствомъ которой этотъ старикъ хотѣлъ больше войти ко мнѣ въ довѣренность; но я не думала подлаваться, потому что считала проектъ этотъ вреднымъ для государства, долженствовавшаго терпѣть отъ малѣйшей ссоры между мною и не любившимъ меня мужемъ; но такъ какъ все это были еще одни предположенія, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику, котораго трудно было разубѣдить, когда онъ что-нибудь забиралъ себѣ въ голову. Этотъ-то проектъ онъ успѣлъ сжечь, о чемъ и увѣдомилъ тѣхъ, которые о немъ знали.

Между тѣмъ камердинеръ мой Шкуринъ сказалъ мнѣ, что капитанъ, приставленный сторожить графа Бестужева, его давнишній пріятель, у котораго онъ обѣдаетъ каждое воскресенье, когда уходитъ отъ двора. Я ему сказала, что если это такъ, и что если онъ можетъ разсчитывать на капитана, то чтобъ постарался узнать, не согласился ли онъ ослабить надзоръ надъ своимъ плѣнникомъ. Это тѣмъ болѣе было нужно, что графъ Бестужевъ своимъ путемъ увѣдомилъ Штамбке о необходимости извѣстить Бернарди, чтобы онъ на допросахъ говорилъ сущую правду, и въ то же время дать знать ему, о чемъ станутъ его допрашивать. Когда я узнала, что Шкуринъ охотно берется открыть доступъ къ графу Бестужеву, я сказала ему, чтобы онъ постарался также найти средства для сношенія съ Бернарди и похлопоталъ, нѣтъ ли возможности склонить къ тому сержанта или солдата, у котораго Бернарди находился подъ арестомъ. Въ тотъ же день вечеромъ Шкуринъ донесъ мнѣ, что Бернарди находился подъ арестомъ у гвардейскаго сержанта Колышкина, и что онъ завтра будетъ имѣть свиданіе съ симъ послѣднимъ. Къ пріятелю своему, капитану, сторожившему

графа Бестужева, Шкуринъ посылалъ спрашивать, можетъ ли онъ съ нимъ видѣться, и получилъ въ отвѣтъ, что, если хочетъ поговорить съ нимъ, то чтобъ приходилъ къ нему; но одинъ изъ его подначальныхъ, котораго Шкуринъ также зналъ, и который былъ его родственникъ, отсовѣтовалъ ему идти, сказавши, что капитанъ хвастался наединѣ, что, какъ скоро Шкуринъ придетъ, онъ его возьметъ подъ арестъ и тѣмъ выслужится передъ начальствомъ. Такимъ образомъ, Шкуринъ пересталъ посылать къ капитану, своему ложному другу. Зато Колышкинъ, съ которымъ я велѣла говорить отъ моего имени, передавалъ Бернарди все, что угодно, и оба они исполняли наши приказанія, тѣмъ болѣе, что должны были говорить сущую правду.

Черезъ нѣсколько дней, очень рано по утру, явился ко мнѣ въ комнату Штамбке, блѣдный и разстроенный, и сказалъ, что переписка его и графа Понятовскаго съ графомъ Бестужевымъ открыта, что маленькій трубачъ-егерь схваченъ, что, по всему вѣроятію, ихъ послѣднія письма попались въ руки сторожившимъ графа Бестужева людямъ, что онъ самъ каждую минуту ждетъ, если не ареста, такъ высылки, и что онъ пришелъ сказать мнѣ все это и проститься со мной. Получивъ такое извѣстіе, я, разумѣется, встревожилась. Я утѣшала его, какъ могла, и сказала ему, чтобъ онъ уходилъ, такъ какъ его посѣщеніе можетъ подать поводъ еще къ большимъ непріятностямъ для меня, и что отъ меня могутъ послѣ этого отворачиваться, какъ отъ лица, находящагося въ подозрѣніи у правительства. Тѣмъ не менѣе я была убѣждена, что относительно правительства я не заслуживала ни малѣйшаго упрека. Вообще, кромѣ Михаила Воронцова, Ивана Шувалова, двухъ пословъ, вѣнскаго и версальскаго, и тѣхъ людей, которые находились подъ ихъ вліяніемъ, всѣ въ Петербургѣ, большіе и малые, были увѣрены, что графъ Бестужевъ былъ невиненъ, что онъ управлялъ дѣлами, какъ слѣдуетъ, и не совершилъ никакого преступленія. Всѣмъ было извѣстно, что на другой день послѣ ареста г. Волкову, нѣкогда первому чиновнику у графа Бестужева, который въ 1755 г. спасся отъ него, и, побродивъ по лѣсамъ, снова появился, и въ настоящее время былъ первымъ секретаремъ конференціи, велѣно было въ комнатѣ Ивана Шувалова написать манифестъ и представить публикѣ причины, побудившія императрицу поступить такъ съ великимъ канцлеромъ. Волковъ и патроны его на этомъ тайномъ сходбищѣ ломали себѣ головы, отыскивая преступленій; наконецъ, придумали оскорбленіе величества, написали, будто Бестужевъ старался поселить несогласіе между ея императорскимъ величествомъ и ихъ императорскими высочествами, и хотѣли, на

другой же день послѣ ареста, безъ суда и разбора, сослать его въ одну изъ его деревень, лишивъ всего остальнаго имущества. Но другіе стали говорить, что это уже слишкомъ — ссылать человѣка безъ вины и суда, что, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ искать преступленій въ надеждѣ найти ихъ, и что если они не найдутся, то все-таки слѣдуетъ нарядить слѣдственную коммиссію надъ Бестужевымъ, лишеннымъ, неизвѣстно почему, должностей, чиновъ и орденовъ. Слѣдователи эти были, какъ я уже сказала, фельдмаршалъ Бутурлинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и генералъ графъ А. Шуваловъ; при нихъ секретаремъ—Волковъ. Господа слѣдователи прежде всего предписали, черезъ иностранную коллегію, всѣмъ посламъ, посланникамъ и уполномоченнымъ Россіи при иностранныхъ дворахъ прислать копіи съ депешъ, которыя они получали отъ графа Бестужева, съ тѣхъ поръ какъ онъ управлялъ дѣлами. Это было сдѣлано для того, чтобы отыскать въ депешахъ преступленій. Говорили, будто онъ писалъ, что хотѣлъ, и въ противность воли и приказаніямъ императрицы. Но такъ какъ ея величество ничего не писала и не подписывала, то трудно было дѣйствовать противъ ея приказаній; что же касается до личныхъ повелѣній, то императрица почти вовсе не давала ихъ великому канцлеру, который по цѣлымъ годамъ не имѣлъ даже случая ее видѣть; а личныя повелѣнія черезъ третье лицо, если разбирать строго, могли быть дурно поняты, дурно переданы и дурно исполнены. Но изъ всего этого ничего не вышло; никто изъ чиновниковъ не захотѣлъ дать себѣ труда перебирать свой архивъ за двадцать лѣтъ и снимать копіи для того, чтобы отыскивать въ нихъ преступленія противъ человѣка, по распоряженіямъ и инструкціямъ котораго они дѣйствовали, и, слѣдовательно, сами могли быть замѣшаны и донесли бы на самихъ себя. Кромѣ того, одна пересылка такихъ архивовъ должна была ввести казну въ значительныя издержки; а по привозѣ въ Петербургъ нужны были многіе годы и много терпѣливыхъ людей, чтобы отыскать и дорыться въ этихъ бумагахъ, чего въ нихъ, можетъ быть, вовсе не было. Такимъ образомъ, это предписаніе никогда не было исполнено, самое дѣло наскучило, и черезъ годъ было окончено обнародованіемъ манифеста, который начали сочинять на другой день послѣ взятія великаго канцлера подъ стражу.

Въ самый тотъ день, когда приходилъ ко мнѣ Штамбке, послѣ обѣда императрица велѣла сказать великому князю, чтобы онъ отослалъ его въ Голштинію, что его слѣдовало бы взять подъ арестъ, такъ какъ открыты его сношенія съ Бестужевымъ, но что въ качествѣ министра великаго князя ему дается свобода, съ тѣмъ,

однако, чтобы онъ немедленно ѣхалъ домой. Онъ былъ дѣйствительно высланъ, и съ его отъѣздомъ окончилось мое завѣдываніе голштинскими дѣлами. Великому князю было сказано, что императрицѣ непріятно мое вмѣшательство въ эти дѣла, да и онъ самъ былъ радъ отставить меня отъ нихъ. Я не помню, кого онъ взялъ на мѣсто Штамбке; кажется, какого-то Вольфа. Послѣ этого русское министерство формально потребовало отъ польскаго короля, чтобы графъ Понятовскій былъ отозванъ; въ бумагахъ Бестужева нашли его записку, и хотя она была самаго невиннаго содержанія, но все же была адресована къ такъ называемому государственному арестанту. Узнавши о высылкѣ Штамбке и о предстоявшемъ отъѣздѣ графа Понятовскаго, я не предвидѣла для себя ничего хорошаго и рѣшилась сдѣлать слѣдующее. Я крикнула камердинера моего Шкурина и приказала ему собрать всѣ мои счеты и всѣ до одной бумаги, какія найдутся въ моихъ вещахъ, и принести ихъ ко мнѣ. Онъ исполнилъ это приказаніе съ усердіемъ и точностью. Когда все было принесено ко мнѣ въ комнату, я его выслала.

Когда онъ ушелъ, я бросила всѣ эти тетради въ огонь, и какъ скоро онѣ запылали, я позвала опять Шкурина и сказала ему: „Смотри, будь свидѣтелемъ, что всѣ мои бумаги и счеты сожжены, и если когда-нибудь будутъ тебя спрашивать, гдѣ они, ты можешь поклясться, что видѣлъ, какъ я сама сожгла ихъ“. Онъ поблагодарилъ меня за мою заботливость о немъ и сказалъ мнѣ, что захваченныхъ людей стали сторожить совсѣмъ иначе противъ прежняго. Послѣ открытія переписки Штамбке съ графомъ Бестужевымъ стали строже слѣдить за симъ послѣднимъ и съ этою цѣлью взяли отъ Бернарди сержанта Колышкина и приставили его къ комнатѣ и особѣ бывшаго канцлера. Узнавъ о такомъ распоряженіи, Колышкинъ выпросилъ, чтобы ему дали нѣкоторыхъ изъ приверженныхъ къ нему солдатъ, которыхъ онъ имѣлъ, когда сторожилъ Бернарди. Такимъ образомъ, мы съ Шкуринымъ имѣли въ комнатѣ графа Бестужева умнаго и самаго надежнаго для насъ человѣка, сохраняя при томъ возможность сноситься съ Бернарди. Между тѣмъ слѣдствіе надъ графомъ Бестужевымъ продолжалось. Колышкинъ открылся ему въ своей преданности ко мнѣ и дѣйствительно оказалъ ему множество услугъ. Онъ наравнѣ со мною былъ вполнѣ увѣренъ въ невинности графа Бестужева и смотрѣлъ на него, какъ на жертву сильныхъ интригановъ; публика была тѣхъ же мыслей. Что касается до великаго князя, то я видѣла, что его запугали и натолковали ему, будто Штамбке съ моего вѣдома переписывался съ государственнымъ преступникомъ. Я замѣчала, что его императорское высочество почти не смѣлъ говорить со мною и избѣ-

галъ случая приходить ко мнѣ въ комнату, гдѣ я оставалась въ это время одна одинехонька, не видя души человѣческой. Я сама нарочно никого не приглашала къ себѣ, боясь подвергнуть посѣтителей какой-нибудь непріятности, или несчастію. То же самое при дворѣ, чтобы отъ меня не отворачивались, я нарочно не подходила къ тѣмъ, на кого могло пасть подозрѣніе.

VII.

Въ послѣдніе дни масляницы, на придворномъ театрѣ давали русскую комедію. Графъ Понятовскій просилъ меня придти на нее, потому что начали распространяться слухи, будто меня хотятъ выслать, будто не позволятъ мнѣ являться въ публику и тому подобное, и всякій разъ, какъ меня не было на спектаклѣ или при дворѣ, публика, можетъ быть, столько же изъ любопытства, сколько изъ участія ко мнѣ, принималась толковать, почему меня нѣтъ. Я узнала, что великій князь терпѣть не могъ русской комедіи, и даже сердился, когда его звали на нее; на этотъ разъ сверхъ отвращенія къ народной комедіи онъ имѣлъ еще другую причину и даже личный интересъ не желать, чтобы я на нее поѣхала: въ это время графиня Елизавета Воронцова еще не ходила къ нему, онъ видался и любезничалъ съ нею въ пріемной комнатѣ, гдѣ она обыкновенно сидѣла съ остальными фрейлинами; если бы я поѣхала на комедію, эти дѣвицы должны были сопровождать меня, и такимъ образомъ его императорскому высочеству нечего было дѣлать, какъ идти пить у себя въ комнатахъ. Но, давъ слово быть на комедіи, я не хотѣла обращать вниманія на это обстоятельство и послала сказать графу А. Шувалову, чтобы онъ велѣлъ приготовить мнѣ экипажъ, и что я хочу въ этотъ день съѣздить въ театръ. Графъ Шуваловъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что мое намѣреніе ѣхать въ комедію не нравится великому князю. Я отвѣчала, что, такъ какъ его величество обыкновенно проводитъ время безъ меня, то, кажется, ему все равно, останусь ли я одна въ своей комнатѣ, или проведу вечеръ въ театральной ложѣ. Онъ ушелъ съ этимъ отвѣтомъ, заморгавши глазомъ, какъ всегда дѣлалъ, когда его что-нибудь сильно занимало. Черезъ нѣсколько времени въ комнату ко мнѣ явился великій князь; онъ былъ въ страшномъ гнѣвѣ, кричалъ орломъ и говорилъ, что я нахожу удовольствіе въ томъ, чтобы бѣсить его, что я знаю, какъ онъ не любитъ этой комедіи, и для того нарочно вздумала смотрѣть ее. Я возразила ему,

что напрасно онъ ее не любитъ. Онъ кричалъ, что запретитъ давать мнѣ экипажъ. Я говорила, что пойду пѣшкомъ и что не понимаю, какая ему охота, чтобы я умирала со скуки, оставаясь одна въ своей комнатѣ, гдѣ все мое общество состояло изъ собаки и попугая. Послѣ долгаго спора и обоюдныхъ криковъ, онъ ушелъ, разгнѣвавшись больше, чѣмъ когда-либо; а я осталась съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать въ комедію, и когда пришло время собираться, послала спросить у графа Шувалова, готовы ли экипажи. Онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что великій князь запретилъ давать экипажи. Это меня раздражило. Я сказала, что пойду пѣшкомъ, и что если дамамъ и кавалерамъ запретятъ сопровождать меня, то отправлюсь одна, и, сверхъ того напишу письмо къ императрицѣ и пожалуюсь на великаго князя и на него. Что же вы напишете? спросилъ онъ. „Напишу", сказала я, „какъ со мною обращаются, и объявлю, что вы, въ угоду великому князю, устроиваете великому князю свиданія съ моими фрейлинами и потому за-одно съ нимъ не пускаете меня въ театръ, гдѣ я могу имѣть счастье видѣть ея императорское величество, сверхъ того—попрошу, чтобы меня отослали назадъ къ матушкѣ, потому что мнѣ надоѣла и опротивѣла роль, которую я играю; оставленная всѣми, одна въ своей комнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и вовсе не любимая императрицей, я, наконецъ, хочу успокоиться, хочу никому не быть въ тягость и не причинять несчастья тѣмъ, кто меня любитъ, и особливо моимъ бѣднымъ людямъ, которыхъ уже столько сослано, единственно потому, что я ихъ любила и дѣлала имъ добро. Итакъ знайте, о чемъ я напишу ея императорскому величеству; я посмотрю, какъ вы не понесете моего письма". Мой Шуваловъ испугался такой рѣшительной рѣчи и ушелъ; а я сѣла писать письмо къ императрицѣ и написала его по-русски, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла. Я начала съ того, что благодарила ее за всѣ ея милости и благодѣянія, оказанныя мнѣ съ пріѣзда моего въ Россію. По несчастью—продолжала я въ этомъ письмѣ—оказалось, что я не заслуживала этихъ милостей, потому что навлекла на себя ненависть великаго князя и явное неблагорасположеніе ея императорскаго величества; видя мое несчастье и оставаясь одна въ комнатѣ, гдѣ мнѣ не дозволяютъ самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятельно прошу положить конецъ моимъ несчастьямъ и отослать меня къ моимъ родственникамъ, какимъ найдутъ приличнѣе способомъ. Что касается до дѣтей моихъ, то, хотя я живу съ ними подъ одной кровлею, но вовсе не вижу ихъ, и потому для меня все равно, жить ли съ ними въ одномъ мѣстѣ или въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ нихъ; я знаю, что ея величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько бы мнѣ позволяли мои способности. Я осмѣ-

ливаюсь просить о продолженіи этихъ попеченій, и въ увѣренности, что просьба моя будетъ исполнена, проведу остатокъ дней у моихъ родственниковъ, моля Бога за ея величество, за великаго князя, дѣтей моихъ и всѣхъ тѣхъ, которые оказали мнѣ добро, или даже зло. Горе до такой степени разстроило мое здоровье, что я должна, наконецъ, позаботиться о немъ и, по крайней мѣрѣ, спасти жизнь свою, и вслѣдствіе всего этого я прошу ея величество дозволить мнѣ поѣхать на воды и оттуда къ моимъ родственникамъ. Написавъ это письмо, я велѣла позвать графа Шувалова. Онъ пришелъ и сказалъ, что экипажи, которые я спрашивала, готовы. Но я ему сказала, что онъ можетъ объявить дамамъ и кавалерамъ, не желающимъ ѣхать со мной въ комедію, что я ихъ увольняю отъ этого, и затѣмъ подала ему письмо къ императрицѣ. Взявъ письмо, онъ заморгалъ глазомъ; но такъ какъ оно было адресовано къ ея императорскому величеству, то онъ не смѣлъ не доставить его. Онъ передалъ также слова мои дамамъ и кавалерамъ, и великій князь самъ назначилъ, кому ѣхать со мною, и кому остаться съ нимъ. Когда я проходила черезъ переднюю комнату, онъ сидѣлъ въ углу съ графиней Воронцовой и игралъ съ нею въ карты. Увидавъ меня, они оба встали, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ. Я, въ свою очередь, тоже отдала низкій поклонъ и пошла своею дорогою. Я отправилась въ комедію, гдѣ на этотъ разъ императрицы не было; думаю, ей помѣшало письмо мое. Когда я возвратилась изъ комедіи, гр. Шуваловъ сказалъ мнѣ, что ея величество сама поговоритъ со мною. По всему вѣроятію, онъ передалъ и великому князю о моемъ письмѣ и объ отвѣтѣ императрицы; потому что его высочество, хотя съ этого дня не ступалъ ко мнѣ ногою, однако, принималъ всевозможныя мѣры, чтобы присутствовать при разговорѣ, который я буду имѣть съ императрицею, въ чемъ, разумѣется, ему трудно было отказать. Между тѣмъ я оставалась у себя въ комнатѣ и спокойно ожидала, чѣмъ все это кончится. Я была вполнѣ убѣждена, что если дѣйствительно хотѣли меня выслать или напугать только, то письмо мое должно было окончательно уничтожить это намѣреніе Шуваловыхъ, которому бы, впрочемъ, воспротивилась бы и сама императрица, не любившая прибѣгать къ подобнаго рода гласнымъ мѣрамъ, кромѣ того, помнившая семейные раздоры императорскаго дома и, конечно, не желавшая, чтобы они возобновились при ней. Противъ меня было только одно обстоятельство: именно, что племянникъ ея не казался мнѣ человѣкомъ, котораго бы можно было любить, точно такъ же, какъ и я не казалась ему женщиной, достойной любви. На счетъ племянника своего она была одинаковыхъ со мной мыслей; она очень хорошо знала его и уже съ давнихъ поръ не могла провести съ нимъ нигдѣ четверти часа

безъ огорченія, гнѣва или даже отвращенія къ нему. У себя въ комнатѣ, когда заходила о немъ рѣчь, она обыкновенно заливалась слезами и жаловалась, что Богъ далъ ей такого наслѣдника, либо отзывалась о немъ съ совершеннымъ презрѣніемъ и нерѣдко давала ему прозвища, которыя онъ вполнѣ заслуживалъ. У меня на это есть прямыя доказательства; въ ея бумагахъ найдены двѣ записки, писанныя ея рукою навѣрно, не знаю къ кому; одна, кажется, къ Ивану Шувалову, а другая къ графу Разумовскому: въ этихъ запискахъ она проклинаетъ племянника и посылаетъ его къ чорту. Въ одной есть такое выраженіе: „Проклятый мой племянникъ мнѣ досадилъ какъ нельзя больше“; въ другой она пишетъ: „племянникъ мой уродъ—чортъ его возьми.“ Впрочемъ, мое намѣреніе было рѣшительно: оставаться ли, ѣхать ли, я смотрѣла на судьбу свою съ философской точки зрѣнія; каково бы ни было положеніе, въ которое бы Провидѣнію угодно было меня поставить, я все-таки не лишилась бы ума и таланта, данныхъ каждому человѣку по его естественнымъ способностямъ; я готова была и на возвышеніе, и на униженіе, и чувствовала въ себѣ достаточно бодрости, чтобы не измѣниться ни душою, ни сердцемъ, возвыситъ ли судьба моя меня или унизитъ. Я знала, что я человѣкъ, слѣдовательно, существо ограниченное, и потому самому неспособное къ совершенству; но мои намѣренія всегда были чисты и честны. Хотя я съ самаго начала поняла, какъ трудно, почти невозможно, любить мужа, который былъ вовсе не любезенъ и нисколько не старался быть таковымъ; тѣмъ не менѣе я соблюдала его интересы и оказывала ему привязанность, самую искреннюю, какую другъ или даже слуга можетъ оказывать своему другу или господину; совѣты мои были самые лучшіе, какіе я могла придумать для его блага; если онъ имъ не слѣдовалъ, то это не моя, а его вина. Что же дѣлать, если онъ лишенъ былъ разсудка и здраваго смысла? По пріѣздѣ моемъ въ Россію и въ первые годы нашего брака, если бы человѣкъ этотъ захотѣлъ хотя сколько-нибудь быть сноснымъ, сердце бы мое было отверсто ему. Но я видѣла, что изъ всѣхъ возможныхъ предметовъ онъ обращалъ на меня наименьшее вниманіе, именно потому, что я была его женою; очень естественно, что такое положеніе мнѣ не понравилось, что оно мнѣ надоѣдало и, можетъ быть, огорчало меня. Сіе послѣднее чувство, чувство горести, я старалась подавлять въ себѣ несравненно болѣе другихъ: моя природная гордость, естественный закалъ души моей дѣлали для меня невыносимою мысль быть несчастною. Я говорила самой себѣ: счастье и несчастье въ сердцѣ и въ душѣ каждаго человѣка; если ты чувствуешь несчастье, стань выше его и дѣйствуй такъ, чтобы твое счастье не зависѣло ни отъ какого событія. Я родилась съ такимъ расположеніемъ души; я получила отъ

природы великую чувствительность и наружность, если не прекрасную, то во всякомъ случаѣ привлекательную; я нравилась съ перваго раза и не употребляла для этого никакого искусства и прикрасъ. Душа моя отъ природы была до такой степени общительна, что всегда стоило кому-нибудь пробыть со мной четверть часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободнымъ и вести со мной разговоръ, какъ будто мы съ давнихъ поръ были знакомы. По природной снисходительности моей, я внушала къ себѣ довѣріе тѣмъ, кто имѣлъ со мною дѣло, потому что всѣмъ было извѣстно, что для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ дѣйствовать съ доброжелательствомъ и самою строгою честностью. Смѣю сказать (если только позволительно такъ выразиться о самой себѣ), что я походила на рыцаря свободы и законности. Я имѣла скорѣе мужскую, чѣмъ женскую душу; но въ этомъ ничего не было отталкивающаго потому, что съ умомъ и характеромъ мужчины соединялась во мнѣ привлекательность весьма любезной женщины. Да простятъ мнѣ эти слова и выраженія моего самолюбія; я употребляю ихъ, считая ихъ истинными и не желая прикрываться ложною скромностью. Впрочемъ, мое сочиненіе это должно показать, правду ли я говорю о моемъ умѣ, сердцѣ и характерѣ. Я сказала о томъ, что я нравилась; стало быть, половина искушенія заключалась уже въ этомъ самомъ; вторая половина въ подобныхъ случаяхъ естественно слѣдуетъ изъ самаго существа человѣческой природы; потому что идти на искушеніе и подвергнуться ему—очень близко одно отъ другаго. Хотя въ головѣ запечатлѣны самыя лучшія правила нравственности, какъ скоро примѣшивается и является чувствительность, то непремѣнно очутишься неизмѣримо дальше, нежели думаешь. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю до сихъ поръ, какъ можно предовратить это. Можетъ быть, скажутъ, что есть одно средство—избѣгать; но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, гдѣ избѣгать невозможно; въ самомъ дѣлѣ, куда бѣжать, гдѣ найти убѣжище, какъ отворачиваться посреди двора, который перетолковываетъ малѣйшій поступокъ. И такъ, если вы не бѣжите, то по-моему нѣтъ ничего труднѣе, какъ уклониться отъ того, что вамъ существенно нравится. Повѣрьте, все, что вамъ будутъ говорить противъ этого, есть лицемѣріе и основано на незнаніи человѣческаго сердца. Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; онъ не можетъ по произволу сжимать его въ кулакѣ и потомъ опять давать свободу.

Возвращаюсь къ своему разсказу. На другой день послѣ комедіи, я сказалась больной и не выходила больше, дожидаясь спокойно, какое рѣшеніе послѣдуетъ на покорнѣйшую просьбу, которую я подала ея величеству; но на первой недѣлѣ великаго поста я сочла нужнымъ говѣть, дабы показать тѣмъ мою приверженность къ пра-

вославной греческой вѣрѣ. На второй или на третьей недѣлѣ я имѣла новую непріятность. Однажды по утру, только-что я встала, какъ люди мои сказали мнѣ, что Владиславова позвана къ графу Александру Шувалову. Это мнѣ показалось довольно страннымъ; я съ безпокойствомъ ждала ее, но напрасно. Около часу по полудни пришелъ графъ Александръ Шуваловъ и объявилъ мнѣ, что императрица нашла нужнымъ взять у меня Владиславову. Я залилась слезами и сказала ему: „Конечно, ея императорское величество вольна отнимать отъ меня и назначать ко мнѣ кого ей угодно; но мнѣ горько все болѣе и болѣе видѣть, что всѣ тѣ, которые были ко мнѣ приближены, становились жертвами немилости ея величества; поэтому, чтобы не дѣлать людей несчастными, я прошу и убѣждаю васъ попросить императрицу, чтобы меня поскорѣе отпустила къ моимъ родственникамъ и тѣмъ положила бы конецъ моему настоящему положенію, въ которомъ я становлюсь причиною несчастья для другихъ“. Я сказала ему еще, что отъ Влидиславовой они рѣшительно ничего не могутъ вывѣдать, потому что я не довѣрялась ни ей, ни кому другому. Шуваловъ хотѣлъ говорить, но, видя мое рыданье, онъ принялся также плакать и сказалъ, что императраца сама поговоритъ со мною объ этомъ. Я просила его, чтобы онъ постарался ускорить это свиданіе, что̀ онъ и обѣщалъ. Тогда я пошла къ моимъ людямъ, объявила имъ о случившемся и сказала, что если на мѣсто Владиславовой ко мнѣ назначатъ какую-нибудь госпожу, которая будетъ мнѣ не по сердцу, то я рѣшилась обращаться съ нею какъ можно хуже, даже просто буду колотить ее. Я просила ихъ, чтобы они пересказали всѣмъ и каждому, дабы тѣ, которыхъ будутъ назначать ко мнѣ, не слишкомъ торопились принимать это мѣсто. „Я стала терпѣть“—прибавила я—„и вижу, что кроткимъ и снисходительнымъ обращеніемъ ничего не возьмешь—себѣ же самой выходитъ худо; поэтому я рѣшилась совершенно перемѣнить образъ дѣйствій“. Люди мои не замедлили пустить слова мои въ ходъ, какъ я этого желала.

Вечеромъ этого дня, послѣ многихъ слезъ, я оставалась, какъ всегда, одна у себя въ спальнѣ, физически и нравственно разстроенная, и прохаживалась по комнатѣ вдоль и поперекъ. Вдругъ вошла ко мнѣ одна изъ моихъ камерфрау, Катерина Ивановна Шарагородская. Она была въ слезахъ и съ большимъ чувствомъ сказала мнѣ: „Мы всѣ боимся, чтобы вы не занемогли отъ горести; позвольте мнѣ сходить сегодня къ дядѣ моему, вашему и императрицыному духовнику; я поговорю съ нимъ и передамъ ему все, что вы прикажете; увѣряю васъ, что онъ можетъ склонить императрицу въ вашу пользу“. Видя ея доброе сердце, я все дочиста разсказала ей, какъ о моемъ письмѣ къ императрицѣ, такъ и обо всемъ остальномъ. Она отправи-

лась къ дядѣ, переговорила съ нимъ, расположила его ко мнѣ, и около 11-ти часовъ пришла назадъ передать, что дядя ея совѣтуетъ мнѣ ночью сказаться больною; попросить исповѣди и для этого потребовать его къ себѣ, чтобы онъ могъ отъ меня лично услышать, о чемъ говорить ему съ императрицей. Эта мысль мнѣ очень понравилась; я обѣщалась привести ее въ исполненіе и велѣла Шарагородской идти, сказавъ, что весьма благодарна ей и ея дядѣ за расположеніе, которое они мнѣ оказывали. Около двухъ или трехъ часовъ ночи я позвонила и сказала вошедшей женщинѣ, что чувствую себя чрезвычайно дурно и хочу исповѣдываться. Но вмѣсто духовника прибѣжалъ ко мнѣ графъ Александръ Шуваловъ; слабымъ и прерывающимся голосомъ я повторила ему мою просьбу позвать духовника. Онъ послалъ за докторами; но я имъ сказала, что мнѣ нужна духовная помощь, и что я умираю. Одинъ изъ докторовъ пощупалъ у меня пульсъ и нашелъ его слабымъ; но я не переставала говорить, что душа моя въ опасности, и что тѣлу больше не нужно никакихъ лѣкарствъ. Наконецъ, духовникъ пришелъ, и насъ оставили однихъ. Я его посадила возлѣ моей постели, и мы разговаривали слишкомъ полтора часа. Я передала ему прошедшее и настоящее положеніе дѣлъ, поведеніе великаго князя относительно меня и мое же отношеніе къ его императорскому высочеству, злобу Шуваловыхъ, безпрестанныя ссылки и отставки многихъ моихъ людей, и именно тѣхъ, которые были наиболѣе ко мнѣ привязаны; потомъ, какъ Шуваловы вселяютъ ея императорскому величеству ненависть ко мнѣ, и, наконецъ, до чего дошли дѣла въ настоящее время, и что заставили меня писать къ императрицѣ письмо съ просьбой о позволеніи мнѣ уѣхать. Я просила его, чтобы онъ похлопоталъ о скорѣйшемъ отвѣтѣ на мою просьбу. Я нашла его въ самомъ лучшемъ ко мнѣ расположеніи и увидѣла, что онъ не такъ глупъ, какъ о немъ говорили. Онъ сказалъ мнѣ, что письмо мое производило и будетъ производить желаемое дѣйствіе, что я должна настоятельно требовать о моемъ увольненіи, и что меня навѣрно не отпустятъ, потому, что невозможно будетъ оправдать этого удаленія въ глазахъ общества, принимавшаго во мнѣ участіе. Онъ соглашался, что со мной поступали жестоко, что императрица, взявъ меня на свое попеченіе въ очень нѣжномъ возрастѣ, не должна была оставлять меня въ жертву моимъ непріятелямъ; что скорѣе слѣдовало бы удалить моихъ соперниковъ, и прежде всего Елизавету Воронцову, и смотрѣть построже за своими любимцами, которые сдѣлались піявицами народа; что Шуваловы ежедневно изобрѣтаютъ новыя пошлины и своимъ поведеніемъ производятъ всеобщій ропотъ, чему свидѣтельствомъ служитъ участь графа Бестужева, въ невинности котораго всѣ убѣждены. Въ заключеніе этого разго-

вора, онъ сказалъ мнѣ, что прямо пройдетъ въ комнаты къ императрицѣ, и какъ скоро она проснется, поговоритъ съ нею и убѣдитъ ее скорѣе повидаться со мной, какъ она обѣщала, что это свиданіе будетъ рѣшительнымъ, и что мнѣ лучше покамѣстъ оставаться въ постелѣ. Онъ обѣщалъ сказать императрицѣ, что я могу умереть отъ печали и горести, если не будетъ мнѣ подана скорая помощь и какимъ бы то ни было образомъ не разсѣютъ меня и не перемѣнятъ моего уединеннаго образа жизни. Онъ сдержалъ слово и такими живыми чертами изобразилъ мое состояніе, что императрица позвала графа А. Шувалова и велѣла ему узнать, могу ли я придти къ ней въ слѣдующую ночь. Когда Шуваловъ спросилъ меня объ этомъ, я сказала ему, что для этого я готова собраться съ послѣдними силами. Къ вечеру я встала съ постели; Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что послѣ полуночи онъ придетъ за мною и поведетъ меня въ покои къ ея величеству. Между тѣмъ, духовникъ черезъ племянницу свою увѣдомилъ меня, что дѣло приняло довольно хорошій оборотъ, и что императрица въ тотъ же вечеръ будетъ говорить со мною. Около 10-ти часовъ я одѣлась, легла въ платьѣ на кушетку и заснула. Было около половины втораго, когда А. Шуваловъ пришелъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ, что императрица меня спрашиваетъ. Я встала и пошла за нимъ. Въ переднихъ комнатахъ мы никого не встрѣтили, но когда подходили къ галлереѣ, изъ противоположной двери вышелъ великій князь и пошелъ такъ же, какъ и я, въ комнаты къ ея величеству. Я его не видала съ самаго того дня, какъ ѣздила въ комедію; даже когда я сказалась умирающею, онъ не приходилъ спрашивать о моемъ положеніи. Послѣ мнѣ сказывали, что въ этотъ самый день онъ обѣщалъ Елизаветѣ Воронцовой жениться на ней, если я умру, и что оба они радовались моей болѣзни.

Пришедши, наконецъ, въ комнату ея величества, я нашла тамъ великаго князя. Какъ скоро императрица появилась, я упала къ ней въ ноги и со слезами настоятельно просила отпустить меня домой. Императрица хотѣла поднять меня, но я осталась на колѣняхъ. Она мнѣ показалась болѣе огорченной, чѣмъ разгнѣванною. „Какъ же мнѣ отпустить тебя?—сказала она со слезами на глазахъ;—вспомни, что у тебя есть дѣти“. На это я отвѣчала: „Дѣти мои у васъ на рукахъ и имъ нигдѣ не можетъ быть лучше, я надѣюсь, что вы ихъ не покинете“. Тогда она сказала: „Что же сказать обществу, по какой причинѣ я тебя удалила?“ Я возразила: „Ваше императорское величество объявите, если найдете приличнымъ, чѣмъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя“. Императрица сказала: „А чѣмъ же ты будешь жить у своихъ родственниковъ?“ Я отвѣчала: „Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, когда не имѣла чести быть здѣсь“.

На это она мнѣ сказала: „Твоя мать въ бѣгахъ; она принуждена была удалиться изъ дому и отправилась въ Парижъ“. Я отвѣчала, что знаю объ этомъ, и что король прусскій преслѣдуетъ ее за излишнюю приверженность къ русскимъ интересамъ. Тутъ императрица во второй разъ приказала мнѣ встать, и я повиновалась. Она задумалась и отошла отъ меня въ сторону. Мы находились въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатахъ всего были она, великій князь, А. Шуваловъ и я; насупротивъ оконъ позади дивана висѣли густыя занавѣски. Я съ самаго начала догадалась, что за этими занавѣсками стоитъ Иванъ Шуваловъ и, можетъ быть, двоюродный братъ его графъ Петръ. Послѣ мнѣ сказывали, что я въ половину угадала, и что Иванъ Шуваловъ былъ тамъ дѣйствительно. Я отошла къ столу съ туалетомъ, ближайшему къ дверямъ, въ которыя мы вошли, и замѣтила въ ложбинкѣ туалета свернутыя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: „Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я о тебѣ плакала, когда ты была при смерти больна по пріѣздѣ твоемъ въ Россію; еслибъ я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя“. Я поняла, что императрица хотѣла мнѣ дать знать этимъ, что я напрасно говорю, будто я у нея въ немилости. Въ отвѣтъ на то, я поблагодарила ея величество за всѣ милости и благодѣянія, которыя она мнѣ послѣ и тогда оказывала, прибавивъ, что воспоминанія о нихъ никогда не изгладятся изъ моей памяти, и что я всегда буду считать величайшимъ несчастіемъ въ моей жизни то, что навлекла на себя ея немилость. Тогда она еще ближе подошла ко мнѣ и сказала: „Ты чрезвычайно горда; вспомни, какъ однажды въ Лѣтнемъ дворцѣ я подошла къ тебѣ и спросила, не болитъ ли у тебя шея, потому что я видѣла, что ты мнѣ едва поклонилась; ты не захотѣла мнѣ поклониться, какъ слѣдуетъ, изъ гордости“. „Боже мой, воскликнула я, неужели ваше величество думаете, что мнѣ когда-нибудь могло придти въ голову гордиться передъ вами? Клянусь вамъ, что я никогда даже не подозрѣвала, чтобъ этотъ вопросъ, который вы мнѣ сдѣлали четыре года тому назадъ, могъ имѣть подобное значеніе“. На это она мнѣ сказала: „Ты воображаешь, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка умнѣе тебя“. „Если бы я такъ думала,—отвѣчала я,—то настоящее положеніе мое и самый разговоръ этотъ, кажется, должны вывести меня изъ подобнаго самообольщенія; потому что я по глупости моей до сихъ поръ не умѣла понять того, что ваше величество изволили сказать мнѣ четыре года тому назадъ“. Между тѣмъ, какъ императрица говорила со мною, великій князь шептался съ графомъ Шуваловымъ. Она замѣтила это и пошла къ нимъ; они оба стояли почти въ серединѣ комнаты. Я не могла хорошенько разслы-

шать ихъ разговора, они говорили довольно тихо, а комната была велика; наконецъ, я услышала, какъ великій князь, возвысивши голосъ, сказалъ: „Она чрезвычайно зла и черезчуръ о себѣ много думаетъ“. Такъ какъ это касалось до меня, то я обратилась къ великому князю и сказала ему: „Если вы говорите это обо мнѣ, то я очень рада случаю сказать вамъ въ присутствіи ея императорскаго величества, что я дѣйствительно зла противъ тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и дѣйствительно стала высокомѣрна, потому что ласковымъ обращеніемъ ничего не добилась, а только навлекла на себя вашу непріязнь“. Тогда великій князь сталъ говорить императрицѣ: „Ваше величество сами видите изъ словъ ея, какъ она зла“. Но императрица была неизмѣримо умнѣе великаго князя, и на нее слова мои произвели совершенно другое впечатлѣніе. Я видѣла ясно, что хотя ей присовѣтовали, или можетъ быть сама она намѣревалась дать мнѣ строгій выговоръ, но чѣмъ дальше шелъ этотъ разговоръ, тѣмъ больше она смягчалась, вопреки собственной волѣ и намѣренію. Тѣмъ не менѣе она выслушала замѣчаніе великаго князя и сказала ему: „О, ты не знаешь, что она мнѣ разсказывала о твоихъ совѣтчикахъ и о Брокдорфѣ по дѣлу того человѣка, котораго ты велѣлъ арестовать“. Это должно было показаться великому князю формальною измѣною съ моей стороны. Онъ вовсе не зналъ о моемъ разговорѣ съ императрицею въ Лѣтнемъ Дворцѣ и о томъ, что я жаловалась императрицѣ на его Брокдорфа, который сдѣлался для него такъ дорогъ и милъ. Это значило еще болѣе раздражить его противъ меня, можетъ быть, разссорить насъ окончательно, безъ возможности примиренія, и навсегда лишить меня его довѣренности. Поэтому слова императрицы поразили меня чрезвычайно; то, что я передала ей и считала долгомъ своимъ передать для блага ея племянника, то самое она употребила теперь, какъ оружіе противъ меня. Удивленный такимъ признаніемъ, великій князь сказалъ: Вотъ этого анекдота я не зналъ; онъ очень хорошъ и доказываетъ ея злость. Я думала про себя: Богъ знаетъ, чью злость онъ доказываетъ. Отъ Брокдорфа ея величество сдѣлала рѣзкій переходъ къ сношеніямъ между Штамбке и гр. Бестужевымъ, и сказала мнѣ: любопытно знать, чѣмъ извинить его за эти сношенія съ государственнымъ арестантомъ. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ мое имя не было замѣшано, и императрица о немъ вовсе не упоминала, то я не говорила ни слова, показывая тѣмъ, что слова ея вовсе не относятся ко мнѣ. Затѣмъ она подошла ко мнѣ и сказала: „ты мѣшаешься во многія дѣла, которыя до тебя не касаются; я не смѣла этого дѣлать во время императрицы Анны. Какъ, напримѣръ, осмѣлилась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?“ Я отвѣчала: „Я... никогда

мнѣ не приходило въ голову посылать ему приказанія". „Какъ ты можешь запираться въ перепискѣ съ нимъ — возразила она — твои письма вотъ тамъ на туалетѣ (она мнѣ показала на нихъ пальцемъ). Тебѣ запрещено писать". Тогда я сказала ей: „Правда, я писала безъ позволенія, и прошу за то простить меня; но такъ какъ письма мои здѣсь, то изъ этихъ трехъ писемъ ваше величество можете увидѣть, что я никогда не посылала ему приказаній, но въ одномъ письмѣ передавала ему, что говорятъ объ его поступкахъ". Тутъ она перервала меня и сказала: „зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?"—„Затѣмъ—отвѣчала я очень просто—что я принимала въ немъ участіе и очень любила его. Я просила его исполнить ваши приказанія. Въ двухъ остальныхъ письмахъ, въ одномъ я поздравляла его съ рожденіемъ сына, а въ другомъ съ новымъ годомъ". На это она замѣтила: „Бестужевъ говоритъ, что было много еще писемъ". Я отвѣчала: „Если Бестужевъ говоритъ это, онъ лжетъ". „Хорошо же, сказала она, такъ какъ онъ обличаетъ тебя, то я велю пытать его". Она думала напугать меня этимъ. Но я отвѣчала ей, что по самодержавной власти своей она можетъ дѣлать все, что найдетъ нужнымъ, но что я все-таки писала къ Апраксину только три письма. Она замолчала и, повидимому стала снова собираться съ мыслями. Я передаю замѣчательнѣйшія мѣста этого разговора, оставшіяся въ моей памяти; всего передать невозможно, такъ какъ разговоръ продолжался, по крайней мѣрѣ, полтора часа. Императрица прохаживалась по комнатѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ своему племяннику, и чаще всего къ графу А. Шувалову, съ которымъ великій князь постоянно заводилъ разговоръ, какъ скоро императрица начинала говорить со мной. Я сказала выше уже, что въ ея величествѣ замѣтно было болѣе озабоченности, нежели гнѣва; что касается до великаго князя, то всѣ слова его во время этого разговора проникнуты были желчью непріязни и даже негодованія на меня; онъ старался всѣми способами возстановить противъ меня ея величество, но какъ способы эти были нелѣпы и вообще онъ показывалъ больше страстности, нежели здраваго сужденія, то это ему не удалось. Императрица по уму своему и проницательности брала мою сторону. Съ особеннымъ вниманіемъ и съ нѣкоторымъ невольнымъ одобреніемъ выслушивала она мои твердые и умѣренные отвѣты великому князю, который безпрестанно заносился и почти явно говорилъ, что ему хочется очистить мое мѣсто, если можно посадить на него тогдашнюю свою метрессу. Хотя императрица могла не согласиться на это, да и сами Шуваловы, по всему вѣроятію, не захотѣли бы очутиться подъ властью Воронцовыхъ; но его высочество никакъ не въ состояніи былъ сообразить этого; онъ всегда считалъ возможнымъ то, чего ему хотѣлось, и забравши себѣ что-нибудь въ голову,

не хотѣлъ знать никакихъ противорѣчій. Наконецъ, онъ довелъ дѣло до того, что императрица подошла ко мнѣ и сказала вполголоса: „у меня много еще о чемъ говорить съ тобою, но теперь я не могу, потому что не хочу, чтобъ вы еще больше разссорились". Глазами и головой она мнѣ показала, что не хочетъ больше говорить при другихъ. За такой знакъ доброжелательства въ моемъ критическомъ положеніи я почувствовала къ ней живѣйшую благодарность и отвѣчала тоже почти шепотомъ: „Я также не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы открыть вамъ мою душу и мое сердце". Я замѣтила, что слова эти произвели на нее благопріятное для меня впечатлѣніе. У нея выступили на глаза слезы, и чтобы скрыть это и до какой степени она растрогана, она велѣла намъ идти къ себѣ, отозвавшись, что очень поздно. Въ самомъ дѣлѣ было уже около трехъ часовъ ночи. Великій князь вышелъ первый, я за нимъ; въ ту минуту, какъ гр. Шуваловъ затворялъ за мною дверь, императрица позвала его, и онъ остался съ нею. Великій князь всегда ходилъ большими шагами; на этотъ разъ я не старалась догонять его; онъ ушелъ въ свои комнаты, я также пошла къ себѣ. Я раздѣвалась, чтобы лечь спать, какъ въ дверь, въ которую я вошла, кто-то постучался. Я окликнула и услышала голосъ графа Шувалова, который просилъ, чтобъ я впустила его, что я и сдѣлала. Онъ сказалъ, чтобы я выслала женщинъ моихъ, и когда онѣ вышли, объявилъ, что императрица призывала его къ себѣ и, поговоривъ съ нимъ нѣсколько времени, поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и сказать, чтобы я не огорчалась, и что она будетъ имѣть со мною разговоръ наединѣ. Я отдала графу Шувалову низкій поклонъ и велѣла передать ея величеству мое глубочайшее почтеніе и благодарность за ея милости, которыя возвращаютъ меня къ жизни, прибавивъ, что буду съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидать этого втораго разговора, и прося, чтобы онъ, Шуваловъ, постарался ускорить его. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я рѣшительно не говорила никому о томъ, а особливо великому князю, который, къ сожалѣнію ея величества, очень раздраженъ противъ меня. Я обѣщала ему это. Я думала: но если жалѣютъ о томъ, то зачѣмъ было еще больше раздражать, передавая ему разговоръ въ Лѣтнемъ Дворцѣ и мои отзывы о людяхъ, которые его губятъ. Тѣмъ не менѣе я была очень довольна, что императрица, сверхъ всякаго чаянія, снова сдѣлалась милостива и довѣрчива ко мнѣ. На другой день я сказала племянницѣ духовника, чтобы она поблагодарила своего дядю и передала ему, что онъ мнѣ оказалъ важную услугу, устроивъ этотъ разговоръ. Возвратившись отъ дяди, она сообщила мнѣ отзывъ императрицы, услышанный отъ дяди: ея величество сказала, что племянникъ ея дуракъ, но что великая княгиня очень умна. Я слышала и

отъ другихъ, что императрица между приближенными своими безпрестанно хвалила мои способности, прибавляя: она любитъ истину и справедливость, это очень умная женщина, а племянникъ мой дуракъ.

Подъ предлогомъ нездоровья я продолжала оставаться у себя въ комнатѣ. Помню, что тогда я читала, съ картою на столѣ, исторію путешествій, первыя пять частей—чтеніе полезное и занимательное Когда я уставала читать, то перелистывала первые томы Энциклопедіи и между тѣмъ ожидала дня, когда императрицѣ угодно будетъ позвать меня на второй разговоръ. Отъ времени до времени я напоминала Шувалову, что съ нетерпѣніемъ жду, когда, наконецъ, рѣшится моя участь. Что касается до великаго князя, то я съ нимъ не имѣла вовсе сношеній; слышала только, что онъ ждетъ не дождется минуты, когда меня отошлютъ, и что онъ навѣрное разсчитываетъ вступить во второй бракъ и жениться на графинѣ Елизаветѣ Воронцовой, которая уже ходила къ нему въ комнаты и разыгрывала роль хозяйки. Но дядя ея, вицеканцлеръ, который былъ лицемѣръ, узнавши о положеніи дѣлъ отъ брата своего, или скорѣе отъ своихъ племянниковъ, которые въ то время были дѣтьми (старшему всего 20 лѣтъ или около того), по всему вѣроятію, испугался потерять только-что усилившееся довѣріе къ нему императрицы и взялся отговорить меня, чтобы я не просила о своемъ удаленіи. Вотъ какъ было дѣло.

Въ одно прекрасное утро докладываютъ мнѣ, что графъ М. Воронцовъ желаетъ говорить со мной отъ имени императрицы. Меня очень удивила эта чрезвычайная депутація и хотя я была еще не одѣта, но велѣла просить вицеканцлера. Онъ началъ съ того, что, поцѣловалъ у меня руку и пожавъ ее съ большимъ чувствомъ, послѣ чего отеръ нѣсколько слезинокъ, появившихся у него на глазахъ. Я въ то время была нѣсколько предубѣждена противъ него и потому не давала большой вѣры этому предварительному изъявленію его расположенія ко мнѣ, считая все это пустяками. Я просила его сѣсть. У него была небольшая одышка, происходившая отъ того, что у него было нѣчто въ родѣ зоба. Онъ сѣлъ и сказалъ, что императрица поручила ему переговорить со мною и убѣдить меня, чтобы я не настаивала на своемъ отъѣздѣ, что даже ея величество приказала ему просить меня отъ ея имени выбросить изъ головы это намѣреніе, на которое она никогда не согласится, что онъ лично проситъ и заклинаетъ меня, чтобъ я дала слово больше никогда не говорить о томъ, что это намѣреніе мое чрезвычайно огорчаетъ императрицу и всѣхъ честныхъ людей, въ числѣ которыхъ, какъ увѣрялъ онъ, находился и онъ. Я отвѣчала ему, что я готова сдѣлать охотно все угодное императрицѣ и честнымъ людямъ, но что

я почитаю жизнь свою и здоровье въ опасности отъ образа жизни, который заставляютъ вести меня, что для меня невыносимо дѣлать людей несчастными, что у меня безпрестанно отнимаютъ и ссылаютъ моихъ приближенныхъ, что великій князь, который и безъ того не любилъ меня, теперь возстановленъ противъ меня даже до ненависти; что ея величество также почти постоянно оказывала знаки своей немилости; что, будучи всѣмъ въ тягость, я просила позволенія уѣхать и дать мнѣ свободу, такъ какъ иначе я могу умереть отъ скуки и горя. Онъ сталъ говорить мнѣ о моихъ дѣтяхъ. Я сказала ему на это, что я ихъ не вижу, что дочь мою я не видала съ тѣхъ поръ, какъ брала молитву, и не могу ее увидѣть безъ особеннаго разрѣшенія императрицы, которая помѣстила дѣтей моихъ за двѣ комнаты отъ себя; что хотя мнѣ хорошо извѣстны ея попеченія о нихъ, но такъ какъ я лишена утѣшенія видѣть ихъ, то мнѣ все равно, жить ли отъ нихъ въ ста шагахъ или въ ста верстахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что императрица будетъ имѣть со мной второй разговоръ, и прибавилъ, что очень бы желательно было, чтобы ея императорское величество сблизилась со мной. Въ отвѣтъ на это я просила ускорить этотъ второй разговоръ, и сказала, что съ моей стороны употреблю всѣ мѣры къ исполненію желанія его на счетъ нашего сближенія. Онъ оставался у меня болѣе часа, говорилъ долго и много о разныхъ вещахъ. Я замѣтила, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ кредитъ, въ его рѣчахъ и въ обращеніи произошла перемѣна противъ прежняго; онъ уже говорилъ нѣсколько свысока, между тѣмъ, какъ прежде терялся въ толпѣ и былъ недоволенъ императрицею, ходомъ дѣлъ и тѣми лицами, которыя пользовались довѣріемъ и милостью ея величества. Однажды при дворѣ императрица очень долго разговаривала съ австрійскимъ посланникомъ, между тѣмъ, какъ онъ, я и всѣ остальные не смѣли садиться и умирали отъ скуки. „Хотите держать пари—сказалъ онъ тогда мнѣ—что она говоритъ однѣ пошлости?“— „Что вы это?“ отвѣчала я съ усмѣшкой. На это онъ сказалъ мнѣ по-русски слѣдующія характеристическія слова: Она съ природы... Наконецъ онъ ушелъ отъ меня, увѣряя въ своемъ усердіи, и на прощаніе снова поцѣловалъ у меня руку.

Такимъ образомъ, я могла быть увѣрена, что меня не вышлютъ, потому что меня просили даже не поминать о томъ; но я сочла нужнымъ по-прежнему не выходить изъ своей комнаты и показывать видъ, что жду рѣшенія своей участи отъ втораго разговора съ императрицею. Долго ждала я этого разговора. Помню, что 21 апрѣля, въ день моего рожденія, я не выходила; императрица во время обѣда прислала А. Шувалова сказать мнѣ, что пьетъ за мое здоровье. Я велѣла благодарить ее за то, что она вспомнила обо мнѣ въ этотъ

день, какъ я выразилась, моего несчастнаго рожденія, который я готова бы была проклясть, если бы въ этотъ же день не получила Св. крещенія. Великій князь, узнавъ, что императрица посылала поздравить меня, вздумалъ, съ своей стороны, отрядить такое же посольство. Когда мнѣ доложили о томъ, я встала и очень низкимъ поклономъ воздала мою благодарность. Послѣ праздника моего рожденія и императрицыной коронаціи, которыя приходились черезъ три дня одинъ послѣ другаго, я все еще продолжала оставаться въ своей комнатѣ: но графъ Понятовскій довелъ до меня, что французскій послъ, маркизъ Лопиталь очень расхваливаетъ мое твердое поведеніе и говоритъ, что такая рѣшимость не выходить изъ комнаты должна послужить мнѣ въ пользу. Я разсудила, что похвала въ устахъ врага всегда вѣроломна, и вздумала нарочно сдѣлать противное; и въ одно воскресеніе, когда никто не ожидалъ меня, одѣлась и вышла изъ моихъ внутреннихъ покоевъ. Надо было видѣть удивленіе и внезапность, которыя я произвела, вошедши въ ту комнату, гдѣ сидѣли дамы и кавалеры. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня пришелъ великій князь; я видѣла изумленіе на лицѣ его. Я въ эту минуту разговаривала съ обществомъ; онъ вмѣшивался въ разговоръ и иногда обращался ко мнѣ; я отвѣчала ему съ достоинствомъ.

Въ это время во второй разъ пріѣхалъ въ Петербургъ саксонскій принцъ Карлъ. Въ первый разъ великій князь принималъ его довольно вѣжливо, но теперь считалъ себя въ правѣ не обращать на него никакого вниманія, и вотъ почему. Въ русской арміи было извѣстно, что во время Цорндорфскаго сраженія принцъ Карлъ одинъ изъ первыхъ обратился въ бѣгство и, какъ говорили, до такой степени простеръ свою трусость, что счелъ себя безопаснымъ только въ Ландбергѣ. Услыхавши объ этомъ, великій князь рѣшился не говорить съ нимъ и не имѣть никакого сношенія, какъ съ отъявленнымъ негодяемъ. Этому, по всему вѣроятію, не мало способствовала дочь Бирона, принцесса Курляндская, о которой я часто имѣла случай поминать: отецъ ея по-прежнему содержался въ Ярославлѣ; а между тѣмъ ходили тайные слухи о томъ, что принца Карла хотятъ сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ; она возстановляла противъ него великаго князя, надъ которымъ сохраняла нѣкоторую долю вліянія. Эта принцесса въ то время была въ третій разъ помолвлена за барона Александра Черкасова, за котораго дѣйствительно и вышла въ слѣдующую зиму.

Наконецъ, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда въ деревню, гр. А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ отъ имени императрицы, что послѣ обѣда я должна просить черезъ него позволенія повидать дѣтей моихъ, и что по выходѣ отъ нихъ я буду имѣть столь давно обѣщанное свиданіе съ ея величествомъ. Исполняя приказаніе, я, въ

присутствіи многихъ, сказала гр. А. Шувалову, чтобъ онъ спросилъ мнѣ у ея величества позволенія сходить къ дѣтямъ. Онъ пошелъ и, воротившись, сказалъ мнѣ, что я могу пойти къ нимъ въ три часа. Я отправилась минута въ минуту и оставалась у дѣтей до тѣхъ поръ, пока гр. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что я могу видѣть ея величество. Я пошла и застала ее совершенно одну; но этотъ разъ въ комнатѣ не было никакихъ занавѣсокъ, и, слѣдовательно, мы могли говорить съ ней свободно. Я начала съ того, что поблагодарила ее за это свиданіе, прибавивъ, что одно обѣщаніе о немъ, которое она изволила милостиво дать мнѣ, возвратило меня къ жизни. Послѣ этого она мнѣ сказала: я хочу, чтобы ты мнѣ говорила правду обо всемъ, о чемъ я буду тебя спрашивать. Я отвѣчала увѣреніями, что она услышитъ отъ меня одну сущую правду и сказала, что ничего такъ не желаю, какъ открыть ей мое сердце безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять начала спрашивать, дѣйствительно ли я писала къ Апраксину только три письма. Я поклялась ей въ этомъ, потому что въ самомъ дѣлѣ это было такъ. Тогда она стала разспрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя...

— —

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо Екатерины II къ Понятовскому.

Петръ III совершенно потерялъ разсудокъ, котораго у него и безъ того было немного; онъ шелъ напроломъ, хотѣлъ распустить гвардію, вывести ее за городъ и замѣстить голштинцами, хотѣлъ ввести иное вѣроисповѣданіе, жениться на Елизаветѣ Воронцовой, а со мной развестись и засадить меня въ тюрьму.

Въ день празднованія мира съ прусскимъ королемъ, онъ оскорбилъ меня публично за обѣдомъ, а вечеромъ приказалъ меня арестовать. Мой дядя, принцъ Георгій, заставилъ его отмѣнить этотъ приказъ. Только съ этого дня я обратила вниманіе на предложенія, съ которыми ко мнѣ приступали со смерти императрицы Елизаветы.

Планъ состоялъ въ томъ, чтобъ захватить Петра III въ его комнатѣ и арестовать, какъ нѣкогда была арестована принцесса Анна и дѣти. Онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. За нимъ слѣдовало множество ротныхъ командировъ гвардейскихъ полковъ. Тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ. Остенъ помнитъ, какъ старшій изъ нихъ

слѣдовалъ за мной повсюду и дѣлалъ тысячу нелѣпостей; его страсть была всѣмъ извѣстна, онъ дѣйствовалъ, побуждаемый ею.

Орловы—люди рѣшительные и, служа въ гвардіи, очень любимы солдатами. Я имъ много обязана, что подтвердить весь Петербургъ. Умы гвардейцевъ были приготовлены и уже въ заговорѣ было отъ тридцати до сорока офицеровъ и около десяти тысячъ рядовыхъ. Въ этомъ числѣ не нашлось ни одного измѣнника въ продолженіе трехъ недѣль; было четыре отдѣльныхъ партій, ихъ начальники были приглашены для осуществленія плана, а настоящая тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ. Панинъ хотѣлъ, чтобы провозгласили моего сына, но они ни за что на это не согласились.

Я была въ Петергофѣ, Петръ III жилъ и пьянствовалъ въ Ораніенбаумѣ.

Сговорились, что въ случаѣ измѣны не будутъ ждать его возвращенія, а соберутъ гвардію и провозгласятъ меня. Ихъ преданность ко мнѣ дѣлала то, что бы могла сдѣлать измѣна. Распространился слухъ двадцать седьмаго, что я арестована. Солдаты взволновались, одинъ изъ нашихъ офицеровъ ихъ успокоилъ. Одинъ солдатъ является къ поручику Пассеку, начальнику одной изъ партій, и говоритъ, что я навѣрное исчезла. Онъ удостовѣрилъ его, что онъ имѣетъ извѣстіе обо мнѣ. Испуганный за меня солдатъ пошелъ къ другому офицеру и сказалъ ему то же, но послѣдній не былъ въ заговорѣ, слышавши, что офицеръ отпустилъ солдата не арестовавши его, испугался и пошелъ къ майору; тотъ велѣлъ арестовать Пассека и послалъ ночью рапортъ въ Ораніенбаумъ: и вотъ весь полкъ пришелъ въ волненіе, и испугъ распространился между заговорщиками. Они рѣшили сперва послать ко мнѣ втораго брата Орлова, а другіе два брата отправились объявить вездѣ, что я уже пріѣхала. Гетманъ, Волконскій и Панинъ были посвящены въ секретъ.

Я была почти одна въ Петергофѣ, окруженная только женщинами, составлявшими мою прислугу, повидимому, всѣми позабытая. Однакожъ, я была въ сильномъ безпокойствѣ, потому что я знала подробно все, что дѣлалось за и противъ меня. Въ шесть часовъ утра 28-го, Алексѣй Орловъ входитъ въ мою комнату, будитъ меня и говоритъ съ величайшимъ спокойствіемъ: „пора вставать, все готово, чтобъ васъ провозгласить“. Я спросила у него подробности, онъ отвѣчалъ: „Пассекъ арестованъ“. Я не мѣшкала болѣе, наскоро одѣлась, не привела въ порядокъ своего туалета и поѣхала въ его экипажѣ. Другой офицеръ одѣтъ лакеемъ; третій прискакалъ мнѣ навстрѣчу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга. Въ пяти верстахъ отъ города я встрѣтила старшаго Орлова съ княземъ Барятинскимъ младшимъ. Послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ каретѣ, потому что мои ло-

шади были совершенно измучены. Мы остановились въ казармахъ Измайловскаго полка, тутъ было только двѣнадцать человѣкъ и барабанщикъ, который пробилъ тревогу. И вотъ солдаты собираются, цѣлуютъ мои ноги, руки, платье, называютъ меня ихъ спасительницей. Двое изъ нихъ ведутъ подъ руки священника съ крестомъ и начинаютъ мнѣ присягать. Когда это было кончено, меня попросили сѣсть въ карету. Попъ съ крестомъ шелъ впереди. Мы поѣхали въ Семеновскій полкъ; онъ вышелъ намъ навстрѣчу съ крикомъ: Ура! Мы поѣхали въ Казанскій соборъ, тутъ я вышла: Преображенскій полкъ пришелъ тоже съ крикомъ: Ура! говоря: „виноваты, что послѣдніе пришли, офицеры насъ не пускали, зато четверыхъ мы арестовали и привели въ доказательство нашего усердія: потому что мы тоже хотимъ, чего наши братья". Конная гвардія пришла послѣ, она была въ такомъ восторгѣ, какъ я еще не видывала, и кричала со слезами, что отечество освобождено. Эта сцена происходила между садомъ гетмана и Казанскимъ соборомъ. Конная гвардія была въ соборѣ, съ офицерами во главѣ. Такъ какъ я знала, какъ ненавидѣли моего дядю, принца Георга, въ полку, данномъ ему Петромъ III, я послала его просить, чтобъ онъ оставался дома, опасаясь за него. Не тутъ-то было: его полкъ отрядилъ уже къ нему нѣсколько человѣкъ, чтобъ его арестовать; его обокрали и даже поколотили. Я поѣхала въ новый Зимній дворецъ, гдѣ собрались Синодъ и Сенатъ.

Наскоро написали манифестъ и присягу. Я сошла внизъ и пѣшкомъ обошла войска; было болѣе четырнадцати тысячъ человѣкъ, гвардія и полевые полки. При моемъ появленіи со всѣхъ сторонъ раздавались радостные крики, повторяемые безчисленной толпой. Потомъ я поѣхала въ старый Зимній дворецъ, чтобъ принять необходимыя мѣры и покончить дѣло. Тамъ мы совѣщались и было рѣшено, что я во главѣ войскъ пойду въ Петергофъ, гдѣ Петръ III долженъ былъ обѣдать. По всѣмъ дорогамъ были разставлены часовые и каждую минуту намъ приводили языковъ. Я послала адмирала Талызина въ Кронштадтъ. Канцлеръ Воронцовъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы упрекнуть меня за мой отъѣздъ изъ Петергофа. Его привели въ церковь, чтобъ мнѣ присягнуть: въ этомъ состоялъ мой отвѣтъ. Потомъ пріѣхали тоже изъ Петергофа князь Трубецкой и графъ Александръ Шуваловъ; они хотѣли увѣриться въ расположеніи войскъ и убить меня. Ихъ тоже повели присягать безъ всякаго насилія.

Отправивши всѣхъ нашихъ курьеровъ и принявъ всѣ предосторожности, около десяти часовъ вечера, я одѣлась въ гвардейскій мундиръ—потому что я была уже провозглашена полковникомъ съ большимъ одушевленіемъ. Я поѣхала верхомъ, и мы оставили только

нѣсколько человѣкъ изъ каждаго полка для охраненія моего сына, который оставался въ городѣ.

Я отправилась во главѣ войскъ; мы ѣхали всю ночь до Петергофа. Когда мы доѣхали до малаго монастыря, вице-канцлеръ Голицынъ привезъ мнѣ очень любезное письмо отъ Петра III. Я забыла сказать, что при выѣздѣ изъ города, три солдата, посланные изъ Петергофа съ манифестомъ къ народу, подали мнѣ его, говоря: „На, вотъ что намъ поручилъ Петръ III, мы тебѣ его отдаемъ и очень рады, что имѣемъ случай соединиться съ нашими братьями". Послѣ перваго письма Петра III я получила другое, поданное Михайломъ Измайловымъ, онъ палъ мнѣ въ ноги и сказалъ: „Считаете ли вы меня за честнаго человѣка?" Я отвѣчала ему: „Да".—„Ну", сказалъ онъ: „счастье имѣть дѣло съ умными людьми; императоръ соглашается отказаться отъ престола; я вамъ его привезу послѣ его свободнаго отреченія; этимъ избавится отечество отъ междоусобной войны". Я ему безъ труда дала это порученіе, и онъ отправился.

Петръ III-й отказался отъ престола совершенно свободно въ Ораніенбаумѣ, окруженный тысячью пятьюстами голштинцевъ; онъ пріѣхалъ въ Петергофъ съ Елизаветой Воронцовой, Гудовичемъ и Михаиломъ Измайловымъ; для охраненія его особы я дала ему пять офицеровъ и нѣсколько солдатъ. Это случилось въ полдень 29-го іюня, въ Петровъ день. Пока приготовляли обѣдъ для всѣхъ, солдаты вообразили, что Петръ III-й былъ привезенъ фельдмаршаломъ, княземъ Трубецкимъ, и что онъ старался насъ помирить. И вотъ они поручаютъ всѣмъ, кого ни встрѣтятъ, между прочимъ, гетману, Орловымъ и другимъ узнать обо мнѣ, говоря, что уже три часа какъ они меня не видали, они поручили мнѣ сказать, „что они до смерти боятся, чтобъ старый плутъ Трубецкой не обманулъ меня, устраивая, говорили они, притворный миръ между твоимъ мужемъ и тобой, и чтобъ тебя и насъ не погубили"; это были ихъ собственныя слова. Я разговаривала съ Трубецкимъ и сказала ему: „Пожалуйста, садитесь въ карету, пока я пѣшкомъ обойду войска". Я ему разсказала все, что было: онъ уѣхалъ въ городъ совсѣмъ перепуганный, а меня приняли съ неслыханнымъ восторгомъ, послѣ чего я отправила низложеннаго императора подъ надзоромъ Алексѣя Орлова въ сопровожденіи четырехъ избранныхъ офицеровъ и отряда надежныхъ и смирныхъ солдатъ, въ уединенное, но очень пріятное мѣсто, называемое Ропшей, въ двадцати семи верстахъ отъ Петергофа, пока приготовляли приличныя комнаты въ Шлиссельбургѣ и заготовляли для него лошадей на почтовыхъ станціяхъ. Но Богъ рѣшилъ иначе: страхъ причинилъ ему поносъ, который продолжался три дня и остановился на четвертый. Онъ ужасно много пилъ въ этотъ день (онъ

имѣлъ все, что хотѣлъ, кромѣ свободы). Онъ, впрочемъ, просилъ у меня только свою любовницу, собаку, негра и скрипку; но, боясь пересудъ и броженія умовъ, я послала ему только три послѣднія вещи. Геморроидальная колика возобновилась опять съ воспаленіемъ въ мозгу; два дня онъ былъ въ этомъ положеніи, за которымъ послѣдовала чрезмѣрная слабость, и, несмотря на помощь докторовъ, онъ скончался, прося лютеранскаго священника. Я боялась, не отравили ли его офицеры, такъ онъ былъ ненавидимъ, и велѣла вскрыть тѣло, но не оказалось ни малѣйшаго слѣда яда: желудокъ его былъ совершенно здоровъ, но нашли воспаленіе въ кишкахъ; апоплексическій ударъ убилъ его; сердце его было чрезвычайно мало и поражено (fletri).

Послѣ его отъѣзда изъ Петергофа, мнѣ совѣтовали ѣхать прямо въ городъ; я предвидѣла, что войска взволнуются при такомъ извѣстіи, и велѣла распространить этотъ слухъ, подъ предлогомъ, что хочу знать, въ которомъ часу они будутъ готовы выступить. Послѣ трехъ дней устали, они назначили десять часовъ вечера: „Лишь бы,—прибавляли они,—она съ нами поѣхала". Я отправилась отдохнуть въ загородный домъ Куракина и бросилась на постель не раздѣваясь; офицеръ снялъ мои сапоги. Я спала два часа съ половиной, потомъ пустилась опять въ путь верхомъ; гусарскій полкъ шелъ впереди, потомъ мой эскортъ, составленный изъ конной гвардіи, потомъ непосредственно за мной весь мой дворъ; гвардейскіе полки по старшинству и три линейные полка. Я въѣхала въ городъ при громкихъ возгласахъ и такъ я доѣхала до Лѣтняго дворца, гдѣ меня ожидали: дворъ, Синодъ, мой сынъ и всѣ лица, бывшія при мнѣ. Я поѣхала къ обѣднѣ, потомъ служили молебенъ, потомъ стали меня поздравлять. Я съ пятницы вечера почти не ѣла, не пила, не спала. Я была очень рада, когда легла спать въ воскресенье вечеромъ.

Едва я заснула, какъ въ полночь ротный командиръ Пассекъ вошелъ въ мою комнату и разбудилъ меня этими словами: „Наши люди очень пьяны; какой-то гусаръ въ такомъ же видѣ, проходя мимо насъ, закричалъ: Къ оружію! Три тысячи пруссаковъ идутъ, они хотятъ отнять отъ насъ нашу матушку. Солдаты взялись за оружіе и пришли провѣдать про ваше здоровье; говорятъ, что уже три часа, какъ васъ не видѣли, и тогда они смирно разойдутся по домамъ, лишь бы имъ видѣть, что съ вами ничего не случилось; они не слушаютъ ни своихъ начальниковъ, ни даже Орловыхъ". И вотъ я опять на ногахъ, чтобъ не испугать мой гвардейскій караулъ, состоявшій изъ одного баталіона, сначала я пошла къ нему, объяснила причину моего ранняго выхода. Потомъ я сѣла въ экипажъ съ двумя офицерами и отправилась къ войскамъ, я имъ сказала, что

совершенно здорова, чтобъ они шли спать и дали бы мнѣ тоже отдохнуть, что я только-что легла послѣ трехъ безсонныхъ ночей; и что я желала бы, чтобъ они впредь слушались своихъ офицеровъ. Они отвѣчали, что ихъ напугали этими проклятыми пруссаками, что они всѣ готовы умереть за меня: „Ну, благодарю васъ,—сказала я имъ.—Но ступайте спать". Затѣмъ они пожелали мнѣ доброй ночи и добраго здоровья и разошлись, какъ овцы по домамъ, оборачиваясь постоянно на мой экипажъ. На другой день они велѣли просить у меня прощенія и очень жалѣли, что разбудили меня.

Надо бы цѣлую книгу написать, чтобы разсказать поведеніе каждаго изъ начальниковъ. Орловы блестятъ умѣніемъ управлять людьми, осторожной смѣлостью, въ большихъ и малыхъ дѣлахъ, большимъ присутствіемъ духа и авторитетомъ, заслуженнымъ ихъ поведеніемъ. Они имѣютъ много здраваго смысла, великодушнаго мужества; они патріоты до энтузіазма и очень честные люди; они страстно привязаны ко мнѣ и дружны между собою, какъ братья не бываютъ никогда. Ихъ пятеро, но трое только были здѣсь. Ротный командиръ Пассекъ оставался двѣнадцать часовъ подъ арестомъ, несмотря на то, что солдаты отворили ему двери и окна; и все это, чтобы не начать тревоги прежде, чѣмъ я пріѣду въ его полкъ, хотя онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что его возьмутъ и увезутъ въ Ораніенбаумъ, чтобъ подвергнуть пыткѣ. Къ счастью, приказъ Петра III пришелъ, когда я въѣхала въ Петербургъ. Княгиня Дашкова, меньшая сестра Елизаветы Воронцовой, хотя и хочетъ приписать себѣ всю честь этой революціи, но она не пользовалась большимъ довѣріемъ за ея родство; вдобавокъ ея девятнадцать лѣтъ не вселяли никому большаго уваженія. Она утверждала, что все шло ко мнѣ черезъ ея руки. Однако, я уже шесть мѣсяцевъ переписывалась со всѣми начальниками, прежде чѣмъ она узнала первое имя одного изъ нихъ. Правда, она очень умна; но умъ ея испорченъ ея чрезмѣрнымъ тщеславіемъ, и характеръ ея взбалмошенъ; она ненавидима начальниками и дружна только ихъ вѣтренными головами, которыя сообщали ей то, что знали, т. е. маловажныя подробности. Иванъ Шуваловъ, самый низкій и подлый человѣкъ въ мірѣ, писалъ, говорятъ, Вольтеру, что девятнадцатилѣтняя женщина измѣнила правительство этой имперіи: пожалуйста, выведите великаго писателя изъ заблужденія. Надо было скрывать отъ княгини Дашковой, какими путями сносятся другіе со мною, и она цѣлые пять мѣсяцевъ не знала ничего; послѣднія четыре недѣли, хотя ей и говорили, но какъ можно меньше. Умъ князя Барятинскаго, который скрывалъ эту тайну отъ своего любимаго брата, адъютанта бывшаго императора, не потому, что онъ былъ недостоинъ

довѣрія, а потому только, что это былъ бы лишній повѣренный, заслуживаетъ большихъ похвалъ. Конной гвардіи офицеръ двадцатидвухъ лѣтъ Хитрово и подпоручикъ Потемкинъ управляли всѣмъ дѣятельно и храбро.

Вотъ почти въ чемъ состоитъ наша исторія. Все дѣлалось, признаюсь, подъ моимъ особеннымъ руководствомъ; и, наконецъ, я сама все пріостановила, потому что отъѣздъ за городъ мѣшалъ исполненію нашего плана; все было двѣ недѣли тому назадъ совершенно готово. Фельдмаршалъ Минихъ совѣтовалъ бывшему императору броситься въ Кронштадтъ или въ армію, взявши нѣсколько человѣкъ съ собою, но молодыя дамы, составлявшія его свиту, удержали его; и когда онъ отправился на галеръ въ Кронштадтъ, городъ былъ уже нашъ, благодаря хорошему распоряженію адмирала Талызина, который велѣлъ обезоружить генерала Лидерса, бывшаго еще при императорѣ. Когда Талызинъ пріѣхалъ, морской офицеръ по собственному побужденію грозилъ несчастному государю стрѣлять ядрами по его галерѣ. Итакъ Богъ довелъ все къ цѣли, Имъ предопредѣленной, и все это кажется скорѣе чудомъ, чѣмъ предвидѣннымъ и кѣмъ-нибудь устроеннымъ дѣломъ. Столько счастливыхъ случайностей могутъ встрѣтиться только по волѣ Всевышняго.

II.

Письма в. к. Петра Ѳедоровича, найденныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ.

Lettre à la grande Duchesse Catherine.

Madame.

Je vous prie de ne point vous incommodes cette nuis de dormir avec moi car il n'est plus tems de me trompes, le lit a été trop étroit, après deux semaines de séparation de vous aujourd'hui après midi.

Votre très-infortuné mari qui vous ne daignez jamais de ce nom.

Le . . . Xr 1746. Peter.

Къ великой княгинѣ.

Милостивая государыня.

Прошу васъ не безпокоиться нынѣшнюю ночь спать со мной, потому что поздно уже меня обманывать: постель стала слишкомъ узка— послѣ двухнедѣльной разлуки; сегодня полдень.

Вашъ несчастный мужъ, котораго вы никогда не удостоиваете этого имени, Петръ.

. . . Декабря 1746.

Lettres à Jean Schouvaloff.

1.

Monsieur.

Je vous aie fait prier par Lef Alexandritz pour que je puisse aller à Oranienbaum, mais je vois que ça n'a point d'effet, je suis malade et mélancolique jusqu'au suppreme degré, je vous prie pour l'amour de Dieu de faire ensorte auprès de sa Majesté pour que je puisse partir bientôt à Oranienbaum si je ne vient point dehors de cette belle vie de cour pour être un peu dans ma volonté et jouir a mon aise l'air de la campagne je creverai surement ici d'aneui et de deplaisir vous me ferez revivre si vous ferez cela vous obligerez celui qui sera toute sa vie

Votre affectioné Pierre.

Письма Ивану Шувалову.

1.

Милостивый государь.

Я васъ просилъ черезъ Льва Александровича о дозволеніи ѣхать въ Ораніенбаумъ, но я вижу, что моя просьба не имѣла успѣха. Я боленъ и въ хандрѣ до высочайшей степени, я васъ прошу именемъ Бога склонить ея величество на то, чтобы позволила мнѣ ѣхать въ Ораніенбаумъ. Если я не оставлю эту прекрасную придворную жизнь и не буду наслаждаться, какъ хочу, деревенскимъ воздухомъ, то навѣрное околѣю здѣсь со скуки и отъ неудовольствія. Вы меня оживите, если сдѣлаете это, и тѣмъ обяжете того, который будетъ на всю жизнь преданный вамъ Петръ.

2.

Monsieur.

Comme je suis assuré que vous ne cherchez autre chose qua me faire plaisir, je suis donc assuré que vous le faire dans l'affaire d'Alezandre Iwanitz Narischkin pour prier sa Majesté de me faire la grace de le faire gentilhomme de chambre aupres de moi pour la feste de pacques, c'est un parfait honnette homme que je ne recommenderai pas si je ne le connaissois pour tel, pressé cette affaire je vous en seré bien redevable et au rest je suis

Votre affectioné, Pierre.

Милостивый государь.

Такъ какъ я увѣренъ, что вы всегда готовы сдѣлать мнѣ удовольствіе, я увѣренъ, что вы въ дѣлѣ Александра Ивановича (?) Нарышкина попросите ея величество сдѣлать мнѣ милость и назначить его

камергеромъ при мнѣ, для праздника Пасхи, это честнѣйшій человѣкъ, я бы его не рекомендовалъ такъ, еслибъ не зналъ—поспѣшите этимъ дѣломъ, я вамъ буду очень обязанъ и, впрочемъ, остаюсь преданный вамъ Петръ.

3.

Mon cher amy.

Vous m'avez encore demonstré vostré amitié en faisant aupres de sa Majesté imperiale qu'elle me donne dix mille ducats pour payer ma deste que j'ai faite aux jeux, je vous prie de remercier de ma part sa Majesté de cette nouvelle grace qu'elle m'a faite et assuré la que je tacherai toute ma vie de m'en rendre de plus en plus digne de touts des graces dont elle m'a comblé. Pour vous Monsieur recevez les remerciements sincère d'un amy qui voudraint estre en etat de vous pouvoir convaincre combien il souhaitairai de vous en pouvoir rendre la pareille. Au reste en vous priant destre toujour de ses amis comme auparavant je reste.

Vostre affectioné amy, Pierre.

Любезный другъ, вы мнѣ еще разъ доказали вашу дружбу, устроивши, чтобъ ея императорское величество дала мнѣ десять тысячъ червонцевъ для уплаты моего карточнаго долга, прошу васъ поблагодарить за меня ея величество за эту новую милость, оказанную ею мнѣ. Увѣрьте ее, что я буду стараться всю мою жизнь заслужить болѣе и болѣе милости, которыми она меня преисполнила. Что касается до васъ, примите искреннюю благодарность друга, который бы желалъ убѣдить васъ, сколько бы хотѣлъ быть въ возможности сдѣлать то же для васъ. Затѣмъ, прося васъ быть всегда тѣмъ же другомъ, какъ прежде, остаюсь вашъ преданный Петръ.

4.

Monsieur.

Je vous aie tant de fois prie de supplier de ma part Sa Majesté imperiale de me laisser voyager pour deux ans hors du pais, je vous le repète encore une fois vous priant très instament de faire ensorte pour qu'on ma l'accorde, ma santé sanfaiblissant de jour en jour plus, faites moi pour l'amour le Dieu cette seule amitié de le faire et de ne me laisser pas mourir de chagrin mon etat n'etant plus en etat de soutenir mes chagrin et ma melancolie empirant de jour en jour, si vous croyez qu'il est besoin de la montrer à Sa Majesté vous me ferez le plus grand plaisir du monde et de plus je vous en prie. Au reste je suis.

Vostre affectioné, Pierre.

Милостивый государь.

Я столько разъ просилъ васъ исходатайствовать у ея императорскаго величества, чтобъ она позволила мнѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ путешествовать за границей, и теперь повторяю вамъ это еще разъ и прошу убѣдительно устроить, чтобы мнѣ позволили. Мое здоровье слабѣетъ день ото дня: ради Бога, сдѣлайте мнѣ эту единственную дружбу и не дайте мнѣ умереть съ горя. Мое положеніе не въ состояніи выдержать моей горести, и хандра моя ухудшается день ото дня. Если вы думаете, что нужно показать письмо ея величеству, вы мнѣ сдѣлаете самое большое удовольствіе и затѣмъ остаюсь преданный вамъ Петръ.

4.

Monsieur.

Je vous prie comme je scais que vous estes de mes amis de me faire le plaisir d'aider le père du porteur de cette lettre qui est le lieutenant Gudowitz de mon regiment, sa fortune en depandt, il vous instruira de bouche lui-même comment l'affaire est tout ce que je scai se sont des intrigues de monsieur Teploff qui n'en a fait pas la première, le hetmann se laisse mener par cette homme par le nez et je ne peut plus vous dire que ca n'est pas la première ni la dernière affaire dont j'aurai prie le hetmann, qui m'a refusé; j'espère que vous fairez cette affaire, vous me ferez plaisir par ca parceque j'aime cet officier encore je vous prie n'oubliez pas mes interest et moi je chercheré toujours de vous convaincre que je suis de vos amis.

Vostre affectioné, Pierre.

Милостивый государь.

Я васъ прошу, такъ какъ я знаю, что вы изъ моихъ друзей, сдѣлать мнѣ удовольствіе помочь отцу подателя этого письма, поручику моего полка Гудовичу—отъ этого зависитъ его участь, онъ вамъ объяснитъ самъ словесно, въ чемъ дѣло, все, что я знаю, это то, что это происки г. Теплова, которому не въ первый разъ водить гетмана за носъ, и я не могу вамъ сказать: первое это или послѣднее дѣло, въ которомъ гетманъ мнѣ отказываетъ. Надѣюсь, что вы это обдѣлаете для меня. Я очень прошу объ этомъ потому, что люблю этого офицера. Еще разъ прошу васъ, не забывайте моихъ интересовъ, а я буду стараться убѣдить васъ, что я изъ вашихъ друзей, васъ любящій Петръ.

5.

Monsieur.

J'ai esté extremement etonné que sa Majesté s'est faché de ce que j'ai fait la mascarade et l'opera j'ai crue le faire de plus qu'à

Petersbourg Monsieur Locatelli l'a fait tout les semaines deux fois encore je me resouvients très-bien que quant il y avait le doeuil pour ma grand Mère nous avons fait le bal chez nous et trois jour que le doeuil avait commencé nous avons esté a la comedie au petit teatre, je vous prie dont Monsieur d'avoir la bonté de prier Sa Majesté de me permettre de me divertir à mon aise et sans que je sois empeché leté; vous savez assez combien ont sannuye dejà l'hiver de plus ayant dejà fait la depense du noveau opera je ne croi pas que Sa Majesté voudra me faire une depense inutile au reste je suis

Vostre affectioné, Pierre.

Милостивый государь.

Я былъ ужасно удивленъ, что ея величество разсердилась за то, что я устроилъ маскарадъ и оперу, я тѣмъ болѣе думалъ, что могъ это сдѣлать, что въ Петербургѣ г. Локателли дѣлалъ то же два раза въ недѣлю, и еще я помню очень хорошо, что во время траура по моей бабушкѣ, мы давали балъ у насъ, и три дня послѣ начала траура мы были въ театрѣ. И такъ я васъ прошу, будьте такъ добры, попросите ея величество позволить мнѣ забавляться, какъ я хочу, безъ всякаго стѣсненія и помѣхи. Вы знаете, какъ скучно зимой, вдобавокъ, такъ какъ я потратился на новую оперу, не думаю, чтобы ея величество захотѣли меня заставить сдѣлать ненужныя издержки. Впрочемъ, остаюсь преданный вамъ Петръ.

Lettre à M. le Baron de Stakelberg à Oranienbaum.

Mon cher frere et amy.

Je vous prie aujourd'hui de ne point oublier de faire ma commission auprès de la personne en question et de l'assurer que je suis pret à lui demontres mon parfait amour et que ce que je fait dans l'eglise, de ne la pas parler est que je ne veux pas faire trop devant les gens et assure lui encore que si elle voudra une fois seulement venir chez moy que je lui demontreré que je l'aime beaucoup, si vous voulez mon cher et mon vray amy montrez luy la lettre et en croyant que je ne peut estre mieux servis que d'un ami comme vous, je suis

1758. Votre fidel et attaché amy, Pierre.

Барону Штакельбергу въ Ораніенбаумѣ.

1758 года.

Любезный братъ и другъ.

Прошу васъ, не забудьте сегодня исполнить мое порученіе къ извѣстной особѣ и увѣрить ее, что я готовъ доказать ей мою совер-

шенную любовь; если я не говорю съ ней въ церкви, то это только для того, чтобъ посторонніе не замѣтили. Скажите ей, что, если она захочетъ хоть разъ придти ко мнѣ, то я ей докажу, что я ее очень люблю. Если вы хотите, мой милый и истинный другъ, то покажите ей это письмо. Полагая, что я не могу быть лучше услуженнымъ, какъ такимъ другомъ, какъ вы, остаюсь вашимъ вѣрнымъ и привязаннымъ другомъ. Петръ.

Воспоминанія В. Н. Никитина.

III [1]).

Служба у оберъ-полицеймейстера.—Галаховъ и Анненковъ.—Правитель канцеляріи Харламовъ.—Его племянникъ Левицкій.—Штабсъ-капитанъ Хмыровъ.—Швейный магазинъ съ танцклассомъ.—Высылка Щапова. — Сыщикъ Шерстобитовъ.—Роскошная тюрьма для поляковъ.—Монастырскій послушникъ.—Дѣло Шопфера.—Неудавшійся проектъ женить меня.—Смерть сенатора Евреинова.—Букетъ Михаэлисъ и Якушкинъ.—Высылка его.—Баронъ Медемъ старикъ и сынъ его.—Чиновники министерства государственныхъ имуществъ.—Первый гонораръ.—Способъ держанія экзамена на чинъ.—Мое производство.—Покушеніе 4-го апрѣля 1866 года.—Обыски.

По мѣрѣ моего приближенія къ дому, въ которомъ помѣщалась канцелярія оберъ-полицеймейстера, во мнѣ усиливалось волненіе отъ невѣдѣнія, что именно ожидало меня впереди. Въ подъѣздѣ увидѣлъ я, на площадкѣ лѣстницы, жандармовъ, городовыхъ, пожарныхъ и старика-швейцара. Принявъ меня по платью за барина, онъ снялъ съ меня пальто и величаво спросилъ меня, къ кому я пожаловалъ. Я отвѣтилъ ему, — къ самому оберъ-полицеймейстеру.

— Къ генералу, значитъ,—пояснилъ онъ мнѣ.—Да, онъ у насъ славный начальникъ: со всѣми ласковъ, всѣхъ по чести выслушиваетъ и коли воленъ—ублаготворяетъ. Не служить ли ужъ желаете проситься къ намъ?

— Генералъ меня уже принялъ на службу, и мнѣ остается только явиться къ нему,—съ гордостію сказалъ я.

— Нонѣ у насъ служба чистая, благородная: послѣдняго, можно примѣрно сказать, писца, величаютъ на вы, просятъ пожалуйста, а, бывало, при генералѣ Галаховѣ и настоящихъ чиновниковъ, ежели,

[1]) См. „Русскую Старину", октябрь 1906 г.

случалось, провинились, отсылали въ пожарное депо пеньку щипать, либо воду возить.

Вошелъ полковникъ, и швейцаръ отскочилъ къ нему, а я направился на верхъ по лѣстницѣ, по которой поднимались и спускались разные люди, которые въ углахъ шептались и спорили съ чиновниками, судя по ихъ формѣ. Въ третьемъ этажѣ въ огромной пріемной стояли, сидѣли и прохаживались человѣкъ 30—40 старыхъ, пожилыхъ и молодыхъ мужчинъ и женщинъ отъ генераловъ до крестьянъ и отъ барынь до крестьянокъ включительно. Пестрота собравшихся удивила меня, привыкшаго къ пріему у военнаго министра и К. П. Кауфмана совершенно однообразной публики. Часы пробили десять, а многіе просители уже удалялись, тогда какъ пріемныя военнаго министерства раньше одиннадцати утра не отворялись. Я попросилъ дежурнаго офицера представить Ив. Вас. Анненкову принесенный мною пакетъ. Онъ прочелъ на немъ печатныя слова „отъ директора канцеляріи военнаго министерства“ и въ „собственныя руки“, окинулъ меня испытующимъ взглядомъ, повертѣлъ конвертъ, снесъ его за дверь, вернулся и продолжалъ, по звонку, входить въ слѣдующую комнату, выходить изъ нея и впускать въ нее просителей, которые потомъ уходили: одни — веселые, другіе— грустные, третьи — равнодушные.

Ровно чрезъ полчаса позванъ былъ я въ кабинетъ, гдѣ увидѣлъ генерала и, по привычкѣ, вытянулся передъ нимъ въ струнку.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ,—ласково произнесъ онъ, сидя въ креслахъ передъ столомъ, заваленнымъ кипами бумагъ. Онъ былъ высокій, плотный, пожилой брюнетъ, гладко выстриженъ и выбритъ, съ короткими усами и полнымъ, но утомленнымъ выраженіемъ лица.

— Здравія желаю, ваше превосходительство,—отвѣтилъ я, зардѣвшись отъ его деликатнаго привѣтствія, которое я впервые услышалъ изъ устъ генерала, опять-таки, полагалъ я, исключительно, вслѣдствіе моего штатскаго платья.

— Генералъ Кауфманъ, — мягко продолжалъ онъ, — очень васъ хвалитъ. Онъ пишетъ мнѣ, что не разлучился бы съ вами, если бы вы настойчиво не просили его отпустить васъ, но, уступая вашему желанію,—освободиться отъ военнаго званія,—онъ передаетъ васъ подъ особое мое покровительство, въ увѣренности, что вы, по своимъ способностямъ, трудолюбію и отличному поведенію,—вполнѣ оправдаете его рекомендацію, а я, уважая просьбу генерала, велю васъ: во-первыхъ—зачислить прямо на высшій окладъ, минуя низшій и средній и, во-вторыхъ, занять составленіемъ бумагъ, такъ какъ генералъ поясняетъ мнѣ, что вы не только умѣете это, но даже сочинительствомъ увлекаетесь.

— Пробую, понемножку, свои силы, но, ежели вашему превосходительству не угодно, то...

— Нѣ-ѣтъ,— перебилъ онъ,— я не противъ сочинительства. Мой братъ тоже сочинитель. Служите лишь честно и рачительно, а досугами пишите себѣ, что сумѣете, ничьихъ только личностей не задѣвайте, чтобы не обижались и не жаловались на васъ...

Онъ что-то написалъ, вложилъ бумагу въ конвертъ, заклеилъ его, позвонилъ офицера и продолжалъ, обращаясь къ нему:

— Сведите этого господина къ правителю канцеляріи и передайте ему вотъ этотъ конвертъ. Ступайте съ нимъ, — добавилъ онъ мнѣ. — Обижены не будете ничѣмъ, объ успѣхахъ вашихъ я буду знать отъ правителя, а если вамъ понадобится,—обратитесь къ нему, или прямо ко мнѣ. Съ Богомъ.

Ободренный ласковымъ обхожденіемъ генерала, пошелъ я за офицеромъ во второй этажъ, а тамъ, проходя чрезъ двѣ большія комнаты канцеляріи, гдѣ занимались человѣкъ 50—60 въ вицъ-мундирахъ, полукафтанахъ, полицейской и военной формахъ, а также въ штатскомъ платьѣ, я замѣтилъ, что взоры многихъ изъ нихъ встрѣчали и провожали меня, при чемъ странные ихъ взгляды смутили меня. У затворенной двери офицеръ шопотомъ что-то спросилъ браваго, усатаго унтеръ-офицера, вошелъ въ дверь и затворилъ ее за собою. Прошло минутъ десять, въ теченіе которыхъ я продолжалъ быть предметомъ напряженнаго любопытства со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, офицеръ вышелъ и впустилъ меня въ кабинетъ. Изъ-за стола привсталъ сухощавый, высокій, пожилой блондинъ съ завитыми тонкими усами, въ золотыхъ очкахъ, въ вицъ-мундирѣ и съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Это былъ правитель канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ал. Сем. Харламовъ. Я почтительно поклонился ему, какъ статскому.

— Мое почтеніе,—началъ онъ, выпрямляясь и кивнувъ мнѣ головою. — Отъ полковника Шабельскаго, который за васъ просилъ, я слышалъ хорошій о васъ отзывъ, а изъ письма генерала Кауфмана вычиталъ превосходное его о васъ мнѣніе, поэтому мнѣ весьма пріятно пріобрѣсти въ васъ подчиненнаго, который будетъ исполнителенъ, аккуратенъ, усерденъ и честенъ, главное, запомните, достоинство — честность. Оберъ-полицеймейстеръ и я напрягаемъ всѣ свои усилія водворить не только въ канцеляріи, но и во всей полиціи строгую справедливость, законность и добросовѣстное отношеніе всѣхъ къ ихъ обязанностямъ,—продолжалъ онъ, прохаживаясь уже по просторному кабинету. Надѣюсь найти въ васъ полезнаго труженика для разрѣшенія нашей трудной задачи. Освобожденіемъ крестьянъ, отмѣною откупной винной системы, тѣлесныхъ наказаній, сокращеніемъ сол-

датской службы, улучшеніемъ судебной части и другими мѣропріятіями обновлена вся Россія, а для дальнѣйшаго ея преуспѣянія по пути прогресса — всѣ служащіе на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы должны проявлять ревностную дѣятельность, правильно понимать и безпристрастно примѣнять общіе законы и частныя правительственныя распоряженія. Понимаете меня?

Я отозвался утвердительно, хотя значеніе его рѣчи было для меня совершенно загадкою; потомъ на его вопросы я добавилъ, что служилъ въ законодательномъ отдѣленіи, гдѣ подбиралъ, читалъ, хранилъ законы, дѣлалъ изъ нихъ вырѣзки для продолженія къ Своду воен. постан., имѣлъ начальниками: Устрялова, послѣ его смерти— Андреевскаго, братья которыхъ профессора, занимался также у Безака, считавшагося отличнымъ законникомъ, наконецъ, самъ Кауфманъ свидѣтельствуетъ въ мою пользу.

— Да, все лица извѣстныя, почтенныя. Ну, а какъ вы додумались сочинять?

— Случайно попробовалъ, показалъ свой трудъ сочинителю, чиновнику канцеляріи Саранчову, онъ поправилъ, напечатали, а потомъ онъ же объяснялъ мнѣ, какъ писать, и я пристрастился.

— Похвально. Россія теперь особенно нуждается въ умныхъ людяхъ на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной жизни, а, стремясь къ распространенію истинъ, добра и пользы, эти умные, лучшіе люди изъ высшихъ даже учрежденій пошли въ мировые посредники, акцизные чиновники и даже въ полицію, чтобы одновременно и облегчить положеніе простаго темнаго народа, и поддержать достоинство власти и реформъ. И я, въ числѣ нѣсколькихъ гвардейскихъ полковниковъ, по этой же причинѣ занимаемъ должности по полиціи, а видя ясно, приносимую нами, существенную пользу,—мы не раскаиваемся, что перемѣнили блестящій мундиръ на этотъ далеко неказистый. И вы, сознавая долгъ службы, найдете полное удовлетвореніе въ плодотворномъ трудѣ. Со служащими тутъ, въ особенности стариками, ведите себя осторожнѣе, чтобы дурно на васъ не повліяли. Обижать васъ никто не посмѣетъ, о чемъ и доложите отъ меня генералу Кауфману. На этотъ разъ я, кажется, достаточно васъ просвѣтилъ.

Онъ позвонилъ и вошедшему унтеру велѣлъ кого-то позвать. Явился маленькій, лысый, круглый старичокъ въ вицъ-мундирѣ, отвѣсилъ правителю низкій поклонъ и почтительно всталъ около меня.

— Онъ поступаетъ къ намъ служить,— указалъ правитель на меня,—а я опредѣляю его въ вашъ столъ составлять бумаги серьезнаго характера: онъ рекомендованъ за дѣльца высокопоставленными лицами, которымъ мы вполнѣ вѣримъ, а ваши бумаги пишутся очень

плохимъ, темнымъ слогомъ. Познакомьте его съ дѣлопроизводствомъ на столько, чтобы онъ, въ случаѣ надобности, могъ васъ замѣнить: вашъ помощникъ совсѣмъ ничего не смыслитъ. Идите съ нимъ,—заключилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Мы поклонились правителю и вышли. Старичокъ привелъ меня къ своему столу, суетливо придвинулъ стулъ, предложилъ мнѣ сѣсть, сѣлъ самъ, дрожащими руками протеръ очки, переложилъ съ мѣста на мѣсто пачки бумагъ и что-то зашепталъ, а сидѣвшіе за другими столами старые, пожилые и молодые люди въ упоръ смотрѣли на насъ. Прошло минутъ пять.

— Служба наша охъ, какая тяжелая,—уныло заговорилъ вполголоса старичокъ;—работаешь ежедневно съ 9-ти часовъ утра до 4-хъ по полудни—здѣсь, а съ 7-ми вечера до 2-хъ ночи—дома, за этотъ же египетскій трудъ получаешь мѣсячнаго жалованья только 32 руб. и на нихъ живешь съ семействомъ. Это, правда, чрезвычайно трудно, но бываешь счастливъ, когда угодишь начальству и оно довольно. Мнѣ надо еще 5 лѣтъ протянуть лямку до маленькой хоть, но все-таки, пенсіи, чтобы руку не пришлось протягивать на улицѣ прохожимъ за подаяніемъ. Отъ насъ изъ полиціи ни въ какое министерство никого, увы, издавна на должности не принимаютъ, точно зачумленныхъ. Намъ и остается отсюда одна дорога—на кладбище... И вы, извините меня за мое предвареніе, немногаго тутъ добьетесь...

— Что ждетъ меня впереди — я не загадываю, — отвѣтилъ я, — но покамѣстъ я желаю научиться только гражданской службѣ.

— А чинъ, или дипломъ имѣете?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ,—онъ сразу оживился,—вы, по закону, даже и у насъ не въ правѣ занять штатной должности.

— Я теперь объ этомъ не помышляю, а перешелъ къ вамъ ради освобожденія отъ военнаго званія, которымъ тяготился.

— Вотъ что... гм... да... Вы, значитъ, изъ писарей?—уже весело освѣдомился онъ.—Такъ я напрасно встревожился: я, вѣдь, понялъ, что генералъ васъ прочитъ на мое мѣсто. Удивительно, право, какъ умно умѣетъ онъ подшутить. Я охотно вамъ все растолкую, чтобы мнѣ меньше трудиться... Я полагалъ сидѣть съ вами за однимъ столомъ,—говорилъ онъ уже горделиво,—но, видите, какъ тѣсно, да и вы не чиновникъ, потому садитесь вонъ съ ними.

Онъ важно всталъ, велѣлъ сдвинуться сидѣвшимъ за другимъ столомъ 4-мъ писцамъ, помѣстилъ меня среди нихъ и далъ мнѣ прочесть дѣло о порядкѣ розыска бродягъ.

— Позвольте съ вами познакомиться?—произнесъ, обращаясь ко мнѣ, блѣдный, высокій брюнетъ, лѣтъ 25-ти на видъ.—Я, Левицкій,

недоросль изъ дворянъ, силою посаженный сюда бумагу марать; затѣмъ, двое вашихъ визави, вѣчные канцелярскіе чиновники, живущіе впроголодь; сосѣдъ вашъ, съ другой стороны, Оношко, тоже недоросль, лѣнившійся въ гимназіи мозгами ворочать, приткнутъ сюда же, какъ сынъ старичишки, напѣвшаго вамъ лазаря; наконецъ, угловой грозный, но безсильный помощникъ нашего столоначальника. Впрочемъ, у нихъ обоихъ башки опилками набиты.

— А онъ, Левицкій, пустомеля,—отозвался 24-хъ лѣтній, средняго роста, полнолицый Оношко. — Левицкій скрылъ отъ васъ, что онъ, какъ племянникъ самого правителя канцеляріи,—безбоязненно всѣхъ поноситъ и всѣмъ дерзитъ.

— Я говорю откровенно то, что думаю,—пояснилъ Левицкій,—а они, по своей холопской натурѣ, считаютъ это за дерзость.

— Пишите, господа, а не мѣшайте своею болтовнею другимъ заниматься,—замѣтилъ помощникъ столоначальника Маевскій.—Сотый, кажется, уже разъ прошу васъ не нарушать порядка, а вамъ все неймется.

— Молчимъ ли, говоримъ ли мы, вы, Николай Михайловичъ, все равно путнаго, вѣдь, ничего не напишете,—огрызнулся Левицкій.— Кому Богъ не далъ таланта, тому нечего пенять на помѣху другихъ.

— Ка-акъ вы, юноша, осмѣливаетесь оскорблять меня, коллежскаго ассесора, вашего ближайшаго начальника? Постыд-дитесь!..

— Стыдъ не дымъ, глаза не ѣстъ...

— Коли вы такъ, то это невыносимо. Вотъ я оставляю свои очки, а самъ ухожу отъ грѣха.

Онъ всталъ, снялъ очки и, дѣйствительно, ушелъ. Всѣ засмѣялись.

— Натыкнетесь въ корридорѣ на запоздалыхъ просителей, — провожалъ Левицкій Маевскаго,—такъ вернетесь еще за справками для нихъ, чтобы сорвать съ нихъ мзду. Не хотите ли съ нами покурить?— предложилъ онъ мнѣ.

Я отвѣтилъ ему, что не курю.

— Напрасно: за куреньемъ время сокращается, а то одурь беретъ корпѣть среди оболтусовъ. Пойдемте, по крайней мѣрѣ, хоть поговорить? Я васъ, по-товарищески, просвѣщу кое въ чемъ для вашей же пользы.

Мы втроемъ прошли чрезъ канцелярію и длинные корридоры, очутились въ пустой комнатѣ и сѣли на скамейки. Левицкій задалъ мнѣ вопросы о томъ, кто, откуда и какъ я попалъ въ канцелярію. Я удовлетворилъ его любопытство и въ свою очередь спросилъ: почему пристально смотрѣли на меня, когда я съ офицеромъ къ правителю шелъ.

— Да, полагали, что вы арестованный, — пояснилъ Левицкій. — Такихъ часто и безвинно таскаютъ сюда на расправу, либо для отсылки къ чорту на кулички.

— Вашъ дядя, напротивъ, говорилъ мнѣ, что со всѣми поступаютъ безпристрастно, справедливо и по закону.

— Совѣтую вамъ забывать дядюшкины побасенки: онъ любитъ разводить бобы о безпристрастіи, справедливости, законѣ, долгѣ и чести передъ всѣми, незнающими сути. Обо всемъ этомъ краснорѣчіе его течетъ плавно, точно изъ фонтана, а на самомъ дѣлѣ онъ только рисуется, такъ какъ отлично знаетъ, что окруженъ дураками, да лихоимцами. Будь Оношко любезенъ, опровергни, что вы, напримѣръ, платите въ мѣсяцъ за квартиру 20 руб., учительницѣ твоей сестренки 7 руб. и кухаркѣ 3 руб., итого 30 руб., а на остальные 2 руб. изъ мѣсячнаго отцовскаго жалованья вы вшестеромъ кормитесь, поитесь, одѣваетесь, обуваетесь, принимаете гостей, бываете въ театрѣ и въ клубѣ... Нѣ-ѣтъ, другъ: все это на счетъ разныхъ просителей, облапошиваемыхъ твоимъ отцомъ.

— За мизерное казенное жалованье отецъ не обязанъ просиживать ночи, а онъ это дѣлаетъ для пользы разныхъ лицъ, ну они и благодарятъ его за это, т.-е. платятъ за его трудъ. Твой дядя тоже занимается кромѣ дней и ночами, такъ ты и его, пожалуй, заподозришь.

— Да, хвалить и его не стану; онъ по мелочи, разумѣется, не возьметъ, а куши хапаетъ навѣрняка... Перейдя изъ гвардіи въ полицію,—прямо скажу, наживаться,—онъ, какъ человѣкъ умный, такъ ловко все обставляетъ, что еще честнымъ слыветъ.

— Онъ тебѣ помогаетъ, а ты его чернишь! Опомнись: вѣдь, безъ его помощи ты—нищій!..

— И это правда, хоть помогаетъ онъ моей матери, своей сестрѣ, но я не финьчу, а признаюсь, что я безпардонный неучъ, дядюшка преуспѣваетъ, а всѣхъ прочихъ считаю мелкими хапунами.

Раздался пронзительный звонокъ на пожаръ. Мы вернулись въ канцелярію на свои мѣста и нашли Маевскаго скрипящимъ перомъ. Я снова принялся за чтеніе дѣла о розыскѣ бродягъ, а Левицкій временами продолжалъ рекомендовать мнѣ съ самой дурной стороны чиновниковъ, проходившихъ мимо насъ къ правителю и отъ него. Я нѣсколько разъ просилъ его не мѣшать мнѣ сосредоточиться на изученіи дѣла, но онъ повторялъ мнѣ: „дѣло не волкъ—въ лѣсъ не убѣжитъ“.

Пробило 4 часа. Служащіе быстро сложили свои бумаги, нѣкоторые набили портфели и всѣ направились къ выходу. Набравшись, въ теченіе дня, различныхъ сомнѣній, я по выходѣ въ корридоръ,

наткнулся тамъ на бывшаго однокашника, писца Богословскаго, прослужившаго въ канцеляріи уже лѣтъ пять... Онъ, женатый, узнавъ, что я ему сослуживецъ, предложилъ мнѣ занять въ его квартирѣ свободную комнату, а чтобы я ее скорѣй увидѣлъ—пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Я согласился. По дорогѣ онъ заходилъ въ нѣсколько лавокъ и изъ нихъ выносилъ различные свертки, а изъ послѣдней—бутыль водки. Я вызвался помочь ему нести тючки, а онъ дорогою просвѣтилъ меня, что получалъ жалованіе, какъ писецъ третьяго разряда, только 8 руб. 40 коп. въ мѣсяцъ, а добывалъ средства къ существованію обхлопотываніемъ: кому—отсрочки паспорта; кому—повѣсить вывѣску на лавку; кому—свидѣтельство о болѣзни, чтобы отвильнуть отъ поѣздки въ деревню, въ десятскіе, по требованію волостнаго правленія; кому—сочинялъ прошенія въ Управу благочинія о взысканіи долга и т. п., а за все это получалъ: съ кого—рублишко-другой; съ кого—муки; съ кого—водки; съ кого—колбасою, огурцами и другими съѣстными припасами, какими кто торговалъ, иногда холстомъ—на бѣлье, сукномъ—на сюртучишко, ситцу—женѣ на платье и т. п., устраивалъ же онъ дѣлишки чрезъ знакомыхъ въ кварталахъ да въ канцеляріи, гдѣ тѣмъ же по необходимости промышляли почти всѣ служащіе, такъ какъ на одно жалованье легко, дескать, съ голода издохнуть, особливо семейному. Мы добрались, по черной лѣстницѣ, во дворѣ, въ пятый чердачный этажъ въ квартиру, которая состояла изъ полутемной и двухъ свѣтлыхъ маленькихъ комнатъ. Одну изъ нихъ онъ уступалъ мнѣ за 5 руб. въ мѣсяцъ. Покамѣстъ мы разсматривали комнату съ окномъ подъ крышею и сговаривались, жена его, еще молодая, но болѣзненная женщина, разобрала тючки, приготовила закуску и позвала насъ обѣдать. Къ принесеннымъ ея мужемъ продуктамъ она прибавила только супъ съ мясомъ. Послѣ обѣда мы вернулись къ прерванному разговору, который Богословскій дополнилъ тѣмъ, что холостому еще можно кое-какъ перебиваться: одна голова не бѣдна, но женатому никакъ нельзя обойтись безъ разныхъ добычъ и безъ того, чтобы не терять совѣсти, что даже столоначальники получали мизерное жалованье, но имѣли доходовъ 150—200 р. въ мѣсяцъ, а иногда и за одно дѣльце 500—600 р.; на мое же заявленіе, что правитель канцеляріи всячески заботится, какъ внушалъ мнѣ, о честности, справедливости,—Богословскій замѣтилъ, что кто, какъ онъ, свое имѣлъ,—воленъ хлопотать о чести. Впрочемъ, и о немъ письмоводитель брандъ-маіора увѣрялъ, дескать, его, что правитель получалъ отъ содержанія пожарныхъ обозовъ, инструментовъ и лошадей десятокъ тысячъ въ годъ, оттого онъ хотя часто допекаетъ столоначальниковъ и знаетъ, что они всѣ живутъ доходами, но никого изъ нихъ не гонитъ. Всѣ, увѣрялъ онъ меня,

прежде открыто наживались отъ винныхъ откуповъ, трактирщиковъ, подсудимыхъ, истцовъ и отвѣтчиковъ, но съ поступленіемъ въ оберъ-полицеймейстеры флигель-адютанта графа Шувалова, онъ началъ гнать за доходы, замѣнившій его, тоже флигель-адъютантъ Потаповъ продолжалъ гоненіе, а въ наше время доходы, видимо, уже кончались: поумнѣвшіе просители и сами переставали давать.

Я ушелъ отъ Богословскаго озадаченнымъ его доводами, а на слѣдующій воскресный день перевезъ къ нему свои пожитки, сходилъ съ нимъ въ рынокъ, накупилъ тамъ постельныхъ принадлежностей, мебели и даже форменный сюртукъ въ сложности на 37 р. и до ночи окончательно устроился.

Въ понедѣльникъ въ 8 час. утра, я вышелъ изъ дома, завернулъ въ церковь, поставилъ свѣчу, помолился Богу и направился въ канцелярію. Еще не было 9-ти, а я засталъ уже на своихъ мѣстахъ многихъ младшихъ чиновниковъ и писцовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, сидѣвшій противъ меня, подалъ мнѣ экземпляръ печатнаго приказа, изъ котораго я вычиталъ о зачисленіи меня писцомъ 1-го разряда въ канцелярію пристава исполнительныхъ дѣлъ Нарвской части, съ прикомандированіемъ къ канцеляріи оберъ-полицеймейстера (1-го октября 1863 г.). Я спросилъ писца, не извѣстно ли ему, почему меня назначили къ приставу, а не прямо въ канцелярію?

— Военныхъ писарей всегда переводятъ: сперва—открыто въ штатъ полиціи, а потомъ—контрабандою,—въ штатъ канцеляріи, но гдѣ ни считаться—все равно жалованье одинаковое, и ни тамъ, ни тутъ никакими правами никто вѣдь не пользуется: отъ оберъ-полицеймейстера зависитъ переводить писаря—писцомъ, а писца—унтеръ-офицеромъ, даже въ пожарные солдаты, какъ нерѣдко и случалось; всѣ перешедшіе изъ военнаго министерства продолжаютъ числиться военными.

Разъясненіе это повергло меня въ унынie, но предаваться ему не пришлось: служба началась. Оношко далъ мнѣ нѣсколько бумагъ и наставленіе, какъ ихъ исполнить. Я принялся за работу. Спустя часъ вошелъ правитель. Всѣ вскочили на ноги и отвѣсили ему по низкому поклону. Кивнувъ головою по сторонамъ, онъ подалъ руку Оношко, Левицкому и мнѣ. Я весь вспыхнулъ отъ оказанной мнѣ чести, а сослуживцы съ завистью поглядѣли на меня. Правитель отправился въ свой кабинетъ, а немного погодя унтеръ позвалъ меня туда. Всѣ проводили меня испытующимъ взглядомъ. Правитель поручилъ мнѣ сочинить и представить ему проектъ рапорта министру внутреннихъ дѣлъ о томъ, сколько считалось въ производствѣ у столичныхъ 10 слѣдственныхъ приставовъ дѣлъ, съ раздѣленіемъ ихъ на подлежавшіе по окончаніи представленію: однихъ—въ уголовную

палату, другихъ — въ совѣтный судъ; третьихъ — въ управу благочинія и четвертыхъ—къ генералъ-губернатору, а также—сколько по всѣмъ дѣламъ содержалось подъ стражею чиновныхъ, дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ,—мужчинъ врозь отъ женщинъ, при чемъ далъ мнѣ полученныя отъ 10 приставовъ донесенія со всѣми требовавшимися свѣдѣніями и наставленіе, какъ все сдѣлать. Я вернулся на свое мѣсто, проработалъ часа три и снесъ ему проектъ. Онъ переспросилъ меня, какъ я дѣлалъ, одобрилъ, велѣлъ мнѣ же переписать и принести ему. Я и это исполнилъ. Онъ похвалилъ мой почеркъ, обѣщалъ доложить оберъ-полицеймейстеру обо мнѣ, какъ о способномъ молодомъ человѣкѣ, да предварилъ меня, что будетъ часто поручать мнѣ серьезную переписку, содержаніе которой я долженъ буду хранить въ тайнѣ.

Едва я усѣлся на свое мѣсто, какъ столоначальникъ Оношко подозвалъ меня къ себѣ и заискивающимъ тономъ освѣдомился, что я писалъ, понравилось ли генералу мое писаніе, и что именно онъ говорилъ мнѣ. Я откровенно удовлетворилъ его любопытство.

— Поздравляю васъ, поздравляю съ успѣхомъ, молвилъ онъ.— Угодить генералу да еще сразу—очень мудрено... Далеко пойдете. Будете въ милости—поддержите, пожалуйста, меня, старика. Дослужимся: я—до пенсіоннаго срока, а вы—до чина, и тогда я съ удовольствіемъ сдамъ вамъ свою должность. Когда генералъ будетъ въ хорошемъ настроеніи, вы—за меня, а я—за васъ станемте хлопотать, какъ люди другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ. Ни про генеральскую вамъ рѣчь, ни о нашемъ съ вами разговорѣ не распространяйтесь, совѣтую вамъ, никому: скромность и осторожность самыя лучшія качества въ службѣ. Какъ умный человѣкъ,—вы, разумѣется, это запомните и благо вамъ будетъ.

Левицкій настойчиво позвалъ меня въ курильную поболтать. Тамъ обступили насъ человѣкъ 10 — 15 и наперерывъ знакомились со мною и разспрашивали меня, почему меня зачислили прямо на высшій окладъ, почему генералъ при всѣхъ подалъ мнѣ руку, когда и изъ столоначальниковъ рѣдко удостаиваетъ этой чести и кто за меня его просилъ.

— Всякому честь по его достоинству,—прервалъ моихъ вопрошателей Левицкій.—Будь я начальствомъ—я бы въ одну недѣлю всѣхъ столоначальниковъ и ихъ помощниковъ—этихъ старыхъ крысъ—замѣнилъ бы новыми, чтобы сразу искоренить взяточничество...

— Вамъ, одинокому и обезпеченному, легко такъ разсуждать,— замѣтилъ одинъ,—а семейнымъ, да нищимъ отъ вашего рѣшенія пришлось бы сложить зубы на полку.

— По справедливости и меня бы выгнать слѣдовало: я совер-

шенно неспособный, лодырничаю, а не занимаюсь, какъ требуется по долгу службы.

— Собственно о васъ нѣтъ и рѣчи: вы ни отъ кого вѣдь ничего не отнимаете, а онъ отнялъ вакансію, на которую разсчитывали нѣсколько человѣкъ изъ старослужащихъ: одного бы изъ втораго разряда—повысили въ первый, другаго бы—третьеразрядника—во второй, а въ третій бы—перечислили ожидающаго унтеръ-офицера. Мѣсячное жалованье каждаго и увеличилось бы на 4 рубля: какъ вамъ извѣстно—унтеръ получаетъ 4 рубля, а писцы 8, 12 и 16 руб. въ мѣсяцъ.

— Если бы, да кабы—вышли бы бобы. Онъ въ четыре часа сочинилъ да переписалъ такой рапортъ, какого вы втроемъ въ три дня не написали бы, значитъ, онъ и стоитъ васъ троихъ. Правитель будетъ занимать его важными дѣлами, а ихъ, согласитесь, довѣрить вѣдь вамъ нельзя: за цѣлковый разнесете содержаніе по всему городу; кромѣ того, васъ и въ кабинетъ впускать не резонъ: отъ кого—водкою разитъ, у кого—изъ сапога пальцы торчатъ, кто—въ грязной рубашкѣ, а кто—и рта разинуть не умѣетъ. Значитъ, не пеняйте на зеркало, коли рожа кривая.

Отъ всего слышаннаго я сталъ разочаровываться... Всѣ со смѣхомъ разошлись по своимъ мѣстамъ. Вскорѣ въ нашу комнату смѣло вошелъ среднихъ лѣтъ брюнетъ, съ восковымъ лицомъ, въ щегольскихъ красной рубашкѣ, армякѣ, плисовыхъ шароварахъ и въ сапогахъ съ длинными голенищами.

— Кто такой?—спросилъ его столоначальникъ Шаминъ.

— Гвардіи штабсъ-капитанъ Хмыровъ,—спокойно отвѣтилъ онъ.—Я приглашенъ сюда этою вотъ повѣсткою. Кому и на что я нуженъ, позвольте спросить?

— Ахъ да, васъ велѣно обязать подпискою, что перестанете носить это платье.

— Такой подписки я не дамъ: это русское платье русскимъ закономъ не запрещено носить русскимъ людямъ.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, не садитесь въ немъ въ театрѣ въ креслахъ: вы обращаете на себя некстати общее вниманіе.

— Въ этомъ самомъ платьѣ бываю я въ Зимнемъ дворцѣ, въ личной библіотекѣ государя императора. Тамъ его величество изволилъ спрашивать меня, почему я ношу такое платье, я доложилъ, и онъ разрѣшилъ мнѣ заниматься въ немъ. Довольно съ васъ.

— Чѣмъ вы тамъ занимаетесь и имѣете ли удостовѣреніе, что его величеству благоугодно было разрѣшить вамъ носить мужицкое платье?

— Его величество, я увѣренъ, повторитъ свое разрѣшеніе, если

объ этомъ ему доложатъ, а я занимаюсь въ библіотекѣ государя извлеченіемъ свѣдѣній изъ книгъ для составляемой мною исторіи русской артиллеріи.

— Сочиняете вы исторію по порученію начальства или по собственному желанію, и состоите ли гдѣ на службѣ?

— Исторію составляю я по заказу генералъ-фельдцейхмейстера. Служилъ я въ Измайловскомъ полку, а теперь въ отставкѣ [1]).

Шаминъ сходилъ къ правителю, потомъ свелъ къ нему Хмырова, который, выйдя отъ него, ушелъ, а Шаминъ записалъ его въ списокъ замѣченныхъ, по канцеляріи же цѣлый день разговаривали о Хмыровѣ на разные лады.

Канцелярскіе служители, чиновники и писцы, съ какимъ-то изумлявшимъ меня интересомъ толковали между собою о дежурствѣ, какъ о какой-то прелести. Дежурить назначали на сутки: одного—изъ опытныхъ и владѣвшихъ приличною обмундировкою—старшимъ, а другаго—для пріема и разсылки пакетовъ—младшимъ, при чемъ имъ давали на обѣдъ и чай: старшимъ—по 50 к., а младшимъ по 30 к. Меня правитель велѣлъ включить въ число старшихъ дежурныхъ. Наканунѣ дня моей первой очереди—я тщательно разспрашивалъ сослуживцевъ о томъ, что именно входило въ обязанности и отвѣтственность старшихъ дежурныхъ. Трое вызвались даромъ за меня дежурить.

— Неужели полтинникъ такъ васъ соблазняетъ?—задалъ я одному изъ нихъ вопросъ,—вѣдь его придется проѣсть.

— И полтинникъ сберегу, и ѣсть буду на славу.

Я предпочелъ самъ дежурить и дознаться обо всемъ. Я вступилъ въ дежурство въ 8 часовъ утра и по звонку бѣгалъ къ генералу,—такъ величали Анненкова,—и къ правителю, получалъ отъ нихъ и разносилъ различныя приказанія и справки цѣлый день. Около 5-ти час. вечера, я, проголодавшись, спросилъ младшаго дежурнаго, гдѣ и какъ достать обѣдъ? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что намъ принесутъ отличныя кушанья. И дѣйствительно, когда канцелярія опустѣла, а генералъ уѣхалъ въ клубъ, гдѣ постоянно обѣдалъ, къ намъ явились два лакея со множествомъ судковъ, накрыли бѣлою скатертью столъ, разставили на немъ 4 прибора и 6 бутылокъ съ водками и винами, въ комнату сошлись дежурные: офицеръ, чиновникъ, младшій дежурный и, по его зову,—я. Лакеи подали намъ одно за другимъ четыре прекрасныхъ кушанья, а за ними кофе. Мои сотрапезники, не-

[1]) Онъ родился въ 1830 г., воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, съ 1848 г. по 1861 г. прослужилъ офицеромъ, потомъ, будучи въ отставкѣ, написалъ множество историческихъ монографій, составилъ оригинальную библіотеку изъ однѣхъ вырѣзокъ изъ книгъ и газетъ, а умеръ въ 1872 г.

смотря на свое служебное положеніе, изрядно пили изъ всѣхъ бутылокъ и подстрекали меня поддержать компанію, но я, не употреблявшій никакихъ спиртныхъ напитковъ, не поддался на ихъ приставанья. Послѣ обѣда лакеи убрали все со стола и удалились, офицеръ и чиновникъ развалились на диванахъ и захрапѣли; а младшій дежурный сталъ сортировать пакеты по кварталамъ. Я спросилъ его: на чей счетъ мы угощались. Онъ отозвался на счетъ хозяина гостиницы, ибо окружныя гостиницы издавна, по очереди даромъ кормили и поили дежурство, потому что въ канцеляріи каждому встрѣчались надобности: въ гостиницахъ случались всякіе скандалы, изъ-за которыхъ хозяевамъ приходилось выпутываться, начальство же относилось къ этому кормленію, какъ къ обычаю—отъ хлѣба-соли не отказывайся,—спокойно.

Вдругъ противъ канцеляріи весь второй этажъ ярко освѣтился. Я спросилъ дежурнаго, не пожаръ ли это?

— Да пожаръ, но его тушатъ пляскою и винами, отвѣтилъ онъ.—Тамъ днемъ—шикарный швейный магазинъ, а вечерами—разгульный танцклассъ. Туда и нашихъ приглашаютъ и также даромъ угощаютъ... Я вотъ поставлю свѣчу на окно и немного погодя насъ позовутъ туда пить чай.

Прошло съ полчаса, и къ намъ дѣйствительно явилась опрятно одѣтая дѣвочка лѣтъ 14-ти, въ платочкѣ на головѣ, съ покорнѣйшею, отъ имени хозяйки, просьбою пожаловать къ нимъ въ гости. Я отвѣтилъ ей, что мы—дежурные, отлучаться не можемъ, да и хозяйка ея насъ не знаетъ.

— Знаетъ или не знаетъ — это все равно, забасилъ проснувшійся офицеръ.—Передай, милая, что сейчасъ явимся. Генералъ вернется не раньше 12-ти, стало быть, три часа мы можемъ весело провести въ гостяхъ. Младшіе дежурные, на всякій случай, останутся, а когда мы вернемся и генералъ ляжетъ спать—они пойдутъ туда же.

Офицеръ всталъ, оправился и присталъ ко мнѣ, чтобы я шелъ съ нимъ, увѣряя, что это самое обычное дѣло. Я внялъ его доводамъ. Мы перешли улицу въ подъѣздъ, поднялись во второй этажъ, вступили въ огромную, прекрасно меблированную комнату, въ которой подъ звуки рояля танцовало паръ 20 офицеровъ, статскихъ и молодыхъ, красиво разряженныхъ, женщинъ. Когда кончилась кадриль и пары разошлись въ боковыя комнаты, къ намъ подошла пожилая дама, любезно пригласила насъ за собою и въ третьей комнатѣ предложила намъ сѣсть за длинный столъ, вокругъ котораго уже сидѣли лица обоего пола, пили чай, закусывали и развязно болтали, при чемъ кавалеры подталкивали и пощипливали дамъ, а онѣ хохотали и взвизгивали.

— Будьте, пожалуйста, какъ дома,—предложила намъ хозяйка; кушайте, развлекайтесь, а вы—дѣвицы, займите дорогихъ гостей,—обратилась она къ своимъ,—я же, извините, отлучусь по хозяйству.

Офицеръ мигомъ пристalъ къ компаніи, а я, выпивъ стаканъ чаю, тихонько всталъ, направился дальше, какъ оказалось по коридору, гдѣ было много отдѣльныхъ комнатъ, изъ которыхъ доносились мужскіе и женскіе голоса, хохотъ и пѣсни. Заглянувъ въ двѣ-три комнаты, я увидѣлъ тамъ столики, стулья, диванчики, кровати, и мужчинъ и женщинъ.... Походивъ съ часъ, я осторожно выбрался изъ квартиры, вернулся въ канцелярію и сообщилъ младшему о видѣнномъ и слышанномъ мною въ магазинѣ.

— Теперь еще рано, потому всѣ держались скромно, а вотъ какъ перевалитъ за полночь, такъ тамъ, какъ разсказывали, швейки голыми пляшутъ на потѣху кутиламъ.

— Какъ же это допускается противъ начальника полиціи?

— Ему никто объ этомъ не рѣшается доложить: тамъ бываютъ, говорятъ, такіе важные господа, съ которыми даже и ему трудно справиться.

Мы занялись каждый своимъ дѣломъ. Въ половинѣ 12-го вернулся, навеселѣ, офицеръ и принялся трунить надъ моею застѣнчивостью и хвалиться, что славно провелъ время. Въ первомъ часу ночи раздался звонокъ, на который я отправился къ генералу, доложилъ ему, что никакихъ экстренностей не было, и подалъ ему пачку пакетовъ. Онъ велѣлъ мнѣ распечатать ихъ, вынимать бумаги и складывать передъ нимъ, а самъ читалъ ихъ и писалъ резолюціи, а когда кончилъ,—наказалъ мнѣ положить бумаги на столъ въ кабинетѣ правителя и ложиться спать. Во второмъ часу мы, четверо дежурныхъ, ужинали принесенными лакеями кушаньями, при чемъ, кромѣ меня, всѣ трое изрядно пили водку и вина, а потомъ офицеръ звалъ чиновника напротивъ, говоря, что они попадутъ къ самому разгару кутежа, но чиновникъ отказывался, увѣряя, что видывалъ всякіе виды, а потому никакіе кутежи его не интересуютъ.

— Васъ занимаютъ безпутства простыхъ швеекъ,—замѣтилъ онъ,—а мнѣ извѣстенъ домъ, въ которомъ живутъ, на всемъ готовомъ, молодые, бравые мужчины, къ которымъ пріѣзжаютъ, для баловства, свѣтскія дамы и пляшутъ несравненно шикарнѣе и откровеннѣе вашихъ швеекъ.

— Вы служите въ полиціи, а потому обязаны доносить объ этомъ начальству,—заявилъ я.—Оно вѣдь старается искоренить....

— Всякіе доходы,—перебилъ меня чиновникъ,—да, это вѣрно, но если мы, служащіе, станемъ докладывать обо всемъ, что знаемъ, то другъ друга проглотимъ, тогда какъ „воронъ ворону глазъ не клюетъ“.

*

Вы слишкомъ еще молоды, а потому наивничаете, а мы, напротивъ, старые воробьи, насъ на мякинѣ и не проведешь... Попробуйте вы, напр., довести до начальства то, что я вамъ разсказывалъ при другихъ, и спроси объ этомъ насъ начальство—мы единогласно отвѣтимъ: я—ничего не говорилъ, а они—ничего не слышали... Вы и останетесь вруномъ.

— Разум-мѣется, подтвердили офицеръ и писецъ въ одинъ голосъ.

Я сконфузился, удалился въ другую комнату и легъ на сдвинутыхъ стульяхъ, но уснуть не могъ: размышленіе о скверности среды, въ которую я попалъ,—на долго лишило меня сна.

Утромъ Левицкій присталъ ко мнѣ съ разспросами, какъ я провелъ дежурство. Я скрылъ отъ него происшедшее изъ опасенія, какъ бы по своей болтливости онъ не разгласилъ и мнѣ самому бы не досталось. Часу въ первомъ мимо меня, между двумя жандармами, прошелъ къ столу того же Шамина прилично одѣтый господинъ среднихъ лѣтъ, съ черною бородою, взъерошенными длинными волосами, темнымъ цвѣтомъ лица и въ очкахъ. Шаминъ вручилъ одному изъ жандармовъ толстый конвертъ, а другому велѣлъ взять мѣшокъ съ вещами и отправляться.

— На вокзалъ отсюда ѣзды полчаса,—пояснилъ онъ жандармамъ,—значитъ, къ поѣзду легко еще успѣете. Вамъ, господинъ Щаповъ, печалиться нечего: ѣдете въ Сибирь, на свою родину. Желаю вамъ счастливаго пути...

Щаповъ кивнулъ Шамину головою, жандармы щелкнули шпорами, и всѣ трое удалились.

— Не слыхали ли вы, — спросилъ я Левицкаго, — кто этотъ Щаповъ [1]) и за что его отправили на родину.

— Онъ профессоръ и сочинитель, проповѣдывалъ какія-то, на казенномъ нарѣчіи, „завиральныя идеи“,—отозвался онъ,—ну за это его и послали въ родныя тундры, гдѣ гласъ его будетъ вопіющимъ въ пустынѣ. Нѣкоторыя его историческія, прекрасныя статьи о расколѣ я читалъ съ большимъ интересомъ, но за этотъ мой отзывъ о его сочиненіяхъ дядюшка распекъ меня. Поученія его я обыкновенно слушаю какъ музыку: вѣдь онъ краснобай; на мой же вопросъ, въ чемъ провинился Щаповъ, дядюшка лаконически отвѣтилъ мнѣ: „много будешь знать,—скоро состаришься“. Думаю однако, что Щаповъ говорилъ и писалъ правду, которую терпѣть не могутъ, а за вранье тоже шельмуютъ. Вотъ и разбирайтесь по пятницамъ.

Въ числѣ разныхъ лицъ, часто являвшихся къ правителю, особенно примелькнулся мнѣ тучный, пожилой господинъ, одѣвавшійся

[1]) Умеръ въ 1876 г.

въ вицъ-мундиръ, во фракъ, въ сюртукъ, купцомъ и даже мужикомъ, а однажды онъ явился просто въ отрепьяхъ. Это меня понудило освѣдомиться, кто этотъ странный человѣкъ.

— Главный сыщикъ Шерстобитовъ,—отвѣтилъ Левицкій.—Онъ надворный совѣтникъ, въ дружбѣ со всѣми ворами, шулерами и мошенниками, которымъ въ обыкновенныхъ случаяхъ потворствуетъ, а за это они ему открываютъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, преступленія и выдаютъ преступниковъ. Проще, когда отъ мазуриковъ страдаютъ заурядные люди, полиція плюетъ на нихъ, а когда бѣда постигнетъ высокихъ лицъ, имъ возвратятъ вещи, чтобы доказать бдительность полиціи. Шерстобитовъ имѣетъ нѣсколько ловкихъ помощниковъ, которые при надобности ѣздятъ не только по Россіи, но даже за границу по сыскной части.

И дѣйствительно я неоднократно потомъ писалъ секретныя бумаги о командировкахъ для открытія, напр., поддѣлывателей серебряныхъ монетъ, въ Сергачскій уѣздъ Нижегородской губерніи, къ раскольникамъ—чиновника Безсонова, а бумажекъ—въ Лондонъ офицера Юнге, при чемъ они такъ успѣшно дѣйствовали, что оба сдружились съ поддѣлывателями, въ качествѣ услужливыхъ людей, привезли ихъ въ Петербургъ съ товаромъ, для сбыта, а здѣсь—предали ихъ. За это обоихъ щедро наградили деньгами и орденами Владиміра 4 степени... Писалъ я также, что фальшивыя ассигнаціи находили въ привозившихся изъ-за границы сукнѣ—затканными и въ сигарахъ—вдѣланными подъ табачными верхними листьями.

Въ числѣ помощниковъ Шерстобитова считался И. Д. Путилинъ [1]), который подсаживался въ тюрьмахъ къ преступникамъ, какъ таковой же, выпытывалъ отъ нихъ все, что требовалось, уходилъ и затѣмъ открывалъ преступленія. Былъ еще по виду аристократъ, а по чину колл. рег. Лавровъ [2]), который занимался формально ходатайствомъ по дѣламъ, а тайно по клубамъ самъ обыгрывалъ навѣрняка богатыхъ дураковъ. Проходя къ правителю, онъ, обыкновенно, насъ окидывалъ презрительнымъ взглядомъ, а столоначальникамъ на ихъ низкіе поклоны отвѣчалъ лишь высокомѣрнымъ кивкомъ головы. Однажды я замѣтилъ Оношко, что коль скоро Лавровъ относится къ нему свысока, то и незачѣмъ кланяться ему.

— Въ васъ говоритъ молодость и неопытность,—отозвался онъ.—Меня не убудетъ отъ поклона, а Лавровъ хоть и мазура, но сила, можетъ наплести, что вздумаетъ, и нашего брата, мелюзгу, въ поро-

---

[1]) Впослѣдствіи начальникъ сыскной полиціи, умеръ въ отставкѣ въ 1899 г.

[2]) За участіе въ составленіи фальшивыхъ акцій и духовнаго завѣщанія въ пользу Сафьянникова сосланъ въ Сибирь въ 1870 году.

шокъ сотрутъ. И вы, коли желаете себѣ добра—кланяйтесь всѣмъ безъ разбора, кто они: сегодня неизвѣстно, кѣмъ завтра будутъ, значитъ, всѣ годятся. Кстати завтра воскресенье, приходите ко мнѣ обѣдать и на досугѣ потолкуемъ.

Принарядившись на сколько могъ, я отправился къ Оношко. Онъ встрѣтилъ меня привѣтливо, представилъ женѣ, двумъ женщинамъ и ихъ мужьямъ, какъ сослуживца и молодаго человѣка, съ блестящею будущностью. Сынъ его показалъ мнѣ хорошо обставленную ихъ квартиру изъ 5 комнатъ, съ роялемъ, цвѣтами и прочимъ. Явился и Левицкій. На столѣ было нѣсколько бутылокъ вина, а перемѣнъ подали четыре. Левицкій, очутившись рядомъ со мною,—на ухо твердилъ мнѣ, что такіе обѣды кушаетъ семейство Оношко ежедневно, все на двухрублевые остатки отъ мѣсячнаго жалованья. Въ разговорѣ одинъ изъ гостей помянулъ правителя. Оношко разсыпался въ похвалахъ его талантамъ, добродѣтелямъ и умѣнью управлять всѣми дѣлами.

— Напрасно преувеличиваете вы его достоинства и умалчиваете о его недостаткахъ,—возразилъ Левицкій.—Онъ, напр., вспыльчивъ, гордъ, суетливъ...

— И на солнцѣ есть пятна,—вступился Оношко.—Какъ начальнику—ему подобаетъ быть величественнымъ, а ежели и распекаетъ, случается, подчиненныхъ, то они заслуживаютъ этого и ему только благодарны.

— Сомнѣваюсь. Хоть онъ мнѣ дядя и поддерживаетъ меня съ матерью, но я все-таки не доволенъ многими его дѣйствіями. Льстить ему достаточно лично, а заглазно не стоитъ. Я, напримѣръ, охотно слушаю, когда его бранятъ за вилянья.

— О, вы—горячая голова, поживете—умѣрите свои благородные порывы, свойственные молодости.

Жена Оношко, чтобы унять Левицкаго, освѣдомилась о здоровьѣ его матери и потомъ свернула разговоръ на другую тему. Послѣ обѣда одна изъ гостей играла на роялѣ и пѣла, а остальные слушали, хвалили. Оношко-отецъ всячески пытался со мною заговорить, но Левицкій вмѣшивался, и старикъ смолкалъ. Такъ я и ушелъ, ничего не услышавъ отъ него, но время провелъ пріятно.

Жить на 16 р. мнѣ положительно нельзя было, поэтому мнѣ приходилось дополнять свои мизерные расходы изъ запасныхъ денегъ, которыхъ я раньше скопилъ до 200 р., а вечера посвящалъ сочинительству. Въ канцеляріи я держался совѣта Оношко, ни о комъ дурно не отзывался, всѣмъ кланялся, ни съ кѣмъ дружбы не заводилъ, ни къ какимъ просителямъ въ корридоры не выходилъ, справокъ никому не давалъ, никакихъ сношеній съ посторонними не имѣлъ и доходовъ со своей службы не извлекалъ. Относились ко мнѣ, какъ

мнѣ казалось, всѣ хорошо, а правитель все болѣе и болѣе благоволилъ ко мнѣ за исполнительность, почтительность и скромность. Тяготили меня только дежурства, особливо вечерами, когда о разныхъ происшествіяхъ приходилось писать, волноваться и выносить даже непріятности.

Такъ, напримѣръ, за участіе поляковъ въ возстаніи очень многихъ ссылали изъ Польши и Западнаго края, черезъ Петербургъ, въ отдаленныя мѣста, но они располагали тутъ сильными связями, посредствомъ которыхъ, по личнымъ якобы дѣламъ, задерживались здѣсь по мѣсяцу и больше. И вотъ еще до прибытія сюда ихъ заступники и заступницы осаждали князя А. А. Суворова и добивались отъ него различныхъ льготъ для ссылаемыхъ. Онъ слылъ вообще добрымъ, но полякамъ мирволилъ, какъ говорили, на зло своему врагу, суровому М. Н. Муравьеву, виленскому генералъ-губернатору. Отъ Суворова хлопотавшіе за поляковъ приходили къ оберъ-полицеймейстеру днемъ, вечеромъ и почью, почему дежурные усиленно писали и бѣгали. Однажды, молодая, красивая полька, въ щегольскомъ траурномъ платьѣ, такъ пристала, въ 10 час. вечера, къ Анненкову, что онъ послалъ меня съ нею и запискою къ смотрителю исправительнаго заведенія, полковнику Вельку, узнать, доставленъ ли туда ея женихъ-полякъ и, если тамъ, то позволить ей видѣться съ нимъ, а если не окажется, то объявить ей объ этомъ. Она пригласила меня съ собою въ ожидавшую карету и дорогою стала меня разспрашивать, какъ содержатъ въ заведеніи ея земляковъ, но такъ какъ я дотолѣ ровно ничего объ этомъ не зналъ, то и не могъ, разумѣется, удовлетворить ея любопытства. Она мнѣ не вѣрила и продолжала приставать ко мнѣ. Мнѣ извѣстно было, что исправительное заведеніе—тюрьма, но когда мы возлѣ заведенскихъ воротъ вышли изъ кареты, то увидали весь второй этажъ ярко освѣщеннымъ и услышали звуки рояля. Это изумило не только меня, но и мою спутницу, которая усомнилась даже, туда ли мы пріѣхали. Я заявилъ часовому, кто я. Онъ впустилъ насъ и позвонилъ въ парадный подъѣздъ заведенія. Тамъ къ намъ вскорѣ явился дежурный помощникъ смотрителя, штабсъ-капитанъ Эльснеръ, и на мой вопросъ о смотрителѣ, отозвался, что его дома нѣтъ, но что онъ его замѣняетъ. Я вручилъ ему записку. Онъ ее прочелъ и предложилъ: полькѣ—подождать въ пріемной, а мнѣ—обойти съ нимъ всѣ комнаты, гдѣ помѣщались поляки, и разспросить ихъ, чтобы долго напрасно не рыться въ конторѣ, гдѣ никого изъ служащихъ къ тому же не было. Мы отправились въ обходъ. Стѣны и потолки комнатъ были выкрашены свѣтлою краскою, полы чисто были натерты, на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски, кровати, матрасы, одѣяла и подушки были барскіе, вездѣ стояли стулья и даже

кресла, въ трехъ комнатахъ рояли, въ углахъ чемоданы и сундуки; горѣли гдѣ свѣчи, гдѣ лампы, наконецъ, сами поляки были въ своей одеждѣ и жили по двое, трое и четверо, при чемъ читали, писали, играли въ карты, на роялѣ и на скрипкѣ, или разговаривали между собою. Короче—ничто имъ не напоминало, что они въ тюрьмѣ. Нужнаго поляка Наржинскаго не нашлось среди 50—60 человѣкъ.

— Однако, у васъ не тюрьма, а гостиница съ нумерами,—замѣтилъ я, по выходѣ на лѣстницу. Развѣ это по закону?

— Нѣтъ, по распоряженію высшаго начальства этотъ этажъ тюрьмы превращенъ въ гостиницу, для поляковъ,—отвѣтилъ Эльснеръ (въ 1864 г.). Для нихъ нанятъ даже поваръ, который готовитъ имъ пищу по ихъ заказамъ и вкусамъ. Гасить огни мы ихъ просимъ въ часъ ночи, а встаютъ они, когда хотятъ. Они лишены только свободы и права отсылать письма помимо насъ и видѣться съ посторонними безъ насъ. Среди нихъ есть знатные, богатые и ксендзы, которые содержатъ бѣдныхъ; но гоноръ у всѣхъ одинаковый. Когда ихъ высылали мало, то помѣщали въ пересыльной тюрьмѣ, потомъ, когда число ихъ увеличилось—послѣдовало распоряженіе въ каретахъ возить ихъ прямо сюда въ отдѣланное для нихъ помѣщеніе. Хлопотъ съ ними пропасть. Напр., почти всѣ въ теченіе дня имѣютъ свиданія съ посѣтителями, пишутъ письма и прошенія, которыя едва успѣваемъ отсылать въ III отдѣленіе.

Полька намъ не повѣрила, что ея жениха нѣтъ, а когда ей это подтвердили двое вызванныхъ изъ камеръ поляковъ—она перестала спорить, разсердилась и уѣхала, а я поплелся пѣшкомъ въ канцелярію впотьмахъ, по дождю и, покамѣстъ дошелъ, весь промокъ.

Другой разъ, тоже на моемъ дежурствѣ, въ 10 часу вечера три жандарма привели въ канцелярію истощеннаго старика, съ длинными, сѣдыми волосами и бородою, въ монашеской одеждѣ. Представить конвертъ некому было. Я и велѣлъ жандармамъ ждать въ передней, а старику предложилъ сѣсть. Онъ помѣстился противъ меня и, тяжело вздохнувъ, спросилъ: гдѣ онъ находится. Я объяснилъ ему и, въ свою очередь, освѣдомился, откуда его привезли. Онъ отозвался, что изъ Шлиссельбургской крѣпости. Я полюбопытствовалъ, за что онъ туда попалъ.

— За то, что я, бывши въ числѣ послушниковъ Фотіевскаго монастыря, близъ Новгорода, во время войны, по легкомыслію, выразилъ, въ трапезной, въ слухъ пожеланіе, чтобы насъ хорошенько разбили, а тогда у насъ всѣмъ легче станетъ жить. Кто-то сдѣлалъ доносъ, меня схватили, отвезли въ крѣпость, и я 9 лѣтъ протомился въ одиночномъ заключеніи, а каково это — можете судить по тому, что мнѣ теперь 40 лѣтъ, а выгляжу стар-рикомъ!..

Я наугадъ обнадежилъ его, что его освободятъ. Онъ улыбнулся и сталъ меня разспрашивать, что творится въ Россіи. Я разсказалъ ему объ освобожденіи кантонистовъ отъ обязательной службы, а крестьянъ—отъ крѣпостной зависимости, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и сниманія шапокъ передъ офицерами.

— Значитъ, многое изъ моихъ пожеланій, слава Богу, исполнилось,—молвилъ онъ радостно,—но за что же, скажите, я страдалъ и страдаю?

— Извините, я не знаю.

— О, да не только вы не знаете, но и никто, кажется, не знаетъ,—продолжалъ онъ, впадая въ гнѣвъ.—Нѣ-ѣтъ, никто не желаетъ знать страждущихъ, точно такъ же, какъ сытые голодныхъ не разумѣютъ... всѣ вы скоты безчувственные!..

Я замѣтилъ ему, что, напротивъ, жалѣю его, но, какъ совершенно безвластный человѣкъ, — ничѣмъ не заслужилъ его брани. Онъ, однако, не внялъ моимъ доводамъ, а, вставъ со стула и прохаживаясь по комнатѣ,—все сильнѣе и сильнѣе бранилъ всѣ власти. Я убѣдительно просилъ его перестать это дѣлать въ канцеляріи, гдѣ я былъ дежурнымъ, жандармы могли услышать, и мнѣ за это попадетъ.

— И прекрасно,—толковалъ онъ.—Что здѣсь такое и кто вы—мнѣ совершенно безразлично, я даже и самому оберъ-полицеймейстеру скажу то же самое.

Я напомнилъ ему, что зла ему не сдѣлалъ, а за то, что предложилъ ему побыть со мною, а не съ жандармами въ пріемной,—я не заслужилъ обиды.

— Я не только не признателенъ вамъ, за бесѣду со мною, но всѣхъ, въ томъ числѣ и васъ, считаю мерз-завцами, кровоп-ійцами...

Глаза его дико блистали, онъ размахивалъ руками и продолжалъ громко говорить, пересыпая свою рѣчь бранными словами. Я глядѣлъ на него со страхомъ, думая, что онъ сумасшедшій. Мнѣ было жаль его, да и я опасался, какъ бы онъ не задушилъ меня, въ пылу ярости. Я сидѣлъ молча, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ. Прошло около часу: Вдругъ раздался звонокъ. Я вскочилъ, схватилъ конвертъ и побѣжалъ съ нимъ (по пути велѣлъ жандармамъ присмотрѣть за старикомъ) къ генералу. Онъ распечаталъ конвертъ, прочелъ бумагу, позвалъ дежурнаго квартальнаго и что-то приказалъ ему. Онъ пришелъ со мною въ канцелярію, вѣжливо пригласилъ старика за собою и увелъ, а куда — не знаю. Старикъ, по его несчастью и поведенію, всю ночь точно стоялъ передо мною, и я все думалъ о немъ.

На другой день среди чиновниковъ канцеляріи произошло какое-то особенное перешептываніе... Я подумалъ, не о ночномъ ли старикѣ, и спросилъ Левицкаго, а онъ позвалъ меня въ курительную, обѣщая тамъ прочесть отличную статейку, которая всполошила нашъ муравейникъ. По приходѣ туда, онъ вынулъ изъ кармана нумеръ журнала „Искра", разгладилъ его и громко прочелъ намъ, челов. 10-ти, разсказъ подъ заглавіемъ „Заяцъ", въ которомъ описано было, какъ на дверяхъ мясной лавки висѣлъ заяцъ. Проходившій мимо лавки квартальный увидѣлъ зайца, заподозрилъ лавочника въ торговлѣ заячьимъ мясомъ и пригрозилъ ему закрытіемъ лавки, но, получивъ съ него сто рублей—оставилъ его въ покоѣ.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ, прочитавъ этотъ разсказъ,—пояснилъ намъ Левицкій,—приказалъ разслѣдовать, справедливъ ли онъ и, если справедливъ, то кто именно квартальный, сорвавшій съ лавочника 100 руб., а если выдуманъ, то кѣмъ именно. Редакторъ указалъ автора, а тотъ назвалъ улицу, домъ, лавочника и квартальнаго, да утверждаетъ, что все при немъ произошло, и онъ списалъ съ натуры. Наши теперь и заегозили.

Прошло два дня. Меня позвали къ правителю, и я, по его приказанію, переписалъ, въ его кабинетѣ, съ написанной имъ черновой, секретный рапортъ генералъ-губернатору о томъ, что авторъ „Зайца" дворянинъ Александръ Высота, по собраннымъ о немъ справкамъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій и неодобрительнаго поведенія, оклеветалъ вполнѣ хорошаго квартальнаго, поручика Мироныча [1]), такъ какъ допрошенные: лавочникъ, его подручные и дворникъ единогласно показали, что заяцъ въ дверяхъ лавки никогда не висѣлъ, Мироновичъ въ ихъ лавкѣ никогда не былъ, лавочника въ кварталъ не вызывалъ, и никакихъ денегъ послѣдній первому никогда не давалъ. Въ заключеніе выражалась въ рапортѣ просьба объ огражденіи чиновъ полиціи отъ подрыва ихъ значенія въ общественномъ мнѣніи, ложными и зловредными сочиненіями. Чрезъ мѣсяцъ Высоту выслали, административнымъ порядкомъ, изъ Петербурга за „Зайца".

— Вотъ вы утверждали, что наши струсили,—напомнилъ я Левицкому,—а между тѣмъ наказали Высоту за клевету.

— Лавочникъ и его подручные,—возразилъ Левицкій,—отперлись отъ дачи взятки Мироновичу, изъ опасенія, какъ бы имъ за это не досталось, противъ Высоты нашли подставныхъ свидѣтелей въ самомъ кварталѣ; наши же фофаны оформленныя донесенія приняли за истину.

---

[1]) Судился въ 1885 г., въ качествѣ отставнаго подполковника, содержавшаго кассу ссудъ.

Въ это самое время въ 2-хъ фельетонахъ „Сѣверной Пчелы“ (1864 г., №№ 180 и 184) появился мой разсказъ „Горе житейское“, съ моею фамиліею. Не подозрѣвая, что за сочиненія платятъ гонораръ, я послалъ редактору П. С. Усову благодарственное письмо за помѣщеніе моего разсказа (1728 строкъ) и радовался этому важному, какъ мнѣ казалось, событію въ моей жизни. Правитель меня спросилъ, не я ли авторъ. Я вспомнилъ Высоту и со страхомъ сталъ извиняться. Онъ улыбнулся, одобрилъ мой трудъ, совѣтовалъ мнѣ продолжать въ томъ же духѣ, — прибавилъ, что вполнѣ доволенъ моею службою, и даже обѣщалъ мнѣ должность столоначальника, вмѣсто Оношко, когда получу чинъ, выразилъ порицаніе Оношко и другимъ за то, что берутъ взятки, и сожалѣлъ, что не можетъ разомъ всѣхъ ихъ разогнать, ибо нуждается въ нихъ, какъ опытныхъ чиновникахъ.

Въ тотъ же день я подалъ ему къ подписи секретное предписаніе квартальному, чтобы безотлагательно опечатать, по требованію министерства финансовъ, табачную фабрику Шопфера, за неплатежъ наложеннаго на него штрафа 35.000 руб. Онъ пристально взглянулъ на меня, прочелъ бумагу и положилъ ее въ сторону. На слѣдующій день я напомнилъ ему о бумагѣ и услышалъ отъ него: „еще успѣемъ...“ Затѣмъ я ежедневно продолжалъ напоминать о бумагѣ и, наконецъ, рѣшился доложить, что Шопферъ можетъ вывезти товаръ, а тогда казна ничего съ него не получитъ. Онъ одобрилъ мое служебное рвеніе, произнесъ: „да, пора“, подписалъ бумагу, и я ее отослалъ съ надписью „весьма нужное“, а черезъ день квартальный донесъ, что въ фабричномъ зданіи никакого товара не нашелъ, а фабрикантъ уѣхалъ, два дня назадъ, неизвѣстно куда... Такъ и отвѣтили министерству финансовъ, а Оношко на ухо шепнулъ мнѣ, что въ годъ всѣхъ доходовъ не получилъ и половины того, во что Шопферу обошлось это дѣльце. Левицкій же прямо мнѣ сказалъ, что дядюшка цапнулъ кушъ, но такъ ловко, что комаръ носу не подточитъ.

Болѣзнь жены вынудила Богословскаго отказаться отъ квартиры, почему онъ передалъ мнѣ, что особа, занимавшая во второмъ этажѣ того же дома просторную квартиру, предлагаетъ мнѣ сдѣлаться ея жильцомъ и проситъ меня къ себѣ переговорить. Я предсталъ предъ нею, красивою, шикарно одѣтою брюнеткою, лѣтъ 23—25. Она показала мнѣ свою прекрасно обставленную квартиру изъ четырехъ комнатъ и любезно предложила мнѣ занять расположенную въ сторонѣ, съ отдѣльнымъ выходомъ, для нея, дескать, лишнюю комнату.

— Я дорого платить не могу,—конфузливо проговорилъ я, стѣ-

снявсь поселяться въ богатой квартирѣ. — Я живу только маленькимъ жалованьемъ.

— Напрасно вы это говорите: бѣдность не порокъ, — ободрила она меня.—Сколько можете—столько и платите: я въ деньгахъ не нуждаюсь, но желала бы имѣть по близости живаго порядочнаго человѣка, а то вечеромъ меня одолѣваетъ скука. Вы мнѣ уже извѣстны, какъ хорошій жилецъ, который вечерами къ тому же все сочиняетъ... я и предоставляю вамъ полный покой. 3—5 руб. на жалованье прислугѣ, довольно. Пожалуйте чай пить, авось столкуемся.

Въ уютной столовой мы пробесѣдовали часа три и остались довольны другъ другомъ. Уходя отъ нея, я, впрочемъ, обѣщалъ ей дать, о комнатѣ, отвѣтъ на другой день къ вечеру, но, возвращаясь въ это время со службы, я отъ поджидавшей меня на лѣстницѣ служанки особы узналъ, къ изумленію моему, что, по ея распоряженію, мое имущество уже перенесено къ нимъ, отчего въ прежнюю квартиру мнѣ и ходить нечего. Въ дверяхъ встрѣтила меня раскраснѣвшаяся Елисавета Васильевна Волкова, такъ звали „особу“, дружески поздоровалась со мною и ввела меня въ мою комнату.

— Вотъ вамъ честь и мѣсто,—игриво произнесла она и скромно сѣла на стулъ.—Осмотритесь хорошенько и скажите, все ли по вашему вкусу.

Я увидѣлъ на двухъ окнахъ — сторы, цвѣты, между окнами—трюмо, въ углахъ—столики, диванъ, предъ нимъ — круглый столъ, накрытый бархатною скатертью, на немъ—пепельницу и спичечницу со спичками, возлѣ него—два кресла, въ углу—письменный столикъ, на немъ — лампу съ абажуромъ, за тяжелыми драпри — кровать, возлѣ нея—комодъ, на немъ—стоячее зеркало и пара подсвѣчниковъ со вставленными свѣчами и даже предъ кроватью коврикъ.

— Мнѣ не понравилось ваше самовольное переселеніе меня къ себѣ,—заявилъ я,—но все, что я вижу, заставляетъ меня извинить вашъ поступокъ и благодарить васъ за избавленіе меня отъ хлопотъ и за незаслуженное ваше ко мнѣ вниманіе.

— Если пожелаете, — никто вамъ не помѣшаетъ заслужить. Рискъ, говорятъ, благородное дѣло, я и рискнула безъ вашего вѣдома перевести васъ и очень рада, что вы довольны. Теперь я у васъ на новосельѣ.

Служанка внесла на подносѣ и поставила на столъ бутылку съ виномъ, кондитерскій пирогъ, кофе и булки, все отъ хозяйки. Мы чокнулись, выпили, потолковали о разныхъ пустякахъ и, по зову ея, перешли въ столовую ужинать, а послѣ ужина, когда я поблагодарилъ ее и сталъ прощаться,—она пригласила меня къ себѣ обѣдать на другой день. Я раскланялся съ нею и ушелъ въ свою комнату.

Къ назначенному сроку я явился, и мы вкусно пообѣдали. Спустя часа два пришли къ ней ея старшая сестра, рослая, красивая женщина, лѣтъ тридцати на видъ, съ капитаномъ Измайловскаго полка Градовымъ. Хозяйка познакомила меня съ ними. Сестра играла на роялѣ, капитанъ—пѣлъ, потомъ всѣ мы вмѣстѣ чай пили и закусывали, а уходя, оба пригласили меня къ себѣ на слѣдующій вечеръ, съ моею хозяйкою, которая потомъ увѣрила меня, что у ея сестры я буду какъ дома и въ хорошемъ обществѣ. Я заинтересовался, и мы отправились вмѣстѣ. Въ просторной, богатой квартирѣ собралось до 20 разныхъ офицеровъ и женщинъ. Изъ нихъ одни пѣли, другіе — танцовали, а третьи — играли въ карты. Моя хозяйка и ея сестра усердно представляли меня всѣмъ и ухаживали за мною, но мнѣ было очень неловко: женщины какъ-то странно поглядывали на меня и шептались между собою. Хозяйка привезла меня домой на извозчикѣ уже въ третьемъ часу ночи. Я поблагодарилъ ее за доставленное мнѣ удовольствіе. Она шаловливо удержала мою руку. Я нагнулся и поцѣловалъ ее. Она укоризненно посмотрѣла на меня.

— Хотя мы и подружились, но это повторять не смѣйте, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока... пока... Не то поссоримся: я вольностей не терплю.

Сконфуженный, я растерянно извинился, а она удалилась въ спальню и заперлась извнутри.

Игру въ дружбу она продолжала столь прилежно, что въ теченіе недѣли свезла меня въ театръ и къ двумъ своимъ подругамъ въ гости, а дома тщательно наблюдала за чистотою въ моей комнатѣ, заставляла меня цѣлые вечера просиживать съ нею за чтеніемъ романовъ и разговорами. Отъ меня она выпытывала все, что со мною произошло чуть не съ младенчества, а о себѣ ровно ничего мнѣ не сообщила. Я это ей замѣтилъ.

— Уже послѣ, когда будетъ кстати, я васъ познакомлю съ собою,—отозвалась она, шутя.—Вы служите въ полиціи, и мнѣ нужно увѣриться, что вы меня не предадите, а потомъ уже болтать...

Я увѣрялъ ее, что я не сыщикъ и опасаться ей нечего, но она предложила мнѣ запастись терпѣніемъ, добавивъ, что „стерпится-слюбится...“

Я отсталъ отъ нея, но вслѣдствіе ея загадочности сильнѣе заинтересовался: кто она и чѣмъ живетъ. Обращался я за свѣдѣніями къ служанкѣ, но та странно ухмылялась и отвѣчала мнѣ также пословицею: „много будете знать — скоро состаритесь“, и прибавила: „а вы намъ нужны, какъ молодой“. Но разъ, вернувшись со службы, я не засталъ дома хозяйки и спросилъ служанку: давно ли и куда она ушла.

— Извѣстно, гулять,—сердито отвѣтила служанка. — Капиталы даромъ не даются; а она вовсе не барышня, какъ я зову ее, а солдатская дочь, форсить на средства своихъ воздахторовъ: дважды въ недѣлю пріѣзжаетъ къ часу дня, какъ бы завтракать, старикъ сенаторъ и даритъ триста цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, да дорогіе наряды; потомъ сенаторскій племянникъ, красивый офицеръ прилетаетъ сюда, либо она улепетываетъ къ нему, тоже не даромъ; наконецъ, по субботамъ въ сумеркахъ приползаетъ горбатый баринъ. Словомъ, она валандается съ тремя господами, а меня на чемъ свѣтъ стоитъ разругала за то, что ко мнѣ навѣдывается одинъ другъ—солдатикъ...

— Не врешь ли ты на нее за то, что она тебя распекла?

— Истинную правду говорю, да я ей самой въ безстыжіе ея глаза повторю то же самое и откажусь отъ мѣста, потому солдата не промѣняю на нее.

— Не хорошо, даже грѣшно опорочивать тѣхъ, кѣмъ живешь.

— Вы заступаетесь за нее, извините, по безсмысленности, либо въ самомъ дѣлѣ собираетесь на ней жениться.

— Я жениться? И не думалъ!

— А она такъ очень думаетъ женить васъ на себѣ, чтобы сдѣлаться хоть маленькою, да чиновницею. Я вамъ это говорю съ ейныхъ же словъ: приголублю, говоритъ, его, благо, онъ молодъ, красивъ и скромнаго характера, да и сведу его съ собою подъ вѣнецъ. Вотъ какія она держитъ мысли и рѣчи. Я все вамъ открыла, какъ по злобѣ на нее, такъ и изъ жалости къ вамъ: попадете въ ея руки, такъ натерпитесь муки.

Открытіе это поразило меня и лишило сна... Часу въ третьемъ до ушей моихъ долетѣли звяканье шпоръ, говоръ, ходьба по спальнѣ и сдержанный смѣхъ... Я достаточно прозрѣлъ, но утромъ служанка показала мнѣ офицерское платье, которое она выносила чистить, а изъ домовой книги вычиталъ я, что хозяйка моя дѣйствительно солдатская дочь, дѣвица. Свѣдѣнія эти сильно огорчили меня, и я не могъ заниматься, а потому отправился изъ канцеляріи въ 2 часа, зря пообѣдалъ въ кухмистерской и, не желая встрѣтиться съ хозяйкою, — вернулся домой по черной лѣстницѣ, засталъ въ своей комнатѣ служанку, подслушивавшую ссору хозяйки съ „анараломъ“, при чемъ она шепотомъ сообщила мнѣ, что утромъ нарочно впустила анарала безъ звонка, онъ и накрылъ хозяйку съ офицеромъ, который чрезъ кухню едва улепетнулъ, а генералъ принялся допекать хозяйку.

— Я на тебя трачу болѣе 400 руб. въ мѣсяцъ, — услышалъ я рѣзкій мужской голосъ,—а ты, неблагодарная, меня обманываешь, да еще съ кѣмъ? Съ моимъ же племянникомъ!..

— Я васъ, старый хламъ, удовлетворяю и довольно съ васъ,— огрызалась хозяйка,—а племянника вы сами ввели ко мнѣ и пеняйте на себя же: онъ молодъ, красивъ, а я не жена ваша. Вы обманываете вашу жену, а я—васъ, мы и квиты. Не я за вами, а вы вѣдь за мною гоняетесь, ну и платитесь.

— Ты, безстыжая дѣвка, которую на съѣзжей отодрать слѣдуетъ за твое скверное поведеніе.

— Пока вы этого добьетесь—я все разскажу вашей женѣ и дочерямъ: вы знаете, кажется, что я не изъ робкихъ и терять мнѣ нечего.

— Знаю, знаю, что отъ мозга до пятокъ ты развращена.

— А кто меня развратилъ? вы же, сановникъ, благодѣтель рода человѣческаго.

— Я на двухъ дочерей не трачу и половины того, что на тебя одну, а ты за это отплачиваешь мнѣ низостью, подлостью...

— Будь бы ваши дочери содержанками стариковъ, онѣ бы имъ по 4.000 руб. платили, но онѣ знатныя, благонравныя невѣсты, ждутъ жениховъ, а я простолюдинка, валандаюсь съ вами, разумѣется, изъ-за денегъ.

— Тебя, каналья, ничѣмъ не вразумишь. Тьфу, стерва этакая!

Онъ ушелъ, хлопнувъ дверью.

Кумиръ мой окончательно разбился вдребезги. Прошло часа два-три. Хозяйка постучалась ко мнѣ. Я нехотя откликнулся. Она позвала меня къ себѣ. Я отказался подъ предлогомъ головной боли. Она убѣдительно просила меня помочь ей горе размыкать. Я уступилъ—пошелъ.

— Вы смотрите злымъ, значитъ, что-нибудь слышали, — тихо молвила она, опустивъ голову,—либо вамъ насплетничала кухарка, и вы сердитесь.

— Кое-что я самъ еще ночью слышалъ, а недавно—какъ ругались,—сдержанно отвѣтилъ я;—слышалъ, въ чемъ васъ упрекали, и, признаюсь, крайне огорченъ вашею неумѣстною со мною игрою.

— Простите меня, пожалуйста, я виновата, но только предъ вами, а не предъ тѣми, которые такъ же грязны, какъ я. Они меня испортили, я имъ и мщу.

Она порывисто повѣдала мнѣ, что, будучи безродною швейкою, часто носила изъ магазина платья женѣ и дочерямъ старика, который сманилъ ее на содержаніе къ нему, а такъ какъ онъ старъ и брюзга, то они ссорятся и мирятся уже сряду 4 года, но, привыкнувъ къ роскоши, облѣнилась и безъ крутаго поворота въ жизни не въ состояніи обратиться на честный путь. Однако, если бы нашла человѣка равнаго, сразу сдѣлалась бы хорошею женою, вывела бы

мужа въ люди и обезпечила бы его, такъ какъ располагаетъ сильными связями и порядочными средствами. Выслушавъ ея исповѣдь, я посовѣтовалъ ей прежде исправиться, а потомъ думать о замужествѣ; про себя же рѣшилъ сбѣжать отъ нея, хотя мнѣ было жаль ее. Замѣтивъ мою предубѣжденность противъ себя, она утроила ухаживанья за мною; многократно предлагала мнѣ протекцію, а офицеръ больше не появлялся ночами. Она, видимо, не покидала надежды опутать меня, но всѣ ея ухищренія оставались напрасными: живя въ одной квартирѣ со мною, ей мудрено было скрывать отъ меня свои поступки, которые служанка, къ тому же, усердно разоблачала предо мною. Опасаясь ея сѣтей, я собирался, подъ благовиднымъ предлогомъ, выселиться.

Наступилъ новый годъ. Идти мнѣ некуда было, и я сидѣлъ дома. Въ часъ дня явился старикъ поздравить хозяйку. Сперва они мирно бесѣдовали, потомъ стали слегка перекоряться, наконецъ, изъ доносившихся ихъ голосовъ я понялъ, что онъ привезъ ей подарокъ, который ей не понравился.

— Вы сулили мнѣ карету и пару вороныхъ, но этого до сихъ поръ не исполнили,—звонко говорила она,—поэтому, давайте къ подарку еще тысячу рублей, и я перестану напоминать объ экипажѣ.

— Пять—шесть лѣтъ тому назадъ,—произнесъ старикъ,—я за полцѣны этого подарка могъ бы купить такую, какъ ты, дѣвку, а ты, алчная, недовольна подаркомъ.

— Такъ купите же себѣ дѣвку,—вспылила она.

Мгновенно стулья разлетѣлись, и что-то грохнулось на полъ. Она отчаянно вскрикнула. Я вбѣжалъ въ гостиную, увидѣлъ растянувшагося на полу старика, во фракѣ со звѣздами на обѣихъ сторонахъ груди, а возлѣ него—раскрывшійся футляръ съ браслетомъ съ брилліантами.

— Помог-гите...—прошептала она, нагибаясь къ старику.

Мы попытались было его поднять, но оказались безсильными: онъ былъ высокій, тучный. Тогда она потормошила его голову, плечи, приставила къ его лицу зеркало, чтобы узнать, дышетъ ли онъ, и убѣдилась, что умеръ... Мы постояли, вытаращивъ глаза, потомъ она опомнилась, погнала служанку въ домъ старика дать знать о случившемся, а вслѣдъ за служанкою и сама отправилась, какъ сказала мнѣ, къ сестрѣ за совѣтомъ, какъ быть. Немного погодя я спустился во дворъ, послалъ дворника въ кварталъ, вернулся къ покойнику, поднялъ футляръ, разглядѣлъ красивый, массивный браслетъ съ нѣсколькими крупными брилліантами, снесъ его въ хозяйкину спальню, положилъ на туалетъ и вернулся въ свою комнату—ждать дальнѣйшихъ событій. Часа черезъ два комната наполнилась разными людьми,

умершаго подняли, положили на носилки и унесли. Вслѣдъ за тѣмъ явилась хозяйка въ сопровожденіи гражданскаго мужа ея сестры, капитана Градова. Поджидавшій квартальный приступилъ къ дознанію со служанки, которая отозвалась, что старикъ давно пріѣзжалъ къ хозяйкѣ, а съ чего и какъ онъ скончался—не слыхала... Я показалъ, что, услышавъ паденіе и крикъ хозяйки,—вбѣжалъ и увидѣлъ старика—на полу мертваго.

— Ну, а почему къ тебѣ, солдатской дочери, жаловалъ покойный, столь важное лицо?—обратился квартальный къ блѣдной хозяйкѣ. Это загадочно.

— Онъ былъ со мною знакомъ.

— Тайный совѣтникъ не можетъ быть знакомъ съ солдатскою дочерью.

— Если мои слова вамъ непонятны, то онъ меня содержалъ.

— Солдатская дочь не годится сановнику и въ содержанки. Ты, я увѣренъ, все это врешь, а просто дѣвка... случайно замѣтила его, шедшаго по лѣстницѣ къ равному себѣ съ визитомъ и заманила къ себѣ... Признавайся...

— Она правду вамъ сказала,—вмѣшался капитанъ,—я это достовѣрно знаю.

— Ежели ты, какъ я вижу, шлюха, то гдѣ твой желтый билетъ?

— Потрудитесь, г. квартальный, ограничиться спросомъ относительно смерти г. Е.,—рѣзко вставилъ капитанъ,—а не оскорблять ее: она не гулящая. Я сегодня же пожалуюсь на васъ оберъ-полицеймейстеру.

— Вы, г. капитанъ, не такой ли же ея знакомый, какъ покойный, что такъ за нее заступаетесь?

— Не такой же, какъ покойный, но ея знакомый и въ обиду ее не дамъ. Извольте говорить безъ ироніи, пока я вамъ...

— Да я безъ ироніи ее арестую, до разъясненія дѣла.

— Не имѣете на это права; она никакого преступленія не совершила, а если сомнѣваетесь, то я беру ее на поруки и отвѣчу за нее. Понимаете?

— Всеконечно.—Отвѣть мнѣ откровенно: какъ и отчего произошла смерть твоего высокопоставленнаго содержателя?

— Онъ человѣкъ старый и тучный, слишкомъ быстро всталъ со стула и упалъ вмѣстѣ съ нимъ на полъ. Я съ перепугу вскрикнула, вотъ онъ, мой жилецъ,—указала она на меня,—вошелъ на мой крикъ, когда онъ уже и не дышалъ. Отчего именно умеръ онъ—я не знаю.

— Ладно, такъ и запишемъ.—А вы, г. капитанъ, роспишитесь, что приняли ее на поруки. Мое дѣло сдѣлано. Прощайте...

Квартальный ушелъ. Хозяйка разрыдалась. Капитанъ увелъ ее съ

собою къ сестрѣ, гдѣ она и ночевала. На слѣдующее утро я изъ доклада оберъ-полицеймейстера генералъ-губернатору вычиталъ, что сенаторъ тайный совѣтникъ Е. умеръ отъ разрыва сердца, а по просьбѣ его вдовы, дознаніе производствомъ прекращено, для охраненія фамильной чести, такъ какъ скончался онъ въ квартирѣ солдатской дочери дѣвицы,—находившейся подъ его покровительствомъ. Нѣсколько дней хозяйка моя казалась крайне огорченною, а затѣмъ, попросила меня съѣздить съ нею въ N казармы. Въ недоумѣніи я спросилъ ее—зачѣмъ.

— Справиться объ офицерѣ... ну, племянникѣ... Къ нему пріѣхали изъ помѣстья на святки его мать и сестра-дѣвица, забывшія захватить съ собою украшенія. Онъ и выпросилъ у меня надѣть сестрѣ на балъ серьги, четыре кольца, два браслета и ожерелье, всѣ вещи съ брилліантами, да лучшую чернобурую бархатную лисью шубу, но вотъ уже больше недѣли ни вещей не возвращаетъ, ни самъ не пріѣзжаетъ, да и на записки мои ничего не отвѣчаетъ. Меня беретъ сомнѣніе...

Мы отправились прямо въ квартиру, въ которой онъ, какъ она знала, жилъ, но ее занималъ уже другой офицеръ, а тотъ, котораго мы искали—уѣхалъ, дескать, изъ Петербурга; въ полковой же канцеляріи писарь показалъ намъ приказъ, которымъ онъ уволенъ былъ въ отставку, да пояснилъ, что уѣхалъ, какъ говорили, къ матери; судя же по разсчету времени, выходило черезъ день послѣ взятія у нея вещей. Услышавъ все это, она залилась слезами.

— Дядя развратилъ меня, а племянникъ обокралъ...—говорила она, всхлипывая. Вещи стоили до 10.000 руб. Вотъ такъ господа, чтобъ имъ ни дна, ни покрышки не было.

Она бросилась къ сестрѣ за помощью, та погнала на поиски своего капитана, но и онъ ничего утѣшительнаго не принесъ; офицера и слѣдъ простылъ.

— Я вынуждена съѣхать съ квартиры — покамѣстъ къ сестрѣ, заявила хозяйка. Э-эхъ, доля моя горькая!.. Ну да, авось, еще не пропаду.

Какъ разъ въ это время, на мое, какъ мнѣ казалось, благополучіе, устроившій мой переводъ въ канцелярію, полковникъ Шабельскій, предложилъ мнѣ заниматься вечерами его служебными дѣлами, за комнату въ его квартирѣ и 10 р. жалованья въ мѣсяцъ. Я охотно согласился, поблагодарилъ хозяйку за ея гостепріимство, пособолѣзновалъ о ея горѣ и потерѣ [1]) и переѣхалъ къ Шабельскому въ кро-

---

[1]) Спустя три года, я случайно встрѣтилъ ее и узналъ, что она замужемъ за жандармскимъ офицеромъ и содержитъ швейный магазинъ. Это подтвердилось и по домовой книгѣ, въ которую я, изъ любопытства, посмотрѣлъ.

шечную комнатку надъ сараемъ. Онъ, пожилой уже холостякъ, лѣтъ сорока, жилъ одинъ, а по своимъ служебнымъ обязанностямъ, только-что вернулся изъ Лужскаго уѣзда, съ усмиренія крестьянскаго бунта въ имѣніи свитскаго генерала Глинки-Маврина. И вотъ онъ передалъ мнѣ цѣлый ворохъ бумагъ, объяснилъ ихъ значеніе и поручилъ составить изъ нихъ обстоятельный рапортъ генералъ-губернатору. Я тщательно разобралъ эти бумаги, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что помѣщикъ, при содѣйствіи мироваго посредника, отобралъ отъ крестьянъ участокъ земли, которымъ они издавна пользовались, и потому они, разозлившись, угрожали сжечь барскую усадьбу, отказались взять уставную грамоту, покушались избить посредника и полицію, словомъ, взбунтовались. Посланный на мѣсто Шабельскій убѣдилъ помѣщика, посредника и крестьянъ, что всѣ неправы, привелъ ихъ къ соглашенію и примирилъ. Разсортировавъ, по категоріямъ, показанія и переписку, я въ три ночи сочинилъ, на четырехъ листахъ рапортъ. Шабельскій кое-что въ немъ исправилъ, я его переписалъ, и онъ представилъ князю Суворову, а тотъ государю. На третій день вечеромъ Шабельскій явился домой чрезвычайно торжественнымъ и показалъ мнѣ полученную имъ отъ Суворова бумагу, о томъ, что государь за умиротвореніе крестьянъ благоразумными мѣрами, безъ всякихъ насилій, а также за безпристрастное и ясное изложеніе дѣла пожаловалъ ему, Шабельскому, орденъ св. Владиміра 4-ой степени. Я поздравилъ его съ монаршею милостью, а онъ разсказалъ мнѣ, что награда эта ему особенно дорога тѣмъ, что государь похвалилъ его отцу его, полному генералу, пріѣхавшему изъ провинціи и являвшемуся къ государю.

Удачный первый мой трудъ вселилъ въ Шабельскомъ довѣріе къ моимъ знаніямъ, и потому всѣ дальнѣйшія мои писанья онъ уже подписывалъ безъ исправленія, а нерѣдко и не читавши. Между тѣмъ, порученія Суворовъ давалъ ему самыя разнородныя, напримѣръ, провѣрить заключенныя слѣдствія, разбирать жалобы: супруговъ—другъ на друга, родителей—на совершеннолѣтнихъ ихъ сыновей-мотыгъ и дочерей гулящихъ, претензій опекуновъ—на опекаемыхъ и послѣднихъ на первыхъ—за корыстолюбивыя распоряженія ихъ имуществомъ, заимодавцевъ—на неплатежъ имъ долговъ, за вторичныя взысканія по оплаченнымъ обязательствамъ, на невознагражденіе за находки, на пропажу, утайку и растрату имущества, на невозмѣщеніе страховыми обществами пожарныхъ убытковъ, на медленность и неправильность рѣшеній департаментовъ управы благочинія, магистрата, совѣстнаго суда, городской думы и т. д., и т. д. По всѣмъ перечисленнымъ дѣламъ доставлялись Шабельскому, по его требованіямъ, подлинныя производства, а къ нему являлись добровольно и по его

вызовамъ господа и госпожи, хозяева и хозяйки ресторановъ, магазиновъ, лавокъ, офицеры, франты, купцы ростовщики, мужики, бабы, содержательницы домовъ терпимости и желавшія отъ нихъ уйти дѣвицы, а также квартальные по жалобамъ на нихъ.

Въ населенныхъ густо кварталахъ, паспортисты занимались лишь за тѣ деньги, какія собирали за прописку паспортовъ, съ кого по скольку хотѣли, при чемъ изъ этихъ доходовъ удѣляли доли квартальнымъ, но при дѣлежахъ между квартальными и паспортистами случались ссоры и первые прогоняли послѣднихъ, а они, въ отмщеніе имъ,—изобличали ихъ въ прошеніяхъ къ генералъ-губернатору въ томъ, что разыскивавшихся приказами по полиціи не задерживали, а за деньги отпускали, снабжали видами, или даже держали писцами въ кварталахъ же. Глядя, какъ наживались квартальные и паспортисты, иные помощники квартальныхъ и письмоводителей содержали квартиры спеціально для безпаспортныхъ, а такъ какъ никакихъ ночлежныхъ пріютовъ не было, то бродячій людъ доставлялъ квартиросодержателямъ изрядный доходъ. Объ этомъ генералъ-губернаторъ также получалъ доносы и поручалъ разслѣдовать ихъ Шабельскому. Существовалъ адресный столъ для взиманія со всякаго рода частныхъ служащихъ и прислуги адреснаго сбора и больничныхъ. Туда являлось ежедневно наименьшее 150 человѣкъ. Записывавшіе сборъ также служили не только безъ жалованья, но сами тоже платили начальнику стола 150—200 руб. въ мѣсяцъ каждый, смотря по значенію, какое кто изъ нихъ имѣлъ, изъ доходовъ, какіе извлекали отъ приносившихъ сборъ, такъ какъ дешевле, чѣмъ за рубль, никто не могъ получить квитанціи во взносѣ сбора въ тотъ же день, отказывавшіеся же платить—ходили напрасно, изо-дня въ день цѣлыми недѣлями, а изъ нихъ смѣльчаки, пользуясь безграничною доступностью князя Суворова, тоже жаловались ему на поборы.

Шабельскій, учившійся въ Пажескомъ корпусѣ, до чина ротмистра провелъ въ уланахъ, откуда перешелъ къ Суворову въ адъютанты, а потомъ назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій. Былъ онъ свѣтскій человѣкъ, корпѣть надъ бумагами не любилъ, но суть ихъ хорошо понималъ и дѣйствовалъ на всѣхъ благовоспитанными манерами и убѣжденіемъ. Хотя онъ часто самъ нуждался въ деньгахъ на разсѣянную жизнь, но въ дѣлахъ поступалъ честно, вопреки господствовавшему взяточничеству, а за это пользовался особымъ расположеніемъ Суворова. Мирволилъ онъ, случалось, только молодымъ барынямъ, въ особенности француженкамъ, которымъ не платили за купленные у нихъ наряды, или за сожительство съ ними, предпочтительно актрисами.

Взявшись за письмоводство у Шабельскаго, я долженъ былъ, по

необходимости, для составленія докладовъ Суворову, внимательно изучать дѣла и рыться въ законахъ, а дабы легче ихъ находить: онъ досталъ—всѣ томы Свода законовъ, а я купилъ „ключъ къ Своду законовъ“ и по немъ легко разыскивалъ нужные законы, а чего не могъ найти—дознавался у сослуживцевъ. Знакомясь на службѣ и въ особенности, по порученіямъ Шабельскаго, со всевозможными житейскими казусами, я пріобрѣталъ опытность, развивалъ свои способности и дѣловитость, а все это считалъ для себя полезнымъ и потому работалъ безъ устали. Случались и спѣшныя дѣла, требовавшія и утренняго времени, а портить свою репутацію „исправнаго служаки“ я не хотѣлъ, поэтому, Шабельскій получилъ для меня отъ правителя разрѣшеніе опаздывать приходомъ въ канцелярію. Мало того, мои занятія у него, часто нужнаго правителю, еще болѣе подняли меня въ его глазахъ, и я не только былъ перечисленъ въ штатъ канцеляріи, но еще ко всеобщему удивленію сослуживцевъ награжденъ былъ, въ числѣ чиновниковъ, 25 рублями. Самъ Шабельскій дорожилъ моими усиленными трудами, потому что они удостоивались одобренія въ канцеляріи генералъ-губернатора, гдѣ разсматривались и разрѣшались. Въ свою очередь и я былъ доволенъ расширившимися моими познаніями, доставлявшими мнѣ утѣшеніе въ бѣдномъ моемъ существованіи, такъ какъ я продолжалъ жить лишь на тѣ же 16 руб. въ мѣсяцъ; обѣщаннаго жалованья Шабельскій мнѣ не давалъ, а я спрашивать не рѣшался и довольствовался отъ него даровою лишь каморкою.

Однажды, я вычиталъ изъ секретнаго приказа по полиціи о назначенномъ на слѣдующее утро, 13-го іюня 1864 г., объявленіи на конной площади, приговора титулярному совѣтнику Чернышевскому, а изъ разспросовъ сослуживцевъ убѣдился, что это былъ тотъ самый, которому я, около трехъ лѣтъ тому назадъ, снесъ свою рукопись „Многострадальные“, которую потомъ боялся доискиваться. Такъ какъ я питалъ къ Чернышевскому безотчетное уваженіе, то пожелалъ увидѣть его еще разъ, хоть въ несчастномъ положеніи. Между тѣмъ, разнесся слухъ, будто-бы его хотятъ отбить у полиціи, среди города, когда его повезутъ, такъ же, какъ возили раньше такихъ же, какъ онъ, на позорной колесницѣ, на площадь. Оттого, въ теченіе ночи, какъ мнѣ передавали, нѣсколько разъ мѣняли маршрутъ провозки его на площадь, чтобы сбить съ толку намѣревавшихся заступиться за него, располагавшаго, какъ говорили, большимъ вліяніемъ, въ особенности, на учившуюся молодежь.

Въ 5 часовъ утра отправился я по направленію къ площади, по разнымъ улицамъ, при чемъ видѣлъ туда же ѣхавшихъ и шедшихъ множество интеллигентныхъ мужчинъ и женщинъ и полицейскихъ.

Среди шедшихъ обращалъ на себя особенное вниманіе среднихъ лѣтъ мужчина, въ картузѣ, очкахъ и поддевкѣ. Это былъ, какъ въ то же утро я узналъ, писатель П. И. Якушкинъ. Близъ Песковъ, въ переулкѣ, онъ остановился возлѣ кабака, сталъ стучать въ раму и кричать: „эй любезный, откликнись". Кабатчикъ приблизился къ форточкѣ и отворилъ ее. Якушкинъ что-то сказалъ ему и далъ деньги. Немного погодя, кабатчикъ подалъ Якушкину два шкалика съ водкою, ломоть хлѣба и пару огурцовъ. Якушкинъ выпилъ изъ одного шкалика и разбилъ его, а другой и огурецъ положилъ въ карманъ и пошелъ дальше, закусывая на ходу и разговаривая со знакомыми и незнакомыми.

Площадь, на которой обыкновенно торговали лошадьми, была очень грязная. Тѣмъ не менѣе, вокругъ построеннаго эшафота, посереди нѣ котораго торчалъ столбъ, становились въ грязь, какъ потомъ доносила полиція, до 5.000 старыхъ, пожилыхъ, молодыхъ, красиво, прилично и бѣдно одѣтыхъ мужчинъ и женщинъ, при чемъ всѣ, какъ бы удрученные однимъ горемъ,—выглядѣли грустными. Туда же явился полкъ пѣхоты и выстроился вокругъ эшафота, деликатно оттѣснивъ назадъ публику, образовавшую вторую въ три—четыре ряда цѣпь, сзади которой размѣстились конные жандармы. Въ публику протискивались, съ извиненіями, переодѣтые въ статское платье полицейскіе, пытавшіеся заговаривать, но имъ, замѣчательно, никто ничего не отвѣчалъ. Вдругъ полилъ частый дождь. Мигомъ поднялись и распустились зонтики, превратившіеся почти въ сплошную крышу. Скоро пара отличныхъ, взмыленныхъ, отъ быстраго бѣга, вороныхъ лошадей подвезли прямо къ эшафоту барскую карету, окруженную восемью конными жандармами съ саблями наголо. Всѣ встрепенулись и направили взоры въ карету. Дверцы ея растворились, и изъ нея вышли два жандарма съ обнаженными саблями, Чернышевскій, а за нимъ офицеръ. Всѣ зонтики разомъ закрылись, и раздался общій тяжелый вздохъ. Съ эшафота спустились, четыре ступеньки внизъ, два палача въ красныхъ рубашкахъ, приблизившись къ Чернышевскому, и онъ между ними поднялся на эшафотъ, а жандармы остались внизу. Онъ сталъ между палачами, лицомъ къ публикѣ; онъ былъ въ очкахъ и блѣдный. На эшафотъ вошелъ пожилой полицейскій чиновникъ съ сверткомъ бумаги въ рукахъ. Вблизи эшафота встали впереди всѣхъ комендантъ, оберъ-полицеймейстеръ, жандармскій генералъ. Комендантъ махнулъ рукою командиру полка, и тотъ скомандовалъ на плечо. Дождь пересталъ, а тучи начали разбѣгаться. Чиновникъ громко сталъ читать приговоръ, среди мертвой тишины. Читалъ онъ плохо, съ передышками, заикался, а въ одномъ мѣстѣ поперхнулся и едва выговорилъ „сацалическихъ идей". Чернышевскій улыбнулся. По

окончаніи чтенія, палачи подвинули его назадъ, къ позорному столбу, и вдѣли его руки въ висѣвшія съ обѣихъ сторонъ длинныя цѣпи, съ кольцами. Командиръ скомандовалъ: на кра-улъ. Прошло минутъ десять. Палачи вынули руки изъ колецъ, подвинули его впередъ и что-то сказали ему. Онъ сталъ на колѣни, палачъ переломилъ надъ его головою шпагу, и онъ поднялся на ноги, а командиръ скомандовалъ: „къ ног-гѣ“. Солнце ярко блеснуло и заиграло, а черезъ головы солдатъ перелетѣлъ и упалъ прямо къ ногамъ Чернышевскаго букетъ живыхъ цвѣтовъ. Онъ съ улыбкою кивнулъ въ ту сторону, откуда онъ прилетѣлъ. Войско подвинулось ближе къ эшафоту, а букеты и вѣнки со всѣхъ сторонъ градомъ полетѣли на эшафотъ. Чернышевскій улыбался, а полицейскіе тщетно пытались ловить руки бросавшихъ цвѣты, ибо публика оттѣсняла ихъ. Къ эшафоту подлетѣла та же карета, въ нее поспѣшно помѣстили Чернышевскаго и прежнихъ его спутниковъ, жандармы плотно окружили ее, и она полетѣла стрѣлою, а за каретою помчались частные экипажи, коляски, дрожки...

Произошло общее движеніе... Зрители и полицейскіе смѣшались, говорили, спорили... Оглянувшись вокругъ, я увидѣлъ множество валявшихся въ грязи букетовъ и вѣнковъ и пошелъ по улицѣ, но до Невскаго валялись тѣ же вѣнки и букеты. Какъ ни тягостно было для зрителей все, что они видѣли, тѣмъ не менѣе они, какъ я слышалъ отъ шедшихъ, были довольны тѣмъ, что Чернышевскаго привезли и увезли въ каретѣ, а не на позорной колесницѣ и не надѣвали на него послѣ объявленія приговора сѣрой арестантской куртки, какъ дѣлали раньше, въ подобныхъ же случаяхъ, съ Обручевымъ и Михайловымъ.

Я пришелъ въ канцелярію около 9-ти часовъ. Тамъ многіе бѣгали вверхъ и внизъ по лѣстницѣ. Поднялся и я въ пріемную, а тамъ увидѣлъ окруженную полицейскими взволнованную, молоденькую, красивую дѣвицу, а вблизи Якушкина, спорившаго съ квартальными. Вскорѣ изъ кабинета вышелъ унылый Анненковъ и приблизился къ дѣвицѣ.

— Скажите по совѣсти, вы кинули на эшафотъ первый букетъ?— спросилъ онъ ее,—и если дѣйствительно вы, то кто вамъ поручилъ это сдѣлать?

— Да, я бросила первый букетъ, — отчетливо отвѣтила она, — а сдѣлала я это по собственному желанію.

— Что же васъ побудило на этотъ поступокъ? родство, знакомство съ осужденнымъ, или что другое?

— Я рѣшилась выразить букетомъ сочувствіе невинно осужденному.

— Почему вы думаете, что Чернышевскій обвиненъ безвѣнно?

— Говорятъ... я слышала... многимъ извѣстно...

— Она, какъ видите, ребенокъ, по легкомыслію приняла на себя вину,—вмѣшался Якушкинъ,—тогда какъ первый вѣнокъ бросилъ я... Прикажите, генералъ, ее отпустить, а меня—арестовать...

Анненковъ взглянулъ на Якушкина и улыбнулся, а квартальные единогласно заявили, что сами видѣли, какъ дѣвица кинула букетъ, и потому не отходили отъ нея, а Якушкина вблизи не видали. Однако, онъ упорно настаивалъ на своемъ, а дѣвица сквозь слезы повторяла свое признаніе.

— Вы, г. Якушкинъ, извольте удалиться отсюда,—произнесъ Анненковъ,—но если ваше заявленіе подтвердится,—васъ, будьте увѣрены, арестуютъ, а ее отпустятъ.

— Но у меня и квартиры нѣтъ, гдѣ же меня станутъ искать?

— Объ этомъ не безпокойтесь: вы такъ замѣтны, что васъ найдутъ. Ступайте же, ступайте, куда знаете. Заявленіе ваше будетъ принято къ свѣдѣнію.

Онъ пожалъ плечами и что-то бормоча повиновался, дѣвицу помѣстили въ отдѣльной комнатѣ, произвели дознаніе въ домѣ, гдѣ она жила, спросили многихъ и затѣмъ отправили ее. Михаелисъ [1]) выслали въ Ладожскій уѣздъ, подъ надзоръ родителей.

Описанное сильно занимало всю канцелярію, потому въ особенности, что по дѣлу Чернышевскаго почти ежедневно ходилъ къ Анненкову генералъ-лейтенантъ Е. П. Ковалевскій [2]), хлопотавшій о разрѣшеніи свиданій съ Чернышевскимъ его женѣ и отцу, почтенному на видъ, сѣдому протоіерею, пріѣхавшему изъ Саратова. Хожденіе Ковалевскаго и протоіерея поражало моихъ сослуживцевъ: они рѣшительно не въ состояніи были понять, какъ сынъ такого отца могъ совершить преступленіе (какое именно, никто рѣшительно не зналъ), за которое его осудили на площади, и какъ генералъ-лейтенантъ могъ хлопотать за такого человѣка.

Нѣкоторое время спустя Шабельскій, къ изумленію моему, вдругъ пропалъ на четверо сутокъ и когда нашелся—спросилъ меня, благополучно ли я безъ него обошелся, а выслушавъ мой утвердительный отвѣтъ, задалъ мнѣ вопросъ: перестали ли говорить о Чернышевскомъ? Я отвѣтилъ ему, что всѣ говорятъ, хотя никто, кажется, не знаетъ,

---

[1]) Впослѣдствіи вдова полковника, извѣстнаго литератора Н. В. Шелгунова. Л. П. Шелгунова, говорила мнѣ, что Михаелисъ, ея сестра, не разъ подвергалась арестамъ, была замужемъ за Богдановичемъ, судившимся по политическому дѣлу Соловьева и умершимъ въ больницѣ для умалишенныхъ.

[2]) Онъ былъ предсѣдателемъ комитета литературнаго фонда, умеръ въ 1868 г.

въ чемъ онъ виновенъ, а мнѣ бы очень хотѣлось знать, потому—неизвѣстно ли ему?

— Онъ своими сочиненіями совращалъ съ истиннаго пути легковѣренныхъ людей и подстрекалъ ихъ къ неповиновенію властямъ,—разъяснилъ мнѣ Ш., а въ запрещенныхъ заграничныхъ изданіяхъ, начиная съ „Колокола"—ругалъ русское правительство. За все это его осудили Сенатъ и Государственный Совѣтъ. Въ обществѣ многіе, даже не знавшіе его вины,—защищали его только за его талантъ, а глупая молодежь, у которой всѣ виновные—правы, волновалась, даже мечтала освободить его. И вотъ, во избѣжаніе подготовлявшагося, со стороны зловредныхъ людей, столкновенія молодежи съ властями изъ-за Чернышевскаго,—его свезли на площадь, для объявленія приговора, не на позорной колесницѣ, а въ каретѣ, да и въ Сибирь отправили не по этапу, а одного, съ жандармами. По порученію генералъ-губернатора, я поѣхалъ съ Чернышевскимъ, окруженные отрядомъ жандармовъ, сухопутьемъ на Волховскую станцію, гдѣ былъ приготовленъ особый вагонъ, въ которомъ я проводилъ его до Любанской станціи, а тамъ сдалъ жандармскому офицеру съ его конвоемъ и вернулся назадъ. Изъ долгихъ моихъ бесѣдъ съ Чернышевкимъ, въ пути, я вынесъ непріятное о немъ впечатлѣніе по вреднымъ его сужденіямъ о религіи, правительствѣ, обществѣ и народѣ, т. е., хотя онъ очень ученый, но отъ учености у него умъ за разумъ зашелъ. Вотъ все, что я могу сказать о немъ.

Миновала еще недѣля... Вдругъ на моемъ дежурствѣ прислали изъ III отдѣленія оставшійся послѣ Чернышевскаго тюкъ книгъ и бумагъ. Составляя книгамъ и бумагамъ опись, я, въ числѣ рукописей, нашелъ свою и спряталъ ее въ столъ, а остальныя, передали, помнится мнѣ, Н. А. Некрасову и А. И. Пыпину.

Вскорѣ послѣ того былъ я въ Маріинскомъ театрѣ. Шла опера „Жизнь за царя". Въ антрактѣ я издали увидалъ и узналъ Якушкина, стоявшаго у барьера, лицомъ къ публикѣ, при чемъ съ разныхъ сторонъ на него направлялись лорнеты. Къ нему подошелъ комендантъ, генералъ, забылъ его фамилію, а сзади него приблизился и я изъ любопытства.

— Вамъ, г. Якушкинъ, неудобно тутъ стоять,—произнесъ комендантъ. Всѣ на васъ смотрятъ.

— И пусть смотрятъ,—возразилъ Якушкинъ,—мнѣ, напротивъ, очень удобно.

— Вы своимъ костюмомъ обращаете на себя всеобщее вниманіе, а это некстати, неумѣстно.

— Вольно же имъ ротозѣйничать. Опера русская, а я и мой костюмъ тоже, какъ изволите, видѣть, русскіе, потому я и пришелъ сюда.

— Такъ-то такъ, но все-таки удалитесь, пожалуйте, наверхъ.

— Отсюда лучше видно, я заплатилъ три цѣлковыхъ и не хочу ихъ даромъ терять.

Къ спорившимъ подошелъ статскій, шепнулъ что-то Якушкину, взялъ его подъ руку, и онъ, кивнувъ головою генералу, удалился съ нимъ, куда я не замѣтилъ.

Нѣкоторое время спустя два жандарма привели въ канцелярію къ столоначальнику Шамину того же Якушкина.

— Вотъ и я,—весело молвилъ онъ.—Здравствуйте, братцы. Какъ поживаете, хорошо ли пожинаете? Я готовъ въ какую угодно палестину.

— Доигрались таки вы, Павелъ Ивановичъ, до путешествія,— замѣтилъ ему Шаминъ.—Сколько разъ предостерегали васъ быть смирнѣе, а вы все не слушали. Э-эхм-ма...

— Да не стоило и слушать: я приверженецъ свободы, а меня заставляли молчать. Я не трусъ, а солнце вездѣ свѣтитъ и грѣетъ, да и водка повсюду водится, а больше мнѣ ничего и не нужно.

— А гдѣ же ваше имущество?

— Вотъ оно,—показалъ онъ на узелокъ:—я весь тутъ, по крайней мѣрѣ, безъ хлопотъ и лишняго казеннаго расхода на перевозку.

— Такъ вы поѣдете вотъ съ ними,—указалъ Шаминъ на жандармовъ.

— Охотно; я уже соскучился въ вашемъ Питерѣ и очень доволенъ путешествію на казенный счетъ, да съ этакими тѣлохранителями.

— Желаю вамъ счастливаго пути.

— И вамъ того же желаю. Господинъ попутчикъ,—обратился онъ къ одному изъ жандармовъ,—возьми-ка мое имущество, да смотри сбереги его.

Жандармъ принялъ узелокъ.

— Я, братцы,—продолжалъ онъ обоимъ,—человѣкъ веселый и со мною не соскучитесь, да и мнѣ будетъ съ вами безопасно: охраните меня отъ всякихъ бѣдъ, а за это я люблю васъ, синихъ молодцовъ.

— Довольно, Павелъ Ивановичъ, довольно, съ Богомъ.

— Такъ отправимся въ путь-дорогу, прямо на луну, благо кормовыя вы, молодцы, конечно, получили на меня, а вы, братцы, прощайте и не поминайте лихомъ [1]).

Онъ весело пошелъ съ улыбавшимися ему жандармами.

— Экій безшабашный человѣкъ,—проговорилъ Шаминъ.—Вся его вина только въ томъ, что повсюду суется, болтаетъ всякій вздоръ, напивается и бурлитъ, въ мужицкой одеждѣ.

Изо-дня въ день занимался я съ 9-ти утра до 4-хъ по полудни

---

[1]) Въ сентябрѣ 1864 г., а умеръ въ 1872 г.

въ канцеляріи, а съ 6 до 12, а иногда и до двухъ ночи дома—дѣлами Шабельскаго. Въ моей комнатѣ зимою съ полу сильно дуло и было такъ холодно, что ноги мерзли, отчего приходилось писать въ галошахъ, верхнемъ платьѣ и въ шапкѣ. Казеннаго жалованья съ трудомъ хватало мнѣ на скудное пропитаніе. Въ канцеляріи видѣлъ я арестованныхъ и ссылавшихся, а дома слышалъ жалобы — просителей и ропотъ — вызывавшихся. Въ канцеляріи и дома трудился я надъ одинаково кляузными дѣлами, отъ которыхъ меня часто коробило. Все это, вмѣстѣ взятое, нагнало на меня хандру. Въ довершеніе всего двухъ писцовъ разжаловали въ пожарные солдаты, а инспекторскій департаментъ потребовалъ назадъ всѣхъ бывшихъ военныхъ писарей, разъяснивъ, что они обязывались служить исключительно въ наружной полиціи, но никакъ не писцами въ канцеляріи. Требованіе это возникло потому, что бывшій нѣсколько лѣтъ сряду фельдфебелемъ инспекторскаго департамента Кузьминъ пріобрѣлъ, среди сослуживцевъ, ненависть за суровое съ ними обращеніе и, когда его, вслѣдствіе перемѣны начальства, смѣстили изъ фельдфебелей—онъ, лично извѣстный Анненкову (былъ раньше вице-директоромъ департамента), перепросился въ канцелярію и былъ зачисленъ въ писцы. Объ этомъ узнали его враги и изъ чувства мщенія — забросали доносами военнаго министра, дежурнаго генерала и прочихъ властныхъ лицъ. Департаментъ и обобщилъ вопросъ, да потребовалъ обратно человѣкъ 20, съ Кузьминымъ во главѣ.

Всѣ называвшіеся писцами всполошились со страху за свою участь и энергически принялись отыскивать защиту въ законахъ, но нашли только въ полномъ собраніи именной высочайшій указъ, объявленный Сенату с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ 20 іюня 1809 г. „о считаніи находящихся въ петербургской полиціи кантонистовъ, опредѣленныхъ изъ военно-сиротскихъ отдѣленій службою единственно по полиціи, употребляя ихъ на должности, къ коимъ окажутся способными“. Указъ этотъ гласилъ „по всеподданнѣйшему докладу, какъ поступать въ перемѣщеніи находящихся въ штатѣ полиціи, опредѣленныхъ изъ сиротскихъ отдѣленій кантонистовъ, его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ означенныхъ кантонистовъ, яко уже выключенныхъ изъ военнаго званія, числить службою, на основаніи приказныхъ, или по другимъ должностямъ, къ коимъ окажутся способными, по усмотрѣнію губернатора, всякій же разъ, когда въ оныхъ окажется недостатокъ—докладывать государю черезъ того же военнаго губернатора“.

Такимъ образомъ указъ распространился въ сущности лишь на кантонистовъ, до 1809 г. уже выключенныхъ изъ сиротскихъ отдѣленій и нигдѣ еще тогда не служившихъ. Затѣмъ, при недостаткѣ

въ будущемъ такихъ кантонистовъ, губернаторъ обязывался всякій разъ докладывать государю. Между тѣмъ подчиненный генералъ-губернатору оберъ-полицеймейстеръ, десятки лѣтъ, сряду переводилъ служившихъ въ военномъ министерствѣ писарей, только происходившихъ изъ кантонистовъ, и размѣщалъ ихъ по своему усмотрѣнію въ писцы, унтеръ-офицеры, рядовые и обратно. Произволъ оказывался ничѣмъ не объяснимымъ, но такъ какъ отъ возврата писарей канцелярія опустѣла бы, то Анненковъ словесно уладилъ дѣло, по знакомству съ дежурнымъ генераломъ, т. е. писцы остались въ канцеляріи при прежнемъ своемъ безправномъ положеніи.

Чувство самосохраненія побудило меня, по примѣру другихъ, искать выхода изъ двухсмысленнаго положенія, потому что требованіе инспекторскаго департамента могло повториться и легко было очутиться, по распоряженію департамента, въ какомъ-нибудь полку или гарнизонномъ баталіонѣ. Дознался я, случайно, что въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, бывшіе прежде военные писаря—переименованы были въ канцелярскіе служители, а изъ канцеляріи оберъ-полицеймейстера двое перешли туда и этимъ же способомъ сдѣлались канцелярскими служителями. Я и просилъ Шабельскаго, не можетъ ли онъ похлопотать меня туда же. Нѣсколько дней спустя онъ велѣлъ мнѣ явиться, съ его визитною карточкою, къ директору канцеляріи министра государственныхъ имуществъ, дѣйствительному статскому совѣтнику, барону Михаилу Николаевичу Медемъ. Я подалъ въ министерствѣ, черезъ курьера, карточку, и вскорѣ же онъ впустилъ меня въ кабинетъ. Я увидѣлъ высокаго, молодаго человѣка. Онъ пристально взглянулъ на меня и спросилъ: не занимался ли я у его отца? Я припомнилъ и отвѣтилъ утвердительно. Мы узнали другъ друга. Еще во время моей службы въ д-тѣ воен. поселен. я нерѣдко, случалось, переписывалъ сочиненія его отцу, бывшему тогда предсѣдателемъ военнаго цензурнаго комитета, генералъ-лейтенанту, и младшему его брату, учившемуся въ академіи генеральнаго штаба, поручику, а всѣ они жили вмѣстѣ. Отецъ его, служившій смолоду въ артиллеріи, отъ стрѣльбы оглохъ, и ему приходилось кричать въ ухо черезъ трубку. Кромѣ того, онъ былъ скупъ и по-русски говорилъ плохо, почему по-нѣмецки поручалъ тому или другому сыну договариваться со мною о срочности работъ, платилъ же онъ самъ, не дороже 15-ти коп. за листъ, оригинальнымъ манеромъ: высылалъ всѣхъ, кромѣ меня, изъ кабинета, плотно затворялъ дверь, разстегивалъ сюртукъ, снималъ изъ-подъ рубашки, висѣвшій на шнуркѣ, на шеѣ, ключъ, отпиралъ имъ конторку, а въ ней—нѣсколько ящиковъ, вынималъ изъ нихъ разныя монеты, сосчитывалъ, клалъ на столикъ, запиралъ, по порядку, ящики и конторку, пряталъ на шею

ключъ, застегивался, садился къ столику, пересчитывалъ монеты до копѣекъ включительно, подавалъ ихъ мнѣ и вставалъ, а я бралъ, благодарилъ и уходилъ, оставляя дверь отворенною. Если онъ иногда, случалось, обсчитывался, то впослѣдствіи удерживалъ до 5-ти коп. включительно. Получать приходилось отъ 30-ти коп. до 3-хъ руб. не больше за разъ. Оба сына, по поводу процедуры расплаты отца, подтрунивали надъ его чудачествомъ.

Баронъ разспросилъ меня: почему я ушелъ изъ канцеляріи военнаго министерства и хочу покинуть канцелярію оберъ-полицеймейстера, въ которой прослужилъ только годъ. Я объяснилъ, что стремился и стремлюсь окончательно освободиться отъ военнаго и полицейскаго званій, которыми тяготился и тягощусь. Онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу, но за окончательнымъ отвѣтомъ велѣлъ зайти недѣли черезъ двѣ, а въ назначенный срокъ объявилъ мнѣ, что полиція не пользуется довѣріемъ, поэтому онъ спрашивалъ обо мнѣ замѣнившаго Кауфмана, директора канцеляріи военнаго министерства, генерала Мордвинова, который отвѣтилъ, что канцелярію оставилъ я по собственному желанію, а служа въ ней былъ исполнителенъ въ своихъ обязанностяхъ, способенъ къ нимъ и ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ не замѣчался. Одобрительный этотъ отзывъ бывшаго моего преслѣдователя Мордвинова показалъ мнѣ, что онъ не былъ злопамятенъ. Когда получился въ канцеляріи оберъ-полицеймейстера запросъ канцеляріи министра о томъ, нѣтъ ли препятствій къ моему переводу, правитель Харламовъ позвалъ меня къ себѣ.

— Сожалѣю, что вы насъ покидаете,—заявилъ онъ мнѣ.—Вы способный, честный и полезный служака, могли бы и здѣсь получить чинъ и быть столоначальникомъ, но, какъ сочинителю, которому нуженъ досугъ, вамъ, признаюсь, неудобно тутъ оставаться: талантъ вашъ можетъ захлохнуть, поэтому, уважая ваше желаніе—отпускаю васъ и желаю вамъ блестящей будущности, которую можете пріобрѣсти въ министерствѣ.

Я поблагодарилъ Харламова [1]) за вниманіе, которымъ онъ меня удостоилъ, и за лестное пожеланіе. Однако, въ бумагѣ о неимѣніи препятствій къ моему переводу онъ сдѣлалъ оговорку, что я, происходя изъ кантонистовъ,—состоялъ на обязательной службѣ. Баронъ отчеркнулъ эти слова и написалъ „въ чемъ ограничиваются его права“? Я представилъ копію съ выше приведеннаго указа Сената 1809 г.,

[1]) Предсказаніе Левицкаго сбылось: въ 186... г. баронъ Гинцбургъ представилъ Суворову письмо къ нему, барону, предосудительнаго содержанія, а за это его причислили къ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ впослѣдствіи исполнялъ какія-то порученія, а умеръ, числясь по службѣ въ 1898 г., въ Ригѣ.

а начальникъ отдѣленія канцеляріи министра, ст. сов. А. У. Порѣцкій (высокій, стройный, худощавый пожилой человѣкъ) доложилъ барону, что такіе же бывшіе кантонисты и служившіе въ министерствѣ писарями переименованы, въ 1861 г., въ канцелярскіе служители, а потому изъ той же канцеляріи оберъ-полицеймейстера двое уже переведены въ министерство. На основаніи этихъ спасительныхъ примѣровъ 30 октября 1864 г. баронъ перевелъ и меня безъ дальнѣйшей переписки, съ переименованіемъ въ канцелярскіе служители 3-го разряда.

Узнавъ о состоявшемся переводѣ моемъ, я съ радостью распрощался съ сослуживцами по канцеляріи оберъ-полицеймейстера, и удовлетворенный пріобрѣтеніемъ гражданскихъ правъ, явился къ барону.

— Служите усердно, да ведите себя безукоризненно и будете достойно вознаграждены. Наша служба благородная, да и не очень обременительная.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ приглашенный барономъ Порѣцкій.

— Прошу васъ, Александръ Устиновичъ, взять Никитина къ себѣ въ отдѣленіе,—обратился баронъ къ нему.—Подъ вашимъ руководствомъ онъ сдѣлается, я увѣренъ, хорошимъ чиновникомъ, а это и мнѣ будетъ пріятно: онъ вѣдь работалъ еще моему покойному отцу.

Отдѣленіе Порѣцкаго размѣщалось въ двухъ большихъ, свѣтлыхъ чистыхъ комнатахъ, въ которыхъ сидѣли Порѣцкій, и три столоначальника и ихъ помощники—за отдѣльными столами, а причисленные, канцелярскіе чиновники и служителя по 4 человѣка за длинными столами. Среди послѣднихъ помѣстился я. Всѣ чиновники исключительно молодые и пожилые были: штатные—въ вицъ-мундирахъ и полукафтанахъ, а не штатные—въ черныхъ сюртукахъ и визиткахъ, при чемъ одежда всѣхъ была безукоризненная, а на нѣкоторыхъ даже франтовата. Выглядѣли всѣ спокойными, довольными своимъ положеніемъ, по комнатамъ ходили тихо, между собою говорили вполголоса, ни смѣху, ни остротъ не слышалось. Молодежь, какъ я потомъ дознался, состояла пополамъ изъ дворянъ и придворнослужительскихъ дѣтей, но всѣ на коронной службѣ, а вольнонаемный былъ лишь одинъ бывшій военный писарь, каллиграфически переписывавшій доклады царю. Переписалъ и я министру докладъ, и мой почеркъ удостоился одобренія столоначальника и Порѣцкаго, чѣмъ я былъ вполнѣ доволенъ. Сосѣди сообщили мнѣ, что на службу приходятъ: канцелярскіе и помощники столоначальниковъ —къ 11, по черной, столоначальники въ $11^1/_2$, а начальники отдѣленій— въ 12—по парадной лѣстницѣ, уходятъ уже со службы всѣ въ 4 часа по полудни, вслѣдъ за барономъ и Порѣцкимъ.

Въ нѣсколько послѣдующихъ дней узналъ я, что штатные являлись въ статскихъ платьяхъ, въ передней, за ширмами, переодѣвались въ вицъ-мундиры, а по окончаніи присутствія оставляли ихъ въ шкафахъ. Справки наводили для ожидавшихъ въ пріемной исключительно дежурные. Начальники отдѣленій и столоначальники были изъ окончившихъ курсъ въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, считались всѣ умными и добрыми, директора рѣдко кто видѣлъ, кромѣ начальниковъ отдѣленій, ходившихъ къ нему съ бумагами. Здороваясь, подавали руку: начальники отдѣленій—столоначальникамъ, они—своимъ помощникамъ, а эти—канцелярскимъ. Курили: въ комнатахъ—одни начальники отдѣленій, штатные—въ передней, съ черной лѣстницы, а канцелярскіе—на самой лѣстницѣ. Канцелярія состояла изъ двухъ отдѣленій, бухгалтеріи, журнальной, казначейской и редакціи общихъ циркуляровъ. Изъ молодыхъ нѣкоторые состоятельные служили до чина даромъ. Самое содержаніе по штату полагалось директору—3.431 р., начальникамъ отдѣленій—1.286 р., столоначальнику—729 р., помощнику столоначальника—486 р., а канцелярскимъ—отъ 120 до 300 руб. въ годъ. Мнѣ назначили тѣ же 200 р., которые я получалъ въ канцеляріи оберъ-полицеймейстера. О служебныхъ доходахъ или взяткахъ никто и не слыхивалъ. Чиновники, не располагавшіе собственными средствами, внѣ служебное время, котораго было много, посвящали частнымъ занятіямъ. Напр., Порѣцкій [1]) учительствовалъ въ домѣ воспитанія бѣдныхъ мальчиковъ (впослѣдствіи гимназія Человѣколюбиваго общества) и редактировалъ недѣльный дешевый иллюстрированный журналъ—„Воскресный Досугъ“; столоначальники: А. Х. Смирновъ—по дѣламъ составлялъ статьи,

---

[1]) Происходя изъ мѣщанъ, кончилъ курсъ въ Пензенской гимназіи, пѣшкомъ пришелъ до Казани, кончилъ курсъ въ университетѣ, пробрался въ Петербургъ, поступилъ на службу въ канцелярію межеваго корпуса, на жалованье въ 7 р. въ мѣсяцъ въ 1843 г., потомъ вмѣстѣ съ бывшимъ своимъ гимназическимъ товарищемъ П. М. Цейдлеромъ (впослѣдствіи извѣстный ученый и педагогъ) переводилъ иностранные романы, писалъ библіографіи, дѣтскія книжки, стихи и составлялъ словари, а черезъ десять лѣтъ спустя сдѣлался и секретаремъ канцеляріи главноуправляющаго путями сообщенія, откуда, какъ идеалистъ, вынужденъ былъ выйти въ отставку въ 1861 г., затѣмъ создалъ опять съ Цейдлеромъ „Воскресный Досугъ“, имѣвшій два года до 20.000 подписчиковъ; въ 1863 г., опредѣлился начальникомъ отдѣленія канцеляріи министра, далѣе участвовалъ въ журналѣ „Время“, а „Эпоху“ редактировалъ, наконецъ, въ „Гражданинѣ“ велъ библіографическій и областной отдѣлы, написалъ на своемъ вѣку массу статей, но никогда ихъ не подписывалъ. Популярная дѣтская пѣсенка: „Вотъ попалась, птичка, стой, не уйдешь изъ клѣтки“...—его сочиненія, умеръ онъ начальникомъ отдѣленія, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ 20 мая 1879 г., 60 лѣтъ. Это былъ замѣчательно кроткій, добрый человѣкъ и начальникъ.

печатавшіяся въ журналѣ министерства; Звержанскій—адвокатствовалъ, Ливеровскій, какъ агрономъ,—завѣдывалъ конторою имѣній богатаго помѣщика; изъ помощниковъ столоначальниковъ колл. асс. Стратановичъ, старикъ, управлялъ знаменитымъ домомъ князя Вяземскаго на углу Сѣнной площади и Обуховскаго проспекта, въ качествѣ грознаго бича жильцовъ содержалъ, изъ здоровенныхъ двухъ десятковъ мужиковъ, домовую полицію, во главѣ ея смѣло ходилъ по квартирамъ, ловилъ въ нихъ провинившихся на арканы, вытаскивалъ ихъ во дворъ и тамъ чинилъ надъ ними судъ и расправу плетьми. Вслѣдствіе этихъ наказаній бродяги вели себя въ домѣ, по словамъ Стратановича, скромнѣе институтокъ. Въ канцеляріи Стратановичъ ежедневно, во второмъ часу, появлялся въ наше отдѣленіе, приближался къ столоначальнику, надворному совѣтнику Языкову, клалъ ему на столъ руку сжатую въ кулакъ и спрашивалъ: „орелъ или рѣшетка?“ Языковъ отвѣчалъ, и игра въ орлянку начиналась, а продолжалась въ передней, съ черной лѣстницы, куда по одиночкѣ увлекались и другіе, преимущественно молодые, состоятельные чиновники. Языковъ былъ высокій, стройный брюнетъ и замѣчательно красивый, приходилъ онъ позже всѣхъ, въ щегольскихъ разныхъ костюмахъ, всегда надушенный, въ вицъ-мундиръ не переодѣвался, не столько занимался, сколько игралъ въ орлянку, разсказывалъ свѣтскія новости, какъ принадлежавшій къ аристократіи, держался съ директоромъ, какъ съ равнымъ ему, оба лицеисты, а съ прочими—надменно. Съ почтительными поклонами здоровались почти всѣ съ экзекуторомъ, надворнымъ совѣтникомъ Герке, невзрачнымъ, пожилымъ человѣкомъ, который былъ, какъ говорили, очень близкимъ къ министру.

Освоившись со своею новою службою,—она, противъ предшествовавшей, мнѣ очень понравилась облагороженностью. Я ощущалъ только еще большій недостатокъ въ средствахъ къ существованію, потому что мнѣ пришлось нанять комнату: Шабельскій уѣзжалъ надолго за границу и не оставлялъ за собою квартиры.

— Благодарю васъ за занятія, сказалъ онъ мнѣ на прощаніе. Желаю вамъ успѣховъ по службѣ. Баронъ, какъ обѣщалъ мнѣ, поддержитъ васъ и выведетъ въ чиновники; вернусь—увидимся, а теперь—прощайте.

Онъ и не заикнулся объ уплатѣ мнѣ за 10-мѣсячныя занятія по 10 руб. въ мѣсяцъ—100 рублей, а я стѣснялся напомнить ему объ этомъ. Освободившись отъ Шабельскаго, я опять пріобрѣлъ большой досугъ, который вновь посвятилъ сочинительству и чтенію. Между прочимъ вычиталъ я объявленіе о подпискѣ на „Народную Газету“, издававшуюся Н. И. Кушнаревымъ, снесъ въ ея редакцію неболь-

шой разсказъ „Женитьба нищихъ“, написанный мною, что называется съ натуры, а черезъ двѣ недѣли пошелъ справиться объ участи моего произведенія и въ передней наткнулся на высокаго, полнаго, гладко выбритаго, пожилаго господина. Онъ ласково спросилъ, что мнѣ нужно. Я отвѣтилъ.

— Ахъ, вы—авторъ, пріятно познакомиться,—началъ онъ. — Я редакторъ. Пожалуйте ко мнѣ.

Я снялъ пальто и послѣдовалъ за нимъ въ прилично обставленную комнату, гдѣ онъ пригласилъ меня сѣсть къ столу, противъ него.

— Разсказъ вашъ,—началъ онъ,—понравился мнѣ, а потому я его напечаталъ уже фельетономъ, вотъ номеръ газеты съ вашимъ произведеніемъ.

Я вспыхнулъ отъ радости, дрожащею рукою принялъ отъ него газету и сталъ въ ней искать свой трудъ, такъ какъ не зналъ, что такое „фельетонъ“.

— Газета моя, какъ видите, маленькая, едва начавшаяся, — продолжалъ онъ,—поэтому и средства ея, естественно, ограниченныя. Я и могу опредѣлить вамъ за вашъ разсказъ, который мнѣ, повторяю, вполнѣ понравился, за 167 строкъ по 3 коп. за строку—пять рублей. Приносите еще такіе же разсказы, а я, по мѣрѣ распространенія газеты, постепенно буду увеличивать вамъ гонораръ.

Онъ досталъ изъ стола 5 рублевую ассигнацію и подалъ мнѣ. Я робко взялъ ее и безсвязно бормоталъ благодарность, ибо впервые увѣрился, что за литературные труды платятъ деньги. Раздался звонокъ. Онъ всталъ и направился въ переднюю, а я за нимъ туда же. Онъ впустилъ какого-то господина, а со мною распрощался,—„до свиданья“.

Первый этотъ литературный мой заработокъ показался мнѣ драгоцѣннымъ: въ теченіе дня и вечера я разъ десять внимательно разсматривалъ ассигнацію, стараясь найти въ ней такой особенный смыслъ, который соотвѣтствовалъ бы моему восторженному настроенію. На другой день, когда я подалъ, въ канцеляріи, Порѣцкому переписанную мною бумагу, онъ такъ же, какъ Харламовъ, спросилъ меня: не я ли авторъ разсказа, который онъ прочелъ въ „Народной Газетѣ“. Я отвѣтилъ ему утвердительно.

— Да-а?—оживленно, произнесъ онъ.—Я такъ и подумалъ вчера, судя по подписи подъ разсказомъ. Мнѣ пріятно знать, что вы употребляете досугъ на литературныя занятія. Освобожденный отъ крѣпостной зависимости народъ нуждается въ понятномъ и здравомъ для него чтеніи. Кушнаревъ, я его знаю, добросовѣстно поведетъ дѣло, а вы, совѣтую вамъ: писать—болѣе простымъ, разговорнымъ языкомъ, періоды дѣлать—короче, чтобы легче было читать, брать сюжеты—

также изъ знакомой вамъ среды, произведенія ваши и явятся правдивыми, а это всего важнѣе: народъ не любитъ вымысловъ. Лучше всѣхъ удается писать народною рѣчью, напр., Н. Успенскому, Левитову, сочиненія которыхъ помѣщались въ „Современникѣ"... А давно вы стали писать и печататься?

Я разсказалъ ему о своихъ попыткахъ, а также на его разспросы, гдѣ и какъ раньше служилъ, чѣмъ и при комъ занимался.

— Продолжайте, продолжайте писать, въ васъ есть способность и наблюдательность, а стиль выработается прилежаніемъ и внимательностью.

Курьеръ пригласилъ Порѣцкаго къ директору. Онъ ушелъ, а я вернулся на свое мѣсто съ твердымъ намѣреніемъ послѣдовать наставленію. Съ этого же дня Порѣцкій самъ началъ выдѣлять меня изъ среды переписчиковъ, да и столоначальнику велѣлъ, и оба они начали мнѣ поручать составленіе бумагъ.

Вечеромъ отправился я съ номеромъ „Народной Газеты" къ Д. А. Саранчову похвастаться своимъ успѣхомъ. Саранчовъ за нѣкоторое время до этого женился на дочери ученаго дѣвицѣ О. Пл. Рѣдкиной. Супруги были: онъ—высокій, сухощавый 32-хъ лѣтній блондинъ, а она стройная, рослая, красивая брюнетка, моложе его лѣтъ на 8. Они выглядѣли славною парою и занимались: онъ—службою въ канцеляріи военнаго министерства, да сочинительствомъ критическихъ и юридическихъ статей, а она—переводами для журналовъ съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, которыми владѣла, какъ говорили, въ совершенствѣ, пѣніемъ, игрою на роялѣ, хорошо знала музыку, и хозяйство. Они получали въ мѣсяцъ до 400 руб., жили дружелюбно и въ полномъ достаткѣ, а знакомства водили преимущественно съ литераторами, художниками и музыкантами.

И онъ и она поздравили меня съ перемѣною службы и съ началомъ литературныхъ заработковъ. Въ этотъ же вечеръ я встрѣтился у Саранчовыхъ съ М. Д. Хмыровымъ въ простолюдинской его одеждѣ, за которую его вызывали въ канцелярію оберъ-полицеймейстера. Гости Саранчовыхъ человѣкъ 10 разсуждали о литературѣ, искусствѣ и проектировавшемся гласномъ судѣ. О послѣднемъ Саранчовъ ораторствовалъ сильнѣе всѣхъ.

Вслѣдствіе моихъ предшествовавшихъ занятій въ канцеляріяхъ: военнаго министерства—законами, оберъ-полицеймейстера и у Шабельскаго—уголовными, тяжебными и кляузными дѣлами, я очень заинтересовался предполагавшимся гласнымъ судомъ, выслушивалъ цѣлыя лекціи Саранчова о разницѣ между тайнымъ и гласнымъ судомъ, бралъ у него различныя, по этому предмету, сочиненія, и зачитывался ими, тѣмъ болѣе, что интересныхъ дѣлъ въ канцеляріи

не находилъ, а надъ существовавшимъ тогда судомъ управы благочинія и въ канцеляріи смѣялись. Такъ, напримѣръ, управа прислала запросъ о томъ, дѣйствительно ли Языковъ выходитъ въ отставку, и въ утвердительномъ смыслѣ—просила аттестата о его службѣ не выдавать ему, а прислать въ управу, ибо онъ не платилъ кому-то долга въ 650 руб. Бумага эта изумила всѣхъ, считавшихъ Языкова богачемъ. На другой день послѣ ея полученія, Языковъ уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, тамъ женился на дочери долго служившаго оберъ-секретаремъ Сената, по фамиліи, помнится Кошанскаго, и вернулся съ женою и приданымъ въ милліонъ. Товарищи отправились было къ нему, но жена его прогнала ихъ, а потомъ они разсказывали, что она заплатила большіе долги мужа, а его никуда не пускала одного, заставила бросить службу и порвать всякія сношенія съ бывшими собутыльниками и игроками.

Въ клубахъ господствовала азартная игра въ мушку. Служившій въ канцеляріи бухгалтеръ, надв. сов. Степановъ, проигравшись въ Благородномъ собраніи, гдѣ почти всѣ наши начальники были тамъ членами, въ пылу отчаянія — утопился. О причинѣ его поступка ни слѣдственная, ни полицейская власти ничего не открыли. Случай этотъ обратилъ на себя вниманіе тайной полиціи, и она, въ видахъ предупрежденія преступленія, по секрету, сообщила министру, что казначей его канцеляріи Герке тоже ведетъ азартную игру въ клубѣ. Однако, онъ доказалъ, что казенныя суммы всѣ цѣлы, и начальство успокоилось, а онъ продолжалъ играть и ежедневно угощать въ своей казенной квартирѣ дежурившихъ при министрѣ чиновниковъ особыхъ порученій отличными, какъ они хвалили, завтраками. Тѣмъ временемъ въ числѣ служащихъ въ канцеляріи появился новый азартный игрокъ. Это былъ переселившійся изъ Москвы и поступившій въ канцелярію помощникомъ бухгалтера, губ. секр. П. С. Звѣревъ. Онъ былъ статный, полный, гладко выбритый блондинъ лѣтъ 35-ти, успѣвшій къ тому времени прожить три состоянія тысячъ по триста, каждое послѣдовательно, достававшихся ему по наслѣдству, а въ промежутки, когда не располагалъ средствами, давалъ уроки музыки, отлично зналъ ее и игралъ на роялѣ на диво. Какъ музыкантъ,—онъ познакомился съ Саранчовыми и часто бывалъ у нихъ. Тамъ же встрѣчался и я съ нимъ. На службѣ, по его уже протекціи, къ намъ поступилъ отставной молодой еще офицеръ Новиковъ, считавшій себя актеромъ и жившій вмѣстѣ съ Звѣревымъ; въ министерствѣ же служили впослѣдствіи извѣстные: пѣвцы—Коммисаржевскій, Никольскій, композиторъ Мусоргскій,—столоначальниками, а поэтъ Жандръ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ.

Предъ Рождествомъ чиновники заволновались о томъ, сколько кому

дадутъ остатковъ, а получивъ ихъ, потихоньку критиковали, почему однимъ дали больше, а другимъ меньше, и роптали на несправедливость. Мнѣ дали за 3-хъ-мѣсячную службу 25 руб., наравнѣ со старослужащими, и я былъ доволенъ вниманіемъ начальства. Наканунѣ Новаго 1865 года объявили, что 2-го января министръ будетъ ходить по министерству, а потому предложили явиться штатнымъ — въ формѣ, а канцелярскимъ — одѣтыми какъ можно чище. Съ утра во всѣхъ комнатахъ паркетные полы блестѣли, дѣла со столовъ всѣ убрали, постлали маты, на нихъ ковры дорожками и накурили одеколономъ. Штатные пришли въ орденахъ. Въ первомъ часу огласилось, что министръ идетъ. Впереди шелъ экзекуторъ Герке, за нимъ министръ, маленькій, довольно тучный, съ сѣдыми усами и бакенбардами, военный генералъ-адъютантъ Ал. Ал. Зеленый, съ боку его—баронъ, затѣмъ товарищъ министра, высокій, худощавый, пожилой, гладко выбритый, тайн. сов. Н. А. Гернгроссъ, а сзади чиновникъ особыхъ порученій. Въ каждой комнатѣ министръ, при входѣ, кивая во всѣ стороны головою, произносилъ: „здравствуйте, господа. Съ Новымъ годомъ". Всѣ, стоя возлѣ своихъ столовъ, отвѣчали почтительными поклонами. Начальникамъ отдѣленій, которыхъ зналъ лично, онъ подавалъ руку, говорилъ съ ними нѣсколько словъ и переходилъ къ столамъ. Баронъ рекомендовалъ ему остальныхъ. Онъ кое-что спрашивалъ и шелъ дальше. Лишь по его удаленіи, всѣ успокоились; каждый опасался, какъ бы онъ не спросилъ чего-либо такого, на что трудно было отвѣчать, или не вспомнилъ бы о залежавшихся дѣлахъ, а когда все прошло благополучно, оживленно критиковали данные отвѣты, шутили и уже не занимались. Порѣцкій объявилъ мнѣ, что съ Новаго года мнѣ прибавили жалованья съ 17-ти на 25-ть руб. въ мѣсяцъ. Я поблагодарилъ его.

— Я докладывалъ барону о вашихъ занятіяхъ и усердіи,—пояснилъ онъ,—и баронъ, довольный вашими успѣхами, приказалъ поощрить вашу службу. Конечно, и на увеличенное содержаніе вамъ жить трудно, но, покамѣстъ, довольствуйтесь малымъ. Пойдите къ барону, онъ желаетъ васъ видѣть.

Курьеръ впустилъ меня къ нему въ кабинетъ. Я почтительно поклонился ему, онъ отвѣтилъ мнѣ кивкомъ головы.

— Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ и маленькою прибавкою,— произнесъ онъ. — Александръ Устиновичъ васъ хвалитъ, а я, повѣряя его аттестаціи, вполнѣ доволенъ вами. Старайтесь вникать въ дѣло и, со временемъ, когда дослужитесь до чина, получите штатную должность.

Я поблагодарилъ его за оказанную мнѣ помощь.

— Теперь производятъ канцелярскихъ служителей въ чинъ безъ экзамена за 20 лѣтъ, а съ экзаменомъ за 12 лѣтъ, но скоро выйдетъ законъ о производствѣ за 10 лѣтъ по экзамену. Вы, кажется, уже дослуживаете этотъ срокъ, потому подготовьтесь къ экзамену и будете настоящимъ чиновникомъ. До свиданья.

Я вышелъ изъ кабинета обрадованный слышаннымъ, розыскалъ въ законѣ программу, запасся учебниками и исподволь подготовлялся по нимъ, а когда чрезъ мѣсяцъ, дѣйствительно, явился законъ о производствѣ канцелярскихъ служителей 3-го разряда въ первый классный чинъ за 10 лѣтъ, по экзамену курса уѣздныхъ училищъ, я посвятилъ 3 мѣсяца страстному зубренію учебниковъ. Памятью обладалъ я хорошею и надѣялся выдержать экзаменъ, но кое-гдѣ недоумѣвалъ. Изъ разговоровъ съ сослуживцами я освѣдомился, что они собирались экзаменоваться кто—въ Кронштадскомъ, кто въ Петергофскомъ, кто—въ Царскосельскомъ, а кто—и въ Ямбургскомъ уѣздныхъ училищахъ, при чемъ всѣ единогласно твердили, что безъ денежной значительной затраты экзаменнаго свидѣтельства все-таки не добудешь.

Сидѣлъ я въ 10 часовъ утра дежурнымъ въ канцеляріи съ географіею въ рукахъ, вошелъ помощникъ экзекутора, старичекъ чиновникъ Вагинъ. Я всталъ и поклонился ему. Онъ поздоровался со мною, увидалъ учебникъ и спросилъ меня, куда я намѣренъ пуститься держать экзаменъ. Я затруднился отвѣтомъ.

— Я къ вамъ расположенъ за вашу скромность и стараніе, потому готовъ вамъ облегчить ваше положеніе, — сказалъ онъ. — Мой родственникъ служитъ учителемъ русской словесности въ Лужскомъ уѣздномъ училищѣ. Отпроситесь на три дня въ отпускъ, поѣзжайте въ Лугу съ моимъ письмомъ къ этому учителю, и онъ вамъ поможетъ, но, предваряю васъ, никому объ этомъ не проговоритесь, чтобы и другіе ко мнѣ не приставали: я не желаю оказывать услуги шалопаямъ, изъ которыхъ путныхъ чиновниковъ никогда не выйдетъ.

Вагинъ вручилъ мнѣ письмо, Порѣцкій уволилъ меня, товарищъ дѣтства Л. далъ мнѣ взаймы 100 руб., я имѣлъ своихъ 35 руб., и я, забравъ учебники и книгу Помяловскаго „Очерки бурсы“, для чтенія дорогою, отправился въ Лугу. Пріѣхавъ туда подъ вечеръ въ субботу, чтобы въ воскресенье цѣлый день повторить на досугѣ свои знанія, на улицѣ спросилъ какого-то господина, гдѣ живетъ учитель Бочковъ, къ которому Вагинъ адресовалъ меня. Господинъ указалъ мнѣ и посовѣтовалъ тотчасъ идти къ Бочкову, который по воскресеньямъ, дескать, часто отлучается. Я вошелъ со двора въ крошечную переднюю, гдѣ не было даже вѣшалки, остановился и кашлянулъ, чтобы о моемъ приходѣ узнали.

— Кого тамъ нелегкое принесло,—услышалъ я грубый мужской голосъ.—Идите прямо въ комнату: докладывать мнѣ некому, да я и не люблю этихъ китайскихъ церемоній.

— Я снялъ пальто и вмѣстѣ съ узелкомъ и книгами положилъ на полъ, вошелъ въ комнату, увидѣлъ нѣсколько самыхъ простыхъ стульевъ, возлѣ стола диванъ, а на немъ полулежавшаго пожилаго мужчину. Я почтительно спросилъ его, не онъ ли Бочковъ.

— Я самый и есть,—отозвался онъ и сѣлъ.—А вамъ что надо?

Я представился ему. Онъ взялъ конвертъ, повертѣлъ его, прочелъ адресъ и положилъ его на столъ.

— Письмо,—пояснилъ я,—отъ вашего петербургскаго родственника Степана Ивановича Вагина.

— Ваг-гина? Гм... Такъ онъ еще живъ курилка. Не ожид-далъ!..

— Даже здоровъ и поручилъ мнѣ передать вамъ поклонъ, какъ своему доброму родственнику.

— Родст-веннику? Седьмая вода на киселѣ! Вотъ какое наше родство.

— Однако года полтора тому назадъ вы были въ Петербургѣ, посѣтили его, и онъ обрадовался свиданію съ вами, а вы на прощанье обѣщали даже переписываться съ нимъ.

— Ахъ, да, я, дѣйствительно, былъ въ Петербургѣ и у Вагина пріятно провелъ день и вечеръ, но переписываться съ нимъ—слуга покорный! Если бы онъ, старикашка, въ мою пользу завѣщаніе составилъ на капиталецъ, тогда я, пожалуй, и писалъ бы ему, даже въ державинскомъ духѣ оды. Онъ, правда ли, имѣетъ значительныя деньги?

— Извините, не знаю, а прочтите, пожалуйста, письмо.

— До пустыхъ писемъ я не охотникъ. Впрочемъ, если вамъ такъ ужъ приспичило, прочитаю.

Онъ распечаталъ письмо, прочиталъ его и оживился.

— Такъ вотъ о чемъ письмо? Спасибо Вагину, что прислалъ тебя ко мнѣ: я сорву съ тебя щетину. Бери стулъ и садись тутъ къ столу, въ стояніи нѣтъ проку. Разъ ты во мнѣ нуждаешься, такъ я ужъ съ тобою обращаюсь, какъ со школяромъ, безъ всякой пощады твоему самолюбію.

Тонъ Бочкова коробилъ меня, но я сдерживался и сѣлъ.

— Прежде всего увѣренъ ли ты, что выдержишь экзаменъ?

— Предполагаю, что выдержу.

— А я тебѣ скажу, что хотя бы ты и лучше меня зналъ всѣ предметы, но даромъ не выдержишь, какъ свиньѣ на небо не глядѣть; намъ, братъ, нѣтъ никакой охоты ни задавать вопросы, ни слушать твои отвѣты, потому что учить и экзаменовать на сухую всѣмъ намъ опротивѣло.

— Помилуйте, я человѣкъ бѣдный, жалованье получаю маленькое и мнѣ не изъ чего.

— Напрасно зубы мнѣ не заговаривай: не разжалобишь. Я, братъ, миловать никого не намѣренъ, даже и самого Вагина, а тебя и подавно. Хочешь пролѣзть въ чиновники,—платись, по пословицѣ „назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ". Наше вознагражденіе за труды—высшее, среднее и низшее, но отнюдь, повторяю, даромъ ничего! Такъ и знай напередъ. Пальто, или что тамъ ты въ передней оставилъ, внеси въ комнату: пожалуй стянутъ, благо дверь плохо затворяется, а запора нѣтъ, тогда же съ тобой не развяжешься. Что у тебя въ узелкѣ?

Я отвѣтилъ—учебники и сочиненіе Помяловскаго „Очерки бурсы".

— Кто такой Помяловскій и что такое „Очерки бурсы"?

— Кто онъ—я не знаю, а описываетъ тяжелое житье семинаристовъ, и вы, какъ учитель русской словесности, должны, полагаю, знать.

— Нынче всякая дрянь все описываетъ, хотя и не бельмеса не смыслитъ.

— Сочиненія Помяловскаго, напротивъ, всѣ образованные люди хвалятъ, а въ журналахъ и газетахъ отлично объ нихъ отзываются.

— Такъ ты, мелюзга, даже газеты и журналы читаешь?

— Да-съ, читаю.

— Только этого еще не доставало! Благодарю не ожид-далъ... По-моему всѣ газеты и журналы ничего не стоятъ; въ нихъ орудуютъ растрепанные семинаристы, да разные неучи. Я, братъ, цѣню только литературу: поэзію Державина, Жуковскаго и Пушкина, беллетристику Лажечникова, Марлинскаго и Гоголя, да нѣкоторыя критики Бѣлинскаго. Объ этихъ-то авторахъ ты навѣрно ужъ ничего не слыхалъ.

— Напротивъ, кое-что изъ ихъ сочиненій даже читалъ. Но, кромѣ нихъ, также читалъ поэтовъ: Майкова, Некрасова, романистовъ Тургенева, Гончарова, критика Добролюбова, Писарева и другихъ.

— Экъ, тебя угораздило. А исторію училъ Устрялова, или Смарагдова?

— Читалъ Устрялова, статьи также Соловьева и Костомарова, у котораго даже бывалъ, а Некрасовъ самъ подарилъ мнѣ свои стихотворенія.

— Не ври, не повѣрю, а, впрочемъ, чортъ тебя знаетъ, что ты за стрекулистъ. Дай-ка сюда книжки, я тебя по нимъ продерну и узнаю, не пускаешь ли ты мнѣ пыль въ глаза.

Онъ предложилъ мнѣ по нѣсколько вопросовъ изъ исторіи, географіи и закона Божьяго, и мои отвѣты оказались вѣрными.

— Ты, анаѳема, дѣйствительно, кое-что знаешь. А опиши-ка мнѣ свое путешествіе сюда вкратцѣ, вотъ тебѣ бумага и карандашъ.

Я написалъ ему строкъ 30—40.

— Да ты и пишешь, кан-налья, правильно,—воскликнулъ онъ,— а все-таки сто рублей сдеремъ съ тебя и то только въ угоду Вагину; это самая меньшая плата на 6-хъ. Ежели этой суммы не привезъ—убирайся вонъ.

— Привезъ, не сомнѣвайтесь.

— Ну, такъ до понедѣльника вечера проживешь у меня на всемъ готовомъ, а за это мнѣ заплатишь особо 10 рублей. Завтра съ утра всѣхъ подготовлю къ экзамену, а теперь идемъ ужинать.

Въ слѣдующей, также убого обставленной комнатѣ, онъ досталъ изъ шкафа большой графинъ и рюмки, крикнулъ: „эй, Аксинья, подавай", сѣлъ и пригласилъ меня къ столу. Заспанная, деревенская босая женщина принесла тарелки, вилки, ножи, хлѣбъ и миску съ щами.

— Бери, что видишь,—предложилъ онъ мнѣ, а самъ налилъ изъ графина въ огромныя рюмки водки. — Пей, — указалъ онъ мнѣ.— Водка самая очищенная.

— Я не пью.

— А я хересовъ не держу. Пей, коли даютъ, а не кочевряжся.

— Извините, я, повторяю вамъ, водки не пью.

— Вздоръ, а ежели доселѣ не пилъ, то теперь начинай пить, вѣдь, ты не институтка, кан-налья! Пей, говорю, — крикнулъ онъ, стукнувъ кулакомъ объ столъ,—не то, смотри, спокаешься, прогоню.

Я отпилъ немного.

— Все до дна выпей, коли велю. Не околѣешь, не бойся. Пей же, не зли меня, иначе выгоню въ шею.

Я пересилилъ себя и выпилъ. Въ головѣ зашумѣло.

— Вотъ и ладно. Въ моемъ домѣ держись моихъ правилъ, безъ водки жить нельзя.

Мы поѣли щей и по куску жареной говядины съ огурцами. Въ продолженіе ѣды, онъ выпилъ четыре рюмки и разспросилъ меня, гдѣ я учился, служилъ, чѣмъ на службѣ занимался и занимаюсь.

— Ты, я вижу, прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы, поэтому всего помаленьку нахватался, скотина этакая.

— А вы, ведете себя, какъ названное вами животное,—замѣтилъ я, охмѣлевъ. — Первый разъ видите меня и ругаетесь, а еще учитель? Постыд-дитесь!..

— Что-о?.. Ты явился ко мнѣ экзаменоваться и дерзишь мнѣ, стыдишь мен-ня? Да я надворный совѣтникъ и кавалеръ св. Станислава 3-й степени, морду тебѣ разобью за дерзость.

— Мы сидимъ не за формальнымъ экзаменомъ, а за частнымъ

ужиномъ. Вы, хозяинъ, ругаете меня, вашего гостя, я слегка и отругиваюсь.

— Ловокъ же ты, бестія. Утро вечера мудренѣе. Ступай спать на диванъ.

Я легъ и быстро уснулъ, а на утро всталъ съ сильною головною болью. Бочковъ за чаемъ предложилъ мнѣ опохмѣлиться, но я наотрѣзъ отказался. Онъ отпустилъ меня прогуляться, съ наказомъ непремѣнно вернуться къ отходу обѣдни. Я прошелъ въ церковь, отстоялъ обѣдню и явился. Онъ свелъ меня къ смотрителю училища.

Въ приличной уже квартирѣ представилъ онъ меня смотрителю, высокому старику, священнику и 3-мъ учителямъ, собравшимся къ нему „на пирогъ". Смотритель вѣжливо пригласилъ меня откушать съ ними. Всѣ пили водку и ѣли съ волчьимъ аппетитомъ, а окончивъ завтракъ, намѣревались меня экзаменовать, но я отпросился, вслѣдствіе головной боли.

— Я вчера такъ его угостилъ,—похвастался Бочковъ,—что онъ памяти лишился.

Всѣ засмѣялись.

— Такъ отложимъ до завтрашняго утра,—рѣшилъ смотритель. Соберитесь, господа, всѣ, чтобы его не задерживать.

Опасаясь, какъ бы Бочковъ не заставилъ меня снова съ нимъ пить водку, я цѣлый день пробродилъ по городу и за городомъ, а когда вечеромъ вернулся къ Бочкову, то онъ настоялъ, чтобы я угостилъ его въ трактирѣ ужиномъ, а тамъ пилъ ужъ одинъ, но такъ усердно, что я вынужденъ былъ, около полуночи, тащить его домой совсѣмъ пьянаго.

Мы поднялись въ 7 часовъ утра, напились чаю, а въ 9 пошли въ училище, я, по его настоянію, безъ пальто.

— Я всѣмъ говорилъ о твоихъ хорошихъ познаніяхъ,—предварилъ онъ меня.—Когда всѣ тебя переспросятъ и разойдутся,—наставлялъ онъ меня,—ты подай деньги въ конвертикѣ смотрителю, и онъ тебѣ выдастъ свидѣтельство, а съ нимъ явишься ко мнѣ разсчитаться и за оставленнымъ пальтомъ: оно—мой залогъ, чтобы ты меня не надулъ.

Экзаменъ началъ священникъ, продолжали историкъ, географъ, математикъ и рисовальщикъ, а кончилъ словесникъ Бочковъ. Смотритель, получивъ деньги въ конвертикѣ, вынувъ, пересчиталъ ихъ и спряталъ въ столъ.

— Съ этимъ вотъ свидѣтельствомъ,—произнесъ онъ,—отправьтесь, въ Петербургѣ, утромъ къ предводителю дворянства нашего уѣзда, генералу Бекману, и почтительнѣйше попросите его подписать, а когда онъ подпишетъ, тогда представьте его вашему начальству. Адресъ генерала тамъ въ свидѣтельствѣ. Съ Богомъ.

Бочковъ получилъ отъ меня 10 рублей, проводилъ меня на вокзалъ, заставилъ угостить его еще разъ и распрощался со мною. Въ Петербургѣ я, согласно наставленію смотрителя, явился къ Бекману, съ просьбою подписать свидѣтельство.

— Строго они васъ экзаменовали? — освѣдомился онъ, тучный старикъ въ военномъ сюртукѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, посредственно.

— И, конечно, не даромъ?

— Точно такъ-съ.

— Благодарю васъ, молодой человѣкъ, за откровенность. Скажите же мнѣ по чести, сколько они съ васъ взяли?

— Сто рублей.

— Гм... не дорого... Плата вообще зло, но приходится съ нею мириться: учителя наши получаютъ крошечное жалованье, а они люди семейные и безъ доходовъ голодали бы. О платѣ никому, впрочемъ, не разсказывайте, а за то, что вы прямо мнѣ признались— я охотно подписываю свидѣтельство, но когда будете въ должностяхъ и другіе будутъ отъ васъ зависѣть — подобныхъ платъ ни съ кого не берите: это и грѣхъ передъ Богомъ, и нарушеніе присяги. Запомните мои слова и прощайте.

Торжествующимъ явился я въ должность со свидѣтельствомъ, которое сослуживцы, все еще раздумывавшіе объ экзаменѣ, съ завистью разсматривали и тщетно допытывались отъ меня, какъ я его досталъ? На основаніи указа 10-го февраля 1865 г. и этого свидѣтельства — меня представили къ производству въ коллежскіе регистраторы, со старшинствомъ со времени выдержанія экзамена (14-го іюля 1865 г.), но Сенатъ отказалъ, признавъ, что я не принадлежу къ категоріи канцелярскихъ служителей 3-го разряда по происхожденію, которые только и подходили, по его мнѣнію, подъ дѣйствіе указа 10-го февраля 1865 г., а я, какъ происходящій изъ кантонистовъ,—долженъ служить до чина 12 лѣтъ. Я сочинилъ и подалъ, черезъ Порѣцкаго, барону записку, которою доказывалъ, что въ указѣ 10-го февраля 1865 г. никакого, ни для кого изъ канцелярскихъ служителей, исключенія не значилось, а потому, коль скоро я, въ день обнародованія его, именовался канцелярскимъ служителемъ 3-го разряда, да выдержалъ указанный въ указѣ экзаменъ, то въ правѣ воспользоваться чиномъ за 10 лѣтъ; что считать меня по правамъ на чинъ въ числѣ военныхъ писарей нельзя, такъ какъ я изъ числа ихъ выбылъ еще со времени перевода меня въ штатъ полиціи 1-го октября 1863 г., а гражданскимъ канцелярскимъ служителемъ называюсь съ 30-го октября 1864 г.; что военнымъ закономъ 3-го сентября 1859 г. писарей установлено производить въ чинъ за 12 лѣтъ

по экзамену, гораздо легчайшему, нежели выдержанный мною курсъ уѣзднаго училища; что канцелярскихъ служителей за 12 лѣтъ, по означенному указу, разрѣшено производить вовсе безъ экзамена и, наконецъ, что, по тому же указу, самимъ Сенатомъ произведены уже, какъ я справился, въ чинъ, двое канцелярскихъ служителей II-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Баронъ отнесся вполнѣ сочувственно къ моимъ доводамъ и поддержалъ ихъ сношеніями, отъ имени министра: сперва — съ министромъ юстиціи, а потомъ съ главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ и, по полученіи отвѣтовъ, что не встрѣчали препятствій, къ разъясненію моего притязанія законодательнымъ порядкомъ, представленіемъ въ Государственный Совѣтъ, при чемъ высочайше утвержденнымъ (16-го ноября 1866 г.) мнѣніемъ Совѣта указъ 10-го февраля 1865 г. распространенъ былъ и на канцелярскихъ служителей, происходившихъ изъ кантонистовъ. Въ силу этого разъяснительнаго закона мнѣ отдано было старшинство въ чинѣ съ 2-го мая 1864 г., т. е. съ того времени, когда я еще служилъ писцомъ въ канцеляріи оберъ-полицеймейстера, т. е. въ сущности прослужилъ я до чина писаремъ и канцелярскимъ служителемъ 7 лѣтъ, а это былъ безпримѣрный, счастливый случай!.. По моему примѣру служившіе въ разныхъ учрежденіяхъ канцелярскіе служители изъ кантонистовъ также воспользовались льготою, которую выхлопоталъ я.

Между тѣмъ служба наша была легкая и спокойная для всѣхъ: все дѣлалось издавна установленнымъ порядкомъ, всѣ аккуратно приходили въ канцелярію къ 11—12-ти часамъ, тихо занимались до 4-хъ по полудни, безпрекословно исполняли все, что указывали старшіе, относились къ нимъ почтительно, соблюдали подчиненность „не за страхъ, а за совѣсть“, по окончаніи службы мирно расходились и до слѣдующаго утра располагали временемъ, кто какъ хотѣлъ.

Разставшись съ Шабельскимъ, я досугами усердно читалъ, писалъ, часто ходилъ къ Саранчовымъ, у нихъ встрѣчалъ разныхъ людей, да чрезъ взрослыхъ двухъ братьевъ Саранчовой перезнакомился съ многими образованными молодыми людьми обоихъ половъ и даже съ пожилыми передовыми дамами. Всѣ они всѣмъ интересовались, увлекались идеями о благѣ народномъ и старались увеличивать число своихъ единомышленниковъ, потому, естественно, завербовали и меня въ свою среду. Они водили меня вечерами слушать разныя лекціи, диспуты, педагогическія бесѣды и литературныя чтенія, на которыхъ чтецами выступали: Тургеневъ, Достоевскій, Потѣхинъ, Островскій, Писемскій, Некрасовъ, Майковъ, Ѳ. Бергъ и другіе корифеи, отчего залъ всегда бывалъ полонъ. Либеральныхъ

кружковъ въ столицѣ расплодилось множество, и всѣ они согласно пропагандировали о необходимости свободы: личности, чувства, слiянія съ народомъ, измѣненія устарѣвшаго общественнаго строя и энергичной самодѣятельности. Идеи эти почерпались въ статьяхъ „Современника“ и „Русскаго Слова“, напр., Чернышевскаго, Михайлова, Добролюбова, Писарева, въ стихахъ Н. А. Некрасова, въ переводныхъ книгахъ и брошюрахъ, а въ особенности въ романахъ „Отцы и дѣти“ И. С. Тургенева и „Что дѣлать“ Н. Г. Чернышевскаго. Многая молодежь обоего пола копировала и по возможности героевъ и героинь названныхъ романовъ, напр., мужчины отращивали длинные волосы, одѣвались въ красныя рубахи, поддевки и смазные сапоги, а женщины подстригали свои косы, наряжались въ гарибальдійскія рубашки, деревенскіе сарафаны, тѣ и другіе облекались въ синія очки, съ гордостью называли себя нигилистами и нигилистками, перенимали другъ у друга ухарскія манеры, обращенія между собою на „ты“ и др. Все это признавалось яко-бы наиболѣе удобнымъ для общественной дѣятельности, которая заключалась въ собираніи денегъ, въ устройствѣ на нихъ маленькихъ швейныхъ, читаленъ и школъ, въ обученіи въ нихъ не только дѣтей—днемъ, но и взрослыхъ—вечеромъ, причемъ снабжали учениковъ и ученицъ книжками, платьемъ, обувью и съѣстными припасами, за которыми являлось много охотниковъ и охотницъ. Мало того: мужчины странствовали по публичнымъ домамъ, а тамъ проповѣдывали проституткамъ о мерзости ихъ образа жизни и о потребности вернуться къ честному труду; соглашавшихся—врознь и въ складчину выкупали изъ кабалы хозяекъ, переселяли къ надежнымъ своимъ знакомымъ и къ себѣ, содержали на свой счетъ, ухаживали за ними, какъ за исцѣленными, внушали имъ о высокомъ назначеніи женщины, развивали и развлекали ихъ совершенно безкорыстно, во имя лишь состраданія къ заблудшимся ближнимъ. Направленіемъ бывшихъ проституткъ на истинный путь занимались даже настоящія барышни изъ хорошихъ семействъ. На эти подвиги подстрекали молодежь обоего пола пожилыя дамы изъ высшаго общества. Въ ихъ просторныхъ квартирахъ молодежь обсуждала и рѣшала томившіе ее вопросы, да получала наставленія, какъ въ какихъ случаяхъ поступать.

Одна изъ этихъ патронессъ, М. М. Бѣлавина, жила въ домѣ ея брата инженера—генералъ-лейтенанта Языкова, а въ числѣ многихъ бывалъ у нея и я, а тамъ смиренно слушалъ всякія рѣчи, въ которыхъ все сводилось къ желанію народу блага. Эта же дама раздавала, для чтенія, разныя умныя книжки, между прочимъ, и запрещенныя. Одну такую книжку, по исторіи Россіи, дала она и мнѣ, но съ наказомъ непремѣнно возвратить ей въ цѣлости. Ни о ка-

комъ политическомъ движеніи я нигдѣ ничего ясно не слыхалъ, не подозрѣвалъ, да и мало въ этомъ смыслилъ.

Вдругъ 4-го апрѣля 1866 г., въ министерствѣ огласилось, что кто-то въ Лѣтнемъ саду стрѣлялъ въ государя, но мастеровой подтолкнулъ руку стрѣлявшаго, онъ промахнулся и его арестовали. Хотя никто этому не вѣрилъ, тѣмъ не менѣе на всѣхъ напалъ панический страхъ, всѣ перестали заниматься и разошлись дознаваться, вѣренъ или невѣренъ былъ слухъ. Выбрался и я на площадь, увидѣлъ массы торопливо шедшихъ и ѣхавшихъ по направленію къ Исаакіевскому собору, куда пошелъ и я. Соборъ наполнился народомъ. Духовенство торжественно служило благодарственный молебенъ за спасеніе царя. Весь день встрѣчавшіеся знакомые выражали радость о спасеніи царя и негодованіе противъ преступника. Народъ толпами бродилъ по улицамъ, а полиція издали сопровождала толпы и внушала имъ спокойствіе. Съ слѣдующаго дня стали распространяться слухи объ образованіи, подъ предсѣдательствомъ генерала-отъ-инфантеріи М. Н. Муравьева, верховнаго суда надъ виновниками въ заговорѣ, а также объ арестахъ и обыскахъ. Я вспомнилъ, что у меня находилась запрещенная книжка, которою Бѣлавина очень дорожила, и отправился съ нею къ ней. Въ воротахъ дома, гдѣ она жила, стоялъ жандармъ, по двору прохаживалось ихъ трое, а на лѣстницѣ встрѣтилъ я пятаго, но ничего не подозрѣвая, поднялся я въ третій этажъ. Дверь квартиры Б. оказалась отворенною. Я вошелъ въ переднюю, изъ нея въ гостиную и изумился: мебели въ ней никакой не было, а по серединѣ комнаты на полу свалена была громадная груда книгъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Я впалъ въ недоумѣніе. Вдругъ изъ смежной комнаты вышла ко мнѣ въ измятомъ капотѣ, остриженная подъ гребенку, съ блуждающими глазами, блѣдная, какъ смерть, Бѣлавина. Я едва узналъ ее.

— Видите, что со мною сдѣлали?—озадачила она меня.—Только часъ тому назадъ меня привезли изъ крѣпости, гдѣ продержали трое сутокъ въ казематѣ. Муравьевъ кричалъ на меня, топалъ ногами, велѣлъ меня остричь, а потомъ братъ, такой же, какъ Муравьевъ, генералъ, съ большимъ трудомъ выпросилъ меня на поруки, подъ домашній арестъ, съ охраною жандармами. Не книжку ли вы принесли?

Я подалъ ей. Она быстро сунула ее въ груду.

— У меня произведенъ тщательный обыскъ,—продолжала она,— и вотъ видите, какъ все свалили въ груду, а въ ней теперь книжка цѣла будетъ. Меня забрали за знакомство съ однимъ изъ заподозрѣнныхъ—Худяковымъ, но я ровно ни въ чемъ не повинна. Я давала, правда, саперамъ книжки читать, но это ничего общаго не

имѣетъ съ покушеніемъ. Однако, вамъ опасно долго здѣсь оставаться: васъ могутъ также заподозрить и арестовать. Если бы васъ на лѣстницѣ или на дворѣ остановили и спросили, отвѣчайте, что искали выѣхавшаго съ противоположной квартиры чиновника Сергѣева, служащаго въ таможенномъ департаментѣ. Вы его видывали у меня. Уходите скорѣе, уходите съ Богомъ, пока васъ не замѣтили, а отъ знакомства со мною непремѣнно отрекайтесь.

Я попрощался съ нею, и, хотя внутренно страшился, но спускался съ лѣстницы и шелъ по двору степенно, старался наружно держаться спокойно. Жандармы на меня, правда, поглядывали, но выпустили меня на улицу безъ всякихъ разспросовъ. За угломъ я безъ торга, вскочилъ на пролетку и погналъ извозчика на Невскій, а тамъ, на углу Морской, остановилъ его, далъ ему полтинникъ, отправился въ министерство пѣшкомъ, провелъ служебные часы въ волненіи, а вечеромъ пошелъ къ Саранчовымъ. Онъ встрѣтилъ меня грустный. Я спросилъ о его женѣ.

— Она лежитъ больная, — отозвался онъ. — Сегодня ночью въ 3 часу, насъ внезапно разбудили, по требованію жандармовъ и полиціи, явившихся съ обыскомъ. Жена, наскоро одѣвшись, вышла въ зало, увидала ждавшихъ, испугалась, ахнула, кровь хлынула у нея изъ горла, и она упала въ обморокъ. Ее привели въ сознаніе, уложили въ постель, обыскали, и когда ничего предосудительнаго не нашли,—полковникъ сообщилъ мнѣ, для успокоенія, что поводомъ къ обыску послужилъ представленный недавно на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ проектъ устава издательской артели, а такъ какъ подъ этимъ проектомъ, подписаннымъ 40—50 лицами, въ томъ числѣ и мною, оказались подписи нѣсколькихъ лицъ, уже арестованныхъ, то велѣно обыскать всѣхъ. Въ числѣ подписавшихъ проектъ значился и Хмыровъ, а обыскать его библіотеку чрезвычайно мудрено: слишкомъ своеобразна.

Саранчовъ предложилъ мнѣ побывать къ Хмырову, осмотрѣть его интересную библіотеку и, кстати, передать ему забытую и отыскиваемую имъ нѣмецкую книгу объ артиллеріи.

Я отправился къ Хмырову, который ночами занимался, а днемъ спалъ. Онъ встрѣтилъ меня радушно и пригласилъ въ библіотеку, состоящую изъ множества полокъ отъ потолка до полу, а на полкахъ лежали, по предметамъ, книги, брошюры и вырѣзки изъ книгъ, журналовъ и газетъ. Къ каждому изъ отдѣловъ полокъ приклеены были ярлыки съ надписями, а въ углахъ полокъ лежали алфавитныя тетрадки. По надписямъ и ярлыкамъ легко было найти справки по всѣмъ отраслямъ знаній. Кому что требовалось, тотъ воленъ былъ приходить, дознаваться, гдѣ что лежитъ, дѣлать себѣ выписки, и

класть, что бралъ, на мѣсто и уходить. Устроилъ Х. эту библіотеку въ теченіе многихъ лѣтъ. Осмотрѣвъ все и выслушавъ объясненіе Х., я освѣдомился, не были ли у него съ обыскомъ.

— Были,—отвѣтилъ онъ,—но затруднились его сдѣлать: на пересмотръ понадобился бы, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ человѣкъ на 10—15. Я объяснилъ имъ значеніе моей оригинальной библіотеки и просилъ ихъ не испортить ее. Они походили вокругъ полокъ, пожалѣли, спасибо имъ, разбрасывать и спросили, есть ли у меня запрещенныя какія-нибудь книжки, брошюры. Я отвѣтилъ утвердительно. Тогда они предложили мнѣ добровольно дать имъ хоть одну такую брошюру. Я исполнилъ ихъ желаніе, и они удалились съ извиненіемъ за причиненное мнѣ безпокойство. Вотъ и сегодня вырѣзалъ я для своей библіотеки изъ газетъ два стихотворенія въ честь: одно—Комисарова, а другое—Муравьева. Послѣднее—Некрасова, но за это стихотвореніе поклонники уже бранятъ его, по-моему—напрасно: мысль его раздѣляетъ огромное большинство общества, а гласъ народа—гласъ Божій.

И дѣйствительно люди интеллигентные, купцы и мужики совершенно одинаково восторгались спасеніемъ царя и поступкомъ Комисарова, взапуски бѣгали взглянуть на него, его жену, проклинали Каракозова и его сообщниковъ и желали имъ лютой казни. Тѣмъ временемъ обыски и аресты продолжались, а это даже на самыхъ смирныхъ людей нагоняло страхъ: всѣ боялись обысковъ, производившихся исключительно въ глухую полночь. Слухи по городу разносились самые разнообразные, даже фантастическіе. По случаю болѣзни жены Саранчова къ нимъ часто приходили вечерами, развлекать ее, близкіе обоихъ знакомые мужчины и женщины. Однажды я засталъ у нихъ цѣлую компанію, разсуждавшую о томъ же. Одинъ, напр., разсказалъ, что Каракозовъ предъ покушеніемъ ночевалъ у молодаго доктора Кобылина, а при его задержаніи въ его карманѣ нашли рецептъ, написанный Кобылинымъ, котораго и посадили, какъ соучастника; что Каракозовъ, несмотря на пытки, какимъ его подвергали,—упорно молчитъ, такъ какъ постепенно пріучился къ самоистязаніямъ, спалъ на кровати съ гвоздями и во всемъ подражалъ Рахметову изъ романа „Что дѣлать“. Другой слышалъ, что Каракозовъ-то и описанъ въ романѣ, подъ именемъ Рахметова, а потому предсказаніе о немъ автора романа и сбылось. Третій сообщилъ, что арестовали профессора артиллерійской академіи, философа, полковника Лаврова. Онъ представилъ проектъ устава издательской артели, и Муравьевъ обвинилъ его за его популярность, за неимѣніемъ уликъ, — по карандашнымъ отмѣткамъ, которыя онъ дѣлалъ на поляхъ прочитанныхъ имъ книгъ, но онъ не только не струсилъ,

а, напротивъ, ругался съ Муравьевымъ и, будучи ростомъ и силою Голіафа, разъ такъ стукнулъ кулакомъ о столъ, что проломилъ доски. Четвертый, прежній ярый почитатель Некрасова, азартно бранилъ его за произнесеніе въ англійскомъ клубѣ, въ честь Муравьева, стихотворенія, которымъ просилъ Муравьева „сразить крамолу". Пятый заявилъ, что, потерявъ къ Некрасову всякое уваженіе за это стихотвореніе,—уничтожилъ его портретъ. То же самое, при всѣхъ сдѣлала, въ пылу болѣзненнаго раздраженія, и жена Саранчова [1]).

Двое напротивъ доказывали, что Некрасовъ поступилъ прекрасно, сообразно тому, что чувствовалъ, какъ и всѣ русскіе люди, да къ тому же ограждалъ этимъ способомъ либеральную русскую литературу отъ преслѣдованія ея обскурантомъ Муравьевымъ. Нападавшіе на Некрасова возражали, что онъ дѣйствовалъ только изъ угодливости клубнымъ своимъ партнерамъ по картежной игрѣ, да изъ холопства предъ всесильнымъ Муравьевымъ, а отнюдь не въ интересахъ литературы, которую Муравьевъ все равно, дескать, сокрушитъ.

Когда почти тѣ же лица вновь сошлись у Саранчовыхъ, всѣ негодовали на послѣдовавшее прекращеніе „Современника" и „Русское Слово", за вредное якобы ихъ направленіе, при чемъ оказавшіеся пророками съ злорадствомъ утверждали, что Некрасовъ наказанъ подѣломъ. Саранчовъ возразилъ имъ, что подписчики „Современника", наоборотъ, вполнѣ сочувствуютъ Некрасову, ибо изъ 40 получавшихъ черезъ канцелярію военнаго министерства журналъ только одинъ пожелалъ получить деньги по разсчету, а 39 отказались отъ всякаго вознагражденія, признавая, что Некрасовъ пострадалъ въ интересахъ умственнаго развитія общества. При разсужденіи о томъ, что постигнетъ Каракозова и его соучастниковъ, Саранчовъ возсталъ противъ смертной казни, о чемъ незадолго передъ тѣмъ, по поводу казни солдата Гудевича, за ограбленіе часовни въ домикѣ Петра Великаго и за убійство сторожа, онъ перевелъ съ нѣмецкаго языка и издалъ сочиненіе германскаго ученаго Митермайера. Въ этомъ же духѣ тогда же высказался въ газетѣ „Русь" и С. И. Аксаковъ. Наконецъ, высказывали сомнѣніе, введутъ ли послѣ покушенія Каракозова предполагавшійся гласный судъ, такъ какъ реформа либеральная, а Муравьевъ, какъ ненавистникъ либерализма,—отсовѣтуетъ это сдѣлать, для нетерпимаго имъ народа.

---

[1]) Мужъ свезъ ее на родину въ Малороссію, гдѣ она вскорѣ же умерла отъ скоротечной горловой чахотки.

IV.

Введеніе мироваго суда.—О. И. Квистъ и генералъ-губернаторъ Бибиковъ.—Противники мироваго суда.—Мѣщанинъ Лопатинъ и генералъ Симбирскій.—Введеніе земскихъ учрежденій.—Закрытіе перваго петербургскаго собранія.—Борода солдата на судѣ.—Адвокатъ Серебряный и адвокатъ Жуковскій.—Редакторъ Артоболевскій.—Богушевичъ.—Старчевскій и его судьба.—Статья Лохвицкаго въ журналѣ „Судебный Вѣстникъ".—Паденіе мироваго суда.—Знакомство съ мѣстами заключенія.—Тюремный комитетъ.—Полицейскія арестантскія.—Препятствія для назначенія меня директоромъ тюремнаго комитета.—Недовольство директоровъ моимъ назначеніемъ.—Директоръ Розенталь.

Сомнѣнія въ реформахъ, послѣ покушенія, однако, не оправдались. Такъ, еще 19-го марта залы городской думы не могли вмѣстить всѣхъ, желавшихъ присутствовать при выборѣ почетныхъ и участковыхъ мировыхъ судей. Попавъ въ думу, я вынесъ изъ торжественности и публичности выборовъ самое трогательное впечатлѣніе, а описаніе всего, мною услышаннаго и видѣннаго, сохранилъ въ цѣлости въ изданной мною, въ 1891 г., къ 25-лѣтнему юбилею гласнаго суда книгѣ: „Обломокъ разбитаго корабля". Въ началѣ апрѣля огласилось, что всѣ избранные въ почетные и участковые судьи утверждены Сенатомъ, кромѣ Ю. Г. Жуковскаго (автора статьи въ „Современникѣ" „Вопросъ молодаго поколѣнія", за которую онъ вскорѣ же судился). Разбирая этотъ фактъ, многіе радовались утвержденію судьями молодыхъ и среди либераловъ очень популярныхъ: А. А. Черкесова, братьевъ А. В. и В. В. Яковлевыхъ и Н. А. Неклюдова, людей образованныхъ и состоятельныхъ, содержащихъ: Неклюдовъ—типографію [1]), Яковлевы—книжный магазинъ (послѣ сосланнаго Серно-Соловьевича) и Черкесовъ—библіотеку для чтенія. Наконецъ, 10-го мая въ газетахъ явилось объявленіе объ открытіи дѣйствій мироваго суда 17-го мая, а я въ министерствѣ услыхалъ, что въ этотъ день судья 28 участка Н. Н. Медвѣдевъ будетъ судить экзекутора Лѣснаго института, отставнаго полковника Лезнева за то, что поколотилъ своего подчиненнаго вахтера, отставнаго писаря-кандидата Алексѣева, бывшаго моего сослуживца по департаменту военныхъ поселеній.

Въ 8 часовъ утра 17-го мая, отправился я на Выборгскую сто-

---

[1]) Напечатанная въ типографіи книга „Записки декабриста" барона Розена была цензурою задержана, спрятана въ типографскій сарай, который былъ запечатанъ, но черезъ годъ, когда послѣдовало распоряженіе сжечь книгу—въ сараѣ нашли только 10 изъ 2.000 экземпляровъ, хотя стѣны сарая, печати и замокъ оказались ничуть не поврежденными. Какъ, кто и когда растащили всѣ экземпляры книги и куда ихъ подѣвали—долго тщательно доискивались, да такъ и отступились.

рону, гдѣ отыскалъ домъ, въ которомъ помѣщалась судейская камера, а въ ней увидалъ народъ, предпочтительно простой. Сторожъ любезно разсаживалъ всѣхъ на скамейки. Набралось человѣкъ 40. Ровно въ 10 часовъ вошелъ пожилой судья во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и съ золотою цѣпью на шеѣ. Всѣ встали. Судья поклонился публикѣ и ровнымъ, мягкимъ голосомъ произнесъ простую рѣчь о преимуществѣ введеннаго гласнаго, противъ прежняго тайнаго суда, потомъ священникъ отслужилъ краткій молебенъ, затѣмъ судья, открывъ засѣданіе, принялъ десятокъ прошеній, а потомъ вызвалъ Алексѣева, Лезнева и ихъ свидѣтелей, направилъ послѣднихъ въ отдѣльную комнату и приступилъ къ разбору дѣла, при чемъ Лезнева и Алексѣева одинаково называлъ „господиномъ", что удивляло публику. Разбирательство этого дѣла длилось больше часу, а приговоръ, которымъ судья осудилъ Лезнева къ 3-хъ-мѣсячному аресту, поразилъ всѣхъ; никто не допускалъ и мысли, чтобы полковника за то лишь, что поколотилъ писаря, слѣдовало столь строго наказать, почему всѣ его жалѣли, а самъ онъ совершенно растерялся.

Все, происходившее въ судѣ, дозволялось, какъ мнѣ раньше было извѣстно, печатать, поэтому, записавъ вкратцѣ, все видѣнное и слышанное,—я поспѣшилъ домой, составилъ изъ карандашныхъ замѣтокъ статейку, свезъ ее въ редакцію газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости" и вернулся на службу, а вечеромъ явился въ камеру судьи I участка О. И. Квиста, пробылъ тамъ до часу ночи и набралъ матеріалу еще на нѣсколько статей. На другой день въ газетѣ появилась моя статейка, а я получилъ письменное приглашеніе къ редактору В. Ф. Коршу. Онъ пожилой, симпатичный на видъ, любезно предложилъ мнѣ постоянно посѣщать камеры судей и доставлять, для печатанія, „сцены". Я охотно согласился, получилъ дозволеніе Порѣцкаго приходить въ канцелярію къ часу и ежедневно съ 10 утра (засѣданія аккуратно начинались съ этого времени) пробывалъ въ камерахъ по нѣсколько часовъ и занимался сценами, которыя ежедневно же печатались, съ живѣйшимъ интересомъ читались и обсуждались, ибо всѣхъ занималъ новый судъ, какъ учрежденіе, призванное водворить правду, милость и смягчить грубые нравы.

Судьи не только дружелюбно меня встрѣчали, но искали моего знакомства, заблаговременно оповѣщали меня, когда и какія именно дѣла предстояло имъ разбирать, наиболѣе интересныя изъ нихъ назначали, для моего удобства, къ разбору къ 10 часамъ утра, или вечеромъ, предоставляли мнѣ, какъ журналисту, право присутствовать при судьбищахъ при закрытыхъ дверяхъ, давали мнѣ дѣла для извлеченія изъ нихъ свѣдѣній, разспрашивали меня, садившагося среди публики, какія изъ ихъ рѣшеній и приговоровъ производили на нее

впечатлѣніе, приглашали меня въ гости, сводили со своими семействами, родственниками и т. д. Словомъ, я, въ короткое время, сдѣлался самымъ желаннымъ ихъ посѣтителемъ и гостемъ, за популяризацію ихъ дѣятельности „сценами", въ заглавіи которыхъ я всегда означалъ участокъ и фамиліи судей. Они, какъ я ежедневно убѣждался, дѣйствительно работали безъ устали, напрягали всѣ свои силы, способности и познанія, чтобы сдѣлаться „праведными судьями", въ чемъ многіе (О. И. Квистъ, Н. А. Неклюдовъ, А. В. Яковлевъ, Н. Н. Медвѣдевъ и другіе) вполнѣ успѣли. Зато и слава ихъ ежедневно разросталась при моемъ безкорыстномъ содѣйствіи; мои „сцены" почти всѣ газеты перепечатывали, а по нимъ помѣщались различныя статьи, одобрявшія дѣйствія судей.

На приговоры по уголовнымъ и рѣшенія судей по гражданскимъ дѣламъ подавались апелляціонныя, кассаціонныя и частныя жалобы въ мировой съѣздъ, куда, по приглашенію предсѣдателя О. И. Квиста, сталъ являться и я. Тамъ изъ тяжущихся и ихъ адвокатовъ дальше пріемной никого не пускали, а справками снабжали ихъ черезъ окошко дежурные секретари, а я сразу получилъ свободный доступъ въ канцелярію и право брать, какія хотѣлъ, дѣла для своей надобности, присутствовать въ засѣданіяхъ: при закрытыхъ дверяхъ, распорядительныхъ и судебныхъ приставовъ. Дававшій по дѣламъ заключенія товарищъ прокурора М. М. Веселкинъ (умеръ въ 1892 г. черниговскимъ губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ) также во мнѣ заискивалъ; отъ меня зависѣло записывать и печатать его заключенія или игнорировать ихъ, а онъ также желалъ пріобрѣсть популярность.

Говоря о съѣздѣ, необходимо прежде всего охарактеризовать его предсѣдателя О. И. Квиста. Онъ по воспитанію правовѣдъ [1]), былъ разносторонне образованный, даровитый человѣкъ, прослужилъ ко времени открытія суда 23 года въ разныхъ должностяхъ, считался въ числѣ замѣчательныхъ юристовъ, а потому, участвовалъ въ самомъ составленіи судебныхъ уставовъ. Хотя всѣ почти судьи составляли цвѣтъ тогдашней столичной интеллигенціи, тѣмъ не менѣе О. И. Квистъ по отношенію къ нимъ уподоблялся прекрасному строгому учителю передъ прилежными учениками. Судьи, воодушевленные самыми благими намѣреніями и сознаніемъ своего высокаго призванія, съ замѣчательнымъ единодушіемъ слѣдовали во всемъ наставленіямъ Квиста, перенимали его пріемы разбирать дѣла и относились къ нему съ почтительнымъ уваженіемъ; краснорѣчивый, убѣжденный, отлично все знавшій, самостоятельный и смѣлый,—онъ дѣйствовалъ на всѣхъ

[1]) Умеръ въ 1890 г.

неотразимо, отчего никто не рисковалъ ему противорѣчить, изъ сознанія своего безсилія передъ его авторитетомъ, познаніями и трудолюбіемъ, которому не было, кажется, предѣла; на организацію суда онъ положилъ чрезвычайно много труда, настоялъ, чтобы судьи, какъ общественные избранники, отправляли правосудіе не въ формѣ, а во фракахъ, днемъ предсѣдательствовалъ въ съѣздѣ по гражданскимъ и распорядительнымъ дѣламъ, да руководилъ канцеляріею и судебными приставами, вечерами разбиралъ въ своемъ участкѣ, куда судьи ходили учиться у него разбирать дѣла, а ночами составлялъ рѣшенія въ окончательной формѣ, да приготовлялъ груды дѣлъ на засѣданія съѣзда на утро. Вѣра въ его непогрѣшимость столь сильна была въ судьяхъ, что если онъ почему-либо не могъ самъ предсѣдательствовать, то на просмотрѣнныхъ имъ дѣлахъ писалъ карандашемъ буквы о или у, означавшія: первая—отмѣнить, а послѣдняя—утвердить рѣшеніе судей, при чемъ засѣдавшіе безъ него судьи безпрекословно поступали согласно означеннымъ буквамъ. Изъ всѣхъ судей считалъ онъ лучшимъ своимъ сотрудникомъ талантливаго Н. А. Неклюдова, и, какъ магистру уголовнаго права,—предоставилъ ему предсѣдательство въ съѣздѣ по уголовнымъ дѣламъ. Точнымъ выполненіемъ закона и независимостью суда и судей Квистъ дорожилъ больше всего, а подчиняться считалъ онъ себя обязаннымъ—исключительно Сенату.

— Такъ установлено закономъ, а хорошъ онъ только тогда, когда находится въ крѣпкихъ рукахъ,—объяснялъ онъ мнѣ,—вскорѣ же послѣ моего съ нимъ знакомства. И прежній законъ не былъ бы дуренъ, если бы люди его не портили изъ трусости и по другимъ слабостямъ. Со мною въ началѣ еще моей службы, произошелъ такой казусъ, который вселилъ въ меня это убѣжденіе на вѣкъ. Прибылъ я, въ 1847 г., прокурорствовать въ Житоміръ, нашелъ по судебнымъ дѣламъ безпредѣльныя безобразія, особливо по арестантскимъ и опекунскимъ дѣламъ и раскопалъ всѣ муравейники, а за это муравьи, въ пылу негодованія, посыпали на меня градомъ доносы, клеветы и пасквили. Со свойственною молодежи увлеченіемъ, отписывался я отъ нихъ, да еще настойчиво продолжалъ свою роль „царскаго ока“. Вдругъ пріѣхалъ тогдашній грозный кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи Бибиковъ, вдоволь уже начитавшись и наслушавшись разныхъ на меня ябедъ. Въ числѣ 15—20 губернскихъ властныхъ лицъ явился къ нему и я представиться. Величественно онъ вышелъ къ намъ, выстроившимся по рангамъ, въ рядъ, одного похвалилъ, другаго побранилъ и т. д., а приблизившись ко мнѣ—нахмурился. Я отрекомендовался ему.

— Такъ это вы, вы тотъ самый страшный прокуроръ, про котораго мнѣ всѣ уши прожужжали?—пренебрежительно началъ онъ.—Гм...

Не ожидалъ; вѣдь вы еще мальчикъ!.. Удивляюсь, кто далъ вамъ прокурорскую должность, а еще больше тому, откуда у васъ такая прыть?

— Позвольте доложить вашему высокопревосходительству, что мальчиковъ не назначаютъ губернскими прокурорами,—смѣло возразилъ я.—Я моложавъ и малъ ростомъ—это правда, но мнѣ 27 лѣтъ и мое начальство, въ лицѣ министра юстиціи, удостоило меня назначенія за мои юридическія познанія, восьмилѣтніе труды и пріобрѣтенную опытность, а на сколько я страшный и ретивый прокуроръ,—про то вѣдаютъ лишь тѣ, которые противозаконничаютъ.

— Вы осмѣливаетесь волновать всю губернію своими придирчивыми протестами, легкомысленными донесеніями и прочимъ вздоромъ, но знайте напередъ—ничего этого я не потерплю.

— Я признаюсь, дѣйствительно волную, но не всю губернію, а только тѣхъ, кто достоинъ каръ закона, поэтому мои, основанные на законѣ, протесты судами и даже Сенатомъ уважаются, а донесенія—начальствомъ моимъ одобряются.

— Я начальникъ всѣхъ служащихъ въ моемъ краѣ, въ томъ числѣ, запомните и вашъ, да, вашъ, ну и не поз-зволю вамъ ни мутить, ни быть заносчивымъ передо мною, генералъ-губернаторомъ. Въ моихъ губерніяхъ, запомните мои слова, никакихъ беззаконій нѣтъ, а напротивъ, все обстоитъ благополучно.

— Губерніи, простите ваше высокопревосходительство, не ваши, а россійскія, и все ли благополучно въ Кіевской и Подольской губерніяхъ—меня не касается, но въ Волынской я, въ качествѣ прокурора, открылъ очень много беззаконій, которыя и преслѣдую по долгу присяги и обязанностей моей службы.

— Ваша обязанность прежде всего исполнять мои приказанія, а я вамъ приказываю прекратить всѣ ваши дрязги.

— Я, извините, ваше высокопревосходительство, занимаюсь не дрязгами, а защитою интересовъ невинныхъ, малолѣтнихъ, сирыхъ, ускореніемъ дѣлъ виновныхъ, примѣненіемъ по отношенію ко всѣмъ дѣламъ справедливости, закономъ предусмотрѣнной, а ваши приказанія также почту себя обязаннымъ исполнять, если они будутъ законныя.

— Не смѣйте мнѣ толковать о законахъ, я облеченъ властью государемъ императоромъ и знать не хочу вашихъ законовъ.

— Напрасно, законъ исходитъ отъ государя императора же, а потому всѣ, безъ исключенія, его вѣрноподданные обязаны повиноваться законамъ, генералъ-губернаторы же, какъ представители верховной власти, сугубо должны блюсти законы, внушать всѣмъ строгое ихъ исполненіе какъ за страхъ, такъ и за совѣсть.

— Я вамъ, мелкому чиновнику, воспрещаю читать мнѣ ребяче-

скую мораль, а предваряю васъ, что, если вы дерзнете нарушить мой наказъ—перестать разводить, повторяю, дрязги, то я васъ подъ конвоемъ прикажу выслать изъ моего края. Молч-чать!

Онъ горделиво отошелъ отъ меня, распекъ еще кое-кого, но никто не пикнулъ ему въ отвѣтъ и покинулъ насъ. Расходясь восвояси, всѣ молча смотрѣли на меня со страхомъ, а я, вернувшись домой, тотчасъ же написалъ весь разговоръ въ подробномъ рапортѣ министру юстиціи, при чемъ указалъ на то, что генералъ Бибиковъ публично унизилъ достоинство прокурорской должности и оскорбилъ меня, какъ занимающаго эту должность. Прошелъ ровно мѣсяцъ, и я получилъ бумагу, что государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу министромъ юстиціи, статсъ-секретаремъ графомъ Паниным моего рапорта, изволилъ признать данныя мною генералу Бибикову отвѣтныя объясненія совершенно правильными, а потому одобрилъ ихъ. Объ этомъ министръ написалъ и Бибикову, который больше меня уже не трогалъ. Съ тѣхъ поръ, я ни разу не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ и, хотя наживалъ изъ-за нихъ враговъ, но этимъ не смущался; они были безсильны вредить мнѣ. И въ настоящихъ двухъ моихъ должностяхъ меня ждутъ, я увѣренъ, маленькія розы и большіе шипы, но они меня не сокрушатъ, я слишкомъ обстрѣленъ и задался мыслью создать для Петербурга такой мировой судъ, которымъ можно будетъ гордиться.

И, дѣйствительно, съ первыхъ же дней дѣятельности мироваго суда противъ него ополчился градоначальникъ, генералъ Треповъ, за то, что судъ стѣснялъ прежнюю свободу дѣйствій полиціи и его самого, а это ему сильно не нравилось. Онъ и писалъ безпрерывно Квисту запросы, требованія и указанія, но Квистъ, находя, что всѣ дѣйствія суда должны происходить публично, что полиція вправѣ только являться въ судъ въ качествѣ обвинителя и свидѣтеля, а переписки судъ вести ни съ кѣмъ не обязанъ,—ничего не отвѣчалъ Трепову на его бумаги. Это усиливало его раздраженіе, и онъ тщательно собиралъ мелкіе промахи судей, не успѣвшихъ усвоить себѣ точныхъ границъ ихъ власти и потому иногда превышавшихъ его предѣлы, и обо всемъ доносилъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, даже государю. Такъ раздувались поступки судей: Протасьева, приказавшаго ночью навести Литейный мостъ, и Ольхина, вмѣшавшагося въ распоряженія по тушенію пожара, за что оба подверглись дисциплинарному внушенію. Затѣмъ, когда судья А. Д. Дурново, по жалобѣ содержавшихся въ Казанской части нищихъ, явился туда, убѣдился, что они, въ числѣ 40 человѣкъ, посажены безъ установленнаго протокола о ихъ винѣ, а только по телеграммѣ Трепова, выпустилъ ихъ на свободу, тогда Треповъ, жаловался уже шефу жан-

дармовъ на преднамѣренный подрывъ Дурново значенія его, Трепова, власти, но Дурново отозвался, что лишь исполнилъ 9 ст. уст. уголовн. суд., и жалоба Трепова осталась безъ послѣдствій, къ крайнему огорченію его и его единомышленниковъ, противниковъ собственно мироваго суда, касавшагося всѣхъ по всѣмъ мелочнымъ дѣламъ, тогда какъ съ окружнымъ судомъ всѣ сразу примирились, вслѣдствіе того, что тамъ сосредоточивались только крупные интересы разныхъ лицъ.

Тѣмъ временемъ число противниковъ мироваго суда росло, какъ грибы послѣ дождя. Такъ, судья А. П. Баумгартенъ, за осужденіе священника Борисоглѣбскаго за оскорбленіе кандидата правъ Штофа,— породилъ ропотъ среди духовенства и даже свѣтскихъ властныхъ лицъ. Затѣмъ самъ Квистъ произвелъ невообразимую бурю при разрѣшеніи тяжбы мѣщанина Лопатина съ генералъ-лейтенантомъ Симбирскимъ. Лопатинъ взыскивалъ съ Симбирскаго за зеркала 248 р. Симбирскій, получивъ повѣстку, встрѣтилъ Квиста, какъ знакомаго, въ англійскомъ клубѣ и просилъ проучить Лопатина за его домогательство, но Квистъ отвѣтилъ ему, что безпристрастно разберетъ дѣло въ камерѣ въ опредѣленный день и часъ. Явившись въ камеру, Симбирскій, безъ позволенія, прошелъ, на глазахъ всѣхъ, прямо въ кабинетъ Квиста. Для поддержанія равноправности въ судѣ, Квистъ, по дошедшей очереди, вызвалъ тяжущихся словами: „г.г. Лопатинъ и Симбирскій". Послѣдній не откликнулся, а приглашенный сторожемъ вышелъ въ камеру, приблизился къ судейскому столу, увидѣлъ стоявшаго Лопатина и произнесъ: „прикажите, г. судья, подать мнѣ стулъ: я по чину и ордену св. Владиміра на шеѣ вправѣ сидѣть въ судѣ". „Подать два стула", приказалъ Квистъ, и когда это было исполнено,—добавилъ: „садитесь, генералъ Симбирскій, садитесь и вы, мѣщанинъ Лопатинъ: въ судѣ всѣ равны"; но Лопатинъ не сѣлъ, а Квистъ, выслушавъ обоихъ, присудилъ съ Симбирскаго въ пользу Лопатина 242 руб. Сцена эта произвела потрясающее впечатлѣніе на публику и въ особенности на читателей. Либералы восторгались поступкомъ Квиста, консерваторы во главѣ съ газетою „Вѣсть" В. Д. Скарятина напали на Квиста и судъ, а Симбирскій подалъ въ съѣздъ апелляцію и прокурору жалобу на Квиста. Прокуроръ передалъ его жалобу въ съѣздъ же, а тамъ Симбирскій наговорилъ предсѣдательствовавшему Неклюдову много колкостей. Съѣздъ сообщилъ прокурору о привлеченіи Симбирскаго къ отвѣтственности за оскорбленіе съѣзда и Квиста въ оффиціальныхъ бумагахъ. Дѣло это создало чрезвычайный переполохъ. Великая княгиня Елена Павловна, поддерживавшая всѣ реформы и зорко слѣдившая за порядкомъ ихъ примѣненія, пригласила къ себѣ ранѣе совершенно неизвѣстнаго ей Квиста, который сумѣлъ доказать ей свою правоту, а тогда объявила ему,

что дѣло Симбирскаго уже извѣстно государю; но онъ доволенъ, а потому можетъ дѣйствовать дальше въ томъ же направленіи. Контръ-адмиралъ Арбузовъ обозвалъ въ апелляціи судей „энгелистами", разрушителями порядка и тоже былъ направленъ въ прокуратору.

Какъ бы въ подкрѣпленіе нападокъ на судъ и его представителей, среди самихъ судей произошли вотъ какіе казусы. Судья баронъ Фитингофъ обидѣлъ жильца своего дома, кухмистера Голубцова, словами, да гонялъ его куръ по двору. Голубцовъ пожаловался судьѣ А. В. Яковлеву, а онъ, публично разобравъ дѣло, прекратилъ его мировою подпискою Фитингофа о томъ, что не будетъ больше гонять куръ и безпокоить Голубцова. Поручикъ Проценко, встрѣтивъ въ ресторанѣ судью Куликова, навязывался къ нему въ знакомые, при чемъ между ними вышелъ скандалъ. Наконецъ, у судьи Черкесова произведенъ былъ обыскъ по подозрѣнію въ участіи его въ политическомъ преступленіи. Въ видахъ охраненія безукоризненности поведенія судебнаго персонала, Фитингофъ и Черкесовъ вышли въ отставку, а Куликовъ перевелся въ члены Псковскаго окружнаго суда. Затѣмъ Неклюдовъ разобралъ дѣло по жалобѣ дворянки Янушкевичъ на мѣщанку Козакъ за то, что Янушкевичъ, догоняя своихъ двухъ оскорбителей, вбѣжавшихъ въ содержимый Козакъ домъ терпимости, вошла за ними туда, но тамъ 10 женщинъ, во главѣ съ Козакъ, избили ее, разорвали на ней всю одежду и вытолкали на лѣстницу, откуда дворникъ, въ своемъ тулупѣ, доставилъ ее въ полицію. Неклюдовъ приговорилъ Козакъ къ 6-ти недѣльному аресту и къ уплатѣ Янушкевичъ за вещи 210 руб. Недовольная Козакъ принесла Неклюдову апелляціонный отзывъ и, когда услышала отъ него слова: „я представлю вмѣстѣ съ дѣломъ въ мировой съѣздъ",—иронически заявила ему, „у васъ дѣла-то нѣтъ" и ушла съ торжествомъ. Дѣло дѣйствительно пропало, но при обыскѣ въ квартирѣ Козакъ нашли копіи со всѣхъ бумагъ, въ дѣлѣ находившихся. Копіи оказались вѣрными съ моею сценою. Тогда Неклюдовъ свѣрилъ копіи и представилъ ихъ, вмѣстѣ съ апелляціею и своимъ объясненіемъ, въ съѣздъ, который утвердилъ приговоръ. Тогда повѣренный Козакъ подалъ кассаціонную жалобу, которою доказывалъ, что довѣрительницу его нельзя было судить по копіямъ. Однако, и Сенатъ оставилъ жалобу Козакъ безъ послѣдствій. Довѣріе къ нѣкоторымъ судьямъ было столь велико, что къ нимъ обращались съ просьбами рѣшать дѣла и на значительныя суммы. Такія дѣла кончали по миролюбивому соглашенію, напр. Квистъ на 300.000 р., Неклюдовъ на 6.000 р., Яковлевъ на 40.000 р. и т. д.

Попадать въ печать по какимъ бы то ни было дѣламъ всѣ считали для себя обиднымъ, даже позорнымъ. Между тѣмъ нѣкто Баталинъ,

впослѣдствіи редактировавшій и издававшій разныя газеты и даже журналы, доставилъ въ редакцію „С.-Петербургскія Вѣдомости“ сцену о томъ, что кухарка взыскивала у мирового судьи 12-го участка В. В. Яковлева 3 руб. жалованія съ городскаго головы Н. И. Погребова. Коршъ помѣстилъ эту сцену, но Погребовъ прислалъ ему письмо, что вся сцена выдумана, такъ какъ никто ничего съ него не взыскивалъ. Коршъ поручилъ мнѣ справиться, вѣрно ли писалъ Погребовъ. Судья удостовѣрилъ справедливость письма Погребова не только устно, но предъявленіемъ мнѣ входящаго настольнаго реэстра и всѣхъ разбиравшихся дѣлъ. Тогда Коршъ напечаталъ извинительную предъ Погребовымъ замѣтку, а отъ Баталина воспретилъ принимать какія бы то ни было, для печати, сцены, хотя очень дорожилъ ими. Это подтверждается тѣмъ, что когда цензура пріостановила „Петербургскія Вѣдомости“, то по ходатайству Корша, чрезъ академію наукъ, разрѣшили выпускать нумера только съ моими сценами да объявленіями. Я и наполнялъ сценами, ежедневно, по нѣсколько столбцовъ газеты. Чрезмѣрный трудъ, правда, сильно меня утомлялъ, тѣмъ не менѣе я довольствовался сначала опредѣленнымъ мнѣ гонораромъ по 3 коп. за строку. Мои особенно интересныя сцены перепечатывали многія тогдашнія столичныя и даже провинціальныя газеты, а „Сынъ отечества“ помѣщалъ слѣдомъ за „Петербургскими Вѣдомостями“ рѣшительно всѣ мои сцены.

Посвящая утра и вечера занятіямъ судомъ, я мало вникалъ въ то, что творилось въ министерствѣ, тогда какъ тамъ подготовлялась передача въ министерство внутреннихъ дѣлъ государственныхъ крестьянъ съ принадлежавшими имъ училищнымъ, врачебнымъ, провольственнымъ, мірскимъ, страховымъ и запаснымъ капиталами въ десятки милліоновъ. Оттого самый большой 1-й департаментъ совсѣмъ упразднился съ 1-го января 1867 г., второй превратился во временной отдѣлъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ, а канцелярія министра преобразовывалась въ департаментъ общихъ дѣлъ, такъ что дѣятельность министерства сократились на половину. За то содержаніе по новому штату всѣмъ штатнымъ чиновникамъ удвоилось, напр. директору полагалось 6.000 руб. вмѣсто 3.060 руб., начальнику отдѣленія 2.000 руб., столоначальнику — 1.200 руб., помощнику столоначальника 700 руб. въ годъ.

Съ 1867 г. многіе чиновники остались за штатомъ, а я попалъ, среди отдѣленія Порѣцкаго, въ департаментъ общихъ дѣлъ, директоромъ котораго назначенъ былъ бывшій ранѣе въ Воронежѣ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Черепнинъ. Это былъ человѣкъ столь грубый, что въ теченіе первыхъ же 2—3 мѣсяцевъ всѣ чиновники вознена-

видѣли его за принужденія всѣхъ являться на службу къ 11-ти час. утра, мелочную придирчивость и оскорбительное со всѣми обхожденіе. Онъ, напр., полуложился на диванъ и заставлялъ почтеннаго Порѣцкаго докладывать ему бумаги, стоя передъ нимъ. Разъ Порѣцкій, выйдя отъ него, просто заплакалъ отъ обиды. Однако, судьба вскорѣ же покарала его: онъ умеръ скоропостижно, а вмѣсто него назначили директоромъ барона Медема [1]), и благородная прежняя служба наша водворилась во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ продолжалъ держаться сановнымъ, но деликатнымъ начальникомъ, изъ своего кабинета выходилъ въ отдѣленія департамента очень рѣдко, но качества всѣхъ подчиненныхъ своихъ чиновниковъ зналъ и цѣнилъ правильно, никого не обижалъ, особенно не отличалъ, но что кому обѣщалъ, то непремѣнно дѣлалъ. Предметы вѣдомства департамента онъ настолько хорошо изучилъ и помнилъ, что докладывалъ министру предпочтительно входящія бумаги, на которыхъ самъ писалъ резолюціи, какъ что исполнить, чѣмъ значительно сокращалъ переписку и выгадывалъ время, требовавшееся на составленіе бумагъ, переписку и посылку докладовъ Зеленому. Репутаціею пользовался онъ безукоризненною, и чиновники относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ.

По возстановленіи прерваннаго Черепнинымъ стараго порядка и я опять пріобрѣлъ большій досугъ для собиранія и писанія сценъ въ мировомъ судѣ, а изъ него попадалъ и въ окружный судъ на интересные процессы, которые описывалъ и также печаталъ. Большой фуроръ произвелъ, помню, слѣдующій оригинальный процессъ. Въ Петербургѣ жила дѣвица Эмрика Эльснеръ, имѣвшая красивую дочь, тоже дѣвицу Фани Эльснеръ, прославленную танцовщицу. И вотъ она, съ увлеченіемъ танцовавшая въ театрѣ, неосторожно прокружилась на сценѣ около рампы, отчего на ней воспламенилось платье и она умерла отъ ожоговъ. Послѣ ея смерти мать ея поручила присяжному повѣренному Вл. Ив. Танѣеву взыскать съ флигель-адъютанта, полковника графа Стенбокъ-Фермора 30.000 руб., по заключенному имъ съ ея покойною дочерью письменному домашнему договору, который гласилъ, что если отъ указанныхъ въ договорѣ числа, мѣсяца и года ровно чрезъ 9 мѣсяцевъ Фанни родитъ сына, то графъ обязанъ ей заплатить 30.000 р., если родитъ дочь—15.000 руб., для удостовѣренія же ея беременности и рожденія сына или дочери графъ уполномочивалъ акушера со своей стороны присутствовать при родахъ. Договоръ подписали: графъ, Фанни и Эмрика Эльснеръ. Затѣмъ въ опредѣленный договоромъ срокъ Фанни дѣйствительно родила сына, какъ письменно же удостовѣрили избранный графомъ акушеръ,

[1]) Умеръ въ 1902 г. сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

за Фанни акушерка, ея мать, да и самъ графъ подписался. Далѣе, пока Фанни была жива, графъ все обѣщался ей доставить 30.000 руб., а искать ихъ судомъ она стѣснялась, послѣ же трагической ея смерти онъ отказался уплатить деньги Эмрикѣ, какъ опекуншѣ надъ малолѣтнимъ ея внукомъ. На судѣ Танѣевъ доказывалъ искъ словами изъ статей 1 ч. X т. объ обязательствахъ, что „договоры составляются по взаимному согласію договаривающихся; предметами договора могутъ быть дѣйствія договаривающихся", которымъ предоставляется включать въ договоръ, по обоюдному согласію, „всякія условія", составлять договоръ дозволяется „домашнимъ" порядкомъ, а понимать ихъ надлежитъ по точному ихъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ, наконецъ, „договоры о наймѣ въ услуги почитаются также обязательными для договаривающихся сторонъ". Отсюда Танѣевъ дѣлалъ выводъ, что коль-скоро графъ и Фанни добровольно заключили между собою договоръ на обоюдныя ихъ дѣйствія, вольны были включить въ него всякія условія, а Фанни оказывала графу услугу, то онъ, дескать, и долженъ заплатить за нихъ 30.000 р. ея сыну, какъ прямому наслѣднику послѣ матери. Повѣренный графа, присяжный повѣренный Новиковъ, словами изъ тѣхъ же статей 1 ч. X т. опровергалъ искъ, ибо полагалъ, что предусматриваемыя договоромъ „дѣйствія договаривающихся не должны быть противны благочинію и общественному порядку", а въ данномъ случаѣ дѣйствія обоихъ противорѣчили благочинію, общественному порядку, слѣдовательно, были противны законамъ, что хотя договаривающимся и предоставляется включать въ договоръ всякія условія, договариваться, какъ подтверждаетъ смыслъ закона, о платежѣ денегъ за рожденіе дѣтей—безнравственно и противно законамъ, что подъ словами найма въ услуги означаетъ въ горничныя, бонны, прачки, а не сожительство, что домашнимъ порядкомъ составляются только росписки о задаткахъ, продажѣ имуществъ, о поклажѣ, что если смыслъ договора сомнителенъ, то онъ изъясняется по его намѣренію и совѣсти, а намѣреніе Фанни было извлечь капиталъ изъ своей чести. Дѣло это породило такое рѣзкое разногласіе въ судахъ, что послѣ окружнаго суда перебывало, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, въ судебныхъ палатахъ: петербургской—дважды, московской и харьковской—по разу, а въ Сенатѣ—4 раза и, наконецъ, было выиграно Танѣевымъ, такъ какъ Сенатъ оставилъ послѣднюю кассаціонную жалобу Новикова безъ послѣдствій.

Научившись записывать рѣчи, я сталъ ходить и въ другія публичныя мѣста, гдѣ онѣ произносились. Такъ, земскія учрежденія, введенныя въ 1864 г., породили также дѣятелей съ излишнею страстностью. Они, увлекаясь, ошибочно полагали, что водворятъ абсо-

лютную истину. Въ дворянскомъ собраніи засѣдало губернское земское собраніе, куда отправился и я. За длиннымъ столомъ сидѣли предсѣдатель собранія и персоналъ губернской земской управы, полукругомъ земскіе гласные, а на хорахъ публика. Къ каѳедрѣ приблизился высокій, стройный, пожилой господинъ, какъ потомъ оказалось, графъ Шуваловъ. Ломаннымъ русскимъ языкомъ громко заговорилъ онъ, что, будучи избранъ членомъ отъ земства въ попечительный совѣтъ общественнаго призрѣнія, онъ явился туда знакомиться съ дѣлами, но ему дѣлали разныя затрудненія, въ самыхъ засѣданіяхъ Совѣта замѣчалъ онъ несообразное направленіе дѣлъ, искаженіе фактовъ и сокрытіе неблаговидныхъ случаевъ, почему просилъ по нимъ разъясненія, но ему отвѣчали, что напрасно онъ этого доискивался, ибо все, дескать, дѣлалось такъ, какъ нужно. Онъ настаивалъ на своемъ, а ему возражали, что сущность дѣлъ его не касается, а ему надлежало ограничиваться слушаніемъ докладовъ и подписомъ журналовъ. Онъ протестовалъ, но ему объяснили, что онъ не призванъ контролировать Совѣтъ, учрежденія правительственнаго. Онъ обращался къ предсѣдателю, генералъ-адъютанту князю А. А. Суворову и даже къ главноуправляющему принцу Ольденбургскому съ указаніями на очевидныя злоупотребленія при расходованіи значительныхъ суммъ, но и отъ нихъ никакого толку не добился, потому что они ничего не знали, а находились подъ полнымъ вліяніемъ правителя канцеляріи К. Ф. Ордина, дѣлавшаго изъ Совѣта все, что хотѣлъ, часто въ личныхъ интересахъ. Тогда онъ отказался отъ членства въ Совѣтѣ, а обо всемъ этомъ заявилъ собранію. Рѣчь графъ держалъ юмористическимъ тономъ, а плохой его выговоръ добавлялъ веселое настроеніе слушателей. Когда онъ смолкъ, на хорахъ апплодировали. Предсѣдатель звонкомъ призвалъ публику къ возстановленію нарушеннаго порядка. Водворилась тишина. Вдругъ всѣ взоры направились въ одну сторону. Важною поступью вошелъ, позвякивая шпорами, губернаторъ, свитскій генералъ графъ Левашевъ, сталъ посреди зала и звучно, отчеканивая слова, объявилъ, что, по высочайшему повелѣнію, собраніе, за превышеніе предоставленныхъ ему правъ, за неумѣстныя сужденія о предметахъ, не подлежавшихъ его разсмотрѣнію и, вообще, за предосудительныя дѣйствія, закрывается, члены увольняются, а предсѣдатель управы, над. сов. фонъ-Крузе, отрѣшается отъ должности. „Закрыв-аю собраніе“, отчетливо закончилъ онъ и удалился. По залу пронесся тяжелый вздохъ. Всѣ вытаращили глаза и разинули рты отъ изумленія. Прошло минутъ пять. Всѣ одумались, встали, разбились на группы и заговорили между собою, но съ разныхъ сторонъ стали гаснуть огни, и всѣ направились къ выходу, среди стоявшихъ на

ступенькахъ лѣстницы полицейскихъ и жандармовъ. Это было 16-го января 1867 г. На другой день распространилось, что графу Шувалову велѣно было уѣхать за границу, а Крузе [1]) куда-то выслали, но такъ какъ онъ былъ бѣденъ, то члены, вскладчину, собрали ему денегъ на дорогу и на содержаніе вдали отъ столицы.

Событіе это сильно озадачило, раздражило интеллигенцію, а молодежь въ особенности; она вообразила, что коль скоро земству предоставлено было дѣйствовать, то оно вольно было разбирать всякіе предметы, не имѣвшіе никакого даже отношенія къ его дѣятельности. Заключеніе это выводили изъ различныхъ теоретическихъ сужденій, проводившихся съ каѳедръ, въ книгахъ, журналахъ и газетахъ, читавшихся на расхватъ.

Гласный судъ былъ введенъ и въ военномъ, и морскомъ вѣдомствахъ въ 1867 г. Перебывалъ я во многихъ полковыхъ судахъ, но въ однихъ—меня впускали безпрепятственно и при мнѣ разбирали нарочно самыя пустяшныя дѣла, въ другихъ — обязывали меня честнымъ словомъ ничего не печатать, чтобы не компрометтировать полковое начальство, сперва—своею властію—налагавшее наказаніе на солдатъ, а потомъ — предававшее ихъ суду за тотъ же проступокъ, а въ-третьихъ—просто не впускали, когда же я заводилъ споръ, объявляли перерывъ на нѣсколько часовъ, чтобы я ушелъ и не узналъ, какъ обвиняли солдатъ. Въ военно-окружномъ судѣ, среди многихъ дѣлъ, слышалъ я одно, послужившее основаніемъ къ отмѣнѣ бритья бороды войсками. Солдатъ-раскольникъ за отказъ брить бороду былъ многократно наказанъ дисциплинарнымъ полковымъ судомъ, но продолжалъ упорствовать, при чемъ оскорбилъ свое начальство, а за все вмѣстѣ преданъ былъ уголовному суду. Въ окружномъ судѣ присутствовали великій князь Николай Николаевичъ, какъ командовавшій войсками, и много генераловъ, заинтересованныхъ поведеніемъ солдата. Онъ, не признавъ себя виновнымъ, смѣло утверждалъ, что коль скоро Христосъ ходилъ съ бородою, то и онъ считалъ грѣхомъ ее брить. Предсѣдатель доказывалъ ему, что бритье бороды установлено закономъ, повиноваться которому онъ обязанъ, тѣмъ болѣе, что самъ государь, какъ видитъ на портретѣ, безъ бороды и всѣ, въ судѣ сидѣвшіе высшіе сановники, начальники тоже безъ бороды, но онъ возражалъ, что царь и начальники грѣшатъ противъ Божьяго закона, чего онъ дѣлать не станетъ, а предпочитаетъ за неповиновеніе подвергнуться всякимъ пыткамъ, идти къ разстрѣлу. Священникъ,

---

[1]) Онъ былъ въ 1850-хъ годахъ цензоромъ, уволенъ за пропускъ какой-то статьи, много писалъ по экономической части, а умеръ членомъ Совѣта дворянскаго банка въ 1902 г.

приводившій къ присягѣ свидѣтелей, произнесъ слово на тему о его заблужденіи, но онъ съ ярымъ фанатизмомъ твердилъ свое. Судъ, приговоривъ его къ ссылкѣ въ каторжныя работы, постановилъ повергнуть его участь монаршему милосердію, во вниманіе къ его крайнему заблужденію отъ неразвитости. Кончилось тѣмъ, что солдата сослали на поселеніе, а войскамъ разрѣшено было носить бороду [1]). Затѣмъ это же распоряженіе распространено было и на всѣхъ гражданскихъ служащихъ чиновниковъ.

Изъ дѣятельности морскаго суда у меня сохранился въ рукописи характерный процессъ. Колл. асс. Костромитинъ прослужилъ 36 лѣтъ, а послѣдніе годы былъ содержателемъ экипажныхъ магазиновъ петербургскаго порта, гдѣ хранилось казенное столовое серебро (повѣренное послѣдній разъ въ 1866 г.), которое онъ сталъ понемногу закладывать, потому что изъ причитавшагося ему содержанія по 46 руб. въ мѣсяцъ, по распоряженію начальства, вычиталось 11-ть мѣсяцевъ по 45 руб. въ пользу купца и курьера, а ему выдавали только по рублю въ мѣсяцъ, между тѣмъ, онъ обремененъ былъ большою семьею, которую ему нечѣмъ было содержать. За ссуды платилъ онъ 2%, а за храненіе 6% въ мѣсяцъ. И вотъ, закладывая одни, выкупая другія и просрочивая выкупъ третьихъ вещей, онъ такъ запутался, что, когда, чрезъ годъ, произвели внезапно ревизію, то не достало вещей на 2.311 руб., въ томъ числѣ по его указанію выкуплено было казною вещей на 1.303 руб. 13 коп. Его и предали суду за растрату вещей на 2.311 руб. 13 коп. Изможденный, дряхлый старикъ призналъ себя виновнымъ, а бывшій его начальникъ генералъ Кузнецовъ аттестовалъ его какъ отличнаго служаку, семьянина, честнаго, трезваго и скромнаго человѣка, впавшаго въ несчастіе, вслѣдствіе ежемѣсячнаго вычета изъ его жалованья по 45 руб. Защитникъ его, присяжный повѣренный Турчаниновъ доказывалъ, что поступокъ его не растрата, а пользованіе чужою собственностью, вслѣдствіе крайности, до которой былъ доведенъ распоряженіемъ начальства, державшаго его 11 мѣсяцевъ на одномъ рублѣ въ мѣсяцъ, а умирать съ семействомъ съ голоду у него не хватало мужества. Однако судъ приговорилъ его къ лишенію правъ состоянія, ссылкѣ въ отдаленныя мѣста и къ заключенію тамъ на одинъ годъ. По военному и морскому судебнымъ уставамъ печатать ихъ процессы можно было только съ разрѣшенія подлежащихъ ихъ властей. Моя рукопись о дѣлѣ Костромитина попала въ морской ученый комитетъ, который запретилъ мнѣ ее печатать, чтобы не компрометтировать начальство, какъ увѣдомилъ меня редакторъ „Морскаго Сборника“ Н. Зеленой (16 декабря 1868 г.).

[1]) Арміи въ 1874 г., а гренадерамъ и гвардіи въ 1881 г.

Вращаясь во всѣхъ столичныхъ судахъ, я тамъ перезнакомился со многими присяжными повѣренными, искавшими черезъ меня популярности въ газетахъ, а отъ нихъ я узналъ, что персоналъ адвокатуры сформировался предпочтительно изъ не мирившихся съ мелкимъ служебнымъ ихъ положеніемъ, а стремившихся къ широкой дѣятельности. Особеннымъ уваженіемъ окружали они покинувшаго въ 1862 г. университетъ, профессора В. Д. Спасовича, бывшаго тверскаго предводителя дворянства А. М. Унковскаго, при освобожденіи крестьянъ подавшаго, въ числѣ пяти депутатовъ, адресъ о необходимости разныхъ другихъ реформъ и за это находившихся въ административной ссылкѣ, а потомъ управлявшаго нижегородскою контрольною палатою, В. В. Стасова и К. К. Арсеньева. Но самымъ крупнымъ дѣльцомъ среди адвокатовъ считался А. М. Серебряный, долго занимавшійся адвокатурою въ прежнихъ судахъ, имѣвшій большую практику, а отъ нея нажившій громадное состояніе. Къ нему, по открытіи гласнаго суда, продолжали обращаться съ самыми запутанными, на значительныя суммы, гражданскими дѣлами, за которыя онъ брался, но въ судѣ становиться за-урядъ со всѣми, ему, по его авторитету, не нравилось, поэтому онъ живо набралъ изъ напрашивавшихся молодыхъ адвокатовъ 12-ть помощниковъ, училъ ихъ, какъ дѣйствовать, разсылалъ по судамъ, а тамъ они, по передовѣрію отъ него, вели дѣла, а онъ бралъ себѣ львиную долю гонорара. Серебряный былъ уже пожилой, высокій, весь лысый, полнолицый, самодовольный, всегда изящно одѣтый, ѣздилъ въ дорогихъ экипажахъ, на шикарныхъ лошадяхъ, занималъ квартиру въ 12-ть комнатъ: въ четырехъ всѣ стѣны были зеркальныя, а во всѣхъ обстановка роскошнѣйшая, библіотека его называлась замѣчательною, и онъ дозволялъ пользоваться ею всѣмъ коллегамъ во всякое время. Въ его пріемныхъ ежедневно бывала масса людей, точно у министра. Изъ любопытства многіе, въ томъ числѣ и я, ходили осматривать изумительную роскошь его квартиры. Мало свѣдущіе и бѣдные адвокаты наружно преклонялись предъ нимъ, заискивали въ немъ, а внутренно—завидовали ему, онъ же относился къ нимъ свысока, шутилъ надъ неподкупностью новыхъ судей, высокимъ призваніемъ адвоката и надъ понятіемъ о честности, какъ человѣкѣ, извѣрившійся во всемъ, кромѣ матеріальныхъ благъ, водилъ обширное знакомство, задавалъ лукулловскіе пиры, словомъ, самъ наслаждался жизнію, да и давалъ средства войти въ моду своимъ помощникамъ, которымъ, на ихъ благодарности, прямо отвѣчалъ, что люди за добро отвѣчаютъ зломъ, потому не вѣритъ въ существованіе благодарныхъ, и онъ не ошибся: нѣкоторое время спустя, завистники заставили его выйти изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ за то, что онъ, со свойственною ему

откровенностію, разсказалъ, какъ кого-то изъ судей подкупилъ по какому-то дѣлу.

Глядя на образъ жизни Серебрянаго, многіе адвокаты обзаводились, даже въ долгъ, красивою обстановкою, чтобы казаться богатыми, которымъ стѣснительно предлагать маленькій гонораръ. Репутаціи адвокатовъ создавались посредствомъ ихъ краснорѣчія и содержанія дѣлъ людей низшихъ съ высшими, ибо первымъ симпатизировали, а противъ послѣднихъ возставали. Быстрѣе же всего пріобрѣтали извѣстность тѣ адвокаты, которымъ удавалось фигурировать защитниками въ романическихъ и скандальныхъ криминалахъ. Напримѣръ, дѣвица Рыбаковская застрѣлила измѣнившаго ей Гелфрейха и когда Арсеньевъ защищалъ ее, дамы плакали, а она такъ ловко научилась падать въ обморокъ и истерически рыдать, что могла это дѣлать, какъ я видѣлъ въ тюрьмѣ, во всякое время. Чиновникъ Протопоповъ далъ пощечину своему начальнику, вице-директору департамента иностранныхъ исповѣданій графу Кошкулю за то, что обманомъ обошелъ его должностью и его оправдали, а его защитникъ К. Ф. Хартулари пріобрѣлъ массу кліентовъ. Къ Танѣеву нагрянули кліенты послѣ его рѣчи по дѣлу Эльснеръ съ Стенбокъ-Ферморомъ и т. д. Среди адвокатовъ сильную сенсацію произвелъ слухъ, что Арсеньевъ получилъ отъ раскольниковъ 30.000 руб. за защиту двухъ мужиковъ, обвинявшихся въ святотатствѣ, заключавшемся въ томъ, что они, по наущенію своихъ главарей-богачей, изъ церкви Александро-Невской лавры похитили старинную икону, но ихъ поймали и отдали подъ судъ. Задача защиты была свести святотатство, за которое обвиняемымъ угрожала ссылка въ каторжныя работы, на простую кражу, каравшуюся тюремнымъ заключеніемъ, чтб Арсеньеву и удалось. Забракованный въ мировые судьи Ю. Г. Жуковскій, поступивъ въ присяжные повѣренные, взялся, по назначенію суда, защищать человѣка, обвинявшагося въ сорваніи часовъ на улицѣ. Многократныя бесѣды съ обвиняемымъ и изученіе слѣдственнаго производства убѣдили Жуковскаго въ невиновности своего кліента. И вотъ онъ, тщательно приготовившись, произнесъ на судѣ пламенную рѣчь, и присяжные засѣдатели оправдали обвиняемаго. Жуковскій торжествовалъ, но, увы, не долго; на другой день кліентъ явился къ нему и разсыпался въ благодарности за защиту.

— Денегъ я не имѣю заплатить вамъ,—прибавилъ онъ,—потому позвольте поднести вамъ тѣ самые часы, которые я, таки, дѣло прошлое, дѣйствительно, сорвалъ.

Онъ вынулъ изъ кармана часы и положилъ на столъ. Жуковскій впалъ въ ярость, швырнулъ въ него часами, выгналъ его и тотчасъ же послалъ въ совѣтъ присяжныхъ заявленіе, что слагаетъ съ себя

званіе присяжнаго повѣреннаго; такъ потрясло его то, что онъ обманулся въ возможности способствовать водворенію истиннаго правосудія [1]).

В. И. Танѣевъ взыскалъ въ пользу кліента 10.000 руб., которые тотъ получилъ, пришелъ къ Танѣеву, наговорилъ ему, что получитъ деньги только чрезъ недѣлю, а уходя, надѣлъ, вмѣсто своего плохаго пальто, хорошую шубу и скрылся навсегда. Не мало было подобнаго рода казусовъ, отъ которыхъ терпѣли и адвокаты, а такъ какъ профессія ихъ кормила, то и они поневолѣ стали, понемногу, добиваться части договореннаго гонорара впередъ, чтобы даромъ не трудиться.

Познавъ, что за печатающіяся статьи платятъ, и я уже даромъ не хотѣлъ трудиться, благо меня повсюду приглашали сотрудничать сценами.

Такъ, колл. асс. Артоболевскій издавалъ новую газету „Гласный Судъ“ и просилъ моего въ ней участія. Я послалъ ему большую сцену, едва вмѣстившуюся въ цѣломъ фельетонѣ, а по ея напечатаніи явился въ редакцію и отрекомендовался секретарю. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть, самъ сѣлъ, громко прочелъ мнѣ мою сцену, всталъ и намѣревался удалиться. Я спросилъ его, гдѣ могу получить гонораръ за сцену?

— Гонор-раръ? Ну, ужъ этого не полагается.

Я попросилъ его доложить обо мнѣ редактору.

— Его дома нѣтъ, да и если вы хотите съ нимъ говорить о гонорарѣ, то напрасно: онъ вамъ скажетъ то же самое, что вы слышите отъ меня, да еще прибавитъ, что напечатаніемъ сдѣлалъ вамъ честь.

Я ушелъ, узналъ отъ швейцара, что Артоболевскій раньше часа никогда не уходитъ, на слѣдующій день въ 11 час. утра явился опять въ редакцію и снова попросилъ секретаря доложить обо мнѣ редактору.

— Онъ занятъ важными соображеніями, — пренебрежительно отвѣтилъ онъ. — Удивляюсь, право, что вамъ за охота приставать.

Онъ скрылся. Прошло часа два. Вдругъ растворилась дверь, и ко мнѣ, въ пріемную, вышелъ высокій, статный, пожилой Артоболевскій въ халатѣ, всклокоченный, въ трубкою въ зубахъ, въ сопровожденіи секретаря и, какъ послѣ оказалось, метранпажа, корректора и переплетчика.

---

[1]) Впослѣдствіи Жуковскій, какъ политико-экономъ, служилъ въ кредитномъ учрежденіи Царства Польскаго, потомъ управлялъ государственнымъ банкомъ, съ 1896 г. былъ членомъ совѣта министра финансовъ и тайнымъ совѣтникомъ, а потомъ сенаторомъ.

— Кто вы такой, что покою не даете? — надменно спросилъ онъ меня.—Что вамъ нужно?

— Я тотъ самый N, котораго вы просили сотрудничать въ вашей газетѣ, — отвѣтилъ я. — Затѣмъ, я авторъ сцены, помѣщенной въ воскресномъ фельетонѣ вашей газеты, и потому благоволите распорядиться объ уплатѣ мнѣ гонорара за эту сцену.

— Я плачу только знакомымъ, но не всякому, вы же должны почитать за честь помѣщеніе мною въ моей газетѣ вашего вздора.

— Если моя сцена составляла вздоръ,—вы не помѣстили бы ее фельетономъ: за печатаніемъ въ вашей, едва возникшей газетѣ, я чести не признаю, если вы платите только знакомымъ, а меня въ числѣ ихъ не считаете, то зачѣмъ же сулили мнѣ 5 коп. за строчку?

— Я васъ приглаш-шалъ? Вы, кажется, ошиб-баетесь, или выдумываете.

— Напротивъ, вы отрекаетесь. Скажите прямо: заплатите или нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Такъ въ судѣ увидимся съ вами.

— Не забудьте „съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тянись...“

— Въ судѣ я узнаю, какъ вы сильны и богаты, а покамѣстъ до свиданья...

Чрезъ недѣлю мы стояли предъ судьею В. В. Яковлевымъ. Я объяснилъ ему сущность иска. Артоболевскій возразилъ, что 5 коп. за строчку—неслыханная цѣна, на исправленіе моей сцены онъ истратилъ пропасть времени, а платить обязанъ былъ бы, если бъ я представилъ его росписку.

— Литературные порядки мнѣ хорошо извѣстны, — заявилъ судья.—Сотрудники отъ издателей никакихъ росписокъ не берутъ, 5 коп. за строчку цѣна нормальная, а рукописи всѣ редакторы исправляютъ сообразно цензурнымъ условіямъ и личнымъ ихъ вкусамъ. Опредѣляю 5 коп. за строку, за 700 строкъ—16 руб. 50 к. Пришлите деньги, сегодня же, ко мнѣ, а если этого не исполните, я завтра выдамъ исполнительный листъ на опись вашего имущества на эту сумму.

Артоболевскій исполнилъ рѣшеніе судьи.

Мѣсяца два спустя тотъ же судья Яковлевъ выразилъ мнѣ свое удовольствіе по случаю выбытія Артоболевскаго изъ его участка, ибо онъ заваливалъ его всякими дѣлами, но изъ нихъ, сообщилъ мнѣ онъ, содержаніе двухъ поразительнаго свойства. Такъ, будучи женатымъ, Артоболевскій, въ качествѣ холостаго, въ Харьковѣ

посватался за красивую дочь чиновника, молодую дѣвушку, увезъ ее вѣнчаться въ Петербургъ, а здѣсь помѣстилъ въ гостиницѣ, обольстилъ, и, когда она забеременѣла и угрожала ему жалобою,—подговорилъ какого-то пропойцу, за 500 руб., жениться на ней, но послѣ вѣнчанья всѣ трое въ гостиницѣ перессорились, разодрались, а въ дракѣ поломали мебель и посуду. По зову хозяина, полиція составила протоколъ и привела ихъ къ нему, судьѣ, по обвиненію въ буйствѣ и нарушеніи общественной тишины, въ ночное время, въ гостиницѣ. Мужъ и жена жаловались на Артоболевскаго за то, что онъ обоихъ обманулъ тѣмъ, что: первому, вмѣсто договоренныхъ 500 руб.,—далъ только 50 руб., а послѣднюю—увѣрилъ, что самъ будетъ съ нею вѣнчаться, а въ церкви вмѣсто себя поставилъ пропойцу, самъ же Артоболевскій клялся, что обоихъ вовсе не зналъ, а случайно вмѣшался въ ихъ драку. Другая дѣвица взыскивала съ Артоболевскаго 64 руб. за переводъ для „Гласнаго суда", но Артоболевскій громогласно заявилъ судьѣ, что не считаетъ нужнымъ платить истицѣ, такъ какъ она наканунѣ ночевала съ нимъ и унесла у него часы, стоившіе 300 руб. Слова эти такъ поразили дѣвицу, что она упала въ обморокъ, и, когда ее привели въ чувство,—она настойчиво требовала тотчасъ же освидѣтельствовать ее въ подтвержденіе ея невинности, а его называла клеветникомъ, а изъ публики—негодяемъ. Судья передалъ дѣло прокурору, такъ какъ дѣвица была оклеветана на судѣ. Нѣкоторое время спустя „Гласный судъ" прекратился, вслѣдствіе заарестованія, какъ говорили, Артоболевскаго, по какому-то уголовному дѣлу. Куда онъ потомъ дѣвался, я не слыхалъ.

Между тѣмъ сцены мои продолжали пользоваться огромнымъ успѣхомъ. Содержавшій типографію чиновникъ А. Н. Буйницкій, переводчикъ и издатель „Исторіи цивилизаціи Англіи, Бокля", женатый съ судьею А. В. Яковлевымъ на сестрахъ, часто встрѣчаясь со мною у Яковлева, вызвался издать нѣкоторыя мои сцены отдѣльною книжкою, но едва онъ ее выпустилъ въ свѣтъ, какъ въ продажѣ появилась изъ моихъ же сценъ другая книжка, изданія хозяевъ книжнаго магазина для иногородныхъ, отставныхъ артиллерійскихъ офицеровъ Ф. Ѳ. Павленкова и М. П. Надѣина. Такъ какъ поступокъ ихъ составлялъ контрафакцію, то мы, по настоянію Буйницкаго, затѣяли съ ними процессъ, но послѣ рѣшенія окружнаго суда въ нашу пользу,—мы помирились съ ними, на уплатѣ намъ рублей, кажется, 400, при чемъ разрѣшили имъ продавать и ихъ книгу.

Однажды, тотъ же Буйницкій, отъ имени предпринявшаго изданіе журнала „Литературная библіотека" (печаталась въ типографіи Буйницкаго), нѣкоего Ю. М. Богушевича сообщилъ мнѣ, что онъ проситъ меня зайти къ нему (въ началѣ 1867 г.). Выбравъ досугъ, я

это исполнилъ. Богушевичъ молодой еще тщедушный брюнетъ, въ синихъ очкахъ, принялъ меня очень любезно, пригласилъ сотрудничать, долго разспрашивалъ, что именно я въ судахъ видѣлъ и слышалъ такого, что печатать нельзя, т. е., какъ судьи и публика относились къ распоряженіямъ властей, не возставали ли, не роптали ли и т. д., а потомъ перевелъ разговоръ на стѣсненія печати, о которыхъ я имѣлъ смутное представленіе.

— Да, жаль, очень жаль, что лучшіе журналы, „Современникъ“ и „Русское Слово“ прекращены,—продолжалъ онъ.—Публика жаждетъ чтенія, а читать ей нечего было. Я и предпринялъ свой журналъ, для удовлетворенія потребности въ чтеніи. Однако, несмотря на прекращеніе „Современника“ и „Русскаго Слова“, гдѣ было много сотрудниковъ, всѣ, къ удивленію моему, точно скрылись, тогда какъ я охотно печаталъ бы ихъ произведенія и щедро платилъ бы имъ, такъ какъ располагаю для журнала солидными средствами и правомъ печатать многое даже такое, чего не дозволялось помѣщать въ покойныхъ журналахъ. Будете встрѣчаться съ извѣстными литераторами, распространите, пожалуйста, среди нихъ объ этомъ, пусть несутъ и шлютъ ко мнѣ свои произведенія, а я щедро ихъ оплачу и съумѣю провести черезъ цензуру все, что угодно.

Я обѣщалъ удовлетворить его желаніе. Онъ далъ мнѣ двѣ книги журнала, въ которыхъ печатался изъ извѣстныхъ литераторовъ только романъ Я. П. Полонскаго „Сергѣй Чаплыгинъ“, а подъ всѣми остальными статьями значились фамиліи совсѣмъ неизвѣстныхъ, либо буквы. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ мѣсяцевъ я побывалъ у Богушевича со статейками счетомъ шесть разъ и всегда заставалъ у него разныхъ людей, но изъ нихъ онъ съ одними—шептался, съ другими—одобрялъ происходившіе безпорядки, третьихъ—наводилъ на рѣзкую критику дѣйствій властей, а отъ всѣхъ дознавался взглядовъ публики на разныя стѣсненія, аресты и т. п. Однажды, мы втроемъ сразу уходили отъ него и на улицѣ согласились, что, о чемъ бы онъ ни говорилъ, кончалъ непремѣнно подстрекательствомъ къ брани властей, да выпытываніемъ, точно слѣдователь, а потому заподозрили, что онъ это дѣлалъ съ какою-нибудь тайною цѣлью, а чтобы не нажить бѣды—рѣшились держать крѣпче языкъ за зубами. Черезъ нѣсколько дней, я былъ вечеромъ въ гостяхъ у судьи А. В. Яковлева, еще отъ времени содержанія имъ книжнаго магазина, считавшагося центромъ либеральнаго кружка; въ числѣ посѣтителей были прокуроръ, слѣдователи, судьи и адвокаты. Набралось человѣкъ 12—16. Рѣчь шла о погибшихъ журналахъ. Я кстати разсказалъ о сѣтованіяхъ Богушевича на литераторовъ за то, что не несутъ къ нему своихъ произведеній.

— А какъ зовутъ Богушевича?—освѣдомился Н. А. Неклюдовъ.

— Юрій Михайловичъ,—отвѣтилъ я.

— Ахъ, онъ кан-налья! Я еще со студенчества, въ 1861 г., помнилъ его; въ заголовкахъ тогдашнихъ прокламацій жирнымъ шрифтомъ печаталось: „Бойтесь Юрія Богушевича“; всѣ его считали сыщикомъ.

— Да онъ и теперь имъ,—пояснилъ судебный слѣдователь Аршеневскій.—Это я знаю за достовѣрное отъ служащаго въ 3-мъ отдѣленіи чиновника Горемыкина, съ которымъ часто встрѣчаюсь въ Благородномъ собраніи, а какъ наша дѣятельность имѣетъ близкое отношеніе, то я, для увеличенія своихъ познаній, сдружился съ нимъ, изъ его практики извлекаю поучительныя свѣдѣнія, а онъ, человѣкъ недалекій, какъ только польстишь ему—по секрету разсказываетъ рѣшительно все, что тамъ творится.

— Онъ и журналъ издаетъ на деньги 3-го отдѣленія,—молвилъ Яковлевъ,—я это знаю отъ школьнаго товарища, служащаго въ томъ же отдѣленіи. Оно сочло нужнымъ хоть чѣмъ-нибудь замѣнить прекращенные журналы, а потому поручило Богушевичу издавать „Библіотеку“ въ качествѣ службы.

— Хорошо еще, что наши не только писатели, но и читатели чутко ко всему прислушиваются,—вставилъ писатель А. А. Головачовъ;—повѣрьте, Богушевичъ не будетъ имѣть ни писателей, ни читателей.

Пророчество Головачова сбылось: бывшіе сотрудники Богушевича вскорѣ же разбѣжались отъ него, а подписчики не являлись и журналъ прекратился.

Недѣльный журналъ „Сынъ Отечества“ издавалъ А. В. Старчевскій, пріобрѣвшій большое состояніе, и потому жилъ въ собственномъ домѣ по Прачешному переулку, построенномъ строителемъ Исаакіевскаго собора, архитекторомъ Монферраномъ изъ самаго дорогаго матеріала собора. Домъ этотъ считался однимъ изъ роскошнѣйшихъ въ столицѣ, напримѣръ, дворъ былъ выложенъ гранитомъ, подоконники—малахитовые, простѣнки—мраморные, потолки—живописные. Достался Старчевскому домъ со всѣми рѣдкостями, собранными Монферраномъ, за баснословныя цѣны, напримѣръ, кровать Маріи-Антуанеты, письменный столъ Людовика XIV, картины самыхъ знаменитыхъ художниковъ и т. д. Въ этомъ же домѣ помѣщалась редакція, обращеннаго въ ежедневную газету—„Сына Отечества“, куда я въ 1866 г. снесъ рукописный разсказъ и потомъ нѣсколько разъ справлялся, будетъ ли онъ напечатанъ, но не могъ добиться отвѣта. И вотъ послѣдній разъ я никого въ редакціи не засталъ; услышавъ голоса въ смежной комнатѣ, отворилъ дверь, вошелъ туда, въ изумительную по роскоши комнату, и увидѣлъ лысаго, пожилаго человѣка, въ

бархатномъ костюмѣ и золоченыхъ туфляхъ, полулежавшаго въ высокихъ вольтеровскихъ креслахъ.

— Что вамъ нужно?—крикнулъ онъ на меня. Сюда—входить никто не смѣетъ безъ зова.

— Извините:—я этого не зналъ. Но не вы ли редакторъ Старчевскій?

— Разумѣется, я, но и это не даетъ вамъ права врываться ко мнѣ, нарушать мой покой.

— Я много разъ былъ въ редакціи за справкою рукописи, но не добился отвѣта.

— Отдали въ редакцію, туда и ходите, а не ко мнѣ. Чортъ подери эту редакцію вмѣстѣ съ шляющимися въ нее. Здѣсь все столь цѣнное, что только не догляди и стащутъ....

Я сконфузился и молчалъ. Онъ позвонилъ. Явился лакей во фракѣ и бѣломъ жилетѣ.

— Проводи этого господина, да прикажи швейцару никого сюда не впускать. Ступайте.

Униженный удалился я и отъ своей рукописи отрекся.

Прошло около 3-хъ лѣтъ. Старчевскій съ редакціею переселился уже въ Галерную, также въ собственный домъ, раньше называвшійся Румянцевскимъ музеемъ. Со дня открытія суда въ „Сынѣ Отечества“ ежедневно перепечатывались изъ „С.П.Б. Вѣдомостей“ рѣшительно всѣ мои сцены, что, какъ мнѣ разъяснилъ благороднѣйшій В. К. Коршъ, составляло также контрафакцію, а потому онъ предоставилъ мнѣ потребовать, въ свою пользу, вознагражденіе со Старчевскаго. Я написалъ ему объ этомъ письмо и получилъ отъ него приглашеніе пожаловать къ нему для переговоровъ. Меня ввели въ значительно менѣе роскошный кабинетъ.

— Много, много мы передъ вами виноваты,—началъ онъ, любезно усаживая меня въ позолоченныя кресла.—Да, просимъ насъ не карать, а миловать: мы охотно разсчитаемся съ вами по чести. Пожалуйста курите,—вотъ сигары или папиросы. Не угодно ли чаю?

Я отъ всего отказался. Онъ сталъ торговаться со мною, льстилъ мнѣ и добился моего согласія получить 175 руб., за которыми просилъ меня заѣхать черезъ день, проводилъ меня до передней, а тамъ нѣсколько разъ пожалъ мнѣ руку и просилъ быть знакомымъ. Я ушелъ, но, не взирая на десяти-кратную разновременную мою явку къ нему, я ни денегъ не получалъ, ни его ни разу не видалъ: его все, дескать, дома не было. Выведенный изъ терпѣнія, я, по рекомендаціи Корша, обратился за совѣтомъ къ помянутому выше присяжному повѣренному А. М. Унковскому, который охотно, безъ всякихъ условій о гонорарѣ, взялся вести мое дѣло со Старчевскимъ судебнымъ по-

рядкомъ. Протянулся процессъ по аппеляціи и кассаціи Старчевскаго 2 года и, когда Сенатъ оставилъ послѣднюю его жалобу безъ послѣдствій, мнѣ дали исполнительный листъ на взысканіе со Старчевскаго 875 руб., но я нашелъ его съ редакціею „Сына Отечества“ уже въ 2-хъ грязныхъ, маленькихъ скверно меблированныхъ каморкахъ, въ одномъ изъ домовъ Офицерской улицы. Все выглядѣло нищенски.

— У меня нѣтъ ничего, рѣшительно ничего, заявилъ онъ явившемуся со мною судебному приставу. Я, владѣлецъ громаднаго состоянія, царскихъ палатъ, вотъ гдѣ нынче живу и въ чемъ хожу: видите дырявый пиджакъ и такіе же сапоги. Полюбуйтесь, господа, какъ судьба мною распорядилась....

— Однако, на какія же нибудь средства вы издаете „Сынъ Отечества“ и сами живете?,—замѣтилъ ему приставъ.—Я, извините, знаю изъ практики примѣры, что капиталисты долговъ не платятъ, а, чтобы слыть бѣднымъ—поселяются такъ же, какъ вы, гдѣ и какъ попало, разумѣется, на время, покамѣстъ кредиторы отстанутъ.

— Никакихъ, увѣряю васъ, средствъ я не имѣю, конуры эти даетъ мнѣ изъ милости добрый домовладѣлецъ, по старой дружбѣ, а живу я съ семьею на 3 руб. въ сутки, которые получаю отъ г. Базунова за редактированіе принадлежащаго уже ему „Сына Отечества“. Я,—старѣйшій изъ русскихъ редакторовъ, 30 лѣтъ честно протрудившійся на благо общества, я—котораго знаетъ вся образованная Россія отъ Петербурга до Камчатки, отъ Тифлиса до Варшавы, отъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, я—нищенствую, состою у книгопродавца поденщикомъ!

— Вы говорите, что „Сынъ Отечества“ Базунова, а подписываетесь редакторомъ-издателемъ. Какъ это понимать?

—Дабы подписчики не разбѣжались,—сохранена моя подпись, къ которой всѣ привыкли.

— Но я долженъ убѣдиться документально, кто именно владѣлецъ „Сынъ Отечества“, а потому наложу арестъ на доходы газеты въ ея конторѣ. Гдѣ она помѣщается?

— Въ книжномъ магазинѣ Базунова же. Подарите мнѣ на бѣдность 500 руб., и я попрошу Базунова уплачивать остальные, въ разсрочку рублей по 25—40 въ мѣсяцъ, обратился онъ ко мнѣ. Сбавьте въ пользу старѣйшаго русскаго журналиста.

— Если Базуновъ заплатитъ мнѣ теперь же двѣсти рублей, да по сто ежемѣсячно я, вмѣсто 875 рублей, согласенъ получить 675 рублей.

— О, будетъ, повѣрьте, будетъ и заплатитъ. Я вотъ напишу ему объ этомъ записку.

Онъ написалъ на почтовомъ листочкѣ: „покорнѣйше прошу любез-

нѣйшаго Алексѣя Ѳедоровича уплатить предъявителю сего изъ средствъ „Сына Отечества“ 675 руб. изъ нихъ 200 руб.—теперь же, остальные по 100 руб. въ мѣсяцъ, а послѣдній разъ 75 руб.“ Я отправился съ запискою къ Базунову, который велѣлъ сразу выдать мнѣ 200 руб., а 475 руб. частями, ежемѣсячно 5 числа, при этомъ прямо заявилъ, что онъ только коммиссіонеръ „Сына Отечества“, а издателемъ его состоитъ по-прежнему Старчевскій. Покамѣстъ я разговаривалъ съ Базуновымъ и его конторщикомъ, въ магазинъ явился и Старчевскій, о чемъ-то побесѣдовалъ съ Базуновымъ, вошелъ въ боковую комнату—контору „Сына Отечества“, пригласилъ меня туда, упрашивалъ сотрудничать въ „Сынѣ Отечества“, и клялся, что послѣ напечатанія каждой статьи будетъ платить мнѣ за нее по 5 коп. за строку. Въ теченіе мѣсяца онъ напечаталъ пять моихъ статей руб. на 50, но платежъ оттягивалъ подъ разными предлогами. Сидя въ редакціи „Сына Отечества“ за легонькою перегородкою въ ожиданіи переговоровъ со Старчевскимъ, я случайно прослушалъ объясненія его съ тремя лицами, тайнымъ совѣтникомъ Михайловымъ, предложившимъ ему печатать романъ сочиненія его дочери, взрослой дѣвицы, пристрастившейся сочинять.

— Радъ бы угодить вашему превосходительству,—почтительно говорилъ Старчевскій,—да вѣдь я вполнѣ подчиненъ подписчикамъ, а они, охъ, какъ требовательны! Не исполнить же ихъ требованій нельзя: такъ хватятъ по карману, что взвоешь, да ужъ поздно будетъ; уйдетъ 1.000 подписчиковъ и 10.000 руб. не досчитаешься, а при нынѣшнихъ моихъ крутыхъ обстоятельствахъ—мнѣ приходится дорожить и каждымъ десяткомъ подписчиковъ.

— А сколько всѣхъ ихъ у вашего достоуважаемаго журнала?

— Да слава Богу еще осталось 17.800, вотъ какъ завѣрилъ вчера экспедиторъ почтамта, а 5 лѣтъ тому назадъ было 37.000. Начавшееся съ освобожденіемъ крестьянъ обѣднѣніе помѣщиковъ поражаетъ и насъ, издателей.

— Мы отъ всякаго гонорара напередъ отказываемся, а какъ начнете печатать сочиненіе дочери, такъ доставимъ вамъ два—три десятка подписчиковъ изъ среды нашихъ родныхъ и знакомыхъ.

— Простите, ваше превосходительство, за противорѣчіе, но я вамъ доложу, что, какъ мнѣ извѣстно изъ многолѣтняго опыта,—всѣ родные и знакомые авторовъ норовятъ даромъ прочесть одинъ авторскій экземпляръ.

— Съ нами, увѣряю васъ, не только этого не будетъ, но какъ начнете печатать, я впередъ внесу въ вашу контору подписную сумму за полсотню подписчиковъ, лишь бы потѣшить дочку: она сгораетъ желаніемъ видѣть свой трудъ въ печати, обратить на себя вниманіе,

да это понятно: современная молодая барышня стремится къ полезной общественной дѣятельности.

— Въ такомъ случаѣ уступаю вашему желанію,- -сегодня же примусь за исправленіе оригинала и когда будетъ готова корректура—самъ привезу ее вамъ на просмотръ, а тогда....

— Я почту себя польщеннымъ вашимъ посѣщеніемъ, тотчасъ исполню свое слово и буду вамъ признателенъ, а если понадоблюсь своимъ значеніемъ, то явлюсь и покорнѣйшимъ вашимъ слугою.

Михайловъ вышелъ, а его мѣсто занялъ бумажный фабрикантъ К. П. Печаткинъ.

— Чѣмъ обязанъ я, благодѣтель мой, Константинъ Петровичъ, вашему дорогому для меня визиту?—льстиво спросилъ Старчевскій. Какъ я радъ васъ видѣть.

— Едва-ли,—лѣниво отвѣтилъ Печаткинъ.—Кредиторъ, даже самый покладистый, всегда непріятенъ должнику.

— Всякіе бываютъ кредиторы и должники, но вы исключительный, добродѣтельный, а я такъ глубоко вамъ обязанъ, что душевно радъ васъ видѣть.

— Оспаривать васъ не стану, а собираюсь, скажу вамъ откровенно, прекратить вамъ отпускъ бумаги въ кредитъ: долгу на васъ очень много, а вы пятый мѣсяцъ ничего уже не платите.

— Буду, ей-Богу, буду платить, какъ только начну поправляться, а теперь положительно не въ силахъ, еле дышу и то благодаря лишь разнымъ случайнымъ комбинаціямъ.

— По моимъ свѣдѣніямъ вы имѣете 12.000 подписчиковъ, а на эту сумму право легко издавать.

— О, если бы мнѣ 12.000 подписчиковъ, я былъ бы счастливый человѣкъ, а то ихъ только 7.400, какъ изволите усмотрѣть вотъ изъ этой почтовой накладной за вчерашній день.

— Такъ или иначе, но я счелъ нужнымъ предварить васъ, что если въ подписку—она чрезъ два мѣсяца начнется,—не уменьшите долга на 10.000 руб., то я закрою вамъ кредитъ и подамъ на васъ ко взысканію.

— Постараюсь, постараюсь исполнить вашу справедливую претензію, въ увѣренности, что вы меня все-таки поддержите.

— Сдержите свое обѣщаніе—поддержу, а въ противномъ случаѣ, пеняйте на себя [1]).

Печаткинъ тоже ушелъ, а явился хозяинъ дома, въ которомъ Старчевскій жилъ, Прошинскій.

---

[1]) Черезъ годъ Печаткину достались съ аукціона кровать Маріи-Антуанеты, столъ Людовика и многія другія рѣдкія вещи, принадлежавшія Старчевскому.

— Какъ,—освѣдомился онъ,—подвигается вопросъ о продажѣ вашей статуи Юлія Цезаря?

— Начальникъ Эрмитажа Гедеоновъ готовъ взять ее за 30.000 р., т. е. дороже на 5.000 руб., чѣмъ даетъ Академія Художествъ, но бѣда другая: онъ опасается навлечь на себя гнѣвъ президента академіи великой княгини Маріи Николаевны, а московскій меценатъ Третьяковъ, какъ предложилъ 26.500 руб.,—такъ и рубля не прибавляетъ.

— Великая княгиня скоро, говорятъ, уѣзжаетъ за границу, а тогда поставьте Гедеонову вопросъ ребромъ: угодно, молъ, сейчасъ статую за 30.000 руб., или я продаю ее за 32.000 руб., частному лицу, положимъ, мнѣ: я напишу вамъ письмо объ этомъ, которое вы представите ему для оправданія его передъ великою княгинею.

— Умную рѣчь всегда пріятно слышать, и я ею непремѣнно воспользуюсь.

— А съ картинами какъ?

— Тоже еще торгуюсь съ Третьяковымъ: онъ даетъ 22.000 руб., а я прошу 25.000 руб. Приходится вооружиться терпѣніемъ, чтобы не продешевить.

— Правильно: терпѣніе все превозможетъ.

Мнѣ вчужѣ стало обидно за противорѣчіе или вѣрнѣе вранье старѣйшаго изъ редакторовъ, и я удалился безъ переговоровъ съ нимъ.

Ровно черезъ день онъ посѣтилъ меня.

— Знаете ли, что привело меня къ вамъ?,—началъ онъ.—Какого, скажите, мнѣнія о нашемъ органѣ въ публикѣ и журналистикѣ?

— Право, не знаю, мнѣ ни съ кѣмъ не приходилось объ этомъ говорить.

— Ну, а ваше личное мнѣніе, которымъ я очень дорожу.

— Напрасно, я въ журналистикѣ новичокъ, слѣдовательно, мое мнѣніе ничего не стоитъ.

— А каково мнѣніе уважаемаго всѣми В. Ѳ. Коршъ?

— Не слыхалъ; онъ, правда, прекрасный человѣкъ, но съ мелкими сотрудниками не разсуждаетъ о важныхъ матеріяхъ. Это вы можете вспомнить изъ своей прежней дѣятельности, когда гоняли сотрудниковъ почти въ шею.

— Да, былъ и я орломъ, но крылья мнѣ общипали, и летать пересталъ. Справляюсь я о мнѣніяхъ изъ желанія улучшить свое изданіе, а плохо оно по недостатку средствъ, что меня и терзаетъ. Мнѣ теперь, напр., до зарѣзу нужно нѣсколько сотъ рублей, и я мечусь, какъ угорѣлый. Одолжите мнѣ, будьте столь добры, на самый короткій срокъ, хотя только 200 руб.

— Я не располагаю свободными деньгами, да и если бы ихъ

имѣлъ—я бы вамъ, извините за откровенность, не далъ: вы не только долговъ, но заработанныхъ мнѣ не платите.

— Гроша вашего не пропадетъ. Я такъ дорожу вашимъ сотрудничествомъ, что намѣреваюсь предоставить вамъ редактированіе всего судебнаго отдѣла, съ приличнымъ вознагражденіемъ.

— Благодарю васъ за честь, но воспользоваться ею не могу: не располагаю ни досугомъ, ни опытностью.

— Ну такъ не порекомендуете ли мнѣ въ долю денежнаго человѣка? Изданію грозитъ остановка, а теперь, предъ подпискою—это погибель.

— Богачей никакихъ я не знаю, но вѣдь вы сами, кажется, не бѣденъ: за статую Юлія Цезаря и картины вамъ даютъ вѣдь 47.000 р.—солидный капиталъ.

— Эти вещи, остатокъ моего богатства, принадлежатъ моей семьѣ, и я не могу довести ее до буквальной нищеты. Тяжело мнѣ, ахъ, какъ тяжело на старости лѣтъ, всѣхъ обо всемъ просить, умолять, чаще всего безуспѣшно. Напримѣръ, сейчасъ былъ я, по поводу одной повѣсти, у цензора, который вычеркнулъ изъ нея всю суть. Попробовалъ было я съ нимъ спорить—не подѣйствовало, принялся клянчить, смягчить его суровость—тоже напрасно. Не терять же мнѣ,—говоритъ онъ,—должность въ угоду вамъ! Подождите около года—наступитъ срокъ моей выслуги, назначатъ мнѣ въ пенсію все жалованье, я и буду гораздо снисходительнѣе пропускать вамъ всякія сочиненія, тогда я буду отъ случайностей обезпеченъ съ семьею пенсіею, а теперь извините—мнѣ своя рубашка ближе къ тѣлу, чѣмъ ваша. Заикнулся было я о своей семьѣ, да нарвался на дерзость. Вы, говоритъ, если и сдѣлались изъ богача—нищимъ, въ чемъ многіе, впрочемъ, сомнѣваются, то по собственной винѣ; не умѣли сдерживать своихъ страстей и летѣли по наклонной плоскости, не соображаясь съ ариѳметическимъ вычисленіемъ, ну, и пусть ваша семья пеняетъ на васъ, а я весь вѣкъ прожилъ скромненько и желаю окончить его въ такомъ же благополучіи. Однако, я заболтался, а мнѣ еще надо въ десять мѣстъ поспѣть. Такъ даете слово хоть писать?

— Извольте, даю.

— Ловлю васъ на словѣ и прошу написать къ пятницѣ статью по этой книгѣ, о которой почти всѣ уже отозвались. До свиданья.

Онъ ушелъ, а я къ сроку исполнилъ навязанную имъ мнѣ работу и отослалъ ему.

— Нижайше благодарю васъ за статью; въ ней есть рѣшительно все, какъ я думалъ,—заговорилъ Старчевскій,—встрѣтившись со мною на улицѣ. Вступайте-ка со мною въ дольщики по изданію тысячъ на пять, а пока это оформлю—благоволите мнѣ 300 руб., необходимые

для оживленія изданія передъ подпискою, да пишите чаще, хоть черезъ день, а въ подписку получите весь гонораръ съ надбавкою 2 коп. за строку. Согласны?

— Нѣ-ѣтъ, я не имѣю денегъ ни на долю, ни одолжить вамъ; самъ живу заработками.

На этотъ разъ мы разстались навсегда. Ни гонорара рублей около 100, ни 475 руб., по исполнительному листу я такъ и не получилъ; Базуновъ отказался уплатить, а взявшійся было взыскать знакомый потерялъ и листъ.

Въ теченіе 2-хъ—3-хъ лѣтъ судъ вполнѣ привился, а публика на столько образумилась, что перестала выносить на судъ всѣ домашнія дрязги. Отсюда и сцены утратили свое значеніе—какъ популяризація суда и интересъ, какъ легкое чтеніе.

— Сослужили мы съ вами обществу полезную службу и довольно съ него,—сказалъ мнѣ однажды Коршъ.—Продолжайте ходить по камерамъ судей, вслушивайтесь въ смыслъ ихъ рѣшеній и о неосновательныхъ изъ нихъ пишите, не задѣвая личности судей; порицать ихъ еще рано.

И дѣйствительно, въ судѣ постепенно обнаруживались недостатки прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ законовъ, которые судьи, однако, обязывались примѣнять. Я и принялся писать критическіе разборы приговоровъ и рѣшеній, въ связи съ несостоятельностью уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ тогда участвовали профессора: К. Д. Кавелинъ, Б. И. Утинъ, В. Д. Спасовичъ; адвокаты: К. К. Арсеньевъ, А. М. Унковскій, Н. М. Соколовскій и мировой судья И. П. Закревскій. Со всѣми я, по разнымъ случаямъ, перезнакомился и пользовался различными ихъ указаніями, а за Кавелина велъ даже разъ, у мироваго судьи, гражданское дѣло, и онъ по этому поводу произносилъ мнѣ, трижды, цѣлыя лекціи, которыя я почти сполна записывалъ, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ.

— Я съ радостью убѣдился, что вы дѣйствительно успѣваете записывать все слышанное,—произнесъ онъ,—выслушавъ мою запись, я, признаюсь вамъ, думалъ, что вы сочиняете сцены и не только самъ недовѣрчиво относился къ нимъ, но и Валентину Ѳедоровичу не разъ говорилъ объ этомъ, да онъ, спасибо ему, за прозорливость,—отвѣчалъ мнѣ,—что вполнѣ довѣряетъ вамъ. Простите мнѣ, пожалуйста, невольное мое прегрѣшеніе передъ вами. Развѣ вы и не пытались изучить стенографію?

— Нѣтъ, я записываю по одной—три буквы изъ слова и потомъ, по памяти, возстанавливаю всѣ рѣчи, преимущественно въ тотъ же день.

— Такъ у васъ великолѣпная память, не даромъ никто не опровергалъ вашихъ сценъ и даже отчетовъ. Пишите, пишите разборы несостоятельныхъ законовъ, а въ чемъ встрѣтите недоразумѣніе—пожалуйте ко мнѣ, я охотно стану вамъ разъяснять все, что пожелаете.

Я и пользовался авторитетными его совѣтами. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ была газета общая, а писали всѣ названные юристы, поэтому моимъ статьямъ приходилось подолгу ждать очереди, а это мнѣ было невыгодно, да и непріятно. Въ эту самую пору я встрѣтился, однажды, у Кавелина съ редакторомъ-издателемъ „Судебнаго Вѣстника“, профессоромъ А. П. Чебышевымъ-Дмитріевымъ, который пригласилъ меня сотрудничать въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ и напечаталъ потомъ массу моихъ критическихъ замѣтокъ изъ судебной практики [1]). Онъ былъ очень любезенъ, но разсѣянъ и торопливъ, все спѣшилъ. Соредакторами его были: сперва, П. А. Марковъ, не имѣвшій значенія въ редакціи, а потомъ—профессоръ-адвокатъ, А. Д. Лохвицкій [2]), который велъ воскресный фельетонъ изъ сборнаго матеріала, часто и моего. Разъ я, напримѣръ, въ мин—вѣ разсматривалъ представленіе вологодской палаты государственныхъ имуществъ о назначеніи пенсіи уволенному въ отставку бывшему бухгалтеру палаты, титулярному совѣтнику Розенбергу, въ формулярномъ спискѣ котораго вычиталъ, что онъ былъ подъ судомъ „за неповиновеніе правительству и выдержанъ 4 мѣсяца въ смирительномъ домѣ“. Подсудность эта лишила Розенберга права на пенсію, а въ чемъ именно заключалось его неповиновеніе правительству, — не было сказано, я показалъ формуляръ Порѣцкому, а онъ согласился вытребовать приговоръ о Розенбергѣ, чтобы узнать содержаніе его преступленія. Изъ присланнаго дѣла выяснилось, что въ 1844 г. Розенбергъ, будучи помощникомъ бухгалтера палаты и губернскимъ секретаремъ, проболѣлъ два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ отростилъ бороду, а выздоровѣвъ — пошелъ на службу съ бородою, встрѣтился на улицѣ съ полицеймейстеромъ, и тотъ приказалъ ему тотчасъ же идти въ цирюльню—сбрить бороду и уже безъ нея отправиться въ палату, но онъ отказался исполнить это приказаніе, почему полицеймейстеръ подалъ объ этомъ рапортъ губернатору, и по постановленію губернскаго правленія Розенберга привлекли къ слѣдствію, но слѣдователю онъ доказалъ, что коль Христосъ былъ съ бородою, то никто не въ правѣ заставить его сбрить бороду. Тогда его предали суду мѣстной уголовной палаты, и она приговорила его къ заключенію въ смири-

---

[1]) Изъ нихъ образовалась книга „Общественныя и законодательныя погрѣшности“, изд. 1872 г.

[2]) Умеръ въ 1894 г., а Марковъ въ 1902 г. былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

тельномъ домѣ на 4 мѣсяца, на основаніи статьи улож. о наказ. о томъ, что торговцы квасомъ за продажу его въ нелуженыхъ бочкахъ подлежали штрафу: первый разъ—въ 10 руб., второй—въ 25 руб. и третій—въ 100 руб. Тѣмъ не менѣе губернаторъ утвердилъ приговоръ, Розенберга выдержали въ смирительномъ домѣ 4 мѣсяца, обрили и вернули на службу въ палату, а въ формуляръ его включили подсудность въ громкихъ выраженіяхъ „за неповиновеніе правительству". Вслѣдствіе нелѣпости обвиненія, по которому Розенбергъ пострадалъ, министерство испросило ему прощеніе штрафа и назначило пенсію, а я обратилъ содержаніе доклада въ статейку, которую Лохвицкій вставилъ въ свой фельетонъ, пересыпавъ ее сарказмомъ.

Писалъ Лохвицкій вообще ядовито, а разъ написалъ статью о своеобразности русской цивилизаціи изъ рѣзкихъ сопоставленій, заключавшихся, какъ помню, въ томъ, что крестьяне освобождены—для Европы, а держатъ ихъ въ кабалѣ—для домашняго обихода; тѣлесное наказаніе отмѣнили—для Европы, а дерутъ розгами—для домашняго обихода; гласный судъ ввели—для Европы, а ссылаютъ безъ суда тайно—для домашняго обихода; никого нельзя арестовать помимо слѣдователя и судьи—для Европы, а полиція сажаетъ кого ей вздумается въ кутузки—для домашняго обихода; земскимъ учрежденіямъ предоставлено обсуждать и рѣшать хозяйственныя дѣла - для Европы, а чуть въ собраніяхъ гласные заговорятъ—имъ зажимаютъ ротъ—для домашняго обихода; исповѣдовать дозволено всякія религіи—для Европы, а старообрядческія молельни обираютъ и разрушаютъ—для домашняго обихода; начальство съ просителями деликатно—для Европы, а сурово—для домашняго обихода и т. д. строкъ триста. Нумеръ „Судебнаго Вѣстника" съ этою статьею былъ конфискованъ въ почтамтѣ, а Лохвицкаго и Чебышева вызвали въ 3-е отдѣленіе и тамъ изъ уваженія только къ тому, что они были профессора и первый дѣйствительный, а второй статскій совѣтники, т. е. лица солидныя,—ограничились тѣмъ, что сильнѣйшимъ манеромъ распекли ихъ.

Печатныя вообще рѣзкости очень нравились публикѣ, въ особенности, когда онѣ исходили отъ людей почтенныхъ. Однако, Лохвицкій и Чебышевъ помѣщали сильныя статьи не столько по убѣжденію, сколько для увеличенія числа подписчиковъ, которыхъ было мало сравнительно съ общими газетами, вслѣдствіе узкости программы, введенія гласнаго суда постепенно по округамъ, увлеченія судебныхъ дѣятелей своими занятіями, не оставлявшими имъ досуга на чтеніе и утомлявшими ихъ, почему любознательность въ нихъ возбуждалась только исключительно событіями.

Столичные мировые судьи въ пылу ревности успѣли возстановить

противъ себя вліятельныхъ лицъ. Напримѣръ Квистъ—министра юстиціи графа К. И. Палена—тѣмъ, что не признавалъ себя его подчиненнымъ, градоначальника, генерала Трепова,—игнорированіемъ его домогательствъ о мирволеніи полиціи, а нѣкоторые настойчивымъ требованіемъ отъ нихъ идеальнаго правосудія и деспотическими распоряженіями при обнаружившихся неправильностяхъ, какъ судей, такъ и судебныхъ приставовъ. Въ думѣ образовалась купеческая партія противъ строгихъ судей, а Треповъ старался о забаллотированіи ненравившихся ему судей черезъ трактирщиковъ, находившихся подъ его гнетомъ. Судья А. Д. Дурново [1]), опасаясь быть забаллотированнымъ трактирщиками за то, напримѣръ, что освободилъ изъ части 40 нищихъ, арестованныхъ по словесному приказанію Трепова,—отказался отъ баллотировки. Квистъ перешелъ гофмейстеромъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а состоявшееся избраніе въ участковые судьи дѣлопроизводителя сыскной полиціи Вочарова—произвело на судей удручающее впечатлѣніе. Отсюда началось прямое пониженіе нравственнаго ценза судей, которые при разбирательствахъ начали относиться снисходительно къ тѣмъ изъ тяжущихся, которые пользовались гдѣ-либо вліяніемъ, значеніемъ, чтобы не наживать въ нихъ противниковъ, при чемъ они уже не остерегались новаго своего предсѣдателя Н. А. Неклюдова, далеко не располагавшаго ни энергіею, ни значеніемъ Квиста въ высшихъ сферахъ. Словомъ, мировой судъ сталъ сдвигаться со своего высокаго пьедестала, на который былъ поставленъ Квистомъ.

Замѣчая этотъ поворотъ и не имѣя возможности печатать о немъ, мнѣ становилось непріятно ходить по судамъ, а такъ какъ судъ приговаривалъ многихъ въ тюрьму, то меня вдругъ озарила мысль ознакомиться съ тѣмъ, что творилось въ тюрьмахъ.

Случайно вычитавъ изъ газетъ о назначеніи надъ исправительнымъ заведеніемъ новаго попечителя, шталмейстера графа Ламздорфа, котораго раньше никогда не видалъ, я внимательно прочелъ уставъ о содержащихся подъ стражею и отправился къ графу. Онъ, почти молодой еще человѣкъ, принялъ меня очень вѣжливо, выслушалъ и задумался.

— Вы желаете, какъ я васъ понялъ, собрать свѣдѣнія для напечатанія,—произнесъ онъ.—Лично я нахожу, что печатать слѣдуетъ обо всемъ, что въ тюрьмахъ дѣлается, чтобы печатаніемъ сдерживать злоупотребленія, ибо огласки всѣ боятся, но я недоумѣваю, въ правѣ ли я допустить васъ къ осмотру заведенія безъ предварительнаго

---

[1]) Въ 1904 г. былъ курскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, шталмейстеромъ.

доклада объ этотъ попечительному совѣту общественнаго призрѣнія? Заведеніе находится вѣдь въ вѣдѣніи совѣта, а я, какъ одинъ изъ его членовъ,—отъ него уже состою попечителемъ.

Я заявилъ ему, что въ уставѣ заведенія нѣтъ запрещенія обозрѣвать его лицамъ постороннимъ, въ интересахъ общественныхъ, а въ одной изъ статей, напротивъ, говорится о печатаніи отчетовъ, о состояніи заведенія, слѣдовательно, коль скоро совѣтъ можетъ разрѣшить лишь по усмотрѣнію, то и онъ въ правѣ это сдѣлать также по усмотрѣнію.

— Я согласенъ съ вами, что все незапрещенное должно считаться дозволеннымъ и, во избѣжаніе проволочки, а пожалуй и отказа со стороны совѣта, гдѣ засѣдаютъ почти одни старики, недолюбливающіе печать, я, такъ и быть, собственною властью прикажу все вамъ показать, когда явитесь въ заведеніе.

Я поблагодарилъ его за доставленіе мнѣ возможности достигнуть цѣли.

— Не лишнимъ полагаю предварить васъ,—продолжалъ онъ,—что прежде, чѣмъ принять на себя попечительство надъ заведеніемъ, я, ѣздивши минувшимъ лѣтомъ за границу,—осмотрѣлъ тамъ пять подобныхъ заведеній и по всему видѣнному и слышанному—намѣренъ устроить здѣшнее заведеніе; я уже началъ съ того, что, вникнувъ въ сущность положенія заведенія и открывъ злоупотребленія смотрителя, стараго безтолковаго полковника Велька, настоялъ на его увольненіи и на назначеніе вмѣсто него жандармскаго майора, именно жандармскаго потому, что всѣ жандармы издавна славятся честностью и распорядительностью, а майоръ къ тому еще человѣкъ разумный и старательный, значитъ, водворитъ порядокъ, экономію и справедливость. За прошлое я, конечно, не отвѣчаю и скрывать ничего не намѣренъ, но буду очень радъ, если обратите вниманіе на мои нововведенія.

Я обѣщалъ исполнить его желаніе и удалился, а черезъ день явился въ заведеніе къ смотрителю, майору Ахочинскому, который предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствій. Я такъ увлекся новизною предмета, что сряду три недѣли ежедневно съ 9 часовъ утра до часу дня ходилъ по заведенію, знакомился съ арестантами, мастерскими и хозяйствомъ, а съ 6 часовъ вечера до 12 часовъ ночи—читалъ дѣла и дѣлалъ изъ нихъ выписки. Запасшись обильнымъ матеріаломъ, я началъ писать статьи, которыя Чебышевъ и Лохвицкій съ удовольствіемъ помѣщали фельетонами въ „Судебномъ Вѣстникѣ“. До какой степени даже образованное общество пребывало въ блаженномъ невѣдѣніи о томъ, кто попадалъ въ заведеніе, приведу одинъ только фактъ. Однажды вечеромъ, пришелъ я къ знакомому мировому судьѣ

Н. Н. Жуковскому и засталъ у него человѣкъ 15 гостей, среди которыхъ были судьи, товарищи прокурора, адвокаты и инженеры, при чемъ за чаемъ, между прочимъ, разсказалъ, что въ заведеніи содержались безъ суда по поданнымъ градоначальнику просьбамъ: матери—холостой отставной капитанъ-лейтенантъ Давыдовъ, а отца—женатый потомственный почетный гражданинъ Лапшинъ, оба доставленные туда полиціею, на четыре мѣсяца, для исправленія.

— Этого быть не можетъ; совершеннолѣтнихъ нельзя сажать,—раздались голоса со всѣхъ сторонъ;—это выдумали, наврали вамъ, а вы повѣрили, на это нѣтъ закона.

— Извините, господа, есть въ улож. о наказан. 1592 ст., которую прошу васъ прочесть, а потомъ уже оспаривать.

Жуковскій мигомъ принесъ книгу и громко среди общей тишины, прочелъ: „за упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки, дѣти, по требованію родителей, безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Родителямъ предоставляется уменьшить время заключенія или совершенно простить виновныхъ".

Всѣ были такъ поражены слышаннымъ, что никто рта не разинулъ, а молча переглядывались.

— Поздравляю тѣхъ, у кого есть родители,—заговорилъ Жуковскій. — Отнынѣ ты, братъ, и ты, сестра, да и я вмѣстѣ съ вами будемте покорными передъ вами, папаша и мамаша, ибо вы владѣете страшною силою 1592 ст. улож.

— Статья эта архаическая, нелѣпая, по ошибкѣ попала въ дѣйствующее улож., прямо изъ уложенія царя Алексѣя Михайловича, послышались робкіе голоса.

— Нѣтъ, господа,—возразилъ Жуковскій,—судя по цитатамъ подъ этою статьею 1845, 1857 и 1863 гг.—она новѣйшаго изобрѣтенія.

Завязался споръ, продолжавшійся часа два, при чемъ участвовали и дамы, но кончился онъ признаніемъ, что стоитъ отцу или матери подать градоначальнику жалобу на неповиновеніе сына или дочери, какого бы возраста они ни были,—и полиція притащитъ ихъ въ смирительный домъ для исправленія.

Въ заведеніи находилось малолѣтнее отдѣленіе арестованныхъ, а среди нихъ сыновья: редактора журнала „Домашняя бесѣда" Виктора Ипатьевича Аскоченскаго [1]) и поэта, офицера М. П. Розенгейма [2]), посаженные для исправленія родителями. Тамъ я встрѣ-

[1]) Былъ профессоромъ духовной академіи, умеръ въ 1879 г.

[2]) Былъ членомъ военно-окружнаго суда, умеръ генералъ-маіоромъ въ 1887 году.

чался съ завѣдывавшимъ, отъ тюремнаго комитета, малолѣтнимъ отдѣленіемъ, директоромъ комитета дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ В. Я. Фуксомъ, а онъ указалъ мнѣ обратиться, относительно обозрѣнія тюремнаго замка, пересыльной и краткосрочной тюремъ, къ предсѣдателю комитета, сенатору, генералъ-лейтенанту А. А. Волоцкому. Я и предсталъ предъ нимъ, величавымъ, румянымъ и симпатичнымъ сановникомъ.

— Съ удовольствіемъ,—отозвался онъ.—Печать, проводящая въ общество ясныя понятія о высокихъ истинахъ, и о христіанскихъ добродѣтеляхъ—по человѣколюбію заслуживаетъ самой искренней признательности. Я самъ, среди государственныхъ заботъ, на мнѣ лежащихъ, посвящаю значительное время на приготовленіе къ печати сочиненій о тюремной филантропіи, а вы, описаніемъ моральныхъ страданій несчастныхъ узниковъ—вызовете въ обществѣ состраданіе къ нимъ, достойнымъ участія, такъ какъ общество, увлеченное житейскою суетностью—относится къ заключеннымъ, къ прискорбію, безучастно и даже съ предубѣжденіемъ, поэтому они, по пріобрѣтеніи свободы, — остаются безъ плодотворнаго воздѣйствія на ихъ умъ и сердце и безъ матеріальной поддержки, — какими-то паріями! Мой комитетъ, состоящій изъ высокообразованныхъ, гуманныхъ филантроповъ, напрягаетъ всѣ усилія къ доставленію узникамъ истиннаго утѣшенія въ ихъ скорби, а ихъ неповиннымъ младенцамъ—воспитанія въ духѣ нашей религіи, этой примирительницы съ совѣстью, основательницы благоустроеннаго, общественнаго порядка. Да, могу вамъ смѣло сказать, что мой комитетъ вполнѣ преуспѣваетъ въ выполненіи принятыхъ имъ на себя весьма сложныхъ обязанностей и достигъ бы еще большихъ результатовъ, если бы смотрителя тюремъ проникались сознаніемъ высокаго ихъ призванія, а то они, мало развитые, грубоватые и непочтительные—часто огорчаютъ меня, но я снисхожу къ нимъ въ виду того, что совершенства нѣтъ на свѣтѣ. И такъ, я жду отъ вашего описанія благихъ плодовъ, подвига человѣколюбія. Да поможетъ вамъ Богъ.

Онъ велѣлъ явившемуся къ нему дѣлопроизводителю написать, подписалъ и вручилъ мнѣ, для предъявленія смотрителямъ бумагу, о допускѣ меня для обозрѣнія тюремъ и полученія свѣдѣній о содержащихся въ нихъ людяхъ. Однако, первый же смотритель замка, поручикъ Новосельскій объявилъ мнѣ, что пустить меня внутрь тюрьмы тогда только, когда ему разрѣшитъ непосредственный его начальникъ—градоначальникъ, которому донесетъ о данномъ мнѣ предсѣдателемъ комитета дозволеніи, поэтому предложилъ мнѣ и самому подать градоначальнику прошеніе. Написавъ это прошеніе безъ поясненій моего намѣренія печатать добытыя свѣдѣнія, — я

явился съ прошеніемъ къ генералу Трепову, въ пріемный его часъ, засталъ тамъ много просителей, лишь мелькомъ увидѣлъ его, спѣшившаго на пожаръ, въ числѣ другихъ вручилъ прошеніе дежурному офицеру и удалился. Прошло двѣ недѣли. Я зашелъ къ смотрителю замка справиться о результатѣ его рапорта и моего прошенія.

— Теперь пожалуйте,—сказалъ онъ мнѣ.—Я вчера получилъ для васъ разрѣшеніе.

Я спросилъ его, отчего оно замедлилось.

— Нужно было напередъ собрать справки, благонадежны ли вы сами; въ тюрьмы нельзя пускать встрѣчныхъ и поперечныхъ, иначе къ арестантамъ повадились бы ихъ сообщники. За то градоначальникъ позволилъ вамъ ходить и во всѣ части любопытствовать: объ этомъ канцелярія дала знать циркулярно всѣмъ смотрителямъ. А вамъ вѣрно дѣлать совсѣмъ нечего, коли хотите дознаваться, какъ содержатся мерзавцы-арестанты, которыхъ надо въ бараній рогъ согнуть, а о нихъ хлопочатъ вонъ праздношатающіеся директора и директриссы, отъ которыхъ отбоя нѣтъ, чортъ бы ихъ побралъ!..

— Представители комитета трудятся вѣдь даромъ для пользы ближнихъ, потому вы, кажется, напрасно ихъ осуждаете, тѣмъ болѣе, что комитетъ по закону ваше начальство: опредѣленіе и увольненіе смотрителей производятся не иначе, какъ по соглашенію съ нимъ, а его предсѣдатель, уполномоченный предписывать смотрителямъ,—хвалить директоровъ, объ арестантахъ же отзывается съ умилительнымъ соболѣзнованіемъ.

— Мало ли что въ книгѣ напечатано: мое начальство только одинъ градоначальникъ, комитетъ для меня нуль, а его предсѣдатель—потѣшный краснобай.

— По закону, напротивъ, комитетъ уполномоченъ контролировать всѣ ваши дѣйствія, а за неисполненіе ихъ прокуроръ, по заявленію комитета, долженъ привлекать смотрителей къ уголовной отвѣтственности.

— Вы, я вижу, начитались закона и думаете, что онъ исполняется свято, а я вамъ скажу, что, хотя онъ и напечатанъ въ книгѣ, но мы, смотрители, назначаемся и увольняемся градоначальникомъ, безъ всякаго спроса комитета. Вы мнѣ предъявили предписаніе предсѣдателя комитета о допускѣ васъ въ тюрьму, а я васъ не пустилъ, пока градоначальникъ не разрѣшилъ. Прокуроры тоже ходятъ сюда и часто объявляютъ мнѣ по закону разныя приказанія, но я ихъ исполняю въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда на нихъ согласенъ градоначальникъ. Судьи также суются къ намъ съ законными требованіями, которыя мы оставляемъ втунѣ, если градоначальникъ противнаго мнѣнія. Вообще новый судъ сначала, ухъ, какъ азартно на насъ было

набросился съ закономъ, но потомъ постепенно остылъ: мы руководились распоряженіемъ градоначальника, а онъ умѣетъ настоять на своемъ, чтобы всѣ знали, что его власть сильнѣе не только комитетской, но и судебной, а про законы ужо убѣдитесь, что ихъ исполняютъ одни безсильные и безправные. Я вотъ, напр., захочу—пущу васъ по всему замку, не захочу—и половины его не увидите, а почему—отвѣчу одному градоначальнику, онъ же, я увѣренъ, поддержитъ меня. Впрочемъ, вы мнѣ сразу понравились, я и подсказалъ градоначальнику рѣшеніе въ вашу пользу, да и теперь на первый разъ самъ проведу васъ по замку и погляжу, что именно васъ интересуетъ, а послѣ рѣшу, какъ дальше поступать. Пойдемте, благо я свободенъ.

Съ грустнымъ чувствомъ, навѣяннымъ на меня безцеремонною рѣчью Новосельскаго, пошелъ я съ нимъ во дворъ, по этажамъ и камерамъ, сопровождаемые его огромною собакою и фельдфебелемъ. Арестованные вездѣ моментально вытягивались и трепетали предъ взглядомъ смотрителя, который поясняялъ мнѣ, какая категорія гдѣ содержалась, какіе смирные, буйные, занимаются или бьютъ баклуши. Предъ входомъ въ кухню и кладовыя онъ остановился.

— Здѣсь властвуютъ директоръ и экономъ комитета,—просвѣщалъ онъ меня.—Все хозяйство въ ихъ полномъ распоряженіи, а они охулку на руку не кладутъ. Однако, я иногда отъ скуки, вотъ чрезъ него (фельдфебеля) натравляю на нихъ арестантовъ изъ-за пищи, задаю имъ трепку и они меня боятся. Раскопайте, сдѣлайте мнѣ одолженіе, ихнюю отчетность и увидите, что я правъ. Продовольственную часть полицейскихъ домовъ градоначальникъ уже отнялъ у комитета, а теперь намъ осталось отобрать тюремное хозяйство: какой же, сами посудите, я начальникъ тюрьмы, если хозяйство отъ меня не зависитъ? Доходомъ всякій дуракъ съумѣетъ пользоваться. Дѣла объ арестантахъ я вамъ всѣ покажу, о нихъ все разскажу, да и ходить одному по тюрьмѣ позволю, но, чуръ, хозяйство расковыряйте и услышите, какая отъ него вонь.

Я обѣщалъ, это ему понравилось, и онъ тутъ же приказалъ фельдфебелю пускать меня вездѣ, а когда мы вернулись въ контору, позвалъ въ кабинетъ письмоводителя, велѣлъ ему открыть мнѣ всѣ арестантскія дѣла, разсказалъ мнѣ разные грустные и смѣшные эпизоды и ушелъ домой, а я остался въ раздумьѣ о слышанномъ и видѣнномъ, далеко неказистомъ противъ исправительнаго заведенія: напр. тамъ были корридоры широкіе, комнаты большія, свѣтлыя, воздухъ вездѣ свѣжій, постели чистыя, люди выглядѣли бодрыми, а въ замкѣ корридоры были узенькіе и полутемные, камеры мрачныя, на нарахъ лежали грязные мѣшки, вездѣ былъ воздухъ спертый, а

люди представлялись истомленными, забитыми. Письмоводитель положилъ предо мною кипу дѣлъ и тоже отправился со своими писцами обѣдать, такъ что въ конторѣ остались только я да сторожъ. Я принялся за чтеніе дѣлъ.

Немного погодя къ сосѣднему со мною столу подошелъ изящно одѣтый, стройный, симпатичный молодой человѣкъ, присѣлъ къ столу, написалъ записку, позвалъ сторожа и вѣжливо велѣлъ ему снести ее старшей надзирательницѣ женскаго отдѣленія. Изъ его дѣйствій я заключилъ, что онъ въ замкѣ властный человѣкъ. Мы взглянули другъ на друга, почувствовали потребность познакомиться и сдѣлали это. Онъ оказался директоромъ мужскаго и секретаремъ дамскаго тюремнаго комитета барономъ М. М. Корфомъ. Мы естественно разговорились. Онъ одобрилъ мое намѣреніе изучить и правдиво описать все, что увижу, узнаю и провѣрю, да прибавилъ, что я былъ бы полезнымъ директоромъ комитета.

— А отчего смотритель возстаетъ противъ директоровъ и комитета?—освѣдомился я.—Обижаютъ что ли его?

— Нѣтъ, мы ему не нравимся тѣмъ, что мѣшаемъ, нерѣдко даже воспрещаемъ самодурствовать, полицейскіе же безъ этого жить не могутъ: среда ужъ такая низменная.

— Завѣдывающаго хозяйствомъ директора и экономa онъ прямо считаетъ ворами.

— Смотрителя издавна стремятся завладѣть хозяйствомъ изъ личныхъ видовъ, но это имъ не удается, они и злословятъ обо всѣхъ, даже о предсѣдателѣ комитета, за то, что онъ очень снисходителенъ къ чужимъ недостаткамъ. Онъ, поясню вамъ, чрезвычайно отзывчивъ къ добру, полонъ благихъ намѣреній, но тяжеловатъ, по возрасту, на подъемъ, да любитъ распространяться о высокихъ матеріяхъ. Ознакомьтесь обстоятельнѣе съ состояніемъ мѣстъ заключеній и съ запасомъ знаній—поступите въ комитетъ: право, принесете пользу заключеннымъ. Покуда же вы посторонній — внимательно слушайте все, что смотритель будетъ вамъ толковать, поддакивайте ему, что все отъ него зависитъ, что только онъ все отлично знаетъ и дѣлаетъ, и пріобрѣтете въ немъ въ настоящее время нужнаго вамъ посредника, а потомъ дѣйствуйте по собственному благоразумію. Этимъ именно способомъ мы его почти устранили отъ распоряженій по женскому отдѣленію, тогда какъ при прежнихъ съ нимъ препирательствахъ—мы лишь напрасно волновались: онъ очень близокъ къ градоначальнику, а тотъ стоялъ за него горою.—Угодно вамъ посмотрѣть женское отдѣленіе?—пожалуйте туда со мною.

Все женское отдѣленіе отличалось безукоризненною чистою, опрятностью и ничѣмъ не напоминало тюрьмы, кромѣ, развѣ того, что за

всѣми, работавшими молча группами, арестантками зорко наблюдали надзирательницы, прохаживавшіяся взадъ и впередъ, точно часовые. Баронъ познакомилъ меня съ старшею надзирательницею, пожилою, солидною дамою, вдовою полковника В. И. Шамшиною, а она пригласила насъ въ свою комнату, гдѣ въ разговорѣ баронъ просилъ ее снабдить меня свѣдѣніями, какія мнѣ понадобятся. Она съ готовностью вызвалась это исполнить и тотчасъ же во многомъ просвѣтила меня. Пробывъ часа три въ отдѣленіи, я ушелъ, а вечеромъ явился въ контору читать дѣла, засталъ въ кабинетѣ смотрителя и попросилъ у него извиненія въ томъ, что безъ его дозволенія ходилъ, по приглашенію барона Корфа, въ женское отдѣленіе замка.

— Прежде съ бабьемъ имѣлъ я много хлопотъ и возни, но это мнѣ надоѣло, и я уступилъ долю своей власти директриссамъ и барону, какъ они полагаютъ, а на самомъ дѣлѣ—старшей надзирательницѣ, такъ какъ она очень ловкая бестія, отлично обуздываетъ арестантокъ и лавируетъ между своею аристократіею и мною, но изъ моего повиновенія не выходитъ, ну я и спокоенъ. Баронъ, какъ придворный, камергеръ, за отцовскую знатность, по этикету уже извинился предо мною за васъ особымъ письмецомъ. Онъ всегда мягко стелетъ, да жестко спать, т. е., между нами говоря, изрядный шалыганъ.

Слѣдуя совѣту барона (я многократно встрѣчался съ нимъ, потомъ, въ замкѣ) относительно сношеній съ смотрителемъ, я добылъ все, что хранилось не только въ конторѣ, но и въ его головѣ, затѣмъ, получивъ отъ завѣдывающаго хозяйствомъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, И. А. Хрыпова отвѣтъ, что не можетъ дать мнѣ свѣдѣній безъ вѣдома комитета, — я обратился съ запискою въ комитетъ, но и онъ счелъ нужнымъ спросить на это предварительное разрѣшеніе президента общества попечител. о тюрьмахъ, министра внутреннихъ дѣлъ. Тѣмъ временемъ смотритель такъ сильно радѣлъ обо мнѣ или о себѣ,—не знаю,—что подговорилъ писца хозяйственной конторы тайно доставлять мнѣ дѣла и выписки изъ нихъ. Когда онъ меня вполнѣ удовлетворилъ, комитетъ прислалъ мнѣ отказъ президента, отказъ, мотивированный тѣмъ, что признаетъ „болѣе удобнымъ и соотвѣтствующимъ образу дѣйствій общества, чтобы всѣ свѣдѣнія о положеніи тюремъ, посредствомъ печати, въ публикѣ сосредоточивались въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, какъ органѣ правительства, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ“ (5 октября 1870 г. № 415). На этомъ я прекратилъ домогательства свѣдѣній формальнымъ порядкомъ, а за плату и чрезъ Новосельскаго доставалъ все частнымъ образомъ.

Покончивъ съ замкомъ, я явился къ предсѣдателю комитета А. А. Волоцкому проситься въ директора комитета.

— Мой комитетъ состоитъ изъ родовитыхъ и сановитыхъ лицъ,— произіесъ онъ,—а какъ вы, мелкій чиновникъ, додумались войти въ его составъ?

— Мнѣ посовѣтовалъ директоръ баронъ М. М. Корфъ,—отвѣтилъ я.—Я въ замкѣ съ нимъ часто видѣлся и много бесѣдовалъ.

— Да, онъ достойный сынъ достойнаго отца, барона Модеста Андреевича, съ которымъ я въ благожелательныхъ отношеніяхъ. Онъ умнѣйшій сановникъ. А еще не знаетъ ли васъ кто изъ комитетскихъ?

— Фуксъ В. Я., съ нимъ я познакомился въ исправительномъ заведеніи.

— Хорошо владѣете перомъ?

— Хвалиться передъ вами, столь просвѣщеннымъ сановникомъ, я не смѣю, но пишу, какъ говорятъ, не дурно.

— Скромность въ васъ, молодомъ человѣкѣ, качество похвальное. А будете ли вы: во-первыхъ, мнѣ помогать составлять и издавать сочиненія по тюремной части и, во-вторыхъ, принимать участіе въ судьбѣ узниковъ?

— Приложу всѣ старанія безпрекословнымъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ приказаній оказаться достойнымъ вашего вниманія.

— Все это, особливо намѣреніе помогать несчастнымъ мнѣ нравится, и я, такъ и быть, отступлю отъ установленнаго мною порядка пріема въ составъ комитета исключительно высокородныхъ, представлю васъ въ директора комитета.

Высокопарнымъ, прекраснымъ слогомъ заговорилъ онъ о значеніи филантропіи вообще и тюремной въ особенности, о важности директорскаго званія, о томъ, изъ какихъ именитыхъ лицъ состоитъ комитетъ, почему я долженъ считать за рѣдкую честь быть среди нихъ, а своею дѣятельностью пріобрѣсть ихъ расположеніе и т. д. Онъ отпустилъ меня, очарованнаго его краснорѣчіемъ и увѣреннаго, что я сдѣлаюсь директоромъ, въ маѣ 1870 г.

Изъ замка я перекочевалъ въ пересыльную тюрьму.

Тамошній смотритель, развитой, гуманный капитанъ Костомаровъ, отнесся ко мнѣ весьма дружелюбно, помогалъ мнѣ: дознаваться обо всемъ, проводить ночи среди каторжныхъ, присутствовать при заковкѣ ихъ въ кандалы, при бритьѣ имъ полъ-головы, уговаривалъ знакомыхъ ему партіонныхъ офицеровъ брать меня съ партіями до Москвы, при чемъ я свободно знакомился въ вагонахъ съ положеніемъ арестантовъ, съ системою ихъ пересылки, продовольствія, обмундировки и проч. Напротивъ, смотритель срочной тюрьмы, невѣжественный дерзкій, полковникъ Михневъ, встрѣтилъ меня враждебно, съ крайнею подозрительностью и ставилъ мнѣ всякія преграды, потому что, какъ

послѣдствія показали, онъ во всемъ плутовалъ и остерегался, что я вынесу его соръ изъ избы [1]).

Полицейскія арестантскія мнѣ удалось разобрать всего легче: тамъ не было ни хозяйства, ни работъ, ни отчетности, кромѣ алфавита поступавшихъ и выбывавшихъ арестантовъ, да посылавшихся вечерами къ чиновнику, завѣдывавшему продовольствіемъ, по всѣмъ частямъ города, рапортичекъ о числѣ находившихся въ наличности людей, изъ коихъ рано утромъ половина разсылалась для водворенія на мѣсто жительства, такъ что часть кормовыхъ на нихъ, по 10 коп. на человѣка, распредѣлялась по карманамъ. Народъ въ частяхъ мѣнялся въ камерахъ безпрырывно и безпрепятственно игралъ въ кости, карты, ругался и дрался, а смотрители смотрѣли на все совершенно равнодушно.

Наконецъ, морская исправительная тюрьма для матросовъ отличалась ясностью всякой отчетности, но въ ней люди страдали отъ обязательнаго молчанія. Начальникъ ея, добродушный капитанъ 2-го ранга Веселаго, не сочувствовалъ этой системѣ и самъ наводилъ меня на критику господствовавшаго въ тюрьмѣ порядка, поэтому мнѣ стѣсняться нечего и некого было.

Короче: въ полгода кропотливаго труда, сопровождавшагося массою огорченій и обидъ, я подробно изучилъ всѣ столичныя мѣста заключенія.

По мѣрѣ разработки матеріаловъ статьи мои продолжали постепенно печататься фельетонами въ „Судебномъ Вѣстникѣ“. Трудъ этотъ доставлялъ мнѣ истинное удовольствіе, и я имъ такъ увлекался, что не находилъ досуга даже на хожденіе въ контору „Судебнаго Вѣстника“ за гонораромъ, а полагалъ, по примѣру „С.-Петербург. Вѣдом.“—получить сразу; когда же все печатаніе кончилось и я пошелъ за деньгами по разсчету около 600 руб., то, къ изумленію моему, не нашелъ ни редакціи, ни конторы: Чебышевъ въ тщетной борьбѣ съ равнодушіемъ публики прекратилъ изданіе „Судебнаго Вѣстника“ и мой гонораръ (болѣе 200 руб.) пропалъ...

Не взирая, однако, на совершенную свою бѣдность, потеря крупной для меня суммы лишь слегка меня огорчила: я утѣшался напечатаніемъ большой половины собраннаго мною матеріала. Мало того, энергія во мнѣ такъ кипѣла, а фактовъ и впечатлѣній накопилось такъ много, что все то, что я опасался помѣщать въ своихъ мѣстахъ по отдѣльнымъ тюрьмамъ, я сгруппировалъ въ разсказѣ „Съ одного вола семь шкуръ“ и снесъ его въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ къ Н. А. Некрасову, потому что наиболѣе симпатизировалъ направленію

[1]) Подробно пріемъ этотъ описалъ я въ книгѣ „Благотворительные подвиги“ (изд. 1886 г.).

именно этого журнала и предъ Некрасовымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ мнѣ, еще военному писарю, въ квартирѣ Н. Г. Чернышевскаго подарилъ книги своихъ стихотвореній, я благоговѣлъ, такъ что потомъ, когда зимою въ разныхъ клубахъ происходили литературныя вечера и я узнавалъ изъ газетъ объ его участіи въ нихъ, я всегда являлся слушать, главнымъ образомъ, его чтеніе, хотя чтецами бывали почти всѣ тогдашнія знаменитости, напр., Тургеневъ, Островскій, Писемскій, Костомаровъ, Ал. Потѣхинъ, Слѣпцовъ, Полонскій и другіе. Впрочемъ, надо отдать справедливость и тогдашней публикѣ: она переполняла залы, чтобы видѣть, слышать и аплодировать корифеямъ литературы.

Послѣ выпуска мартовской книги „Отечественныхъ Записокъ“ 1871 г., въ которой помѣщенъ былъ мой разсказъ, я явился къ Некрасову. Онъ принялъ меня въ биллiардной комнатѣ. Хотя къ тому времени я уже могъ считаться литераторомъ, тѣмъ не менѣе я отрекомендовался ему съ значительною робостью.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ, здравствуйте,—протяжно заговорилъ онъ сиплымъ голосомъ.—Разсказъ вашъ хорошъ и потому не залежался. Тюремный міръ мраченъ и освѣщать его очень полезно. А кто вы такой, какъ вы проникли въ тюрьмы и давно ли пописываете?

Я вкратцѣ разсказалъ ему и кстати напомнилъ о встрѣчѣ съ нимъ у Чернышевскаго. Пока я говорилъ, онъ внимательно слушалъ и всматривался въ меня.

— Ахъ, да... припоминаю васъ, молоденькаго писарька, и радъ за васъ, вѣдь такъ удачно выбиться и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ теперь вы, я понимаю, слишкомъ трудно, за то тѣмъ больше вамъ честь. А рукопись о кантонистахъ, которую вы тогда отдали Чернышевскому, погибла, значитъ, вмѣстѣ съ нимъ, несчастнымъ?

— Нѣтъ, я ее случайно выручилъ по осужденіи Чернышевскаго, изъ канцеляріи оберъ-полицеймейстера, гдѣ тогда служилъ.

— Если вы до сихъ поръ ее не напечатали, то принесите: мы ее помѣстимъ, она, вспоминаю со словъ Чернышевскаго, имѣетъ не малый интересъ, какъ характеристика прошлаго суроваго царствованія. По понедѣльникамъ днемъ ко мнѣ сходятся сотрудники, такъ приходите и вы, познакомитесь съ ними, услышите различныя ихъ сужденія и узнаете ихъ взгляды на разные предметы, а это вамъ можетъ быть полезно въ видахъ расширенія вашихъ знаній и примѣненія къ писательскимъ занятіямъ. Вотъ вамъ гонораръ за разсказъ.

Получивъ отъ Некрасова конвертикъ, я положилъ его въ карманъ, поблагодарилъ его за лестное ко мнѣ вниманіе, и ушелъ совершенно очарованный его обхожденіемъ, приглашеніемъ и щедростью: онъ

далъ мнѣ за разсказъ, менѣе чѣмъ въ два печатныхъ, кажется, листа, 150 руб.

Ровно черезъ недѣлю пригласилъ меня къ себѣ запискою А. А. Волоцкой.

— Мы другъ передъ другомъ виноваты,—началъ онъ.—Я, согласно обѣщанію, тотчасъ же представилъ васъ въ директора, но вы вслѣдъ затѣмъ печатно стали порицать дѣятельность комитета, т. е. за своею подписью доказывать, что ничуть не дорожите оказаннымъ вамъ вниманіемъ, котораго многіе тщетно добиваются отъ меня. Тогда директора принялись осаждать меня заявленіями, что коль скоро вы еще только проситесь въ комитетъ и столь рѣзко уже критикуете его, то что же вы надѣлаете, когда войдете въ его составъ, въ качествѣ полноправнаго члена? Вѣдь вы, дескать, разрушите комитетъ. Намъ демагоговъ не нужно, мы съ ними не желаемъ вмѣстѣ сидѣть. Словомъ, всѣ сочли себя обиженными вами. Слушая ежедневно эти рѣчи, я и самъ заражался ихъ духомъ, сердился на васъ и кончилъ тѣмъ, что просилъ оставить мое представленіе о васъ безъ исполненія. Видите, какъ вы наивны: нельзя родниться съ людьми, которыхъ не уважаешь, а всякій новый директоръ, вступая въ комитетъ, роднится съ его членами. Я вотъ и передаю вамъ откровенно о моемъ и вашемъ щекотливомъ положеніи, въ которомъ мы оба очутились.

— Позвольте вамъ доложить,—отвѣтилъ я,—что я желалъ поступить въ число директоровъ, съ цѣлью быть полезнымъ дѣлу, а не угождать тѣмъ или другимъ лицамъ. Все, что я написалъ и напечаталъ—сущая правда, которую ни вамъ, ни директорамъ опровергнуть нечѣмъ. То, что я узналъ, пережилъ и выстрадалъ, мнѣ дороже директорскаго званія и если вамъ угодно было пригласить меня для объявленія, что я за свои писанія не подхожу подъ комитетскій масштабъ, то я вамъ заявляю, что не поступлюсь совѣстью ни за какія званія на свѣтѣ.

— О молодость, молодость, какъ она увлекательна, благородна!... вы меня побѣдили своею нравственною чистотою... Пригласилъ же я васъ собственно за тѣмъ, чтобы выразить вамъ мою искреннюю признательность за разсказъ „Съ одного вола семь шкуръ“: я прочелъ его съ глубокимъ интересомъ и умиленіемъ, ибо онъ написанъ съ такою теплотою, живостью и правдивостью, что по мѣрѣ чтенія все больше и больше вызываетъ состраданія къ несчастному, захватываетъ всѣ помыслы, щемитъ за сердце и подъ конецъ выжимаетъ слезы даже изъ старческихъ глазъ!... Жена моя, прочитавъ вчера вечеромъ вашъ разсказъ, по своей впечатлительности всю ночь металась на постели и лишь подъ утро едва успокоилась. Раздѣляя ея мнѣніе о полезности вашей дѣятельности, я готовъ перессориться съ большин-

ствомъ директоровъ, но съ вами не разстанусь: въ васъ меня привлекаетъ отзывчивость къ горю ближняго, ярый за нихъ поборникъ, живая душа. Я съ вами вполнѣ примиряюсь, слышите ли? примиряюсь...

Я замѣтилъ, что напрасно придаетъ онъ особенное значеніе моему разсказу, такъ какъ я изобразилъ только то, что видѣлъ, слышалъ и пережилъ въ теченіе своихъ мытарствъ по мѣстамъ заключенія.

— Нѣ-ѣтъ, вашъ разсказъ неизмѣримо цѣннѣе всѣхъ сухихъ разсужденій, цифирныхъ сопоставленій и въ особенности раздражающихъ обличеній. Перестаньте, пожалуйста, критиковать, а употребляйте Богомъ данное вамъ дарованіе на подобные же разсказы и пріобрѣтете почетъ и уваженіе, тогда какъ изобличеніемъ наживете враговъ и непріятностей, а ихъ горечь я, изъ расположенія къ вамъ, не желаю вамъ испытывать.

Доводы Волоцкаго поколебали было во мнѣ вѣру въ мою правоту, но сопоставивъ ихъ съ тѣмъ, что онъ отказался принять меня въ директоры лишь за то, что я описалъ недостатки комитетской дѣятельности, я рѣшился наперекоръ ему и его единомышленникамъ войти въ составъ комитета и расшевелить этотъ муравейникъ, благо къ этому времени я успѣлъ уже опериться и по службѣ, а потому смѣло, безъ оглядки, направлялся впередъ. Къ достиженію этой цѣли мнѣ вскорѣ же представился подходящій случай.

Здѣсь умѣстнымъ считаю предварительно немножко коснуться служебныхъ погрѣшностей.

Служить старался я исправно, Порѣцкій меня поддерживалъ, а баронъ М. М. Медемъ благоволилъ ко мнѣ. Оттого еще въ іюлѣ 1867 г. я былъ назначенъ исправляющимъ должность помощника столоначальника, а къ 1868 г. былъ утвержденъ въ этой должности, съ содержаніемъ по 700 руб. въ годъ. Какъ штатный чиновникъ, я исполнялъ свои обязанности на столько безукоризненно, что 17 апрѣля 1870 г. я награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 3 степени. Радость полученія перваго чина, перваго ордена и первой должности понятна только заурядным чиновникамъ, на себѣ это испытавшимъ, а достигнувъ указанныхъ трехъ отличій, они присоединяются къ кругу должностныхъ лицъ, удостоиваемыхъ вниманія высшихъ начальниковъ.

Въ 1870 г. вице-директоромъ нашего департамента былъ камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Г. Ка—чъ, первый и послѣдній, проживавшій съ женою и дѣтьми (3 сына и 2 дочери), въ прекрасной казенной квартирѣ въ домѣ министра, потому, какъ всѣ увѣряли, что вдовый Зеленой, находился въ близкихъ отношеніяхъ съ его женою, а она настолько властвовала надъ Зеленымъ,

что безцеремонно возвышала мужа [1]), устраивала своихъ братьевъ, знакомыхъ, даже постороннихъ. Глядя на поступки родителей, и ихъ дѣти не стѣснялись въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ, старшая дочь 17-ти лѣтняя красавица, училась въ аристократическомъ пансіонѣ, гдѣ Д. А. Саранчовъ преподавалъ исторію, но уроковъ она, по его словамъ, никогда не знала. Вотъ онъ, однажды, сильно распекъ ее, въ классѣ, при всѣхъ за лѣность.

— Я не учу уроковъ, это—правда,—смѣло отвѣтила она, вспыхнувъ съ досады, но вы,—г. учитель, посмотрите на меня, какъ мужчина, да и рѣшите: нужны ли мнѣ, при моей красотѣ, какія-то исторіи? Конечно, нѣтъ: я умѣю, кромѣ того, бойко говорить по-французски, хорошо танцовать и кокетничать, а всѣхъ этихъ качествъ совершенно довольно, чтобы нравиться мужчинамъ, кружить имъ головы и сдѣлать блестящую партію.

И она не ошиблась: вышла замужъ за камергера Г—на, увлекла красотою генералъ-адъютанта С. С. Грейга и, когда онъ сталъ министромъ финансовъ, назначилъ ея мужа директоромъ его канцеляріи, отвелъ имъ квартиру возлѣ своей, и она играла такую же роль, какъ ея мать при Зеленомъ.

Старшій ея братецъ, прапорщикъ N—скаго полка, года въ полтора успѣлъ надолжать разнымъ лицамъ, по векселямъ 15.000 руб., при чемъ кредиторы требовали отъ его родителей платежа подъ угрозою увольненія сына въ отставку и заключенія его въ долговое отдѣленіе. Отецъ, зная, что я свѣдущъ въ судебныхъ дѣлахъ (я дѣйствительно разновременно велъ чужія дѣла), просилъ меня помочь ему сладиться съ кредиторами сына, при этомъ разсказалъ мнѣ, что, во избѣжаніе скандала, продалъ, какъ дѣлали многіе по неимѣнію денегъ, назначенную ему аренду на 12 лѣтъ по 1.500 р. въ годъ въ сложности 18.000 руб., эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства за 15.000 р. и изъ этихъ денегъ рѣшился выручить сына изъ бѣды. Розыскавъ кредиторовъ-ростовщиковъ, я убѣдилъ ихъ уступить всѣ векселя за 10.000 р. и эту сумму отецъ при мнѣ имъ роздалъ. Въ продолженіе многократныхъ совѣщаній, жена К—ча, надменная, статная, сохранившаяся дама, видѣла меня и вызвалась покровительствовать мнѣ, а когда я имъ выторговалъ 5.000 р.,—она спросила меня, не нужно ли мнѣ ея вліяніе. Я и попросилъ ея содѣйствія къ утвержденію меня директоромъ. Она устроила это черезъ

---

[1]) Онъ, напримѣръ, сдѣлался: камергеромъ въ 1867 г., вице-директоромъ въ 1868 г., дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ въ 1869 г., получилъ аренду по 1.500 руб. въ годъ на 12 лѣтъ въ 1871 г., 1200 дес. казенной земли въ. подарокъ въ Екатеринославской губерніи въ 1872 г., умеръ членомъ совѣта въ 1894 г., вдовѣ назначено было пенсіи по 1.000 руб. въ годъ.

знакомаго директора департамента полиціи исполнительной, д. с. с. П. П. Косоговскаго, такъ, что спустя двѣ недѣли, въ маѣ 1871 г. я получилъ объ этомъ бумагу.

Между тѣмъ, обезпеченный служебнымъ жалованьемъ, я исправилъ всѣ свои статьи о тюрьмахъ и привелъ ихъ въ систему, а отошедшіе отъ книгопродавца Исакова бывшіе приказчики Ѳ. И. Колесовъ и Ф. Г. Михинъ, открывъ свою книжную торговлю, занялись изданіемъ книгъ и охотно взялись издать мой трудъ, а за право напечатанія 1.200 экземпляровъ предложили мнѣ 300 руб., договорились съ знакомымъ типографщикомъ Гогенфельдомъ, и онъ напечаталъ прокорректированную мною книгу, подъ заглавіемъ „Жизнь заключенныхъ. Обзоръ петербургскихъ тюремъ и относящихся до нихъ узаконеній и административныхъ распоряженій". Книга состояла изъ 300 стран. въ 16 долю листа. Послѣ появленія книги столичныя и провинціальныя газеты и журналы посыпали, точно градомъ, весьма похвальными о книгѣ отзывами, при чемъ рецензенты дѣлали изъ книгъ разныя выдержки, указывали на плохое состояніе тюремъ, да кстати нападали и на тюремный комитетъ. Книгу раскупали на расхватъ, но издатели мнѣ денегъ не давали, а я соглашался ждать, ибо гнался не за деньгами, а за „славою соблазнительною".

Въ разгарѣ появлявшихся рецензій я, въ качествѣ утвержденнаго директора, явился къ Волоцкому. Онъ заставилъ меня прождать около часа, вышелъ ко мнѣ сумрачный, съ руками, спрятанными въ карманы брюкъ и на мой почтительный поклонъ—слегка кивнулъ головою.

— Честь имѣю представиться вашему прев-ству,—произнесъ я.—Какъ директоръ—прошу занятія.

— Вы появляетесь противъ нашего желанія, сверхъ всякаго ожиданія!...

— Фактъ совершился, а вы, если изволите вспомнить,—примирились со мною, значитъ, и пенять на меня вамъ, смѣю полагать, едва-ли есть основаніе.

— Есть и, къ сожалѣнію, самое убѣдительное: цѣлый уже мѣсяцъ нельзя взять въ руки ни одной газеты, ни одного журнала, чтобы не увидѣть разсужденій о вашей книгѣ и упрековъ и даже руг-гани по адресу комитета.

— Не я это дѣлаю, а за другихъ я вѣдь не отвѣтственъ.

— Но поводъ-то къ этому ваша книга, или вы, это все равно. Комитетскіе интересы имѣютъ для васъ какое-нибудь значеніе, или нѣтъ?

— Интересы комитета заключаются исключительно въ облегченіи участи заключенныхъ и ихъ семействъ.

— Вы такъ думаете по легкомыслію: настоящія задачи комитета

гораздо выше кормовыхъ дрязгъ, о которыхъ мнѣ всѣ уши прожужжали. Члены комитета здороваться съ вами не станутъ, заниматься съ вами не захотятъ.

— Этимъ они докажутъ только, что не правы, а меня отъ дѣла не оттолкнутъ.

— Вы фантазеръ: въ благоустроенномъ обществѣ важна солидарность его членовъ, а ихъ дѣйствія въ разбродъ ни куда не годятся.

— Я отъ своихъ фантазій не отступлюсь. Къ вамъ я теперь явился оказать вамъ уваженіе, да служить во имя христіанскихъ истинъ, которыя вы сами изволили мнѣ внушать. Неужели вы изъ-за мелкихъ неудовольствій отъ нихъ отреклись?

— Лично я готовъ, пожалуй, извинить вамъ рѣзкость, но съ директорами вѣдайтесь, какъ сумѣете: я поддерживать васъ не стану.

— Благодарю васъ за снисхожденіе, а объ остальномъ не извольте безпокоиться: я постараюсь оказаться достойнымъ директорскаго званія, о которомъ вы столь высокаго мнѣнія.

Черезъ недѣлю я явился прямо въ засѣданіе комитета, поклонился по сторонамъ и сѣлъ. Начиная съ предсѣдательствовавшаго за Вол—го вице-президента, ген.-лейтен. П. П. Пущина, почти всѣ встрѣтили меня прямо враждебно. Это меня воодушевило, и я сразу горячо возсталъ противъ выдачи надзирателю мастерскихъ пособія въ 200 р., въ безотчетное распоряженіе самого Вол—го 400 руб. и директору, завѣдывавшему хозяйствомъ замка, 1.140 р. 48 к., безъ оправдательныхъ документовъ, при чемъ упрекалъ членовъ въ расточительности и вынудилъ ихъ закрытою баллотировкою отказать въ этихъ расходахъ. Пущинъ, въ припадкѣ гнѣва, внезапно закрылъ засѣданіе.

— Хотя вы насъ изрядно поконфузили,—сказалъ мнѣ, уходя, въ передней, пожилой князь Суворовъ, гофмейстеръ,—но засѣданіемъ я вполнѣ доволенъ; вы дали намъ поучительный урокъ.

Помянувъ Суворова, разскажу здѣсь же, кстати, происшедшій съ нимъ казусъ, охладившій его расположеніе къ арестованнымъ.

Дѣло въ томъ, что выпускаемыхъ изъ-подъ стражи директора комитета изстари старались пристраивать къ мѣстамъ, а для легчайшаго достиженія цѣли, часто обходили тюрьмы и части, бесѣдовали съ арестованными, узнавали ихъ профессіи, наклонности и желанія. И вотъ, однажды, директоръ, старый холостякъ, гофмейстеръ, свѣтлѣйшій князь К. А. Суворовъ, родной братъ бывшаго петербургскаго генералъ-губернатора, нашелъ въ Спасской части браваго повара, поговорилъ съ нимъ, услышалъ отъ него отмѣнную о себѣ рекомендацію и предложилъ ему поступить къ нему, въ то время, кстати, нуждавшемуся въ поварѣ. По наступленіи срока заключенія повара, чрезъ два дня, смотритель прислалъ его къ князю съ пас-

портомъ и пожитками. Онъ водворился и цѣлую недѣлю вполнѣ удовлетворялъ вкусу князя. Приблизился день его именинъ. Онъ сговорился съ поваромъ, обѣщавшимъ угостить на славу, и похвалившись брату и другимъ родственникамъ отличнымъ своимъ поваромъ, пригласилъ всѣхъ, человѣкъ 19, къ себѣ обѣдать. Къ назначенному часу всѣ съѣхались, но поваръ что-то копошился, почему его раза три тщетно торопили. Наконецъ, генералъ-губернаторъ не выдержалъ, пошелъ на кухню.

— Да скоро ли ты, братецъ, приготовишь? — возвысивъ голосъ, спросилъ онъ повара;—вѣдь уже 7-й часъ, а все мы ждемъ.

— Ахъ, вамъ скоро надо?—произнесъ поваръ,—скоро, такъ вотъ вамъ, ѣшьте на здоровье.

И съ азартомъ сбросилъ онъ съ плиты всѣ кострюли и плошки съ кушаньями. Все разлилось и разлетѣлось по полу. Разсердившійся генералъ-губернаторъ вызвалъ пристава, а онъ дознался, что поваръ напился, изъ чайниковъ, до чертиковъ и за это вновь очутился въ части, а именинникъ свелъ гостей обѣдать въ ресторанъ Бореля и потомъ съ большимъ огорченіемъ разсказывалъ всѣмъ о постигшемъ его казусѣ за предполагавшееся добро, а отъ завѣдыванія частью отказался.

Возвращаясь къ комитету, я долженъ сказать, что къ слѣдующему засѣданію большинство настолько подготовилось и сплотилось, что, несмотря на мои протесты, голосованіемъ разрѣшено выдать дѣлопроизводителю ст. сов. Попову 1.000 р. на наемъ дачи для его семейства и графу В. А. Соллогубу (автору „Тарантаса“, гофмейстеру) 2.000 р. на изученіе тюремной части за границею. Мало того, для отвлеченія меня отъ засѣданій и усыпленія моей бдительности, комитетъ надавалъ мнѣ разныя сложныя порученія, какъ я описалъ подробно въ книгѣ „Благотворительные подвиги“; такъ, мнѣ, напримѣръ, поручили завѣдываніе самою многочисленною арестантскою Спасской части, пріютомъ для мальчиковъ, дѣтей арестантовъ, да выхлопатывать арестованнымъ паспорты на деньги, которыя, по 300 р. въ мѣсяцъ, жертвовалъ одинъ изъ директоровъ, банкиръ А. М. Розенталь, вотъ по какой причинѣ.

Служившая у него горничная, молодая мѣщанка, просрочила паспортъ и повздорила съ старшимъ дворникомъ. Онъ донесъ полиціи, а она, вызвавъ горничную, посадила ее подъ арестъ, какъ безпаспортную. Узнавъ объ этомъ, Розенталь просилъ градоначальника объ освобожденіи горничной, вызвался выправить ей паспортъ, но получилъ отказъ, потому что полиція поспѣшила передать горничную въ пересыльную тюрьму, т. е. перечислила въ вѣдѣніе губернскаго правленія. Онъ обратился къ губернатору, но тоже неудачно: на гор-

ничную въ правленіи уже заготовили статейный списокъ, выписали кормовыя деньги, включили ее въ составъ партіи, долженствовавшей чрезъ день выступить въ дорогу, и сдали всѣ бумаги и деньги на партію партіонному офицеру, а ее въ пересыльную тюрьму. Розенталь поѣхалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту А. Е. Тимашеву и привезъ отъ него губернатору приказаніе задержать здѣсь горничную до полученія на нее паспорта, за которымъ Розенталь въ тотъ же день послалъ въ Покровъ Владимірской губерніи нарочнаго, а тотъ, съѣздивъ туда и обратно съ экстреннымъ поѣздомъ, привезъ паспортъ и, по предъявленіи его властямъ, горничную выпустили на свободу. Паспортъ стоилъ Розенталю 100 руб. Между тѣмъ, среди хлопотъ, онъ побывалъ нѣсколько разъ въ части и пересыльной тюрьмѣ, при чемъ убѣдился, что внезапная высылка за просрочки паспортовъ постигла многихъ не только по забывчивости, но вслѣдствіе безграмотности и неимѣнія въ сроки паспортовъ денегъ на ихъ оплату. Проникшись сожалѣніемъ къ несчастнымъ, онъ и пожелалъ избавить хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ тюремныхъ и этапныхъ мытарствъ и предложилъ комитету деньги съ тѣмъ, чтобы другіе директоры тратили ихъ на паспорты. Въ число 3-хъ директоровъ попалъ и я. Мнѣ приходилось ежедневно перебывать въ арестантскихъ помѣщеніяхъ Коломенской, Спасской и Казанской частей, для опроса безпаспортныхъ и собранія о нихъ свѣдѣній, да писать по десятку бумагъ въ мѣщанскія управы и волостныя правленія, съ приложеніемъ денегъ на высылку паспортовъ. Затѣмъ мы, директоры, по истеченіи мѣсяца, составляли о числѣ освобожденныхъ и количествѣ затраченныхъ денегъ общій отчетъ, который подавали комитету и Розенталю по экземпляру. Когда я пришелъ къ нему съ отчетомъ, онъ съ живостью подтвердилъ мнѣ все разсказанное.

— И такъ, — радостно продолжалъ онъ, просмотрѣвъ отчетъ, — вы, въ теченіе мѣсяца, избавили 68 человѣкъ отъ тягостнаго сидѣнья подъ арестомъ двѣ недѣли здѣсь, 3-е сутокъ скованными въ наручники въ вагонахъ только, напримѣръ, до Москвы, въ сообществѣ съ отъявленными преступниками и отъ конфуза явиться домой подъ конвоемъ. Это наивысшее съ вашей стороны благодѣяніе.

— Ваше, а не наше; мы издержали вашихъ 294 р. на паспорты и на уплату за людей разныхъ податей и повинностей.

— Напротивъ, трудъ каждаго изъ васъ стоитъ 1.000 р., а я даю лишь 300 р. отъ избытковъ. Меня такъ поразило все, что я впервые въ жизни видѣлъ и слышалъ въ части и пересыльной, что я потомъ ходилъ какъ въ чаду отъ охватившаго меня состраданія къ людямъ темнымъ, несчастнымъ. Если мало 300 р., — охотно буду платить по 500—700 р. въ мѣсяцъ, лишь бы, по возможности, уменьшить люд-

скую эту пытку. Я, человѣкъ съ общественнымъ положеніемъ, цѣлую недѣлю разъѣзжалъ по начальству, покамѣстъ выручилъ горничную, честную, нравственную, разумную труженицу, которая разсказывала моей женѣ о такихъ творящихся тамъ безобразіяхъ, что жена вмѣстѣ съ нею плакала навзрыдъ. Пожалуйста, не стѣсняйтесь въ расходахъ, платите, сколько кому нужно для облегченія вашихъ достойнѣйшихъ трудовъ на пользу несчастнымъ, для меня же сотни рублей не деньги, да и за нихъ Богъ, можетъ статься, проститъ мнѣ какія-нибудь изъ прегрѣшеній.

Хлопоты объ ускореніи разрѣшенія арестантскихъ дѣлъ о паспортахъ, по осмотру арестантскихъ камеръ частей, поглощали все мое свободное отъ службы время, которымъ я не только не дорожилъ, а, напротивъ, напрягалъ всѣ усилія, тщательно все узнать, провѣрить и пріобрѣсть обо всемъ ясное всестороннее понятіе.

Изъ дневника М. И. Михайлова.

XII [1]).

Послѣ отъѣзда Крупскаго стало какъ-то тише у насъ, или — можетъ быть—это казалось только мнѣ, потому что онъ все-таки каждый день приходилъ ко мнѣ, и мы—какъ я ужъ говорилъ—обѣдали вмѣстѣ, а иногда вмѣстѣ же и пили чай. Какъ ни мало внушалъ онъ мнѣ симпатіи, а мнѣ все-таки было очень его жаль.

Мнѣ еще разъ случилось видѣть политическаго преступника Ѳедора Иванова. Я сидѣлъ и писалъ, какъ онъ вошелъ ко мнѣ разъ по утру очень рано, и, не говоря ни слова, упалъ передо мною на оба колѣна разомъ. Конечно, ему нужны были деньги. Я замѣтилъ особую блѣдность и худобу въ его лицѣ. Онъ былъ въ больницѣ почти съ самаго прихода своего въ Тобольскъ и потому могъ пробираться въ наше отдѣленіе.

Дня черезъ два я услыхалъ въ корридорѣ разсказъ Василья, что Ѳедоръ Ивановъ ослѣпъ.

— Какой Ѳедоръ Ивановъ? — спросилъ я.

— А кандальщикъ-съ,—отвѣчалъ Василій.—Вотъ, что у васъ-то былъ.

— Давно ли?

— Да нынче—вдругъ это сдѣлалось у него. Параличъ, что ли ударилъ.

— Это Богъ его наказалъ,—замѣтилъ Иванъ.

— За что?

---

[1]) См. „Русскую Старину", сентябрь 1906 г.

— Да вѣдь онъ съ нами въ одной партіи шелъ, такъ только и зналъ, что всѣхъ оговаривалъ. Не хорошій онъ человѣкъ, злой. Товарищей двадцать, поди, дорогой-то подъ розги подводилъ, наговорами своими. Вотъ и покаралъ Господь.

Мнѣ нужны были кое-какія справки въ уставѣ о ссыльныхъ, и я привезъ его разъ съ собой отъ прокурора. Василій, знавшій немного, хоть и плохо, грамотѣ, увидалъ, что я читаю законы, и они вмѣстѣ съ Иваномъ приходили ко мнѣ за справками. Оба они разсказали мнѣ свои исторіи и планы о побѣгѣ. У Ивана была непреоборимая страсть къ перемѣнѣ мѣстъ. Онъ тосковалъ безъ широкаго простора передъ собой. Онъ былъ помѣщичій крестьянинъ, его повезли въ ближайшій городъ для сдачи въ рекруты, а онъ бѣжалъ съ дороги и скитался съ тѣхъ поръ, перемѣняя имена. Василій былъ сосланъ въ Сибирь на такъ называемое водвореніе, и жилъ довольно долго въ Омскѣ, нанимаясь въ кучерахъ. Онъ тоже былъ изъ крѣпостныхъ и у барина еще занимался кучерствомъ. По его разсказу, въ Омскѣ онъ получалъ слишкомъ малое жалованье, и ему хотѣлось отойти отъ нанимавшаго его господина къ другому, платившему больше; но тотъ не соглашался, а какъ Василій вздумалъ грубить, онъ отправилъ его въ полицію. Полицеймейстеръ же былъ ему пріятель, призвалъ Василья, наругался надъ нимъ и отхлесталъ его по щекамъ. Василій въ ту же ночь и бѣжалъ съ досады, да и проходилъ три года, побывалъ вездѣ, и у родныхъ, и въ знакомыхъ городахъ и мѣстахъ. Взяли его въ Уфѣ. Теперь ихъ обоихъ, и Василья и Ивана, отправляли на годъ на заводъ, около Тюмени, кажется, значитъ, очень не далеко. И Василій, которому надоѣло быть непомнящимъ, рѣшилъ, гдѣ бѣжать, не доходя до завода, прошатается гдѣ-нибудь до манифеста, а къ тому времени опять явится въ Омскъ и будетъ по-прежнему съ мѣстомъ и съ именемъ. „Да хоть и до манифеста-то явится, такъ не бѣда. При полиціи только накажутъ—вотъ и все. Да и то не накажутъ. Откупиться можно“. У Ивана, напротивъ, не было такихъ опредѣленныхъ плановъ. Побѣгъ представлялся ему какимъ-то поэтическимъ мотаньемъ по всему бѣлому свѣту, изъ края въ край.

Оба они ушли изъ Тобольска днями четырьмя—пятью раньше меня, и тутъ ужъ водворилась у насъ совершенная тишина. По вечерамъ не слышалось ни сказокъ, ни разговоровъ. На мѣсто Василья и Ивана поступило тоже двое: одинъ—мальчикъ лѣтъ шестнадцати, отправлявшійся вмѣстѣ съ отцомъ на поселеніе, свиду похожій на калмыка, съ хитрымъ взглядомъ, но на словахъ глупый; другой—крестьянинъ изъ Тобольскаго уѣзда, приговоренный за укрывательство какое-то на полтора года въ арестантскія роты, но оттуда освобожденный по болѣзни. Ему поэтому слѣдовало еще выжить полгода

въ тобольскомъ острогѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, смирный и кроткій, мало говорившій и все вздыхавшій. Его очень тревожило, что къ нему не пускаютъ его незаконную маленькую дочку, которую онъ называлъ то „дѣвчоночкой", своей, то „питальницей".

— Хоть бы поисть-то ее пустили,—говорилъ онъ. — Эта вышелъ къ воротамъ—она стоитъ тамъ, продрогла вся. „Тятенька, я", говоритъ, „поисть хочу". Хорошо еще вышелъ я въ пору, далъ ей калачика; а то ину пору придетъ—постоитъ, постоитъ, зальется слезами, да и уйдетъ.

Я выхлопоталъ ему у начальства позволеніе видѣться съ нею каждый день въ извѣстный срокъ.

Надзиратель тоже былъ недоволенъ уходомъ прежней прислуги, и въ особенности краснобая Василья. Ему не къ кому было ужъ присосѣдиться вечеромъ, и онъ сдѣлался даже что-то ворчливъ, чего за нимъ прежде не водилось.

Я уже говорилъ о періодическомъ приходѣ и отходѣ арестантскихъ партій. Это было такимъ обычнымъ дѣломъ въ острогѣ, что никто не интересовался имъ—ни изъ начальства, ни изъ „содержащихъ". Другое дѣло — пріѣздъ съ жандармами. Такимъ образомъ и я, и Крупскій сдѣлались лицами, всѣмъ извѣстными. Въ теченіе моего пребыванія въ тобольскомъ острогѣ еще третье лицо обратило тамъ на себя всеобщее вниманіе. Это было еще въ то время, какъ Василій съ Иваномъ прислуживали мнѣ.

Именно Василій явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что еще кого-то привезли съ жандармами, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Это было утромъ. Я наскоро одѣлся и побѣжалъ къ воротамъ. Мнѣ думалось, не изъ Петербурга ли кто-нибудь, не изъ нашихъ ли общихъ друзей и знакомыхъ кто-нибудь. Мнѣ почему-то казалось, что я встрѣчу Владиміра Обручева.

Какъ ни поспѣшно сообщилъ мнѣ новость Василій Непомнящій, но я подоспѣлъ ужъ поздно. Не жандармы, а казаки, сопровождавшіе арестанта, успѣли уже удалиться съ почтовою кибиткой, и любопытные, сбѣжавшіеся со двора, разошлись. Я рѣшилъ зайти справиться къ помощнику, котораго квартира была въ сѣняхъ изъ-подъ воротъ, и вошелъ въ сѣни. Тутъ я засталъ слѣдующую сцену. Смотритель, повторяя ежеминутно: „чего-съ? чего-съ?" суетился около своего новаго жильца. Ему перебивали кандалы, которыя были слишкомъ узки. Новопривезенный арестантъ сидѣлъ на нижней ступенькѣ каменной лѣстницы, ведущей во второй этажъ, низко понуривъ голову, такъ-что видна была только часть его бороды изъ подъ нахлобученной на уши мохнатой мѣховой шапки; одна нога его лежала

на знакомой мнѣ гирѣ, и стоявшій на колѣняхъ казакъ взмахивалъ надъ нею молоткомъ, заклепывая новыя кандалы. У меня сердце сжалось! Такая это была унылая и въ то же время возмутительная операція. Формалистъ-смотритель, замѣтивъ мое присутствіе, поспѣшно подбѣжалъ ко мнѣ и попросилъ меня удалиться. Тутъ были еще какіе-то неизвѣстные мнѣ чиновники, и я съ досадой исполнилъ его просьбу.

Вскорѣ я узналъ, что привезенный — пермскій крестьянинъ Кокшаровъ, который былъ довѣрителемъ отъ пермскихъ заводскихъ крестьянъ и подавалъ отъ лица ихъ просьбы и протесты. Говорили, что онъ объяснялъ имъ ихъ положеніе и возбуждалъ неудовольствіе. Послѣднимъ дѣломъ его была—поѣздка въ Петербургъ, для подачи просьбы государю по довѣренности отъ трехъ тысячъ заводскихъ крестьянъ. Что сдѣлали съ его просьбой въ Петербургѣ, неизвѣстно; но ему велѣно было возвратиться домой. Вскорѣ, однакожъ, пришло распоряженіе арестовать его. Крестьяне не хотѣли выдавать его, и Кокшарова пришлось брать военною силой, при чемъ убито нѣсколько человѣкъ, защищавшихъ его (объ этомъ что-то умалчиваетъ Валуевъ въ своихъ отчетахъ по крестьянскому дѣлу). Кокшарова схватили-таки, сковали и бросили въ пермскій острогъ. Тутъ продержали его всего два дня, не предлагали ему никакихъ вопросовъ, не производили надъ нимъ никакого слѣдствія, и на третій день отправили съ двумя казаками въ Тобольскъ, для препровожденія въ каторжную работу. Онъ не былъ наказанъ тѣлесно (кромѣ кандаловъ, которыя у насъ, какъ извѣстно, вопреки закону, на практикѣ не считаютъ и тѣлеснымъ наказаніемъ). Такое скорое рѣшеніе свидѣтельствуетъ, конечно, главнымъ образомъ объ успѣхахъ науки въ Россіи. Вѣдь изъ Перми ужъ дѣйствуетъ телеграфъ, и, разумѣется, пермское начальство поступило не по своему собственному побужденію. Кокшаровъ уже не юноша, ему подъ сорокъ, если не больше.

Мнѣ очень хотѣлось увидаться съ нимъ и узнать отъ него лично, на сколько правды въ томъ, что я слышалъ и пересказалъ теперь; но это мнѣ не удалось. Кокшарова посадили въ такъ-называемую секретную, и я два дня сряду пытался проникнуть къ нему. Но какъ нарочно надзиратель кандальнаго отдѣленія отлучался куда-то и его замѣняло лицо, мнѣ совершенно неизвѣстное. Я не рискнулъ вручить ему за пропускъ пятирублевую бумажку, которую съ этою цѣлью носилъ въ карманѣ,—тѣмъ болѣе, что приходилось говорить съ нимъ сквозь желѣзную рѣшетку, въ присутствіи часоваго. Я наконецъ взялъ съ собою Константина Иваныча; но и тутъ вышла неудача. Надзирателя въ это время совсѣмъ не было дома, а съ нимъ и ключей отъ секретныхъ номеровъ. Я подошелъ къ тому, въ кото-

ромъ онъ содержался, и заглянулъ въ щелку двери. Кокшаровъ въ это время спалъ.

На четвертый день онъ ушелъ съ этапомъ, но мнѣ, вѣроятно, еще придется увидаться съ нимъ здѣсь.

Удачнѣе было желаніе мое видѣться и познакомиться съ другимъ политическимъ преступникомъ (какое это было нелѣпое названіе, особенно въ примѣненіи къ настоящему случаю), сосланнымъ впрочемъ, только на жительство въ Тобольскую губернію (хоть и безъ срока). Я говорю о ксендзѣ-каноникѣ Маевскомъ, который виноватъ оказался въ томъ, что не остановилъ народа въ Гродно, желавшаго церковной процессіи, а, напротивъ, самъ ее повелъ. При этомъ, впрочемъ, не произошло ни замѣшательствъ, ни столкновеній. Епископъ, которому Маевскій донесъ о желаніи народа идти крестнымъ ходомъ, поступилъ дипломатически; онъ не запретилъ его, а только сказалъ, что процессія будетъ остановлена военною силой. Это не мѣшало Маевскому идти съ крестами и пѣніемъ. Дойдя до мѣста, гдѣ были расположены войска, онъ обратился къ богомольцамъ и сказалъ, что обѣтъ ихъ исполненъ, а бороться съ вооруженною силой было бы безполезною рѣзней, которая не можетъ быть пріятна Богу. Всѣ стали на колѣни, пропѣли свои молитвы, возвратились въ церковь и потомъ спокойно разошлись по домамъ.

Кажется, слѣдовало бы поблагодарить человѣка за удержаніе, какъ говорится, народа въ границахъ спокойствія; но Маевскаго схватили, продержали въ Вильно въ тюрьмѣ и препроводили сюда. При слѣдствіи не помогла даже проповѣдь, которую онъ произнесъ предъ выходомъ процессіи изъ церкви. Въ этой проповѣди очень ловко говорилось, что цѣль процессіи—чисто религіозная, что надо забыть обо всѣхъ политическихъ партіяхъ, собравшись молиться Богу, что тутъ долженъ проявиться не духъ партій, не духъ Гарибальди, не духъ Мирославскаго, а духъ святый. Любопытно замѣчаніе, сдѣланное Маевскому по этому поводу Назимовымъ: „Вы хотѣли надуть Бога,—сказалъ онъ,—но люди въ девятнадцатомъ столѣтіи васъ разгадали“. Назимовъ-то человѣкъ девятнадцатаго столѣтія! Не правда ли? это очень мило.

Я разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что Маевскій передавалъ мнѣ со всѣми подробностями, но онѣ, вѣроятно, давно уже появились въ иностранныхъ журналахъ. Мы обѣдали съ нимъ вмѣстѣ у смотрителя и потомъ просидѣли часть вечера. По русскимъ фразамъ, которыя онъ приводилъ въ своемъ разсказѣ, можно было видѣть, что онъ хорошо говоритъ и по-русски; но онъ утверждалъ, что это ему трудно, и разсказывалъ по-польски. Вообще, онъ говорилъ замѣчательно краснорѣчиво и умно, и, вѣроятно, пользуется въ Гродно

большимъ вліяніемъ и популярностью. Вообще, онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе своими здравыми сужденіями, на сколько они не разногласили съ его католическими, или—лучше сказать—христіанскими тенденціями. Впрочемъ, можетъ быть, онъ показался бы мнѣ и еще лучше, еслибъ мы разговаривали только вдвоемъ; оффиціальное положеніе нашего хозяина должно было нѣсколько смягчать его рѣчь. У насъ оказалось человѣка два—три общихъ знакомыхъ изъ гродненскихъ поляковъ,—между прочимъ, поэтъ Желиговскій.

Наружность Маевскаго не особенно представительна. Онъ не высокаго роста и сильно согнувшійся, сутуловатый. Продолговатое лицо его пріятно, и въ сѣрыхъ, какого-то свинцоваго цвѣта, глазахъ, есть что-то дѣйствующее магнетически на нервныхъ людей; очень развитыя губы показываютъ, что онъ не прочь отъ наслажденій міра сего, ни отъ вина, ни отъ женскихъ поцѣлуевъ. Ему никакъ не болѣе на видъ сорока лѣтъ; коротко остриженные русые волосы его еще довольно густы.

Какъ присланный на жительство, безъ лишенія правъ, Маевскій избѣгъ, разумѣется, острожнаго помѣщенія и жилъ на частной квартирѣ. Онъ, кажется, разсчитывалъ остаться въ самомъ Тобольскѣ, и это—при другихъ условіяхъ—было бы возможно. Онъ отслужилъ три обѣдни въ здѣшнемъ костелѣ.

Остроумный губернаторъ, угадавшій свое подобіе въ свиномъ рылѣ, нашелъ это почему-то неудобнымъ,—и вотъ теперь Маевскаго хотятъ перевести изъ Тобольска въ уѣздный городъ Курганъ. Должно быть, хорошій городъ, я о немъ никогда и не слыхивалъ.

Сколько можно было судить по ходу моего дѣла, я начиналъ надѣяться, что скоро могу и уѣхать. Я не хотѣлъ оставлять Тобольска, не осмотрѣвъ хорошенько всего острога, всѣхъ его отдѣленій и проч. Для этого я рѣшился воспользоваться услугами помощника, которому всюду открытъ былъ свободный доступъ. Одному даже не на всѣ дворы можно было войти. Сначала меня останавливали часовые въ моихъ прогулкахъ, и я только гривенниками покупалъ у нихъ позволеніе свободно расхаживать по всѣмъ закоулкамъ и угламъ восьми (кажется, такъ) тюремныхъ дворовъ. Константинъ Ивановичъ согласился выводить меня всюду, въ надеждѣ, разумѣется, на денежную награду.

По мѣрѣ того, какъ приближался мой отъѣздъ, онъ становился еще назойливѣе. Ему, повидимому, хотѣлось извлечь изъ меня всѣ выгоды, какія только можно.

Разъ привелъ онъ ко мнѣ страшно оборваннаго мальчика, лѣтъ десяти, и началъ разсказывать какую-то длинную исторію о его край-

ней нищетѣ, о томъ, что онъ его гдѣ-то случайно нашелъ и рѣшился взять на свое попеченіе и пріютить у себя.

— Будьте отцомъ роднымъ, Михаилъ Ларіоновичъ,—заключилъ онъ, — посодѣйствуйте сиротѣ. Видите, въ какомъ онъ рубищѣ. У васъ есть полушубочекъ казенный. Онъ бы вѣкъ сталъ Богу за васъ молить.

Я отдалъ полушубокъ, которымъ снабдила меня петербургская управа благочинія. Онъ оказался только-что въ пору мальчику. Къ слову замѣчу, что казенные полушубки вообще какъ-будто кроятся и шьются на дѣтей, такъ они коротки и узки. Это, вѣроятно, имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ экономическимъ понятіямъ начальства.

Въ другой разъ помощникъ приходилъ и начиналъ проливать предо мною притворныя слезы о потерѣ дочерью трехъ рублей, съ которыми она поѣхала въ городъ въ гостиный рядъ для покупки себѣ какой-то обновы. На слезы Константинъ Иванычъ былъ тароватъ; они легко вызывались у него водкой, а пьянъ онъ былъ ежедневно, особенно къ вечеру.

Такъ какъ потеря его дочери меня не тронула, онъ въ слѣдующій разъ изобрѣлъ новую пропажу.

— Такое со мной, право, несчастіе,—разсказывалъ онъ.—Вѣрите ли, Михаилъ Ларіоновичъ, говорить-то—уста кровью запекаются. Поѣхалъ вчера въ городъ. Давно собирался дочери сатину купить на салопъ. Дѣло-то подъ вечеръ было. Самъ и правлю всегда. Понесъ меня маненечько конь. Какъ ужъ у меня выпалъ этотъ сатинъ изъ-подъ мышки и гдѣ—понять я этого не могу. Пріѣхалъ домой, ну, какъ я скажу? Такъ и не сказалъ. Сегодня всталъ чѣмъ свѣтъ, всѣ улицы обошелъ—снѣгъ-то это раскапываю. Нѣтъ, какъ нѣтъ моего сатину.

— Гдѣ ужъ найти!

— Конечно, Михаилъ Ларіонычъ,—оно и понятно. Лежитъ на улицѣ, среди дороги, штука сатину. Да какъ же ему цѣлу быть. И какой выбралъ превосходнѣйшій сатинъ! Восемь съ лишнимъ рублей, легко это сказать.

Я началъ было его усовѣщивать, чтобы онъ сказалъ прямо, что ему хочется у меня денегъ получить, но онъ стоялъ на своемъ сатинѣ.

Точно также не хотѣлъ онъ признаться, что подрался въ пьяномъ видѣ, когда пришелъ разъ ко мнѣ съ огромными синяками подъ глазами и съ раскроеннымъ въ кровь вискомъ и лбомъ, которые онъ напрасно старался скрыть волосами. Онъ утверждалъ, что его конь это побилъ.

— Подошелъ я это ему ноздренъ протереть. Морозъ, знаете—

заиндевѣло все. Какъ хватитъ онъ меня вдругъ уздой. И что это съ нимъ сдѣлалось, понять не могу. Этакій былъ смирный, послушливый конь и вдругъ, только-что я подхожу къ нему—начинаетъ меня хлестать уздой по лицу. Искровенилъ всего.

Василій Непомнящій иначе не называлъ Константина Ивановича, какъ безстыжими глазами.

— Вѣдь это извѣстно-съ,—пояснялъ онъ,—у писарей стыда нѣтъ, а онъ изъ писарей-съ.

Въ то утро, какъ помощникъ соглашался сопровождать меня по острогу, онъ противъ обыкновенія не былъ пьянъ. Вѣроятно, опохмѣлиться было не на что. Мы пошли.

Оставляя его въ сторонѣ, я разскажу въ немногихъ словахъ то, что видѣлъ. И такъ разсказъ мой о тобольскомъ острогѣ вышелъ безконечно длиненъ.

Самое интересное отдѣленіе, конечно, кандальное. Комната, въ которой я былъ помѣщенъ на время по пріѣздѣ, принадлежала къ числу номеровъ, назначенныхъ для подсудимыхъ. Такихъ номеровъ идетъ нѣсколько подъ рядъ по темному корридору. Они не заперты, потому что въ нихъ содержатся подсудимые не по важнымъ преступленіямъ. Въ иныхъ на нарахъ помѣщаются человѣка по три, по четыре. Далѣе идетъ корридоръ секретныхъ, то-есть тоже отчасти подсудимыхъ, отчасти пересыльныхъ, возбуждающихъ почему-нибудь опасеніе. Здѣсь двери уже заперты,—и что странно, онѣ глухія, безъ маленькихъ окошечекъ. За содержащимися тамъ можно наблюдать только въ небольшія дырки, просверленныя гдѣ попало. Этотъ корридоръ нѣсколько свѣтлѣе и опрятнѣе, такъ какъ по нему мало ходятъ. Я заглянулъ въ двѣ, три щели. Номера были пусты, только въ одномъ сидѣлъ какой-то офицеръ, судимый, кажется, за убійство.

По шаткой и узкой деревянной лѣстницѣ поднялись мы въ другой этажъ, который правильнѣе назвать просто чердакомъ. Это и есть помѣщеніе пересыльныхъ „кандальщиковъ“. У всякаго, кромѣ такихъ тюремныхъ стражей, какъ нашъ помощникъ, невольно содрогнется и сожмется сердце при входѣ подъ эти темные, низкіе своды, при взлядѣ на эту горькую голь и униженіе, которыя кидаются въ глаза на каждомъ шагу. Какъ бы ни были преступны и черны душой всѣ эти несчастные, набитые тутъ, какъ звѣри въ клѣтку, въ душѣ не возбуждается ничего, кромѣ жалости къ нимъ. Христіанское законодательство наше не понимаетъ, что оно только портитъ и нравственно ухудшаетъ своими мѣрами преступниковъ, вселяя въ нихъ ожесточеніе и ненависть къ человѣческому обществу. Вѣдь большинство преступленій все-таки совершаются въ минуты страсти, въ минуты увлеченія. Въ значительной степени случаевъ, преступленіе даже не

кладетъ рѣзкой печати на нравственную сторону человѣка. Пылъ страсти миновалъ, и наступило раскаяніе, а это чувство, незнакомое до тѣхъ поръ, заставляетъ человѣка вдумываться въ себя, анализировать свои побужденія, и, стало быть, возвышаетъ нравственный его уровень. Иной преступникъ, послѣ того, какъ на его руки брызнула кровь убитаго имъ ближняго, становится нравственнѣе, чѣмъ былъ до тѣхъ поръ. Много ли этихъ холодныхъ, ожесточенныхъ убійцъ, которые находятъ наслажденіе въ проливаемой ими крови? Не выродки ли это? Не физическіе ли недостатки ихъ мозга и черепа виной этому. А воспитаніе ничего не дѣлало для нихъ. Если же и не такъ, то откуда приходитъ ожесточеніе, какъ не изъ условій самой жизни, обреченной на невѣжество, нужду и невыносимыя ни для какого животнаго лишенія? Неужто нельзя положить границъ между побужденіями людей къ преступленіямъ и раздѣлить ихъ на основаніи этихъ побужденій? Смѣшивая всѣхъ въ одномъ понятіи „преступникъ", правительство только развращаетъ лучшихъ изъ нихъ. Только тогда ужъ надо ввѣрить надзоръ и попечительство надъ ними не безграмотнымъ и жестокимъ солдатамъ, въ родѣ Захаровъ и Константиновъ Иванычей.

Острогъ въ Тобольскѣ новый; въ немъ, какъ говорятъ, сдѣлано очень много улучшеній въ сравненіи съ тѣмъ что было прежде, въ старомъ зданіи, находившемся неподалеку отъ нынѣшняго и теперь обращеннаго, кажется, въ арестантскую роту. Ужъ изъ того, каково теперь помѣщеніе у кандальщиковъ, можно заключить, какъ ихъ содержали прежде. Я ужъ не говорю о сырости, безъ которой, повидимому, никакъ не могутъ обходиться наши тюрьмы, даже стоящія такъ долго, какъ, напримѣръ, Петропавловская крѣпость. Кромѣ сырости, помѣщеніе кандальныхъ лишено всякихъ удобствъ. Подъ низкими сводами, гдѣ только можно распрямиться стоя, не устроено даже наръ. Это чердачное отдѣленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, большею частью небольшихъ, соединенныхъ между собою арками сводовъ. Это еще хорошо,—будь тутъ двери, которыя бы затворялись, воздухъ былъ бы ужасный. Онъ ужъ и теперь никуда не годится. Въ другихъ отдѣленіяхъ устроены хоть отдушины, которыя очищаютъ его немного, а здѣсь и этого нѣтъ. Всѣ арестанты помѣщаются на полу. Изъ опасенія дракъ или просто изъ пренебреженія къ этимъ несчастнымъ тутъ нѣтъ ни стола, ни стула. У рѣдкаго подостланъ подъ себя потникъ, или войлокъ. Въ любомъ звѣринцѣ лучше содержатся звѣри. Константинъ Иванычъ торопилъ меня, будто опасаясь проходить одинъ и безъ всякаго оружія посреди сотенъ этихъ жалкихъ и оборванныхъ людей, съ клейменными темными лицами, съ подбритыми головами. Мнѣ было жаль, что я не могъ побыть съ

ними больше и поговорить. Всѣ они сидѣли и лежали на полу—кто приспособлялъ свои кандалы, чтобы онѣ меньше терли ноги, кто завтракалъ чернымъ хлѣбомъ, кто чинилъ свою одежонку.

Многіе лежали, закинувъ за голову руки. Были тутъ и больные, стонавшіе, но, вѣроятно, лишь отъ угару, потому что не поступили въ больницу. Духота, жалкій полусвѣтъ, грязь, голоданье, нищета, униженіе—всѣ эти исправительныя мѣры нашего законодательства—являлись тутъ въ полномъ своемъ значеніи.

Отдѣленія переселенцевъ и женское могли показаться раемъ послѣ этого помѣщенія. Они размѣщены по разнымъ дворамъ. То большія камеры, въ которыхъ не особенно тѣснясь могутъ помѣститься человѣкъ по пятидесяти, съ нарами посрединѣ. Но когда приходятъ большія партіи, помѣщается, конечно, вдвое и втрое больше. Кому нѣтъ мѣста на нарахъ, тотъ помѣщайся подъ нарами. Таково устройство и всѣхъ нашихъ тюремъ, да не только тюремъ, и казармъ. Отдѣленія эти показались мнѣ привѣтливѣе не только потому, что я пошелъ въ нихъ изъ кандальнаго, но и потому, что онѣ были почти пусты. Послѣдняя партія состояла по преимуществу изъ кандальщиковъ. Въ женскомъ отдѣленіи, несмотря на дѣтей — и грудныхъ, и едва начинающихъ лепетать и становиться на ноги—было гораздо больше чистоты, порядка. Все больше сложено къ мѣсту, не раскидано, какъ на мужскихъ половинахъ.

Меня больше всего удивило, что въ зданіи, разсчитанномъ на столько людей (хоть и плохо разсчитанномъ), нѣтъ порядочнаго помѣщенія для столовой. Она помѣщается въ какой-то упраздненной банѣ, довольно тѣсной, съ почернѣвшими отъ копоти и пропитанными баннымъ запахомъ стѣнами.

Какъ ни вяло подвигалось дѣло объ отправкѣ меня съ жандармами, на свой счетъ, а все же оно подвигалось. Нужно было прежде всего подать просьбу въ приказъ о моемъ желаніи; потомъ составили журналъ о ней; журналъ пошелъ къ прокурору, къ губернатору и странствовалъ недѣли двѣ. Меня записали въ больницу, сочинили мнѣ медицинское свидѣтельство. Врачебная управа должна была подтвердить это свидѣтельство своимъ свидѣтельствомъ. Меня, къ счастію, не требовали въ управу; одинъ изъ членовъ ея заѣхалъ ко мнѣ, и тѣмъ дѣло было кончено. Наконецъ-то, можно было приказу потребовать отъ полицеймейстера мои деньги и написать жандармскому штабъ-офицеру, чтобы онъ назначилъ мнѣ двухъ „благонадежныхъ“ проводниковъ.

Въ теченіе всего этого времени мнѣ довелось быть раза три или четыре въ приказѣ. Когда я былъ тамъ во второй разъ, я получилъ твое письмо. Мнѣ передали его нераспечатаннымъ. Фризель

вообще былъ любезенъ, на сколько можетъ быть любезенъ со мною, по-французски предлагалъ мнѣ въ присутствіи кресло за столомъ, на которомъ стоитъ зерцало, и проч.

Еще наканунѣ отъѣзда познакомился я въ приказѣ съ моими новыми жандармами. Они даже и на первый взглядъ не имѣли уже того оффиціальнаго характера, какъ петербургскіе. Въ самый день отъѣзда были получены деньги мои въ приказѣ, и при мнѣ были переданы жандармамъ.

Возвратившись изъ приказа къ острогу, я былъ встрѣченъ у самыхъ воротъ смотрителемъ. Онъ объявилъ мнѣ, что за мною прислалъ лошадь Пушкинъ, и что полицеймейстеръ просилъ его пріѣхать вмѣстѣ со мной. Время какъ разъ (по тобольскому) подходило къ обѣду. Мы тотчасъ же отправились.

Тамъ рѣшили, что смотритель распорядится вмѣстѣ съ жандармами уложить въ возокъ мои вещи (все было у меня уже съ утра готово), и жандармы пріѣдутъ за мной уже на почтовыхъ сюда. При отправкѣ моей слѣдовало быть полицеймейстеру, а такъ какъ онъ обѣдалъ вмѣстѣ со мной, то и это, значитъ, было удобно.

Такимъ образомъ, въ сумеркахъ, 27 января я поѣхалъ изъ Тобольска дальше. Почти всѣ обѣдавшіе, и мужчины и дамы, отправились провожать меня, и я окончательно простился съ тобольскимъ обществомъ, о которомъ у меня осталось самое пріятное воспоминаніе, уже за городомъ, на томъ историческомъ мѣстѣ, гдѣ по преданію высадился Ермакъ.

XIII.

Дорога до Иркутска.—Новые жандармы.—Крупскій въ этапной тюрьмѣ.—Свиданіе съ Петрашевскимъ въ Красноярскѣ.

О тобольскихъ моихъ провожатыхъ не стоитъ говорить такъ много, какъ я говорилъ о петербургскихъ. Они, какъ я уже сказалъ, имѣли гораздо менѣе спеціально-жандармскаго характера. Мнѣ уже нечего было испытывать ихъ, насколько можно имъ довѣриться, и я могъ прямо поручать имъ то или другое, противное ихъ инструкціи, не опасаясь, что они захотятъ меня выдать. Это были тоже два урядника и тоже нисколько не похожіе одинъ на другаго. Одинъ, Берниковъ, темно-русый, съ рыжеватымъ отливомъ, красивый и ловкій, отличался аккуратностью и постоянно веселымъ нравомъ; другой, рябоватый и золотушно-кудрявый, Николаевъ, былъ мало находчивъ, хвастливъ, но вообще вялъ, любилъ выпить и быстро пьянѣлъ. Онъ

былъ писаремъ, а Берниковъ берейторомъ. Это отчасти объясняетъ и разность ихъ характеровъ. Кромѣ своей жандармской обязанности, Берниковъ занимался отчасти торговлей, отчасти ремесломъ. Онъ имѣлъ оленьи перчатки. Оба они были люди женатые, но только въ немъ проявлялась хозяйственность и положительность; Николаевъ, напротивъ, способенъ былъ при первомъ удобномъ случаѣ замотаться и завихриться въ какомъ-нибудь кутежѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались нѣсколько побольше, надо было держать ухо востро, чтобы онъ не напился пьянъ. Это, однакожъ, случилось таки съ нимъ раза три—четыре, и его приходилось садить на козлы для протрезвленія. Мы пускали его тогда въ возокъ, лишь убѣждались, что онъ уснѣлъ уже немного продрогнуть и протрезвиться.

Мнѣ еще разъ привелось видѣться съ Станиславомъ Крупскимъ. Видя крайнія нужды его, я подѣлился съ нимъ, чѣмъ могъ, сказалъ двумъ тремъ моимъ тобольскимъ знакомымъ о его положеніи. Сочувствія къ нему ни у кого, правда, не было; но это не помѣшало, однако, сдѣлать для него подписку, по которой собрали пятьдесятъ рублей. Онъ между тѣмъ уже уѣхалъ. Мнѣ привезли почтовую росписку объ отправкѣ ему этихъ денегъ въ Томскъ, въ тамошнюю экспедицію о ссыльныхъ, и просили передать ее Крупскому, если я увижу его въ дорогѣ. Онъ былъ назначенъ на поселеніе въ Красноярскъ и долженъ былъ отправляться туда съ партіей.

Партія эта вышла изъ Тобольска 12-го января, а я выѣхалъ вечеромъ 27-го, то есть черезъ двѣ недѣли; но то, что партія сдѣлала пути въ эти двѣ недѣли, я могъ проѣхать въ сутки съ небольшимъ. По этапному маршруту я могъ разсчитать, что застану Крупскаго на ночлегѣ въ деревнѣ Ачимовѣ, кажется, или Ачиловѣ, верстахъ въ трехъ-стахъ отъ Тобольска.

На станцію эту я пріѣхалъ на вторыя сутки, часовъ въ пять утра. Было еще совсѣмъ темно. Я заказалъ поставить сабѣ самоваръ, чтобы не будить Крупскаго такъ рано, напился сначала чаю, и потомъ попросилъ хозяина станціи дать мнѣ сани, чтобы съѣздить въ этапъ, такъ-какъ онъ былъ совсѣмъ на другомъ концѣ деревни, именно на томъ, который мы уже проѣхали.

Часовъ около шести мы съ Берниковымъ усѣлись въ глубокую кошеву и отправились. Все еще было темно; морозило крѣпко.

Въ деревнѣ пахло ужъ дымомъ, но за сѣрымъ тыномъ этапа все спало еще крѣпкимъ сномъ. Берниковъ добился, что насъ впустили во дворъ, и мы пошли къ офицеру.

На стукъ нашъ въ дверь намъ скоро отворила полуодѣтая женщина, повидимому, только-что начинавшая подыматься съ постели. Она безъ всякаго спроса ввела насъ въ прихожую, бывшую въ то же

время, кажется, и кухней. Въ большой русской печи, занимавшей значительную часть ея, тлѣлся огонекъ. Баба, впустившая насъ, накинула на него лучины, и свѣтъ облилъ и ее, и насъ.

— Вамъ кого? Поручика?

Я объяснилъ ей, что поручика, пожалуй, и не нужно, если можно безъ него увидаться съ однимъ пересыльнымъ — „изъ дворянъ, полякомъ".

— Да это значитъ тотъ, что у барина ночуетъ. Я пойду ихъ разбужу.

И она пошла. Почти тотчасъ же выбѣжалъ ко мнѣ Крупскій въ полушубкѣ своемъ и босикомъ.

Я вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ слѣдующую маленькую комнату, гдѣ засталъ еще въ постели молодаго этапнаго офицера. Крупскій спалъ на диванѣ: тутъ лежала его подушка. Въ этой горенкѣ заключалась, кажется, и вся квартира офицера. Тутъ былъ, кромѣ кровати, и его письменный столъ, и шкапчикъ въ углу съ посудой. Это была своего рода тюремная келейка. Офицеръ, вѣроятно, недавно былъ на мѣстѣ, не успѣлъ еще обжиться со своей должностью, и на немъ не лежало печати той грубости, которую я замѣчалъ на всѣхъ этапныхъ офицерахъ, встрѣчавшихся мнѣ.

Бѣдный Крупскій былъ полубольной, распростуженный. Онъ и похудѣлъ замѣтно, и сильно кашлялъ. Это былъ первый офицеръ по дорогѣ изъ Тобольска, пріютившій его у себя въ квартирѣ.

Тобольскія предвѣстья оправдались. На каждомъ привалѣ ему дѣлали затрудненія относительно лошадей, говорили, что еслибъ въ его кибиткѣ можно еще было помѣщаться четверымъ, такъ лошадь бы, пожалуй, и дали, а то плати, да и не просто прогоны, а дороже. Рѣшившись отказывать себѣ въ чемъ-нибудь другомъ, Крупскій купилъ себѣ лошаденку. Тутъ пошли опять неудобства, какъ ее кормить, и опять расходы. Онъ продалъ лошадь, и опять на каждомъ привалѣ приходилось ему выслушивать недовольныя рѣчи и платить изъ своего скуднаго кошелька. Онъ жаловался на грубое обращеніе этапныхъ офицеровъ, на брань и даже на побои конвойныхъ солдатъ и казаковъ. Только Ачимовскій офицеръ обѣщалъ снабдить его рекомендаціей къ начальнику слѣдующаго этапа, и это хоть отчасти могло успокоить Крупскаго.

Мнѣ было очень жаль его и досадно, что я не могъ ничѣмъ помочь ему. Еще въ Тобольскѣ думалъ я, нельзя ли бы мнѣ было довезти Крупскаго до мѣста назначенія въ моемъ возкѣ; но объ этомъ и думать было невозможно, какъ мнѣ сказали люди, отъ которыхъ это зависѣло.

Съ грустнымъ чувствомъ простился я съ Крупскимъ, и онъ ча-

сто приходилъ мнѣ на мысль, когда я начиналъ или досадовать на неудобства помѣщенія въ дорогѣ, или на холодъ и угаръ станціи, или на морозъ и вѣтеръ. Какой еще я былъ счастливецъ въ сравненіи съ нимъ!

Дорога отъ Тобольска шла такая же дурная, если не хуже, какъ и къ нему. Такія же станціи, то холодныя и полныя синяго чаду, то теплыя до чрезвычайности и довольно уютно прибранныя. Станціонные смотрители и писарь стали чаще попадаться изъ поляковъ. Найти чего-нибудь поѣсть было бы трудно, еслибъ меня въ Тобольскѣ не снабдили разными запасами — буракомъ или по здѣшнему „туесомъ“ съ мороженными щами, пельменями, пирожками.

Разнообразіе дороги заключалось и здѣсь въ томъ, что гдѣ было больше ухабовъ, гдѣ меньше. Сваливаться на бокъ съ возкомъ разбивать при этомъ стекла приходилось не разъ. Подъ конецъ я ужъ забилъ два окна наглухо войлокомъ.

Проѣхали мы нѣсколько жалчайшихъ городовъ: Тару, на половину татарскую, Катикъ, Колывань. Наконецъ, близко ужъ и Томскъ, половина пути.

Надо было хоть немножко отдохнуть отъ ухабовъ и холоду. На предпослѣднюю къ Томску станцію мы пріѣхали вечеромъ, и тутъ ночевали, отправившись на такъ называемую земскую квартиру. Здѣсь написалъ я тебѣ письмо, которое на другой день отправилъ изъ Томска. Я сначала не хотѣлъ было писать съ дороги; но расчелъ, что изъ Иркутска ты не получишь моего поздравленія съ днемъ рожденія. Къ несчастью, какъ я вижу изъ твоихъ писемъ, ты и томскаго письма моего не получила. А по моему разсчету оно должно было придти какъ разъ во-время. Я адресовалъ его черезъ П—скаго.

На другой день, въ десять часовъ утра, я былъ въ Томскѣ. Я разсказываю всѣ мелочи только для тебя, и знаю, что ты не соскучишься надъ ними, какъ соскучился бы всякій другой, какъ соскучился бы ихъ описывать самъ я, если-бы писалъ не по твоему желанію и не для тебя. Я, какъ ты знаешь, никогда еще не занимался такъ долго своею особой, но до конца моихъ разсказовъ ужъ не далеко, и я стану продолжать и кончать, какъ началъ.

Такъ какъ мнѣ нужно было запастись какою-нибудь провизіей въ дальнѣйшій путь, то я остался въ Томскѣ часа на три, на четыре. Берниковъ, отправленный за покупками, считалъ неудобнымъ не явиться къ мѣстному штабъ-офицеру, будто бы для просьбы пробыть въ городѣ нужное намъ время. Иначе онъ могъ попасться ему на глаза и навлечь противъ себя какое-нибудь неудовольствіе. Я не имѣлъ, конечно, ничего противъ его намѣренія. Оставшись въ гости-

ницѣ „Золотаго Якоря“, при которой находилась и станція, я принялся отъ скуки играть на бильярдѣ съ другимъ жандармомъ.

Явки Берникова къ штабъ-офицеру было достаточно, чтобы обо мнѣ узнали въ городѣ еще въ десяти мѣстахъ. Сначала пришелъ ко мнѣ одинъ молодой человѣкъ, котораго я не узналъ. Это былъ К., съ которымъ я познакомился въ Уфѣ, гдѣ онъ былъ тогда семинаристомъ, давалъ уроки въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ и собирался ѣхать не то въ академію, не то въ университетъ. Этому ужъ лѣтъ шесть есть. Теперь онъ учителемъ въ Томскѣ, въ гимназіи. Пришли еще два молодыхъ человѣка, которыхъ именъ не помню. Заѣхалъ совершенно неожиданно самъ голубой штабъ-офицеръ, толстый, заплывшій господинъ, съ предложеніемъ, не хочу ли я остаться въ Томскѣ подольше, день, два, не имѣю ли какихъ желаній. Я имѣлъ желаніе, чтобы онъ убирался поскорѣе, но его по деликатности не высказалъ. Онъ, впрочемъ, и самъ пробылъ не болѣе десяти минутъ. Болѣе всего былъ я доволенъ пріѣздомъ ко мнѣ управляющаго томскою экспедиціей о ссыльныхъ. Я могъ попросить его о выдачѣ Крупскому на руки денегъ, присланныхъ въ Томскъ, и онъ любезнѣйшимъ образомъ обѣщалъ мнѣ это.

Позавтракавши или, пожалуй, пообѣдавши въ гостиницѣ, мы двинулись далѣе. Черезъ двое сутокъ мы переѣхали границу Западной и Восточной Сибири, отмѣченную двумя кабаками по ту и по эту сторону.

Въ унылomъ городѣ Ачинскѣ, первомъ восточно-сибирскомъ, гдѣ я и изъ возка не хотѣлъ вылѣзать, оказался почтмейстеромъ мой землякъ и прислалъ просить меня войти на станцію. Я зашелъ и напился чаю въ его семействѣ, которое все провожало меня потомъ до экипажа и напутствовало самыми хорошими желаніями.

Та же дорога съ ухабами и метелями потянулась до Красноярска. Здѣсь я рѣшился пробыть подольше, чтобы видѣться съ Петрашевскимъ. Онъ, какъ ты знаешь изъ „Колокола“, попалъ въ немилость у Муравьева за то, что говорилъ противъ скверной исторіи Беклемишева и — не помню, какъ зовутъ его жертву. Петрашевскаго выслали, а Беклемишевъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ сосѣдство ко мнѣ, въ каторгу, назначенъ, какъ я видѣлъ въ послѣднихъ газетахъ, вице-губернаторомъ въ Саратовъ. Муравьевское начало не умерло съ нимъ. Для замазки разныхъ щелей и трещинъ своего ломоваго управленія онъ посадилъ на свое мѣсто невѣжду и глупца Корсакова, своего родню и креатуру, быстро выскочившаго въ генералы, развѣ по способности своей скакать тысячи верстъ на курьерскихъ для безгласнаго и точнаго исполненія самодержавныхъ повелѣній своего патрона.

Въ Красноярскъ пріѣхалъ я по утру 7-го февраля. Станція находится тамъ при гостиницѣ. Толстый, улыбающійся нѣмецъ Иванъ Иванычъ вышелъ встрѣчать меня и объявилъ, что меня давно уже ожидаютъ, и многіе желали бы со мною видѣться. Первымъ вопросомъ моимъ было, здѣсь ли Петрашевскій. Нѣмецъ отвѣчалъ утвердительно и обѣщалъ немедленно послать извѣстить его.

Не успѣлъ я вполнѣ разоблачиться отъ дорожныхъ шубъ и шарфовъ, какъ у меня оказалось уже четверо гостей. Одинъ былъ мѣстный казачій офицеръ, братъ извѣстнаго мнѣ по имени издателя какого-то маленькаго журнала „Вазы“ или „Сѣвернаго Цвѣтка“; трое остальныхъ были проѣзжіе въ Петербургъ офицеры же съ Амура. Изъ нихъ особенно заинтересовалъ меня морякъ, капитанъ-лейтенантъ С. Съ его парохода или фрегата бѣжалъ Бакунинъ. Корсаковъ, получившій сильную головомойку изъ Петербурга за этотъ побѣгъ, вздумалъ было задержать С. въ Иркутскѣ, пока не кончится слѣдствіе. Но С. ѣхалъ съ семьей, по требованію своего начальства, и не могъ терять ни времени, ни денегъ на праздное житье въ Корсаковской столицѣ. Пришлось ограничиться вопросными пунктами и отпустить капитана дальше. Да и какое тутъ слѣдствіе, когда у Бакунина былъ открытый листъ для проѣзда, куда онъ хочетъ, за подписью того же Корсакова? Умѣренные прогрессисты въ Иркутскѣ находили, что Бакунинъ поступилъ не хорошо, измѣнивъ честному слову, которое онъ далъ Корсакову, что не убѣжитъ. Я въ этомъ случаѣ не совсѣмъ согласенъ съ умѣренными прогрессистами, и — если бы считалъ полезнымъ для себя—поступилъ бы на мѣстѣ Бакунина точь-въ-точь такъ.

Скоро пришелъ ко мнѣ и Петрашевскій. Не знаю почему, я воображалъ его человѣкомъ совсѣмъ иной наружности, чѣмъ какимъ увидѣлъ. Портрета его мнѣ не случалось видѣть; говоря о немъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, кто были сосланы по его дѣлу, я какъ-то не спрашивалъ о его наружности,—и онъ представлялся мнѣ высокимъ, худымъ, съ рѣзкими и строгими чертами лица, да вдобавокъ еще блондиномъ. Я не могу понять, почему составилось у меня такое о немъ представленіе. Развѣ не на основаніи ли читанныхъ мною въ „Колоколѣ“ оффиціальныхъ бумагъ его, наполненныхъ юридическими тонкостями, къ которымъ былъ я всегда такъ холоденъ, пока теперешнее мое дѣло не показало мнѣ, что я поступалъ неразсчетливо, пренебрегая знакомствомъ съ законами Россійской имперіи. Впрочемъ, едва-ли мое представленіе о Петрашевскомъ составилось не раньше. Я увидалъ совершенную противуположность тому, что ожидалъ.

Петрашевскій не высокъ—онъ средняго роста, и не худой, а очень

полный. Походка его напомнила мнѣ отчасти походку Герцена, и въ самой фигурѣ его есть съ нимъ сходство. Черты лица его довольно правильны, мягки и пріятны. Большіе черные глаза, очень выпуклые, обличаютъ въ немъ сразу говоруна, и онъ дѣйствительно говоритъ много и хорошо; но, вѣроятно, именно потому, что много и хорошо, рѣчь его полна противорѣчій. На головѣ у него осталось ужъ мало волосъ—передъ весь голый, и только сзади низко опускаются на воротникъ сюртука ихъ порѣдѣвшія черныя пряди. Большая, что называется апостольская, борода, напротивъ, еще очень густа; по ней длинными бѣлыми нитками прошла уже сѣдина. Одѣтъ онъ былъ во все черное. И сюртукъ, и жилетъ, и панталоны,—все было очень потерто и замаслено, и обличало не совсѣмъ-то блестящія его обстоятельства. Оно такъ и было дѣйствительно, какъ я слышалъ впослѣдствіи.

Видѣвшись съ нимъ всего одинъ день, я не могу, разумѣется, сказать о немъ многаго; но общее впечатлѣніе было для меня пріятно. Я нашелъ только, что мѣстные интересы, въ которыхъ Петрашевскій принималъ участіе (разумѣется, только словомъ) въ послѣднее время своей ссылки, разныя иркутскія интриги и дѣла какъ будто заслонили отъ него интересы болѣе широкіе и общіе. То, что для человѣка новаго представляется не болѣе какъ мѣстнымъ, провинціальнымъ, для него, при постоянномъ столкновеніи съ здѣшними властями, приняло слишкомъ большіе размѣры и заставило какъ будто отчасти забыть о томъ, что сердиться слѣдуетъ на причины, производящія дурныя явленія, а не на самыя явленія. Слушая Петрашевскаго, я, признаюсь, не разъ подумалъ, что было бы очень грустно, еслибъ тѣсный кругъ мѣстныхъ интересовъ успѣлъ со временемъ втянуть и меня въ свои границы. Повторяю, всѣ эти интересы входятъ лишь, какъ ничтожная доля въ ту общую систему нашего управленія и нашей жизни, противъ которой одной борьба не безплодна. То же съуженіе понятій отъ долгой жизни въ ограниченной и жалкой средѣ проявилъ и товарищъ Петрашевскаго, Львовъ, въ своихъ „Выдержкахъ изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго“, вторая часть которыхъ дошла ко мнѣ лишь недавно. Меня просто возмутило то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о дѣйствіи ссылки на политическихъ преступниковъ. Надо слишкомъ поверхностно и мелко всматриваться въ окружающую жизнь, чтобы дойти до такихъ ограниченныхъ взглядовъ.—Ты статью Львова, конечно, читала, и вѣроятно помнишь это мѣсто. На него нельзя не обратить особеннаго вниманія въ статьѣ именно бывшаго „политическаго преступника“. Разсуждать объ исправленіи зла „послѣдовательными реформами при помощи служебной или открытой общественной дѣятельности“, тол-

ковать о развитіи гражданскаго чувства, откладывая въ долгій ящикъ „послѣдовательныхъ реформъ“ (иначе „медленнаго прогресса“) „благія учрежденія“, которыя одни создаютъ гражданъ, — все это могъ бы говорить другой Львовъ, авторъ знаменитой комедіи съ добродѣтельнымъ становымъ приставомъ, или не менѣе знаменитый герой сологубовскаго „Чиновника“; но слышать эти рѣчи отъ „ссыльно-каторжнаго“ Львова не только досадно, но и тяжело и грустно. Если-бы еще онъ говорилъ объ этомъ измѣненіи во взглядахъ „политическихъ преступниковъ“, какъ о развращающемъ вліяніи житья въ ссылкѣ,—а то вѣдь это, по его мнѣнію, хорошая сторона ея, хорошее и благое вліяніе. Кстати замѣчу, что вся вторая статья Львова (первой я не помню) показываетъ, что онъ совершенно не знакомъ даже съ общимъ характеромъ мѣстъ и людей, посреди которыхъ привелось ему прожить такъ долго, или не успѣлъ всмотрѣться въ смыслъ окружавшихъ его явленій и только наблюдалъ ихъ внѣшнюю сторону. Можно, пожалуй, было бы извинить жалкую ничтожность этой статьи недостаткомъ таланта, но вѣдь въ ней нѣтъ дѣла, а ужъ это не зависитъ отъ таланта. Я заговорилъ о статьѣ Львова именно потому, что нѣчто въ родѣ того не совсѣмъ веселаго чувства, которое испыталъ я, читая ее, проходило иногда по моимъ нервамъ и при разговорѣ съ Петрашевскимъ. Нѣтъ, что ни толкуй, а горе и лишенія ссылки взяли таки свое, печать ихъ осталась, и мнѣ кажется, первое, о чемъ долженъ постоянно думать и стараться всякій сосланный за политическія убѣжденія,—это вырваться отсюда и окунуться въ потокъ болѣе широкой жизни.

Львовъ говоритъ объ умѣ, „охлажденномъ и опытомъ и зрѣлостью возраста“, какъ о шагѣ впередъ отъ горячаго и страстнаго энтузіазма молодости. Да вѣдь это просто притупившіеся отъ слишкомъ слабыхъ потрясеній нервы. Не желалъ бы я себѣ такой зрѣлости, хотя, можетъ быть, ужъ и теперь для новаго подрастающаго племени человѣкъ отживающій. Какъ на одно изъ важныхъ противоядій нашей провинціальной маляріи, смотрю я на свою возможность уходить отъ пошлости нашихъ житейскихъ отношеній въ чисто-умственную дѣятельность, — и я считаю себя счастливымъ, что могу заниматься литературнымъ трудомъ.

Я никогда не работалъ такъ много, какъ теперь, въ эти два—три мѣсяца, какъ поселился въ казаковскомъ золотомъ промыслѣ, и какъ бы ни ничтожны были плоды этой работы, я увѣренъ, они полезнѣе и для общества и для моего личнаго достоинства такъ называемой „борьбы“ съ мѣстными обстоятельствами. Эта борьба сильно граничитъ съ тѣмъ, что на болѣе простомъ языкѣ называется дрязгами, клеузами, сплетнями—и мало ли еще чѣмъ. Вотъ почему я особенно

доволенъ, что не остался въ Иркутскѣ, а попалъ сюда въ глушь. Замѣчательно, что только тѣ изъ политическихъ преступниковъ, бывшихъ здѣсь, оставили по себѣ дѣйствительно полезное вліяніе, которые дѣйствовали словомъ, брались за воспитаніе или вообще старались проводить въ сознаніе молодыхъ людей основныя начала нравственности и гражданскихъ обязанностей человѣка. А тѣ, что вступали въ ряды мѣстныхъ „борцовъ", отъ пропаганды обращались къ дѣлу, только низводили и свои лучшія стремленія и свое личное достоинство къ тому уровню, гдѣ они теряли всякое высшее значеніе, а потому и вліяніе, да и сами дѣятели мало-по-малу начинали мельчать и все болѣе съуживать свои нравственные интересы. Да и какая тутъ борьба для человѣка, поставленнаго своимъ положеніемъ политическаго преступника внѣ всякой общепризнанной дѣятельности, когда и въ сферѣ-то болѣе широкой у насъ удѣлъ разумной жизни, какъ выразился Добролюбовъ: „Для блага родины страдать по пустякамъ".

То, что я наговорилъ, было предметомъ нашего довольно продолжительнаго спора съ Петрашевскимъ. Я только изъ его словъ узналъ о всѣхъ непріятныхъ столкновеніяхъ, которыя рискую я испытать, оставаясь въ Иркутскѣ. Еслибъ я не слыхалъ этого предупрежденія о тамошнихъ полицейскихъ надзорахъ, о шпіонствѣ, подпечатываніи писемъ, о доносахъ, то достаточно было мнѣ пробыть въ Иркутскѣ два три-дня, чтобы не хотѣть оставаться тамъ даже при согласіи на то мѣстнаго начальства. Только живя въ совершенной дали отъ общества (какъ теперь и дѣлаетъ Львовъ), можно еще тамъ сдѣлать сносною свою жизнь. То, что именуется на иркутскомъ нарѣчіи политическими непріятностями, есть не что иное, какъ мелкія сплетни, раздражающія человѣка хуже, чѣмъ „по пустякамъ".

Петрашевскій совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Нерчинскій округъ, гдѣ менѣе будетъ для меня смѣшеній, и, для подтвержденія его словъ, повидаться въ Иркутскѣ со Львовымъ. Я сдѣлалъ бы послѣднее и такъ, но чтобы увидаться съ нимъ поскорѣе, взялъ у Петрашевскаго записку. Онъ обѣдалъ у меня въ этотъ день, и вечеромъ располагалъ я уѣхать, но это не удалось. Одинъ изъ моихъ жандармовъ, Николаевъ, отпросился у меня къ какимъ-то своимъ знакомымъ и воротился домой пьянъ, какъ стелька. Я остался ночевать.

Послѣ обѣда Петрашевскій уходилъ на часъ домой и потомъ опять пришелъ—и на этотъ разъ не одинъ, а съ тремя молодыми людьми, которыхъ отрекомендовалъ мнѣ и при нихъ и заочно какъ лучшихъ изъ здѣшней молодежи. Признаюсь, грустно мнѣ было за Петрашевскаго, когда эти лучшіе представители молодаго поколѣнія города Красноярска сидѣли у меня съ нимъ вечеромъ. Это были, мо-

жетъ быть, и даже вѣроятно очень добрые молодые люди, но... И тутъ я узналъ о существованіи секретнаго циркулярнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ, отъ 2-го декабря, не выдавать литератору Николаю Чернышевскому заграничный паспортъ. Это извѣстіе поставило меня въ тупикъ; я рѣшительно не зналъ, какъ объяснить его, и отчасти усомнился въ его вѣрности; но молодой человѣкъ, отъ котораго я слышалъ объ этомъ, прислалъ мнѣ на слѣдующее утро, и номеръ и дату предписанія, съ подтвержденіемъ, что дѣло идетъ именно о литераторѣ Николаѣ Чернышевскомъ.

Петрашевскій пришелъ проводить меня, и я отправился изъ Красноярска часовъ въ одиннадцать утра.

— До свиданія—въ парламентѣ! сказалъ мнѣ на прощанье Петрашевскій.

„Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ“, думалъ я не разъ, когда припоминалъ объ этомъ прощаньѣ.

Николаевъ не успѣлъ протрезвиться и былъ посаженъ на козлы. Дорога пошла получше и поглаже, и мы ѣхали очень хорошо почти до самаго Иркутска, уже нигдѣ не останавливаясь. На послѣднюю станцію прибыли мы уже ночью, часу въ первомъ, на пятыя сутки по выѣздѣ изъ Красноярска. Надо было и тутъ, какъ передъ Тобольскомъ, обождать утра, и я прилегъ было въ станціонной комнатѣ. Но спать тутъ отъ холода было невозможно. На дворѣ стоялъ сильный морозъ, а дверь, выходящая прямо на крыльцо, безъ сѣней, безпрестанно отворялась. Пришлось поискать себѣ другаго ночлега, и мы отправились въ такъ называемую земскую квартиру, довольно тѣсную, но зато теплую избу и расположились.

Только-что начало свѣтать, горланъ пѣтухъ крикнулъ у меня подъ самымъ ухомъ, и я вскочилъ съ испуга. Онъ не умолкалъ, выглядывая изъ-подъ печки, и мы стали вставать.

Я забылъ сказать, что по распоряженію тобольскаго жандармскаго полковника меня слѣдовало отправить изъ Тобольска опять-таки въ кандалахъ. Впрочемъ, онъ распорядился, чтобы они были на замочкахъ, и я могъ снять ихъ тотчасъ по выѣздѣ изъ города. Передъ въѣздомъ въ Иркутскъ слѣдовало ихъ опять надѣть на меня. Но я не исполнилъ ни того, ни другаго,—и они ѣхали со мною въ мѣшкѣ съ другими арестантскими принадлежностями. Жандармы подтверждали меня въ убѣжденіи, что ихъ не слѣдуетъ надѣвать. Да и замочковъ-то у насъ не было.

Въ половинѣ двѣнадцатаго утра 13 февраля я былъ въ Иркутскѣ, передъ воротами исправлявшаго должность военнаго губернатора.

XIV.

Иркутская тюрьма.—Строгости.—Прогулка.—Свиданіе со Львовымъ.—Отъѣздъ.

Въ Иркутскѣ, какъ и въ Тобольскѣ, пришлось мнѣ не мало поѣздить, прежде чѣмъ я попалъ въ свойственное мнѣ мѣсто, то-есть въ острогъ. Меня привезли къ исправлявшему должность военнаго губернатора, а не къ генералъ-губернатору, согласно принятымъ правиламъ. Его уже не было дома. Онъ былъ въ губернаторской канцеляріи. Ко мнѣ вышелъ какой-то чиновникъ, въ родѣ писца, и поѣхалъ вмѣстѣ въ канцелярію. Тамъ мнѣ тоже пришлось подождать, пока не пришелъ откуда-то господинъ Шелеховъ. Пока я дожидался въ пріемной, похожей на дрянную прихожую, я думаю, всѣ чиновники канцеляріи прошли мимо меня одинъ за однимъ, съ любопытствомъ оглядывая меня съ головы до ногъ.

Наконецъ, явился и Шелеховъ, штатскій господинъ, полный и нѣсколько аляповатый съ виду, и попросилъ меня въ присутствіе. Тамъ никого не было, но когда мы входили, за нами слѣдомъ вступилъ какой-то трясучій старикъ въ генеральскомъ мундирѣ.

— Позвольте попросить ваше превосходительство повременить немножко,—сказалъ ему Шелеховъ.—Мнѣ нужно поговорить одному.

Старикъ ретировался, и когда двери за нимъ затворились, Шелеховъ съ какимъ-то нѣсколько чичиковскимъ видомъ протянулъ мнѣ руку и началъ говорить нѣчто о томъ, что „понятно, что мы всѣ вамъ сочувствуемъ".

Онъ спросилъ меня, куда я желаю быть назначеннымъ, въ нерчинскій ли округъ, или на ближайшій къ Иркутску, но глухой, не помню, какъ называющійся заводъ. Я, разумѣется, упомянулъ о томъ, что меня навѣрно причислили къ первому разряду, что по всей справедливости меня можно бы назначить въ одинъ изъ иркутскихъ заводовъ, и что я—ужъ если хотятъ знать мое желаніе—желалъ бы остаться въ солеваренномъ заводѣ Усолье, въ сорока верстахъ отъ Иркутска. Шелеховъ обѣщалъ просмотрѣть внимательнѣе мои бумаги и поговорить съ Корсаковымъ.

Кстати замѣчу, что Шелеховъ занялъ временно должность военнаго губернатора послѣ Венцеля, того самаго Венцеля, который теперь сенаторомъ, и былъ въ числѣ моихъ судей. А на мѣсто его назначается или уже назначенъ теперь—Щербацкій, тотъ самый Щербацкій, петербургскій полицеймейстеръ, который былъ у меня при второмъ моемъ обыскѣ. Вотъ и еще, пожалуй, въ этомъ родѣ сближеніе: бывшій у меня въ Томскѣ жандармскій полковникъ (кажется, Герасимовъ) сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что у него есть близкій родственникъ въ третьемъ отдѣленіи, а именно—Кранцъ, тотъ са-

чый Кранцъ, который и проч. Не правда ли, какія все милыя и отрадныя напоминанія?

Но не въ томъ дѣло.

Шелеховъ сказалъ, что онъ послалъ уже за полицеймейстеромъ, который сейчасъ пріѣдетъ и свезетъ меня въ тюрьму, гдѣ отведутъ мнѣ возможно лучшее помѣщеніе; а между тѣмъ просилъ меня обождать въ одной изъ комнатъ канцеляріи, что-то вродѣ бухгалтерской, куда и проводилъ меня.

Мнѣ точно пришлось не долго ждать. Пріѣхалъ полицеймейстеръ, высокій, нѣсколько худощавый офицеръ съ зарумянившимся лицомъ и нехорошими, не то наглыми, не то какъ будто пьяными глазами. Онъ расшаркался по-гвардейски и сказалъ, чтобы я садился въ свой возокъ и велѣлъ ѣхать вслѣдъ за нимъ. Онъ поскакалъ впередъ на своей парѣ, съ горластымъ по-полицейски кучеромъ. Моя тройка не скоро догнала его. Мы выѣхали за городъ, и я увидалъ бѣлое зданіе классической постройки, напоминавшей мою тобольскую резиденцію. Пара полицеймейстера подкатила, впрочемъ, не къ этому зданію, а къ жалкому деревянному, тоже значительныхъ размѣровъ строенію, и мы въѣхали за нею подъ ворота, гдѣ оказался тоже часовой при будкѣ. Это былъ старый острогъ, теперь упраздненный больше, чѣмъ на половину.

Шаткимъ деревяннымъ крыльцомъ и темными деревянными сѣнями, въ родѣ корридора, прошелъ я въ квартиру жившаго еще тутъ смотрителя, куда вошелъ еще до моего пріѣзда полицеймейстеръ.

— Вотъ-съ, вы здѣсь и помѣститесь, въ этой комнатѣ,—обратился ко мнѣ, такъ же ловко расшаркиваясь, полиціймейстеръ.—Извините, пожалуйста. Это лучшее помѣщеніе, какое мы можемъ предложить вамъ. Все, что вамъ угодно будетъ, вы можете получить отъ господина смотрителя. Вотъ-съ онъ. Это его квартира.

Я заикнулся было, что вѣдь это ему стѣсненіе, и что лучше отвели бы мнѣ просто номеръ въ секретномъ или въ дворянскомъ отдѣленіи; но такихъ номеровъ, годныхъ для житья, не оказывалось,— и полицеймейстеръ сказалъ, что этою комнатою смотритель почти не пользуется, и она существуетъ собственно на такіе случаи, какъ настоящій. Комната о трехъ окнахъ смотрѣла свѣтло и весело, и ужъ, конечно, въ острогѣ не найти мнѣ было другаго такого помѣщенія.

Смотритель былъ маленькій, сухонькій человѣчекъ среднихъ лѣтъ, съ какою-то особенно серьезною, даже и при частыхъ своихъ улыбкахъ, физіономіей, съ застегнутымъ на всѣ пуговицы мундиромъ, гражданскомъ сюртукѣ.

Полицеймейстеръ спросилъ меня, не желаю ли я передать чего-нибудь генералъ-губернатору, и послѣ отрицательнаго моего отвѣта

удалился, обѣщая заѣзжать. Я сказалъ, что хочу пробыть здѣсь нѣсколько дней, какъ для того, чтобы отдохнуть отъ дороги, такъ и для справокъ по своему дѣлу.

Жандармы внесли мою поклажу и откланялись со мной; смотритель разспросилъ меня, чего я хочу къ обѣду и скоро ли, и тоже удалился.

Въ первый еще разъ послѣ отъѣзда отъ Аларчина моста былъ я въ такомъ опрятномъ и веселенькомъ помѣщеніи, хотя, какъ потомъ оказалось, оно было во многихъ отношеніяхъ далеко стѣснительнѣе для меня, чѣмъ моя тобольская конурка. Зато первое впечатлѣніе было пріятно. Ничто не напоминало мнѣ, что я въ тюрьмѣ. Въ окна, драпированныя скромными, но чистыми бѣлыми кисейными занавѣсками, ярко свѣтило солнце, всѣ они были заставлены цвѣтами; въ сосѣдней комнатѣ распѣвала канарейка. Съ десятокъ стульевъ, три стола и диванъ составляли меблировку комнаты. Я былъ доволенъ и тѣмъ, что уснулъ на диванѣ послѣ тюремныхъ коекъ, хотя онъ былъ и жестче ихъ соломенныхъ тюфяковъ. Я принялся раскладывать свои вещи и только-что успѣлъ кончить, какъ мнѣ принесли заказанный мною обѣдъ (супъ, жареную баранину и гречневую кашу съ молокомъ). Кухарка смотрителя, Арина, лицо интересное. Это была небольшаго роста баба, лѣтъ за сорокъ, съ круглымъ апатическимъ, нѣсколько обрюзгшимъ лицомъ, съ повязкой на головѣ и вѣчно растрепанная. Она постоянно услуживала мнѣ, подавала утромъ и вечеромъ чай, топила печь и мела комнату.

Въ первый приходъ ко мнѣ она была молчалива, но со втораго же не дѣлала шагу ко мнѣ безъ того, чтобы не начать то вздыхать, то стонать, говоря, что вотъ ея какое горемычное житье, что здѣсь все не такъ, какъ „у насъ въ Россіи“. И дрова тутъ не такія, и печка не такъ устроена, и хлѣба не умѣютъ такъ печь, и люди не такіе обходительные, и вѣники не такіе—полъ не столько выметешь, сколько насоришь.

— Ахъ, баринъ, баринъ! Знали бы вы только мою-то долю,—стонала она.—Вы вѣдь тоже россійскіе. Сами знаете, такая ли у насъ въ Россіи жизнь.

Я разспросилъ ее подробно, какъ она попала въ Сибирь.

— Да ты откуда?

— Изъ Ярославской губерніи, баринъ. Господскіе мы были, да я двѣнадцать лѣтъ скрывалась. Ушло насъ отъ помѣщика-то десять человѣкъ тогда. Управляющій больно былъ лютой. Ну и ушли. По разнымъ всѣ городамъ. Паспорты себѣ фальшивые выправили. Я вотъ все по хорошимъ господамъ нанималась. Въ Нижнемъ жила, въ Казани,—гдѣ въ прачкахъ, гдѣ въ стряпкахъ. Двѣнадцать лѣтъ такъ-то скрывалась.

— Замужъ не вышла?

— То-то и глупа-то была, баринъ, что не вышла. Жила бы теперь на всей своей волѣ. И женихи были, да глупость все... Думала, дѣвка все вольнѣе бабы, а теперь вонъ куда попала, въ экую волюшку. Охъ, охъ! И тоже все отъ глупости отъ своей.

— Да какъ же?

— А вотъ повѣрила, стали вездѣ говорить—воля всѣмъ господскимъ объявлена. Я и надумала пойти на село къ намъ. Что жъ, ужъ не молодой я человѣкъ! Помереть-то бы хоть любо дома-то. Ну, пришла, объявилась. Думаю, примутъ меня; анъ, замѣсто того, меня сюда, съ арестантами, на поселенье, значитъ. Больше году мы, баринъ, шли. Вотъ попала какъ сюда, смотритель и взялъ меня къ себѣ—на другой же день стряпать заставилъ. Скоро третій ужъ мѣсяцъ пойдетъ. И какъ у него этакія женки живутъ, на какомъ то-есть положеніи, ничего этого мнѣ неизвѣстно. Жалованье что ли какое положится, или какъ. А то отправятъ, что-ли, куда. Здѣшніе-то вотъ тоже сказываютъ: такъ, говоритъ, тутъ и помретъ. Охъ, баринъ, жизнь мнѣ не мила стала. Ужъ и помирать-то, такъ скорѣе бы. И вся-то эта воля—сказываютъ теперь—однѣ сказки. Много тоже сюда господскихъ-то гонятъ. А я-то, дура, и повѣрь! Гдѣ ужъ волѣ быть? захотѣли отъ каменнаго попа желѣзной просвиры. Всѣхъ, слышь, опять на барщину посадили, да пуще прежняго томятъ.

Если бы можно было изъ двухъ примѣровъ выводить общее правило, я сказалъ бы, что смотрители тюремныхъ замковъ отличаются формализмомъ. Иркутскій смотритель былъ не лучше въ этомъ отношеніи тобольскаго Захара Иваныча. Онъ исполнилъ строжайшимъ образомъ приказъ полицеймейстера не допускать ко мнѣ никого безъ его записки. А записокъ онъ, какъ послѣ оказалось, никому не давалъ, кромѣ такихъ лицъ, которыя могли бы имѣть доступъ въ острогъ и безъ его позволенія.

Въ первый же день по пріѣздѣ, были у меня вскорѣ послѣ моего ранняго обѣда Кретчеръ, а вечеромъ Малиновскій, который такъ обрадовалъ меня твоимъ письмомъ. Я ждалъ съ такимъ томительнымъ нетерпѣніемъ вѣсти обо всѣхъ васъ, что готовъ былъ и плакать, и скакать отъ радости. Потомъ онъ привезъ мнѣ и еще твое письмо, недѣлю спустя.

Кромѣ этихъ двухъ гостей, да еще Дадашкальянъ и молодаго доктора, я не видалъ въ своей комнатѣ никого изъ людей, которые могли бы мнѣ доставить удовольствіе своимъ посѣщеніемъ. Зато самымъ безпрепятственнымъ входомъ пользовались ко мнѣ господа, съ которыми у меня не было ничего общаго, какъ, напримѣръ, временный губернаторъ Шелеховъ, инспекторъ врачебной управы, какой-то

нелѣпый глухарь, да два старика, знакомыхъ моего отца. Можно, пожалуй, къ этому числу отнести и полицеймейстера, очень деликатнаго и развязно-глупаго, да жандармскаго штабъ-офицера, который тоже счелъ своимъ долгомъ навѣстить меня два раза. Мнѣ разсказывали, что онъ послѣ перваго же визита ко мнѣ отправился къ Корсакову съ просьбой позволить ему взять меня на поруки и отвести мнѣ частную квартиру. Я ужъ не знаю, что подвигло его къ такому поступку; но не думаю, чтобы у него былъ злой умыселъ. Мнѣ онъ ничего не говорилъ объ этомъ и только находилъ, что у меня помѣщеніе не хорошо, и что вообще непріятно жить въ острогѣ. Корсаковъ отказалъ ему, не справившись, захочу ли еще и я-то быть на порукахъ у жандарма.

Полицеймейстеръ, заѣхавъ ко мнѣ на другой день, сообщалъ мнѣ, что Корсаковъ поручилъ ему сказать мнѣ, чтобы я отдохнулъ пока, кстати же теперь масляница. А на первой недѣлѣ поста разсмотрѣть мои бумаги, и тогда можно будетъ рѣшить, куда меня назначить. Заѣхавъ вскорѣ еще разъ, полицеймейстеръ сказалъ мнѣ, что его осаждали просьбами о пропускѣ ко мнѣ; но, что онъ, не желая, чтобы меня кто-нибудь безпокоилъ посѣщеніями (вѣроятно, кромѣ его), всѣмъ отказывалъ, такъ что ужъ и просить его перестали. „Знаете, все разные этакіе восторженные молодые люди“. Я не поблагодарилъ его за эту заботу о моемъ спокойствіи.

Время въ Иркутскѣ прошло для меня очень скучно. Читать было нечего, кромѣ „Петербургскихъ Вѣдомостей“. Съ удовольствіемъ прочелъ я здѣсь указъ о награжденіи сенатора Григорія Митусова орденомъ св. Александра Невскаго, и мысленно поздравилъ его съ монаршею милостью, а писать цѣлый день я рѣшительно не могу. Мнѣ оставалось часто—мѣрить изъ угла въ уголъ мою комнату, какъ это я дѣлалъ въ третьемъ отдѣленіи и въ крѣпости, или развлекаться разговорами съ шестилѣтнимъ сыномъ смотрителя, Кирей.

Я думалъ сначала, что его зовутъ Кирилломъ; но родитель его объяснилъ мнѣ какъ-то, что Киря есть уменьшительное не отъ Кирилла, а отъ Кирика.

— У меня, видите ли, дѣти все не жили,—добавилъ онъ,—такъ знающіе люди посовѣтовали, если сынъ родится—Кирикомъ назвать, а дочь, такъ Улитой. Вотъ-съ и назвали его Кирикомъ. Слава Богу, до сихъ поръ мальчикъ здоровенькій.

Только послѣ этого объясненія обратилъ я вниманіе на одинъ изъ образовъ въ большомъ кіотѣ въ углу, гдѣ былъ изображенъ святой младенецъ Кирикъ съ матерью своею преподобною Улитою.

Киря приходилъ ко мнѣ довольно часто, разсказывалъ, какъ онъ ѣздилъ съ отцомъ кататься, приносилъ показывать свои игрушки.

Разъ, забравшись на диванъ, ко мнѣ за спину, въ то время, какъ я сидѣлъ съ номеромъ „Вѣдомостей“ въ рукахъ, онъ принялся заигрывать со мной, дергая меня слегка за волосы, и вдругъ воскликнулъ:

— Отчего это у тебя столько бѣлыхъ волосъ?

Это было для меня совершенною новостью. Я подошелъ къ зеркалу и, наклонившись къ нему поближе, увидалъ дѣйствительно значительную сѣдину въ вискахъ, гдѣ еще недавно не было ничего на то похожаго.

Въ pendant къ святымъ Кирику и Улитѣ я могу сообщить тебѣ, что память святаго Ѳедора Тирона празднуется православною церковью 15-го февраля. Это драгоцѣнное свѣдѣніе получилъ я отъ моего тобольскаго спутника Берникова, который явился ко мнѣ утромъ этого числа, какъ именинникъ, съ огромнымъ кренделемъ.

Я былъ очень доволенъ его приходомъ не ради кренделя, а ради того, что могъ побранить его за неисполненіе моего порученія—отнести записку Петрашевскаго къ Львову. Я предполагалъ, что она не доставлена, потому что отъ Львова не доходило ко мнѣ, что называется, ни слуху, ни духу. Берниковъ увѣрялъ меня, что товарищъ его, Николаевъ, ходилъ къ Львову, но не засталъ его дома. О запискѣ же онъ ничего не зналъ и обѣщалъ прямо отъ меня пойти къ нему еще разъ, и въ тотъ же день дать мнѣ знать.

Дѣйствительно, онъ былъ у Львова и въ этотъ же вечеръ принесъ мнѣ такую записку: „Я порывался три раза къ вамъ, но меня не пускаютъ. Если можно будетъ, постараюсь на первой станціи съ вами свидѣться. Съ высшими властями я не въ ладахъ. Просить ихъ—это значитъ отдать себя подъ присмотръ и помѣшать себѣ видѣться съ вами. Въ нерчинскихъ заводахъ васъ ожидаютъ, и вы будете назначены къ брату на промыселъ; это мнѣ извѣстно навѣрно. На первое время, я думаю, вамъ лучше будетъ тамъ, нежели въ иркутскомъ солеваренномъ заводѣ, потому что здѣсь скорѣе могутъ повредить вамъ доносы“.

Предостереженіе Львова было совершенно справедливо. Это я могъ понять и изъ разговоровъ съ другими, достойными вѣры лицами, посѣщавшими меня. Повидимому, поведеніе Петрашевскаго и Львова въ дѣлѣ знаменитой для Иркутска дуэли (въ комнатѣ, которую мнѣ отвели, содержались и лица, замѣшанныя въ это дѣло дуэли),—поведеніе совершенно справедливое, потомъ бѣгство Бакунина возбудили въ главахъ здѣшняго правительства недовѣріе вообще къ людямъ въ такомъ положеніи, какъ они, отразившееся и на мнѣ. Корсаковъ могъ оставить меня въ солеваренномъ заводѣ; но не хотѣлъ этого. Мнѣ сказывали, что за однимъ праздничнымъ обѣдомъ,

вліятельныя лица прямо толковали, что, оставивъ меня въ Иркутскѣ (чего собственно я и самъ не хотѣлъ), наживешь только непріятности. Онъ-де будетъ бронироваться здѣсь въ свое политическое преступленіе, захочетъ играть роль въ обществѣ, составить себѣ партію и проч. въ этомъ родѣ.—Гораздо вѣрнѣе было, по-моему, тоже переданное мнѣ мнѣніе здѣшняго архіерея или архимандрита, что меня покаралъ Богъ за то, что я „хотѣлъ снять узду съ женщинъ".

Надо было постараться увидаться съ Львовымъ. На сухаго и дряннаго смотрителя въ этомъ отношеніи нечего было возлагать надежду. Онъ берегъ меня, какъ цѣпная собака. Разъ онъ вздумалъ не пускать ко мнѣ даже такихъ посѣтителей, которые были уже у меня, и даже съ запиской полицеймейстера. Я услыхалъ громкіе и крупные переговоры въ сѣняхъ и вышелъ туда. Тутъ смотрителю нечего ужъ было дѣлать, и онъ впустилъ гостей.

Я придумалъ поступить вотъ какъ. Поручилъ смотрителю спросить полицеймейстера позволенія погулять. Это позволеніе было мнѣ дано, хотя я могъ выйти не иначе, какъ въ сопровожденіи казака во всей формѣ, чтобы всякій могъ видѣть, что это прогуливается арестантъ. Молодаго доктора, который заѣзжалъ ко мнѣ каждое утро, я попросилъ побывать у Львова и передать ему, что, если онъ хочетъ видѣться со мною, то выходилъ бы часа въ три навстрѣчу мнѣ. Далеко уйти отъ острога я не могъ, но мы могли поговорить по-моему по дорогѣ въ городъ.

Это удалось какъ нельзя лучше. Я пошелъ въ сопровожденіи казака, и только-что вступилъ на мостъ, увидалъ издали небольшаго господина въ шинели и фуражкѣ, который держалъ въ рукѣ бѣлый носовой платокъ, видимо, желая дать знать мнѣ, что онъ меня ожидаетъ. Не правда ли, это таинственное свиданіе въ Иркутскѣ больше чѣмъ смѣшно послѣ тѣхъ свиданій въ Петербургѣ, которыя были позволены мнѣ оффиціально?

Когда мы сошлись и раскланялись, казакъ оказался на столько деликатенъ, что перешелъ отъ насъ на другой тротуаръ моста. Мы пошли со Львовымъ дальше къ городу, потомъ назадъ.

Мнѣ приходится сдѣлать по поводу свиданія со Львовымъ такое же почти замѣчаніе, какъ и по поводу свиданія съ Петрашевскимъ. Прежде всего о наружности: я опять-таки воображалъ и его не такимъ. Мнѣ почему-то казалось, что онъ долженъ походить на Плещеева; но это оказался маленькій худенькій человѣкъ не съ особенно пріятнымъ лицомъ, исчерченнымъ глубокими морщинами. Все это не обличаетъ во мнѣ лафатеровскихъ способностей. Представляя себѣ Петрашевскаго и Львова по тому, что было писано ими, я думалъ, что Львовъ долженъ быть для меня симпатичнѣе Петрашевскаго.

Вышло совсѣмъ наоборотъ. Львовъ мнѣ вовсе не понравился. Я говорю, конечно, о первомъ впечатлѣніи, которое потомъ, можетъ быть, измѣнилось бы. Вѣдь я пробылъ съ ними не болѣе какъ полчаса. Мнѣ не понравилась въ немъ какая-то искусственность фразы, выраженія, въ которыхъ проглядывало что-то въ родѣ фатовства. Я замѣтилъ и на немъ, что онъ придаетъ преувеличенные размѣры своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ здѣшнимъ властямъ. Вообще мѣстные интересы и его вовлекли въ свой узкій кругъ, едва-ли съ пользой для его общаго развитія. Я опять таки скажу, что, становясь въ оппозицію дѣйствіямъ Муравьева, они поступали честно и хорошо; но эта оппозиція принимаетъ въ ихъ глазахъ совсѣмъ не тѣ размѣры и не то значеніе, какіе представляетъ на самомъ дѣлѣ.

Львовъ передалъ мнѣ также нѣсколько свѣдѣній объ ожидающей меня въ Нерчинскихъ заводахъ жизни, и значительно уменьшилъ мои опасенія. Разговоръ у насъ шелъ довольно отрывочный; мы не могли въ такой короткій срокъ ни поспорить, ни поговорить о чемъ-нибудь серьезно.

Когда мы вернулись къ концу моста, бывшему какъ разъ противъ воротъ новаго тюремнаго замка, насъ увидалъ оттуда караульный офицеръ и поспѣшно подошелъ. Къ счастію, это былъ хорошій знакомый Львова и не сдѣлалъ никакой придирки.

Больше мнѣ уже не удалось видѣться со Львовымъ. И это свиданіе устроилось лишь за три дня до моего отъѣзда изъ Иркутска.

Конецъ масляницы и начало великаго поста мнѣ возвѣщены довольно оргинально. Я сидѣлъ утромъ въ чистый понедѣльникъ за чаемъ, какъ ко мнѣ расцахнулась дверь и буквально влетѣлъ толстый, рыжеватый попъ. Онъ поспѣшно поклонился мнѣ и, не давши мнѣ даже спросить его, затѣмъ онъ, подошелъ прямо къ переднему углу, вынулъ изъ-подъ своей епитрахили требникъ и принялся громогласно читать что-то о изъятіи меня „изъ руки хищнаго Веліара“ и о томъ, что я „въ безднѣ грѣховной валяяся“ вопію ко Господу. Конечно, все это относилось ко мнѣ болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь, потому-что у меня стоялъ на столѣ молочникъ со сливками. Попъ, впрочемъ, замѣтилъ его, вѣроятно, ужъ потомъ, какъ отбарабанилъ свой урокъ и закончилъ его аминемъ.

— Это что же такое, батюшка?—спросилъ я его, когда онъ кончилъ.

— Молитва великопостная-съ. Имѣю честь кланяться.

Эта великопостная молитва напомнила мнѣ, что и моимъ дѣломъ теперь, вѣроятно, займутся по случаю конца праздниковъ съ ихъ катаньями, вечерами и фоль-журнеями.

И точно, во вторникъ же пріѣхалъ ко мнѣ Шелеховъ, съ извѣщеніемъ отъ Корсакова, что я остаться въ солеваренномъ иркутскомъ

заводѣ не могу, а долженъ—по точному смыслу высочайшаго повелѣнія—отправиться въ Забайкалье, въ Нерчинскій горный округъ. Мнѣ дадутъ лишь одного казака въ провожатые и извѣстятъ меня, когда всѣ формальности будутъ кончены съ тѣмъ, чтобы я самъ назначилъ день отъѣзда.

Съ этимъ извѣщеніемъ, съ разсчетомъ денегъ и проч. заѣзжалъ ко мнѣ раза два совѣтникъ изъ экспедиціи о ссыльныхъ, и я назначилъ днемъ отъѣзда субботу. Разсчетъ мой былъ вѣренъ, и точно М. привезъ мнѣ наканунѣ отъѣзда еще письмо твое.

Я пока осмотрѣлъ свой возокъ, велѣлъ починить въ немъ кое-что, запасся кое-чѣмъ изъ съѣстнаго на дорогу и переписалъ для отсылки къ тебѣ сцену „Прометея“. Ты, вѣроятно, получила ее лично, вмѣстѣ съ письмомъ, отъ студента Р., котораго привезъ ко мнѣ К.

Наканунѣ отъѣзда пріѣхалъ ко мнѣ полицеймейстеръ съ приглашеніемъ отъ Корсакова—пріѣхать къ нему. Я замѣтилъ было, что, такъ какъ я уже не остаюсь здѣсь и не имѣю никакой просьбы къ генералъ-губернатору, то могу, кажется, и обойтись безъ этого визита. Но полицеймейстеръ сказалъ мнѣ на это, что, кажется, у Корсакова есть что-то сообщить мнѣ,—и я рѣшился отправиться съ нимъ, кстати посмотрю, что за звѣрь.

Корсаковъ принялъ меня очень вѣжливо, сказалъ, что не можетъ перемѣнить высочайшаго повелѣнія, что получилъ письмо отъ С. о дѣланіи мнѣ всякаго снисхожденія и напишетъ въ этомъ же смыслѣ въ Нерчинскій заводъ къ горному начальнику.

До сихъ поръ шло ладно; но Корсаковъ не сумѣлъ удержаться во время. Онъ началъ вдругъ говорить, какъ дурно зарекомендовали себя политическіе преступники, бывшіе въ Иркутскѣ, какъ-то Петрашевскій, Львовъ и Бакунинъ, и кончилъ дружелюбнымъ мнѣ совѣтомъ не ссориться съ будущимъ моимъ начальствомъ и не жаловаться на него. И во всемъ, что онъ говорилъ, не было ничего умнаго, а тутъ ужъ онъ показался мнѣ совсѣмъ глупымъ. Я сдержалъ улыбку, но сказалъ, что, кажется, онъ меня слишкомъ мало знаетъ, чтобы выводить какія-нибудь заключенія о моемъ характерѣ, а относительно будущихъ моихъ дѣйствій замѣтилъ, что они будутъ зависѣть отъ хода дѣла, а ужъ никакъ не отъ чьихъ-либо совѣтовъ.

Корсаковъ увидалъ, что лучше будетъ просто пожелать мнѣ счастливаго пути, и сдѣлалъ это. Затѣмъ проводилъ меня изъ кабинета въ залу, гдѣ на вытяжку дожидался полицеймейстеръ, и меня съ нимъ же вернули въ острогъ.

Въ Корсаковѣ я нашелъ сходство съ Шуваловымъ, не столько въ лицѣ, сколько въ манерѣ и въ голосѣ, и это, конечно, не произвело на меня особенно пріятнаго впечатлѣнія.

Въ субботу, 24-го февраля, съ утра уже былъ у меня казакъ; но мнѣ пришлось еще посылать мѣнять деньги, и я выѣхалъ только въ два часа по полудни. Меня пріѣхалъ проводить М.

XV.

От Иркутска до Нерчинскаго завода.—Казакъ Донской.—Остановка въ Читѣ и визитъ Завалишина.—Нерчинскъ.— Поѣздка къ брату.—Три дня въ Нерчинскомъ заводѣ.—Обратная поѣздка въ Казаковскій золотой промыселъ.

Жандармы, провожавшіе меня изъ Петербурга и изъ Тобольска, показались бы Голіаѳами передъ казакомъ, отправленнымъ со мною изъ Иркутска. Несмотря на свою чисто-казачью фамилію,—Донской, онъ едва-ли бы, впрочемъ, былъ способенъ выказать и давидовскую храбрость. Довольно будетъ сказать, что онъ чуть не головой былъ ниже меня и такъ жидокъ весь, что, кажется, я бы могъ свалить его однимъ щелчкомъ. Такого вялаго, кислаго, безсловеснаго и, надо полагать, безмозглаго существа не часто случалось мнѣ встрѣчать. Онъ мнѣ просто опротивѣлъ на другой же день. Я спросилъ его, постоянно ли онъ въ Иркутскѣ; онъ отвѣтилъ, что нѣтъ, а только-что пріѣхалъ съ Амура. Я думалъ было поразспросить его о тамошнемъ житьѣ, но онъ отвѣчалъ такъ глупо и такими общими фразами, какъ будто и не видалъ тамъ ничего. Еще два—три вопроса, предложенные мной ему, убѣдили меня, что отъ него не добьешься никакого разумнаго отвѣта, и я уже не заводилъ съ нимъ и рѣчи во всю дорогу. Онъ сидѣлъ около меня, словно мертвый, не шевелясь, не двигаясь: только маленькій носъ его выглядывалъ изъ-подъ огромной черной папахи, и нельзя было разобрать, спитъ онъ или нѣтъ. Единственный знакъ жизни, который онъ проявлялъ, это какое-то полусонное, едва внятное восклицаніе къ ямщику, которое онъ повторялъ довольно часто:

— Попопуживай, братъ, попопуживай!

Шагомъ ли плелся ямщикъ, или гналъ, что называется, во всѣ лопатки, казакъ мой бормоталъ изъ-подъ своей папахи:

— Попопуживай, братъ, попопуживай!

— Да вѣдь онъ и безъ того ѣдетъ отлично,—замѣчалъ я.

Донской поправлялъ немного кверху свою папаху, взглядывалъ своими молочно-голубыми глазами, опушенными желтыми рѣсницами, впередъ; потомъ папаха опять надвигалась ему на брови и на глаза, опять глядѣлъ изъ-подъ ея черныхъ косъ только одинъ глупый носъ,—и минутъ черезъ пять опять раздавалось:

— Попопуживай, братъ, попопуживай!

Послѣдній переѣздъ мой, какъ ты сейчасъ увидишь, былъ самою непріятною и неудобною частью моего дальняго странствія. Постоянное присутствіе этого отвратительнаго кислява еще болѣе отравляло мнѣ дорогу. Кто это только порадѣлъ мнѣ такъ въ Иркутскѣ?

Ужъ вечеромъ въ день выѣзда подъѣхали мы къ Байкалу. Переѣхать его было еще можно, хоть онъ и далъ ужъ много трещинъ. Напившись на станціи чаю, я тотчасъ отправился далѣе, и такъ хорошо заснулъ, что не слыхалъ, какъ мы переѣхали Байкалъ. Я проснулся, какъ было уже почти свѣтло, и мы въѣзжали въ село на другомъ его берегу.

Меня стращали еще въ Иркутскѣ, что дальше этого села я въ своемъ возкѣ не доѣду, что тамъ пойдетъ ужъ колесная дорога. Я уговорился съ К. отослать ему отсюда свой возокъ обратно въ Иркутскъ, а тутъ взять оставленный кѣмъ-то тарантасъ. Но этого пока не понадобилось. Впереди было еще довольно снѣгу, и я могъ продолжать путь въ своемъ возкѣ весь этотъ день до самаго Верхнеудинска, куда пріѣхалъ вечеромъ. Здѣсь пришлось мнѣ бросить мой возокъ. Это затруднило бы меня порядкомъ, еслибъ на станціи не случился какой-то господинъ, ѣхавшій въ Иркутскъ, которому я и передалъ его.

Смотритель станціи, полякъ, былъ пьянехонекъ; съ нимъ какой-то его пріятель. Прочитавши мою подорожную, гдѣ я былъ прописанъ государственнымъ преступникомъ, онъ и пріятель его приступили ко мнѣ съ пьяными рѣчами и начали разсказывать, что они тоже пострадали за правду. Изъ разсказа смотрителя оказывалось, что онъ хотѣлъ выслужиться и донесъ на своихъ пріятелей, а пріятели запутали и его. По его мнѣнію выходило, что правительство честности не умѣетъ цѣнить. Потомъ онъ принесъ какія-то доказательства своего дворянскаго происхожденія и неизвѣстно зачѣмъ показывалъ мнѣ. Пріятель его сообщалъ тоже, что онъ государственный преступникъ; золото перевозилъ черезъ китайскую границу. Я насилу отдѣлался отъ этихъ надоѣдалъ.

Ночь ужъ не привелось мнѣ спать. Тульскія перекладныя кибитки отбивали и грудь и спину. Въ продранную со всѣхъ сторонъ рогожу кузова свистѣлъ вѣтеръ. Тутъ ужъ „попопуживай“ моего казака вывело бы меня окончательно изъ терпѣнія, если бы его слушался хоть одинъ ямщикъ.

Дальше, послѣ двухъ станцій на колесахъ, приходилось ѣхать двѣ станціи на полозьяхъ, потомъ опять на колесахъ, и такъ все въ перемѣжку. Ямщиками стали попадаться буряты съ косичками позади, и съ особенною граціей умѣющіе закладывать подъ мышку свой

бичъ. На станціяхъ останавливались мы большею частью у такъ называемыхъ „семейскихъ", то-есть переселенныхъ нѣкогда сюда семьями старообрядцевъ.

Слѣдующія ночи двѣ уже не рискнулъ провести въ повозкѣ и остановился ночевать въ тѣсномъ и грязномъ уголкѣ станціоннаго дома, потому-что мѣста получше были уже заняты четырьмя проѣзжими, прибывшими раньше меня. Между прочимъ, тутъ былъ одинъ молоденькій морской офицеръ со спутникомъ въ обыкновенномъ платьѣ, молчаливымъ, суровымъ на видъ, бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ. Оба ѣхали на Амуръ. Я вписываю эту встрѣчу для того, чтобы ты напомнила мнѣ при случаѣ разсказать тебѣ подробно трагическій конецъ этого бѣлокураго господина. Я познакомился съ нимъ въ Нерчинскѣ, потомъ онъ былъ и здѣсь, на промыслѣ, и возвратился въ Нерчинскъ какъ будто только для того, чтобы быть тамъ звѣрски зарѣзаннымъ.

Я отдыхалъ и дальше только, когда дорога шла по льду и можно еще было добираться отъ станціи къ станціи на саняхъ. Въ кибиткѣ же, кромѣ тряски, не малую непріятность доставляла пыль, которая подымалась на дорогѣ столбомъ, несмотря на то, что вездѣ кругомъ лежалъ снѣгъ.

Наконецъ, на пятый день мы спустились съ Яблоннаго хребта и часовъ въ шесть пріѣхали въ столицу Забайкалья, Читу. У меня было изъ Иркутска письмо къ одному изъ мѣстныхъ жителей, и я послалъ его съ казакомъ. Этотъ господинъ скоро пріѣхалъ ко мнѣ на почтовый дворъ и просидѣлъ у меня весь вечеръ, такъ какъ я рѣшился тутъ переночевать. Онъ предложилъ прислать мнѣ для дальнѣйшей дороги крытую кошеву и говорилъ мнѣ, что я еще до самаго Нерчинскаго завода могу доѣхать на саняхъ.

Онъ обѣщалъ мнѣ дать знать о моемъ пріѣздѣ Завалишину, и на слѣдующее утро Завалишинъ пришелъ ко мнѣ. Это еще чрезвычайно добрый старикъ, живой и бойкій, не хуже нашего пріятеля Цебрикова, но нисколько на него не похожій наружностью. Въ густыхъ еще темнорусыхъ, довольно коротко остриженныхъ волосахъ его чуть замѣтна легкая сѣдина; роста онъ небольшаго, худощавый; гладко выбритый подбородокъ выдался немного внередъ, въ тонкихъ губахъ замѣтна хитрая иронія, небольшіе, точно прищуренные глаза живые и быстрые, носъ съ легкою горбиной, немного пригнутый къ губамъ, лобъ невысокій и прямой, виски зачесаны къ глазамъ, какъ носили когда-то. Онъ вошелъ ко мнѣ въ длинной шубкѣ, надѣтой въ рукава и подвязанной и подпоясанной крестъ-на-крестъ вязаннымъ шарфомъ, въ мѣховой шапкѣ съ ушами. Когда онъ снялъ все это, то остался въ какомъ-то казакинѣ со стоячимъ воротникомъ, застегнутомъ сверху до низу на крючки, и въ заправленныхъ въ мѣховые сапоги (или по здѣшнему упты) штанахъ. Вообще онъ имѣлъ

видъ казака. Не даромъ онъ писалъ столько въ защиту несчастнаго здѣшняго, созданнаго Муравьевымъ, казачества. Онъ и мнѣ принялся разсказывать о положеніи казаковъ.

Когда я спросилъ его, отчего онъ не поѣдетъ въ Россію, онъ отвѣчалъ, что не хочетъ ѣхать до тѣхъ поръ, пока его не отвезутъ туда на казенный счетъ; а переписка, которую онъ завелъ по этому поводу, не привела да и не приведетъ вѣроятно ни къ чему. Такого же рода переписку ведетъ съ цензурой о печатаніи своихъ статей о Сибири, и тутъ ничего не выходитъ. Вообще, онъ, кажется, такого характера, что не можетъ оставаться ни минуты безъ какой-нибудь тревожной дѣятельности. Въ манерахъ, въ словахъ постоянная какая-то безпокойная торопливость. Во всемъ, что онъ ни говорилъ, проглядывало какъ будто совершенное довольство своимъ положеніемъ (т. е. лично за себя), участіе, которое, онъ принимаетъ во всѣхъ тѣсныхъ интересахъ, достойно было бы лучшаго предмета,—и тогда, конечно, было бы и плодотворнѣе. Грустно, а между тѣмъ надо признаться, что правдивыя статьи Завалишина объ Амурѣ только озлобили противъ него мѣстныя власти, но никого здѣсь не просвѣтили и не улучшили положенія несчастныхъ переселенцевъ ни на волосъ. Не далѣе, какъ въ эту весну, отправилось туда противъ желанія пятьсотъ казачьихъ семей изъ здѣшнихъ окрестностей. Все это шло какъ на смерть, разоренное, несчастное, словно ихъ вели на казнь за какое-нибудь страшное преступленіе. Весна стояла суровая, безпрестанно грозившая возвратиться къ зимнимъ обычаямъ. Дули пронзительные студеные горные вѣтры, вѣяли снѣжныя пурги, смѣнялись по временамъ морозами, — и въ такую-то пору жалкій обозъ потащился отсюда съ женщинами, съ еле прикрытыми отъ холода дѣтьми. Стонъ стоялъ въ этомъ уныломъ таборѣ. Хоть бы подождали лѣтато и тепла. Но у здѣшнихъ администраторовъ дальновидныя соображенія. Они принялись за переселеніе такъ рано, чтобы это несчастное новое поселеніе успѣло, прибывши на Амуръ, воздѣлать нынѣ же землю для себя. А о томъ никто не подумалъ, что вѣдь до этого надо еще гдѣ-нибудь усѣсться, устроить себѣ хоть какой кровъ отъ непогоды, хоть чѣмъ-нибудь защитить семью и дѣтей отъ окончательной гибели. Вмѣсто отдыха послѣ этого каторжнаго пути, надо было заняться рубкою лѣса, стройкою избъ и ужъ потомъ развѣ думать о хлѣбопашествѣ. И весь этотъ народъ былъ оторванъ уже отъ устроеннаго своего хозяйства, отъ готоваго дома и поля. Привычка смотрѣть на народъ, какъ на какую-то глину, изъ которой можно мѣсить что угодно, до того сильна, что теперь иркутскіе администраторы находятъ нелѣпыми притязанія (это притязанія, по ихъ мнѣнію) сохранить на Амурѣ свои человѣческія и гражданскія

права, свое самоуправленіе и самостоятельный судъ. „Дать копѣекъ тридцать лишнихъ нашимъ“, разсуждаютъ государственные люди Иркутска: „такъ и наши пойдутъ“. А не пойдутъ—предполагается при этомъ—такъ на это есть нагайки. Страхъ, какъ бы что свѣжее не забралось въ страну и не уронило ихъ авторитета,—вотъ единственный рычагъ всѣхъ дѣйствій здѣшней власти.

Говоря о предстоящей мнѣ жизни на Нерчинскихъ заводахъ, Завалишинъ отзывался ужъ черезъ-чуръ снисходительно (даже панегирически) о томъ обществѣ, въ какое я попаду. Это сильно свидѣтельствовало о томъ, какъ успѣлъ онъ обжиться здѣсь и сжиться съ тѣмъ, что человѣку новому и свѣжему вовсе не можетъ казаться особенно привлекательнымъ. Судя по словамъ Завалишина, можно было подумать, что я попаду сразу въ общество такихъ прогрессистовъ, что и не замѣчу, что попалъ въ него изъ другаго круга. „Еслибъ знали въ Петербургѣ“, говорилъ Завалишинъ: „сюда бы не ссылали. Это все равно, что щуку въ морѣ утопить“. Да, дѣйствительно, въ словахъ гуманности, прогресса, свободы здѣсь нѣтъ недостатка, но затѣмъ... Впрочемъ, мнѣ совѣстно нападать на здѣшнее общество за его разладъ по словамъ и дѣламъ. А выше-то не то ли же самое... Гдѣ же наше-то „словопрѣнье“ перешло въ дѣло?

Мнѣ было интересно послушать Завалишина о томъ, какъ препровождали ихъ сюда; но онъ мало останавливался на подробностяхъ этого давняго для него прошедшаго и больше говорилъ объ Амурѣ. Вотъ, однакожъ, двѣ—три черты. Завалишинъ слѣдовалъ со второю партіей. Первая была закована въ кандалы, какъ слѣдуетъ. Для второй была сдѣлана льгота, и позволено было запирать цѣпи на замочки, такъ чтобы можно было ихъ снимать по желанію. Замковъ въ крѣпости не оказалось, послали на рынокъ, и тамъ были пріобрѣтены маленькіе мѣдные замочки. Многіе были съ разными чувствительными девизами, напримѣръ: „Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь“, „Кого люблю, того дарю“. У Завалишина были замочки именно съ послѣднею надписью.

Въ Ярославлѣ ихъ помѣстили въ гостиницѣ. Они тамъ ужинали. Такъ какъ не велѣно было никого допускать къ нимъ, то разные мѣстные жители (въ томъ числѣ и власти, начиная съ губернатора) помѣстились въ корридорѣ со свѣчами въ рукахъ, вмѣсто прислуги, чтобы посмотрѣть, когда они выходили садиться въ экипажи.

Въ Тобольскѣ всю партію пріютилъ у себя въ домѣ губернаторъ. Ихъ сводили въ баню, и дали хорошія постели. Но ночлегъ не удался. Вслѣдъ была отправлена третья партія. Съѣзжаться они были не должны, и ночью прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что третья партія близко. Всѣхъ подняли съ постелей и повезли далѣе.

*

Вотъ и все, что разсказалъ мнѣ Завалишинъ собственно о себѣ.

Онъ остался у меня до тѣхъ поръ, пока въ мою новую повозку не запрягли лошадей, и я не двинулся со двора. Повозкѣ своей я былъ какъ нельзя болѣе благодаренъ; я не зябъ, сидѣть было хорошо. Да и дорога шла очень хорошая почти до самаго Нерчинска. Мы ѣхали все по льду, рѣками, и только на станціяхъ тяжело было подыматься на берегъ, уже совершенно обнаженный отъ снѣга.

Мнѣ кажется, съ самаго отъѣзда моего изъ Петербурга не сжималось у меня сердце такою болѣзненною грустью, какъ въ то время, когда я въѣзжалъ въ городъ Нерчинскъ. Это было часа въ четыре дня 2-го марта. Самое ли названіе это или то, что печальная цѣль моего пути уже такъ близка, но я съ трудомъ удерживалъ наплывавшія на глаза слезы.

Писарь въ жаркой и угарной станціи сказалъ мнѣ, что братъ мой былъ здѣсь на маслянницѣ, и что ему поручено дать знать о моемъ пріѣздѣ одному знакомому брата. Я расположился пить чай и велѣлъ ему сходить.

Черезъ полчаса этотъ господинъ явился и пригласилъ меня къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы я переночевалъ у него. Онъ хотѣлъ сейчасъ отправить эстафету къ брату извѣстить о моемъ пріѣздѣ и попросить его выслать лошадей на первую станцію отъ Нерчинска, чтобы я могъ проѣхать къ нему на Казаковскій золотой промыселъ. Тутъ я узналъ, что братъ боленъ; у него отнялись ноги отъ простуды. Я написалъ тотчасъ же письмо къ нему, съ тѣмъ, чтобы выѣхать изъ Нерчинска, когда онъ возвратится съ отвѣтомъ. Вялый казакъ мой, разумѣется, остался пассивнымъ зрителемъ всего этого и дѣлалъ, что я хочу.

Отвѣтъ пришелъ часовъ въ одиннадцать утра на другой день, и съ нимъ три твои письма, которыхъ я ждалъ болѣе всего. Братъ, разумѣется, выѣхалъ бы самъ ко мнѣ навстрѣчу, еслибъ болѣзнь не удерживала его въ комнатѣ. Я поспѣшилъ въ дорогу.

На первой станціи, Бянкинѣ, куда я доѣхалъ еще довольно изрядно, меня уже ждала тройка лошадей и кучеръ изъ Казаковскаго промысла. Дѣломъ нѣсколькихъ минутъ было перемѣнить лошадей, но не такъ-то скоро пошла дальнѣйшая дорога. Она была отвратительна, шла горными хребтами, гдѣ изъ-подъ снѣгу торчали остроконечные камни, пни мѣстами, и снѣгъ былъ сдутъ вѣтромъ. Только часамъ къ семи вечера дотащился я эти безъ малаго сорокъ верстъ. Вотъ спустились мы въ темную падь, запахло дымомъ, заслышался лай собакъ; повозка моя миновала рядъ жалкихъ домишекъ, видныхъ въ потемкахъ только по блѣдному огоньку въ ихъ крошечныхъ оконцахъ, и, наконецъ, передъ нами распахнулись ворота бѣлаго пристав-

скаго дома, въ которомъ всѣ окна ярко свѣтились. Братъ, ожидая меня, велѣлъ зажечь свѣчи по всѣмъ комнатамъ.

Какъ я былъ радъ свидѣться съ нимъ послѣ стольких лѣтъ разлуки, какъ легче вздохнулось мнѣ въ этотъ вечеръ послѣ почти трехмѣсячнаго скитанья, мнѣ нечего разсказывать. Мы поплакали и проговорили потомъ за полночь.

Но вѣдь и тутъ все еще былъ не конецъ пути. Мнѣ оставалось ѣхать еще двѣсти пятьдесятъ верстъ: сдѣлать этотъ путь въ сутки нельзя было надѣяться при здѣшнихъ дорогахъ. Меня уже опять начали пугать, что до Нерчинскаго завода я не доѣду на полозьяхъ.

Слѣдующій день я весь пробылъ у брата, и только на третій, послѣ обѣда, часа въ три поѣхалъ дальше. Братъ говорилъ мнѣ утвердительно, что я могу оставить все лишнее изъ своего хозяйства у него, потому что изъ большаго завода вернусь къ нему же. Тамъ уже рѣшили помѣстить меня въ Казаковскомъ промыслѣ.

Мнѣ остается разсказать уже очень немного. Съ тѣми же почти неудобствами, то-есть съ перекладками изъ саней въ телѣгу и обратно, отчасти также съ холодомъ и голодомъ, добрался я по горамъ и долам до Нерчинскаго завода только часовъ около девяти вечера на другой день.

Чтобы соблюсти всѣ формальности, я отправился прямо къ дому горнаго начальника и послалъ къ нему своего казака съ бумагами и съ просьбой — дозволить мнѣ остановиться въ гостиницѣ. Казакъ возвратился съ дозволеніемъ и съ провожатымъ. То, что называется въ Нерчинскомъ заводѣ гостиницей, есть пустой небольшой домъ, нанимаемый отъ казны для пріѣзжающихъ, и на гостиницу такъ же мало похожъ, какъ любой домъ [1]).

Я только-что расположился около самовара въ довольно просторной, едва меблированной, комнатѣ, какъ ко мнѣ пріѣхалъ самъ горный начальникъ и подтвердилъ мнѣ то, что говорилъ братъ. Отъ меня зависѣло уѣхать изъ большаго завода, когда я хочу. Само собою разумѣется, я былъ этому чрезвычайно радъ и сразу рѣшилъ не оставаться тутъ болѣе двухъ—трехъ дней.

Такъ я и сдѣлалъ. Я познакомился въ это время почти со всѣми оффиціальными лицами завода и встрѣтилъ во всѣхъ большое съ себѣ вниманіе. Меня каждый день приглашали на обѣды и вечеромъ на чай. Я нашелъ тутъ людей вообще довольно просвѣщенныхъ, съ довольно здравымъ взглядомъ на вещи, хотя, какъ уже замѣтилъ

---

[1]) Тутъ слугой былъ дослужившій свой срокъ каторжный, изъ помѣщичьихъ крестьянъ Екатеринославской губерніи. Ихъ было сослано шесть человѣкъ за то, что они наказали (какъ говорилъ онъ мнѣ) помѣщика лозами.

прежде, и не могу подтвердить преувеличеннаго мнѣнія о нихъ Завалишина. О томъ, что такое здѣшняя даль, и какъ скоро получаются здѣсь свѣдѣнія изъ метрополіи, ты можешь лучше всего судить по тому, что въ бытность мою въ Нерчинскомъ заводѣ, стало быть около половины марта, здѣсь не получалось еще ни одной ни петербургской, ни московской газеты отъ перваго января.

Внѣшній видъ завода произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе. Все такъ жалко, бѣдно, какъ-то полуразрушено, ничѣмъ не скрашена эта заброшенная, глухая жизнь. Горы кругомъ стоятъ голыя, непривѣтливыя, темныя лачужки раскиданы въ ямѣ, безъ всякаго порядку, безъ всякой, повидимому, мысли о какомъ-нибудь удобствѣ. Дома для горныхъ чиновниковъ получше другихъ; но и они построены кое-какъ и не обѣщаютъ долго простоять. Кромѣ этихъ домовъ, пріѣзжій можетъ пріютиться только въ этомъ ветхомъ сараѣ, который называется гостиницей. Частные дома—это избушки объ одной, много двухъ тѣсныхъ горенкахъ. Квартиры побольше и такой, гдѣ бы можно было спастись отъ холода зимой, или, по крайней мѣрѣ, отъ простуды, нѣтъ. И все это имѣетъ видъ какихъ-то бивуаковъ, какой-то временной стоянки, перепутья. Вотъ-вотъ всѣ снимутся съ мѣста, совьютъ свои шатры и откочуютъ дальше. А между тѣмъ, вѣдь это главный пунктъ всего горнозаводскаго управленія въ Забайкальѣ. Остаться жить тутъ было бы очень уныло для меня,—и я радовался, что могу поѣхать обратно въ Казаково.

Мой кислый казакъ отправился на другой же день обратно, съ почтой, и съ нимъ послалъ я письмо къ тебѣ, для отправки его черезъ М. изъ Иркутска. Познакомившись со здѣшними почтами, я боюсь, что ты такъ и не получила его, если оставила Петербургъ въ маѣ.

Обратная поѣздка моя къ брату была уже лишена всякой оффиціальности. Я поѣхалъ съ нерчинскимъ заводскимъ докторомъ, который отправлялся по округу. Я былъ при немъ, какъ „будущій“.

Меня оффиціально вписали въ число работниковъ на какой-то, впрочемъ, другой рудникъ, названіе котораго я не узналъ до сей поры. Поднимать дѣло о переводѣ меня на заводы мнѣ не посовѣтовали, потому что разсчетъ годовъ по третьему разряду (къ которому я причисляюсь) для меня гораздо выгоднѣе. Выходитъ не шесть, а четыре года, да изъ этого времени можно будетъ выкинуть еще полтора года, которые кладутся на путь сюда.

11-го марта, на закатѣ, я могъ бы воскликнуть: „берегъ!“ если бы и этотъ берегъ, несмотря на всѣ свои внѣшнія удобства, не былъ все-таки если не тюрьмой, такъ землею изгнанія.

Я началъ писать этотъ длинный разсказъ, когда горы, обступившія со всѣхъ сторонъ нашъ золотой промыселъ, были еще совсѣмъ голы, а лощины, гдѣ онъ выстроился, покрыты снѣгомъ, и домъ, въ которомъ я живу съ братомъ, часто весь дрожалъ отъ порывистыхъ холодныхъ вѣтровъ, предшествующихъ веснѣ. Оканчиваю его уже посреди лѣта. Легко сказать,—вѣдь ужъ полгода, какъ я простился съ тобой, и три съ небольшимъ мѣсяца, какъ я на мѣстѣ ссылки. Съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ я весны, слѣдилъ каждый день за этими горами, за этимъ лугомъ, которые начинали зеленѣть такъ туго, напрасно поджидая дождя. Наконецъ-то тучи надъ ними сжалились и стали поливать ихъ. Теперь такъ хорошо все кругомъ моего жилища; зеленая падь полна цвѣтовъ, горы тоже позеленѣли и стоятъ уже не сплошной темной грудой, ближайшія гряды ихъ отдѣляются отъ дальнѣйшихъ, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ голубѣе. Хорошо кругомъ, а грустно. Я по цѣлымъ часамъ простаиваю иногда на деревянной террасѣ дома, глядя и направо и налѣво, и меня покидаетъ такое точно чувство, какое внушило прекрасную нѣмецкую пѣсню: „Wenn ich ein Vöglein wär“. Изъ-за этихъ горъ идутъ нѣсколько дорогъ къ самому почти дому; но какъ рѣдко, какими урывками приходятъ по этимъ дорогамъ дорогія вѣсти! Кукушка не перестаетъ кричать надрывающимся голосомъ, и я теперь очень хорошо понимаю, почему ссыльные ждутъ весной ея зова, чтобы уйти, куда глаза глядятъ.

Дни мои скучны и однообразны, отъ пера къ книгѣ, отъ книги къ перу. Но вмѣсто книгъ (и какія это книги! русскіе журналы, доходящіе ко мнѣ урывками, гдѣ мысль напрасно напрягается найти выраженіе), вмѣсто книгъ, хочется живаго слова, вмѣсто пера, хочется живаго дѣла, живыхъ заботъ. Я основалъ здѣсь школу, и каждое утро провожу часа по два съ мальчиками, — и это лучшее мое развлеченіе. Какъ ходилъ я изъ угла въ уголъ въ своихъ тюрьмахъ, такъ брожу я часто и здѣсь по саду и по террасѣ, и съ такими же почти мыслями. Но думаю, что мнѣ было бы тяжелѣй, еслибъ я возился съ лопатой или погонялъ лошадей на такъ называемомъ разрѣзѣ, то-есть на настоящей-то каторгѣ, откуда до дому нашего доносится грохотъ бочки, промывающей золото, и журчанье запруженной рѣчки.

Съ грустнымъ чувствомъ дописываю я свой разсказъ. Я какъ-будто прерываю бесѣду съ тобой. Когда же смѣнится она живою бесѣдой?

Мысли и воспоминанія поляка.

III [1]).

Классическая грязь Москвы.—Захватъ купцами бывшихъ барскихъ палатъ.—Постепенное обѣднѣніе дворянства.—Москва не интересуется реформами, а наживаетъ деньги.—Остатки дворянства, кружки ученыхъ университетскихъ и военная молодежь.—Переходъ изъ Мурома въ Москву.—Квартирный хозяинъ.—Мой сосѣдъ по комнатѣ.—Стихотворенія генеральши.—„Женская муза".—Мой литературный заработокъ.—Приглашеніе моего сосѣда къ сотрудничеству въ „Русскомъ Вѣстникѣ".—Его profession de foi.—Катковъ и польскій вопросъ.—Непріятныя послѣдствія моего сотрудничества въ польской газетѣ „Kraj".—Аудіенція у Каткова.—Нападенія Каткова на всѣ реформы.—Коренной переворотъ въ русскомъ обществѣ, послѣ 1863 года.—Лажечниковъ и его повѣсть „Внучка панцырнаго боярина".—Романъ моего сосѣда въ „Русскомъ Вѣстникѣ".—Обличительная литература.

Москва въ 1860 году, несмотря на множество проживающихъ въ ней иностранцевъ, несмотря на сотни заграничныхъ торговыхъ и промышленныхъ конторъ и магазиновъ, имѣла характеръ стариннаго, чтисто великорусскаго города. И въ крупныхъ, и въ самыхъ мелкихъ чертахъ этого многолюднаго города все напоминало чисто русскую жизнь, съ особымъ складомъ старины, простоты, раздолья и разгула. Шумъ кишащихъ народомъ улицъ, особенно въ торговыхъ частяхъ города, крикъ, брань и давка на рыбныхъ, мясныхъ и овощныхъ площадяхъ, классическая грязь и нечистоты, попадающіеся очистки даже на самыхъ лучшихъ улицахъ, „египетскія пирамиды", какъ ни курьезно звучитъ это названіе, но въ Москвѣ подобныя пирамиды были, ихъ

[1]) См. „Русскую Старину" сентябрь 1906 г.

„должность исполняли“ всю зиму бодрствующія кучи грязнаго снѣга, никѣмъ не свозимаго и лишь уносимыя весенними потоками въ Москву-рѣку—все это свидѣтельствовало о невѣжествѣ и скверныхъ привычкахъ москвичей и о плохомъ, въ то время, благоустройствѣ древней русской столицы.

Видъ московскихъ улицъ поражалъ меня самыми неожиданными перспективами. То шли, извиваясь, кривыя, узкія и шумныя улицы въ старыхъ частяхъ города: на Варваркѣ, Китай-городѣ, въ Рогожской, съ домами старинной архитектуры, то тянулись широкія, прямыя улицы Арбата и Замоскворѣчья, съ роскошными, затѣйливой архитектуры домами. Сорокъ-сороковъ московскихъ церквей не поражали меня ни своимъ наружнымъ видомъ, ни внутренней отдѣлкой, ни величіемъ. Полное однообразіе архитектурное, много золота и блеска внутри, и, въ то же время, полное отсутствіе вкуса. Живопись большинства московскихъ церквей могла нравиться людямъ стараго склада, мнѣ же она казалась не естественной и не изящной. Храмъ Христа Спасителя, въ то время, еще строился. Производилъ на меня сильное впечатлѣніе могучій и торжественный звонъ московскихъ колоколовъ, особенно на Пасху. Римъ и тотъ не можетъ похвалиться такимъ прославленіемъ Христа.

Въ шестидесятыхъ годахъ уже ясно было видно, что Москва изъ древне-барскаго города мало-по-малу преобразовывалась въ городъ чисто купеческій. Аристократія доживала свой вѣкъ. Въ Нѣмецкой слободѣ и на Басманной, гдѣ въ 18-омъ столѣтіи воздвигали свои палаты и петербургскіе вельможи, пріѣзжающіе въ Москву, доживать свой вѣкъ на покоѣ, и всѣ крупные представители московской дворянской знати, перевелись почти совершенно, и ихъ померкшія палаты или опустѣли, или достались новымъ богачамъ, новымъ людямъ, знающимъ ранѣе Замоскворѣчье, Рогожскую, Вшивую-горку и другія московскія окраины. Эти новые люди, это первостатейное купечество, вносили условія своей мѣщанской среды и въ жизнь, и въ прежнія великолѣпныя палаты. Домовитая и откормленная купчиха устраивала свою гардеробную и кладовую, и отмѣривала ситецъ, и отвѣшивала сахаръ и хвастала своимъ богатствомъ передъ приходской протопопицей... тамъ, гдѣ съ замирающимъ сердцемъ красавица въ пудрѣ и мушкахъ выслушивала признанія и клятвы... Грустно было смотрѣть на совершающуюся перемѣну, тѣмъ болѣе, что послѣдствія такой перемѣны могли быть только неблагопріятныя. И дѣйствительно, знакомясь съ разными слоями общества и всматриваясь поближе въ московскую жизнь того времени, безъ преувеличенія могу сказать, что вся дѣятельность большинства гражданъ этого многолюднаго центра ограничивалась, главнымъ образомъ, заботой о деньгахъ. Вся-

кая самая благороднѣйшая мысль, направленная на общую пользу, откуда бы она ни шла, дойдя до Москвы, глохла, такъ какъ она большинства не интересовала. Несмотря на то, что это было такое время, когда не только въ Петербургѣ, не только въ губернскихъ, но даже въ уѣздныхъ городахъ, въ каждой почти семьѣ шли разговоры и пренія, интересовались разными проектами всевозможныхъ реформъ и важныхъ нововведеній—Москва занята была одной заботой—наживать деньги. Если когда-то Москва играла передовую роль въ жизни русскаго народа—безотраднѣй того направленія, какое было въ шестидесятыхъ годахъ среди московскихъ гражданъ,—нельзя ничего себѣ представить. Если бы не остатки дворянства, не кружки людей ученыхъ, если бы не университетская и военная молодежь—живя въ Москвѣ, можно было бы ничего не знать, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ; даже московскія газеты того времени были и немногочисленны и скудны по содержанію. Многочисленное населеніе купцовъ, мѣщанъ, даже чиновниковъ, не говоря уже о низшемъ классѣ населенія—все это было окружено непроницаемой тьмой. Ограниченность круга мышленія всѣхъ этихъ слоевъ населенія была поразительна и обидна; она почти лишала васъ возможности какимъ бы то ни было путемъ возбудить ихъ вниманіе къ какому-нибудь общественному вопросу. Надо было начинать бесѣду съ появленія новаго діакона съ громкимъ басомъ и тянуть эту канитель, прежде нежели получится возможность завести рѣчь о какомъ-нибудь вопросѣ, интересующемъ всю Россію. И едва только голосистый діаконъ переставалъ быть главнымъ предметомъ разговора—весь интересъ къ разговору исчезалъ, васъ слушали изъ приличія, зѣвая и не желая понимать. Эти выводы сдѣланы мною на основаніи лишь поверхностныхъ наблюденій—въ положеніи человѣка чужаго это было бы съ моей стороны недобросовѣстно. По выходѣ изъ военной службы, я служилъ въ московской семигласной думѣ, тамъ я близко познакомился и съ купечествомъ, и съ мѣщанскимъ, и цеховымъ обществомъ, и вынесъ прискорбное впечатлѣніе, что даже купецъ изъ тузовъ недалеко ушелъ отъ его тысячелѣтняго предка.

Господство капитала всегда развращаетъ общественную нравственность,—вотъ почему, во время самаго сильнаго хода реформъ, Москва не только не принимала въ нихъ должнаго участія, но даже ихъ тормозила, и, когда вся Россія занята была реформами императора Александра II, Москва устраивала банки, организовала всевозможныя спекуляціи, кинулась въ подряды. Почти всѣ желѣзнодорожныя линіи, строящіяся въ то время въ Россіи, были въ рукахъ московскихъ дѣльцовъ. Акціонерныя предпріятія выростали, какъ грибы и въ то же время число банкротствъ, часто не честныхъ, достигало невѣроят-

ныхъ размѣровъ и банкротство въ глазахъ большинства ни мало не клеймило человѣка. Въ такъ называемой „Ямѣ“ (московская долговая тюрьма) у Иверскихъ воротъ, гдѣ мнѣ приходилось неоднократно стоять въ караулѣ, сидѣли одновременно до 500 человѣкъ обанкротившихся купцовъ, изъ которыхъ добрая половина дѣлали изъ этого свое ремесло и поощряли другихъ къ тому же. Тамъ съ утра до ночи стоялъ гамъ, пьянство, азартныя игры, совершались подкупы и подлоги. Словомъ, общія условія жизни Москвы того времени совершенно не гармонировали съ жизнерадостнымъ направленіемъ остальной Россіи. Москва на все совершающееся смотрѣла, какъ выразился Гоголь „ковыряя въ носу“, она какъ-будто не понимала, что русскому народу жизнь предъявляла роковые вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣла его судьба.

Когда я упрекалъ моихъ знакомыхъ москвичей въ такомъ индифферентизмѣ, они почти въ одинъ голосъ отвѣчали такъ: „а кому и для кого нужно наше вмѣшательство, наши симпатіи? Мы знаемъ, что разсуждай, не разсуждай, вмѣшивайся и симпатизируй, сколько хочешь,—всегда выйдетъ по-другому, а, пожалуй, это другое и выйдетъ настоящимъ дѣломъ, а за твои разсужденія и симпатіи еще дадутъ „по шапкѣ“. Когда не вѣришь въ силу и толкъ своихъ мыслей, такъ лучше молчать о такихъ высокихъ матеріяхъ, не разсуждать“. Пожалуй, въ такомъ отвѣтѣ было много правды, и онъ можетъ служить для москвичей нѣкоторымъ оправданіемъ.

Въ моемъ полувѣковомъ знакомствѣ съ русскимъ обществомъ я убѣдился, что взгляды всего русскаго общества на тотъ или другой общественный вопросъ были крайне сбивчивые, и никто не могъ или не хотѣлъ дать себѣ яснаго отчета, что онъ можетъ желать, и потому всѣ придерживались правила: „куда-де намъ гоняться за лучшимъ? для насъ ладно и то, что имѣемъ“ и дѣйствительно ничего лучшаго не желали. И если являлась крайность что-нибудь исправить—русское общество не затрудняло своихъ мозговъ, чтобы выработать свое, а предоставляло дѣлать чиновникамъ, а тѣ валили по пробитымъ западно-европейскимъ дорожкамъ: по нимъ покатили судебная, земская, цензурная, военная и др. реформы и когда случилась такая телѣга, какъ, напримѣръ, поземельная и общинная, которыя не влѣзали въ западно-европейскія колеи, волею-неволею пришлось пробивать свою собственную дорогу, дѣлать самое непривычное дѣло—шевелить мозгами—вышло плохо:—вопросы эти и до сихъ поръ остаются вопросами не разрѣшенными...

Въ описываемое мною время походы совершались пѣшкомъ. Въ предѣлахъ великихъ русскихъ губерній въ то время существовало только четыре желѣзныхъ дороги: отъ Петербурга до Москвы; отъ

Петербурга до Варшавы и до Царскаго Села, отъ Царицына на Волгѣ до Калача на Дону. Отъ Мурома до Москвы шли мы чуть ли не мѣсяцъ, шли не спѣша, съ дневками и если бы не знойное лѣто, которое выпало на нашу долю въ 1860 г. походъ, этотъ походилъ бы болѣе на прогулку. По прибытіи въ Москву полкъ нашъ расположился въ Покровскихъ казармахъ. Я подыскалъ себѣ небольшую квартиру въ меблированныхъ комнатахъ у Чистыхъ Прудовъ. Хозяинъ этихъ меблированныхъ комнатъ очень любезно и обязательно обѣщалъ мнѣ сдѣлать все, о чемъ я его просилъ: вымыть шторы и окна, перемѣнить на столахъ засаленныя салфетки, дать другое приличное зеркало, починить мебель, потому что изъ дюжины стульевъ—два только стояли крѣпко на ногахъ, а всѣ остальные ходили ходуномъ, словомъ, посулилъ все устроить „въ лучшемъ видѣ".

За двѣ комнатки съ передней и уголъ въ кухнѣ для моего Якова онъ взялъ съ меня за мѣсяцъ впередъ двадцать пять рублей. Когда я на другой день переѣхалъ въ квартиру—никакихъ обѣщаній хозяинъ не исполнилъ. Я сталъ требовать—исполнить все по уговору, но видя его неизмѣнную улыбку и слыша все тѣ же обѣщанія, я плюнулъ на всю эту канитель и.... покорился.

Гдѣ-нибудь за границей ничего подобнаго случиться не могло бы, въ этомъ я впослѣдствіи убѣдился и отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ рѣдко кто будетъ имѣть смѣлость уклониться. Въ Россіи, сколько я наблюдалъ и раньше и теперь, повсемѣстно и вѣчно одна и та же исторія: кто понахальнѣе, тотъ норовитъ обязательствъ своихъ не исполнять. Хозяева и квартиръ, и меблированныхъ комнатъ,—я касаюсь только этихъ двухъ вопросовъ,—съ своими жильцами вели и ведутъ вѣчную войну. Хозяинъ возьметъ впередъ деньги, дастъ взамѣнъ ихъ неустроенную квартиру и этимъ ограничится. Если захочетъ, не будетъ освѣщать вашей лѣстницы, не позволитъ дворнику вынести соръ изъ квартиры; если вы живете въ меблированныхъ номерахъ—содержатель можетъ взять отъ васъ половину вашей мебели, не дать посуды, самовара и т. п. или будетъ давать все это не во время. Кто ему указъ? Словомъ, съ одной стороны самая безцеремонная эксплоатація,—съ другой,—постоянная уступчивость и покорность, если хозяинъ квартиры или номеровъ дружно жилъ съ полиціей и кому нужно платилъ—управы найти нельзя было.

Вообще русскій человѣкъ чрезвычайно сговорчивый и покладистый, даже въ частной своей жизни онъ рѣдко самъ себѣ дѣлаетъ положеніе, большею частью ему дѣлаютъ его другіе, а онъ только его береть и приспособляется, и ничего, а потомъ даже совсѣмъ входитъ въ назначенную ему роль. Только не надо съ нимъ круто поступать. Потихоньку, полегче, помягче, и можно все заставить его

сдѣлать, все перетерпѣть. И это хорошо знаютъ тѣ, кому это знать нужно. Издай, кто хочетъ, кто имѣетъ хоть на вершокъ власти, будь онъ хоть хозяинъ дома или меблированныхъ комнатъ, гдѣ вы живете, или даже старшій дворникъ, какія угодно правила и постановленія и введи ихъ только полегче и незамѣтно, всѣ покорятся непремѣнно. Нѣкоторые, конечно, будутъ сначала фрондировать, слегка ворчать, либеральничать, но мало-по-малу обойдутся и все исполнятъ. Поэтому русскій человѣкъ никогда не посовѣтуетъ вамъ протестовать противъ того, кто сильнѣе, какъ бы тотъ ни обижалъ, а всегда посовѣтуетъ подчиниться. И дѣлаетъ онъ это не столько по трусости, сколько по добродушію и лѣни.

Въ концѣ концовъ я устроился на новой моей квартирѣ недурно, благодаря тому, что у меня былъ свой денщикъ; иначе мнѣ было бы очень трудно, что въ номерахъ былъ большой недостатокъ прислуги. Несуразная горничная наша Татьяна постоянно летала, тяжело стуча каблуками по коридору. „Татьяна, слышалось здѣсь, „Татьяна“—слышалось тамъ; „Татьяна, подай, самоваръ“. И Татьяна всюду бросалась и у самой двери вашей слышалось: „чтобы тебѣ лопнуть, окаянный“, „ишь разорался!“ Но она никуда не поспѣвала и ничего дѣльнаго не дѣлала, она только огрызалась, бѣгала, какъ угорѣлая отъ одного жильца къ другому и все съ однимъ и тѣмъ же самоваромъ; впослѣдствіи мой денщикъ Яковъ выручалъ Татьяну во всѣхъ трудныхъ случаяхъ и часто даже въ ущербъ прямымъ своимъ обязанностямъ по отношенію меня.

По сосѣдству со мною, черезъ номеръ, проживалъ пролетарій газетныхъ и журнальныхъ фабрикъ, существованіе которыхъ въ шестидесятыхъ годахъ было крайне бѣдственное. Въ настоящее время подобные моему сосѣду работники живутъ сравнительно припѣваючи. Я съ нимъ скоро познакомился и сошелся: это былъ блѣдный, измученный работою молодой человѣкъ, образованный и даровитый. Ради нужды и любви къ литературному труду онъ бралъ всякую литературную работу, какую ему давали, и всякую цѣну, которую предлагали, работы же въ это время было и мало, и работа дешевая. Довольно сказать, что книгопродавецъ Сытинъ за переводъ съ нѣмецкаго языка платилъ моему сосѣду по 18 руб. за печатный листъ, съ условіемъ работу приготовить къ сроку. Лучшіе гонорары за переводы давалъ Кожанчиковъ и то отъ 25 до 30 руб. за печатный листъ. Случалась у моего сосѣда работа, какъ онъ называлъ, „частная“. Это было исправленіе разныхъ рукописей повѣстей, романовъ, стиховъ и пр., и эта работа давала ему сравнительно лучшій заработокъ: въ то время безграмотныхъ писакъ развелось много. Быть хоть плохимъ литераторомъ это было занятіе модное, либеральное. Одинъ разъ ве-

черомъ явился къ моему сосѣду какой-то военный, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, генералъ, съ маленькимъ свертком почтовой бумаги, обвязанной розовой ленточкой. Въ свертк были стихи, авторомъ которыхъ была жена генерала; по рекомендаціи Ѳедора Богдановича Миллера, редактора „Развлеченія“, генеральша стихотворенія свои послала къ моему знакомому литератору для исправленія и пополненія ихъ риѳмами, которыхъ мѣстами недоставало. Отдавая свертокъ, генералъ просилъ, чтобы имя его жены осталось въ секрет, прибавивъ: „понимаете, она мать семейства“. За эту работу, сдѣланную имъ добросовѣстно и при томъ въ теченіе двухъ дней, генералъ заплатилъ пятьдесятъ руб. и просилъ бывать у нихъ. Стихи генеральши вскор вышли въ очень изящномъ изданіи, подъ заглавіемъ „Женская муза“. Сумма, полученная отъ генерала, поправила финансовыя дѣла моего сосѣда на столько, что въ день полученія гонорара онъ угостилъ меня ужиномъ въ лучшемъ въ то время московскомъ ресторан „Саратовъ“.

Съ легкой руки генерала, для исправленія литературныхъ произведеній всякихъ формъ,—и прозою, и стихами—стали являться „сочинители“, сначала рѣдко, но потомъ просто отбою не было, такъ что мой сосѣдъ черезъ полгода, со дня моего съ нимъ знакомства, матеріально поправился, сшилъ себѣ модный костюмъ, купилъ хорошую шубу и сталъ принимать у себя литераторовъ изъ разныхъ редакцій. Онъ самъ уже не могъ справляться съ корректурной работой, такъ было ея много, и часть отдавалъ мнѣ, такъ что и я зарабатывалъ не мало.

Бывали случаи, что онъ являющихся къ нему съ рукописями направлялъ прямо ко мнѣ. Однажды, часа въ четыре, пришли ко мнѣ двѣ дамы съ ливрейнымъ лакеемъ. Онѣ принесли съ собою цѣлый ворохъ тетрадей,—это были переводы съ французскаго какихъ-то романовъ. Мнѣ бы нужно было условиться съ ними въ цѣнѣ за исправленіе и этимъ дѣло покончить, а я съ дуру началъ вести съ ними какой-то литературный разговоръ и что-то сказалъ о Жоржъ-Зандъ. Самъ потомъ былъ не радъ, да спохватился поздно. Какъ начали онѣ тараторить, до десяти часовъ вечера просидѣли. Я думалъ, что всю ночь просидятъ. Съ тѣхъ поръ я сдѣлался осторожнѣе съ „сочинительницами“.

Сотрудники московскихъ газетъ и журналовъ, съ которыми я встрѣчался у моего сосѣда, за исключеніемъ двухъ—трехъ, смотрѣли на свое призваніе какъ-то узко. Ихъ коньками было искусство, филологическія теоріи до санскритскаго языка включительно, да беллетристическая реномистика, а настоящаго дѣла у нихъ не было. Они какъ-то долго не понимали, что у русскаго общества на умѣ

были вещи другаго рода, и что оно ждало отъ литературы разрѣшенія вопросовъ громадной важности, между тѣмъ они тратили и время, и трудъ на мелкіе споры о вопросахъ отжившей науки и дряхлой, лепечущей старыя пѣсни—поэзіи... Я не ставлю имъ этого въ вину, ибо въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ русская журналистика не вышла тогда еще изъ періода юношескаго броженія, не умѣла и не могла развиваться правильно, чему не мало мѣшали ей и строгіе цензурные порядки... Ни въ Петербургѣ, ни, особенно, въ Москвѣ не было еще такой прессы, которая служила бы живому дѣлу и представляла собой интересы русскаго общества или какой-либо партіи. Какъ исключеніе можно развѣ признать до нѣкоторой степени органы славянофиловъ, но кругъ ихъ вліянія былъ такъ незначителенъ, что русское общество, за исключеніемъ небольшой группы людей, славянофильскими вопросами совсѣмъ не интересовалось, да едва-ли они были ему симпатичны, по крайней мѣрѣ, я постоянно слышалъ неодобрительные отзывы стремленіямъ славянофиловъ. Славянофильскій вопросъ меня интересовалъ, и я старался близко ознакомиться съ его задачами. На мой взглядъ, несмотря на великую основную задачу славянофильства—единеніе славянъ,—ошибка ихъ заключалась въ томъ, что ими весь этотъ славянскій вопросъ поставленъ былъ не только не серьезно, но и ложно. Ложь была въ томъ, что они брали его съ чисто внѣшней, международной стороны, и старались отдѣлить какъ нѣчто совсѣмъ особенное и отличное отъ другихъ вопросовъ, между тѣмъ какъ онъ въ сущности очень мало отъ нихъ отличался. Старались, напримѣръ, увѣрить, что какой-нибудь сербъ, словакъ или чехъ страдаетъ единственно въ силу своей политической зависимости отъ иноплеменника—и что стоитъ имъ только принять православіе, примкнуть къ большому славянскому центру, признать одинъ для всѣхъ общій языкъ, чтобы сдѣлаться разомъ счастливѣйшими изъ людей. Словомъ, русскіе славянофилы мечтали православіемъ и языкомъ большинства, не принимая въ разсчетъ даже его культуры, осчастливить все многомилліонное славянство. Это были несбыточныя фантазіи хорошихъ, но кабинетныхъ людей. Славянскій съѣздъ въ Москвѣ, гдѣ, за исключеніемъ поляковъ, были представители всѣхъ славянскихъ народностей, развѣялъ всѣ эти иллюзіи, и перспективы съ православіемъ, общеславянскимъ языкомъ и общимъ центромъ не принялъ. Славянофилы забывали, что есть еще иная сила, которая называется экономическимъ бытомъ народа, и что если этотъ бытъ плохъ, ни православіе, ни славянскій центръ, ни общій языкъ счастливыми не славянъ сдѣлаетъ. Славянофилы требовали, чтобы и словакъ, и чехъ, и уніатъ-русинъ играли какія-то комедіи съ переодѣваніемъ, но играть комедіи—это дѣло досужихъ людей, а

не народа, вѣчно воюющаго за кусокъ насущнаго хлѣба, за право существованія на землѣ, за право не быть раздавленнымъ въ колесѣ той воздушной машины, которою управляютъ экономическія силы. Поляковъ считаютъ плохими славянами и обвиняютъ ихъ, что они никогда не симпатизировали славянофиламъ. Да, помилуйте, какъ же было симпатизировать? Вѣдь чтобы сдѣлаться поляку „счастливымъ славяниномъ", нужно было по рецепту славянофиловъ обратиться въ младенца и начинать все съ азовъ. Такимъ путемъ „славянскіе ручьи" никогда не могли слиться „въ одну славянскую рѣку",— отъ этого сліянія не выиграла бы даже и рѣка. Чтобы строить такіе воздушные замки, славянофиламъ нужно было пустое пространство, къ чему-нибудь положительному теоріи ихъ прикасаться не могли, и отъ прикосновенія съ твердыми реальными основаніями дѣйствительной жизни—разсыпались въ прахъ.

Однажды сосѣдъ мой явился ко мнѣ въ номеръ, противъ обыкновенія, раньше. На немъ былъ фракъ по послѣдней модѣ, бѣлье и перчатки первѣйшей свѣжести, шляпа-циммерманъ и сапоги блестѣли, какъ зеркало. На мой вопросъ: не на свиданіе ли онъ собирается,— сосѣдъ мой подалъ мнѣ листъ почтовой бумаги съ бланкомъ редактора „Московскихъ Вѣдомостей" и „Русскаго Вѣстника", на которомъ мелкимъ, но четкимъ почеркомъ было написано приглашеніе явиться въ контору редакціи для личныхъ переговоровъ.

Письмо написано было собственноручно М. Н. Катковымъ.

Я былъ чрезвычайно доволенъ за моего сосѣда, такъ какъ М. Н. Катковъ началъ въ то время входить въ славу и могъ дать ему хорошую и хорошо оплачиваемую работу. Вечеромъ я побывалъ у сосѣда, чтобы узнать о результатахъ его визита. Результаты оказались блестящіе. Каткову понравился его чистоплотный и представительный видъ. Онъ далъ ему это понять, заявивъ, что не любитъ сотрудниковъ грубыхъ, дерзкихъ и грязныхъ. Я нѣсколько разъ бывалъ въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей" и „Русскаго Вѣстника" на Страстномъ Бульварѣ и, дѣйствительно, всегда встрѣчалъ тамъ сотрудниковъ и служащихъ опрятно и даже элегантно одѣтыхъ и крайне вѣжливыхъ. Контора этихъ редакцій походила въ миніатюрѣ на петербургскіе департаменты. Наружность Каткова (до того я его никогда не видѣлъ) моему сосѣду не понравилась. По его мнѣнію, это былъ человѣкъ крутой и жесткій, въ манерахъ грубоватый и на первый взглядъ не интеллигентный.

Катковъ заявилъ сосѣду моему, что онъ хотѣлъ бы имѣть его своимъ сотрудникомъ, такъ какъ онъ много слышалъ хорошаго о его литературныхъ способностяхъ. Затѣмъ они говорили о прогрессѣ, объ освобожденіи крестьянъ, о присяжныхъ въ Англіи, о мировомъ инсти-

тутѣ, о самоуправленіи и проч., и видно было, что все, о чемъ онъ говорилъ, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ.

Въ этой бесѣдѣ выяснилось, что Катковъ не любитъ узкихъ рубрикъ, стоитъ во всемъ за самую широкую терпимость, хочетъ быть послѣдовательнымъ и никогда не противорѣчитъ своимъ принципамъ. Это profession de foi чрезвычайно понравилось моему сосѣду, такъ какъ и онъ былъ болѣе или менѣе такихъ же взглядовъ. Такъ проговорили они около получаса и разстались друзьями. Катковъ просилъ приготовить какую-нибудь работу къ слѣдующей книжкѣ „Русскаго Вѣстника", назначивъ, относительно, солидный гонораръ.

Скоро сосѣдъ мой переселился на новую квартиру поближе къ Страстному Бульвару, и мнѣ жаль было разставаться съ этимъ милымъ и умнымъ человѣкомъ.

Изъ разсказа моего сосѣда о пріемѣ его Катковымъ я вывелъ заключеніе, что мой сосѣдъ, должно быть, дѣйствительно, былъ способный литераторъ и нужный Каткову человѣкъ, такъ какъ о Катковѣ ходили слухи, что онъ даже съ лучшими своими сотрудниками не любилъ подолгу объясняться, боясь уронить свое достоинство и свой авторитетъ, въ то время пока только профессорскій. Впослѣдствіи я получилъ свѣдѣнія о Катковѣ нѣсколько больше и, сколько помню, отзывы о немъ, какъ среди студентовъ, такъ и между людьми, имѣющими соприкосновеніе къ наукѣ и къ литературѣ, были вообще для Каткова не особенно симпатичны. Я часто бывалъ у профессора исторіи Московскаго университета Выдинскаго. У него, кажется, по четвергамъ устраивались бесѣды и въ числѣ присутствующихъ было много ученыхъ и профессоровъ. Бесѣдовали открыто, не чинясь и не важничая и при этомъ разсказывали такую пропасть въ высшей степени интересныхъ вещей, что бесѣды эти снабжали меня огромнымъ запасомъ знаній. Однажды по поводу какой-то статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ" зашелъ разговоръ о Катковѣ. Между различными отзывами, по большей части не въ пользу Каткова, вотъ что говорилъ о немъ профессоръ М—гаузенъ: „Онъ никогда и ничѣмъ не хочетъ себя связывать. На серьезный открытый споръ его никогда не вызовешь и послѣдняго слова отъ него не добьешься, потому что у него нѣтъ никакихъ основныхъ убѣжденій, на которыя онъ могъ бы упереться твердо. Это человѣкъ, который считаетъ себя превыше всѣхъ и всего. На всѣ ваши аргументы онъ отвѣчаетъ: или насмѣшкой, или бранится. Сила Каткова заключается въ томъ, что онъ умѣетъ ловить моменты, умѣетъ нападать врасплохъ, бьетъ даже лежачаго и производитъ тревогу".

Такъ или иначе, вслѣдствіе ли недюжиннаго ума, или вслѣдствіе умѣнья „ловить моменты", но Катковъ, въ свое время, представлялъ

могущественную общественную силу. Въ обществѣ, проснувшемся къ новой жизни, онъ первый заговорилъ и заговорилъ смѣло о пользѣ свободы и самоуправленія. Всѣ внимали ему и восторгались, ибо всѣ хотѣли того же, чего, повидимому, хотѣлъ и Катковъ. Но скоро произошелъ въ немъ быстрый переворотъ, „пойманъ былъ новый моментъ". Оказалось, что идеи свободы и самоуправленія и всего того, что съ ними связано, были для самого Каткова такими же невыношенными идеями, какія, по его увѣренію, были въ устахъ его противниковъ разныя другія идеи...

Такія противорѣчія во взглядахъ были и очень часты и очень рѣзки. Я помню недоумѣніе, вызванное статьею Каткова (кажется, въ 1862 г.), въ которой онъ, подъ вліяніемъ своихъ англоманскихъ идей, знать ничего не хотѣлъ о русской народности и смѣялся надъ толками о ней, называя сумасбродами тѣхъ, кто говорилъ о высшихъ судьбахъ русской земли въ будущемъ и приводилъ противъ нихъ аргументъ, сдѣлавшійся знаменитымъ: „будущее потому и будущее, что его въ наличности не имѣется". Спустя два года, онъ писалъ уже иначе: „Намъ позволительно думать, что русская народность имѣетъ свои великія судьбы, имѣетъ свое всемірное назначеніе".

Такая сбивчивость во взглядахъ лишила, мало-по-малу, Каткова значенія серьезной общественной силы и если въ 1863 году выручило его польское возстаніе, давши ему возможность сдѣлаться даже однимъ изъ главныхъ дѣятелей при „разрѣшеніи" польскаго вопроса, то, однако, не вернуло ему прошлаго значенія общественнаго дѣятеля. Польское возстаніе — это былъ моментъ самый подходящій и вполнѣ отвѣчающій свойствамъ публицистической дѣятельности Каткова, и онъ имъ воспользовался съ большимъ умѣніемъ. Тутъ какихъ-либо твердыхъ убѣжденій не требовалось; можно было мѣнять ихъ хотя каждый день, надо было только шумѣть. И Катковъ шумѣлъ, кричалъ, билъ тревогу, лупилъ безъ толку и безъ разбору по всему, что ему подъ руку попадало и по всѣмъ, не щадя даже своихъ, кто съ нимъ хоть на волосъ былъ несогласенъ. Я недавно прочиталъ полный сборникъ статей Каткова по польскому вопросу. Меня, свидѣтеля всей этой потрясающей драмы, ужаснула безцеремонность, ложь и злоба, заключающаяся въ этихъ статьяхъ. Какъ будто человѣкъ ошалѣлъ отъ дурману и кусалъ, кусалъ безъ конца... Между тѣмъ, злоба тутъ была и лишняя и безполезна.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ была помѣщена въ петербургской польской газетѣ „Kraj" моя корреспонденція съ Дона. Въ этой корреспонденціи, совершенно невинной по содержанію, „Московскія Вѣдомости" усмотрѣли вредную политическую тенденцію, придравшись

къ тому, что я обратилъ вниманіе читателей „Края“, что на Дону названія нѣкоторыхъ предметовъ тожественны съ названіями польскими и что много казаковъ хорошо говорятъ по-польски, что было совершенно естественно, такъ какъ казаки отбывали свою службу по преимуществу въ Польшѣ. Замѣтка „Московскихъ Вѣдомостей“, написанная въ довольно рѣзкой формѣ, имѣла нѣкоторыя непріятныя для меня послѣдствія въ томъ смыслѣ, что я долженъ былъ объясняться тамъ, гдѣ я бы вовсе не желалъ. Въ іюлѣ 1880 года, будучи въ Москвѣ, я хотѣлъ лично обратить вниманіе редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ на то, что такого рода инсинуаціи, не говоря уже о ихъ неосновательности, вредно отзываются на репутаціи лицъ, ими затронутыхъ. Явился я въ редакцію въ 12 часовъ утра; большая пріемная была полна народомъ. Тамъ сидѣли и стояли человѣкъ около тридцати въ мундирахъ съ орденами, во фракахъ, дамы въ нарядныхъ платьяхъ, совсѣмъ какъ въ пріемной министра. Въ числѣ присутствующихъ я замѣтилъ двухъ генераловъ, нѣсколько офицеровъ, студентовъ, редактора одной Львовской газеты, которому протежировалъ Катковъ, и какого-то красиваго мужчину въ національномъ костюмѣ, оказавшимся далматинцемъ.

Отъ секретаря редакціи, очень изящнаго молодаго человѣка, я узналъ, что М. Н. находится въ конторѣ. Я просилъ секретаря устроить мнѣ самую короткую „аудіенцію“ (свиданіе съ Катковымъ всѣ называли „аудіенціей“.) Секретарь любезно сообщилъ, „что г. редакторъ“ у себя въ кабинетѣ принимаетъ только по очень важнымъ дѣламъ, а черезъ полчаса явится въ пріемную, гдѣ я могу сообщить ему, что мнѣ нужно. Предъявляя удостовѣреніе редакціи „Края“, что я состою ея сотрудникомъ, я вновь убѣдительно просилъ секретаря устроить для меня „аудіенцію“ у редактора, въ виду конфиденціальнаго характера моего дѣла. Послѣ пріема „просителей“ прошло не болѣе получаса, и я былъ приглашенъ въ кабинетъ. Когда я вошелъ, Катковъ привсталъ со своего стула и, отвѣтивъ кивкомъ головы на мой поклонъ, жестомъ руки указалъ мнѣ на кресло, стоящее съ противуположной стороны большаго письменнаго стола, буквально заваленнаго книгами, брошюрами и бумагами. До того я Каткова не видѣлъ никогда. На видъ М. Н. можно было дать не болѣе 50 лѣтъ. Я полагалъ въ его физіономіи найти признаки той внутренней силы, которую долженъ имѣть воинъ мысли, представитель движенія и прогресса, какимъ я его тогда считалъ, я полагалъ, что подмѣчу отблескъ того ореола, которымъ его окружали почитатели, но откровенно признаюсь, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе концессіонера, милліонщика, золотопромышленника, но не литератора и ученаго. Когда я объяснилъ ему суть моего дѣла и сказалъ, что

при такой постоянной „травлѣ“ (я употребилъ это выраженіе) „поляковъ“ „Московскими Вѣдомостями“ и другими органами русской печати полякамъ не представляется никакой возможности заняться какимъ-либо дѣломъ, ничего общаго съ политикой не имѣющимъ, вездѣ хотятъ видѣть „интригу“ и злонамѣренность,—на его сжатыхъ губахъ появилось выраженіе тонкой ироніи, онъ смотрѣлъ на меня пристально, нѣсколько прищурившись и послѣ нѣкоторой паузы, вертя большимъ ножемъ изъ слоновой кости, растягивая слова, сказалъ:

— Послѣ 63 года мы, русскіе, имѣемъ полное право вамъ не довѣрять и, какія бы ни были ваши задачи и стремленія, я буду считать ихъ опасными для насъ и всегда имъ буду противодѣйствовать, такъ какъ вы, поляки, ничего не дѣлаете безъ задней мысли вредить намъ. Я давно уже обратилъ вниманіе на ваши корреспонденціи „въ Краѣ“ изъ Приволжскихъ губерній и Нижегородской ярмарки. Я понимаю цѣль Пильца [1]). Онъ стремится указать польскимъ промышленникамъ на этотъ край, чтобы они захватили его въ свои цѣпкія руки, для сбыта своихъ фабрикатовъ, а этого допустить нельзя. Не удалось вамъ смутить Волгу бунтомъ, хотите завоевать ее торговлей.

— Простите меня. Намекъ о польскихъ затѣяхъ вооруженнаго бунта на Волгѣ—это обвиненіе не солидное. Поляки не могутъ отвѣчать за фантазіи нѣсколькихъ шальныхъ головъ, большинство которыхъ, какъ вамъ извѣстно, были русскіе: Максимъ Чернякъ, Михайловъ, Орловъ и др.

— Если же польскіе товары будутъ имѣть сбытъ на волжскихъ рынкахъ, то какой же въ этомъ вредъ, это будетъ значить, что они хороши, дешевы и удовлетворяютъ потребностямъ населенія. Польскихъ товаровъ на Волгѣ ежегодно продается на нѣсколько милліоновъ рублей, и профессоръ Янжулъ, послѣ подробнаго изслѣдованія этого вопроса, призналъ за польскими товарами громадныя преимущества не только въ смыслѣ добротности, но и дешевизны. А профессоръ Янжулъ не полякъ,—возразилъ я.—Неужели ради какихъ-то воображаемыхъ польскихъ интригъ и не существующихъ опасностей—можно бить по карману русскій народъ.

— Я не хуже Янжула знакомъ съ этимъ вопросомъ и утверждаю, и Россія мнѣ вѣритъ, что, если пустить васъ свободно съ товарами на Волгу и вообще въ русскія губерніи, черезъ годъ, много черезъ два, поляки „Моисеева Закона“, какъ вы ихъ величаете, заполонятъ насъ своими фабрикатами и сами полѣзутъ, какъ саранча, а такое нашествіе хуже голода и чумы.

---

[1]) Пильцъ—редакторъ „Края“.

Я хотѣлъ было возражать, но это мнѣ не удавалось, такъ какъ Катковъ началъ импровизировать на прежнюю тему, что полякамъ довѣрять нельзя. Онъ говорилъ хорошо, краснорѣчиво, но въ томъ диктаторскомъ, непогрѣшимомъ тонѣ, въ какомъ онъ писалъ свои передовицы.

Интересенъ былъ его взглядъ на петербургскую польскую газету „Край“ и на ея редактора Пильца:

— Газету эту я считаю безусловно вредною и ее давно слѣдовало бы закрыть, о чемъ я неоднократно писалъ и кому слѣдуетъ говорилъ. Пильцъ—человѣкъ умный и потому опасный.

Рѣчь его была переполнена ссылками на статьи „Края“, въ дѣйствительности самаго миролюбиваго характера, и при этомъ рѣчь его пополнялась множествомъ ѣдкихъ выходокъ противъ Пильца и попутно противъ Спасовича, какъ будто бы и Пильцъ и Спасовичъ были его злѣйшими личными врагами. По временамъ рѣчь его принимала не дѣловой, желчный тонъ, который былъ въ данномъ случаѣ совсѣмъ неумѣстенъ, тѣмъ болѣе, что я не обнаруживалъ ни малѣйшаго расположенія ему возражать и, когда онъ кончилъ говорить о „Краѣ“, я нашелъ нужнымъ сказать.

— Виноватъ, М. Н., но мнѣ непонятнымъ становится вашъ отзывъ о „Краѣ“, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что газета эта редактируется г. Пильцемъ въ духѣ лояльномъ и примирительномъ и вдобавокъ подъ предварительной цензурной, а этого послѣдняго факта уже совершенно достаточно, чтобы газета не имѣла вреднаго направленія.

— Намъ парламентеровъ не надо,—сказалъ Катковъ, усиливая голосъ,—міра мы заключать не будемъ, а будемъ воевать, до тѣхъ поръ, пока польскаго вопроса не похоронимъ и не поставимъ надъ нимъ креста.

— Но вѣдь русскіе, въ томъ числѣ я, имѣютъ данныя сослаться и на васъ, постоянно твердятъ всему свѣту, что смерти польскаго народа они не желаютъ, если не изъ благорасположенія къ нему, то вникнувши въ необходимыя дурныя послѣдствія разложенія и гніенія каждаго народнаго тѣла... И дѣйствительно, эти милліоны людей, лишенныхъ отечества, эти милліоны отступниковъ, умственно развитыхъ, а нравственно уничтоженныхъ, грозили бы и Россіи и всему славянству весьма опаснымъ пролетаріатомъ. Слава Богу, однако, что какія бы силы ни хотѣли поставить креста на могилѣ польскаго народа—эта задача невыполнимая. Вамъ, М. Н., хорошо извѣстно, что польскій народъ, несмотря на политическія невыгоды своего существованія, не слабѣетъ, а растетъ и укрѣпляется и каждое поколѣніе сдаетъ общественныя дѣла слѣдующему поколѣнію безъ ущерба и недочета.

— Это неисправимое польское самообольщеніе. Исторія намъ показала, что вы къ разумной и легальной борьбѣ не способны, а во всякой другой вы будете побѣждены, и славянскій міръ поблагодаритъ насъ за то, что мы сняли польскій наростъ съ его здороваго тѣла.

Дальше продолжать разговоръ становилось неудобно, и я всталъ, чтобы откланяться. Катковъ, пожимая мнѣ руку, сказалъ:

— Я невиноватъ, если разговоръ нашъ былъ вамъ непріятенъ. Онъ и меня давитъ, раздражаетъ до того, что я часто бываю боленъ, но бороться съ вами все-таки я не перестану—это цѣль моей жизни.

Если бы Катковъ воскресъ изъ мертвыхъ и увидѣлъ теперь результаты своей работы—можно поручиться, что онъ жить не хотѣлъ бы дальше. А, впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ это былъ бы для него „новый моментъ", которымъ онъ умѣлъ бы воспользоваться съ пользою для себя.

Вотъ почти слово въ слово все, что сказано было Катковымъ и мною.

Несмотря на крайне-щекотливый предметъ нашей бесѣды и на несдержанный тонъ Каткова, я былъ очень доволенъ, что мнѣ удалось съ нимъ побесѣдовать. Впечатлѣніе этой „аудіенціи" въ общемъ было таково, что я ясно увидѣлъ, что Катковъ для поляковъ вовсе не такъ страшенъ, какъ объ немъ составилось мнѣніе, и что онъ больше умѣетъ злиться, чѣмъ вредить и, разсуждая совершенно спокойно, война, которую онъ такъ зло и страстно велъ противъ поляковъ въ теченіе 20 лѣтъ, рѣшеніе польскаго вопроса не только не подвинула впередъ, но, напротивъ, запутала его. Какъ ни былъ Катковъ въ свое время силенъ, какое онъ ни имѣлъ большое вліяніе на тѣ или другія мѣры для разрѣшенія польскаго вопроса, онъ забывалъ, что не только его передовицы, но даже мечъ этого вопроса не разрѣшитъ и что онъ можетъ быть разрѣшенъ исключительно мирными и безобидными для поляковъ мѣрами. Поэтому Катковъ дурно дѣлалъ, и исторія за это его осудитъ, что онъ постоянно волновалъ русское общество призраками польскихъ мятежей, вмѣсто того, чтобы развивать и въ русскомъ обществѣ и среди народа то убѣжденіе, что неуваженіе чужой народности, есть презрѣніе своей, что посягательство на чужія права есть сильнѣйшій деспотизмъ и если бы онъ работалъ въ такомъ направленіи между двумя враждующими народностями, давно положенъ былъ бы конецъ для дальнѣйшей вражды и она лишилась бы всякой пищи.

Занимаясь исключительно польскимъ вопросомъ, котораго тѣмъ не менѣе онъ разрѣшить не былъ въ состояніи, Катковъ пересаливалъ и, естественно, надоѣдалъ. Чувствуя перемѣну въ настроеніи

общества, онъ съ половины семидесятыхъ годовъ началъ усваивать въ своихъ изданіяхъ такіе нечистоплотные пріемы, такія возмутительныя точки зрѣнія и такія выходки ретроградства, что возбудилъ негодованіе даже прежнихъ своихъ поклонниковъ. Совершенно достовѣрный фактъ, что во всѣхъ почти приволжскихъ городахъ въ общественныхъ собраніяхъ и клубахъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ было постановлено, чтобы „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ не выписывать. Я читалъ подлинный протоколъ общаго собранія членовъ клуба одного изъ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ приволжскихъ городовъ. Тамъ буквально сказано такъ: „Въ виду усвоенныхъ газетою „Московскія Вѣдомости“ и журналомъ „Русскій Вѣстникъ“ полицейскихъ пріемовъ и полицейской точки зрѣнія, въ виду ежедневныхъ выходокъ ретроградства противъ общества, земства и суда и незаслуженныхъ и ничѣмъ не доказанныхъ инсинуацій противъ уважаемыхъ личностей, общее собраніе гг. членовъ единогласно постановило въ будущемъ году газету „Московскія Вѣдомости“ и журналъ „Русскій Вѣстникъ“ для библіотеки общественнаго собранія не выписывать“.

Несомнѣнно, что, временно, Катковъ имѣлъ огромное вліяніе на русскую публику. „Московскія Вѣдомости“ особенно съ 1863 года распространены были особенно въ провинціи въ колоссальныхъ размѣрахъ. Газета же была политическимъ евангеліемъ чуть ли не большинства. Русская провинціальная масса въ то время на значеніе литературы смотрѣла поверхностно. Тамъ рѣдко можно было встрѣтить людей, которые были проникнуты сознаніемъ необходимости выработать опредѣленные взгляды на тотъ или другой вопросъ жизненный или политическій и опереться въ этихъ своихъ взглядахъ на содѣйствіе и сочувствіе единомыслящаго съ нимъ журнала или газеты. Я зналъ завзятыхъ ретроградовъ, которые выписывали и читали, несомнѣнно, либеральный журналъ и похваливали его. Вся тайна успѣха „Московскихъ Вѣдомостей“ заключалась въ томъ, что прежняя провинція привыкла въ газетѣ интересоваться почти исключительно эффектными событіями иностранной политики и вообще событіями такого свойства, какъ бунты, заговоры, политическіе и сенсаціонные уголовные процессы, чѣмъ „Московскія Вѣдомости“ пользовались широко и при томъ ратуя постоянно, нужно ли это было, или не нужно, противъ нѣмцевъ, англичанъ, турокъ и льстя національному самолюбію, пріобрѣли репутацію „патріотической газеты“, что заслоняло долгое время отъ публики всѣ ея другіе недостатки и обезпечивало газетѣ огромный контингентъ провинціальнаго читателя. Какихъ-нибудь спокойныхъ, разумныхъ взглядовъ газета эта среди своихъ читателей не вырабатывала. Живя на Волгѣ, во время самаго

большаго успѣха „Московскихъ Вѣдомостей", и интересуясь взглядами русскаго народа на польскій вопросъ, я былъ пораженъ самыми ужасными обвиненіями, сыпавшимися на поляковъ, не имѣющими въ основаніи своемъ не только правды, но даже и смысла, съ постоянными ссылками, что такъ пишутъ „Московскія Вѣдомости". Можно быть фанатикомъ, можно быть пропагандистомъ, но нельзя деморализировать людей обманомъ и натравливать однихъ гражданъ на другихъ. Но для Каткова законовъ не существовало. Для травли поляковъ — ему позволено было все.

Пріобрѣтя извѣстность,—и стыдно сказать, было время, что даже почетъ и уваженіе страстною бранью, нетерпимостью и ненавистью къ полякамъ,—Катковъ хотѣлъ привить эти свойства къ русскому народу, но, благодаря Бога, это удалось ему на короткое только время. Онъ не зналъ души русскаго народа. Въ русскомъ народѣ задатковъ къ усвоенію такихъ гадкихъ качествъ не имѣется, и онъ долго ненавидѣть не умѣетъ. Неужели Каткову ни разу не приходилось видѣть русскаго крестьянина, не говоря уже о людяхъ интеллигентныхъ, когда онъ идетъ объ руку съ татариномъ, нѣмцемъ, полякомъ, англичаниномъ, чувашемъ, жидомъ, когда онъ набожно снимаетъ шапку и крестится при встрѣчѣ съ гробомъ католика или протестанта, при чемъ въ первомъ случаѣ скажетъ: „хоронятъ поляка", а во второмъ „хоронятъ нѣмца". Это-то Катковъ и прозѣвалъ.

Я помню такой случай въ Нижнемъ-Новгородѣ во время ярмарки. Въ засѣданіи ярмарочнаго комитета, въ которомъ и я принималъ участіе, разбиралась статья „Московскихъ Вѣдомостей" по поводу ограниченій, которыя Катковъ рекомендовалъ ярмарочному купечеству сдѣлать для польскихъ фабрикантовъ, отправляющихъ свои товары на ярмарку. Во время дебатовъ по этому поводу одинъ изъ членовъ комитета сказалъ буквально такъ: „что нужно этимъ „Московскимъ Вѣдомостямъ"? Чего онѣ шумятъ безъ толку и мѣшаютъ работать честно. Поляки такіе же подданные нашего царя. Было время, поляки провинились и мы ихъ били, но время это, слава Богу, давно миновало; не въ нашихъ обычаяхъ помнить зло и вѣкъ враждовать. Наступило время сказать имъ: милости просимъ, гг. поляки, съ нами въ кабакъ—выпьемъ мировую". Эта простая и честная рѣчь вызвала восторгъ и никакихъ ограниченій для польскихъ фабрикантовъ ярмарочный комитетъ не сдѣлалъ. Фактъ этотъ я въ то же время засвидѣтельствовалъ въ одной изъ моихъ корреспонденцій изъ Нижняго въ польской газетѣ „Край".

Да проститъ меня русскій читатель, что я такъ долго останавливалъ его вниманіе на „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и ихъ редакторѣ М. Н. Катковѣ. Но настало время, когда и намъ можно сказать правду.

Время съ 1860 по 1863 годъ на долго останется памятнымъ въ исторіи русскаго развитія. Это были годы того кризиса, когда идеи, до того господствовавшія въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, должны были выдержать практическое испытаніе, годы перелома, когда жизнью поставленъ былъ передъ русскимъ обществомъ роковой вопросъ о степени его умственной и нравственной зрѣлости, о ближайшихъ судьбахъ общественнаго развитія, о первенствѣ и господствѣ того или другаго направленія въ ближайшемъ будущемъ. То были самые критическіе моменты мутнаго броженія въ русской жизни, изъ котораго должно было явиться или „свѣтлое вино", или получиться осадокъ горькій, противный. Къ чести русскаго общества надо сказать, что оно всегда дотолѣ апатичное обнаруживало въ эти годы необходимыя данныя для зрѣлой дѣятельности и если оно ничѣмъ исторически-важнымъ себя не заявило, въ этомъ уже вина не русскаго общества.

Литература, которая до 1860 года совершенно не занималась вопросами общественной жизни, а тратила и время, и трудъ на отвлеченные споры, вдругъ получила могучій импульсъ и пріобрѣла громадное вліяніе на общество.... Смѣлость, даже дерзость мысли, полнота и цѣлость убѣжденія, сила и искренность чувства, стремленіе всесторонне ознакомиться съ насущными вопросами жизни—таковы были основныя черты литературы 60—63 годовъ. Несмотря на наклонность къ общимъ идеямъ, несмотря на кажущійся идеализмъ, ея тенденціи были не только несравненно шире, но и несравненно жизненнѣе и реальнѣе литературы послѣ 1863 г. Правильны, или неправильны были воззрѣнія людей этого короткаго періода,—эти воззрѣнія были близки ихъ сердцу, они жили ими; послѣ же 1863 г., говоря словами Щедрина: писателю не хотѣлось писать, читателю противно читать. И въ этомъ не было ничего удивительнаго, въ виду тѣхъ предметовъ, анализъ которыхъ служилъ главнымъ содержаніемъ слѣдующей за 63 годомъ литературы. Только великія идеи могутъ вдохновить человѣка, только широкій идеалъ можетъ привязать его къ себѣ. Можно быть фанатикомъ, напримѣръ, идеи братства, солидарности людей, но фанатизмъ, требующій истребленія людей, стѣсненія ихъ религіи, запрещенія ихъ языка, или въ вопросѣ направленія той или другой желѣзной дороги, жалокъ и комиченъ. Литература, начиная съ 63 года, утратила содержательность, поучительность, и вмѣсто произведеній, какія мы привыкли встрѣчать въ литературѣ первыхъ трехъ лѣтъ шестидесятыхъ годовъ, произведеній, въ которыхъ каждая страница свидѣтельствовала о присутствіи въ авторѣ глубокаго и живаго убѣжденія, мы постоянно наталкивались на рядъ докладовъ, можетъ быть, очень дѣловитыхъ, ум-

ныхъ, но рѣшительно не способныхъ ни расшевелить мысль читателя, ни пробудить его нравственнаго чувства. Идеалы потускнѣли, тенденціи обезцвѣтились, съузились, вмѣсто прежней энергіи—уныніе и апатія, вмѣсто прежней „горы двигающей вѣры",—вялый индифферентизмъ, для котораго хоть трава не расти. Традиціи минувшаго, быть можетъ, не исчезли въ обществѣ вовсе, но исчезъ духъ, когда-то оживотворявшій русскую литературу, или, говоря прекрасными стихами Беранже

Любовь, какъ пѣсня рая,
Живетъ въ сердцахъ, но смыслъ ея пропалъ....
Нѣтъ божества, стоитъ лишь пьедесталъ,
И грязь на немъ наплыла вѣковая!

Таковы факты. Они, какъ явленія, очень печальны, но какъ факты не подлежатъ, къ несчастію, никакому сомнѣнію. Фактъ безжизненности и маловліятельности литературы, начиная съ 63 года, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. На него указывало общество, о немъ единодушно свидѣтельствовала и сама литература. Лучшіе литераторы перестали писать, одни поневолѣ, другіе по совѣсти, не имѣя возможности писать такъ, какъ бы хотѣлось. Цензура дебоширствовала безъ всякой церемоніи и стѣсненія, какъ палачъ. Къ тому же съ этого времени явилось въ литературѣ и раздвоеніе. Сначала это раздвоеніе походило на раздѣленіе труда въ одномъ и томъ же дѣлѣ, на распредѣленіе ролей; впослѣдствіи это раздвоеніе вызвало массу пререканій, инсинуацій, ввело въ литературу страсти и нежелательные элементы, вслѣдствіе чего общая работа литературы на пользу духовнаго роста народа—ослабѣла. Я говорю о западничествѣ и народничествѣ въ русской литературѣ.

Западники думали, что народъ растетъ и мужаетъ, знакомясь съ жизнью другихъ народовъ, заимствуя отъ нихъ взгляды, нравы, познанія, обогащаясь всею суммою общечеловѣческаго опыта. Благоразумно приспособляя къ своей жизни все, что далъ опытъ чужихъ народовъ — народъ идетъ впередъ правильнымъ и прочнымъ путемъ.

Народники полагали, что народъ можетъ расти и мужаться только подъ условіемъ своихъ собственныхъ природныхъ свойствъ, своего органическаго духовнаго типа.

Оба эти направленія были одинаково почтенны, одинаково разумны, но то, что отличается логикою и опредѣленностью въ области сужденія, на практикѣ, смѣшиваясь съ разными политическими тенденціями и недобросовѣстностью, съ завистью и съ другими нежелательными и часто не чистоплотными элементами, затемняется, въ силу чего представители одного направленія стали въ враждебное отношеніе къ представителямъ другаго направленія, возгорѣлась

война, въ которой западниковъ обвиняли въ измѣнѣ русскому дѣлу, русской народности, а народниковъ въ ретроградствѣ и невѣжествѣ.

Мы, поляки, симпатіями своими были на сторонѣ западниковъ и выражали это открыто при каждомъ удобномъ случаѣ и, вѣроятно, поэтому литературные органы съ западническимъ направленіемъ получили отъ народниковъ кличку, въ то время не совсѣмъ лестную, а по крайней мѣрѣ дискредитирующую въ глазахъ большинства русскаго общества „полякующихъ". Органы этого направленія, относясь ко всему справедливо, безъ предвзятыхъ тенденцій и съ большимъ знаніемъ дѣла относились и къ польскому вопросу добросовѣстнѣе, а къ полякамъ человѣчнѣе и брани отъ нихъ, такъ часто допускаемой органами народниковъ, мы отъ западниковъ никогда не слышали.

Выразителемъ западнаго направленія была по преимуществу петербургская пресса. Московская школа литературы сдѣлалась представительницей и выразительницей сознанія русской народности, но, воспользовавшись польскимъ возстаніемъ и другими политическими обстоятельствами, а также смутою, начавшеюся съ 63 года, выработала такой ярый національный оптимизмъ, который, къ несчастью, составляетъ роковое свойство этого направленія, продолжающееся, въ меньшей, конечно, степени и съ ничтожнымъ вліяніемъ и по настоящее время. Гоняясь за популярностью и—что еще хуже—за наживой, льстиво подлаживаясь сильнымъ міра сего, а также—подъ слабости массы, ребячески утѣшая ея самолюбіе и лицемѣрно напѣвая ей въ уши о ея мнимой силѣ, совершенно исказило народные идеалы, поселило рознь въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, а въ массѣ развило самообольщеніе и самохвальство, способствуя увѣковѣченію національныхъ слабостей и недостатковъ.

Было бы, съ моей стороны, несправедливо и, по меньшей мѣрѣ, опрометчиво унижать заслуги всей народнической русской прессы. Я говорю только о той, имѣвшей въ свое время огромное вліяніе, которая все прикидывала на базарнымъ вѣсахъ ихъ торговой выгоды или невыгоды и даже изъ ненависти дѣлала себѣ барыши.

Да простятъ меня читатели, что я такъ часто касаюсь польскаго вопроса. Но какъ не задать вопроса наболѣвшему сердцу, чѣмъ объяснить, напримѣръ, ту ненависть, то озлобленіе, которыми дышали всѣ статьи въ большинствѣ народническихъ органовъ, противъ поляковъ и Польши. Для этого не было даже политическихъ причинъ, такъ какъ противникъ былъ уничтоженъ и не могъ уже защищаться. Неужели имъ хотѣлось, чтобы поляки молили о пощадѣ? Но этого, слава Богу, они не дождались!

Такимъ озлобленіемъ и ненавистью были заражены, въ то время, даже лучшіе русскіе люди.

Я лично и хорошо зналъ еще съ 1859 года И. И. Лажечникова—этого добродушнаго и умнаго старика, „Ледянымъ домомъ“ и „Новикомъ“ котораго мы такъ восхищались еще на школьной скамьѣ. Бывать на его воскресныхъ вечернихъ собраніяхъ для меня было просто наслажденіемъ; Лажечниковъ любилъ говорить и говорилъ очень интересно. Его разсказы представляли живую лѣтопись литературы, онъ былъ свидѣтелемъ отдаленнаго прошлаго; онъ лично зналъ Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Мицкевича, во время пребыванія послѣдняго въ Москвѣ и др., и во всѣхъ его взглядахъ чувствовались традиціи сороковыхъ годовъ. Поэтому, всѣ были изумлены, когда въ 1867 году появилась въ печати его повѣсть „Внучка панцырнаго боярина“. Вся эта повѣсть была сплошная сказка на фонѣ жизни польскаго общества въ Москвѣ. При этомъ Лажечниковъ не постѣснялся и дѣйствующими лицами въ повѣсти вывелъ нѣкоторыхъ поляковъ, жившихъ въ то время въ Москвѣ, замѣнивъ лишь одну букву въ ихъ фамиліяхъ, выставляя ихъ не только опасными людьми въ политическомъ отношеніи, но негодяями и мошенниками. Послѣдствіемъ сего было, что нѣсколько лицъ, заподозрѣнныхъ администраціей по сходству фамилій, были арестованы и высланы изъ Москвы. Такъ доктора Гудвиловича, котораго подозрѣвали, что онъ фигурируетъ въ повѣсти подъ фамиліей Людвиговича—сослали въ Колу.

Встрѣтивъ однажды И. И. Лажечникова, я скромно и вѣжливо обратилъ его вниманіе на то, что ему не слѣдовало бы писать повѣстей вродѣ „Внучки панцырнаго боярина“, онъ мнѣ съ добродушной улыбкой отвѣтилъ: „Правда, мой дорогой, правда, но что подѣлаешь, когда вы, поляки, нынче у насъ въ такой модѣ, а наша пресса такъ ошалѣла, преслѣдуя васъ, что, если не будешь писать повѣстей вродѣ „Внучки“, ничего не заработаешь. Зла же я никому сдѣлать не хотѣлъ“. И. И. Лажечниковъ никогда фанатикомъ не былъ и потому его объясненіе слѣдуетъ считать правдивымъ.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, кажется, въ 1868 году, была напечатана повѣсть, какихъ въ этомъ журналѣ было почти въ каждомъ номерѣ, на тему польскихъ интригъ и польскаго коварства. Дѣйствіе происходитъ отчасти въ Польшѣ, отчасти въ одномъ приволжскомъ городѣ, котораго авторъ, хотя не называетъ по имени, но по намекамъ можно безошибочно догадываться, что это г. Саратовъ. Тутъ уже дѣло не ограничивается Людвиговичемъ, а въ интригѣ, коварствѣ и даже въ измѣнѣ въ пользу „польской справы“ фигурируютъ губернаторъ Барановскій съ семействомъ, губернскій жандармскій начальникъ и всѣ, кто только носилъ польскую фамилію. Повѣсть написана смѣло, бойко и не безъ таланта. Авторомъ повѣсти, подписавшимъ свою фамилію полностью, былъ бывшій мой сосѣдъ по но-

меру въ меблированныхъ комнатахъ у Чистыхъ Прудовъ, до того времени, совсѣмъ не занимавшійся польскимъ вопросомъ.

При первомъ удобномъ случаѣ я отправился къ нему, чтобы разъяснить эту поразившую меня метаморфозу. Квартира прекрасная, меблировка и обстановка блестящая, самъ сіяетъ. Принялъ меня покровительственно, съ оттѣнкомъ государственнаго дѣятеля. Лишь только я намекнулъ на его повѣсть, онъ торжественно, смотря мнѣ смѣло въ глаза, сказалъ: „Да, милостивый государь, въ этихъ разоблаченіяхъ мое призваніе, тутъ я брата роднаго не пощажу". Когда же я ему сказалъ, какъ онъ можетъ писать такія повѣсти, когда мнѣ извѣстно, что онъ польскимъ вопросомъ не только серьезно, но даже поверхностно никогда не занимался, онъ мнѣ, улыбаясь, сказалъ: „Въ этомъ нѣтъ никакой надобности. У насъ въ редакціи имѣется цѣлый архивъ всевозможныхъ доносовъ. Выбирай, что тебѣ вздумается и пиши, чѣмъ хуже будетъ для поляковъ, тѣмъ лучше для автора. Каткова хлѣбомъ не корми, а такія повѣсти, какъ послѣдняя моя— ему подавай. И хвалить будетъ и деньги платитъ. Безпокоиться же о томъ, на сколько въ этихъ разоблаченіяхъ будетъ правды—никто объ этомъ не заботится, не то время—всѣ и на слово повѣрятъ. Впрочемъ, на полякахъ нынче не только „Русскій Вѣстникъ", но много другихъ журналовъ выѣзжаютъ". Всѣмъ извѣстенъ такой фактъ, когда одинъ издатель просилъ у Каткова дать ему совѣтъ, какимъ способомъ увеличить число подписчиковъ на его изданіе, онъ ему сказалъ: „побольше ругайте поляковъ и успѣхъ вашей газеты обезпеченъ". Вотъ какое это было гнусное время! Между тѣмъ я лично видѣлъ подлинное письмо М. Н. Каткова къ Безобразову, въ которомъ онъ проситъ послѣдняго пріискать ему репетитора для его сына „изъ студентовъ поляковъ", такъ какъ они „въ стократъ добросовѣстнѣе" исполняютъ свои обязанности, „чѣмъ наши русскіе". Это очень характерный фактъ, доказывающій, до какой степени Катковъ заботился о своихъ выгодахъ, если ему это удобно было.

Къ лагерю народниковъ принадлежали и славянофилы, и поэтому мнѣ вторично придется сказать нѣсколько словъ о нихъ. Славянофилы также вели борьбу съ западниками, но съ тою разницею, что борьба эта была обоюдно безкорыстная, не полицейская, борьба философскихъ началъ, научныхъ взглядовъ, литературныхъ и гражданскихъ идеаловъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ личныя, временныя и партійныя увлеченія, весь, такъ сказать, мистическій и лирическій элементъ славянофильства, нельзя не признать, что онъ глубоко повліялъ на ходъ русской научной и общественной мысли и на отношенія русскаго общества къ народу. Славянофилы первые водрузили въ русской литературѣ знамя русской народности, они первые обра-

тили русскіе умы и таланты на глубокое и всестороннее изученіе всего русскаго. Славянофилы ошибались во многихъ взглядахъ своихъ, во многихъ средствахъ, но въ этой основной идеѣ своей славянофильство было исполнено самой плодотворной правды. И потому пенять на славянофиловъ никто права не имѣетъ. Это были люди убѣжденные!

Кромѣ народниковъ и западниковъ со второй половины шестидесятыхъ годовъ развился еще особый типъ литературы, такъ называемый обличительный, получившій огромное развитіе, подчасъ доходившее до безобразія. Всѣ обличали и оптомъ и въ розницу, и въ толстыхъ журналахъ, и въ „Развлеченіи", и въ „Искрѣ", не стѣсняясь даже подписываться подъ обличительными статьями. Каждый, по примѣру Добчинскаго, хотѣлъ заявить о себѣ, что вотъ, молъ, есть на свѣтѣ и такой-то... и втайнѣ скорбѣли и недоумѣвали, почему нельзя прибавить къ подписанной фамиліи чинъ и даже слово „и кавалеръ". Обличителями являлась и учащаяся молодежь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ развѣ одного воспитательнаго дома.

IV.

Перемѣна моихъ отношеній къ товарищамъ. — Тяжелая служба въ Москвѣ. — Преступники, содержавшіеся въ Бутырской тюрьмѣ.—Лавровъ.—Фальшивая запродажа за 50 тысячъ генералъ-губернаторскаго дома англійскому синдикату.—Ограбленіе на 380 тысячъ на Рогожскомъ кладбищѣ. — Преображенская тюрьма и больница для сумасшедшихъ. — Московскій пророкъ Иванъ Яковлевичъ. — Стремленіе военныхъ въ высшія спеціальныя заведенія. — Организація земствъ и кружковъ. — „Свободная любовь" и „гражданскіе браки". — Вліяніе семинаристовъ на молодежь. — Неряшество въ костюмахъ студентовъ и учащихся женщинъ. — Грубость въ обхожденіи. — Сходки. — Студенты-поляки въ Московскомъ университетѣ. — Постановленіе группы польскихъ студентовъ во время безпорядковъ въ 1861 году. — Союзъ свободнаго русскаго и польскаго народа.—Польскія надежды.—Вечернее собраніе у московской барыни А., сотрудницы „Колокола" и „Полярной Звѣзды".—Людвикъ Жвирждовскій.—Впечатлѣніе этого вечера.—Teka Wileńska".—Новые люди.—Попытка вооруженнаго возстанія на Волгѣ.—Иниціаторы этого проекта.—Политическая программа русскихъ и поляковъ въ 1820 году.

Мои отношенія къ товарищамъ полка и къ тому кружку офицеровъ, съ которыми я былъ ближе и съ которыми въ Мугомѣ мы составляли почти одну семью, совсѣмъ измѣнились, когда мы перешли въ Москву. Въ Москвѣ мы видѣлись между собою очень рѣдко, разъ потому, что квартировали одинъ отъ другаго далеко, и каждый обза-

велся своимъ кружкомъ знакомыхъ, а затѣмъ, и это главное,—всѣ были заняты службой, не то что въ Муромѣ, гдѣ службой мы совсѣмъ обременены не были. Одни караулы въ Москвѣ—чего стоили! Ежедневно цѣлый почти полкъ выступалъ въ караулъ, а для исполненія караульной службы стояла въ Москвѣ только одна пѣхотная дивизія, такъ что приходилось каждый четвертый день вступать въ караулъ, что было особенно трудно зимою. Въ теченіе цѣлыхъ сутокъ приходилось сидѣть въ душной караульной комнатѣ, не снимая теплаго пальто и аммуниціи, такъ какъ дѣлать этого не разрѣшалось, да на это и времени не было, тѣмъ болѣе, что каждую минуту можно было ожидать или пріѣзда дежурнаго по карауламъ, или коменданта, или проѣзда мимо гауптвахты какого-либо генерала, для встрѣчи котораго, по звонку, долженъ былъ выходить весь караулъ, съ офицеромъ, кромѣ часовыхъ, для отданія воинской чести. Теперь, кажется, порядка этого не существуетъ, да онъ дѣйствительно былъ лишній. Эти частыя выбѣганія изъ душной комнаты на холодный воздухъ способствовали простудѣ, и бывали случаи, что это кончалось смертью. Тогда, впрочемъ, на военнаго человѣка, смотрѣли, что онъ простуживаться не имѣлъ права. На смотрахъ, на парадахъ при 25° морозѣ войска стояли безъ движенія по нѣсколько часовъ въ однихъ лишь мундирахъ, кромѣ того, были такіе караульные посты, гдѣ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ нельзя было уснуть ни на одну минуту, какъ, напримѣръ, въ тюрьмахъ. Въ тюрьмѣ у Бутырской заставы, особенно въ дни пересылки арестантовъ, когда ихъ скоплялось, особенно съ 1861 г.—съ начала демонстрацій въ Польшѣ и Литвѣ, до трехъ тысячъ человѣкъ, приходилось цѣлыя сутки быть на ногахъ. На обязанности караульнаго офицера лежало, кромѣ надзора за порядкомъ и постами присутствовать при заковкѣ, при клейменіи (въ то время бродягъ и не помнящихъ родства еще клеймили), къ тому же вѣчный звонъ цѣпей, брань, плачъ дѣтей и женщинъ,—все это до такой степени раздражало нервы, что я, послѣ проведенныхъ такимъ образомъ сутокъ, всегда былъ боленъ.

Въ мое время были чрезвычайно интересны типы арестантовъ. Кромѣ Ланцова, о которомъ я вспоминалъ, вѣчно содержавшагося въ Пугачевской башнѣ, сырой, холодной и темной, закованнаго въ кандалахъ, долгое время сидѣлъ въ тюрьмѣ нѣкто Лавровъ, дворянинъ, человѣкъ представительный и образованный; этотъ Лавровъ ухитрился на большую сумму продать разнымъ лицамъ мѣдныя опилки за золотыя, а также три какихъ-то ловкача, Петровъ, Евтихіевъ и Соболевъ, которые съумѣли продать какому-то англійскому синдикату и получить по нотаріальному акту 50 тысячъ въ задатокъ — генералъ-губернаторскій домъ въ Москвѣ съ мебелью и со всѣмъ иму-

ществомъ, при чемъ исхлопотали разрѣшеніе генералъ-губернатора Офросимова, подъ предлогомъ осмотра дома какими-то знатными туристами, осмотрѣть домъ. Нотаріусъ, инженеры и другіе необходимые люди при этой операціи—всѣ были подставные.

Содержалась тоже цѣлая команда жандармовъ, съ офицеромъ, унтеръ-офицерами и рядовыми, которые, явясь съ предписаніемъ отъ генералъ-губернатора въ правленіе Рогожскаго Старообрядческаго кладбища, произвели обыскъ по подозрѣнію въ поддѣлкѣ фальшивыхъ денегъ, опечатали всѣ сундуки и захватили триста восемьдесятъ тысячъ руб. Когда на другой день явились къ генералъ-губернатору члены правленія, дѣло выяснилось и вскорѣ всю эту сыскную команду арестовали. Изъ числа 380 тысячъ возвращены были 325 тысячъ, остальная сумма такъ и пропала безслѣдно.

Не менѣе тяжело было караулить и въ Калымажныхъ казармахъ, тюрьмѣ, предназначенной для пересыльныхъ поляковъ во время польскаго возстанія. Ихъ прибывало ежедневно такое множество, что то и дѣло приходилось принимать, сортировать, размѣщать, такъ что и офицеръ и солдаты къ вечеру уже были буквально безъ ногъ.

Я помню, какую необычайную тревогу произвелъ въ Москвѣ побѣгъ изъ Калымажныхъ казармъ Ярослава Домбровскаго, завѣдывающаго военною частью народнаго фонда. Особенно злился Катковъ, когда Домбровскій прислалъ ему письмо изъ Копенгагена, и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Катковъ обвинялъ все начальство Калымажной тюрьмы въ способствованіи этому побѣгу. Бѣжалъ Домбровскій во время караула поручика Эльриха, и мнѣ извѣстно, что Эльрихъ въ побѣгѣ никакого участія не принималъ. Эльрихъ былъ офицеръ въ высшей степени честный и по службѣ исполнительный. Домбровскій добрался до Парижа, во время франко-прусской войны командовалъ вольными стрѣлками, затѣмъ принялъ начальство надъ войсками коммуны противъ версальцевъ, и въ одной изъ битвъ погибъ на баррикадахъ. До польскаго возстанія Домбровскій служилъ въ рядахъ русской арміи на Кавказѣ. Я зналъ его очень хорошо, такъ какъ онъ воспитывался въ одномъ со мною корпусѣ.

Легче всего было караулить въ Преображенской тюрьмѣ, гдѣ, какъ я сообщалъ выше, содержались исключительно старообрядцы, и гдѣ въ особомъ отдѣленіи для умалишенныхъ имѣлъ свой пріютъ знаменитый московскій „пророкъ“ Иванъ Яковлевичъ Корейша, о которомъ для характеристики того времени необходимо сказать нѣсколько словъ.

Съ увѣренностью можно сказать, что не существовало въ Россіи, въ то время, ни одного города, а, пожалуй, ни одной деревни, а въ Москвѣ ни одной улицы, ни одного переулка, гдѣ бы не знали и гдѣ

бы не вѣрили въ пророческую силу Ивана Яковлевича. Ежедневно съ девяти часовъ до четырехъ не только простонародье, не только купечество, но даже интеллигенція и духовенство въ каретахъ, коляскахъ и пѣшкомъ толпами являлись въ больницу для поклоненія Ивану Яковлевичу. Говоря правду, мы, поляки, не далеко отстали въ суевѣріи отъ русскихъ; но то, что было въ Москвѣ съ этимъ „пророкомъ", превосходило всякую мѣру. У Ивана Яковлевича было столько кліентовъ, что тѣми подаяніями, которыя поступали ежедневно отъ посѣтителей въ пользу его, которыхъ онъ, какъ подобало „пророку", себѣ не присваивалъ, содержался обширный домъ умалишенныхъ. Разсказывали съ полной вѣрой, что пророчества Ивана Яковлевича исполнялись всегда, и что не было человѣка, который ушелъ бы отъ него, не получивъ удовлетворенія и успокоенія. Я неоднократно изъ любопытства, будучи въ караулѣ, бывалъ у Ивана Яковлевича. Обширная комната, занимаемая Иваномъ Яковлевичемъ въ домѣ умалишенныхъ, была вся сверху до низу уставлена иконами въ золоченыхъ и серебряныхъ ризахъ, — все приношенія вѣрующихъ, со множествомъ лампадъ, горѣвшихъ днемъ и ночью, и походила болѣе на часовню, чѣмъ на комнату больнаго. На полу, на соломенномъ грязномъ тюфякѣ, въ клѣтчатомъ халатѣ, много лѣтъ разбитый параличемъ, лежалъ этотъ, по общему убѣжденію „святой угодникъ". Когда я въ первый разъ увидалъ Ивана Яковлевича, въ 1861 году ему было около 60 лѣтъ. Его худое осунувшееся лицо, мертвенная, землистая блѣдность, которая обыкновенно характеризуетъ людей, изстрадавшихся тяжелыми недугами, голова большая, совершенно лысая, бороды не было, но на щекахъ и на подбородкѣ торчала полусѣдая короткая щетина, что придавало его лицу неряшливый и отталкивающій видъ. При каждомъ движеніи его сухой, тонкой шеи на ней образовывались сухожилья, точно на лапѣ мертвой курицы, сухія и худыя руки безсильно лежали вдоль тѣла. Его темные глаза все время перебѣгали съ одного предмета на другой, не останавливаясь ни на мгновеніе, въ нихъ дѣйствительно крылось выраженіе какой-то таинственности. На всѣ вопросы, которые ему задавали посѣтители, обыкновенно въ такой формѣ: „рабъ божій (слѣдуетъ имя) проситъ (излагается просьба)",—Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ или въ мистическихъ, или въ кабалистическихъ изреченіяхъ, но всегда загадочно, при чемъ употреблялъ языки: русскій, польскій и латинскій. До своего прибытія въ Москву Иванъ Яковлевичъ проживалъ въ Смоленскѣ, гдѣ учился въ духовной семинаріи; этимъ объясняли знаніе языковъ,—польскаго и латинскаго. На нѣкоторые вопросы онъ ничего не отвѣчалъ и только задумчиво и пристально смотрѣлъ на „раба божія". Иванъ Яковлевичъ говорилъ низкимъ, глухимъ голо-

сомъ со вздохами и охами, однимъ изъ тѣхъ голосовъ, которые заставляютъ трепетать душу суевѣрныхъ людей.

На меня И. Я. производилъ впечатлѣніе совершенно разслабленнаго идіота, и это впечатлѣніе усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что его содержали въ домѣ умалишенныхъ крайне неопрятно, хотя при немъ и днемъ и ночью находилась монахиня, но она плохо смотрѣла за чистотою около больнаго, а ограничивала свои занятія тѣмъ, что читала псалтырь такимъ однообразнымъ, заунывнымъ голосомъ, какъ будто читала отходную. Была ли это дѣйствительно монахиня или добровольная черница, которыхъ, въ то время, можно было встрѣтить въ Москвѣ на каждомъ шагу, я не допытывался. Кормили И. Я. при посѣтителяхъ, ѣлъ онъ руками и крайне нечистоплотно. Я былъ свидѣтелемъ такого случая. Одной очень изящной, но вѣрующей въ него дамѣ онъ предложилъ раздѣлить съ нимъ его трапезу. Прикрывъ деревянную миску съ какимъ-то варевомъ, своимъ грязнымъ носовымъ платкомъ, онъ потребовалъ, чтобы она пила изъ этой миски черезъ платокъ, и та требованіе это съ особымъ священнодѣйствіемъ исполнила и была счастлива этимъ особымъ отличіемъ.

Вообще, посѣтители, повинуясь вліянію суевѣрной силы, часто имѣющей могущественное вліяніе на людей, являлись съ какой-то тревогой. На всѣхъ лицахъ отразилась глубокая вѣра и благоговѣніе, всѣ крестились, многіе плакали. Каждому слову И. Я. вѣрили, какъ слову пророка, и истолковывали ихъ въ удобномъ для себя смыслѣ. Напримѣръ, на мой вопросъ, что ожидаетъ меня въ жизни, онъ громко крикнулъ: „тра-та, тра-та-та“. Бывшій при этомъ какой-то старикъ, вдобавокъ со звѣздой, объяснилъ мнѣ, что это надо понимать такимъ образомъ: „что я буду на войнѣ и пріобрѣту славу“. На войнѣ я былъ, но славы не пріобрѣлъ.

Я съ умысломъ нѣсколько дольше остановился на Иванѣ Яковлевичѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что Иванъ Яковлевичъ былъ такой выдающейся силой не только въ Москвѣ, но далеко за Москвою, что безъ его пророческихъ совѣтовъ безусловно ничего не дѣлалось, не только среди простаго народа, не только среди купечества, но даже въ обширныхъ слояхъ интеллигенціи. Само собою разумѣется, что такое суевѣріе могло имѣть только отрицательные результаты на народъ и общество.

Изъ моей караульной службы мнѣ припомнился слѣдующій непріятный для меня случай. Я стоялъ въ карауле на одной изъ дворцовыхъ гауптвахтъ, у Боровицкихъ воротъ. Часть дворца, въ которыхъ помѣщалась кордегардія гауптвахты, примыкала къ Грановитой палатѣ. Разсказывали, что въ помѣщеніи этомъ проживалъ отецъ Марины Мнишекъ. Правда ли это, я не знаю, но тѣмъ не менѣе, пре-

даніями, исторіей, а кто знаетъ, можетъ быть, и кровью, вѣяло подъ этими мрачными сводами. Помѣщеніе для солдатъ было темно, стѣны покрыты плѣсенью, сыростью и копотью, воздухъ былъ пропитанъ табачнымъ дымомъ махорки. Офицерская комната выглядѣла нѣсколько чище и свѣтлѣе, на темномъ фонѣ стѣнъ виднѣлись болѣе или менѣе явственно надписи; стекла оконъ тоже испещрены были узорами. Строфы Пушкина, Лермонтова, Фета, самодѣльныя вирши какого-нибудь военнаго поэта, таинственныя числа, имена Надя, Оля, Берта...

Мучительно тоскливо прошелъ для меня день въ постоянномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ раздастся порывистый, горячешный ударъ караульнаго колокола, и надо бѣжать, надо командовать: „шагай на караулъ“. Наступилъ вечеръ, на дворѣ снѣжная вьюга, въ комнатѣ холодно, ни раздѣться, ни отдохнуть. Я приказалъ вѣстовому затопить печку и подавать самоваръ. Шипитъ пузатенькій самоварчикъ, весело играютъ огненные языки въ печи и пріятная теплота разливается по тѣлу. Въ ожиданіи, пока будетъ готовъ чай, я прилегъ на диванѣ и погрузился въ думу. Много, очень много приходитъ въ голову мыслей человѣку, когда онъ одиноко сидитъ въ караульной комнатѣ, особенно въ вечерній часъ. Въ этомъ положеніи смертный кажется какъ будто отрѣшеннымъ отъ міра и изолированнымъ. Какъ долго я промечталъ, я не знаю, но, наконецъ, уснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ, и такъ проспалъ до утра въ ватномъ пальто и въ аммуниціи. Вдругъ слышу звонъ караульнаго колокола, встаю, бѣгу, путаюсь за ножны сабли, спотыкаюсь и о, ужасъ! въ ножнахъ нѣтъ клинка, кэпи мое куда-то пропало. Безъ сабли и безъ кэпи выскакиваю на платформу, вижу: солдаты стоятъ во фронтѣ и кто-то ими командуетъ. Подхожу къ правому флангу, на моемъ мѣстѣ стоитъ московскій комендантъ, генералъ баронъ Саморуго и салютуетъ моей саблей. Я былъ офицеръ исполнительный, и вы, читатель, можете себѣ представить мой конфузъ и мое безвыходное положеніе. Благодаря доброму и снисходительному генералу Саморуго я поплатился за это только трехдневнымъ арестомъ. Въ приказѣ по комендантству не были даже подробно изложены причины моего ареста, а сказано глухо: „за обнаруженный безпорядокъ по караулу“. Въ то строгое время, будь другой комендантъ, меня отдали бы подъ судъ.

Неудачи, хищенія и безобразія Крымской войны низвели военныхъ съ прежняго пьедестала, на которомъ они долго покоились. Это чувствовали всѣ, и потому, очень много военныхъ, особенно молодыхъ, покидали военную службу и пристраивались то тамъ, то сямъ. Не имѣя, однако, никакой солидной подготовки для какого-либо другаго дѣла, кромѣ военной службы, они почти поголовно кинулись учиться. Стали посѣщать спеціальныя заведенія: технологическій институтъ,

институтъ путей сообщенія и особенно много поступали вольнослушателями—или въ университеты, не оставляя, если это удавалось, военной службы. Было ли разрѣшено поступать въ университетъ, я этого сказать не могу, но начальство не только не препятствовало, но какъ будто поощряло. По крайней мѣрѣ, такъ было въ Москвѣ, и я помню, что на лекціяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ, особенно на юридическомъ и физико-математическомъ факультетахъ, особенно на послѣднемъ, было гораздо больше военныхъ, чѣмъ студентовъ. И я не скажу, чтобы это было только увлеченіе новизною, большинство занимались серьезно, и, когда послѣ студенческихъ безпорядковъ въ 1861—1862 годахъ, воспрещено было офицерамъ посѣщать университеты, многіе вышли въ отставку и продолжали факультетскія занятія, окончивъ затѣмъ курсъ.

Съ этихъ поръ начинается сближеніе военной молодежи съ учащеюся молодежью высшихъ учебныхъ заведеній, что послужило къ развитію среди военныхъ интереса къ общественной жизни и болѣе либеральныхъ взглядовъ, чѣмъ это было раньше, и мало-по-малу изгладило антагонизмъ, существующій между военнымъ и другими сословіями. Офицеры стали писать въ газетахъ и журналахъ, заниматься общественными дѣлами, и даже издавать журналы и газеты. „Военный Сборникъ“ того времени можетъ служить образцомъ свободомыслящаго и гуманнаго направленія въ военныхъ сферахъ.

Такое сближеніе и солидарность молодежи имѣли то послѣдствіе, что молодежь начала пріобрѣтать громадное вліяніе среди новыхъ условій жизни, особенно въ столицахъ. Приливъ же молодежи въ столицы, особенно въ Москву, сталъ необыкновенный. Одинъ членъ семейства попадалъ въ Москву или въ Петербургъ и всѣ его, не только братья, но и сестры, хотя бы пѣшкомъ, добирались до Москвы, или до Петербурга съ цѣлью учиться. Алчущихъ и жаждущихъ образованія было много, между тѣмъ, мѣстъ, гдѣ можно было бы учиться, почти не было. Женщины, чуть не поголовно, поступали на акушерскіе курсы, существовавшіе, въ то время, только при воспитательномъ домѣ, такъ какъ это былъ единственно практическій выходъ, единственное доступное женщинѣ дѣло.

Женщину давила пустота ея жизни, ей было противно считать себя только самкой, она хотѣла самостоятельной жизни, самостоятельнаго дѣла, работы и труда. Въ этой массѣ молодежи, скопляющейся въ столицахъ, бѣдняковъ, конечно, было много больше, чѣмъ людей со средствами. Чтобы помочь другъ другу, организовались землячества, всевозможныя кассы, общія квартиры, дешевыя столовыя, нейтральныя комнаты и тому подобныя ассоціаціи. Учащаяся женщина была допущена во всѣ эти ассоціаціи на равныхъ правахъ

съ мужчинами. Все это въ теоріи было хорошо, во всемъ этомъ были задатки самые чистые, самые возвышенные, но, къ несчастію, незнакомство съ практическою жизнью, идеализація, стремленіе къ болѣе воображаемому, чѣмъ къ дѣйствительному—составляютъ одну изъ главныхъ причинъ человѣческихъ бѣдствій.

Въ этомъ хаосѣ людей съ неустойчивыми взглядами, разнаго воспитанія и происхожденія и часто съ необлагороженными инстинктами начали проявляться присущіе человѣку пороки, тѣмъ болѣе опасные, что они прикрывались соблазнительными именами: свободы, равенства, „свободной любви“, гражданскаго брака и т. п. Женщина больше всѣхъ платилась за свои попытки учиться и пріобщиться къ новой свободной жизни.

Надо отдать, однако, справедливость, что русская женщина, отдавшись съ особенной страстью чувству свободы, выказала гораздо больше энергіи, чѣмъ мужчина въ осуществленіи разныхъ порывовъ проснувшейся и разыгравшейся общественной фантазіи. Если она погибала, то, благодаря только своему увлеченію и тѣмъ дурно воспитаннымъ и нечестнымъ молодымъ людямъ, которые рисуя молодой дѣвушкѣ картины иной свободной жизни, призывая ее на работу, на трудъ, отуманивая экзальтированную голову красивыми фразами, имѣли гнусную и развратную цѣль.

Я знакомъ былъ близко съ этимъ движеніемъ, и русская женщина оставила во мнѣ чувство глубокаго къ себѣ уваженія и симпатіи. Погибая, она искренно вѣрила, что приноситъ себя въ жертву свободной любви и никогда не теряла присущаго ей чувства стыдливости. Она сочеталась гражданскимъ бракомъ, считая его идеаломъ отношеній мужчины къ женщинѣ, родила дѣтей, и я не знаю такого случая, чтобы она ихъ бросала на произволъ судьбы. Брошенная мужчиной, страдая отъ бѣдности, она воспитывала дѣтей, какъ это ей ни было трудно. Словомъ, русская женщина съ честью оставила поле борьбы, когда миновало время увлеченій, и завоевала себѣ право на довѣріе общества неусыпнымъ трудомъ, самопожертвованіемъ и чистотою идеаловъ, она выработала себѣ первенствующее положеніе среди женщинъ всего цивилизованнаго міра. Да будетъ ей вѣчная честь и благодарность!

Я близко зналъ очень многихъ студентовъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ, послѣднихъ въ Московскомъ университетѣ было очень много. Проживая долгое время во Владимірской губерніи, я зналъ много студентовъ-владимірцевъ, былъ принятъ соучастникомъ въ ихъ землячествѣ, посѣщалъ какъ польскія, такъ и русскія студенческія столовыя, общія квартиры, бывалъ на сходкахъ, былъ пайщикомъ польскихъ и русскихъ студенческихъ библіотекъ, словомъ, съ жизнью

студентовъ какъ рускихъ, такъ и поляковъ я былъ знакомъ очень хорошо.

Не изъ пристрастія, а по чистой совѣсти я долженъ сказать, что студенты-поляки и въ отношеніяхъ между собою и въ житейскомъ обиходѣ, и по своимъ вкусамъ и привычкамъ, по костюму и чистоплотности, несмотря на одинаковую бѣдность, стояли тогда выше своихъ товарищей, студентовъ русскихъ.

Неряшество среди большинства русскихъ студентовъ было поразительное. Опрятность считалась отсталостью, на нее могли обращать вниманіе только „бѣлоручки", а истый студентъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть всегда такъ занятъ, что ему некогда было думать о подобныхъ пустякахъ. Бѣлое бѣлье считалось неудобнымъ, скоро грязнилось и часто мѣнять надо, цвѣтную рубашку можно было носить, пока не разлѣзется. Всѣ почти надѣли длинные смазные сапоги, кафтаны, поярковыя шляпы съ длинными полями, по нѣскольку мѣсяцевъ не стриглись и, вдобавокъ ко всему, почти всѣ обзавелись толстыми суковатыми палками.

Въ подражаніе имъ и женщины, слушавшія акушерскіе курсы, или готовившіяся посвятить себя этому искусству, упростили свой костюмъ до чрезвычайности. Обрѣзали волосы, сняли всѣ юбки, облеклись въ черныя платья съ кожанымъ поясомъ. Близорукія стали носить очки. Я не скажу, чтобы это было не красиво, напротивъ, костюмъ такой шелъ ко многимъ, онъ дѣлалъ ихъ интересными и граціозными, но дѣло въ томъ, что все это у большинства было неопрятно: ботинки не чищены, чулки грязные, платье измятое.

Большинство учащейся русской молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были дѣти мелкаго и бѣднаго дворянства, духовенства, мѣщанства и даже крестьяне, и первенствующую роль среди нихъ играли семинаристы, какъ молодежь самая даровитая и самая либеральная, но въ то же время самая невоспитанная. Поэтому, въ общемъ, обхожденіе среди студентовъ было можно сказать грубое, чуждое традиціоннымъ общественнымъ приличіямъ и уваженія къ личности.

На всѣхъ сходкахъ русскихъ студентовъ говорилось много о свободѣ и во имя свободы, но все это было смутно и неясно. При этомъ всѣ, чуть не поголовно, объявились атеистами, особенно же студенты изъ семинаристовъ. Надъ храмомъ, надъ священниками, надъ обрядомъ, надъ молитвой посмѣивались и глумились. И случилось это очень скоро, такъ сразу, словно рубашку перемѣнили. Ни сомнѣній, ни борьбы.... Какъ будто до того не было у нихъ ничего завѣтнаго. На мою душу все это ложилось очень скверно; я инстинктивно чувствовалъ, что такого рода движеніе среди русской молоде-

жи задавить идеальную сторону жизни и ограничить прогрессъ общества грубой мѣркою матеріальныхъ и животныхъ потребностей. Старыхъ традицій, старыхъ идеаловъ безнаказанно топтать нельзя!

Всѣ студенческія собранія, на которыхъ бывали не только студенты и студентки, а много офицеровъ и чиновниковъ, и молодыхъ и постарше, оканчивались обыкновенно легкой выпивкой и пѣніемъ народныхъ и цыганскихъ пѣсенъ, входившихъ тогда въ большую моду.

Я всегда любилъ русскія пѣсни!... Когда я, живя въ центральной Россіи и на Волгѣ, слушалъ эти задушевные звуки русской пѣсни, мнѣ всегда припоминалась моя далекая родина на берегахъ Вислы, Днѣпра, Припяти, Нѣмана, Виліи. Какъ бы поляки и русскій ни враждовали между собою, какъ бы ни старались ихъ разъединить—звуки народныхъ ихъ пѣсенъ будутъ вѣчно напоминать имъ о братствѣ. Есть въ нихъ общая душа! Но, увы! на студенческихъ сходкахъ эти пѣсни приводили меня въ отчаяніе. Пѣли, главнымъ образомъ, ради того, чтобы только орать, чтобы накричаться вдоволь до хрипоты, до осиплости.

Были, впрочемъ, кружки, гдѣ говорили тихо, спокойно и умно. Столько всякаго рода новыхъ идей, новыхъ воззрѣній и совершенно новыхъ словъ пришлось выслушать, такъ что къ концу споровъ въ головѣ все шло кругомъ. Видно было, что всѣ около чего-то вертятся, куда-то стремятся, но куда именно, есть ли какой-нибудь одинъ общій пунктъ, на который все это направляется—я усвоить себѣ не могъ. Въ этой путаницѣ понятій, въ этомъ правдоискательствѣ трудно было разобраться, кто что думаетъ и кому что нужно. Что меня особенно поражало въ этихъ спорахъ, это какая-то подвижность и неустойчивость во взглядахъ, всѣмъ казалось, какъ будто его взгляды не совсѣмъ еще либеральны. Всякій боялся, чтобы его не поймали стоящимъ на чемъ-нибудь слишкомъ твердо. Если кто и настаивалъ на своемъ, то дѣлалъ это слегка и такъ равнодушно, какъ будто хотѣлъ отстранить отъ себя подозрѣніе, что онъ придаетъ какую-нибудь особенную важность своимъ словамъ, какъ будто хотѣлъ дать почувствовать, что ему это все равно, что это совсѣмъ не главный его аргументъ и что съ какой-нибудь высшей точки зрѣнія онъ, пожалуй, готовъ и самъ наплевать на все то, что раньше защищалъ и за что ратовалъ. Всякій хотѣлъ, чтобы его мнѣніе было самое крайнее, самое либеральное.

Прежде, бывало, молодой человѣкъ съ либеральными взглядами, попадая въ общество солидныхъ людей, жмется, боится и лавируетъ, чтобы высказать свою мысль помягче, такъ, чтобы уже не слишкомъ шокировать и себя и общественное мнѣніе, а то вдругъ настало

время совершенно другое. Роли перемѣнились. Просто было смѣшно смотрѣть, какъ-какой нибудь сѣдой господинъ, чиновникъ-тузъ, въ кругу молодежи вертится, какъ на иголкахъ, поддакиваетъ, въ постоянной тревогѣ, чтобы его не отдѣлали, боится, чтобы противъ шерсти кому не пришлось..... А если какой-нибудь безбородый юноша отрѣжетъ какую-нибудь, даже уже черезчуръ либеральную штуку, смотришь: нашъ тузъ начинаетъ подлаживаться, что въ извѣстномъ смыслѣ и до нѣкоторой степени онъ самъ такъ думаетъ, но что, если смотрѣть съ другой точки, и принять во вниманіе то, да то.... или, что молодымъ людямъ свойственно увлеченіе, что ему это нравится, что онъ любитъ искренность, благородную прямоту и проч., и этимъ путемъ только отвиливалъ. Такъ молодежь постепенно стала во главѣ общественнаго мнѣнія и современныхъ взглядовъ. Подъ вліяніемъ какихъ причинъ и идей эта руководящая роль выпала на ея долю, я объяснить не могу, но все, что я объ этомъ пишу, такъ дѣйствительно и было.

На двѣ слишкомъ тысячи студентовъ въ Московскомъ университетѣ было около восьмисотъ поляковъ. У польской женщины гораздо позже, чѣмъ у русской, явилась потребность къ эмансипаціи на почвѣ научнаго и профессіональнаго труда. Она занята была, въ описываемое мною время, другимъ дѣломъ; поэтому въ средѣ польскихъ студентовъ студентокъ-женщинъ не находилось. Польское общество эта эмансипація еще не прельщала. Въ формѣ одежды студенты-поляки никакихъ внѣшнихъ отличій не допускали и только, впослѣдствіи, ближе къ возстанію 63 года начали носить чамарки. Среди польскаго студенчества объ атеизмѣ и рѣчи быть не можетъ; это была молодежь вѣрующая и, само собою разумѣется, глумленія надъ религіей, надъ обрядами въ ихъ обществѣ не допускалось. Между поляками дѣленія на землячества не было, они всѣ принадлежали къ одной общей группѣ и только въ видахъ удобства для сбора взносовъ на общественныя нужды и другихъ манипуляцій по взаимопомощи они дѣлились на кружки. Жили они группами по 8—10 человѣкъ, преимущественно на Грачевкѣ, Козихѣ и у Патріаршихъ прудовъ. Столовались въ общихъ столовыхъ за очень дешевую цѣну. Я нисколько не преувеличу и я увѣренъ, что это засвидѣтельствуютъ всѣ, кто былъ знакомъ съ бытомъ студентовъ того времени, что польскіе студенты вели себя трезво, нравственно и серьезно занимались наукой.

Въ то время, когда среди русскихъ студентовъ въ хаосѣ всяческихъ убѣжденій, отрицаній и правдоискательства трудно было доискаться чего-либо конкретнаго и опредѣленнаго, у студентовъ-поляковъ была ясная и великая идея—работать на пользу своей несчаст-

ной родины, своего общества. Они хорошо знали, для чего работали, приносили ли они этой своей работой пользу, или вредъ родинѣ, было ли это хорошо или дурно — этого вопроса я не касаюсь, а возстановляю лишь то, что было. Одно можно сказать, что они не путались въ своихъ взглядахъ.

Университетскую польскую молодежь обвиняли въ томъ, что она въ 1861 г. была рычагомъ и душою тогдашнихъ волненій въ университетахъ. Я близко былъ знакомъ съ тогдашнимъ движеніемъ въ Московскомъ университетѣ и утверждаю, что обвиненіе это не вѣрно. Не буду отрицать того факта, что либеральному движенію русской молодежи польская молодежь не могла не сочувствовать и всѣми зависящими отъ нея мѣрами такое движеніе поддерживала, такъ сказать, теоретически, но, имѣя во главѣ опытныхъ и солидныхъ руководителей, она до 1863 года была противна всякимъ волненіямъ и если часть польской молодежи тѣмъ не менѣе принимала въ нихъ участіе, то только потому, что того требовала товарищеская солидарность. Я знаю, что въ теченіе августа и сентября 1861 года на всѣхъ сходкахъ польскихъ студентовъ было рѣшено не только не участвовать въ безпорядкахъ, но всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами препятствовать этому, какъ мѣрамъ, которыя не могли принести существенной пользы для дѣла. На одной изъ такихъ сходокъ, самой многочисленной, происходившей въ саду стараго университета, было постановлено и это постановленіе за подписью 500 человѣкъ сообщено русскимъ студентамъ, что студенты-поляки, вслѣдствіе тяжелаго положенія ихъ родины, не имѣютъ права ухудшать этого положенія и приносить жертвы для дѣла, которое въ результатѣ можетъ принести только вредъ для всѣхъ студентовъ и въ особенности для студентовъ-поляковъ. Постановленіе это было пріобщено къ слѣдственному производству по университетскимъ безпорядкамъ 1861 года.

Несмотря на существованіе такого документа и въ оффиціальныхъ сферахъ, и въ прессѣ, всю вину за безпорядки въ Московскомъ университетѣ, бывшіе въ сентябрѣ 1861 года, свалили на поляковъ, какъ на главныхъ зачинщиковъ.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что, когда революціонное движеніе въ Польшѣ приближалось къ роковой развязкѣ, польская университетская молодежь мало того, что охотно участвовала во всѣхъ безпорядкахъ студентовъ, но старалась направить ихъ въ смыслѣ проявленія симпатій русской молодежи къ Польшѣ. Это было тогда не трудно. Принципъ свободы, которымъ бредила въ то время вся русская не только молодежь, но и интеллигенція, имѣлъ въ виду не однихъ только русскихъ, но и всѣхъ безъ различія, а тѣмъ болѣе поляковъ. Въ средѣ русской и польской молодежи въ Москвѣ былъ

даже организованъ: „Союзъ свободнаго польскаго и русскаго народа". Русскіе члены этого союза до того стали усердно проповѣдывать о братствѣ съ поляками, о необходимости совершенно освободить Польшу, какъ о нравственномъ долгѣ исправленія преступленія своихъ предковъ, что безусловно перещеголяли даже самихъ поляковъ. Намъ, конечно, оставалось благодарить ихъ за такія возвышенныя стремленія, но серьезнаго разсчета на эти симпатіи мы въ то время имѣть еще не могли.

Катковъ и другіе главари органовъ народнической печати обвиняли въ такомъ настроеніи и русской молодежи и интеллигенціи опять тѣхъ же поляковъ, которые, будучи твердо организованы въ одну стройную партію, умѣли ловко запутывать всѣхъ и раскидывать свои сѣти и въ администраціи, и въ полиціи, и во всѣхъ вліятельныхъ и интеллигентныхъ кругахъ.

Я не буду спорить, что такое всемогущее вліяніе поляки, благодаря своей организаціи, могли имѣть на полицію, администрацію и на нѣкоторыя русскія интеллигентныя сферы въ Польшѣ, въ Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ, а, пожалуй, даже въ Петербургѣ, гдѣ жили и служили очень много поляковъ, но спрашивается, какое вліяніе могли имѣть поляки въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ польской университетской молодежи—поляковъ интеллигентныхъ и вліятельныхъ людей было очень немного, развѣ изъ числа „бывшихъ" поляковъ-ренегатовъ.

Когда хотятъ представить поляковъ, какъ опасную и вредную силу въ государствѣ, о нихъ говорятъ, какъ о людяхъ умныхъ, способныхъ, энергичныхъ и ловкихъ. Съ этимъ согласиться крайне лестно для насъ, но если это такъ, то неужели же эти умные люди могли основывать какія-нибудь надежды на помощь русскаго общества ихъ отечеству только на томъ основаніи, что оно заволновалось, засуетилось, что въ немъ явилось нѣкоторое, небывалое, впрочемъ, до сихъ поръ, одушевленіе, вслѣдствіе измѣненія и то крайне сомнительнаго нѣкоторыхъ сторонъ ихъ жизни, тѣмъ болѣе, что въ этихъ-то измѣненіяхъ своей собственной жизни они сами ровно никакого участія не принимали? Неужели для этихъ „умныхъ, энергичныхъ и ловкихъ" поляковъ достаточно было, чтобы основать свои надежды, только потому, что повсюду раздавались громкія, либеральныя фразы о борьбѣ съ деспотизмомъ, чтобы повѣрить не только въ твердость, но въ длительность такого настроенія. Поляки прекрасно знали, что какъ быстро и неожиданно явился этотъ сумбуръ всевозможныхъ либеральныхъ вѣяній, такъ быстро эти вѣянія пройдутъ и наступитъ реакція. Такъ и случилось. И большинство свободомыслящихъ и либеральныхъ русскихъ въ 1861 году послѣ 1863 года сдѣлались самыми завзятыми и неисправимыми реакціонерами.

Несомнѣнно, время оживленія русскаго общества гуманными и либеральными теченіями было очень хорошее время, много добраго и честнаго сдѣлано въ этотъ короткій періодъ, но движеніе это было ненадежное, такъ какъ оно, кромѣ репрессивнаго воздѣйствія извнѣ, заключало въ себѣ много утопій, сразу много отрицаній и непрактическихъ бредней.

Незадолго до польскаго возстанія, мнѣ пришлось попасть на одно вечернее собраніе, которое устраивала, разъ въ недѣлю, у себя въ домѣ, одна богатая московская барыня г-жа А—ва. Это была очень красивая, не первой, впрочемъ, молодости, барыня, умная, образованная и передовая. Мужъ ея занималъ важную должность, но съ мужемъ она не жила. Говорили, что онъ разошелся съ нею оттого, что она была въ дружеской перепискѣ съ Герценомъ и сообщала въ его „Колоколъ“ разныя обличительныя свѣдѣнія, не щадя и того вѣдомства, которымъ управлялъ ея мужъ. Живя долгое время за границей, среди совершенно другихъ условій жизни, она пріобрѣла новыя идеи и новые взгляды на состояніе своей родины, и, какъ женщина энергичная и послѣдовательная, вернувшись въ Россію, начала въ этомъ направленіи работать, на столько, разумѣется, на сколько это позволяли окружающія условія. Кружокъ, который сформировался вокругъ нея, скромно назывался „Кружкомъ содѣйствія труду“. Задача кружка была довольно неопредѣленная и неясная, но зато поглощала праздное время, быть можетъ, въ безцѣльной, но добросовѣстной работѣ. Всѣ участники кружка обязались въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ сократить прислугу, уменьшить роскошь костюмовъ и, вообще, завести новые порядки для сокращенія расходовъ по дому и увеличить свой личный трудъ, а сбереженія, которыя окажутся отъ этой экономіи, ежемѣсячно вносить въ общую кассу на какое-либо полезное, общее дѣло. Повидимому, въ началѣ организаціи кружка никакими политическими цѣлями не задавались, но, въ то время, самая невинная въ основаніи цѣль какого-либо кружка, въ концѣ-концовъ, принимала оттѣнокъ политическій. Такую, по крайней мѣрѣ, характеристику дала ему администрація, что имѣло очень много дурныхъ послѣдствій для г-жи А. Въ этотъ-то кружокъ на званый вечеръ попалъ и я съ двумя моими хорошими знакомыми—капитаномъ генеральнаго штаба Людовикомъ Жверждовскимъ, командовавшимъ въ возстаніи отрядомъ повстанцевъ и погибшимъ подъ Опатовомъ, и военнымъ инженеръ - капитаномъ Я*. Оба они были люди образованные, просвѣщенные и интересующіеся современнымъ движеніемъ въ Россіи.

Когда мы вошли, огромный залъ собственнаго дома г-жи А., прекрасно и богато меблированный, былъ полонъ гостей. Въ немъ собралось человѣкъ около ста разныхъ возрастовъ и профессій, было много

офицеровъ, даже въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, нѣсколько писателей и художниковъ, нѣкоторые изъ нихъ и сейчасъ еще здравствуютъ, много студентовъ и всякой другой молодежи, мужчинъ и женщинъ. Поляковъ, вмѣстѣ съ нами, было не болѣе десяти человѣкъ. Въ залѣ былъ шумъ, говоръ и громкіе споры. Говорили о злобѣ дня, о польскомъ движеніи, о демонстраціяхъ въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, о жертвахъ „насилія". Отовсюду слышны были возгласы—„вѣдь они хотятъ свободы отчизнѣ"! „Мы имъ должны помочь не только своими симпатіями, но и жертвами!" „Надоѣла намъ эта подлая роль угнетателей!" Подъ аккомпаниментъ рояля, офицеръ, пріѣхавшій изъ Вильны, пропѣлъ извѣстный въ то время, польскій революціонный гимнъ „z dymem pożarow" съ интонаціей, захватывающей душу. Громкіе апплодисменты раздались по окончаніи пѣнія. Затѣмъ, какой-то писатель прочиталъ, сначала по-польски, потомъ перевелъ по-русски стихотвореніе какого-то польскаго поэта, посвященное Некрасову. Стихотвореніе это по своему трогательно-примирительному тону, я приведу въ переводѣ.

Переводъ: Пой, молодой поэтъ, пой! ты счастливъ, ты имѣешь милліонъ слушателей. Твой народъ ждетъ поэтовъ, высматриваетъ ихъ жадно—и плететъ для нихъ вѣнки... У насъ же... тяжелѣй и иначе... Могущественное прошлое гнететъ насъ... А людямъ больнымъ отъ печали, тоски, униженія и горя—что можно спѣть этимъ людямъ? Пой, молодой поэтъ! Передъ тобою простирается будущее. Пой, чѣмъ сердце твое полно. Пусть старики и молодежь упиваются пѣснью твоею... Пусть вся русская земля упивается ею. Но если ты вспомнишь когда-нибудь меня, какъ вспоминаютъ брата, сдѣлай это, я прошу тебя, сдѣлай это для меня. Пусть твоя пѣснь насъ не проклинаетъ! Довольно братская ненависть пролила слезъ и крови, довольно бой насыпалъ могильныхъ холмовъ... Пусть лучше—пѣснь мира пронесется надъ тою землей, которая орошена кровавымъ дождемъ! Пой, я тебѣ славы, вѣнковъ, желаю сочувствія людей, рукоплесканій... Намъ же остаются только молитвы, вздохи и тайныя слезы... Смерть безъ славы и блеску!

Я былъ молодъ, я вѣрилъ, я благословлялъ всѣхъ этихъ честныхъ людей за справедливость и симпатію, которую они оказывали моей бѣдной родинѣ, я чувствовалъ, какъ сердце мое роднилось съ русскимъ сердцемъ, и съ трудомъ сдерживалъ слезы.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе вынесли Жверждовскій и Я*. Они были старше меня, они лучше знали тогдашнее русское общество. Когда мы вышли отъ А., Жверждовскій сказалъ буквально такъ: „И я вѣрю въ искренность того, что я видѣлъ и слышалъ, но, къ несчастью. эти симпатіи не долговѣчны. Не пройдетъ и года, какъ

большинство этихъ людей будутъ нашими врагами. Русское общество вѣковой исторіей воспитано въ принципахъ, ничего общаго не имѣющихъ съ свободою. Это люди очень хорошіе, и въ отношеніяхъ обыденныхъ, житейскихъ съ ними жить можно, но о высшихъ цѣляхъ, о высшихъ потребностяхъ, они не задумываются и съ ними столковаться трудно. Разумѣется, исключенія были и есть, и я говорю только вообще о всей интеллигенціи русской. И дѣйствительно, не прошло года, тотъ офицеръ, который пѣлъ на вечерѣ у А. гимнъ „z dymem pożarow", былъ военнымъ начальникомъ въ одномъ уѣздѣ Минской губерніи при Муравьевѣ, преслѣдовалъ и разорялъ поляковъ, и правыхъ и виноватыхъ, и оставилъ по себѣ самую дурную память, зато теперь владѣетъ имѣніемъ свыше восьми тысячъ десятинъ, изъ тѣхъ, которыя, по его милости, были конфискованы. Другой же, ратовавшій на томъ же вечерѣ за поляковъ, и, какъ я слышалъ, готовившійся самъ примкнуть къ возстанію, полякъ по происхожденію, но православный по вѣрѣ, что давало ему право, впослѣдствіи, отрицать свое польское происхожденіе, будучи начальникомъ одного высшаго учебнаго заведенія, преслѣдовалъ поляковъ до такой степени, что всѣми мѣрами старался не допускать ихъ въ это заведеніе, и если бы не его добрая жена, ни одинъ полякъ не попалъ бы въ эту школу.

Съ 1863 года такія метаморфозы были явленіемъ заурядным. Когда Киркоръ въ 1861 г. приступилъ къ изданію въ Вильнѣ журнала „Teka Wileńska", Катковъ написалъ собственноручное ему письмо по-польски съ пожеланіемъ успѣха и, спустя три года, былъ самымъ злѣйшимъ врагомъ не только всего польскаго, но и самого Киркора, и по милости Каткова, была закрыта и „Teka Wileńska". Мнѣ скажутъ: если бы не возстаніе, симпатіи русскихъ къ полякамъ не только не измѣнились бы, но, напротивъ, росли, но эта ссылка будетъ не вѣрна. Симпатіи русскаго общества къ полякамъ были именно на почвѣ революціоннаго движенія за освобожденіе. Если бы не было возстанія, русское общество знало бы о полякахъ только какъ о хорошихъ мазуристахъ, и больше бы ими не интересовалось. Тѣ симпатіи, которыя проявились съ 1861 года, создалъ Герценъ, онъ ихъ и поддерживалъ, и по мѣрѣ того, какъ росло вліяніе Герцена, росли и симпатіи. Но вліяніе Герцена было непродолжительно, его умѣли парализировать, и тогда достаточно было, чтобы правительство поманило всѣхъ этихъ праздныхъ либераловъ на доходныя мѣста въ Польшу, Литву и Юго-Западный край, вмѣсто выгнанныхъ и сосланныхъ поляковъ, чтобы симпатіи эти не только замолкли, но обратились въ гоненіе. Прежніе quasi-друзья обратились въ самыхъ безцеремонныхъ и откровенныхъ враговъ. Въ моей памяти такихъ,

сначала друзей, поющихъ революціонные гимны, а потомъ враговъ, поющихъ похвальныя оды Муравьеву и Бергу, я могу насчитать не десятками, а сотнями. Всѣ, кто только имѣлъ возможность пристроиться къ мѣсту къ Муравьеву или Бергу, всѣ спѣшили, какъ мухи на медъ, стали заниматься болѣе практичнымъ и выгоднымъ дѣломъ, за безцѣнокъ съ приплатой иногда болѣе половины казны къ цѣнѣ, покупали конфискованныя и секвестрованныя имѣнія бывшихъ друзей, совсѣмъ перестали либеральничать и пропагандировать о братствѣ польскаго и русскаго народовъ. Мало того, всѣ обратились въ людей благонамѣренныхъ, тѣ, которые жили гражданскимъ бракомъ или повѣнчались, или бросили своихъ гражданскихъ женъ на произволъ судьбы; бывшіе атеисты стали ходить въ церковь, хотя вѣрующими не сдѣлались, но ходили и исполняли обряды, какъ сертификатъ благонамѣренности.

Въ 1865 году я встрѣтилъ въ Петербургѣ одного моего корпуснаго товарища, который во время общаго броженія извѣстенъ былъ, какъ крайній либералъ и, казалось, неисправимый атеистъ. Мы шли по улицамъ, и онъ, буквально, около каждой иконы, около каждой церкви останавливался и истово крестился. Меня это удивило, и я полюбопытствовалъ узнать о такой перемѣнѣ въ его религіозныхъ воззрѣніяхъ.

— Перемѣны въ убѣжденіяхъ, собственно, нѣтъ,—сказалъ онъ мнѣ,—но нынче безъ этого нельзя, нынче вывѣска эта необходима. Я братъ, дошелъ до такого совершенства, что, когда зѣваю—крещу ротъ. Иначе, останешься за флагомъ, а мнѣ карьера нужна. И онъ, дѣйствительно, за флагомъ не остался и теперь важная персона. Словомъ, „новые люди“, уничтоживши въ себѣ прежніе идеалы, незамѣтно для себя, разнуздали въ себѣ звѣря и звѣрь вышелъ поганенькій, хищный. Страсть къ наживѣ овладѣла всѣми, и многіе наживались, не разбирая средствъ. Энергія, обнаруженная въ этомъ дѣлѣ, была изумительная. Прежнія громкія слова прогрессъ, свобода и т. п., замѣнились терминами другаго, противоположнаго свойства, и для симпатіи къ полякамъ времени уже недоставало и мѣста не было, а, наоборотъ, явилось озлобленіе и жажда преслѣдованія, если не по убѣжденію, то ради того, что это было выгодно. Легче было попасть въ царствіе небесное, чѣмъ, въ то время, поляку достать самое мизерное мѣсто. Никто изъ русскихъ помочь не хотѣлъ даже другу. Были, конечно, исключенія, особенно среди русской аристократіи. Я помню случай такой. По выходѣ въ отставку, я искалъ мѣста въ Москвѣ. Долго я обивалъ пороги и утаптывалъ мостовую и вездѣ встрѣчалъ одинъ безстыжій отвѣтъ: „примите православіе и мѣсто получите“. Словно всѣ сдѣлались миссіонерами, или за каждаго по-

ляка, обращеннаго въ православіе, имъ платили деньги. Наконецъ, по рекомендательному письму я обратился къ князю О*, занимающему въ Москвѣ очень важный служебный постъ. На мою просьбу о мѣстѣ я получилъ тотъ же совѣтъ „принять православіе“. Когда я заявилъ князю, что я явился къ нему просить работы и хлѣба, а совѣтовъ, какому Богу я долженъ вѣрить, мнѣ не нужно, и хотѣлъ откланяться,—князь задержалъ меня, извинился передо мною „за учиненную“ имъ „безтактвость“, и въ тотъ же день я поступилъ на мѣсто. Но въ то время такихъ деликатныхъ людей было очень немного.

Къ стыду поляковъ, нужно сказать, что въ то время, многіе изъ нихъ принимали православіе. Я говорю—къ стыду, потому что они это дѣлали не изъ убѣжденія, а изъ самыхъ ничтожныхъ выгодъ. Какая польза была для Россіи и для православія отъ этихъ ренегатовъ, я понять не могу и удивляюсь, что правительство это безобразіе поощряло, и общество его поддерживало. Никому тогда и въ голову не приходило, что такая замѣна одной религіи на другую изъ-за ничтожныхъ выгодъ деморализировала общество.

Поляки цѣнили симпатіи русскаго общества, но они никогда не возлагали на нихъ какихъ-либо реальныхъ надеждъ, они знали, что въ этихъ симпатіяхъ было больше наивности, больше безпредѣльнаго увлеченія, чѣмъ толку, и нѣкоторые хотятъ свалить вину въ несчастныхъ событіяхъ 1863 г. отчасти на русское общество, какъ будто поощряющее поляковъ, дѣлаютъ неосновательно. Исторія этой связи не найдетъ. Какихъ-либо солидныхъ политическихъ отношеній между поляками и русскими въ 1863 году не было. Попытки поднять вооруженное возстаніе на Волгѣ одновременно съ польскимъ никакой связи съ польской революціей не имѣли. Я лично зналъ Максима Черняка, иниціатора этого дѣла, слышалъ и о Михайловѣ, Орловѣ и Иваницкомъ, затѣявшихъ это сумасшедшее предпріятіе и могу удостовѣрить, что у нихъ и въ помыслахъ не было этимъ путемъ помочь польскому движенію, и они никакихъ серезныхъ отношеній къ польской революціонной партіи не имѣли. Они хотѣли только воспользоваться затрудненіями правительства въ Польшѣ и Литвѣ. Это не то, что было въ 20-хъ годахъ, когда была цѣлая политическая программа, строго обдуманная, гдѣ сообщниками съ русской и польской стороны были люди вліятельные, единодушные, фанатически преданные задуманному дѣлу. И хотя всѣ эти планы разбились о практическую невозможность привести ихъ въ исполненіе, и участники этихъ плановъ сдѣлались жертвами, тѣмъ не менѣе это былъ единственный случай серьезныхъ политическихъ симпатій этихъ двухъ народовъ. И то, одинъ изъ этихъ бывшихъ друзей Польши,

членъ тайнаго общества „союза спасенія“ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, другъ Пестеля, Рылѣева, Лунина, Юшневскаго, кн. Сергѣя Волконскаго, принимавшій участіе въ переговорахъ вмѣстѣ съ своими друзьями съ польскими делегатами съ Ходкевичемъ, Кржижановскимъ и кн. Яблоновскимъ о федераціи Россіи съ Польшей о дарованіи Польшѣ независимаго управленія, при условіи совмѣстной революціи, былъ впослѣдствіи диктаторомъ Литвы и какимъ тогда онъ былъ другомъ Польши—это всѣмъ извѣстно.

Съ августа 1861 года, вслѣдствіе введенія новыхъ порядковъ въ университетахъ начались повсемѣстныя волненія университетской молодежи. Въ Москвѣ волненія эти вначалѣ ограничивались сходками въ аудиторіяхъ, въ университетскомъ саду, на бульварахъ, но никакихъ серьезныхъ безпорядковъ не было, тѣмъ болѣе, что власти, сдерживаемыя тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Тучковымъ, относились къ этому движенію спокойно, безъ страстности, такъ что масла въ огонь не подливали, хотя остановить броженія не могли. Въ самое время этихъ безпорядковъ полкъ нашъ ушелъ въ Кострому, а меня прикомандировали въ московскій кадровый баталіонъ, занимающій дворцовыя казармы въ Кремлѣ. По службѣ, какъ я уже говорилъ раньше, я былъ офицеръ исправный. Въ службѣ военной я испыталъ то же, что потомъ испытывалъ во всякой другой. Когда найдутъ исправнаго, усерднаго человѣка, то на него обыкновенно наваливаютъ какъ можно больше работы. Должности адъютанта, напр., мнѣ не давали—эту должность могъ исполнять офицеръ не особенно прилежный къ службѣ, но зато меня назначали въ самые отвѣтственные и трудные караулы, поручали учебныя команды и т. п. Такъ какъ я о командировкѣ меня въ кадровый баталіонъ никого не просилъ, то этому обстоятельству, что я былъ исправный служака, я приписываю это назначеніе и думаю, что командировкой этой не хотѣли меня выжить изъ полка, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, во-1-хъ, потому, что назначеніе это давало нѣкоторыя льготы, во-2-хъ, оно было только на годъ, по истеченіи года я опять вернулся бы въ полкъ и, наконецъ—начальство было ко мнѣ всегда внимательно, товарищи меня любили, а солдаты знали, что я къ нимъ былъ снисходителенъ и справедливъ. Эту аттестацію о себѣ я дѣлаю въ виду непріятности, которая совершенно неожиданно приключилась со мною и о которой я хочу разсказать.

21 сентября 1861 г., около 2-хъ часовъ ночи явился ко мнѣ на квартиру вѣстовой изъ дворцовыхъ казармъ съ приказаніемъ прибыть въ тотъ же день къ четыремъ часамъ утра въ казармы въ полной боевой аммуниціи.

Въ назначенный часъ прихожу въ казармы, смотрю и глазамъ

своимъ не вѣрю: солдатамъ раздаютъ боевые патроны. Вслѣдъ за мною стали прибывать и офицеры баталіона. Все это была молодежь на подборъ, лучшіе офицеры — и пѣхотинцы, и артилеристы, и кавалеристы, такъ какъ въ кадровомъ баталіонѣ были офицеры всѣхъ родовъ оружія. Они столпились въ дежурной комнатѣ, и отъ нихъ я узналъ, что баталіонъ нашъ назначенъ противъ студентовъ, которые собирались, предполагаютъ, произвести демонстрацію противъ генералъ-губернаторскаго дома для выраженія своего протеста противъ новаго университетскаго устава. Если это правда, сказалъ я, что насъ отправляютъ противъ студентовъ, то это распоряженіе, по-моему, очень странно. Для усмиренія безоружной толпы студентовъ, существуетъ полиція, а не вооруженныя войска. Съ моимъ мнѣніемъ согласилось нѣсколько офицеровъ, другіе молчали. Я не придавалъ никакого серьезнаго значенія тому, что я сказалъ, и тѣмъ болѣе не ожидалъ никакихъ дурныхъ для себя послѣдствій. Вышло, однако, иначе. Лишь только мы выстроились на плацу противъ фасада казармъ, нашъ баталіонный командиръ полковникъ Святогоръ-Шипинъ вызвалъ меня передъ фронтъ и громко сказалъ: „г. поручикъ Еленскій, я совѣтую вамъ снять мундиръ и надѣть фракъ“. Не понимая, въ чемъ дѣло и будучи озадаченъ такимъ обращеніемъ ко мнѣ баталіоннаго командира, я вѣжливо возразилъ: „г. полковникъ, я не понимаю вашего совѣта, тутъ есть какое-то недоразумѣніе, и я надѣюсь, что по возвращеніи баталіона въ казармы вы соблаговолите объяснить мнѣ причины, вызвавшія такое ваше обращеніе ко мнѣ“. „Вы много разсуждаете, вотъ что я долженъ вамъ сказать“, добавилъ полковникъ. Баталіонъ двинулся, и скоро мы заняли внутренность двора генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ и расположились въ ожиданіи, когда насъ потребуютъ „въ дѣло“. Въ бесѣдѣ съ товарищами я узналъ, въ чемъ заключалась причина, вызвавшая замѣчаніе, сдѣланное мнѣ баталіоннымъ командиромъ.

Около восьми часовъ утра прибылъ на генералъ-губернаторскій дворъ командиръ гренадерскаго корпуса генералъ-лейтенантъ, баронъ Рамзай. Кромѣ достоинства воина, Рамзай имѣлъ всѣ качества честнаго, добраго и благороднаго человѣка. Обходя фронтъ баталіона и дойдя до меня, Рамзай остановился и тихо сказалъ: „г. поручикъ, вы поступили нехорошо, ваше дѣло повиноваться, а не разсуждать“. Такимъ образомъ, одно неосторожное слово создало для меня крайне непріятный инцидентъ, который такъ или иначе долженъ былъ непріятно отразиться на мою дальнѣйшую службу. Несомнѣнно, что сказанная мною фраза была кѣмъ-либо изъ товарищей, бывшихъ въ дежурной комнатѣ, передана Святогору-Шипину. Такъ какъ я впослѣдствіи узналъ, кто мнѣ удружилъ, то я считаю своею обязан-

ностью заявить, что это сдѣлалъ не русскій, не полякъ, не нѣмецъ, не малороссіянинъ (въ баталіонѣ служили офицеры всѣхъ этихъ національностей) и мои товарищи по баталіону, если они еще живы, догадаются, на кого я намекаю. До той же минуты, пока я достовѣрно не зналъ, кто это былъ, я не смѣлъ никого подозрѣвать въ этомъ доносѣ, такъ какъ мои товарищи были все люди честные. Единодушіе нашего офицерскаго общества было примѣрное по чувству и по святости товарищества. Но семья не безъ урода.

Прошло недѣли три послѣ этого непріятнаго случая. Я успокоился и не ожидалъ уже болѣе никакихъ дурныхъ послѣдствій для себя, особенно послѣ того, какъ получилъ назначеніе быть на балу во дворцѣ, по случаю пріѣзда императора въ Москву. Это было назначеніе чрезвычайно лестное для меня, тѣмъ болѣе, что я никогда на придворныхъ балахъ не бывалъ и приблизительнаго даже понятія о нихъ не имѣлъ. Балъ былъ роскошный. Было весело и танцовали много. Мы, не большаго ранга офицеры, танцовать не рисковали, да вѣроятно, по этикету, намъ танцовать и не полагалось. Богатыхъ и изящныхъ нарядовъ, блестящихъ мундировъ и русскихъ и заграничныхъ было пропасть; женщины одна другой лучше и изящнѣе. Никогда больше я не увижу столько брильянтовъ, сколько видѣлъ ихъ на этомъ балу. Ужинъ былъ на славу. Царскій столъ, особо накрытый посреди столовой для царской семьи, былъ окруженъ и украшенъ цвѣтущими деревьями и множествомъ гіацинтовъ, нарцизовъ, тубероз, цѣлыя плато фіалокъ, роскошныхъ ползучихъ розъ и тому подобныхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Огня цѣлое море. Офицеры за длинными столами, въ перемежку, не по полкамъ, требовали лучшія вина, ѣли и пили безъ стѣсненія.

На другой день послѣ бала я получилъ повѣстку изъ корпуснаго штаба явиться на другой день въ штабъ для личныхъ объясненій къ дежурному штабъ-офицеру полковнику Моргенштіерну.

Результатъ моего посѣщенія дежурнаго штабъ-офицера былъ тотъ, что имъ было объявлено мнѣ распоряженіе корпуснаго командира объ откомандированіи меня отъ Московскаго кадроваго баталіона и о немедленномъ выѣздѣ къ мѣсту расположенія полка въ г. Кострому, при чемъ отказано мнѣ было въ выдачѣ прогоновъ на эту поѣздку. 6-го октября я прибылъ въ Кострому.

Этою главою я заканчиваю первую часть моихъ записокъ. Если я затѣмъ увижу, что я не надоѣлъ моимъ читателямъ и если я не улягусь еще спать вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ земли, то вскорѣ я начну продолжать вторую часть моихъ воспоминаній.

О. Еленскій.

Изъ архивныхъ мелочей.

Рапортъ директора императорскихъ театровъ В. Ѳ. Адлербергу [1]). Министерство императорскаго двора. Дирекція императорскихъ театровъ въ С.-Петербургѣ, 17 декабря 1846 г., № 878.

Милостивый государь Владиміръ Ѳедоровичъ!

Контора московскихъ театровъ доноситъ мнѣ, что, во время представленія въ Большомъ театрѣ 11-го числа сего декабря бенефиса актера Бантышева, въ интермедіи, упали изъ литерныхъ ложъ два яблока, одно—въ оркестръ, подлѣ дирижера, а другое—закушенное, въ третій рядъ креселъ.

О происшествіи семъ, вѣроятно, московская полиція не замедлитъ произвести слѣдствіе.

Не имѣя причинъ думать, чтобы яблоки были брошены съ какимъ-либо намѣреніемъ, потому что литерныя ложи, на которыя указывается, занимались знакомыми людьми бенефиціанту Бантышеву, человѣку, извѣстному хорошею нравственностію, и, во время паденія ихъ, пѣлъ находящійся нынѣ въ Москвѣ пѣвецъ петербургской оперы, Артемовскій, вообще въ Москвѣ понравившійся, то я и полагаю случай этотъ скорѣе неосторожностію, нежели злоумышленіемъ. Но какъ, вѣроятно, полиція сдѣлаетъ по оному отъ себя донесеніе, то поставляю долгомъ и со своей стороны сообщить о томъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и совершенной преданности А. Гедеоновъ.

Его высокопревосходительству В. Ѳ. Адлербергу.

Прошеніе Ев. Попова гр. В. Ѳ. Адлербергу [2]). Ваше сіятельство, графъ сіятельнѣйшій, благодѣтель знаменитый Владиміръ Ѳеодоровичъ!

Не мы одни, сироты, прославляемъ столь драгоцѣнно-знаменитое

---

[1]) На лѣвомъ полѣ первой страницы помѣтка: Къ свѣдѣнію. 22-го декабря 1846 г. Внизу, другою рукою: Бумаги не составлять бы.

[2]) На этомъ интересномъ прошеніи рукой гр. Адлерберга: Къ свѣдѣнію. Довольно получилъ. 27-го іюня 1858 г. Интересно, за что собственно былъ сосланъ Поповъ.

имя ваше, ознаменованное на каждомъ шагу въ великихъ благодѣяніяхъ, но прославляютъ милліоны народовъ и приносятъ усердныя мольбы къ Царю царей о многолѣтнемъ благоденствіи вашемъ и о благоденствіи всей знаменитой фамиліи вашей!

Господи, спаси царя и благодѣтеля!

Среди сихъ народовъ, мы, пять лицъ, обязаны до самаго гроба нашего молить милосердія у Всевышняго о вожделѣнномъ здравіи вашего сіятельства, благодѣтеля!

Изъ канцеляріи министерства императорскаго двора, по приказанію вашего сіятельства препровожденныя, при предписаніи, отъ 25-го числа февраля сего года, за № 322, пожалованные мнѣ въ пособіе пятьдесятъ рублей серебромъ я имѣлъ счастіе получить изъ Костромской губернской почтовой конторы 7-го числа марта съ надлежащей росписью.

Эта драгоцѣнно-знаменитая милость удостоила меня, въ минувшемъ маѣ, быть для поклоненія святымъ мѣстамъ и угодникамъ, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, въ лаврѣ Сергіевской, Переяславлѣ, Ростовѣ и Ярославлѣ.

Теперь желаніе мое есть помолиться въ Казани и другихъ къ Сибири мѣстахъ, съ двумя сироточками; но, по дальнему разстоянію, не имѣю состоянія, а потому и осмѣливаюсь умолять глубочайшею просьбою знаменитую особу вашего сіятельства наградить насъ на дорогу еще чѣмъ-нибудь, хотя десять рублей серебромъ. Но и за сіи благодѣянія будемъ молиться Царю царствующихъ о здравіи и благоденствіи вашемъ!

Меня, недостойнаго, въ Сибири, въ тридцать два года,
Во многихъ мѣстахъ смерть алчная искала.
Въ Сѣверо-Западной странѣ
Грозный адъ мнѣ каторгою разверзала,
Но Богъ помогъ—и я еще живъ и не погибъ!
Въ степяхъ киргизскихъ отдаленныхъ, суровыхъ,
Съ людьми я замерзалъ
И очень близокъ, близокъ къ смерти былъ;
Жестокій морозъ, буря и вихрь
На смерть насъ терзалъ!..
О мысль тогда небесная, благая!—
Призвали въ помощь великаго святителя Николая.
Чудотворецъ великій, очевидно, спасъ
Отъ гибельной смерти всѣхъ насъ!..

Вашего сіятельства покорнѣйшіе и всенижайшіе слуги: Евграфъ Матвѣевъ Поповъ, возвращенный по высочайшему повелѣнію изъ Сибири, бывшій макарьевскій казначей, и четыре сироточки-дочери, дѣвицы:

Анна, Надежда, Екатерина и Татьяна Поповы.

19-го числа іюня 1858 г.

Г. Кострома, въ которомъ имѣю я проживаніе, извѣстное почтовой конторѣ.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Любопытныя переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ **Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1905 по 9 рублей.**

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. НОЯБРЬ. 1906 годъ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Плетневъ, какъ критикъ и публицистъ. Вячеслава Каминскаго . . 245—286

II. Автобіографія графа Льва Николаевича Толстого. Льва Толстого. 287—311

III. Воспоминанія В. Н. Никитина . . . . 312—396

IV. Изъ воспоминаній В. А. Панаева . . . . 397—442

V. Воспоминанія стараго студента. Вл. Сорокина . . . . . 443—472

VI. Изъ деревни. В. Т—а 473—492

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1906.

XI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го ноября 1906 года.

Плетневъ, какъ критикъ и публицистъ.

29-го декабря 1905 г. исполнилось 40 лѣтъ со дня смерти бывшаго предсѣдателя отдѣленія русскаго языка и словесности при академіи наукъ, ректора с.-петербургскаго университета П. А. Плетнева, который стоялъ близко къ тому литературному движенію, какое вызвано было въ первой половинѣ XIX ст. дѣятельностью нашихъ первоклассныхъ писателей: Пушкина, Жуковскаго, Крылова и Гоголя, и который пользовался среди нихъ авторитетомъ и значеніемъ какъ за свои выдающіяся личныя качества, такъ, въ особенности, за свою критическую и публицистическую дѣятельность [1]).

Критическая дѣятельность Плетнева выразилась въ многочисленныхъ и разнообразныхъ сочиненіяхъ. Эти послѣднія отличаются богатствомъ содержанія и охватываютъ огромную сферу вопросовъ и предметовъ; печатаются они на протяженіи 40 съ лишнимъ лѣтъ (съ 1819 по 1865). Самый любимый родъ произведеній Плетнева составляли біографіи, что онъ однажды высказалъ Жуковскому въ своемъ письмѣ [2]). Ими онъ начиналъ свою литературную дѣятельность и ими онъ занимался, какъ говоритъ Скабичевскій, „преимущественно подъ конецъ жизни“ [3]). Эти именно труды Плетнева представляютъ собою больше цѣльности, законченности и обстоятельности въ сравненіи съ другими его трудами. Такое заключеніе невольно напрашивается, если обратить вниманіе хотя бы только на біографіи

[1]) „Русская Старина“ 1904 г., кн. IX, стр. 595.
[2]) Ibid. стр. 610—611.
[3]) „Вѣстникъ Европы“ 1885 г., кн. XI, стр. 84.

Баратынскаго или Дельвига, не говоря уже о такихъ обширныхъ, какъ біографіи Крылова и Жуковскаго.

Ко второму отдѣлу произведеній Плетнева слѣдуетъ причислить статьи, представляющія собою критическіе разборы разнаго рода произведеній современныхъ ему писателей, начиная отъ первостепенныхъ. Таковы разборы: „Кавказскаго Плѣнника“ Пушкина, „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя, идиллій Гнѣдича „Рыбаки“ и др. Эти разборы отличаются то большею, то меньшею полнотою соотвѣтственно предмету разбора. Сюда же слѣдуетъ отнести и разборы разнаго рода научныхъ сочиненій, какъ, напримѣръ: „Исторія поэзіи“ Шевырева, „Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей“ Ишимовой, „Колѣна и сословія аттическія“ М. Куторги и др. Наконецъ, въ тотъ же отдѣлъ можно включить и тѣ краткіе литературные разборы, которые по своему характеру напоминаютъ библіографическій отдѣлъ въ современныхъ періодическихъ журналахъ. Этими разборами, помѣщавшимися въ „Современникѣ“ (1836—1846) подъ заглавіемъ „Мелкіе критическіе разборы“, Плетневъ способствовалъ развитію журнальной библіографіи.

Третій отдѣлъ произведеній Плетнева составляютъ публицистическія, а именно: 1) рѣчи по разнымъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, рѣчь „о народности въ литературѣ“, или „объ обязанностяхъ наставниковъ юношества“ (въ I т.), 2) описанія торжествъ, какъ, напримѣръ, 200-лѣтняго юбилея гельсингфорскаго университета, 50-лѣтнихъ юбилеевъ литературной дѣятельности: Крылова, кн. Вяземскаго, наконецъ, 3) отдѣльныя замѣтки въ видѣ писемъ, какъ, напримѣръ, „къ гр. С. И. Соллогубъ о русскихъ поэтахъ“. Сюда же относится описаніе путешествія по Россіи Наслѣдника Цесаревича, а затѣмъ описаніе путешествія Жуковскаго по Россіи и, наконецъ, бѣглыя журнальныя замѣтки по поводу разныхъ предметовъ и вопросовъ, представлявшихъ современный интересъ. Этимъ можно исчерпать вполнѣ тѣ труды, въ которыхъ выразилась критическая и публицистическая дѣятельность Плетнева. Дать характеристику этой дѣятельности со стороны ея взглядовъ, направленія и значенія въ исторіи нашей критики, выяснить связь критической дѣятельности Плетнева съ дѣятельностью его предшественниковъ, а также современниковъ и, наконецъ, отмѣтить, насколько въ ней были положены основы для развитія критической мысли въ будущемъ,—составляетъ предметъ настоящей статьи.

I.

Связь дѣятельности Плетнева съ дѣятельностью его предшественниковъ; новыя черты въ его дѣятельности въ сравненіи съ ними.

Критическая дѣятельность Плетнева по основному ея направленію и господствующимъ въ ней взглядамъ имѣетъ тѣсную связь съ дѣятельностью критиковъ-предшественниковъ, такъ какъ Плетневъ усвоилъ себѣ нѣкоторые традиціонные взгляды ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и держался, хотя не вполнѣ, но отчасти того общаго характера и пріемовъ критики, какъ они сложились раньше. До Плетнева преобладающимъ, почти исключительнымъ содержаніемъ нашей критики былъ разборъ стиля сочиненій. Начавшись еще со времени Сумарокова, этого рода критика существовала прочно и развивалась успѣшно, благодаря трудамъ такихъ писателей въ этой области, какъ, напримѣръ, Фонъ-Визинъ, Клушинъ, Крыловъ, Шишковъ, при чемъ въ трудахъ послѣдняго она получила крайне уродливое направленіе. Карамзинъ затѣмъ, выяснивъ, какъ въ спорѣ съ Шишковымъ, такъ и независимо отъ сего основныя черты своихъ взглядовъ, положилъ этимъ основаніе стилистической критикѣ въ ея новомъ направленіи чуждомъ тѣхъ крайностей и недостатковъ, до которыхъ она была доведена Шишковымъ. Это наслѣдіе Карамзина досталось въ удѣлъ тому литературному кружку (Арзамасу), къ которому принадлежалъ Плетневъ и который считалъ Карамзина своимъ учителемъ, а разрабатывать и популяризировать его взгляды считалъ своею священною обязанностью.

Послѣдователи Карамзина, развивая затѣмъ его основные взгляды, старались въ свою очередь освободиться отъ ихъ недостатковъ. Это стремленіе нашло свое осуществленіе съ появленіемъ у насъ романтическаго направленія, представителемъ котораго считается Жуковскій. Критическая его дѣятельность выразилась, главнымъ образомъ, въ статьяхъ: 1) „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“ и 2) „О баснѣ и басняхъ Крылова“. Вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ и томъ же направленіи работалъ Каченовскій, давъ разборъ произведеній Дмитріева. Сущность ихъ критики заключалась не въ одномъ только стилистическомъ разборѣ; они дѣлаютъ попытку выяснить, насколько разбираемое произведеніе по своему содержанію удовлетворяетъ извѣстнымъ требованіямъ, предъявляемымъ съ точки зрѣнія установившейся теоріи. Весьма точно это формулируется въ словахъ Жуковскаго: „критика,—говоритъ онъ,—это есть сужденіе, основанное на правилахъ образованнаго вкуса, безпристрастное и свободное. Главная ея польза состоитъ въ распространеніи вкуса, и въ этомъ отношеніи она (критика) есть одна изъ важнѣйшихъ отраслей изящ-

ной словесности“ [1]). Такимъ образомъ, критика, вообще, получаетъ въ словахъ Жуковскаго точное опредѣленіе, а вмѣстѣ и значеніе. Стилистическая критика при этомъ нисколько не теряетъ прежняго своего значенія, но ею одною дѣло ограничиваться не можетъ, такъ какъ кромѣ того выдвигается критика теоретическая, или точнѣе теоретико-сравнительная.

Плетневъ въ своей критической дѣятельности является, вообще, послѣдователемъ своего учителя Жуковскаго, т. е. стилистомъ и теоретикомъ, хотя послѣднее должно быть примѣняемо къ Плетневу съ большимъ ограниченіемъ. Поэтому критическая дѣятельность Плетнева стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что было выработано раньше, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и нѣкоторый шагъ впередъ. Какъ и его предшественники, Плетневъ прежде всего является, какъ мы уже сказали, стилистомъ, который заботится о чистотѣ и изяществѣ языка. Онъ съ большою тщательностью отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи достоинства и недостатки разбираемыхъ имъ произведеній; мало того, онъ старается даже поставить чистоту языка на степень главнаго достоинства произведеній, которыя претендуютъ на авторитетъ и значеніе въ литературѣ. Въ этомъ, несомнѣнно, сказывается его связь съ прошлымъ, когда критика ограничивалась разборомъ произведеній только со стороны языка и стиля, какъ это мы видимъ преимущественно въ XVIII в. у Сумарокова и др. Но независимо отъ этого, онъ дѣлалъ разборы и по существу, анализируя строго содержаніе произведеній, т. е. далъ образцы критики теоретико-сравнительной.

Основаніе послѣдняго рода критики у насъ впервые положилъ Мерзляковъ [2]), который былъ строгій ложноклассикъ; а въ своей критической дѣятельности онъ явился очень добросовѣстнымъ послѣдователемъ нѣмецкихъ теоретиковъ [3]). Между тѣмъ Плетневъ былъ самостоятельнымъ критикомъ въ томъ отношеніи, что не придерживался одной какой-нибудь опредѣленной теоріи изъ выработанныхъ въ Западной Европѣ и пользовавшихся непререкаемымъ авторитетомъ; онъ руководился своимъ личнымъ критическимъ чутьемъ, легкою способностью угадывать хорошія стороны въ извѣстныхъ произведеніяхъ и соотвѣтственнымъ образомъ ихъ освѣщать. Заслуга Плетнева заключается не только въ томъ, что, расширяя рамки критическихъ изслѣдованій, онъ указывалъ тотъ путь, который

---

[1]) Сочиненія Жуковскаго, изд. подъ ред. Ефремова, т. V, стр. 382 (изд. 1878 г.).

[2]) Профессоръ московскаго университета; годы его жизни 1778—1830.

[3]) И. М. Бѣлоруссовъ. Зачатки русской литературной критики, вып. I, 1890 г., вып. II. 1888 г.

могъ обезпечить критикѣ вполнѣ правильное развитіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ точно, ясно и опредѣленно излагалъ тѣ принципы, какихъ должна держаться критика. Въ своихъ критическихъ разборахъ онъ давалъ поразительные примѣры тонкаго пониманія произведеній какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Все это имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что можетъ быть отнесено и къ первому періоду его дѣятельности, когда Бѣлинскій и даже Кирѣевскій, Веневитиновъ и Полевой не выступали еще на поприще литературной дѣятельности.

При разборѣ произведеній достоинства или недостатки ихъ опредѣляются Плетневымъ на основаніи того, насколько писатели, проводя извѣстную идею въ своемъ сочиненіи, остаются послѣдовательными, насколько вѣрно выражается истина въ произведеніяхъ, будетъ ли эта, какъ онъ выражается, „истина природы“ или „истина жизни“. Съ этой точки зрѣнія онъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ сказать, только констатируетъ фактъ, какъ онъ представляется его непосредственному наблюденію, и его сужденія въ такихъ случаяхъ вѣрны даже съ современной намъ точки зрѣнія. Таково, напримѣръ, опредѣленіе различія между Жуковскимъ и Батюшковымъ, какъ представителями романтизма и классицизма. „Жуковскій, — говоритъ Плетневъ, — воспитанникъ и основатель въ Россіи *романтической школы* поэзіи... Глубокія чувства, смѣлая мечтательность, богатство, или, лучше сказать, роскошь самыхъ свѣжихъ картинъ природы составляютъ настоящія красоты *романтической* и вмѣстѣ Жуковскаго поэзіи... Какъ анатомикъ, онъ знакомитъ насъ со всѣми изгибами нашего сердца. Но чаще онъ любитъ предаваться всей стремительности своего отважнаго воображенія, и никогда сила не измѣняетъ дѣятельности“ [1]). Не менѣе точна и опредѣленна характеристика Батюшкова. „Батюшковъ“,—замѣчаетъ Плетневъ,—„держится новѣйшей классической школы. Нѣжность чувствъ, умѣряемая голосомъ истины, воображеніе живое, но всегда послушное строгому вкусу, описанія прекрасныя, но никогда не преувеличенныя, отличаютъ сію школу отъ романтической. Батюшковъ задумывается, а не мечтаетъ... Онъ преимущественно любитъ такъ называемую пластическую красоту, а не воображаемую. Ею исполнена для него природа“ [2]). Объективность, отсутствіе даже слѣдовъ какой-либо тенденціи, стремленіе обнять и охарактеризовать предметъ въ его существенныхъ чертахъ и притомъ, по возможности, всесторонне — вотъ основныя черты этихъ разсужденій. Мало того, невольно обращаетъ на себя вниманіе тонъ разсужденій, въ общемъ, похожій на

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева т. I, стр. 26.

[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева т. I, стр. 27—28.

тонъ критики Бѣлинскаго. Вслѣдствіе указанныхъ данныхъ, критическая дѣятельность Плетнева можетъ считаться связующимъ звеномъ между старой школой критики и новой, начало которой положилъ Бѣлинскій; она служитъ переходною ступенью отъ одной къ другой, такъ какъ съ одной стороны мы видимъ въ ней много такого, что принадлежитъ работѣ предшествующаго ему времени, и такого, что носитъ на себѣ печать новизны. Эта печать новизны заключается между прочимъ и въ томъ, что Плетневъ впервые до Бѣлинскаго очень опредѣленно выдвинулъ принципъ народности и сдѣлалъ предметомъ критики общественную жизнь съ выдающимися ея явленіями. Такимъ путемъ онъ старался установить начала публицистики, а въ своихъ критическихъ статьяхъ развивалъ мысль о необходимости и достоинствахъ произведеній національныхъ, народныхъ.

Раньше отъ произведенія со стороны его содержанія требовалось соблюденіе правилъ, изложенныхъ въ какой-нибудь системѣ, напр., Буало или др. Поэтому разбиралось обыкновенно само произведеніе съ точки зрѣнія извѣстной теоріи, притомъ только, какъ строго литературное произведеніе. Отношеніе къ жизни вообще и къ современной въ частности не затрогивалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ руководителемъ критики являлся авторъ той теоріи, съ точки зрѣнія которой разбиралось данное произведеніе. Такъ поступалъ, напр., упомянутый уже выше Мерзляковъ, который избралъ своимъ руководителемъ нѣмецкаго теоретика Эшенбурга (1733—1820); такъ поступали и другіе. Естественнымъ результатомъ такого руководительства было то, что не могло выработаться у критика вполнѣ самобытнаго, самостоятельнаго міровоззрѣнія, обусловливаемаго взаимодѣйствіемъ индивидуальности автора съ одной стороны и окружающей обстановки, съ другой. Поэтому не могло созрѣть и вылиться въ ярко опредѣленную форму сознаніе необходимости выдвинуть въ критическихъ сужденіяхъ принципъ національности. Плетневъ, благодаря тому, что онъ рабски не слѣдовалъ ни одной теоріи, имѣлъ возможность отрѣшиться до извѣстной степени отъ того, что съ полнымъ правомъ можно было назвать „ошибками отцовъ“. Отсутствіе увлеченія этими послѣдними способствовало сохраненію необходимой самостоятельности сужденія, а внимательное изученіе общественной жизни и постороннее вліяніе послужили причиною того, что Плетневъ впервые, какъ критикъ, сталъ формулировать указанные выше принципы. Конечно, его взгляды не могутъ претендовать на авторитетъ съ современной намъ точки зрѣнія, если разсматривать ихъ въ деталяхъ. Но весьма важно было и то, что онъ поставилъ эти вопросы, какъ главные и необходимые какъ настоятельный предметъ критики.

II.

Взгляды Плетнева на поэзію.—Сущность и отличительныя черты ея.—Условія и пути, обезпечивающіе правильное развитіе поэзіи.—Важность и значеніе національнаго элемента въ поэзіи.—Поэзія истинная и не истинная.—Поэтъ и его отношеніе къ обществу.—Задачи и цѣль его дѣятельности.—Основные принципы Плетнева, какъ резюме его взглядовъ на поэзію.

Однимъ изъ вопросовъ, наиболѣе обстоятельно выясненныхъ въ сочиненіяхъ Плетнева, является вопросъ о поэзіи. Онъ охватываетъ собою цѣлую группу детальныхъ вопросовъ, возникавшихъ при его разъясненіи. Стараясь выяснить, въ чемъ должна заключаться сущность поэзіи, Плетневъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ условія, какъ благопріятствующія успѣшному развитію ея, такъ и задерживающія его. Кромѣ того, онъ отмѣчаетъ тѣ пути, по которымъ она должна итти въ своемъ развитіи, а также и тѣ цѣли, какія она должна преслѣдовать. Наконецъ, Плетневъ разсматриваетъ разнаго рода формы поэтическаго творчества.

Въ связи съ этими вопросами Плетневъ высказываетъ свой взглядъ на поэта и его назначеніе, опредѣляетъ тѣ черты, какими поэтъ долженъ отличаться.

Всѣ эти вопросы, весьма важные сами по себѣ, были особенно важны во время Плетнева, когда въ русской литературѣ только начинали складываться нѣкоторые виды поэтическаго творчества; въ появившихся тогда поэтическихъ произведеніяхъ впервые было выражено стремленіе совершенно освободиться отъ того подражанія, которое въ теченіе продолжительнаго времени сковывало свободное и самостоятельное развитіе русской литературы. Поэтому отмѣченные выше вопросы въ отдѣлѣ литературной критики были весьма важны именно потому, что теперь и требовалось установить строгія и точныя начала, которыя могли бы способствовать правильному и самостоятельному развитію каждаго изъ видовъ литературнаго творчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ выработать и установить новый критерій для оцѣнки литературныхъ произведеній. Такъ смотрѣлъ на эти вопросы и Плетневъ, отводя имъ особенное и преимущественное мѣсто въ ряду другихъ и потому останавливаясь на нихъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ на другихъ. Какъ „выразитель теоретическаго міровоззрѣнія кружка“ (Арзамаса) [1]), Плетневъ въ своихъ сужденіяхъ по даннымъ вопросамъ обнаруживаетъ солидарность, по крайней мѣрѣ, въ главномъ и существенномъ со своими литературными друзьями.

Поэзія, по словамъ Плетнева, въ своей сущности неизмѣнна и вѣчна, такъ какъ въ основаніи ея лежатъ тѣ высокіе обще-человѣческіе

[1]) „Вѣстникъ Европы“. 1895 г., кн. XI, стр. 279.

идеалы, которые даже во время всеобщей испорченности и упадка нравовъ не теряютъ своего обаятельнаго величія и значенія. Такъ какъ эти идеалы врождены человѣческой душѣ, то это служитъ вѣрной гарантіей того, что и поэзія никогда не можетъ утратить истиннаго своего значенія. Воплощая постоянно одни и тѣ же идеалы истины, добра и прекраснаго, поэзія нисколько „не зависитъ отъ времени и мѣста". Поэтому „мѣняются", говоритъ Плетневъ, „только формы и краски поэзіи, а сама она въ своей сущности неизмѣнна". Приписывая такой отвлеченно-идеальный характеръ поэзіи, Плетневъ относится отрицательно къ тому мнѣнію, которое „поэзію превращало въ холодное разсужденіе на заданный предметъ". Это мнѣніе, развившееся на почвѣ ложноклассицизма, далеко не совпадало ни съ личными взглядами Плетнева, ни съ тѣми, которые горячо отстаивались членами уже извѣстнаго намъ литературнаго кружка. (Арзамасъ).

Слѣдуетъ замѣтить, что взгляды Плетнева на поэзію, въ сравненіи съ взглядами напр. ложно-классиковъ, представляютъ значительный шагъ впередъ, несмотря на свою отвлеченность. Прежде всего онъ требовалъ полной свободы для литературнаго творчества, и поэзію, какъ выраженіе высокихъ идеаловъ въ формѣ изящныхъ литературныхъ произведеній, считалъ искусствомъ. Кромѣ того, залогъ успѣшнаго развитія поэзіи Плетневъ именно видѣлъ въ отсутствіи тѣхъ рамокъ, подчиненіе которымъ считалось тогда необходимымъ условіемъ поэтическаго творчества. Осуждая подражательное направленіе и признавая поэзію свободнымъ искусствомъ, Плетневъ довольно подробно развиваетъ свой взглядъ на этотъ предметъ. По его мнѣнію въ поэзіи, какъ и во всякомъ искусствѣ, должны строго выполняться требованія изящныхъ искусствъ. „Въ нихъ", говоритъ Плетневъ: „ни одно произведеніе не должно оставаться безъ того, что въ ихъ теоріи называется идеальнымъ. Самое слово поэзія означаетъ созданіе, безъ чего она не получаетъ своего имени. Конечно, иной родъ поэзіи менѣе требуетъ идеальнаго, другой болѣе, но совсѣмъ безъ него невозможно указать ни одного произведенія, которое бы справедливо называлось поэзіею" [1]). Признавая главнымъ и необходимымъ въ поэзіи идеальный элементъ, Плетневъ считаетъ даже поэзію добродѣтелью, и конечную цѣль ея видитъ въ осуществленіи того прекраснаго, тайну котораго душа открываетъ въ твореніи Бога и которое стремится явно выразиться въ твореніи собственномъ [2]). По его мнѣнію, твореніе вполнѣ „свободное и вдохновенное", какъ цѣль поэзіи, имѣетъ глубокое значеніе для человѣка,

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 97—98.

[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 8.

такъ какъ оно служитъ главнымъ и существеннымъ стимуломъ для нравственнаго совершенства. Побуждая обращать вниманіе на высшія цѣли и задачи жизни, это „твореніе“ невольно заставляетъ человѣка думать надъ ними, и, если не вполнѣ, то хотя отчасти способствуетъ осуществленію имъ въ жизни тѣхъ идеаловъ, которые должны составлять предметъ поэзіи и конечную цѣль человѣческой жизни и дѣятельности.

Что касается пути, по которому должна направляться въ своемъ развитіи поэзія, чтобы ея произведенія „сохранили навсегда достоинство, силу и дѣйствіе“, то такимъ путемъ, по мнѣнію Плетнева, можетъ быть только одинъ, именно путь совершенства, т. е. красоты, или изящества. Развитіе этой общей мысли о пути, по которому должна идти поэзія, изложено у Плетнева вполнѣ согласно съ взглядами Жуковскаго, на котораго онъ и ссылается. „Прекрасное“, говоритъ Плетневъ, „это то, что дѣйствуетъ на нашу душу не однимъ присутственнымъ настоящимъ, но и неяснымъ, въ одно мгновеніе сліяннымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ лучшаго въ будущемъ“ [1]). Приводя эти слова Жуковскаго, какъ основаніе своего взгляда, Плетневъ и далѣе согласно съ Жуковскимъ „опредѣляетъ сущность прекраснаго таинственною силою духовной и вещественной природы, увлекающей душу къ возсозданію явленій, возвышающихъ ее, трогающихъ и плѣняющихъ. Въ этомъ соотношеніи внѣшняго съ внутреннимъ“, говоритъ онъ: „все чисто—матеріальное отстранено“ [2]).

Такимъ образомъ, развивая свою мысль о необходимости въ поэзіи идеальныхъ элементовъ, Плетневъ вдается въ крайность, сообщая метафизическій характеръ поэзіи. Полная идеальность, отсутствіе всего чисто-матеріальнаго, неземная красота—вотъ отличительныя черты, которыми, по его мнѣнію, должны отличаться произведенія поэтическаго творчества. Такой взглядъ объясняется сильнымъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма. Какъ нѣкоторую иллюстрацію этого взгляда, не безынтересно отмѣтить здѣсь, что говоритъ Плетневъ о предметѣ поэзіи. Міръ искусства, по мнѣнію Плетнева, представляетъ самъ по себѣ неистощимый матеріалъ, и идея этого міра можетъ служить предметомъ поэзіи, но только при условіи, если этотъ міръ станетъ вполнѣ доступнымъ для человѣка, который берется передать идею его въ поэтическомъ произведеніи; другими словами, если послѣдній настолько изучитъ этотъ міръ, что сущность его станетъ вполнѣ ясною и понятною. Затѣмъ Плетневъ говоритъ, что „поэзія не должна огра-

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 6.
[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 7.

ничиваться вѣрнымъ списываніемъ съ природы", потому что простота въ данномъ случаѣ можетъ перейти въ грубость, и поэзія въ испорченную прозу. Вообще говоря, въ данномъ случаѣ Плетневъ является сторонникомъ теоріи чистаго искусства, требуя отъ поэзіи воспроизведенія даннаго предмета, какимъ онъ долженъ быть по своей идеѣ, а не самаго предмета, какимъ онъ представляется намъ въ дѣйствительности даже въ типичныхъ ея явленіяхъ.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что самъ Плетневъ невсегда оставался строго послѣдовательнымъ въ этомъ отношеніи. Иногда, онъ отступаетъ отъ указаннаго взгляда, и въ этомъ мы склонны видѣть черты критики въ лучшемъ и современномъ значеніи этого слова. Для подтвержденія достаточно указать на его разборъ „Мертвыхъ Душъ" Гоголя. Здѣсь Плетневъ старается выяснить значеніе этой поэмы, отмѣтить основную ея идею, которую развивалъ авторъ, таланту котораго онъ отдаетъ должную дань уваженія и похвалы. „Онъ самъ", такъ выражается Плетневъ о Гоголѣ: „весь проникнутъ жизнью—и вмѣсто того, чтобы сочинять, онъ воплощаетъ въ дѣятельность свою внутреннюю жизнь—это чудное вмѣстилище всего внѣшняго. Вышедши изъ своего уединенія мысли на поприще явленій жизни, онъ обязанность созерцателя перемѣняетъ на ощущеніе дѣйствующихъ лицъ, и мы видимъ только рядъ поразительныхъ сценъ, не подозрѣвая, что дѣло состоитъ въ искусствѣ автора" [1]). „Высшимъ достоинствомъ этого произведенія является", замѣчаетъ далѣе Плетневъ „та натуральность, съ которою Гоголь описывалъ явленія современной ему жизни. Эти явленія онъ какъ бы копировалъ и притомъ съ такою художественною вѣрностью и неподражаемымъ реализмомъ, что, казалось, будто онъ самъ переживалъ эти явленія, эти событія [2]), будто ощущеніе дѣйствующихъ въ его поэмѣ лицъ является принадлежащимъ ему самому, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ постороннимъ созерцателемъ. Изъ этихъ словъ Плетнева можно дѣлать выводъ, что достоинство поэмы заключается въ вѣрномъ воспроизведеніи не самой идеи (чего, какъ мы видѣли выше, онъ требовалъ отъ поэзіи), а дѣйствительности. Въ послѣдующемъ изложеніи Плетневъ по этому поводу говоритъ такъ: „въ сущности искусства не вымыселъ важенъ, а жизнь. Ея полное и поэтическое развитіе есть прямая цѣль великихъ художниковъ [3]). Стало быть, не идея міра, не идея жизни, а сама жизнь, какъ фактъ, какъ извѣстное явленіе, ко-

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 477.

[2]) Такое же мнѣніе объ этой поэмѣ высказываетъ Плетневъ въ своемъ письмѣ къ Жуковскому (т. III, стр. 539).

[3]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 478.

торое подлежитъ наблюденію и изображенію, должна составлять предметъ поэтическаго творчества.

Аналогичный взглядъ высказываетъ Плетневъ и при разборѣ произведенія Пушкина „Вѣщій Олегъ". Характеризуя это произведеніе, Плетневъ говоритъ: „оно должно быть образцомъ для всѣхъ, покушающихся писать въ этомъ родѣ" [1]). Но особенное достоинство этого произведенія заключается, по мнѣнію Плетнева, въ томъ, что оно отличается національнымъ характеромъ. Эта черта особенно цѣнна въ немъ потому, что подобныхъ произведеній появляется очень мало, такъ какъ поэты наши, „увлекаясь общими красотами, какъ бы избѣгаютъ отечественныхъ". Осуждая такое направленіе, Плетневъ настоятельно требуетъ внесенія національнаго, народнаго элемента въ поэзію, такъ какъ существованіе этого элемента служитъ доказательствомъ того, что поэтическое произведеніе обладаетъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ.

Развивая дальше свое мнѣніе по данному вопросу, Плетневъ замѣчаетъ, что „народная поэзія гораздо выше, чѣмъ неопредѣленная", такъ какъ она способна быстрѣе возбуждать въ насъ удовольствіе и наслажденіе, а затѣмъ сообщать прочность нашимъ патріотическимъ чувствамъ. Для иллюстраціи этихъ общихъ положеній Плетнева достаточно сослаться на тѣ детали, которыя довольно подробно изложены имъ при разборѣ произведеній Крылова. „Онъ", говоритъ про Крылова Плетневъ: „придумывалъ разсказы столь естественные, столь простые, и каждому понятные, столь согласные съ нашею жизнью и привычками, что въ ихъ составѣ не оставалось и тѣни искусства, сочиненія или подготовленія" [2]). Плетневъ нисколько при этомъ не отрицаетъ того факта, что сюжеты національные, народные были обрабатываемы и до Крылова въ XVIII вѣкѣ, но говоритъ при этомъ съ особенною силою о томъ, что до Крылова они не представляли собою болѣе или менѣе удовлетворительныхъ образцовъ даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ. „Одинъ Крыловъ въ каждой баснѣ своей выдерживаетъ отъ начала до конца ровный характеръ оригинальнаго русскаго поэта. Благодаря своей самобытно-поэтической натурѣ, Крыловъ могъ вполнѣ удачно выполнить всѣ тѣ требованія, которыя, по мнѣнію Плетнева, должны предъявляться ко всякому поэтическому произведенію, хотя и не имѣлъ для этого даже такихъ необходимыхъ средствъ, какія даются основательнымъ образованіемъ. Несмотря, однако, на всю трудность задачи, Крыловъ обнялъ собственною мыслью русскую жизнь въ главныхъ ея

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 210.

[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. II, стр. 32—33.

оттѣнкахъ и краскахъ, изобразилъ ее рѣзко и вѣрно". Въ этомъ и состоитъ, по словамъ Плетнева, его заслуга передъ потомствомъ, такъ какъ національный элементъ получилъ полное выраженіе въ его произведеніяхъ.

Этимъ опредѣляется одно изъ тѣхъ качествъ, какія по мнѣнію Плетнева должны служить отличительной чертой истинной поэзіи. Сдѣланныя имъ указанія иллюстрируются у него примѣрами. „Поэзія въ смыслѣ стихотворства, основаннаго на требованіяхъ изящнаго и въ то же время словеснаго искусства", говоритъ Плетневъ: „получила начало только съ половины XVIII в., благодаря Ломоносову" [1]). Не опровергая мнѣнія о достоинствѣ его произведеній, Плетневъ не находитъ, однако, достаточнаго основанія къ тому, чтобы называть его въ полномъ смыслѣ слова творцомъ. Причина этого заключается въ отсутствіи у него „самобытныхъ созданій", которыя бы вызваны были къ жизни „внутреннимъ его увлеченіемъ, страстью или призваніемъ художника". Общее настроеніе его поэзіи „отзывается искусствомъ, заимствованнымъ, подражательностью, даже холодностью". Несомнѣнное достоинство его — это „умѣніе приложить правила поэзіи древнихъ авторовъ къ русскому языку, духъ и свойства котораго Ломоносовъ вполнѣ постигъ". Равнымъ образомъ и Державинъ не можетъ считаться, по мнѣнію Плетнева, истиннымъ поэтомъ [2]).

Резюмируя сужденія Плетнева относительно поэзіи неистинной, можно сказать, выражаясь его же словами, что „она была искусствомъ, заимствованнымъ изъ образцовъ, подражательною оболочкою холоднаго соображенія". Совершенно иныя черты представляетъ та поэзія, которую Плетневъ называетъ истинною и представителемъ которой считаетъ Жуковскаго. Прежде всего эта поэзія отличается самобытностью. Поэтъ здѣсь совершенно отрѣшается отъ теорій и правилъ, созданныхъ древними авторами. Затѣмъ, „онъ глубоко проникается тѣми ощущеніями", безъ которыхъ нѣтъ жизни въ поэзіи, тѣмъ направленіемъ души, которое сообщаетъ вѣрный тонъ произведенію, а наконецъ полнымъ и яснымъ представленіемъ тѣхъ принадлежностей положенія и дѣйствія, которыя завершаютъ собою общую „армонію воспроизводимаго имъ образа". Выводъ изъ этихъ словъ тотъ, что важное значеніе имѣетъ не только внѣшняя форма, не только подборъ выраженій, но также и внутренняя сила, та „глубина сочувствія", которая соединяется съ полною естественностью, отсутствіемъ ходульности и вычурности въ создаваемыхъ образахъ — словомъ, качество, названное у Плетнева, „истиною ощущеній". Эта

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 8—9.
[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 8—9.

черта, а затѣмъ самобытность являются, по его мнѣнію, первою и необходимою принадлежностью истинной поэзіи.

Въ вопросѣ о поэзіи для Плетнева представлялось дѣломъ огромной важности точно опредѣлить всѣ тѣ условія, которыя способствуютъ ея развитію. При опредѣленіи этихъ условій онъ исходилъ изъ двухъ точекъ зрѣнія—сюжетовъ, разрабатываемыхъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, и—языка этихъ послѣднихъ. Къ тому, что выше было замѣчено о національномъ элементѣ въ поэзіи и его значеніи, слѣдуетъ прибавить, что Плетневъ ясно и опредѣленно указываетъ на необходимость національныхъ сюжетовъ, такъ какъ вполнѣ художественное воспроизведеніе ихъ служитъ показателемъ успѣшнаго развитія поэзіи. Благодаря этимъ сюжетамъ, она не рискуетъ сдѣлаться сухой и безжизненной, и въ то же время, будучи вполнѣ свободной отъ всякой утрировки и натянутости, представляетъ въ каждомъ отдѣльномъ произведеніи стройное и гармоническое цѣлое.

Но насколько важны сюжеты, составляющіе содержаніе поэзіи, настолько важна и внѣшняя форма ея—языкъ. Исходя изъ того положенія, что языкъ въ произведеніяхъ слова вообще имѣетъ первостепенную важность, Плетневъ совершенно основательно замѣчаетъ, что „въ языкѣ мы съ перваго раза чувствуемъ отношеніе мысли къ ея проявленію“. Поэтому, если языкъ недостаточно ясно и точно выражаетъ подобное отношеніе, то онъ безобразитъ или всю мысль, или ея части. Этотъ недостатокъ является настолько важнымъ и существеннымъ, что его слѣдуетъ избѣгать, желая доставить авторитетъ и значеніе извѣстному произведенію. Источниками, изъ которыхъ почерпаются истинныя совершенства языка, по мнѣнію Плетнева, служатъ „природное чувство, дарованіе, изученіе великихъ образцовъ, внутренняя потребность истины и внимательный умъ“ [1]).

Послѣ этихъ общихъ разсужденій онъ переходитъ къ частностямъ и, разсматривая произведенія Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и Крылова, указываетъ въ нихъ высокіе образцы вполнѣ художественнаго и развитого языка. Такъ, напр., по мнѣнію Плетнева, у Жуковскаго языкъ, „равносильный съ понятіями“, составляетъ огромное достоинство, потому что языкъ вообще долженъ составлять „необходимое орудіе для вѣрнаго проявленія своей мысли“. Кромѣ того, чѣмъ больше поэтъ обладаетъ разнообразіемъ и музыкальностью и чѣмъ легче онъ способенъ изображать тончайшіе оттѣнки „вещественной и духовной природы“, тѣмъ выше достоинство языка. Способъ употребленія языка образуетъ затѣмъ слогъ, а въ слогѣ выражается движеніе и жизнь того внутренняго міра поэта, который онъ старается выразить въ

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 13.

своемъ произведеніи. Вообще говоря, по мнѣнію Плетнева, слогъ— это физіономія писателя-поэта. Если поэтъ увлекается извѣстными только формами языка, извѣстными его оборотами, то это невольно обращается въ его недостатокъ, такъ какъ при постепенномъ развитіи можетъ доходить до крайности, выражаясь ограниченностью въ выборѣ самихъ предметовъ содержанія. Между тѣмъ, если онъ чуждъ этого недостатка, если „природа и жизнь одинаково доступны поэту въ своихъ явленіяхъ", то и языкъ его, свободный отъ узкихъ рамокъ и строгихъ условій, можетъ получить особенную выразительность, стройность и гармонію.

Всѣ эти сужденія о важности и достоинствахъ языка вообще, какъ главнаго условія развитія поэзіи, затѣмъ Плетневъ примѣняетъ въ частности къ языку простонародному, или „народному". Въ этомъ случаѣ онъ опять затрогиваетъ вопросъ о народности, составляющей, по его мнѣнію, одно изъ главныхъ и существенныхъ достоинствъ поэзіи. „Языкъ", говоритъ онъ, „есть та же душа народа, та же народная жизнь, которою поэтъ проникается для изображенія дѣйствій, или характера народа" [1]). Поэтому, чтобы всѣ красоты извѣстной народной жизни и поэзіи со всѣми своими оттѣнками отразились въ сочиненіи, необходимо въ совершенствѣ овладѣть этимъ языкомъ. Съ другой стороны, „нужно принять въ свою душу и сердце ясный образъ самого народа", т. е. необходимо, по мнѣнію, Плетнева изучить его жизнь и бытъ во всѣхъ деталяхъ и проявленіяхъ. Въ такомъ случаѣ пользоваться языкомъ народнымъ будетъ вполнѣ легко, ибо всѣ понятія будутъ употреблены въ надлежащемъ соотвѣтствіи, во-первыхъ, другъ съ другомъ, а затѣмъ и съ тѣми предметами, которые ими обозначаются. Эти трудности удалось преодолѣть Крылову, котораго Плетневъ ставитъ очень высоко, расточая ему похвалы [2]).

Считая Крылова однимъ изъ поэтовъ, которому литература наша обязана значительнымъ усовершенствованіемъ отдѣльной отрасли ея, Плетневъ большую долю успѣха въ этомъ усовершенствованіи приписываетъ языку. „Слогъ его басенъ", говоритъ Плетневъ словами Жуковскаго, „вообще легокъ, чистъ и всегда пріятенъ. Онъ разсказываетъ свободно и нерѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету" [3]). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается такимъ образомъ: „въ русскомъ языкѣ Крылова есть таинства, еще никѣмъ изъ нашихъ поэтовъ не разоблаченныя... Онъ

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. II, стр. 34.
[2]) См. выше, стр. 255.
[3]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. II, стр. 73.

какъ-будто родился для того, чтобы все русское облекать въ такіе стихи, отъ которыхъ предметъ заимствуетъ больше жизни и цвѣту“ [1]). Вообще, по мнѣнію Плетнева, „Крыловъ обладалъ неизъяснимымъ искусствомъ сливать простонародный языкъ съ общею нашею поэтическою рѣчью“ [2]). Такимъ образомъ, языкъ, по мнѣнію Плетнева, важенъ, какъ средство, способное сообщить жизненность предметамъ, которые воспроизводятся въ поэтическихъ произведеніяхъ. Даже предметы, повидимому, очень неинтересные, могутъ возбуждать самый живой интересъ, привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, разъ только описаніе ихъ сдѣлано языкомъ вполнѣ развитымъ, художественнымъ.

Отъ вопроса о языкѣ вообще и его значеніи для поэзіи и въ частности языка простонароднаго Плетневъ переходитъ къ изложенію достоинствъ языка русскаго, которыми обусловливается качество поэтическихъ произведеній; онъ замѣчаетъ слѣдующее: „чистота, свобода и гармонія составляютъ главнѣйшія совершенства стихотворнаго языка нашего“. Затѣмъ онъ дѣлаетъ болѣе или менѣе удачную попытку объяснить эти термины и въ заключеніе говоритъ, что „русскій языкъ менѣе всѣхъ новѣйшихъ языковъ стѣсняется разстановкою словъ; однако же, по свойству понятій, выражаемыхъ словами, и въ немъ надобно держаться естественнаго словотеченія“ [3]). Вслѣдъ за этимъ Плетневъ приводитъ примѣры стиховъ изъ нѣкоторыхъ произведеній Державина и посредствомъ сопоставленія ихъ съ произведеніями Жуковскаго и Батюшкова хочетъ съ большею ясностью и рельефностью отмѣтить тѣ достоинства, которыя заключаются въ послѣднихъ. На основаніи этихъ достоинствъ онъ признаетъ произведенія Жуковскаго и Батюшкова образцами, такъ какъ они носятъ на себѣ отпечатокъ чистоты и легкости. Между прочимъ, интересно отмѣтить здѣсь, какъ опредѣляетъ Плетневъ гармонію въ поэзіи и въ чемъ она должна заключаться. По мнѣнію Плетнева гармонія должна заключаться въ строгомъ соотвѣтствіи между мыслью и ея выраженіемъ, въ которомъ должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдена и строгая соразмѣрность частей [4]).

Изложенныя качества языка служатъ вѣрными показателями того, что поэзія развивается и совершенствуется, при чемъ стремленіе къ достиженію полной гармоніи между поэтическими образами и безконечнымъ разнообразіемъ мѣстностей, эпохъ и всѣхъ такъ называемыхъ красокъ жизни, должно составлять одну изъ задачъ поэтическаго творчества, и степенью этой гармоніи опредѣляется уровень

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 346.
[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. II, стр. 34—35.
[3]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 24.
[4]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 24.

развитія поэзіи. Но такого рода совершенства, впрочемъ, представляютъ высшую ступень ея развитія. Этой высшей ступени въ своемъ развитіи поэзія достигаетъ, благодаря непрерывной и неустанной дѣятельности талантовъ, которые своими творческими способностями, развиваемыми при условіи постоянной дѣятельности, являются активными двигателями развитія поэзіи. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ успѣшнаго развитія поэзіи Плетневъ приписываетъ огромное значеніе дѣятельности талантовъ—поэтовъ, опредѣляя качества, которыми долженъ обладать поэтъ. Высота призванія, идеальный характеръ его дѣятельности требуютъ отъ него, по мнѣнію Плетнева, особенныхъ качествъ, которыми онъ долженъ выдѣляться среди общества; эти качества не могутъ вырабатываться путемъ труда и усилій, даваться образованіемъ: они должны быть врождены. Установивъ положеніе, что „поэтами родятся" [1]), Плетневъ говоритъ, что только человѣкъ, обладающій отъ природы врожденнымъ талантомъ, способенъ создать произведеніе вполнѣ поэтическое. Но, кромѣ того, необходимо еще, чтобы эти способности были развиты путемъ усиленнаго труда, облегчающаго выработку языка, достоинствамъ котораго Плетневъ придавалъ громадное значеніе. Выработавши хорошую технику языка, поэтъ пріобрѣтаетъ самое главное средство къ тому, чтобы легко облекать поэтическіе сюжеты въ изящную, художественную форму. Этотъ взглядъ Плетнева на поэта раздѣлялся всѣми членами извѣстнаго литературнаго кружка (Арзамаса), считавшаго выработку языка главною и существенною задачею поэтической дѣятельности [2]).

Съ большою обстоятельностью изложены Плетневымъ его взгляды и на дѣятельность поэта, какъ члена общества. Стремясь выражать „то, что мы любимъ, къ чему стремимся и на что надѣемся", поэтъ обладаетъ всѣми средствами, чтобы въ „возможномъ совершенствѣ показать силы духовной производительности своего времени". Дѣятельность поэта, поэтому, нося на себѣ печать индивидуальности, находится и подъ вліяніемъ духа времени. Этимъ вліяніемъ обусловливается обработка детальныхъ сторонъ его произведеній, и сама внѣшняя ихъ форма, а въ содержаніи, то направленіе, которое непремѣнно должно соотвѣтствовать уровню развитія общества.

Находясь, однако, подъ вліяніемъ духа времени, поэтъ, въ свою очередь, и самъ долженъ оказывать вліяніе на общество и притомъ вліяніе самое сильное и всеобъемлющее. „Онъ", говоритъ Плетневъ, „тайный завѣтный другъ нашъ... Онъ совѣтникъ... онъ наставникъ". Однимъ словомъ, вліяніе его на современниковъ должно быть самымъ

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 164.
[2]) „Русская Старина" 1904 г. кн. IX, 595—596.

могущественнымъ и неотразимымъ, какъ вліяніе человѣка, который указываетъ обществу идеалы жизни, обращаетъ вниманіе на его недостатки, словомъ, какъ человѣкъ, преданный всецѣло его благу.

Въ дѣлѣ выясненія отношеній между поэтомъ и обществомъ Плетневъ обращаетъ вниманіе на то, что „общество и поэтъ часто находятся на разныхъ ступеняхъ умственной дѣятельности“ [1]), такъ какъ есть поэты, которые стремятся къ тому, „чтобы вести общество къ постиженію высшихъ идей, болѣе достойныхъ назначенія человѣчества“. Они уже не могутъ быть признаны полнымъ выраженіемъ того общества, среди котораго они дѣйствуютъ, такъ какъ, выражаясь языкомъ Лермонтова, ихъ цѣль исключительно только въ томъ, чтобы „провозглашать любви и правды чистыя ученія“.

Такая полная изолированность поэта отъ общества, за которую стоялъ нѣкоторое время и Пушкинъ [2]), несомнѣнно носитъ на себѣ слѣды вліянія времени, когда подобный взглядъ на поэта былъ господствующимъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что такому взгляду не всегда оставался вполнѣ вѣрнымъ Плетневъ, измѣняя его иногда довольно существеннымъ образомъ. Такъ, напр., цитируя слова Пушкина, который сказалъ, что „слова поэта суть уже дѣла его“, Плетневъ высказываетъ взглядъ, что на поэтовъ нельзя смотрѣть, какъ на касту, назначеніе которой состоитъ въ служеніи чистому искусству ради самаго искусства; ихъ дѣятельность должна преслѣдовать пользу и благо общества, а сами они „должны сдѣлать вкладъ въ сокровищницу добра и свѣта“. Въ этихъ словахъ, если и не вполнѣ обстоятельно, однакожъ, высказанъ вообще правильный взглядъ на задачи и дѣятельность поэта. Но все-таки принципіальный взглядъ Плетнева по данному вопросу вытекалъ изъ теоріи чистаго искусства, въ связи съ чѣмъ онъ настаивалъ на необходимости стремиться къ совершенству формы произведеній, ихъ языка. Отступленія отъ этого, правда, у Плетнева были, но они въ большинствѣ случаевъ не достаточно полно формулированы и надлежащимъ образомъ не развиты.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ развитіи своего принципіальнаго взгляда Плетневъ иногда доходилъ до того, что полную изолированность поэта отъ общества въ своей дѣятельности возводилъ даже въ особое достоинство. Чтобы это не казалось голословнымъ, достаточно обратить вниманіе на его статью о Жуковскомъ, написанную уже въ поздній періодъ дѣятельности послѣдняго (въ 1852 г.) и проникнутую хвалебнымъ тономъ. Въ этой статьѣ Плетневъ говоритъ, что въ поэзіи Жуковскаго отражается не общество, среди котораго онъ жилъ, а соб-

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 30.

[2]) Яркимъ выраженіемъ его взгляда служитъ стихотвореніе „Чернь“.

ственная душа его. Все-таки, несмотря на это, „онъ", по словамъ Плетнева, „ведетъ общество къ таинственной цѣли, на которую были обращены его взоры". Какова эта цѣль, въ чемъ она заключается, въ чемъ ея таинственность, мы объ этомъ не знаемъ изъ словъ Плетнева. Если она заключается въ тѣхъ разнообразныхъ сюжетахъ, которые довольно удачно передѣлывалъ Жуковскій, то едва-ли этимъ оправдывается положеніе, что „поэтъ ведетъ общество къ цѣли" въ примѣненіи его къ Жуковскому. Скорѣе есть основаніе считать такою цѣлью тѣ идеальные сюжеты и образы, которые даетъ въ своихъ произведеніяхъ Жуковскій. Мало того Плетневъ, говоря о Жуковскомъ, впадаетъ въ преувеличеніе. „Жуковскій", по словамъ Плетнева, ни при началѣ, ни въ срединѣ, ни при концѣ поприща своего не увлекался господствующими мнѣніями, вкусами, или направленіемъ современной литературы" [1]). Между тѣмъ то, что главнымъ представителемъ романтическаго направленія у насъ былъ Жуковскій, признаетъ и самъ Плетневъ, когда сравниваетъ Жуковскаго съ Батюшковымъ. Да и самыя произведенія Жуковскаго представляютъ очень ясное и неопровержимое доказательство его увлеченія романтизмомъ. Все это служитъ достаточнымъ опроверженіемъ приведеннаго выше мнѣнія Плетнева. Равнымъ образомъ и Пыпинъ говоритъ, что „романтизмъ былъ сродни Жуковскому; онъ очень хорошо усвоилъ его основныя черты и съ неподражаемымъ достоинствомъ перенесъ его на русскую почву". Это мнѣніе Пыпина тоже говоритъ объ увлеченіи Жуковскаго романтизмомъ. Вслѣдствіе именно этого увлеченія Жуковскій не могъ идти впередъ вмѣстѣ „съ вѣкомъ", а вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащимъ образомъ понимать и оцѣнивать то, что было добыто талантомъ и усиліями новыхъ дѣятелей въ области литературы.

Обобщая мнѣнія Плетнева о поэзіи и поэтѣ, изложенныя въ этой главѣ, необходимо указать на тѣ основные принципы, которыми руководился Плетневъ и которые онъ излагаетъ въ формѣ общихъ положеній. I. Только то можетъ быть воспроизведено въ дѣйствительно художественномъ совершенствѣ, что вполнѣ усвоено душою поэта. II. Несмотря на то, что дѣятельность поэтическая характеризуется главнымъ образомъ созерцаніями ума и воображенія, однако, этимъ не исключается возможность предметамъ и явленіямъ простой будничной обстановки стать сюжетами произведеній поэтическихъ. Это допустимо, впрочемъ, лишь при томъ условіи, чтобы характеристическая красота ихъ въ общей жизни и высшее значеніе для мысли была выражена вполнѣ изящно и художественно. III. Для поэтическихъ произведеній, какого бы характера они ни были, долженъ быть установленъ извѣст-

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 33.

ный объемъ, изъ котораго они не должны выходить не только размѣрами очертаній, но даже и значеніемъ выраженій. IV. Индивидуальность, какъ отличительная черта, должна характеризовать достоинства самобытныхъ поэтическихъ произведеній. V. Поэзія, какъ воспріятіе душою разнообразныхъ красотъ природы и жизни, вполнѣ неизмѣнныхъ по своей идеѣ, неисчерпаемыхъ по содержанію, не подлежитъ тѣмъ перемѣнамъ, какія происходятъ въ гражданскихъ обществахъ; она стоитъ выше всего этого и потому вполнѣ изолирована отъ подобныхъ вліяній. Наконецъ, VI, — языкъ поэта есть огромная сила, съ помощью которой онъ достигаетъ двухъ результатовъ, а именно: а) онъ вноситъ въ свою душу счастливѣйшія явленія физическаго и духовнаго міра, и затѣмъ б) подчиняетъ себѣ мысли и страсти читателей [1]).

Эти положенія, высказанныя Плетневымъ при разборѣ сочиненій Жуковскаго, дополняютъ собою характеристику его взглядовъ на вопросъ, разсмотрѣнію котораго посвящена настоящая глава. Въ общемъ, такимъ образомъ, Плетневъ остается вѣрнымъ традиціоннымъ взглядамъ, отъ которыхъ мы встрѣчали у него отступленія по мѣстамъ. Красоты природы и жизни должны составлять, по его мнѣнію, главное содержаніе поэзіи, какъ изящнаго искусства. Правда, онъ говоритъ здѣсь и о предметахъ „ежедневнаго быта“, но они могутъ служить сюжетами для поэзіи лишь постольку, поскольку они могутъ быть выражаемы съ ихъ идеальной стороны и при томъ художественно, изящно.

III.

Взгляды Плетнева на отдѣльные виды поэтическаго творчества.—Драма.—Преимущество романтической драмы передъ другими видами драматическихъ произведеній.—Шекспиръ и Пушкинъ.—Достоинства и недостатки драматическихъ произведеній.—Роль и значеніе трехъ классическихъ единствъ. — Сценическая дѣятельность; условія, гарантирующія ея успѣхъ.—Поэма, ея сюжетъ и обработка его (Мертвыя Души). — Сатира, ода и идиллія. — Взглядъ Плетнева на литературу.—Основные принципы и задачи критики.

Вопросъ о поэзіи, ея сущности, а также объ условіяхъ ея развитія, неизбѣжно приводилъ Плетнева къ тѣмъ деталямъ, которыя были тѣсно связаны съ этимъ главнымъ вопросомъ. Мы разумѣемъ подъ этими деталями тѣ отдѣльные виды поэтическаго творчества, разсмотрѣніе коихъ помогало Плетневу лучше оріентироваться при выясненіи вопроса о поэзіи, вызывая въ то же время независимо отъ этого

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 28—29.

довольно обстоятельныя сужденія, важныя для характеристики каждаго изъ отдѣльныхъ видовъ. Среди этихъ послѣднихъ на первомъ мѣстѣ по обстоятельности выясненія, по обилію статей и, наконецъ, по достоинствамъ выраженныхъ Плетневымъ взглядовъ слѣдуетъ поставить драму.

Интересъ къ драмѣ и драматическому искусству развился у Плетнева, благодаря тому, что онъ еще на школьной скамьѣ основательно изучилъ произведенія такихъ великихъ драматурговъ, какъ Шекспиръ и Шиллеръ. Впослѣдствіи, когда онъ выступилъ уже на поприще литературной дѣятельности, онъ не переставалъ слѣдить за произведеніями этого вида поэтическаго творчества и старался отмѣчать въ ней все новое и выдающееся въ томъ или иномъ отношеніи. Поэтому неудивительно, что его взгляды на драматическія произведенія поражаютъ своею основательностью.

Руководясь разнообразными данными, Плетневъ рѣшительно становится на сторону „романтическихъ трагиковъ“ [1]), т. е. отдаетъ преимущество драматическимъ произведеніямъ, написаннымъ въ романтическомъ духѣ, хотя, при изложеніи исторіи драматическаго искусства, онъ ставитъ выше всего по достоинствамъ классическія трагедіи. Что касается романтической драмы, то, по его мнѣнію, романтическая драма есть не болѣе, какъ переходная ступень къ натуральной драмѣ, въ которой „нѣкогда, восторженные зрители увидятъ все собственное: и объемъ дѣйствія, и его расположеніе, и движеніе страстей, и краски ихъ, и прелесть языка“ [2]). Отдавая преимущество романтической драмѣ предъ французской, Плетневъ указывалъ основанія своего взгляда, которыя изложилъ при разборѣ нѣкоторыхъ произведеній Шекспира, Шиллера, Пушкина, Крылова, а также Островскаго и Писемскаго.

Главное достоинство романтической драмы онъ полагаетъ въ жизненности и естественности явленій. Въ драматическихъ произведеніяхъ Шекспира „все принадлежитъ естеству изображаемаго дѣйствія“. Здѣсь, по мнѣнію Плетнева, нѣтъ мѣста личной страсти, или мысли автора; напротивъ, здѣсь полная объективность. „Вокругъ него“ (т. е. Шекспира),—говоритъ Плетневъ,—„движется цѣлый міръ, всѣ состоянія, всѣ возрасты, люди со всѣми ощущеніями сердца, на всѣхъ ступеняхъ образованности; все дѣйствуетъ, борется, одерживаетъ побѣду или уступаетъ, а онъ, какъ духъ невидимый, ничему непричастный, отъ всего отрѣшенный, стоитъ въ волшебномъ кругу своемъ и смотритъ на все безстрастно. Нѣтъ ни языка его, ни дви-

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 149.
[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 148.

женій, ни голоса, во всемъ вполнѣ преобладаетъ тотъ, кого онъ предъ нами выводитъ. Никакими усиліями невозможно достигнуть этой отчужденности въ жизни, въ мысляхъ и чувствахъ созданій собственной души, если сама природа не возвела васъ на высоту драматическаго писателя. Недоступнѣе и поразительнѣе этого искусства, кажется, нѣтъ. Оно по преимуществу есть творчество" [1]). Въ этихъ словахъ содержится указаніе на полное безпристрастіе Шекспира, какъ автора, къ выведеннымъ въ его произведеніяхъ типамъ, а также на полную естественность послѣднихъ, на соотвѣтствіе ихъ жизни и ея обстановки, при чемъ Плетневъ съ особеннымъ вниманіемъ говоритъ объ оригинальности генія Шекспира. Все это даетъ основаніе Плетневу ставить Шекспира выше Шиллера; послѣдній уступаетъ Шекспиру въ оригинальности и жизненности образовъ, а также въ томъ, что лишенъ того „полета свободы" въ изображеніи своихъ чувствованій, какой наблюдается у Шекспира. Въ русской литературѣ, аналогію съ послѣднимъ представляетъ, по словамъ Плетнева, Пушкинъ въ его „Борисѣ Годуновѣ". Эта драма, сама по себѣ оригинальная, хотя и написанная, какъ говоритъ Плетневъ, не безъ вліянія Шекспира, вполнѣ „сближается съ законами жизни". Въ ней личность поэта вполнѣ отсутствуетъ; „здѣсь",—говоритъ Плетневъ, „не самъ поэтъ, а посторонніе люди, за которыхъ легче думать, нежели чувствовать" [2]). Въ другомъ мѣстѣ, по поводу этого произведенія Пушкина, Плетневъ высказываетъ слѣдующія мысли: „Между всѣми его (т. е. Пушкина) сочиненіями не было глубже и зрѣлѣе произведенія, какъ эта драма, развивающаяся естественно, обнимающая всѣ интереснѣйшія лица эпохи, показывающая обдуманность въ каждомъ словѣ и поражающая не только послѣдовательностью явленій, но какимъ-то чудно понятнымъ масштабомъ каждаго монолога, доведеннаго до совершенной безыскусственности" [3]). Такимъ образомъ, естественность, простота, оригинальность и строгая гармонія въ частяхъ составляютъ крупныя достоинства отмѣченнаго произведенія Пушкина,—достоинства, которыя раньше Плетневъ указывалъ у Шекспира.

Съ точки зрѣнія этихъ достоинствъ, Плетневъ опредѣляетъ тѣ требованія, какія должно предъявлять вообще къ драматическимъ произведеніямъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на тѣ недостатки, которые лишаютъ значенія драматическое произведеніе, и которыхъ, поэтому, слѣдуетъ избѣгать. Указанія на эти послѣднія Плетневъ дѣлаетъ при разборѣ драматическихъ произведеній Крылова, находя въ

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 291.
[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 379.
[3]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 382.

нихъ тѣ же черты, какими отличаются наши старинныя комедіи, составленныя по образцу французскихъ. По поводу комедіи Крылова „Сочинитель въ прихожей", Плетневъ говоритъ: „все въ лицахъ (этой комедіи) настолько чуждо общества, жизни и условій свѣта, что театръ привыкнешь почитать невѣдомою намъ планетою, куда волшебникъ-сочинитель забрасываетъ насъ для изученія диковинокъ" [1]). Кромѣ того, вообще въ комедіяхъ Крылова чувство переходитъ границы правды и нѣтъ вѣрнаго изображенія дѣйствительности. Все это и составляетъ огромный ихъ недостатокъ. Но, указывая недостатки въ драматическихъ произведеніяхъ Крылова, онъ не отрицаетъ и достоинствъ, которыя видитъ въ живости, увлекательности и граціозности изложенія, отличающей впрочемъ только нѣкоторыя мѣста его драматическихъ произведеній.

Суммируя недостатки, встрѣчающіеся въ драматическихъ произведеніяхъ вообще, Плетневъ относитъ къ нимъ еще и тѣ пресловутыя три единства—мѣста, времени и дѣйствія, которыя считались чѣмъ-то необходимымъ по теоріи Буало. Плетневъ даже дѣлаетъ попытку выяснить несостоятельность и полную непригодность ихъ (за исключеніемъ, впрочемъ, единства дѣйствія) къ тѣмъ драматическимъ произведеніямъ, которыя написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ романтизма. Онъ говоритъ, „что строгое соблюденіе времени, единства и мѣста явно противорѣчитъ главному и неизмѣнному закону изящныхъ искусствъ", который требуетъ соединять и выражать въ поэтическихъ произведеніяхъ одно лучшее, одно поэтическое [2]). Между тѣмъ, единство дѣйствія, по его словамъ, должно составлять существенную и необходимую черту всякаго драматическаго произведенія [3]). Вслѣдствіе этого нельзя согласиться съ Скабичевскимъ, который въ своемъ „Очеркѣ жизни и дѣятельности Плетнева" [4]) утверждаетъ категорически, что „Плетневъ опровергаетъ необходимость пресловутыхъ классическихъ единствъ". Единство дѣйствія Плетневъ не только признаетъ необходимымъ, но и приводитъ то основаніе, что „соблюденіе этого единства нисколько не соединено съ единствомъ времени и мѣста", и что „на немъ, т. е. на единствѣ дѣйствія, основывается главная занимательность трагедіи". Признавая необходимость этого единства, Плетневъ не могъ совершенно отрѣшиться отъ традиціонныхъ взглядовъ и заплатилъ этимъ нѣкоторую дань своему времени и направленію, господство котораго установило необходимость классическихъ единствъ, пользовавшихся непререкаемымъ авторитетомъ.

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 58—59.
[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 145.
[3]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 146.
[4]) „Вѣстникъ Европы" 1885 г., т. VI, кн. XI, стр. 76.

Онъ видитъ огромное достоинство въ томъ драматическомъ произведеніи, гдѣ автору при разнообразіи дѣйствій удается сосредоточить вниманіе зрителей на одномъ главномъ предметѣ, и, какъ на образецъ такого рода драмы, Плетневъ указываетъ на „Орлеанскую дѣву“ Шиллера.

Весьма важное значеніе въ исторіи литературы имѣютъ отзывы Плетнева, относительно появившихся тогда драматическихъ произведеній—Писемскаго „Горькая судьбина“ и Островскаго „Гроза“, въ которыхъ впервые указано было на значеніе этихъ произведеній, авторы коихъ признаны были выдающимися талантами, обѣщавшими прославить русскую литературу. Отзывы эти, представляющіе краткій разборъ названныхъ произведеній, свидѣтельствуютъ о томъ, что Плетневъ былъ вѣренъ тѣмъ требованіямъ, какія онъ вообще предъявлялъ при разборѣ драматическихъ произведеній соотвѣтственно своимъ принципіальнымъ взлядамъ. Въ названныхъ произведеніяхъ Плетневъ видитъ высшія достоинства, какія только мы можемъ встрѣчать въ области этого рода творчества. Эти достоинства основываются на глубокомъ анализѣ души человѣческой, вѣрномъ воспроизведеніи жизни и характеровъ, а слѣдовательно, естественности, и огромномъ вліяніи ихъ на развитіе „искусства, образующаго общество“. Такимъ образомъ, Плетневъ вѣрно понялъ основныя черты произведеній названныхъ авторовъ, представляющихъ въ настоящее время гордость русской литературы.

Кромѣ разбора драматическихъ произведеній, установленія общаго критеріума для сужденія объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, Плетневъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за исполненіемъ на сценѣ тѣхъ или иныхъ драматическихъ произведеній, давая свои отзывы о тѣхъ явленіяхъ въ этой области, которыя были отмѣчены печатью таланта. Подтвержденіемъ этого служитъ его статья „Драматическое искусство Г. Семеновой“. Въ этой статьѣ, послѣ общихъ замѣчаній о драматическомъ искусствѣ, Плетневъ говоритъ о необходимости таланта и вкуса, чтобы достигнуть въ этой области совершенства, которое дается путемъ усиленнаго труда. Переходя затѣмъ къ характеристикѣ сценической дѣятельности и отмѣчая вообще тяжесть и неблагодарность трудовъ актера, Плетневъ высказываетъ довольно вѣрныя сужденія. По его мнѣнію, величіе таланта въ актерѣ обнаруживается въ томъ случаѣ, если мы наблюдаемъ у него правильное и безпрерывное созиданіе всѣхъ представленій (т. е. ролей), которыя актеръ на себя принимаетъ... Создать представленіе значитъ сообщить силою ума своего рѣшительную и истинно-прекрасную форму, на которой не было бы рабской переимчивости или дѣтскаго подражанія. Эта форма, какъ неподдѣльное лицо, не должна измѣ-

няться въ продолженіе всего представленія“ [1]) Эти положенія, вѣрныя и основательныя сами по себѣ, Плетневъ развиваетъ еще подробнѣе, когда дѣлаетъ попытку доказать ту мысль, что извѣстная роль, которую кто-либо берется исполнять, должна быть результатомъ „самаго строгаго и вѣрнаго соображенія“, потому что только въ этомъ случаѣ актера ожидаетъ успѣхъ.

Затѣмъ онъ даетъ характеристику игры Семеновой. Плетневъ находитъ въ ней всѣ лучшія качества, какія мы можемъ желать отъ артиста. Если и были актеры до нея, обладавшіе счастливыми дарованіями (Дмитревскій, Крутицкій, Померанцевъ), то имъ „недоставало изученія своего развитія“, которое только и можетъ „вести художника къ дальнѣйшимъ открытіямъ и познаніямъ всѣхъ тайнъ искусства“. Между тѣмъ, Семенова, по мнѣнію Плетнева, обладая огромнымъ талантомъ, старается основательно изучать свои роли, постигнуть ихъ внутренній смыслъ и такимъ образомъ достигнуть совершенства во внѣшней ихъ отдѣлкѣ. Особенная сила ея таланта, развитаго упорнымъ трудомъ, проявляется въ то время, когда она исполняетъ роли Медеи и Клитемнестры, особенно послѣдней. „Г. Семенова“, говоритъ Плетневъ, по поводу одного изъ дебютовъ ея, „нигдѣ не измѣнила лицу Клитемнестры... она вмѣстила въ своемъ тѣлѣ всю душу несчастной царицы и дѣйствовала за нее такъ, какъ должна бы дѣйствовать предъ нами сама Клитемнестра... Верхъ искусства Г. Семеновой былъ именно въ томъ, что въ самой сильной горести она сохранила лицо этой пылкой и гордой женщины. Она оправдала всѣ преданія исторіи и чувства Расина“ [2]). Если мы къ этому прибавимъ, что Плетневъ, не ограничиваясь внутренними совершенствами, требовалъ внѣшнихъ, заключающихся въ голосѣ, движеніяхъ, дикціи, то этого, вмѣстѣ съ оцѣнкой игры Семеновой, будетъ достаточно, чтобы признать въ Плетневѣ глубокаго знатока драматическаго искусства, а также основательнаго и безпристрастнаго театральнаго критика.

Не ограничиваясь драматическими произведеніями, Плетневъ далъ разборы другихъ видовъ литературнаго творчества, а именно лирики и эпоса. Такіе виды поэтическаго творчества, какъ поэма и повѣсть, басня и сатира, ода и идиллія были затронуты въ его критическихъ статьяхъ и получили освѣщеніе не только со стороны теоретическаго выясненія ихъ сущности, какъ таковыхъ, но и со стороны разбора тѣхъ образцовъ, которые могли иллюстрировать приводимыя Плетневымъ теоретическія положенія. Слѣдуетъ замѣтить, что особеннымъ вниманіемъ Плетнева пользуется поэма. Свои взгляды на по-

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 46.
[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 49.

эму онъ формулируетъ довольно подробно и обстоятельно, будучи побуждаемъ къ тому разсмотрѣніемъ поэмъ: 1) Пушкина (Кавказскій Плѣнникъ, Русланъ и Людмила, Цыгане), 2) Жуковскаго (Ундина, Шильонскій Узникъ) и 3) Гоголя (Мертвыя души).

Сюжетъ поэмы вообще „долженъ быть“ „серьезнымъ, важнымъ и внушать естественное участіе“, говоритъ Плетневъ, невольно слѣдуя такимъ образомъ основному правилу ложно-классической теоріи. Впрочемъ, болѣе подробное развитіе взгляда его относительно поэмы представляетъ нѣкоторое отступленіе отъ теоріи. Такъ, говоря, напр. о необходимости поэмы народной, представляющей исторію націи въ лицахъ, Плетневъ отдаетъ большее преимущество особенностямъ и даже странностямъ, которыя свойственны данной націи, чѣмъ тѣмъ, которыя могутъ быть названы обще-человѣческими. Съ этой точки зрѣнія онъ дѣлаетъ разборъ поэмы Гоголя „Мертвыя души“. Считая отсутствіе разнообразія въ ходѣ поэмы (Мертвыя души) недостаткомъ, Плетневъ, однако, по поводу этой поэмы замѣчаетъ слѣдующее: „отсутствіе усилія, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь, постоянное дѣйствіе комической красоты,—вотъ что изумляетъ въ авторѣ, повидимому, безпечномъ и все предоставившемъ самой природѣ“ [1]). Объективное отношеніе Гоголя къ типамъ поэмы „Мертвыя души“ Плетневъ такимъ образомъ ставитъ необыкновенно высоко. „Гоголь весь проникнутъ“, продолжаетъ Плетневъ, „сферою движущагося около него общества, дѣлитъ его образъ мыслей, говоритъ его языкомъ, признаетъ за истину самую ложную идею его — и такимъ образомъ ничто васъ не потревожитъ въ очарованіи созданной имъ дѣйствительности“ [2]). Отмѣтивъ всѣ достоинства поэмы „Мертвыя души“ со стороны содержанія, идеи, ея выраженія, Плетневъ говоритъ, что она представляетъ собою „образецъ соотношенія между жизнью и искусствомъ“, а потому считаетъ справедливымъ назвать Гоголя художникомъ въ высшемъ значеніи этого слова, такъ какъ геній его созидаетъ одни только произведенія натуры, т. е. реальныя въ высшемъ и лучшемъ значеніи этого слова. Между достоинствами этой поэмы, а также поэмъ Пушкина и отчасти Жуковскаго Плетневъ выдѣляетъ особенно „отчетливость“ въ очертаніи образовъ и картинъ. Находя эту черту въ повѣсти „Капитанская дочка“, а также въ поэмѣ „Цыгане“, Плетневъ говоритъ, что эта послѣдняя „изумила всѣхъ отчетливостью созданія, простотою дѣйствія и языкомъ, до такой степени обрѣзаннымъ и точнымъ, что едва-ли найдется во всемъ произведеніи эпитетъ или слово, ко-

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 483—484.

[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 481.

торое показывало бы усиліе художника" [1]). Эта отчетливость ставится въ тѣсную связь съ свободою творчества, понимаемою въ смыслѣ отсутствія замѣтныхъ въ произведеніи усилій со стороны творящаго художника, изобличающаго дѣятельность таланта.

Кромѣ приведенныхъ поэмъ Пушкина Плетневъ останавливаетъ свое вниманіе на поэмѣ „Кавказскій Плѣнникъ". Взгляды его, высказанные при разборѣ этой поэмы, очень характерны, чтобы ихъ обойти молчаніемъ. По мнѣнію Плетнева „критика не можетъ и не должна говорить хладнокровно о подобныхъ произведеніяхъ, такъ какъ они питаютъ образованный вкусъ; они однимъ появленіемъ своимъ уничтожаютъ ложно-прекрасное, очищаютъ поле словесности и уничтожаютъ шумные толки невѣжества и пристрастія" [2]). Какъ и поэма „Русланъ и Людмила", „Кавказскій Плѣнникъ" принадлежитъ, по словамъ Плетнева, къ образцамъ истинной поэзіи, потому что „недостатки здѣсь замѣнены безпрерывными и неподражаемыми красотами". Оцѣнивая довольно правильно съ чисто литературной точки зрѣнія поэму „Кавказскій Плѣнникъ" и вполнѣ вѣрно опредѣляя основной характеръ и направленіе ея, причисляя эту поэму къ новымъ явленіямъ въ русской литературѣ, Плетневъ тѣмъ не менѣе не могъ понять и оцѣнить вполнѣ того новаго явленія, сущность котораго составлялъ выраженный здѣсь нравственный протестъ.

Что касается другихъ видовъ творчества: сатиры, оды, идиллія и повѣсти, то взгляды Плетнева относительно этихъ видовъ творчества изложены съ меньшей подробностью и обстоятельностью, и сущность ихъ не представляетъ ничего новаго послѣ того, что до сихъ поръ было уже сказано. Плетневъ признаетъ всю важность и необходимость національнаго, народнаго элемента, подробно останавливается на разборѣ внѣшней формы этихъ родовъ творчества, указывая качества языка, и даетъ въ то же время характеристику содержанія примѣнительно къ основной чертѣ каждаго изъ указанныхъ видовъ творчества. Наконецъ, онъ старается отмѣтить болѣе выдающіеся по своимъ достоинствамъ образцы каждаго вида. Такъ, напримѣръ, образцомъ сатирическихъ произведеній Плетневъ ставитъ произведенія Крылова, какъ человѣка, который былъ для общества „проповѣдникомъ строгаго порядка, правосудія, законной власти" [3]). Къ числу достоинствъ его сатиры, кромѣ уже отмѣченныхъ нами выше, онъ между прочимъ относитъ отсутствіе увлеченій крайностями, а слѣдовательно отсутствіе односторонности и полную объективность, выразившуюся при сужденіи о недостаткахъ разныхъ общественныхъ учрежденій.

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 372.

[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 81.

[3]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. II, стр. 79—80.

Говоря объ одѣ и идилліи, Плетневъ считаетъ самымъ высшимъ достоинствомъ этихъ видовъ творчества со стороны содержанія—естественность и простоту, а со стороны языка тѣ совершенства, о которыхъ была рѣчь выше [1]). Образцомъ оды онъ считаетъ оды Державина, а идиллію „Рыбаки" Гнѣдича совершеннѣйшимъ образцомъ идиллін. Особенную цѣнность имѣетъ въ глазахъ Плетнева это произведеніе потому, что основной сюжетъ въ немъ чисто народный.

Заканчивая обзоръ литературной критики въ строгомъ смыслѣ этого слова, насколько она выразилась въ сочиненіяхъ Плетнева, необходимо обратить вниманіе на два факта, во-первыхъ, тѣ стилистическія поправки, которыя очень часто дѣлаетъ Плетневъ при разборѣ и оцѣнкѣ какого-либо произведенія, а, во-вторыхъ, его взгляды на литературу вообще. Какъ строгій стилистъ, Плетневъ подвергалъ разбору слова и цѣлыя выраженія, отмѣчая при этомъ истинные образцы и указывая недостатки. Такъ, напр., Плетневъ находитъ „гиперболу" Державина—„рѣкою искры упадали" тяжелою, потому что „рѣка не соотвѣтствуетъ тому понятію, которое рождается при сыплющихся изъ кремня искрахъ". Затѣмъ, онъ видитъ много силы, выразительности и точности въ стихѣ—„одна тутъ искра отдѣлилась... мнѣ въ сердце въ душу заронилась" [2]). Такія замѣчанія Плетневъ дѣлаетъ только по поводу, главнымъ образомъ, стихотворныхъ произведеній. Несомнѣнно, что они имѣли значеніе въ свое время, когда вопросъ о чистотѣ языка въ силу необходимости выдвигался съ большою силою и выяснялся весьма старательно литературными дѣятелями разныхъ направленій. Но нельзя не замѣтить, что подобные разборы Плетнева по характеру своему во многомъ напоминаютъ критику старой школы, начало которой положилъ Сумароковъ разборомъ оды Ломоносова [3]). Отличаясь по мѣстамъ мелочностью и скрупулезностью, эти замѣчанія Плетнева во всякомъ случаѣ стояли несравненно выше его предшественниковъ по своему пониманію основныхъ мотивовъ стихотворнаго языка.

Что же касается взглядовъ Плетнева на литературу вообще, то, не допуская строгаго и точнаго разграниченія между собственно литературою и наукою, такъ какъ совершенства той и другой обусловливаются полнымъ ихъ взаимодѣйствіемъ, Плетневъ стоитъ за тѣсную связь между ними; эта послѣдняя, по мнѣнію Плетнева, вполнѣ естественна и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ необходима. Особенный интересъ и значеніе въ данномъ вопросѣ представляютъ взгляды Плет-

---

[1]) См. выше стр. 257—258.

[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 119.

[3]) „На день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны" (1747).

нева на то, каковъ долженъ быть характеръ литературы по ея идеѣ. „Литература безъ красокъ жизни сдѣлалась бы сухимъ изложеніемъ отвлеченностей. Въ ней должна отражаться особенность дѣйствующихъ лицъ. Никто не живетъ безъ какого-нибудь отношенія къ обществу своего времени. И такъ, оцѣнка литературы заключается въ соображеніи обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ явились ея произведенія. Какъ жизнь, не противорѣчащая общей идеѣ человѣка, ея частному призванію и законамъ, принятымъ въ обществѣ, есть достоинство, такъ литература, вѣрно выражающая эту жизнь, есть совершенство. Та и другая представляютъ въ исторіи преемничество измѣненій, которыя, впрочемъ, не отнимаютъ существенной цѣны ни у литературы, ни у жизни, пока они вѣрны своимъ законамъ“ [1]). Эти слова Плетнева относятся къ 1838 году и обнаруживаютъ вполнѣ правильный взглядъ его на литературу; здѣсь точно формулируются ея задачи, а потому есть основаніе видѣть въ нихъ яркое выраженіе той черты реализма, которую признаетъ за Плетневымъ, какъ за критикомъ, и Скабичевскій. Но слѣдуетъ замѣтить, что мнѣніе Скабичевскаго, будто Плетневъ именно съ этого времени (т. е. съ 1838 г.) выступилъ „на свѣтлую и широкую дорогу реализма“ [2]), является слишкомъ преувеличеннымъ. Черты реальной критики въ сужденіяхъ Плетнева, выраженныя съ большей или меньшей опредѣленностью, можно видѣть и раньше, о чемъ упоминаетъ самъ Скабичевскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣ 1838 г., къ которому относятся приведенныя выше слова Плетнева, попадаются, въ свою очередь, такія сужденія, которыя объясняются, какъ слѣды вліянія „произведеннаго на Плетнева и обстановкой, и условіями воспитанія и развитія въ первый періодъ его жизни и дѣятельности, т. е. до начала 30-хъ годовъ“. Такія сужденія мы можемъ встрѣчать въ статьяхъ о Крыловѣ (1845 г.), о Жуковскомъ (1852 г.), а также и менѣе обширныхъ; въ нихъ Плетневъ является критикомъ, защищающимъ чистое искусство ради самаго искусства. Правда, черта реализма, выраженная Плетневымъ первоначально въ самыхъ общихъ чертахъ и какъ бы мимоходомъ, становится съ теченіемъ времени болѣе ясною и опредѣленною.

Но нельзя категорически утверждать, что именно въ это время произошелъ поворотъ на „широкую и свѣтлую дорогу реализма“. Старая закваска, несомнѣнно, брала свое и сказывалась то съ большею, то съ меньшею силою, хотя постепенность въ развитіи взглядовъ общества, а главнымъ образомъ литературы, выразившаяся въ про-

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 428.

[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1885 г., кн. XI, стр. 87.

изведеніяхъ важнѣйшихъ представителей ея, оказывала довольно замѣтное вліяніе и отражалась въ свою очередь на Плетневѣ.

Было бы несправедливо утверждать, что Плетневъ ограничивался только общими положеніями при изложеніи своихъ взглядовъ на литературу и ея задачи; онъ старался детально выяснить эти общія положенія. Такое подробное выясненіе ихъ, между прочимъ, мы имѣемъ въ его статьѣ, представляющей разборъ сочиненія проф. Никитенко „Опытъ исторіи русской литературы". Въ этомъ разборѣ Плетневъ дѣлаетъ попытку выяснить вопросъ о томъ, что можно называть собственно литературнымъ сочиненіемъ. Дѣйствительная цѣнность литературныхъ сочиненій опредѣляется, по его убѣжденію, не на основаніи исключительно законовъ эстетики, а главнымъ образомъ въ зависимости отъ того, что вносятъ они въ исторію народнаго духа. Важныя явленія народнаго духа совершаются въ извѣстной послѣдовательности, образуя собою какъ-бы лѣстницу, въ которой каждая ступень важна и необходима для составленія цѣлаго, объединяемаго въ исторіи. Части въ этомъ цѣломъ, которыя очень удачно сравниваетъ Плетневъ со ступенями въ лѣстницѣ, и являются результатомъ работы отдѣльныхъ дѣятелей, значеніе и цѣнность работы коихъ опредѣляется по отношенію къ цѣлому, обобщаемому въ понятіи исторіи народнаго духа. Такъ какъ „существенное", говоритъ далѣе Плетневъ, „заключается въ ясной самобытности созданія", которая должна выражаться въ литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ „духъ претворяетъ истину въ изящное, а изящное въ истинное" [1]), то литераторомъ можетъ быть названъ одинаково и поэтъ, и историкъ, и естествоиспытатель, и правовѣдъ—вообще люди, которые „несокрушимымъ словомъ воплощаютъ сказанія своего духа". Такъ какъ литераторомъ можетъ быть всякій независимо отъ его спеціальности, то поэтому содержаніе литературы нельзя ограничивать узкою сферою какихъ-либо однихъ опредѣленныхъ вопросовъ; по мнѣнію Плетнева, предметы содержанія ея должна давать сама жизнь, при чемъ слово должно выражать одинаково и „то, что свято, дорого и необходимо всѣмъ людямъ", и то, „что принадлежитъ исключительно данному народу и выражается въ общественномъ устройствѣ, нравахъ и обычаяхъ". Вслѣдъ за симъ Плетневъ указываетъ тѣ методы, которыхъ должна держаться литература при изложеніи своего предмета. Такихъ методовъ, по его мнѣнію, должно быть два—фактическій и критико-эстетическій. Признавая за обоими одинаковую важность и необходимость, Плетневъ точно опредѣляетъ источники, которыми литература можетъ пользоваться. По отношенію собственно къ исторіи рус-

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. II, стр. 157—158.

ской литературы Плетневъ устанавливаетъ положеніе, что въ ней выразился вполнѣ особый ея характеръ и направленіе, опредѣлить который вполнѣ возможно лишь на основаніи строгаго анализа фактовъ. Разсматривая эти направленія въ литературѣ, Плетневъ устанавливаетъ, главнымъ образомъ, два періода въ ея исторіи: первый начинается со времени Петра Великаго и тянется до 1812 года, второй начинается послѣ 1812 года; до 1812 года „литература обозначается художественно-формалистическимъ направленіемъ", а послѣ этой эпохи „художественно-общественнымъ и народнымъ". Таковы взгляды Плетнева, изложенные въ отмѣченной нами статьѣ, напечатанной въ 1845 году. Мы остановились на ней въ виду ясности и опредѣленности выраженныхъ взглядовъ, а затѣмъ ея значенія, заключающагося въ томъ, что она какъ бы даетъ синтезъ взглядовъ Плетнева по такому важному вопросу, какъ литература, понимаемая въ широкомъ смыслѣ этого слова; кромѣ того, здѣсь получили свое выраженіе черты того реализма, которыя совершенно справедливо старался приписать Плетневу Скабичевскій.

Эти черты можно замѣтить также, если обратить вниманіе на тѣ мнѣнія, какія высказывалъ Плетневъ относительно критики и ея задачи.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Пушкину Плетневъ, приводя поговорку, которая гласитъ, что не должно „спускать и въ алтарѣ", высказывается за необходимость критики вообще. Правда, въ другомъ мѣстѣ своей переписки Плетневъ говоритъ, что легче осуждать (въ смыслѣ указыванія недостатковъ), чѣмъ производить самостоятельно что-либо новое. Высказываясь за необходимость критики вообще, Плетневъ старается указать общія, руководящія основанія ея и выяснить ея значеніе. Прежде всего, по мнѣнію Плетнева, необходимо относиться съ полнымъ уваженіемъ къ чужому мнѣнію, даже въ томъ случаѣ, если-бы оно было не чуждо какихъ-либо недостатковъ. „Критика", говоритъ онъ: „довольствуясь своими общими замѣчаніями, не смѣетъ превращать ихъ въ укоризны, когда находитъ въ произведеніи много прекраснаго.... У великихъ писателей есть свои истины въ разсужденіи искусства, на которыя надо смотрѣть болѣе съ уваженіемъ, нежели съ учительскою гордостью" [1]). Поэтому, кажущіеся критику недостатки въ извѣстномъ произведеніи нельзя, по мнѣнію Плетнева, обобщать такимъ образомъ, чтобы умалять достоинство его. Коль скоро же въ произведеніи есть много прекраснаго, говорящаго о несомнѣнныхъ достоинствахъ его, то уже этимъ самымъ попадающіеся въ немъ недостатки незамѣтно стушевываются, и произведеніе получаетъ извѣстную цѣнность.

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 125.

Независимо отъ этого указанія отношеній критика къ разсматриваемымъ произведеніямъ, Плетневъ устанавливаетъ правила, которыми необходимо руководствоваться критику. Прежде всего, необходимо разграничивать критику, основанную на теоріи, съ одной стороны, и критику, рождающуюся въ минуты вдохновенія, съ другой. Затѣмъ Плетневъ формулируетъ свое мнѣніе о правилахъ въ критикѣ въ слѣдующихъ словахъ: „всѣ правила, конечно, сами по себѣ должны быть хороши, потому что рождаются отъ долговременныхъ наблюденій. Но примѣненіе этихъ правилъ есть опытъ, зависящій отъ силъ каждаго. Кто ихъ условія сознаетъ самъ собою, тотъ и дѣйствуетъ успѣшно; а кто ловитъ ихъ и безсознательно примѣняетъ, тотъ производитъ одну механическую работу, ничего не творя художнически“ [1]). Изъ этихъ словъ мы можемъ видѣть, что правила въ критикѣ сами по себѣ имѣютъ лишь руководящее значеніе. Кромѣ того, необходима еще творческая работа художника, которая должна состоять въ томъ, чтобы примѣненіе этихъ правилъ являлось не одною механическою работою, но творческою и художническою по преимуществу. На этомъ основаніи Плетневъ признаетъ преимущество за критикой внутренней, обусловливаемой созерцаніемъ самихъ предметовъ, а не теоретической, стремившейся примѣнить только требованія извѣстной теоріи, и приводитъ, какъ образецъ этой критики, статью Пушкина, посвященную разбору произведеній Баратынскаго. Эта статья „можетъ служить образцомъ, какъ надобно разсматривать поэта. Сколько въ ней знанія высокаго искусства! сколько сочувствія съ нѣжными, для другихъ неуловимыми, красотами! сколько вкуса и того удивительнаго ума, которымъ такъ блисталъ Пушкинъ“ [2]).

Знаніе искусства, основательное эстетическое образованіе, развитой умъ, тонкій вкусъ—вотъ качества, которыми необходимо обладать каждому критику, чтобы съ одной стороны онъ могъ удачно примѣнять извѣстныя правила, а съ другой, чтобы его сужденія могли получить нѣкоторый авторитетъ и значеніе. Но и при самомъ блестящемъ выполненіи этихъ условій, необходимо еще и отсутствіе всякой односторонности, что достижимо только при болѣе или менѣе объективной точкѣ зрѣнія критика. Подобное замѣчаніе Плетнева, было вызвано такими произведеніями современныхъ ему критиковъ, которыя, затрогивая вопросъ о языкѣ даннаго произведенія, сосредоточивали на этомъ все свое вниманіе [3]).

---

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 479.

[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 596.

[3]) Такъ, напримѣръ, они старались точнѣе опредѣлить, какой языкъ преобладаетъ въ разбираемомъ ими произведеніи — книжный или разговорный, при чемъ въ послѣднемъ указывали болѣе мелкія разновидности: 1) чистый,

Считая такой разборъ не удовлетворяющимъ требованіямъ серьезной критики, Плетневъ высказываетъ совершенно иной взглядъ на этотъ вопросъ. Языкъ писателя дѣйствительно долженъ подвергаться оцѣнкѣ критики, но только не со стороны преобладанія въ немъ тѣхъ или иныхъ элементовъ, а болѣе глубоко и основательно. Въ основѣ всякаго критическаго разбора, имѣющаго въ виду языкъ послѣдняго, должно лежать, по мнѣнію Плетнева, положеніе, въ какой степени авторъ даннаго произведенія заботился о соблюденіи строгаго согласія между понятіями и выражающими ихъ словами. На этомъ должно сосредоточиваться главное вниманіе критики, потому что мысль только тогда получаетъ могущество и власть надъ умами, когда она имѣетъ „точное во всѣхъ отношеніяхъ изображеніе", которое вполнѣ согласно съ ея мельчайшими и разнородными оттѣнками и благодаря этому нисколько „не ослаблено". Стоя на этой вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія, Плетневъ опредѣляетъ такимъ образомъ, сущность критическихъ разборовъ, которые имѣютъ въ виду оцѣнку извѣстнаго произведенія со стороны языка.

Впрочемъ, достоинства и недостатки извѣстнаго произведенія не могутъ опредѣляться только на основаніи разбора его со стороны одного языка. Въ каждомъ произведеніи, по мнѣнію Плетнева, должно обращать на себя вниманіе критики внутреннее содержаніе, та или иная обработка сюжетовъ, которые положены авторомъ въ его основу. По этому поводу Плетневъ говоритъ слѣдующее: „я думаю, что цѣнность сочиненія эстетическаго всего вѣрнѣе опредѣлить объемомъ, силою и полнотою ощущеній, оставляемыхъ ими въ сердцѣ и душѣ читателей" [1]), совершенно независимо, конечно, отъ тѣхъ личныхъ чувствъ, которыя питаетъ критикъ къ автору разсматриваемаго имъ произведенія. Охватывая сущность, стараясь уловить главную руководящую нить произведенія, критика должна высказывать свое сужденіе, основанное только на строгомъ и всестороннемъ анализѣ самого произведенія.

IV.

Общій характеръ публицистической дѣятельности Плетнева.—Необходимость общественной дѣятельности.—Роль и значеніе гласности.—Основныя задачи воспитанія и обязанности педагоговъ.

Публицистическая дѣятельность Плетнева не даетъ намъ того обилія матеріала въ видѣ статей и замѣтокъ, какъ критико-литера-

---

русскій языкъ съ примѣсью значительной части словъ церковно-славянскихъ и 2) чистый русскій языкъ безъ этой примѣси; очевидное вліяніе извѣстной теоріи Ломоносова „о трехъ штиляхъ".

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 552.

турная, и насколько можно судить о ней по оставшимся трудамъ, она не представляетъ такого широкаго круга вопросовъ, какіе отмѣчены при разсмотрѣніи критико-литературной его дѣятельности. Вопросы публицистики для Плетнева были вопросами, которые не возбуждали того захватывающаго интереса, какъ вопросы литературы въ широкомъ значеніи этого слова. Хотя онъ и самъ требовалъ разсматривать литературныя произведенія съ точки зрѣнія ихъ связи съ современной жизнью, но эта послѣдняя въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ была объектомъ его анализа и наблюденія не непосредственно, а разсматривалась черезъ призму тѣхъ произведеній, въ которыхъ она отражалась. Кромѣ того, ровность и цѣльность нравственнаго характера Плетнева, во многихъ отношеніяхъ, способствовала тому, что онъ удалился съ поля литературно-общественной борьбы [1]) и стоялъ въ сторонѣ отъ той полемики, какою ознаменованы 30-е и 40-е годы XIX столѣтія; онъ всегда чуждался ея духа, а потому, всякіе возможные стимулы для публицистической дѣятельности въ видѣ вопросовъ, неизбѣжно возбуждаемыхъ полемикой, были для него сокращены. Поэтому, даже сдѣлавшись редакторомъ „Современника“ послѣ смерти Пушкина, Плетневъ не сообщилъ своему журналу того молодого задора и той свѣжести, какая могла бы возбудить интересъ и обезпечить успѣхъ. Теоретичность и сухость, отчужденность отъ новаго литературнаго движенія, которое запечатлѣно было духомъ полемики, осудили этотъ журналъ на безцвѣтное прозябаніе. Нѣкоторое оживленіе, элементы котораго можно видѣть въ публицистической дѣятельности Плетнева, объясняется тѣмъ, что онъ, какъ педагогъ по профессіи и по призванію, дѣлалъ вопросы педагогики предметомъ журнальнаго обсужденія, и если слѣдуетъ признавать значеніе за дѣятельностью Плетнева, какъ публициста, то главнымъ образомъ потому, что вопросы публицистики въ строгомъ смыслѣ этого слова тѣсно связывались у него съ вопросами педагогическими. Онъ стремился возбудить общественное мнѣніе вопросами воспитанія и образованія, въ которыхъ онъ, несомнѣнно, былъ вполнѣ компетентнымъ, и хорошо понималъ, что гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ общественнаго воспитанія. Кромѣ того, даже подвергая журнальному обсужденію факты общественной жизни, которые въ существѣ своемъ ничего общаго съ педагогіей не имѣли, Плетневъ старался отыскивать въ нихъ поучительныя черты, которыя имѣли бы общее воспитательное значеніе, и принималъ ихъ, какъ извѣстныя живыя педагогическія истины. Эти истины не должны были имѣть одно только теоретическое значеніе; формулировка и изложеніе ихъ имѣли цѣлью вліять на общество.

---

[1]) Л. Н. Майковъ. „Историко-литературные очерки“, изд. 1895 г., стр. 267.

Тѣмъ не менѣе было бы несправедливо ограничивать значеніе публицистической дѣятельности Плетнева лишь тѣмъ, поскольку она проникнута элементомъ педагогическимъ. Независимо отъ этого, въ статьяхъ Плетнева, мы находимъ нѣкоторые коренные вопросы, теоретическое выясненіе которыхъ имѣетъ значеніе и для нашего времени и которые не имѣютъ связи съ педагикой. Высказанные Плетневымъ взгляды поражаютъ своею основательностью и гуманностью, отличаясь въ то же время кое-гдѣ и элементарностью съ современной намъ точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, мы находимъ у него ясно выраженное требованіе дѣятельности отъ членовъ общества независимо отъ того, какое бы положеніе они ни занимали. „Среди разнообразныхъ житейскихъ соблазновъ однимъ изъ самыхъ опаснѣйшихъ слѣдуетъ считать",—говоритъ онъ,—„прекрасное слово, которое способно убаюкивать нашу душу. Удовлетворяя этою блестящею монетою требованіямъ разсудка и совѣсти, мы часто и успокаиваемся на этомъ, чувствуя, что мы исполнили уже свой долгъ, когда одѣли желаніе звукомъ". На самомъ же дѣлѣ этого еще далеко недостаточно, и видѣть исполненіе долга только въ томъ, чтобы одѣть желаніе звукомъ, это значитъ профанировать идею общественной дѣятельности, со стороны ея правильнаго пониманія. „Я, по крайней мѣрѣ, ежедневно чувствую",—продолжаетъ Плетневъ,—„какъ прекрасное слово тѣшитъ лучшее стремленіе души моей, вознаграждая ее своею прелестью, вмѣсто самого дѣйствія или исполненія того, что заключено въ этомъ очаровательномъ звукѣ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ, онъ выражаетъ ту же мысль еще болѣе опредѣленно. „Всѣ мы убѣждены, что здѣсь наше назначеніе—дѣятельность. Она источникъ самосовершенствованія, безъ котораго человѣкъ становится повиннымъ и передъ людьми и передъ своимъ Создателемъ" [2]). Несмотря на нѣкоторую элементарность приведенныхъ мнѣній Плетнева съ современной намъ точки зрѣнія, они имѣютъ значеніе потому, что въ нихъ выражается ясно и опредѣленно сознаніе необходимости общественной дѣятельности въ ея высшемъ, идеальномъ значеніи этого слова. Съ этой точки зрѣнія, онъ осуждаетъ Пушкина за его лѣнь и нежеланіе работать [3]), а также выражаетъ похвалу Крылову, Вяземскому и Клингенбергу, излагая въ своихъ рѣчахъ тѣ мотивы, которые побуждаютъ почтить дни ихъ юбилея особыми празднованіями, и давая очеркъ ихъ жизни и дѣятельности. Особенное же вниманіе Плетневъ посвящаетъ Жуковскому, выдѣляя его изъ группы названныхъ нами лицъ, такъ какъ на его долю, кромѣ литератур-

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 638.

[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. II, стр. 78.

[3]) См. нашу статью „Плетневъ и его отношенія" „Русская Старина", 1904 г., т. IX, стр. 619.

ныхъ занятій, выпало быть воспитателемъ наслѣдника престола, великаго князя Александра Николаевича.

Кромѣ того, въ ряду публицистическихъ взглядовъ, особенно симпатичнымъ представляется мнѣніе Плетнева о значеніи гласности. „Гласность во всемъ великое дѣло",—говоритъ Плетневъ подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое онъ вынесъ изъ наблюденій надъ жизнью во Франціи. Здѣсь установился такой порядокъ, что „ни профессоры", продолжаетъ далѣе Плетневъ: „ни академики не остаются людьми непогрѣшающими. Ихъ разбираютъ и оцѣниваютъ... и это держитъ ихъ въ нѣкоторомъ опасеніи и усиливаетъ тщательность въ приготовленіи лекцій", а главное „не пріучаетъ ихъ къ беззаботности и глупой спѣси" [1]). Не менѣе важное значеніе имѣетъ, по мнѣнію Плетнева, гласность и для обезпеченія блага государственнаго; необходимымъ условіемъ этого блага служитъ повиновеніе законамъ, пріобрѣтеніе соотвѣтственныхъ положенію каждаго знаній, а также и „страхъ общественнаго мнѣнія, поддерживаемаго гласностью со стороны правительства и даже частныхъ лицъ" [2]). Эта гласность является однимъ изъ средствъ для искорененія недостатковъ въ разныхъ сферахъ государственной жизни, требующихъ, по мнѣнію Плетнева, самыхъ коренныхъ реформъ. Въ тѣсной связи съ гласностью стоитъ, по мнѣнію Плетнева, развитіе періодической прессы. На обязанности ея представителей лежитъ — „вызывать все лучшее изъ души и сердца русской націи, согрѣть ее лучами людей, охладѣвшихъ къ односторонности и эгоизму, и, наконецъ, окружить блескомъ и славою". Ставя при этомъ въ образецъ французовъ, у которыхъ „владѣть языкомъ считается за высшее гражданское достоинство", Плетневъ говоритъ, что „особенно всесильно слово истиннаго поэта" [3])

Будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что „высшее средство ко всѣмъ успѣхамъ есть самостоятельная работа, поддерживаемая благимъ даромъ разумной природы", Плетневъ рекомендуетъ сдѣлать нѣкоторыя преобразованія въ Россіи. Сущность ихъ онъ сводилъ къ тому, чтобы: 1) „улучшить предъуниверситетское ученіе", которое вообще должно считаться фундаментомъ образованія; 2) „сильнѣе развивать спеціальное образованіе и притомъ такимъ образомъ, чтобы оно оставалось потребностью ума въ продолженіе всей жизни и 3) доставить каждому изъ обучающихся какъ можно болѣе средствъ къ собственнымъ умственнымъ занятіямъ, постепенно освобождая ихъ отъ такъ называемыхъ, общихъ и вспомогательныхъ наукъ" [4]).

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 439.
[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 457.
[3]) Сочиненія и Переписка Плетнева, стр. 432—433.
[4]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. III, стр. 437.

Итакъ, первой реформой, на необходимость которой указалъ Плетневъ, должна быть общая и коренная реформа системы образованія. Послѣ этого Плетневъ излагаетъ довольно обстоятельно проэктъ чтенія публичныхъ лекцій профессорами. Этимъ лекціямъ Плетневъ приписывалъ огромное значеніе, во-первыхъ, въ виду того, что онѣ служатъ проводникомъ необходимыхъ и полезныхъ познаній въ публику, а затѣмъ, благодаря имъ, университетъ можетъ пріобрѣсти „нѣкоторое значеніе въ обществѣ". Въ этомъ проэктѣ Плетнева, который только на нашихъ глазахъ начинаетъ осуществляться и то далеко не вполнѣ, мы можемъ видѣть, насколько сильно отразилось вліяніе западно-европейскихъ взглядовъ, порядковъ и обычаевъ, которые пришлось ему непосредственно наблюдать во время пребыванія за границей. Этому же вліянію слѣдуетъ приписать сложившееся у него твердое убѣжденіе въ необходимости посылать русскихъ ученыхъ за границу для полученія надлежащей подготовки или къ чисто ученой или только къ профессорской дѣятельности.

Въ то же время чувствовалась необходимость реформъ административныхъ, которыя должны были исправить разнаго рода недостатки жизни. По этому вопросу Плетневъ высказывается довольно ясно и опредѣленно. Такъ, прежде всего онъ требуетъ основательно изучить такія формы политической жизни и учрежденія запада, которыя могутъ представлять образецъ въ своемъ родѣ. Послѣ этого только можно, по его мнѣнію, приступить къ реформамъ путемъ разумнаго примѣненія этихъ формъ и учрежденій въ Россіи. При этомъ важное значеніе имѣетъ выборъ дѣятелей, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ проводимыхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи Плетневъ совѣтуетъ отдавать предпочтеніе людямъ, имѣющимъ извѣстный образовательный цензъ. Этотъ послѣдній, по мнѣнію Плетнева, долженъ представлять самъ по себѣ гарантію для успѣшнаго выполненія реформъ, а также для поднятія нравственнаго и умственнаго уровня самихъ общественныхъ дѣятелей. Всѣ изложенные проекты Плетнева, осуществленіе которыхъ далеко не закончено и въ настоящее время, свидѣтельствуютъ о самомъ глубокомъ пониманіи имъ жизни и тѣхъ требованій, какія она ставила и какія нуждались въ самомъ неотложномъ удовлетвореніи. Плетневъ здѣсь выступаетъ, какъ вполнѣ увѣренный въ своихъ нравственныхъ и умственныхъ силахъ публицистъ, ратующій за свободу и прогрессъ.

Важнымъ и значительнымъ элементомъ въ дѣятельности Плетнева-публициста, какъ мы уже замѣтили выше, были вопросы педагогическаго характера. Педагогъ по призванію и дѣятельности, Плетневъ высоко смотрѣлъ на это дѣло, совершенно справедливо видя въ немъ весьма важную обязанность, исполненіе которой по са-

мой ея сущности соединялось съ большими трудностями. Признаніе такой высокой важности и значенія за дѣятельностью педагога неизбѣжно соединялось у Плетнева съ той великой отвѣтственностью, какая лежитъ вообще на педагогахъ по самой идеѣ. Это онъ достаточно ясно охарактеризовалъ въ своей рѣчи „Объ обязанностяхъ наставниковъ юношества". Сложность обязанности, которая заключалась въ томъ, чтобы привить своимъ питомцамъ начала истины, добра и чести, трудность ея исполненія заставляетъ педагога изолироваться въ особый замкнутый міръ, чтобы тѣмъ удобнѣе проводить эти начала въ среду питомцевъ. Независимо отъ этого, педагогъ, по мнѣнію Плетнева, долженъ вносить единство въ то разнообразіе, какое представляетъ ему масса учащихся, такъ какъ это единство въ дѣятельности педагога составляетъ самую главную и самую вѣрную гарантію ея успѣха. Подобнаго рода задача становится тѣмъ труднѣе, что педагогъ предоставленъ въ своей дѣятельности самому себѣ: онъ трудится одинъ. „Въ его душѣ должно заключаться все то, чего требуетъ природа его, какъ человѣка, для облегченія, для совѣта, для участія". Кромѣ того онъ долженъ итти вмѣстѣ съ жизнью, не отставая отъ нея ни на шагъ. Образовывая другихъ, педагогъ долженъ работать для собственнаго образованія, стараясь расширять свой умственный кругозоръ пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній. Эти качества хорошаго педагога, по мнѣнію Плетнева, являются залогомъ успѣха въ дѣлѣ воспитанія и образованія.

Независимо отъ этого Плетневъ писалъ и о самомъ воспитаніи, требуя, во-первыхъ, воспитанія въ строго національномъ духѣ. Эта мысль была не нова: ее высказывали въ литературѣ и раньше, преимущественно во второй половинѣ XVIII вѣка, когда общественная жизнь представляла большія уклоненія отъ этого идеала. Плетневу въ этомъ вопросѣ принадлежитъ новая формулировка его. Разсматривая „Исторію Россіи" Ишимовой, онъ замѣчаетъ слѣдующее: „въ нашей литературѣ столько времени недоставало книги, необходимѣйшей при воспитаніи дѣтей, книги, которая должна быть первымъ чтеніемъ всякаго ребенка, чтобы онъ могъ сдѣлаться гражданиномъ и, вступая въ общество, уважалъ бы его по убѣжденію внутреннему" [1]).

Отъ хорошаго воспитанія необходимо требовать усвоенія добродѣтели; прививать ее возможно лишь при условіи устраненія такихъ вліяній, которыя способны оказывать развращающее дѣйствіе на человѣка. Самый анализъ этихъ вліяній отличается у Плетнева большою опредѣленностью и основательностью. Это, между прочимъ, обнаруживается въ томъ, что онъ по поводу карточной игры, которою

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 350.

увлекался въ молодости Крыловъ, высказался въ духѣ рѣзкаго осужденія, хотя его другъ Пушкинъ не считалъ ее вполнѣ предосудительною, а другіе приводили даже мнѣнія въ пользу ея. Плетневъ, называя эту игру страстью, старается уяснить тѣ причины, которыя способствуютъ развитію этой страсти. „Недостатокъ истинно-хорошаго воспитанія, отсутствіе въ душѣ правилъ строгой нравственности, привычка къ развлеченіямъ внѣшнимъ, примѣръ общества и его испорченные нравы незамѣтно роднятъ насъ съ этимъ унизительнымъ препровожденіемъ времени и постепенно разжигаютъ въ насъ дурныя страсти, удовлетворяемыя выигрышемъ“ [1]).

Отмѣчая въ современной ему общественной жизни положительныя явленія по преимуществу и ставя ихъ въ образецъ общественной дѣятельности, Плетневъ старался доказать, что только путемъ проведенія хорошихъ и здоровыхъ началъ въ дѣло воспитанія возможно достигнуть вполнѣ благопріятныхъ результатовъ, и только при этомъ условіи мы будемъ имѣть хорошо образованныхъ, честныхъ и полезныхъ гражданъ. Образцомъ послѣднихъ, по мнѣнію Плетнева, можетъ служить Жуковскій, такъ какъ онъ настолько проникся сознаніемъ необходимости общественной дѣятельности, что „у него дѣятельность срослась съ жизнью“. Воспитаніе такихъ именно гражданъ, по словамъ Плетнева, должно составлять главную и существенную задачу не только педагоговъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, но и прессы. Эта послѣдняя не должна приспособляться ко вкусамъ, господствующимъ въ данное время въ обществѣ, не должна имѣть въ виду интересы матеріальные, низменные, не должна только заботиться о коммерческихъ выгодахъ изданія. Что слова эти не расходились съ дѣломъ, это показалъ Плетневъ собственнымъ примѣромъ, когда онъ состоялъ редакторомъ „Современника“. Пресса должна быть, по его мнѣнію, руководителемъ — воспитателемъ общества, прямо и честно выясняя сущность и цѣль блага общественнаго подъ знаменемъ высокихъ и свѣтлыхъ идеаловъ истины, добра и прекраснаго.

Главною цѣлью критической дѣятельности Плетнева вообще служило „выясненіе истины“. Такъ смотрѣлъ на нее онъ самъ, стараясь осуществлять эту цѣль, насколько позволяли ему возможность, силы и обстоятельства. Къ осуществленію этой цѣли Плетневъ шелъ двумя путями: во-первыхъ, путемъ литературной критики въ строгомъ смыслѣ этого слова и, во-вторыхъ, путемъ публицистики. Въ первомъ случаѣ, онъ старался установить теоретическія основанія поэзіи во-

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. II, стр. 63.

обще, а также разныхъ видовъ поэтическаго творчества, при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ достоинства и недостатки въ произведеніяхъ современныхъ ему писателей: Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Островскаго, Писемскаго и др. Кромѣ того онъ сдѣлалъ попытку дать основанія критики на новыхъ началахъ въ связи, конечно, съ теоретическими взглядами его на искусство, поэзію и литературу.

Во второмъ случаѣ, затрогивая вопросы и факты общественной жизни, онъ старался давать имъ правильное и болѣе или менѣе всестороннее освѣщеніе, основанное на началахъ широкой гуманности и справедливости, будучи глубоко убѣжденъ въ огромной пользѣ гласности. Такая дѣятельность съ принципіальной стороны имѣла большое значеніе тѣмъ болѣе, что въ ней замѣтно выразилась черта объективности. Это, между прочимъ, обнаруживается въ томъ, что Плетневъ понялъ значеніе Бѣлинскаго и его школы и, не пытаясь опровергать ея основныхъ положеній, опредѣлилъ вѣрно это значеніе не только въ настоящемъ, но и для будущаго; онъ указалъ на важность и необходимость изученія общественной жизни, а также на огромное значеніе національнаго, народнаго элемента въ поэзіи. Затѣмъ онъ вѣрно отмѣтилъ достоинства произведеній не только писателей, уже получившихъ извѣстность въ литературѣ, но и только-что выступившихъ на литературное поприще (Островскій, Писемскій). Скабичевскій въ этомъ отношеніи придаетъ особенную цѣнность сужденіямъ Плетнева о Гоголѣ [1]), видя въ нихъ тонкій критическій анализъ, глубокій наблюдательный умъ и причисляя ихъ къ тѣмъ предвидѣніямъ, которыя порою посѣщали Плетнева и заставляли его выходить изъ рамокъ своего времени и тѣмъ болѣе своего кружка [2]). Спокойныя и мѣткія сужденія Плетнева вызывали также одобреніе и со стороны самихъ художниковъ слова — его современниковъ. Такъ, Гоголь писалъ ему слѣдующее: „у васъ много внутренняго глубокоэстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства“ [3]). Такіе отзывы въ значительной степени объясняются тѣмъ, что Плетневъ, во-первыхъ, открыто заявилъ, что онъ врагъ готовой теоріи [4]). „Теорія у меня“, писалъ онъ, „не занятая, не изученная, а явившаяся въ умѣ отъ наблюденій, отъ разговоровъ, отъ вниманія къ дѣламъ и ихъ слѣдствіямъ“ [5]). Приведенныя слова имѣютъ особенное значеніе, по-

[1]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 491.
[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1885, кн. XI, стр. 88.
[3]) Л. Н. Майковъ „Истор.—литер. очерки“, изд. 1895, стр. 267.
[4]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 431.
[5]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 431.

тому что, какъ мы видѣли, устанавливая принципы критики, Плетневъ не считалъ ее только сухою теоретическою работою: отъ критика такъ же, какъ и отъ поэта, онъ требовалъ творческой работы художника. Во-вторыхъ, онъ вносилъ въ свое изложеніе духъ свободы и самостоятельности съ глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что свобода есть первое и главное условіе умственнаго и нравственнаго прогресса.

Несмотря, однако, на изложенныя достоинства дѣятельности Плетнева, какъ критика и публициста, опредѣляющія значеніе ея, въ ней слѣдуетъ отмѣтить и недостатки. По окончаніи годичныхъ экзаменовъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1833 году Плетневъ обратился къ студентамъ съ рѣчью, въ которой выражалъ свое искреннее сожалѣніе по поводу того, что въ истекшемъ академическомъ году онъ „не далеко дошелъ съ ними въ изученіи исторіи русской литературы". „Она", какъ бы въ свое оправданіе говорилъ Плетневъ, „представляетъ еще непроходимый лѣсъ, въ которомъ лишь впервые приходилось мнѣ прокладывать дорогу" [1]). Насколько было тяжело прокладывать дорогу въ этомъ непроходимомъ лѣсу, настолько же было и трудно Плетневу отрѣшиться совершенно отъ тѣхъ традицій прошлаго, которыми приходилось въ большинствѣ случаевъ руководиться, какъ единственными въ своемъ родѣ указаніями. Этимъ и обусловливаются главнымъ образомъ недостатки его критической дѣятельности вообще. Сущность этихъ недостатковъ опредѣляется прежде всего принадлежностью Плетнева къ обществу „Арзамасъ". Какъ членъ этого общества, онъ является защитникомъ теоріи чистаго искусства, понимаемаго въ смыслѣ точнаго и вѣрнаго воспроизведенія въ художественной формѣ идеи прекраснаго, независимо отъ жизни, при чемъ придаетъ поэзіи въ своей теоріи совершенно идеальный характеръ.

Такой принципіальный взглядъ Плетнева иногда при детальныхъ разборахъ поэтическихъ произведеній переплетался съ тѣмъ, въ основѣ котораго лежитъ мнѣніе о необходимости тѣсной связи между поэзіей и жизнью. Въ этомъ случаѣ Плетневъ дѣлалъ уступку въ своихъ взглядахъ новымъ вѣяніямъ въ литературѣ и невольно примыкаетъ уже къ новому направленію. — Эта же черта противорѣчія въ взглядахъ, которую мы склонны назвать двойственностью, обнаруживается еще въ томъ, что Плетневъ, убѣжденный сторонникъ свободы творчества, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, при изложеніи основныхъ принциповъ поэтическаго творчества требуетъ установленія извѣстнаго объема для поэтическихъ произведеній, изъ котораго они не должны выходить. Не приводя всѣхъ

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1869, кн. II, стр. 334.

примѣровъ, касающихся даннаго недостатка, слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ можно видѣть эволюцію взглядовъ Плетнева подъ вліяніемъ нарождавшихся новыхъ теченій въ литературѣ, ставшихъ со старыми въ противорѣчіе, которое мы и имѣемъ возможность наблюдать, какъ своего рода типичный процессъ въ дѣятельности Плетнева.

Будучи другомъ и послѣдователемъ Жуковскаго, Плетневъ „склонялся", по выраженію Пыпина, „къ сентиментальному піэтизму" [1]) послѣдняго, что отразилось на изложеніи его статей, отличающихся иногда неясностью и туманностью, а также и на содержаніи. Не говоря уже о Жуковскомъ, передъ которымъ Плетневъ преклонялся, и это выразилъ въ своихъ критическихъ статьяхъ, необходимо сказать, что въ другихъ случаяхъ Плетневъ обнаруживалъ черты сентиментализма, отступая отъ тѣхъ принциповъ критики, которые онъ самъ довольно удачно устанавливалъ. Для примѣра достаточно привести одну выдержку изъ некролога бар. Дельвига, написаннаго Плетневымъ. „Изданіе стихотвореній бар. Дельвига останется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской поэзіи текущаго столѣтія. Они дышатъ свѣжестью картинъ, въ нихъ кипятъ чувства, отъ нихъ рождается музыка величественной простоты, они, какъ времена года, блестятъ собственными каждое красотами: кто, прочитавъ ихъ, не почувствуетъ наслажденія, тотъ или отжилъ, или не начиналъ еще жить для восторговъ къ изящному" [2]). Въ этихъ словахъ слышится голосъ Карамзина, излагавшаго свои впечатлѣнія въ „Письмахъ", голосъ далеко не убѣдительный по своей субъективности. По поводу такихъ разсужденій, объясняемыхъ, кромѣ отмѣченныхъ вліяній, благодушіемъ личнаго характера Плетнева, Пушкинъ писалъ ему: „Братъ Плетневъ, не пиши добрыхъ критикъ! Будь зубастъ и бойся приторности". Эта краткая, но мѣткая характеристика указываетъ на одинъ изъ главныхъ недостатковъ критики Плетнева, который такимъ образомъ не могъ достигнуть полной гармоніи между своими теоретическими взглядами и ихъ выраженіемъ при критическомъ разборѣ произведеній русской литературы.

Резюмируя все изложенное нами относительно критико-публицистической дѣятельности Плетнева, слѣдуетъ сдѣлать тотъ выводъ, что Плетневъ не можетъ быть причисленъ къ разряду писателей, произведенія которыхъ, поражая своею оригинальностью, создаютъ новое направленіе и даютъ свое имя цѣлой эпохѣ. Его дѣятельность, въ которой получили свое выраженіе и нѣкоторыя черты новаго литературнаго направленія, слѣдуетъ считать подготовительной рабо-

---

[1]) „Русская Старина" 1904, кн. IX, стр. 616.

[2]) Сочиненія и Переписка Плетнева, т. I, стр. 216.

той, намѣтившей общіе контуры, указавшей общія схемы, надлежащее развитіе коихъ составляло задачу ближайшаго будущаго и совершилось отчасти на глазахъ самого Плетнева. Тѣмъ не менѣе критическіе его труды, касавшіеся не только произведеній Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Крылова, Островскаго, Писемскаго, но даже Тютчева, Толстого, Полонскаго, Квитки и др., хотя и были первыми въ своемъ родѣ опытами, однако съ полнымъ правомъ могутъ быть названы, по словамъ Грота, „замѣчательными и по своему внутреннему достоинству, и по глубинѣ мысли, и по благородству воззрѣній".

Вячеславъ Каминскій.

25 августа 1905 г.
Варшава.

Автобіографія графа Льва Николаевича Толстого.

„... Обдумывая ее (свою автобіографію) [1]), я замѣтилъ, какъ трудно избѣжать при этомъ двухъ крайностей: либо превознести себя, умолчавъ все, что было въ жизни дурнаго, либо разсказать съ циничной откровенностью все дурное. Если бы я описалъ всѣ сдѣланныя мною подлости, глупости и гадости вполнѣ откровенно, и даже съ большей откровенностью, нежели Руссо, но вышла бы очень занимательная книжка или статья. И люди сказали бы: „вотъ человѣкъ, котораго многіе ставили очень высоко, и вотъ какъ онъ былъ подлъ; такъ намъ, простымъ смертнымъ, и Богъ велитъ быть подлецами“. Не шутя, когда я сталъ припоминать всю свою жизнь и понялъ всю ея глупость (именно глупость) и подлость, то я подумалъ: „такъ каковы же другіе люди, коль скоро я, котораго многіе хвалятъ,—такой дрянной и глупый человѣкъ? Это можно было бы объяснить пожалуй тѣмъ, что я хитрѣе другихъ. Говорю это совершенно искренно, а не только для краснаго словца, я все это перечувствовалъ...“

„... По поводу моей біографіи, скажу, что я очень хотѣлъ бы помочь вамъ и написать хотя бы самое существенное. Я рѣшилъ это сдѣлать, такъ какъ я понимаю, что было бы интересно и, быть можетъ, даже полезно, показать людямъ все то, что было гадкаго въ

---

[1]) Мы счастливы, что имѣемъ возможность предложить читателямъ „la Revue“ нигдѣ не напечатанную до сихъ поръ автобіографію нашего знаменитаго сотрудника, графа Льва Толстого, которую мы обѣщали дать въ началѣ этого года. Мы предпосылаемъ ей письмо, написанное графомъ г. Бирюкову, взявшему на себя трудъ написать біографію знаменитаго писателя и обзоръ его произведеній.

моей жизни до тѣхъ поръ, пока я не прозрѣлъ, и разсказать безъ ложной скромности все, что въ ней было хорошаго, добраго (по крайней мѣрѣ, въ моихъ намѣреніяхъ, которыя по своей слабости я не всегда приводилъ въ исполненіе), послѣ того, какъ я прозрѣлъ. Въ этомъ смыслѣ я бы и хотѣлъ написать. Принятое нами подраздѣленіе на семилѣтніе періоды весьма удобно для меня, такъ какъ оно особенно оживляетъ мои воспоминанія. Постараюсь приняться за автобіографію, какъ только окончу начатую работу...“.

I.

Мой другъ П. Бирюковъ, взявшійся написать мою біографію для полнаго изданія моихъ сочиненій на французскомъ языкѣ, просилъ меня сообщить ему нѣкоторыя біографическія обо мнѣ данныя.

Искренно желая исполнить его просьбу, я началъ обдумывать свою біографію. Сначала, совершенно незамѣтнымъ для меня, но вполнѣ естественнымъ образомъ, мнѣ припомнилось все хорошее въ жизни, а темныя ея стороны и дурные поступки выступали на этомъ свѣтломъ фонѣ въ неясныхъ очертаніяхъ, подобно тѣнямъ на картинѣ. Но, начавъ серьезнѣе обсуждать разныя событія своей жизни, я замѣтилъ, что подобная біографія, хотя ее и нельзя было бы назвать ложной, не была бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, правдивой, въ силу ложнаго освѣщенія событій, изложенія однѣхъ только хорошихъ сторонъ и умолчанія обо всемъ дурномъ. Когда же я рѣшилъ написать всю правду, не утаивая ничего дурнаго, то я пришелъ въ ужасъ при мысли о томъ впечатлѣніи, какое произвела бы подобная біографія. Какъ разъ въ это время я захворалъ, и въ продолженіе вынужденнаго бездѣйствія, на которое бываетъ обреченъ всякій больной, я постоянно возвращался мысленно къ воспоминаніямъ о прошломъ, и эти воспоминанія были ужасны.

Я почувствовалъ тогда съ удивительной ясностью то, что говоритъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Воспоминаніе“:

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмые стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда—
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:.
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;

Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ,
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Въ послѣдней строкѣ я бы измѣнилъ только одно слово, поставивъ вмѣсто „печальныя"—„постыдныя".

Подъ этимъ впечатлѣніемъ я записалъ въ своемъ дневникѣ:

„6-го января 1903 года.

Я только что пережилъ адскія мученія. Я припомнилъ всю мерзость моей прежней жизни, и это воспоминаніе не покидаетъ меня, оно отравляетъ мнѣ существованіе. Люди сожалѣютъ обыкновенно о томъ, что со смертью наступаетъ забвеніе, между тѣмъ это великое счастье. Какое было бы мученье, если бы я помнилъ все, что было когда-либо у меня на совѣсти, что меня мучило, если бы я помнилъ все зло, сдѣланное мною въ предшествовавшей жизни.

Если помнишь добро, надобно помнить и зло.

Какое счастье, если со смертью исчезаютъ воспоминанія и остается одно сознаніе, какъ общій синтезъ добра и зла, какъ простѣйшій видъ сложнаго уравненія, въ которомъ X = той или другой величинѣ, положительной или отрицательной.

Да, забвеніе есть величайшее благо въ жизни, безъ него не было бы радости въ жизни, тогда какъ съ утратой воспоминаній можно вернуться къ жизни, и, какъ на бѣлой и чистой страницѣ, снова писать въ ней добро и зло.

Правда, не вся моя жизнь была постыдна и дурна, она была таковой всего лѣтъ двадцать, да и въ то время моя жизнь не была сплошнымъ зломъ, какимъ она представлялась мнѣ во время болѣзни, у меня и тогда бывали порывы къ добру, хотя они были непродолжительны и заглушались необузданными страстями.

Тѣмъ не менѣе, работа моей мысли, въ особенности во время болѣзни, ясно показала мнѣ, что біографія, написанная такъ, какъ пишутся обыкновенно біографіи, съ умолчаніемъ о томъ, что было въ жизни подлаго и преступнаго, была бы ложью, и что если хочешь писать біографію, то надобно говорить всю правду.

Только такая біографія, какъ бы мнѣ ни было стыдно ее писать, можетъ представить для читателя настоящій интересъ.

Припоминая, такимъ образомъ, мою жизнь, т. е. разсматривая ее съ точки зрѣнія добра и зла, сдѣланныхъ мною, я замѣтилъ, что вся

моя долгая жизнь распадается на четыре періода: первый чудесный періодъ—въ особенности по сравненію съ послѣдующимъ—невинный, радостный, поэтическій періодъ дѣтства. За нимъ слѣдуетъ ужасный двадцатилѣтній періодъ грубаго разврата, службы, погони за почестями и въ особенности за матеріальными выгодами. Затѣмъ восемнадцатилѣтній періодъ, продолжавшійся со времени моего вступленія въ бракъ до моего нравственнаго возрожденія, тотъ періодъ, который, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, можно бы назвать періодомъ нравственнымъ, т. е., что въ теченіе этихъ восемнадцати лѣтъ я жилъ честной, правильной семейной жизнью, не предаваясь тѣмъ порокамъ, которые караются общественнымъ мнѣніемъ. Однако, всѣ мои интересы сводились въ то время къ эгоистическимъ заботамъ о семьѣ, объ увеличеніи своихъ средствъ, успѣхахъ литературныхъ и стремленіи ко всевозможнымъ удовольствіямъ, и, наконецъ, четвертый періодъ, продолжающійся уже двадцать лѣтъ, который я переживаю въ настоящее время, въ которомъ я надѣюсь умереть и во время котораго мнѣ сталъ ясенъ весь смыслъ моей прошлой жизни; этотъ періодъ я не желалъ бы видѣть инымъ, если не считать привычекъ къ злу, укоренившихся во мнѣ въ теченіе предшествующихъ лѣтъ.

Исторію этихъ-то четырехъ періодовъ я и предполагаю изложить, ежели Господь дастъ мнѣ силы и продлитъ мою жизнь. Я думаю, что такая автобіографія, при всѣхъ ея большихъ недостаткахъ, будетъ полезнѣе для людей, нежели вся художественная болтовня, наполняющая двѣнадцать томовъ моихъ сочиненій, коимъ современники придаютъ столь незаслуженное значеніе.

Я и примусь теперь за это. Прежде всего, я опишу первый, радостный періодъ моего дѣтства, который особенно для меня привлекателенъ.

Затѣмъ, какъ бы мнѣ это ни было стыдно, я опишу, ничего не утаивая, ужасныя двадцать лѣтъ слѣдующаго періода. Затѣмъ опишу третій, быть можетъ, наименѣе интересный періодъ, и, наконецъ, послѣдній, періодъ моего возрожденія, давшій мнѣ величайшую радость жизни и радостное спокойствіе при приближеніи смерти.

Чтобы не повторяться при описаніи моего дѣтства, я перечиталъ свои разсказы, изданные подъ этимъ заглавіемъ, и пожалѣлъ о томъ, что они были написаны. Они такъ плохи, такъ мало искренни, такъ нелитературны. Да иначе и быть не могло: во-первыхъ, потому, что я имѣлъ намѣреніе писать не исторію моего дѣтства, а исторію друзей моего дѣтства; вслѣдствіе чего эти разсказы представляютъ неравномѣрное сплетеніе событій изъ ихъ дѣтства и моего; во-вторыхъ, потому, что въ то время, какъ были написаны эти разсказы, я не былъ свободенъ въ формѣ изложенія, я находился подъ влія-

ніемъ двухъ писателей: Стерна съ его „Sentimental Journey“ [1]) и Тепфера съ его „La Bibliotèque de mon oncle“ [2]).

Теперь мнѣ особенно не нравятся двѣ послѣднія части: „Отрочество“ и „Юность“, въ которыхъ, помимо смѣшенія истины съ вымысломъ, недостаетъ искренности, и чувствуется желаніе выставить напоказъ все хорошее и важное, по крайней мѣрѣ, то, что я считалъ тогда хорошимъ и важнымъ, т. е. мои демократическія убѣжденія.

Надѣюсь, что то, что я напишу теперь, будетъ лучше и—главное—полезнѣе для другихъ.

II.

Моя бабушка, Пелагея Николаевна, была дочерью слѣпаго князя Николая Ивановича Горчакова, имѣвшаго большое состояніе. На сколько я могу составить себѣ о ней понятіе, это была женщина мало образованная и весьма ограниченная. Какъ и всѣ въ то время, она знала французскій языкъ лучше русскаго (впрочемъ, этимъ и ограничивалось ея образованіе). Сначала ее очень баловалъ отецъ, затѣмъ мужъ и, наконецъ, уже на моей памяти, ея сынъ. Помимо этого, какъ старшая въ семьѣ, она пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ Горчаковыхъ, какъ-то: бывшаго военнаго министра, Николая Ивановича Горчакова, его брата Андрея Ивановича и сыновей вольнодумца Дмитрія Петровича: Петра, Сергѣя и Михаила, севастопольскаго героя.

Мужъ Пелагеи Николаевны, мой дѣдъ, Илья Андреевичъ, также былъ, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ограниченный, очень кроткій, веселый и не только щедрый, но даже до глупости расточительный, весьма довѣрчивый. Въ его имѣніи Бѣлевскаго уѣзда, Полянѣ—не Ясной Полянѣ, а просто Полянѣ,—то и дѣло бывали пиры, спектакли, балы и обѣды. Вдобавокъ у дѣдушки былъ одинъ недостатокъ,—онъ былъ страстный игрокъ и игралъ въ ломберъ, не имѣя понятія объ этой игрѣ; кромѣ того, онъ одолжалъ всякому встрѣчному деньги, которыя ему никто не возвращалъ, и пускался во всевозможныя предпріятія; все это вмѣстѣ взятое привело его къ полнѣйшему разоренію, и дѣдушка, заложивъ огромное помѣстье своей жены, былъ вынужденъ искать службы; при его связяхъ это было нетрудно; онъ былъ назначенъ казанскимъ губернаторомъ.

---

[1]) Сентиментальное путешествіе.

[2]) Библіотека моего дяди.

Дѣдушка, какъ мнѣ говорили, не былъ взяточникъ, если не считать приношеній, которыя онъ получалъ отъ виновныхъ откупщиковъ, что не считалось въ то время предосудительнымъ, и даже сердился, когда ему предлагали взятку. Но зато бабушка, судя по всему, что я слышалъ, не задумывалась брать взятки безъ вѣдома мужа.

Въ Казани бабушка выдала свою младшую дочь Пелагею за Ушкова, а старшая, Александра, вышла, въ Петербургѣ, замужъ за графа Остенъ-Сакена.

По смерти своего мужа, скончавшагося въ Казани, и женитьбы моего отца, бабушка поселилась у послѣдняго въ Ясной Полянѣ, гдѣ я ее зналъ совсѣмъ старушкой и очень хорошо ее помню.

Бабушка страстно любила моего отца и насъ, своихъ внучатъ, которые служили ей забавой; она любила также моихъ тетушекъ, но, какъ мнѣ кажется, недолюбливала моей матери, находила ее недостойной отца и ревновала къ нему. По отношенію къ слугамъ, она не могла проявлять своей требовательности, ибо всѣ чувствовали, что она первое лицо въ домѣ, и всячески угождали ей. Зато она давала полную волю своимъ капризамъ со своей горничной, Гашей, изводила ее, обращаясь къ ней на вы: „вы, милая моя", требовала того, что ей не было приказано, бранила ее на всѣ лады. И, странное дѣло, Гаша, Агаѳья Михайловна,—которую я хорошо зналъ, подражала въ этомъ бабушкѣ, и со своей стороны издѣвалась надъ своей дочерью, мучила свою кошку, вообще со всѣми, надъ кѣмъ она могла проявлять свою волю, она была такъ же привередлива, какъ бабушка съ нею.

Самыя отдаленныя воспоминанія, связанныя съ бабушкой до нашей поѣздки въ Москву и до того времени, какъ мы поселились въ этомъ городѣ, ограничиваются тремя, связанными съ нею, воспоминаніями. Первое, это то, что бабушка мылась какимъ-то особеннымъ мыломъ, отъ котораго на ея рукахъ вскакивали красивые пузыри, которые, какъ мнѣ казалось, могла дѣлать только она одна. Меня водили къ ней нарочно въ то время, какъ она мылась,—наше восхищеніе мыльными пузырями, вѣроятно, забавляло ее. Я помню ея бѣлую кофту, ея юбку, ея бѣлыя старческія руки и огромные мыльные пузыри на ея рукахъ, также ея бѣлое, довольное, улыбающееся лицо.

Затѣмъ, въ моей памяти запечатлѣлось, какъ лакей моего отца велъ бабушку подъ руку въ желтый кабріолетъ, въ которомъ мы ѣздили съ нашимъ гувернеромъ, Ѳедоромъ Ивановичемъ, въ рощу за орѣхами, которые уродились въ томъ году въ изобиліи. Помню, какъ сейчасъ, орѣшникъ, въ который Петруша и Матюша (два лакея) вкатили желтый кабріолетъ бабушки, ломая и отстраняя вѣтви, помню, какъ они

пригибали къ ней вѣтки, густо усаженныя пучками спѣлыхъ орѣховъ, какъ бабушка срывала ихъ и клала въ мѣшокъ. Мы наклоняли вѣтки съ другой стороны, и Ѳедоръ Ивановичъ, который сгибалъ самыя толстыя вѣтки орѣшника, удивлялъ насъ своей силой. Хотя мы усердно обрывали орѣхи со всѣхъ сторонъ, но, когда Ѳедоръ Ивановичъ отпускалъ вѣтви и онѣ медленно разгибались, то всегда оказывалось, что на нихъ еще оставались орѣхи, нами не замѣченные. Помню, какъ было жарко въ орѣшникѣ, и какъ было пріятно и свѣжо въ тѣни; помню сильный запахъ листвы; помню, какъ хрустѣли со всѣхъ сторонъ орѣшками бывшія съ нами дѣвушки, и какъ мы жевали свѣжіе, бѣлые орѣшки, набивали ими карманы, полы нашего платья, кабріолетъ; бабушка брала отъ насъ орѣхи и благодарила насъ. Бабушка, орѣшникъ, сильный запахъ орѣховой листвы, лакеи, желтый кабріолетъ, солнце, — все слилось въ моемъ воспоминаніи въ одно радостное впечатлѣніе. Подобно тому, какъ мнѣ казалось, что мыльные пузыри могли образоваться только на рукахъ бабушки, такъ же точно орѣшникъ, орѣхи и солнце не могли существовать безъ бабушки въ желтомъ кабріолетѣ, который тащили Петрушка и Матюша.

Но изо всего, связаннаго съ бабушкой, самое сильное впечатлѣніе оставило во мнѣ воспоминаніе о ночи, проведенной въ ея спальнѣ, и о Львѣ Степанычѣ.

Левъ Степанычъ, слѣпой разсказчикъ (онъ былъ очень старъ, въ то время, какъ я его зналъ), пережитокъ барскихъ затѣй дѣдушки, былъ купленъ послѣднимъ за его удивительное умѣніе говорить сказки, которыя онъ, со свойственной слѣпымъ памятью, повторялъ слово въ слово, прослушавъ ихъ разъ или два.

Онъ жилъ у насъ гдѣ-то въ домѣ; его цѣлый день не было видно, но по вечерамъ онъ приходилъ въ бабушкину спальню (это была очень низкая комната, въ которую вели двѣ ступеньки), садился на низкій подоконникъ, куда ему приносили ужинъ съ господскаго стола. Тутъ онъ дожидался бабушку, которая, не стѣснясь, совершала свой ночной туалетъ въ присутствіи слѣпца.

Въ тотъ день, когда была моя очередь ночевать у бабушки, Левъ Степанычъ со своими бѣлесоватыми глазами, въ длинномъ балахонѣ, уже сидѣлъ на подоконникѣ и ѣлъ. Я не помню, раздѣвалась ли бабушка въ этой же комнатѣ или въ другой, ни помню того, какъ меня уложили въ постель, помню только, какъ была погашена свѣчка и въ комнатѣ горѣла только лампада, мерцавшая передъ позолоченными иконами. Бабушка, та самая удивительная бабушка, которая дѣлала такіе необычайные мыльные пузыри, одѣтая вся въ бѣломъ, лежала на бѣлыхъ простыняхъ въ бѣломъ чепчикѣ, на высоко взбитыхъ по-

душкахъ, а отъ окна доносился монотонный голосъ Льва Степаныча.

— Прикажете продолжать?

— Да, продолжай.

„Любезная сестрица, сказала она“,—продолжалъ Левъ Степанычъ своимъ беззвучнымъ, однообразнымъ, старческимъ голосомъ,—„... разскажите намъ одну изъ тѣхъ хорошенькихъ сказочекъ, которыя вы такъ хорошо умѣете разсказывать... Охотно,—сказала Шехеразада.— Я разскажу вамъ также удивительную исторію принца Камаралзамана, если прикажетъ императоръ“. Получивъ разрѣшеніе Султана, Шехеразада, начала такъ: „У оного могущественнаго короля былъ единственный сынъ...“

И Левъ Степанычъ началъ, очевидно слово въ слово, какъ по книгѣ, исторію Камаралзмана; я слушалъ, но ничего не понималъ, до того я былъ поглощенъ таинственнымъ видомъ бабушки, такой бѣленькой, силуэтъ которой расплывался по стѣнѣ, и наружностью старика съ бѣлесоватыми глазами, котораго я уже не видѣлъ, но который запечатлѣлся у меня въ памяти, сидящимъ неподвижно на подоконникѣ, произнося тихимъ голосомъ непонятныя слова, которыя казались мнѣ торжественными и раздавались одно за другимъ въ полутемной комнатѣ, освѣщенной дрожавшимъ свѣтомъ лампады. Вѣроятно, я сейчасъ же уснулъ, такъ какъ я не помню того, что говорилось далѣе.

Только по утру я увидѣлъ снова мыльные пузыри, которые дѣлала бабушка, умывая руки, и любовался ими.

III.

О моемъ дѣдѣ по матери мнѣ извѣстно, что, достигнувъ, въ царствованіе Екатерины, высокаго чина генералъ-аншефа, онъ потерялъ сразу свое положеніе, вслѣдствіе своего отказа жениться на племянницѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любовницѣ, Потемкина, Варенькѣ Энгельгардтъ. На предложеніе Потемкина, онъ отвѣтилъ: „Откуда онъ взялъ, что я способенъ жениться на его п....“

Этотъ отвѣтъ не только испортилъ всю его карьеру, но былъ причиною его назначенія губернаторомъ въ Архангельскъ, гдѣ онъ оставался до воцаренія Павла. Женившись на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Трубецкой, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, Ясная Поляна, полученномъ имъ въ наслѣдство отъ своего отца Сергѣя Ѳедоровича.

Княгиня Екатерина Дмитріевна скончалась очень рано, оставивъ

дѣдушкѣ единственную дочь Марію. Съ этой дочерью, которую онъ нѣжно любилъ и съ ея компаньонкой, француженкой, дѣдушка не разставался до своей смерти, послѣдовавшей въ 1821 г. Дѣдушка слылъ очень строгимъ и взыскательнымъ хозяиномъ, но я не слыхалъ, чтобы онъ былъ жестокъ или примѣнялъ обычныя въ то время тѣлесныя наказанія; я думаю, что безъ этого не обходилось, но къ дѣдушкѣ всѣ относились за его умъ и богатство съ такимъ почтеніемъ и уваженіемъ, что мнѣ приходилось слышать отъ его дворовыхъ и крестьянъ, которыхъ я часто разспрашивалъ о немъ, только однѣ похвалы его уму и заботливости о крестьянахъ и обширной дворнѣ, для которой онъ построилъ прекрасные дома и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ были не только сыты, но хорошо одѣты и довольны. На праздникахъ онъ устраивалъ для нихъ игры: качели, хороводы... Какъ всякій развитой помѣщикъ своего времени, дѣдушка заботился еще болѣе о благосостояніи своихъ крестьянъ, которымъ жилось очень хорошо, тѣмъ болѣе, что видное положеніе, занимаемое дѣдушкой, и его личное значеніе внушали уваженіе полиціи, и это избавляло крестьянъ отъ притѣсненія со стороны властей.

Вѣроятно, у дѣдушки было сильно развито чувство прекраснаго, такъ какъ всѣ его постройки были не только прочны и удобны, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящны, такъ же точно, какъ и садъ, разбитый имъ передъ домомъ. Вѣроятно онъ также любилъ музыку, такъ какъ онъ устроилъ для себя и для моей матери небольшой, но очень хорошій оркестръ. Я еще видѣлъ въ липовой аллеѣ толстый вязъ, который едва можно было обхватить втроемъ и вокругъ котораго были устроены скамейки и пюпитры для музыкантовъ. Прохаживаясь утромъ по аллеѣ, дѣдушка слушалъ мызыку. Онъ ненавидѣлъ охоту, но любилъ цвѣты и тепличныя растенія.

Судьба самымъ страннымъ образомъ сблизила его съ той самой Варенькой Энгельгардтъ, на которой онъ отказался жениться, за что и впалъ въ немилость. Эта Варенька вышла замужъ за князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, получившаго по этому поводу чины и всевозможныя награды. Съ нимъ и съ его семьей, а слѣдовательно и съ Варварой Васильевной дѣдушка такъ сдружился, что моя мать съ дѣтства была помолвлена съ однимъ изъ десяти сыновей Голицына, а старики, князья, обмѣнялись фамильными портретами (вѣроятно, копіями, исполненными художниками изъ крѣпостныхъ). Эти портреты Голицыныхъ находятся и по сей часъ у насъ въ домѣ. Тутъ и князь Сергѣй Ѳедоровичъ съ Андреевской лентой и толстая рыжеволосая Варвара Васильевна, въ костюмѣ статсъ-дамы. Предположенный бракъ не состоялся, такъ какъ женихъ моей матери, Левъ Голицынъ, заболѣвъ тифомъ, скончался до свадьбы.

*

Тетушка разсказывала мнѣ, что этого Голицына звали Львомъ, но я думаю, она ошибалась, такъ какъ ни одного изъ сыновей Сергѣя Ѳедоровича не звали этимъ именемъ, и я полагаю, что вся исторія о помолвкѣ моей матери съ однимъ изъ Голицыныхъ была выдумка, равно какъ и то, будто меня назвали Львомъ въ память этого жениха.

IV.

Своей матери я совсѣмъ не помню. Мнѣ было полтора года, когда она скончалась. По странной случайности, у насъ не сохранилось ни одного ея портрета, такъ что я не могу себѣ представить ее, какъ существо реальное, живое; я почти радъ этому, такъ какъ у меня сохранился въ воспоминаніи только ея нравственный обликъ, и все, что мнѣ извѣстно о ней, хорошо и прекрасно. Я не думаю, чтобы это объяснялось тѣмъ, что всѣ говорившіе со мною о матушкѣ хотѣли сказать о ней одно доброе, но тѣмъ, что въ ней, дѣйствительно, было много хорошаго.

Впрочемъ, мнѣ представляется, что не только матушка, но рѣшительно всѣ окружавшіе меня въ дѣтствѣ, начиная съ отца и кончая кучеромъ, были люди очень добрые. Вѣроятно, это можно объяснить тѣмъ, что мое чистое любящее сердце, подобно всякому лучу свѣта, обнаруживало въ людяхъ тѣ лучшія качества, которыя всегда есть въ нихъ.

И то, что всѣ эти люди кажутся мнѣ исключительно добрыми, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ то, если бы я видѣлъ въ нихъ одни недостатки.

Моя матушка не была хороша собою. Для своего времени она была очень развита и хорошо образована. Кромѣ русскаго языка, которымъ, вопреки существовавшему въ то время обыкновенію, она хорошо владѣла устно и письменно, она знала языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій. Кажется, любила также искусство и отлично играла на фортепіано. Ея подруги разсказывали мнѣ, что она обладала особымъ искусствомъ разсказывать сказки, импровизируя по мѣрѣ того, какъ она говорила. По отзывамъ прислуги, ея величайшимъ качествомъ было умѣнье сдерживать вспышки своего горячаго характера. По словамъ ея горничной, она вся краснѣла, даже плакала, но никогда не произносила бранныхъ словъ, даже не знала ихъ.

У меня хранились нѣсколько ея писемъ къ моему отцу и къ моимъ тетушкамъ и веденныя его поденныя записки о поведеніи Николиньки (моего старшаго брата), которому было шесть лѣтъ, когда

она умерла и который, кажется, болѣе всего походилъ на нее. У нихъ было одно качество, которое я особенно цѣню; въ братѣ это качество мнѣ какъ нельзя лучше извѣстно, а въ матушкѣ я угадываю его по ея письмамъ: это равнодушіе къ мнѣнію людей и скромность, доходившая до того, что они старались не выставлять напоказъ преимуществъ своего ума, образованія и нравственнаго превосходства. Они словно стыдились этого превосходства; въ братѣ, о которомъ Тургеневъ сказалъ вполнѣ вѣрно, что у него не было тѣхъ недостатковъ, которые необходимы, чтобы сдѣлаться великимъ писателемъ, эта черта была мнѣ хорошо знакома.

Я помню, какъ однажды одинъ очень глупый дурной человѣкъ,— адъютантъ мѣстнаго губернатора, часто охотившійся вмѣстѣ съ братомъ, сталъ смѣяться надъ нимъ въ моемъ присутствіи и помню, какъ братъ, взглянувъ на меня, только весело улыбнулся, находя это очевидно очень забавнымъ.

Я подмѣтилъ эту черту и въ письмахъ моей матушки. По нравственнымъ свойствамъ, она была, несомнѣнно, выше, моего отца и его семьи, за исключеніемъ пожалуй Татьяны Александровны Ергольской, съ которой я провелъ половину жизни и которая была женщиной замѣчательной по своимъ нравственнымъ качествамъ.

Кромѣ того, у матушки и брата была еще одна общая черта, которой объясняется, по-моему, ихъ равнодушіе къ мнѣнію другихъ: они никогда ни о комъ не отзывались дурно; относительно брата, съ которымъ я прожилъ полжизни, я въ этомъ вполнѣ увѣренъ. Онъ никогда не выражалъ своего порицанія кому-нибудь иначе, какъ смѣхомъ и веселой улыбкой; то же самое я вижу въ письмѣ моей матери, то же я слышалъ отъ лицъ, ее знавшихъ.

Въ „Житьѣ Святыхъ“ Дмитрія Ростовскаго есть одно мѣсто, которое меня всегда глубоко трогало. Это краткое жизнеописаніе одного монаха, который, какъ всѣмъ было извѣстно, имѣлъ много недостатковъ, и котораго настоятель увидѣлъ во снѣ, въ раю посреди святыхъ, на лучшемъ мѣстѣ. Удивленный старецъ спросилъ, какимъ образомъ могъ этотъ грѣшникъ заслужить подобную награду. Ему отвѣчали: „Онъ никогда не злословилъ“.

Если существуетъ такая награда, то я думаю, что матушка и братъ получили ее.

У матушки была еще одна отличительная черта: это искренній и простой тонъ ея писемъ. Въ то время преувеличенное выраженіе чувствъ было въ модѣ: „несравненная“, „обожаемая“, „радость моей жизни“ были общепотребительные эпитеты между близкими, и чѣмъ выспреннѣе были привѣтствія, тѣмъ менѣе они были искренни.

Эти общепринятыя выраженія попадаются, хотя въ довольно сдер-

жанной формѣ, и въ письмахъ отца. Онъ пишетъ: „Дражайшій другъ мой, я только и мечталъ о счастьѣ быть подлѣ тебя".

Я сомнѣваюсь, чтобы это говорилось вполнѣ искренно. А матушка писала всегда: „Дорогой другъ мой"... а въ одномъ изъ своихъ писемъ она говоритъ просто: „время тянется безъ тебя долго, хотя, по правдѣ сказать, мы не часто пользуемся твоимъ обществомъ и тогда, когда ты бываешь дома".

Наконецъ, она подписывалась всегда „Преданная тебѣ, Марія".

Въ дѣтствѣ матушка жила то въ Москвѣ, то въ деревнѣ, съ такимъ умнымъ, гордымъ, высоко одареннымъ человѣкомъ, какимъ былъ мой дѣдушка, Волконскій.

Говорятъ, что матушка очень любила меня и называла своимъ „маленькимъ Веніаминомъ".

Я думаю, что любовь матушки къ ея скончавшемуся жениху, именно, потому, что она окончилась смертью, была той поэтической любовью, которую молодыя дѣвушки испытываютъ только разъ въ жизни. Ея бракъ съ моимъ отцомъ былъ устроенъ ея родными и родными моего отца. Она была богата, ужъ не очень молода и круглая сирота; мой отецъ былъ веселый, блестящій молодой человѣкъ съ извѣстнымъ именемъ и съ большими связями, но его состояніе было разстроено дѣдушкой Толстымъ, до такой степени, что отцу пришлось отказаться отъ наслѣдства.

Я думаю, что матушка любила отца, но любила, какъ своего мужа и, главнымъ образомъ, какъ отца своихъ дѣтей, но не была влюблена въ него. Истинной любовью, какъ я ее понималъ, она любила только троихъ: своего умершаго жениха; затѣмъ m-elle Enicienne, француженку, о которой мнѣ разсказывали тетушки, но ихъ дружба окончилась разочарованіемъ. Эта дѣвица вышла замужъ за двоюроднаго брата моего отца, Михаила Александровича Волконскаго, дѣда современнаго писателя. Вотъ, что матушка писала, вспоминая о своей дружбѣ къ этой молодой дѣвушкѣ: „Я прекрасно уживаюсь въ обѣими: играю, смѣюсь и болтаю съ одной, и говорю о чувствахъ, осуждаю пустоту жизни съ другой. Обѣ обожаютъ меня до безумія, обѣ повѣряютъ мнѣ свои тайны, я мирю ихъ, когда онѣ поссорятся; я никогда не видала болѣе смѣшныхъ друзей, которые бы такъ часто ссорились; онѣ то и дѣло дуются другъ на друга, плачутъ, мирятся, бранятся, а затѣмъ предаются самымъ восторженнымъ изліяніямъ дружбы; словомъ, въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается восторженная и романическая дружба, которая воодушевляла и волновала меня въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я смотрю на нихъ съ неизъяснимымъ чувствомъ, завидую иной разъ ихъ иллюзіямъ, которыя я уже утратила, но вся сладость которыхъ мнѣ извѣстна; право, не знаю,

стоитъ ли прочное и истинное счастье зрѣлыхъ лѣтъ очаровательныхъ иллюзій юности, когда все разукрашено всесильнымъ воображеніемъ. Иной разъ я улыбаюсь, смотря на ихъ ребячества... иной разъ ихъ ребячества вызываютъ во мнѣ улыбку"...

Особенно горячо и сильно матушка любила моего старшаго брата, Коко. Она вела по-русски дневникъ, съ замѣтками объ его поведеніи, заносила въ него всѣ его проступки и прочитывала свои замѣтки ему. Изъ этого дневника видно ея страстное желаніе сдѣлать все возможное, чтобы воспитать Коко какъ можно лучше, и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что она имѣла самое смутное представленіе о томъ, что для этого слѣдовало дѣлать. Такъ напр., матушка порицаетъ его за то, что онъ слишкомъ чувствителенъ и плачетъ, видя страданія животныхъ. По ея мнѣнію, мужчина не долженъ быть чувствителенъ. Другой недостатокъ, который она старалась искоренить въ немъ, заключался въ томъ, что онъ пускался въ разсужденія по поводу самыхъ простыхъ вещей или, напр., прощаясь или здороваясь съ бабушкой, вдругъ говорилъ ей, вмѣсто „здравствуйте" или „прощайте", „благодарю васъ".

По словамъ тетушки, — какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы это была правда,—матушка тоже очень любила меня, любовь ко мнѣ смѣнила въ ея сердце любовь къ Коко, который въ то время, какъ я появился на свѣтъ, уже былъ отдѣленъ отъ матери и отданъ на попеченіе дядьки. У нея была потребность любить, и одна привязанность смѣняла другую.

Таковъ былъ нравственный обликъ матушки, какимъ я его себѣ представляю. Она была въ моихъ глазахъ существомъ высшимъ, столь чистымъ и нравственнымъ, что нерѣдко уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда мнѣ приходилось бороться съ искушеніями, я взывалъ къ ея душѣ, моля ее придти мнѣ на помощь, и эта молитва всегда приносила мнѣ облегченіе.

Матушкѣ, насколько можно судить по ея письмамъ, жилось въ семьѣ моего отца очень хорошо и счастливо.

Семья моего отца состояла изъ бабушки, ея дочери, моей тетки, графини Александры Ильиничны Остенъ-Сакенъ, ея воспитанницы Пашеньки, другой тетушки—Татьяны Александровны Ергольской, которую мы такъ звали, хотя она была намъ дальней родственницей; она выросла въ домѣ моего дѣда и прожила у насъ всю жизнь; моего отца и гувернера Ѳедора Ивановича Росселя, котораго я изобразилъ довольно вѣрно въ „Дѣтствѣ".

Насъ было пятеро дѣтей: Николай, Сергѣй, Димитрій, я и младшая сестра, Машенька, рожденіе которой стоило матушкѣ жизни.

Замужемъ матушка прожила недолго (всего девять лѣтъ), но ея

жизнь была полна, и ей жилось счастливо и хорошо, тѣмъ болѣе, что она всѣхъ любила и была всѣми любима. Изъ ея писемъ видно, что она жила въ то время очень замкнуто. Ясную Поляну посѣщали весьма немногіе, за исключеніемъ близкихъ друзей, Огаревыхъ и тѣхъ родственниковъ, которые, проѣзжая случайно по большой дорогѣ, останавливались у насъ.

Жизнь матушки наполнялась занятіями съ дѣтьми, чтеніемъ бабушкѣ по вечерамъ вслухъ романовъ, серьезнымъ чтеніемъ, какъ, напр., Эмиля Руссо, бесѣдами о прочитанномъ, игрою на фортепіано, уроками итальянскаго языка, которымъ она занималась съ одной изъ моихъ тетушекъ, прогулками и хозяйственными работами.

Во всѣхъ семьяхъ бываютъ періоды, когда болѣзнь и смерть не заглядываютъ въ домъ, когда всѣ члены семьи живутъ спокойно. Такой періодъ, какъ мнѣ кажется, длился для моей матери, въ семьѣ ея мужа, до самой ея кончины. Никто не умиралъ, никто не былъ серьезно боленъ, дѣла отца поправлялись, всѣ были веселы, здоровы и жили дружно. Отецъ забавлялъ всѣхъ своими разсказами и шутками. Я этого времени не зналъ. Когда я сталъ себя помнить, смерть матушки уже наложила свою печать на нашу семейную жизнь.

Все разсказанное выше извѣстно мнѣ со словъ близкихъ и изъ писемъ. Теперь я перейду къ тому, что я видѣлъ самъ и что самъ помню. Я не буду говорить о смутныхъ воспоминаніяхъ дѣтства, когда трудно бываетъ отличить дѣйствительность отъ грезъ; начну съ того, что я помню ясно, съ тѣхъ мѣстъ и людей, которые окружали меня въ первые годы жизни.

V.

Среди этихъ людей, первое мѣсто занимаетъ, несомнѣнно, мой отецъ, не въ силу того вліянія, какое онъ имѣлъ на меня, но по тѣмъ чувствамъ, какія я питалъ къ нему.

Очень молодымъ, отецъ остался въ семьѣ единственнымъ сыномъ. Его младшій братъ упалъ въ дѣтствѣ, сдѣлался горбатымъ и рано умеръ. Въ 1812 г. отцу было семнадцать лѣтъ, когда онъ, несмотря на страхъ и мольбы своихъ родителей, отправился въ армію. Въ это время князь Николай Ивановичъ Горчаковъ, близкій родственникъ моей бабушки, рожденной Горчаковой, командовалъ въ чинѣ генерала какимъ-то отрядомъ дѣйствующей арміи. Отецъ былъ назначенъ къ нему адъютантомъ и совершилъ походъ 1813—1814 гг. Въ 1814 г., гдѣ-то въ Германіи, онъ былъ посланъ курьеромъ. Французы взяли

его въ плѣнъ, и онъ былъ освобожденъ только въ 1815 г., когда наши войска вступили вторично въ Парижъ.

Двадцати лѣтъ отецъ уже не былъ невиннымъ. Еще до его поступленія на службу, когда ему было лѣтъ около шестнадцати, его родители, въ видахъ сохраненія его здоровья, какъ тогда думали, свели его съ крѣпостной дѣвушкой. Отъ этой связи родился сынъ, Мишенька, который сдѣлался разносчикомъ и при жизни отца велъ себя хорошо, но впослѣдствіи свихнулся и часто обращался къ намъ за помощью. Я помню то странное чувство удивленія, которое я испытывалъ, когда этотъ братъ, обреченный на нищенское существованіе и очень походившій на нашего отца (гораздо больше всѣхъ насъ) просилъ у насъ подачки и, видимо, бывалъ очень доволенъ, получивъ десять, пятнадцать рублей. По окончаніи похода, отецъ, какъ видно изъ его писемъ, разочаровавшись въ военной службѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ Казани, гдѣ дѣдушка былъ губернаторомъ и гдѣ жила также сестра моего отца, Пелагея Ильинична, бывшая замужемъ за Ушковымъ.

Вскорѣ послѣ этого дѣдушка скончался въ Казани, и отецъ остался съ долгами и со старухой матерью, привыкшей къ роскоши, съ сестрою и двоюродной сестрой на рукахъ. Тогда его женили на моей матери, и онъ поселился въ Ясной Полянѣ, гдѣ, послѣ девяти лѣтъ брачной жизни, овдовѣлъ и гдѣ, уже на моей памяти, онъ жилъ вмѣстѣ съ нами.

Батюшка былъ средняго роста, коренастый, очень живой, съ пріятнымъ лицомъ и грустными глазами. Онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, хотя не зналъ въ немъ толка. По тому времени у него было большое качество: онъ не только не былъ жестокъ, онъ былъ скорѣе слабъ, такъ что при его жизни у насъ никогда не было рѣчи о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Безъ этого вѣроятно дѣло не обходилось, ибо трудно себѣ представить, чтобы въ то время кто-либо могъ управлять имѣніемъ, не прибѣгая къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но у насъ эти наказанія примѣнялись, вѣроятно, рѣдко и безъ вѣдома батюшки, такъ что намъ, дѣтямъ, никогда не приходилось слышать о нихъ, и я только послѣ его смерти узналъ, что и у насъ пороли крестьянъ.

Однажды, когда мы, дѣти, возвращались съ прогулки съ нашимъ гувернеромъ, мы встрѣтили у двора нашего толстаго управляющаго, Андрея Ильина, и конюха Кузьму, человѣка женатаго, уже не молодого, который шелъ за нимъ съ такимъ грустнымъ лицомъ, что это бросилось намъ въ глаза. Кто-то изъ насъ спросилъ Андрея Ильина, куда онъ идетъ, онъ отвѣчалъ совершенно спокойно, что идетъ на гумно, чтобы наказать Кузьму. Не могу передать, какое тяжелое впечатлѣніе произвели на меня эти слова и кроткій и печальный видъ

Кузьмы. Вечеромъ, я разсказалъ это тетушкѣ Татьянѣ Александровнѣ, занимавшейся нашимъ воспитаніемъ, которая до того ненавидѣла тѣлесныя наказанія, что никогда не примѣняла ихъ не только по отношенію къ намъ, но и къ крѣпостнымъ, когда это отъ нея зависѣло. Она была возмущена моимъ разсказомъ и сказала мнѣ съ упрекомъ: „Почему же вы не остановили его?“

Эти слова еще болѣе опечалили меня... Я не думалъ, что мы могли вмѣшаться въ это дѣло, между тѣмъ изъ ея словъ выходило, что мы могли это сдѣлать. Но уже было поздно, и отвратительное наказаніе было приведено въ исполненіе.

Возвращаюсь къ тому, что мнѣ было извѣстно объ отцѣ и какъ мнѣ представляется въ настоящее время его жизнь. Онъ былъ занятъ управленіемъ имѣнія и, главнымъ образомъ, веденіемъ безконечныхъ тяжебъ, такъ какъ ему пришлось устраивать дѣла, запутанныя дѣдушкой. Эти тяжбы заставляли отца часто отлучаться изъ дома; кромѣ того, онъ часто ѣздилъ на охоту. Его любимыми товарищами, вмѣстѣ съ которыми онъ чаще всего охотился, были: его другъ старый, очень богатый холостякъ Кирѣевскій, Языковъ, Глѣбовъ и Исленьевъ. У батюшки была черта, свойственная въ то время довольно многимъ помѣщикамъ, именно, какое-то особенное пристрастіе къ нѣкоторымъ слугамъ. Его любимцами были два брата, Петруша и Матюша, ловкіе парни и хорошіе охотники. Дома, когда отецъ не былъ занятъ дѣлами по управленію имѣніемъ и нами, онъ много читалъ. Онъ составилъ себѣ библіотеку изъ французскихъ классиковъ, историческихъ книгъ и сочиненій по естественной исторіи: тутъ были Бюффонъ, Кювье. Тетушка разсказывала, что отецъ взялъ за правило не покупать новыхъ книгъ, не прочитавъ пріобрѣтенныхъ ранѣе. Но хотя онъ много читалъ, однако мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы онъ осилилъ всю исторію крестовыхъ походовъ и папъ, которая была имъ куплена для его библіотеки. Насколько я могу судить, онъ не имѣлъ склонности къ наукѣ, хотя и не отставалъ отъ образованныхъ людей своего времени.

Подобно большинству людей временъ Александра I и походовъ 1813—1814—1815 г.г., онъ не былъ либераломъ, въ томъ смыслѣ, какъ это понимается теперь, но, изъ чувства собственнаго достоинства, не считалъ возможнымъ служить въ послѣдніе годы царствованія Александра I и при Николаѣ I. Онъ не только никогда не служилъ, но всѣ его друзья также были люди независимые, никто изъ нихъ не служилъ, и они относились довольно отрицательно къ правительству Николая Павловича. Во время моего дѣтства и юношества наше семейство не состояло въ дружескихъ и сколько-нибудь близкихъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ чиновныхъ лицъ. Въ то время, само со-

бою разумѣется, я ничего этого не понималъ, но я понималъ, что отецъ никогда ни передъ кѣмъ не унизится, не измѣнитъ своего веселаго, бодраго и часто насмѣшливаго тона, и это чувство собственнаго достоинства, которое я замѣчалъ въ немъ, еще болѣе усиливало мою любовь къ нему и мое восхищеніе имъ.

Какъ сейчасъ помню его въ кабинетѣ, куда мы являлись пожелать ему покойной ночи или просто порѣзвиться.

Онъ сидѣлъ на кожаномъ диванѣ съ трубкой въ рукахъ, ласкалъ насъ, и иногда, къ величайшей нашей радости, позволялъ намъ забраться къ нему за спину, на диванъ, а самъ продолжалъ читать или разговаривать съ управляющимъ, стоявшимъ на порогѣ у дверей или съ С. И. Языковымъ, моимъ крестнымъ отцомъ, который часто гостилъ у насъ.

Я припоминаю, какъ отецъ сходилъ къ намъ внизъ и дѣлалъ для насъ рисунки, казавшіеся намъ верхомъ совершенства; помню, какъ однажды онъ заставилъ меня прочесть стихотвореніе Пушкина, которое очень мнѣ нравилось и которое я выучилъ наизусть:

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный,
Услышалъ я въ послѣдній разъ, и т. д.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ—
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ...
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ и т. д.

Онъ былъ, видимо, пораженъ паѳосомъ, съ какимъ я прочелъ эти стихотворенія и, прослушавъ меня, обмѣнялся многозначительнымъ взглядомъ съ бывшимъ тутъ Языковымъ. Я понялъ, что моя дикція ему понравилась, и былъ очень счастливъ. Помню его веселыя шутки и разсказы за обѣдомъ и ужиномъ, и какъ бабушка, тетушки и мы, дѣти, смѣялись, слушая его. Помню также его поѣздки въ городъ и

его молодцоватый видъ, когда онъ являлся въ бекешѣ и обтянутыхъ рейтузахъ. Особенно хорошо я помню его въ охотничьемъ костюмѣ; помню, какъ онъ уѣзжалъ на охоту. Впослѣдствіи мнѣ всегда казалось, что Пушкинъ списалъ съ него сцену отъѣзда мужа на охоту, въ графѣ Нулинѣ.

Помню также наши прогулки съ батюшкой; какъ сейчасъ, вижу молодыхъ борзыхъ, которыя бѣжали за нимъ и рѣзвились на лугу, гдѣ высокая трава щекотала имъ животъ, какъ онѣ бѣгали вокругъ насъ, виляя хвостомъ, и какъ отецъ любовался ими.

Помню, какъ въ день праздника охотниковъ, 1-го сентября, мы всѣ отправились въ линейкѣ въ лѣсъ, гдѣ загонщики выслѣдили лисицу; собакъ спустили со своры, и мы не видѣли, какъ борзыя поймали ее. Особенно ясно помнится мнѣ охота на волка. Это происходило подлѣ самаго дома. Выйдя изъ дома, мы влѣзли, чтобы лучше видѣть, на телѣгу. Большой сѣрый волкъ былъ привезенъ со связанными лапами. Онъ лежалъ спокойно и только посматривалъ на подходившихъ къ нему людей. Когда телѣга въѣхала на поле позади сада, съ нея сняли волка, придерживая его вилами, и развязали ему ноги. Онъ неистово бился, кусалъ веревку. Наконецъ, веревки были развязаны и, кто-то крикнулъ: готово! Вилы были отняты, волкъ вскочилъ на ноги, постоялъ нѣсколько секундъ неподвижно, но вотъ раздался крикъ и были спущены собаки. Волкъ, собаки и охотники пѣшіе и верховые помчались по полю. Волкъ убѣжалъ. Отецъ, какъ теперь помню, бранилъ кого-то и, гнѣвно потрясая руками, вернулся домой.

Съ особенной любовью вспоминаю я батюшку сидящимъ на диванѣ рядомъ съ бабушкой, помогая ей раскладывать пасіансъ. Отецъ былъ со всѣми вѣжливъ и доброжелателенъ, но съ особенной нѣжностью относился къ бабушкѣ. Бабушка, со своимъ острымъ подбородкомъ, въ чепчикѣ съ рюшью, сидитъ на диванѣ, раскладывая пасіансъ, время отъ время беретъ щепотку табаку изъ своей золотой табакерки. Подлѣ дивана сидитъ на креслѣ старуха Петровна въ тѣлогрѣйкѣ. Она вяжетъ, и ея клубокъ то и дѣло ударяется объ стѣну. Эта Петровна, торговавшая прежде чѣмъ-то въ Тулѣ, неизвѣстно почему полюбилась бабушкѣ, часто гостила у насъ и усаживалась въ залѣ на диванѣ, подлѣ бабушки. Тетушки сидятъ на стульяхъ; одна изъ нихъ громко читаетъ. Черная Милка, любимая сука отца, съ великолѣпными черными глазами лежитъ на стулѣ, на которомъ она уже вдавила себѣ мѣстечко. Мы приходимъ пожелать доброй ночи и иной разъ остаемся тутъ нѣкоторое время. Прощаясь, мы всегда цѣлуемъ бабушку и тетушекъ. Помню, какъ однажды, во время раскладыванія пасіанса и чтенія, отецъ остановилъ читавшую тетушку и, показавъ на зеркало, сказалъ ей что-то на ухо. Мы взглянули въ зеркало.

Оказалось, дворецкій Титъ, зная, что отецъ сидитъ въ залѣ, пробирался къ нему тихонько въ кабинетъ, чтобы стащить табачку изъ его большого кожанаго мѣшка. Батюшка увидѣлъ въ зеркало, какъ онъ пробирался на цыпочкахъ. Тетушки засмѣялись. Бабушка сперва не понимала, въ чемъ дѣло, но, поняв, тоже весело улыбнулась.

Меня удивила доброта отца; прощаясь съ нимъ, я съ особеннымъ чувствомъ поцѣловалъ его бѣлую жилистую руку. Я очень любилъ батюшку, но только послѣ его смерти я понялъ, какъ сильна была во мнѣ любовь къ нему.

VI.

Вотъ самыя первыя мои воспоминанія. (Я не могу передать ихъ въ порядкѣ, такъ какъ не знаю, что было раньше, что позже. Относительно нѣкоторыхъ вещей, я не знаю даже, было ли это въ дѣйствительности, или же это относится къ области фантазіи).

Я связанъ, я хочу высвободить руки, но не могу этого сдѣлать, я плачу, кричу, мнѣ самому непріятенъ мой крикъ, но я не могу остановиться. Подлѣ меня кто-то стоитъ, склонясь надо мною, не помню кто именно, все это происходитъ въ полутьмѣ, но помню, что ихъ было двое. Мой крикъ дѣйствуетъ на нихъ. Они встревожены имъ, но не развязываютъ меня, чего я желаю болѣе всего, и я кричу еще сильнѣе. Имъ кажется это необходимымъ (держать меня связаннымъ), между тѣмъ какъ я знаю, что дѣлать этого не слѣдуетъ. Я хочу имъ доказать это и издаю рѣзкій, для меня самого непріятный крикъ, но я не могу удержаться; я чувствую несправедливость и жестокость не людей, такъ какъ они меня жалѣютъ, но судьбы, и мнѣ жаль себя, такъ какъ я не знаю, да и никогда не узнаю, что это такое было: быть можетъ, это были пеленки, коими я былъ стянутъ, когда я еще былъ грудным ребенкомъ и изъ которыхъ я старался высвободить руки? или быть можетъ, у меня были связаны руки, когда мнѣ было уже болѣе года, чтобы я не отрывалъ себѣ пуговицъ у платья? Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: это было первое и самое сильное впечатлѣніе моей жизни.

Мнѣ памятны не столько мой крикъ и мои страданія, какъ вся совокупность этого сложнаго впечатлѣнія. Я хочу свободы, она не можетъ никому мѣшать; а между тѣмъ я, которому нужна сила,— слабъ, а они сильны, и сила на ихъ сторонѣ.

Другое впечатлѣніе радостное. Я сижу въ корытѣ, и вокругъ меня распространяется новый мнѣ неизвѣстный пріятный запахъ какого-то пахучаго вещества, коимъ растираютъ мое тѣльце. Это были, вѣроятно, отруби, положенныя въ воду.

Это новое ощущеніе возбудило мое вниманіе, и я впервые взглянулъ на свое маленькое тѣльце съ выступавшими на груди ребрами, на гладкое корыто, на голыя руки моей старушки-няни и на теплую воду и въ особенности обратилъ вниманіе на то особое ощущеніе, которое вызывали мокрые края корыта, когда я проводилъ по нимъ руками,—и я полюбилъ все это.

Удивительно и какъ-то странно подумать, что, помимо этихъ двухъ впечатлѣній, у меня не сохранилось никакихъ иныхъ воспоминаній съ самаго рожденія до трехлѣтняго возраста. Когда я появился на свѣтъ и почему мнѣ радостно вспоминать это время, между тѣмъ какъ я съ ужасомъ думаю о той минутѣ, когда я снова вернусь въ то состояніе небытія, отъ котораго не останется воспоминаній, которыя можно было бы передать словами?

Развѣ я не жилъ въ то время, когда я началъ сознавать, когда я смотрѣлъ, слушалъ и старался заговорить; когда я спалъ, сосалъ грудь, смѣялся, радовалъ свою мать? Я жилъ и блаженствовалъ. Не тогда ли я пріобрѣлъ все то, чѣмъ я живу теперь, и пріобрѣлъ столько свѣдѣній и такъ быстро, что въ теченіе всей остальной жизни я не пріобрѣлъ и сотой доли этого знанія. Отъ пятилѣтняго ребенка до меня всего одинъ шагъ. Отъ новорожденнаго ребенка до пятилѣтняго разстояніе неизмѣримо бо́льшее. Отъ зародыша до новорожденнаго младенца—цѣлая бездна, а отъ небытія до зародыша—уже не бездна, а нѣчто непостижимое. Мало сказать, что пространство времени и причинность явленій суть только извѣстныя формы мышленія и что смыслъ жизни внѣ этихъ формъ, вся наша жизнь есть не что иное, какъ все большее и большее подчиненіе этимъ формамъ и наконецъ освобожденіе отъ нихъ!

Потомъ самыя отдаленныя мои воспоминанія относятся къ пятилѣтнему возрасту, но они не многочисленны и не выходятъ за порогъ дома. Природа, до пятилѣтняго возраста, для меня не существовала. Все, что я помню, происходило въ кровати, въ комнатѣ. Ни трава, ни листья, ни небо для меня не существовали.

Быть не можетъ, чтобы мнѣ не давали играть цвѣтами, листьями, чтобы я не видѣлъ зелени, солнца. Но до пяти или шести-лѣтняго возраста ни одно изъ моихъ воспоминаній не связано съ природою. Безъ сомнѣнія, нужно быть нѣсколько дальше отъ природы, чтобы замѣчать ее, а я составлялъ въ то время съ нею одно.

Непосредственно за корытомъ слѣдуетъ воспоминаніе объ Еремеевнѣ. Еремеевной насъ пугали, когда мы были маленькими. Вотъ какъ мнѣ это помнится. Я лежу въ постели, я веселъ и чувствую себя какъ всегда хорошо, я объ этомъ не думаю, какъ вдругъ няня или кто-либо изъ тѣхъ, съ кѣмъ сливается моя жизнь, произноситъ

что-то непривычнымъ для меня голосомъ и уходитъ; и мнѣ уже не только весело, вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно, я чувствую, что я не одинъ, что въ комнатѣ есть еще кто-то такой же, какъ я (вѣроятно, Машенька, младше меня годомъ, кроватка которой стоитъ возлѣ моей). Я помню, что подлѣ моей кровати коверъ и мы съ сестрой радуемся и боимся чего-то необычайнаго, происходящаго съ нами. Я прячу голову въ подушку и смотрю на дверь, откуда ожидаю чего-то новаго и веселаго; мы хохочемъ, прячемся и ждемъ.

Вдругъ появляется кто-то въ платьѣ и чепчикѣ, какихъ я никогда не видалъ, но я узнаю, что это та самая особа, которая всегда бываетъ со мною (няня или тетя), и эта особа говоритъ низкимъ голосомъ что-то страшное про злыхъ дѣтей и про Еремеевну. Я покрикиваю отъ радости и страха, и мнѣ хочется, чтобы та, которая пугаетъ меня, не думала, что я ее узналъ.

Мы умолкаемъ, но скоро снова начинаемъ шептаться, чтобы Еремеевна снова появилась.

У меня сохранилось еще одно воспоминаніе въ томъ же родѣ, но я думаю, что оно относится къ болѣе позднему времени, такъ какъ оно отчетливѣе, хотя оно такъ и осталось для меня непонятнымъ. Въ этомъ воспоминаніи главную роль игралъ нашъ учитель, нѣмецъ Ѳедоръ Ивановичъ. Однако, я увѣренъ, что я еще не былъ тогда на его попеченіи, значитъ, мнѣ еще не было пяти лѣтъ. Это связано также съ моимъ первымъ воспоминаніемъ о Ѳедорѣ Ивановичѣ. Это воспоминаніе столь отдаленное, что я не помню ни моихъ братьевъ, ни отца, помню только сестру, да и то потому только, что она, такъ же какъ и я, боялась Еремеевны.

Съ этимъ воспоминаніемъ связано впечатлѣніе о томъ, что въ нашемъ домѣ былъ верхній этажъ. Какъ я туда попалъ? Поднялся ли я туда самъ, или меня кто-нибудь снесъ, этого я не помню, помню только, что насъ тамъ было много, мы стояли вкругъ, держась за руки, тутъ были и чужія женщины (не знаю, почему-то мнѣ кажется, что это были прачки), и мы всѣ начали прыгать и вертѣться. Ѳедоръ Ивановичъ также прыгалъ, слишкомъ высоко поднимая ноги, и очень шумѣлъ, и въ ту же минуту я почувствовалъ, что это было не хорошо, что это было стыдно. Кажется, я заплакалъ, и все прекратилось.

Вотъ и все, что я помню до пяти лѣтъ. Я не помню ни моихъ нянекъ, ни тетушекъ, ни братьевъ, ни отца, ни моей комнаты, ни моихъ игрушекъ.

Мои воспоминанія становятся опредѣленнѣе съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ со старшими дѣтьми сходить внизъ къ Ѳедору Ивановичу.

Когда я сошелъ внизъ къ Ѳедору Ивановичу и старшимъ братьямъ, я испыталъ впервые и, слѣдовательно, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, то

чувство, которое называютъ чувствомъ долга, тотъ крестъ, который каждый изъ насъ долженъ нести. Мнѣ было жаль разставаться съ тѣмъ, къ чему я привыкъ (привыкъ съ вѣчности). Мнѣ было грустно, поэтически грустно разстаться не только съ игрушками, съ сестрой, нянькой, тетушкой, но и со своей кроваткой, съ подушкой, и новая жизнь, въ которую я вступалъ, казалась мнѣ ужасной. Я старался представить ее себѣ веселой, повѣрить ласковымъ словамъ, какими Ѳедоръ Ивановичъ старался привлечь меня къ себѣ; старался не замѣчать презрѣнія, съ какимъ меня встрѣтили старшіе братья, старался думать, что большому мальчику стыдно жить съ дѣвчонкой и что нѣтъ ничего хорошаго жить наверху съ нянькой, но въ душѣ мнѣ было ужасно грустно, и я потерялъ навсегда дѣтскую невинность и счастье; меня поддерживали только чувство собственнаго достоинства и сознаніе того, что я исполняю долгъ.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось не разъ переживать подобныя минуты, когда я бывалъ на перепутьѣ; вступая на новый жизненный путь, я горевалъ о невозвратной утратѣ прошлаго.

Хотя мнѣ часто говорили, что я буду жить внизу съ мальчиками, но я никогда не думалъ, что это случится, и когда на меня надѣли передникъ съ скрещенными на спинѣ помочами, я почувствовалъ, что я навсегда разстался съ верхомъ, и тогда я впервые ясно увидѣлъ, не скажу, чтобы всѣхъ тѣхъ, съ кѣми я жилъ наверху, но то главное лицо, которое я не понималъ раньше—тетушку Татьяну Александровну.

VII.

Какъ сейчасъ помню ее: не очень большого роста, полная, съ черными волосами, она была добрая, нѣжная, сострадательная. Она надѣла на меня передникъ, поцѣловала меня, застегнула мнѣ поясъ и мнѣ показалось, что она чувствовала то же, что и я, что это было грустно, ужасно грустно, но неизбѣжно, и я въ первый разъ почувствовалъ, что жизнь не игрушка, а вещь тяжелая.

Послѣ отца и матери на мою жизнь имѣла болѣе всего вліянія Татьяна Александровна Ергольская, которую мы называли тетушкой. Это была очень дальняя родственница со стороны бабушки. Она и ея сестра Лиза, вышедшая замужъ за Петра Ивановича Толстого, осиротѣли очень рано и остались безъ всякихъ средствъ къ жизни. Извѣстная въ свое время и пользовавшаяся большимъ значеніемъ Татьяна Семеновна Скуратова и моя бабушка рѣшили взять ихъ на воспитаніе, написали ихъ имена на бумажкахъ, которыя положили

подъ иконы, и, помолившись Богу, вытянули жребій. Лиза досталась Татьянѣ Семеновнѣ, а брюнетка-Татьяна—бабушкѣ.

Таничка, какъ ее звали въ нашемъ домѣ, была ровесницей отца; она родилась въ 1795 г. Ее воспитали наравнѣ съ тетушками, и всѣ ее любили, да и нельзя было не любить за ея прямой, энергичный характеръ, и за ея преданность. Одинъ эпизодъ, который она разсказывала намъ сама, показывая слѣдъ ожога на своей рукѣ, хорошо рисуетъ ея характеръ; это исторія съ линейкой.

Дѣти, прочитавъ исторію Муція Сцеволы, заспорили, говоря, что никто изъ нихъ не рѣшился бы сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ.

— А я бы сдѣлала,—сказала она.

— Ты этого не сдѣлаешь,—сказалъ Языковъ, мой крестный отецъ, и что также очень характерно, онъ поднесъ къ свѣчкѣ линейку, которая обуглилась и загорѣлась.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—приложи это къ рукѣ.

Она протянула ему свою бѣлую руку (дѣвочки ходили всегда съ голой шеей и руками), и Языковъ приложилъ къ ней линейку. Она сдвинула брови, но не отняла руки и застонала только тогда, когда онъ отнялъ линейку съ приставшей къ ней кожей. Когда всѣ замѣтили ожогъ и стали допрашивать ее, она отвѣчала, что сдѣлала это сама, чтобы испытать то, что испыталъ Муцій Сцевола.

Такой она была во всемъ: рѣшительной и преданной.

Должно быть, она была очень привлекательна со своей длинной, вьющейся черной косой, сѣрыми глазами и энергичнымъ живымъ лицомъ. В. И. Ушковъ, мужъ тетушки Пелагеи Ильиничны, извѣстный жуиръ, уже старикомъ, говорилъ объ ней съ такимъ чувствомъ, съ какимъ старики говорятъ о предметѣ бывшей любви:

„Танечка, охъ, она была прелестна!“

Когда я сталъ понимать ее, ей было уже за сорокъ лѣтъ; я никогда не задавался вопросомъ, была ли она хороша собою или нѣтъ, я просто любилъ ее, любилъ ея глаза, ея улыбку, ея смуглую, широкую руку съ рѣзко обозначенными на ней жилами.

Она любила моего отца и отецъ мой любилъ ее, но она не вышла за него замужъ, чтобы онъ могъ жениться на моей матери, которая была богата, а когда отецъ овдовѣлъ, она не захотѣла выйти за него, боясь этимъ испортить свои чистыя, поэтическія отношенія къ нему и къ намъ.

Въ ея бумагахъ я нашелъ, въ осыпанномъ жемчугомъ бюварѣ, слѣдующую записочку, написанную ею, черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти моей матери.

„18 августа 1836. Николай сдѣлалъ мнѣ сегодня очень странное предложеніе: выйти за него замужъ, быть матерью его дѣтямъ и

никогда не разставаться съ ними. На первое предложеніе я отвѣчала отказомъ, а второе обѣщала исполнять до смерти".

Записавъ это, она никому изъ насъ никогда не говорила объ этомъ предложеніи.

По смерти отца, она исполнила его второе желаніе.

У насъ было двѣ тетушки и бабушка, имѣвшія на насъ болѣе правъ, нежели Татьяна Александровна, но любя насъ такою любовью, какою Будда любилъ раненаго лебедя, она играла въ нашемъ воспитаніи главную роль, и мы это чувствовали.

Моя любовь къ ней проявлялась иногда страстными порывами. Помню, какъ однажды, сидя въ залѣ, на диванѣ, — мнѣ было тогда пять лѣтъ,—я прилегъ къ ней за спину. Она нѣжно прикоснулась ко мнѣ своей рукою. Я схватилъ ея руку, сталъ цѣловать ее и плакать отъ избытка любви къ ней.

Она была воспитана какъ барышня изъ богатой семьи, говорила и писала по-французски лучше, нежели по-русски, восхитительно играла на фортепіано, но въ теченіе тридцати лѣтъ не прикасалась къ нему и стала снова играть только тогда, когда я уже юношей учился музыкѣ. Но когда мы играли съ нею въ четыре руки, она изумляла меня удивительно правильной и изящной игрой.

Она была очень добра къ прислугѣ, никогда не говорила съ ней грубо и даже не допускала мысли о тѣлесномъ наказаніи, но смотрѣла на крѣпостныхъ, какъ на крѣпостныхъ, и держала себя съ ними какъ барыня.

Когда ее хоронили и ея гробъ несли по деревнѣ, то изо всѣхъ избъ выходили крестьяне и просили отслужить литію.

Главною чертою ея характера была любовь, но, какъ это мнѣ ни жаль, это была любовь только къ одному человѣку, къ моему отцу; исходя изъ этого источника, эта любовь озаряла всѣхъ насъ. Чувствовалось, что она любитъ насъ ради его, изъ-за него и что она любитъ всѣхъ потому, что вся ея жизнь была одна любовь.

Въ силу своей любви, она имѣла на насъ огромныя права, но наши тетушки, въ особенности Пелагея Ильинична, увезшая насъ въ Казань, имѣли на насъ законныя права, и Татьяна Александровна покорилась. Она жила съ тѣхъ поръ у своей сестры, графини Л. А. Толстой, но душою была съ нами и при первой возможности возвращалась къ намъ. Послѣднія двадцать лѣтъ жизни она провела со мною въ Ясной Полянѣ, это было для меня большимъ счастьемъ. Но мы не умѣли цѣнить ее, тѣмъ болѣе, что истинное счастіе не шумливо и не бросается въ глаза. Я цѣнилъ ее, но недостаточно.

Она любила держать въ своей комнатѣ въ разныхъ баночкахъ сласти, изюмъ, пряники, финики, любила покупать эти лакомства и

угощать ими меня. Я не могу забыть того, что я иногда отказывалъ ей въ деньгахъ на эти вещи; когда вспоминаю объ этомъ, то меня мучитъ раскаяніе; она вздыхала и молчала. Правда, я былъ въ то время стѣсненъ деньгами, но все же я не могу вспомнить безъ ужаса о томъ, что я отказывалъ ей въ деньгахъ.

Однажды,—я уже былъ въ то время женатъ,—она почувствовала большой упадокъ силъ; воспользовавшись тѣмъ, что я былъ у нея въ комнатѣ, отвернувшись (она была готова заплакать), она сказала мнѣ: „Дорогіе друзья мои, у меня очень хорошая комната и она будетъ вамъ нужна; если же я умру въ ней, то это воспоминаніе будетъ вамъ непріятно. Такъ дайте мнѣ другую комнату, чтобы я не умерла тутъ".

Такова она была съ самаго моего дѣтства, когда я не могъ еще понять ее.

Вотъ какою была ея комната. Слѣва стояла шифоньерка, полная всякихъ безделушекъ, имѣвшихъ цѣну для нея; направо стояла божница и висѣлъ большой образъ Спасителя въ серебряной ризѣ, по серединѣ стоялъ диванъ, служившій ей постелью, а передъ нимъ столъ; направо дверь вела въ комнату ея горничной.

Я сказалъ, что тетушка Татьяна Александровна имѣла огромное вліяніе на всю мою жизнь. Во-первыхъ, еще въ дѣтствѣ, она словомъ и дѣломъ дала мнѣ понять нравственную радость любви. Я видѣлъ и чувствовалъ, какъ ей сладко было любить, и понялъ все счастье любви. Во-вторыхъ, она дала мнѣ понять всю прелесть спокойной, уединенной жизни.

Левъ Толстой.

Воспоминанія В. Н. Никитина.

V [1]).

Порученіе мнѣ осмотрѣть въ нѣкоторыхъ округахъ военно-исправительныя роты.—Бесѣда съ Д. А. Милютинымъ.—Полковникъ Семеновъ и маіоръ Бергеръ.—Пропавшая въ Ригѣ лѣстница, стоившая 4.500 рублей.—Препятствія въ Динабургѣ со стороны маіора Пихно.—Посредничество полковника Моллера.—Утайка за три года 6.000 рублей.—Генералъ Вороновъ.—Встрѣча съ бывшимъ товарищемъ.—Въ Новогеоргіевскомъ военномъ собраніи.—Крѣпостные арестанты.—Бесѣда съ графомъ Бергомъ въ Варшавѣ.—Ужасное положеніе заключенныхъ въ Варшавѣ въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ.—Обѣдъ у графа Берга.—Черта изъ жизни Жуковскаго.—Отѣздъ въ Брестъ-Литовскъ.

Едва я успѣлъ побывать въ 4-хъ комитетскихъ засѣданіяхъ (они происходили два раза въ мѣсяцъ), какъ однажды утромъ совершенно неожиданно пожаловалъ ко мнѣ свитскій генералъ М. П. Анненковъ и въ качествѣ управлявшаго дѣлами главнаго военно-тюремнаго комитета, по порученію военнаго министра, предложилъ мнѣ объѣхать находившіяся въ Виленскомъ и Варшавскомъ военныхъ округахъ военно-исправительныя роты, подробно изучить ихъ положеніе и потомъ издать книгу „Жизнь заключенныхъ“, которая, по его словамъ, очень понравилась генералъ-адъютанту Д. А. Милютину. Я отвѣтилъ Анненкову, что охотно возьмусь за это порученіе, если мнѣ данъ будетъ просторъ печатать все, что найду полезнымъ, и если мое начальство меня отпуститъ въ путешествіе.

— Ваше начальство навѣрно отпуститъ васъ по нашей просьбѣ; для спокойствія общей цензуры получите отъ насъ бумагу на право напечатать всѣ свѣдѣнія, какія соберете; для успѣшнаго сбыта книги главный штабъ циркуляромъ порекомендуетъ ее войскамъ, а ихъ до 8.000

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1906 г.

полковъ, баталіоновъ и прочихъ отдѣльныхъ частей, такъ что, считая экземпляръ книги только въ рубль, выручите, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, самое меньшее 4 — 5.000 руб., — достаточный, думаю, гонораръ.

Я заявилъ ему, что на всѣ условія согласенъ, если въ правѣ буду печатать все хорошее и худое, что гдѣ найду, для однѣхъ же похвалъ ѣхать не желаю. Онъ горячо увѣрилъ меня, что ихъ интересъ увидѣть все въ правдивомъ свѣтѣ, и предложилъ мнѣ явиться къ военному министру, такъ какъ онъ желалъ лично передать мнѣ то, чего ждетъ отъ моей поѣздки.

Узнавъ, что Д. А. Милютинъ принималъ всѣхъ въ канцеляріи военнаго министерства, я впалъ въ сомнѣніе, состоится ли моя поѣздка, потому что: во-1-хъ, директоромъ канцеляріи министерства состоялъ генералъ Д. С. Мордвиновъ, преслѣдовавшій меня за сочинительство, пользовавшійся расположеніемъ Д. А. Милютина и присутствовавшій при его пріемахъ разныхъ лицъ. Отсюда мнѣ казалось, что Мордвиновъ, узнавъ меня, только 7 лѣтъ тому назадъ служившаго въ канцеляріи писаремъ, доложитъ Д. А., что я вовсе недипломированный тюрьмовѣдъ, не заслуживаю довѣрія и о моей поѣздкѣ прекратится даже разговоръ... Обсуждая это затрудненіе на разные лады, я, однако, рѣшилъ, что „чему быть—тому не миновать“, и отправился представляться. Робко вступилъ я во фракѣ, бѣломъ галстухѣ и перчаткахъ и со складною шляпою въ рукѣ, въ пріемную „Дубовый залъ“ и присоединился къ разнымъ лицамъ, тамъ находившимся. Адъютантъ записалъ меня. Вдругъ появился Мордвиновъ, вполголоса что-то сказалъ адъютанту, окинулъ бѣглымъ взоромъ всѣхъ, предо мною—я одинъ былъ статскій—пріостановился, пристально взглянулъ на меня и быстро прошелъ въ канцелярію. Я такъ и остался въ недоумѣніи: узналъ онъ меня, или нѣтъ? Прошло около часа, въ теченіе котораго я совершенно успокоился отъ щекотливаго свиданія съ Мордвиновымъ, и адъютантъ впустилъ меня въ обширный, свѣтлый кабинетъ. Я издали почтительно поклонился Д. А., онъ привсталъ. Я подошелъ къ нему къ столу.

— Здравствуйте,—просто началъ онъ, протянувъ мнѣ руку.—Садитесь пожалуйста, и мы побесѣдуемъ... Онъ сѣлъ, я противъ него.—Съ живымъ интересомъ прочелъ я вашу книгу „Жизнь заключенныхъ“,—продолжалъ онъ,—при чемъ изъ ея содержанія вывелъ заключеніе, что вы обладаете всѣми качествами, нужными для добросовѣстнаго и безпристрастнаго изслѣдованія печальнаго міра заключенныхъ, поэтому я бы желалъ, чтобы вы, какъ уже выразили генералу Анненкову согласіе,—объѣхали военно-исправительныя роты, на мѣстахъ вникли бы, не слишкомъ ли суровы или легки законы о ротахъ, какъ

они примѣняются къ людямъ, какъ ихъ въ дѣйствительности содержатъ, чѣмъ занимаютъ, каковы мастерскія, какія даютъ онѣ доходы и дѣлаются на нихъ расходы, какія отчисляются изъ общихъ заработковъ доли въ пользу людей и насколько онѣ соотвѣтствуютъ труду; какъ относятся сами арестованные къ ихъ положенію, проявляютъ ли раскаяніе и желаніе исправиться, какія начальство принимаетъ мѣры къ достиженію этой цѣли, каково само начальство въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ и т. д. Вамъ, не-военному, при вашей наблюдательности, многое удастся разузнать при посѣщеніяхъ мѣстныхъ военныхъ собраній, изъ разговоровъ съ офицерами разныхъ частей войскъ, изъ разспросовъ частныхъ жителей, нижнихъ чиновъ и даже самихъ арестантовъ. Вы будете располагать правомъ на всестороннее ознакомленіе съ дѣятельностью ротъ, и потому никто не станетъ васъ стѣснять и сами не будутъ остерегаться васъ, какъ любознательнаго изслѣдователя, а не инспектора, ревизора. Но всѣмъ этимъ соображеніямъ я разсчитываю узнать отъ васъ правду. Объ освобожденіи васъ на 3—4 мѣсяца отъ вашей службы я уже переговорилъ съ вашимъ министромъ. Затѣмъ изъ всѣхъ свѣдѣній, какія соберете, издадите, потомъ, какъ вамъ генералъ Анненковъ говорилъ, книгу, которая, какъ онъ вамъ передалъ, распространится по войскамъ и вознаградитъ вашъ трудъ, а собственно путевой расходъ возмѣстимъ вамъ особо. О подробностяхъ переговорите съ генераломъ Анненковымъ, да возьмите у него законы и отчеты о ротахъ, ознакомьтесь съ ними здѣсь же, чтобы на мѣстахъ на это не тратить времени, а когда кончите, явитесь къ дежурному генералу, графу Гейдену: онъ, по моему указанію, сдѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія. Итакъ, помните главное: я жду правды. До свиданья.

Онъ вновь протянулъ мнѣ руку, которую я пожалъ, откланялся и вышелъ, восхищенной простотою его обхожденія, симпатичностью его рѣчи и впечатлѣніемъ, какое онъ на меня произвелъ. Я отправился къ Анненкову и передалъ ему все, что слышалъ отъ военнаго министра.

— Военный министръ преподалъ вамъ,—заявилъ онъ,—цѣлую программу, къ которой мнѣ прибавлять нечего.

— Однако, военному министру угодно, чтобы вы просвѣтили меня подробностями о ротахъ.

— Состояніе ихъ узнаете изъ отчетовъ, которые я вамъ велю прислать а все остальное сами увидите, услышите и разузнаете на мѣстахъ, куда вамъ лучше явиться безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, нежели настроеннымъ въ какомъ-либо направленіи.

Мы разстались до изученія мною закона и отчетовъ, которымъ я усидчиво занимался двѣ недѣли.

Вдругъ курьеръ позвалъ меня въ департаментъ, къ директору М. Н. Медему.

— Я очень радъ, что изъ васъ образовался не только хорошій чиновникъ, но еще извѣстный литераторъ и полезный общественный дѣятель,—молвилъ онъ. — Военный министръ лично просилъ нашего отпустить васъ для исполненія его порученія—обревизовать военно-исправительныя арестантскія роты въ крѣпостяхъ. Нашъ министръ спросилъ меня объ васъ и, когда я доложилъ ему все, что зналъ,— онъ выразилъ мнѣ свое удовольствіе, прибавилъ, что мы должны гордиться такими выдающимися чиновниками, да разрѣшилъ вамъ ѣхать куда нужно на столько времени, сколько вамъ понадобится. Желаю вамъ полнаго успѣха.

Вѣсть о моей поѣздкѣ живо огласилась по департаменту и возбудила, среди сослуживцевъ, общій говоръ: одни—завидовали предстоявшей мнѣ прогулкѣ, другіе—предсказывали мнѣ блестящую карьеру, а третьи — предрекали мнѣ непріятности, отъ которыхъ я настрадаюсь вдоволь... На всѣ эти разсужденія я не обращалъ вниманія, а приготовившись, явился къ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту, графу Ѳ. Л. Гейдену.

— Военный министръ и генералъ Анненковъ все вамъ объяснили,—сказалъ онъ мнѣ,—потому въ канцеляріи получите открытый листъ, который заготовленъ по приказанію военнаго министра, какъ постороннему для военнаго министерства лицу, для большаго вашего удобства и для устраненія среди начальства всякихъ недоразумѣній. Отъ себя же мнѣ ничего не требуется. Впрочемъ, поговорите еще разъ съ генераломъ Анненковымъ: онъ вѣдаетъ нашу тюремную часть и, вѣроятно, найдетъ, что вамъ дополнить; прощайте.

Въ канцеляріи дали мнѣ открытый листъ, въ которомъ излагалось, что я, директоръ С.-Петербургскаго тюремнаго комитета, „получилъ разрѣшеніе военнаго министра осмотрѣть военно-исправительныя роты, съ цѣлью подробно ознакомиться съ порядкомъ всесторонняго содержанія арестантовъ въ этихъ ротахъ“. Согласно сему начальникъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ графъ Гейденъ просилъ „начальниковъ ротъ допустить меня къ ихъ осмотру, оказать мнѣ при этомъ всевозможное содѣйствіе къ удовлетворенію моей любознательности по части содержанія арестантовъ, а также снабжать меня всякаго рода свѣдѣніями, какія я найду нужнымъ имѣть для достиженія предположенной мною цѣли“.

Съ листомъ отправился я опять къ Анненкову, который объявилъ мнѣ, что намъ больше нечего толковать, а когда я явился къ Д. А. Милютину откланяться, онъ торопился куда-то.

— Коль скоро вы готовы, произнесъ онъ, то отправляйтесь съ

Богомъ. Желаю вамъ успѣха, а о томъ, что правдивостью вы принесете пользу, я не сомнѣваюсь.

Живо собравшись, я отправился въ невѣдомый мнѣ путь. Пространствовавъ четыре мѣсяца, я перебывалъ по три и по четыре недѣли въ Ригѣ, Динабургѣ, Новогеоргіевскѣ, Брестъ-Литовскѣ и Бобруйскѣ. Вездѣ начиналъ я съ того, что въ плохенькой одеждѣ въ харчевняхъ, трактирахъ и казармахъ разспрашивалъ, подъ разными предлогами, о ротахъ солдатъ, особенно выпущенныхъ изъ нихъ, служившихъ въ нихъ, да работавшихъ въ нихъ мастерами, приказчиками отъ подрядчиковъ, простыхъ обывателей. Потомъ я переодѣвался баріномъ, проникалъ въ офицерскіе клубы, заводилъ тамъ знакомства съ офицерами, а отъ нихъ, предпочтительно артиллеристовъ, узнавалъ многое, касавшееся ротъ. Затѣмъ, запасшись разнородными свѣдѣніями, являлся я въ самыя роты свѣдущимъ уже человѣкомъ и проводилъ въ нихъ съ утра до вечера въ разспросахъ начальства и арестантовъ, въ хожденіи по мастерскимъ, въ обозрѣніи занятій, въ чтеніи дѣлъ, отчетовъ и проч. Бывалъ я также, по приглашеніямъ, на обѣдахъ и вечерахъ у комендантовъ и ротныхъ начальниковъ, при чемъ отъ самихъ хозяевъ, ихъ близкихъ и гостей получалъ освѣщеніе различныхъ фактовъ. Наконецъ, ночами я все записывалъ, сличалъ справки и приводилъ въ ясность оказавшіяся сомнѣнія. Встрѣчали меня, за исключеніемъ Брестъ-Литовска, вездѣ съ одинаковымъ предубѣжденіемъ, непріязненно и даже со страхомъ, какъ человѣка, раскапывавшаго „родную грязь“. Оттого мнѣ приходилось сносить разныя оскорбленія и подвергать даже свою жизнь опасности, а въ пути, по неопытности, голодъ, холодъ и всякаго рода лишенія. Все, что дозволяли цензурныя правила и относилось прямо къ ротамъ—описалъ я въ книгѣ „Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ“, изданной мною въ 1873 г. Такимъ образомъ, здѣсь мнѣ остается дополнить лишь то, что я не могъ помѣстить въ книгѣ по самымъ разнообразнымъ причинамъ.

Въ Ригѣ, въ гостиницѣ, гдѣ я жилъ, я слышалъ отъ офицеровъ, что начальникомъ роты только считался полковникъ Семеновъ, вѣроятно, поневолѣ покинувшій гвардейскій полкъ, а потому онъ относился къ своей ротѣ съ пренебреженіемъ, посѣщалъ ее лишь изрѣдка, не больше, какъ на часъ, а ротою за него командовалъ старшій его помощникъ, маіоръ Бергеръ, глупый нѣмецъ, закаленный въ шагистикѣ и страшный педантъ. Не заставъ дважды Семенова въ ротѣ, я узналъ тамъ, что онъ встаетъ въ 11, и отправился къ нему домой, но и тамъ онъ принялъ меня едва въ 12 часовъ. Узнавъ цѣль моего появленія, онъ протяжно заговорилъ.

— Охота вамъ тратить время на это, извините, пустое дѣло:

солдаты въ полкахъ совершаютъ проступки, и вмѣсто того, чтобы тамъ же взыскивать съ нихъ и на томъ кончить,—ихъ судятъ, приговариваютъ и ссылаютъ въ роты, напрасно думая, что въ нихъ этимъ безсмысленнымъ людямъ привьютъ, точно оспу, понятіе о чести, сознаніе о долгѣ и т. п. качества, которыя присущи исключительно людямъ благороднымъ и просвѣщеннымъ, какихъ и среди офицеровъ нѣтъ, а въ армейскихъ полкахъ очень мало.

— При желаніи—начальники ротъ могутъ, кажется мнѣ, набрать такихъ офицеровъ, которые занялись бы, если не перевоспитаніемъ арестантовъ, то хоть исправленіемъ ихъ умственнаго и нравственнаго состоянія.

— Охотниковъ не отыскивается, офицерамъ ротъ не предвидится движенія, карьеры, а обречь себя на возню съ арестантами во имя одной выспренной идеи—есть самопожертвованіе, тогда какъ всѣ мы заботимся, прежде всего, о личномъ благополучіи. Я самъ взялъ, напримѣръ, роту только по стеченію домашнихъ обстоятельствъ—случайно,—на короткое время, до открытія въ здѣшнемъ краѣ вакансіи губернскаго воинскаго начальника, или коменданта, потому рота меня вовсе не интересуетъ, а все, что вы желаете узнать,—можете отъ старшаго моего помощника, маіора Бергера; онъ, какъ бурбонъ, въ ротѣ проводитъ всю свою жизнь, все о ней знаетъ, и я охотно передалъ ему командованіе ею, тѣмъ болѣе, что ему это доставляетъ удовольствіе, а мнѣ удобство; я вмѣшиваюсь въ чрезвычайныхъ лишь происшествіяхъ.

Лакей доложилъ Семенову о приходѣ Бергера. Вошелъ высокій, худой старикъ, почтительно поклонился Семенову и отрапортовалъ ему о благополучіи въ ротѣ. Семеновъ познакомилъ насъ и велѣлъ Бергеру быть къ моимъ услугамъ во всемъ, что мнѣ понадобится.

Вмѣстѣ съ Бергеромъ я пошелъ въ роту, гдѣ онъ цѣлый день не отходилъ отъ меня ни на шагъ, а съ слѣдующаго утра, согласно моему желанію, предоставилъ мнѣ ходить по ротѣ одному. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я убѣдился, что арестанты безгранично ненавидѣли Бергера за безсмысленное муштрованіе ихъ на всякіе лады, за то, что ни днемъ, ни ночью, онъ не давалъ имъ ни минуты покоя, а во всякое время, вездѣ торчалъ предъ ними, заставлялъ ихъ глядѣть на него рѣшительно при всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, преслѣдовалъ ихъ не только за проступки, но даже за веселый и унылый взглядъ, за бойкіе и робкіе отвѣты, словомъ за все, заключавшееся въ словѣ „арестантъ“. Какъ страстный охотникъ—гонялся онъ за ними, какъ за дичью! Никто положительно не могъ дознаться, когда, гдѣ онъ ѣлъ и спалъ!.. На мои многократныя попытки вразумить его перестать отравлять жизнь арестантовъ безпрерывнымъ своимъ присутствіемъ предъ ними,—онъ ломан-

нымъ нѣмецкимъ языкомъ отвѣчалъ мнѣ, что пока онъ служитъ и облеченъ довѣріемъ начальника Семенова,—онъ безсмѣнный часовой на посту и никакихъ потребностей арестантовъ признавать не смѣетъ. Весь законъ о ротѣ Бергеръ зналъ наизусть и примѣнялъ съ буквальною точностью. Онъ помнилъ всѣхъ арестантовъ, болѣе 300 чел., по фамиліямъ, а половину изъ нихъ, за что именно были осуждены и на какіе сроки. Прибывавшихъ принималъ, а выбывавшихъ отпускалъ самъ, при чемъ тѣмъ и другимъ непонятнымъ для нихъ нарѣчіемъ по часу читалъ смѣшныя нотаціи, какъ имъ слѣдуетъ вести себя въ ротѣ и по возвращеніи въ полкъ. Въ немъ было, впрочемъ, одно хорошее качество—ничѣмъ арестантскимъ не пользовался, какъ меня увѣряли, изъ опасенія, какъ бы объ этомъ не услыхалъ посѣщавшій роту пасторъ, котораго онъ боялся, какъ строгаго пастыря, но другимъ пользоваться препятствовать не успѣвалъ, да и не умѣлъ, по своей глупости. Въ матеріальномъ отношеніи рота содержалась вообще безобидно, потому, какъ тоже утверждали, что въ ней служили честные мастера, подрядчики-нѣмцы, которые по городу могли ославить начальство роты, а оно дорожило своею репутаціею среди нѣмецкаго населенія, слывшаго честнымъ. Безчувственность Бергера простиралась до того, что содержавшійся въ ротѣ родной его племянникъ не только не пользовался никакими льготами, но, напротивъ, подвергался бо́льшимъ карамъ, нежели другіе арестанты. Никакія мольбы родной его сестры о дозволеніи ей видѣться съ сыномъ-арестантомъ не могли его смягчить, а за то, что она просила его нарушить долгъ его службы—онъ разссорился съ нею на смерть!..

Обходя казармы, я тщательно искалъ желѣзную винтовую, во всѣ 3 этажа лѣстницу, показанную устроенною по отчету Анненкова за 1870 г., а потомъ спросилъ Бергера объ ней, и показалъ ему, по отчету, что она стоила 4.500 рублей. Онъ до того изумился и растерялся, что, твердо зная, что такой лѣстницы нѣтъ,—часа три сряду ходилъ со мною отыскивать ее, но, нигдѣ не найдя—при мнѣ переспрашивалъ всѣхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и арестантовъ, гдѣ могла бы быть такая лѣстница, но когда и они дали отрицательный отвѣтъ, онъ все-таки не призналъ, что лѣстница вписана въ отчетъ неправильно; онъ не смѣлъ, по дисциплинѣ, сказать, что начальство сдѣлало ошибку. По его разсужденію выходило, что въ дѣйствительности лѣстницы не было, но такъ какъ по отчету начальства она значилась, то была!.. Такъ я до своего отъѣзда изъ Риги не добился толковаго отвѣта отъ этого маньяка...

Въ Динабургѣ я отправился за три версты, въ крѣпость, прослонялся почти весь день, узналъ, что какой-то унтеръ-офицеръ содер-

жалъ меблированныя комнаты, куда и переселился. Слѣдующіе два дня провелъ я, какъ въ Ригѣ, среди солдатъ, мастеровыхъ и прочаго простаго люда, потомъ въ собраніи, а затѣмъ, явился къ ротному командиру, подполковнику Устинову, въ его казарменной квартирѣ. Прочитавъ мой открытый листъ, онъ совершенно растерялся.

— Очень радъ, очень радъ,—дрожащимъ голосомъ заговорилъ онъ.—Не судите, пожалуйста, насъ строго: мы, люди простые, къ управленію арестантами не подготовлялись, а попали сюда дослуживать свои пенсіонные сроки.

Я попросилъ его провести меня одинъ разъ по ротѣ, чтобы меня знали, а потомъ позволить мнѣ ходить уже одному, ибо арестанты, въ присутствіи начальства, стѣсняются со мной разговаривать, тогда какъ мнѣ необходимо узнать ихъ собственные взгляды на свое положеніе.

— Извольте, извольте, исполнимъ всѣ ваши приказанія, согласно волѣ высшаго начальства. Посидите, пожалуйста, здѣсь маленько, а я созову всѣхъ своихъ помощниковъ и представлю вамъ ихъ.

— Это лишнее; я не начальство, а приходя сюда, я постепенно съ ними познакомлюсь.

— Во избѣжаніе недоразумѣній, благоволите лучше сразу всѣхъ ихъ увидѣть. Извините, пожалуйста, я сію минуту вернусь.

Онъ исчезъ. Я ходилъ, ходилъ по комнатѣ, смотрѣлъ изъ оконъ во дворъ, по которому забѣгали солдаты и арестанты съ ведрами, швабрами и метлами,—приготовлялись, какъ я догадался, встрѣтить меня въ опрятности. Черезъ часъ Устиновъ вернулся, запыхавшись.

— Вы пожаловали неожиданно, а подчиненные мои офицеры разошлись, къ сожалѣнію: кто—обѣдалъ, кто—за товаромъ, кто—за пріемкою вещей, кто—въ магазинъ, почему въ ротѣ только дежурный, да старшій мой помощникъ производитъ ученье. Пожалуйте въ роту.

Онъ провелъ меня, почти по пустой казармѣ, вывелъ во дворъ, познакомилъ со своимъ старшимъ помощникомъ, пожилымъ, здоровеннымъ, высокимъ маіоромъ Пихно, прочиталъ ему, по открытому листу, кто я, зачѣмъ и предварилъ его, что я буду ходить по казармѣ одинъ. Маіоръ выпучилъ глаза. То же самое Устиновъ объявилъ фельдфебелю и унтеръ-офицерамъ, приказавъ всѣмъ оказывать мнѣ почетъ и повиновеніе. Затѣмъ мы прошли по разнымъ мастерскимъ, вернулись въ канцелярію, поговорили и разошлись обѣдать. Часа черезъ два, я вернулся въ роту, походилъ по камерамъ, поговорилъ со многими арестантами, замѣтилъ нѣкоторыя погрѣшности, перешелъ въ канцелярію, провѣрилъ тамъ по документамъ узнанное и убѣдился въ правдивости всего слышаннаго. Немного погодя, въ канцелярію вошелъ маіоръ.

— Не можете ли вы, г. маіоръ, растолковать мнѣ,—обратился я къ нему,—отчего арестантъ N содержится 16 мѣсяцевъ лишнихъ?

— Это наше дѣло,—рѣзко отвѣтилъ онъ.

— Будьте любезны, познакомьте и меня съ этимъ дѣломъ.

— Мы отчетомъ вамъ не обязаны.

— Начальникъ объяснилъ вамъ при мнѣ, что вы, напротивъ, обязаны разъяснять мнѣ недоразумѣнія; но если вы не можете,—я буду спрашивать только его.

Онъ ушелъ, а я занялся чтеніемъ дѣлъ.

— Маіоръ требуетъ ваше предписаніе,—заявилъ мнѣ дѣлопроизводитель, чиновникъ. — Пожалуйте, я снесу ему въ квартиру. Онъ хочетъ знать, кто вы такой.

Я велѣлъ передать маіору, что онъ уже видѣлъ мой открытый листъ, значитъ, знаетъ кто я. Кромѣ того, самый листъ оставилъ я въ квартирѣ, а идти за нимъ, для представленія собственно маіору—считаю лишнимъ.

Дѣлопроизводитель отправился къ маіору, а я въ казарму. Проходя по мастерскимъ, я былъ пораженъ тѣмъ, что дверь одной комнаты вдругъ предо мною захлопнулась. Я спросилъ унтера, почему? Онъ отвѣтилъ: по приказанію маіора, и прибавилъ, что тамъ его мастерская. Однако, по моему настоянію отворилъ, и я нашелъ тамъ 40 чел., дѣлавшихъ папиросныя гильзы, уже три года сряду, какъ пояснилъ мнѣ унтеръ. Дальше я встрѣтился съ дежурнымъ офицеромъ, взялъ у него дневной рапортъ, въ которомъ значилась и гильзовая мастерская. Затѣмъ мы вдвоемъ очутились въ классѣ, гдѣ 20—30 арестантовъ занимались ариѳметикою. Вдругъ туда влетаетъ маіоръ.

— Сію минуту покажите мнѣ ваше предписаніе,—зычнымъ голосомъ началъ онъ.—Я не знаю, кто вы такой, а вы перешептываетесь съ арестантами. Я вамъ этого не позволю, понимаете не позв-волю!..

— Коль скоро министръ разрѣшилъ мнѣ всесторонне изучить бытъ арестантовъ, то вашего собственнаго позволенія—ходить по камерамъ,—мнѣ вовсе не нужно. Кто и зачѣмъ я здѣсь,—вамъ хорошо извѣстно еще со вчерашняго утра. Не производите скандала, хоть при арестантахъ.

— Повторяю, я васъ не пущу ходить одного, имѣть свиданія съ арестантами по секрету.

— Ходить по казармѣ безъ васъ разрѣшилъ мнѣ вашъ же начальникъ, слѣдовательно, вы, его помощникъ, отмѣнить этого разрѣшенія не въ правѣ, тѣмъ болѣе, что я пріѣхалъ сюда отнюдь не для свиданія съ арестантами, а, повторяю, для изученія ихъ быта, какъ гласитъ мой листъ.

— Ничего этого я знать не хочу, шляться по камерамъ я васъ не пущу, а пойдемте къ начальнику, не то я васъ выведу, закричалъ онъ, побагровѣвъ отъ злости.

Я повиновался.

— Вы говорите, что вы директоръ тюремнаго комитета,—продолжалъ онъ дорогою,—но никто вамъ этого не повѣритъ. Директоромъ можетъ быть военный генералъ, но не штафирка. Нѣ-ѣтъ, вы чортъ знаетъ кто такой!..

Мы вошли къ начальнику въ квартиру и застали тамъ человѣкъ десять представителей мѣстной военной власти, собравшихся поздравить Устинова со днемъ его ангела.

— Извините, ради Бога,—обратился ко мнѣ Устиновъ.—Я именинникъ. Раздѣлите съ нами трапезу.

— Я васъ не безпокоилъ бы, если бы маіоръ меня силою не тащилъ къ вамъ, не гналъ изъ казармы и не оскорблялъ.

— Маіоръ, маіоръ, что вы дѣлаете?—адресовался онъ къ нему съ упрекомъ. Мы обязаны содѣйствовать,—а вы... вы вѣчно путаете... суетесь невпопадъ. Такъ нельзя... нельзя!..

Гости смолкли и прислушивались. Маіоръ сталъ оправдываться тѣмъ, что я переговариваюсь съ арестантами, имѣю, значитъ, съ ними свиданія, а это запрещено. Гости вмѣшались и завели споръ, въ правѣ ли я разговаривать съ арестантами или нѣтъ, а такъ какъ это буквально утвердительно въ листѣ не было сказано, то оказались голоса за и противъ меня.

— Что вамъ нужно—спрашивайте меня, мен-ня, а не арестантовъ,—кричалъ маіоръ, тыкая себя въ грудь пальцами. Арестанты всегда врутъ, а я не хочу, чтобы вы ичъ вѣрили.

— Послѣ вашего дерзкаго обхожденія со мною, я васъ, напротивъ, ни о чемъ спрашивать не стану,—замѣтилъ я,—да и вѣритъ вамъ тоже остерегусь.

— А съ арестантами я вамъ не позволю перешептываться; бывали случаи, бѣглые солдаты цѣлыя дивизіи осматривали, переодѣвшись генералъ-адъютантами, флигель-адъютантами. Вы вѣрно изъ такихъ артистовъ.

— Вы, г. полковникъ, слышите, что вашъ помощникъ говоритъ?—обратился я къ Устинову.—Прошу васъ заставить его, наконецъ, быть, по крайней мѣрѣ, хоть вѣжливымъ, либо я вынужденъ буду жаловаться на васъ.

— Да что же это, я, право, не понимаю... Послушайте, маіоръ, постыд-дитесь... перестаньте глупить, я васъ прошу,—зачастилъ Устиновъ.—Я противъ васъ ничего не имѣю... честное слово такъ.

— Я знаю, что 22 числа вы хотѣли тайкомъ пройти въ роту,—

ревѣлъ между тѣмъ маіоръ,—да хорошо: дежурный васъ не пустилъ; знаю прозвище всѣхъ арестантовъ, съ которыми вы шушукались, знаю, гдѣ вы остановились, гдѣ обѣдали, все, все про васъ знаю: мы слѣдимъ за каждымъ вашимъ шагомъ.

— Совершенно напрасно, г. маіоръ: я въ вашемъ попечительствѣ не нуждаюсь, а если вы это дѣлаете изъ праздная любопытства,— то имѣйте хоть настолько такту, чтобы мнѣ объ этомъ не сообщать.

— Что, господа, у васъ тутъ за шумъ?—спросилъ вошедшій новый гость, пожилой, симпатичный артиллерійскій полковникъ, предъ которымъ всѣ вскочили.

Многіе начали ему объяснять вкривь и вкось. Выслушавъ разныя мнѣнія, полковникъ поспѣшилъ познакомиться со мною, выслушалъ и меня.

— Еслибъ,—заговорилъ онъ, по фамиліи Моллеръ,—совершившій кругосвѣтное плаваніе Гончаровъ разговаривалъ только съ офицерами корабля, на которомъ плавалъ, развѣ бы онъ написалъ свою превосходную книгу „Фрегатъ Паллада“. Или если бы Максимовъ, ѣздившій на казенный счетъ на Амуръ, разговаривалъ въ пути только съ начальствомъ, развѣ онъ могъ бы написать прекрасныя книги „Поѣздка на Амуръ“, „Сибирь и каторга“? Конечно, нѣтъ! И г. Никитину, какъ изслѣдователю арестантскаго быта, точно также необходимъ полный просторъ, на который онъ имѣетъ неотъемлемое право по смыслу его открытаго листа. Ну, что онъ, напримѣръ, узнаетъ отъ васъ, маіоръ, о взглядахъ арестантовъ на ихъ жизнь здѣсь или до поступленія ихъ къ вамъ? Положительно ничего: вы, сознайтесь, сами вѣдь ничего этого не знаете вообще, а о психологической ихъ сторонѣ врядъ ли когда и слышали что-нибудь.

— Да онъ,—возразилъ маіоръ,—поговоритъ, поговоритъ съ какимъ нибудь арестантомъ, отойдетъ отъ него къ окну или въ корридоръ и запишетъ что-то въ книжку... Помилуйте, записываетъ!... А изъ-за этого писанія бунтъ выйдетъ.

— Вздоръ говорите. Ему нельзя не записывать слышаннаго, любопытныхъ фактовъ, которые трудно запомнить, тогда какъ ему все нужно для созданія полезнаго труда.

— Простите меня, г. полковникъ, какой-то, слышалъ я, Никитинъ печатаетъ про тюрьмы какія-то книжки и въ нихъ прямо осуждаетъ начальство тюремъ. И ежели вы тотъ самый г. Никитинъ,—адресовался маіоръ ко мнѣ,—то я васъ одного шагу не пущу сдѣлать по камерамъ, не позволю вамъ выставить насъ съ худой стороны. Ни за что не позволю!...

— Да, я тотъ самый, котораго вы такъ опасаетесь, тѣмъ не менѣе я опишу вашу тюрьму такъ, какъ того требуетъ истина, а не

какъ вамъ угодно, да и лично вамъ, предваряю васъ, отведу, въ будущей своей книжкѣ, подобающее мѣсто.

Гости переглянулись и зашептались между собою.

— Вамъ не только нечего опасаться, но надо радоваться пріѣзду г. Никитина,—тщетно вразумлялъ маіора Моллеръ.—Онъ принесетъ тюремному дѣлу существенную пользу. Вѣдь, вы—маіоръ, не знаете даже азбуки тюремнаго дѣла; напримѣръ, недавно еще вы меня же спрашивали: что значатъ слова „пенитенціарная система", а онъ въ книжкѣ разъяснитъ вамъ всѣ недоразумѣнія, укажетъ, какъ исправить недостатки, а то вы въ потемкахъ бродите.

— Начальство нами довольно, а больше намъ ничего не надо. И пусть онъ ѣдетъ себѣ, куда ему угодно, а нашу тюрьму не расписываетъ, вотъ чего я желаю.

Раздался общій хохотъ.

— Ваше единичное желаніе мудрено согласить съ общимъ,—возразилъ Моллеръ;—всѣ стремятся къ гласности, къ совершенству, а вы къ сохраненію всего въ тайнѣ, къ застою.

— Наконецъ, еслибъ г. Никитина точно послали инспектировать нашу тюрьму,—кричалъ маіоръ,—намъ бы заранѣе объ этомъ дали знать, какъ всегда водится, и мы бы приготовились, а то вдругъ налетѣлъ внезапно и давай рыться въ нашихъ дѣлахъ, шнырять повсюду, а этакимъ манеромъ мало ли къ чему можно придраться.

— Я многократно уже говорилъ вамъ, что я не инспектирую, а изучаю бытъ арестантовъ.

— Понимаю я это изученіе: возьмете да и пропечатаете все посвоему и пойдетъ на всю Россію хула на насъ, а начальство на насъ же накинется...

— Сто разъ говорилъ я вамъ, маіоръ, что вы здѣсь не на мѣстѣ,—заключилъ Моллеръ,—но вы понять не хотите, или даже не можете. А вы обратитесь лучше,—посовѣтовалъ онъ мнѣ,—къ коменданту,—и все уладится.

Я согласился и, покинувъ пировавшихъ, вернулся въ канцелярію; дѣлопроизводитель подалъ мнѣ рапортички и приказы, изъ которыхъ я убѣдился, что въ первыхъ—гильзовая мастерская значилась, а въ послѣднихъ—не значилась, потомъ сличилъ частные отчеты съ формальными книгами, дознался, что въ первыхъ—гильзовыя работы показаны, а въ послѣднихъ—не показаны. Короче, я вывелъ, что ежедневный заработокъ 40 чел. за 3 года въ сложности около 6.000 р. утаенъ. Запасшись неопровержимыми доказательствами, я ушелъ домой, въ разгарѣ пира. Слѣдующій весь день я продолжалъ заниматься только въ канцеляріи, но ни маіоръ, ни Устиновъ туда не появлялись (справляли черствыя именины), по-

этому я отложилъ переговоры. Въ сумеркахъ я отправился домой, но, проходя возлѣ сквера, услышалъ, какъ около моей головы что-то со свистомъ пролетѣло, ударилось въ окно перваго этажа квартиры священника, стекла мгновенно разбились, а въ квартирѣ—раздался крикъ. Я остановился. Изъ разбитаго окна высунулась женщина, а на улицу выбѣжалъ священникъ и сообщилъ мнѣ, что камень влетѣлъ въ комнату, и хорошо еще, что ударился объ стоявшій на столѣ самоваръ, не то убилъ бы кого-нибудь изъ сидѣвшихъ за столомъ. Мы направились съ разныхъ сторонъ въ обходъ сквера, и на поворотѣ я наткнулся на выходившаго изъ-за угла маіора, который быстро отъ насъ удалился. Священникъ, котораго я уже раньше видалъ, зазвалъ меня къ себѣ, а тамъ изъ всего предшествовавшаго мы вывели заключеніе, что именно маіоръ пустилъ камнемъ въ меня, но промахнулся.

Часа черезъ два я направился домой. Ко мнѣ въ комнату вошелъ квартирный хозяинъ и переминался. Я освѣдомился, что ему надо.

— Извините,—заговорилъ онъ,—прошла молва, будто вы самозванецъ: квартальный объявилъ мнѣ, будто у васъ нѣсколько паспортовъ, потому полиція слѣдитъ за каждымъ вашимъ шагомъ.

— Я имѣю одинъ только паспортъ, который вы сами же отдали въ прописку.

— Такъ-съ. Одначе... будьте столь добры: выѣзжайте отъ меня: полиція толкуетъ „ты держишь бродягу, гони его въ шею, не то подъ судъ угодишь“... Я 26 лѣтъ безпорочно отслужилъ и вдругъ, на старости лѣтъ, подъ судъ!.. А у меня вонъ семья. Выѣзжайте пожалуйста: я долженъ себя беречь.

— Куда же, помилуйте, теперь въ дождь и темноту мнѣ дѣваться, когда ни одного извозчика на улицѣ нѣтъ?

— Я пустила, я и отвѣчать берусь,—рѣшила вошедшая жена хозяина,—куда же имъ, въ самомъ дѣлѣ, ночью дѣваться? Ложитесь съ Богомъ спать: утро вечера мудренѣе, а ты, Петръ Ивановичъ, не трусь по-пустому.

Утромъ я отправился къ коменданту, генералъ лейтенанту Павлу Васильевичу Воронову [1]), который сперва заставилъ меня ждать около часу, а потомъ — строго въ меня всматривался. Я заявилъ ему по порядку обо всемъ случившемся, подалъ открытый листъ и просилъ вразумить, кого слѣдуетъ.

— Ваше появленіе здѣсь и для меня загадочно,—процѣдилъ онъ.— Дѣйствительно ли вы директоръ тюремнаго комитета, я тоже недоумѣваю и потому велѣлъ собрать справки.

---

[1]) Умеръ членомъ комитета о раненыхъ, генераломъ-отъ-артиллеріи, въ 1894 г.

— Открытый мой листъ, какъ изволите видѣть, на бланкѣ главнаго штаба, съ его печатью и подписью генералъ-адъютанта графа Гейдена, а она вамъ навѣрно знакома. Сличите ее и бланкъ съ находящимися у васъ бумагами и убѣдитесь, что я не самозванецъ.

— Да покамѣстъ мы все это сдѣлаемъ—вы въ роту не ходите, а когда все выяснится—я васъ позову. До свиданія...

Онъ ушелъ. Я поѣхалъ въ городъ на телеграфную станцію, написалъ тамъ жалобу — телеграмму на имя военнаго министра и подалъ ее телеграфисту, но онъ прочелъ и удалился съ нею въ другую комнату, откуда вышелъ ко мнѣ начальникъ станціи и объявилъ мнѣ, что послать моей телеграммы не можетъ, а на мой вопросъ, почему—отвѣтилъ: „комендантъ запретилъ", при чемъ никакіе мои доводы не смягчили его. Тогда я отправился на желѣзнодорожную станцію, подалъ тамъ телеграмму, вернулся въ крѣпость, прямо къ Моллеру, засталъ его дома, разсказалъ ему о своихъ приключеніяхъ и просилъ его участія ко мнѣ. Онъ предложилъ мнѣ переселиться къ нему, благо, квартира его большая, а семейство его въ отсутствіи, да и полиція къ нему не посмѣетъ явиться. Я принялъ его предложеніе, къ вечеру сдѣлался его жильцомъ и гостемъ, среди собравшихся къ нему нѣсколькихъ его подчиненныхъ офицеровъ, составлявшихъ образованную, дружную семью. Въ пріятной бесѣдѣ, я узналъ не мало разныхъ ротныхъ погрѣшностей, а общимъ голосомъ рѣшили, чтобы по полученіи изъ Петербурга отвѣта я потребовалъ, для возстановленія моей репутаціи, чтобы комендантъ самъ провелъ меня по ротѣ, гдѣ онъ никогда не бывалъ, хотя считался предсѣдателемъ ротнаго комитета.

Прошло двое сутокъ, въ теченіе которыхъ на улицахъ я безпрестанно натыкался на полицейскихъ, наблюдавшихъ за мною. Вдругъ утромъ явился плацъ-адъютантъ, съ приглашеніемъ Моллера и меня къ коменданту. Мы отправились и были вмѣстѣ впущены къ нему въ кабинетъ, гдѣ онъ встрѣтилъ насъ, стоя.

— По какому праву,—надменно спросилъ онъ Моллера,—вы, полковникъ, приняли г. Никитина къ себѣ на жительство?

— По праву хозяина квартиры, который воленъ держать у себя кого ему угодно,—гордо отвѣтилъ Моллеръ.—Объ этомъ имѣю честь доложить вашему превосходительству.

— Но я вамъ этого не разрѣшилъ-съ.

— На это вашего разрѣшенія и не требовалось. Если собственно за этимъ вамъ угодно было пригласить меня, то напрасно изволили себя утруждать. Г. Никитинъ занимается, по порученію военнаго министра, какъ я видѣлъ изъ его открытаго листа, интереснымъ и полезнымъ дѣломъ, а ему во всемъ препятствуютъ, его еще оскорбля-

ютъ, и онъ ни въ комъ не находитъ ни поддержки, ни защиты. Я и пріютилъ его на время до прекращенія нелѣпой басни о его самозванствѣ. Сожалѣю, что злонамѣренные люди сумѣли даже васъ возстановить противъ него, а этимъ причинятъ, я увѣренъ, и вамъ огорченіе.

— Да ужъ причинили, причинили изрядное огорченіе,—понизилъ онъ голосъ, прочитавъ поданную ему депешу.—Теперь все разъяснилось. Садитесь.

Онъ сѣлъ. Сѣли и мы.

— На сдѣланный мною запросъ я получилъ въ отвѣтъ выговоръ. Вотъ депеша мнѣ. „Военный министръ крайне недоволенъ вашимъ неумѣстнымъ сомнѣніемъ относительно права Никитина узнать все объ исправительной ротѣ, приказываетъ вамъ оказать ему, напротивъ, всякое содѣйствіе достиженію цѣли, указанной въ данномъ ему открытомъ листѣ. Гейденъ". Нравится вамъ это?

— Да,—отвѣтилъ я,—именно нравится, потому что вы не только поддались наговору глупцовъ, будто я самозванецъ, не только не повѣрили мнѣ, что самозванство мое гнусная выдумка, не только не обратили никакого вниманія на оскорбленіе меня маіоромъ и покушеніе его убить меня камнемъ, но еще отдали меня подъ надзоръ полиціи, которая ночью выживала меня изъ квартиры. Мало того, вы даже запретили принимать отъ меня депешу и вынудили меня ѣздить для сдачи ея на желѣзнодорожную станцію.

— О, теперь я поним-маю: выговоромъ я, значитъ, обязанъ вамъ... благодарю васъ... благо-дарю! Можете отправляться въ роту и тамъ изучать, повѣрять, разбирать,—хоть вверхъ дномъ все перевернуть: никто не посмѣетъ и пикнуть.

— Но для того, чтобы я могъ спокойно заняться въ ротѣ, — я покорнѣйше прошу васъ пожаловать туда со мною и тамъ возстановить, въ глазахъ всѣхъ, мою поруганную честь.

— Если вамъ непремѣнно нуженъ провожатый,—я пошлю съ вами плацъ-адъютанта, либо плацъ-маіора-полковника, а онъ вполнѣ возстановитъ вашу честь. Кого изъ нихъ выбираете?

— Только ваше личное посѣщеніе роты образумитъ ротное начальство, а на арестантовъ произведетъ благотворное впечатлѣніе: они, вѣдь, солдаты, всегда съ радостью встрѣчаютъ своихъ главныхъ начальниковъ, какъ вершителей ихъ судебъ.

— Да, я люблю солдатъ, поэтому для нихъ пож-жалуй идемте, а тамъ я ужъ распоряж-жусь!..

Онъ вдругъ оживился, дружелюбно разстался съ Моллеромъ, а со мною и плацъ-адъютантомъ сзади насъ — пошелъ въ роту и на поворотѣ улицы направился въ казарменныя ворота, полагая, что

тамъ рота, но попалъ въ караульную. Караулъ мгновенно выстроился, офицеръ началъ было рапортовать, но онъ сердито прервалъ его, убѣдился въ своей ошибкѣ, плюнулъ, вернулся на улицу и остановился въ недоумѣніи. Я указалъ ему дорогу, и онъ, разсерженный тѣмъ, что я понялъ, что онъ не зналъ даже, гдѣ помѣщалась рота,— молча послѣдовалъ за мною, какъ проводникомъ. Едва мы вошли въ ротный дворъ, какъ предъ нами предсталъ маіоръ.

— Это вы мазурничаете, скандалите?—набросился онъ на него, а потомъ изъ трусости клевещете на достойныхъ людей?! Я вамъ зад-дамъ!... Позвать сюда начальника, а вы, мерз-з... прочь съ глазъ моихъ дол-лой!...

Маіоръ улетучился.

Во входныхъ въ казарму дверяхъ встрѣтили насъ дежурные: офицеръ и унтеръ-офицеръ. Послѣдній снялъ съ насъ пальто. Комендантъ взялъ меня подъ-руку и повелъ, въ каждой камерѣ здоровался съ арестантами и дружески разговаривалъ со мною. Черезъ три камеры нагналъ насъ Устиновъ и отрапортовалъ ему, но онъ только укоризненно взглянулъ на него, и мы направились дальше.

— Ребята, произнесъ онъ въ камерѣ, гдѣ было человѣкъ 50—60, обо всемъ, что этотъ господинъ будетъ васъ спрашивать—отвѣчайте сущую правду, по присягѣ: онъ уполномоченъ высшимъ начальствомъ ознакомиться съ вашею жизнью, для вашей пользы. Слышите?

— Рады стараться, слушаемъ, ваше превосходительство,—кричали арестанты.

То же самое повторилъ онъ еще нѣсколько разъ. Окончивъ обходъ, мы очутились во дворѣ, гдѣ лежали бревна. Устиновъ попросилъ его осмотрѣть, кстати, эти купленныя бревна.

— Тутъ 20—30 бревенъ,—сказалъ Вороновъ,—а вы потомъ покажете 100 и сошлетесь на меня? Нѣтъ, пусть сперва комитетъ сосчитаетъ, освидѣтельствуетъ ихъ качество, составитъ актъ о ихъ числѣ и стоимости и представитъ мнѣ на утвержденіе, а вамъ, и въ особенности вашему маіору, я больше ни въ чемъ вѣрить не стану: довольно вы меня дурачили, подвели даже подъ непріятность. Я назначу строжайшую ревизію и за безобразія, какія навѣрно обнаружатся, подъ судъ отдамъ виновныхъ. Все, что г. Никитинъ спроситъ, моментально ему представлять, во всемъ безпрекословно повиноваться и отнюдь ни въ чемъ не мѣшать. За малѣйшее нарушеніе этого моего приказанія на гауптвахтѣ насидитесь, а мало — представлю васъ къ удаленію отъ должности.

Онъ такъ быстро отвернулся отъ Устинова, что тотъ не успѣлъ и рта разинуть.

— Теперь вы, надѣюсь, мною довольны,—сказалъ онъ мнѣ за во-

ротами.—Что они дрянные людишки, я давно уже зналъ, но все щадилъ ихъ сѣдины; съ этого же дня я примусь за нихъ безпощадно, а вы, со своей стороны, помогите мнѣ раскрыть ихнія плутни. Вечеромъ приходите ко мнѣ чай пить, и мы потолкуемъ, какъ ихъ обуздать, а пока до свиданія: я разстроился—мнѣ надо освѣжиться.

Онъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ.

Устиновъ зазвалъ меня къ себѣ, а тамъ разсыпался въ извиненіяхъ предо мною за причиненное мнѣ маіоромъ огорченіе, клялся, что онъ виновенъ только въ томъ, что, по своей мягкости, далъ много воли маіору, и, наконецъ, горько сѣтовалъ на тяжесть службы и плохую оцѣнку начальствомъ. Я заявилъ ему объ открытіи мною злоупотребленія по гильзовой мастерской. Онъ смутился.

— Куда же, скажите по чести, дѣвался гильзовый арестантскій заработокъ за три года, почти шесть тысячъ рублей?

— Ахъ, майоръ, майоръ!... Это все онъ... У него огромное семейство, которое на одномъ его жалованьѣ сидѣло бы впроголодь, а между тѣмъ надо было, прилично званію, воспитывать трехъ младшихъ, да одѣвать двухъ старшихъ дочерей, взрослыхъ дѣвицъ. Вотъ онъ и упросилъ меня дозволить ему, частнымъ образомъ, открыть гильзовую мастерскую, и я, изъ жалости, согласился. Клянусь вамъ совѣстью—такъ.

— Неужели майоръ осмѣлился бы вынуждать васъ злоупотреблять властью, если бы сами вы ничѣмъ отъ роты не пользовались?

— Н-да... конечно... и я не безгрѣшенъ... отъ благоразумной экономіи, а она, какъ доходъ, въѣлась въ нашу плоть и кровь и никто отъ него не отказывается: содержаніе начальниковъ частей вѣдь очень ограниченное, а они должны тратиться на представительство, пріемы, вечеринки, ну, и по неволѣ.... Не говоря объ интендантскихъ и инженерныхъ,—богатѣющихъ отъ службы,—и артиллеристы, пѣхотинцы, этапные, даже каптенармусы, вахтера норовятъ, что удастся, пріобрѣсти... Комендантъ назвалъ меня воромъ, и я не рѣшился возражать ему только какъ начальнику, но позвольте мнѣ провѣрить его дѣла, и онъ едва-ли окажется честнымъ...

— Печально... вы, православные, а по религіи обижать несчастныхъ арестантовъ особенно грѣшно... Въ отчетѣ генерала Анненкова за 1870 г. значится, что на вашу ротную церковь истрачено около 14.000 руб., гдѣ она?

— Какъ генералъ Анненковъ занимается ротами въ Петербургѣ,—я не знаю, но осматриваетъ онъ ихъ обыкновенно по пути за границу или ѣхавши оттуда назадъ. Заблаговременно даетъ онъ знать, когда пріѣдетъ, къ этому времени все подчистишь, принарядишь, встрѣтишь его на вокзалѣ, привезешь сюда, проведешь по казармѣ,

выстроишь на дворѣ людей, сдѣлаешь имъ ученье, накормишь его завтракомъ или обѣдомъ, предоставишь ему отчетецъ, отвезешь его на вокзалъ, посадишь въ купе и вернешься домой. Такіе именно смотры дѣлаетъ онъ, какъ мнѣ извѣстно, ежегодно вотъ уже пять лѣтъ сряду. А вы нежданно-негаданно явились сюда, цѣлые дни во все вникаете, провѣряете отчеты, книги, дѣлаете выписки, разспрашиваете и т. д. Все это намъ, привыкшимъ освобождаться отъ инспектора въ нѣсколько часовъ,—показалось опаснымъ, а въ связи съ вашимъ статскимъ положеніемъ произвело переполохъ, скандалъ... Хоть вы и увѣряете, что вы не инспекторъ и не ревизоръ, а частный изслѣдователь, но мы, извините, напротивъ, увѣрены, что вы повѣряете не только насъ, но и самого генерала Анненкова, а повѣрка эта легко можетъ привести насъ къ отставкѣ, либо даже подъ судъ. Мы и защищаемся, какъ умѣемъ... Ради Бога пощадите насъ: по возможности мы исправимся.

Устиновъ проводилъ меня въ канцелярію, гдѣ я вдругъ увидѣлъ писавшаго, около дѣлопроизводителя, арестанта и остолбенѣлъ: я сразу узналъ въ немъ своего бывшаго, 12 лѣтъ тому назадъ, сослуживца по департаменту военныхъ поселеній, писаря Ильина. Онъ взглянулъ на меня и весь покраснѣлъ. Смутился и Устиновъ.

— Ты, бестія, зачѣмъ здѣсь?—крикнулъ онъ на Ильина.—Маршъ въ казармы, а уже въ карцеръ за появленіе сюда!

Ильинъ вылетѣлъ вонъ. Дѣлопроизводитель вперилъ вопросительный взоръ въ Устинова., и онъ безсвязно сталъ мнѣ толковать, что Ильинъ случайно очутился въ канцеляріи, ибо онъ вспомнилъ, что занимать арестантовъ письмоводствомъ закономъ воспрещается. Откровенная исповѣдь Устинова, встрѣча съ Ильинымъ и послѣдовавшая за нею сцена нагнали на меня грусть, и я удалился домой... Заинтересованный результатомъ посѣщенія комендантомъ со мною роты, Моллеръ поджидалъ меня. Я разсказалъ ему все, что произошло, а онъ мнѣ разъяснилъ, что комендантъ вспыльчивъ и ругаетъ лишь тѣхъ, кто труситъ предъ нимъ, обыкновенно же онъ такъ апатиченъ, что ограничивается подписываніемъ всего, что ему дѣлопроизводитель подаетъ, чтеніемъ газетъ, слушаніемъ сплетенъ, да игрою въ преферансъ, со своими обязательными партнерами: плацъ-майоромъ и адъютантомъ.

Къ семи часамъ вечера явился я къ коменданту. Онъ встрѣтилъ меня любезно, но, вспомнивъ о полученномъ имъ выговорѣ, принялся ругать Устинова, майора и своего дѣлопроизводителя, которые увѣрили его, что коль скоро я по пріѣздѣ побоялся, какъ самъ имъ будто бы говорилъ, явиться къ нему, какъ къ начальнику крѣпостнаго гарнизона, то я, несомнѣнно, самозванецъ, а поддавшись ихъ рѣчамъ—онъ изъ-за нихъ поплатился выговоромъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—вамъ тоже подѣломъ досталось за то, что вы по прибытіи сюда не явились ко мнѣ первымъ, какъ къ хозяину крѣпости.

Я оправдывался незнаніемъ, что онъ начальникъ не только надъ всѣми военными, но и надъ пріѣзжающими гражданскими лицами, иначе почелъ бы долгомъ представиться ему прежде всѣхъ.

— Впередъ знайте, какъ поступать,—отвѣтилъ онъ.

Едва мы сѣли, какъ унтеръ-офицеръ вызвалъ плацъ-адъютанта, потомъ исчезъ и плацъ-майоръ, затѣмъ въ комнату сталъ доноситься шумъ съ улицы, наконецъ, запыхавшись, влетѣлъ адъютантъ и доложилъ коменданту, что между солдатами двухъ полковъ происходитъ опасная драка, которую не могутъ остановить: противники остервенились и дерутся чѣмъ попало. Комендантъ вскочилъ, крикнулъ „пальто“, одѣлся, спросилъ, гдѣ дерутся, и пошелъ туда, пригласивъ меня съ собою. Когда мы по указанію адъютанта явились къ мѣсту происшествія, то увидѣли среди улицы между казармами огромное количество камней, палокъ, полѣньевъ, поломанныхъ ружейныхъ стволовъ и бѣгавшихъ взадъ и впередъ офицеровъ. Ворота двухъ противоположныхъ казармъ были заперты, но изъ-за нихъ слышались грозныя командныя распоряженія. Явившіеся командиры доложили коменданту, что драку начали вернувшіеся со двора и поссорившіеся въ трактирѣ нѣсколько солдатъ, крикнувшіе: „нашихъ обижаютъ“, на ихъ крикъ выбѣжали изъ обѣихъ казармъ солдаты, и драка распространилась. Хотя офицеры и разгоняли солдатъ по дворамъ казармъ, но оказалось не мало раненыхъ, отправленныхъ въ госпиталь. Комендантъ распекъ командировъ за недосмотръ за солдатами, побывалъ въ обѣихъ казармахъ, поздоровался со стоявшими смирно солдатами, произнесъ имъ сильную рѣчь и направился въ госпиталь, гдѣ ему показали 20 легко и 28 тяжело раненыхъ солдатъ. Въ госпиталѣ онъ разругалъ смотрителя за недостатокъ перевязочныхъ средствъ, о чемъ ему заявили доктора. Я безпрепятственно повсюду слѣдовалъ за нимъ, все видѣлъ и слышалъ. Возвращаясь изъ госпиталя, онъ увѣрялъ меня, что драка пустячная и о ней не стоило говорить. Это меня возстановило противъ него самого, и я тою же ночью написалъ объ этомъ происшествіи корреспонденцію и рано утромъ отвезъ ее, адресованную въ редакцію газеты „Голосъ“, на желѣзнодорожную же станцію, гдѣ опустилъ въ почтовый вагонъ и вернулся прямо въ ротную канцелярію. Тамъ я засталъ уже дѣлопроизводителя, спросилъ у него дѣло съ годовымъ отчетомъ, сталъ его читать, почеркъ показался мнѣ знакомымъ, и я освѣдомился: кто переписалъ отчетъ? Дѣлопроизводитель, послѣ маленькой паузы, назвалъ мнѣ Ильина, да какъ бы въ свое оправданіе прибавилъ, что

онъ хорошо умѣетъ составить что угодно, поэтому почти постоянно занимается въ канцеляріи, ибо штатный писарь одинъ, а письменной работы такая пропасть, что по неволѣ приходится брать въ подмогу арестантовъ.

— Я и подивился,— прибавилъ онъ,—когда начальникъ при васъ погналъ отсюда Ильина, какъ бы самовольно здѣсь писавшаго, тогда какъ онъ его ежедневно тутъ видитъ и отлично знаетъ. Впрочемъ, онъ хотѣлъ, вѣроятно, скрыть отъ васъ нарушеніе закона, но это нарушеніе, право, пустяки, сравнительно съ другими... А изволили вы слышать про вчерашнюю солдатскую драку?

Я далъ ему утвердительный отвѣтъ.

— Вчера вечеромъ же,—продолжалъ онъ,— у насъ этого самаго Ильина расколотили его товарищи по камерѣ: онъ слыветъ среди арестантовъ большимъ хвастуномъ, вдругъ вздумалъ имъ разсказывать, будто бы когда-то съ вами вмѣстѣ служилъ и находился съ вами въ дружбѣ... Они подняли его на смѣхъ, а онъ съ азартомъ продолжалъ настаивать на своемъ. За это его такъ отдули, что онъ теперь лежитъ въ лазаретѣ. За выдумки арестанты многократно его лупили, а начальство драло, но ему все неймется!.. Изъ жалости начнешь его вразумлять, такъ отвѣчаетъ одно: „я за правду стою, и ежели мнѣ за нее достается, то я вѣдь все равно пропащій человѣкъ“. Помочь ему, дѣйствительно, трудно: онъ слишкомъ часто подвергается штрафамъ и, замѣчательно, все только за выдумки. Работникъ онъ славный: отчетъ въ 6—8 листовъ въ ночь успѣваетъ переписать, за полученныя отъ писаря 3—4 папиросы!..

Если, подумалъ я, всѣ выдумки Ильина такія же, какъ тѣ, что мы были сослуживцами, то онъ просто страстотерпецъ, достойный глубокаго состраданія. Удосужившись, я прошелъ въ лазаретъ, съ намѣреніемъ поговорить съ нимъ тамъ, но онъ, завидя меня издали, поспѣшилъ скрыться въ сортиръ и то же самое сдѣлалъ потомъ нѣсколько разъ. Разсудивъ, что онъ меня нарочно избѣгалъ, я отъ него отступился, хотя слышалъ отъ дѣлопроизводителя, что онъ оправился отъ побоевъ и ради оправданія словъ Устинова, что арестанты въ канцеляріи не занимаются,—сочинялъ и переписывалъ бумаги въ лазаретной аптекѣ запертымъ на замокъ.

Служившіе въ крѣпости выписывали нѣсколько экземпляровъ газеты „Голосъ“, но однажды никто изъ подписчиковъ этой газеты не получилъ. Обстоятельство это породило среди нихъ недоразумѣніе. Моллеръ, заѣхавъ самъ въ почтовую контору,—привезъ свой экземпляръ, а со словъ почтмейстера со смѣхомъ сообщилъ, что комендантъ, которому привозили газеты раннимъ утромъ, — запретилъ почтмейстеру выдавать нумеръ „Голоса“ собственно потому, что прочелъ въ

немъ описаніе происшедшей солдатской драки, чтобъ никто объ этомъ не зналъ, тогда какъ въ крѣпости да и въ городѣ всѣ были объ этомъ освѣдомлены, т. е. онъ рѣшился спрятать шило въ мѣшкѣ!.. Въ тотъ же день получилъ онъ изъ Петербурга, по телеграфу, запросъ: почему не донесъ о дракѣ, а на слѣдующее утро явился изъ Вильны генералъ Пахомовъ разслѣдовать дѣло, при чемъ комендантъ, при первоначальномъ же съ нимъ объясненіи, въ подкрѣпленіи того, что драка была, дѣйствительно, пустячная—сослался на меня, какъ на нейтральнаго очевидца. Пахомовъ обратился ко мнѣ, и я посвятилъ его во всѣ подробности, значительно смягченныя въ корреспонденціи, затѣмъ онъ побывалъ въ казармахъ и въ госпиталѣ, гдѣ допросилъ докторовъ и фельдшеровъ, показавшихъ также противоположно тому, чего желалъ комендантъ. Кончивъ дознаніе, Пахомовъ уѣхалъ, а комендантъ впалъ въ грустное настроеніе... Моллеръ и я застали его вечеромъ насупившимся.

— Какъ мнѣ успокоиться,—раздражительно говорилъ онъ,—когда въ теченіе одной недѣли я получилъ: изъ-за васъ выговоръ, а изъ-за вздорной драки: изъ Петербурга—выговоръ и изъ Вильны—выговоръ, да впереди по рапорту генерала Пахомова, вѣроятно, получу еще выговоръ... И как-кая эта кан-налья описала эту драку?

— Вы скрыли о происшествіи навѣрно по совѣту недальновидныхъ людей,—вставилъ Моллеръ.

— Ахъ, мнѣ эти совѣтчики, чортъ бы ихъ побралъ, всегда, точно нарочно, подводятъ меня. Докладываютъ такъ убѣдительно, что по неволѣ съ ними соглашаешься, а потомъ расчерпываться приходится мнѣ одному: они, какъ крысы, попрячутся по норамъ.

— А вы воспряньте, превратитесь въ строгаго начальника и приказывайте, а не довѣряйте чужимъ мнѣніямъ.

— Это легко дѣлать вамъ въ 40, а не мнѣ въ 66 лѣтъ, когда энергія истощена, силы ослабли и хочется только спокоя... Да, я думаю проситься въ члены, напримѣръ, военнаго совѣта, или комитета о раненыхъ, благо, я самъ принадлежу къ ихъ числу, а за 46-лѣтнюю безпорочную службу я пріобрѣлъ, полагаю, право на то, чтобы мною перестали помыкать на склонѣ моихъ дней.

Ординарецъ доложилъ о приходѣ плацъ-маіора и дѣлопроизводителя.

— Объяви имъ, чтобы хоть сегодня убир-рались къ....—рѣзко приказалъ онъ.—Я не могу теперь слышать ихнихъ сужденій. Вы, полковникъ, правы: я воспряну и съ завтрашняго же дня начну приказывать, именно прик-казывать!..

Онъ вдругъ повеселѣлъ и около часа толковалъ на тему „приказывать“, при чемъ съ оживленіемъ вспоминалъ, какъ приказывалъ

въ бояхъ, на смотрахъ, при инспекціяхъ и какъ во всемъ преуспѣвалъ, а потомъ, постепенно утомившись,—стихъ. Мы и ушли.

Изъ Динабурга проѣхалъ я въ Варшаву, а оттуда верстъ 60 на почтовыхъ по прекрасной шоссейной дорогѣ, среди сплошной аллеи изъ тополевыхъ деревьевъ,—въ Новогеоргіевскую крѣпость. Предъ въѣздомъ въ первыя ея ворота—съ гауптвахты потребовали мой паспортъ, записали въ книгу и вернули мнѣ, да объявили, что, какъ частный человѣкъ, я могу остановиться только въ корчмѣ. Я занялъ тамъ грязную каморку. Такъ какъ уже темнѣло, то я ограничился разговорами, въ общей комнатѣ, съ разными солдатами и рабочими. Въ 6 часовъ утра вышелъ я на улицу, гдѣ офицеры, солдаты, рабочіе и женщины-прислуги двигались во всѣ направленія. Я остановилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ солдатъ, кое-что выспросилъ у нихъ о ротѣ, а потомъ отъ офицера освѣдомился, что крѣпость на военномъ положеніи и жить въ ней постороннимъ нельзя безъ разрѣшенія коменданта, который съ 9 часовъ утра принимаетъ всѣхъ, имѣющихъ къ нему надобность.

Опасаясь нарваться на новый скандалъ, я вернулся въ корчму, принарядился и со своимъ паспортомъ и открытымъ листомъ отправился къ коменданту, генералъ-лейтенанту Евгенію Михайловичу Жуковскому [1]). Ординарецъ меня ввелъ въ обширный залъ, а изъ него—лакей въ кабинетъ. Какъ въ залѣ, такъ и въ кабинетѣ замѣтилъ я: на стѣнахъ—карты, а въ шкафахъ и на столахъ—книги, изъ нихъ нѣкоторыя открытыя, какъ бы читанныя, тогда какъ у динабургскаго коменданта я ничего этого не видалъ. Вошелъ худенькій, средняго роста, генералъ—старичекъ. Я представился ему. Онъ любезно подалъ мнѣ руку, предложилъ сѣсть и самъ сѣлъ.

— О вашемъ прибытіи сюда мнѣ уже извѣстно отъ дежурнаго по караулу,—мягко заговорилъ онъ.—Я только недоумѣвалъ, зачѣмъ вы, гражданскій, пожаловали въ нашъ военный станъ. Но теперь для меня это ясно. Не вы ли авторъ „Жизни заключенныхъ“, „Суда присяжныхъ“ и „Многострадальныхъ“, которые я лишь вчера дочиталъ?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ я вдвойнѣ радъ: во-первыхъ—познакомиться съ вами и лично поблагодарить васъ за доставленное мнѣ удовольствіе вашими жизненными, правдивыми произведеніями, а во-вторыхъ—тѣмъ, что именно вы, знатокъ тюремнаго дѣла,—изучаете и военную тюремную часть, ибо она поставлена очень плохо, а послѣ вашего ознакомленія съ нею—она, можетъ быть, поправится. Вы не послѣдуете, надѣюсь, примѣру генерала Анненкова, который совер-

[1]) Умеръ въ этой должности въ 1883 г.

шенно безполезно ежегодно наѣзжаетъ сюда на нѣсколько часовъ, о чемъ я ему въ глаза говорилъ, а поживете у насъ, вникните во всю суть дѣла и дадите ему полезное направленіе.

Я обѣщалъ провести тамъ 2—3 недѣли и постараться оправдать его желаніе, но попросилъ позволенія остаться день-другой неизвѣстнымъ, для собранія предварительныхъ свѣдѣній, чтобы потомъ легче оріентироваться.

— Вполнѣ одобряю вашу мысль не будоражить преждевременно ротное начальство,—отозвался онъ.—Кромѣ меня, будьте увѣрены, никто не узнаетъ, зачѣмъ именно вы тутъ. Но вы остановились въ грязной корчмѣ, а потому я велю перемѣстить васъ въ такъ называемыя (съ 1842 г., когда крѣпость посѣтилъ императоръ Николай Павловичъ) Царскіе покои, которые съ тѣхъ поръ отводятся исключительно для временнаго жительства почетныхъ лицъ. Эти покои по одному корридору съ нашимъ клубомъ, и вы, какъ устроитесь,—зайдите въ клубъ и запишитесь на мое имя гостемъ: вамъ оттуда и будутъ доставлять, что захотите; теперь же будемте чай пить.

Мы перешли въ столовую, куда явился съ докладомъ плацъ-адъютантъ, выслушалъ приказаніе Жуковскаго переселить меня въ царскіе покои и удалился. Затѣмъ, изъ разговора съ Е. М., я узналъ, что статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта по крестьянскимъ дѣламъ С. М. Жуковскій, родной его братъ, которымъ онъ гордился, что самъ онъ былъ человѣкъ просвѣщенный, гуманный, внимательно занимался крѣпостными дѣлами, много читалъ, прекрасно зналъ русскую литературу, слѣдилъ за ея направленіемъ и процвѣтаніемъ. Дожидавшійся въ передней вахтеръ проводилъ меня въ царскіе покои, куда мой багажъ былъ уже перенесенъ и принятъ приставленнымъ для охраны покоевъ отставнымъ старымъ солдатомъ, который обязывался услуживать мнѣ. Я оказался обладателемъ двухъ превосходно обставленныхъ свѣтлыхъ комнатъ со всѣми удобствами. Переодѣвшись въ свое плохонькое платье, прошелъ я въ корчму, расплатился за ночлегъ, потолковалъ тамъ съ хозяиномъ и нѣсколькими солдатами, потомъ побывалъ въ харчевнѣ, побродилъ по улицѣ, собралъ разныя свѣдѣнія о ротѣ, очутился возлѣ нея, поговорилъ съ часовымъ, отъ него за два двугривенныхъ узналъ, что въ ротѣ есть, въ разныхъ концахъ, дорогія и дешевыя мастерскія, проникъ туда. Въ обоихъ сапожныхъ заказалъ по парѣ совершенно одинаковыхъ сапогъ: въ первой—за 4 руб., а во второй—за 2 руб., далъ въ обѣихъ задатокъ по 1 р., получилъ квитанціи, благополучно выбрался наружу къ тому же часовому, далъ ему еще двугривенный за наставленіе относительно дешевой мастерской, кое-что еще отъ него услышалъ и, совершенно довольный, вернулся, уже въ сумеркахъ, въ покои.

Едва я раздѣлся, какъ прислужникъ подалъ мнѣ коротенькое письмо отъ Жуковскаго, приглашавшаго меня развлечься въ клубѣ, откуда вскорѣ же до меня стали доноситься звуки музыки. Я облачился во фракъ и бѣлый галстухъ и отправился въ клубъ. Тамъ, въ дверяхъ, стоялъ старшина инженеръ-капитанъ. Я попросилъ его впустить меня на имя Жуковскаго, согласно его разрѣшенію. Капитанъ смѣрилъ меня съ ногъ до головы, но молчалъ. Я повторилъ ему свою просьбу.

— Странно,— недовѣрчиво произнесъ онъ.— Генералъ здѣсь, но приказанія отъ него ни о комъ я не слыхалъ, а онъ все помнитъ. Если вы, можетъ статься, проситель, то тутъ не мѣсто просить, а точно ли онъ васъ знаетъ, я, право, сомнѣваюсь... Впрочемъ, я ему доложу, а вы подождите тутъ.

Онъ пошелъ, пожимая плечами, а проходившіе офицеры и дамы съ недоумѣніемъ поглядывали на меня.

— Пожалуйте,—конфузливо адресовался ко мнѣ вернушійся капитанъ.—Генералъ покорнѣйше проситъ васъ къ себѣ. Извините, ради Бога, что я обошелся съ вами, кажется, не совсѣмъ учтиво: статскіе насъ не посѣщаютъ, я и не могъ признать васъ гостемъ генерала.

Онъ провелъ меня чрезъ танцовальное зало, гдѣ прохаживалось, стояло и сидѣло паръ сорокъ, при чемъ всѣ глаза встрѣчали и провожали меня съ любопытствомъ. Жуковскій дружески встрѣтилъ меня на порогѣ отдѣльнаго кабинета и познакомилъ, какъ петербургскаго литератора, съ двумя своими собесѣдниками генералами: Баумгартеномъ и Цитовичемъ. Мы просидѣли вчетверомъ полчаса за чаемъ, потомъ всѣ показали мнѣ читальню, библіотеку, биллiардную, а изъ нея, черезъ корридорчикъ, танцовальное зало, гдѣ мы и остановились. Среди танцовавшихъ мазурку особенно отличался пожилой, лысый, маленькій, но коренастый подполковникъ, съ огромными усами.

— Обратите вниманіе на этого господина: онъ вашъ главный кліентъ, начальникъ роты, Свистуновъ,—сказалъ мнѣ вполголоса Жуковскій.—Танцы—его страсть, потому онъ ими постоянно дирижируетъ, человѣкъ же онъ умственно и нравственно ограниченный, но пользуется расположеніемъ за своей веселый, услужливый нравъ и совершенную безобидчивость. Провести васъ онъ, конечно, не сможетъ, такъ позвольте отравить ему этотъ вечеръ—представить его вамъ?

— Если вамъ это угодно, извольте,—отозвался я:—днемъ раньше или позже познакомиться съ нимъ для меня безразлично.

Музыка смолкла. Генералы и я, въ сопровожденіи старшины, вернулись въ кабинетъ. Жуковскій велѣлъ старшинѣ позвать Свистунова, а мы всѣ сѣли. Онъ вошелъ торжествующій и весь красный, какъ ракъ.

— Вы, молодой человѣкъ,—шутливо обратился къ нему Жуковскій,—танцуете мазурку, какъ лихой полякъ, а за это васъ нельзя не похвалить.

— Радъ стараться, ваше превосходительство, — весело отвѣтилъ Свистуновъ, щелкнувъ шпорами.—Я за поясъ заткну любаго поляка и не въ одной мазуркѣ.

— Тѣмъ лучше. А въ ротѣ у васъ есть танцоры?

— Сейчасъ нѣтъ, но если вашему превосходительству угодно,— чрезъ недѣлю будутъ точно такъ же, какъ не было музыкантовъ, а нынче есть цѣлый хоръ: согласно вашему приказанію, я живо его сформировалъ, точно также и танцоровъ заведу.

— Въ вашемъ угодничествѣ я не сомнѣваюсь, но скажите, по совѣсти, все ли у васъ по ротѣ-то въ порядкѣ?

— Все, ваше превосходительство; днемъ всѣ учатся фронту, грамотѣ, музыкѣ, работаютъ въ мастерскихъ, а ночью спятъ.

— Что теперь всѣ спятъ, это я знаю, но узнайте же и вы, что вотъ этотъ господинъ,— онъ указалъ на меня,— по порученію военнаго министра, пріѣхалъ сюда произвести строжайшую ревизію всѣхъ дѣлъ вашей роты. Онъ большой знатокъ тюремнаго дѣла. Его сочиненія „Жизнь заключенныхъ“ я вамъ велѣлъ, припомните внимательно, читать и по немъ дѣйствовать, поэтому отъ него легко, какъ отъ генерала Анненкова, не отдѣлаетесь.

Свистуновъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, выпучилъ глаза и разинулъ ротъ отъ испуга. Оба генерала значительно переглянулись между собою, пристально посмотрѣли на Жуковскаго на меня и Свистунова. Я тоже оглядѣлъ всѣхъ, и мнѣ стало даже жалко Свистунова.

— Вы покажете ему, надѣюсь, все въ такомъ истинномъ блестящемъ свѣтѣ, — серьезно продолжалъ Жуковскій Свистунову, — что онъ аттестуетъ васъ добросовѣстнымъ начальникомъ, и тѣмъ самымъ ускорится производство васъ въ полковники. Теперь можете идти танцовать.

Свистуновъ не трогался съ мѣста; на него точно столбнякъ нашелъ. Генералы вновь переглянулись и вопросительно обернули головы къ Жуковскому.

— Идите же, г. Свистуновъ, командовать кадрильною ротою, — проговорилъ Жуковскій.—Васъ, вѣдь, ждутъ.

Свистуновъ поклонился, вяло повернулся и медленно удалился.

— Онъ сегодня уже не танцоръ, — произнесъ Баумгартенъ. — Совсѣмъ растерялся.

— Я никакъ не ожидалъ, что онъ такой трусъ,—продолжалъ Цитовичъ. Пожалуй, и въ распорядительствѣ танцевъ запутается.

— А я увѣренъ, — заключилъ Жуковскій, — что какъ танцы его и увлекаютъ,—онъ сейчасъ же отсюда исчезнетъ, хотя въ теченіе ночи, разумѣется, ничего не успѣетъ поправить.

Когда началась кадриль, мы вышли въ зало. Тамъ уже дирижировалъ капитанъ, а Свистуновъ, дѣйствительно, скрылся.

Въ началѣ 12-ти всѣ три генерала собрались уходить, при чемъ Жуковскій представилъ мнѣ своего родственника, молодаго артилерійскаго поручика Акимова, и поручилъ ему занять меня, вмѣсто себя. По уходѣ генераловъ, общество освободилось отъ стѣсненія, и я сдѣлался предметомъ общаго любопытства. Акимовъ представилъ мнѣ многихъ офицеровъ, а меня нѣкоторымъ дамамъ и дѣвицамъ, въ числѣ послѣднихъ танцовавшей съ нимъ миловидной барышнѣ, племянницѣ Свистунова, проживавшей у него. Я сѣлъ возлѣ нея, вступилъ съ нею въ разговоръ и исподволь свелъ его на положеніе роты, а она, судя по обхожденію со мною коменданта, польщенная тѣмъ, что я снизошелъ до бесѣды именно съ нею, разболтала мнѣ, что арестантовъ безпощадно муштруютъ, наказываютъ, плохо содержатъ, заставляютъ работать чрезъ силу, дяденька имѣетъ, на ихъ бѣду, еще горячій характеръ и распоряжается съ плеча, не отличая правыхъ отъ виноватыхъ... Акимовъ и его товарищи дополняли, разъясняли и отъ себя сообщили мнѣ различные факты изъ дѣятельности ротнаго начальства. Такимъ образомъ, къ 3-му часу ночи я пріобрѣлъ изрядное количество свѣдѣній, обзавелся знакомствами и даже получилъ 5—6 дамскихъ приглашеній въ гости къ нимъ, заинтересованнымъ мною, какъ сочинителемъ, молодымъ человѣкомъ и, главное, дружнымъ съ Жуковскимъ.

На утро я отправился въ роту, но стоящій передъ воротами унтеръ, не впустилъ меня вольнаго, „въ эдакую — какъ оговорился,— пору, когда ждутъ „шпектора", изъ-за котораго, штобъ его „шайтанъ взялъ", всю ночь наскрозь мыли, красили, чистили, чинили и прочее". Я возразилъ, что я и есть инспекторъ, но онъ громко засмѣялся и посовѣтовалъ мнѣ „проваливать мимо, чтобы не наткнуться на начальство; оно турнетъ меня за безпокойство". Во время моего препирательства съ унтеромъ, проходившій мимо одинъ изъ клубныхъ моихъ знакомыхъ, услышавъ нашъ споръ, приказалъ унтеру позвонить въ роту. Онъ исполнилъ его приказаніе. Минутъ черезъ пять прибѣжалъ Свистуновъ, въ полной парадной формѣ, дрожащимъ голосомъ отрапортовалъ мнѣ о благополучномъ состояніи ввѣренной ему роты и почтительно повелъ меня внутрь. Тамъ, въ первой же комнатѣ стояли, на вытяжку, шесть пожилыхъ и старыхъ офицеровъ, но Свистуновъ впалъ въ такую растерянность, что, представляя ихъ мнѣ, какъ своихъ помощниковъ, никакъ не могъ вспомнить фамиліи двухъ изъ нихъ.

Медленно совершивъ, въ сопровожденіи всѣхъ, первоначальный обходъ казармъ, я убѣдился въ справедливости словъ унтера: полъ былъ еще сырой, въ углахъ виднѣлись опилки, капли краски, нары были свѣжо отскоблены, верстаки отчищены, все прибрано и аккуратно сложено по мѣстамъ, на арестантахъ одежда и бѣлье были чистыя, а сами они казались мнѣ какъ бы вернувшись только изъ бани. Свистуновъ напрягалъ всѣ старанія отвлечь меня отъ разныхъ предметовъ, въ которые меня, какъ ему казалось, посвящать не слѣдовало, а я нарочно притворялся не понимающимъ его. Это его ободрило, успокоило и даже развеселило. Въ концѣ обхода около 4-хъ часовъ по полудни, онъ, распустивъ своихъ помощниковъ, какъ бы незамѣтнымъ манеромъ, вывелъ меня по корридорамъ къ своей квартирѣ и усерднѣйше просилъ зайти къ нему покурить и вздохнуть послѣ пятичасоваго хожденія по казармѣ. Я согласился, но едва мы вступили въ гостиную, какъ появились разряженныя: его жена, болѣзненнаго вида, пожилая женщина и, знакомая уже мнѣ, племянница, при чемъ обѣ настойчиво пристали ко мнѣ запросто отобѣдать съ ними, а онъ поддерживалъ ихъ желаніе. Я остался. Малость погодя, пришли полковникъ, штабсъ-капитанъ и двѣ невзрачныя дамы, ихъ жены.

Всѣ перешли въ столовую, гдѣ наставлено было пропасть разныхъ водокъ, винъ и закусокъ. Обѣдъ оказался роскошный, хотя готовилъ его, какъ Свистуновъ похвастался, поваръ-арестантъ. Свистуновъ и полковникъ пили водку и вина, почти безъ перерыва, а угощать меня, по возрасту младшаго изъ всѣхъ гостей, поручили посаженной возлѣ меня, подъ пару, какъ замѣтилъ полковникъ, племянницѣ. Она же, на мои вопросы, объяснила мнѣ, съ похвалою дяденькѣ, что ежели онъ что задумаетъ, то непремѣнно добьется; съ утра еще рѣшилъ онъ заманить меня къ себѣ обѣдать, чтобы я сдѣлался снисходительнѣе, и добился этого, о чемъ многіе съ завистью будутъ говорить, такъ какъ всѣмъ лестно видѣть меня у себя, а я оказалъ честь первому дяденькѣ, тетенькѣ, да и ей; двѣ ея подруги обѣщали даже придти убѣдиться, буду ли я у нихъ въ гостяхъ.

Изъ-за стола всѣ встали грузные и разбрелись по разнымъ комнатамъ: Свистуновъ, покачиваясь, въ кабинетъ, а меня племянница провела, до кофе, въ гостиную, рядомъ съ кабинетомъ, куда дверь оставалась полуотворенною и откуда намъ вскорѣ же стали доноситься голоса. Вдругъ вдали раздался звонокъ. Племянница извинилась предо мною, что пойдетъ встрѣтить подругъ, удалилась, а я приблизился къ кабинетной двери и напрягъ свой слухъ.

— По счетамъ—услышалъ я голосъ Свистунова,—поставилъ ты: за холстъ—по 45 к. арш., итого 750 руб., за сукно—по 2 р. 25 к.

арш., итого 870 р., а всего 1.520 руб. Вотъ тебѣ 1.200 руб., а ты напиши подъ обоими счетами „сполна получилъ“ и свою фамилію.

— Оченно много ужъ изволите скидывать, — возразилъ, судя по нарѣчію, торговецъ.—Довольно съ васъ, кажись, и половины.

— Растобаривай еще!.. Я, вѣдь, знаю, что ты надбавилъ: на холстъ—по пятіалтынному, а на сукно—по четвертаку на аршинъ. Меня не проведешь.

— Ну, хоть на двухстахъ помиримся. Право, черезъ-чуръ много оттягиваете себѣ.

— Пиши, говорю тебѣ, сполна получилъ, бери вотъ 1.200 руб. и убирайся къ чорту; мнѣ не время теперь съ тобой валандаться.

— Ну, ужъ коли такъ, извольте, напишу по-вашему, чуръ, только напредь, опричь меня, ни у кого ни холста, ни сукна не брать, да и счета, пока вашъ левизоръ тутъ, въ канцелярію не отдавайте, потому, какъ неровенъ часъ, пожалуй, обоимъ напрѣетъ...

— Ревизоръ? Да онъ ни бельмеса не смыслитъ!.. Я, братъ, въ одинъ апцугъ раскусилъ его и околпачилъ; глупъ, какъ пробка...

— Давай Богъ нашему теленку волка съѣсть. Просимъ прощенія.

Торговецъ, какъ я его издали примѣтилъ, ушелъ черезъ другую дверь, поскрипывая сапогами, а сіявшая отъ торжества племянница ввела ко мнѣ двухъ своихъ подругъ и познакомила меня съ ними, жеманно присѣдавшими и кокетливо заигрывавшими со мною глазками и тѣлодвиженіями. Не успѣли мы толкомъ разговориться, какъ изъ кабинета послышался храпъ, а племянница поспѣшила позвать насъ пить кофе, въ столовой же тетушка объяснила отсутствіе мужа уходомъ въ роту по нужному дѣлу.

Спустя часъ и я ушелъ, а на улицѣ встрѣтился съ Акимовымъ, вызвавшимся показать мнѣ крѣпость. Обходя форты, онъ называлъ ихъ женскими именами. Это меня удивило.

— Это нашъ крѣпостной секретъ,—пояснилъ онъ,—а заключается онъ вотъ въ чемъ. Генералъ Баумгартенъ лѣтъ 30 начальствуетъ надъ инженерною частью, т. е. крѣпостью. Здѣсь родились и выросли всѣ шесть его дочерей, а изъ нихъ пять уже замужемъ за здѣшними же инженерами. Каждый, прибывшій сюда на службу, молодой инженеръ назначался строителемъ форта, которые поэтому и прозваны именами ихъ женъ. Теперь послѣдняя собирается замужъ за инженера же, и для него уже проектируется постройка форта. Баумгартену многократно предлагали повышеніе, но онъ постоянно отказывался до замужества всѣхъ дочерей, такъ что чрезъ полгода ждутъ его ухода отсюда, съ грустью; онъ располагаетъ общимъ почтеніемъ за простоту въ обхожденіи, радушное гостепріимство, да за то, что не только самъ никого не трогаетъ, но не рѣдко еще засту-

пается за обиженныхъ, офицеровъ ли, или нижнихъ чиновъ — безразлично, и за это прослылъ миротворцемъ.

Я замѣтилъ, что крѣпостныя стѣны очень опрятны, а рвы чисто содержатся.

— Чистота присуща всѣмъ нѣмцамъ, а Баумгартенъ, какъ нѣмецъ, зорко слѣдитъ за чистотою крѣпости, красота же ея объясняется ея дороговизною. Комендантъ, однажды, при мнѣ разсказывалъ, пріѣхавшему сюда его брату, статсъ-секретарю, на основаніи архивнаго дѣла своего управленія, что въ бытность здѣсь, въ сороковыхъ годахъ, императора Николая Павловича съ прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ, они вмѣстѣ осматривали крѣпость и на вопросъ Вильгельма, что стоила ея постройка, Николай Павловичъ отвѣтилъ: „про это знаетъ Богъ, да, можетъ статься, инспекторъ инженеровъ, генералъ Денъ, а, по моему мнѣнію, каждый кирпичъ обошелся въ золотой или пять цѣлковыхъ“. За то крѣпость и считается несокрушимою твердынею. Убираютъ ее арестанты крѣпостной гражданской арестантской роты.

Я пожелалъ взглянуть, какъ содержатся гражданскіе арестанты, для сравненія съ положеніемъ военныхъ. Акимова всѣ знали, а потому мое желаніе было исполнено. Съ обширнаго двора, заваленнаго строительными матеріалами, приблизились мы, какъ я полагалъ, къ погребу. Въ предшествіи двухъ унтеровъ, одинъ съ зажженнымъ фонаремъ, спустились мы, по каменной лѣстницѣ, 20 ступеней внизъ и очутились возлѣ запертыхъ засовомъ широкихъ желѣзныхъ воротъ. Другой унтеръ отперъ ворота, отворилъ одну половину, издававшую заунывный скрипъ отъ заржавленныхъ петель, зажегъ большой, длинный пукъ лучины, и оба пошли впередъ, а мы за ними. Они стали по серединѣ и освѣтили намъ громадной величины подвалъ. Мы увидѣли закопченныя, почти черныя, стѣны, мѣстами покрытыя плѣсенью. Вокругъ стѣнъ примощенныя сплошныя деревянныя нары, а на нихъ сидѣвшихъ и лежавшихъ массу людей. По командѣ одного изъ унтеровъ „встать“, почти всѣ спустились на земляной полъ, выстроились возлѣ наръ и боязливо озирали насъ. Люди эти были гладко острижены и выбриты, въ грязномъ бѣльѣ, видъ имѣли они заморенный, страдальческій, а нѣкоторые походили на скелеты. На нарахъ постельныхъ принадлежностей никакихъ не существовало, а всѣ складывали подъ себя свои куртки, брюки и подъ головы — шапки. Воздухъ былъ до крайности спертый; ни оконъ, ни вентиляцій не было, а въ углахъ стояли такъ называемыя параши, для испражненій около 300 человѣкъ, обитавшихъ въ этомъ отвратительномъ подземельѣ. Лучина догорала, а дышать становилось трудно, поэтому мы чрезъ 15 минутъ поспѣшили покинуть заживо погре-

бенныхъ. Выбравшись на дворъ, я изъ разспросовъ унтеровъ узналъ, что арестанты, какіе бы ни были сначала сорванцы, пробывъ въ ротѣ мѣсяцъ, другой, дѣлались смирными: напримѣръ, на работы водили по два унтера чел. 50—70, но они ихъ слушались, точно бараны, изъ жалости, или не смѣли принимать подаянія, покупать на нихъ табакъ, либо водку, и они курили и выпивали во время метенья и тасканья тяжестей по крѣпости, на какую угодно работу ходили они охотно, лишь бы не оставаться въ подземельѣ, по воскреснымъ и годовымъ праздникамъ, когда полагалось отдыхать, они сильно тосковали въ темнотѣ, а послѣ трехдневнаго, напримѣръ, пребыванія тамъ, иные, выходя на свѣтъ, заболѣвали глазами, а случалось и слѣпли, почти всѣ страдали цынгою, а нѣкоторые, съ отчаянія, проходя черезъ мостъ, бросались въ рѣку и топились...

Тягостное впечатлѣніе, вынесенное мною изъ подземелья, побудило меня поговорить объ несчастныхъ съ Жуковскимъ, но онъ показалъ мнѣ цѣлое дѣло о необходимости вывести ихъ изъ подземелья; однако, за неимѣніемъ въ крѣпости свободнаго мѣста, онъ безсиленъ былъ облегчить ихъ участь, хотя ежемѣсячно писалъ объ этомъ всѣмъ властямъ.

Послѣ слышаннаго мною отзыва обо мнѣ Свистунова, я вплотную занялся ротными дѣлами и прямо указалъ ему на неправильность распредѣленія арестантовъ по категоріямъ, испытуемыхъ и исправляющихся, на употребленіе ихъ для услугъ ему и его помощникамъ, на порученіе арестантамъ самостоятельнаго завѣдыванія мастерскими, уличилъ его въ содержаніи, кромѣ формальныхъ, еще тайныхъ мастерскихъ, въ плутняхъ по обмундировкѣ и продовольствію арестантовъ, да въ жестокомъ наказаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ за мелкіе проступки. Все это такъ сильно встревожило его, что онъ впалъ въ мрачное настроеніе, пересталъ сопровождать меня и началъ даже прятаться отъ меня. Это меня порадовало, потому что никто мнѣ не мѣшалъ до всего докапываться. Зато, проходя по корридору, я вдругъ почувствовалъ, что проваливаюсь: двѣ половицы пролетѣли подо мною въ подвалъ, и я ухватился за смежныя руками, повисъ на нихъ и вскрикнулъ. Унтеръ, услышавъ издали мой крикъ, подбѣжалъ и помогъ мнѣ вылѣзть на крѣпкій полъ. Оказалось, что подъ поломъ пропасть, и, если бы я не удержался, то разбился бы вдребезги: бывшій въ старину католическій монастырь со склепами обращенъ былъ въ казармы, въ которыхъ и помѣщалась рота. Внимательно осматривая мѣсто, куда я провалился, мнѣ показалось, что половицы были какъ бы пропилены и лишь сверху наложены. Унтеръ, покачивая головою, согласился съ моимъ предположеніемъ, но не могъ указать, когда и кто это сдѣлалъ.

Обстоятельство это такъ меня озадачило, что я, явившись, по приглашенію Жуковскаго, къ нему обѣдать,—разсказалъ ему о случившемся со мною и о поступкахъ Свистунова. Онъ былъ ими очень огорченъ и обѣщалъ принять мѣры къ обузданію Свистунова. Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ о самыхъ разнородныхъ предметахъ. Вдругъ лакей подалъ Жуковскому депешу, онъ прочелъ и передалъ ее мнѣ. Я прочиталъ, что намѣстникъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Бергъ, поручаетъ Жуковскому предложить мнѣ явиться къ нему, фельдмаршалу.

— Откуда, удивляюсь, намѣстникъ могъ узнать, что я здѣсь? освѣдомился я.

— Я ему донесъ,—отвѣтилъ Жуковскій, по обязанности службы.— Вамъ необходимо ѣхать въ Варшаву: предложеніе фельдмаршала обязательно всѣми исполняется, а вамъ онъ дѣлаетъ честь желаніемъ, несомнѣнно, побесѣдовать съ вами о вашемъ путешествіи: онъ всѣмъ интересуется, а принимаетъ всѣхъ съ 10 утра, такъ что завтра вечеромъ можете вернуться сюда.

Онъ велѣлъ послать за почтовыми лошадями, запряженными непремѣнно въ коляску, для удобнаго сидѣнія.

Черезъ часъ летѣлъ я уже въ Варшаву, гдѣ остановился ночью въ „Саксонской гостиницѣ“, а утромъ отправился въ Лазенковскій дворецъ. Передъ дворцомъ увидѣлъ я много разныхъ экипажей, пѣшихъ и конныхъ жандармовъ, а въ подъѣздѣ внушительныхъ швейцаровъ въ придворныхъ ливреяхъ. Едва я перешагнулъ порогъ, какъ офицеръ разспросилъ меня о моемъ званіи, чинѣ, имени, отчествѣ, фамиліи и вмѣстѣ жительства, а по лѣстницѣ красовавшіеся въ придворныхъ же ливреяхъ лакеи указывали мнѣ куда идти. Въ раззолоченной обширной пріемной стояли и сидѣли на изящной мебели человѣкъ 30—40 военныхъ и гражданскихъ генераловъ и полковниковъ въ парадной формѣ, штатскіе во фракахъ, и женщины въ блестящихъ нарядахъ. Флигель-адъютантъ, полковникъ, подошелъ ко мнѣ, пытливо осмотрѣлъ меня и свысока спросилъ: кто я, и о чемъ намѣренъ просить намѣстника? Я назвалъ себя и пояснилъ, что я не проситель, а явился по телеграфному предложенію намѣстника, на имя новогеоргіевскаго коменданта—зачѣмъ не знаю. Онъ записалъ услышанное въ книжку, деликатно уже предложилъ мнѣ сѣсть и отошелъ отъ меня. Немного погодя, настежь отворились, съ боку двери, а изъ нихъ степенно выступили въ красныхъ мундирахъ, съ георгіевскими крестами и медалями на груди, два бородатыхъ пожилыхъ казака и вытянулись въ струнку по бокамъ дверей. Всѣ, находившіеся въ пріемной, сразу выстроились шеренгою кругомъ комнаты. Воцарилась тишина. Флигель-адъютантъ приблизился къ

дверямъ, а изъ нихъ медленно вошелъ высокій, сухощавый, нѣсколько сгорбленный старикъ, въ черномъ парикѣ, съ маленькими черными же бакенбардами и усами, въ потертомъ генералъ-адъютантскомъ сюртукѣ, въ петлицѣ котораго висѣлъ георгіевскій крестъ. Это былъ, какъ я догадался, фельдмаршалъ, графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ [1]), котораго раньше я никогда не видалъ. Всѣ почтительно ему поклонились. Онъ отвѣтилъ, на всѣ стороны легкимъ поклономъ, флигель-адъютантъ, держа передъ глазами книжечку, что-то тихо говорилъ ему. Онъ выслушалъ стоявшихъ первыми двухъ генераловъ, повернулся и направился, черезъ всю комнату, прямо ко мнѣ. Я смутился и съ трудомъ представился ему. Онъ протянулъ мнѣ руку, и я пожалъ ее.

— Пройдите, пожалуйста, ко мнѣ въ кабинетъ,—просто произнесъ онъ, указавъ мнѣ рукою на дверь, изъ которой вышелъ,—посидите тамъ, покамѣстъ я кончу пріемъ, а тогда я потолкую съ вами: ваше занятіе меня заинтересовало.

Онъ вернулся къ правому флангу представлявшихся, а я тихонько двигался сзади него, при чемъ всѣ глаза сопровождали меня съ неимовѣрнымъ любопытствомъ: всѣхъ поразило выказанное намѣстникомъ вниманіе ко мнѣ, никому изъ нихъ не извѣстному молодому человѣку, только во фракѣ. Я прошелъ рядъ комнатъ, не походившихъ на кабинетъ, вернулся назадъ, на пути встрѣтилъ лакея, спросилъ его, гдѣ кабинетъ, и онъ провелъ меня въ комнату, по обстановкѣ, противъ другихъ комнатъ, просто нищенскую: въ ней былъ по серединѣ длинный столъ, на немъ книги и дѣла, вокругъ и около стѣнъ—стулья, табуреты и этажерки мизернаго качества, да и количествомъ мало. Мнѣ казалось, что я нахожусь у бѣдняка. Прошелъ почти часъ.

— Извините, молодой человѣкъ, что я васъ задержалъ,—ласково началъ вернувшійся фельдмаршалъ, усаживаясь въ жесткое кресло.— Садитесь — гость будете.

Я исполнилъ его указаніе.

— Не удивляйтесь, что здѣсь такъ просто: роскошь, блескъ мнѣ давно уже надоѣли, и я тутъ чувствую себя покойнѣе и даже свободнѣе. Цѣль вашей поѣздки — изучить дѣйствительное положеніе исправительныхъ ротъ — я считаю весьма похвальною, тѣмъ болѣе, что это сопряжено, вѣдь, съ затрудненіями, а пожалуй и съ нѣкоторымъ рискомъ: въ ротахъ васъ встрѣчаютъ, конечно, не съ откровенностью и гостепріимствомъ, а съ препятствіями и чѣмъ-нибудь худшимъ... Генералъ Жуковскій сообщилъ мнѣ, что вы по тюремной

[1]) Родился въ 1793 г., а умеръ 6 января 1874 г.

части знатокъ — пріобрѣли даже въ литературѣ значеніе, потому я велѣлъ доставить мнѣ вашу книгу и уже почиталъ ее,—не то я, признаюсь, усомнился бы, чтобы вы, по своей молодости, пустились на этотъ нелегкій трудъ. Разскажите же мнѣ, гдѣ вы побывали, и въ какомъ положеніи нашли роты?

Не зная, какъ себя вести съ нимъ, я предпочелъ быть сдержаннымъ въ разговорѣ.

— Я вижу,—прервалъ онъ меня,—что вы стѣсняетесь говорить мнѣ правду. Дабы вызвать васъ на откровенность, я самъ сообщу вамъ одинъ изъ казусовъ, лично со мною недавно случившійся. Понадобилось быстро провести дорогу. Выбралъ я своего стараго сослуживца, генерала Ралля, котораго зналъ за исполнительнаго и честнаго, сформировалъ ему 6 баталіоновъ, далъ авансомъ 60.000 р. и послалъ его сдѣлать дорогу, съ тѣмъ, чтобы онъ каждыя двѣ недѣли присылалъ мнѣ точный отчетъ о степени успѣшности исполненія имъ порученія и о денежныхъ расходахъ. Миновали первыя двѣ недѣли—молчитъ. Протекло еще двѣ недѣли—тоже молчитъ. На посланное ему напоминаніе — извинился, что не успѣлъ. Прошло еще двѣ недѣли—рапортуетъ, что составляетъ. Жду еще мѣсяцъ и уже требую отчетъ, но вмѣсто него получаю наборъ пустыхъ словъ. Шлю нарочнаго, но онъ привозитъ мнѣ отвѣтъ, что Ралль, по неопытности, не можетъ скоро ни дороги провести, ни отчета представить. Бился я съ нимъ, бился, вытребовалъ его самого и что же? Онъ мнѣ признался, что запутался. Отправилъ я съ нимъ чиновниковъ распутать дѣло, но они, пользуясь суточными,—затянули его еще хуже. Черезъ полгода я вынужденъ былъ уволить Ралля, и только вслѣдствіе давнихъ хорошихъ съ нимъ моихъ отношеній и долговременной отличной его службы — не отдалъ его подъ судъ. Теперь понимаете, что можете говорить со мною откровенно? Я васъ слушаю.

Я продолжалъ смѣлѣе, но все-таки осторожно.

— Вотъ какая пришла мнѣ мысль,— заявилъ онъ вдругъ, когда я смолкъ.—Потрудитесь, пожалуйста, осмотрѣть здѣшнюю уголовную гражданскую тюрьму, вникнуть въ положеніе заключенныхъ и сказать мнѣ, что именно тамъ творится.

— Позвольте почтительно просить ваше сіятельство освободить меня отъ этого порученія: я не знакомъ съ польскими ни законами, ни языкомъ, ни нравами и потому...

— Потому,—онъ перебилъ меня,—ознакомьтесь: это будетъ полезно для заключенныхъ, для меня да и васъ обогатитъ новыми свѣдѣніями. Вамъ неизвѣстно, полагаю, что никто, рѣшительно, не въ правѣ ослушаться моего приказанія: я располагаю по всему краю столь значительною властью, что воленъ приказать даже разстрѣлять, по-

вѣсить!... Итакъ, я васъ прошу исполнить мое желаніе, съ полнымъ вниманіемъ и рачительно, не то я, вѣдь, могу вамъ и приказ-зать: я настойчивъ...

Онъ рѣзко позвонилъ. Явился пожилой чиновникъ, сѣлъ, по приказанію намѣстника, къ его столу, написалъ на бланкѣ приказъ о допускѣ меня къ осмотру тюрьмы, подалъ ему, онъ подписалъ, сложилъ бумагу вчетверо и подалъ ее мнѣ.

— Отправляйтесь, отправляйтесь отсюда прямо въ тюрьму, чтобы застать все въ будничномъ видѣ, вникните хорошенько въ весь тюремный обиходъ и о томъ, что узнаете—разскажете мнѣ, надѣюсь, сущую правду, завтра въ 10 часовъ утра До свид-данья.

Онъ привсталъ и протянулъ мнѣ руку. Я пожалъ ее, откланялся и удалился, а когда проходилъ чрезъ пріемную и по лѣстницѣ, то разныя лица провожали меня почтительными поклонами: вслѣдствіе приглашенія меня въ кабинетъ, гдѣ я провелъ съ намѣстникомъ больше часа, — сдѣлали выводъ, что я важная персона, которой надо кланяться.

Я вышелъ на улицу, постоялъ въ тяжеломъ раздумьѣ и, не зная никого, съ кѣмъ бы посовѣтоваться, какъ поступить — поѣхалъ въ тюрьму. Тамъ, въ воротахъ, я встрѣтился съ пожилымъ господиномъ, который внушалъ что-то по-польски стражнику. Я спросилъ его: гдѣ могу я увидѣть смотрителя тюрьмы?

— Я самъ смотритель и есть,—отвѣтилъ онъ мнѣ польскимъ выговоромъ.—А вамъ что надо?

— Предъявить вамъ вотъ эту бумагу. Я развернулъ и подалъ ему.

Увидавъ бланкъ и подпись, онъ поблѣднѣлъ, а, начавъ читать приказъ, ежился и выпрямлялся, руки его дрожали, а глаза—моргали, отчего онъ дважды ихъ протеръ; кончивъ же чтеніе, стоялъ неподвижно.

— Если вы свободны—проводите меня въ тюрьму, предложилъ я ему,—а если вамъ не досугъ—пошлите со мною проводника.

— Извините, господинъ,—растерянно проговорилъ онъ.—Что, собственно, вамъ угодно? Распоряженіе ежели какое послѣдовало,—такъ можно въ канцеляріи сдѣлать. Арестанты теперь передъ обѣдомъ въ камерахъ.

— Мнѣ нужно видѣть помѣщеніе, арестантовъ, узнать ихъ положеніе и т. д.

— А для чего вамъ все это, позвольте узнать, если не секретъ?

— Именно секретъ.

— Ничего подобнаго не бывало за всѣ 8 лѣтъ, какъ я смотрителемъ. Однако, я обязанъ доложить теперь же объ этомъ своему начальству: губернатору, прокурору и оберъ-полицеймейстеру.

— Докладывайте кому вамъ угодно, а меня не задерживайте: никто изъ поименованныхъ вами властей не можетъ, вѣдь, отмѣнить приказъ намѣстника?

— О, это такъ точно, противъ приказа его сіятельства никто не въ правѣ и слова молвить. Арестантамъ, только сдѣлайте милость, не вѣрьте: они притворяются несчастными, а сами назойливые нудники, на всѣхъ врутъ, ни о какой нравственности разумить не хотятъ.

— Печально, но изъ того, что я отъ нихъ услышу, я, не безпокойтесь, постараюсь сдѣлать подходящій выводъ: я съ тюремнымъ людомъ знакомъ. Пойдемте же.

Онъ пожалъ плечами и пошелъ, а я за нимъ. Мы прошли по корридору въ нижнемъ этажѣ мимо трехъ одиночныхъ комнатъ, и очутились въ свѣтлой, огромной камерѣ, гдѣ каменный плитный полъ блестѣлъ какъ зеркало, а арестантовъ было человѣкъ 100. Около одной изъ стѣнъ стояло два большихъ деревянныхъ ушата, изъ которыхъ шелъ паръ. Изъ этихъ ушатовъ два арестанта ковшами наливали подходившимъ въ чашки сѣрой, жидкой бурды. Я попробовалъ ложкою этой жижицы, ощутилъ отвратительный полукислый вкусъ и невольно поморщился. Смотритель отвернулся и что-то пошепталъ надзирателю, который быстро удалился. Одинъ изъ арестантовъ замѣтилъ, какъ я поморщился, приблизился ко мнѣ и вполголоса попросилъ меня выслушать его по секрету. Къ смотрителю подбѣжалъ запыхавшійся стражникъ и тихо доложилъ о чемъ-то ему. Онъ спросилъ моего дозволенія на минуту отлучиться, прибавивъ, что при мнѣ останутся надзиратели и стражники, и удалился, а я позвалъ арестанта въ маленькую боковую комнату, гдѣ никого не было. Тамъ онъ мнѣ разсказалъ, что ихняя пища всегда такая скверная и жидкая отъ того, что густою смотритель откармливаетъ сорокъ свиней, при чемъ подробно указалъ мнѣ гдѣ именно, во дворѣ, въ сараѣ, онѣ содержатся. На мой вопросъ, отчего полъ такъ блестѣлъ—разъяснилъ мнѣ, что четыре раза въ день всѣхъ ихъ заставляютъ становиться, засучивъ брюки, голыми колѣнями, на полъ и по часу, согнувшись, растирать обѣими руками полъ камнями же, при этомъ тѣхъ, которые устаютъ тереть полъ,—стражники стегаютъ длинными лозами. Отъ этого лощенія пола очень многіе арестанты лежатъ въ лазаретѣ, нѣкоторые подолгу, а иные совсѣмъ, случалось, лишались возможности ходить безъ костылей. Придумалъ эту имъ пытку ксендзъ въ наказаніе за ихъ грѣхи, смотритель обрадовался этой выдумкѣ и истязаетъ ихъ, а доктора потакаютъ имъ. Покамѣстъ смотритель отсутствовалъ, я прошелъ еще три такихъ же камеры, въ каждой выступали желавшіе посекретничать со мною, я удовлетворялъ ихъ просьбы, а они не только подтверждали мнѣ слышанное о болѣзни колѣнъ и

о кормленіи свиней лучшею частью арестантской пищи, но еще жаловались: на различныя стѣсненія, на продажу собственныхъ ихнихъ вещей, на лишеніе ихъ заработанныхъ денегъ, на продолжительное неправильное ихъ содержаніе подъ стражей, на сокрытіе отъ нихъ положенія ихъ семействъ, на запретъ писать имъ письма къ роднымъ, на то, что бѣлье смѣняютъ имъ только разъ въ мѣсяцъ и т. д. Ненависть къ ксендзу и къ смотрителю выражалась общая, но, когда послѣдній явился и заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, всякій съ подобострастіемъ отвѣчалъ на его вопросы, и цѣловалъ ему руку или плечо.

Изъ мужскаго перешли мы въ женское отдѣленіе тюрьмы. Тамъ воздухъ былъ крайне спертый, потому въ особенности, что при матеряхъ находились и малолѣтнія дѣти, постельныя принадлежности были грязны, провоняли, одежда на арестанткахъ была самая плохая, а дѣти толкались положительно въ отрепьяхъ, не мытыя и не чесанныя. На обращенный мною вполголоса къ смотрителю объ этомъ вопросъ, онъ громко отвѣтилъ, что все это происходитъ отъ крайняго неряшества, лѣнтяйства и упрямства арестантокъ, управлять которыми нѣтъ силъ. Это услышали арестантки и, несмотря на то, что только-что цѣловали ему руку, онѣ посыпали мнѣ противъ него градомъ обвиненій, напр., въ томъ, что лишь предъ пріѣздомъ графини (какой—я не понялъ), о чемъ онъ раньше всегда узнавалъ,—выдавали имъ чистое платье и бѣлье, освѣжали воздухъ, разгоняли ихъ куда попало, чтобы она и половины ихъ не видала, а какъ только она уѣзжала—отъ нихъ все отбирали и оставляли ихъ въ лохмотьяхъ; что держали ихъ впроголодь, изъ положенныхъ на ихъ дѣтей кормовыхъ — большую половину отжиливали, самихъ ихъ принуждали даромъ стирать и гладить бѣлье на семейство смотрителя, его помощниковъ, надзирателей да еще на многочисленныхъ ихнихъ родственниковъ и даже знакомыхъ; тѣхъ изъ нихъ, которыя заявляли ему о намѣреніи жаловаться, запирали въ чуланы и морили голодомъ; кончавшихъ сроки заключенія хорошихъ, напр., ткачихъ — не выпускали на волю мѣсяцами, за ихъ работу получали рубли, а имъ не платили и грошей, и т. д. Нѣкоторыя женщины впадали въ такую ярость, что подступали къ смотрителю съ кулаками, готовы были, кажется, растерзать его. Онъ, слушая какъ его отчитывали, до того опѣшилъ, что сперва—безсвязно бормоталъ что-то, потомъ—отступалъ къ дверямъ и наконецъ—скрылся. Арестантки съ злорадным смѣхомъ понемногу стихли, и мнѣ удалось записать пять фамилій содержавшихся лишнее время и шесть фамилій даровыхъ прачекъ и ткачихъ.

Я обѣщалъ имъ доложить ихъ претензіи начальству, выбрался

отъ нихъ на дворъ, пробрался къ свиньямъ, насчиталъ ихъ, дѣйствительно, сорокъ, помѣшалъ палкою въ корытѣ густую ихъ пищу и, никѣмъ не замѣченный, прошелъ въ лазаретъ. Молодой докторъ и фельдшеръ приняли меня дружелюбно. Лазаретъ, по внѣшности, былъ чистый, а больныхъ считалось больше ста, но изъ нихъ воспаленіемъ колѣнъ — 75 человѣкъ. По моей просьбѣ, докторъ снабдилъ меня подписанными имъ дневною рапортичкою и выпискою изъ отчетности за послѣдніе два года о числѣ бывшихъ больныхъ воспаленіемъ колѣнъ. Круглымъ числомъ ихъ насчитывалось по 62 въ день. Изъ лазарета фельдшеръ провелъ меня въ канцелярію, а тамъ письмоводитель показалъ мнѣ дѣла названныхъ мною арестантовъ, содержащихся лишнее время, при чемъ изъ бумагъ я убѣдился въ справедливости ихъ жалобъ и записалъ нумера самыхъ дѣлъ. Кромѣ того, я просмотрѣлъ отчетность по мастерскимъ на какихъ-то листкахъ, а книгъ не велось. Наконецъ, кормовыя на дѣтей получались сполна, а выдавались въ половинномъ размѣрѣ, какъ подтверждали вѣдомости, которыя я тоже отмѣтилъ по числамъ за три мѣсяца. Когда я все это кончилъ,—явился смотритель и сталъ мнѣ доказывать, что женщины вообще сумасбродны, а арестантки—въ особенности, поэтому, самое лучшее уходить отъ нихъ, когда онѣ впадаютъ въ раздраженіе отъ неудовлетворенія половыхъ потребностей. Не зная, какой результатъ получится отъ моего осмотра—я согласился съ нимъ, что арестантовъ, дѣйствительно, необходимо держать въ ежовыхъ рукавицахъ, распрощался съ нимъ и ушелъ уже въ 9 часовъ вечера.

Проведя въ тюрьмѣ почти 10 часовъ сряду, я настолько увлекся желаніемъ оправдать довѣріе намѣстника, что не ощущалъ ни усталости, ни голода, хотя ничего ни пилъ, ни ѣлъ и почти все время пробылъ на ногахъ. Едва я вошелъ въ зало гостиницы,—какъ увидѣлъ двѣ шеренги, человѣкъ 20 лакеевъ, а впереди нихъ предо мною, во фракѣ, пожилаго господина, державшаго въ рукахъ серебряный подносъ.

— Позвольте, ваше превосходительство,—торжественно заговорилъ онъ, обратившись ко мнѣ,—доложить вамъ, что его сіятельство, господинъ намѣстникъ Царства Польскаго, изволилъ подъѣхать въ коляскѣ, сегодня около 3-хъ часовъ по полудни къ моей гостиницѣ, окруженный, какъ всегда, отрядомъ казаковъ. Коляска остановилась, явилась, какъ и слѣдовало, полиція, а мы испугались, но оказалось, напротивъ, осчастливлены. Адъютантъ спросилъ меня: дома ли вы, ваше превосходительство? Мы отвѣтили: нѣтъ. Онъ доложилъ объ этомъ его сіятельству, но имъ благоугодно было черезъ полковника полиціи подозвать меня къ себѣ, милостиво со мною поздоровались, собственноручно вручили мнѣ вотъ эту визитную свою карту, приказали передать ее и поклонъ его свѣтлости вашему превосходитель-

ству и уѣхали. Почитаю за очень, очень высокую честь исполнить приказаніе его свѣтлости, а вамъ, ваше превосходительство, принести чувствительную благодарность за то, что вы соблаговолили остановиться въ нашей гостиницѣ; это намъ весьма лестно и полезно, а за это я постараюсь предоставить вамъ покой и всякое угожденіе. Такъ, по совѣту полковника, я, извините, распорядился уже перенести ваши вещи сверху внизъ въ самый хорошій пумеръ. Пожалуйте, ваше превосходительство.

Всѣ разступились. Я взялъ карточку, а хозяинъ повелъ меня въ сопровожденіи лакеевъ въ нумеръ, ввелъ и освѣдомился, не желаю ли я чего? Я заказалъ ему ужинъ и чай. Онъ удалился, но затѣмъ, въ теченіе вечера, еще трижды навѣдывался ко мнѣ, столь важному гостю съ вопросами, не прикажу ли ему чего-нибудь.

Обдумывая, какъ поступить относительно тюрьмы, я, изъ предосторожности, записалъ на бумагѣ вкратцѣ лишь пункты, казавшіеся мнѣ неопровержимыми о воспаленіи колѣнъ арестантовъ, о свиньяхъ, о задержаніи сверхъ срока арестантокъ, о кормовыхъ на ихъ дѣтей и о плохомъ веденіи отчетности по мастерскимъ. Съ этою запискою явился я къ назначенному намѣстникомъ сроку, во дворецъ. Другой уже дежурный, тоже молодой флигель-адъютантъ, доложилъ обо мнѣ ему. Робко предсталъ я передъ фельдмаршаломъ въ его кабинетѣ.

— Здравствуйте, здравствуйте,—торопливо заговорилъ онъ, указывая мнѣ напротивъ себя на кресло и продолжалъ:—Садитесь и разсказывайте, пожалуйста, только правду, какъ люди содержатся, довольствуются, работаютъ, наставляются и т. д.

Я охарактеризовалъ обстановку, видъ арестантовъ и перешелъ къ воспаленію колѣнъ.

— Чт-о-о?..—съ недоумѣніемъ прервалъ онъ меня.—Да ксендзъ и смотритель сумасшедшіе, что ли? А докторъ почему допускаетъ мучить людей?

— Ни ксендза, ни старшаго доктора я не видалъ, смотритель, кажется, въ здравомъ умѣ, а младшій докторъ и фельдшеръ увѣряли меня, что многократно разновременно тщетно настаивали предъ старшимъ докторомъ, чтобы донесъ объ отмѣнѣ произвольнаго физическаго наказанія арестантовъ.

— Дальше, дальше, что? Слушаю.

Я изложилъ ему о свиньяхъ.

— Ка-акъ?.. Въ тюрьмѣ откармливаютъ свиней. Это ни на что не похоже!.. Еще нашли вы что?

Я доложилъ ему о противозаконной задержкѣ ткачихъ.

— Ну, нѣ-ѣтъ-съ, такъ нельзя, нельзя!.. Онъ рѣзко позвонилъ. Дайте-ка мнѣ вашу записку.

Я подалъ. Вошелъ флигель-адъютантъ.

— Поѣзжайте сію минуту въ уголовную тюрьму,—приказалъ онъ вошедшему,—а тамъ по этой вотъ вамъ запискѣ провѣрьте все и черезъ часъ вернитесь сюда, я буду васъ ждать.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ флигель-адъютантъ,—взялъ мою записку, поклонился и ушелъ.

— Такъ, вотъ что... гм... не ожид-далъ!.. Въ этой-то именно тюрьмѣ полагалъ я, порядокъ, анъ ошибся. Жаль... Жаль...

— Простите, ваше сіятельство, что я васъ огорчилъ, но я счелъ долгомъ доложить вамъ истину.

— Я вѣдь и просилъ васъ осмотрѣть тюрьму, въ увѣренности въ вашей опытности, и что вы отъ меня ничего не скроете.

— Не изволите ли теперь разрѣшить мнѣ удалиться?

— Ахъ, нѣ-ѣтъ, подождите; вы, можетъ статься, понадобитесь разъяснить мнѣ какія-нибудь недоразумѣнія. Сядьте вонъ къ тому столу и почитайте газеты, а я займусь бумагами. Посланный долго насъ не задержитъ.

Я повиновался, взялъ одну изъ кипы газетъ и сталъ читать, но въ глазахъ строки двоились, буквы прыгали, и я ничего толкомъ не понималъ, не видѣлъ; мысль, что посланецъ можетъ выставить меня лгуномъ, въ связи со слышанными мною наканунѣ отъ намѣстника словами: „я воленъ велѣть повѣсить, разстрѣлять“ и его гнѣвомъ—нагнали на меня страхъ, столь быстро увеличившійся, что предо мною даже рисовались висѣлицы и стрѣляющіе солдаты... Я переживалъ невыразимую нравственную пытку... Томительное, тягостное ожиданіе казалось мнѣ вѣчностью. Наконецъ, я заслышалъ изъ отдаленія серебристый звукъ шпоръ, сердце мое учащенно забилось, и я весь дрожалъ отъ волненія.

— Ну, что?—отрывисто освѣдомился фельдмаршалъ, поднявъ голову на входившаго.—Видѣли, провѣрили?

— Вѣрно, ваше сіятельство,—отчетливо произнесъ онъ, приближаясь къ столу.—Я смотрѣлъ, допросилъ...

Тяжкое бремя мгновенно свалилось съ моихъ плечъ, я протеръ глаза, оправился и смѣло стоялъ передъ столомъ.

— Да вѣрно то все, что въ запискѣ или нѣкоторые факты?

— О воспаленіи колѣнъ цифры списаны по настоящій мѣсяцъ изъ лазаретныхъ отчетовъ, которые мнѣ показали; свиней я насчиталъ 38; передержанныя арестантки еще въ тюрьмѣ; на недодачу кормовыхъ на дѣтей многія арестантки и мнѣ заявляли, а отчетность по мастерскимъ изъ какихъ-то перепачканныхъ листковъ требуетъ продолжительнаго труда свѣдущаго бухгалтера.

— Спасибо, спасибо вамъ, любезный графъ, за трудъ, благоволите, пожалуйста, тамъ подождать; вы мнѣ будете еще нужны.

Онъ поклонился и вышелъ.

— Вотъ такъ образцовая тюрьма,—произнесъ фельдмаршалъ съ горечью, покачавъ головою.—Что же послѣ этого продѣлывается въ обыкновенныхъ?

— Безпорядки одинаково присущи всѣмъ тюрьмамъ, потому что ими плохо занимаются,—пытался я ослабить его негодованіе.—Вамъ стоитъ только приказать, и всѣ недостатки устранятся, поэтому едвали, смѣю полагать, вамъ слѣдуетъ огорчаться.

— Напротивъ,—гнѣвно, съ удареніемъ говорилъ онъ,—я крайне огорченъ. И знаете ли почему? Моя жена, жен-на, ѣздитъ въ эту тюрьму и ничего, оказывается, не слышитъ, не видитъ... Изъ разнообразной филантропіи, самая богоугодная тюремная. Жена, по моему предложенію, и выбрала ее и еженедѣльно посѣщаетъ эту именно тюрьму, гдѣ даже ее нагло обманываютъ. И это обидно, ужасно обидно!..

— Я слышалъ отъ арестантокъ, что передъ пріѣздомъ вашей супруги, тамъ водворяется полный порядокъ,—рискнулъ я пояснить, догадавшись, о какой именно графинѣ толковали мнѣ арестантки,—начальство ее встрѣчаетъ, сопровождаетъ и показываетъ ей лишь казовую сторону, а арестанты и арестантки при начальствѣ не рѣшаются ей жаловаться; до нея ничего, понятно, не можетъ дойти, самой же ей уединяться съ арестантками для разспросовъ объ ихъ положеніи,—по меньшей мѣрѣ, неудобно.

— Ваше объясненіе не безосновательно, но отнюдь не оправдываетъ никого, даже моей жены!.. Я вамъ весьма благодаренъ за раскрытіе истины и прошу васъ къ себѣ, сегодня же, обѣдать въ 6 часовъ. Я позову властныхъ лицъ и при васъ же задамъ имъ за ихъ безстыдное равнодушіе къ ихъ обязанностямъ. Да, такъ ихъ распушу, что на долго запомнятъ.

Я поблагодарилъ его за высокую честь и попробовалъ отпроситься отъ обѣда, ссылкою на щекотливость предстоявшаго мнѣ положенія, но онъ рѣшительно отвергъ мои доводы и настоялъ на своемъ предложеніи, или вѣрнѣе приказаніи.

Я выбрался на улицу, съ одной стороны—довольный тѣмъ, что мои замѣчанія подтвердились, а съ другой стороны—озабоченный невѣдѣніемъ того, что впереди самого меня ожидало. Пройдя до гостиницы пѣшкомъ, я понемногу успокоился, записалъ весь разговоръ и предрѣшилъ отдаться произволу судьбы. Когда я вошелъ за полчаса до назначеннаго срока въ пріемную дворца, то увидѣлъ провѣрявшаго флигель-адъютанта, обрадовался ему, познакомился съ нимъ, съ графомъ Толстымъ, поблагодарилъ его за поддержку и высказалъ ему о затруднительности присутствовать при обличеніи властныхъ лицъ, которыя меня, конечно, не поблагодарятъ.

— Ваше положеніе неловкое, да,—отозвался онъ,—но оно несравненно лучше, нежели мое; вы сегодня или завтра уѣдете и, что потомъ будутъ говорить объ васъ—вамъ все равно, тогда какъ я, зная, что губернаторъ, оберъ-полицеймейстеръ и жандармскій начальникъ позваны сюда получить трепку,—долженъ притворяться передъ ними ничего объ этомъ не смыслящимъ. Затѣмъ, завтра они дознаются отъ смотрителя о моемъ участіи въ ихъ посрамленіи и будутъ почти ежедневно со мною наружно любезно встрѣчаться, а въ душѣ желать мнѣ сквозь землю провалиться... Вотъ какова служба при высокихъ начальникахъ. Впрочемъ, на сей разъ, намъ надо держаться незнакомыми, отмалчиваться и надѣяться; что фельдмаршалъ не выдастъ насъ, какъ обличителей, а что покажетъ завтра—не стоитъ загадывать.

Явились разомъ три генерала, дружелюбно поздоровались съ Толстымъ и, разговаривая съ нимъ вполголоса, — искоса посматривали на меня. Немного погодя, всѣхъ насъ пригласили въ гостиную. Жена фельдмаршала, почтенная старушка, и самъ онъ были тамъ. Генералы и Толстой поочередно подходили къ ней и почтительно цѣловали ея руку, а ему кланялись и пожимали руку. Онъ представилъ меня: сперва—женѣ, а потомъ генераламъ, называя меня только по фамиліи. Въ столовой я, какъ самый младшій, сѣлъ послѣднимъ, подальше отъ генераловъ. Завязался военный разговоръ, среди котораго жандармскій генералъ кстати вставилъ слова „инспекторскій смотръ". Фельдмаршалъ одобрилъ эти смотры, дающіе право солдатамъ заявлять начальству свои претензіи, при этомъ добавилъ, что радъ за солдатъ, которымъ дѣлаютъ инспекторскіе смотры баталіонные, полковые, бригадные, дивизіонные и даже корпусные командиры, а эти пять инстанцій гарантируютъ солдатъ отъ противозаконныхъ притѣсненій, обсчитываній, недодачъ и т. п., тогда какъ заключеннымъ не-солдатамъ некому жаловаться, ибо они брошены на произволъ какихъ-нибудь смотрителей, и ихъ претензій никто, къ сожалѣнію, не выслушиваетъ.

Генералы переглянулись между собою, а Толстой вполголоса занималъ графиню.

— Люди, напримѣръ,—продолжалъ графъ,—перенося взоръ съ одного генерала на другаго, за свои проступки подвергаются заключенію, для исправленія ихъ нравственности, а отнюдь не для того, чтобы они ожесточались и вдосталь развращались, но на практикѣ обнаруживается только послѣднее, потому что ихъ обсчитываютъ, обиратъ, скверно содержатъ, а жаловаться имъ некому; высшее начальство, которому ввѣрена ихъ судьба, ни о чемъ ихъ не спрашиваетъ, а ограничивается ложными донесеніями о благополучіи въ

тюрьмахъ. Между тѣмъ, это самое начальство о собственныхъ его выгодахъ старательно хлопочетъ, проситъ, выставляетъ свои якобы заслуги и всего добивается. Добросовѣстно ли, честно ли это?—объ этомъ никто, изъ себялюбія, не разсуждаетъ, а совѣсть свою усыпляетъ, выше себя поставленныхъ—обманываетъ, даже кары небесной не страшится!..

Физіономіи генераловъ начали вытягиваться, а глаза ихъ опускаться; они почувствовали себя не хорошо.

— На-дняхъ,—продолжалъ, между тѣмъ, графъ,—я случайно прочелъ одну книгу, которая навела меня на мысль освѣдомиться, что дѣлается въ здѣшнихъ гражданскихъ тюрьмахъ, надъ которыми всѣ вы, господа, суть непосредственные начальники, потому, конечно, быв-ваете тамъ и знак-комы съ тамошними пор-рядками!

Онъ смолкъ и пытливо смотрѣлъ на генераловъ, ожидая ихъ отвѣта.

— Бываемъ... знаемъ... тамъ, кажется, все какъ слѣдуетъ,—тихо, робко слышались голоса.

— Прекрасно,—иронически отвѣтилъ графъ.—Вы, не сомнѣваюсь, просвѣщенные, гуманные начальники радѣете о ввѣренныхъ вамъ частяхъ. Однако, въ какомъ, полагаете вы, находится положеніи уголовная, напримѣръ, тюрьма? По-вашему, вѣроятно, въ безукоризненномъ, а по-моему—въ безобразномъ, да, въ безобразномъ состояніи, а почему? Да потому лишь, что вы туда не заглядываете, такъ какъ, если бы хоть изрѣдка бывали тамъ, вникали, допрашивали арестантовъ, разслѣдовали и взыскивали съ виновныхъ, то, разумѣется, искоренили бы разныя мерзости...

Онъ смолкъ и пронизывалъ генераловъ негодующимъ взоромъ, а они краснѣли, морщились и глядѣли въ тарелки, ища въ нихъ облегченіе.

— Вы пожелаете, думаю, узнать хоть отъ меня, въ чемъ заключается то, что я назвалъ мерзостями? Такъ я вамъ доложу. Арестантовъ по четыре раза въ день заставляютъ, стоя голыми колѣнями на каменномъ полу,—по часу шлифовать его каменьями же, отчего они страдаютъ воспаленіемъ колѣнъ и по 50—70 въ день лежатъ въ лазаретѣ. Хорошихъ ткачихъ, по миновании сроковъ ихъ заключенія,—не выпускаютъ на свободу, потому что онѣ нужны, какъ даровыя работницы. Женщинамъ, содержащимся съ малолѣтними дѣтьми, положенныхъ на нихъ кормовыхъ не даютъ, потому что деньги эти кѣмъ-то отжиливаются. Пища арестантовъ и арестантокъ скверная, потому что ею откармливаютъ 30—40 свиней... Я могу, если, господа, вамъ угодно слушать—перечислить еще кое-что, но и указанныхъ фактовъ, думаю, дов-вольно. Какъ вамъ, господа, это кажется? Это ли

не безобразіе, не мерзость? Не я ли долженъ бы обо всемъ этомъ услышать отъ васъ, а не вы отъ меня? Постыд-дитесь, господа, постыдитесь!.. Вы, напримѣръ,—адресовался онъ къ жандармскому,—„царское око“, обязанное все знать, обо всемъ доносить, какъ изволите поступать?

Спрошенный растерянно бормоталъ что-то, остальные временами кидали въ меня подозрительные взгляды. Графиня предложила мужу прекратить тягостный разговоръ.

— Да и ты, матушка, хороша,—рѣзко замѣтилъ онъ ей.—Бываешь въ тюрьмѣ и ровно ничего не знаешь, или по пословицѣ „смотришь въ книгу, а видишь фигу!..“ Не вы ли, господа, снова обратился онъ къ генераламъ, осыпаны царскими милостями за свою ревностную и полезную службу? А какова она—вотъ образчикъ!.. Если я хоть что-нибудь подобное еще услышу—не пеняйте на меня; примѣню законъ во всей его строгости,—заключилъ онъ уже послѣ дессерта, всталъ и ушелъ.

Генералы откланялись графинѣ и сконфуженные, огорченные вмѣстѣ ушли, Толстой увелъ графиню, а я стоялъ въ раздумьи. Лакей позвалъ меня въ кабинетъ. Графъ опять поблагодарилъ меня за оказанную ему услугу, посовѣтовалъ мнѣ всегда и во всемъ руководствоваться правдою, предложилъ мнѣ обо всемъ, что замѣчу по его району особенно дурномъ—сообщить ему письмами въ собственныя руки, для безотлагательнаго распоряженія объ искорененіи зла, пожелалъ мнѣ полнаго успѣха и ласково отпустилъ меня. Мы вмѣстѣ вышли съ графомъ Толстымъ на улицу, поговорили о происшедшемъ, причемъ онъ настойчиво посовѣтовалъ мнѣ тотчасъ же уѣхать изъ Варшавы, во избѣжаніе могущихъ постигнуть меня самого непредвидѣнныхъ непріятностей за обличенія, которыхъ мнѣ, дескать, не простятъ. Я внялъ его доводамъ, онъ доѣхалъ со мною до почтоваго двора, приказалъ запречь для меня въ удобный экипажъ лошадей, распрощался со мною, а я на почтовыхъ уже заѣхалъ въ гостиницу, уложилъ свой багажъ, расплатился и уѣхалъ обратно въ Новогеоргіевскъ.

Узнавъ о моемъ возвращеніи, Жуковскій прислалъ за мною и внимательно разспрашивалъ меня, какъ провелъ я время въ Варшавѣ. Я откровенно разсказалъ ему все, со мною и при мнѣ случившееся. Онъ пожалѣлъ, что второпяхъ забылъ снабдить меня письмами къ своимъ друзьямъ, черезъ которыхъ мнѣ легко было бы оріентироваться, прибавилъ, что фельдмаршалъ мудрый правитель, дорожитъ правдою и за нее меня не забудетъ. Затѣмъ вызвался пойти со мною въ роту, гдѣ не былъ уже съ мѣсяцъ. Свистуновъ чрезвычайно испугался неожиданному нашему появленію и вьюномъ завертѣлся около насъ.

— Вы,—строго спросилъ его Жуковскій—уничтожили, надѣюсь,

тайныя мастерскія, задѣлали вездѣ полъ и съ подрядчиками больше не шушукаетесь?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство,—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ онъ;—клянусь Богомъ, больше не буду нарушать никакихъ правилъ.

— Я учредилъ самый строгій тайный надзоръ за всѣми вашими дѣйствіями, и, если малѣйшее что обнаружу—подъ судъ угодите. Ступайте составлять отчетъ, а мы безъ васъ обойдемся.

Точно ошпаренный, отскочилъ Свистуновъ и, понуря голову, направился въ канцелярію, а мы въ сопровожденіи дежурнаго офицера—по казармѣ. Вдругъ изъ одного темнаго карцера раздалась громкая, площадная брань, съ прибавкою словъ: „ваше превосходительство". Мы остановились и прислушивались. Брань повторилась. Жуковскій приказалъ отпереть карцеръ, изъ котораго слышалась брань. Отворили дверь, и мы вошли внутрь, но не могли разглядѣть человѣка, потому вышли назадъ, и онъ велѣлъ ругателю выдти на свѣтъ, въ корридоръ. Предъ нашими глазами предсталъ молодой, исхудалый, дрожавшій арестантъ, глаза его дико блуждали, а лицо искажалось судорогами.

— Ты ругался?—спокойно спросилъ его Жуковскій.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— А кого ты обругалъ?

— Васъ, ваше превосходительство.

— Развѣ ты зналъ, что я здѣсь?

— Догадался, слышалъ, какъ проходили,..

— Знаешь ли ты кто я?

— Знаю: комендантъ здѣшней крѣпости, ваше превосходительство.

— За что же ты меня обругалъ?

— Чтобы вы меня сослали на каторгу, либо разстрѣляли, потому какъ сидѣть въ темной одиночкѣ мнѣ не въ моготу, ваше превосходительство.

— Давно ты находишься въ одиночномъ заключеніи?

— Съ самаго прибытія сюда уже мѣсяцъ, да остается сидѣть еще два мѣсяца. Явите, ваше превосходительство, божескую милость—прикажите меня отправить на каторгу, либо къ разстрѣлу, не то я рехнусь въ клѣткѣ, либо кого-нибудь задушу, но жить тутъ не стану: не мог-гу терпѣть...

— Ты совершилъ самое тяжкое преступленіе—оскорбилъ высшаго здѣсь своего начальника, а за это подлежишь дѣйствительно преданію полевому суду, а по его приговору—разстрѣлянію, такъ что черезъ 24 часа жизнь твоя должна кончиться. Однако, ты молодъ, не разуменъ, у тебя, можетъ статься, есть родители, жена, дѣти, а я,

какъ христіанинъ, соболѣзнуя о бѣдѣ ближняго, не желаю твоей преждевременной насильственной смерти, поэтому я прощаю тебѣ тяжкую, помни, твою вину, да мало того прикажу перевести тебя въ общую камеру, но тамъ ты долженъ загладить свое прегрѣшеніе кротостью, послушаніемъ, трудолюбіемъ и молить Бога, чтобы Онъ помогъ тебѣ образумиться и исправиться. Слышишь: я тебя прощаю.

Арестантъ упалъ въ ноги Жуковскому и истерически зарыдалъ. Жуковскій велѣлъ ему встать, но онъ не могъ: унтеръ поднялъ его и поставилъ на ноги. Онъ зашатался и вновь грохнулся на полъ, продолжая рыдать. Мы простояли минутъ десять, покамѣстъ онъ утихъ и по приказанію Жуковскаго самъ всталъ... Все лицо его горѣло багровымъ румянцемъ, а глаза искрились чуднымъ блескомъ.

— Ваше превосходительство воскресили меня изъ мертвыхъ,—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ. Покорнѣйше благодарю... Я постараюсь...

— Помни же: я тебя прощаю, но ты молись Богу, чтобы Онъ ниспослалъ міръ въ твою душу. Живи съ товарищами и знай, что я буду слѣдить за твоимъ поведеніемъ. Отвести его въ общую камеру!

Онъ пошелъ, еле передвигая ноги и потупившись.

— Въ немъ заговорили стыдъ и совѣсть,—замѣтилъ Жуковскій, значитъ, онъ изъ буйнаго сдѣлается кроткимъ. Какъ, подумаешь, власть сильна! Могъ повѣсить, а простилъ!.. Правда, я самъ нарушилъ дисциплину, но съ меня никто, вѣдь, за это не взыщетъ, а между тѣмъ я спасъ человѣка отъ смерти, а это произведетъ на всѣхъ арестантовъ благотворное впечатлѣніе: они умѣютъ цѣнить снисхожденіе къ нимъ. Выдуманное за границею и примѣненное къ нимъ одиночное заключеніе, да еще въ темныхъ карцерахъ,— ужасная пытка для нашихъ простолюдиновъ!..

Мы продолжали обходъ часа два и, когда приблизились, на обратномъ пути, къ выходу, на лицахъ многихъ арестантовъ замѣчали радостное выраженіе, явившееся, какъ мы дознались, результатомъ именно прощенія Жуковскимъ преступленія ихъ товарища. Обстоятельство это самого его растрогало, и онъ позвалъ меня походить съ нимъ по улицамъ, чтобы на воздухѣ легче успокоиться. Долго внимательно слушалъ я умныя его рѣчи о разныхъ предметахъ. Онъ завелъ меня въ соборъ, увидѣлъ тамъ тощаго и чрезвычайно угрюмаго унтеръ-офицера и обошелся съ нимъ чрезвычайно ласково, а потомъ, на улицѣ разсказалъ мнѣ, что Архиповъ, такъ назвалъ онъ унтера,—бывшій арестантъ, находился въ услуженіи въ квартирѣ начальника роты (предмѣстника Свистунова), при чемъ жена его, развитая, но экзальтированная женщина, вѣроятно въ отмщеніе мужу, за частыя его измѣны ей—безумно влюбилась въ арестанта, восполь-

зовалась обольщеніемъ мужемъ ея горничной и въ порывѣ ли страсти или великодушія, но настояла на преждевременномъ освобожденіи арестанта изъ роты, на зачисленіе его въ инженерную команду, на вступленіе его въ бракъ съ горничною и на производство его потомъ въ унтеръ-офицеры. Все это было, по словамъ Жуковскаго, противозаконно, но все это сдѣлали, ибо всѣ вліятельныя дамы поддерживали сумасбродную, которая истратила на обстановку и обезпеченіе своего бывшаго возлюбленнаго съ женою до полуторыхъ тысячъ, а устроивъ его въ лучшемъ, казалось, видѣ—бросила мужа и переселилась въ Тверь, къ роднымъ. Вскорѣ послѣ того жена Архипова умерла отъ родильной горячки, а онъ постепенно впалъ въ безконечную грусть и избавленный отъ всякой службы—проводитъ всѣ дни въ церкви, либо на кладбищѣ.

— Его жизнь цѣлая трагедія,—прибавилъ Жуковскій, онъ былъ весьма красивый, способный, ловкій, и многія здѣшнія дамы имъ увлекались, а теперь горячо его жалѣютъ: несчастія превратили его, кажется, въ маніака. Совѣтую вамъ познакомиться съ нимъ и, если съумѣете расшевелить его,—услышите отъ него много интереснаго и назидательнаго [1]).

Я замѣтилъ своему собесѣднику, что весь край врядъ ли еще оправился отъ трагическаго положенія, въ которое ввергло его бывшее возстаніе.

— Да, потерпѣлъ,—это правда, но и послѣ погрома сохранилъ свой гоноръ: народъ, надо, къ сожалѣнію, признаться, значительно культурнѣе русскаго, вслѣдствіе сильнаго вліянія на него фанатическаго духовенства, просвѣщенія и близости Европы, а низшая культура никогда не въ состояніи поработить высшую культуру. Стремясь къ водворенію въ краѣ русскаго элемента для ослабленія польскаго и противодѣйствія ему,—говорилъ онъ,—правительство предприняло разныя мѣры, напр., стало дарить и продавать, на льготныхъ условіяхъ, конфискованныя имѣнія, но кому? Прежде всего, сановникамъ, которые, получивъ имѣнія,—поручали управлять ими полякамъ же, или русскимъ чиновникамъ, служащимъ въ краѣ, а сами вернулись въ Петербургъ и пользуются тѣми доходами, какіе поляки и русскіе имъ присылаютъ. Однако, управляющіе обѣихъ категорій только вредны: поляки—по принципу обманываютъ своихъ довѣрителей и всего русскаго чуждаются, а чиновники, въ хозяйствѣ ничего не смыслящіе, держатъ фактическими управляющими поляковъ

[1]) Я послѣдовалъ совѣту—провѣрилъ услышанное дѣломъ роты и почерпнутыми отъ мѣстныхъ дамъ свѣдѣніями, а затѣмъ изобразилъ этого несчастнаго въ разсказѣ „Терпѣніе все превозмогаетъ“ (см. кн. „Разнообразіе“, изд. 1895 г.).

же, а сами пользуются долями доходовъ, да еще протекціями владѣльцевъ-сановниковъ для своей карьеры. Затѣмъ явились охотники совершить обрусеніе—русскіе разоренные помѣщики безъ всякаго знанія, и безъ гроша въ карманѣ, просто, по мѣткому выраженію Щедрина—„жрать“, а чтобы добыть, что жрать, подчинились мѣстнымъ полякамъ, которые ихъ презираютъ. Далѣе нахлынувшее въ край на службу чиновничество состоитъ изъ тѣхъ, которые не находили мѣстъ внутри Россіи, интересуются исключительно жалованьемъ. Наконецъ, далеко не могущіе по развитію импонировать полякамъ офицеры заняты своею службою, отрывочными досугами, естественнымъ для одинокихъ волокитствомъ за польками и то предпочтительно безуспѣшно, потому что въ общемъ ни талантами, ни богатствомъ плѣнять ихъ не могутъ. Какой же, спрашивается, противовѣсъ и какую можемъ мы внести свѣжую струю въ здѣшнюю жизнь? Рѣшительно никакой! Мнѣ, напр.,—продолжалъ—онъ, отпускается сумма на представительство и объединеніе польскаго общества съ русскимъ, и я нѣсколько разъ въ году устраиваю вечера для окружныхъ помѣщиковъ и своихъ подчиненныхъ, и что же? Поляки говорятъ по-французски, по-нѣмецки, по-русски и, разумѣется, по-польски, ведутъ себя деликатно, разсуждаютъ объ иностранной политикѣ, о своихъ заграничныхъ наблюденіяхъ, литературѣ, художествѣ, хозяйствѣ и т. д., потому что они читаютъ, размышляютъ, ведутъ опредѣленный образъ жизни. А наши начинаютъ съ поисковъ картъ, а продолжаютъ и кончаютъ выпивками: внѣ картъ, волокитства и попоекъ имъ скучно, тошно!.. И если бы не воспретили офицерамъ жениться на польвахъ—они бы живо ополячились: ксендзы такъ ловко дисциплинировали полекъ, что онѣ охотно выходятъ замужъ за русскихъ съ главною цѣлью—ополячить своихъ простодушныхъ мужей, русскихъ офицеровъ и чиновниковъ.

Онъ развивалъ мнѣ свои мысли о трудности достиженія обрусенія края такъ послѣдовательно, обстоятельно и долго, что усталъ отъ ходьбы, да спохватился, что давно пора обѣдать, и пригласилъ меня къ себѣ. Послѣ обѣда онъ отправился отдохнуть, а Акимовъ, бывшій третьимъ за столомъ, пошелъ со мною ко мнѣ „въ царскіе покои“. Тамъ онъ разсказалъ мнѣ, что во время моего отсутствія комендантъ созвалъ къ себѣ ротный комитетъ, тщательно рылся въ дѣлахъ, по моимъ указаніямъ изобличилъ Свистунова въ плутняхъ и жестоко распекалъ его.

— А онъ, ошалѣвши отъ гонки,—набросился на племянницу, пояснилъ Акимовъ,—за то, что она не съумѣла настолько плѣнить васъ, чтобы вы не проникали въ суть его дѣлъ и не трогали его. Ты, кричалъ онъ, сирота и безприданница—живешь на моемъ иждя-

венін, ждешь: черезъ меня — жениха, отъ меня — приданаго, а я могу тебя снарядить только здѣшними доходами. Если же я слечу съ мѣста, ты шишъ получишь, тебѣ, дескать, слѣдовало направить противъ него всѣ женскія лукавыя ухищренія, увлечь его, ну, на свиданіе, поцѣлуй и т. д. Мы, мужчины, особливо молодые, всегда заримся на ваши маски, податливы на ваши ласки. А теперь онъ все разнюхалъ, озлобился, натравилъ на меня коменданта, и мнѣ несдобровать... Самъ онъ сюда больше не зайдетъ, а на мой зовъ не пойдетъ, такъ ищи, лови его и поправь мое скверное положеніе, не то убирайся хоть къ чорту... Нѣсколько разъ на дню онъ осыпаетъ ее упреками и настойчиво повторяетъ свое постыдное порученіе. Все это передала мнѣ ея подруга, съ ея словъ. Жаль, право, жаль ее..

Мы пробесѣдовали довольно долго, но исхода для облегченія положенія дѣвушки не нашли. Просидѣвъ весь слѣдующій день въ канцеляріи за чтеніемъ отчетовъ и дѣлъ, я ушелъ оттуда уже въ сумеркахъ. Издали замѣтилъ Свистуновскую племянницу, точно нарочно замедлявшую шагъ, чтобы я ее нагналъ. Мнѣ захотѣлось провѣрить разсказъ Акимова, и я, поравнявшись, поздоровался съ нею.

— Ахъ, это вы...—воскликнула она, зардѣвшись, отчего къ намъ не заходите?

— Извините, мнѣ некогда.

— Нѣтъ, не потому, вы остерегаетесь...

— Провалиться вторично сквозь землю, какъ чуть не провалился въ казармѣ?

— Въ нашей квартирѣ полъ крѣпкій и провалиться нельзя. Вы недовольны дядюшкиными дѣлами, но отъ нихъ и непричастные къ нимъ—терпятъ...

— Слыхалъ и это. Впрочемъ, отъ вашего дядюшки не только арестанты, но и казна терпитъ.

— А онъ изъ себя выходитъ: боится, что вы его погубите, а отъ него страдаю и я... Пожалуйста, будьте снисходительны къ нему и меня пожалѣйте... Онъ... онъ гонитъ меня къ вамъ спасать его... Вѣдь, если его смѣнятъ—мнѣ придется въ рѣку броситься...

— Успокойтесь: комендантъ взялся упорядочить всѣ дѣла, и все обойдется... Я не желаю зла никому, а вамъ въ особенности.

—Такъ будьте же столь милы, не трогайте дядю... Не отравляйте мнѣ и безъ того не радостную мою жизнь, ради Бога...

— Я уже сказалъ вамъ все, что могъ. До свиданья.

— Нѣ-ѣтъ, я отъ васъ не отстану,—говорила она, крѣпко держа мою руку,—дайте мнѣ честное слово простить дядюшкины прегрѣшенія, какія онъ натворилъ. Я на васъ вполнѣ полагаюсь, довѣряюсь вамъ.

— Благодарю васъ за довѣріе, котораго я не заслужилъ отъ васъ. Мнѣ, извините, недосугъ, а вамъ пора домой: темнѣетъ уже.

— Я не могу вернуться домой безъ вашего честнаго, благороднаго слова... Если бы я васъ не дождалась на улицѣ,—я къ вамъ бы въ покой пришла... я готова всю ночь просить васъ...

— Напрасно. Прохожіе посматриваютъ на насъ.

— Мнѣ все равно...

Я вынужденъ былъ увѣрить ее, что не повредy ея дядюшкѣ, чтобъ только отстала отъ меня, такъ какъ она норовила идти со мною въ покои, т. е. оскандалить себя и меня.

Опасаясь повторенія выходокъ племянницы, я избѣгалъ встрѣчъ съ нею и даже сократилъ свое пребываніе въ Новогеоргіевскѣ. Однако, Свистуновъ проѣхалъ о времени предположеннаго мною отъѣзда и наканунѣ вечеромъ самъ явился ко мнѣ и заговорилъ о трудности ѣздить на почтовыхъ. Я молча слушалъ.

— Позвольте предложить вамъ мою коляску съ парою лошадей? Онѣ быстро бѣгутъ.

— А куда же я ихъ, въ Варшавѣ, дѣну?

— Куда угодно. Я желаю оказать вамъ маленькую услугу...

— Полноте увертываться. Вы сами берете съ подрядчиковъ, мастерскихъ и проч., такъ думаете, что и я такой же? Это съ вашей стороны низко.

— Я ничего, кажется, дурнаго вамъ не сказалъ, а вы гнѣваетесь.

— Вы племянницу свою подсылали ко мнѣ, ради искупленія своихъ гадкихъ поступковъ.

— Ахъ я, въ попыхахъ, чуть не забылъ: племянницѣ моей, дѣйствительно, нужно побывать въ Варшавѣ, поѣзжайте вмѣстѣ съ нею, вамъ и будетъ веселѣе: Варшаву она хорошо знаетъ и покажетъ ее вамъ, побываете въ театрахъ, на гуляньяхъ, а потомъ она и вернется назадъ.

— Рѣшительно отказываюсь ѣхать съ нею.

— Напрасно. О расходахъ не безпокойтесь; я дамъ ей денегъ на все, а она, разбитная, съумѣетъ васъ развлечь и проводитъ...

— Все, что я отъ васъ слышалъ, отвратительно, а потому уходите, покамѣстъ я васъ не выгналъ.

— Въ такомъ случаѣ простите, пожалуйста, мое легкомысліе: я до старости дожилъ, а ума, къ несчастію, еще не нажилъ. Данное вами моей племянницѣ благородное слово вы, надѣюсь, сдержите? Желаю вамъ счастливаго пути и ухожу, чтобы васъ не сердить своею болтовнею.

Когда онъ ушелъ, я замѣтилъ на столѣ конвертъ, распечаталъ его и нашелъ въ немъ пять сотенныхъ ассигнацій, пошелъ къ Жу-

ковскому, передалъ ему все слышанное отъ племянницы и дядюшки и деньги. Онъ возмутился всѣмъ, обѣщалъ мнѣ на деньги улучшить пищу арестантовъ, а Свистунова сокрушить. Мы распрощались самымъ дружелюбнымъ манеромъ, а раннимъ утромъ я уѣхалъ.

VI.

Образцовая рота въ Бобруйскѣ.—Мужъ и жена Саврасовы.—Опасность на пути въ Бобруйскъ.—Бобруйскій комендантъ генералъ Бабкинъ.—Его разсказъ о князѣ Дадіанѣ и каменномъ мѣшкѣ въ Бобруйской крѣпости.— Подполковникъ. Валуевъ. – Полковникъ Іолшинъ и его арестантская теорія. — Трагедія на кирпичномъ заводѣ и на судѣ.—Представленіе мною записки Д. А. Милютину.— Недовольство генерала Анненкова моимъ докладомъ военному министру.— Резолюція военнаго министра.—Назначеніе коммиссіи.—Мое личное объясненіе съ генераломъ Анненковымъ.—Неудавшаяся вновь командировка.—Предложеніе Анненкова продать ему мою рукопись. — Генералъ Анненковъ и литераторъ Разинъ.

Я направился черезъ Варшаву по желѣзной дорогѣ, въ Брестъ-Литовскъ, а тамъ остановился въ единственной городской гостиницѣ, которую содержалъ весьма любознательный и словоохотливый еврей, который поспѣшилъ, между прочимъ, охарактеризовать мнѣ, съ разныхъ сторонъ, все крѣпостное начальство, а начальника роты, подполковника Саврасова, назвалъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ начальниковъ, по его справедливости и жалостливости къ арестантамъ, при чемъ прибавилъ, что и жена его принимаетъ большое участіе въ нихъ и ихъ женахъ, пріѣзжающихъ на свиданія съ ними, содержитъ ихъ, выхлопатываетъ имъ даровой проѣздъ домой и даже снабжаетъ деньгами на пропитаніе въ пути.

— И онъ, и она, съ гордостью пояснилъ онъ,—провели—страшно и подумать—цѣлый годъ на войнѣ въ Севастополѣ, ежедневно видѣли, какъ вокругъ нихъ убивали, умирали, а за то, что Богъ ихъ сохранилъ (онъ раненъ, впрочемъ, въ челюсть), — они и сдѣлались, по Божьему велѣнію, добродѣтельными на рѣдкость.

Такой же приблизительно отзывъ о Саврасовыхъ слышалъ я потомъ отъ многихъ солдатъ и евреевъ, сновавшихъ изъ города въ крѣпость и обратно. Проходя въ крѣпости по улицѣ, я, возлѣ одного дома, увидѣлъ четырехъ деревенскихъ женщинъ, вступилъ съ ними въ разговоръ, и онѣ, назвавшіяся женами арестантовъ, подтвердили мнѣ слова хозяина гостиницы, что призрѣны командиршею и ждутъ даровыхъ билетовъ на возвратъ на родину въ Смоленскую и Витебскую губерніи.

Комендантъ, генералъ Эллерсъ, къ которому я явился, не принялъ меня, по болѣзни, а замѣстившій его плацъ-майоръ, старый полковникъ Бобровъ, заявилъ мнѣ, что въ ротѣ арестантамъ гораздо лучше, нежели солдатамъ въ полкахъ. Я усомнился въ этомъ.

— Повѣрьте—такъ, убѣждалъ онъ меня.—Саврасовъ и его жена живутъ исключительно интересами арестантовъ, которыми до такой степени дорожатъ, что многократно мѣняли, напр., разныхъ офицеровъ, покамѣстъ подобрали подходящихъ къ ихъ понятіямъ. Интендантскимъ, инженернымъ и желѣзнодорожнымъ властямъ оба постоянно надоѣдаютъ просьбами о работахъ для арестантовъ и ихъ женъ, о даровыхъ проѣздныхъ билетахъ, вещахъ и проч. Вамъ, я увѣренъ, они обрадуются: отведутъ душу въ бесѣдахъ съ вами о своихъ, какъ называютъ, несчастныхъ питомцахъ, будутъ домогаться вашихъ совѣтовъ о способахъ къ доставленію имъ утѣшенія, даже развлеченій, точно кадетамъ. На нашъ общій взглядъ это пара чудаковъ. Впрочемъ, поѣдемте въ роту, и вы черезъ часъ убѣдитесь, что Саврасовы люди не отъ міра сего...

Я согласился, и мы поѣхали. Стоявшій предъ воротами часовой безъ звонка безпрепятственно пропустилъ насъ внутрь, и мы вошли въ ротную канцелярію. Бобровъ послалъ въ казарму за Саврасовымъ. Медленною походкою вошелъ худощавый, пожилой, средняго роста съ поврежденною щекою, но симпатичный на видъ Саврасовъ. Бобровъ поздоровался съ нимъ, кратко познакомилъ насъ и ушелъ. Я предъявилъ Саврасову свой открытый листъ и всматривался въ него.

— Спрячьте вашъ листъ,—спокойно началъ онъ, взглянувъ на подпись, я не только никому не возбраняю входить сюда, но охотно принимаю всѣхъ и показываю все, что здѣсь дѣлается, въ надеждѣ на участіе, а вамъ я очень, очень радъ: вы, какъ опытный, укажете мнѣ недостатки, которые я съ удовольствіемъ постараюсь устранить. Не угодно ли вамъ сперва—обозрѣть помѣщенія, людей, попробовать пищу,—кстати скоро обѣдъ, а потомъ—ознакомиться уже съ подробностями, дѣлами и отчетами, какимъ вамъ угодно способомъ: никакихъ секретовъ у меня нѣтъ, приготовленій и къ смотрамъ не бываетъ, а я представляю все въ будничномъ положеніи, чтобы легче судить, основательно ли я дѣйствую.

Мы пошли по казармѣ лишь вдвоемъ. Вездѣ было чисто, чинно, люди выглядѣли здоровыми, бодрыми и страха въ нихъ предъ начальникомъ никакого не замѣчалось; одежда на нихъ была опрятная, а на многочисленные разнородные вопросы—они отвѣчали смѣло. Онъ помнилъ чуть ли не всѣхъ по фамиліямъ, за что осуждены, на какіе сроки, какого кто поведенія и чѣмъ занимался. Одиночному заключенію подвергалъ онъ, какъ самъ признался мнѣ, лишь за про-

ступки и то не дольше какъ на двѣ недѣли, а тѣлесное наказаніе вовсе не практиковалъ. Попробованная нами пища оказалась свѣжею, вкусною и питательною. Съ обхода вернулись мы въ канцелярію, гдѣ застали всѣхъ шесть ротныхъ офицеровъ, собравшихся въ засѣданіе ротнаго комитета. Саврасовъ представилъ ихъ мнѣ и предложилъ мнѣ принять участіе въ засѣданіи. Оказалось, что офицеры завѣдывали каждый отдѣльною частью, обо всемъ, что дѣлалось — ежедневно записывали въ журналъ, который вечерами прочитывалъ Саврасовъ, объ экстренныхъ надобностяхъ дѣлалъ тотчасъ же распоряженія, а о прочемъ дважды въ недѣлю обсуждалось всѣми въ засѣданіи, гдѣ всѣ свободно высказывали свои мнѣнія, а рѣшалось голосами. Офицеры относились къ Саврасову съ уваженіемъ, но безъ дисциплинарнаго чинопочитанія. Между разными хозяйственными предметами одинъ офицеръ просилъ о разрѣшеніи тремъ арестантамъ за ихъ хорошее поведеніе написать роднымъ по письму и послать изъ ихъ заработковъ по рублю, чтобы письма вѣрнѣе дошли. По этому поводу Саврасовъ разъяснилъ мнѣ, что хотя закономъ это не дозволено, но онъ, по настоянію жены, на свой страхъ, это дѣлаетъ, для сохраненія связи между арестантами и ихъ семействами, что арестанты очень дорожатъ этою льготою, а она побуждаетъ ихъ вести себя лучше. Другой офицеръ доложилъ, что затосковавшагося арестанта полезно отправить, на нѣкоторое время, на ротный огородъ. Объ этомъ Саврасовъ разсказалъ мнѣ, что заболѣвшихъ физически и нравственно переселяетъ на жительство на огородъ, гдѣ на вольномъ воздухѣ они поправляются, занятія напоминаютъ имъ деревенскую ихъ жизнь, ободряютъ ихъ и успокаиваютъ раздраженные ихъ нервы. Я замѣтилъ, что съ огорода не мудрено, вѣдь, и убѣжать.

— Да, даже легко, —отвѣтилъ Саврасовъ. — Два унтеръ-офицера живутъ тамъ съ 15—25 арестантами въ простой избѣ, ими же построенной, ни оградъ, ни запоровъ нѣтъ, но мы посылаемъ туда испытанныхъ въ поведеніи, да ихъ предваряемъ, что всѣхъ бѣглыхъ ославливаютъ и подвергаютъ усиленнымъ наказаніямъ и, если хоть одинъ убѣжитъ:—всѣхъ въ тотъ же день переведутъ сюда: чувство самосохраненія заставляетъ ихъ караулить другъ друга, прилежно трудиться и не возстановлять противъ себя товарищей, такъ какъ возвращеннымъ въ роту за провинность—тутъ товарищи спуску не дадутъ за лишеніе другихъ возможности попасть на отдыхъ, о чемъ всѣ мечтаютъ.

Третій офицеръ доложилъ, что фонарь для туманныхъ картинъ попортился, а механикъ желѣзнодорожной станціи не успѣетъ, какъ отозвался, исправить его до воскресенья. Саврасовъ сообщилъ мнѣ, что по праздникамъ послѣ обѣда офицеры занимаются чтеніемъ арестантамъ духовнаго и историческаго содержанія книгъ съ туманными

картинами; арестанты съ большимъ интересомъ слушаютъ, а этимъ способомъ устраняется вредное препровожденіе времени; на фонарь и книги 250 руб. собрала его жена пожертвованіями среди знакомыхъ. Тогда же мнѣ стало извѣстно, что въ ротномъ лазаретѣ больные арестанты снабжались фельдшеромъ книгами для чтенія. Обученіемъ грамотѣ занимался діаконъ за плату, которую получалъ онъ отъ жены Саврасова, а по воскресеньямъ послѣ обѣдни священникъ произносилъ проповѣди.

Я вышелъ изъ роты утѣшенный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Провожая меня, Саврасовъ, освѣдомившись, что я остановился въ городѣ, предложилъ мнѣ переселиться къ нему, такъ какъ квартира его большая, живутъ въ ней только онъ и его жена, ни въ чемъ мнѣ не помѣшаютъ, да и я буду близъ роты. Изъ предосторожности я уклонился, покамѣстъ осмотрюсь. Слѣдующимъ раннимъ утромъ поѣхалъ я прямо на огородъ, засталъ арестантовъ работавшими, изъ разговоровъ съ ними убѣдился въ справедливости слышаннаго мною наканунѣ и къ 10 часамъ прибылъ въ роту, гдѣ засталъ все во вчерашнемъ порядкѣ. Въ разговорѣ со мною Саврасовъ утверждалъ, что довѣріе къ арестантамъ возвышаетъ ихъ въ собственныхъ и его глазахъ. Я нарочно оспаривалъ его мнѣніе. Онъ предложилъ мнѣ указать ему любаго арестанта, котораго при мнѣ же пошлетъ *одного* въ городъ за покупками, и онъ вернется съ ними къ назначенному сроку. Я выбралъ изъ стоявшихъ фронтомъ чел. 200 самаго, по виду, угрюмаго. Онъ вызвалъ его впередъ.

— Вотъ тебѣ три рубля,—приказалъ онъ ему,—ступай въ городъ, купи по этой запискѣ, въ лавкѣ Гринберга гвоздей, нитокъ и травы и принеси все къ часу. Тѣ долженъ, помни, это исполнить въ точности, чтобы мнѣ не краснѣть за тебя, если ты перепутаешь или вздумаешь скрыться.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше вскородіе,—отвѣтилъ арестантъ;—помню, какъ приказали.

— А вы, ребята,—обратился онъ къ фронту,—слышали, что я ему велѣлъ и что онъ обѣщалъ?

— Точно такъ-съ, слышали,—раздались голоса.

— Какъ вы думаете: обманетъ онъ меня или нѣтъ?

— Нѣ-ѣтъ. Нельзя, обмануть не посмѣетъ, коли довѣряете.

— Не только я, но и твои товарищи тебѣ довѣряютъ, потому ступай съ Богомъ.

Арестантъ съ деньгами и съ запискою ушелъ, а мы направились дальше, потомъ въ канцелярію, гдѣ занялись каждый своимъ дѣломъ. Около часу посланный арестантъ предсталъ предъ мною и Саврасовымъ съ тюкомъ, счетомъ и сдачею въ 1 р. 45 к. Саврасовъ

велѣлъ дѣлопроизводителю провѣрить покупки со счетомъ. Все оказалось вѣрно.

— Спасибо тебѣ за точное исполненіе приказанія,—сказалъ Саврасовъ арестанту.—Будешь сегодня же переведенъ изъ испытуемыхъ въ исправляющіеся, такъ какъ ты поступилъ честно, и отнынѣ я считаю тебя за хорошаго по исведенію. Иди обѣдать.

— Радъ стараться, ваше вскородіе. Покорно бла—дарю за милость ко мнѣ.

Онъ ушелъ, а Саврасовъ торжествовалъ. Сочувствуя ему, я, по его настоянію, по пути зашелъ съ нимъ къ нему домой. Высокая, полная, пожилая дама, его жена, съ Севастопольскою медалью на груди, приняла меня очень привѣтливо, но съ достоинствомъ. Мы разговорились. Отъ арестантскихъ дѣлъ перешли къ личнымъ. Я узналъ отъ нихъ, что въ Севастополѣ они служили: онъ—въ полку офицеромъ, а она—въ числѣ сестеръ милосердія. Знакомство свели они въ госпиталѣ, куда его доставили, обезображеннаго раною, но знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ собственноручно сдѣлалъ ему операцію челюсти и выправилъ лицо, а она потомъ перевязывала ему лицо. По замиреніи они въ Петербургѣ вступили въ бракъ, его назначили въ крѣпостные плацъ-адъютанты: сперва—въ Кронштадтъ, а потомъ—въ Петербургъ, но должность эта казалась имъ пустой, потому, желая быть полезными—принялъ онъ должность начальника роты, а въ ней оба нашли себѣ настоящее дѣло, вполнѣ соотвѣтствующее ихъ направленію. Все это говорили они просто, безъ малѣйшаго самохвальства. Я намѣревался уйти. Онъ повторилъ мнѣ приглашеніе переѣхать къ нимъ.

— И я прошу васъ оказать намъ этимъ свое сочувствіе,—поддержала она.—Вы затрудняетесь, какъ я догадываюсь, изъ опасенія, какъ бы вамъ за наше гостепріимство потомъ не пришлось поступиться сужденіями о ротѣ—совершенно напрасно: мы не только ничѣмъ не пользуемся отъ роты, но ей еще удѣляемъ, что можемъ, дѣйствуемъ во всемъ по мѣрѣ разумѣнія да по совѣсти, поэтому просимъ васъ пожить у насъ не въ видѣ подкупа васъ, а напротивъ съ цѣлью извлечь изъ удобныхъ бесѣдъ съ вами пользу для роты. Въ ней все открыто для всѣхъ, а для васъ и подавно, значитъ, ежедневно тратить время на разъѣзды въ городъ и обратно 7 верстъ вамъ, право, не резонъ. Такъ переѣдете къ намъ?

Я согласился. Мнѣ отдѣлили комнату въ сторонѣ, а разговорами занимались мы послѣ обѣда и вечерняго чая до полуночи. Затѣмъ по ротѣ ходилъ я одинъ, съ арестантами бесѣдовалъ въ волю, дѣла показывали мнѣ съ разъясненіями даже мелкихъ упущеній. Я тщательно изучилъ все, но, не отыскавъ рѣшительно ничего дурнаго, успокоился.

Въ мѣстномъ военномъ клубѣ, куда пригласилъ меня Саврасовъ, игралъ хоръ музыкантовъ изъ 30—40 юношей и подростковъ-евреевъ. Начальникъ обмундировальной мастерской, полковникъ Рингъ, любитель музыки, сформировалъ, обучилъ и содержалъ этотъ хоръ изъ дѣтей, работавшихъ по найму въ мастерской, гдѣ и они учились ремесламъ. Однообразною одеждою и обувью снабжалъ онъ музыкантовъ изъ экономическихъ остатковъ мастерской, а жалованье по 2—3 руб. въ мѣсяцъ давалъ имъ какъ портняжнымъ и сапожнымъ ученикамъ. При нищетѣ еврейскаго населенія — оно считало Ринга своимъ благодѣтелемъ.

Въ этомъ же клубѣ перезнакомился я со многими военными и ихъ дамами, отзывавшимися о дѣятельности Саврасовыхъ большинство—съ похвалою, а меньшинство—иронически, ибо „холятъ арестантовъ, какъ пансіонеровъ“.

Слушавшій эти отзывы молодой артиллерійскій офицеръ посовѣтовалъ мнѣ на досугѣ посмотрѣть на кирпичномъ заводѣ дисциплинарную команду, для сравненія ея положенія съ положеніемъ роты; при этомъ онъ пояснилъ мнѣ, что въ командѣ находятся солдаты за мелкіе проступки не по суду, а по распоряженію начальства. Рано утромъ отправился я, за 6 верстъ отъ города, на заводъ. Солдатами тамъ распоряжались нѣсколько суровыхъ пожилыхъ унтеровъ. Я представился тремъ изъ нихъ въ качествѣ купца, намѣревавшагося открыть верстъ за 300 отъ Бреста собственный заводъ и просилъ ихъ дозволить мнѣ изучить, какъ и что у нихъ дѣлается. Они помялись, но когда я далъ имъ по рублю, то получилъ доступъ обозрѣть все по порядку. Въ открытомъ полѣ стоялъ громаднѣйшій навѣсъ, а вокругъ него выкопано было множество значительныхъ ямъ. По распоряженію унтеровъ, прохаживавшихся съ длинными палками, для возбужденія или старанія въ солдатахъ: одни—въ отдаленіи копали глинистую землю, другіе—на тачкахъ подвозили оттуда къ ямамъ, возлѣ навѣса подмерзлыя земляныя глыбы, сбрасывали ихъ на землю и удалялись за новыми глыбами, третьи кирками и камнями разбивали глыбы на комья и кидали ихъ въ ямы, четвертые—стоя въ ямахъ, въ водѣ—руками и ногами мѣсили глину и намятую укладывали на носилки изъ рогожъ на палкахъ, пятые—переносили носилки внутрь навѣса и складывали тамъ глину въ формы и въ печи для обжиганія, а обожженные кирпичи вынимали изъ печей и складывали въ клѣтки. Возлѣ печей была сильная жара, подъ всѣмъ навѣсомъ свистѣлъ сквозной вѣтеръ, а снаружи всѣ зябли отъ холодныхъ заморозковъ. Мявшіе въ ямахъ глину черезъ каждый часъ смѣнялись, т. е. одни вылѣзали изъ ямъ и обувались, а другіе разувались и влѣзали въ ямы. Всѣ работавшіе выглядѣли изнуренными, забитыми, одежда ихъ состояла

изъ рваныхъ лохмотьевъ, изъ растрескавшихся ногъ и рукъ очень многихъ сочилась кровь и глаза ихъ слезились, краснѣли отъ ѣдкой пыли. Людей было около 400 чел., работали они съ 7 утра до 12 по полудни и съ 2 до 8 часовъ вечера, ночи и воскресные дни проводили они въ сыромъ, досчатомъ сараѣ съ земляннымъ поломъ. Пробылъ я на заводѣ почти весь день, безпрепятственно говорилъ съ солдатами, слышалъ ихъ жалобы на судьбу и пробовалъ скверную пищу ихъ, а отъ унтеровъ узналъ, что заводомъ, кирпичами и людьми распоряжались военные инженеры, наѣзжавшіе туда лишь изрѣдка, когда имъ требовались кирпичи, да два офицера, командовавшіе солдатами, являлись: одинъ—утромъ, а другой—вечеромъ—дѣлать перекличку да наказывать провинившихся. Этимъ офицерамъ, а на нихъ глядя и унтерамъ, не возбранялось продавать въ ихъ пользу кирпичи отъ 100 до 1000, по разу въ недѣлю, чѣмъ всѣ охотно пользовались.

Вернувшись съ завода, я на вопросъ Саврасовыхъ, гдѣ я былъ, отозвался—въ городѣ у проѣзжаго знакомаго; ночью изложилъ все видѣнное и слышанное въ письмѣ на имя фельдмаршала, утромъ свезъ письмо на желѣзнодорожную станцію, опустилъ его въ ящикъ почтоваго вагона и почувствовалъ, что исполнилъ свой долгъ. Прошло три дня. Я занимался въ ротѣ отчетами. Вдругъ унтеръ таинственно шепнулъ мнѣ, что чужой въ шинелѣ офицеръ проситъ меня выйти къ нему, по важному дѣлу за ворота. Я пошелъ; ждавшій меня отошелъ нѣсколько дальше отъ воротъ. Я послѣдовалъ за нимъ. Онъ спросилъ меня, я ли Никитинъ. Я отвѣтилъ утвердительно.

— А я адъютантъ фельдмаршала, флигель-адъютантъ, полковникъ фонъ-Валь [1]), посланъ имъ по вашему къ нему письму осмотрѣть, въ тайнѣ отъ здѣшнихъ властей, дисциплинарную команду на кирпичномъ заводѣ. Я пріѣхалъ сюда прямо съ поѣзда. Не можете ли теперь же съѣздить со мною на заводъ и показать мнѣ все, что вы видѣли, чтобы одинъ, второпяхъ, я чего-нибудь не пропустилъ.

— Готовъ сопровождать васъ съ удовольствіемъ.

За угломъ ждалъ насъ экипажъ. Мы отправились. Тамъ онъ, закрытый шинелью, казался всѣмъ обыкновеннымъ офицеромъ, а велъ себя, какъ любопытный, весьма тактично, отчего унтера и солдаты не стѣснялись въ разговорахъ съ нимъ, а унтера даже щеголяли излишнею откровенностью. Въ теченіе трехъ часовъ увидѣлъ и услышалъ онъ все, что я изложилъ въ письмѣ къ фельдмаршалу, да еще замѣтилъ 10 больныхъ на нарахъ, вонь и дымъ въ сараѣ, да обвалъ

---

[1]) Въ 1905 г. былъ генераломъ-отъ-кавалеріи и членомъ Государственнаго Совѣта.

земли, чуть не засыпавшей работавшихъ. Съ завода мы проѣхали прямо на вокзалъ. Едва онъ успѣлъ записать все на память, какъ раздались звонки, и онъ уѣхалъ обратно въ Варшаву.

Я пошелъ пѣшкомъ по пустыннымъ улицамъ, такъ какъ это было въ субботу и евреи ни въ лавкахъ не торговали, ни извозчики изъ нихъ же нигдѣ не стояли, ни на улицу никто не показывался, короче—городъ точно вымеръ весь. Побродивъ съ часъ, я наткнулся на плацъ-майора, полковника Боброва. Мы посѣтовали другъ другу на отсутствіе извозчиковъ и усталость. Онъ вспомнилъ, что вблизи живетъ извѣстный ему еврей-извозчикъ. Мы направились къ нему, вошли въ нищенскую лачужку и увидѣли сидѣвшихъ въ лохмотьяхъ за столомъ извозчика, его жену, дочь лѣтъ 17-ти и трехъ сыновей лѣтъ 12, 10, 8, а предъ ними фунта четыре хлѣба, миску съ вареннымъ картофелемъ и на тарелкѣ селедку. Это былъ, какъ оказалось, весь праздничный обѣдъ семьи. Выждавъ, покамѣстъ они все съѣли и встали изъ-за стола, Бобровъ попросилъ извозчика отвезти насъ въ крѣпость и, вмѣсто обыкновенной цѣны 15—20 коп., предложилъ ему прямо рубль, но онъ съ извиненіемъ отказался, говоря, что въ субботу, по религіи, не можетъ ни ѣхать, ни работать. Мы принялись его урезонивать, постепенно надбавлять плату до пяти рублей, но и эта сумма на него ни чуть не дѣйствовала. Мы уговаривали его за тѣ же 5 руб. только запречь лошадь, а уѣдемъ одни, съ тѣмъ, что онъ ночью придетъ за лошадью, но онъ возразилъ намъ, что хотя онъ 5 руб. едва въ мѣсяцъ достанетъ и деньги эти для него, нищаго, цѣлый капиталъ, но нарушить религіозныя правила онъ ни за какія земныя блага не рѣшится и остался непоколебимымъ. Мы отступились и поплелись въ крѣпость пѣшкомъ.

— Всѣ почти здѣшніе и окружные евреи голытьба,—молвилъ Бобровъ, — въ будни — они чрезвычайно трудолюбивы, оборотливы, изворотливы, дѣлаютъ все, что угодно за гроши, а наступитъ шабашъ—хоть озолоти ихъ—пальцемъ не шевельнутъ; фанатики по религіи, не смотря на то, что народъ вообще умный. И не только дома, но и въ дорогѣ, гдѣ бы ихъ ни засталъ пятничный вечеръ,—съ мѣста не тронутся до субботничнаго вечера. Ихъ религіозности и семейнымъ добродѣтелямъ всѣмъ можно завидовать.

Изъ послѣдующаго разговора со мною онъ освѣдомился, что мнѣ надо въ Бобруйскъ (отъ Бреста 410 верстъ), очень нахвалилъ мнѣ дорогу туда по старому Волынскому шоссе, какъ по паркету, но оговорился, что иногда мужики пошаливаютъ, потому вооруженнымъ безопаснѣе ѣхать.

Для разнообразія и новыхъ впечатлѣній я рѣшился прокатиться по паркету. Саврасовъ помогъ мнѣ купить за 12 руб. большой офи-

церскій 6-ти-ствольный револьверъ и принялся учить меня заряжать, разряжать и стрѣлять изъ револьвера. Вечеромъ я пошелъ съ нимъ въ клубъ, разспросить, не найдется ли мнѣ попутчика, но тамъ происходило среди военныхъ какое-то волненіе. Мы обратились за разъясненіемъ къ встрѣтившемуся плацъ-майору, а онъ сообщилъ намъ, что утромъ полученъ приказъ фельдмаршала о безотлагательномъ упраздненіи дисциплинарной команды и о разсылкѣ солдатъ по ихъ полкамъ, такъ какъ, по дошедшимъ до него и провѣреннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что солдаты содержались отвратительно и чрезмѣрно отягощались работами на кирпичномъ заводѣ, а за это онъ объявляетъ коменданту строгій выговоръ, затѣмъ подвергаетъ аресту на гауптвахту начальниковъ: инженеровъ—на недѣлю, завѣдывающаго кирпичнымъ заводомъ—отрѣшаетъ отъ должности, а бывшаго ротнаго ихъ командира—отъ службы.

— Вотъ какая произошла оказія,—добавилъ онъ.—Всѣ головы ломаемъ, какія и отъ кого именно намѣстникъ могъ получить свѣдѣнія, кто, когда ихъ провѣрялъ и подтвердилъ,—но дознаться и даже догадаться не можемъ. Комендантъ заболѣлъ отъ огорченія и твердитъ, что окруженъ шпіонами, потому служить дальше невозможно.

Оказію эту весь вечеръ продолжали обсуждать группами съ разныхъ сторонъ, при чемъ всѣ согласились, что она результатъ шпіонства,—этого постыднаго ремесла,—почему надо непремѣнно отыскать шпіона и разсчитаться съ нимъ сообразно его поступку, а каково было терпѣть солдатамъ—объ этомъ, за исключеніемъ Саврасова и 2-хъ, 3-хъ молодыхъ офицеровъ-артиллеристовъ, никто и не заикался.

Наслушавшись вдоволь этихъ односторонникъ сужденій, я, во избѣжаніе могшихъ пасть на меня подозрѣній,—на утро распрощался съ Саврасовыми и покатилъ на почтовыхъ по паркету.

И дѣйствительно, славная дорога пролегала между двумя рядами высокихъ деревьевъ, а станціонные дома и сытыя застоявшіяся лошади содержались хорошо, при чемъ проѣзжимъ отдѣлялись въ домахъ двѣ прилично обставленныя комнаты. По доносившемуся звону колокольчиковъ, смотрители любезно встрѣчали меня на крыльцѣ и столь быстро дѣлали распоряженія, что пока я ходилъ въ дома расписываться—новыя лошади уже были готовы. Погода стояла свѣжая, одѣтъ я былъ тепло и весь первый день проѣхалъ съ удовольствіемъ. Вечеромъ я, на одной изъ станцій, закусилъ, напился чаю, отдохнулъ часъ и отправился дальше. Ночь была лунная, тихая, и я провелъ ее всю въ дорогѣ. Раннимъ утромъ закрѣпчалъ морозъ, и снѣгъ повалилъ хлопьями. Я остановился, уснулъ часа два, подкрѣпился и опять полетѣлъ. Станціонные смотрители были уже чрезъ одну и даже чрезъ двѣ станціи, а на промежуточныхъ распоряжались старосты,

которые задерживали меня гдѣ полчаса, а гдѣ и часъ. Съ одной станціи я выѣхалъ въ сумеркахъ при поднявшейся и усиливавшейся вьюгѣ. Вдругъ ямщикъ сталъ кричать и пріостанавливать лошадей. Предъ нами поперекъ дороги показался мнѣ высочайшій снѣжный сугробъ, оказавшійся, однако, длинною крытою фурою, внутри которой сидѣли нѣсколько евреевъ, остановившихся праздновать субботу (это было въ пятницу вечеромъ). Ямщикъ, обругавъ евреевъ за загражденіе дороги, кое-какъ объѣхалъ фуру и погналъ лошадей. На слѣдующей станціи смотрителя также не оказалось, а староста былъ грубіанъ, потому я предпочелъ уѣхать онъ него. Когда я настаивалъ на дворѣ на скорѣйшей закладкѣ лошадей, онъ безцеремонно обмѣнивался съ будущимъ моимъ ямщикомъ, здоровеннымъ мужикомъ, нахальными прибаутками и о чемъ-то шептался съ нимъ. Все это побудило меня отъ самаго выѣзда внимательно слѣдить за всѣми движеніями ямщика, который въ свою очередь сначала—сердито ворчалъ, потомъ—смотрѣлъ по сторонамъ, наконецъ, круто повернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Много ли при тебѣ, баринъ, денегъ?

— Нѣтъ, немного, — отвѣтилъ *я*, — схватившись подъ полою шубы за висѣвшій у меня на поясѣ револьверъ.—Зачѣмъ тебѣ это знать?

— Да не мѣшало бы подѣлиться.

— Правь лошадьми,— крикнулъ *я*, — не то тутъ же Богу душу отдашь.

Я выстрѣлилъ на воздухъ. Онъ струсилъ и отвернулся къ лошадямъ, а *я* продолжалъ держать револьверъ на-готовѣ. Такъ проѣхали мы верстъ 10, пока издали завидѣлся огонекъ на станціи, и я успокоился. На станціи я спросилъ смотрителя, но мужикъ грубо отвѣтилъ мнѣ, что онъ живетъ еще черезъ двѣ станціи, а на мой вопросъ, скоро ли выведутъ лошадей, отозвался, что всѣ въ разгонѣ до утра. Пришлось ждать. Внесли въ домъ мои чемоданъ, сакъ-вояжъ и ящикъ съ запасомъ провизіи и вина. Я велѣлъ поставить самоваръ, открылъ ящикъ и ждалъ. Вдругъ изъ-за переборочной стѣны до моихъ ушей сталъ доноситься говоръ. Я прислушался и понялъ, что тамъ велась рѣчь о томъ, что „не худо бы меня обобрать“. Я вздрогнулъ, помѣстился у стѣны на диванѣ и держалъ для защиты на-готовѣ револьверъ. Минутъ черезъ 15 — 20 мужики внесли: одинъ—самоваръ, а другой—чайникъ, стаканъ и блюдечко, поставили все на столъ и пытливо смотрѣли на меня, мое имущество и раскрытый ящикъ.

— Дай-ка, баринъ, намъ выпить и закусить,—нагло потребовалъ одинъ.—Ты насъ растревожилъ, такъ угощай.

— Да, давай, давай намъ всего побольше,—поддержалъ другой.— Насъ четверо, надо на всѣхъ.

— Нате, братцы, — отвѣтилъ я и подалъ одному — бутылку съ коньякомъ, а другому—половину моихъ закусокъ.

— Закуски твои, по виду, больно хороши, потому всѣ возьмемъ,— продолжалъ первый.—Намъ этакая ѣда вѣдь на рѣдкость.—А ты въ городѣ, коли доѣдешь, купишь себѣ другія,—подхватилъ второй.— Тащи.

И, не дожидаясь моего отвѣта, они все забрали и, ухмыляясь, ушли. Тогда я заперся извнутри на ключъ, загородилъ дверь стульями и столомъ и принялся было пить чай, но не могъ; враждебный обо мнѣ разговоръ, по мѣрѣ того, какъ они, вѣроятно, выпивали, продолжался все явственнѣе и рѣшительнѣе, въ особенности послѣ того, какъ бывшій мой ямщикъ разсказалъ имъ, что я хотѣлъ его застрѣлить. Я слушалъ со страхомъ, увеличивавшимся во мнѣ отъ неоднократной ихней попытки отворить ко мнѣ дверь. Я терялся въ размышленіяхъ, что предпринять, каялся, зачѣмъ поѣхалъ „по паркету", и ежеминутно ждалъ, что они вернутся и укокошатъ меня... Въ этомъ отчаянномъ положеніи провелъ я три часа. На разсвѣтѣ услыхалъ я звонъ приближавшагося колокольчика, чрезвычайно обрадовался и, когда онъ замеръ возлѣ станціи,—я отперъ дверь, выскочилъ на улицу, увидѣлъ почтальона и принялся просить его взять меня съ собою за какую хочетъ плату. Бравый, вооруженный старикъ сразу согласился, грозно приказалъ вынести мои вещи въ его повозку и, когда мы усаживались,—мужики обругали его за то, что увозитъ меня, а мнѣ—угрожали кулаками, при чемъ одинъ прокричалъ намъ вслѣдъ: „счастливъ твой Богъ, что онъ подоспѣлъ, а то ты бы узналъ, гдѣ раки зимуютъ".

Дорогою я разсказалъ почтальону о случившемся со мною, а онъ передалъ мнѣ, что именно на минувшихъ двухъ станціяхъ, гдѣ нѣтъ смотрителя, мужики дебоширятъ и даже случались убійства проѣзжихъ... Со слѣдующей станціи, гдѣ также нѣтъ смотрителя, мнѣ некому было пожаловаться, я ужъ слѣдовалъ сзади почты, потому что съ нею воспрещалось почтальону везти постороннихъ, такъ что, пока ѣхалъ до г. Слуцка, я чуть не отморозилъ ноги. Тамъ я заявилъ обо всемъ станціонному смотрителю, но онъ предложилъ мнѣ вернуться вмѣстѣ со становымъ на мѣсто происшествія, отъ чего я, однако, отказался, во избѣжаніе новыхъ непріятностей и въ особенности вслѣдствіе того, что мнѣ нашелся попутчикъ-офицеръ, съ которымъ я доѣхалъ до Бобруйска совершенно благополучно.

Въ Бобруйскѣ я остановился въ единственномъ трактирѣ, гдѣ меня съ дороги угостили бифштексомъ, отъ котораго меня цѣлый

день рвало. На утро я, оправившись нѣсколько, отправился въ крѣпость, тоже версты за три отъ города, прямо къ коменданту. Высокій, внушительный старикъ, генералъ-лейтенантъ Григорій Даниловичъ Бабкинъ [1]), принялъ меня привѣтливо, предложилъ мнѣ помѣститься въ казенныхъ для проѣзжихъ военно-служащихъ номерахъ при крѣпостномъ клубѣ и пригласилъ меня обѣдать, чтобы на досугѣ ближе познакомиться и побесѣдовать о мѣстной ротѣ.

Я водворился въ порядочно обставленной комнатѣ, вышелъ на улицу, встрѣтился съ молодымъ, симпатичнымъ на видъ, священникомъ, поклонился ему. Онъ отвѣтилъ мнѣ поклономъ и, замѣтивъ, что я чужой, — спросилъ меня объ этомъ. Мы познакомились. Онъ служилъ въ госпиталѣ и въ нужной мнѣ ротѣ. Это было мнѣ кстати, а ему, больному, докторъ предписалъ моціонъ на свѣжемъ воздухѣ. Я напросился ему въ спутники, и мы проходили въ полѣ часа два, при чемъ онъ откровенно посвятилъ меня въ различныя ротныя неурядицы.

— Да,—заключилъ онъ,—вся бѣда въ томъ, что ротные начальникъ и его помощники люди звѣринаго нрава, а потому и рота не исправительная, а каторжная; арестантовъ тяжкими работами и жестокими наказаніями лишь истязаютъ. Многократно пытался я заступиться за нихъ, но не добился никакого имъ облегченія, а противъ себя возстановилъ безчеловѣчную компанію и даже ея друзей и знакомыхъ, тоже не отличающихся мягкосердечіемъ. Впрочемъ, какъ всѣ относятся лично ко мнѣ—для меня все равно, но за арестантовъ я радъ вашему прибытію, вы, надѣюсь, заставите ихъ смягчиться.

Я освѣдомился объ отношеніяхъ коменданта къ ротѣ.

— Онъ высокорелигіозный, нравственный, добрѣйшій человѣкъ, но, по старости лѣтъ,—слабый начальникъ. Встаетъ, онъ, напримѣръ, рано, прочитываетъ главу священнаго писанія, потомъ кидаетъ проходящимъ ежедневно, на работы, мимо его квартиры, арестантамъ, изъ оконъ, по сотнѣ булокъ, которыя арестанты ловко ловятъ и кричатъ „здравія желаемъ, ваше превосходительство“, хотя его не видятъ, онъ прячется за шторы, затѣмъ, занимается чаепитіемъ и бумагами, а узнавъ о какомъ-нибудь ротномъ безобразіи,—призываетъ начальника, усовѣщеваетъ его, подкрѣпляетъ свои доводы ссылками на текстъ изъ священнаго писанія, добивается его сознанія о прегрѣшеніи противъ какой-либо изъ заповѣдей и отпускаетъ его, мирно, въ предположеніи, что образумилъ его, а тотъ, уйдя отъ него, хохочетъ надъ его манерою воздѣйствія на извращенные его умъ и очерствѣвшее сердце. Иной разъ комендантъ выслушиваетъ отъ него даже дерзости, но и ихъ прощаетъ ему, по долгу христіанскаго смиренія.

[1]) Умеръ членомъ комитета о раненыхъ, полнымъ генераломъ въ 1888 г.

Мы разошлись: онъ — домой приготовлять мнѣ на бумагѣ различныя свѣдѣнія, а я — обѣдать къ коменданту. По его желанію, я сообщилъ ему, въ общихъ чертахъ, о видѣнномъ въ другихъ ротахъ и съ похвалою о Брестской, гдѣ дѣйствовали Саврасовы.

— Весьма пріятно слышать о существованіи такихъ добродѣтельныхъ супруговъ,—заявилъ онъ;—здѣсь же, къ сожалѣнію, не то, ахъ, далеко не то!.. Начальникъ вдовый, маловѣрующій, а потому своенравный, даже свирѣпый, имѣетъ такихъ же помощниковъ, ну, и арестантамъ отъ нихъ естественно жутко... Какъ я ни внушаю имъ о необходимости состраданія къ ближнимъ, о важности ихъ назначенія, какъ руководителей впавшихъ въ преступленія людей—мало, признаюсь, преуспѣваю въ этомъ: противъ закона Божьяго о прощеніи—мнѣ суютъ въ глаза законъ человѣческій — о наказаніи. Созываю комитетъ, толкую о томъ же, но оказываюсь солидарнымъ только со священникомъ, а остальные 3, 5 членовъ противъ насъ,— большинство, по правиламъ, а примѣнители правилъ и ихъ извращаютъ по собственному настроенію, нерѣдко просто корыстному. Конечно, если бы я могъ скинуть лѣтъ 20 съ плечъ долой, — я бы непремѣнно искоренилъ все дурное, но увы! лѣта—не посильное бремя, и я по неволѣ топчусь на мѣстѣ... Въ этой, къ тому же, трущобѣ все втягиваетъ въ вязкую тину, отчего всѣ вялы, апатичны и ко всему равнодушны... Расшевелите, пожалуйста, нашъ муравейникъ, и я вамъ буду признателенъ: авось воспрянемъ, почувствуемъ угрызеніе совѣсти и интересъ къ правдѣ и добру.

Черезъ полчаса мы перешли въ столовую, гдѣ Бабкинъ представилъ меня своей племянницѣ, рослой и стройной, но блѣдной дѣвицѣ лѣтъ 24—5.

— Вотъ и она здѣсь скучаетъ ради меня,—пояснилъ онъ.—Оставь она меня — я совсѣмъ пропаду: ни хозяйничать некому будетъ, ни словомъ по душѣ перемолвиться не съ кѣмъ будетъ. Впрочемъ, мы съ нею здѣсь въ заточеніи до открытія вакансіи члена въ комитетъ о раненыхъ, гдѣ я считаюсь первымъ кандидатомъ.

— Терпѣніе, дяденька, все превозможетъ,—кокетливо отвѣтила она.—Когда насъ, Богъ дастъ, выпустятъ, изъ этой темницы — мы съ вами въ Петербургѣ станемъ ѣздить по театрамъ, концертамъ, знакомымъ и тогда еще помолодѣемъ и весело поживемъ.

Среди обѣда онъ выразилъ желаніе послѣ обѣда освѣжиться за городъ. Она отказалась сопутствовать ему, потому что ждала напросившуюся къ ней переговорить о чемъ-то полковницу Свирскую. Онъ предложилъ мнѣ прокатиться съ нимъ. Я согласился.

— Поѣздка эта принесетъ вамъ даже пользу,—пояснилъ онъ.—Васъ увидятъ со мною и тотчасъ же разгласятъ объ этомъ, какъ о важ-

номъ событіи, затѣмъ всѣ почувствуютъ къ вамъ лицемѣрное уваженіе, а когда освѣдомятся кто вы, и зачѣмъ сюда пожаловали — примутся даже заискивать въ васъ, на всякій случай. Кромѣ того покажу вамъ замѣчательное зданіе, которое, по своему назначенію, производитъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

Мы объѣхали въ коляскѣ внутри крѣпости кругомъ и выѣхали на шоссе. Издали на высокой горѣ виднѣлось красивое зданіе, до котораго считали отъ крѣпости четыре версты. Подъѣхавъ къ этому зданію, мы вышли изъ коляски и обошли вокругъ него, по зеленому красивому валу. Видъ былъ прелестный: внизу поляны, а вдали лѣса и рѣка. Возлѣ желѣзныхъ воротъ Бабкинъ позвонилъ. Изъ калитки выскочилъ высокій, плотный, внушительный старикъ унтеръ-офицеръ съ большими бакенбардами и усами. Бабкинъ поздоровался съ нимъ, выслушалъ его рапортъ о благополучіи и велѣлъ ему растворить ворота. Онъ съ такою жалостью взглянулъ на меня, что я до сихъ поръ не понимаю, почему оробѣлъ подъ его пытливомъ взоромъ. Шепча что-то губами, онъ медленно, какъ бы нехотя, исполнилъ приказаніе, — отперъ и настежь отворилъ сперва — наружныя, а потомъ—внутреннія желѣзныя же ворота. Мы очутились на маленькомъ чистомъ дворикѣ, откуда видѣли только небо: кругомъ были высокія башенныя стѣны. Въ этотъ же дворъ выходили обыкновенныя окна изъ квартиръ: унтера, его помощниковъ, четырехъ сторожей, кухни и двухъ кладовыхъ. Мы вездѣ побывали, все нашли въ порядкѣ и вернулись во дворъ, въ сопровожденіи всей команды.

— Ключи отъ „мѣшка“,—произнесъ Бабкинъ.—Надо, туда...

Унтеръ обомлѣлъ, постоялъ и пошелъ въ свою квартиру, а сторожа вытаращили глаза отъ изумленія. Немного погодя, унтеръ явился, отворилъ деревянную дверь, оставилъ ее настежь и, озираясь—сталъ медленно подниматься по узенькой каменной лѣстницѣ. Мы, по одиночкѣ, послѣдовали за нимъ, 15 ступенекъ вверхъ и остановились на площадкѣ передъ желѣзною дверью. Свѣтъ проникалъ къ намъ со двора снизу. Унтеръ многократно пытался всунуть ключъ въ отверстіе замка, но все не попадалъ: рука его дрожала, на лицѣ замѣчалось волненіе, а глаза его безпрестанно вопросительно направлялись на меня. Наконецъ, замокъ щелкнулъ, онъ съ трудомъ отворилъ желѣзную дверь, уныло проскрипѣвшую на заржавленныхъ петляхъ. Другимъ ключемъ отперъ онъ и отворилъ деревянную уже дверь. На насъ повѣяло холодомъ. Мы вступили въ маленькое круглое, какъ яйцо, помѣщеніе, освѣщавшееся съ потолка чрезъ круглое же оконце, задѣланное снизу и сверху стеколъ желѣзными рѣшетчатыми переплетами. Внутри помѣщенія, пространствомъ въ пять шаговъ, къ стѣнамъ прикрѣплены были дугою кровать, столикъ и та-

буретъ. Ни стать во весь хоть только средній ростъ, ни лечь, вытянувшись прямо на кровати или на полу положительно нельзя было, по удивительному устройству этой кельи, въ которой мы принуждены были стоять согнувшись. Ничего не подозрѣвая, я съ любопытствомъ обозрѣлъ помѣщеніе, замѣтилъ въ стѣнѣ отверстіе, заглянулъ въ него и заключилъ, что оно шло куда-то внизъ. Минутъ черезъ пять мы спустились, также по одному во дворъ, унтеръ послѣднимъ, потому что запиралъ двери; смотрѣлъ онъ уже спокойно, смѣло. Бабкинъ выразилъ ему и сторожамъ благодарность за порядокъ. Мы вышли за всѣ ворота къ колескѣ, въ сопровожденіи одного унтера.

— Отчего, ты, Гавриловъ,—спросилъ Бабкинъ,—когда мы входили внутрь и особливо, когда я спросилъ ключъ отъ „мѣшка“ и ты отпиралъ его—выглядѣлъ совершенно растерянным, взволнованнымъ?

— Со страху, ваше превосходительство,—весело отвѣтилъ унтеръ.— Живаго человѣка, да въ нашу могилу... Сердце защемило, въ головѣ помутилось...

— Ты, значитъ, подумалъ, что я вотъ этого господина привезъ посадить въ мѣшокъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство. Не дай Богъ и злому татарину попасть туда: мучительная смерть, а я, православный, жалостливъ ко всякому, кто попадетъ въ бѣду.

— Это дѣлаетъ тебѣ честь. Христіане должны любить и жалѣть несчастныхъ по заповѣдямъ Божіимъ. Ты меня утѣшилъ. Спасибо. Прощай.

Мнѣ стали понятны смущеніе унтера, и соболѣзновательные его взгляды на меня. Бабкинъ велѣлъ кучеру ѣхать шагомъ. Я попросилъ его разъяснить значеніе мѣшка.

— Извольте. Въ 1842 г. императоръ Николай Павловичъ осматривалъ крѣпость съ прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ. Катаясь по здѣшнимъ окрестностямъ, они выѣхали на гору, полюбовались окружностію, которая такъ имъ понравилась, что Николай Павловичъ повелѣлъ въ память бытности ихъ тутъ — построить на этой горѣ фортъ, и назвать его фортомъ Вильгельма. Строитель, инженеръ-нѣмецъ и создалъ, по примѣру средневѣковыхъ инквизиціонныхъ, видѣнный нами казематъ, названный „мѣшкомъ“. Изъ замѣченнаго вами отверстія заключенный долженъ принимать пищу, возвращать посуду и другую со своими испраженіями, ибо на дворъ не выпускается. Мѣшокъ этотъ лично мнѣ памятенъ еще смолоду, когда я былъ только капитаномъ Преображенскаго полка, и сопровождалъ государя, въ его свитѣ на Кавказъ, если не ошибаюсь, въ 1846 г. По мѣрѣ приближенія къ Тифлису, по дорогѣ попадались партіями заморенные, отрепанные и даже босые солдаты Апшеронскаго пѣ-

*

хотнаго полка, корчевавшіе пни, чинившіе дорогу, копавшіе рвы, чистившіе сады и пруды, въ имѣніи своего полковаго командира, флигель-адъютанта полковника князя Дадіана, зятя кавказскаго главнокомандующаго Розена. Отъ солдатскихъ отвѣтовъ государь все болѣе и болѣе морщился, но сдерживался, да и свитѣ воспретилъ проговариваться объ этомъ хоть словомъ. По прибытіи въ Тифлисъ, онъ, между прочимъ, спокойно повелѣлъ къ 10 часамъ слѣдующаго утра выстроить на площади предъ дворцомъ весь полкъ въ парадной формѣ. Солдаты были разбросаны, какъ мы видѣли, на разстояніи десятковъ верстъ, потому чуть ли ни всѣхъ лошадей, какія были въ городѣ и окрестностяхъ,—погнали за ними. Наступило утро, и съ неимовѣрными трудностями приказъ былъ исполненъ. Изъ свиты никто, понятно, не могъ предположить, чѣмъ именно разразится гроза, которую всѣ, однако, ожидали съ трепетомъ. Погода стояла теплая, солнечная; ружья, каски, аммуниція и мундиры на солдатахъ блестѣли, но сами солдаты имѣли утомленный, испуганный видъ... Величественно спустился съ крыльца императоръ, окинулъ всѣхъ орлинымъ взоромъ, мѣрными шагами направился къ фронту, впереди котораго стоялъ высокій, красивый, щегольски одѣтый молодой командиръ, флигель-адъютантъ князь Дадіанъ. Смѣло сдѣлалъ онъ два шага впередъ, приложилъ руку къ козырьку каски и сталъ рапортовать о благополучіи полка.

— Ты смѣешь мнѣ рапортовать о благополучіи, когда обратилъ солдатъ въ крѣпостныхъ и морилъ ихъ на своей частной работѣ?— крикнулъ государь.—Ты не достоинъ эксельбантовъ. Онъ собственноручно сорвалъ съ него флигель-адъютантскій эксельбантъ. Въ Бобруйскую крѣпость, въ „мѣшокъ"!.. Эй, Бабкинъ, вези его сейчасъ же туда, а тамъ посадить его въ „мѣшокъ".

Повелѣніе это такъ ошеломило меня, что я двигался, какъ автоматъ, а образумился только подъ вечеръ, черезъ двѣ уже станціи отъ Тифлиса. Мы ѣхали на трехъ тройкахъ: впереди—два жандарма, въ серединѣ — Дадіанъ, я и жандармскій поручикъ съ сумкою, а сзади—три жандарма, всѣ вооруженные. Пока мѣняли лошадей, Дадіанъ сидѣлъ неподвижно, какъ убитый, а поручикъ сообщилъ мнѣ, что данъ мнѣ въ помощь, получилъ бумаги и деньги на расходы, да приказъ ѣхать безостановочно до Бобруйска, а оттуда обоимъ намъ велѣно вернуться въ Петербургъ и тамъ доложить обо всемъ шефу жандармовъ. Двѣ недѣли летѣли мы съ маленькими, по часу, по два остановками. Плѣнникъ нашъ постепенно оправился и утѣшался мыслью, что тесть, теща и жена выручатъ его, царскаго потомка, съ которымъ нельзя поступать, какъ съ какимъ-нибудь простымъ офицеромъ. Мы тоже склонялись въ его пользу, да и не имѣли ни малѣй-

шаго понятія о томъ, что именно ждало его въ „мѣшкѣ“. Прибывъ въ Бобруйскъ, мы явились къ коменданту. Онъ распечаталъ поданный ему конвертъ, прочелъ бумагу, поблѣднѣлъ, пожалъ плечами, удалился куда-то, вернулся къ намъ, предложилъ намъ чаю, затѣмъ, когда черезъ два часа явился запыхавшійся плацъ-майоръ, предложилъ намъ вернуться въ свои повозки, самъ съ плацъ-майоромъ сѣлъ въ коляску и велѣлъ ѣхать за нимъ. Мы пріѣхали въ этотъ самый фортъ Вильгельма. На дворѣ стояла команда изъ 10—15 нижнихъ чиновъ, съ пожилымъ офицеромъ, который пошелъ первымъ по знакомой уже вамъ лѣстницѣ, за нимъ комендантъ велѣлъ идти Дадіану, слѣдомъ пошелъ самъ, а за нимъ я и мой помощникъ. Мы всѣ вошли въ „мѣшокъ“, согнулись и озирались другъ на друга.

— Прощайтесь, господа, съ полковникомъ и спускайтесь внизъ,— дрожащимъ голосомъ произнесъ комендантъ, — а ваше, полковникъ, мѣсто, къ несчастью, здѣсь, въ „мѣшкѣ“.

Мы расцѣловались и выбрались на извѣстную вамъ площадку, куда минутъ черезъ пять показался и комендантъ съ офицеромъ, запершимъ на замки обѣ двери, изъ-за которыхъ до насъ доносились глухія рыданія... Мы вздрогнули и, не проронивъ ни слова, спустились во дворъ, постояли въ сторонѣ, покамѣстъ комендантъ отдавалъ офицеру приказанія, а потомъ вернулись въ крѣпость, точно съ кладбища послѣ похоронъ... Комендантъ пригласилъ насъ обѣдать, но я не въ силахъ былъ дотронуться до кушаній: столь потрясающее впечатлѣніе произвелъ на меня мѣшокъ... Съ этого именно трагическаго дня впервые почувствовалъ я потребность Богу молиться, да и прекратилъ легкомысленный, свѣтскій образъ жизни... Въ Петербургѣ шефъ жандармовъ воспретилъ намъ передавать кому-либо, что такое „мѣшокъ“, а велѣлъ называть его обыкновеннымъ казематомъ. Отъ товарищей по свитѣ узналъ я, что императоръ, въ наказаніе Розену за его мирволеніе зятю, приказалъ ему сдѣлать въ тотъ же вечеръ балъ, на которомъ заставилъ участвовать жену и тещу Дадіана и самъ присутствовалъ. Вообразите, каково было ихъ положеніе? Дадіанъ выжилъ въ мѣшкѣ полгода, и разбитаго параличемъ вынесли его изъ „мѣшка“ еле живаго... Послѣ него мѣшокъ пустовалъ до польскаго мятежа 1863 г., когда генералъ Муравьевъ посадилъ въ него опять большаго графа Платера, потомъ повѣшеннаго. Съ этихъ поръ мѣшокъ, слава Богу, пустъ. Если бы теперь мнѣ велѣли кого-нибудь содержать въ немъ, я, прежде, чѣмъ это исполнить, подалъ бы даже по телеграфу въ отставку; я не могъ бы и дня прожить съ сознаніемъ, что я исполняю роль палача.

Мы вернулись въ сумеркахъ. Онъ пригласилъ меня чай пить. Въ гостиной онъ остановился и поморщился; тамъ прохаживался высо-

каго роста, статный, молодой красавецъ, подполковникъ. Онъ фамильярно поздоровался съ Бабкинымъ и направился за нимъ въ кабинетъ, откуда черезъ 1/4 часа удалился черезъ гостиную же, насвистывая какую-то арію. Лакей позвалъ меня въ кабинетъ, куда подалъ чай. Бабкинъ тяжело вздыхалъ. Я спросилъ, кто такой ушедшій отъ него красавецъ.

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ красавецъ,—отозвался онъ.—И аристократическое воспитаніе, и блестящее образованіе прахомъ ушло отъ него, а въ немъ остался только шелопай. Начавъ карьеру конно гвардейцемъ, онъ перебывалъ уже въ Кавказскомъ и Туркестанскомъ краяхъ, въ Кіевскомъ и Московскомъ округахъ, въ Варшавѣ и Вильнѣ но вездѣ одинаково кутилъ и мутилъ, игралъ и моталъ, всѣхъ задиралъ, со всѣми ссорился, никого знать не хотѣлъ, но его не выгоняли, какъ бы слѣдовало, а лишь сбывали дальше, изъ уваженія исключительно къ его отцу, министру, статсъ-секретарю П. А. Валуеву, которому стыдно держать его въ Петербургѣ, гдѣ слава о немъ самая дурная. Благодаря отцу, этого новѣйшаго Печерина, служить нигдѣ не заставляли, а въ чины производили раньше лучшихъ служакъ, все въ предположеніи, что онъ авось образумится. Накуралесивъ вдоволь въ Вильнѣ, онъ присланъ былъ сюда остепениться, а здѣсь не проходило дня безъ жалобъ на него: отъ офицеровъ—на то, что въ клубѣ онъ третируетъ ихъ женъ и ихъ самихъ, какъ нельзя хуже, швыряетъ тарелками, картами и бранится; отъ мѣстныхъ евреевъ—на то, что силою бралъ у нихъ деньги, а ихъ билъ; отъ окрестныхъ помѣщиковъ,—на то, что и къ нимъ забирался и дебоширилъ. Пытался я урезонивать его, да ничто не дѣйствовало: мнѣ говоритъ, скучно, я и развлекаюсь, чѣмъ могу, а окружающіе все, дескать, такая мразь, что о ней и думать не стоитъ. Угрожалъ я посадить его на гауптвахту, отдать подъ судъ, но онъ со смѣхомъ отвѣчалъ мнѣ: „вы этого не сдѣлаете, не рискнете отца обидѣть". Вотъ и справься съ такимъ сорванцемъ... Приходилъ онъ ко мнѣ извиниться за то, что меня самого до крайности растревожилъ; четвертаго дня во второмъ часу ночи буквально ворвался онъ ко мнѣ съ настоятельнымъ требованіемъ денегъ. Я было на него прикрикнулъ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „мнѣ сію минуту нужно 200 руб., пожалуйте мнѣ ихъ, или я въ вашемъ же присутствіи застрѣлюсь; жизнь мнѣ ничего не стоитъ. Вотъ и револьверъ наготовѣ". Что мнѣ оставалось дѣлать? Во избѣжаніе непріятностей, я далъ ему деньги. Онъ взялъ ихъ, махнулъ въ клубъ, проигралъ и набуйствовалъ до омерзенія. Терпѣніе мое лопнуло, и я на утро же письмомъ умолялъ командующаго войсками избавить меня отъ него, если не желаетъ, чтобы онъ меня уморилъ. Давеча я получилъ, по телеграфу, отвѣтъ отправить

его обратно въ Вильну. „Я,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—радъ покинуть вашу трущобу, но на поѣздку надо денегъ, а у меня ихъ нѣтъ". Далъ ему еще сто рублей, да командировалъ плацъ-майора отвезти это сокровище въ сохранности на казенный счетъ. Онъ и являлся откланяться, такъ какъ уѣзжаетъ черезъ часъ, чтобы въ потьмахъ не конфузно было скрыться отъ нажитыхъ враговъ и кредиторовъ. Теперь я нетерпѣливо жду его отъѣзда, чтобы успокоить всѣхъ и себя. За мѣсячное его пребываніе здѣсь онъ такъ много накуралесилъ, что вполнѣ заслужилъ быть посаженнымъ въ мѣшокъ, хоть недѣльки на двѣ, для уразумѣнія своихъ поступковъ. Мнѣ приходила даже мысль испросить на это согласіе его отца, но, вспомнивъ, что онъ и безъ того претерпѣваетъ отъ него много огорченія, я раздумалъ усугублять ихъ описаніемъ безобразій блуднаго его сына, вполнѣ достойнаго самой жестокой кары.

Слѣдующимъ утромъ явился я къ ротному начальнику, полковнику Іолшину, въ его квартиру. Высокій, пожилой, съ подвижными манерами, онъ принялъ меня рѣзко, а къ цѣли моего пріѣзда отнесся пренебрежительно.

— Вы хотите изучать положеніе арестантовъ... Гм... Изъ скверныхъ мужиковъ получаются такіе же скверные солдаты. Они, по негодности теперешнихъ правилъ, совершаютъ преступленія и за нихъ ссылаются въ роты. Въ ротахъ, какъ арестанты, они должны содержаться въ строжайшемъ повиновеніи и за малѣйшія нарушенія чего-либо подвергаться и строжайшимъ же наказаніямъ, чтобы помнили, гдѣ находятся. Вотъ и все ихъ положеніе, которое, какъ видите, изучать, разумѣется, нечего.

Я попытался объяснить ему, что ознакомленіе съ мотивами преступленій, съ причинами неповиновенія, со взглядами на наказанія и ихъ послѣдствіями, важны для уразумѣнія степени состоятельности законовъ, административныхъ порядковъ и для соотвѣтственнаго измѣненія всего въ такомъ смыслѣ, чтобы меньше совершалось преступленій, а впавшіе въ нихъ не повторяли бы ихъ.

— Все это пустяки,—рѣшительно отвѣтилъ онъ,—а на нихъ не стоитъ тратить времени, въ этомъ я васъ увѣряю по опыту: слишкомъ 30 лѣтъ провелъ я съ солдатами и хорошо ихъ знаю. Я служилъ субалтернъ-офицеромъ, ротнымъ и баталіоннымъ командиромъ, а въ полковые командиры не попалъ только потому, что не бывалъ въ академіяхъ, гдѣ забавляются пустословіемъ, но за мое участіе въ венгерскомъ походѣ, въ сраженіяхъ противъ горцевъ, подъ Силистріею, Карсомъ я награжденъ за храбрость Владиміромъ съ бантомъ и мечами,—мнѣ дали эту роту съ правами полковаго командира. Я, ничуть не скрываясь, — ярый противникъ нынѣшнихъ, а приверже-

нецъ—прежнихъ порядковъ, и потому мнѣ бы слѣдовало убраться со службы, благо пенсіонный мой срокъ полонъ и одному мнѣ немного надо, но я еще служу потому, что въ службѣ вся моя жизнь, тогда какъ на другой—третій день послѣ отставки, мнѣ пришлось, пожалуй бы, застрѣлиться отъ бездѣлья.

Я замѣтилъ ему, что вѣдь при антипатіи къ новой служебной системѣ ему, конечно, тяжело приспособиться къ ней и подчиняться ея требованіямъ.

Изъ строя, гдѣ начальство во всемъ стѣснено, а нижнимъ чинамъ предоставлены столь большія поблажки, я удалился сюда потому, что здѣсь я во многомъ еще держаться воленъ именно тѣхъ правилъ, къ какимъ съ молоду привыкъ. Не имѣющіе никакого понятія о военной службѣ ликуютъ объ отмѣнѣ, напримѣръ, тѣлесныхъ наказаній, но самому мнѣ, мальчишкѣ, кадету, не разъ отсчитывали по полсотнѣ горячихъ розогъ и изъ меня, какъ изъ многихъ, мнѣ подобныхъ, вышли такіе офицеры, которые, ни минуты не задумываясь, по первой командѣ, бросятся въ огонь и въ воду. А опозорившихъ солдатское званіе арестантовъ предписывается сажать, точно институтокъ, въ карцеръ: сперва—свѣтлый, потомъ—темный, а послѣ, когда ужъ десятый разъ проштрафятся — драть. Убѣдившись въ первые же два мѣсяца, что карцеры для нихъ—мѣсто для лодырничанья и безпробуднаго спанья, я принялся прямо лупить этихъ мерзавцевъ розгами, просто, въ пересыпку и по-австрійски, по сотнѣ, по полторы и до двухъ сотъ, а они живо поняли, что я начальникъ, и при мнѣ боятся даже дышать, а это есть настоящая дисциплина.

Я обратилъ его вниманіе на то, что рота не карательное, а исправительное учрежденіе, почему образъ его дѣйствій противорѣчитъ правиламъ ротъ и долгу человѣколюбія, основанному на облегченіи участи несчастныхъ ближнихъ.

— Всѣ эти разсужденія для негодяевъ—пустыя слова, которыми ихъ не проймешь, а для насъ, закаленныхъ служакъ, вся суть въ силѣ власти. Когда срокъ солдатской службы былъ 25 лѣтъ—изъ солдатъ выходило много прекрасныхъ офицеровъ, а объ арестантскихъ ротахъ не было и помину, но съ тѣхъ поръ, какъ срокъ этотъ сталъ только 12 лѣтъ, никакихъ офицеровъ изъ нихъ не стало, а арестантскихъ ротъ открыли больше 25, по ротѣ на 600 чел., итого въ нихъ больше 15.000, по нынѣшнему мирному составу, цѣлый корпусъ однихъ арестантовъ, а это позоръ для арміи, позоръ, переживаемый нами изъ сентиментальности и глупости... Народъ нашъ осовѣлъ отъ воли, распущенности, сдѣлался пьяницею, лѣнтяемъ и плутомъ, а выбить изъ него все это можно только палкою, но и ее сожгли...

Отступившись отъ Іолшина, я принялся ходить по казармѣ, вни-

мательно всматриваться, вслушиваться и убѣдился, что при Іолшинѣ арестанты дѣйствительно не смѣли дышать; онъ внушилъ имъ панический къ себѣ страхъ. Затѣмъ, изучая дѣла, отчетность, журналы и приказы, я узналъ, что въ ротѣ все велось безпорядочно, какъ попало. Среди арестантовъ оказалось не мало нанявшихся въ солдаты мѣщанъ, обѣднѣвшихъ купеческихъ, дворянскихъ и чиновничьихъ сыновей, которые отъ неумѣнья никуда пристроиться нанимались въ солдаты, а потомъ, вслѣдствіе тяжести службы—бѣжали, пойманы и осуждены въ роты. Ремесленный заработокъ арестантовъ былъ поразительный: напримѣръ, 1 р. 50 к.—1 р. 75 к. въ годъ на человѣка. Объяснялось это тѣмъ, что завѣдывавшіе мастерскими, помощники Іолшина, офицеры, дѣйствовали безотчетно и безконтрольно, т. е. каждая изъ четырехъ мастерскихъ составляла доходную статью ея распорядителя. Доискиваясь причины этого факта, я нашелъ бумагу начальника мѣстныхъ войскъ, генералъ-лейтенанта Веревкина, который, вопреки закону, разрѣшилъ офицерамъ держать мастерскія на коммерческомъ правѣ. За это сдѣлали самому Веревкину карету, коляску и сани за 62 р., да за провозъ этихъ вещей отъ Бобруйска до Вильны заплатили 7 р. Работали арестанты въ мастерскихъ ежедневно столько часовъ, сколько распорядителямъ хотѣлось, для извлеченія большей выгоды, при чемъ за малѣйшее съ ихъ стороны выраженіе ропота, или жалобы—ихъ драли. Судя по содержанію штрафнаго журнала, ежедневно подвергали тѣлесному наказанію по 10—15 человѣкъ, а несмирявшихся и послѣ нѣсколькихъ наказаній отсылали на работу за пять верстъ отъ крѣпости на кирпичный заводъ.

На заводѣ, куда я ѣздилъ разновременно 6 разъ, до 200 чел., съ 6 часовъ утра уходили версты за 2 дѣлать кирпичи до 12 по полудни, потомъ шли обѣдать въ свою казарму, въ 2 часа обратно на заводъ, гдѣ трудились до 8—9, а затѣмъ возвращались въ казарму ужинать и спать. Работу производили они на урокъ: каждый по топкой мѣстности за $1^1/_2$—2 версты обязывался навозить въ день, въ тачкахъ, глины на 1.000 кирпичей; тачка и ноги вязли настолько, что требовались величайшія усилія на выполненіе урока, при чемъ не успѣвавшихъ унтеръ-офицеры—днемъ били палками, а офицеры—вечеромъ драли розгами. Пища ихъ была качествомъ крайне плохая, а количествомъ недостаточная, напримѣръ, хлѣба полагалось по 3 фун. на человѣка въ день, но, чтобы получали меньше,—вынутые изъ печи горячіе караваи выносили на холодъ, отчего они дѣлались значительно тяжелѣе и тотчасъ разрѣзали и вѣшали, такъ что въ 3 фун. порціи оказывались только—$1^3/_4$ или 2 фун. Спали арестанты въ сырой, ветхой казармѣ на голыхъ нарахъ. Попытки мои разговориться

съ арестантами плохо удавались; при подслушивавшихъ унтерахъ, арестанты боялись откровенничать. Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ на заводъ, я издали услышалъ сильнѣйшій шумъ и увидѣлъ убѣгавшихъ съ завода офицера и четырехъ унтеровъ, а пятаго, пролетѣвшаго мимо меня, верхомъ, по направленію къ крѣпости. Приблизившись къ заводскому громадному сараю, я сошелъ съ пролетки и подошелъ къ нему. Арестанты съ кирпичами въ рукахъ шумѣли, а унтеръ лежалъ на землѣ съ проломленною кирпичемъ головою мертвый.

— А, это вы? идите сюда къ намъ, внутрь,—раздались голоса арестантовъ.—Идите же!

— Бросьте кирпичи, и я войду къ вамъ.

— Не бойтесь, васъ не тронемъ; вы не токмо худаго намъ ничего не сдѣлали, а желаете, какъ слышно, облегчить нашу каторжную жизнь.

— Хорошо, я вамъ вѣрю и иду къ вамъ, но кирпичи все-таки бросьте, а не держите напрасно въ рукахъ.

Они послѣдовали моему совѣту, окружили меня, понемногу успокоились и стали мнѣ жаловаться на судьбу, т. е. разсказали, какъ ихъ мучили и выводили изъ терпѣнья, особливо лежавшій унтеръ, котораго убили за его звѣрскій характеръ. Въ свою очередь я урезонивалъ ихъ не бунтоваться и обѣщалъ имъ оказать содѣйствіе къ облегченію ихъ участи. Прошло часа два нашей бесѣды. Вдругъ послышался конскій топотъ. Всѣ схватились за кирпичи и стали въ оборонительное положеніе. Я предложилъ имъ пойти отъ нихъ парламентеромъ, если они будутъ держаться смирно. Они согласились. Я пошелъ навстрѣчу скакавшему отряду казаковъ и жандармовъ и махалъ платкомъ. Начальствовавшій отрядомъ есаулъ остановилъ его. Я объяснилъ ему гдѣ былъ, что видѣлъ, слышалъ и на что надѣюсь. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что посланъ усмирить бунтъ, даже стрѣлять въ арестантовъ, если выкажутъ неповиновеніе. Я попросилъ его спѣшиться и пойти со мною вдвоемъ къ арестантамъ, а не нападать на нихъ, вооруженныхъ кирпичами, которыми они тоже причинятъ вредъ многимъ изъ его людей и лошадей. Онъ внялъ моимъ доводамъ, оставилъ свой отрядъ за полверсты отъ завода, а самъ пошелъ со мною. Мы нашли арестантовъ, молча стоявшихъ съ кирпичами въ рукахъ.

— Вы дали мнѣ слово смирно вести себя, если васъ не тронутъ,— сказалъ я,—а господинъ есаулъ тоже далъ мнѣ слово никого не трогать, если вы тихо пойдете въ казарму. Согласны вы на это?

— Согласны, ведите насъ въ казарму, всѣ до единаго дойдемъ.

— И прекрасно. Идите.

Всѣ побросали кирпичи и окружили насъ. Мы привели ихъ въ казарму, посидѣли съ ними, покамѣстъ они ужинали, потомъ пожелали имъ спокойной ночи, обѣщали ходатайствовать за нихъ, вышли на дворъ, велѣли запереть казарму, обставили ее мѣстнымъ обычнымъ карауломъ, отправились въ крѣпость прямо къ коменданту, передали ему все, что знали, и просили его отнестись къ арестантамъ снисходительнѣе

Комендантъ, тронутый усмиреніемъ бунта самымъ простымъ способомъ, тотчасъ же созвалъ комитетъ и пригласилъ меня участвовать въ его засѣданіи. Я разсказалъ комитету о дурномъ содержаніи и объ истязаніяхъ арестантовъ. Комитетъ, по настоянію коменданта и подъ вліяніемъ моего разсказа, рѣшилъ преслѣдованіе противъ арестантовъ не возбуждать, положеніе ихъ улучшить, число рабочихъ часовъ сократить, а унтера изъ списковъ исключить, какъ умершаго отъ разрыва сердца, словомъ, о немъ предать волѣ Божьей. Іолшинъ только гнѣвно сверкалъ глазами, а Бабкинъ благодарилъ меня за участливое отношеніе къ арестантамъ.

Едва всѣ успокоились, какъ случилось новое происшествіе: арестантъ покушался убить одного изъ завѣдывавшихъ мастерскими офицера. Опять всѣ всполошились, живо произвели слѣдствіе и назначили судъ надъ обвиняемымъ. Я пошелъ въ судъ. Судьи усѣлись, ввели обвиняемаго и свидѣтелей, привели ихъ къ присягѣ, удалили до спроса и стали читать обвинительный актъ. Вдругъ одинъ изъ судей офицеръ, долго всматривавшійся въ подсудимаго, что-то спросилъ предсѣдателя, и получивъ отвѣтъ—ахнулъ и упалъ отъ потрясенія. Его вынесли, дѣло слушаніемъ отложили, а арестанта вернули въ ротный карцеръ. Оказалось, что судья-офицеръ, узнавъ въ арестантѣ роднаго брата, — впалъ въ обморокъ; арестантъ происходилъ изъ дворянъ, служилъ наемнымъ охотникомъ, сбѣжалъ, попалъ въ роту и, узнавъ, что въ полку служилъ его братъ,—покушался на убійство, съ цѣлью быть за это разстрѣляннымъ или сосланнымъ въ каторгу, чтобы только не запятналась репутація брата, такъ какъ, если бы офицеры и солдаты прослышали, что онъ братъ офицера, то перестали бы его уважать, арестантъ же тщательно прятался во время занятія его братомъ караула въ ротѣ. Офицеръ, на котораго покушался арестантъ, увѣрялъ меня, что онъ былъ постоянно тихаго поведенія, но крайне угрюмъ, противъ него рѣшительно ничего не имѣлъ, даже не хотѣлъ заявлять, но его заставили, хотя онъ думалъ, что арестантъ вдругъ съ ума сошелъ. Когда все огласилось, всѣ почувствовали жалость къ обоимъ братьямъ, при чемъ арестанта помѣстили въ госпиталь на испытаніе и, какъ мнѣ впослѣдствіи священникъ писалъ, признали его покушеніе совершеннымъ въ состояніи невмѣняемости.

Пространствовавъ по мѣстамъ расположенія 5-ти ротъ, Ригѣ, Динабургу, Новогеоргіевску, Брестъ-Литовску, Бобруйску и Варшавѣ четыре мѣсяца и натерпѣвшись вдоволь непріятностей и даже опасеній за свою жизнь,—я вернулся съ большимъ тюкомъ тщательно собранныхъ и провѣренныхъ точныхъ свѣдѣній о ротахъ, потому въ особенности, что напрягалъ всѣ усилія дознаться правды, полагая, по наивности своей, что именно она-то и нужна всѣмъ.

И вотъ, чтобы скорѣе ознакомить съ нею наиболѣе заинтересованныхъ ею военнаго министра Д. А. Милютина, начальника главнаго штаба графа Ѳ. Л. Гейдена, и управлявшаго дѣлами главнаго военно-тюремнаго комитета, генерала М. Н. Анненкова, я написалъ, на 12 листахъ, по 40 строкъ на страницѣ краткую записку, въ которой изложилъ сущность своего изслѣдованія, начиная съ того, что военно-уголовные законы, по своей чрезмѣрной суровости, подлежали, какъ мнѣ казалось, смягченію сообразно духу времени и предположенной всеобщей воинской повинности; напр., рядовой за оскорбленіе унтеръ-офицера, съ которымъ вмѣстѣ въ ротѣ служилъ, жилъ и выпивалъ въ трактирѣ, гдѣ произошло оскорбленіе, осуждался на 1 годъ и 4 мѣсяца въ исправительную роту, когда по умственному развитію и общности интересовъ одинъ отъ другаго очень мало чѣмъ отличался; или солдатъ за потерю тесака, стоившаго 50 коп., ссылался на исправленіе на полтора года, а въ теченіе этого времени стоилъ казнѣ до 300 рублей; что законъ о ротахъ въ однѣхъ—совершенно игнорировался, ибо нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ вовсе не оказывалось, а въ другихъ—примѣнялись изъ него пункты съ жестокостью,—напр., за ослушаніе фельдфебелю арестанты наказывались ста ударами розогъ, минуя всѣ степени установленныхъ легчайшихъ взысканій. Мѣстные попечительные о ротахъ комитеты, подъ предсѣдательствомъ комендантовъ, изъ членовъ отъ разныхъ частей войскъ, существовали номинально: ни засѣданій не дѣлали, ни попеченія, ни наблюденій не проявляли, а ротные хозяйственные комитеты также бездѣйствовали, потому что всѣмъ распоряжались по личному усмотрѣнію начальники ротъ или ихъ помощники. Офицеры ротъ были люди настолько невѣжественные, что не имѣли ни малѣйшаго понятія о своемъ назначеніи, какъ исправителей нравственности заключенныхъ, почему они отягощали ихъ только фронтовою муштровкою, истязали ихъ наказаніями, да извлекали изъ ихъ труда и изъ казенныхъ источниковъ личную матеріальную выгоду, напр., по отчету Анненкова, онъ ежегодно осматривалъ роты; за 1870 г. значились устроенными въ ротахъ: Рижской—чугунная винтовая лѣстница во всѣ три этажа, съ затратою на нее 7.000 рублей, а въ Динабургской—церковь, стоившая 14.000 рублей, тогда какъ въ

концѣ 1871 г. я не нашелъ и признаковъ ни лѣстницы, ни церкви; въ Бобруйской за годовой ежедневный трудъ арестанта въ мастерской высчитывалось на его долю 73 коп. Это объяснялось тѣмъ, что начальникъ мѣстныхъ войскъ, генералъ Веревкинъ, вопреки запрещенію закона, письменно разрѣшилъ офицерамъ роты держать мастерскія на коммерческомъ правѣ, за что они сдѣлали для него въ мастерскихъ коляску, сани и карету за 70 рублей, съ доставкою въ Вильно. Въ Динабургской ротѣ 40 человѣкъ годами дѣлали гильзы, которыя помощникъ начальника, майоръ Пихно, поставлялъ на табачную фабрику, а заработокъ цѣликомъ бралъ себѣ, въ уваженіе къ многосемейному его положенію. Въ Новогеоргіевской ротѣ дѣйствовали формальныя и тайныя мастерскія, и доходомъ отъ послѣднихъ пользовались завѣдывавшіе ими офицеры, начальникъ же, подполковникъ Свистуновъ, обиралъ казну по стачкѣ съ подрядчиками. Начальникъ Рижской роты, изъ гвардіи полковникъ Семековъ, считалъ себя столь значительнымъ бариномъ, что ему казалось унизительнымъ даже заглядывать въ роту, а потому ввѣрилъ ее своему помощнику, старому майору Бергеру, который терзалъ арестантовъ своимъ безотлучнымъ возлѣ нихъ присутствіемъ, а свою нетактичность простеръ до того, что родной сестрѣ не позволилъ увидѣться съ ея сыномъ и его племянникомъ, очутившимися въ числѣ ротныхъ арестантовъ, и т. д., и т. д. Словомъ, изображенное мною истинное состояніе ротъ вышло въ мрачныхъ краскахъ, но, чтобы не возстановить противъ себя Анненкова, подалъ я записку ему для прочтенія и затѣмъ представилъ Д. А. Милютину. Прошла недѣля, и я зашелъ къ Анненкову узнать о положеніи записки.

— По вашей милости я теперь впалъ въ гнѣвъ военнаго министра,—сердито произнесъ Анненковъ.—Онъ разругалъ меня резолюціею на вашей запискѣ, которую сегодня утромъ возвратилъ мнѣ для исполненія.—Нате, полюбуйтесь.

Я прочелъ: „Записка г. Никитина дышитъ правдою, и потому я не могу ей не повѣрить. Все, что до сихъ поръ дѣлалось о ротахъ, это дѣлалось только на бумагѣ, а въ дѣйствительности роты остались въ томъ же отвратительномъ состояніи, въ какомъ находились до ихъ преобразованія. Оттого предлагаю: 1) главному штабу снарядить, подъ предсѣдательствомъ генералъ-майора Быкова, изъ членовъ (въ число ихъ включить моего адъютанта, капитана Унковскаго) особую коммиссію, которая объѣхала бы роты, разслѣдовала бы на мѣстахъ указанные въ запискѣ и мною отмѣченные вопіющіе факты и предала бы виновныхъ суду; 2) главному военно-тюремному комитету сдѣлать рядъ засѣданій, для обсужденія возбужденныхъ запискою законодательныхъ, административныхъ и хозяйственныхъ вопро-

совъ, пригласивъ г. Никитина къ участію въ обсужденіи этихъ вопросовъ съ правомъ голоса, наравнѣ съ членами, а сужденія стенографировать и обратить въ журналы, которые представить мнѣ".

— Резолюція эта меня чрезвычайно радуетъ,—отвѣтилъ я, прочитавъ и списавъ ее себѣ на память;—благодаря ей—роты оживутъ, а вамъ претендовать на меня, кажется, не слѣдуетъ: я изложилъ правду въ запискѣ, подалъ ее вѣдь вамъ, и вы раньше всѣхъ могли изъ нея узнать, что именно я написалъ, согласно данной мнѣ программѣ.

— Я, по недосугу, не читалъ записки, этой—огромной тетради, а вѣрилъ, что коль скоро вамъ было извѣстно, что я до васъ нѣсколько лѣтъ сряду осматривалъ роты, то вы не станете опорочивать моихъ отчетовъ, а вы вмѣстѣ съ ротами и меня смѣшали съ грязью.

— Все, что я написалъ—правда, а узнать ее чрезъ меня желали военный министръ, начальникъ главнаго штаба и вы, ваше превосходительство, а потому я ее-то и изобразилъ въ запискѣ...

— Для того, чтобы подорвать мой авторитетъ предъ военнымъ министромъ? Благодарю васъ за этотъ сюрпризъ.

— Я и не помышлялъ причинить вамъ непріятность, какъ и оговорился, что о вашемъ пріѣздѣ ротные начальники оповѣщались заблаговременно и подготовлялись къ вашему смотру, производили вы его оффиціально въ нѣсколько часовъ и уѣзжали; а отсюда понятно, что отъ васъ многое легко скрывалось: кромѣ начальства, заинтересованнаго въ томъ, чтобы все обстояло благополучно, никто не осмѣливался и заговаривать съ вами о недостаткахъ ротъ, тогда какъ я въ каждомъ мѣстѣ проживалъ почти по мѣсяцу, переодѣвался въ разное платье, заводилъ всякія знакомства, собиралъ свѣдѣнія въ собраніяхъ отъ штабъ и оберъ-офицеровъ, ихъ женъ и дочерей, въ трактирахъ отъ частныхъ жителей, въ казармахъ отъ солдатъ, содержавшихся въ ротахъ, а въ самихъ ротахъ отъ арестантовъ, все слышанное потомъ провѣрялъ по ротнымъ отчетамъ, приказамъ, дѣламъ, книгамъ и отмѣчалъ только то, что не подлежало ни малѣйшему уже сомнѣнію. Такимъ образомъ между вашими смотрами и моимъ изученіемъ положенія ротъ не могло быть рѣшительно ничего общаго, и обижаться вамъ на меня нѣтъ, разумѣется, никакого основанія, за резолюцію же я искренно благодаренъ военному министру, въ интересахъ несчастныхъ арестантовъ.

— Меня интересуетъ прежде всего свое заслуженное служебное положеніе, а не ваша правда. О томъ, какъ отнесется къ запискѣ и резолюціи графъ Гейденъ я не безпокоюсь: онъ мой бофферъ и мы въ дружбѣ, но когда все это вычитаютъ разные чины штаба,—а я многимъ не по нраву,—они съ злорадствомъ будутъ обо мнѣ злословить, а этого я не желаю.

— И этому я, полагаю, непричастенъ: я никого не знаю, сдѣлалъ свое дѣло по совѣсти, а какія окажутся для кого послѣдствія, не входило въ мою задачу, потому мнѣ остается ждать...

— И ждите, только не моего содѣйствія къ осуществленію вашихъ предположеній: я не только не стану ихъ поддерживать, но, напротивъ, буду противъ нихъ и исключительно потому, что дѣло, которое я около десяти лѣтъ внимательно создаю, вы сразу разрушаете.

— Однако, военный министръ призналъ его очень плохимъ и требуетъ радикальнаго измѣненія.

— Такъ и вѣдайтесь сами съ военнымъ министромъ, а я съ нимъ объ васъ ни слова не скажу. Онъ вѣроятно это тоже понялъ, пожелавъ васъ видѣть. Вы и явитесь къ нему, а меня оставьте въ покоѣ.

На этомъ мы холодно разстались.

Затѣмъ, когда я явился къ Д. А. Милютину, онъ принялъ меня очень ласково, поблагодарилъ за тяжелый мой трудъ по раскрытію истины о ротахъ, заявилъ, что вполнѣ вѣритъ содержанію моей записки, которая произвела на него удручающее впечатлѣніе, а потому и распорядился о снаряженіи, для формальнаго разслѣдованія фактовъ, коммиссіи и въ составъ ея нарочно включилъ своего личнаго адъютанта, которому вполнѣ довѣряетъ, почему я долженъ быть спокоенъ, что коммиссія ничего не скроетъ, потомъ посовѣтовалъ мнѣ отдохнуть, привести въ порядокъ собранный для печати матеріалъ, а въ заключеніе предложилъ мнѣ объѣхать съ тою же цѣлью остальныя роты и доставить о нихъ тоже подобныя правдивыя свѣдѣнія, при этомъ сказалъ, что я, не служа въ военномъ министерствѣ, не могу пользоваться узаконенными для служащихъ прогонами, подъемными, суточными и квартирными по чину. Но, убѣдившись въ существенной пользѣ отъ совершенной мною поѣздки, прикажетъ, для будущей поѣздки по остальнымъ ротамъ, сосчитать по маршруту прогоновъ на 12 лошадей и эту сумму назначить мнѣ, въ видѣ пособія, если я считаю это достаточнымъ на путевые расходы. Я отвѣтилъ ему признательностью за довѣріе, обѣщаніемъ оправдать его и признаніемъ размѣра путевыхъ даже щедрымъ. Онъ предоставилъ мнѣ приходить запросто къ нему домой, для объясненій въ нужныхъ случаяхъ, въ пять часовъ дня, повторилъ, что все, что̀ написалъ въ резолюціи и высказалъ мнѣ словесно—будетъ исполнено, о чемъ я могу освѣдомиться отъ графа Гейдена, предложилъ побывать у него и передать ему все слышанное отъ него.

Я явился къ графу Гейдену и доложилъ ему о прочитанной мною резолюціи военнаго министра и обо всемъ, что онъ мнѣ говорилъ, но въ отвѣтъ услышалъ отъ него только „да, да“. Я спросилъ, поѣхала ли по ротамъ предрѣшенная коммиссія, и онъ опять произнесъ

лишь „да, да". Я полюбопытствовалъ, когда состоятся засѣданія главнаго тюремнаго комитета, и онъ произнесъ опять „да, да". Вообще я говорилъ, а онъ слушалъ и твердилъ „да, да", а въ заключеніе направилъ меня къ генералу Анненкову, вѣдавшему все дѣло. Я сообщилъ Анненкову все вышеизложенное и попросилъ обѣщанную бумагу для гражданской цензуры, такъ какъ рукопись приготовилъ, а Н. А. Некрасовъ не рѣшался безъ нея печатать въ „Отечественныхъ Запискахъ" мой трудъ.

— Принесите мнѣ рукопись на прочтеніе, а потомъ поговоримъ о бумагѣ.

— Но вѣдь мы же условились, что дадите бумагу безъ чтенія рукописи?

— А гдѣ это условіе?

— Оно было словесное.

— Значитъ, его не было. Когда узнаю, что и какъ именно пишете, и одобрю, тогда только можетъ быть рѣчь о бумагѣ.

— Значитъ, вы изволите отказываться отъ своихъ словъ?

— Да, потому что ошибся.

— А я вѣрилъ вашему слову, подтвержденному мнѣ военнымъ министромъ.

— Вы не оправдали нашихъ ожиданій.

— Онъ, напротивъ, благодарилъ меня и выразилъ желаніе, чтобы я объѣхалъ прочія роты.

— Мало ли что онъ вамъ наговорилъ, а я бумаги вамъ не дамъ до тѣхъ поръ, пока не прочту всего, что вы написали, и не одобрю.

Я подчинился его требованію. Началось чтеніе. Я отстаивалъ чуть ли не каждую страницу, а онъ все измѣнялъ, ослаблялъ, вычеркивалъ. Истощивъ терпѣніе, я дважды жаловался Д. А. Милютину. Онъ меня любезно выслушивалъ, жалѣлъ, признавалъ правымъ, а для разбирательства отсылалъ къ графу Гейдену, твердившему „да, да" и направлявшему меня къ тому же Анненкову, а послѣдній ничего мнѣ не уступалъ, бумаги не давалъ, засѣданія комитета не назначалъ и даже сердился, что я безпокою его пустяками. Такъ промучился я мѣсяца два въ обходѣ всѣхъ трехъ до извѣщенія о послѣдовавшемъ высочайшемъ разрѣшеніи на вторую мою поѣздку, съ выдачею мнѣ за обѣ поѣздки на расходы 1.200 руб. Я узналъ въ главномъ штабѣ, что всеподданнѣйшимъ докладомъ первая моя поѣздка признана была полезною, а потому испрашивалось, и 26 февраля 1872 г. состоялось повелѣніе на вторую мою поѣздку въ Смоленскъ, Кіевъ, Херсонъ, Воронежъ, Астрахань и Екатеринбургъ, а сумма высчитана не на 12, какъ Д. А. говорилъ мнѣ, а только на четыре лашади, на 12.000 верстъ!.. Я доложилъ объ

этомъ Д. А., а онъ заявилъ мнѣ, что въ докладѣ о числѣ лошадей и общей суммѣ вкралась ошибка, а потому написалъ и вручилъ мнѣ для передачи графу Гейдену записку объ исправленіи цифръ на 12 лошадей. Передавъ записку и услышавъ обычное „да, да", я пошелъ, по обыкновенію, къ Анненкову, но онъ объявилъ мнѣ, что призналъ значительными прогоны и на четыре лошади, а потому цифру эту не измѣнитъ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не желаетъ моей поѣздки во избѣжаніе неминуемыхъ отъ нея новыхъ непріятностей.

Это вынудило меня послать Д. А. Милютину письмо:

„Во время представленія моего вы изволили предоставить мнѣ обращаться непосредственно къ вамъ по разработкѣ собранныхъ мною матеріаловъ о состояніи военныхъ исправительныхъ ротъ. Критическое положеніе, въ которомъ я, по этому занятію, очутился, безъ всякой, съ моей стороны, причины, вынуждаетъ меня почтительнѣйше просить васъ удостоить благосклоннымъ вниманіемъ нижеслѣдующее.

„Лѣтомъ 1871 г. я издалъ книгу „Жизнь заключенныхъ", обратившую на себя общее вниманіе. Вскорѣ послѣ того—въ августѣ пріѣхалъ ко мнѣ ген. Ан—въ, котораго я прежде не только не зналъ, но и никогда не видалъ и отъ имени вашего предложилъ мнѣ объѣхать, на казенный счетъ, нѣсколько военныхъ исправительныхъ ротъ, изучить ихъ состояніе и результаты издать отдѣльною книгою. Я согласился съ условіемъ, если мнѣ позволятъ напечатать: а) все, что я соберу и б) самостоятельное свое мнѣніе по этому предмету. На это г. Ан—въ отозвался, что ваше и его желаніе видѣть правдивое, откровенное описаніе и независимое сужденіе мое посторонняго военному вѣдомству человѣка, которому гораздо легче замѣтить, чего именно въ ротахъ не достаетъ. „А чтобы цензура не помѣшала вамъ,—добавилъ онъ,—мы васъ снабдимъ особою объ этомъ бумагою". Кромѣ того, для большаго распространенія книги среди военныхъ, по словамъ Ан—ва, главный штабъ издастъ рекомендующій книгу циркуляръ по войскамъ. Желая принести посильную пользу военно-тюремному дѣлу, я принялъ его предположеніе, потомъ просилъ его снабдить меня программою моихъ будущихъ занятій,—но онъ твердилъ одно: программа вамъ ваша же книга „Жизнь заключенныхъ"; наконецъ, наканунѣ отъѣзда продиктовалъ мнѣ нѣсколько пунктовъ, совѣтуя обратить на нихъ особенное вниманіе; въ числѣ этихъ пунктовъ трижды говорилось: „разузнайте, не воруетъ ли начальство ротъ".

„Съ глубокою признательностью за оказанную мнѣ честь—отправился я въ путь, гдѣ терпѣливо сносилъ лишенія и даже оскорбленія. Въ Динабургской, напр., ротѣ, помощникъ начальника, майоръ Пихно

выгналъ меня изъ казармы, въ присутствіи арестантовъ, за то, что я замѣтилъ, какъ послѣдніе дѣлали для него гильзы. Случай этотъ, извѣстный многимъ, въ томъ числѣ начальникамъ мастерской и артиллеріи, полковникамъ Миллеру и Игельстрому, вынудилъ меня тогда телеграфировать о немъ графу Гейдену въ мягкихъ, впрочемъ, выраженіяхъ. Тамъ же потомъ былъ брошенъ въ меня, однажды, въ сумеркахъ, изъ-за угла камень, пролетѣвшій мимо моего лица, чему тоже были очевидцы, — но я никому и ни на что не жаловался, твердо помня, что честному дѣлу не рѣдко ставятся самыя непозволительныя преграды, и потому въ подобныхъ случаяхъ нечего обижаться, неизбѣжно нѣкоторое даже самоотверженіе.

„Вернувшись, чрезъ четыре мѣсяца, въ Петербургъ, я вручилъ г. Ан—ву, для представленія вамъ, краткій очеркъ состоянія обозрѣнныхъ мною ротъ, очеркъ, въ которомъ — не увлекаясь ничѣмъ — по совѣсти изложилъ всѣ неурядицы, какія собралъ, узналъ. На мою оговорку, что я не могъ, къ сожалѣнію, изобразить въ очеркѣ иной картины, г. Ан—въ отозвался, что и настоящая картина его, три года сряду ѣздившаго по ротамъ, не компрометтируетъ: онъ, какъ военный генералъ, не въ состояніи былъ, для узнанія истины, прибѣгать къ такимъ способамъ, какіе мнѣ были сподручны.

„Вслѣдъ затѣмъ я договорился съ редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“, въ коихъ сотрудничалъ, начать печатать мою работу съ январьской книги сего года и на вопросъ редактора, не будете ли вы этимъ недовольны— я, заручившись, заблаговременно, обѣщаніемъ дать мнѣ бумагу,—отвѣтилъ, что доставлю ее, и немедленно обратился за нею къ г. Ан—ву, который пожелалъ прежде прочесть, что я пишу. Это уже выходило за предѣлы нашего условія,—тѣмъ не менѣе я не только подчинился ему, но въ интересахъ дѣла, которому взялся служить, выкинулъ изъ рукописи все, что Ан—ву казалось почему-то особенно неодобрительнымъ, рѣзкимъ, и, хотя желаніе ваше въ этомъ отношеніи ограничивалось, какъ вы изволили лично мнѣ выразить, только тѣмъ, чтобы я „не касался ничьихъ личностей“, но мнѣ приходилось нѣсколько разъ передѣлывать цѣлыя рукописи, такъ что въ окончательно приготовленныхъ къ печати 70—80 писанныхъ листахъ не осталось и половины того, что я первоначально написалъ на основаніи фактовъ и безпристрастныхъ наблюденій: цензура Ан—ва оказалась несравненно строже существовавшей въ Россіи въ 40-хъ годахъ. Однако, и такія капитальныя уступки не удовлетворяли Ан—ва: онъ продолжалъ отвергать самые безспорные факты, а со времени посылки коммиссіи для формальнаго обревизованія дѣйствій ротъ,—началъ мнѣ высказывать, что ошибся во мнѣ, что вовсе не того ждалъ отъ меня, что взгляды мои на

арестантовъ совершенно противоположны тѣмъ, какіе должны будто бы быть по пепитенціарной наукѣ, его понятіямъ и проч. и проч. Высказывая, въ самыхъ безобидныхъ выраженіяхъ, дѣйствительные недостатки ротъ,—я въ то же время не въ правѣ былъ по совѣсти вторить оффиціальнымъ отчетамъ, которые далеки отъ истины. Дабы ваше высокопревосходительство могли наглядно убѣдиться въ этомъ — приведу, на выдержку, два, три факта. Такъ, въ отчетѣ главнаго военнаго тюремнаго комитета 1870 г. сказано, что „въ Динабургской ротѣ устроена церковь", тогда какъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1871 г., въ мою бытность въ Динабургѣ, церкви не было, а были только-что сколочены наскоро досчатыя стѣны для будущей церкви. По отчету комитета 1869 г. заработали арестанты ротъ: Рижской — 1.436 руб., а Новогеоргіевской—829 руб., изъ полученныхъ же мною на мѣстѣ изъ книгъ цифръ видно, что заработокъ этотъ составлялъ: въ Рижской ротѣ—2.278 руб., въ Новогеоргіевской ротѣ—1.059 рублей 15½ коп. Далѣе я не могъ вторить отчетамъ оттого, что знаю быть военныхъ заключенныхъ, да и законы не изъ однѣхъ книжекъ поверхностно, какъ Ан—въ, а по непосредственному изученію всего этого на практикѣ; не могъ и потому еще, что книга—общее достояніе—должна, по крайнему моему разумѣнію, обнимать предметъ всесторонне, указывать на слабыя стороны, чтобы онѣ современемъ устранились; чтобы критика видѣла, что я затрогиваю вопросы для правильнаго ихъ разрѣшенія, для блага самаго дѣла; чтобы меня не заподозрили въ желаніи подслужиться похвалою тому, что ея недостойно; къ тому же я и ѣздилъ-то вовсе не съ тою цѣлью, чтобы потомъ все огуломъ хвалить: я дорожу своимъ честнымъ именемъ. Такимъ образомъ, за то, что я старался изъ всѣхъ силъ принести пользу дѣлу,—поставленъ въ затруднительное положеніе и въ непріятнѣйшія отношенія къ другимъ, какъ Ан—въ, а потому рѣшаюсь почтительнѣйше просить или предоставить мнѣ печатать то, что я пишу объ исправительныхъ ротахъ самостоятельно, въ возможно сдержанномъ, разумѣется, тонѣ, или поручите мнѣ читать рукописи съ другимъ, по вашему избранію, лицомъ, которое было бы знакомо съ современнымъ состояніемъ литературы, ибо Ан—въ не можетъ считаться компетентнымъ судьею въ собственномъ дѣлѣ, а затѣмъ прикажите выдать мнѣ записку о неимѣніи со стороны военнаго министерства препятствій къ печатанію моего труда.

„Въ заключеніе всего съ горечью довожу до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что въ виду явнаго недоброжелательства Ан--ва и лично ко мнѣ, и къ самому дѣлу исправительныхъ ротъ, я, не располагая лишними матеріальными средствами, безъ про-

гоновъ и безъ вашего приказанія или резолюціи обо всемъ, касающемся моихъ занятій—вынужденъ буду отказаться отъ дальнѣйшей поѣздки".

По содержанію моего письма Д. А. Милютинъ написалъ графу Гейдену: „Прилагая при семъ письмо г. Никитина, собственно для свѣдѣнія вашего сіятельства, я полагалъ бы не давать ему оффиціальнаго значенія и не оставлять въ дѣлѣ, но какъ нельзя оставить его безъ отвѣта, то я полагалъ бы, вмѣстѣ съ объясненіемъ г. Никитину объ отмѣнѣ дальнѣйшихъ его поѣздокъ по военно-исправительнымъ ротамъ, дать ему въ слѣдующемъ смыслѣ отвѣтъ относительно разрѣшенія на напечатаніе собранныхъ имъ свѣдѣній: можно сказать, что военное министерство, поощряя его поѣздки и давъ ему всѣ средства для того, чтобы узнать во всей истинѣ, что дѣлается въ военно-исправительныхъ ротахъ, имѣя въ виду пользу, которую оно могло извлечь изъ этихъ свѣдѣній, т. е. принять свои мѣры для исправленія недостатковъ и преслѣдованія могущихъ открыться злоупотребленій. Передавать же эти свѣдѣнія на судъ публики—военное министерство вовсе не имѣло въ виду и не можетъ находить въ томъ никакой пользы для дѣла. Но если г. Никитинъ желаетъ собранныя имъ свѣдѣнія употребить какъ матеріалъ для журнальныхъ статей, то военное министерство, конечно, не можетъ воспрепятствовать тому, насколько печатаніе подобныхъ статей можетъ быть допускаемо общими цензурными правилами; но, съ другой стороны, министерство уже никакъ не можетъ и давать ему какое-либо на это разрѣшеніе или одобрительное свидѣтельство".

Поэтому главный штабъ увѣдомилъ меня, что „по измѣнившимся обстоятельствамъ, въ настоящее время, не признается возможнымъ командировать меня для объѣзда военно-исправительныхъ ротъ, а потому состоявшееся въ минувшемъ февралѣ распоряженіе о возложеніи на меня этого порученія слѣдуетъ считать отмѣненнымъ".

Вслѣдъ затѣмъ М. Н. Анненковъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ изложилъ, что когда военный министръ, по докладу его, изъявилъ согласіе на мою поѣздку для осмотра нѣкоторыхъ исправительныхъ ротъ, отъ нея ожидалось весьма многое. Онъ надѣялся, что, при моемъ знакомствѣ съ тюремнымъ дѣломъ, я окажу арміи истинную услугу, напечатавъ потомъ книгу о военно-исправительныхъ ротахъ, книгу, изъ которой и публика, и начальствующія лица увидятъ, въ изображеніи совершенно вѣрномъ и отнюдь нелицепріятномъ, и устройство ротъ, и бытъ арестантовъ, и дѣйствительно принимаемыя мѣры для ихъ исправленія. Военный министръ согласился на мою поѣздку въ особенности для разъясненія всѣмъ интересующимся дѣломъ вопроса: слишкомъ ли мягко, или слишкомъ су-

рово, или вполнѣ соотвѣтственно наказаніе преступника, когда онъ приговаривается судомъ къ заключенію въ военно-исправительную роту на извѣстный срокъ. Можно было разсчитывать, что если бы я былъ знакомъ съ пенитенціарными системами вообще, то могъ бы подать и мысль, которою можно было бы воспользоваться для улучшенія нашей системы, или хотя развить то или другое положеніе, установленное въ системѣ наказаній. Къ несчастію, онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, и мое вполнѣ, впрочемъ, добросовѣстное изслѣдованіе нѣкоторыхъ незначительныхъ злоупотребленій, порою вкрадывающихся въ администрацію исправительныхъ ротъ, не проливаетъ новаго свѣта на нашу систему, не намекаетъ ни на какое развитіе и въ то же время не сообщаетъ правильнаго и безпристрастнаго взгляда на устройство нашихъ исправительныхъ ротъ вообще, т. е. не разъясняетъ ни мало: можетъ ли принятая у насъ система дѣйствѣтельно содѣйствовать исправленію преступника. Изо всего того, что я написалъ и что имъ прочитано, видно, что я съ достойнымъ уваженія благодушіемъ озабоченъ улучшеніемъ положенія арестантовъ. Но, не упуская изъ виду хозяйственной, такъ сказать, стороны дѣла, нельзя считать продовольствіе арестантовъ единственною задачею системы. Слѣдуетъ имѣть въ виду исправленіе арестантовъ, для которыхъ рота должна служить способомъ къ возвращенію въ среду общества незапятнанныхъ преступленіемъ людей. Во всѣхъ статьяхъ, мною написанныхъ, онъ не могъ не видѣть крайне односторонняго и далеко не широкаго взгляда на исправительную тюрьму, и потому не могъ согласиться и на ихъ напечатаніе. Указанныя мною частныя злоупотребленія, за что онъ не могъ не благодарить меня, подвергнуты изслѣдованію, и то, что окажется справедливымъ, будетъ прекращено, а затѣмъ онъ не считаетъ себя въ правѣ согласиться на напечатаніе статей, относящихся не до системы нашей, а до частныхъ въ ней случаевъ. Если я найду удобнымъ печатать ихъ подъ своею отвѣтственностью, то препятствовать не можетъ и вмѣшиваться въ это дѣло не желаетъ. Но если редакціи журналовъ не приняли бы статей безъ формальнаго съ его стороны согласія на ихъ напечатаніе, то чтобы не обмануты были мои денежные разсчеты, онъ готовъ пріобрѣсти у меня на свой собственный счетъ все, что написано мною о поѣздкѣ по ротамъ, если только я назначу за рукописи соотвѣтственную цѣну. Засимъ онъ просилъ бы считать мои отношенія чрезъ его посредство къ военному министерству покончеными.

Часть моей рукописи оставалась еще у Анненкова, потому я пошелъ за нею къ нему, а въ его пріемной случайно столкнулся съ знакомымъ извѣстнымъ въ ту пору педагогомъ (авторомъ книги „Міръ

Божій") и литераторомъ А. И. Разинымъ [1]), который выглядѣлъ взволнованнымъ. На мой вопросъ о причинѣ, онъ сообщилъ мнѣ, что Анненковъ, ѣздившій на тюремный конгрессъ въ Лондонъ, привезъ оттуда огромный ворохъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ газетъ и брошюръ, изъ которыхъ заказалъ ему за 500 руб. составить, литературнымъ слогомъ, докладъ военному министру. Онъ написалъ, и вдругъ докладъ этотъ появился цѣликомъ напечатаннымъ, безъ его вѣдома, съ подписью М. Анненкова, въ „Вѣстникѣ Европы". Онъ ростомъ и сложеніемъ Голіафъ и явился за 500 руб. и поругаться съ Анненковымъ за его продѣлку. Какъ пришедшій раньше меня, онъ прошелъ къ нему въ смежную комнату—кабинетъ—прежде меня. Разговоръ между ними начался тихо, а потомъ Разинъ постепенно возвышалъ голосъ, употреблялъ рѣзкія выраженія: напр., „вы поступили по-мазурнически, я не ожидалъ отъ васъ, генерала, такой подлости, вы, по своему безграмотству, трехъ строкъ вѣдь не умѣете написать правильно, а авторствовать чужими умомъ и руками вамъ лестно", а Анненковъ выслушивалъ брань и старался успокоить Разина, который яростно стукнулъ кулакомъ объ столъ и крикнулъ: „деньги по уговору сію минуту, и я больше не желаю слушать вашей лжи", а получивъ деньги—обозвалъ его „обманщикомъ", быстро вышелъ въ пріемную, съ такою силою хлопнулъ дверью, что всѣ стекла задрожали и ушелъ [2]). Внутренно я хвалилъ Разина, а наружно удивлялся, какъ онъ рѣшился столь жестоко оскорблять Анненкова и какъ Анненковъ хладнокровно перенесъ оскорбленія.

Оправившись отъ брани Разина, Анненковъ пригласилъ меня въ кабинетъ и освѣдомился, зачѣмъ я посѣтилъ его. Я отвѣтилъ: за рукописью.

— Продайте мнѣ въ собственность все, что написали объ ротахъ?

— Я не торгую своимъ литературнымъ трудомъ.

— Я вамъ заплачу полторы, а мало двѣ тысячи, да выхлопочу Владиміра въ петлицу.

— А мой трудъ издадите со своею подписью?

— Вы получите хорошее вознагражденіе, а сдѣлаю я изъ вашихъ рукописей то, что мнѣ надо.

— Ни за какое вознагражденіе я этого не сдѣлаю: не желаю быть одураченнымъ по примѣру Ризина.

— Такъ вотъ вамъ рукопись и прощайте.

---

[1]) Умеръ въ 1875 г.

[2]) Недѣлю спустя въ собраніи литературнаго фонда слушалось заявленіе редактора „Вѣстника Европы" о томъ, что причитавшійся Анненкову за статью гонораръ онъ пожертвовалъ фонду.

Я взялъ рукопись и ушелъ, а нѣкоторое время спустя у сослуживца чиновника Куликова познакомился съ его братомъ, подполковникомъ генеральнаго штаба, и узналъ отъ него, что Анненковъ завѣдывалъ также передвиженіемъ войскъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, а онъ, Куликовъ, былъ начальникомъ передвиженія въ Харьковѣ. Анненковъ, какъ начальникъ, вызвалъ его въ Петербургъ, велѣлъ составить докладъ о порядкѣ перевозки войскъ въ Европѣ и Америкѣ. Онъ просидѣлъ въ публичной библіотекѣ два мѣсяца за извлеченіемъ свѣдѣній, выписалъ изъ-за границы десять книгъ и въ три мѣсяца усидчиваго труда написалъ яко бы докладъ военному министру, а черезъ мѣсяцъ прочелъ всю свою работу статьею въ „Военномъ Сборникѣ", съ подписью Анненкова. Это его поразило, и онъ явился за объясненіемъ къ Анненкову, который отвѣтилъ ему, что онъ, подчиненный, исполнилъ порученіе начальника, а что начальникъ сдѣлалъ изъ его труда,—объ этомъ онъ не смѣетъ разсуждать. Онъ заявилъ ему, что будетъ жаловаться начальнику главнаго штаба, но услышалъ отъ Анненкова, что графъ Гейденъ ему бофреръ и ничего противъ него, Анненкова, не сдѣлаетъ, а напротивъ, если пожалуется, то настоитъ на отчисленіи его, Куликова, отъ должности. Въ штабѣ узналъ онъ, что Анненковъ многихъ заставлялъ писать по разнымъ предметамъ доклады, а потомъ печаталъ ихъ статьями со своею подписью и, хотя они и претендовали на него, но принуждены были отступиться, такъ какъ двое-трое настойчивыхъ поплатились за протесты должностями. Оттого и онъ, Куликовъ, молча перенесъ обиду Анненкова.

Всѣ мои сношенія съ Анненковымъ по ротамъ на этомъ прекратились. Я вновь передѣлалъ свои рукописи о ротахъ сообразно общимъ цензурнымъ правиламъ и впалъ въ недоумѣніе, куда ихъ пристроить. Въ это время бывшій моимъ сослуживцемъ Г. К. Градовскій, сдѣлавшійся редакторомъ журнала „Гражданинъ", изданія князя В. П. Мещерскаго, предложилъ мнѣ помѣстить часть моего труда въ „Гражданинѣ". Я воспользовался предложеніемъ и въ „Гражданинѣ" напечатали 12 листовъ, за которые князь Мещерскій заплатилъ мнѣ 1.200 руб.; а потомъ издалъ отдѣльную книгу обо всѣхъ ротахъ [1]). Однако, цензура задержала ее. Я обратился за помощью къ Е. А. Гернгроссъ и разсказалъ ей обо всѣхъ своихъ мытарствахъ. Она упрекнула меня за то, что я раньше ее не посвятилъ въ суть дѣла, ибо этажомъ выше нея квартировала сестра Анненкова, вдова Нелидова, которую очень часто посѣщалъ Милютинъ, и черезъ нее онъ все бы сдѣлалъ, что слѣдовало. Затѣмъ, по просьбѣ Гернгроссъ,

[1]) „Быть военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ", изд. 1873 г.

министръ Е. А. Тимашевъ велѣлъ выпустить книгу, и она появилась въ свѣтъ. Я послалъ экземпляръ Д. А. Милютину и получилъ отъ него слѣдующее письмо отъ 18 іюня 1873 г. за № 2103 (по главному штабу): „Приношу вамъ искреннюю мою благодарность за доставленный мнѣ экземпляръ сочиненія вашего „Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ“ и за труды ваши на пользу тюремнаго дѣла въ военномъ вѣдомствѣ. Возможно скорѣйшее устраненіе недостатковъ, замѣченныхъ вами въ военно-исправительныхъ ротахъ, вполнѣ совпадаетъ съ моими желаніями, и потому практическія указанія ваши будутъ приняты во вниманіе при дальнѣйшемъ совершенствованіи названныхъ учрежденій“.

Въ заключеніе всего добавляю еще два обстоятельства, относившіяся къ ротамъ.

Генералъ Веревкинъ жаловался на меня министру А. А. Зеленому за то, что получилъ отъ Д. А. Милютина выговоръ за разрѣшеніе начальству Бобруйской роты распоряжаться мастерскими на коммерческомъ правѣ. Зеленый потребовалъ отъ меня объясненіе, которымъ призналъ меня правымъ, а Веревкина виноватымъ въ отмѣнѣ, собственною властью, закона.

Люди горячіе настойчиво совѣтовали мнѣ затѣять съ Анненковымъ или министерствомъ процессъ за отказъ отъ выполненія словеснаго договора, отчего ввели меня въ убытки, и А. М. Унковскій даже брался вести этотъ интересный процессъ, въ качествѣ моего повѣреннаго, я но предпочелъ остаться въ накладѣ или обиженнымъ по пословицѣ „съ сильнымъ не борись“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній В. А. Панаева.

I.

Заграничная поѣздка.--Встрѣча съ княземъ Горчаковымъ.—Покупка мѣста на берегу Невы и разореніе. — Фонъ-Дервизъ и его вилла въ Ниццѣ. — Его концерты, въ которыхъ участвовала моя дочь.

Изъ предшествующихъ моихъ воспоминаній, обнимающихъ 30 лѣтъ, видно, что я находился въ безпрерывной дѣятельности, какъ умственной, такъ и физической. Четыре года я былъ занятъ математическимъ и инженернымъ образованіемъ, требовавшимъ особеннаго умственнаго напряженія. Затѣмъ тотчасъ же я поступилъ на постройку Николаевской дороги, которая необходимо требовала тоже большаго труда умственнаго и физическаго, тѣмъ болѣе, что никакихъ подручныхъ техниковъ тогда не существовало. Вслѣдъ за тѣмъ—безпрерывное производство изысканій для желѣзныхъ дорогъ, обусловливающихъ особенно тяжелый физическій трудъ. Послѣ того я произвелъ постройку двухъ желѣзныхъ дорогъ: Грушевской и Курско-Кіевской. При этомъ пришлось быть и инженеромъ, и механикомъ, и администраторомъ, съ полною отвѣтственностью за стоимость постройки, слѣдовательно, и за хозяйственныя распоряженія.

Въ теченіе 30 лѣтъ разнообразнаго, напряженнаго труда я ни разу не былъ въ отпуску, ни разу не отдыхалъ. Нервы мои были сильно подорваны, но я успѣлъ закончить постройку Курско-Кіевской дороги. Доктора предписали мнѣ прервать надолго мои занятія, не заниматься никакими дѣлами, предаться отдохновенію, морскому купанію и путешествію

Я отправился сначала въ Брюссель, потомъ, вернувшись въ Петербургъ, я поѣхалъ путешествовать по Финляндіи. Мнѣ помнится, что въ Гельсингфорсѣ со мной сдѣлался сильный припадокъ кровохарканія; но я попалъ на отличнаго доктора, который остановилъ острый припадокъ въ два дня оригинальнымъ средствомъ: нѣсколькими каплями очищеннаго скипидара. Въ Финляндіи мнѣ пришлось пробыть около 6-ти мѣсяцевъ. Послѣ того, я отправился въ Швейцарію, гдѣ мнѣ было предписано проводить время на самыхъ высокихъ мѣстахъ. Послѣ годичнаго пребыванія въ Швейцаріи меня послали въ разные курорты: Соденъ, Эмсъ, Висбаденъ, Гамбургъ. Наконецъ мнѣ предписано было отправиться въ Корфу на купанье въ морѣ, послѣ того ѣхать въ Крымъ и провести тамъ конецъ зимы и начало весны.

Весною въ Крымъ пріѣхало ко мнѣ мое семейство, жена и трое дѣтей.

Къ концу этого сезона, я почти совсѣмъ поправился, и осенью мы поѣхали въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, мое странствованіе продолжалось $3^1/_2$ года, пока не возстановилось мое здоровье.

Описывать въ это время разные встрѣчи и эпизоды не представляетъ ничего интереснаго. Однако припоминаю одинъ эпизодъ курьезнаго свойства. Во время пребыванія въ Висбаденѣ, я встрѣтилъ моего знакомаго, барона Криднера, человѣка-фантазера, и мы ежедневно проводили вмѣстѣ время. Однажды, сидя въ ресторанѣ, подошелъ къ Криднеру неизвѣстный мнѣ господинъ, оказавшійся княземъ Горчаковымъ, находившимся, кажется, тогда чиновникомъ при швейцарскомъ посольствѣ. Криднеръ, познакомивъ меня съ нимъ, пригласилъ его отобѣдать съ нами, при чемъ съ нами обѣдали еще двое знакомыхъ намъ русскихъ.

Въ это время вошелъ въ ресторанъ элегантный, въ австрійскомъ мундирѣ, гусарскій офицеръ, съ шикарно одѣтой молодой дамой, и сѣлъ за особымъ столомъ подлѣ насъ. Костюмъ дамы, ея прическа и ея манера разговора довольно рельефно обнаруживали кокотку. Горчаковъ уже былъ навеселѣ и, послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго, началъ трунить довольно неделикатно надъ этой дамой и сталъ ее обзывать по-русски. Гусарскій офицеръ долго молчалъ, но наконецъ взбѣсился, молча всталъ и подалъ свою корточку Горчакову. Горчаковъ оторопѣлъ и тутъ же обратился къ Криднеру и ко мнѣ, приглашая насъ быть его секундантами.

На другой день мы отправились къ Горчакову, чтобы узнать объ условіяхъ дуэли. Онъ объявилъ, что на рапирахъ драться не умѣетъ и избираетъ дуэль на пистолетахъ, и тогда мы отправились къ австрійскому офицеру.

Хотя мы сознавали, что офицеръ имѣлъ право считать себя оскорбленнымъ, но совѣтовали ему не возбуждать дѣло, потому что, какъ говорилъ Криднеръ, давно находившійся въ Висбаденѣ, всему Висбадену извѣстна дама, изъ-за которой вспыхнула исторія, которая неизвѣстно чѣмъ кончится и можетъ скомпрометтировать офицера въ глазахъ его начальства.

— Я знаю,—отвѣтилъ офицеръ — что эта дама кокотка, но она пришла со мною, прикрываемая моимъ офицерскимъ мундиромъ. Я соглашусь на мировую, если мой противникъ извинится передъ всѣми присутствовавшими за вашимъ столомъ лицами.

Мы объявили о томъ Горчакову, и я въ особенности настаивалъ покончить означеннымъ путемъ дѣло, такъ какъ мнѣ отнюдь не хотѣлось принимать участіе въ пустѣйшей скандальной исторіи.

Горчаковъ согласился, и на слѣдующій день мы пригласили бывшихъ съ нами лицъ къ обѣду въ ресторанъ. Само собою разумѣется, пригласили и офицера. Горчаковъ извинился передъ офицеромъ въ нашемъ присутствіи, и затѣмъ, мы роспили полдюжины шампанскаго, и дѣло кончилось къ общему удовольствію.

Объѣхавъ разные курорты, я добрался наконецъ до Корфу на купаніе. Продолжительное время пребыванія на Корфу ознаменовалось особеннымъ обстоятельствомъ, о которомъ мнѣ хотѣлось бы разсказать. Въ октябрѣ мѣсяцѣ я сѣлъ на большой пароходъ въ Тріестѣ, откуда шли по Адріатическому морю, безостановочно, почти 4 дня. Пришли мы на рейдъ въ Корфу часовъ въ 12 ночи, въ чрезвычайно бурную дождливую погоду, гдѣ и бросили якорь. Спускаясь по трапу на баркасъ, я рухнулся въ воду, по шею, откуда меня вытащили на баркасъ. До берега Корфу пришлось проѣхать въ такомъ видѣ болѣе версты.

Съ парохода сошли тоже два пассажира, благополучно попавшіе на баркасъ. Въ Корфу не видать было нигдѣ огонька. Мы постучались въ два, три дома, но всѣ спали и дверей намъ не растворяли. Наконецъ, въ концѣ города набрели мы на какую то гостиницу, гдѣ, послѣ неистовой съ нашей стороны стукотни, насъ впустили.

Понятно, что я сейчасъ же раздѣлся, обтерся коньякомъ, выпилъ тоже его двѣ, три рюмки, и мое неожиданное купанье прошло безъ вредныхъ послѣдствій.

Утромъ я пошелъ осмотрѣть городъ. Вернувшись, мнѣ сказали, что приходилъ спрашивать меня какой-то господинъ и оставилъ карточку. На карточкѣ значилось: Командиръ Корвета „Опричникъ", Геркинъ. Прочитавъ фамилію Геркина, я припомнилъ, что въ юности моей я видалъ семейство Геркиныхъ въ Казани, гдѣ оно было очень извѣстно, и наше семейство считалось въ какомъ-то отдаленномъ

родствѣ съ Геркиными. Я ни съ кѣмъ изъ Геркиныхъ не былъ знакомъ. Почему приходилъ ко мнѣ Геркинъ, почему онъ могъ знать, что я пріѣхалъ наканунѣ въ первомъ часу ночи въ Корфу, и почему онъ отыскалъ меня тотчасъ же на слѣдующее утро, я рѣшительно недоумѣвалъ. Затѣмъ я отправился розыскать другую гостиницу получше, и когда я отыскавъ пріѣхалъ за вещами, мнѣ сказали, что приходилъ опять г. Геркинъ, и ему отвѣтили, что я переѣзжаю въ другую гостиницу. Это обстоятельство еще болѣе заинтересовало меня.

Обѣдать я отправился въ ту гостиницу, гдѣ былъ table-d'hote. Придя туда и осмотрѣвшись, я замѣтилъ по наружности, что недалеко отъ меня повидимому сидѣлъ русскій; но я къ нему не обращался; наконецъ Геркинъ сказалъ, по-французски, что онъ часто посѣщаетъ здѣшній table-d'hôte и впервые встрѣчаетъ неизвѣстнаго новаго субъекта—не русскій ли вы?

— Да, я русскій.

— Не Панаевъ ли?

— Да!—Не вы ли приходили ко мнѣ?

— Я.—Я разыскивалъ васъ цѣлое утро... Вѣдь вы казанскій?

— Да!—и помню въ Казани вашу фамилію.

Тогда Геркинъ подсѣлъ ко мнѣ и сообщилъ, что утромъ вѣстовой доложилъ ему, что ночью на рейдъ пришелъ изъ Тріеста пароходъ и высадилъ въ Корфу трехъ пассажировъ, въ числѣ ихъ русскій пассажиръ Панаевъ.

Изъ Корфу я поѣхалъ на южный берегъ Крыма, въ Ялту. Тамъ я встрѣтилъ семейство князя Голицына, мужа и жену, которые лѣтъ 5—6 поселились близъ Ялты, построивъ тамъ прекрасную дачу. Мы сошлись дружески съ этимъ семействомъ еще во время нашего пребыванія въ Новочеркаскѣ. Голицыныхъ посѣщали многіе изъ знакомыхъ; между прочимъ большое семейство князя Трубецкаго, и я провелъ въ Ялтѣ незамѣтнымъ образомъ всю зиму въ ожиданіи жены съ дѣтьми. Къ этому времени я нанялъ большую дачу князя Дондукова-Корсакова, гдѣ мы провели все лѣто. Дача Голицыныхъ находилась на самомъ берегу моря въ саду. Мы ежедневно бывали у нихъ по вечерамъ.

Княгиня Голицына была урожденная графиня Платова, прямая внучка знаменитаго атамана. Она имѣла много связей при дворѣ. Этотъ годъ царская фамилія все лѣто проводила въ Ливадіи, и придворные, ливадійскіе жители, безпрерывно посѣщали княгиню.

Словомъ сказать, мы провели это лѣто въ Ялтѣ прекрасно и оживленно.

Въ это лѣто я поправился здоровьемъ, и осенью мы вернулись въ Петербургъ, и къ этому времени я уже покинулъ службу. Имѣя

свободное время, я принялся за перо: издалъ двѣ брошюры на французскомъ языкѣ—„Voix de la Russie“ и „Conference de Bruxelle“ и русскую: „Россія и Англія“.

Годъ спустя, мы выдали меньшую дочь, Валентину, за кавалергардскаго офицера, графа Шуленбурга, которая на 21 день послѣ родовъ волею Божіею скончалась по причинѣ небрежности и ненужной операціи тогдашняго извѣстнаго акушера Баландина, оставивъ намъ сына, который по сію минуту находится у насъ. Потеря для меня была такъ чувствительна, что вслѣдъ за тѣмъ, у меня опять открылось сильнѣйшее изліяніе крови изъ легкихъ, продолжавшееся болѣе 3-хъ недѣль. Лѣчившіе меня тогда доктора, Здекауеръ и Мейнгардъ и не прибѣгли къ тому средству, которое нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ два дня, избавило меня отъ подобнаго припадка, случившагося у меня въ Финляндіи, какъ было упомянуто выше, а лѣчили меня пріемами желѣзныхъ капель и пульверизаціею изъ нихъ.

Оба доктора признали, что мнѣ обязательно ѣхать въ Ниццу или Ментону.

Здѣсь, слѣдуя хронологическому порядку, мѣсто сказать, что многіе мои родные убѣждали меня обратить мой капиталъ до 400.000 руб., оставшійся у меня отъ подряда на 27 милліоновъ, въ недвижимую собственность. Я долго противился тому, любя свободу и независимость, и говорилъ, что я не рѣшусь жить и бросать якорь иначе, какъ на берегу моря или рѣки, впадающей въ море. Въ это время, какъ разъ является объявленіе отъ городской петербургской управы о продажѣ мѣстъ на Адмиралтейской набережной, съ особыми для того привилегіями, высочайше утвержденными для возведенія тамъ домовъ. Такимъ образомъ, являлась возможность пріобрѣсти наилучшее мѣсто въ Петербургѣ на Невѣ.

Слѣдовательно, приводимый мною аргументъ рушился, и я рѣшился на покупку мѣста на Адмиралтейской набережной.

Высочайше дарованная привилегія была установлена закономъ, гдѣ и по сейчасъ фигурируетъ. Она состояла въ томъ, что дома, возведенные на этой набережной, могли быть неограниченной закономъ высоты и безъ обязательнаго фасада, при чемъ была назначена высочайше утвержденная цѣна, съ которой должны начаться торги въ 150 руб. за квадратную саж., тогда какъ въ Петербургѣ земля оцѣнивалась въ 75 р. за кв. саж.

Не смотря на это, я рѣшился отправиться на торги, въ виду данной такой существенной привилегіи.

Эта привилегія дана была по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Государь пожелалъ соединить Дворцовую набережную съ Англійской, между тѣмъ этому мѣшали малые адмиралтейскіе доки и эллинги,

помѣщавшіеся на Невѣ противъ зданія адмиралтейства. Повелѣно было отдать это мѣсто въ собственность города, безплатно, но съ тѣмъ, чтобы городъ устроилъ въ этомъ мѣстѣ набережную на подобіе Дворцовой или Англійской.

Городъ заявилъ, что набережная будетъ стоить очень дорого, и ходатайствовалъ о предоставленіи имѣющимъ продаваться мѣстамъ особой привилегіи, дабы можно было продать ихъ дороже. Поэтому и дана была привилегія и высочайше назначена цѣна 150 руб., съ которой должны начаться торги.

Торги были объявлены безъ переторжки, и за мной остался участокъ, купленный за 152 руб. кв. с., при соблюденіи всѣхъ условій правильности торговъ, и при участіи трехъ торговавшихся лицъ. Но управа нагло нарушила свой вызовъ на торги и назначила черезъ мѣсяцъ вторые торги. Я могъ, конечно, настоять на своемъ правѣ, но для этого надо было заводить процессъ. Я подчинился рѣшенію городской управы и потому явился на вторые торги. На вторыхъ торгахъ, я купилъ другое мѣсто, по 196 руб. за кв. саж.

Я не испугался цѣны, заплаченной мною за землю, имѣя въ виду, что это наилучшее мѣсто въ столицѣ, и при тѣхъ привилегіяхъ, какія даны были означеннымъ мѣстамъ.

Зданіе было комбинировано весьма искусно: оно предназначалось для гостиницы и фешенебельнаго ресторана съ большей залой, выходящей на Неву, и съ балкономъ во всю эту залу.

Когда я предъявилъ мой проектъ бывшему градоначальнику Трепову, онъ положительно пришелъ въ восторгъ отъ идеи устройства ресторана для хорошаго общества. Кромѣ того, я предположилъ небольшой театръ, и вверху его, надъ зрительной залой, огромный магазинъ. При этой комбинаціи, зданіе, по самой умѣренной оцѣнкѣ, могло принести 80.000 валоваго сбора, а потому дороговизна купленнаго мѣста меня не страшила.

Управа подъ разными предлогами, напримѣръ, что въ проектѣ нѣтъ двора и помойной ямы, медлила утвердить мой проектъ и созвала особую комиссію для обсужденія его, чуть ли не изъ 15 лицъ. У меня въ проектѣ, дѣйствительно, не обозначался дворъ, требуемый закономъ въ 5—6 саж., составляющихъ площадь въ 30 кв. саж., ради въѣзда пожарной трубы для тушенія пожаровъ; но когда всталъ членъ комиссіи, представитель отъ Трепова, брандъ-майоръ и заявилъ, что онъ желалъ бы, чтобы всѣ дома устраивались на подобіе моего проектированнаго дома, гдѣ мѣсто для двора во всѣхъ этажахъ обнесено чугунными открытыми галлереями съ краномъ въ каждомъ этажѣ, что является необыкновеннымъ удобствомъ для тушенія пожара, тогда всѣ думскіе буквоѣды смолкли.

Управа, разбитая на главномъ вопросѣ, все-таки медлила утвержденіемъ проекта. По этому случаю мнѣ вспоминаются слова одного практическаго дѣятеля.—Чему вы удивляетесь, что ваше дѣло тормозится, оно скрипитъ потому, что колеса машины не смазаны.—Управа нашла, что фасадъ проекта дома не представляетъ надлежащей художественности. Я представлялъ три различныхъ проекта, сдѣланные тремя архитекторами, только не управскими, что стоило не малыхъ денегъ. Тогда я рѣшился обратиться въ академику Рязанову. Рязановъ сказалъ, что устарѣлъ и составленіемъ проектовъ уже на занимается.

— Но я вамъ совѣтую обратиться къ архитектору Кенелю — посмотримъ, осмѣлится ли управа забраковать проектъ его фасада?

Я, конечно, послѣдовалъ его совѣту.

Между тѣмъ, я обратился къ градоначальнику съ прошеніемъ, что если вслѣдствіе замедленія, сдѣланнаго управой, я не приступлю немедленно къ работѣ, то не буду въ состояніи окончить зданіе къ высочайше назначенному сроку. Тогда градоначальникъ разрѣшилъ приступить къ работѣ.

Я приступилъ къ возведенію зданія, которое требовалось заложить на 7-ми аршинной глубинѣ съ толщиною наружныхъ стѣнъ въ основаніи въ $2^1/_4$ арш.; словомъ сказать, такихъ размѣровъ въ глубину и въ толщину стѣнъ, какихъ не имѣетъ ни одинъ домъ въ Петербургѣ, не исключая и Зимняго дворца, и когда я уже сталъ возводить первый этажъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевъ, обратилъ вниманіе на постройку, и узнавъ, что постройка разрѣшена Треповымъ, приказалъ остановить работы.

Надо сказать, что Тимашевъ и Треповъ были отъявленными врагами, и въ данное время, ходили слухи, что Треповъ замѣститъ Тимашева. Такимъ образомъ, я попалъ подъ пословицу:—„Паны дерутся, а у хлопцовъ чубы летятъ“.

Когда работы были остановлены, я отправился къ Тимашеву съ объясненіемъ дѣла.

Припоминаю здѣсь оригинальный, не совсѣмъ приличный для званія министра, пріемъ меня Тимашевымъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ, онъ всталъ изъ-за стола, оперся руками и внушительнымъ тономъ сказалъ мнѣ:

— Что вы затѣяли строить вавилонскую башню?

— Я строю не вавилонскую башню, а домъ, и то, что вамъ угодно назвать вавилонской башней, есть домъ, который проектированъ согласно высочайше утвержденному закону,—отвѣтилъ я ему и подалъ № „Правительственнаго Вѣстника“, гдѣ былъ публикованъ вызовъ на торги.

— Я этого не знаю,—и позвонилъ: явился чиновникъ, и Тимашевъ сказалъ ему:—„Принесите мнѣ вотъ этотъ № „Правительственнаго Вѣстника“. Прочитавъ этотъ вызовъ къ торгамъ, онъ, ни сколько не смутясь, сказалъ:—Да, это такъ, но это все равно, я объявляю вамъ, что государь никогда не разрѣшитъ постройки дома по вашему проекту.

Такое объявленіе впередъ именемъ государя, когда проектъ не былъ еще на высочайшемъ благоусмотрѣніи, показалось мнѣ страннымъ; но дѣлать было нечего, я поклонился и ушелъ.

Оставалось подать прошеніе государю о разрѣшеніи мнѣ постройки, согласно условіямъ продажи, высочайше утвержденнымъ. Конечно, мое прошеніе было препровождено къ министру Тимашеву, и въ прошеніи мнѣ отказано.

Вскорѣ послѣ того послѣдовала объявленная мнѣ министромъ воля государя, изъ которой было видно, что привилегія, данная закономъ, какъ будто не отмѣняется, но что въ министерствѣ будетъ составленъ общій обязательный фасадъ.

Я вошелъ съ прошеніемъ о томъ, что я готовъ оставить мою законную претензію безъ дальнѣйшаго хода, если мнѣ будутъ проданы всѣ назначенныя къ постройкѣ мѣста по высочайше назначенной цѣнѣ 150 руб. за кв. саж.

Надо замѣтить, что въ это время у меня оставался еще капиталъ для покупки этихъ мѣстъ; а для возведенія сооруженія, я разсчитывалъ на моего дружески мнѣ знакомаго капиталиста, Павла Григорьевича фонъ-Дервиза. На это мое прошеніе, препровожденное тоже министру Тимашеву, послѣдовалъ также отказъ.

Пришлось подать въ третій разъ прошеніе на высочайшее имя, прося отобрать у меня мѣсто съ начатой постройкой и возвратить мнѣ деньги, на то употребленныя, и въ этомъ мнѣ было отказано по докладу, конечно, того же министра Тимашева.

Въ это время государь поѣхалъ за границу. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы подать ему четвертое прошеніе, дабы избавиться отъ докладовъ враждебнаго мнѣ Тимашева. Государь проводилъ нѣсколько недѣль въ Эмсѣ, куда я и поѣхалъ, и тамъ вручилъ мое прошеніе государю приближенному къ нему лицу. Двѣ недѣли мое прошеніе лежало безъ доклада. Тогда я написалъ письмо этому приближенному лицу, что, въ виду скораго отъѣзда государя, я буду вынужденъ обратиться къ нему лично, во время его прогулки по парку. Въ тотъ же день явился ко мнѣ придворный чиновникъ и объявилъ, что прошеніе мое было доложено, что государь положилъ резолюцію передоложить сущность дѣла, съ чѣмъ и поздравилъ меня.

Вслѣдствіе этого, я вернулся въ Петербургъ, чтобы прослѣдить за дѣломъ, и узналъ, что повелѣніе государя о пересмотрѣ моего дѣла произвело страшный переполохъ. Черезъ нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, явился ко мнѣ нѣкій Федотовъ, антрепренеръ театральныхъ дѣлъ.

— Я имѣю до васъ дѣло; мнѣ доподлинно извѣстно,—сказалъ онъ,—что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получено приказаніе государя о передоложеніи дѣла по предпринятой вами постройкѣ. Министръ страшно встревожился этимъ повелѣніемъ. Надо вамъ сказать, что я Тимашева хорошо знаю, и онъ покровительствуетъ мнѣ въ моихъ антрепризахъ. Вы проектировали домъ съ театромъ, и возвели уже часть зданія, между тѣмъ, вамъ незаконно воспретили постройку, и вы требуете, чтобы у васъ отобрали мѣсто съ начатой постройкой. Министръ знаетъ, что ваше требованіе основательно, но ему не хочется сознаться въ беззаконномъ поступкѣ. Припомните, что когда я случайно узналъ, что вы закладываете театръ, я былъ у васъ съ предложеніемъ построить вамъ театръ для народныхъ драматическихъ представленій. Когда я узналъ отъ Тимашева, что вы требуете отобранія отъ васъ мѣста и возвращенія израсходованныхъ вами денегъ, я подалъ ему мысль помирить это дѣло и избавить его отъ непріятностей. Я предложилъ ему дать разрѣшеніе на частныя русскія представленія, тогда я возьмусь уплатить вамъ требуемыя вами деньги, и этому моему предложенію онъ страшно обрадовался.— Я самъ давно думаю,—сказалъ онъ,—объ устройствѣ частнаго русскаго театра.

— Чѣмъ же я буду обезпеченъ, отдавая мѣсто вамъ, а не правительству,—сказалъ я.

— Разъ будетъ дано разрѣшеніе на русскія представленія, деньги сейчасъ явятся вдвое, втрое, противъ того, что вамъ нужно уплатить за мѣста и начатую постройку.

— Это все можетъ быть, но мнѣ нужна гарантія.

— Гарантію даетъ мнѣ правительство. Вѣдь Тимашеву нужно, главное, замазать свой незаконный поступокъ, не входя въ сдѣлку съ вами, а между тѣмъ, можете это сдѣлать черезъ меня, т. е. третьяго посторонняго лица. Если вы согласны, то я завтра же пойду къ Тимашеву.

— Я согласенъ только съ тѣмъ, чтобы дана была гарантія правительства въ уплатѣ мнѣ черезъ васъ стоимости мѣста и сдѣланныхъ расходовъ.

День спустя, Федотовъ опять явился ко мнѣ и сказалъ, что былъ у Тимашева, которому объявилъ, что я соглашаюсь на означенную комбинацію.

— Русскія драматическія представленія будутъ вамъ разрѣшены. Составьте по этому предмету записку. Можете смѣло комбинировать ваше предпріятіе,—сказалъ Тимашевъ и тутъ же прибавилъ словечко не совсѣмъ приличное для министра—„вамъ разрѣшимъ хотя бы б....., а Панаеву ничего".

Федотовъ подалъ Тимашеву записку, которую прочиталъ предварительно мнѣ, а черезъ двѣ недѣли явился опять ко мнѣ, въ самомъ удрученномъ видѣ.

Когда я пришелъ къ Тимашеву, куда я приходилъ обыкновенно даже безъ доклада, чтобы узнать о результатѣ моей записки, то Тимашевъ меня не принялъ. Я пришелъ на другой день и тоже не былъ принятъ.

Надо замѣтить, что въ это время пріѣхалъ уже государь, и то лицо, которое докладывало ему мое прошеніе въ Эмсѣ, и на которомъ была положена резолюція государя о передокладѣ министерствомъ моего дѣла. Очевидно, что это лицо сообщило Тимашеву, что громъ не такъ страшенъ, какъ ему, Тимашеву, кажется, и потому онъ не сталъ принимать Федотова.

Послѣ этого я рѣшился ликвидировать мои дѣла и уѣхалъ за границу, чтобы оттуда продолжать борьбу.

Устроившись въ Парижѣ, я рѣшился написать письмо наслѣднику и приложилъ при немъ подробную пояснительную записку о ходѣ моего дѣла. Въ письмѣ я просилъ наслѣдника оказать мнѣ милость доложить государю о моемъ дѣлѣ, въ которомъ министръ Тимашевъ совершилъ беззаконный поступокъ, посягнувъ на собственность гражданина русскаго подданнаго. Письмо это я заключилъ тѣмъ, что обращалъ вниманіе на произвольное дѣйствіе администраторовъ, что это разрушаетъ монархическое начало и можетъ привести къ анархіи.

Въ то время я проводилъ лѣто около Парижа въ Буживалѣ, гдѣ жилъ на своей дачѣ Тургеневъ. Я часто съ нимъ видался и принесъ ему прочесть предварительно это письмо. Тургеневъ, прочитавъ его, пришелъ въ ужасъ.

— Стало быть, вы хотите совершенно разстаться съ родиной,— сказалъ онъ.

— Я этого не думаю,—отвѣтилъ я,—я изложилъ только голые факты, которые подтверждаютъ мой взглядъ на общій ходъ дѣлъ.

Тургеневъ убѣдительно просилъ меня, изъ участія ко мнѣ, не посылать этого письма. Это, однако, не остановило меня, и я послалъ его.

Мѣсяца черезъ два, я получилъ оффиціальный отвѣтъ отъ канцеляріи наслѣдника, подписанный завѣдующимъ его Озеровымъ,

извѣщавшій меня, что наслѣдникъ нашелъ неудобнымъ сдѣлать докладъ государю по моему дѣлу.

Дальнѣйшій ходъ даннаго вопроса будетъ изложенъ далѣе, когда я возвратился изъ-за границы и поднялъ вопросъ уже при императорѣ Александрѣ III.

Выѣздъ мой за границу не обусловился только лишеніемъ меня неожиданно почти половины моего состоянія, но складывались и другія обстоятельства, вызвавшія это рѣшеніе. Начать съ того, что, какъ было уже сказано выше, доктора обязывали меня переселиться временно въ южный климатъ, и, кромѣ того, я уже созналъ необходимость докончить музыкальное образованіе, т. е. пѣніе моей талантливой дочери.

Въ то время какъ я былъ въ Парижѣ, пріѣхалъ ко мнѣ мой интимный знакомый, о которомъ я говорилъ выше, Павелъ Григорьевичъ фонъ-Дервизъ. Онъ жилъ въ Ниццѣ, гдѣ выстроилъ превосходный замокъ, въ которомъ и обиталъ.

Въ это время дочь моя училась у m-me Віардо. Я уже говорилъ, что Дервизъ былъ музыкантъ въ душѣ; онъ завелъ у себя оркестръ изъ 60-ти человѣкъ, всѣ были солисты и получали большое содержаніе. По исполненію, этотъ оркестръ могъ конкурировать лишь съ оркестромъ Парижской консерваторіи, но конечно былъ только не такъ многочисленъ. Дирижеръ Миллеръ получалъ огромное содержаніе; кромѣ того, былъ дирижеръ для духовнаго пѣнія въ церкви, нѣкто Кучера, который впослѣдствіи былъ помощникомъ у Направника. Словомъ сказать, Дервизъ жилъ среди музыки и каждую недѣлю два раза открывалъ свою залу, спеціально выстроенную для музыкальныхъ концертовъ, въ которую избранные жители Ниццы впускались безплатно, но по билетамъ отъ Дервиза.

Въ Парижѣ, Дервизъ, пріѣхавъ ко мнѣ, пожелалъ послушать мою дочь. Когда онъ услыхалъ сильный, звучный и металлическій ея голосъ и ея школу, онъ былъ пораженъ и восхищенъ.

— Вашей дочери нужна арена и сцена, всѣ данныя для того есть,—сказалъ онъ.

— Я знаю, отвѣтилъ я,—но есть непобѣдимое препятствіе въ томъ, что мать и слышать объ этомъ не хочетъ. Дервизъ тутъ же схватилъ меня подъ руку и увелъ меня въ другую комнату.

— Скажите мнѣ, вы желали бы видѣть вашу дочь на сценѣ?— спросилъ онъ.

— Я думалъ много разъ объ этомъ; но этого достигнуть нельзя.

— Такъ какъ вы на это согласны, то вотъ что я предложу вамъ. Я каждый годъ даю одинъ праздникъ для жителей Ниццы. Нынѣшній годъ я намѣренъ устроить спектакль, для котораго при-

глашу извѣстныхъ любителей; вѣроятно, ваша дочь не откажется принять участіе въ какой-либо, по ея выбору, пьесѣ.

— Вѣроятно, она не откажется, — сказалъ я — только я прошу васъ обратиться къ ней лично, я же за это не возьмусь, меня и такъ подозрѣваютъ, что я привезъ дочь въ Парижъ для приготовленія ея у Віардо для сцены.

— Разъ вы согласны, то я все устрою, только вамъ надо переѣхать на нѣкоторое время въ Ниццу,—сказалъ Дервизъ.

Дервизъ, переговоривъ съ дочкой, уѣхалъ, сказавъ, что, по пріѣздѣ въ Ниццу, онъ будетъ телеграфировать. И дѣйствительно черезъ недѣлю дочь получила телеграмму въ 150 словъ, гдѣ онъ упоминалъ весь собранный имъ персоналъ изъ любителей и просилъ ее выбрать одну изъ трехъ оперъ, которая могла бы быть поставлена. Дочь выбрала „Фауста“ Гуно, и, запасшись въ Парижѣ костюмами для роли Маргариты, мы поѣхали черезъ недѣлю въ Ниццу.

Дервизъ задумалъ поставить сцены изъ трехъ оперъ: Третье дѣйствіе изъ „Фауста“ Гуно. Роли для Фауста распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Маргарита,—моя дочь, Фаустъ—Діазъ де-Соріа, агентъ торговыхъ винныхъ фирмъ въ Бордо, человѣкъ очень образованный, пріобрѣтшій уже извѣстность во многихъ столицахъ Европы, гдѣ его постоянно приглашали во всѣ аристократическіе салоны, ради его восхитительнаго голоса, и гдѣ онъ пѣлъ, разумѣется, безплатно. Роль Зибеля была вручена прелестной молодой небольшаго роста дамѣ изъ общества нѣкоей Домбаръ-Шульцъ, дочери одного вѣнскаго музыканта. Мефистофеля долженъ былъ играть Пти, который былъ выбранъ Гуно для перваго представленія этой роли въ Парижѣ; но въ данное время онъ уже оставилъ сцену и жилъ съ семействомъ, какъ rentier, въ Ниццѣ. Марту должна была играть жена Дервиза.

Для извѣстнаго тріо въ оперѣ „Карлъ Смѣлый“ былъ приглашенъ извѣстный итальянскій артистъ теноръ di forzta Теберини.

По пріѣздѣ нашемъ въ Ниццу начались репетиціи, которыми режиссировалъ уже вполнѣ опытный артистъ Petit; ждали только пріѣзда Діазъ де-Соріа. Но когда онъ пріѣхалъ, то на первой же репетиціи призналъ, что онъ не можетъ исполнять роли Фауста, если не понизить роль на полтона, и дочь моя, имѣющая высокое сопрано, признала, что это пониженіе будетъ во вредъ оперѣ. Тогда Дервизъ предложилъ поставить, кромѣ главной пьесы спектакля, т. е., „Фауста“, еще сцену изъ оперы „Гамлетъ“, гдѣ долженъ пѣть баритонъ Діасъ де-Соріа и высокое сопрано Офеліи, моя дочь. Для замѣны же Діазъ де-Соріа въ „Фаустѣ“, Дервизъ списался съ теноромъ Мержвинскимъ, который въ это время пѣлъ въ Марселѣ съ огромнымъ успѣхомъ.

Мержвинскій изъявилъ согласіе; его поджидали, и вдругъ внезапно Дервизъ получаетъ письмо, что Мержвинскій пріѣдетъ со своей Маргаритой.

Нельзя описать бѣшенство Дервиза; онъ немедлено послалъ Мержвинскому абсолютный отказъ, сопровожденный слишкомъ внушительнаго характера телеграммой.

— Какъ Мержвинскій могъ даже подумать привезти свою Маргариту, когда весь спектакль устраивается имъ, Дервизомъ, для г-жи Панаевой.

Между тѣмъ, оставалось только два дня до оповѣщеннаго во всемъ городѣ праздника, на который были разосланы уже приглашенія.

Для Дервиза оставался одинъ рессурсъ — обратиться къ тенору итальянской оперы въ Ниццѣ, котораго онъ игнорировалъ.

Г. Домбаръ-Шульцъ, мужъ дамы, долженствовавшей играть Зибеля, явился къ Дервизу въ тотъ вечеръ, когда онъ послалъ отказъ Мержвинскому, и предложилъ помочь Дервизу въ критическихъ обстоятельствахъ, и поѣхать съ нимъ къ означенному тенору. Они поѣхали и застали его въ 12 часовъ ночи спящимъ.

Пока его будили, Дервизъ написалъ уже коротенькое условіе, по которому теноръ обязывался спѣть одну репетицію и спектакль. Теноръ этотъ согласился выполнить роль за 5.000 ф.

Когда я пріѣхалъ на другое утро къ Дервизу, я засталъ его въ восторгѣ, что спектакль можетъ состояться въ назначечный день; онъ ходилъ по комнатѣ, потиралъ руки и безпрестанно обнималъ и цѣловалъ Домбаръ-Шульца.

— Вотъ мой спаситель, —сказалъ Дервизъ, указывая на Домбаръ-Шульца. —Вѣдь этотъ теноръ могъ потребовать отъ меня не 5.000, а 15.000 ф., и я бы далъ непремѣнно эту сумму въ данныхъ обстоятельствахъ. Теперь спектакль обезпеченъ; я въ условіи ввернулъ неустойку въ 10.000 фр. со стороны тенора.

Теноръ оказался въ общемъ весьма подходящимъ. Голосъ его былъ звучный, наружность очень представительная, костюмъ великолѣпный, отъ Дервиза; можно сказать, что „Фаустъ“ былъ непогрѣшителенъ. Спектакль вышелъ блестящимъ. Приглашенныхъ на него было больше 300 человѣкъ. Въ публикѣ до спектакля ходили разные слухи и жалѣли о томъ, что Мержвинскій не пріѣхалъ и не привезъ свою марсельскую пѣвицу, и что въ Маргаритѣ выступитъ какая-то неизвѣстная дѣвица, когда многимъ случалось слышать въ этой роли Патти.

Но съ первой же фразы публика была удивлена, и это удивленіе росло и росло съ каждой фразой и обратилось въ восторгъ.

Дѣйствительно, дочь моя поражала силой голоса, его металли-

ческимъ тембромъ, нюансами, задушевной, искренней, натуральной и умной игрой.

Послѣ спектакля, Дервизъ пригласилъ всѣхъ участвующихъ въ спектаклѣ, за исключеніемъ тенора Жиланди, который былъ взятъ по найму Дервизомъ за 5.000 ф.

Когда сѣли за ужинъ, то всѣ участники спектакля нашли подъ салфетками богатые подарки.

На другой день къ Дервизу явилась депутація отъ Ницкаго благотворительнаго общества съ просьбою повторить спектакль съ благотворительной цѣлью.

— Это до меня не касается, обратитесь къ участникамъ спектакля; вѣроятно, они не откажутъ.

— Но мы васъ просимъ устроить спектакль въ той же вашей залѣ, гдѣ былъ вчерашній спектакль,—отвѣчала депутація.

Надо сказать, что къ виллѣ Дервиза была пристроена большая зала для концертовъ, въ которую спускалась непосредственно изъ дома широчайшая лѣстница изъ бѣлаго мрамора.

— Я готовъ дать залу для благотворительнаго спектакля, но подъ условіемъ, чтобы цѣна билета была назначена въ 100 ф.

На слѣдующій день та же депутація опять явилась къ Дервизу и объявила, что всѣ билеты на имѣющіяся 300 креселъ распроданы по 100 ф. Но депутаты сказали: ваша зала такъ обширна, что можетъ легко вмѣстить 1.000 человѣкъ, и потому не позволите ли вы продать мѣста для стоящихъ по 50 ф. Дервизъ на это изъявилъ свое согласіе.

На другой день послѣ благотворительнаго спектакля во всѣхъ газетахъ появились статьи о пѣніи и игрѣ моей дочери. Прочитавъ въ одномъ журналѣ „L' union du Midi" огромную статью объ этомъ, я послалъ купить нѣсколько нумеровъ, чтобы послать нашимъ роднымъ въ Петербургъ; но въ редакціи не оказалось ни одного экземпляра.

Послѣ концерта, мы еще долго оставались въ Ниццѣ, и дочь моя много разъ пѣла въ музыкальныхъ концертахъ въ залѣ у Дервиза, куда съѣзжалась многочисленная публика.

Въ общемъ, спектакль обошелся Дервизу съ устройствомъ приспособленій залы, декораціями, костюмами, за исключеніемъ костюмовъ моей дочери, въ 60.000 фр., счетъ котораго онъ и показалъ мнѣ.

Замѣчу здѣсь кстати, что въ томъ же году осенью и зимой 1878 года, дочь моя пѣла въ 20 благотворительныхъ концертахъ, куда публика ломилась, вслѣдствіе имени моей дочери, объявляемаго въ афишахъ. Эти концерты дали, по умѣренному разсчету, до 60.000 р.; одинъ изъ концертовъ, устроенный графинею Адлербергъ, далъ

12.000 руб. Всѣ эти концерты или шли на раненыхъ или семейства убитыхъ воиновъ, т. е. по предметамъ, связаннымъ съ цѣлью Краснаго Креста. За эти концерты дочь получила благодарность отъ высочайшихъ особъ; но Красный Крестъ не подумалъ даже декорировать мою дочь знакомъ или хотя бы адресомъ, подобно Ницкому комитету.

Во все время нашего пребыванія въ Ниццѣ, около четырехъ мѣсяцевъ, каждый день въ 10 часовъ утра подъѣзжало отъ Дервиза ландо въ наше распоряженіе для прогулокъ или визитовъ.

Надо упомянуть здѣсь, что въ Ниццѣ проживалъ одинъ богатый рантье нѣкій, Гамбаръ; онъ былъ нѣкогда торговцемъ картинами въ Брюсселѣ и считалъ себя меценатомъ по части живописи. У него была большая вилла на берегу моря съ обширнѣйшимъ паркомъ. Каждое воскресенье ницкій высшій кругъ пріѣзжалъ гулять въ этотъ паркъ, при чемъ Гамбаръ, будучи гостепріимнымъ хозяиномъ, сервировалъ разныя угощенія. Публика развлекалась садовыми играми въ крокетъ и проч. Часто въ эти утра музыканили на фортопіано и другихъ инструментахъ, но дочь моя на этихъ утрахъ не пѣла. Вообще эти утра были очень оживленны, вслѣдствіе множества посѣтителей, собиравшихся, можно сказать, по-домашнему. Дервизъ никогда не бывалъ на этихъ утреннихъ собраніяхъ; вообще, онъ ревновалъ Гамбара за эти безцеремонныя утра, куда общество охотно стремилось. Но главнымъ образомъ, Дервиза смущали двѣ огромныя пальмы въ паркѣ Гамбара, которыя приносили плодъ гроздями финиковъ. Дервизу, у котораго въ паркѣ были соединены растенія всевозможныхъ климатовъ, хотѣлось перенести хотя бы одно финиковое дерево, и онъ предлагалъ Гамбару 25.000 ф. за одно дерево, но послѣдній на это не соглашался.

Здѣсь стоитъ сказать нѣсколько словъ о виллѣ Valrose Дервиза въ Ниццѣ.

Вилла стоитъ на обрывѣ скалы; она ничего не представляетъ привлекательнаго, а скорѣе имѣетъ видъ суроваго замка. Этотъ замокъ обнесенъ большимъ паркомъ, въ которомъ совокуплены растенія всевозможныхъ странъ и климатовъ, и представляетъ большую рѣдкость: тамъ есть и оливковыя, и осиновыя рощи, рядомъ съ каштанами и безчисленными кактусами; оттѣнки разныхъ цвѣтовъ зелени поразительны. Нижняя часть парка покрыта апельсинными деревьями въ изобиліи. Но въ это Эльдорадо нельзя попасть безъ спроса. Внизу, у самаго въѣзда, стоитъ домъ, гдѣ обиталъ тогда лысый привратникъ, и никого не впускалъ безъ билета или карточки отъ Дервиза.

II.

Русскій червонный валетъ за границею.—Русская шайка въ Парижѣ.—Искательница приключеній баронесса.—Въ обществѣ промышленности и торговли.—Похожденія вольнаго казака Ашинова.—Всеподданнѣйшее письмо Ашинова государю.—Ашиновъ въ Абиссиніи.—Исторія съ путиловскимъ каналомъ.—Инженеръ Базенъ.—Збышевскій.

Еще передъ отъѣздомъ въ Ниццу, я случайно встрѣтился въ Парижѣ съ однимъ русскимъ, о которомъ стоитъ разсказать нѣсколько подробно. Этого господина я видѣлъ три раза передъ тѣмъ въ Петербургѣ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Однажды я поѣхалъ въ контору Баймакова и заѣхалъ по дорогѣ въ редакцію газеты, помѣщавшейся на углу Литейной и Бассейной,—и оставилъ извозчика подождать меня. Выйдя черезъ полчаса, извозчикъ подъѣхалъ ко мнѣ и повезъ меня дальше. Но когда я подъѣхалъ къ конторѣ Баймакова, то замѣтилъ, что извозчикъ, подъѣхавшій ко мнѣ на Литейной, совсѣмъ не тотъ, на которомъ передъ тѣмъ ѣхалъ. Было уже 5 часовъ, контора Баймакова была заперта, и денегъ я получить не могъ, а у меня былъ двугривенный въ карманѣ.

— Свези меня опять на уголъ Бассейной, гдѣ подъѣхалъ неизвѣстно съ чего ко мнѣ, я оставилъ тамъ извозчика, который будетъ меня дожидаться.

— Нѣтъ—отвѣтилъ извозчикъ,—пожалуйте деньги, я три часа ѣздилъ съ вами. Я отдалъ ему двугривенный за проѣздъ отъ Бассейной до конторы Баймакова и хотѣлъ идти, тогда извозчикъ схватилъ меня за край пальто; я крикнулъ городоваго, объяснилъ ему, что я пріѣхалъ на извощикѣ только отъ угла Литейной и Бассейной, а извозчикъ требуетъ плату за три часа и не хочетъ свезти меня на то мѣсто, гдѣ онъ подъѣхалъ ко мнѣ, сочтя за своего сѣдока.

Городовой настоятельно требовалъ уплаты денегъ. Я далъ ему свою карточку съ адресомъ и просилъ придти за разборомъ случившагося обстоятельства и за уплатой денегъ, требуемыхъ мошенникомъ-извозчикомъ ко мнѣ, и хотѣлъ идти; но городовой далъ свистокъ, на который прибѣжали еще два городовыхъ и нѣсколько дворниковъ. Все происходило на углу Невскаго и Малой Садовой. Тогда я сѣлъ на извозчика-лихача и велѣлъ ему везти меня къ градоначальнику Трепову. Но городовые стали передъ лошадью и не велѣли ему трогаться:—вези господина въ участокъ, а сами пошли шагомъ передъ лошадью, и въ такомъ кортежѣ я довезенъ былъ до участка, сопровождаемый густой толпою народа, и городовыми впереди и сзади, и по бокамъ. Когда вышелъ приставъ и я сталъ ему объяснять, то внезапно появились два молодыхъ господина, объявивъ себя свидѣ-

телями всей происшедшей сцены, и могущими разсказать все, какъ очевидцы. Послѣ того, я объявилъ, что поѣду къ Трепову, чтобы объяснить ему все случившееся. Тогда приставъ сталъ извиняться и умолять меня не ѣхать къ Трепову; что онъ самъ распорядится строго взыскать съ городоваго, и затѣмъ отпустилъ меня.

Выходя отъ пристава, одинъ изъ молодыхъ людей сопровождалъ меня; я обратился къ нему и сказалъ:

— Мнѣ пріятно видѣть, что вы, ничѣмъ инымъ не побуждаемые, какъ долгомъ совѣсти, сочли нужнымъ засвидѣтельствовать непріятный фактъ, со мной случившійся; вотъ моя карточка, и если вамъ встрѣтится какая-нибудь надобность, то можете обратиться ко мнѣ.

Вечеромъ, городовой, который задержалъ меня, явился ко мнѣ, повалился въ ноги и просилъ помиловать его, не доносить градоначальнику, такъ какъ онъ будетъ въ такомъ случаѣ выгнанъ изъ службы, а онъ человѣкъ семейный. Я, конечно, простилъ его.

Недѣли черезъ три, мнѣ доложили, что какой-то господинъ желаетъ меня видѣть; я вышелъ, и этотъ господинъ заявилъ, что его фамилія Чернядьевъ, тотъ самый, который явился въ часть, чтобы засвидѣтельствовать фактъ, со мной случившійся. Я, конечно, пригласилъ его и услыхалъ слѣдующій разсказъ:

— Я Чернядьевъ, сынъ богатаго, сибирскаго, оптоваго торговца чаемъ въ Иркутскѣ и другихъ городахъ. Тятенька привезъ меня въ Петербургъ, чтобы учиться, пригласилъ профессора приготовить меня въ университетъ, оставилъ мнѣ 12.000 р., а самъ объявилъ себя несостоятельнымъ и скрылся за границу.

„Деньги эти я скоро спустилъ, явилось знакомство съ разными офицерами, которые стали меня обучать, какъ жить въ Петербургѣ: приказали сшить бѣлье, сюртуки, фраки, пиджаки и всякаго прочаго добра, что иначе они не могутъ со мной якшаться. Велѣли тоже завести лихача-извозчика, каждый день стали меня возить по театрамъ и покупать подарки актрисамъ: то брошку, то браслетъ, то перстень, словомъ сказать, быстро я деньги спустилъ, а за ученье и не принимался. Жилъ я въ меблированныхъ комнатахъ, а денегъ изъ-за границы тятенька больше не присылалъ, и дошелъ я до крайности, сталъ продавать, что накупилъ; за мной стали слѣдить и сообщили обо мнѣ полиціи, которая и взяла меня подъ надзоръ, подъ которымъ и по сейчасъ нахожусь. Такъ вотъ въ чемъ дѣло,—не можете ли похлопотать освободить меня отъ надзора и выдать мнѣ видъ на проѣздъ въ Иркутскъ къ матери. Вѣдь я не нигилистъ, ни съ кѣмъ изъ нихъ не былъ и знакомъ—окажите мнѣ помощь“.

Послѣ этого разсказа, Чернядьевъ вдругъ падаетъ внезапно безъ чувствъ съ пѣною у рта. Я, конечно, догадался, что онъ страдаетъ

падучей болѣзнью, прикрылъ его одѣяломъ и послалъ за докторомъ. Черезъ полчаса Чернядьевъ очнулся. Естественно, что послѣ его разсказа и припадка падучей болѣзни я возымѣлъ къ нему жалость.

И вотъ, когда онъ очнулся, я ему сказалъ:—„Надѣюсь, что черезъ зятя моего, графа Шуленбурга, который находится въ родствѣ съ Треповымъ, его вѣроятно освободятъ отъ надзора полиціи и выдадутъ видъ на проѣздъ въ Иркутскъ".

Недѣли черезъ три, Чернядьевъ опять явился ко мнѣ съ просьбой дать ему 100 руб., чтобы расплатиться за квартиру, за ѣду и выкупить хорошее бѣлье, которое сохранилось еще у него отъ прежней жизни, и которое не выдаетъ прачка. Я ему далъ.

Недѣлю спустя, Чернядьевъ пришелъ благодарить меня за то, что онъ получилъ уже видъ на свободный проѣздъ въ Иркутскъ.

— Теперь будьте ужъ такъ милостивы, не можете ли мнѣ одолжить 100 руб. на дорогу; я вамъ вышлю все, какъ пріѣду въ Иркутскъ.

На это я ему замѣтилъ, что на 100 руб. онъ въ Иркутскъ не доѣдетъ.

— Мнѣ нужно доѣхать только до Казани, а тамъ иркутскіе купцы возьмутъ меня съ собой и довезутъ „до дому".—И я рѣшился ему дать еще 100 руб.

Спустя мѣсяцъ, я получилъ изъ Казани безграмотное письмо отъ Чернядьева, которымъ онъ извѣщалъ, что въ Казани встрѣтилъ знакомыхъ купцовъ отца, что на-дняхъ ѣдетъ съ ними въ Иркутскъ, и въ благодарность за мое участіе къ нему посылаетъ небольшой образъ Казанской Божьей Матери, пріобрѣтенный имъ въ монастырѣ, въ Казани, а должныя мнѣ деньги онъ вышлетъ, когда пріѣдетъ къ матери.

Но съ тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого извѣстія, ни высылки денегъ отъ Чернядьева.

Въ Парижѣ я жилъ въ улицѣ Balsac, недалеко отъ русской церкви. И вотъ однажды я пошелъ туда, и, выходя, я былъ остановленъ однимъ господиномъ на ступенькахъ лѣстницы, съ возгласомъ.

— Вы не узнаете меня?

— Извините, но гдѣ же я васъ встрѣчалъ!

Передо мной стоялъ господинъ въ богатомъ собольемъ пальто и огромнымъ бобровымъ воротникомъ съ просѣдью.

— Я Чернядьевъ—припомните меня въ Петербургѣ.

— Очень радъ увидѣть васъ въ хорошихъ обстоятельствахъ.

И конечно, подумалъ, о возможности возврата 200 руб., должныхъ мнѣ Чернядьевымъ, и меня сверхъ того интересовало узнать о его странствованіяхъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ; и я пригласилъ его зайти ко мнѣ.

Чернядьевъ охотно принялъ мое приглашеніе, и за завтракомъ онъ разсказалъ намъ свою повѣсть.

— Изъ Иркутска я отправился добровольцемъ въ Сербію и тамъ заслужилъ крестъ Такого, и видите ношу его. Вѣдь, Черняевъ считается намъ въ родствѣ. Тятенька открылъ агентуру чайной торговли, въ Лондонѣ, и меня послалъ сюда учиться французскому языку, въ нѣмецкомъ же языкѣ я немножко наторѣлъ, толкаясь по разнымъ курортамъ.

Съ этого дня Чернядьевъ сталъ навѣщать насъ чуть не каждый день и однажды принесъ намъ два большихъ альбома съ фотографическими карточками. Среди этихъ карточекъ мы увидѣли многихъ въ Петербургѣ знакомыхъ и даже нѣсколько дамъ. Въ то же время мы увидали карточку самого Чернядьева въ какомъ-то мундирѣ съ Станиславскимъ крестикомъ на груди. Меня въ особенности заинтересовала карточка одной, хорошо знакомой намъ дамы, которую Чернядьевъ не могъ видѣть.

— Откуда у васъ эта карточка?

— Это тятенькинъ альбомъ; онъ въ Петербургѣ со многими знакомъ.

— Я вижу тоже васъ въ мундирѣ и съ Станиславскимъ крестомъ?—что это значитъ?

— Тятенька сдѣлалъ большой благотворительный взносъ: вслѣдствіе этого, былъ сдѣланъ почетнымъ попечителемъ царскосельскаго пріюта и мнѣ дали крестикъ.

Все это казалось страннымъ, но возможнымъ въ тѣ времена, когда еврей П. и Губонинъ благотворительными взносами достигли чиновъ тайныхъ совѣтниковъ.

Вскорѣ затѣмъ, онъ разсказалъ намъ эпизодъ, случившійся будто бы съ нимъ въ Берлинѣ.

— Пріѣхали съ тятенькой въ Берлинъ и остановились въ лучшей гостиницѣ; я впервые тогда былъ за границей и отправился гулять по улицамъ; все меня поражало и удивляло. Вдругъ подошли ко мнѣ какіе-то господина, стали мнѣ что-то говорить; я ихъ не понималъ, но понялъ, что они приняли меня за иностранца, который хочетъ осмотрѣть городъ: wollen sie sehen? и позвали идти съ собою. Долго мы шлялись, и наконецъ говорятъ: wollen sie Bier trinken? Я понялъ, что зовутъ пиво пить. Мы зашли въ пивную и усѣлись въ заднюю комнату. Выпивши по двѣ кружки пива, нѣмцы стали играть въ карты: одинъ возьметъ три карты: короля, даму и валета въ пальцы одной руки, покажетъ ихъ другому, потомъ перекинетъ ихъ, и другой долженъ угадать, на какое мѣсто палъ король, и они пригласили меня тоже угадывать. Я сталъ играть, было поставлено

условіемъ деньги выкладывать на столъ, и я выигралъ 10 талеровъ, и сейчасъ же забралъ ихъ въ карманъ. Вижу, что я наткнулся на проходимцевъ, и думаю, что тамъ будетъ дальше, а меня, сибиряка, вы не обойдете. Стали играть дальше на большіе, а я имъ разсказывать, что въ отелѣ остановился мой отецъ, гросъ кауфманъ.

Я проигралъ 5.000 талеровъ, нѣмцы потребовали выложить деньги на столъ, а я имъ свою карточку съ адресомъ отеля, и говорю имъ, комъ фатеръ, вексель, моргенъ. И думаю себѣ ладно, шулера—кто кого обошелъ, а у меня отъ нихъ 10 талеровъ въ карманѣ.

Пришелъ я въ отель, а тамъ былъ русскій докторъ, знакомый отцу; я къ нему и разсказываю все дѣло.

— Ну, я вамъ помогу—сказалъ онъ и сталъ мнѣ перевязывать руку и всю забинтовалъ.

На другой день пришли ко мнѣ нѣмцы съ вексельной бумагой и просятъ ее подписать. Я заявилъ, что я не владѣю рукой; они стали приставать. Я только-что окунулъ перо въ чернила и черкнулъ первое слово, какъ неистово закричалъ будто бы отъ боли, и послалъ за докторомъ. Пришелъ докторъ и объявилъ, что всякое движеніе рукой невозможно. Тогда нѣмцы пошли къ отцу, сказавъ, что сынъ долженъ имъ 5.000 талеровъ и имѣютъ на это вексель. Онъ ихъ выслалъ и послалъ за мной и безъ всякихъ рѣчей задалъ мнѣ трепку, что чертямъ стало тошно, приговаривая: ты смѣешь векселя выдавать, вотъ тебѣ.

— Что вы, тятенька, деретесь, вы спросите прежде у нихъ вексель, никакого векселя я имъ не выдалъ.

Онъ позвалъ нѣмцевъ и спросилъ отъ нихъ вексель, и когда увидалъ только одну начальную букву, то сказалъ мнѣ: запри на ключъ двери, а теперь задайка этимъ мошенникамъ сибирскую кутасовку, да и я помогу тебѣ; мы и задали имъ кутасовку, а затѣмъ вытолкнули ихъ изъ дверей.

Этотъ разсказъ до того былъ оригиналенъ и рельефенъ для характеристики отца и сына, чтобы его какъ-нибудь констатировать, и я пригласилъ Чернядьева придти на другой день вечеромъ, и поэтому пригласилъ одного моего знакомаго, извѣстнаго музыканта Гасельманса съ женой, которая была мнѣ близкая родственница, и еще одного господина, котораго не помню.

Въ этотъ вечеръ я подвелъ такъ разговоръ, чтобы просить Чернядьева разсказать эпизодъ въ Берлинѣ. Онъ во всей подробности разсказалъ его. Всѣ помирали со смѣху, и Чернядьевъ, видимо, гордился своею ловкостью сибирскаго героя.

Съ этого времени обрисовалось, что Чернядьевъ былъ продувнымъ мошенникомъ, и я болѣе не принималъ его, а послалъ комис-

сіонера съ требованіемъ возвратить мнѣ должныя имъ деньги 200 р. На это получилъ отвѣтъ, что тятенька не пріѣхалъ еще изъ Лондона, но онъ ждетъ сестру, которая привезетъ деньги.

Но мѣсяцъ спустя, я получилъ отъ Чернядьева телеграмму изъ Лондона. Въ это время случилась гибель парохода, шедшаго, кажется изъ Гавра въ Дувръ, гдѣ много погибло пассажировъ. Телеграмма отъ Чернядьева увѣдомляла меня, что онъ ѣхалъ на этомъ пароходѣ и спасся какимъ-то чудомъ. Затѣмъ изъ Висбадена, онъ телеграммой поздравлялъ меня съ именинами. Очевидно, что эти телеграммы были ему нужны для прикрытія его плутовскихъ дѣлъ.

Черезъ два года я въ Петербургѣ прочелъ извѣстіе, что въ Вѣнѣ арестованъ графъ Чернядьевъ, который передъ этимъ объегорилъ въ Парижѣ на 200.000 фр. нѣсколько ювелировъ, потомъ появился въ Вевэ, нанялъ тамъ большую богатую дачу, привелъ съ собой десятокъ лошадей, привезъ тоже нѣсколько колясокъ, купилъ на Женевскомъ озерѣ небольшой пароходъ, на которомъ устраивалъ парти-де плезиръ, и безпрестанно задавалъ фейерверки на озерѣ, словомъ, почти цѣлый сезонъ, т. е. три мѣсяца развлекалъ публику въ Вевэ; но, по прибытіи въ Вѣну, онъ былъ арестованъ и преданъ суду.

Я хотѣлъ слѣдить за этимъ процессомъ, чтобы узнать, какимъ образомъ Чернядьевъ могъ въ продолженіе болѣе трехъ лѣтъ долго мошенничать въ Парижѣ, потомъ занимать, въ продолженіе цѣлаго сезона, публику въ Вевэ. Очевиднымъ кажется, что Чернядьевъ былъ одинъ изъ смѣлыхъ дѣятелей сильной и вліятельной банды, заключающей въ себѣ и дамъ, рискующій, закрывъ глаза, своею личностью. Процессъ, однако, не появлялся, и неизвѣстно чѣмъ, Чернядьевъ покончилъ, быть можетъ, онъ отравился, или его отравили, чтобы спрятать концы въ воду; ибо на процессѣ могли обнаружиться довольно громкія имена, принадлежащія къ бандѣ.

Когда я вернулся изъ Ниццы въ Парижъ, то наткнулся тамъ на шайку русскихъ дѣятелей, которые были, должно быть, въ связи съ мошенническими похожденіями Чернядьева, о чемъ мнѣ сообщилъ К. Е. Маковскій, бывшій тогда въ Парижѣ.

Нѣкій мой знакомый баронъ Врангель, тоже пребывавшій въ Парижѣ, уговорилъ одинъ ресторанъ въ rue Royal приготовлять русскія кислыя щи и гречневую кашу, что онъ тѣмъ привлечетъ массу русскихъ, о чемъ онъ, Врангель, и разгласитъ между русскими, и вотъ однажды позвалъ меня пообѣдать къ этомъ ресторанѣ. Дѣйствительно, щи и каша оказались превосходными и гораздо лучше, чѣмъ подаваемыя въ петербургскихъ ресторанахъ.

Я сталъ часто ходить въ этотъ ресторанъ, гдѣ постоянно встрѣчалъ Врангеля и нерѣдко К. Е. Маковскаго.

Только-что мы сѣли за столъ, вошла молодая дама, одѣтая вся въ черномъ, обошла всѣ комнаты, видимо кого-то искавшая. Маковскій поклонился ей, потомъ она вышла и стала прохаживаться по тротуару. Ресторанъ помѣщался au rez de-chaussée, съ большими зеркальными окнами, наконецъ, дама остановилась и отъ ресторана не отходила.

— Вы поклонились этой дамѣ, кто это она?—спросилъ я Маковскаго.

— Эта дѣвица Да—ва, только-что вышедшая изъ Смольнаго монастыря и пріѣхавшая компаньонкой съ m-me Д... Она видно еще не ѣла и, войдя сюда въ ресторанъ, думала найти кого-нибудь знакомыхъ, чтобы пригласилъ ее пообѣдать.

— Что же вы не пригласили ее?

— Слуга покорный, потомъ отъ нея отбоя не будетъ.

Мнѣ стало жаль этой дѣвушки, и я вышелъ на тротуаръ, и сказалъ, что Маковскій проситъ ее пообѣдать съ нами. Она приняла приглашеніе, и отобѣдали вмѣстѣ.

Выйдя изъ ресторана, Маковскій предложилъ проводить д. Дал—ву до дому, находившемуся недалеко, и я пошелъ съ ними.

Дал—ва просила зайти къ ней. Она помѣщалась въ маленькой комнатѣ антресоля.

—А m-me Д..., съ которой я пріѣхала, живетъ на верху въ бель-этажѣ,—и вслѣдъ затѣмъ, она обратилась къ Маковскому умоляющимъ тономъ со словами:—Спасите меня, m-г. Маковскій, сегодня утромъ m-me Д... приказала мнѣ, во что бы то ни стало, достать для нея 1000 ф. и не возвращаться къ ней безъ этихъ денегъ. Я весь день искала, но не могла достать денегъ.

Маковскій скорчилъ гримасу. Тогда Дол—ва обратилась ко мнѣ; я сказалъ, что я теперь не при деньгахъ.

— Что же мнѣ дѣлать, я поѣду еще въ одно мѣсто,—сказала она.

Мы вышли всѣ вмѣстѣ и, спускаясь съ лѣстницы, встрѣтили красивую молодую даму въ великолѣпномъ платьѣ декольте и всю въ бриліантахъ. Маковскій раскланялся съ ней.

— Кто это такая?—спросилъ я.

— Это сестра Чернядьева.

— Развѣ вы знаете Чернядьева?

— Да, я познакомился съ нимъ недѣли двѣ-три тому назадъ, а Дол—ва добавила, что эта дама подымается въ бель-этажъ къ m-me Д...

— Я тоже знаю его и совѣтую остерегаться этого опаснаго жулика, и развѣ вы увѣрены, что встрѣтившаяся намъ дама сестра Чернядьева?

— Я видалъ ее у него, и онъ представилъ ее мнѣ.

Я разсказалъ фактъ встрѣчи съ Да—овой потому, что пришлось видѣть ее еще разъ, но при другихъ обстоятельствахъ.

Черезъ нѣсколько дней, обѣдая въ томъ же ресторанѣ съ Врангелемъ, вошли два господина. Одинъ изъ нихъ высокій, красавецъ собой, особенно элегантно одѣтый, а другой въ нѣсколько потертомъ сюртукѣ. Они поздоровались съ Врангелемъ, и тотъ пригласилъ ихъ сѣсть за столъ и обѣдать съ нами, предварительно представивъ ихъ мнѣ. Элегантнаго господина отрекомендовалъ, какъ московскаго негоціанта Кригъ, а другаго, какъ корреспондента разныхъ петербургскихъ журналовъ Попова.

Когда Поповъ узналъ мою фамилію и что И. И. Панаевъ былъ двоюроднымъ братомъ, то пустился въ панегирики ему: что онъ глубоко уважаетъ и личность Панаева, и его литературную дѣятельность, и то, что онъ незабвенный, тонкій, деликатный и остроумный фельетонистъ, которому и въ подметки не годятся нынѣшніе фельетонисты, и завершилъ тѣмъ, что приказалъ подать бутылку шампанскаго, и я отвѣтилъ тѣмъ же.

Сидя за столомъ, я между прочимъ сказалъ, что благодаря барону, мы можемъ теперь получить въ Парижѣ русскій столъ, но что я все-таки испытываю нѣкоторое лишеніе отъ отсутствія самовара.

Тотчасъ же негоціантъ Кригъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Позвольте мнѣ пригласить васъ послѣ обѣда на чай, сегодня же вечеромъ, изъ большаго московскаго самовара, если вы сдѣлаете честь пріѣхать ко мнѣ на дачу въ Нейли.

Затѣмъ Кригъ сказалъ, что онъ теперь въ Парижѣ покровительствуетъ одному русскому помѣщику, изобрѣтшему концентрированный кумысъ въ видѣ порошка, добываемый изъ молока степныхъ киргизскихъ кобылъ, на мѣстѣ. Что этотъ помѣщикъ приготовлялъ уже кумысъ изъ этого порошка въ Вѣнѣ и продавалъ его съ успѣхомъ, а теперь онъ жертвуетъ деньги на распространеніе этого дѣла въ Парижѣ и организуетъ его. Для этого приглашенъ русскій докторъ, чтобы руководствовать употребленіемъ кумыса, и литераторъ Поповъ, здѣсь сидящій, для рекламъ.

Послѣ обѣда Кригъ съ Поповымъ сѣли въ одинъ фіакръ, а я съ Врангелемъ въ другой и поѣхали въ Нейли.

Дача находилась въ большомъ саду и имѣла видъ деревенскаго дома.

Войдя на дачу, Кригъ представилъ мнѣ изобрѣтателя, помѣщика Виноградова, и доктора, лейбъ-медика, фамилію котораго не припомню.

Вскорѣ стали пріѣзжать разные господа. Но меня поражало одно,— что одни пріѣзжали во фракахъ, даже въ бѣлыхъ галстукахъ, а другіе

въ потасканыхъ пальто и пиджакахъ. Явилось тоже три-четыре не молодыхъ дамъ, хорошо одѣтыхъ.

Наконецъ, Кригъ пригласилъ всю публику въ большую столовую, въ которой стоялъ большой столъ, и на табуретѣ огромный ведерный самоваръ, и возлѣ него дѣвушка, разливавшая чай. Кригъ представилъ мнѣ ее, какъ дочь помѣщика Виноградова.

Всѣ засѣли за столъ, покрытый скатертью. Вся обстановка представляла видъ совершенно нашего деревенскаго помѣщичьяго дома. Вдругъ появилась дѣвица Да—ва и объявила, что княгиня С. извиняется и пріѣдетъ позже.

Хозяинъ Кригъ за столъ не садился, а ходилъ кругомъ, и все посматривалъ на часы. Между тѣмъ, стали подавать за чаемъ бокалы шампанскаго.

Наконецъ, Кригъ, посмотрѣвъ на часы, сказалъ, что уже 12 часовъ, вѣроятно, княгиня уже не будетъ, такъ сядемте играть безъ нея, и пригласилъ публику въ другую комнату. Тамъ оказалось три ломберныхъ стола, поставленные рядомъ. Когда я вошелъ, то увидалъ уже человѣкъ 10, играющихъ въ макао. Кригъ предложилъ присѣсть, а самъ сѣлъ рядомъ со мной съ лѣвой руки. Я подумалъ, что надо проиграть за угощеніе, и выкинулъ золотой, и выигралъ; я оставилъ—опять выигралъ, тоже вторично оставилъ на столѣ—и проигралъ. Было какъ-то неловко бросать тотчасъ игру, и я продолжалъ. Кригъ безпрестанно возвышалъ ставку, и потому принималъ карты для сдачи, и я не могъ пользоваться преимуществомъ игры. Со мной было 800 ф. золотомъ; когда я спустилъ эти франки, я не нашелъ моего компаньона Врангеля, съ которымъ пріѣхалъ въ одномъ фіакрѣ; я попросилъ Крига послать за фіакромъ.

— Подождите немножко, я сейчасъ поѣду тоже въ Парижъ, гдѣ я и живу, и довезу васъ въ своемъ ландо.

Подали ландо, въ которое сѣли двѣ дамы, отрекомендованныя мнѣ, элегантно одѣтыя, баронесса и знакомая уже мнѣ дѣвица Д—това, а затѣмъ Кригъ и я.

Дорогой баронесса обратилась ко мнѣ со слѣдующей рѣчью:

— Не хотите ли нажить 100.000 фр., израсходовавъ на это только 5.000 ф., которые надо внести немедленно наличными.

Кригъ, услыхавъ это, сдѣлалъ презрительную гримасу и сказалъ:

— Оставьте его, баронесса; онъ этими дѣлами не занимается.

Пріѣхавъ въ Парижъ, мы завезли дѣвицу Д—тову домой, а потомъ баронессу. Выходя изъ ландо, она сказала:

— Я съ вами не прощаюсь, потому что надѣюсь васъ видѣть у себя.

Черезъ день я нашелъ карточку, оставленную баронессой въ отелѣ.

На другой день подали отъ баронессы карточку съ надписью, что она ждетъ меня съ нетерпѣніемъ.

На третій день подали ея карточку съ надписью, что она удивляется, что я не отвѣтилъ на приглашеніе и до сихъ поръ не былъ у нея.

На четвертый день я получилъ карточку со слѣдующими словами:

— Я въ четвертый разъ прихожу къ вамъ и даже въ часъ табльдота не застаю дома, такъ что я вынуждена была пообѣдать въ вашемъ отелѣ и израсходовать на это 6 ф. Потрудитесь возвратить мнѣ эти деньги.

Изъ этого можно судить, на какую шайку я наткнулся.

Встрѣтившись съ Маковскимъ, я разсказалъ ему о встрѣчѣ съ Кригомъ, о томъ, что на Итальянскомъ Бульварѣ уже появилась будка съ продажей кумыса въ маленькихъ бутылкахъ и о томъ, что Кригъ объегорилъ меня на 800 фр.

— А вы не знаете, что Кригъ и русскій докторъ, называвшій себя лейбъ-медикомъ, уже арестованы; увернулся только Чернядьевъ, который, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ шайкѣ этихъ мазурниковъ.

Въ заключеніе скажу, что два года спустя Виноградовъ разыскалъ меня въ Петербургѣ и явился ко мнѣ въ самомъ плачевномъ видѣ, и разсказалъ, что онъ, не имѣя никакихъ средствъ, пришелъ изъ Парижа пѣшкомъ, и что Кригъ взялъ у него и тѣ 15.000 ф., которые Виноградовъ нажилъ отъ продажи кумыса въ Вѣнѣ.

Будучи членомъ разныхъ обществъ, я, однако, очень рѣдко посѣщалъ ихъ, убѣждаясь каждый разъ, что доклады и оппонированіе ихъ преслѣдуютъ личныя цѣли, прикрываясь лишь видомъ общей пользы, или ради того, чтобы увидѣть въ отчетахъ газетъ свое имя. Но однажды въ обществѣ промышленности и торговли былъ назначенъ докладъ по вопросамъ, до желѣзныхъ дорогъ относящимся... Я пошелъ на этотъ докладъ, который длился четыре засѣданія. Докладъ этотъ дѣлалъ агентъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, нѣкій Витте, впослѣдствіи министръ финансовъ. Докладъ, главнымъ образомъ, вращался на вопросахъ тарифа и клонился къ необходимости урегулировать означенные вопросы.

Въ то время Россія была разбита на множество обществъ желѣзныхъ дорогъ, которыя конкурировали между собою. — Правительство не могло имѣть вліянія на тарифы, которые были ограничены только максимумами, все это вредило торговлѣ, промышленности и населенію. Докладъ Витте былъ очень обширный, обстоятельный, детально составленный и хорошо обдуманный.

Я присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ; по окончаніи доклада было назначено пятое засѣданіе для оппонированія. Предсѣдатель общества былъ тогда графъ Н. П. Игнатьевъ. Это пятое засѣданіе было открыто въ думѣ, въ новомъ помѣщеніи, устроенномъ на подобіе палатъ депутатовъ.

Я выступилъ оппонентомъ на докладъ Витте. Отдавъ полную справедливость громадному и вполнѣ обстоятельному труду докладчика, я сталъ упирать на то, что вопросъ упростился бы до крайней степени, если бы дороги были объединены въ рукахъ правительства, и что поэтому надо главнымъ образомъ стремиться къ выкупу дорогъ изъ рукъ частныхъ лицъ. Что я много уже писалъ и трудился по этому предмету, когда былъ фактическимъ дѣятелемъ, что къ мысли, которую я провожу, склонилась уже Франція, опредѣливъ въ то время 5 милліардовъ для выкупа желѣзныхъ дорогъ, и въ этой мысли я нахожу высоко авторитетную политику Бисмарка въ Германіи.

Во время моего слова, мнѣ довольно часто аплодировали, но какъ только я произнесъ слово Бисмаркъ, то предсѣдатель Игнатьевъ сказалъ:

— Вы не въ вопросъ.

— Я въ вопросъ,—отвѣтилъ я,—и сойду сейчасъ съ трибуны; но прошу спросить собраніе,—желаетъ ли оно меня слушать или нѣтъ.

— Господа!—сказалъ предсѣдатель,—кто желаетъ слушать Панаева, прошу сидѣть, а кто не желаетъ—прошу встать!

Каково было удивленіе для предсѣдателя, когда вся аудиторія осталась сидящей, и лишь три человѣка, рядомъ сидящіе на самой задней скамьѣ встали.

— Ну, продолжайте, сказалъ предсѣдатель,—но прошу васъ ускорить вашу рѣчь.

Видя уже настроеніе предсѣдателя, я скомкалъ по возможности свою рѣчь и закончилъ ее при сильныхъ аплодисментахъ.

Сойдя съ трибуны, ко мнѣ подошелъ докладчикъ Витте и сказалъ:

— Хотя вы были моимъ оппонентомъ, но мнѣ гораздо пріятнѣе слышать ваши взгляды, чѣмъ господъ, выступившихъ съ восхваленіями моему докладу.

Уѣзжая, въ вестибюлѣ подошелъ ко мнѣ господинъ въ казацкомъ бешметѣ и въ шубѣ съ бобровымъ воротникомъ.

— Позвольте васъ поблагодарить,—сказалъ онъ.

— За что вы благодарите меня?

— Больно храбро защищались вы отъ предсѣдателя — отвѣтилъ онъ.

— Куда изволите ѣхать?

— Въ Фурштадтскую!—отвѣтилъ я.

— Я тоже въ ту сторону, въ казармы конвоя; позвольте я васъ довезу.

— Благодарю, но у меня свои лошади, и могу васъ довезти до конвоя.

Этотъ казакъ сѣлъ со мной, и дорогой я поинтересовался узнать, что могло его привести, чтобы присутствовать въ собраніи общества?

— Я здѣсь живу уже третій мѣсяцъ и пріѣхалъ съ проектомъ заселенія казаками Черноморскаго побережья, которое теперь пустуетъ.

И разсказалъ мнѣ вкратцѣ его проектъ. Меня это очень заинтересовало, и я, пріѣхавъ домой, сказалъ казаку, чтобы онъ завтра принесъ проектъ для прочтенія.

На другой день явился ко мнѣ казакъ, объявилъ, что его фамилія Ашиновъ, ни въ какомъ казацкомъ войскѣ не служащій, а что онъ вольный казакъ и со своими молодцами спасъ цѣлый отрядъ, отступившій къ Новороссійску во время послѣдней турецкой кампаніи, когда турки высадились на пустующій Черноморскій берегъ и тѣснили нѣкоторыя наши войска.

Прочитавъ проектъ, я нашелъ его чрезвычайно полезнымъ для Россіи. Черноморское побережье предполагалось заселить казацкими станицами на мѣсто ушедшихъ 200.000 черкесъ, земли которыхъ были розданы чиновникамъ. Эти станицы ограждали бы побережье, охрана болѣе вѣрная, и избавили бы правительство отъ большаго расхода на содержаніе двухъ дивизій для этой цѣли.

— Слушая васъ вчера,—сказалъ Ашиновъ,—я и подумалъ, не возьметесь ли вы сдѣлать по этому предмету докладъ въ обществѣ?

— Ваше дѣло не можетъ касаться общества, да и предсѣдатель едва-ли найдетъ возможнымъ поднять такой вопросъ въ обществѣ. Но я могу представить вашъ проектъ знакомому мнѣ генералъ-адъютанту Рихтеру, завѣдующему главной квартирой; необходимо измѣнить вашъ проектъ и вмѣсто выборнаго атамана войскомъ назначить въ предполагаемыхъ станицахъ наказнаго атамана отъ правительства, на подобіе, какъ это существуетъ въ казацкихъ войскахъ; можете, развѣ, просить права представлять выборныхъ кандидатовъ въ войсковые наказные атаманы.

Ашиновъ, подумавъ, согласился на измѣненіе проекта въ этомъ смыслѣ, и черезъ два дня принесъ начисто переписанный проектъ.

Проектъ этотъ я послалъ къ Рихтеру, при слѣдующемъ письмѣ:

„Глубокоуважаемый Оттонъ Борисовичъ!

Въ одномъ изъ засѣданій общества покровительства промышленности и торговли, послѣ одной моей рѣчи, подошелъ ко мнѣ нѣкій неизвѣстный мнѣ человѣкъ, оказавшійся кавказскимъ землевладѣльцемъ, по фамиліи Ашиновъ, и попросилъ меня посодѣйствовать ему въ

томъ, чтобы онъ могъ сдѣлать въ означенномъ обществѣ сообщеніе своего проекта о заселеніи восточнаго побережья Чернаго моря русскимъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ашиновъ сообщилъ мнѣ, что онъ являлся уже со своимъ проектомъ къ генералу Обручеву и къ министру государственныхъ имуществъ, но что они не выразили, однако, особеннаго желанія принять его проектъ подъ свое покровительство; вслѣдствіе чего, онъ намѣревается повергнуть его лично государю императору. Тогда я замѣтилъ Ашинову, что ему надо, предварительно, представить свой проектъ кому-либо изъ приближенныхъ къ государю. Нынѣ Ашиновъ принесъ мнѣ свой проектъ, прося представить его вамъ. Находя, съ своей стороны, что, въ общемъ, идея о заселеніи восточнаго побережья Чернаго моря заслуживаетъ вниманія, я рѣшился исполнить просьбу Ашинова, т. е. представить вамъ его проектъ. Если, по прочтеніи его, вы найдете его тоже заслуживающимъ вниманія, и потому пожелали бы, чтобы Ашиновъ явился къ вамъ для словеснаго разъясненія вопроса, то вотъ его адресъ: Таврическая улица, домъ № 7, кв. Никифорова.

При этомъ, считаю не лишнимъ сообщить вамъ, что Ашиновъ человѣкъ безъ образованія, и рѣчь его нѣсколько рѣзка; но, какъ мнѣ показалось, онъ представляетъ изъ себя замѣчательный типъ, до сего никогда мною не виданный, и, по всей вѣроятности, характеризующій ту среду, къ которой онъ принадлежитъ. Я подмѣтилъ въ немъ необыкновенную удаль, замѣчательный здравый смыслъ, ясный взглядъ на вещи, настойчивость въ достиженіи цѣли и безотчетное стремленіе искать борьбы съ препятствіями, въ чемъ, какъ кажется, и заключается цѣль и условія жизни подобныхъ людей. Словомъ сказать, мнѣ показалось, что онъ заключаетъ въ себѣ всѣ данныя, необходимыя для колонизаторства. Само собою разумѣется, что въ означенныхъ выше стремленіяхъ играетъ не малую роль матеріальный интересъ, но какія же колонизаціи могли совершиться безъ разсчета на извѣстныя матеріальныя преимущества.

Ашиновъ сообщилъ мнѣ тоже, что онъ много разъ былъ у московскаго митрополита, который по его словамъ отнесся къ его проекту весьма сочувственно, въ виду облегченія возможности перехода магометанъ въ православіе.

Извините меня пожалуйста, что я безпокою васъ такимъ длиннымъ письмомъ по дѣлу, не касающемуся ни васъ, ни меня; но мнѣ подумалось, что я, по совѣсти, не долженъ отказать исполнить просьбу Ашинова и ее передать лицу, которое можетъ принять изложенную въ немъ идею подъ свое покровительство, или объявить Ашинову, что его проектъ не можетъ входить въ виды правительства,

а потому, чтобы онъ и его товарищи не теряли безполезно время и средства и перестали преслѣдовать свою идею.

14-го декабря 1883 г. С.-Петербургъ, Фурштадтская, 17".

На это получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь Валеріанъ Александровичъ!

Къ искреннему моему сожалѣнію, я лишенъ возможности сдѣлать вамъ угодное, принявъ на себя всеподданнѣйшій докладъ по присланному ко мнѣ прошенію съ приложеніями, такъ какъ предметъ его, не относясь до ввѣреннаго мнѣ управленія, подлежитъ разсмотрѣнію военнаго министра.

Возвращая при семъ вашему превосходительству прошеніе Н. И. Ашинова съ приложеніемъ, прошу васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Его превосходительству В. А. Панаеву. О. Рихтеръ.

17-го декабря 1883 года. С.-Петербургъ.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ въ Петербургъ главноуправляющій Кавказомъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, съ которымъ я былъ коротко знакомъ еще въ Новочеркасскѣ, къ которому и слѣдовало обратиться Ашинову со своимъ проектомъ. Я свелъ Дондукова съ Ашиновымъ; Дондуковъ принялъ участіе въ его проектѣ и отдалъ приказъ отвести землю для поселенія казаковъ въ Сухумскомъ округѣ.

Вскорѣ Ашиновъ уѣхалъ на Кавказъ, по дорогѣ заявилъ въ Полтавской губерніи, гдѣ до сихъ поръ еще малороссы именуются казаками, объ устраиваемомъ, съ одобренія начальства, поселеніи на Кавказѣ. Къ веснѣ явилось уже до 600 человѣкъ поселенцевъ, вмѣстѣ съ коренными, но вольными казаками.

Позднѣе, осенью того же года, явился ко мнѣ опять въ Петербургъ Ашиновъ. Разсказалъ, что съ весны поселилъ уже 600 человѣкъ, а теперь пріѣхалъ ходатайствовать, чтобы это поселеніе назвали казацкой Николаевской станицей въ честь атамана наслѣдника.

Между тѣмъ, Ашиновъ задумалъ съѣздить въ Москву, и я далъ ему письмо къ моему знакомому Ивану Сергѣевичу Аксакову, въ которомъ обращалъ его вниманіе на личность казака Ашинова, представляющаго собою типъ, подходящій къ Ермаку Тимоѳеевичу, и Аксаковъ очень полюбилъ Ашинова. Затѣмъ, не помню, какимъ путемъ Ашиновъ познакомился съ Катковымъ, кажется, черезъ Побѣдоносцева. Катковъ принялъ большое участіе въ Ашиновѣ, и появился рядъ статей, озаглавленныхъ „Вольные казаки", въ которыхъ обрисовывалась роль этихъ людей. Приблизительно, въ это время произошелъ бой подъ Кушкой въ Афганистанѣ.

По этому случаю, явились натянутыя отношенія съ Англіей, и могло выйти вооруженное столкновеніе на границахъ Индіи.

Однажды Ашиновъ, хлопоча все о своемъ дѣлѣ, явился ко мнѣ и просилъ,—не могу ли я представить его графу Перовскому, такъ какъ онъ слышалъ, что Перовскій играетъ роль при дворѣ, и что у него очень часто завтракаетъ великій князь Владиміръ Александровичъ.

— Я знаю хорошо старика Перовскаго,—отвѣтилъ я,—а молодаго Перовскаго я встрѣчалъ только раза два—три въ обществѣ и, потому, представить ему Ашинова не могу, а если вамъ нужно его видѣть, то явитесь къ нему сами.

— На другой день Ашиновъ опять явился ко мнѣ и разсказалъ свое посѣщеніе къ графу Перовскому.

— Когда я сталъ просить графа замолвить словечко о моемъ дѣлѣ, для котораго живу здѣсь четыре мѣсяца безъ всякаго толка, онъ отвѣтилъ,—не его это дѣло, но потомъ сказалъ: подайте мнѣ записку. Я вышелъ и въ передней сталъ было надѣвать уже шинель, какъ отъ графа вышелъ лакей и позвалъ меня. Я вошелъ опять въ кабинетъ и вижу уже тамъ генерала; я узналъ, конечно, великаго князя Владиміра Александровича, но не показалъ никакого вида, что его узналъ.

— Что это за вольные казаки, о которыхъ газеты пишутъ, и много ли наберется васъ?—спросилъ меня князь.

— Всякихъ-то, ваше превосходительство, наберется многонько.

— А сколько, примѣрно?

— Если считать законныхъ и незаконныхъ, то наберется тысячъ 250.

— Какіе же это законные и незаконные?

— Вотъ изволите ли видѣть, ваше превосходительство: — законные, которые имѣютъ паспорта, а незаконные, это—народъ бродячій, который скрывается по камышамъ.

— А вы бывали въ Афганистанѣ?

— Бывали и въ Персіи, и заглядывали въ Индію; наши молодцы ходили тоже въ Суданъ.

— А пойдете ли вы въ Афганистанъ?

— Коли царь кличъ кликнетъ, то соберется не малая сила, только если посылать насъ, то начальства своего не давайте, и гдѣ пройдемъ, тамъ чисто будетъ.

— Какъ же безъ начальства?

— Зачѣмъ намъ начальство, мы сами порядки держимъ, и на кругу расправа коротка, чуть что, шашкою хлестнулъ по головѣ, и дѣлу конецъ. Генералъ, т. е. великій князь разсмѣялся, я поклонился и вышелъ.

Вскорѣ Ашиновъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что къ нему при-

ходилъ съ переводчикомъ англійскій агентъ и завелъ рѣчь о подкупѣ его, дабы онъ набралъ партію казаковъ, но съ какою цѣлью, того не передалъ.—Да и французскій агентъ приходилъ ко мнѣ и объявилъ, что сегодня придетъ ко мнѣ къ часу по полудни; будьте столь любезны, приходите тоже ко мнѣ и переведите мнѣ его разговоръ.

Меня это заинтересовало, и я пришелъ въ назначенный часъ.

Французскій агентъ предложилъ Ашинову собрать сначала до 100 человѣкъ верховыхъ казаковъ, на образованіе кавалерійскаго эскадрона въ Алжиріи.

Ашиновъ отвѣчалъ ему коротко и категорически:

— Мы проливаемъ свою кровь за нашу вѣру, нашего царя и за ту землю; мы не наемники, и драться за васъ съ нехристами никто не пойдетъ.

Агентъ что-то пробормоталъ и съ тѣмъ и ушелъ.

Прошла зима, но Ашиновъ ничего не достигъ. Между тѣмъ, онъ сталъ получать письма отъ своего круга, и письма эти онъ приносилъ мнѣ для прочтенія, такъ какъ, въ то время, онъ могъ читать лишь печатанное, а письменное читать еще не могъ.

Въ этихъ письмахъ ему рекомендовалось бросить хлопоты въ Петербургѣ, что кругъ уже два года высылаетъ ему по 1.000 руб. въ мѣсяцъ на его, Ашинова, хлопоты и расходы, а толку никакого нѣтъ.

— Пріѣзжай лучше назадъ,—писали ему отъ круга.—Мы избрали теперь тебя атаманомъ, на мѣсто Коршуна, и желали бы отправиться къ православному царю Іоанну въ Абиссинію: тамъ работа есть.

Немного спустя, Ашиновъ явился ко мнѣ проститься и просилъ пріѣхать на Николаевскій вокзалъ, проводить его.

Стоя на площадкѣ вагона, Ашиновъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Прощайте, дружокъ; получите отъ меня письмо изъ Абиссиніи, когда доберусь до царя Іоанна.

Ашиновъ, передъ отъѣздомъ, ничего не говорилъ мнѣ о своей рѣшимости ѣхать въ Абиссинію, и я также не зналъ, что его сопровождаетъ англійскій агентъ.

Пріѣхавъ въ Москву, Ашиновъ открылся Аксакову, что англійскій агентъ склоняетъ его къ подкупу. Аксаковъ написалъ въ Петербургъ письмо, вызывая своего пріятеля и товарища по училищу правовѣдѣнія Хитрово, консула въ Каирѣ, бывшаго въ то время въ Петербургѣ. Ашиновъ пригласилъ также на совѣщаніе полковника войска Донскаго Дукмасова. На совѣщаніи рѣшили, чтобы Ашиновъ склонился на подкупъ, вѣря въ то, что онъ не сдѣлается измѣнникомъ.

Рѣшившись ѣхать съ агентомъ въ Одессу, Ашиновъ потребовалъ отъ него выдачи двухъ тысячъ рублей авансомъ. Но вмѣстѣ съ Ашиновымъ отправился въ Одессу и переодѣтый полковникъ Дукмасовъ.

Передъ отъѣздомъ въ Константинополь, гдѣ агентъ долженъ былъ объяснить дѣло, повидавшись съ чрезвычайнымъ посломъ Друмондомъ-Вольфомъ, Ашиновъ потребовалъ еще выдачи 1.000 руб.

Дукмасовъ поѣхалъ тоже въ Константинополь, но не обнаруживалъ на пароходѣ своего знакомства съ Ашиновымъ.

Пріѣхавъ въ Константинополь, Ашиновъ остановился въ Аѳонскомъ подворьѣ, гдѣ ютятся русскіе богомольцы, а Дукмасовъ въ какомъ-то отелѣ, и они условились встрѣчаться въ разныхъ ресторанахъ. Агентъ слѣдилъ за Ашиновымъ и ежедневно приходилъ въ подворье.

Агентъ обнаружилъ цѣль подкупа. Ашиновъ долженъ былъ на первый разъ собрать партію казаковъ изъ 100 человѣкъ, доставить оружіе въ Афганистанъ, взбунтовать покорныхъ Россіи афганцевъ. Кромѣ того доставить оружіе на Кавказъ и замутить тамъ оставшихся черкесовъ и предложилъ по 10 фунт. стер. на человѣка. Но для окончательнаго рѣшенія дѣла назначилъ срокъ, въ который Ашиновъ долженъ придти къ послу Друмонду-Вольфу и получить тамъ деньги.

Между тѣмъ Дукмасовъ сообщилъ нашему русскому посланнику, что пріѣхалъ въ Константинополь англійскій агентъ и подкупаетъ Ашинова, и что Друмондъ-Вольфъ назначилъ уже ему свиданіе. Нашъ посланникъ не повѣрилъ, сказалъ, что онъ повѣритъ лишь тогда, когда Ашиновъ предъявитъ ему деньги.

Ашиновъ сообщилъ Дукмасову и просилъ его придти къ этому времени и прохаживаться по улицѣ, около входныхъ дверей дома, гдѣ жилъ Друмондъ-Вольфъ. Ашиновъ получилъ всѣ деньги золотомъ, встрѣтилъ на улицѣ Дукмасова, и они вмѣстѣ, немедленно же ночью, отправились къ нашему посланнику, гдѣ Ашиновъ, въ присутствіи Дукмасова, и показалъ посланнику деньги, только-что полученныя у Друмонда-Вольфа.

Агентъ продолжалъ слѣдить за Ашиновымъ нѣсколько дней. Ашиновъ сѣлъ на пароходъ, который отправлялся въ Одессу, но на дорогѣ пересѣлъ на другой, который шелъ изъ Одессы въ Каиръ. Между тѣмъ Дукмасовъ извѣстилъ товарищей Ашинова, что онъ поѣхалъ въ Абиссинію къ царю Іоанну.

Такимъ образомъ, Ашиновъ отправился впервые въ Абиссинію на англійскія деньги.

Съ той минуты, когда Ашиновъ простился со мною на Николаевской дорогѣ, отъѣзжая въ Москву, я ничего не зналъ о немъ. Все, что изложено выше, о совѣщаніи въ Москвѣ, о поѣздкѣ въ

Одессу и Константинополь и о дальнѣйшихъ эпизодахъ, я услышалъ лишь отъ него и отъ свидѣтеля всего Дукмасова, когда они вернулись уже въ Петербургъ.

Товарищи Ашинова, получивъ извѣстіе, что ихъ атаманъ отправился въ Абиссинію, верхами въ числѣ 20 или 25 человѣкъ добрались до Краснаго моря и переѣхали на пароходѣ въ Массову. Между тѣмъ Ашиновъ сошелся съ главнокомандующимъ царя Іоанна Расъ-Аулла.

Въ это время я получилъ уже нѣсколько писемъ отъ Ашинова изъ Азмары. Когда товарищи его прибыли, Ашиновъ отправился въ Гендаръ къ царю Іоанну съ подарками, состоящими изъ богатыхъ образовъ и священническихъ ризъ, которыми запасся еще въ Москвѣ, такъ какъ имѣлъ рѣшительное намѣреніе, во что бы то ни стало, ѣхать въ Абиссинію. Негусъ Іоаннъ принялъ Ашинова очень радушно и выдалъ ему разные подарки для нашего царя. Между прочимъ, громаднаго льва и нѣсколько большихъ страусовъ. Затѣмъ Ашиновъ убѣдилъ царя Іоанна отпустить свою племянницу въ Россію, для полученія тамъ образованія, и выгнать католическихъ миссіонеровъ изъ Абиссиніи. Но въ это время негусъ собирался на борьбу съ магдистами. Ашиновъ отправился со своими казаками туда и принялъ участіе въ одной стычкѣ, и затѣмъ поѣхалъ обратно.

Прибывъ въ Каиръ съ багажемъ, состоящимъ изъ подарковъ царя Іоанна, Ашиновъ обратился къ консулу Хитрово, который увѣдомилъ о томъ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, и Ашинову былъ присланъ видъ для проѣзда въ Петербургъ, съ дарами Негуса, не платя никакой пошлины. Левъ дорогой умеръ, но самаго большаго страуса передалъ въ Гатчинскій царскій птичникъ. Привезъ онъ тоже племянницу негуса, дѣвушку лѣтъ 14-ти, и мальчика абиссинца. Но когда Ашиновъ пріѣхалъ въ Константинополь, то получилъ тамъ письмо отъ Дукмасова изъ Одессы, гдѣ онъ писалъ, что если Ашиновъ появится въ Одессѣ или въ какомъ-либо другомъ пограничномъ городѣ, то будетъ немедленно арестованъ, и, поэтому, будетъ препровожденъ къ сухумскому судебному слѣдователю, что онъ, Дукмасовъ, поѣдетъ въ Петербургъ и обратится къ министру внутреннихъ дѣлъ Толстому, объяснитъ ему дѣло, чтобы избавить Ашинова отъ предстоящей ему перспективы прогуляться по этапу въ Сухумъ, чтобы Ашиновъ не трогался изъ Константинополя и ожидалъ письма отъ Дукмасова.

Дѣйствительно, Толстой отдалъ приказъ не арестовывать Ашинова, везущаго подарки отъ негуса къ нашему царю.

Дѣло было въ томъ, что Ашиновъ, не сдавши отчета въ выданныхъ ему деньгахъ на поселеніе, и за грубое сопротивленіе ста-

новому приставу, пріѣхавшему собирать подати, какъ бы съ крестьянъ поселенцевъ, когда они считали себя станичниками, былъ отданъ подъ судъ. Поэтому сухумскій судебный слѣдователь и разослалъ повсюду приказъ арестовать его гдѣ бы то ни было въ предѣлахъ Россіи.

Хотя, благодаря графу Толстому, Ашиновъ и проѣхалъ благополучно въ Петербургъ, но судебное слѣдствіе продолжалось своимъ чередомъ.

Ашиновъ скрывался нѣкоторое время въ конвоѣ, но ежеминутно находился подъ страхомъ быть арестованнымъ.

Въ это время пріѣхалъ изъ Москвы Катковъ. Катковъ сказалъ ему, чтобы онъ постарался не попасться полиціи въ теченіе двухъ дней, и что онъ въ это время повидается съ министромъ юстиціи.

Министръ юстиціи сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Ашинова не арестовывали, разсмотрѣлъ дѣло и сдѣлалъ докладъ государю объ освобожденіи Ашинова отъ суда и слѣдствія.

Тогда я повезъ Ашинова къ генералу Рихтеру, котораго Ашиновъ и просилъ представить привезенные имъ подарки отъ негуса государю, такъ какъ министерство иностранныхъ дѣлъ не пожелало принять на себя въ этомъ иниціативу. Черезъ Рихтера подарки и были милостиво приняты государемъ.

Однажды, послѣ того Ашиновъ пришелъ ко мнѣ, блестяще одѣтый по-казацки и вытащивъ изъ кармана большую пачку серій и кредитныхъ билетовъ, вывалилъ ее на столъ передо мной и сказалъ:

— Здѣсь 10.000 руб., которые я получилъ отъ нашего круга. Иду сейчасъ къ военному министру и отдамъ ему деньги, которыя были выданы мнѣ на поселеніе на Кавказѣ.

— Министръ отъ васъ не приметъ,—сказалъ я,—вы должны внести деньги туда, откуда вы получили ихъ.

— Ну, Богъ съ нимъ, а все-таки снесу ему, чтобы онъ видѣлъ, что я не плутъ, котораго отдали подъ судъ, и только по милости царя бѣда не стряслась надо мною; я приду къ вамъ сейчасъ и сообщу о результатѣ.

Конечно, министръ не принялъ денегъ отъ Ашинова; и при этомъ было сказано нѣсколько дерзкихъ словъ со стороны Ашинова, за которыя и получилъ отъ меня головомойку.

Вслѣдъ затѣмъ, Ашиновъ попросилъ меня составить ему прошеніе на высочайшее имя. Я и написалъ съ его словъ и, можно сказать, подъ его диктовку; это прошеніе я приведу здѣсь:

Ваше императорское величество, августѣйшій монархъ!

Мы, вѣрные твои, нашей матушки Руси и святой православной вѣры слуги, вольные казаки, пожелали сѣсть на землю и на ту самую землю, которая была полита кровью нашею, нашихъ отцовъ и дѣдовъ, а именно, по восточному побережью Чернаго моря.

И выбрали меня вольные казаки для того, чтобы хлопотать объ этомъ дѣлѣ и, выдавъ мнѣ общественныя деньги, послали въ Питеръ, въ 1883 году.

Въ апрѣлѣ 1884 года, отвели намъ для поселенія небольшой участокъ земли въ Сухумскомъ отдѣлѣ, но такой земли, отъ которой мало чего можно получить добраго.

Мы, однако, на это не сѣтовали, хотя и обидно, что армянамъ и другимъ не русскимъ людямъ отводятъ земли наилучшія, а намъ отвели что ни на есть — похуже. А не сѣтовали потому, что мы привыкли работать во всемъ безпардонно: нужно ли врага валить, нужно ли землю ворошить.

Къ концу того же 1884 года я уже успѣлъ поселить небольшую станицу въ Усбельдѣ, какую позволяла отведенная намъ земля; а больше той земли, послѣдовалъ приказъ, намъ не отводить.

На это поселеніе было намъ выдано въ помощь только 1.750 руб., такъ что мы много извели своихъ денегъ и снабдили постороннихъ поселенцевъ своимъ собственнымъ скотомъ.

Новое наше поселеніе мы пожелали назвать Николаевскою станицею, въ честь твоего сына, нашего атамана, которому, въ тотъ годъ, было совершеннолѣтіе, мѣстныя же власти принуждали насъ назвать наше поселеніе въ честь кого-либо изъ тамошняго начальства.

Тогда товарищи мои, избравъ меня атаманомъ, послали меня опять въ Питеръ бить челомъ нашему главному атаману, твоему сыну, просить его позволенія назвать новую станицу—Николаевскою, и принять насъ подъ свое покровительство.

Но здѣсь меня не допустили представиться предъ ясныя очи твоего сына, нашего атамана, и, вдобавокъ, стали на меня клеветать, что я размоталъ выданные мнѣ 1.750 рублей, потому что не представляю въ нихъ отчета.

У насъ ни кассировъ, ни счетчиковъ, ни шнуровыхъ книгъ нѣтъ, потому что мы люди мало грамотные и боимся такихъ порядковъ. У насъ денежныя дѣла ведутся по совѣсти тѣми людьми, которымъ такія дѣла повѣряютъ. Стало быть, я отчета представить не могъ; а какъ только узналъ о затѣянной противъ меня кляузѣ, то чтобы не клали на меня пятна, я сейчасъ же предложилъ возвратить всѣ 1.750 руб. назадъ; но ихъ тогда отъ меня не приняли.

Когда же я уѣхалъ въ Абиссинію, то придумали преслѣдовать меня судебнымъ порядкомъ, и судебный слѣдователь города Сухума сдѣлалъ постановленіе, которое послалъ къ полицейскимъ властямъ столицъ и разныхъ городовъ: разыскать Ашинова и препроводить его по этапу къ нему въ городъ Сухумъ. Такимъ образомъ, по возвращеніи моемъ изъ Абиссиніи, мнѣ подготовлена была награда: путе-

шествовать на цѣпи по этапу. Отъ такого позора спасло меня распоряженіе двухъ твоихъ министровъ: министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи. Я же, какъ только узналъ, о такой кровной мнѣ обидѣ, тотчасъ отослалъ по почтѣ всѣ 1.750 руб. судебному слѣдователю.

Когда насъ не допустили поселиться на родной землѣ, отчего намъ стало горько, мы порѣшили послужить святой вѣрѣ православной въ другой православной землѣ, и отправились въ Абиссинію.

Тѣмъ временемъ, англичане стали насъ подкупать на службу къ себѣ противъ тебя, великаго нашего царя. Объ этомъ я сейчасъ же именитымъ русскимъ людямъ передалъ, и мы совѣтъ держали. На этомъ совѣтѣ мнѣ сказали: коли головы своей не жалѣешь, то сослужи службу своей родинѣ — иди съ англичанами на сговоръ и узнай, на какое дѣло тебя подкупаютъ, а что ты своей родины не продашь—тому вѣримъ.

Въ Стамбулѣ англичанинъ Дурмонтъ-Вольфъ, черезъ своего агента, предложилъ намъ провести въ Афганскую землю оружіе, взбунтовать тамъ покорныхъ и идти съ ними противъ нашего войска. Кромѣ того, доставить оружіе на Кавказъ и замутить тамъ мусульманъ. Мы сговорились, взяли задатокъ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ англійскаго золота и принесли показать его твоему посланнику въ Стамбулѣ, который не хотѣлъ сначала вѣрить, что англичане насъ подкупаютъ на подлое противъ Руси дѣло.

Послѣ того мы отправились въ Абиссинію. Тамъ насъ, какъ православныхъ одновѣрцевъ, приняли дружески. Мы привезли имъ святыхъ иконъ и множество твоихъ портретовъ, которые ихній царь Іоаннъ приказалъ по церквамъ разставить, и потомъ, по нашему совѣту, приказалъ всѣхъ іезуитовъ, католиковъ, совращавшихъ народъ изъ православія, удалить изъ Абиссинской земли.

За наши разныя услуги намъ предоставлено было занять любое мѣсто. Но мы сами заняли двѣ свободныя страны, Абиссиніи не принадлежащія: Сингитъ и Богосъ, и кромѣ того облюбовали мѣсто на Красномъ морѣ, для порта, называемое—Зула, никѣмъ не занятое.

Чтобы водвориться тамъ, намъ нужно привезти туда всякаго оружія, и нужна помощь въ томъ, чтобы перевозить туда охотниковъ. Если мы получимъ такую помощь, то скоро населимъ тамошнюю землю многими тысячами русскихъ людей.

Изъ Египта я дерзнулъ послать тебѣ, великій нашъ царь, письмо, въ которомъ просилъ приказать отводить намъ землю на Кавказѣ, а если того не можно, то приказать намъ занимать означенныя сейчасъ земли, никому не принадлежащія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ милостиваго позволенія предстать предъ твои ясныя очи и повер-

гнуть къ стопамъ твоимъ разные рѣдкіе гостинцы изъ Абиссинской земли, нами вывезенные для тебя, для матушки царицы и для нашего атамана, твоего сына.

Въ отвѣтъ на это, получилъ я черезъ посольство въ Стамбулѣ приказаніе прибыть въ Петербургъ. Но вотъ уже мѣсяцъ, какъ я пріѣхалъ сюда; но никакого приказанія отъ министерства представиться твоему царскому величеству и повергнуть къ стопамъ твоимъ наши гостинцы не получилъ.

Наша къ твоему царскому величеству просьба: допусти насъ предъ ясныя очи твои или твоего сына, и прикажи принять отъ насъ привезенные нами гостинцы. Мы, кромѣ того, привезли съ собой молодую абиссинку и молодаго абиссинца для того, чтобы они повидали нашу родину, понаучились русскому языку и какому-либо рукодѣлію и мастерству, и потомъ отправились бы назадъ въ Абиссинію славить тамъ русскаго царя и нашу матушку Русь.

Еще просимъ, чтобы насъ допустили селиться по казачьему обычаю на нашей родинѣ, на пустующихъ земляхъ восточнаго побережья Чернаго моря. А если на то милости твоей царской не послѣдуетъ, и если ты найдешь полезнымъ, чтобы русскіе люди водворились въ Африкѣ, и чтобы у Руси былъ портъ на Красномъ морѣ, гдѣ заводятъ ихъ другіе народы, въ виду того, что по тому морю пошла всесвѣтная торговля, то дай намъ помощь поселиться тамъ. И будемъ мы держать тамъ русское знамя крѣпко на честь русскаго царя и матушки Руси, и на страхъ врагамъ ея.

Отъ имени вѣрныхъ подданныхъ, вольныхъ русскихъ казаковъ, глубоко и искренне преданныхъ душою и сердцемъ своему царю и своей родинѣ, и готовыхъ сложить всегда головы за нихъ и за вѣру православную

Атаманъ Николай Ивановичъ.

Августа 19 дня 1886 года.

Отвѣтъ на просьбу неизвѣстенъ.

Послѣ того, Ашиновъ задумалъ поѣхать въ свой кругъ за деньгами, на которыя онъ разсчитывалъ закупить ружья во Франціи, гдѣ въ то время перевооружалась армія, и ружья продавались за баснословно дешевую цѣну. На обратномъ пути изъ круга, съ Ашиновымъ на станціи желѣзной дороги въ Харьковѣ, произошло обстоятельство, которое рѣшило дальнѣйшую его судьбу.

Поэтому я долженъ разсказать не сложный, а простой романъ Ашинова.

Ашиновъ былъ старовѣръ, и когда бывалъ въ Москвѣ, останавливался въ домѣ у своихъ единовѣрцевъ. Онъ былъ красивъ и могущественнаго вида, и потому представлялъ завиднаго жениха. Од-

нажды, во время моей бытности въ Москвѣ, Ашиновъ при мнѣ былъ атаковываемъ свахами, но все безуспѣшно. Въ домѣ, въ которомъ онъ остановился, была дѣвушка, которая, понятно, плѣнилась Ашиновымъ и его разсказами о молодецкихъ похожденіяхъ. Между тѣмъ дѣвушка эта была уже просватана за купца, старика 60 лѣтъ, носившаго большой парикъ.

Назначенъ былъ день обрученія. Невѣсту разодѣли и почти силой привели въ залу. Тамъ былъ накрытъ столъ со всякими закусками и угощеньями для гостей.

Дѣвушку разодѣли и почти силой привели въ залу всю въ слезахъ. Проходя мимо Ашинова, она шепнула ему: спасите меня, Николай Ивановичъ! Ашиновъ, долго не думавши, подошелъ къ жениху, сорвалъ съ него парикъ, со словами: постыдись, старичина, губить дѣвушку, и затѣмъ сдернулъ скатерть со стола, на которомъ были приготовлены угощенія, и все съ посудой рухнулось на полъ.

Въ домѣ все затормошилось. Мать и братъ невѣсты, которые не хотѣли этой свадьбы, ужасно обрадовались такому скандалу, женихъ куда-то скрылся, и обрученіе не состоялось.

На другой день явился полицейскій для составленія протокола о случившемся скандалѣ; но Ашиновъ съ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Петербургъ; такъ полиція и осталась ни при чемъ.

Но дѣвушка эта, имѣя независимыя средства, прикатила въ Петербургъ, въ разсчетѣ, что Ашиновъ предложитъ ей свою руку. Но Ашиновъ объявилъ дѣвушкѣ, что онъ разстроилъ свадьбу, чтобы спасти ее по ея просьбѣ, но что жениться онъ не намѣренъ, что онъ служитъ молодцамъ казакамъ и обабиться вовсе не желаетъ.

Къ этому роману Ашинова надо дополнить слѣдующее обстоятельство. Когда онъ возвращался изъ Абиссиніи, то встрѣтилъ на пароходѣ дѣвушку, которой ему пришлось оказать серьезную услугу. Они провели четыре дня на пароходѣ, и дѣвушка почувствовала къ Ашинову сильное расположеніе.

И вдругъ, черезъ два года, онъ встрѣчаетъ эту дѣвушку на станціи Харьковской желѣзной дороги. Дѣвушка сильно обрадовалась этой встрѣчѣ, пошли воспоминанія и благодарности о томъ, какъ Ашиновъ выручилъ ее отъ бѣды и, въ концѣ концовъ, дѣвушка призналась, что она сильно его съ тѣхъ поръ полюбила, что она готова признать его своею главою, и что она, по своему характеру, не можетъ стѣснить его въ его казацкихъ похожденіяхъ.

— Если вы будете согласны взять меня въ помощницы вашей жизни, то можно рѣшить дѣло теперь же, потому что отецъ, ѣдучи со мной, находится здѣсь на станціи.

Позвали отца, и дѣвушка объявила ему, что она дала слово Аши-

нову, о которомъ онъ уже слышалъ,—о его благородномъ поступкѣ на пароходѣ.

Оказалось, что дѣвушка была дочь богатаго помѣщика Хоненко, хорошо образованнаго, происхожденіемъ изъ малороссійскихъ казаковъ.

Отецъ благословилъ пару и пригласилъ Ашинова ѣхать къ нему въ имѣніе въ Черниговскую губернію, съ тѣмъ, чтобы сыграть тамъ свадьбу.

Ашиновъ сказалъ, что онъ теперь на дорогѣ, по дѣлу, въ Парижъ, но съ удовольствіемъ поѣдетъ въ деревню, чтобы повѣнчаться; но проситъ устроить свадьбу въ теченіе недѣли.

Отецъ отвѣтилъ, что надо оповѣстить родныхъ, и когда они соберутся, то тотчасъ и повѣнчаютъ молодыхъ.

Въ деревнѣ, послѣ свадьбы, отецъ выдалъ въ приданіе 100.000 фр., и молодые поѣхали въ Парижъ. Дѣвушка была образована, знала англійскій, французскій и нѣмецкій языки, и еще прежде бывала за границей.

Я ничего не зналъ объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ Ашиновъ поѣхалъ въ свой кругъ. Уже изъ Парижа получилъ я письмо отъ Ашинова, извѣстившаго меня о своей женитьбѣ.

Потомъ, онъ сообщилъ мнѣ, что купилъ во Франціи 20.000 ружей и ѣдетъ съ ними и женой въ Абиссинію.

Въ Абиссиніи Ашиновъ встрѣтилъ дикій народъ: сомали. Съ небольшой группой казаковъ, которые оставались тамъ отъ первой его поѣздки, и нѣсколькими абиссинскими воинами, присланными ему Расъ-Алулой Ашиновъ успѣлъ отбиться отъ дикихъ. Во время боя, Ашинова рожала въ палаткѣ, и мужъ прибѣжалъ туда и принялъ самъ ребенка. Такъ Ашинова сдержала слово, что она не будетъ помѣхой мужу въ его казацкихъ похожденіяхъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Ашиновъ пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою аѳонскаго монаха Паисія, извѣстнаго русскому посольству въ Константинополѣ и всѣмъ богомольцамъ, ѣдущимъ черезъ Константинополь въ Іерусалимъ.

Въ Петербургѣ Ашиновъ сталъ готовиться къ снаряженію духовной миссіи въ Абиссинію. Съ высочайшаго соизволенія была открыта по всей Россіи подписка на эту миссію. Монахъ Паисій на одной недѣлѣ былъ посвященъ въ Невской Лаврѣ, въ діаконы, священники и затѣмъ въ архимандриты и былъ назначенъ главой абиссинской миссіи, и Ашиновъ со своими казаками долженъ былъ сопровождать миссію.

Подписка дала болѣе 40.000 капитала. Людей собралось около 200 человѣкъ, вмѣстѣ съ казаками. Большею частью были всякіе

мастеровые, преимущественно каменщики и плотники. Люди собрались въ Одессѣ, забрана была на первое время всякая провизія, доски и разный матеріалъ для постройки, и Ашиновъ отправился вмѣстѣ съ женою.

Миссія высадилась у старой, заброшенной турецкой крѣпости Сагала, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Обока, которая считалась на территоріи племени сомали.

Сомали былъ народъ дикій, но, тѣмъ не менѣе, Ашиновъ успѣлъ сдружиться съ нимъ.

Нѣсколько времени спустя, подошелъ пароходъ, и съ него сошелъ французскій офицеръ, Ашиновъ принялъ его и угостилъ.

Но недѣли черезъ три явилось три парохода и противъ Сагала бросили якорь. Подъѣхалъ на шлюпкѣ какой-то господинъ и потребовалъ убрать русскій флагъ и немедленнаго удаленія людей, иначе съ пароходовъ откроютъ бомбардировку.

Ашиновъ предполагалъ, что его не могутъ считать за флибустьера, такъ какъ миссія отправилась съ дозволенія нашего правительства, и потому не снялъ немедленно флага. Едва посланный вернулся на пароходъ, какъ черезъ 10 минутъ раздался выстрѣлъ; затѣмъ началась бомбардировка. Ашиновъ приказалъ выставить бѣлый флагъ, для чего была употреблена рубашка. При бомбардировкѣ убито было 5 человѣкъ, въ томъ числѣ три женщины, и одна изъ нихъ беременная на послѣднемъ исходѣ. Ашиновъ былъ сильно контуженъ въ ногу, отъ чего онъ страдаетъ до сихъ поръ. Бомбардировка окончилась, и немедленно съ парохода наѣхали французы, стали разбивать сундуки и вытаскивать вещи. На другой день всѣхъ людей разсадили на пароходы, Ашинова съ женой и архимандрита Паисія арестовали, и всѣ отправились въ Обокъ. Дня четыре Ашинова съ женой и Паисія продержали въ Обокѣ и затѣмъ повезли въ Каиръ. Все это я передаю со словъ Ашинова и свидѣтелей катастрофы Паисія и жены Ашинова.

Изъ Каира Ашинова на русскомъ пароходѣ свезли въ Севастополь, а прочихъ свезли въ Одессу. Въ Севастополѣ Ашинова продержали въ крѣпости и затѣмъ отпустили къ женѣ въ деревню подъ ея поручительство.

Не менѣе того Ашиновъ появился въ Парижѣ и сталъ хлопотать тамъ о возвращеніи имущества своего и своей жены, захваченнаго на пароходѣ, когда ихъ везли изъ Обока въ Каиръ. Въ Парижѣ онъ познакомился съ m-me Adan, и ему сдѣлали тамъ овацію. Но наше правительство попросило Ашинова вернуться въ Россію, и тогда его отдали подъ строгій надзоръ полиціи, подъ которымъ онъ пребывалъ почти 10 лѣтъ.

Теперь онъ живетъ въ имѣніи жены и имѣетъ уже пять человѣкъ дѣтей. Насколько онъ былъ энергичный казакъ, настолько онъ теперь энергичный сельскій хозяинъ.

Ашиновъ, вообще, былъ рѣдкій типъ необычайной энергіи и смѣлости. Онъ обладалъ благородными инстинктами, широкимъ и тонкимъ политическимъ умомъ; при грубоватой, повидимому, манерѣ, у него крылось деликатное сердце. Имѣя не мало враговъ и завистниковъ, можно было любоваться остротой и быстротой находчивости отвѣтовъ, когда онъ встрѣчался съ ними въ обществѣ. Коротко говоря, это была цѣльная, могучая натура, возмущавшаяся до глубины души всѣмъ неблагороднымъ и подленькимъ; и, сверхъ всего, несмотря на отсутствіе образованія, имѣлъ стремленіе и вкусъ ко всему изящному.

Въ 1875 году я получилъ письмо отъ П. Г. фонъ-Дервиза изъ Парижа, въ которомъ писалъ, что наше правительство рѣшилось на сооруженіе морскаго канала изъ Петербурга въ Кронштадтъ, что проектъ этотъ уже изготовленъ въ министерствѣ путей сообщенія и на это сооруженіе ассигновано 11.000.000. Между тѣмъ, его познакомили съ нѣкіимъ изобрѣтателемъ Базеномъ, изобрѣтеніе котораго какъ разъ относится къ подобному сооруженію; но что онъ, Дервизъ, этого дѣла не понимаетъ, но, въ виду важности изобрѣтенія и серьезности дѣла, просилъ меня неотлагательно пріѣхать въ Парижъ и убѣдиться въ достоинствѣ изобрѣтенія Базена. Въ такомъ случаѣ, онъ, Дервизъ, желалъ бы дать ему ходъ, при сооруженіи морскаго канала, и что ему пришла мысль взяться за это сооруженіе. Поэтому просилъ собрать всѣ свѣдѣнія и предложилъ быть компаньономъ въ этомъ необыкновенно полезномъ дѣлѣ, съ которымъ ему хотѣлось бы связать свое имя.

Въ Парижѣ я познакомился съ Базеномъ, который производилъ въ то время опыты на Сенѣ съ своимъ изобрѣтеніемъ.

Это изобрѣтеніе относилось къ землечерпанію, и производимые Базеномъ опыты были началомъ къ устройству землесоса.

Базенъ сообщилъ мнѣ, что онъ имѣетъ серьезный опытъ по очисткѣ затонувшихъ въ началѣ прошлаго столѣтія кораблей въ портѣ Виго, которые были затянуты иломъ до верха мачтъ. Опыты на Сенѣ, которые я видѣлъ, производились въ песчаномъ грунтѣ. Тогда я обратилъ вниманіе Базена, что его принципъ дѣйствительно примѣнимъ для ила и песка, но не для твердыхъ грунтовъ. На это Базенъ сказалъ, что онъ изготовилъ уже разрыхлитель, который и примѣнитъ къ своему изобрѣтенію.

Мои изслѣдованія я сообщилъ Дервизу и высказалъ мнѣніе о важности и практичности изобрѣтенія.

Тогда Дервизъ просилъ меня безотлагательно вернуться въ Петербургъ и заявить его намѣреніе взять на себя сооруженіе канала.

Инженеръ Базенъ отличался необыкновеннымъ изобрѣтательнымъ умомъ; по преимуществу онъ изобрѣлъ разные снаряды и аппараты для подводныхъ работъ, и нѣкоторыя его изобрѣтенія были уже тогда въ практикѣ права гражданства.

Базенъ задумалъ составить акціонерную компанію для добычи золота и серебра, изъ кораблей, потопленныхъ въ началѣ прошедшаго столѣтія, въ испанскомъ портѣ Виго, куда испанскіе корабли, везшіе этотъ грузъ, вошли преслѣдуемые англійскимъ флотомъ. Въ Парижѣ, по мысли Базена, составилась компанія съ капиталомъ въ милліонъ франковъ, и Базенъ былъ приглашенъ главнымъ инженеромъ для этого предпріятія.

Оказывалось, что на рейдѣ торчали кое-гдѣ только самыя верхушки мачтъ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи Базенъ убѣдился, что потонувшіе корабли затянуло иломъ. Тогда ему и пришла мысль придумать особый аппаратъ для очистки кораблей отъ ила. Этотъ аппаратъ необыкновенно остроумный Базенъ и назвалъ экстракторомъ (extracteur). Путемъ этого экстрактора, онъ очистилъ корабль, проникъ въ него и работалъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ; выбралъ изъ него всѣ принадлежности, но золота не нашелъ. Очищены были еще нѣсколько кораблей, и въ нихъ тоже золота и серебра не нашлось.

Базенъ объяснялъ себѣ этотъ фактъ тѣмъ, что въ виду англійскаго флота, которому должна была достаться необыкновенно богатая добыча, испанскіе корабли вышли на рейдъ и бросали ящики съ золотомъ и серебромъ въ море.

Илъ, который добывался около кораблей, былъ подвергнутъ тщательному анализу и химическому изслѣдованію, и по этому изслѣдованію находили признаки золота и серебра, которые, конечно, подъ вліяніемъ образующихся гальваническихъ токовъ, разлагались. Послѣ того было рѣшено прекратить розыски.

Всѣ добытые изъ корабля предметы Базенъ привезъ въ Парижъ, въ предмѣстьѣ котораго построилъ большой досчатый сарай, который представлялъ собою оригинальный музей. Въ этомъ музеѣ, между прочимъ, можно было видѣть отлично сохранившуюся деревянную мебель изъ окажу, чугунныя ядра, присосавшіяся къ глиняной посудѣ, путемъ гальваническихъ токовъ. Это явленіе доказывало, что золота и серебра и слѣдъ простылъ.

Какъ я сказалъ выше, Базенъ имѣлъ крайне изобрѣтательный и практическій умъ; многія его изобрѣтенія вошли въ практику, но не

обогатили его. Не имѣя средствъ, онъ продавалъ свои привилегіи за безцѣнокъ, на пріобрѣтеніе которыхъ онъ разорялся и умеръ въ нуждѣ.

Когда Дервизъ задумалъ взяться за постройку морскаго канала въ Петербургѣ и пригласилъ меня для ознакомленія съ новымъ изобрѣтеніемъ, мнѣ пришлось обратиться сначала не къ Базену, а къ нѣкоему русско-польской національности Збышевскому, имѣвшему контору въ Парижѣ, для скупки привилегій на новыя изобрѣтенія, которому была уже продана Базеномъ за ничтожную сумму привилегія на экстракторъ.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о Збышевскомъ.

Это былъ молодой морской офицеръ, весьма образованный, выдающійся, и былъ назначенъ командиромъ клипера въ 1860 или 1861 году въ заграничное плаваніе. Въ то время, когда клиперъ находился въ Сингапурѣ, было получено извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ. Въ одинъ прекрасный день, онъ, подъ предлогомъ болѣзни, съѣхалъ на берегъ, сдавъ команду старшему офицеру, которому и передалъ всѣ казенныя деньги, находившіяся въ его распоряженіи.

На клиперъ онъ не вернулся, а уѣхалъ въ Парижъ. Онъ счелъ, что по совѣсти онъ не можетъ служить Богу и чорту, такъ какъ онъ былъ въ душѣ преданъ польскому движенію. Онъ былъ, конечно, отданъ подъ судъ и по суду заочно былъ приговоренъ къ разстрѣлянію, и потому не могъ уже являться въ Россію.

Збышевскій былъ очень видный и красивый чековѣкъ и вскорѣ женился на одной изъ близкихъ родственницъ Ротшильда, и затѣмъ открылъ тамъ контору для скупокъ привилегій на изобрѣтенія, о которой я упомянулъ предъ симъ.

Во время одного пребыванія въ Парижѣ великаго князя Константина Николаевича, онъ пожелалъ видѣть музей Базена, который показывалъ опыты относительно постановки быстроходныхъ пароходовъ на колесахъ и относительно экстрактора. Збышевскій, который былъ уже владѣтель привилегіи, присутствовалъ при этомъ. Великій князь увидалъ Збышевскаго и узналъ его, и говорилъ съ нимъ.

Принялъ ли великій князь Збышевскаго въ Парижѣ, у себя, какъ мнѣ говорили, этого я не знаю, но когда онъ явился однимъ изъ членовъ компаніи, взявшейся за очистку Волги отъ перекатовъ путемъ экстракторовъ, въѣздъ Збышевскому былъ допущенъ въ Петербургъ негласно. Кромѣ того, онъ былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей банка, Crédit Lyonaix, контора котораго находится и въ Петербургѣ. Такъ или иначе, но онъ посѣтилъ меня здѣсь, въ Петербургѣ.

Вернувшись въ Петербургъ, я обратился въ министру путей сооб-

щенія графу Алексѣю Бобринскому съ заявленіемъ о желаніи Дервиза взять сооруженіе канала. Бобринскій сказалъ, что онъ на-дняхъ входилъ съ докладомъ государю, который и утвержденъ, о томъ, чтобы къ торгамъ допускались лишь соискатели, производившіе уже землечерпательныя работы. Я отвѣтилъ, что я производилъ такія работы въ устьѣ Дона.

— Въ такомъ случаѣ Дервизъ, пригласивъ васъ въ компанію, можетъ быть соискателемъ; впрочемъ, я назначилъ уже комитетъ подъ предсѣдательствомъ Кербедза, обратитесь къ нему, можетъ ли Дервизъ съ вами принять участіе въ торгахъ.

Между тѣмъ, я узналъ, что сооруженіе морскаго канала желаетъ взять на себя нѣкій Путиловъ, извѣстный строитель огромнаго механическаго завода, бывшій морякъ, по мысли котораго, и предпринято было сооруженіе канала, и устраивалась уже вѣтвь желѣзной дороги отъ Невы къ предполагаемому порту.

Въ Петербургѣ считали, что дѣло устройства морскаго канала будетъ отдано Путилову; но графъ Бобринскій не симпатизировалъ ему, въ особенности потому, что Путиловъ, покровительствуемый в. к. Константиномъ Николаевичемъ, въ ожиданіи большаго подряда, успѣлъ исходатайствовать въ московскомъ коммерческомъ банкѣ выдачу ему авансомъ 5.000.000 р.

Увѣренность Путилова, что подрядъ будетъ за нимъ, раздражила гр. Бобринскаго, и онъ вошелъ съ докладомъ государю о томъ, чтобъ къ торгамъ на сооруженіе морскаго канала были бы допускаемы лишь лица, которыя производили уже подобныя работы сами или въ товариществѣ съ опытными инженерами, занимавшимися землечерпаніями. Такимъ образомъ, онъ разсчитывалъ устранить Путилова.

Дервизъ былъ человѣкъ нетерпѣливый и своеобразный, избалованный своими успѣхами, чтобы все дѣлалось по пословицѣ: „по щучьему велѣнію и по моему прошенію“. Недѣли черезъ три, я получаю отъ него письмо, приглашающее меня пріѣхать къ нему въ Лугано вмѣстѣ съ моимъ братомъ Кронидомъ, съ которымъ мы строили Курско-Кіевскую дорогу отъ Дервиза. Я списался съ братомъ, и мы поѣхали вмѣстѣ. Мы застали Дервиза въ Миланѣ, и онъ объявилъ намъ, что третьяго дня онъ получилъ письмо изъ Петербурга, извѣщающее его, что министръ Бобринскій уходитъ, что поэтому дѣло о каналѣ отложено, и могутъ встрѣтиться разныя препятствія.— Все-таки поѣзжайте въ Парижъ,—сказалъ онъ,—пригласите въ компаньоны Базена и опытныхъ инженеровъ, и дѣйствуйте отъ своего имени, а я вамъ открою кредитъ на мои деньги, въ количествѣ стоимости операціи.

Въ Парижѣ, Базенъ свелъ меня съ знаменитымъ инженеромъ

профессоромъ Молано и съ опытнымъ инженеромъ, работавшимъ на Суэцкомъ каналѣ Комбулемъ.

Люди эти изъявили полное согласіе принять участіе въ дѣлѣ, принимая на себя, подъ моимъ руководствомъ, техническую сторону исполненія операціи, но заявили, что, по незнанію русскихъ законовъ и русскаго языка, они не могутъ войти гласными компаньонами. Они имѣли уже полное свѣдѣніе о проектѣ и потому составили подробный разсчетъ стоимости сооруженія. Условившись съ ними во всѣхъ отношеніяхъ, я вернулся въ Петербургъ.

Въ то время, какъ я уѣзжалъ на мѣсяцъ въ Парижъ, Бобринскій былъ удаленъ, и кажется именно за то препятствіе, которое онъ поставилъ Путилову, и былъ назначенъ другой министръ, генералъ-адъютантъ Посьетъ.

Посьетъ тотчасъ, по вступленіи, назначилъ другаго предсѣдателя комитета по сооруженію морскаго канала, инженера Эрнрольда и приказалъ измѣнить проектъ и главное политику.

Когда я явился къ новому предсѣдателю и пожелалъ осмотрѣть списокъ соискателей на сооруженіе канала, которые будутъ приглашены къ торгамъ, то увидалъ имя Путилова.

Меня это удивило, и я спросилъ Эрнрольда: какъ же это, вѣдь этимъ нарушается высочайшее повелѣніе; Путиловъ не производилъ землечерпательныхъ работъ?

Эрнрольдъ улыбнулся и отвѣтилъ: министръ приказалъ внести Путилова въ списокъ соискателей потому, что онъ представилъ свидѣтельство отъ Кронштадтскаго портоваго правленія, что онъ производилъ подобныя работы.

Само собою разумѣется, что Путиловъ и получилъ подрядъ на сооруженіе канала.

Я не стану входить въ анализъ этого курьезнаго дѣла, но сообщу здѣсь только одинъ эпизодъ, случившійся при посѣщеніи моемъ министра Посьета.

Въ то время, когда высочайшее повелѣніе играло буквальную роль, я телеграфировалъ своимъ товарищамъ Молино и Комбулю въ Парижъ, что если они хотятъ принять участіе въ дѣлѣ, то необходимо заявить себя гласными компаньонами. На это я получилъ письменное согласіе, и при этомъ Комбуль приложилъ свидѣтельство и рекомендацію отъ Лессепса, строителя Суэцкаго канала. Рекомендаціею Молино было его имя въ инженерномъ мірѣ.

Когда я явился въ Посьету съ запиской и согласіемъ моихъ товарищей о гласномъ участіи ихъ и что капиталъ на дѣло представляетъ Дервизъ, я пояснилъ Посьету, объ особенно остроумной системѣ землечерпанія и испытанной уже моимъ третьимъ товарищемъ, Базеномъ, и показалъ чертежи.

Разсмотрѣвъ ихъ, Посьетъ сказалъ: Какое важное изобрѣтеніе, а есть ли на него привилегія?

— Есть,—отвѣтилъ я.

— Но вѣдь можно сдѣлать какую-нибудь модефикацію.

Я вспыхнулъ и отвѣчалъ.

— Базенъ много лѣтъ трудился надъ этимъ дѣломъ, это его коренная собственность, и я не сочту себя въ правѣ придумывать какую-либо модефикацію.

Затѣмъ поклонился и вышелъ. И съ тѣхъ поръ къ министру уже не ходилъ.

Однако, на всѣ стремленія содѣйствовать Путилову, онъ въ скоромъ времени оказался несостоятельнымъ.

Дѣло въ томъ, что подрядъ на сооруженіе канала былъ раздѣленъ страннымъ образомъ на двѣ отрасли: подрядчикъ долженъ былъ поставить казнѣ весь предварительной составъ, нужный для работъ т. е. землечерпательныя машины и проч., и когда опытомъ будетъ доказано, что этотъ подвижной составъ вполнѣ удовлетворителенъ для сооруженія канала въ данный срокъ, то подрядчику казна должна была уплатить 4.000.000 руб., а на весь подрядъ было ассигновано 7.000.000. Слѣдовательно, для работъ оставалось только 3.000.000.

Путиловъ поставилъ старыя землечерпательныя машины, и въ недостаточномъ количествѣ. Но опытъ, производившійся сутки или менѣе, показалъ, что подвижной составъ работаетъ успѣшно и вычерпываетъ надлежащее количество кубовъ. На этомъ основаніи Путилову и было выдано 4.000.000 р.

Но въ дѣйствительности, по истеченіи почти двухъ лѣтъ, не было Путиловымъ вынуто и десятой доли кубовъ.

Тогда Путиловъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ взять на себя сооруженіе канала. При этомъ увеличить подвижной составъ на деньги, которыя ему слѣдуетъ еще получить отъ казны. По разсчету выходило, что съ существующимъ и добавочнымъ составомъ можно исполнить сооруженіе канала лишь въ 10 лѣтъ. Поэтому я предложилъ Путилову достигнуть увеличенія срока окончанія канала на означенное время. Между тѣмъ, Путиловъ заявилъ министру финансовъ, что онъ сдалъ свою операцію мнѣ. Это вынудило меня поѣхать къ министру, что я былъ бы готовъ взять сооруженіе на свою отвѣтственность, если правительство увеличитъ срокъ. На это министръ, конечно, не согласился, и Путиловъ долженъ былъ продолжать работы. Видя его несостоятельность, казна приняла дѣло въ свои руки и окончила его, израсходовавъ, кажется, до 18.000.000.

Воспоминанія стараго студента [1]).

(1858 — 1862 гг.).

Независимо отъ дѣятельности по Васильеостровской школѣ, мы по-прежнему принимали живое участіе и въ собственно-университетской жизни, которая продолжала идти широко и шумно. Студенческая библіотека, редакція „Студенческаго Сборника“ и кассы пособій были постояннымъ центромъ, какъ бы клубомъ, въ которомъ сообщались и со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ горячей юности дебатировались всѣ новости дня, какъ непосредственно касавшіяся университета, такъ и общественной жизни вообще, всѣ выдающіяся явленія которой дѣлались намъ извѣстными тотчасъ же, такъ какъ весьма многіе изъ насъ постоянно вращались въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ петербургскаго общества: отъ самаго высшаго до самыхъ скромныхъ. Съ одной стороны, сыновья многихъ аристократовъ, сановниковъ и богачей носили столь модный тогда университетскій мундиръ, какъ, напр., князья Горчаковъ, Куракины, графы Панины, Адлербергъ, милліонеръ Демидовъ Санъ-Донато, Замятины, Бенардаки, Каншинъ и мн. др., и если не всегда, то время отъ времени посѣщали наши товарищескія собранія, и съ другой—среди насъ было много молодыхъ представителей класса такъ называемыхъ разночинцевъ. Личное знакомство съ такими писателями, какъ Чернышевскій,

[1]) Первая часть этихъ „Воспоминаній“ была помѣщена въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“, за 1888-й годъ. Затѣмъ, вслѣдствіе кончины бывшаго издателя этого журнала, М. И. Семевскаго, печатаніе продолженія „Воспоминаній“ прекратилось, и 2-я часть ихъ доставлена авторомъ въ редакцію только теперь.

Добролюбовъ, Михайловъ, Помяловскій, Якушкинъ, и поэзія Некрасова развили и постоянно возбуждали въ насъ чувство народности, и такъ называвшееся тогда „хожденіе въ народъ“ было въ то время сильно распространено между нами. Весьма многіе изъ нашихъ товарищей разъѣзжались на лѣто по деревнямъ, собирали тамъ народныя пѣсни, сказки и преданія, изучали народный бытъ, толковали съ крестьянами, обучали ихъ грамотѣ, заводили народныя школы и т. д., никто и не думалъ видѣть въ этомъ что-либо революціонное, хотя, конечно, иногда дѣло не обходилось безъ нѣкоторыхъ частныхъ увлеченій, но никто не находилъ въ этомъ никакой опасности для Россіи. Только одному псковскому полицеймейстеру Гемпелю показалось подозрительнымъ, когда Павелъ Якушкинъ, извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ, ходилъ въ простомъ русскомъ костюмѣ по кабакамъ, толковалъ и пьянствовалъ съ крестьянами, и онъ засадилъ его въ кутузку, но это возбудило огромный шумъ и въ обществѣ, и въ печати. Якушкинъ тотчасъ же былъ освобожденъ и слишкомъ усердному ревнителю общественной безопасности, кажется, даже былъ сдѣланъ выговоръ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, впослѣдствіи извѣстный писатель, воспользовался такимъ хожденіемъ въ народъ довольно своеобразно: сблизившись съ сыскною и наружною полиціей, онъ, въ сопровожденіи ея агентовъ, переодѣтый въ простонародное платье, сталъ проникать въ самые низменные, самые грязные слои петербургской нищеты и порока во всѣхъ его своеобразныхъ проявленіяхъ, и затѣмъ преподнесъ россійскому обществу не особенно художественный, но пространный и обстоятельный докладъ о разъѣдающихъ это самое общество язвахъ, въ видѣ романа, подъ заглавіемъ: „Петербургскія трущобы“.

Кромѣ чрезвычайно оживленныхъ и горячихъ споровъ на нашихъ товарищескихъ сходкахъ, въ стѣнахъ университета бывали въ то время и такіе публичные ученые диспуты, которые не только привлекали къ себѣ вниманіе всей петербургской интеллигенціи, но и возбудили большой шумъ въ тогдашнихъ журналахъ и даже создали различныя, враждебныя одна другой партіи. Наиболѣе выдающіеся въ этомъ отношеніи были диспуты двухъ криминалистовъ: петербургскаго—Спасовича и московскаго—Баршева и въ особенности Костомарова съ Погодинымъ. Предметомъ послѣдняго былъ споръ о пришествіи къ намъ варяговъ. Костомаровъ энергично отстаивалъ мысль о пришествіи ихъ изъ Литвы; Погодинъ стоялъ за искони установившееся мнѣніе о происхожденіи праотцевъ нашей государственности изъ Скандинавіи. Старый московскій профессоръ, Погодинъ, относился на этомъ диспутѣ къ своему молодому противнику крайне несдержанно, грубо, что вызвало со стороны студентовъ шумную овацію

въ честь своего любимца Костомарова. Вопросъ о варяго-русскихъ сдѣлался тогда модньшъ въ петербургскихъ гостиныхъ и предметомъ оживленной полемики въ газетахъ и журналахъ, и въ сатирическомъ отдѣлѣ „Современника", подъ названіемъ „Свистокъ", Погодинъ осмѣивался на всѣ лады въ шуточныхъ стихотвореніяхъ Конрада Лиліенштвагера и Кузьмы Пруткова (псевдонимы Добролюбова, Жемчужникова и др.)

Начальства, не только въ томъ грозномъ смыслѣ, какъ оно понималось въ предшествовавшее описываемому дореформенное время, когда въ петербургскомъ учебномъ округѣ свирѣпствовалъ переименованный изъ военныхъ генераловъ въ тайные совѣтники, знаменитый своей солдатской грубостью, попечитель Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, но даже и въ смыслѣ нынѣшняго, въ наше время не существовало. Министръ народнаго просвѣщенія, Ковалевскій, былъ человѣкъ либеральный и въ высшей степени гуманный. Попечитель, князь Щербатовъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ ему, охотно поощрялъ и поддерживалъ самодѣятельность и самоуправленіе студентовъ. Нашъ уважаемый ректоръ, Плетневъ, бывшій другъ Жуковскаго и Пушкина, былъ чрезвычайно мягкій и добродушный старичекъ, изъ такихъ, которые всѣмъ своимъ видомъ и обращеніемъ какъ будто говорятъ: „только не троньте меня, а ужъ я-то никого не трону!" Хотя онъ и былъ нашимъ главнымъ начальникомъ, но мы видѣли его только въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., читающимъ отчетъ на публичномъ актѣ, присутствующимъ на диспутѣ, представляющимъ аудиторіи новаго профессора и т. п. церемоніяхъ.

Только подъ конецъ нашего студенчества, когда наши сходки стали принимать характеръ шумныхъ демонстрацій, почтенный Петръ Александровичъ разъ или два появлялся на каѳедрѣ и своимъ тихимъ, почти робкимъ голосомъ просилъ насъ успокоиться, разойтись и затѣмъ вскорѣ окончательно стушевался, уѣхавъ за границу, гдѣ, спустя немного времени, и умеръ. Ближайшимъ же начальникомъ и блюстителемъ нашихъ нравовъ былъ инспекторъ студентовъ, Александръ Ивановичъ Фицтумъ-фонъ-Экстедтъ, занимавшій эту должность съ давняго, еще дореформеннаго времени, назначенный по повелѣнію императора Николая Павловича, изъ офицеровъ л. гв. Павловскаго полка, въ предположеніи, что именно такой человѣкъ сумѣетъ подтянуть начавшихъ было распускаться (въ смыслѣ ношенія длинныхъ волосъ, несоблюденія формы и т. п.) студентовъ. И тогда онъ доблестно исполнялъ свои исключительно полицейскія обязанности и оправдывалъ возлагавшіяся на него надежды. Небольшаго роста, съ лисьей физіономіей, украшенный длиннымъ, сильно выдававшимся впередъ кирпичнаго цвѣта носомъ, чрезвычайно подвиж-

ный, онъ обладалъ замѣчательнѣйшей памятью, зналъ каждаго студента въ лицо и по фамиліи и былъ вездѣсущъ: въ университетскихъ корридорахъ, на Невскомъ проспектѣ, въ театрахъ, маскарадахъ, на всевозможныхъ публичныхъ гуляньяхъ,—вездѣ можно было видѣть длинный, красный носъ Александра Ивановича и его маленькіе лисьи глаза.

Всякое нарушеніе приличія и благочинія, въ особенности же, несоблюденіе установленной формы, какъ, напр., появленіе безъ шпаги или разстегнутымъ, усы и борода, считавшіеся въ то время несомнѣннымъ признакомъ политической неблагонадежности,—все это тотчасъ же замѣчалось неусыпнымъ аргусомъ съ Владиміромъ на шеѣ, какъ ястребъ налетавшимъ на свою жертву, и на провинившагося студента сыпались строгіе распеканія и аресты въ карцеръ. Александръ Ивановичъ былъ просто грозою въ то тяжелое николаевское время; но въ нашу счастливую пору всѣ эти устрашающія декораціи рухнули и хотя форменная одежда еще существовала, но всякіе дисциплинарные окрики и „подтягиванья“ исчезли совершенно. За проступки противъ порядочности вообще, несовмѣстные съ правилами чести и нравственнаго достоинства, виновные судились своимъ товарищескимъ судомъ,—и бѣдный Александръ Ивановичъ, мало-помалу, совсѣмъ стушевался, кончилось тѣмъ, что, потерявъ всякій престижъ между студентами, онъ сталъ какимъ-то Менелаемъ университетской молодежи.

Внѣ стѣнъ университета, студенты сохраняли свою автономію и свой habeas corpus: въ случаѣ какихъ-либо проступковъ, совершавшихся ими въ городѣ, полиція могла только препроводить виновныхъ въ университетъ, на усмотрѣніе ихъ начальства, но сама никакихъ карательныхъ мѣръ предпринимать противъ нихъ не имѣла права. Въ то время, для облагороженія полицейской службы, на должности квартальныхъ или участковыхъ надзирателей назначались гвардейскіе офицеры. Эти блюстители общественной тишины и порядка относились чрезвычайно снисходительно къ проказамъ столь модныхъ и столь любимыхъ тогда въ Петербургѣ студентовъ и, при нарушеніи ими спокойствія въ какомъ-либо увеселительномъ мѣстѣ, всячески заминали дѣло и уговаривали ихъ мирно разойтись по домамъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда уже и самой полиціи наносились слишкомъ чувствительныя оскорбленія черезъ чуръ разбушевавшимися юношами, ихъ отправляли въ университетъ, а буяны исключались изъ числа студентовъ; но подобные примѣры были чрезвычайно рѣдки.

Помимо собственно университета и нашихъ вечернихъ товарищескихъ собраній, большинство студентовъ посѣщало различные семейные дома, выдававшіеся соединеніемъ у себя передовыхъ людей того

времени; редакціонныя собранія такихъ журналовъ, какъ „Современникъ“ и „Русское Слово“, были въ постоянномъ общеніи съ наиболѣе популярными тогда профессорами Кавелинымъ, Костомаровымъ, Стасюлевичемъ, Андреевскимъ, Утинымъ и съ писателями Лавровымъ, Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, Благосвѣтловымъ, Михайловымъ и друг.

Всѣмъ этимъ знакомствамъ весьма многіе изъ насъ обязаны нашимъ культурно-общественнымъ развитіемъ и сближеніемъ съ лучшими въ то время литераторами, поэтами, художниками и разными общественными дѣятелями. Нашимъ кружкомъ наиболѣе посѣщались дома Левитова, архитектора Штикеншнейдера и профессора артиллерійской академіи, Лаврова, впослѣдствіи эмигрировавшаго изъ Россіи и присылавшаго изъ-за границы въ петербургскіе журналы свои статьи по соціально-политическимъ вопросамъ, подъ псевдонимомъ Миртова. Сынъ Левитова былъ ординарнѣйшій чиновникъ стараго закала, человѣкъ крайне ограниченный, но его жена была женщина не совсѣмъ заурядная: о ея происхожденіи и появленіи въ Петербургѣ разсказывали, что извѣстный шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ, въ бытность свою въ Италіи, увидѣлъ во Флоренціи босоногую уличную дѣвочку лѣтъ 14-ти—15-ти, понравившуюся ему своею удивительною стройностью и выразительностью лица, привезъ ее въ Петербургъ, далъ ей кой-какое свѣтское образованіе и приблизилъ къ себѣ, какъ утѣшеніе своей старости, а потомъ—выдалъ замужъ за одного изъ своихъ маленькихъ чиновниковъ, по слухамъ, даже просто курьера, впослѣдствіи дослужившагося до должности совѣтника конторъ двора его величества, умершаго въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ описываемое время m-me Левитова, какъ ее называли въ обществѣ, была уже женщина за 50 лѣтъ, съ лицомъ некрасивымъ, но чрезвычайно выразительнымъ, подвижнымъ и умнымъ, или—скорѣе,—хитрымъ. Она рѣзко отличалась отъ обыкновенныхъ петербургскихъ дамъ свѣтскостью, всегда восторженною, хотя и дѣланною, отзывчивостью на всѣ злобы дня, на всѣ волновавшіе современное общество вопросы и интересы. Но главнымъ и наиболѣе выдающимся достоинствомъ ея было замѣчательное умѣнье собирать въ своемъ домѣ разнообразное общество изъ передовыхъ дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ,—ученомъ, литературномъ, художественномъ, во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ, судебномъ, административномъ, финансовомъ и проч., и проч.—Въ то время, когда ея мужъ козырялъ со своими партнерами, въ гостиной пламенной итальянки, его жены, шли самыя оживленныя разсужденія по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, высшей администраціи, науки, литературы, музыки, живописи и проч. И все это она умѣла, при

всей поверхностности своихъ знаній, не только вызвать, поддержать. но—придать всему извѣстный тонъ, разгорячить собесѣдниковъ до того, что они не замѣчали или не обращали вниманія на искусственность и аффектированность трескучихъ фразъ хозяйки и сами увлекались до энтузіазма. Кромѣ того, на ея четвергахъ почти всегда присутствовали однѣ или нѣсколько такихъ приманокъ для петербургскаго общества, какъ, напр., знаменитая итальянская актриса Ристори, пѣвица Бозіо, чрезвычайно популярная и любимая артистка Михайловскаго театра, Вольнисъ. Извѣстные наши поэты—Полонскій, Майковъ, Щербина, братья Василій и Николай Курочкины, скульпторъ Микѣшинъ и др. были постоянными ея посѣтителями.—Когда вспыхнула война за независимость Италіи, въ гостиной m-me Левитовой появился итальянскій консулъ Пинто: въ его присутствіи хозяйка повѣсила на стѣну кружку съ крупною надъ ней надписью: „An profit des Italiens!“ и каждый четвергъ, въ продолженіе всей зимы, такъ искусно подогрѣвала въ своихъ гостяхъ сочувствіе къ сражавшимся за свою свободу итальянцамъ и ихъ популярнѣйшему въ то время герою,—Гарибальди, что въ кружку сыпались щедрыя пожертвованія, и свѣтскія барыни съ влажными, должно быть, отъ восторга и умиленія, глазами, неустанно щипали корпію „pour ces pauvres Italiens“.—У архитектора Штикеншнейдера также собиралось многочисленное общество самыхъ разнообразныхъ петербургскихъ извѣстностей того времени. Самъ хозяинъ, обладавшій большими денежными средствами, кромѣ своего архитектурнаго таланта, ничѣмъ другимъ не выдавался. Длинный, сухой, съ большими ушами, сумрачный и молчаливый, онъ очень напоминалъ своей фигурой нѣмецкаго колониста. Объ его происхожденіи разсказывали, что его отецъ имѣлъ мельницу около Гатчины, и мать была настолько красивою нѣмочкой, что императоръ Павелъ I-й, въ бытность свою наслѣдникомъ, какъ извѣстно, жившій постоянно въ Гатчинѣ, чуть не ежедневно заѣзжалъ къ мельничихѣ пить молоко, и эти посѣщенія злые языки связывали съ появленіемъ на свѣтъ будущаго извѣстнаго зодчаго. Жена этого архитектора, женщина бойкая и умная, была очень дружна съ m-me Левитовой и соперничала съ ней въ устройствѣ своего салона, отличавшагося внѣшнимъ блескомъ, обширностью и роскошью помѣщенія въ ихъ собственномъ домѣ, съ большимъ зимнимъ садомъ на Большой Милліонной улицѣ. Кромѣ того, ихъ журфиксы весьма часто заканчивались обильными изящными ужинами; здѣсь собиралось особенно много университетской молодежи, такъ какъ двое старшихъ сыновей этой четы были студентами. Старшая же дочь Елена Андреевна, дѣвушка уже не молодая и болѣзненная, но очень умная, прекрасно образованная и чрезвычайно симпатичная, придавала этимъ собраніямъ много теплоты и задушевности.

У полковника Лаврова были вечера болѣе серьезнаго и спеціальнаго характера. Хозяинъ—горячій энтузіастъ и чрезвычайно увлекающійся человѣкъ, всегда съ жаромъ развивалъ передъ своими гостями философскія, политическія и соціальныя теоріи Конта, Прудона, Милля, Фурье и др. Сначала поднимались жаркіе одушевленные споры, длившіеся далеко за полночь; но затѣмъ спорщики утомлялись, видимо обезсиленные долгими и непривычными философскими разсужденіями, и расходились, оставляя поле сраженія за ораторомъ-демагогомъ. Студентовъ на этихъ вечерахъ, сравнительно, было немного, но посѣщавшіе ихъ передавали потомъ на нашихъ товарищескихъ сборищахъ все слышанное ими тамъ, и, такимъ образомъ, мало-по-малу посвящались и мы въ глубины премудрости философскихъ поученій, все болѣе и болѣе дѣлавшагося популярнымъ среди учащейся молодежи Петра Лавровича (такъ звали Лаврова).

Въ продолженіе третьяго университетскаго курса, всѣ наиболѣе выдававшіеся изъ нашихъ товарищей окончательно сблизились съ такими передовыми дѣятелями того времени, какъ Чернышевскій Добролюбовъ, Михайловъ, Помяловскій, съ редакціями журналовъ, „Русское Слово“ и „Современникъ“ и со многими другими лицами, на которыхъ высшая петербургская администрація уже поглядывала косо, какъ на руководителей общественнаго мнѣнія, начинавшаго въ то время пріобрѣтать уже значительную нравственную силу, съ которой приходилось уже считаться въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и подъ вліяніемъ которой стали проявляться разногласія и даже—все болѣе и болѣе обострявшіяся столкновенія между самими представителями этихъ сферъ, еще съ начала великихъ реформъ, крестьянской и судебной,—раздѣлившимися на партіи: консервативную и либеральную. Студенты, которыхъ тогда было около $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ, конечно, были горячими и, въ особенности, шумными поклонниками послѣдней и главными пропагандистами въ общественныхъ массахъ необходимости осуществленія этихъ и другихъ реформъ въ наилиберальнѣйшемъ духѣ. Въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ, которыхъ тогда было особенно много, какъ, напр., публичныхъ лекціяхъ, литературныхъ вечерахъ, спектакляхъ и т. п., они нерѣдко поднимали оглушительный шумъ, требуя, во что бы то ни стало, исполненія именно ихъ желаній, и, въ большинствѣ случаевъ, настоянія ихъ, обыкновенно поддерживаемыя многими изъ публики, удовлетворялись. На университетскихъ лекціяхъ стали раздаваться шумные апплодисменты и другіе знаки одобренія любимымъ профессорамъ. Существованіе собственной кассы пособій неимущимъ товарищамъ, средства которой въ послѣднее время достигли уже 15.000 рублей, ставило студентовъ внѣ всякой матеріальной зависимости отъ университетскаго начальства.

Широкая помощь, производившаяся изъ этой кассы всѣмъ нуждавшимся студентамъ, съ одной стороны, и почти неограниченное освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій,—съ другой, привлекали въ университетъ со всѣхъ концовъ Россіи и особенно изъ западныхъ губерній и Царства Польскаго, массы молодыхъ людей изъ бѣднѣйшихъ классовъ, какъ извѣстно, наиболѣе безпокойныхъ, скорѣе другихъ готовыхъ на всякое отчаянное предпріятіе. Форменная одежда предоставляла студентачъ совершенную неприкосновенность со стороны городской полиціи; а дисциплинарная власть университетскаго начальства, слабость которой доходила до почти совершеннаго ея отсутствія, предоставляла намъ широкую самостоятельность и независимость отъ кого бы то ни было.

Посѣщеніе лекцій тоже никѣмъ не контролировалось — и студенты то толпились огромными и шумными толпами въ аудиторіи немногихъ излюбленныхъ профессоровъ, вмѣстѣ съ многочисленными слушательницами, среди которыхъ начиналъ тогда размножаться типъ дѣвицъ, щеголявшихъ отрицаніемъ всякихъ внѣшнихъ отличій своего пола, то блистали своимъ отсутствіемъ на лекціяхъ остальныхъ. На такой порядокъ вещей стали смотрѣть сверху подозрительно и съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Въ правящихъ сферахъ стали громче и громче раздаваться голоса о необходимости положить предѣлъ такой разнузданности университетской молодежи, и скоро порѣшили повернуть дѣло круто, даже черезчуръ круто, какъ это немедленно и подтвердилось весьма печальными послѣдствіями.

Переходныхъ экзаменовъ изъ третьяго курса на четвертый у насъ не было, и намъ объявили, что на четвертомъ мы будемъ сдавать экзамены изъ обоихъ курсовъ заразъ. Это нововведеніе ничего, кромѣ вреда, не принесло, такъ какъ большинство третье-курсниковъ, зная, что по окончаніи года никакихъ экзаменовъ не будетъ, ровно ничего не дѣлало, лекцій почти не посѣщало и еще болѣе прежняго предалось кутежамъ и своей гражданско-общественной дѣятельности. Передъ каникулами 1861 года между нами уже носились слухи о какихъ-то предстоящихъ реформахъ въ университетѣ, о готовящемся новомъ университетскомъ уставѣ, о томъ, что насъ собираются сильно подтянуть и т. д. но мы, со свойственной молодости самоувѣренностью вообще и, въ частности, съ сознаніемъ тогдашними студентами какой-то несокрушимости нашей общественной силы, на всѣ эти слухи мало обратили вниманія и, по-прежнему, беззаботно разъѣхались на каникулы въ разныя стороны.

Возвратившись къ концу августа въ Петербургъ, мы увидѣли,

что весь нашъ студенческій бытъ парализованъ до основанія и измѣненъ во всѣхъ его самыхъ существенныхъ особенностяхъ. Отстаивавшій прежній порядокъ министръ Ковалевскій замѣненъ — адмираломъ Путятинымъ, вмѣсто бывшаго уже года два передъ тѣмъ попечителя, И. Д. Делянова — назначенъ бывшій атаманомъ Кубанскаго или Терскаго казачьяго войска, генералъ-лейтенантъ Филипсонъ; форменная наша одежда уничтожена, и мы подчинены, наравнѣ съ прочими обывателями, вѣдѣнію общей полиціи; всякія сходки студентовъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ и внѣ ихъ, безусловно воспрещены, студенческія библіотека и касса пособій обращены въ обще-университетскія библіотеки и кассу, и выдача пособій нуждающимся студентамъ предоставлена исключительно инспекціи, обязанной, при назначеніи такихъ выдачъ, принимать во вниманіе поведеніе и прилежаніе недостаточныхъ студентовъ; изданіе студенческаго сборника прекращено, и всѣ наши депутаты отъ факультетовъ упразднены, число вольнослушателей ограничено, и допущеніе женщинъ къ слушанію лекцій прекращено совершенно; число студентовъ, освобожденныхъ, по недостаточности средствъ, отъ платы за слушаніе лекцій уменьшено до крайне ничтожнаго минимума, и всѣмъ прочимъ, если они не внесутъ денегъ къ назначенному сроку, предложено оставить университетъ; наконецъ, каждый студентъ долженъ былъ взять такъ называемыя матрикулы, т. е. особыя книжки, которыя они были обязаны всегда имѣть при себѣ и въ которыхъ должны были записываться посѣщеніе студентами обязательныхъ для нихъ лекцій, ихъ манкировки и различныя замѣчанія о ихъ поведеніи. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, всѣ преобразованія, введенныя въ университетѣ съ 1861—62 учебнаго года.

Не трудно представить себѣ, до какой степени все это озадачило и взволновало и безъ того уже сильно возбужденную университетскую молодежь, нисколько не подготовленную къ столь неожиданному и столь рѣзкому перевороту!

Съ открытіемъ лекцій въ началѣ сентября, первымъ дѣломъ, конечно, было собраніе огромной общей сходки студентовъ въ большой актовой залѣ университета. Сходка эта была, разумѣется, очень бурная и возбужденная; выходившіе на каѳедру ораторы произносили пламенныя рѣчи, одни предлагали немедленно составить и подписать самый горячій, самый энергическій протестъ противъ такого насилія, противъ такого попранія неотъемлемыхъ корпоративныхъ студенческихъ правъ; другіе, болѣе спокойные, требовали составленія коллективнаго прошенія объ отмѣнѣ всѣхъ этихъ новыхъ правилъ; было нѣсколько и такихъ личностей, которыя признавали необходимымъ безусловно подчиниться новому порядку вещей; но ихъ

было весьма немного, и они были тотчасъ же заглушены страшными свистками, шиканьемъ, бранью... Не обошлось даже и безъ оскорбленія дѣйствіемъ: кто-то получилъ двѣ, три пощечины... Совершенно растерявшійся Александръ Ивановичъ Фицтумъ сначала бѣгалъ во всѣ стороны, приказывалъ, просилъ, умолялъ разойтись, но никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, а когда онъ очень ужъ сталъ приставать, ему посовѣтовали просто уйдти самому, по-добру, по-здорову, что̀ онъ въ концѣ концовъ и сдѣлалъ. Вмѣсто него, вскорѣ явился профессоръ Срезневскій, исправлявшій должность ректора, бывшаго тогда за границей, и сталъ уговаривать насъ разойтись; но шумъ и крики усиливались все болѣе и болѣе. Студенты кричали, что никто не имѣетъ права отнимать у нихъ кассу и библіотеку, составленныя изъ нашихъ собственныхъ денегъ, что несправедливо, невозможно исключать людей изъ университета только за то, что имъ нечѣмъ заплатить за лекціи и т. д. Срезневскій просилъ насъ умолкнуть хоть на минуту, чтобы дать ему возможность произнести нѣсколько словъ и, когда мы утихли, объявилъ, что всѣ наши желанія немедленно будутъ доложены высшему начальству и непремѣнно удовлетворены, если только мы успокоимся, тотчасъ же разойдемся и не будемъ пока подавать отъ себя никакихъ адресовъ, протестовъ или прошеній. Большинство повѣрило этому обѣщанію, и, пошумѣвъ и потолковавъ еще нѣсколько времени, мы разошлись по домамъ. Прошло нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ нѣкоторыми профессорами читались лекціи, но ихъ почти никто не посѣщалъ. Студенты собирались на сходки по своимъ квартирамъ и сговаривались, обождавъ еще немного, собраться снова въ университетъ на общую сходку для обсужденія, что намъ слѣдуетъ предпринять въ случаѣ неудовлетворенія нашихъ требованій. Скоро разнесся слухъ, что въ университетѣ вывѣшено объявленіе о воспрещеніи какихъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было студенческихъ сходокъ, подачи студентами какихъ-либо коллективныхъ прошеній или адресовъ и о томъ, что всѣ, кто не возьметъ матрикулъ къ указанному сроку, будутъ немедленно уволены изъ числа студентовъ. Въ условленный день почти всѣ студенты поголовно явились въ университетъ. Объявленіе, дѣйствительно висѣвшее въ пріемной, было прочитано во всеуслышаніе и тотчасъ же сорвано со стѣны при оглушительныхъ крикахъ и свисткахъ. „Въ зало, господа! на сходку! „Кричали наши депутаты, и всѣ мы устремились къ дверямъ актоваго зала; но онѣ оказались запертыми. На требованія ключа, сторожа отвѣчали, что онъ у дежурнаго субъ-инспектора, субъ-инспекторъ увѣрялъ, что его взялъ къ себѣ Александръ Ивановичъ (Фицтумъ). Послали къ нему, но онъ спрятался и ве-

лѣлъ сказать, что его нѣтъ дома. Долго мы стояли и шумѣли передъ дверями... наконецъ, кто-то крикнулъ въ толпѣ: „навались, ребята, на дверь! Вышибай ее, коли такъ!“... „Вышибай!—вышибай!“ дружно подхватили сотни голосовъ... Нѣсколько десятковъ наиболѣе дюжихъ молодцовъ навалились на одряхлѣвшую отъ старости дверь... Она съ трескомъ рухнула внутрь зала... толпа, съ аплодисментами, крикомъ и хохотомъ хлынула въ широкую амбразуру, точно разъяренныя волны сквозь прорванную плотину—и все зало быстро наполнилось студентами. Тотчасъ же на середину была выдвинута каѳедра, и на нее поочередно стали входить ораторы изъ нашихъ передовыхъ вожаковъ. Сначала было указано на то, что Срезневскій безсовѣстно обманулъ насъ, чтобы только заставить насъ разойтись и потерять время, и потомъ, съ горячностью, столь естественной въ сильно возбужденной молодежи, много говорилось о несправедливости и возмутительной оскорбительности предпринимаемыхъ противъ студентовъ мѣръ, о произволѣ, деспотизмѣ и, наконецъ, о необходимости, о священной обязанности каждаго студента отстаивать до послѣдней возможности честь и неприкосновенность неотъемлемыхъ правъ студенчества. Ораторы болѣе спокойныхъ и умѣренныхъ фракцій, весьма, впрочемъ, не многочисленные, тотчасъ же, безъ всякой церемоніи, сталкивались съ каѳедры ярыми представителями огромнаго большинства и съ первыхъ же словъ своихъ заглушаемые свистками, шиканьемъ и рѣзкою бранью, должны были умолкнуть. Въ самомъ разгарѣ опять явился Срезневскій и, протискавшись кое-какъ на каѳедру, сталъ было снова уговаривать насъ успокоиться, подчиниться новымъ правиламъ и разойтись; но на этотъ разъ никто его уже не слушалъ; поднялся невообразимый шумъ и гвалтъ, страшный стукъ ногами и стульями, шиканье, свистки и громкіе, многочисленные крики „вонъ!“ не давали ему никакой возможности продолжать свои увѣщанія, такъ что, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ говорить, онъ былъ вынужденъ, наконецъ, выйти изъ зала, сопровождаемый тѣмъ же невыразимымъ гамомъ... Послѣ долгихъ, чрезвычайно шумныхъ и горячихъ споровъ и пререканій, рѣшено было не брать ненавистныхъ матрикулъ ни въ какомъ случаѣ; тутъ же были составлены адресы, одинъ—на имя государя, а другой—министру народнаго просвѣщенія. Сходка кончилась подписаніемъ обоихъ этихъ адресовъ и выборомъ депутатовъ для представленія ихъ министру.

На другой день, рано утромъ, когда я еще лежалъ въ постелѣ, ко мнѣ вошли трое товарищей, и, разбудивъ меня, разсказали, что вчерашніе депутаты наши арестованы, университетъ запертъ и на дверяхъ вывѣшено объявленіе о временной пріостановкѣ лекцій и

о томъ, что впредь никто изъ студентовъ безъ матрикулъ въ университетъ допускаемъ не будетъ. „Вставай скорѣе!—заключили свой разсказъ товарищи,—идемъ въ университетъ!.. Всѣ студенты собираются туда на общую сходку“! Я наскоро одѣлся, и мы бѣгомъ пустились по набережной Невы къ нашей almae matri. У запертаго университетскаго подъѣзда стояла уже порядочная толпа студентовъ, которая съ каждой минутой увеличивалась. Со всѣхъ сторонъ стекались товарищи, по одиночкѣ и группами, точно муравьи къ огромному муравейнику. Скоро все пространство между зданіемъ университета и набережной Нивы наполнилось молодежью. „Во дворъ! во дворъ! на сходку!“—послышались голоса,— и мы всѣ столпились въ узкомъ и длинномъ университетскомъ дворѣ, выходящемъ однимъ концомъ къ биржѣ, а другимъ—къ Невѣ. Здѣсь слухи объ арестѣ нашихъ депутатовъ подтвердились. Обратиться за разъясненіями и съ ходатайствами объ освобожденіи арестованныхъ было рѣшительно не къ кому: всѣ университетскіе входы и выходы были заперты и никого изъ начальствующихъ лицъ не показывалось. Мы почувствовали себя въ положеніи людей, у которыхъ все отняли и отъ которыхъ затѣмъ отвернулись и заперлись. Обидное чувство совершеннаго надъ нами насилія и полнѣйшаго безучастія къ нашему положенію овладѣло нами... Энергичныя, пламенныя рѣчи нашихъ ораторовъ-демагоговъ наэлектризовали тысячную толпу юношей въ высшей степени. Рѣшено было немедленно обратиться къ попечителю Филипсону съ просьбою объ освобожденіи депутатовъ и о представленіи подписанныхъ нами наканунѣ адресовъ по назначенію; но такъ какъ въ случаѣ отправленія къ нему лишь нѣсколькихъ выборныхъ студентовъ, послѣдніе, по всей вѣроятности, были бы арестованы, подобно предшествовавшимъ, то предложено было двинуться къ Филипсону всѣмъ университетомъ поголовно; но съ тѣмъ, чтобы для наивозможнаго охраненія себя отъ нареканій и отвѣтственности, идти въ совершенной тишинѣ, безъ какихъ бы то ни было возгласовъ и въ самомъ строгомъ порядкѣ. „Къ Филипсону! Въ Колокольную!“—загудѣла толпа... „Тише, господа! смирно! стройся! маршъ впередъ!“ кричали распорядители... Университетскія ворота растворились настежь, и студенты стройными рядами и безъ всякаго шума выступили на улицу. Пока мы совѣщались во дворѣ, на набережной собралось много молодежи изъ другихъ учебныхъ заведеній и, въ особенности, студентовъ медицинской академіи, явившихся на нравственную поддержку своихъ товарищей по наукѣ. Было и нѣсколько молодыхъ офицеровъ, преимущественно изъ слушателей военныхъ академій. Сверхъ того, огромныя толпы праздныхъ зрителей собрались со всѣхъ сторонъ и съ удивленіемъ смотрѣли на наше небывалое шествіе. Былъ прекрас-

ный сентябрьскій день. Солнце ярко освѣщало длинную вереницу студенческой процессіи, голова которой приближалась уже къ Дворцовому мосту въ то время, когда хвостъ только еще выходилъ изъ университетскихъ воротъ. Дорогой къ намъ массами присоединялись дѣвицы, слушательницы университетскихъ лекцій и множество молодыхъ людей, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ студенчеству, или просто намъ сочувствовавшихъ. До Невскаго проспекта мы дошли, не замѣчая кругомъ себя ничего особеннаго. При появленіи нашемъ около Морскихъ улицъ и далѣе, по Невскому, французскіе парикмахеры выбѣгали изъ своихъ магазиновъ и съ оживленными лицами, сверкая глазами и весело потирая руки восклицали: „Revolution! Revolution! „V'la! ça commune! ça y est! Voyons! Voyons"! и т. д... Этимъ нервнымъ сынамъ революціи, вѣроятно, уже мерещились столь любезные имъ революціонные клики, уличныя баррикады и прочіе аттрибуты возстанія. Пройдя Полицейскій мостъ и подвигаясь далѣе, по солнечной сторонѣ Невскаго, мы увидѣли, что параллельно съ нами, по срединѣ улицы, ѣхали по одиночкѣ шагомъ жандармы и шли городовые; но никто насъ не останавливалъ и только время отъ времени подходили къ намъ полицейскіе офицеры, весьма вѣжливо освѣдомлялись у насъ, куда мы идемъ, и затѣмъ удалялись, вѣроятно, для донесеній своему высшему начальству. Такъ, совершенно свободно и безпрепятственно достигли мы Колокольной улицы и остановились тамъ у подъѣзда квартиры попечителя. Сначала намъ сказали, что генерала нѣтъ дома; но когда мы объявили, что останемся на улицѣ и будемъ ждать его возвращенія, хотя бы до самой ночи, Филипсонъ выслалъ къ намъ предложеніе избрать изъ своей среды двухъ или трехъ товарищей для объясненій съ нимъ, но мы на это не согласились изъ опасенія, что и они, подобно вчерашнимъ депутатамъ, будутъ арестованы, и просили настоятельно, чтобы попечитель вышелъ къ намъ самъ. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ по этому предмету черезъ прислугу, во время которыхъ возбужденіе толпы и шумъ увеличивались все болѣе и болѣе, наконецъ вышелъ къ намъ на улицу генералъ Филипсонъ. На всѣ наши просьбы онъ отвѣчалъ увѣреніями, что все устроится, и увѣщаніями - сначала просто разойтись по домамъ, а когда мы на это не соглашались безъ вѣрныхъ гарантій исполненія нашихъ требованій, предложилъ намъ отправиться въ университетъ, куда обѣщалъ тотчасъ же пріѣхать и самъ. Но мы на это обѣщаніе не надѣялись и настаивали, чтобы онъ отправился непремѣнно вмѣстѣ съ нами. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ и видя, что мы рѣшительно не поддаемся ни на какія увѣщанія, попечитель, наконецъ, согласился ѣхать безотлагательно

*

въ университетъ и сѣлъ въ поданныя ему дрожки. „Въ университетъ!“ „въ университетъ!“ загудѣла толпа, и передніе ряды ея двинулись изъ Колокольной по направленію къ Владимірской. Но улица оказалась замкнутою конными жандармами, которые, поставивъ лошадей поперекъ, загородили намъ дорогу. Нѣсколько человѣкъ, вступивъ въ споръ съ солдатами и требуя пропуска, ударили ихъ лошадей и стали прорываться. Жандармы обнажили палаши и начали отбиваться ими отъ нападавшихъ. Въ эту минуту изъ одного изъ прилегающихъ къ улицѣ переулковъ показался взводъ пѣхотныхъ солдатъ, съ ружьями на перевѣсъ, устремившихся въ толпу студентовъ... Произошла невообразимая свалка; но она продолжалась лишь нѣсколько секундъ, такъ какъ Филипсонъ тотчасъ же подскакалъ къ жандармамъ и приказалъ пропустить студентовъ. Солдаты разступились, попечитель предложилъ намъ проходить. Но теперь мы не двигались съ мѣста, требуя совершеннаго удаленія жандармовъ и пѣхотинцевъ, такъ какъ мы-де не бунтовщики, не арестанты и идти подъ конвоемъ несогласны. Была сдѣлана и эта уступка: жандармы и взводъ гвардейцевъ скрылись, генералъ Филипсонъ выѣхалъ на своихъ дрожкахъ по направленію къ Невскому, со всѣхъ сторонъ окруженный студентами, не дававшими ему ѣхать иначе, какъ шагомъ, и всѣ мы длинной, нескончаемой лентой потянулись за нимъ.

Было уже около 5-ти часовъ по полудни, когда вся эта процессія приблизилась къ университету.

Профессоръ Срезневскій и деканы факультетовъ были уже тамъ. Попечитель отправился къ нимъ, внутрь зданія, а мы снова вошли во дворъ, въ ожиданіи рѣшенія университетскаго совѣта. Въ это время разнесся слухъ, что за зданіями биржи, по распоряженію полиціи, спрятаны пожарныя команды съ бочками и трубами, вѣроятно, съ цѣлью разливать насъ водой, если мы не будемъ расходиться. Такая мѣра привела всѣхъ насъ въ очень веселое настроеніе и возбудила всеобщій смѣхъ, шутки и различныя остроты. Университетское начальство скоро выслало къ намъ сказать, чтобы мы прислали нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ товарищей для объясненія, чего именно мы хотимъ, такъ какъ объясняться со всѣми разомъ невозможно. Мы отвѣчали, что не можемъ этого сдѣлать, такъ какъ нашихъ выборныхъ арестуютъ. Нѣсколько разъ посланный отъ совѣта ходилъ съ переговорами отъ насъ къ совѣту и обратно; но дѣло не подвигалось. Наконецъ, къ намъ снова вышелъ попечитель съ обѣщаніемъ полной неприкосновенности тѣхъ, кого мы выберемъ для необходимыхъ объясненій и толковаго изложенія нашихъ домогательствъ. Успокоенные такимъ ручательствомъ, мы выбрали троихъ товарищей и поручили имъ передать совѣту, что мы просимъ, прежде

всего, его немедленнаго содѣйствія къ освобожденію нашихъ арестованныхъ депутатовъ, а затѣмъ, чтобы совѣтъ теперь же разрѣшилъ открыть для нашихъ занятій университетскую библіотеку и научные кабинеты, независимо отъ удовлетворенія ходатайствъ, изложенныхъ въ адресахъ нашихъ на высочайшее имя и министру народнаго просвѣщенія. Представители наши возвратились съ отвѣтомъ, что библіотека и кабинеты будутъ открыты съ завтрашняго дня и что совѣтъ сдѣлаетъ все возможное для удовлетворенія и остальныхъ нашихъ ходатайствъ, а для того, чтобы его заступничество за насъ передъ высшимъ начальствомъ было успѣшнѣе, проситъ насъ немедленно разойтись и ожидать результатовъ въ наивозможной тишинѣ и спокойствіи. Послѣ этого намъ ничего болѣе не оставалось, какъ разойтись по домамъ, что мы и сдѣлали, такъ что пожарной командѣ, которая, дѣйствительно, оказалась за биржей, дѣйствовать своими инструментами не пришлось.

На слѣдующій день, университетъ оказался по-прежнему наглухо запертымъ со всѣхъ сторонъ; а затѣмъ мы узнали, что не только арестованные сначала наши депутаты не освобождены, но что и тѣ, которые объяснялись съ университетскимъ совѣтомъ, также подвергнуты аресту, и, наконецъ, что ночью полиція обходитъ дома, занимаемые студентами вообще, и арестовываетъ всѣхъ поголовно, производя предварительно строжайшіе обыски въ ихъ квартирахъ. Все это окончательно насъ взорвало. Мы совершенно недоумѣвали, что намъ дѣлать, что предпринять и къ кому обратиться для огражденія уже не только нашихъ корпоративныхъ студенческихъ правъ, но и личной безопасности каждаго изъ насъ. Студенты стали бѣгать по квартирамъ другъ друга и звать всѣхъ на новую сходку, чтобы добиться во что бы то ни стало освобожденія забранныхъ товарищей и обсудить, что дѣлать далѣе, и дня черезъ два снова собрались поголовно всѣ на университетскомъ дворѣ. Къ намъ присоединились многія дѣвицы, бывшія слушательницы университетскихъ лекцій. На этой сходкѣ наше возбужденіе достигло наивысшаго предѣла. Всѣ мы были страшно оскорблены и возмущены и неисполненными обѣщаніями, и произведенными надъ нами насиліями, и, вообще, слишкомъ уже грубымъ и несправедливымъ попраніемъ всѣхъ нашихъ правъ. Разгоряченные ораторы лѣзли на сложенные во дворѣ полѣнницы дровъ и съ высоты ихъ убѣждали насъ не выдавать пострадавшихъ за общестуденческое дѣло товарищей и не расходиться до тѣхъ поръ, пока ихъ не освободятъ. „Не разойдемся! Не разойдемся!“—кричала тысячная толпа молодежи. Затѣмъ, приступили къ обсужденію вопроса о томъ, что дѣлать далѣе. Такъ какъ государь въ это время находился въ Крыму, то одни предлагали идти къ кому-нибудь изъ

членовъ царской фамиліи, другіе доказывали необходимость обратиться къ генералъ-губернатору и къ шефу жандармовъ, такъ какъ всѣ аресты произведены, очевидно, по ихъ распоряженію. Пока мы разсуждали, передъ зданіемъ университета сначала собралась огромная толпа публики, изъ которой многіе студенты-медики и нѣсколько дѣвицъ и офицеровъ присоединились къ намъ, выражая сочувствіе и желаніе раздѣлить съ нами нашу общую участь, а потомъ, кромѣ множества полиціи и жандармовъ, явились казаки и баталіонъ л.-гв. Финляндскаго полка и всѣ городскія власти, т. е. генералъ-губернаторъ Игнатьевъ, начальникъ 3-го отдѣленія генералъ Потаповъ, оберъ-полицеймейстеръ генералъ Паткуль, с.-петербургскій комендантъ баронъ Зальца и множество другихъ. Замѣчательно, что ни министра народнаго просвѣщенія, ни нашего университетскаго начальства мы въ этотъ критическій моментъ нашего существованія не видали, и только генералъ Игнатьевъ, вызывая на набережную, за университетскія ворота двухъ—трехъ студентовъ, поручилъ имъ передать товарищамъ увѣщаніе разойтись добровольно, угрожая въ противномъ случаѣ дѣйствовать вооруженной силой; но мы единодушно отвѣчали, что не разойдемся до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены наши арестованные товарищи. Разнесся слухъ, что за запертыми наглухо воротами съ другаго конца двора, со стороны биржи, поставлены пушки, и что въ случаѣ нашего дальнѣйшаго сопротивленія, эти ворота растворятся, и на насъ будутъ пущены залпы картечи, тогда какъ со стороны Невы мы будемъ встрѣчены ружейнымъ огнемъ финляндцевъ. Хотя, въ дѣйствительности, никакихъ пушекъ не было, а позади воротъ, со стороны биржи стоялъ баталіонъ преображенцевъ, тѣмъ не менѣе, угрозы Игнатьева стрѣлять по насъ произвели очень сильное впечатлѣніе: на минуту нами овладѣла паника, но раздались крики наиболѣе популярныхъ и любимыхъ нашихъ товарищей: „Не робѣть, братцы! Они не посмѣютъ стрѣлять въ насъ; а если и посмѣютъ,—не будемъ трусами, постоимъ твердо за товарищей и умремъ за нихъ!“—„Умремъ! Умремъ!“—загудѣла толпа съ энтузіазмомъ отчаянія. Предложено было женщинамъ немедленно удалиться; но всѣ онѣ оскорбились такимъ предложеніемъ и рѣшительно объявили, что онѣ не тронутся съ мѣста и раздѣлятъ участь своихъ товарищей-студентовъ до самаго конца. Такое заявленіе придало намъ еще больше рѣшимости и энергіи. Генералъ Игнатьевъ еще разъ прислалъ объявить намъ, что, послѣ троекратнаго предостереженія, онъ прикажетъ открыть огонь. „Пусть открываютъ, если посмѣютъ!“—отвѣчали мы. Тогда на дровахъ показалась высокая, черная фигура одной изъ наиболѣе уважаемыхъ нами и наиболѣе преданныхъ наукѣ и студенчеству университетскихъ слушательницъ,

Маріи Арсеньевны Богдановой, пріобрѣвшей впослѣдствіи широкую педагогическую извѣстность. Глаза ея были заплаканы, лицо красно и въ высшей степени возбуждено. Она начала убѣждать насъ, что стрѣлять въ насъ навѣрно и ни въ какомъ случаѣ не будутъ, такъ просто не рѣшатся на свой страхъ положить на мѣстѣ до двухъ тысячъ учащейся молодежи; а просто врѣжутся въ нашу толпу жандармы и казаки и начнутъ хлестать насъ нагайками и хватать по одиночкѣ. Бороться противъ грубой физической силы мы не въ состояніи и, кромѣ тяжкаго личнаго оскорбленія и поголовнаго ареста, мы рѣшительно ничего не добьемся. „Поэтому,—заключила свою рѣчь Богданова,—мы всѣ, присутствующія здѣсь женщины, умоляемъ васъ, дорогіе товарищи, ради спасенія нашей общей чести и нашего общаго дѣла, уступить очевидной невозможности сопротивленія, разойтись сейчасъ же, дабы имѣть возможность обратиться за защитой и поддержкой нашего праваго дѣла ко всему интеллигентному обществу Петербурга". Слова эти произвели на насъ сильно отрезвляющее дѣйствіе, и послѣ весьма непродолжительныхъ споровъ и разсужденій, рѣшено было войти съ генераломъ Игнатьевымъ въ переговоры относительно условій нашей капитуляціи. Такъ какъ объ освобожденіи арестованныхъ студентовъ, въ эту минуту, не могло быть рѣчи, какъ о предметѣ, составлявшемъ, главнымъ образомъ casus belli, то теперь мы требовали только, во-первыхъ, обѣщанія, что никто изъ насъ не будетъ подвергнутъ аресту, и во-вторыхъ, чтобы войска были немедленно убраны, такъ какъ мы готовы разойтись не иначе, какъ совершенно свободно, безъ всякаго вмѣшательства вооруженной силы. Соблюденіе перваго условія намъ было обѣщано безъ особыхъ затрудненій; но на второе городскія власти долго не соглашались, вѣроятно, опасаясь какихъ-либо уличныхъ демонстрацій съ нашей стороны. Нѣсколько разъ мы начинали было выходить изъ воротъ на набережную Невы, но, видя не трогавшіяся съ мѣста войска, возвращались во дворъ. Наконецъ, заручившись нашимъ честнымъ словомъ, что мы безъ всякихъ остановокъ и сходокъ на улицѣ, немедленно разойдемся, каждый, по своимъ домамъ, войскамъ было скомандовано двинуться во-свояси, и какъ только на набережной не осталось почти никого изъ нихъ, кромѣ двухъ—трехъ маленькихъ патрулей, мы начали дефилировать изъ воротъ мимо стоявшей сбоку группы военнаго генералитета, вѣжливо раскланиваясь съ генераломъ Игнатьевымъ и прочими сановниками. Подходя по набережной къ зданію 1-го кадетскаго корпуса, мы увидѣли двухъ солдатъ съ ружьями, ведшихъ очевидно арестованнаго медицинскаго студента въ ворота этого зданія. Оттолкнуть этихъ солдатъ и скрыть въ нашей толпѣ этого медика, пострадавшаго за наше дѣло, было дѣломъ одного

мгновенія. Это, впрочемъ, былъ единственный случай нарушенія полнаго спокойствія, въ которомъ мы разбрелись по своимъ квартирамъ и студенческимъ кухмистерскимъ. Такъ кончился второй день нашей маленькой гражданской войны.

Со слѣдующей же ночи начались многочисленные аресты студентовъ и продолжались каждую ночь, пока чуть не всѣ изъ выдающихся нашихъ товарищей не исчезли неизвѣстно куда. Между тѣмъ, оставшіеся еще на свободѣ тихонько, крадучись, навѣщали другъ друга, сходились маленькими кружками, изъ опасенія быть накрытыми и схваченными, и совѣщались относительно плана дальнѣйшихъ дѣйствій. Эти маленькіе кружки сообщались между собою посредствомъ своихъ отдѣльныхъ членовъ, передававшихъ мнѣнія и рѣшенія одного кружка другому.

Тѣмъ не менѣе, каждое утро мы узнавали о новыхъ и новыхъ арестахъ. Спустя нѣсколько дней, студенты, вновь собрались, въ числѣ отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ, во дворѣ университета и объявили прискакавшимъ на мѣсто сходки городскимъ властямъ, что не разойдутся ни въ какомъ случаѣ, пока не освободятъ ихъ арестованныхъ товарищей; и если этого не послѣдуетъ,—пусть арестовываютъ всѣхъ. Послѣ продолжительныхъ споровъ и увѣщаній, они были окружены войсками и конными жандармами и отведены подъ сильнымъ конвоемъ въ Петропавловскую крѣпость. Дня черезъ четыре послѣ этого, остававшіеся еще на свободѣ вновь собрались передъ зданіемъ университета, между главнымъ его фасадомъ, со стороны биржи и биржевымъ скверомъ. Опять съѣхалось городское начальство и явились жандармы и войска. Эта группа студентовъ была еще многочисленнѣе предшествовавшей, и такъ же, какъ и та, требовала или освобожденія заключенныхъ, или присоединенія къ нимъ и ихъ. Но на этотъ разъ начальство не соглашалось не только на первое, но и на второе и строжайше приказывало разойтись немедленно. Студенты не двигались съ мѣста. Наконецъ, раздалась какая-то команда—и стоявшіе со стороны биржи конные жандармы, обнаживъ палаши, стали тѣснить студентовъ по направленію къ набережной, а пѣхотные солдаты—отъ Невы, со стороны Академіи Наукъ,—къ университетскимъ воротамъ. Произошла свалка. Студенты отбивались палками, солдаты, прижавъ ихъ къ рѣшеткѣ университетскаго сада и все болѣе и болѣе оттѣсняя къ воротамъ, дѣйствовали прикладами и палашами. Многіе изъ студентовъ были ранены, и одинъ изъ нихъ, получивъ ударъ палашомъ въ голову, былъ безъ чувствъ отвезенъ въ больницу, гдѣ, впрочемъ, пролежавъ нѣсколько времени, выздоровѣлъ. Это побоище окончилось тѣмъ, что студенты загнанные сначала на университетскій дворъ, были окружены тамъ тройною цѣпью

пѣшихъ и конныхъ солдатъ и, такъ же, какъ и первая группа, отведены въ крѣпость. Во время движенія этой процессіи по Васильевскому острову и Петербургской сторонѣ, многіе изъ студентовъ, небывшіе на сходкѣ, догоняли конвоируемыхъ, прорывались насильно сквозь цѣпь и присоединялись къ товарищамъ, объясняя, что они не желаютъ оставаться на свободѣ, а хотятъ во что бы то ни стало раздѣлить общую участь.

Такимъ образомъ, всѣхъ студентовъ, вмѣстѣ съ забранными по квартирамъ, было не менѣе тысячи человѣкъ. Изъ нихъ около ста, казавшихся наиболѣе виновными и не имѣвшихъ въ Петербургѣ близкихъ родственниковъ, были тотчасъ же, безъ всякаго суда, отправлены административнымъ порядкомъ, кто—на родину, кто—по разнымъ захолустнымъ городамъ Россійской имперіи. Всѣ остальные раздѣлены на двѣ большія группы, и одна изъ нихъ оставлена въ Петропавловской крѣпости, а другая — перевезена на пароходѣ въ Кронштадтъ и тамъ размѣщена въ какихъ-то казармахъ. Во время всѣхъ этихъ прискорбныхъ столкновеній съ городской администраціей, собственно университетское начальство стушевалось окончательно, что называется, умыло руки, и, какъ ходили слухи, совѣтъ университета заявилъ правительству, что онъ отказывается отъ студентовъ, передаетъ ихъ совершенно въ руки высшихъ властей и проситъ только о возможной мягкости и снисхожденіи къ увлеченіямъ молодежи.

Вскорѣ была назначена слѣдственная коммиссія по дѣлу объ университетскихъ безпорядкахъ и производство самаго слѣдствія поручено профессору государственнаго и полицейскаго права И. Е. Андреевскому, который, надо отдать ему справедливость, повелъ дѣло не только гуманно, но и въ высшей степени доброжелательно для студентовъ, стараясь всѣми силами выгородить ихъ передъ правительствомъ и доказать, что въ произведенныхъ ими безпорядкахъ, кромѣ простой юношеской вспышки, рѣшительно ничего политическаго и антиправительственнаго не было. Убѣдить, кого слѣдовало, въ полнѣйшемъ отсутствіи того и другаго было тѣмъ болѣе необходимо для спасенія студентовъ, что въ городѣ стали ходить слухи, распространявшіеся нѣкоторыми, наиболѣе желавшими подслужиться газетами, будто вся студенческая исторія была прямымъ результатомъ польской пропаганды. Но это были чистѣйшая ложь и клевета. Правда, между нами было тогда много студентовъ поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній; но всѣ они, не найдя среди насъ никакой почвы для назрѣвавшихъ тогда польскихъ замысловъ, держались отъ насъ совершеннымъ особнякомъ и тщательно замыкались отъ насъ въ своемъ собственномъ кружкѣ. Съ другой стороны близ-

кія отношенія студенчества къ такимъ общественнымъ дѣятелямъ, какъ Чернышевскій, Добролюбовъ, Михайловъ, Лавровъ и проч., конечно, не могли не вліять на насъ въ смыслѣ усиленнаго развитія въ насъ самосознанія, чувствъ самостоятельности, независимости и отвращенія къ безправію и грубому произволу, но, тѣмъ не менѣе, эти отношенія не имѣли никакой прямой связи съ нашими исключительно корпоративными, студенческими демонстраціями, въ которыхъ мы добивались только сохраненія нашихъ библіотеки и кассы, отмѣны матрикулъ, расширенія права безплатнаго слушанія лекцій неимущими студентами и рѣшительно никакихъ другихъ требованій мы не заявляли.

Пишущему эти строки не пришлось быть арестованнымъ, и потому всѣ подробности пребыванія студентовъ подъ стражей ему неизвѣстны. По разсказамъ товарищей, которыхъ онъ посѣщалъ почти каждое воскресенье въ Петропавловской крѣпости, арестъ этотъ не только не былъ тяжелъ для беззаботныхъ юныхъ узниковъ въ такой огромной товарищеской семьѣ, но даже—веселъ. Студенты были размѣщены въ большихъ общихъ камерахъ, прогуливались въ крѣпостномъ саду, кормили ихъ довольно сносно, и, кромѣ того, родственникамъ совершенно безпрепятственно дозволялось присылать арестованнымъ рѣшительно все, до табаку и папиросъ включительно, кромѣ, разумѣется, спиртныхъ напитковъ. Каждую недѣлю дважды, по средамъ и воскресеньямъ, допускались свиданія съ родными въ квартирѣ коменданта, превращавшейся въ эти дни въ какой-то огромный ресторанъ, кишащій ликующей молодежью. Нѣсколько огромныхъ залъ комендантской квартиры въ верхнемъ этажѣ и нѣсколько комнатъ внизу наполнялись народомъ. Мебели, конечно, далеко не хватало, сидѣли на подоконникахъ, на столахъ, на ступенькахъ лѣстницъ и просто на полу, самыми разнообразными группами.

Въ густомъ табачномъ дыму мелькали веселыя, возбужденныя лица юношей, изрѣдка перемежавшіяся тревожными, печальными или строгими серьезными физіономіями родителей, озабоченныхъ участью своихъ сыновей. Самый оживленный говоръ, веселые раскаты звонкаго молодаго смѣха, бойкіе студенческіе напѣвы,—все это, что называется, стономъ стояло въ воздухѣ. Обильныя угощенія всевозможными яствами, и подъ шумокъ и столь любимымъ студентами пивомъ, широко дѣлились между товарищами, такъ что эти оригинальные арестанты буквально пиршествовали. Въ книгахъ, журналахъ и газетахъ тоже не было недостатка. Утро студенты проводили въ чтеніи и разныхъ занятіяхъ, а послѣ обѣда устраивали вокальныя упражненія, драматическія сцены и даже сочинили цѣлую

оперу, музыка которой была аранжирована на мотивы любимыхъ въ то время итальянскихъ оперъ: „Вильгельмъ Телль", „Пуритане", „Трубадуръ", „Травіата", „Лючія" и др., а либретто составлено изъ юмористическихъ стиховъ, въ которыхъ въ комическомъ свѣтѣ изображалась вся тогдашняя студенческая исторія, министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Путятинъ, попечитель Филипсонъ, высшіе чины полиціи и другіе представители администраціи, съ которыми студенты приходили въ столкновеніе. Опера эта вращалась тогда по городу въ многочисленныхъ спискахъ, но, къ сожалѣнію, у меня она уже давно затерялась, а въ памяти осталось лишь начало выходной аріи адмирала Путятина:

Отъ юности моей
Не видѣлъ я такой напасти!..
Какъ у нашего корабля
Не полопались бы снасти!..

Да еще хоръ, распѣвавшійся студентами при освобожденіяхъ изъ крѣпости, на мотивъ извѣстной аріи изъ „Травіаты" („Bibiama! bibiama! bibiama!"):

„Скорѣе сбирайте пожитки!
Избавились всѣ мы отъ пытки!..
Скажите же всѣ безъ пристрастья:
Ну, какъ не питать намъ участья
Къ великимъ судьбамъ самовластья!..
Свобода! Свобода! Свобода!
Скажите, какіе въ Европѣ народы
Имѣютъ такую свободу?!..
Свобода! Свобода! Свобода!.. и т. д.

Содержавшимся въ Кронштадтѣ жилось значительно хуже, такъ какъ, по отдаленности отъ Петербурга, родные и товарищи носѣщали ихъ гораздо рѣже, особенно въ промежутокъ времени отъ начала осенняго ледохода до установленія зимняго пути; и также рѣже и менѣе доставлялось имъ всякой провизіи и книгъ. По этому поводу припоминается мнѣ одна чрезвычайно оригинальная и симпатичная личность, нѣкто К., здравствующій, кажется, и понынѣ. Въ гимназіи онъ былъ однимъ изъ самыхъ благонравныхъ, тихихъ и скромныхъ мальчиковъ. Всегда задумчивый и мало разговорчивый, онъ проявлялъ склонность къ математикѣ и въ университетѣ поступилъ на математическій факультетъ. Совершенно бѣдный и одинокій, онъ былъ казеннымъ стипендіатомъ и въ теченіе трехъ лѣтъ всегда аккуратно являлся на лекціи, неизвѣстно откуда и уходилъ съ лекцій неизвѣстно куда. Никакого участія въ товарищескихъ кружкахъ не онъ принималъ, въ гости почти ни къ кому не ходилъ, ни въ кутежахъ, ни

въ какихъ-либо студенческихъ сборищахъ и демонстраціяхъ отнюдь не участвовалъ и, вообще, кромѣ исправнаго посѣщенія лекцій, такой же сдачи экзаменовъ и постоянно ровнаго, добродушнаго и кроткаго отношенія ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось входить въ соприкосновеніе, рѣшительно ни въ чемъ не проявлялся. Тотчасъ послѣ ареста огромнаго числа студентовъ, К. чрезвычайно усердно сталъ посѣщать оставшихся на свободѣ товарищей, родителей и другихъ родственниковъ тѣхъ, кто содержался въ Кронштадтѣ, собиралъ для нихъ деньги, папиросы, книги и газеты, чай, сахаръ, съѣстные припасы, бѣлье и проч., и все это отвозилъ кронштадтскимъ плѣнникамъ. Такое собираніе и свои поѣздки въ Кронштадтъ онъ совершалъ регулярнѣйшимъ образомъ еженедѣльно, не взирая ни на какую погоду, ни на какія трудности пути сообщенія съ Кронштадтомъ во время осенней распутицы, нагруженный, какъ верблюдъ, разными узлами и свертками, и изъ собранныхъ денегъ никогда не тратившій ни гроша ни на извозчиковъ, ни на что-либо другое, кромѣ желѣзной дороги или парохода, и то потому, что своихъ денегъ у него не было, такъ какъ, по случаю студенческихъ исторій, онъ лишился и той крошечной десяти-рублевой стипендіи, которую получалъ. И позднею осенью, съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ, этотъ удивительный юноша, въ ветхомъ, подбитомъ вѣтромъ студенческомъ пальтишкѣ, продолжалъ свои отдаленныя пилигримства на помощь страждущимъ товарищамъ, въ числѣ которыхъ, надо замѣтить, у него не было не только родственника, но даже и сколько-нибудь близкаго друга! во 2-хъ, чтобы и остальные не оставались въ теченіе цѣлаго года безъ всякихъ занятій, что могло имѣть весьма вредное вліяніе не только на нихъ самихъ, но и относительно общественнаго спокойствія и порядка. Поэтому, и высшая администрація не только не препятствовала организаціи правильныхъ университетскихъ курсовъ, въ формѣ частныхъ публичныхъ лекцій, но даже способствовала привлеченію къ нимъ университетской молодежи, объявивъ, что временною коммиссіею студенты 4-го курса, которые въ теченіе этой зимы прослушаютъ, по предметамъ этого курса, частныя публичныя лекціи, въ маѣ будутъ допущены къ сдачѣ выпускныхъ экзаменовъ. Чтеніе такихъ лекцій приняли на себя многіе изъ университетскихъ профессоровъ, какъ, напр., Костомаровъ, Стасюлевичъ, Андреевскій, Кранихфельдъ, Пыпинъ и проч. Кромѣ того, предложили свои услуги и другіе ученые, не принадлежавшіе къ университетской корпораціи, какъ, напр., Лохвицкій по уголовному праву, профессоръ Павловъ по исторіи. Однѣ изъ этихъ лекцій происходили въ залѣ евангелическаго Петропавловскаго училища, а другія—въ залахъ городской думы. Ни какого-либо контроля относительнаго правильнаго посѣщенія этихъ

лекцій, ни строгой системы въ самомъ чтеніи ихъ не существовало. Тѣмъ не менѣе, эти импровизированные курсы посѣщались весьма усердно, тѣмъ болѣе, что большинство приглашенныхъ для нихъ профессоровъ были изъ числа излюбленныхъ студентами. Впрочемъ, онѣ продолжались менѣе трехъ мѣсяцевъ и въ концѣ марта прекратились, вслѣдствіе новыхъ волненій среди университетской молодежи, начавшихся по поводу закрытія журнала „Современникъ“ и ареста одного изъ выдающихся и наиболѣе популярныхъ изъ его сотрудниковъ, Добролюбова. Въ пользу его тотчасъ же былъ устроенъ большой литературно-музыкальный вечеръ въ залѣ Кононова, замаскированный объявленіемъ, что онъ дается въ пользу недостаточныхъ студентовъ. И самая программа этого вечера была составлена крайне тенденціозно, и исполненіе ея было въ высшей степени возбуждающаго свойства. Такъ, напримѣръ, Рубинштейномъ былъ исполненъ чрезвычайно эффектный маршъ „Les ruines d'Athènes“, тема котораго, какъ извѣстно, заключается въ изображеніи возстанія угнетенныхъ грековъ; В. С. Курочкинъ прочиталъ свой переводъ стихотворенія Беранже „Птички“, въ которомъ воспѣваются томленія несчастной узницы въ клѣткѣ и затѣмъ ликованіе ея, когда она вырвалась на свободу; Н. Г. Чернышевскій сдѣлалъ устное сообщеніе о жизни и значеніи литературной дѣятельности Добролюбова, въ тонѣ и характерѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшемъ тогдашнему возбужденному настроенію публики; профессоръ исторіи Павловъ произнесъ рѣчь по поводу праздновавшагося въ тотъ годъ тысячелѣтія Россіи. Главнымъ господствующимъ мотивомъ всей этой рѣчи, связанной съ недавно передъ тѣмъ совершившимся великимъ событіемъ—освобожденіемъ крестьянъ, было рабство русскаго народа и свобода. Эта основная мысль безпрестанно и усиленно подчеркивалась, развивалась въ широко либеральномъ духѣ, въ концѣ рѣчи ораторъ высказалъ, что освобожденіе крестьянъ есть только первый шагъ къ полному освобожденію Россіи, и кончилъ слѣдующими словами: „если правительство остановится на этомъ первомъ шагѣ, то оно остановится на краю пропасти... Имѣющіе уши слышати да слышатъ!“... Этотъ заключительный возгласъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на слушателей, и безъ того уже сильно наэлектризованныхъ. Взрывъ рукоплесканій, оглушительные вызовы и крики одобренія были отвѣтомъ оратору, попавшему, что называется, въ самую жилку общаго настроенія всей залы. Профессоръ нѣсколько разъ выходилъ на сцену, раскланивался, показывалъ, что хочетъ говорить, и каждый разъ, какъ только стихалъ невообразимый шумъ, восклицалъ: „имѣющій уши слышати--да слышитъ!“ и аплодисменты, вызовы, крики bravo, топотъ ногами, стукъ стульями, маханье платками и шляпами съ

каждымъ такимъ возгласомъ становились все неистовѣе и неистовѣе. Это было уже не восторженное одобреніе оратору, не энтузіазмъ высшаго удовольствія, а бурная демонстрація, прекращенная усиліями полиціи, торопившейся очистить залу, и продолжавшаяся отчасти еще и на улицѣ.

На слѣдующее утро по городу разнесся слухъ, что Павловъ прямо изъ залы Кононова былъ арестованъ и затѣмъ высланъ на жительство въ г. Ветлугу. Извѣстіе это произвело большое волненіе среди петербургской интеллигенціи вообще, и въ университетской молодежи цѣлую бурю и, въ связи съ другими обстоятельствами, въ которыхъ студенты увидѣли новыя стѣсненія своей свободы со стороны высшей администраціи, послужило поводомъ къ шумнымъ демонстраціямъ на лекціяхъ. Слушатели раздѣлились на партіи, изъ которыхъ одна требовала прекращенія лекцій, другая же стояла за продолженіе ихъ. Между представителями обѣихъ партій эта борьба стала выражаться крайне прискорбными, въ высшей степени рѣзкими столкновеніями, выходившими за предѣлы всякаго приличія. Профессоръ Костомаровъ, аудиторія котораго обыкновенно была переполнена слушателями, продолжалъ свои чтенія, не взирая на настоятельныя требованія нѣкоторыхъ прекратить ихъ. На одной изъ такихъ лекцій недовольные прервали чтеніе свистками и криками. Взбѣшенный профессоръ воскликнулъ: „Это свистятъ нынѣшніе Хлестаковы и будущіе Расплюевы!“ Въ отвѣтъ на этотъ возгласъ въ залѣ поднялся такой страшный шумъ и всякаго рода безпорядокъ, что пришлось очистить залу мѣрами полиціи. Лекціи закрылись окончательно. Еще нѣсколько десятковъ главныхъ зачинщиковъ были арестованы и высланы изъ Петербурга, а остальнымъ, отданнымъ на поруки родственникамъ подъ строгій надзоръ полиціи, объявлено, что съ мая особенною экзаменаціонною коммиссіею начнется для желающихъ производство выпускныхъ экзаменовъ.

Мало-по-малу все успокоилось, и молодежь усѣлась за свои университетскія записки и другія учебныя руководства, сознавъ, что теперь предстоитъ дѣло, отъ болѣе или менѣе успѣшнаго окончанія котораго будетъ зависѣть вся дальнѣйшая судьба каждаго изъ насъ.

Экзаменаціонная коммиссія, составленная частью изъ прежнихъ профессоровъ университета, частью же, за выходомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отставку, изъ профессоровъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, открыла свои дѣйствія съ первыхъ чиселъ мая, и, надо сказать правду, кандидатскіе экзамены наши отличались не только снисходительностью, но и крайнею безпорядочностью. Вмѣсто правильнаго прохожденія послѣдняго курса, выпускные студенты прослушали, какъ упомянуто выше, только кое-какіе обрывки въ думѣ

и Петропавловскомъ училищѣ; остальное, требовавшееся по программамъ, приходилось пополнять записками студентовъ прежнихъ выпусковъ и печатными учебниками и монографіями. Кромѣ перешедшихъ на послѣдній курсъ на экзамены являлись и студенты низшихъ курсовъ и многіе изъ нихъ до того неподготовленные, что, при всей снисходительности экзаменаторовъ, проваливались съ великимъ скандаломъ; нѣкоторые же, поспособнѣе и побойчѣе, прямо даже со втораго курса выдерживали экзаменъ на кандидата. Все шло относительно благополучно: профессора, вѣроятно, по внушенію свыше, смотрѣли сквозь пальцы, какъ экзаменующіеся перевирали ихъ лекціи, да и то, какъ говорится, изъ пятаго въ десятое, и съ невозможною во всякое другое время щедростью ставили кандидатскіе баллы, съ очевиднымъ желаніемъ раздѣлаться какъ можно скорѣе съ этой, надѣлавшей столько шума и хлопотъ, молодежью, чтобы со слѣдующаго академическаго года открыть университетъ съ новымъ учебнымъ персоналомъ, не зараженнымъ духомъ анархіи и противоборства. Этою послѣднею цѣлью и объясняется дозволеніе держать выпускные экзамены всѣмъ студентамъ безъ различія курсовъ...

Но въ послѣднихъ числахъ мая, когда экзамены были еще далеко не окончены, въ Петербургѣ произошло событіе, отразившееся потрясающимъ образомъ на всемъ населеніи столицы и обрушившееся на студентовъ: начался тяжелый періодъ безпрерывныхъ пожаровъ въ городѣ, продолжавшихся нѣсколько недѣль и завершившихся колоссальнымъ, по истинѣ Геростратовскимъ сожженіемъ Апраксина и Толкучаго рынковъ.

Началось это бѣдствіе съ половины мая. Каждый день стали вспыхивать пожары въ различныхъ частяхъ города и съ каждымъ днемъ чаще и чаще, сильнѣе и сильнѣе. Погода стояла уже совершенно теплая, даже были жаркіе дни, и всѣ эти несчастные случаи сначала приписывали обыкновеннымъ причинамъ, — неисправности дымовыхъ трубъ, неосторожному обращенію съ огнемъ и т. п., но по мѣрѣ учащенія пожаровъ и при томъ, одновременно въ разныхъ концахъ Петербурга и такъ, что дома загорались вдругъ съ нѣсколькихъ противоположныхъ сторонъ, заговорили объ умышленныхъ поджогахъ. Студенты, въ разгарѣ своихъ экзаменовъ, совершенно погруженные въ профессорскія записки и книги, не замѣчали ни происходившаго вокругъ ихъ бѣдствія, ни все болѣе и болѣе распространявшейся въ обществѣ паники, когда наступилъ достопамятный Духовъ день 1862 года.

Съ самаго утра этого дня погода стояла прекрасная, и къ серединѣ дня весь городъ почти совсѣмъ опустѣлъ: одни густыми толпами повалили на Охту, по случаю бывшаго тамъ храмоваго празд-

ника, другіе массами отправились въ Лѣтній садъ, на традиціонное въ этотъ день гуляніе и выборъ невѣстъ, третьи устремились въ Петергофъ, гдѣ тоже происходило какое-то празднество; наконецъ, очень многіе разъѣхались по разнымъ окрестностямъ; словомъ, всякій, кто только имѣлъ возможность отлучиться, бѣжалъ изъ Петербурга. Только въ числѣ немногихъ тружениковъ, пригвожденныхъ къ своему мѣсту, студенты сидѣли по своимъ угламъ и спѣшно готовились къ предстоявшему на другой день экзамену.

Помню, я въ это время жилъ у одного изъ моихъ товарищей, студента Ф. въ Троицкомъ переулкѣ, и оба мы зубрили свои записки. Родители его переѣхали на дачу, и въ квартирѣ, кромѣ насъ двоихъ, рѣшительно никого не было, даже и прислуги. Пообѣдавъ, я отправился часу четвертомъ на Толкучій рынокъ, чтобы купить какую-то понадобившуюся мнѣ книгу; но всѣ лавки казались запертыми, и я возвратился, не замѣтивъ ни на Толкучемъ, ни на тѣхъ улицахъ, по которымъ проходилъ, ничего особеннаго. Не прошло и часа по моемъ возвращеніи, когда въ нашей квартирѣ раздался порывистый звонокъ, и въ переднюю вошелъ знакомый студентъ К. съ возгласомъ:

— Вы тутъ долбите, а и не знаите, что около васъ страшный пожаръ: горитъ весь Толкучій!

— Что ты врешь! — возразилъ я, — я только-что оттуда, и тамъ нѣтъ ничего подобнаго.

— Взгляни самъ, такъ и увидишь.

Я отправился въ кухню, окно которой выходило въ сторону, противоположную Троицкому переулку, т. е. къ Фонтанкѣ, и увидѣлъ громадное пламя, высоко взвивавшееся къ небу, въ черныхъ густыхъ тучахъ дыма, застилавшихъ свѣтъ солнечный. Я бросился на улицу и черезъ Щербаковъ переулокъ побѣжалъ на набережную Фонтанки и затѣмъ, черезъ Чернышевъ мостъ, — къ Толкучему и Апраксину дворамъ.

Трудно изобразить словами, что тамъ представилось моимъ глазамъ...

Весь огромный четырехугольникъ Апраксина двора, внутри застроенный множествомъ деревянныхъ лавокъ, шалашей и ларей, биткомъ набитыхъ всевозможными товарами и старымъ хламомъ, пылалъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, какъ колоссальный гигантскій костеръ, изрыгая изъ себя цѣлое море пламени. Все это пожарище было окружено обезумѣвшимъ отъ страха, отчаянія и безпомощной суеты народомъ, громадными кучами выбрасывавшихъ изъ лавокъ товары, множествомъ нагружавшихся роспусковъ и телѣгъ, полиціей и войсками и, наконецъ,—пожарными, всѣ старанія которыхъ что-нибудь сдѣлать были ничтожны въ этой борьбѣ съ огненной стихіей,

разбушевавшейся во всю свою непреоборимую мощь на широкомъ просторѣ. Въ этомъ страшномъ хаосѣ посторонняго наблюдателя поражала и алчность человѣческая, разгулявшаяся во всей своей отвратительной наготѣ: изъ-за каждой тряпки люди готовы были живьемъ проглотить другъ друга; чувство безграничной жадности преодолѣвало всѣ остальныя и обезображивало лица; ломовые извозчики за вывозъ спасаемаго товара требовали до 25-ти и даже 40 рублей съ воза! Со стороны Фонтанки пылало зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ головнями и пламенемъ изъ него вылетали цѣлыми тучами массы горящей бумаги, цѣлыя связки дѣлъ страшною силою огня и вѣтра летѣли въ Фонтанку, и многія перебрасываемыя черезъ нее, падали на крыши противоположныхъ домовъ, достигая даже Щербакова переулка, и зажгли находившійся на углу его деревянный дворъ, отъ котораго пожаръ распространился и по этому переулку.

По разсказамъ очевидцевъ, ужасъ и отчаяніе множества людей, находившихся въ то время въ Петергофѣ, на островахъ, въ Лѣтнемъ саду и въ другихъ мѣстахъ, когда они узнали о пожарѣ Апраксина двора, не поддавались никакому описанію. Тысячныя толпы бѣжали со всѣхъ ногъ, падая и давя другъ друга: каждаго извозчика хватали буквально съ бою, желѣзнодорожные поѣзда и пароходы, уже безъ всякихъ билетовъ, облѣплялись людьми, какъ мухами; многіе, не попавъ на поѣздъ, бросались вслѣдъ за нимъ, умоляя принять ихъ, обезумѣвъ отъ отчаянія, хватались за колеса, другіе бѣжали по полотну дороги и, задыхаясь, падали. Словомъ, всѣ потеряли головы, устремляясь изо всѣхъ силъ на пожарище, въ надеждѣ спасти хоть что-нибудь изъ своего достоянія. Многіе, кромѣ имущества, оставили въ своихъ квартирахъ малолѣтнихъ дѣтей, и это еще болѣе увеличивало ужасъ ихъ положенія.

Само собою разумѣется, все, что было внутри Апраксина двора, выгорѣло до тла и остались только наружныя его стѣны. Изъ массы спасенныхъ товаровъ многое повреждено огнемъ, и почти все подмочено и испорчено, расхищено тоже было не мало, и, такимъ образомъ, убытки простирались на огромныя суммы.

Перекинувшись на другую сторону Фонтанки, пожаръ распространился по Щербакову переулку и истребилъ въ немъ почти всѣ дома до Троицкаго переулка.

Въ самый разгаръ огня на Толкучемъ рынкѣ вспыхнули еще пожары по Шлиссельбургскому тракту, около стеклянныхъ заводовъ и на Васильевскомъ островѣ, такъ что всѣхъ наличныхъ пожарныхъ силъ Петербурга далеко не могло хватить для одновременнаго тушенія огня одновременно въ нѣсколькихъ противоположныхъ частяхъ города.

Страшная паника охватила все населеніе. Всю ночь напролетъ, казалось, никто не ложился спать, опасаясь за свою жизнь и имущество. До самаго утра люда толпами ходили и стояли по улицамъ, разсказывали другъ другу разные толки и слухи, одни ужаснѣе и невѣроятнѣе другихъ. Полиція и вся вообще столичная администрація, что называется, сбилась съ ногъ, бросаясь во всѣ стороны по ежеминутно получавшимся тревожнымъ извѣстіямъ объ опасностяхъ то здѣсь, то тамъ, большее частью мнимыхъ, созданныхъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, напуганнымъ воображеніемъ. Нервное возбужденіе у многихъ доходило до того, что, забываясь въ тревожномъ снѣ, они вдругъ вскакивали безъ всякаго повода и съ крикомъ „пожаръ! горимъ!“ выбѣгали на улицу.

На другой день были распубликованы отъ полиціи различныя предохранительныя мѣры. Приказано было дворникамъ ни днемъ, ни ночью не отлучаться отъ воротъ, каждаго входящаго въ домъ непремѣнно опрашивать, кто онъ и къ кому именно идетъ и лицъ незнакомыхъ провожать до самыхъ квартиръ. Въ казенныхъ зданіяхъ разставлены сторожа не только у входовъ, но и на лѣстницахъ и въ корридорахъ; на крышахъ и всюду, гдѣ только представлялась малѣйшая опасность отъ поджога, разставлялись бочки и кадки съ водой. По городу распространялись увѣренія, что злоумышленники намазывали стѣны и крыши горючими веществами, легко воспламенявшимися отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, говорили, будто нѣсколько человѣкъ въ разныхъ мѣстахъ были застигнуты на мѣстѣ преступленія. Взволнованный народъ сначала утверждалъ, что поджигаютъ поляки, а затѣмъ была пущена молва о томъ, что это дѣло студентовъ. Такое гнусное подозрѣніе быстро распространилось среди городской черни, какъ извѣстно, весьма воспріимчивой ко всякимъ нелѣпымъ слухамъ, вообще, а въ особенности въ столь тревожное время. Недавно происходившіе студенческіе безпорядки, очевидцемъ которыхъ народъ былъ на улицахъ Петербурга, конечно, не мало способствовали дикой увѣренности, что именно студенты и есть поджигатели, и это мнѣніе до такой степени утвердилось въ народѣ, что молодымъ людямъ въ студенческой формѣ сдѣлалось не безопаснымъ показываться на улицахъ. Многимъ изъ нихъ приходилось слышать, какъ дворники, извозчики и т. п. люди посылали имъ вслѣдъ такіе оскорбительные возгласы, какъ, напримѣръ, „вонъ поджигатель идетъ! повѣсить бы ихъ, подлецовъ, поскорѣе!..“ Было даже нѣсколько случаевъ нападенія разъяренной черни на ни въ чемъ неповинныхъ студентовъ, по малѣйшему подозрѣнію на нихъ, брошенному кѣмъ-то въ наэлектризованную толпу и какъ искра воспламенявшему эту горючую массу, и полиціи только съ большими усиліями удавалось спасти эти жертвы отъ растерзанія.

Жутко было учащейся молодежи въ это тяжелое время! Правительство, хотя и не могло быть увѣрено въ справедливости ходившихъ въ народѣ слуховъ, тѣмъ не менѣе, возобновило обыски между студентами, аресты и административныя высылки бывшихъ на счету неблагонадежныхъ... Какая была возможность спокойно заниматься экзаменами, когда, съ одной стороны, ежедневно то и дѣло раздавалось въ ушахъ: тамъ подожгли, здѣсь вспыхнулъ пожаръ, въ такомъ-то мѣстѣ будто бы поймали студентовъ со спичками, паклей, фосфоромъ и т. п. поджигательными снарядами и избили до полусмерти; съ другой,—почти каждый студентъ долженъ былъ ежеминутно ожидать появленія въ своей квартирѣ полиціи и жандармовъ и постоянно находился подъ страхомъ ни съ того, ни съ сего быть арестованнымъ и очутиться въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ! И вотъ, большинство студентовъ отложили держаніе экзаменовъ до сентября и разъѣхались на лѣто, кто куда могъ.

Послѣ истребленія огнемъ Толкучаго рынка, учащенные пожары, хотя и не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, продолжались еще нѣкоторое время и затѣмъ, при строжайшей бдительности полиціи и самихъ обывателей, мало-по-малу, прекратились, и лѣто 1862 года прошло относительно спокойно.

Для изслѣдованія причинъ и обнаруженія виновниковъ этихъ пожаровъ была высочайше учреждена чрезвычайная коммиссія подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, но всѣ ея самыя энергическія старанія не привели ни къ какимъ результатамъ, и вопросы о томъ, съ какими цѣлями и кто именно совершалъ поджоги, такъ до сихъ поръ и остались неразъясненными. Было ли это дѣломъ поляковъ, въ то время уже дѣятельно подготовлявшихся къ возстанію, вспыхнувшему въ январѣ 1863 года, и, можетъ быть, стремившихся цѣлымъ рядомъ огромныхъ общественныхъ бѣдствій произвести волненіе и смуту въ народѣ, или просто обширной шайки воровъ, задумавшихъ такимъ способомъ какъ можно болѣе поживиться чужимъ добромъ,—неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, совершенно немыслима и малѣйшая тѣнь подозрѣнія студентовъ въ участіи въ этомъ злодѣйскомъ и позорномъ дѣлѣ. На такое участіе не было и не могло быть не только ни одного хотя бы самаго мельчайшаго намека съ фактической стороны, но и съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла подобное предположеніе было совершенною нелѣпостью. Пишущій эти строки теперь, по прошествіи слишкомъ сорока трехъ лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, конечно, вполнѣ можетъ отнестись къ тому отдаленному времени уже совершенно спокойно, объективно и безпристрастно, и какъ принимавшій дѣятельное участіе во всѣхъ тогдашнихъ студенческихъ движеніяхъ, не только положительно удостовѣряетъ полнѣй-

шую неприкосновенность своихъ товарищей къ дѣлу о пожарахъ, но и теперь не можетъ безъ негодованія вспомнить о такомъ возмутительномъ подозрѣніи. Уже не говоря о томъ, что никогда, во все время существованія университетовъ въ Россіи, студенты in corpore не бывали замѣшаны въ такомъ гнусномъ, безчестномъ дѣлѣ, что и единичные случаи какихъ-либо позорныхъ дѣяній между ними чрезвычайно рѣдки, чѣмъ, какими побужденіями могла руководствоваться образованная петербургская молодежь, чтобы рѣшиться на изувѣрскіе поджоги? Вліяніе польскихъ агитаторовъ на петербургское русское студенчество, какъ уже выше замѣчено, было крайне слабо и ограничивалось развѣ лишь платоническими симпатіями; студенты же поляки, изъ наболѣе фанатичныхъ, берегли себя для своей дорогой „ойчизны", уходили въ формировавшіеся уже тогда ряды повстанцевъ, а остальные—стремились пристроиться куда-нибудь на службу русскому правительству и въ то же время, путемъ подпольной пропаганды, служить дѣлу возстанія. Собственно русскія либеральныя стремленія въ Петербургѣ тогда были слишкомъ далеки отъ какихъ-либо террористическихъ замысловъ, появившихся, какъ извѣстно, гораздо позже, въ людяхъ новѣйшей формаціи. Вся самая радикальная и самая энергичная программа либераловъ того времени сводилась къ расширенію мирными способами гражданскихъ правъ русскаго народа вообще, путемъ распространенія просвѣщенія, наибольшаго развитія въ народныхъ массахъ гуманныхъ и культурныхъ понятій, возможнаго смягченія и ограниченія административнаго произвола и т. п., а о какихъ-либо насильственныхъ и разрушительныхъ дѣйствіяхъ не было и рѣчи... Словомъ, студенты въ дѣлѣ петербургскихъ пожаровъ были рѣшительно ни при чемъ.

Съ наступленіемъ сентября, когда встревожившія все русское общество волненія улеглись, наши кандидатскіе экзамены были благополучно окончены; мы получили дипломы и съ ними вступили въ новую жизнь.

Вл. Сорокинъ.

Изъ деревни.

I.

Разсказъ попутчика о добромъ старомъ времени.

Какъ-то вечеромъ, въ концѣ августа 1872 года, ѣхалъ я въ крытомъ троечномъ тарантасѣ, съ попутчикомъ отъ станціи Ж—ра желѣзной дороги въ село Хвосты, Калужской губерніи; было очень темно, и потому мы не видѣли физіономій другъ друга. Я не зналъ, съ кѣмъ я ѣду.

Когда мы тронулись въ путь, попутчикъ мой заговорилъ немедленно и не умолкалъ ни на минуту. Онъ почему-то видѣлъ во мнѣ человѣка, съ которымъ можно поговорить по душѣ; а я не сомнѣвался въ томъ, что у него накипѣло на душѣ и ему необходимо высказаться.

Узнавъ отъ меня, что я ѣду къ управляющему имѣніемъ Ивана Петровича Бригина, попутчикъ объявилъ, что это его баринъ, что онъ происходитъ изъ крѣпостныхъ людей господъ Бригиныхъ, служитъ у Ивана Петровича камердинеромъ, и вотъ отпросился на короткое время въ Хвосты повидаться съ женою.

— Вы не можете представить себѣ, сударь, какой ужасный человѣкъ мой баринъ!—такъ началъ свой разсказъ мой попутчикъ.—Другаго такого подлаго я не видывалъ. Да вотъ вы увидите, когда я разскажу, какъ я мучаюсь и страдаю у него всю мою жизнь. Я былъ взятъ изъ села Хвосты въ господскій домъ двѣнадцати-лѣтнимъ мальчишкой. Сначала я назывался казачкомъ, бѣгалъ на побѣгушкахъ; отгонялъ мухъ, когда господа кушали и спали послѣ обѣда. Затѣмъ проходилъ я слѣдующія должности: младшаго лакея, буфетчика и, наконецъ, камердинера при молодомъ баринѣ. Пока были живы старые господа, Иванъ Петровичъ служилъ офицеромъ въ какомъ-то гвардейскомъ полку въ Петербургѣ. Послѣ смерти родителей онъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Хвосты.

Со страхомъ ожидали мы, дворовые, молодаго барина, зная, что онъ человѣкъ жестокій. Первое время онъ жилъ въ деревнѣ затворникомъ, съ дворовыми и съ пахотными крестьянами обращался грубо, дерзко, по-военному. Рѣдкій день проходилъ для меня безъ оплеухъ и зуботычинъ; а вѣдь я старался изо-всѣхъ силъ услужить ему. Какъ передъ Богомъ говорю! Знакомство онъ сталъ водить только съ однимъ господскимъ домомъ. Это была старушка, жившая со своею внучкой въ десяти верстахъ отъ насъ. Господа дворяне, женихи то есть, забраковали эту барышню, потому что она была некрасивая, бѣдная невѣста, и при томъ слабоумная, въ родѣ какъ поврежденная разсудкомъ. Такъ ее и прозвали: сумасшедшая барышня.

А Иванъ Петровичъ зналъ, что у барышни этой есть въ Питерѣ богатѣйшій дѣдушка, ссужающій господъ дворянъ деньгами подъ закладъ и подъ большіе проценты.

Дѣдушка этотъ, вскорѣ послѣ пріѣзда Ивана Петровича въ деревню на жительство, померъ. Бабушка со внучкой поѣхали въ Питеръ получать наслѣдство и дѣйствительно привезли къ себѣ въ деревню желѣзный несгораемый шкафъ, набитый биткомъ, какъ всѣ говорили, серебромъ, золотомъ и банковыми билетами.

Иванъ Петровичъ отдѣлалъ свой домъ заново, посватался и въ скоромъ времени женился на разбогатѣвшей сосѣдкѣ.

Вмѣстѣ съ приданымъ былъ доставленъ и привинченъ къ полу и къ стѣнѣ барынинъ несгораемый шкафъ съ драгоцѣнностями. Помѣстили его у насъ въ Хвостовской усадьбѣ въ маленькой комнатушкѣ, ходъ въ которую былъ изъ барыниной спальни и изъ корридора противъ двери баринова кабинета.

Ключи отъ этихъ дверей и отъ шкафа барыня всегда имѣла при себѣ, днемъ въ карманѣ, а ночью у себя въ спальнѣ подъ периной. Билеты банковые и деньги были размѣщены въ барыниномъ шкафу въ порядкѣ, пачками, обернутыми въ газетную бумагу и обвязанными бичевочками. Купончики барыня обрѣзала собственноручно два раза въ годъ. Но, чтобы, напримѣръ, продать или заложить билетъ—ни Боже мой! ни подъ какимъ видомъ!

Иванъ Петровичъ вскорѣ послѣ свадьбы сталъ просить у барыни денегъ на какія-то вѣрныя предпріятія; сулилъ золотыя горы, толковалъ о выгодахъ отъ винныхъ откуповъ и проч. Барыня все это слушала, а денегъ не давала. До большихъ ссоръ доходило у нихъ.

— Какъ же такъ?—разсуждали мы, дворовые, промежъ себя, въ застольной:—говорили, безумная, а она вонъ какая хозяйственная барыня! Нѣтъ, должно быть нашему лысому чорту не поживиться. Видитъ око, да зубъ неймётъ!—смѣялись дворовые.

А время шло да шло и, должно быть, года черезъ два послѣ

свадьбы стали ожидать рожденія ребенка. Барыня расхворалась. Пріѣхала акушерка и докторъ; пошла суета и толчея въ домѣ, не прекращавшаяся и ночью. Прислуга, что называется, съ ногъ сбилась. На третью ночь ожидали барыниной смерти. Она лежала въ безпамятствѣ, въ обморокѣ. Вотъ именно въ это время Иванъ Петровичъ и обдѣлалъ пакостное дѣльце. Большую часть барынинаго капитала онъ вытащилъ изъ ея шкафа, а, взамѣнъ пачекъ съ банковыми билетами, положилъ туда пачки съ оберточной бумагой.

Само собой понятно, что ключи были сунуты обратно подъ перину.

Послѣ рожденія ребенка, названнаго въ святомъ крещеніи Петромъ, барыня очень медленно поправлялась, а Иванъ Петровичъ сталъ собираться въ Москву.

Барыня слезно упрашивала его не покидать ея до окончательнаго выздоровленія, или хотя до времени, когда она встанетъ на ноги. Но онъ и слышать не хотѣлъ.

Въ Москвѣ мы остановились въ хорошей гостиницѣ и заняли номеръ въ три комнаты. Въ сосѣднемъ номерѣ стоялъ какой-то генералъ съ своимъ молодымъ камердинеромъ. Съ генераломъ Иванъ Петровичъ былъ знакомъ по-пріятельски. Съ утра они оба уѣзжали куда-то, а возвращались поздно вечеромъ. На досугѣ мы съ генеральскимъ слугой близко познакомились и подружились. И что за милый человѣкъ былъ этотъ генеральскій слуга! Это былъ не только грамотный, но и много читавшій человѣкъ. Уже на первыхъ порахъ знакомства, онъ сталъ учить меня чтенію и письму и научилъ. Благодаря знакомству съ нимъ, я сталъ на человѣка похожъ. Ну да рѣчь теперь не объ этомъ.

Не помню, много ли времени прошло послѣ нашего пріѣзда въ Москву, когда въ гостиницѣ нашей стали говорить, что за Иваномъ Петровичемъ и его пріятелемъ генераломъ остались на торгахъ казенной палаты по виннымъ откупамъ двѣ большія губерніи. А потомъ вскорѣ примчался изъ Хвостовъ нарочный съ письмомъ къ Ивану Петровичу отъ исправника.

— Барыню обокрали, — разсказывалъ нарочный. — Почитай всѣ билеты выкрадены изъ ея шкафа и напиханы туда пачки съ оберточной бумагой. Барыня ума рѣшилась, плачетъ и денно, и ночно. Исправникъ пріѣхалъ съ какими-то господами. Объявили, что кражу совершилъ домашній воръ, знавшій, что ключи отъ дверей и отъ шкафа у барыни ночью подъ периной. Многихъ перепороли розгами; но только безъ пользы. Мужики хвостовскіе и дворовые клянутся, что ничего не знаютъ и ни въ чемъ неповинны.

Каково мнѣ было, сударь, слушать все это и молчать?! А? Я вѣдь зналъ, что ежели донесу и укажу вора, не миновать мнѣ Си-

бири. Вѣрите ли, сударь, что я вамъ первому разсказываю объ этой кражѣ, да и то потому, что ужъ очень наболѣло въ сердцѣ.

— Почему же вы такъ увѣрены, что кражу эту совершилъ вашъ баринъ?

— Да какъ же, помилуйте! Вѣдь я спалъ на полу, въ корридорѣ у двери его кабинета. Ночью, уже подъ утро, я видѣлъ, какъ онъ прошелъ изъ кабинета съ узломъ въ комнатушку и заперся. Потомъ вышелъ изъ комнатушки, заперъ дверь и, пройдя съ узломъ въ свой кабинетъ, въ которомъ горѣла лампа, заперся тамъ. Я притворялся спящимъ, храпѣлъ и видѣлъ эти его продѣлки. Вскорѣ онъ прошелъ изъ кабинета въ спальню жены и, конечно, сунулъ ключи подъ перину.

— Продолжайте, пожалуйста. Я васъ слушаю съ большимъ интересомъ,—поощрялъ я разсказчика.

— Ну, хорошо-съ. Послѣ полученія письма исправника, мы поѣхали въ Хвосты, но оставались тамъ недолго. Иванъ Петровичъ успокоивалъ жену, говорилъ, что этого дѣла такъ не оставитъ и что воръ будетъ найденъ, а украденное возвращено. Отъ исправника онъ потребовалъ обыска по всѣмъ избамъ и самъ при этомъ присутствовалъ. Исправникъ въ меня было вцѣпился, но баринъ сказалъ, что я завсегда при немъ и чтобы меня не трогали.

Иванъ Петровичъ предлагалъ барынѣ ѣхать съ нимъ въ Москву и взять съ собой сына; но она отказалась. Мы возвратились въ Москву одни.

Попутчикъ мой помолчалъ немного, потомъ засмѣялся и сказалъ.

— Особенно памятна мнѣ, сударь, одна изъ поѣздокъ съ бариномъ въ Нижегородскую губернію по его винноoткупнымъ дѣламъ. Путешествовали мы въ огромной каретѣ шестерикомъ. Баринъ сидѣлъ въ каретѣ со своею содержанкой-француженкой. Другая его содержанка, нѣмка, оставалась въ Москвѣ.. Кучеръ правилъ четверкой, а впереди мчался на парѣ верховой уносный форрейторъ. Я сидѣлъ на козлахъ, и на мою руку была надѣта петля шнурка, другой конецъ котораго былъ продернутъ въ карету. Баринъ дергалъ этимъ шнуркомъ, когда надо было остановить лошадей. Встрѣчный народъ почему-то принималъ Ивана Петровича за архіерея, останавливались, снимали шапки, низко кланялись и протягивали руки ладонями вверхъ, какъ для благословенія.

И вотъ въѣхали мы въ жаркій іюльскій полдень въ Нижній-Новгородъ. Баринъ дернулъ шнуркомъ. Я крикнулъ форрейтору остановиться, соскочилъ съ козелъ къ дверкѣ кареты.

Баринъ опустилъ стекло, сунулъ мнѣ деньги и приказалъ какъ можно скорѣе принести двѣ бутылки самой холодной сельтерской

воды. Побѣжалъ я, но нигдѣ очень холодной воды не нашелъ и принесъ что мнѣ дали.

— Отчего теплая?!—закричалъ баринъ, побагровѣлъ до ушей и затылка, и вышелъ изъ кареты.

— Ну, думаю, быть бѣдѣ. Онъ на меня съ кулаками, а я отъ него; да этакимъ манеромъ и бѣгаемъ вокругъ лошадей и экипажа. Народу толпа собралась. Срамота!

— Жанъ, оставьте его!—крикнула француженка.

— Пошелъ на козлы!—закричалъ баринъ и вошелъ въ карету.

— Поѣхали дальше. Въ Нижнемъ мы не останавливались; а на ночлегѣ въ какомъ-то селѣ онъ-таки побилъ меня. Но это хоть не публично, все не такъ обидно.

— Теперь, сударь мой, какъ вамъ извѣстно, винныхъ откуповъ нѣтъ. Разбогатѣвъ на откупахъ, Иванъ Петровичъ сталъ ѣздить за границу, почитай, каждый годъ. Возвратившись въ Россію, онъ непремѣнно покупаетъ домъ въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, или имѣніе какого-нибудь запутавшагося дворянина. Слухъ идетъ,—сказалъ мнѣ на ухо попутчикъ,—что изъ-за границы онъ вывозитъ фальшивыя деньги и сбываетъ ихъ чрезъ своихъ агентовъ въ дальнія мѣста Россіи, преимущественно въ Азію.

— Неужели?—вырвалось у меня.

— Вѣрно вамъ говорю.

Попутчикъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— Если бы вы знали, сударь, что это за удивительный человѣкъ. Счастье ему везетъ необыкновенное. Богатъ онъ теперь страшно, Почести ему ото-всѣхъ. Дворяне уже давно кричатъ, что у него ума палата. Генеральскій чинъ онъ уже давно имѣетъ, а въ прошломъ году къ Пасхѣ звѣзду получилъ. Это все за жертвы на благотворительность. Не знаю, много ли онъ жертвуетъ деньгами; а одной изъ московскихъ больницъ дѣйствительно пожертвовалъ чугунныя колонки къ парадному крыльцу и крышечку желѣзную съ рѣзьбой.

Смотрю я на этого ужаснаго человѣка и думаю, что всѣ его дѣла не отъ Бога, а отъ дьявола. Вѣдь ему уже семьдесятъ лѣтъ; а онъ до сихъ поръ двухъ содержанокъ имѣетъ, и дѣтей этихъ незаконныхъ въ императорскій воспитательный домъ отправляетъ. И не понимаю я, сударь, когда онъ ѣстъ и когда спитъ. До втораго, до третьяго часа ночи, а иногда и до утра приходится мнѣ ожидать его. На прошлой недѣлѣ возвратился домой въ четвертомъ часу утра. Уложилъ я его и пошелъ спать. Въ семь часовъ утра, слышу, звонитъ. Одѣваюсь, бѣгу.

— Что прикажете, ваше превосходительство?

Вижу: сидитъ онъ за столомъ, какія-то бумаги перебираетъ.

Кашлянулъ я, стою.

— Приготовь угловую комнату. Сегодня изъ-за границы мой французъ-камердинеръ пріѣзжаетъ.

— Я тамъ помѣщаюсь, ваше превосходительство,—осмѣлился я,—стало быть, я вамъ уже не нуженъ?—спрашиваю.

— Живи, я тебя не гоню. А спать можешь въ прихожей.

Теперь вдвоемъ съ французомъ околачиваемся.

— А личныя оскорбленія онъ по-прежнему наноситъ вамъ?—интересовался я.— Бьетъ, когда разсердится?

— Случается, сударь. Въ прошломъ году сильно избилъ. Тогда мнѣ мѣсто выходило къ хорошимъ, ласковымъ господамъ. Отъ Ивана Петровича 25 рублей въ мѣсяцъ получаю, а тамъ 30 предлагали.

— Почему же вы не ушли?

— Привычка, сударь, а при томъ же все думается, неужели онъ никогда не оцѣнитъ моихъ трудовъ, не обезпечитъ мою старость?

— А жена его и сынъ живы?

— Живы-то, живы, но несчастные и жена, и сынъ. Говорятъ, умопомѣшательство сына наслѣдственное отъ матери. Пріѣхали они изъ Хвостовъ въ Москву, когда настало время Петру Иванычу учиться въ гимназіи. Потомъ онъ въ университетѣ былъ и жилъ съ родителями до женитьбы. Теперь въ особой квартирѣ живетъ. Въ прошломъ году онъ камеръ-юнкеромъ сдѣланъ, по той причинѣ, что господа дворяне нашего уѣзда выбрали его въ предводители.

— Почему же вы думаете, что онъ поврежденъ разсудкомъ?

— Это давно всѣмъ извѣстно. Ни къ какому дѣлу приладиться не можетъ, а кутитъ и должаетъ ужасно. Отъ ростовщиковъ получитъ, напримѣръ, тысячи двѣ, а векселей выдастъ на двадцать тысячъ.

— Отецъ узнаетъ объ этомъ?

— Не всегда. А если узнаетъ, всегда одно наказаніе ему: сидитъ въ антресоляхъ отцовской квартиры подъ арестомъ, безъ сапогъ, недѣльку, а то и побольше.

Мы въѣхали въ какое-то селеніе.

— Вотъ и Хвосты!—радостно воскликнулъ мой попутчикъ.—У старушки моей огонекъ въ избѣ; поджидаетъ меня. Благодарю, сударь, за пріятную компанію. Стой, Семенъ!

Попутчикъ поспѣшно сунулъ ямщику свою долю платы, ловко выпрыгнулъ изъ тарантаса и скрылся въ ночной темнотѣ. Минутъ черезъ десять и я былъ у пристани.

Къ портрету Ивана Петровича Бригина, нарисованному моимъ попутчикомъ во время нашего ночнаго путешествія, въ квартирѣ управляющаго прибавилась еще одна характерная черта. Этотъ управляющій,

родственникъ мой, жившій трудомъ, многосемейный человѣкъ, объявилъ мнѣ, что уже сдалъ должность и не служитъ у Бригина.

— Выгналъ онъ меня, видишь ли за то, что въ прошломъ году я продалъ межень [1]) на пять рублей дешевле той цѣны, которая была у него назначена; при каждомъ свиданіи онъ пилилъ меня за эти пять рублей. Ну, что же, я давно ожидалъ изгнанія. Вѣдь у него больше года не живутъ управляющіе, а я какимъ-то чудомъ три года выжилъ здѣсь.

II.

Воспоминанія о выборной судейской службѣ. Служба послѣ преобразованія по закону 12 іюля 1889 г. въ должности земскаго начальника.

Уѣздъ нашъ, маленькій по территоріи и по населенію, находится въ южной части московскаго промышленнаго района.

Жизнь обывателей этого маленькаго уголка Россіи, помѣщиковъ дворянъ и не дворянъ—русскихъ, поляковъ, нѣмцевъ, французовъ и евреевъ, и крестьянъ православныхъ великороссіянъ, вѣроятно, ничѣмъ существенно не отличается отъ жизни и нравовъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, какъ у насъ, при общинномъ землевладѣніи, крестьяне получили сорокъ лѣтъ тому назадъ по три съ половиной десятины земли на ревизскую душу.

Жизнь эта сложна и интересна, а пишется о ней нельзя сказать чтобы слишкомъ много. Поэтому думаю, что и предлагаемый слабый очеркъ не будетъ лишнимъ.

Съ перваго трехлѣтія, по обнародованіи судебныхъ уставовъ императора Александра II, и до послѣдняго, земское собраніе нашего уѣзда выбирало постоянно трехъ участковыхъ мировыхъ судей, на уѣздъ вмѣстѣ съ городомъ, и неопредѣленное число почетныхъ мировыхъ судей.

Сколько мнѣ извѣстно, земское собраніе, обративъ вниманіе на то, что въ уѣздѣ вмѣстѣ съ городомъ возникаетъ каждогодно не болѣе восьмисотъ судебныхъ дѣлъ, въ первый разъ заявило въ 1884 г. предсѣдателю, уѣздному предводителю дворянства, что съ такою работой легко могутъ справиться двое судей; но на это заявленіе не было обращено вниманія. Правительствующій Сенатъ требовалъ лишь, чтобы избранныя лица имѣли установленный закономъ цензъ не только имущества, но и образованія. Поэтому въ должности

---

[1]) Молодыя липки, съ которыхъ срѣзаютъ лыко, а лутошки бросаютъ.

почетнаго мироваго судьи не утверждались бывшіе предводители дворянства, и настоящіе, если получили только домашнее образованіе. Отъ участковыхъ, равно какъ и отъ почетныхъ мировыхъ судей требовалось окончаніе полнаго курса въ высшемъ или хотя въ среднемъ учебномъ заведеніи, не ниже кадетскаго корпуса.

Законъ допускалъ въ участковые и почетные судьи людей, не имѣвшихъ ценза; но при условіи единогласнаго избранія закрытою баллотировкой. Въ нашемъ уѣздѣ, при выборахъ судей на первое трехлѣтіе (по уставамъ императора Александра II), поступлено было съ дворяниномъ, нигдѣ не учившимся (и не смотря на то оказавшимся самымъ излюбленнымъ кандидатомъ на судейство, въ средѣ небольшой, но очень вліятельной дворянской партіи) слѣдующимъ образомъ: предводитель фонъ-Шперъ, поговоривъ съ гласными, но не со всѣми (нѣкоторые отсутствовали), положилъ на тарелку столько шариковъ, сколько было въ собраніи гласныхъ, поднесъ ихъ торжественно уважаемому Василію Павловичу и объявилъ ему, что онъ выбранъ въ судьи единогласно.

Дальше первыхъ трехлѣтій такія преподношенія не могли идти, потому что Сенатъ потребовалъ закрытой баллотировки.

Въ 1883 году, перебравшись изъ столицы на постоянное жительство въ свою деревенскую усадьбу, я впервые познакомился съ уѣздомъ. Общее впечатлѣніе было тяжелое. Большинство дворянъ, лучшіе представители этого сословія, относились къ земскимъ дѣламъ безучастно. Пользуясь этимъ печальнымъ обстоятельствомъ, меньшинство (въ сущности одна разросшаяся нѣмецкая семья, не пошедшая въ дѣлѣ образованія дальше уѣзднаго училища и за тѣмъ экзамена на чинъ, при кумовской обстановкѣ) забрало власть въ свои руки и творило, что хотѣло. Лучшіе люди, хотя и знали, сколько зло идетъ изъ этого лагеря, на выборы не ѣздили.

Чтобы проводить въ судьи излюбленныхъ кандидатовъ, не гнушались никакими средствами [1]).

Было несомнѣнно, что двое изъ нашихъ участковыхъ судей, и почетные, очень дорожатъ хорошимъ о себѣ мнѣніемъ обывателей и пользуются ихъ уваженіемъ. Третій участковый судья (весь умственный багажъ котораго былъ полученъ въ первыхъ трехъ классахъ духовной семинаріи. Дальше онъ не пошелъ, разсуждая по части

---

[1]) Мнѣ достовѣрно извѣстны слѣдующіе случаи: г-нъ П., окончившій свое образованіе въ третьемъ классѣ духовной семинаріи, получилъ отъ начальства этой семинаріи письменное удостовѣреніе, что *окончилъ* тамъ *полный* курсъ. Затѣмъ одно изъ имѣній предводителя перешло г-ну П. по купчей крѣпости, а предводитель получилъ отъ П. вексель по стоимости имѣнія. Такимъ способомъ кандидатъ въ судьи оказался съ цензомъ образованія и имущества.

просвѣщенія, какъ Гоголевскій Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька: „Что дальше въ лѣсъ, то больше дровъ“) представлялъ печальное исключеніе. Онъ говорилъ, въ интимномъ кругу своихъ почитателей, что въ его камерѣ всякій дворянинъ, а тѣмъ паче предводитель и его родственники, ставятся выше мужика, и онъ, судья, не понимаетъ, какъ могутъ быть равны передъ закономъ и судомъ? Какъ ровнять дворянина съ мужикомъ? Хотя такія мысли высказывались въ интимномъ кругу пріятелей, однако же въ концѣ перваго трехлѣтія службы этого судьи онъ былъ обревизованъ членомъ окружнаго суда А — вымъ. Ревизоръ, окончивъ возложенное на него порученіе, сказалъ г-ну П.:

— Вотъ что, судья, все это ваше хозяйство очень напоминаетъ самаго захудалаго крестьянина, у котораго все валится, крыша протекаетъ, и всюду дыры и заплаты. Занялись вы отправленіемъ правосудія три года, и довольно бы. Я совѣтую вамъ на слѣдующее трехлѣтіе не баллотироваться.

Къ осени 1884 года, когда предстояли выборы судей на слѣдующее трехлѣтіе, одинъ изъ нашихъ судей умеръ.

Кандидатовъ на открывшуюся вакансію было два: я, совершенно неизвѣстный гласнымъ земскаго собранія человѣкъ, и г. Ч—ъ, только-что окончившій три трехлѣтія судейской службы въ губернскомъ городѣ. Получивъ однимъ шаромъ больше противъ моего конкуррента, я былъ увѣренъ, что мой лишній шаръ случайный, положенный, по ошибкѣ.

Коллегами моими оказались: 1. Отставной армейскій офицеръ, получившій образованіе въ старомъ кадетскомъ корпусѣ. Прежде онъ былъ исправникомъ, затѣмъ предсѣдателемъ земской управы, и, наконецъ, мировымъ судьей. Онъ пользовался репутаціей очень способнаго и дѣятельнаго человѣка. О его прошломъ ходили темные противорѣчивые слухи. Впрочемъ, о его трехлѣтнемъ судействѣ отзывались съ похвалой.

2. Обревизованный мѣсяца два тому назадъ членомъ суда старецъ П—ъ. По мѣрѣ ознакомленія съ этимъ старцемъ, я все болѣе и болѣе находилъ въ немъ сходство съ казначеемъ Писемскаго въ романѣ „Тысяча душъ“. Тѣ же крестныя знаменія, то же частое повтореніе „Господи помилуй“ и та же осмотрительная раздача изъ собственнаго капитала денегъ взаймы, подъ лихвенные проценты и вѣрное обезпеченіе...

Въ началѣ перваго трехлѣтія моей судейской службы былъ командированъ къ намъ членъ судебной палаты Б—съ. Ему поручено было обревизовать нашъ съѣздъ и благочестиваго старца-судью. По-

случаю этой ревизіи, съѣзду нашему были указаны многія слабыя его стороны, а благочестивый старецъ былъ преданъ суду за подлоги и другія злоупотребленія.

Предводитель, предсѣдательствовавшій на нашихъ съѣздахъ въ качествѣ почетнаго мироваго судьи, призналъ эту вторую ревизію обидною для себя лично и пересталъ ѣздить на съѣзды; но дѣла съѣзда пошли лучше во время его отсутствія, потому что въ предсѣдатели стали мы избирать почетнаго судью, кандидата правъ, и при томъ не изъ Катковскаго лицея, а университетскаго.

Тягости судейской службы состояли въ слѣдующемъ. Осенью, весной и зимой, по случаю плохаго состоянія дорогъ [1]), очень трудно было проникать въ городъ для участія въ съѣздѣ. Въ городѣ приходилось останавливаться на постояломъ дворѣ и страдать отъ клоповъ, блохъ, мышей, угаровъ, сырости и холода.

Жалованіе всѣмъ платнымъ слугамъ земства, и судьямъ въ томъ числѣ, выплачивалось неисправно, иногда купонами, отрѣзанными отъ процентныхъ бумагъ года за 2—3 до срока.

Выше было отмѣчено, что для ревизіи присылались члены: окружнаго суда—А и судебной палаты—Б. Надо добавить къ этому, что отчеты о движеніи дѣлъ представлялись не только годовые, но и ежемѣсячные, что для ревизіи денежной части пріѣзжали чиновники вѣдомства министерства финансовъ, а по окончаніи каждаго полугодія, дѣла, по которымъ поступали деньги, вмѣстѣ съ кассовою книгою, отсылались въ контрольную палату. Сенаторской ревизіи у насъ не было, но было извѣстно, что такія ревизіи въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ общемъ вынесли благопріятное мнѣніе о выборныхъ судьяхъ. Само общество, въ лицѣ его избранниковъ въ земское собраніе, внимательно слѣдило за дѣятельностью мировыхъ судей. Это доказывается тѣмъ, что на выборахъ въ судьи и въ гласные, на каждое новое трехлѣтіе, получалъ большое число избирательныхъ шаровъ тотъ, кто обладалъ лучшими нравственными качествами [2]).

На земскомъ собраніи 1887 года, во время перерывовъ, происходили въ нѣкоторыхъ группахъ бесѣдовавшихъ гласныхъ очень

---

[1]) Послѣ перехода земства отъ натуральной дорожной повинности къ денежной, грунтовыя дороги наши съ каждымъ годомъ ухудшаются—зимой путь изъѣзжается исключительно крестьянскими санями, очень узкаго хода. Снѣгоразгребатели конные употребляются только на шоссейныхъ дорогахъ губернскаго земства.

[2]) Все это прекратилось, когда, по новому земскому положенію, центръ тяжести отклонился въ сторону одного сословія—дворянскаго.

интересные разговоры. Высказывалось мнѣніе, что пора бы подвести крестьянъ подъ общіе законы, что непремѣнные члены крестьянскихъ присутствій ничего не дѣлаютъ, и что волостные суды можно бы упразднить, прибавивъ на уѣздъ, взамѣнъ ненужнаго члена крестьянскаго присутствія, еще одного судью, а то и двухъ.

— Учтите, обратите вниманіе! — горячился какой-то гласный, скромно одѣтый молодой человѣкъ. — Вѣдь въ Москвѣ каждый мировой судья разбираетъ ежегодно около трехъ тысячъ дѣлъ. А у насъ, у всѣхъ трехъ судей, въ общей сложности бываетъ въ годъ не болѣе 700—800 дѣлъ. Во всѣхъ волостныхъ судахъ болѣе 2.500 дѣлъ не бываетъ въ продолженіе года. Значитъ, всѣхъ судебныхъ дѣлъ не болѣе трехъ тысячъ трехсотъ. Такъ какъ же четыремъ судьямъ не управиться? Позвольте васъ спросить?

— Это все такъ; но говорить объ этомъ не стоитъ,— возражалъ мрачнаго вида пожилой человѣкъ, въ длинноломъ сюртукѣ, сапоги бутылками.

— Да почему же?

— А потому, что графъ Д. А. Толстой того мнѣнія, что мировые судьи развращаютъ народъ, и потому ихъ надо замѣнить земскими начальниками.

Послѣ смерти графа Толстаго въ обществѣ стали надѣяться, что мировыя судебныя учрежденія будутъ сохранены. Надежда эта, однако же, вскорѣ исчезла, и стали готовиться къ преобразованію. Отъ мировыхъ судей, ихъ съѣзда и отъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, министерствами—юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ была затребована масса свѣдѣній о томъ, сколько возникало, за все время существованія этихъ учрежденій, судебныхъ и административныхъ дѣлъ, во что обходилось земству содержаніе ихъ и проч. Свѣдѣнія требовались отдѣльно, по годамъ.

Въ февралѣ 1890 года совершилось у насъ преобразованіе мировыхъ судебныхъ и крестьянскихъ учрежденій по закону 15 іюля 1889 года.

Дѣла 1890 года и архивы старыхъ дѣлъ были сданы мировыми судьями по описямъ въ помѣщеніи мироваго съѣзда, теперь переименованнаго въ съѣздъ земскихъ начальниковъ. Въ городъ прибыли члены съѣзда отъ министерства юстиціи, уѣздный членъ окружнаго суда и городской судья.

Это были неизвѣстные уѣзду чиновники. Восемь волостей уѣзда были подѣлены на двухъ земскихъ начальниковъ изъ господъ военныхъ, мѣстныхъ дворянъ.

Новые начальники на первыхъ порахъ занялись, такъ сказать, декоративною частью. Въ селеніяхъ крестьянъ появились столбы

съ надписями, гласившими [1]): деревня, или село, такая-то, или такое-то, дворовъ столько-то, душъ столько-то, до селенія такого-то столько-то верстъ.

Въ волостныхъ правленіяхъ появилось на столахъ красное сукно съ мишурной бахрамой, вызолоченныя зерцала, вѣнскіе стулья и проч. Въ первые мѣсяцы земскіе начальники нашего уѣзда очень много ѣздили, а затѣмъ стали ѣздить въ волостныя правленія одинъ разъ въ мѣсяцъ на самое короткое время, на 2—3 часа, да и то не всегда. Причину такой крутой перемѣны объясняли у насъ слѣдующимъ событіемъ, случившимся, будто бы, въ одномъ изъ уѣздовъ нашей губерніи. Разсказывали слѣдующее: какой-то земскій начальникъ, пріѣхавъ въ волостное правленіе, увидалъ тамъ предписаніе становаго пристава, которымъ требовалось, чтобы волостной старшина доносилъ ему, приставу, рапортами обо всемъ, что будетъ дѣлать въ волостномъ правленіи земскій начальникъ. Рапортъ этотъ былъ показанъ предводителю, который потребовалъ отъ становаго объясненій. Оказалось, что становой долженъ былъ доносить исправнику о поведеніи и распоряженіяхъ земскаго начальника. Кому долженъ былъ доносить исправникъ, осталось невыясненнымъ. Толковали вздоръ, повидимому.

Въ августѣ 1890 года должность городскаго судьи была у насъ упразднена, и мнѣ пришлось поступить на службу, на открывшуюся вакансію третьяго земскаго начальника.

Этотъ третій участокъ былъ составленъ изъ трехъ волостей, наиболѣе удаленныхъ отъ уѣзднаго города и наиболѣе исправныхъ [2]).

Эта новая служба дала мнѣ возможность близко познакомиться съ жизнью крестьянъ. Но прежде всего поразило меня поведеніе нѣкоторыхъ дворянъ въ моихъ камерахъ, постоянной и выѣздныхъ. Это все были представители семейства фонъ-Шперъ, съ которыми я уже былъ знакомъ во время судейской выборной службы. Но тогда эти господа, равно какъ и чины полиціи, были, что называется, тише воды, ниже травы. Теперь не то. Теперь эти господа уже далеко не всегда ограничивались, въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе или приговоръ земскаго начальника, аппелляціонной жалобой. Отсылалась

---

[1]) Непремѣнно подъ двуглавымъ орломъ, очень дурно намалеваннымъ, и потому очень похожимъ на растрепанный вѣникъ.

[2]) Нѣсколько лучшее экономическое положеніе этихъ трехъ волостей, въ сравненіи съ другими волостями, повидимому, объяснялось отдаленностью отъ города и отъ фабрикъ и наличностью кустарныхъ производствъ, см. статью подъ заглавіемъ „Изъ деревни,—изъ очерковъ жизни и службы“,—„Рус. Вѣстникъ“ сент. 1895 г.

нерѣдко еще жалоба губернатору, и затѣмъ велось два производства: одно—судебнымъ порядкомъ, публично, въ съѣздѣ; а другое—административнымъ порядкомъ, у губернатора, при чемъ производились, по полученіи отъ земскаго начальника письменнаго объясненія, какія-то тайныя дознанія [1]), не дававшія точныхъ свѣдѣній о дѣлѣ.

Относительно крестьянъ и ихъ самоуправленія, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ въ волостныя правленія, для разбора дѣлъ, и во многія селенія (всѣхъ селеній въ трехъ волостяхъ было 63) для провѣрки сельскихъ старостъ по податной части, приходилось удивляться безграничному долготерпѣнію народа и, въ особенности, должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія. Вновь прибывшій къ намъ исправникъ, Сидоръ Кондратьевичъ Сусликовъ-Грызунъ, и его помощники, становые и урядники, были неумолимы въ селеніяхъ крестьянъ при взысканіи казенныхъ податей и земскихъ сборовъ; а въ усадьбахъ помѣщиковъ осмѣливались, да и то очень рѣдко, напоминать деликатнѣйшимъ образомъ о накопившейся земской недоимкѣ. Напоминанія эти, конечно, не давали результатовъ, и дворянскія земскія недоимки росли. Сусликовъ не ограничивался репрессіями по податной части въ деревняхъ и въ селахъ; онъ часто собиралъ въ городъ со всего уѣзда старостъ и старшинъ, для начальническихъ внушеній. Старшины, получающіе у насъ 500—600 рублей годоваго жалованья, стали откупаться преподношеніями исправнику взятокъ, въ видѣ трехъ фунтиковъ хорошенькаго чайку и проч. А несчастные сельскіе старосты, служащіе почти даромъ, безмолвно страдали.

---

[1]) На сколько полезнѣе (въ случаѣ жалобы начальнику на его подчиненнаго) канцелярской переписки личное изслѣдованіе дѣла на мѣстѣ самимъ начальникомъ, показываетъ случай, бывшій въ Виленской губерніи въ 1868 году. Помѣщикъ Дисенскаго уѣзда, Свалынскій, подалъ, на меня, мироваго посредника, жалобу генералъ-губернатору Потапову. Въ жалобѣ своей онъ ложно заявилъ, что повѣрочная коммиссія признала право пастбищнаго сервитута за одною деревней на землѣ помѣщика; а мировой посредникъ дозволяетъ пасти скотъ тремъ деревнямъ, которыя не только пасутъ скотъ, но и дѣлаютъ потравы полей. По порученію генералъ-губернатора, виленскій губернаторъ Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ лично произвелъ на мѣстѣ дознаніе по жалобѣ этого помѣщика, Свалынскаго, въ моемъ присутствіи, съ вызовомъ на мѣсто помѣщика и крестьянъ. Оказалось, что въ жалобѣ нѣтъ ни одного справедливаго слова, въ чемъ онъ и былъ уличенъ губернаторомъ публично. Помѣщикъ, послѣ этого событія, очень поспѣшно продалъ имѣніе и уѣхалъ. По закону 12 іюля 1889 г. губернатору полагается ревизовать земскихъ начальниковъ каждогодно; но, за время моей двѣнадцатилѣтней службы, была только одна губернаторская ревизія. Она не пошла дальше канцелярій земскихъ начальниковъ, и ихъ съѣзда, и потому была безполезна. Были еще двѣ ревизіи членовъ губернскаго присутствія, тоже совершенно безполезныя, потому, что, подобно губернаторской, ограничились разсмотрѣніемъ канцелярскихъ дѣлъ, привезенныхъ въ уѣздный городъ.

Особенно сталъ усердствовать исправникъ Сусликовъ послѣ проѣзда черезъ нашу станцію желѣзной дороги товарища министра, князя Зволинскаго, и разговора его съ молодымъ щеголеватымъ становымъ, Розановскимъ.

Становой разсказывалъ объ этомъ событіи такъ:

— Стою я на платформѣ К—й станціи, курю папироску и жду пассажирскаго поѣзда. Примчался курьерскій. Вижу, выходитъ изъ вагона какой-то юный господинъ, штатскій, и направляется быстрыми шагами ко мнѣ. Подошелъ и говоритъ:

— Позвольте закурить.

— Горяченькаго огоньку желаете? — смѣюсь я и протягиваю папиросу. Закурилъ онъ да и спрашиваетъ:

— Исправникомъ у васъ теперь Сидоръ Кондратьевичъ Сусликовъ?

— Да.

— Поклонитесь ему отъ меня. Я товарищъ министра князь Зволинскій.

Я такъ и обомлѣлъ! Бросилъ папиросу, руку поднялъ къ козырьку; а поджилки въ колѣнкахъ дрожатъ. Думалъ, что упаду.

— Слушаю, ваше сіятельство—сталъ было я рапортовать; но ударилъ звонокъ. Князь поспѣшно вошелъ въ министерскій вагонъ и поѣздъ умчался.

Вскорѣ послѣ этого событія, въ маленькой деревушкѣ, въ разстояніи не болѣе полуверсты отъ моей усадьбы, былъ назначенъ въ должность полицейскаго сотскаго очень глупый крестьянинъ этой деревушки. По своей глупости, онъ не могъ отличать оффиціальныхъ распоряженій исправника отъ секретныхъ и конфиденціальныхъ, и потому наивно разсказывалъ, что исправникъ вручаетъ, черезъ становыхъ, всѣмъ сотскимъ штемпельные конверты со вложенными въ нихъ листиками почтовой бумаги. На конвертахъ надпись: Исправнику въ г. В—къ.

— Для чего же это?—спрашивали обыватели.

— А для того, чтобы доносить его высокородію обо всякой пакости... И не токмо, что о васъ, мужикахъ; но и о господахъ, ежели что-нибудь такое, касательно разсужденій о начальствѣ, насмѣшекъ о прочихъ дерзостей.

— Вонъ оно какъ!—удивлялись обыватели.

— А вы какъ думали? Теперь строгости пошли. Вольничать никому не позволяется.

Въ 1893 году упорно держался слухъ, что крестьянамъ будутъ даны податныя льготы и что податная часть будетъ изъята изъ рукъ

полиціи и вручена податнымъ инспекторомъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ провѣрять денежную отчетность старостъ и волостныхъ правленій.

Въ 1894 году началось экономическое обслѣдованіе сельскихъ обществъ, по обширной программѣ, для дарованія неблагополучнымъ въ податномъ отношеніи сельскимъ обществамъ слѣдующихъ податныхъ льготъ: 1) Разсрочка накопившейся выкупной недоимки на года, 2) Отсрочка этой недоимки до окончанія выкупной операціи и 3) Пересрочка непогашенной части выкупнаго долга на болѣе продолжительный срокъ, съ цѣлью уменьшенія годоваго оклада выкупнаго платежа. Обслѣдованіе производилось земскими начальниками и, отчасти, исправникомъ и податнымъ инспекторомъ. По полученіи протоколовъ обслѣдованія, губернское присутствіе выбирало одну изъ вышеприписанныхъ льготъ и представляло дѣло на окончательное распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Послѣ окончанія этой колоссальной работы оказалось, что она не принесла пользы. Дѣйствительно, прямые и косвенные налоги, какъ были не по силамъ плательщиковъ, такъ и остались; а потому накопленіе недоимокъ окладныхъ сборовъ продолжалось. Народъ нуждался не въ разсрочкахъ, отсрочкахъ и пересрочкахъ а въ совершенномъ прекращеніи, въ отмѣнѣ выкупныхъ платежей и въ прибавленіи земли на арендномъ правѣ изъ государственныхъ имуществъ, хотя бы и при условіи переселенія. Въ нашихъ мѣстахъ, вслѣдствіе недостаточности государственной земли (около $3^1/_2$ тысячъ десятинъ во всемъ уѣздѣ) и неимѣнія земель удѣльныхъ и кабинетскихъ, настоятельно требуется крестьянамъ дополнительный надѣлъ изъ владѣльческихъ имѣній на правахъ выкупа, при помощи крестьянскаго земельнаго банка, или въ видѣ отчужденія на безотложную обще-государственную надобность. Относительно косвенныхъ налоговъ, то есть непосильности ихъ для народа, мнѣ могутъ указать на большое количество, напримѣръ, потребляемаго крестьянствомъ вина, и тѣмъ какъ бы доказать, что высокій акцизъ на вино не устрашаетъ его потребителей. Но это будетъ невѣрно. Хотя и много потребляется вина на крестьянскихъ свадьбахъ, во время храмовыхъ праздниковъ, и въ страдную рабочую пору; но, если раздѣлить выпитое въ продолженіе года вино на 365 частей, ежедневное потребленіе окажется до смѣшнаго ничтожнымъ. Нельзя забывать, что въ короткое лѣтнее время крестьянамъ приходится работать до изнеможенія, что въ зимнее время работаютъ при суровыхъ климатическихъ условіяхъ, и что вино является пока единственнымъ развлеченіемъ въ малограмотной крестьянской средѣ, не знающей болѣе осмысленнаго увеселенія. Потребляя дорого оплаченное акцизомъ вино и платя другіе непосиль-

ные косвенные налоги, крестьянство очень плохо питается и живетъ въ нищенской обстановкѣ домашняго быта. Этимъ и объясняются въ значительной степени болѣзни взрослаго населенія и ужасная смертность дѣтей въ крестьянской средѣ.

Послѣ дарованія вышеотмѣченныхъ податныхъ льготъ, была законодательнымъ порядкомъ преобразована податная часть. Это преобразованіе не облегчило податнаго непосильнаго бремени, потому что прямые и косвенные налоги остались безъ измѣненія. Плательщикамъ навязана сложная бухгалтерская отчетность по денежной части, совершенно не посильная малограмотнымъ, а нерѣдко и совершенно безграмотнымъ, сельскимъ старостамъ [1]), и предоставлено вносить подати какими угодно частями, въ сроки, назначенные самими сельскими обществами [2]). Исправника и его помощниковъ новый законъ не устранилъ отъ податной части, отдавъ ее въ распоряженіе, такъ сказать, трехъ хозяевъ: земскаго начальника, податнаго инспектора и исправника.

За время моей службы были обнародованы еще слѣдующіе законы, спеціально изданные для крестьянъ, и обязательныя постановленія: 1) о пресѣченіи ростовщическихъ дѣйствій, 2) объ ограниченіи правъ крестьянъ на досрочный выкупъ ихъ душевыхъ земельныхъ надѣловъ и на отчужденіе этой земли, 3) объ установленіи минимальныхъ, двѣнадцати-лѣтнихъ; періодовъ передѣла мірской полевой земли, 4) о новомъ распланированіи селеній, 5) ограниченіе правъ на семейные раздѣлы. Посмотримъ, что изъ этого вышло на дѣлѣ.

Первое изъ этихъ мѣропріятій не имѣло успѣха, потому что у насъ нѣтъ приспособленныхъ къ пониманію крестьянъ учрежденій мелкаго кредита [3]).

Второе не имѣло успѣха, потому что невозможно удержать на землѣ человѣка, не желающаго заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Двѣнадцатилѣтніе періоды передѣловъ оказались невозможными во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ необходимо арендованіе помѣщичьей земли для посѣва хлѣбовъ. Земля сдается въ аренду на время не свыше трехъ лѣтъ (навозный паръ съ пастбищемъ, рожь и яровое)

---

[1]) Спеціальныхъ сборщиковъ податей у насъ нѣтъ, ни волостныхъ, ни сельскихъ.

[2]) Части годоваго оклада, вносимыя по срокамъ, могутъ быть не равны.

[3]) Ссудосберегательныя товарищества у насъ неоднократно открывались и вскорѣ ликвидировались. Крестьянамъ не это требуется. Имъ нужны денежныя мелкія ссуды за небольшіе %, напримѣръ, 6% годовыхъ, подъ закладъ движимости телѣжныхъ колесъ на зиму, зимней одежды на лѣто, преимущественно. Это — самая цѣнная крестьянская движимость.

и затѣмъ, въ случаѣ непомѣрнаго возвышенія арендной платы, прекращается на время арендованіе помѣщичьей земли. Во время арендованія, собственная пахоть передѣляется на два поля, или на три, широкими душевыми полосками; во время же прекращенія арендованія душевыя полоски бываютъ значительно уже. Въ тѣхъ селеніяхъ представляющихъ огромное большинство, гдѣ обходятся надѣльною пахотною землей, передѣлы бываютъ въ пятнадцатилѣтніе періоды и даже значительно рѣже. Семейные раздѣлы невозможно остановить, или ограничить, такъ какъ только этимъ способомъ можно избѣжать ссоръ и дракъ между людьми, живущими скученно въ тѣсномъ помѣщеніи.

Наконецъ, о новомъ распланированіи селеній въ нашей губерніи, по обязательному постановленію губернскаго земскаго собранія, состоявшемуся давно, надо замѣтить слѣдующее. Предпринята эта сложная операція съ цѣлью устраненія опустошительныхъ пожаровъ; но цѣль эта не достигается, потому что скученность жилыхъ построекъ и при новомъ распланированіи далеко не вполнѣ устраняется; а владѣніе крестьянскихъ семействъ ихъ усадебною землей нарушается то и дѣло новымъ распланированіемъ, вопреки закона [1]).

Нельзя понять, почему крестьяне, уже давно понявшіе, что дрязги тѣсно живущей большой семьи устраняются вполнѣ раздѣломъ семьи, не додумались до построекъ, такъ сказать, въ шахматномъ порядкѣ, съ цѣлью устраненія большихъ пожаровъ и ссоръ между сосѣдями. Вѣдь крестьянскія усадьбы всюду имѣютъ видъ полосъ длиною саженъ сто и больше. Если бы нечетныя избы ставились на переднихъ концахъ усадебъ, а четныя на заднихъ, или наоборотъ,—обѣ цѣли достигались бы въ значительной степени, безъ всякаго вмѣшательства въ дѣло распланированія постороннихъ опекуновъ и попечителей. Надо замѣтить еще слѣдующее: во всѣхъ селеніяхъ нашего уѣзда (а ихъ около двухсотъ пятидесяти) крестьяне очень хорошо расширяютъ черту усадебной осѣдлости въ ущербъ полей, и, слѣдовательно, понимаютъ опасность скученности построекъ въ пожарномъ отношеніи, съ одной стороны, и невозможность продуктивнаго хлѣбопашества и скотоводства на нищенскихъ земельныхъ надѣлахъ—съ другой.

Во второй половинѣ, и въ особенности въ концѣ девятидесятыхъ годовъ, послѣ цѣлаго ряда мочливыхъ годовъ, дороги въ трехъ во-

---

[1]) Въ ст. 110 великорос. полож. значится: Усадебная земля остается въ пользованіи проживающаго на ней семейства и переходятъ по мѣстному обычному праву наслѣдованія. Сенатъ неоднократно напоминалъ объ этомъ.

лостяхъ, съ которыми я имѣлъ дѣло, были въ состояніи ужасномъ. Днемъ еще можно было кое-какъ плестись; рисковавшіе же пускаться въ ночныя путешествія ломали не только оси тарантасовъ, но и собственныя руки и ноги.

Прекратить ѣзду и начать вызывать всѣхъ въ свою постоянную камеру я не рѣшался и сталъ, было, проникать въ двѣ дальнія волости окольными путями, по шоссейнымъ и желѣзнымъ дорогамъ; но и это оказалось неосуществимымъ.

Приближались земскіе выборы гласныхъ на трехлѣтіе 1900—1903 г.

— А поѣду-ка я баллотироваться въ гласные! разсуждалъ я самъ съ собой.—Если выберутъ, заручусь полномочіемъ земскаго собранія и буду на земскій счетъ исправлять грунтовыя дороги въ своемъ участкѣ. Если же не выберутъ,—выйду въ отставку.

На выборахъ я потерпѣлъ полную неудачу. Объяснялось это двумя причинами. Во-первыхъ, дѣлающая исторію нашего уѣзда фонъ-Шперовская партія не желала видѣть меня въ числѣ гласныхъ; а во-вторыхъ, предсѣдатель земской управы почему-то думалъ, что я желаю сѣсть на его мѣсто, и видѣлъ во мнѣ опаснаго конкуррента.

Потерпѣвъ пораженіе, я сталъ разсуждать такъ.

— Большинству землевладѣльцевъ дворянъ и не дворянъ, огромному большинству, я не нуженъ былъ до преобразованія, какъ мировой судья, не нуженъ и теперь, какъ земскій начальникъ. Продолжать службу для разбирательства шперовскихъ дѣлъ не стоитъ. Крестьяне, какъ приходятъ ко мнѣ теперь за совѣтомъ и для написанія жалобъ и прошеній по ихъ дѣламъ, такъ будутъ приходить и послѣ выхода моего въ отставку. Это несомнѣнно, они вѣрятъ мнѣ и моей дочери, занимающейся у меня письмоводительствомъ; при этомъ же мы не беремъ съ нихъ денегъ за такія услуги.

Разсудивъ такимъ образомъ, я написалъ прошеніе объ отставкѣ и поѣхалъ лично подать это прошеніе губернатору, четвертому за время моей службы, съ которымъ еще не былъ знакомъ.

Не заставъ губернатора, я возвратился домой съ намѣреніемъ послать прошеніе по почтѣ. Дома я получилъ оффиціальное письмо члена губернскаго присутствія, которымъ онъ извѣщалъ, что ѣдетъ ко мнѣ для производства ревизіи.

Войдя въ мою камеру, ревизоръ удивилъ меня слѣдующимъ заявленіемъ:

— Чрезъ всѣ дѣла господъ фонъ-Шперъ, производящіяся у васъ,

Василій Ивановичъ, красною нитью проходятъ ваши непріязненныя къ нимъ отношенія.

— О моихъ непріязненныхъ отношеніяхъ или о дружбѣ къ кому бы то ни было едва-ли нужно здѣсь говорить,—замѣтилъ я.— Но вѣдь надо быть очень дурнымъ, безнравственнымъ человѣкомъ, чтобы разрѣшать дѣла такъ или иначе, въ зависимости отъ дружбы или вражды къ человѣку, дѣло котораго разбирается. Я думаю, что не далъ повода такъ судить обо мнѣ. Я увѣренъ, что ревизія убѣдитъ васъ въ противномъ, то есть въ безпричинной ненависти ко мнѣ фонъ-Шперовъ.

Возраженія не послѣдовало. Ревизоръ слишкомъ четыре часа просматривалъ дѣла и книги; а я объяснялъ то, что казалось непонятнымъ, и представлялъ тѣ дѣла, которыя требовались. Я видѣлъ ясно, что ревизоръ присланъ ко мнѣ не для разсмотрѣнія судебныхъ и административныхъ дѣлъ, которыя производились у меня за время моей двѣнадцатилѣтней службы въ должности земскаго начальника. Было несомнѣнно, что по поводу шперовскихъ дѣлъ, которыя производились у меня и затѣмъ, по аппелляціямъ, перешли въ съѣздъ, въ губернаторскомъ управленіи заведены свои дѣла по жалобамъ Шперовъ. Ревизоръ, наконецъ, воскликнулъ:

— Вижу теперь, Василій Ивановичъ, что правда на вашей сторонѣ. Господамъ Шперъ не сыграть на этой дудочкѣ!

— Не угодно ли вотъ еще эти дѣла посмотрѣть? Эти будутъ поинтереснѣе—сказалъ я.

— Это что же за дѣла?

— Считаются неоконченными и переходятъ на нынѣшній годъ, для дальнѣйшихъ распоряженій вмѣсто отправленія въ архивъ. Не могу добиться, чтобы становой взыскалъ съ одного изъ фонъ-Шперовъ присужденныя съ него въ пользу рабочихъ деньги. Становой—робкій человѣкъ; а отъ Шпера этого то и дѣло слышитъ, что у него одинъ братъ предводитель, а другой—губернаторъ. Истцы по этимъ дѣламъ, вотъ уже второй годъ, ходятъ безуспѣшно то ко мнѣ, то къ становому. Выслушавъ все это, ревизоръ спросилъ:

— Станислава и Анну на шеѣ вы, Василій Ивановичъ, имѣете?

— Имѣю.

— А Владиміра въ петлицѣ?

— Тоже. Это все за службу въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

— Ну, значитъ, теперь Владиміра на шею.

— Для чего же это, помилуйте? Я вѣдь о дальнѣйшихъ шагахъ по службѣ не думаю.

Мы помолчали.

— Не можете ли объяснить мнѣ,—сказалъ я,—почему въ мини-

стерскомъ совѣтѣ, разсмотрѣвъ жалобу дворянина, который, помните, записался въ волостное правленіе и мѣшалъ мнѣ заниматься, и мое объясненіе, пришли къ заключенію, что я былъ не сдержанъ?

— Да какъ же? Вѣдь мы тогда производили дознаніе и допрашивали указаннаго имъ свидѣтеля,—наивно признался мой ревизоръ.

Я подумалъ:—Вотъ какъ!? Стало быть, если мнѣ жалуются, я обязанъ допрашивать свидѣтелей публично, въ присутствіи сторонъ; а если на меня жалуются, производится тайное закулисное дознаніе и допросъ неизвѣстныхъ мнѣ свидѣтелей?

Ревизоръ уѣхалъ. Послѣ его отъѣзда я послалъ прошеніе объ отставкѣ и черезъ мѣсяцъ былъ уже на свободѣ.

В. Т — ъ.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ **Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1905 по 9 рублей.**

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

Slav 25

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. ДЕКАБРЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

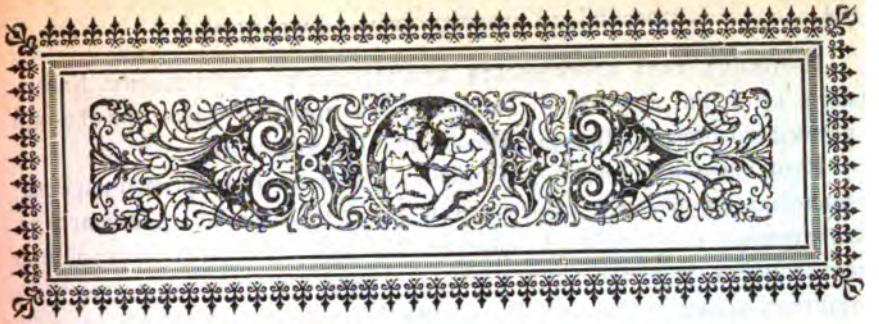
I. Просвѣщеніе христіанствомъ инородцевъ Казанскаго края въ періодъ системы Н. И. Ильминскаго. П. А. . . . 493—517
II. Новгородскій бунтъ 1831 г. Н. И. Панаева. . . . 518—566
III. Одинъ изъ незамѣтныхъ дѣятелей Екатерининской эпохи. П. Столпянскаго . . . . . 567—584
IV. На поворотѣ. А. И. Лотоцкаго . . . . . 585—613
V. Изъ воспоминаній графа Валентина Эстергази. . 614—651
VI. Очерки моихъ воспоминаній. Невѣдомской-Дпнаръ . . . . . 652—684
VII. Стихотворенія Н. Ѳ. Щербины. Сообщилъ П. Лернеръ . . . . . 685—698
VIII. Письмо Погодина къ Е. П. Ковалевскому по поводу запрещенія газеты „Парусъ" . . . . . 690—704
IX. Полицейская характеристика офицеровъ Л.-Г. Измайловскаго полка. Б. Ю. . . . . 705—710
X. Изъ архивныхъ мелочей Сообщилъ В. А. Алексѣевъ . . . . . 711—714
XI. Указатель личныхъ именъ въ „Русской Старинѣ" за 1906 годъ . . . . . 1— 82

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1907 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.



HARVARD COLLEGE LIBRARY
JAN. 4 1907
CAMBRIDGE, MASS.

Проевѣщеніе христіанствомъ инородцевъ Казанскаго края въ періодъ до появленія системы Н. И. Ильминскаго.

Распространеніе христіанства между каждымъ племенемъ иновѣрческимъ имѣетъ два необходимые періода", — говоритъ извѣстный историкъ проф. Ешевскій. Первый періодъ — это начальное ознакомленіе иновѣрцевъ съ истинами христіанской религіи; это періодъ, такъ сказать, поверхностной побѣды христіанства надъ язычествомъ; второй періодъ,—это „постепенное проникновеніе христіанства въ глубину сознанія новообращенныхъ, коренное измѣненіе понятій, нравственности и самаго быта подъ благотворнымъ вліяніемъ Божественнаго ученія" [1]). Въ исторіи распространенія христіанства между инородцами Казанскаго края вполнѣ можно наблюдать такіе періоды, и если гдѣ особенно примѣнимо замѣчаніе ученаго историка, такъ это именно здѣсь. Первый періодъ обнимаетъ собою время съ самаго покоренія Казани русской державѣ до Н. И. Ильминскаго: этотъ періодъ смѣло можно назвать періодомъ „начальнаго ознакомленія иновѣрцевъ съ истинами христіанской религіи, — періодъ „внѣшней, поверхностной" побѣды христіанства надъ язычествомъ. Появленіе системы Николая Ивановича (1867 г.) рѣзко обозначаетъ собою начало втораго періода, продолжающагося и доселѣ. Это періодъ „постепеннаго проникновенія христіанства въ глубину сознанія новообращенныхъ",—періодъ христіанскаго воспитанія обращенныхъ.

[1]) „Ж. М. Н. Пр." 1867 г., ч. 135, стр. 66: „Миссіонерство въ Россіи".

Изложимъ ходъ просвѣщенія христіанствомъ инородцевъ Казанскаго края въ періодѣ до появленія и практическаго примѣненія системы покойнаго Николая Ивановича Ильминскаго.

Возникшее на развалинахъ нѣкогда славнаго Булгарскаго царства, славившагося богатой торговлей и довольно высоко стоявшаго въ культурномъ отношеніи [1]), царство Казанское не было совершенно незнакомо съ христіанскимъ ученіемъ. Есть предположеніе, что христіанство проникло еще въ Волжскую Булгарію даже ранѣе X вѣка [2]). А въ началѣ XIII вѣка мы видимъ даже мученика за вѣру св. Авраамія—булгарина родомъ [3]). Но это были случаи рѣдкіе и единичные. Въ общемъ же Булгарія, принявшая мусульманство въ 922 г. [4]), въ XIII-мъ столѣтіи характеризуется упорнѣйшей мухамметанской страной [5]). Собственно же съ царствомъ Казанскимъ, непосредственно возникшимъ изъ Золотой Орды, гдѣ была устроена даже особая епархія — Сарайская, учрежденная митрополитомъ Кирилломъ (въ 1261 г. [6]), московскія духовныя власти входили даже въ сношеніе, хотя опредѣленнаго о дѣятельности Сарайской епархіи въ средѣ нехристіанскаго населенія Казанскаго края сказать ничего нельзя [7]).

Болѣе или менѣе постоянныя заботы о просвѣщеніи инородцевъ Казанскаго края свѣтомъ христіанства начинаются съ покоренія Казани державѣ русской.

Тотчасъ же по покореніи Казани, царь Іоаннъ кладетъ основаніе церквамъ и монастырю (Зилантову) [8]).

Въ связи съ походомъ 1552 г. стоитъ другой, по выраженію проф. Знаменскаго,—„духовный походъ на Казанское царство“ [9]), то есть отправленіе перваго святителя во вновь открытую казанскую епархію—архіепископа Гурія въ 1555 г. Отправленіе это, въ виду особеннаго назначенія архипастыря, совершалось съ необыкновенною торжественностью;

---

[1]) См. Григорьева, Россія и Азія, статью „Волжскіе булгары“ ср. Ѳирсова, стр. 14.

[2]) См. Григорьева op. cit., стр. 81.

[3]) „Житія свв. земли Казанской“. Изданіе высокопреосв. Арсенія, арх. казанскаго и свіяжскаго, Казань, 1900 г.

[4]) Григорьева, стр. 82; срав. Ѳирсова „Положеніе инородцевъ Сѣверо-Вост. Россіи въ московск. государствѣ“. Казань, 1866 г., стр. 6.

[5]) Ѳирсовъ, стр. 9; срав. жит. свв. зем. Каз.: св. муч. Авраамій Болгарскій.

[6]) См. „Знаменской рук. по ист. Рус. Ц.“, стр. 71.

[7]) Ѳирсовъ, стр. 206.

[8]) См. чтен. въ импер. общ. исторіи и древн. россійскихъ 1880 г., кн. I: „Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщ. христіанствомъ казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 г.“. Можаровскаго, стр. 6.

[9]) „Руков.“, стр. 130.

совершивъ предварительно торжественное молебствіе [1]), митрополитъ съ крестнымъ ходомъ и самъ царь съ знатнѣйшими князьями и боярами проводили святителя за стѣны кремля. Несмѣтное же множество народа проводило святителя до самаго берега рѣки Москвы. Съ необыкновенной торжественностью св. Гурій продолжалъ путешествіе и далѣе, до самой Казани. Во всѣхъ прибрежныхъ селахъ и городахъ на пути св. Гурія по рѣкѣ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ ему дѣлались торжественныя встрѣчи съ крестными ходами [2]). Такое необычайное по своей торжественности отправленіе перваго святителя въ „невѣрное царство“ показываетъ, что важность этого назначенія для покоренія Казани духовнымъ оружіемъ ясно сознавалась передовыми людьми того времени. Не даромъ же дана была новопоставленному святителю царемъ и митрополитомъ знаменитая „наказная память“, долженствующая служить руководствомъ при просвѣщеніи иновѣрческаго края христіанскою вѣрою. Этою наказною памятью заповѣдывалось святителю имѣть особенную любовь и заботливость о тѣхъ, которые будутъ принимать святое крещеніе, повелѣвалось поучать ихъ страху Божію: „А новокрещенныхъ всегда поучати страху Божію, и къ себѣ пріучати, и кормити, и поити, и жаловати, и беречи во всемъ“ [3]), крестить татаръ повелѣвалось наказомъ только тѣхъ, которые „похотятъ креститись своею волею, а не отъ неволи“ [4]). Хотя привлекать ко святому крещенію рекомендовалось „всякими обычаи, какъ возможно“, но только, однакожъ, „любовію,—а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводити“ [5]). Изъ этой наказной памяти видно, какими началами по намѣреніямъ царя власть духовная должна была руководиться по отношенію къ невѣрнымъ въ новопокоренномъ краѣ. Наказъ отвергалъ всякія насильственныя мѣры при обращеніи иновѣрцевъ въ христіанство.

Наказъ относительно обращенія магометанъ и язычниковъ въ христіанство былъ выполненъ какъ нельзя лучше Гуріемъ и двумя помощниками его, архимандритами Германомъ и Варсонофіемъ. „Къ вѣрнымъ слово здраво и не мятежно и учительно имѣя, и невѣрныя уча“,—говоритъ жизнеописатель святого Гурія, митрополитъ казанскій Гермогенъ,—святитель сталъ многихъ невѣрныхъ въ вѣру приводить и „крести

---

[1]) Всего сослужащихъ митрополиту Макарію было 71 освященныхъ лицъ, кромѣ иподіаконовъ и причта. См. „Казанская крещенно-татарская школа. Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещенныхъ татаръ“. Казань, 1887 г., стр. 318.

[2]) См. стр. 11 „Житія святыхъ земли Казанской“, вып. I.

[3]) „Акты археолог. экспозиціи“, томъ I, № 241, I см. у Можаровскаго, стр. 15.

[4]) Ibid. II, см. у Можаровскаго, стр. 15.

[5]) Ibid. II, у Можаровскаго, стр. 16.

ихъ множество и жены и дѣти... и явишася мнози отъ невѣрія православніи... и бываетъ преподобный, яко нѣкое древо доброродно, кипящее плоды красными и всѣмъ произносящее богатно овощіе"; тако и сей божественный мужъ Гурій архіепископъ ученіемъ своимъ множество душъ присвояетъ Христу [1]).

Особенное вниманіе святитель обратилъ на просвѣщеніе и образованіе дѣтей инородцевъ. Для этого онъ устроилъ при Спасопреображенскомъ и Зилантовымъ монастыряхъ школы для обученія инородческихъ дѣтей [2]). Поручивъ монашествующимъ обучать дѣтей инородцевъ „читати и писати, и читаемое право разумѣвати и да могутъ и иные научити бусарманы" [3]).

Въ просвѣщеніи и обращеніи въ христіанство татаръ самымъ дѣятельнымъ и полезнымъ сотрудникомъ архіепископа Гурія былъ сердечно любимый имъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ въ Казань, архимандритъ только-что устрояемаго тогда Спасопреображенскаго казанскаго монастыря, св. Варсонофій. Проведя долгіе и лучшіе годы своей жизни въ плѣну у крымскихъ татаръ, св. Варсонофій „извыкъ до конца бесерменскій языкъ, и грамоту сарацынскую, бѣ бо глубокъ умъ имѣя" [4]). Святая жизнь Варсонофія и основательное знаніе татарскаго языка и татарскаго образа жизни, также и „мухамедова скверная преданія", какъ говорится въ его жизнеописаніи [5]), сильно способствовали ему къ обращенію татаръ въ христіанство; къ тому же онъ и „врачебнѣй хитрости искусенъ бѣ" [6]).

О святителѣ Германѣ казанскомъ также извѣстно, что онъ заботился о просвѣщеніи инородцевъ епархіи и особенно ихъ дѣтей въ устроенныхъ св. Гуріемъ школахъ [7]).

Плодомъ дѣятельности первыхъ святителей казанскихъ было обращеніе довольно значительнаго числа, главнымъ образомъ, магометанъ-татаръ, потомки которыхъ и доселѣ извѣстны подъ именемъ „старокрещенныхъ" татаръ. Къ сожалѣнію, съ кончиною первыхъ святителей казанскихъ, положеніе просвѣтительнаго дѣла грустно измѣнилось. „О! Боже, коль бы счастлива русская земля была",— писалъ царь Іоаннъ святому Гурію,—„коли бы владыки старцы были, были яко преосвященный Макарій, и ты, и Діонисій толико о семъ

---

[1]) „Сборникъ древностей Казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ свидѣтельствъ, архимандрита Платона Любарскаго". Казань, 1868 г., стр. 19—20.

[2]) „Житія свв. земли Казанск.", вып. 1-й, стр. 12.

[3]) „Прод. Древ. Рос. Вивліое.", т. V, стр. 241—244; у Можаровскаго, стр. 19.

[4]) „Сборникъ Любарскаго", стр. 24.

[5]) „Сборникъ Любарскаго", стр. 26.

[6]) Ibid., стр. 27.

[7]) „Житія свв. земли Каз.", вып. 2. Святит.-Христов. Германа, стр. 15—16.

(т. е. о просвѣщеніи пасомыхъ) пеклися“ [1]). Но дѣло св. Гурія и его сотрудниковъ по просвѣщенію инородцевъ стояло почти одинокимъ,— и дѣло это ихъ, благодаря запущенію, стало значительно сокращаться,—и уже митрополитъ Гермогенъ въ своемъ донесеніи царю Ѳеодору Іоанновичу (въ 1593 г.) изображаетъ свою паству въ такихъ мрачныхъ чертахъ: „Въ Казани и уѣздахъ казанскомъ и свіяжскомъ живутъ новокрещенцы вмѣстѣ съ татарами, чувашами и вотяками, ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ съ ними, къ церквамъ Божіимъ не приходятъ, крестовъ на себѣ не носятъ, въ домахъ образовъ и крестовъ не держатъ, поповъ не призываютъ и отцевъ духовныхъ не имѣютъ; обвѣнчавшись въ церкви, перевѣнчиваются у поповъ татарскихъ; ѣдятъ скоромное въ посты, живутъ мимо своихъ женъ съ нѣмецкими плѣнницами. Онъ, владыка, призывалъ ихъ и поучалъ, но они ученья не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ, и совершенно отъ христіанской вѣры отстали, и въ православной вѣрѣ не утвердились, потому что живутъ съ невѣрными вмѣстѣ, отъ церквей далеко; и видя такое невѣрье въ новокрещенныхъ, иные татары не только не крестятся въ православную вѣру, но ругаются ей [2]).

Это первое донесеніе митрополита Гермогена весьма типично, точно такія же характеристики религіозно-нравственнаго состоянія мы постоянно встрѣчаемъ на протяженіи всего разсматриваемаго нами періода то у того, то у другаго изъ архипастырей казанскихъ. Понятно, что столь печальное религіозно-нравственное состояніе края не могло не обращать на себя вниманія, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго начальства. И вотъ, правительство и духовенство предпринимаютъ рядъ мѣръ, какъ, съ одной стороны, для того, чтобы поднять въ религіозно-нравственномъ отношеніи уже обращенныхъ, такъ, съ другой стороны, и для обращенія въ христіанство магометанъ и язычниковъ. Къ сожалѣнію, мѣры эти не были строго обдуманы и систематичны, по большею частью возникали довольно случайно и отличались односторонностью, а потому ни одна изъ нихъ не достигала предположенной цѣли вполнѣ, если же и достигала въ томъ или другомъ отношеніи, то опытъ показывалъ, что успѣхъ былъ лишь кажущійся. Къ разсмотрѣнію, предпринимаемыхъ въ разное время правительствомъ и духовенствомъ, мѣръ къ обращенію въ христіанство и просвѣщенію инородцевъ мы теперь и перейдемъ.

Окидывая общимъ взоромъ всѣ мѣры за разсматриваемый періодъ просвѣщенія инородцевъ, невольно обращаемъ вниманіе на то, что почти всѣ мѣры были разсчитаны лишь на внѣшній успѣхъ христіан-

---

[1]) „Прод. Др. Вивл.“, т. V, стр. 241—244.

[2]) Ѳирсовъ, стр. 213.

ства, на количество обращеній. Таковъ ужъ, какъ мы и говорили въ началѣ, общій характеръ перваго періода распространенія христіанства [1]). Главнѣйшею изъ таковыхъ мѣръ является на протяженіи всего періода—предоставленіе различныхъ льготъ и преимуществъ въ отношеніи государственныхъ повинностей обращающимся къ церкви. Еще въ „наказной памяти", данной первому святителю Гурію, повелѣно было ему оказывать новокрещеннымъ всякое покровительство въ ихъ дѣлахъ гражданскихъ и судебныхъ, ходатайствовать за нихъ предъ гражданскимъ начальствомъ, малыя вины гражданскія имъ прощать, а за тяжкія—наказанія смягчать [2]). Очевидно, давая такія полномочія святителю, царь не имѣлъ въ виду привлеченіе къ христіанской вѣрѣ инородцевъ изъ-за корыстныхъ видовъ, такъ какъ это не согласно съ духомъ того же наказа, которымъ „неволею и страхомъ" ко крещенію приводить строго воспрещалось. Слѣдовательно, преимущества и льготы давались не для корыстныхъ видовъ, но, чтобы „послѣ духовныхъ утѣшеній, не лишить и внѣшнихъ поощреній ревности къ вѣрѣ, особенно имѣющихъ свое значеніе и силу для людей простыхъ въ быту низшихъ сословій" [3]). Въ этомъ же духѣ дана была тѣмъ же царемъ Іоанномъ Грознымъ, запрещающимъ принудительное обращеніе иновѣрцевъ,—жалованная грамота отъ 25 февраля 1557 года вотяку Ожлику Черному и другимъ въ числѣ 17 семействъ, бившихъ челомъ о крещеніи ихъ. Грамота эта предоставляетъ льготы отъ повинностей на три года [4]).

Къ сожалѣнію, впослѣдствіи льготы [5]) превратились въ единственное средство обращенія иновѣрцевъ къ церкви. И средство это не

---

[1]) Свѣтлое исключеніе представляетъ лишь дѣятельность перваго святителя Гурія съ его помощниками. Но по причинѣ кратковременности этой дѣятельности (всего восемь лѣтъ) славнаго святителя дѣло его не могло упрочиться навсегда.

[2]) См. „А. А. Эк.", т. I, № 241, Ц-у Можаровскаго, стр. 16—17.

[3]) Пр. Соб., 1858 г., ч. 1, стр. 474, статья: „О способахъ обращенія иновѣрцевъ къ православной вѣрѣ".

[4]) См. Луппова, „Христіанство у вотяковъ" СПБ., 1899 г., стр. 55—56.

[5]) Рядъ постановленій о льготахъ и привилегіяхъ новокрещенныхъ начинается въ XVII в. съ Михаила Ѳеодоровича. Такъ, въ уложеніи въ XX гл. ст. 70 и 71 повелѣвается выкупать отъ кабалы крестившихся иновѣрцевъ, а также освобождать ихъ отъ дѣйствія указовъ, по которымъ не крещенные инородцы: татары и мордва лишались своихъ помѣстій и права ихъ наслѣдовать: „А которые князи и мурзы и татаровя, и мордва, и чуваши, и черемисы, и вотяки,—гласитъ 44 статья XVI гл. уложенія, крестилися въ православную христіанскую вѣру: и у тѣхъ новокрещеновъ помѣстныхъ земель не отымать". Въ 1654 году изданно постановленіе, лишающее права наслѣдства на помѣстья, хотя и ближайшихъ, но не крещенныхъ родственниковъ—Полн. Соб. Зак., т. II,

обмануло разсчитывающихъ на обращеніе иновѣрцевъ: охотниковъ креститься изъ-за различныхъ льготъ находилось не мало, какъ между магометанами-татарами, такъ и между другими инородцами-язычниками. Особенно торопились креститься скорѣе мурзы и татары, владѣтели помѣстій и вотчинъ, чтобы удержать за собой таковыя и чтобы получить помѣстья и вотчины своихъ не крестящихся родственниковъ съ придачею еще и государева денежнаго жалованья за воспріятіе крещенія. Не менѣе усердствовали и простые крестьяне-инородцы, чтобы получить денежныя или же натуральныя, въ видѣ кафтановъ, сапогъ и т. п., дачи, а также, чтобы освободиться на нѣсколько лѣтъ отъ податей и различныхъ повинностей. Такъ, въ 1742 году архимандритъ Димитрій Сѣченовъ доноситъ Св. Синоду: „въ прошломъ 1741 году въ казанской и нижегородской губерніяхъ разныхъ инородцевъ цѣлыми деревнями и всѣми уѣздами и сотнями, какъ мужскій, такъ и женскій полъ, всѣ до единаго святымъ крещеніемъ просвѣтнлись [1]). Въ четыре года (1701—1705 г.) крестилось 3.683 человѣка однихъ только язычниковъ-черемисъ; а отъ 12-го августа 1721 года митрополитъ казанскій Тихонъ доноситъ вице-президенту

№ 814, п. 5.—Ѳеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ объ отобраніи у не крещенныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстій и вотчинъ, населенныхъ православными крестьянами. Исключеніе онъ сдѣлалъ только для тѣхъ, кто будетъ принимать крещеніе, П. С. З., т. II, № 867, 3-го ноября 1713 года. Петръ Великій подтвердилъ указъ Ѳеодора Алексѣевича. — П. С. З., т. V, № 2734, а въ іюлѣ 1715 года указъ этотъ приведенъ въ исполненіе. Кромѣ этого, этотъ же государь по просьбѣ казанскаго митрополита Тихона III-го, издалъ указъ 1-го сентября 1720 г., по которому всѣмъ принявшимъ крещеніе давалось „во всякихъ государ. сборѣхъ и въ издѣльяхъ" льготы на 3 года. — Соб. Пост. по Вѣд. Пр. Исповѣд., т. I, № 191, стр. 210. Онъ же собственноручнымъ письмомъ далъ повелѣніе 2-го января 1722 г. казанскому губернатору А. П. Салтыкову объ освобожденіи крещенныхъ инородцевъ отъ поступленія въ военную службу. П. С. З., т. VII, № 4123 и Соб. Пост. по В. Пр. Исп., т. II, № 888,—по поводу жалобы сибирскаго митрополита схимника Ѳеодора на судей тобольскаго надворнаго суда, распродававшихъ крещенныхъ татаръ въ холопство, Петръ Великій, указомъ 28-го августа 1724 г., даровалъ свободу новокрещеннымъ инородцамъ отъ крѣпостной зависимости. П. С. З., т. III, № 4556. Въ основаніи дѣйствій „коммиссіи новокрещенскихъ дѣлъ", учрежденной въ 1731 году въ царствованіе Елисаветы Петровны, и „новокрещенской конторы", основанной при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1740 г., также приняты были льготы отъ податей и прочихъ сборовъ, предоставлялась свобода отъ крѣпостной зависимости, отъ воинской и другихъ повинностей. См. о новокрещенской конторѣ Малова. Рядъ указовъ и постановленій о льготахъ новокрещн. инородцамъ собранъ П. Кеппеномъ въ его „Хронологическомъ указателѣ матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи". СПБ, 1861 года.

[1]) „Прав. Обозр.", 1863 г., т. III, стр. 245: „инородческіе приходы". См. Нурминскаго.

Ѳеодосію, что всѣхъ крещенныхъ магометанъ только было уже больше 30.000 человѣкъ [1]).

Но могъ ли радовать такой успѣхъ обращеній въ христіанство кого-либо? Тотъ же митрополитъ Тихонъ жаловался вице-президенту Ѳеодосію, что нѣкоторые магометане совсѣмъ отпали отъ нея „мерзцы суще и непокорливы“ [2]). Понятно, что успѣхъ обращеній былъ чисто кажущійся и внѣшній. Крестившіеся не по внутреннему убѣжденію, а изъ-за выгодъ, снова возвращались къ вѣрѣ своихъ отцовъ, какъ скоро успѣвали воспользоваться этими выгодами [3]). Что крестились только изъ-за выгодъ, а не по убѣжденію, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, который указываетъ Лепехинъ въ своихъ „Дневныхъ запискахъ“, а именно, что лакомые до денегъ раза по два и по три въ разныхъ мѣстахъ крестилися“ [4]). „Но изъ сего произошло, что многіе изъ крещенныхъ чувашъ и мордвы и по-нынѣ не оставляютъ своихъ богомольныхъ обрядовъ“ [5]). Даже и понынѣ, можемъ замѣтить съ своей стороны, не оставили еще они своихъ обрядовъ, вотъ что изъ сего произошло! Князь Щербатовъ, разсуждая объ этой мѣрѣ, такъ писалъ (еще въ 1776 г.): „Тѣ, которые токмо для награжденія крестятся, суть, конечно, безсовѣстные люди, и тако въ нихъ церковь не находитъ вѣрныхъ христіанъ, а которые, избѣгая отъ наказанія, или рекрутства, крестятся, тѣ, бывшіе нетерпимые люди въ ихъ обществѣ, еще бывъ отъ онаго отрѣшены, развратнѣе становятся и не имѣя никакой вѣры, въ самомъ дѣлѣ и другимъ вѣру христіанскую презрительну творятъ“ [6]).

Другая мѣра, которая въ XVII и XVIII вѣкахъ и особенно въ началѣ XIX столѣтія была въ ходу, какъ мѣра къ христіанскому просвѣщенію и утвержденію въ истинахъ православной вѣры обращенныхъ,—была мѣра переселенія крещенныхъ изъ среды не крещенныхъ сожителей въ русскія селенія. Мѣра эта выходила изъ соображеній, что инородцы, живя среди русскихъ, скорѣе утвердятся въ христіанствѣ; при этомъ русскимъ вмѣнялось въ обязанность не чинить инородцамъ никакихъ стѣсненій. Въ тѣхъ же видахъ сближенія инородцевъ съ русскими,—инородцамъ рекомендовалось брать

---

[1]) Опис. документ. и дѣлъ архива Святѣйшаго Синода, т. I, стр. 367; у Можаровскаго стр. 45.

[2]) См. у Можаровскаго, стр. 45.

[3]) Ѳирсовъ, стр. 202.

[4]) „Дневныя записки“, ч. 1, СПБ., 1795 года, второе изданіе, стр. 168.

[5]) Ibid.

[6]) „Статистика въ разсужденіи Россіи“ чтен. импер. общ. исторіи и древн. россійскихъ при моск. унив., 1859 г., кн. III-я, стр. 61—62.

въ воспріемники для своихъ дѣтей непремѣнно изъ русскихъ „кто кому изъ нихъ пріятенъ“. Рекомендовалось также вступать въ родственную связь съ русскими. А такъ какъ всѣ новокрещенные между русскими въ однихъ съ ними селеніяхъ умѣститься не могли, то для нихъ отводимы были особыя мѣста для поселенія. Такъ, вслѣдствіе донесенія о печальномъ религіозно-нравственномъ состояніи крещенныхъ инородцевъ митрополита казанскаго Гермогена, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ отъ 18-го іюля 1593 года предписалъ воеводамъ для новокрещенныхъ какъ въ самой Казани, такъ и во всемъ ея уѣздѣ и пригородахъ, отвести близъ Казани „въ острогѣ, или за острогомъ“ слободу „межъ русскихъ людей, гдѣ татаръ бы близко не было“, при чемъ надзоръ за ними поручить какому-либо опытному „боярскому сыну“,—инородцамъ же вмѣнялось въ обязанность, чтобы они „и сами съ новокрещены женились и дѣтей своихъ женили у русскихъ людей и межъ собой на крещенныхъ, и дочери свои давали за русскихъ же людей и за новокрещенныхъ“ [1]). Довольно успѣшно примѣнялась мѣра переселенія въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Въ 1740 году 11-го сентября данъ былъ именной указъ объ учрежденіи „новокрещенской конторы“, въ которомъ, между прочимъ, изложены правила переселенія новокрещенныхъ въ другія мѣста: въ русскія селенія или въ особо отведенныя мѣста между Саратовомъ и Царицыномъ [2]). Съ особеннымъ усердіемъ ухватились за эту мѣру переселенія, какъ за самую лучшую и чуть ли не единственную въ началѣ XIX столѣтія, въ эпоху отступническихъ движеній среди инородцевъ.

Мѣра эта, безъ сомнѣнія, могла бы быть полезной, если бы не была сопряжена съ весьма громадными неудобствами. Несмотря на всѣ старанія правительства, новообращенные всегда терпѣли неудобства въ матеріальномъ отношеніи, — поэтому въ большинствѣ случаевъ всячески уклонялись отъ переселенія съ насиженныхъ мѣстъ своихъ. Да и русскому-то населенію эта мѣра доставляла неудовольствіе, такъ какъ приходилось терпѣть различныя стѣсненія отъ этой мѣры, вслѣдствіе несвоевременнаго, часто, надѣла землею. Наконецъ, и самому правительству доставляла массу хлопотъ по надѣленію землею, по выбору чисто православныхъ, а не раскольничьихъ, селеній, и т. д., и т. д.:—Съ другой стороны, подъ большимъ сомнѣніемъ оставалось достиженіе предположенной цѣли отъ переселенія и потому еще, что русскіе, въ среду которыхъ переселяли инородцевъ, далеко не оправдывали возлагаемыхъ на нихъ правительствомъ на-

---

[1]) „А. Ар. Эксп.“, т. I, № 358; у Можаровскаго, стр. 26—27.

[2]) „О новокрещен. конторѣ“ Е. Малова. Казань, 1878 г., стр. 34.

деждъ: они мало чѣмъ могли помочь инородцамъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи,—сами стоя не особенно высоко въ этомъ случаѣ, зная христіанство по большей части лишь съ внѣшней стороны, будучи сами исполнены всяческихъ суевѣрій и предразсудковъ [1]).

Кромѣ того, что подвергается сомнѣнію, могли ли русскіе по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ воздѣйствовать на инородцевъ,—едва-ли можно было надѣяться, несмотря на внушеніе правительства, чтобы они относились дружелюбно къ инородцамъ—„поганымъ, нехристямъ". Любопытнѣйшія наблюденія въ этомъ отношеніи находимъ мы у извѣстнаго знатока инородцевъ В. Сбоева. Въ своихъ „запискахъ о чувашахъ", г. Сбоевъ говоритъ, между прочимъ: „надобно сказать, что вообще русскіе съ самаго покоренія здѣшней стороны, вѣроятно, очень не кротко обходились съ чувашами. Отъ того послѣдніе старались, сколько возможно, удаляться отъ вниманія побѣдителей... Скрывать отъ русскихъ дорогу къ селамъ, деревнямъ чувашскимъ считалось долгомъ, дѣломъ чести каждаго Василія Ивановича [2])... Едва вы переѣхали за околицу, какъ ребятишки, игравшіе на улицахъ, стремглавъ бросаются по домамъ съ крикомъ: „вырасъ! вырасъ! (русскій! русскій!). Въ одно мгновеніе всѣ ворота заперты, всѣ двери затворены, нигдѣ не видно души человѣческой; вся деревня точно вымерла отъ моровой язвы. Дѣлать нечего. Вы обращаетесь къ разрѣшителю всѣхъ чувашскихъ грѣховъ—къ выборному; у него вы останавливаетесь и покупаете корму для лошадей. Выборный сначала принялъ васъ, какъ русскаго, съ достодолжнымъ почтеніемъ. Но вы не потребовали отъ него мірскихъ лошадей, не съѣли у него даровато обѣда, не поколотили его ни за что; вы даже заплатили ему за кормъ лошадямъ,—и онъ съ презрѣніемъ смотритъ на васъ, какъ на выродка, какъ на урода, съ позволенія сказать. Это значитъ, что вы не умѣете ѣздить по чувашскимъ селамъ" [3]).

Мы сдѣлали сравнительно большую выписку изъ книги Сбоева въ виду ея характерности. Относящееся къ 60-мъ годамъ только-что минувшаго столѣтія это наблюденіе не потеряло еще вполнѣ своего значенія и до настоящаго времени. По крайней мѣрѣ, въ болѣе или

---

[1]) См. у Ѳирсова, стр. 238.

[2]) Василій Ивановичъ у русскихъ почетная кличка каждаго чувашенина. Есть преданіе, что іером. Веніаминъ Пуцекъ Григоровичъ (впослѣдствіи митр. казанскій), посланный преосвященнымъ Лукою Канашевичемъ обращать чувашъ въ христіанство, крестилъ ихъ цѣлыми толпами, при чемъ любилъ имъ давать свое свѣтское имя Василій, а воспріемникомъ былъ діаконъ Иванъ Афанасьевъ. Примѣч. В. Сбоева, стр. 13.

[3]) Изслѣдованіе объ инородцахъ Казанской губерніи: „Замѣтки о чувашахъ". В. Сбоева. Казань, 1856 г., стр. 13—14.

менѣе захолустныхъ чувашскихъ деревняхъ слово „вырасъ“ (русскій) въ устахъ чувашина имѣетъ такое же значеніе, какъ нѣкогда слово „татаринъ“ въ устахъ русскаго. „Не плачь, русскому отдамъ!“ — такъ пугаютъ своихъ дѣтей матери и доселѣ. Но, слава Богу, что теперь это осталось только въ захолустьяхъ!

Что русскіе не вліяли благотворно на инородцевъ, на это находимъ указаніе и у Луппова, въ его сочиненіи „Христіанство у Вотяковъ“; „русскій элементъ на Вяткѣ, читаемъ мы здѣсь, — въ лицѣ своихъ представителей,—какъ служилаго класса, такъ и черносошнаго населенія, заявлялъ себя на первыхъ порахъ предъ вотяками съ такихъ сторонъ, которыя давали имъ основаніе составлять весьма невыгодное представленіе о христіанствѣ“ [1]). А назначенный съ учрежденіемъ „новокрещенской конторы“ спеціально для переселенія новокрещенныхъ инородцевъ совѣтникъ Борисъ Ярцовъ вотъ что доносилъ въ контору новокрещенскихъ дѣлъ отъ 1743 года: „всякаго чина русскіе люди чинятъ имъ (инородцамъ) великія обиды, а именно: держатъ ихъ у себя въ работѣ и берутъ на нихъ крѣпостныя записи и крѣпости и партикулярныя и вексельныя письма на многіе годы въ великихъ долгахъ и тѣмъ принуждаютъ у себя жить по нѣскольку лѣтъ въ тяжкой работѣ; а ежели кто изъ новокрещенныхъ пожелаетъ изъ такой неволи выдти, то тѣ хозяева на тѣхъ новокрещенныхъ безгласныхъ, которые не только ябедническихъ дѣлъ, но и русскаго языка мало знаютъ, подаютъ въ городахъ челобитныя, и воеводы нѣкоторыхъ черезъ происки тѣхъ хозяевъ поступаютъ съ новокрещенными немилостиво и держатъ по многому времени въ тюрьмахъ подъ карауломъ и принуждаютъ, чтобы съ хозяевами смирились“ [2]). Вотъ каково приходилось бѣднымъ инородцамъ, переселеннымъ въ русскія селенія. Какое же тутъ могло быть „утвержденіе въ истинахъ христіанской вѣры“.

Разсмотрѣнныя доселѣ мѣры какъ къ обращенію въ христіанство, такъ и къ утвержденію въ вѣрѣ уже обращенныхъ — суть мѣры чисто внѣшне-респрессивныя, не разсчитанныя, конечно, нисколько на то, чтобы дѣйствовать на внутреннія убѣжденія инородцевъ. Это было дѣломъ чисто правительственнымъ.

Спрашивается, дѣлало ли духовенство что-либо въ направленіи собственно просвѣщенія инородцевъ? Справедливость требуетъ сказать, что во всякомъ случаѣ упрекать въ бездѣйствіи духовное начальство нельзя. Другой, конечно, вопросъ, какъ дѣйствовало. Такъ, въ

---

[1]) Стр. 53.

[2]) П. Соб. Зак., т. XII, № 8929, стр. 89 и об., у Малова „о новокрещ. конторѣ“, стр. 64—65.

самомъ началѣ 18 столѣтія мы видимъ двоихъ миссіонеровъ—соборнаго ключаря Ѳеодора и сына его іеромонаха Алексѣя Раиѳскаго,—посланныхъ къ черемисамъ митрополитомъ Тихономъ [1]). А въ „коммиссіи новокрещенскихъ дѣлъ", учрежденной при Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ въ 1731 году, мы видимъ спеціальныхъ миссіонеровъ. Дѣятельный миссіонеръ, вышеупомянутый Алексѣй Раиѳскій, былъ поставленъ въ санѣ архимандрита во главѣ „коммиссіи". Онъ неослабно и ревностно трудился на поприщѣ миссіонерскомъ. Послѣ смерти Алексѣя Раиѳскаго, вслѣдствіе запущенія миссіонерскаго дѣла его помощниками, „коммиссія новокрещенскихъ дѣлъ" была переименована въ „контору новокрещенскихъ дѣлъ" и во главѣ ея былъ поставленъ сначала энергичный архимандритъ извѣстный Димитрій Сѣченовъ, бывшій прежде учителемъ московской славяно-греко-латинской академіи, а впослѣдствіи епископъ нижегородскій,—а послѣ него былъ начальникомъ Сильвестръ Главацкій, котораго смѣнилъ потомъ архимандритъ Евменій. Послѣ закрытія „конторы новокрещенскихъ дѣлъ" въ 1764 году указомъ же о закрытіи повелѣвалось „для проповѣди къ обращенію вновь также и для утвержденія прежде крестившихся быть въ епархіяхъ проповѣдникамъ, и имъ жалованья производить каждому по 150 рублей, да сверхъ того на покупку бумаги и чернилъ, и воспріявшимъ крещеніе инородцамъ крестовъ и иконъ, отпускать деньги, сколько надлежитъ; а онымъ проповѣдникамъ отнынѣ быть въ нижеслѣдующихъ епархіяхъ, а именно: въ Казанской—тремъ, въ Тобольской, Иркутской и въ Тамбовской—по два... въ Нижегородской, въ Вятской, въ Рязанской и Астраханской епархіяхъ—по одному человѣку, чего ради тѣхъ епархій архіереямъ таковыхъ проповѣдниковъ выбирать ученыхъ, и житія честнаго людей" [2]).

Казалось бы, что дѣло какъ обращенія, такъ и утвержденія обращенныхъ должно было лежать на приходскомъ духовенствѣ. И дѣйствительно, указъ 11 сентября 1740 года (объ учрежденіи „конторы новокрещенскихъ дѣлъ") повелѣвалъ священно-церковно-служителямъ „денно и нощно трудиться—поучать новокрещенныхъ закону и страху Божію и добродѣтельному и непорочному житію" [3]). И консисторія каждому, назначавшемуся въ инородческій приходъ, повелѣвала „съ великимъ усердіемъ, отлагая вся свои покои, не внимая своимъ мыслемъ и изнеможностямъ"... научать инородцевъ православной вѣрѣ

---

[1]) Луповъ, стр. 92.

[2]) П. Соб. Зак., т. XVI, № 12126, у Малова „о новокрещенской конторѣ", стр. 194–195.

[3]) П. С. З., т. XI, № 8236, п. 8, у Луппова, стр. 195.

„съ прилежно тщательнымъ радѣніемъ“ [1]). А казанская консисторія предписала указомъ 1778 года священно-церковно-служителямъ, чтобы они „имѣли наиприлежнѣйшее старательство“ объ обученіи инородцевъ молитвамъ и имѣли бы „попечительное наблюденіе“ объ исполненіи ими религіозныхъ обрядовъ, „не требуя за то отъ нихъ ни малѣйшаго вознагражденія и не домогаясь къ оному ни подъ какимъ видомъ подъ изверженіемъ священникамъ и діаконамъ своего сана, а церковникамъ подъ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніемъ, по важности винъ, и отдачею ихъ въ свѣтскій судъ“ [2]). Но давая указы и наставленія приходскому духовенству, духовное правительство отлично знало, что полагаться въ дѣлѣ миссіи на приходскихъ священно-служителей никакъ нельзя: низкій уровень умственнаго развитія и крайне плохая обезпеченность, заставлявшая думать болѣе о насущномъ хлѣбѣ, нежели о миссіонерствѣ, была извѣстна и духовному правительству,—потому оно и надѣялось, главнымъ, образомъ, въ дѣлѣ миссіи на спеціальныхъ лицъ,—какъ болѣе развитыхъ и болѣе обезпеченныхъ.

Посмотримъ, какова была дѣятельность спеціальныхъ миссіонеровъ и проповѣдниковъ.

Миссіонеры тогдашніе находили легче для себя дѣйствовать не столько духовными, нравственными способами, сколько разными льготами и матеріальными выгодами для инородцевъ: и достигали этими способами громадныхъ результатовъ, конечно, чисто внѣшнихъ. Не даромъ такъ настойчиво и отстаивали тогдашніе миссіонеры эти льготы для принимающихъ крещеніе. Такъ, бывшій начальникъ „Конторы новокрещенскихъ дѣлъ“, епископъ нижегородскій Димитрій Сѣченовъ въ донесеніи въ Святѣйшій Синодъ (въ 1747 году), отстаивая отъ намѣренія военной коллегіи уничтожить дарованную правительствомъ крещеннымъ инородцамъ льготу—свободу отъ рекрутства,—писалъ: „увидѣвъ рекрутскихъ поборовъ съ нихъ (т. е. новокрещенныхъ) взысканіе, всѣ новокрещенные легко могутъ объ обращеніи своемъ въ православіе въ крайнее раскаяніе придти... и обѣщаемое за воспріятіе христіанской вѣры по высочайшимъ указамъ о свободѣ отъ рекрутскихъ, объявленіе въ обманъ и прельщеніе причитать, а проповѣдниковъ и увѣщателей всѣхъ обманщиками называть не устыдятся... Въѣздъ проповѣдниковъ уже не токмо въ идоляторскія жилища и къ некрещеннымъ для проповѣди слова Божія ко увѣщанію и обращенію ихъ въ православную вѣру, конечно, пересѣчется, но и

---

[1]) См. у Луппова, стр. 196.

[2]) „Пр. Соб.“, 1895 г., т. II, стр. 268: „Записки Н. И. Ильминскаго по вопросу объ отпаденіяхъ крещенныхъ татаръ“.

къ новокрещеннымъ для наставленія и обученія въ православной вѣрѣ за крайними отъ нихъ новокрещенныхъ противностями весьма остановится"[1]). Также энергично отстаивалъ различныя льготы и совѣтникъ „новокрещенской конторы" Ярцовъ. Да и сами инородцы отъ миссіонеровъ только и ждали различныхъ льготъ и наградъ, а не какого-либо духовнаго наставленія и просвѣщенія. Такъ, въ доношеніи „новокрещенской конторы" отъ 12 ноября 1743 года, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „протопопу Георгію Давыдову (члену-миссіонеру новокрещенской конторы), бывшему въ 1741 году для призыванія и увѣщанія невѣрныхъ въ вѣру Христову въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, послѣдовало, когда онъ, будучи тамо, многое число святымъ крещеніемъ просвѣтилъ уже, а въ награжденіе имъ надлежащей дачи денегъ недостало, то тѣ новокрещенные, собравшись многолюдствомъ, пришли къ нему, протопопу, въ избу, обнесли соломою и хотѣли сжечь его съ командою [2]); также и къ бывшему въ Вятской провинціи помощнику іеромонаху Веніамину Григоровичу новокрещенные, къ его квартирѣ съ дубьемъ многолюдственно-жъ пришедъ, и со всякимъ крикомъ и невѣжествомъ хотѣли его за то, что у него въ дачу же имъ денежной казны явилось недостаточнымъ, взявъ бить на смерть, что и учинили бы, если бы конвойными солдаты и служители не были воспрепятствованы [3]).

Все дѣло миссіонерства сводилось, такимъ образомъ, къ слѣдующему: миссіонеръ пріѣзжалъ въ извѣстное селеніе, въ которомъ считалъ нужнымъ быть; останавливался здѣсь на самое короткое время, для того только, чтобы прочитать предъ собравшимися по предварительному извѣщенію о пріѣздѣ миссіонера инородцами предварительно составленныя грамоты съ объявленіемъ всѣхъ льготъ и привилегій. Переводчики переводили это на инородческій языкъ, и дѣло миссіи считалось оконченнымъ; миссіонеръ ѣхалъ въ другое селеніе и тамъ дѣлалъ то же самое.—Если принять еще во вниманіе, что дѣятельность нѣкоторыхъ проповѣдниковъ,—по крайней мѣрѣ, за время существованія новокрещенской конторы, не была чужда злоупотребленій [4]), то будетъ ясно, что не много пользы могли принести

---

[1]) „Пр. Соб.", 1858 г., ч. 3, стр. 489—490 „Лука Канашевичъ, еписк. казанскій".

[2]) При новокрещ. конторѣ была особая военная команда для защищенія, какъ членовъ конторы, такъ и новокрещн. отъ обидъ.

[3]) „Пр. Соб.", 1858 г., ч. 3, стр. 469—470.

[4]) Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ полковникомъ Свѣчинымъ императрицѣ Екатеринѣ II-ой въ 1765 году, послѣ обревизованія по высочайшему повелѣнію Казан. губерн. указываются, напримѣръ, такія злоупотребленія проповѣдниковъ: они „ѣздили по новокрещенскимъ жительствамъ якобы

въ смыслѣ утвержденія инородцевъ въ христіанской вѣрѣ спеціальные миссіонеры. Вотъ что говоритъ уже цитированный нами князь Щербатовъ: „чуваши, черемисы, мордва и вотяки были прежде погружены во мракѣ идолопоклоненія, и хотя сколько увѣщаніями, а болѣе силою, и склонены пріять христіанскій законъ, но обращеніе ихъ есть такое, какое можетъ невольное быть, то-есть, что они остаются внутренно по-прежнему идолопоклонниками, да и быть имъ инако не можно, ибо духовный россійскій чинъ... не бралъ труда сперва ихъ изучить, ниже знающихъ ихъ языкъ къ нимъ проповѣдниковъ посылать, но токмо такъ, какъ въ баню, такъ ихъ ко крещенію водили, давъ имъ крестъ, котораго они, по грубости своей, нѣкимъ талисманомъ почитаютъ, образъ котораго они чтятъ за идола, и запретивъ ѣсть мясо по постамъ, чего они не исполняютъ, а духовный чинъ и благочинные изъ того берутъ съ нихъ за сіе взятки“ [1]). А писатель XVIII вѣка, также цитированный нами академикъ Лепехинъ въ своихъ „Дневныхъ запискахъ“ замѣчаетъ, что между чувашами и мордвою „рѣдкую можно найти деревню, при которой бы не были видны остатки прежняго ихъ богомолія“ [2]). Съ другой стороны, и изъ донесеній различныхъ духовно-правительственныхъ лицъ того времени мы видимъ, какъ мало было сдѣлано проповѣдниками и миссіонерами въ смыслѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ. Такъ, казанскій митрополитъ Сильвестръ въ своемъ донесеніи Святѣйшему Синоду отъ 16 января 1736 года, прямо говоритъ, что онъ видѣлъ новообращенныхъ „въ богомерзкихъ жительствахъ весьма закоснѣлыми и упорными“ [3]). Указаніе на состояніе крещенныхъ татаръ находимъ въ указѣ казанской консисторіи 1778 года: „Духовной консисторіи (значится въ указѣ)... до свѣдѣнія дошло, что

для обученія закона, а въ самой вещи только для собиранія неподлежащихъ интересовъ, собирая съ каждой души 2 копѣйки, кромѣ содержанія своего...“ дѣлали „прицѣпки“ за незнаніе молитвъ и угрозами различными домогались денегъ по не малому числу...“ „примѣтя у новокрещенныхъ хорошихъ лошадей, пчелъ, скота и прочаго, если тѣ новокрещенные не остерегутся, то стоящіе въ переднихъ углахъ на полкахъ образа оборачивали внизъ ликомъ, также и въ постные дни въ пищу ихъ кладывали мясо, а послѣ сдѣлая привязку, берутъ деньги и по выбору лошадей и при томъ, что они хотѣли“ и т. д. (Дѣла Синод. архива, 1765 г., № 523—199, у Луппова 209—210. Указаніе на злоупотребленіе находимъ и у князя Щербатова; такъ онъ пишетъ: „(проповѣдники), ѣздя по юртамъ (инородцевъ), примѣчаютъ все у сихъ, худо изученныхъ христіанъ, и если хотя малое что противу правилъ, или преданій христіанскаго закона примѣтятъ, то не токмо жестоко на тѣлѣ наказуютъ, но и разоряютъ ихъ колико можно („Статистика въ разсужденіи Россіи“, стр. 63—64).

[1]) „Статистика въ разсужденіи Россіи“, стр. 64.

[2]) Стр. 162.

[3]) Пр. Соб., 1858 г., т. III, стр. 227.

не только новокрещенны, но и старокрещенны многіе, а особливо женскій полъ, какъ молитвы творить, и крестнаго на себѣ знаменія изображать не знаютъ, да и къ святымъ образамъ почтенія не имѣютъ, такъ и въ церкви святой на общія молитвословія не ходятъ, а живутъ вмѣстѣ съ некрещенными иновѣрцами, и чинятъ по прежнимъ своимъ иновѣрческимъ обыкновеніямъ, многіе непорядки и мольбища, слѣдовательно, раждаемыя у нихъ дѣти крещенія, больные жъ исповѣди и святаго причастія, а умершіе надлежащаго церковнаго погребенія лишаются"... [1])

Такимъ образомъ, мѣра проповѣдничества и миссіонерства черезъ особыхъ лицъ только увеличила, при посредствѣ льготъ, число обращеній, нисколько не улучшивъ религіозно-нравственныя состоянія обращенныхъ. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, могли сдѣлать нѣсколько лицъ, будь они и добросовѣстнѣйшіе исполнители своихъ обязанностей, въ цѣлой массѣ новокрещенскихъ селеній, на пространствѣ не одной только губерніи. Не полагаясь только на однихъ миссіонеровъ и проповѣдниковъ, духовное начальство не могло не предпринимать и другихъ мѣръ, особенно въ дѣлѣ утвержденія новокрещенныхъ въ христіанской вѣрѣ. Одной изъ важныхъ мѣръ въ этомъ случаѣ духовное начальство справедливо считало введеніе православнаго богослуженія среди новокрещенныхъ. Указъ 11 сентября 1740 года повелѣвалъ всѣмъ новокрещеннымъ „въ церковь святую къ славословію Божію приходить не лѣпостно, а наипаче въ дни недѣльные и въ Господскіе и Богородичные двунадесятые праздники, и въ высокоторжественные дни, также въ нѣкоторыхъ нарочитыхъ святыхъ, напримѣръ, на Рождество Іоанна Крестителя, на день верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и прочихъ [2]). Дѣлались распоряженія объ устройствѣ церквей въ новокрещенскихъ приходахъ.

Однако, заботы о введеніи православнаго богослуженія въ инородческихъ приходахъ только сводились къ изданію указовъ, подобныхъ вышеупомянутому, да къ устройству церквей. А о главномъ, о томъ, чтобы ввести православное богослуженіе на инородческихъ языкахъ, объ этомъ, кажется, мало заботились. По крайней мѣрѣ, тотъ же князь Щербатовъ говоритъ, что духовныя лица „не приняли труда ни священнаго писанія на ихъ языкъ перевести, ни священниковъ оному изучить, чтобы его имъ толковать" [3]). Нельзя сказать, чтобы сами духовно-правительственныя лица не сознавали этой необходимости; лучшими, по крайней мѣрѣ, іерархами прекрасно созна-

[1]) См. „Пр. Соб.", 1895 г., т. II, стр. 267: „Записка Н. И. Ильминскаго по вопросу объ отпаденіяхъ крещ. татаръ Казанск. губ. 1881 года".

[2]) П. С. З., т. XI, № 8236, п. 4.

[3]) „Статистика въ разсужденіи Россіи", стр. 64.

валась необходимость введенія богослуженія на родныхъ для инородцевъ языкахъ. При „новокрещенской конторѣ“ положено даже быть особымъ переводчикамъ,—но они служили лишь толмачами при сношеніи съ инородцами чиновныхъ лицъ,—а для высокаго дѣла перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ они совсѣмъ не были подготовлены. На протяженіи XVIII вѣка извѣстенъ лишь одинъ случай перевода: крещеный татаринъ Шендяковъ представилъ въ 1785 году въ Святѣйшій Синодъ сдѣланный имъ татарскій переводъ Евангелія отъ Матѳея. Переводъ оказался сдѣланнымъ неумѣло и былъ совершенно непонятенъ для казанскихъ татаръ [1]).

При такомъ отсутствіи въ рукахъ духовнаго правительства средствъ къ утвержденію новообращенныхъ въ истинахъ христіанства понятно, что новокрещенные, принимая христіанство, оставались тѣми же язычниками. Даже болѣе, они внутренно были сильно привязаны къ язычеству и, по минованіи надобности, напримѣръ, по минованіи срока льготъ отъ податей за крещеніе, открыто заявляли свою ненависть къ новой религіи, особенно къ ея представителямъ-священнослужителямъ. Это особенно выразилось въ Пугачевскомъ бунтѣ, въ которомъ приняли дѣятельное участіе и новокрещенные инородцы, усердно избивая и вѣшая духовенство: такъ избиты священно-и-церковно-служители, главнымъ образомъ, новокрещенными инородцами: въ Цивильскѣ, въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ Царевококшайскомъ, Козмодемьянскомъ уѣздахъ Казанской губерніи и въ смежной съ Казанской—Нижегородской губерніи въ уѣздахъ: Алатырскомъ, Курмышскомъ и Ядринскомъ. Всего убито 132 человѣка [2]).

Причастность инородцевъ къ Пугачевскому бунту ясно показываетъ степень искренности ихъ обращеній. А въ началѣ XIX вѣка инородцы открыто заявили себя не принадлежащими къ православной христіанской вѣрѣ; въ 1802 году нѣсколько татарскихъ селеній черезъ своихъ выборныхъ подаютъ прошеніе на высочайшее имя о дозволеніи имъ оставить незнакомое для нихъ христіанство и возвратиться въ мухаммеданство [3]). Но это было только началомъ отступательнаго движенія: въ 1827 году отступленіе приняло громадные размѣры. Въ этомъ году татары разныхъ деревень, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ (въ движеніи приняли участіе до 138 деревень), черезъ своихъ повѣренныхъ подали 14 прошеній на высочайшее имя. Прошенія

---

[1]) Ильминскій „Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки въ началѣ текущаго столѣтія“. Казань, 1883 г., стр. 9—12.

[2]) См. „Исторію Пугачевск. бунта“—Пушкина, стр. 163 и слѣд., примѣчанія къ главѣ восьмой. У Можаровскаго, стр. 98.

[3]) П. С. З., т. XXVII, № 20535. У Можаровскаго, стр. 116.

гласятъ: „Всеавгустѣйшій монархъ! Всемилостивѣйшій государь! Съ благоговѣніемъ припадаемъ къ стопамъ вашего императорскаго величества, осмѣливаемся испрашивать милостиваго и человѣколюбиваго вниманія къ нашей всеподданнѣйшей просьбѣ... Какъ дѣды наши и прадѣды прежде сего были въ магометанской вѣрѣ, а нынѣ неизвѣстно по какимъ обстоятельствамъ переведены крещеніемъ въ греческое исповѣданіе, а потому и по проживанію нашему въ татарскихъ деревняхъ ни той, ни другой вѣры не исполняемъ, а болѣе привержены къ магометанской вѣрѣ, а потому, великій государь! къ тебѣ прибѣгаемъ, какъ къ чадолюбивому отцу вѣрноподданныхъ, сотвори, всемилостивѣйшій монархъ, судъ твой и милосердіе и повели насъ по силѣ указа 1764 года февраля 20-го числа оставить въ магометанской вѣрѣ“ [1]).

Отступническія движенія встревожили какъ свѣтское, такъ и духовное правительство. При первомъ же извѣстіи (1802 г.) объ отпаденіяхъ, начались разслѣдованія причинъ,—и что же оказалось? Причинами этого печальнаго явленія нашли отсутствіе между крещенными татарами всякаго религіознаго образованія въ христіанскомъ духѣ... Открылось, что самое христіанство принимали не по убѣжденію въ превосходствѣ христіанской вѣры, а по разнымъ житейскимъ разсчетамъ... [2]). И вотъ издается именной указъ, которымъ предписывается: 1) чтобы переведены были на татарскій языкъ символъ вѣры, десятословіе и нѣкоторыя молитвы; 2) чтобы въ семинаріяхъ введено было обученіе татарскому языку кандидатовъ на священническія мѣста въ татарскихъ приходахъ, и 3) чтобы духовные, руководствуясь кротостью и снисхожденіемъ, старались приводить сихъ непросвѣщенныхъ къ познанію истинной вѣры... [3]). Въ 1803 году указъ о переводѣ былъ разосланъ по епархіямъ, гдѣ были инородцы. Въ 1803—1808 годахъ были напечатаны краткіе катехизисы на олонецкомъ, корельскомъ, чувашскомъ, черемисскомъ, мордовскомъ, калмыцкомъ и персидскомъ языкахъ; кромѣ того, на чувашскомъ и татарскомъ напечатаны молитвы съ исповѣдью. Въ Казани, въ Нижнемъ, въ Астрахани и Вяткѣ открыты отдѣленія библейскаго общества, которыя начали дѣятельно распространять библейскіе переводы. Священникамъ, знающимъ инородческіе языки, было предписано переводить книги священнаго писанія. И дѣйствительно, были сдѣланы переводы какъ нѣкоторыхъ книгъ священнаго писанія, такъ и различныхъ душеполезныхъ книжекъ и брошюръ. Дѣятельный архіепископъ Амвросій (Про-

[1]) У Можаровскаго, стр. 117.

[2]) См. у Знамен., „Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царств. импер. Александра I-го“, „Пр.. Соб“, 1885 г., ч. 2, стр. 559.

[3]) Ibid., стр. 360.

тасовъ) доказывалъ, въ донесеніи своемъ въ Святѣйшій Синодъ, необходимость перевода на инородческіе языки богослужебныхъ книгъ: „не полагаю я,—писалъ онъ,—чтобъ когда-либо просвѣтились они (инородцы) свѣтомъ вѣры, если не будутъ переложены на ихъ нарѣчіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя богослужебныя книги. Ибо хотя для пользы ихъ и переведенъ уже на языкѣ чувашскомъ и черемисскомъ весь новый завѣтъ нѣкоторыми изъ священно-служителей казанской епархіи, подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ и наставленіемъ моимъ, но и отъ сей спасительной мѣры не могу я ожидать вѣрныхъ плодовъ, если предварительно не уразумѣютъ они самаго богослуженія, цѣли и существа обрядовъ его, слыша величія Божія на ихъ природномъ языкѣ“ [1]).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками ни одного перевода книгъ священнаго писанія отъ того времени. Но судя по отрывку перевода на чувашскій языкъ (такъ какъ мнѣ очень хорошо знакомъ только этотъ языкъ, то я и беру отрывокъ именно на этомъ языкѣ, о другихъ же, напримѣръ, татарскомъ языкѣ, судить лично, по недостаточности знанія его, не берусь) Изъ евангелія Іоанна 3 главы, 16 стиха: „тако бо возлюби Богъ миръ...“,—каковой стихъ приводится въ Полиглоттѣ изданія Библейскаго общества,—переводъ сдѣланъ весьма не вразумительно. Преисполненный руссицизма, переводъ сохраняетъ и славянскую конструкцію, отчего передача на чувашскій языкъ получаетъ непонятный и смѣшной оборотъ. Образецъ переводовъ другаго рода намъ удалось отыскать въ библіотекѣ московской духовной академіи. По какой-то счастливой случайности въ библіотеку угодилъ переводъ слова „о христіанскомъ воспитаніи дѣтей“ на чувашскій языкъ. Переводъ сдѣланъ священникомъ казанской епархіи, ядринскаго уѣзда, села Чумѣева, А. Алмазовымъ, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія (напечатанъ 1820 года). О. Алмазовъ потогдашнему числился знатокомъ чувашскаго языка, и имя его мы встрѣчаемъ въ извѣстіяхъ о библейскихъ обществахъ, какъ переводчика на чувашскій языкъ евангелія, напримѣръ, отъ Марка [2]). Если читать этотъ переводъ и не заглядывать рядомъ въ другой столбецъ на русскій подлинникъ „слова“, то съ большимъ трудомъ можно понять, о чемъ идетъ рѣчь, а нѣкоторыхъ мѣстъ такъ и совсѣмъ нельзя понять, несмотря на то, что слова почти всѣ чувашскія, такъ затемняетъ смыслъ несвойственная чувашскому языку русская конструкція рѣчи. Говоримъ почти всѣ, ибо переводъ также преисполненъ руссицизмомъ и безъ всякой надобности, чтобы сохранить рус-

[1]) „Пр. Соб.“, 1858 г., ч. 3, стр. 486 „Лука Канашевичъ“.
[2]) См. у Можаровскаго, стр. 111.

скую конструкцію, здѣсь вставляются русскія: „и, если, но, штобъ“. Слушая это слово, едва-ли понимали его тѣ, для которыхъ предназначался переводъ, развѣ только отдѣльныя слова были имъ понятны, поэтому, намъ кажутся сильно преувеличенными и прикрашенными, какъ отзывы библейскихъ комитетовъ, такъ и донесенія причтовъ о дѣйствіи переводовъ на инородцевъ. „Невозможно,—писалъ, напримѣръ, казанскій библейскій комитетъ въ концѣ 1823 года таковому же с.-петербургскому, безъ восторга душевнаго и искреннѣйшей благодарности къ Господу Силъ, пройти вниманіемъ тѣ новыя и неожиданныя явленія, кои во многочисленности начинаютъ показываться отъ дѣйствія слова Божія на сердца людей мордовскаго, чувашскаго и черемисскаго племени“ [1]).

Массовое отступленіе крещеныхъ татаръ въ магометанство въ 1827 году, а въ связи съ этимъ массовое отступленіе и другихъ крещенныхъ инородцевъ въ язычество, выразившееся въ торжественномъ и демонстративномъ обрядѣ языческаго жертвоприношенія вотяками и черемиссами въ 4.000 человѣкъ въ томъ же 1827 году, встревожило правительство еще сильнѣе. Тотчасъ же были приняты мѣры для разслѣдованія причинъ отпаденій и для увѣщеванія отступниковъ, временно назначены были протоіереи-миссіонеры: о. Свѣтовидовъ—по свіяжскому и тетюшскому уѣздамъ, о. Галобанскій—по цивильскому уѣзду и о. Милоновъ—по симбирскому, буинскому и ставропольскому уѣздамъ. Для выясненія причинъ отпаденія о. Свѣтовидовъ спрашивалъ священниковъ, особенно жившихъ съ малолѣтства въ татарскихъ приходахъ: „какимъ образомъ, крещенные татары, бывъ съ давняго времени обращены въ христіанскую вѣру, могли вдругъ отвратиться отъ оной“? Священники единодушно и откровенно отвѣчали, что „по сердечному ли расположенію, или по какимъ другимъ обстоятельствамъ, предки сихъ крещенныхъ приняли христіанскую вѣру, они не знаютъ, а только, какъ могутъ припомнить, крещенные татары были всегда въ одинаковомъ расположеніи духа къ христіанству, т. е. исполняли христіанскія таинства и обряды и то самые необходимые, какъ-то: крещеніе младенцевъ, бракосочетаніе и исповѣданіе больныхъ и погребеніе умершихъ только по наружности, а истиннаго усердія къ вѣрѣ не имѣли, въ церковь почти никогда, кромѣ какъ по наряду, не ходили, обряды же магометанскіе, какъ-то: бритье головы, ношеніе тюбетейки и прочіе всегда наблюдали“ [2]). Въ томъ же духѣ доносилъ и протоіерей Милоновъ.

---

[1]) Приведено у Можаровскаго, стр. 111—112.

[2]) „Пр. Соб.“, 1868 г., т. II, стр. 43—44: „Православная противомусульманская миссія въ Казан. краѣ въ связи съ исторіею мусульманства въ первой половинѣ XIX вѣка“ Малова.

„Я нашелъ ихъ (крещенныхъ татаръ),—пишетъ онъ въ рапортѣ отъ 29-го ноября 1827 года, не только колеблющимися въ христіанской вѣрѣ, но и преклонившимися къ магометанству; святыя иконы изъ домовъ у нихъ были вынесены, сами они безъ крестовъ и поясовъ, на головахъ ихъ тюбетейки, какъ у не-крещенныхъ татаръ, ихъ сожителей; креститься по-христіански и читать молитвы христіанскія поставляли какъ бы за нѣкое осквернѣніе себя тѣмъ и не хотѣли, родившихся дѣтей крестить перестали, съ сосватанными невѣстами стали жить не вѣнчавшись, словомъ сказать, никакихъ слѣдовъ христіанства въ нихъ не видно было“ [1]). Донося о такомъ состояніи крещенныхъ татаръ, означенные миссіонеры-протоіереи вмѣстѣ съ тѣмъ доносили, что ихъ стараніями отступники обращаются. Напримѣръ, протоіерей Милоновъ, дѣлая только-что означенное донесеніе, тутъ еще прибавляетъ: „Однако, при помощи Божіей всѣ убѣдились, сколько ихъ ни значится въ поданныхъ отъ нихъ прошеніяхъ, магометанское нечестіе оставить и возвратиться паки въ христіанскую вѣру“ [2]). Такимъ образомъ, результаты дѣятельности означенныхъ протоіереевъ казались довольно успѣшны: даже и тѣ, у которыхъ не было прежде видно и слѣдовъ христіанства, обратились къ христіанству. Какъ ни наивны подобныя донесенія объ успѣхахъ дѣятельности миссіонеровъ, но, однако, имъ вѣрили, и вотъ рѣшили учредить такую миссію уже не временно, а послѣ столь удачныхъ опытовъ, болѣе опредѣленнымъ образомъ. И такая миссія была учреждена по проекту преосвящен. Филарета казанскаго въ 1830 году. Теперь назначены были миссіонерами-проповѣдниками уже не протоіереи, а архимандриты, чтобы внушить уваженіе „къ лицу, дѣйствующему въ обращеніи и наставленіи ихъ“ [3]). Обязанность миссіи состояла, между прочимъ, въ томъ, чтобы надзирать за отношеніемъ духовенства къ новокрещеннымъ (такъ какъ изъ донесеній протоіерея Милонова было видно, что одною изъ причинъ отпаденій служили непомѣрные поборы священниковъ съ новокрещенныхъ). По прибытіи въ каждый новокрещенскій приходъ, миссіонеръ, въ силу инструкціи, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, обязанъ былъ предварительно собрать отъ приходскаго священника точныя свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи его прихожанъ; затѣмъ, назначить воскресный или праздничный день для собранія прихожанъ если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, по одному старшему изъ каждаго семейства въ церковь для слушанія литургіи, которую миссіонеръ долженъ совершать

[1]) „Пр. Соб.“, 1868 г., т. III, стр. 155.

[2]) Ibid., стр. 155.

[3]) См. „Пр. Соб.“ 1870 года, ч. 2, стр. 249: „Православная противомусульманская миссія“ Малова.

соборнѣ съ мѣстными священнослужителями (п. 3 инструкціи). По окончаніи литургіи, онъ долженъ былъ прочитать на русскомъ языкѣ пастырское посланіе, которымъ долженъ снабдить его епархіальный архіерей при отправленіи въ приходы новокрещенцевъ, а потомъ то же самое посланіе приходскій священникъ или діаконъ долженъ былъ прочитать на природномъ ихъ языкѣ (п. 4) [1]). По данной имъ инструкціи миссіонеры-архимандриты открыли свою дѣятельность съ 19-го мая 1831 года. Въ своихъ рапортахъ миссіонеры увѣряли епархіальное начальство, что, несмотря на трудности, дѣло идетъ успѣшно и многіе оставляютъ свои заблужденія и возвращаются „въ нѣдра православной церкви". Но на самомъ-то дѣлѣ успѣшность была кажущаяся. Уже одно то обстоятельство, что миссіонеры являлись всюду оффиціально, собирали по наряду новокрещенныхъ въ церковь, не говоритъ въ пользу успѣшности миссіи. Въ самомъ дѣлѣ, предувѣдомленные заранѣе, что къ нимъ ѣдетъ миссіонеръ съ цѣлью увѣщевать ихъ, новокрещенцы собирались въ церковь съ предубѣжденіемъ противъ миссіонера. Намъ живо рисуется такая картина миссіонерскаго увѣщеванія, очевидцами которой намъ пришлось быть лѣтъ 12—13 тому назадъ. Въ качествѣ анахронизма въ сибирской епархіи существовали тогда спеціальные миссіонеры, только не архимандриты, а простые священники. Въ селѣ Зеленовкѣ симбирскаго уѣзда намъ и пришлось быть свидѣтелями миссіонерскаго увѣщеванія отпадшихъ татаръ сосѣдней, приходской къ селу Зеленовкѣ, деревни Елхово-Озеровой. По наряду полиціи сельской въ школьное зданіе собралось нѣсколько десятковъ крещенныхъ татаръ. Съ озлобленными лицами дожидались они миссіонера-священника. Лишь только появился послѣдній и обратился къ нимъ съ рѣчью о томъ, чтобы они одумались, что вѣдь они христіане,—какъ татары вызывающе загалдѣли: „кто сказалъ тебѣ, что мы христіане! мы всегда были магометанами! вотъ ты говоришь, что мы христіане, и другіе начинаютъ то же говорить, а мы совсѣмъ не христіане, мы магометанскій законъ держимъ! не жаламъ! не жаламъ!" и замахали руками. Миссіонеру не пришлось и рѣчи своей докончить. Такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Такихъ же успѣховъ можно было ожидать и отъ миссіонеровъ-архимандритовъ. Преосвященнѣйшій казанскій Григорій (Постниковъ) въ донесеніи Святѣйшему Синоду отъ 14-го декабря 1849 года о дѣятельности этихъ миссіонеровъ, между прочимъ, выразился такъ, что „они, дѣйствуя съ 1830 года по настоящее время, ни мало не только не умножили, но и не утвердили христіанства между тата-

[1]) См. инструкцію въ „Пр. Соб.", 1870 г., ч. II, стр. 251—252.

рами“ [1]). А очевидецъ посѣщеній миссіонеровъ-архимандритовъ г. Нурминскій такъ отзывается объ ихъ дѣятельности: „На сколько у меня сохранились въ памяти пріѣзды миссіонера, я знаю, что пріѣздъ этотъ не производилъ никакого вліянія ни на духовенство, ни на прихожанъ, исключая одного страха. Духовенство смотрѣло на это неблагопріятно, потому что пріѣздъ миссіонера всегда стоилъ кое-чего, а прихожане смотрѣли еще недружелюбнѣе, потому что онъ отрывалъ ихъ отъ обыкновенной ихъ жизни. Сначала инородцы по поводу учрежденія миссіи питали даже иныя надежды. Они думали, что ихъ будутъ спрашивать, хотятъ или не хотятъ они быть христіанами, и если они скажутъ — не хотятъ, то позволятъ имъ возвратиться къ отеческой вѣрѣ. При первоначальныхъ посѣщеніяхъ миссіонеровъ, инородцы дѣйствительно прямо объявляли, что они не хотятъ быть христіанами, а хотятъ быть язычниками, но на ихъ желанія вовсе не обращали вниманія, а распоряжались только усилить надзоръ за подобными приходами и смѣняли священниковъ. Священникамъ было это крайне невыгодно, а потому нѣкоторые изъ нихъ употребляли всевозможныя мѣры, чтобы избѣжать бѣды. Ѣдетъ, напримѣръ, миссіонеръ въ село N. Священникъ узнаетъ объ этомъ раньше и спѣшитъ въ городъ къ исправнику. „Такъ и такъ, милостивый государь, выручите, буду за васъ Бога молить“. При этомъ старается задобрить исправника посильнымъ приношеніемъ. Исправникъ обѣщается помогать, обѣщаніе исправника свято и нерушимо. Къ пріѣзду миссіонера исправникъ спѣшитъ въ приходъ и, при собраніи прихожанъ въ церковь, крѣпко-на-крѣпко заказываетъ строгое молчаніе подъ опасеніемъ грозной расправы. При этомъ въ село, на мѣсто собранія прихожанъ, онъ отправляетъ своихъ агентовъ. Прихожане молчатъ и молятся въ церкви усердно. Миссіонеръ видитъ усердіе прихожанъ и доноситъ о томъ, куда слѣдуетъ. Тамъ разсматриваютъ и опредѣляютъ: наградить священника N за полезное и усердное прохожденіе своей должности. Подобныя обстоятельства еще болѣе отталкивали инородцевъ отъ церкви“ [2]).

Впрочемъ, и самъ преосвященный Филаретъ, по проекту котораго учреждена была эта миссія, не чаялъ особеннаго прока отъ этихъ миссіонеровъ. По смыслу плана преосвященнаго Филарета, миссіонеры-архимандриты имѣли временное назначеніе, ихъ должны были замѣнить настоящіе миссіонеры—сельскіе пастыри, которые должны были образоваться въ особомъ, проектированномъ преосвященнымъ

---

[1]) См. у Можаровскаго, стр. 206.

[2]) „Пр. Обозр.“, 1863 г., ч. 3, стр. 253—254.

Филаретомъ, миссіонерскомъ учрежденіи [1]). Но Святѣйшій Синодъ эти пункты проекта не утвердилъ и тѣмъ самымъ лишилъ миссію опоры въ будущемъ. Святѣйшій Синодъ, при утвержденіи плана миссіи, ограничился только даннымъ временемъ, такъ сказать, злобою дня. Между тѣмъ, достопамятный владыка, который „труднымъ дѣломъ миссіонерства болѣзновалъ",—какъ онъ говоритъ о себѣ самъ,—и который неустанно думалъ, „какъ воздѣлывать сію ниву, совершенно заросшую терніемъ", какъ просвѣтить „бѣдныхъ и жалкихъ твореній", — этотъ владыка отлично понималъ, что только настыри-миссіонеры, соотвѣтственно подготовленные, могутъ принести настоящую пользу. Правда, Святѣйшій Синодъ, не утвердивъ пунктовъ объ особомъ учрежденіи для образованія пастырей-миссіонеровъ,— указывалъ преосвященному Филарету „первѣе всего, побуждать мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, чтобы они вразумляли колеблющихся крещенныхъ татаръ и отпадшихъ" [2]). Но священникамъ, совершенно не подготовленнымъ къ трудному дѣлу миссіонерства, было совершенно не подъ силу увѣщеваніе татаръ отпадшихъ. Большая часть изъ нихъ даже и языка инородцевъ не знали, какъ видно изъ благочинническихъ доносовъ по этому вопросу [3]). И вотъ они, въ силу указа обязанные увѣщевать отпадшихъ крещенныхъ инородцевъ, старались только соблюсти форму дѣла: писали и переписывали нѣсколько разъ для консисторіи одинъ и тотъ же рапортъ. А консисторія за дѣлами и не замѣчала этого однообразія рапортовъ. Только внимательный къ дѣлу миссіи преосвященный Григорій (Постниковъ) усмотрѣлъ это однообразіе, ничего не говорящее о какой бы то ни было дѣятельности священниковъ на поприщѣ увѣщаній отпадшихъ.

19-го мая 1848 года казанскій военный губернаторъ представилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ дѣло объ уклоненіи въ магометанство крещенныхъ татаръ и чувашъ разныхъ деревень чистопольскаго уѣзда.

Въ силу изданныхъ по этому случаю высочайшихъ указовъ, священники должны были особенно наблюдать за инородцами. Имъ дѣятельно должна была помогать полиція, особенно въ совершеніи надъ отпадшими таинствъ крещенія и брака, а также при погребеніи умершихъ. Въ консисторіи же производились увѣщанія отпадающихъ крещенныхъ татаръ.

---

[1]) См. проектъ особаго учрежденія для образованія миссіонеровъ при казанской семинаріи примѣнительно къ потребностямъ казанской и окрестныхъ епархій у Можаровскаго, стр. 171.

[2]) См. у Можаровскаго, стр. 191—192.

[3]) „Пр. Об.", 1865 г., ч. 3, стр. 503.

Какъ, однако, ни старались священники просвѣщать святымъ крещеніемъ дѣтей уклоняющихся въ магометанство инородцевъ, „при помощи Божіей и *при содѣйствіи земской полиціи*“ [1]), какъ ни увѣщевали въ консисторіи инородцевъ, хотя случалось, и очень часто даже, что крещенныхъ татаръ увѣщевалъ въ консисторіи кто-либо изъ членовъ консисторіи, вовсе незнакомый съ языкомъ татарскимъ [2]),— отпадшіе не вразумлялись, и съ начала 1856, а затѣмъ 1865 г. въ казанской епархіи стало оффиціально извѣстно о повсемѣстномъ отступничествѣ отъ христіанства всѣхъ уѣздовъ казанской губерніи, подобно отступничеству, бывшему въ 1827 году.

Дѣло въ томъ, что всѣ „увѣщанія“ сводились лишь къ тому, что старались доказывать одну только оффиціальную невозможность отпаденія, а не думали укрѣпить внутреннюю связь между отпадшими крещенными инородцами и принятымъ имъ христіанствомъ.

Въ 60-хъ годахъ и въ самихъ церковно-правительственныхъ сферахъ сознавалась неудовлетворительность постановки просвѣтительнаго дѣла среди инородцевъ. Преосвященный Никодимъ, викарій казанской епархіи, завѣдывавшій тогда епархіей, въ одномъ изъ консисторскихъ журналовъ по дѣлу объ отпадшихъ татарахъ въ 1858 году писалъ: „Я полагалъ бы прекратить всѣ преслѣдованія сихъ татаръ за отпаденіе ихъ въ магометанство, не навязывать имъ христіанства насильно, а наблюдать токмо, не откроетъ ли самъ Господь какого-либо къ сему удобства, и тогда онымъ воспользоваться“ [3]).

И Господь открылъ такое „удобство“: 4-го октября 1867 года въ день обрѣтенія мощей перваго казанскаго просвѣтителя Гурія, было торжественное открытіе „Братства св. Гурія“, съ дѣятельностью котораго открылась новая эпоха въ исторіи христіанскаго просвѣщенія инородцевъ: начался періодъ христіанскаго воспитанія обращенныхъ къ вѣрѣ инородцевъ, періодъ по приведенному выше выраженію проф. Ешевскаго „постепеннаго проникновенія христіанства въ глубину сознанія новообращенныхъ“.

П. А.

[1]) Изъ рапорта о. благочиннаго села Каймаръ, Г. М. — „Пр. Об.“, 1865 г., ч. 2. стр. 486; курсивъ, конечно, нашъ.

[2]) „Пр. Обозр.“, 1865 г., ч. 2, стр. 476.

[3]) „Пр. Об.“, 1865 г., ч. 3, стр. 509.

Новгородскій бунтъ 1831 года.

Опишу дѣло, хоть и не военное, но я лучше согласился бы вытерпѣть нѣсколько регулярныхъ сраженій, чѣмъ быть захваченному народнымъ бунтомъ. Дни 16, 17, 18, 19 и 20 іюля 1831 года для меня останутся вѣчно памятными. Опишу сначала службу мою въ округѣ военныхъ поселеній новгородскаго отряда и мое положеніе на этомъ поприщѣ.

Въ 1820 году предположено было сформировать для гренадерскаго сапернаго баталіона поселеніе, наравнѣ съ прочими гренадерскими полками; для того и назначенъ участокъ земли отъ гренадерскаго короля прусскаго (что нынѣ Фридриха Вильгельма) полка съ деревнями: Хутынь, Ражанокъ, Зарепье, Перевозъ, Жидово, Родіонова и селомъ Великополемъ, купленными отъ Сперанскаго. Положено было изъ крестьянъ сихъ съ добавленіемъ людей изъ всѣхъ саперныхъ и піонерныхъ батальоновъ, уроженцевъ новгородскихъ и псковскихъ, сформировать двѣ саперныя поселенныя роты. Офицеры же ко мнѣ назначены изъ піонерныхъ батальоновъ.

Я служилъ въ то время во второмъ саперномъ батальонѣ, квартировавшемъ въ Лифляндіи въ городѣ Венденѣ. Предположено было батальонъ этотъ, какъ не вошедшій въ составъ арміи, переформировать и, оставивъ двѣ роты старыхъ солдатъ, дополнить двумя ротами кантонистовъ, составить изъ него саперный учебный батальонъ; двумя же саперными ротами укомплектовать прочіе саперный и піонерный батальоны. Я же въ капитанскомъ чинѣ—командиръ первой минерной роты назначенъ командиромъ обѣихъ поселенныхъ ротъ сапернаго батальона гренадерскаго корпуса. Назначеніе это не было пріятно графу Аракчееву, которому хотѣлось назначить командиромъ

въ эти роты изъ поселенныхъ уже гренадерскихъ полковъ, болѣе привыкшихъ къ правиламъ, принятымъ въ поселенномъ войскѣ, и, слѣдовательно, болѣе опытныхъ въ предстоявшихъ имъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Мысль въ настоящемъ положеніи дѣлъ самая естественная, которая принесла бы болѣе пользы, чѣмъ мое назначеніе. Были люди между образовавшимися тамъ командирами и трудолюбивые и ревностные исполнители безсознательно всѣхъ распоряженій начальства. Хвалю ихъ подвигъ, но не понимаю, какъ можно дѣйствовать успѣшно, исполняя лишь то, что имъ приказываютъ, и не зная цѣли, къ чему должны направлять свои дѣйствія... Дѣло было новое, и цѣль, изображенная въ проектѣ, показывала только крайнюю точку несбыточнаго предположенія, средствъ къ достиженію коего, кажется, никто не зналъ. Мы работали много, прилежно, тратили матеріалы, изнуряли людей; при десятой долѣ умирающихъ между работавшими батальонами смертность не считалась большою; когда умирала одна восьмая доля, тогда только производились слѣдствія. Начальники были отдаваемы подъ судъ; но суды оканчивались почти всегда ничѣмъ—или вмѣненіемъ бытности подъ судомъ въ наказаніе и занесеніемъ въ формулярные списки, а при неудачныхъ постройкахъ наложеніемъ взысканія на людей, не имѣвшихъ собственности. Отставка была воспрещена, отпусковъ не давали, или они были стѣснены такъ правилами, что воспользоваться тѣмъ никогда не было возможности. Однимъ словомъ, мы были въ крайнемъ порабощеніи и, не имѣя средствъ избавиться отъ него, начали для защиты своей придумывать разныя уловки. Главные начальники, выбравъ, что было получше изъ офицеровъ и болѣе способныхъ, назначали ихъ частными начальниками работъ, предоставляя въ полное ихъ распоряженіе батальоны, бывшіе на работѣ. Батальонные командиры всѣми способами старались вытѣснять образованныхъ офицеровъ и поручать командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ, кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, обязывались не разбирать приказаній и быть послушными даже противъ совѣсти и присяги. Главнымъ правиломъ было то, что всѣ средства хороши, лишь бы сдѣлано было, что приказано начальствомъ. Съ другой стороны система шпіонства и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противу ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали перемѣнить ихъ другими, ослабили совершенно всю дисциплину и связи между начальниками и подчиненными. Инспектирующіе всегда спрашивали солдатъ: „не употребляютъ ли ихъ въ праздники на изнурительныя для нихъ работы“. Ежели начальника хотѣли удержать, то и по справедливой жалобѣ отдавали претендующихъ подъ судъ; ежели же хотѣли устранить кого, то жалоба принималась и начальникъ отда-

ваемъ былъ подъ судъ. Хотя года черезъ два онъ и оправдывался, но на ложныхъ доносителей судъ не обращалъ вниманія; ихъ переводили въ другую дивизію, или назначали для присмотра за какими-нибудь матеріалами. Бывали случаи, что подсудимаго оправдывала комиссія военнаго суда; но тогда обыкновенно наряжалась другая, а первая подвергалась взысканію за упущеніе разныхъ обстоятельствъ; оправдывала ли вторая, то наряжалась третья, до тѣхъ поръ, покуда ловкій аудиторъ не откроетъ какого-либо упущенія въ другихъ случаяхъ службы подсудимаго; такимъ образомъ, какой-нибудь капитанъ, отданный подъ судъ за растрату казеннаго имущества, иногда являлся виновнымъ потому, что, будучи еще подпоручикомъ, во время стоянія на караулѣ, отлучался съ гауптвахты. Еще повторю, что жестокостей и строгости было много, но дисциплины не было. Войска были деморализированы начальствомъ. Начальники съ своей стороны, получая приказанія свыше, которыя могли бы возбудить ропотъ между нижними чинами, исполняли оныя не прямо, но старались внушить солдатамъ, что это дѣлается не по ихъ волѣ, а по приказанію высшаго начальства, увѣряя, что еслибы этого не было, то они не стали бы такъ мучить людей. Высшее начальство всегда старалось выставить себя защитникомъ солдата, приказывая между тѣмъ секретно не баловать ихъ и задавать уроки побольше, высылать на работу и по праздникамъ, и ежели кто-либо изъ высшихъ спросилъ бы: „отчего люди въ праздникъ выгнаны на работы,—отвѣчать, что это лѣнивцы, не выдѣлавшіе своихъ уроковъ“. А командиры, высылая солдатъ по праздникамъ на работу, всегда обращались къ нимъ съ такою рѣчью: „ребята, васъ велѣно выслать на работу даже и сегодня; когда пріѣдетъ начальникъ и станетъ спрашивать меня, отчего люди работаютъ въ праздникъ, то я скажу, что это тѣ люди, которые въ теченіе недѣли не выдѣлали своихъ уроковъ, смотрите же, не выдайте меня! Я это дѣлаю не по своей волѣ. Если онъ начнетъ говорить вамъ: для чего вы лѣнились?—то кричите: впредь будемъ лучше стараться!“ Хитрость, употребляемая противъ хитрости, съ одной стороны не заставляла солдатъ любить высшихъ начальниковъ, а съ другой истребляла въ нихъ уваженіе къ ближайшимъ командирамъ, открывая ихъ слабость.

При такихъ-то обстоятельствахъ поступилъ я въ поселенную службу. Въ 1821 году 27 декабря прибылъ я въ Новгородъ, гдѣ предположено было сборное мѣсто высылаемыхъ ко мнѣ изъ разныхъ батальоновъ солдатъ. Но какъ команда моя еще не собралась вся на-лицо, то офицеры и по частямъ прибывающіе люди употреблены были на открывшіяся съ весною 1822 года работы, а по прекращеніи оныхъ въ концѣ ноября съ собравшимися людьми выступилъ я въ назначенный мнѣ округъ-слободу Хутынь, и принявъ деревни съ жи-

телями отъ гренадерскаго короля прусскаго полка, приступилъ къ формированію поселенныхъ ротъ перваго сапернаго батальона. Между тѣмъ главный надъ военными поселеніями начальникъ графъ Аракчеевъ возложилъ на меня составленіе проекта и смѣтъ на устройство штаба для 1-го сапернаго батальона и переправки господскаго дома въ сельцѣ Великополѣ для помѣщенія корпусной квартиры гренадерскаго корпуса; а въ 1824 году назначенъ я производителемъ работъ во всемъ томъ округѣ. Формированіе поселенныхъ ротъ, устройство корпусной квартиры, управленіе работами, для коихъ на лѣтнее время приходило ко мнѣ шесть батальоновъ 9-й пѣхотной дивизіи, одна артиллерійская рота и одна военно-рабочая, полицейскій порядокъ въ моемъ округѣ, а по зимамъ поѣздка въ Петербургъ для составленія проектовъ и разсчетовъ для работъ будущаго года лежали на моихъ плечахъ, и я просилъ графа Аракчеева избавить меня отъ фронтовой части. Его сіятельство поэтому перевелъ меня въ инженерный корпусъ съ оставленіемъ при военныхъ поселеніяхъ. Сдавъ ввѣренныя мнѣ роты, я занялся однѣми работами и построилъ корпусную квартиру и одну поселенную роту; въ 1825 году 19 марта меня произвели въ подполковники, а въ 1827 году назначили производителемъ работъ полковаго штаба гренадерскаго императора австрійскаго полка, гдѣ я и докончилъ всѣ начатыя прежде постройки, какъ-то: экзерциргаузъ, церковь, госпиталь, казарму батальона кантонистовъ, ресторацію, домъ полковаго командира, четыре дома для офицеровъ, скотный дворъ, гауптвахту, мастерскую и къ онымъ прислуги и устроилъ кромѣ того шоссе на шесть верстъ.

Такія занятія мои по разнообразнымъ должностямъ дѣлали меня извѣстнымъ какъ между поселянами, такъ и между дѣйствующими солдатами и начальниками не только въ своемъ округѣ, но и въ сосѣднихъ. Австрійскіе поселяне высылались ко мнѣ для подвозки разныхъ матеріаловъ на шоссе и при отдѣлкѣ плаца; саперными я самъ прежде командовалъ, прусскіе знали меня потому, что я получилъ для сапернаго поселенія отъ ихъ округа деревни съ поселянами, которые въ прусскомъ полку имѣли родственныя связи. Натурально, послѣ отдѣленія ихъ ко мнѣ въ команду, были между ними сужденія, гдѣ служить лучше.

При работахъ принялъ я за непремѣнное правило увеличить уроки до возможности выдѣлывать всякому, но за то наблюдать строжайше, что ежелибы рабочій усилилъ труды, окончилъ урокъ свой ранѣе, то въ то же время отпускать его домой, и по возвращеніи его въ свой батальонъ, не употреблять въ этотъ день ни на какія работы, ни на ученіе и не высылать въ караулъ. Трудно было достигнуть этого, но я упорно устоялъ въ этомъ, и однимъ этимъ простымъ средствомъ

довелъ до того, что уроки, увеличенные до полутора, стали оканчиваться до четырехъ часовъ вечера, а иногда и ранѣе. Тогда я сталъ задавать уроки недѣльные съ тѣмъ, буде они будутъ окончены прежде, то остальные могутъ работать на себя и въ пятницу будутъ отпускаемы въ Новгородъ на рынокъ для продажи своихъ издѣлій. Успѣхъ превзошелъ ожиданія; о величинѣ уроковъ уже и помину не было; всѣ они кончались въ четвергъ довольно рано, и я заваленъ былъ выдачею позволеній идти въ Новгородъ на рынокъ; довѣріе было общее. Обстоятельства эти много помогли мнѣ въ дни бунта въ военныхъ поселеніяхъ 1831 года.

По выступленіи дѣйствующихъ войскъ въ польскій походъ, въ поселеніяхъ остались только резервные батальоны, составленные изъ кадръ старыхъ солдатъ и дополненныхъ кантонистами-дѣтьми военныхъ поселянъ. Поселенные начальники, какъ окружные, такъ и ротные, будучи въ зависимости отъ нижнихъ чиновъ, опасаясь жалобъ и доносовъ, вообще командовали слабо; поселяне не любили начальства, и ежели повиновались, то одинственно изъ страха, ибо поселенія наполнены были войсками, ненавидѣвшими поселенія и поселянъ въ особенности, потому что нигдѣ не было хуже стоянки на квартирахъ, какъ у поселянъ.

Такимъ образомъ въ округахъ остались одни лишь резервные баталіоны своихъ полковъ, состоящіе изъ малаго числа старыхъ солдатъ и укомплектованные дѣтьми военныхъ поселянъ да въ каждомъ полку по военно-рабочей ротѣ, не имѣвшей строевой аммуниціи и вооруженія.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ холера начала распространяться въ Петербургѣ; учреждены уже были особыя больницы для холерныхъ, установлены повсемѣсто карантины, но, не смотря на то, болѣзнь начала распространяться и между нами около 10 іюля. Округомъ военнаго поселенія гренадерскаго императора австрійскаго полка, въ званіи начальника округа, командовалъ подполковникъ Бутовичъ; резервнымъ баталіономъ—майоръ Султановъ; младшимъ штабъ-офицеромъ былъ майоръ Баллашъ. Ротными камандирами поселенныхъ ротъ: первой—капитанъ Саурскій, второй—Заикинъ, третьей—Соколовъ. Кто командовалъ четвертой—не помню; кажется, штабъ-капитанъ Пановъ (прежде командовалъ этой ротой, но впослѣдствіи былъ взятъ въ штабъ полка и исправлялъ должность казначея); гренадерской ротой резервнаго баталіона командовалъ поручикъ Забѣлинъ. Я въ чинѣ инженеръ-подполковника распоряжался въ округѣ работами, и хотя былъ старшимъ въ округѣ, но въ управленіе военное не входилъ. Въ томъ же округѣ былъ дѣловой дворъ и штабъ пятаго военно-рабочаго баталіона, въ деревнѣ Порожкахъ, гдѣ жилъ и командиръ

этого баталіона, майоръ Москвинъ, а также и штабъ шестаго военно-рабочаго баталіона съ одной ротой, бывшей у меня на работѣ. Шестымъ рабочимъ баталіономъ командовалъ майоръ Голеновскій, а ротой штабсъ-капитанъ Бриммеръ. Черезъ Волховъ былъ въ округѣ короля прусскаго полка паровой лѣсопильный и мукомольный заводъ, начальникомъ котораго былъ артиллеріи подполковникъ Шиповъ съ командою на заводѣ отъ шестаго военно-рабочаго баталіона. При шестомъ рабочемъ баталіонѣ находилась и часть конноработей команды съ двадцатью пятью лошадьми, изъ которыхъ мнѣ для разъѣзда по работамъ наряжалась обыкновенно пара лошадей. Всѣми войсками и округами командовалъ въ Новгородѣ генералъ-лейтенантъ Эйлеръ, а старшій по немъ былъ артиллеріи подполковникъ Боттомъ. Кромѣ этого, былъ въ Новгородѣ гарнизонный баталіонъ, коимъ командовалъ какой-то полковникъ изъ нѣмцевъ, эскадронъ сибирскаго уланскаго полка состоялъ подъ командою майора Воробьева и, кажется, 24 орудія артиллеріи, два парохода и ластовый экипажъ съ судами.

Въ воскресенье 12 іюля я, взявъ билетъ для пропуска чрезъ карантинъ отъ Бутовича, ѣздилъ въ Сырковъ монастырь для поминовенія скончавшейся недавно тетки моей, а оттуда проѣхалъ въ Вязлицкій монастырь, гдѣ и обѣдалъ. Тамъ были какіе-то купцы, которые разсказывали, что будто бы въ Петербургѣ отравляютъ людей, совѣтовали и мнѣ остаться въ монастырѣ, но я отобѣдалъ и воротился домой. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Бутовичъ и сказалъ, что холера усилилась и въ госпиталь поступило разомъ 13 человѣкъ. Онъ полагалъ для успокоенія людей приказать отслужить молебенъ съ крестнымъ ходомъ кругомъ штаба. При этомъ тоже сказалъ мнѣ, что прибывшій къ нему офицеръ изъ Петербурга говорилъ ему, что тамъ разсыпаютъ ядъ по улицамъ, и что онъ, сдѣлавъ пріемку, радъ былъ, что вырвался, и что въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Петербургѣ самъ ходилъ ночью за водою, боясь отравы, и купивъ припасовъ, самъ готовилъ себѣ кушанье. Я совѣтовалъ Бутовичу запретить тому офицеру говорить вздоръ. На другой день (13 числа) былъ церковный парадъ и крестный ходъ; для сего я прекратилъ на утро работы и всѣмъ рабочимъ приказалъ быть въ церкви. 14 числа опять приходилъ ко мнѣ Бутовичъ и принесъ бумагу, имъ полученную, чтобъ усилить карантины, прекратить всякое сообщеніе съ Новгородомъ и, созвавъ комитетъ, посовѣтоваться, какія мѣры должно предпринять. При семъ онъ сказалъ мнѣ, что такъ какъ карантинъ можетъ продолжаться нѣсколько недѣль, то покуда мы еще не заперты, послать въ городъ лодку и сдѣлать закупки того, чего здѣсь достать нельзя. „Я, прибавилъ онъ, пошлю надежнаго ун-

теръ-офицера, и потому, если вамъ что нужно, то напишите записку и съ деньгами пришлите ко мнѣ вечеромъ; я отправлю лодку чуть свѣтъ, чтобъ успѣла вернуться и сдѣлать закупки". 15 числа Бутовичъ собралъ у себя на квартирѣ комитетъ, назначили, гдѣ поставить карантинную линію, а такъ какъ рабочіе мои вышли за линіей карантина, будучи расположены по берегу Волхова, по коему безпрерывно ходятъ барки и лодки, то Бутовичъ пригласилъ меня, чтобъ посовѣтоваться, не могу ли я остановить работъ въ штабѣ, безъ чего карантинъ былъ бы недѣйствителенъ. Я ему сказалъ, чтобъ онъ меня увѣдомилъ оффиціально о таковомъ положеніи комитета, въ такомъ случаѣ я пріостановлю работы и донесу начальству. Но Бутовичъ отвѣчалъ, что прямаго приказанія о прекращеніи работъ онъ не получалъ, а чтобы съ пользою выполнить предначертаніе начальства, у коего это обстоятельство укрылось изъ виду, — онъ просилъ, не могу ли я самъ разрѣшить это, покуда онъ не донесетъ отъ себя и я не получу отъ генерала Эйлера отношенія на счетъ продолженія работъ. Пообдумавъ дѣло и сообразя, что мнѣ можно будетъ дня на три занять людей на берегу Волхова работами, я согласился, съ тѣмъ, однако-жъ, чтобъ въ теченіе этого времени было бы прислане ко мнѣ рѣшительное постановленіе производить или остановить работы. Я хотѣлъ затѣмъ отправиться домой, но въ гостиной нашелъ собравшихся многихъ полковыхъ дамъ. Бутовичъ просила меня выпить чаю, а между тѣмъ дамы окружили меня, и стали разспрашивать, о чемъ толковали мы въ комитетѣ. Желая подшутить надъ ихъ любопытствомъ, я сказалъ, что меня приглашали на счетъ приготовленія гробовъ, что ежели которая изъ нихъ умретъ, то чтобъ остановки не было. Замѣчу, что комитеты всегда собирались въ особо назначенномъ для того домѣ; не знаю, почему Бутовичу взумалось на этотъ разъ открыть присутствіе въ своей квартирѣ, а это впослѣдствіи имѣло сильное вліяніе на умы поселянъ.

Утромъ 16 числа были выведены рабочіе и назначены работы по берегу Волхова внѣ карантинной линіи. Осмотрѣвъ, что слѣдуетъ, я хотѣлъ было пройти въ штабъ, но на карантинной линіи былъ остановленъ, и пошелъ домой. Въ этотъ день жена моя послѣ родовъ дочери Екатерины въ первый разъ вышла къ столу. Пообѣдавъ въ первомъ часу, я пошелъ въ кабинетъ заснуть по обычаю. Проснувшись въ три часа, я засталъ жену, сидящую подъ окномъ и занятую какой-то работой. Жена очень хладнокровно сказала мнѣ:

— Знаешь ли, говорятъ, во второй ротѣ бунтъ. Бутовичъ туда поѣхалъ.

— Какой бунтъ? ты откуда это знаешь?

— Солдатъ, что при цейхгаузѣ, сказалъ мнѣ, отвѣчала она. Сей-

часъ же я вышелъ на дворъ и, отыскавъ на огородѣ того солдата, спросилъ, что такое дѣлается во второй ротѣ?

Солдатъ отвѣчалъ, что во второй поселенной ротѣ поймана женщина съ ядомъ, и что Бутовичъ поѣхалъ въ кабріолетѣ съ лѣкаремъ, и что онъ слышалъ, будто бы лѣкаря тамъ убили, а Бутовича сѣкутъ въ два кнута.

Узнавъ это и будучи старшимъ въ округѣ, я тотчасъ же приказалъ подать мнѣ дрожки, которыя, какъ дежурныя, цѣлый день бывали наготовѣ для моихъ разъѣздовъ, и пошелъ въ комнату взять шпагу и фуражку.

Жена, увидя, что я собираюсь ѣхать, и не зная, что происходитъ во второй ротѣ, ибо солдатъ ничего не сказалъ ей подробно, спросила, куда я ѣду?—и узнавъ, что во вторую роту, сказала, что напрасно я ѣду туда, ибо Бутовичъ уже поѣхалъ и самъ приведетъ все въ порядокъ. Поѣздка же моя покажетъ видъ, что я хочу вмѣшиваться не въ свое дѣло, и можетъ породить неудовольствія; къ тому же, вѣрно, это какіе-нибудь пустяки, ибо если бы это было что-нибудь дѣльное, то Бутовичъ, конечно, сообщилъ бы мнѣ.

Замѣчанія моей жены были справедливы; но, какъ старшему лицу въ округѣ, мнѣ все-таки надо было посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Я поѣхалъ.

Вторая рота была расположена на московскомъ шоссе, въ двухъ верстахъ отъ полковаго штаба.

Проѣхавъ штабъ, я остановился при домѣ госпитальныхъ службъ и, увидѣвъ солдата, который при этомъ строеніи былъ сторожемъ, спросилъ: что дѣлается во второй ротѣ?

— Сейчасъ,—отвѣчалъ онъ,—проскакало нѣсколько поселянъ во вторую роту и они кричали, чтобъ всѣ туда бѣжали, потому что тамъ отравляютъ.

Я поѣхалъ далѣе. На дорогѣ меня обогнали еще человѣкъ восемь верхами, и когда я спросилъ, куда они такъ поспѣшно скачутъ? закричали мнѣ: „выгонять холеру"!

Пріѣхавъ на площадь второй роты, я увидѣлъ, что человѣкъ до трехсотъ стоитъ въ разныхъ кучкахъ. Подъѣхавъ къ нимъ и сошедъ съ дрожекъ, я подошелъ къ первой кучкѣ и спросилъ: что они тутъ дѣлаютъ?

— Холеру выгоняемъ!—отвѣчали они мнѣ, не снимая шапокъ.

— Гдѣ ваши начальники?

— Вотъ тамъ лежатъ,—отвѣчали они, показывая на рѣку.

— Какъ лежатъ?

— Да такъ; положили, такъ и лежатъ. Да что долго говорить! Все одно племя! Кладите и его! государь приказалъ всѣхъ бить.

Видишь, какіе-то два генерала выстрѣлили по немъ на Исакіевскомъ мосту въ Петербургѣ.

Видя, что дѣйствія свои они основываютъ на мнимой волѣ государя императора, я употребилъ противъ нихъ то же самое средство.

— Ежели это воля государя,—сказалъ я, обращаясь къ послѣднему,—то, конечно, ее надо исполнить, но развѣ ты былъ въ Петербургѣ, и самъ слышалъ, какъ государь приказалъ?

— Нѣтъ, вонъ онъ такъ говоритъ,—отвѣчалъ поселенецъ, указывая на другаго.

— А ты развѣ былъ тамъ и слышалъ?—спросилъ я указаннаго его товарищемъ.

— Нѣтъ, и я не былъ,—отвѣчалъ онъ; но слышалъ отъ проходившихъ мужиковъ на большой дорогѣ.

Тогда я началъ говорить имъ, что этого еще недостаточно, и что слухъ этотъ можетъ быть ложный и что гораздо лучше, когда бы они вмѣсто того, чтобъ вѣрить прохожимъ, зная меня и мое управленіе, и подозрѣвая своихъ начальниковъ въ отравленіи, обратились бы ко мнѣ, какъ къ старшему въ округѣ, не будучи прямымъ начальникомъ имъ, я это дѣло разобралъ бы безпристрастно, что для меня всѣ равны, и я бы ихъ взялъ и посадилъ подъ арестъ; а между тѣмъ мы послали бы изъ самихъ же поселянъ выборныхъ для личнаго донесенія государю императору, и если начальники ихъ такіе изверги, что имѣли дерзновеніе идти противъ государя и отравлять подчиненныхъ, то намъ самимъ не слѣдуетъ даже и марать рукъ своихъ въ ихъ крови; на то есть палачъ, котораго пришлетъ государь казнить по дѣламъ ихъ. Наконецъ, я просилъ ихъ, чтобъ они выдали мнѣ всѣхъ, кого подозрѣваютъ, только не налагая на нихъ рукъ своихъ: ибо что за польза, если они убьютъ виновнаго? Со смертью его мы потеряли бы средства открыть сообщниковъ, а злодѣевъ надо сохранять для допроса.

Рѣчь эта нѣсколько успокоила бунтовщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ начали говорить:

— А что, ребята, вѣдь онъ говоритъ дѣльно.

Другіе же начали кричать, чтобъ мнѣ не вѣрили. Толпа увеличилась человѣкъ до тысячи. Поднялся страшный шумъ. Въ это время нѣсколько негодяевъ закричали:

— Не слушайте! кладите всѣхъ на повалъ! Не надо намъ и государя!

Тогда настала рѣшительная минута...

— Какъ, разбойники! кто осмѣлился возстать на государя? ребята! кто вѣренъ государю, кричи: ура!

И въ толпѣ раздалось громкое: ура: я приказалъ кричавшимъ

становиться ближе ко мнѣ, и вынувъ записную книжку, въ которую всегда вносилъ мои распоряженія по работамъ, началъ спрашивать имена тѣхъ, которые объявили себя вѣрными государю. Ко мнѣ начали толпиться, прося, чтобъ записать, что и они вѣрны царю. Такимъ образомъ мнѣ удалось, наконецъ, раздѣлить бунтующую толпу на двѣ партіи: однихъ объявившихъ себя вѣрными, другихъ, желавшихъ убійствъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я могъ дѣйствовать въ кругу первыхъ рѣшительнѣе. Я началъ говорить, что я такъ и донесу государю, что они вѣрны ему и что всякое буйство падетъ на непослушныхъ.

Къ толпѣ моей ежеминутно прибывали. Другіе поскакали назадъ въ свои деревни. Непослушныхъ осталось немного, да и тѣ не посмѣли кричать противъ государя.

Тогда я началъ предлагать имъ, чтобъ они выдали мнѣ тѣхъ начальниковъ, которые лежали въ ригѣ, полагая, что они еще живы и что можно помочь имъ. Долго не соглашались они, увѣряя меня, что у нихъ положено не выпускать никого живаго изъ риги, но я, представляя видъ, что дѣйствую за-одно съ ними, сказалъ:

— Что за вздоръ! за что вы меня вздумали бы убить? Вѣдь вамъ надобно же оставить человѣка, который бы донесъ государю о всемъ происходившемъ! Я, будучи сторонній человѣкъ, одинъ могу написать ему правду, и все, что видѣлъ и слышалъ. Пойдемте въ ригу!

Въ сопровожденіи толпы перешелъ я черезъ Московское шоссе къ ригамъ и тамъ увидѣлъ лежащихъ подполковника Бутовича, въ сюртукѣ, въ бѣломъ жилетѣ, изъ кармана были видны два рубля сер. Кантонистъ кидалъ ногою его эполетъ.

— Какъ ты смѣешь!—крикнулъ я на кантониста,—бросать съ такимъ презрѣніемъ эполеты, жалованные государемъ.

Кантонистъ отступилъ, а я приказалъ сейчасъ же пристегнуть эполеты къ умирающему Бутовичу и подошелъ къ нему.

Бутовичъ открылъ глаза и, увидавъ меня, сказалъ: „Ахъ, Николай Ивановичъ! что будетъ, когда начальство узнаетъ о всѣхъ этихъ безпорядкахъ“!..

Тутъ онъ попросилъ пить, и я приказалъ принести ему воды. Онъ напился и сказалъ мнѣ: „передайте мое благословеніе женѣ и дѣтямъ!“ У ногъ его лежалъ убитый лѣкарь; подлѣ него ротный командиръ Забѣлинъ. Онъ былъ еще живъ и судорожно обращалъ глазами, но былъ безъ всякаго сознанія и не говорилъ. По другую сторону лежалъ Пановъ ничкомъ и оказывалъ жизнь только храпѣніемъ. Цѣлью моего посѣщенія ихъ въ ригѣ была мысль—узнать отъ нихъ, что случилось, и, если они живы, то нельзя ли будетъ вырвать ихъ изъ рукъ бунтовщиковъ и подать возможное пособіе и даже отправить въ Новгородъ или въ Петербургъ.

Въ это время раздался крикъ, что привезли Саурскаго и везутъ Султанова. Я вышелъ изъ риги, чтобъ спасти ихъ, и обратился къ ближайшему Саурскому; но въ разстояніи шаговъ двадцати подскакалъ ко мнѣ военный поселянинъ со шворнемъ въ рукахъ отъ крестьянской телѣги, похваляясь, что онъ сразу „вотъ этимъ“ вышибъ духъ у Саурскаго, и что потомъ выкинулъ его изъ телѣги и потащили за ноги въ ригу съ неистовыми воплями. Видя, что тутъ ужъ нечего мнѣ дѣлать, я обратился къ той толпѣ, которая кинулась навстрѣчу маіору Султанову, но его уже убили кольями, жердями отъ забора, и тащили по землѣ въ ригу. Въ такихъ обстоятельствахъ оставшись съ тѣми изъ поселянъ, которые не поспѣли или не хотѣли участвовать въ сихъ двухъ убійствахъ, я не пошелъ уже въ ригу, и перейдя шоссе, началъ снова уговаривать о прекращеніи убійствъ. Извозчики шедшаго въ то время обоза, бросивъ лошадей, прибѣжали и нѣкоторые изъ нихъ закричали:

— Не слушайте! Бейте всѣхъ наповалъ! Въ Петербургѣ умѣли съ ними управиться православные.

Замѣчательно, что сообщенія по московской дорогѣ не прерывались, и что пьяныхъ ни поселянъ, ни иззозчиковъ не было! (?!!)

Уговаривая поселянъ, я обѣщалъ, что, ежели они выберутъ отъ себя хожалыхъ, то я имъ дамъ билетъ къ самому государю императору, и тогда они могутъ разсказать лично его величеству всѣ обстоятельства и принести свои жалобы; но они сомнѣвались,—будутъ ли допущены, а нѣкоторые просили меня ѣхать съ ними въ Петербургъ, чего мнѣ нельзя было сдѣлать: не на кого было оставить какъ свое семейство, такъ и другихъ во время сихъ безпокойствъ. Между тѣмъ привели еще двухъ офицеровъ—одного завѣдывавшаго полковыми мастерскими, а другаго изъ нѣмцевъ; но ихъ уже не убили, а отдали ко мнѣ подъ арестъ и объявили, что теперь остается взять командира третьей роты капитана Соколова, который укрѣпился въ своей ротѣ. Услышавъ это, я положилъ найти тутъ точку опоры, и, соединившись съ нимъ, начать усмирять бунтъ, а для того сталъ имъ говорить, что такъ какъ мы слушаемся государя, то конечно Соколовъ насъ не тронетъ, и что я бы поѣхалъ къ нему и объяснилъ бы все подробно, и съ нимъ бы пріѣхалъ. Многіе соглашались на это, и я, приказавъ подать мои дрожки, поѣхалъ въ третью роту, радуясь, что нашелся еще человѣкъ, который умѣлъ сохранить команду. На шоссе была разсыпана щебенка, а потому и поѣхалъ я мимо связей; но поселяне, отпустивъ меня, черезъ минуту погнались въ слѣдъ за мною, я скакалъ во весь духъ и выѣхалъ къ мосту на шоссе, опередилъ на версту поселянъ, полемъ мѣшала разсыпанная по дорогѣ щебенка, а по обочинамъ—прорытые

водостоки. Уже третья рота была въ виду, какъ я усмотрѣлъ толпу въ ротныхъ воротахъ. Полагая, что это Соколовъ идетъ на усмиреніе, я приказалъ пустить лошадей во весь опоръ; но, подскакавъ ближе замѣтилъ, что человѣкъ двадцать верхами ведутъ или лучше сказать тащутъ Соколова на веревкѣ, привязанной за шею, а сзади вся рота слѣдуетъ толпою. Я остановился и объявилъ имъ, что товарищи ихъ во второй ротѣ избрали меня своимъ начальникомъ, и что они слушаются государя императора и хотятъ послать къ царю съ донесеніемъ и что они положили до тѣхъ поръ, пока не возвратятся посланные изъ Петербурга, не буйствовать, не избивать, а отдавать мнѣ подозрѣваемыхъ людей для содержанія подъ арестомъ.

Времени для разговоровъ было немного. Будучи стѣсняемъ спереди третьей ротой, а сзади посланными въ догонку за мною изъ второй роты, я только успѣлъ приказать снять веревку съ шеи Соколова, въ которой онъ задыхался.

— Ведите его, разбойника, на судбище во вторую роту!—кричали поселяне, соединившись въ общую толпу.—Тамъ мы съ нимъ расправимся!

И толпа пошла по дорогѣ во вторую роту. Я ѣхалъ съ ними рядомъ, но передъ концомъ дороги нѣсколько обогналъ и, подъѣхавъ къ оставшимся въ ротѣ менѣе буйнымъ, разсказалъ имъ, что ведутъ къ нимъ Соколова, уговаривая, чтобъ они его не трогали, а отдали бы мнѣ подъ арестъ, или отправили бы съ тѣми, кои пойдутъ съ жалобами въ Петербургъ. Мнѣнія были разныя, кто кричалъ: посадить его за желѣзную рѣшетку; кто предлагалъ стащить въ ригу и тамъ покончить. Въ это время привели Соколова; шумъ умножился; партія неистовыхъ бунтовщиковъ потащила его въ ригу на убійство; партія моя бросилась отнимать и рвала его на гауптвахту: та и другая стороны осыпали его побоями. Разъ двѣнадцать несчастный Соколовъ былъ перетаскиваемъ поперекъ шоссе, смотря потому, которая партія одерживала верхъ; наконецъ, моя партія одолѣла, и Соколова безчувственнаго оттащили на гауптвахту. Въ то время, когда была драка за Соколова, я увидѣлъ унтеръ-офицера съ нѣсколькими нашивками на рукавѣ, лежавшаго животомъ на крыльцѣ и горько плакавшаго.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ я.

— Что это дѣлается!—сказалъ онъ, указывая на Соколова,—убиваютъ не командира, а отца!

Я началъ говорить ему, что вмѣсто того, чтобъ плакать, пошелъ бы онъ лучше туда и старался уговаривать поселянъ, чтобъ его оставили и отдали мнѣ. Унтеръ-офицеръ побѣжалъ; но не прошло и двухъ минутъ, какъ, пробившись съ нѣкоторыми поселянами на помощь Соколову, я увидѣлъ, что тотъ самый унтеръ-офицеръ съ ломомъ въ рукѣ бьетъ его.

— Что ты дѣлаешь?—закричалъ я.—Не самъ ли ты говорилъ мнѣ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ?

— Что жъ дѣлать-то, ваше высокоблагородіе? Ужъ, видно, теперь пора такая. Вы видите, что весь міръ бьетъ, что жъ я-то буду стоять такъ?

Вотъ образчикъ сужденія большей части людей въ такихъ случаяхъ! Уговаривать ихъ можно штыкомъ или пушкой.

Едва я успѣлъ управиться съ Соколовымъ, какъ ко мнѣ прибѣжало нѣсколько поселянъ и со страхомъ кричали, что идетъ батальонъ и всѣхъ ихъ перестрѣляетъ. Я оборотился въ ту сторону, куда показывали, и увидѣлъ, что приближается резервный батальонъ въ сомкнутой колоннѣ и строится около гауптвахты. Впереди же майоръ Баллашъ съ нѣсколькими человѣками, имѣющими ружья на перевѣсъ, шагахъ въ тридцати отъ колонны идетъ къ намъ. Полагая, что майоръ осматриваетъ позицію, я сказалъ поселянамъ, что пойду переговорить съ майоромъ, чтобъ онъ не стрѣлялъ. Подошедши къ нему, я сказалъ:

— Ну, слава Богу, вы пришли.

— Я ни въ чемъ не виноватъ,—отвѣчалъ Баллашъ: — а меня ведутъ убивать; что жъ дѣлать!

Видя, что и тутъ нѣтъ спасенья, я отправился къ батальону, и остановилъ его, скомандовавъ издали: „батальонъ, стой“! Подошедши ближе, я сталъ говорить солдатамъ, что поселяне выбрали меня надъ собою начальникомъ, что мы всѣ вѣрны государю императору, что Бутовичъ убитъ, и потому *я*, какъ старшій въ округѣ, принялъ на себя командованіе; повторилъ имъ все то, что говорилъ и поселянамъ на счетъ офицеровъ, посаженныхъ на гауптвахту, и приказалъ кричать государю: ура! Батальонъ исполнилъ мое приказаніе; человѣкъ шесть офицеровъ были по флангамъ взводовъ, по уставу. Майора Баллаша привели ко мнѣ обратно; но покуда я распоряжался около батальона, поселяне, побѣдивъ страхъ, начали подходить и разговаривать между собою. Одинъ изъ нихъ схватилъ уже за воротъ офицера, тоже изъ нѣмцевъ, кажется, Ганемана, квартировавшаго съ другимъ, умершимъ холерою. Его подозрѣвали бунтовщики въ отравѣ своего товарища. Батальонъ, состоявшій изъ старыхъ солдатъ и кантонистовъ, безпрекословно выдалъ имъ своего офицера. Несмотря на это, я приказалъ его отнять и чтобъ успокоить волненіе, приказалъ ему идти на гауптвахту.

Между тѣмъ, я сталъ разспрашивать офицеровъ: въ какомъ духѣ люди? Они отвѣчали, что старые солдаты имъ объявили, что хотя они ихъ и не тронутъ, но защищать не будутъ, кантонисты же положили между собою выдать всѣхъ ихъ своимъ отцамъ, военнымъ

поселянамъ, чтобъ дѣлали съ ними, что захотятъ. Разсмотрѣвъ пристальнѣе батальонъ, я увидѣлъ, что одной роты не достаетъ, и на вопросъ: гдѣ она?—Баллашъ отвѣчалъ, что взята была Бутовичемъ, а гдѣ теперь, неизвѣстно. Батальонъ этотъ пришелъ дня за два изъ лагеря и расположенъ за карантинной линіей въ ригахъ, такъ что всякое сообщеніе съ семействами было прервано—обстоятельство, поселившее въ батальонѣ большой и опасный ропотъ. По собраннымъ справкамъ и по всему, что я видѣлъ и слышалъ, я рѣшился обезоружить кантонистовъ и для того приказалъ старымъ солдатамъ выдти на флангъ своихъ ротъ, а кантонистамъ—составить ружья въ козлы, снять аммуницію и повѣсить на штыки, самимъ же идти къ отцамъ на квартиры; старыхъ же солдатъ я распредѣлилъ. слѣдующимъ образомъ: одной ротѣ занять гауптвахту, другой отправиться въ штабъ отнести съ церемоніей знамя, и, поставивъ у меня на квартирѣ, оставить при знамени караулъ въ 30 человѣкъ; остальнымъ же людямъ второй роты вмѣстѣ съ третьей занять главную гауптвахту въ полковомъ штабѣ, гдѣ находиться и майору Баллашу со всѣми офицерами, занявъ всѣ посты въ штабѣ, полковой комитетъ, гошпиталь, цейхгаузы и хранить денежный ящикъ.

Сдѣлавъ такое распоряженіе, я приказалъ ружья и аммуницію кантонистовъ перенести въ находящуюся подлѣ гауптвахты ротную школу, а поселянамъ выбрать по три человѣка съ роты для отправленія въ Петербургъ съ донесеніемъ государю императору обо всемъ, что случилось. По отбытіи моемъ отъ батальона поручикъ Чернцовъ приказалъ становиться людямъ во фронтъ, чтобъ съ должною честью отнести знамя; но никто не хотѣлъ слушать и брать знамя, говоря, что оно должно оставаться не у меня на квартирѣ, а въ ротѣ на гауптвахтѣ. Видя, что люди разбрелись и, желая исполнить мое приказаніе, Чернцовъ, взявъ барабанщика и поднявъ въ одну руку знамя, а въ другой полусаблю, приказалъ ударить подъ знамена и пошелъ одинъ съ барабанщикомъ. Солдаты, увидя, что знамя уносится, а взвода нѣтъ, начали къ нему пристраиваться, такъ что наконецъ собралось человѣкъ двадцать. Тогда Чернцовъ отдалъ знамя унтеръ-офицеру и въ порядкѣ пришелъ въ штабъ. Остановившись у моей квартиры, онъ отдалъ честь знамени и, внеся его въ комнаты, поставилъ часоваго, а самъ остался тамъ же съ прочими людьми въ карауле.

Покончивъ съ поселянами насчетъ выбора людей, посылаемыхъ къ государю, я приступилъ къ назначенію ротныхъ командировъ изъ числа остававшихся офицеровъ. Три роты ихъ приняли; а одна не хотѣла, говоря, что она наймет себѣ начальника. Рота выбрала для сего одного унтеръ-офицера, обѣщавшись платить ему по десять ко-

пѣекъ мѣдью съ каждаго дома въ день. Утвердивъ по необходимости такой выборъ (ибо для меня нужно было, чтобъ хоть кто-нибудь выполнялъ мои распоряженія), я приказалъ еще назначить подъ непосредственное мое завѣдываніе двадцать четыре человѣка верхами для разъѣздовъ и двѣнадцать человѣкъ стариковъ изъ почетныхъ поселянъ для составленія вмѣстѣ съ ними комитета управленія подъ моимъ предсѣдательствомъ; старый же комитетъ, въ которомъ они хотѣли отыскивать дѣло объ отравѣ и о полученныхъ будто бы отъ поляковъ пяти милліонахъ денегъ, я, для сбереженія дѣлъ и во избѣжаніе расхищенія суммъ, велѣлъ запечатать, увѣривъ ихъ, что какъ скоро все успокоится, тогда я соберу ото всѣхъ ротъ выборныхъ, и при нихъ порядкомъ разберемъ дѣла и суммы, а такъ какъ многіе желали раздѣла этихъ суммъ, то составимъ раздаточные списки и разсчитавъ, по сколько придется на каждаго, раздадимъ въ порядкѣ, теперь же начинать этого нельзя, ибо въ такомъ безпорядкѣ одинъ захватитъ много, а другому ничего не достанется. Тутъ какой-то поселянинъ принесъ ко мнѣ около 400 р. ассигнаціями, объявляя, что нашелъ ихъ у штабсъ-капитана Панова, и что эти деньги должны быть тоже получены отъ поляковъ. Я принялъ деньги и тутъ же отдалъ на прогоны тѣмъ, которые выбраны были депутатами въ Петербургъ.

Въ это время капитанъ Соколовъ, пришедши въ память и не видя на гауптвахтѣ караула, — ибо солдаты распоряженій моихъ не послушали и, кромѣ Черницова, умѣвшаго собрать взводъ ко знамени, всѣ разошлись, — подумалъ, что это самое удобное время скрыться, и потому бросился бѣжать на дровяной дворъ и спрятался тамъ между дровами. Кто-то его увидалъ и закричалъ; въ одну минуту всѣ бросились за нимъ. Я думалъ, что его непремѣнно убьютъ; но какъ дѣло уже было рѣшено, чтобы ожидать повелѣнія государя, то его оставили живымъ, какъ свидѣтеля. Въ то же время явился ко мнѣ и капитанъ Носовъ. Этотъ офицеръ командовалъ прежде разными ротами въ полку, зналъ всѣхъ людей и извѣстенъ былъ каждому. Онъ мнѣ очень много способствовалъ въ усмиреніи бунтовщиковъ; я назначилъ его ко мнѣ въ должность адъютанта. Приказавъ отправлявшимся въ Петербургъ пріѣхать ко мнѣ въ штабъ за билетами, я хотѣлъ уже отправиться домой и распустить поселянъ по домамъ, какъ увидѣлъ, что старшій священникъ нашъ, отецъ Лавръ, ѣдетъ изъ Новгорода въ роту, гдѣ была его квартира недалеко отъ Подберезья. Мнѣ доложили, что ѣдетъ священникъ и что его остановили; а поелику и онъ членъ комитета, то не прикажу ли я позвать его, чтобъ разспросить, не знаетъ ли онъ чего о присылкѣ денегъ отъ поляковъ. Желая переговорить съ священникомъ на счетъ разныхъ обстоя-

тельствъ и воспользоваться его знаніемъ поселянъ, и вліяніемъ духовнаго его сана, я велѣлъ позвать его къ себѣ; но священникъ, сказавъ поселянамъ, что поѣдетъ ко мнѣ, вмѣсто того, чтобъ съ шоссе поворотить на площадь, гдѣ я въ ту пору находился около часовни, ударилъ по лошади и хотѣлъ ускакать. Поднялся страшный шумъ: „держи его, держи!“ кричали съ всѣхъ сторонъ. Отпущенные мной поселяне, отправлявшіеся въ первую роту, перегородили ему дорогу и ударили коломъ по головѣ лошадь, а священнику раздробили руку и притащили ко мнѣ. Священникъ оторопѣлъ, началъ оправдываться и божиться, что онъ ничего не знаетъ. Чтобъ прекратить шумъ, я приказалъ ему, взявъ изъ часовни крестъ, выйти къ поселянамъ; но дверь часовни была заперта. Дѣлать нечего, я приказалъ ее выломать, но тамъ были только мѣстные образа. Я взялъ съ гауптвахты образъ, отдалъ священнику въ руки и велѣлъ вынести на крыльцо къ собравшейся толпѣ. Тогда я сталъ требовать, чтобы мнѣ дали присягу въ томъ, что они остаются вѣрными государю, и что болѣе буйствовать не будутъ. Поселяне же, въ свою очередь, потребовали отъ меня, чтобъ я самъ далъ обѣщаніе разсказать государю все, какъ было. Я обѣщалъ и, перекрестившись, приложился къ образу, а за мною и всѣ поселяне. Тутъ только я замѣтилъ, что священникъ держалъ образъ ликомъ книзу. Затѣмъ я распустилъ всѣхъ и съ 24 конными поѣхалъ домой въ штабъ. По пріѣздѣ моемъ, я засталъ тамъ толпу бунтовщиковъ, которые ходили по офицерскимъ квартирамъ и отыскивали спрятавшихся офицеровъ, лѣкарей, писарей и прочихъ должностныхъ лицъ. Я разогналъ эту толпу съ помощью находившагося при мнѣ конвоя, приставилъ къ комитету караулъ, запечатавъ двери и учредивъ разъѣзды и патрули, отправился къ себѣ на квартиру.

Было 11 часовъ вечера.

Дома я нашелъ всѣхъ офицерскихъ женъ, которыя, узнавъ, что я усмиряю бунтъ, бросились къ моей женѣ. Тутъ были Бутовичева, Султанова, коихъ мужья были уже убиты; всѣ окружили меня и спрашивали, что дѣлаютъ ихъ мужья, и скоро ли будутъ назадъ? Я успокоивалъ ихъ, сколько могъ, не упоминая о постигшей ихъ участи.

Между тѣмъ, ко мнѣ пріѣхали тѣ поселяне, которые отправлялись въ Петербургъ, для полученія билета. Я написалъ имъ обыкновенный видъ, и безъ всякой другой бумаги отпустилъ ихъ въ Петербургъ, приказавъ взять съ собою унтеръ-офицера путей сообщенія и дѣвку, которая обличала его въ томъ, что у него былъ ядъ, и отъ котораго, какъ я послѣ узналъ, произошла вся эта тревога. Я опасался оставить ихъ въ округѣ, чтобъ ихъ не убили, ибо толпа вновь окружила мой домъ, узнавъ, что у меня находится полковая аку-

шерка. На бѣду, она въ эту пору получила утромъ изъ города письмо съ почты, присланное изъ Польши. Я позвалъ нѣсколько стариковъ въ комнату и сказалъ имъ, что акушерка мнѣ нужна, ибо жена моя, какъ имъ извѣстно, недавно родила и имѣетъ въ ней надобность, что за цѣлость акушерки я отвѣчаю, и что письмо, полученное ею, было отъ полковаго штабъ-лѣкаря, а ящичекъ, принесенный ею въ домъ, была шкатулка съ разными вещами и высочайшими подарками, полученными ею за службу. Поселяне настояли, чтобъ показать имъ все это. Шкатулка съ письмами, фермуаромъ и серьгами и перстнемъ, пожалованнымъ штабъ-лекарю, равно и бумаги, тамъ находившіяся, увѣряли ихъ, что это не отъ поляковъ, а получены за службу и пособіе ихъ женамъ и дѣтямъ. Они оставили ее покойно у меня, равно какъ и помощника моего, иностранца швейцарца Ланони, бывшаго при мнѣ въ званіи архитекторскаго помощника въ чинѣ 10 класса.

Оставшись одинъ, я написалъ въ трехъ экземплярахъ рапортъ одинаковаго содержанія къ начальствовавшему въ городѣ генералъ-лейтенанту Эйлеру, гдѣ, описавъ все кратко и донося, что при мнѣ болѣе нѣтъ людей, кромѣ человѣкъ 80, просилъ его прислать мнѣ въ помощь хоть одну надежную роту, и ежели можно, помѣстить на пароходѣ одно или два орудія. Это донесеніе послалъ я съ болѣе надежными людьми изъ мастеровыхъ шестаго военно-рабочаго баталіона по тремъ разнымъ дорогамъ. Вслѣдъ за тѣмъ далъ я предписаніе командирамъ пятаго и шестаго военно-рабочихъ баталіоновъ, собравъ людей, имѣющихся на лицо, явиться ко мнѣ къ пяти часамъ утра, а также и начальнику пароваго лѣсопильнаго завода подполковнику Шипову прислать ко мнѣ всѣхъ излишнихъ людей на заводѣ, бывшихъ въ работѣ. Конноработчую команду, снабдивъ сѣдлами фурлейтскими изъ мастерской, обратилъ въ кавалерійскій отрядъ, вооруживъ ружьями со штыками, бывшими въ починкѣ въ мастерской же, приказалъ собраться и всей инвалидной командѣ, бывшей при домахъ, при госпиталѣ и при прочихъ заведеніяхъ. Потомъ объѣхалъ весь штабъ кругомъ и по всѣмъ дорогамъ учредилъ караулы. Такимъ образомъ къ утру начали собираться ко мнѣ люди, впрочемъ невооруженные; я велѣлъ вооружить ихъ топорами и ломами.

Между тѣмъ еще на разсвѣтѣ явились ко мнѣ съ дѣловаго двора пятаго рабочаго баталіона четыре человѣка съ предложеніемъ: не прикажу ли я привести къ себѣ баталіоннаго ихъ командира и посадить подъ арестъ, а денежный ящикъ раздѣлить по солдатамъ, потому что и онъ подкупленъ поляками. Приказавъ денежный ящикъ хранить впредь до моего распоряженія, а на счетъ командира ихъ, майора Москвина, я сказалъ, что рано поутру онъ будетъ у меня, и я самъ раздѣлаюсь съ нимъ. Записавъ имена явившихся ко мнѣ,

я отпустилъ ихъ, наказавъ исполнять всѣ приказанія, которыя будутъ получать отъ меня. Въ ту же ночь посланъ былъ уланскаго полка майоръ Воробьевъ изъ Новгорода въ разъѣздъ, какъ скоро тамъ узнали о бунтѣ въ поселеніи. Доѣхавъ до Колмова, онъ оставилъ тамъ свою команду, а самъ съ трубачемъ и съ двумя карабинеръ-уланами пробрался до того мѣста, гдѣ убивали офицеровъ. Поселяне такъ перепугались, что бросились ко мнѣ съ извиненіемъ, что „наступаютъ татары", что они укладываются въ телѣги и хотятъ убираться въ лѣсъ. Москвинъ, не зная, что его люди также бунтуютъ, въ пять часовъ по утру пріѣхалъ ко мнѣ, и, подавъ рапортъ, сколько людей на лицо выйдетъ изъ его баталіона и разсчитывая на 6-й баталіонъ и на разныя мелкія команды, мной собранныя, полагалъ, что можетъ собраться всѣхъ человѣкъ до шестисотъ. Въ полной увѣренности, что всѣ будутъ дѣлать, что приказано, думалъ захватить всѣхъ зачинщиковъ и отправить въ городъ, но когда я ему сказалъ, что на его баталіонъ надѣяться нельзя и что ночью приходили ко мнѣ просить позволенія взять его самого, то сначала онъ не хотѣлъ вѣрить и, вышедши отъ меня, справился у приверженныхъ къ нему людей. Когда же они стали просить его какъ можно скорѣе скрыться, то Москвинъ вошелъ опять ко мнѣ и сталъ просить совѣта, что дѣлать. Я присовѣтовалъ ему, взявъ отъ меня бумагу, явиться къ генералу Эйлеру, а ежели нѣтъ его въ городѣ, то хоть къ гражданскому губернатору Денгреру, и, объявивъ имъ лично мое положеніе, просить о присылкѣ помощи хоть и въ небольшомъ числѣ, но состоящей изъ людей, на вѣрность которыхъ можно было бы положиться, ибо изъ полученныхъ мною свѣдѣній я знаю, что люди его баталіона находятся почти всѣ въ томъ же положеніи, въ какомъ и поселяне; люди же шестаго рабочаго баталіона объявили, что противъ поселянъ не пойдутъ, хоть и не соединятся съ ними. Инвалидная команда также не надежная, а люди, взятые съ пароваго завода, объявили, что они отправятся обратно, ибо у нихъ въ округѣ бунтъ, а тамъ у нихъ семейства, и потому, ежели они здѣсь пойдутъ противъ поселянъ, то поселяне прусскіе сожгутъ ихъ землянки и перебьютъ женъ и дѣтей ихъ. Москвинъ, переодѣвшись въ солдатскую шинель, отправился съ лодкой, посланной съ казенными вещами въ Новгородъ; въ лодку посадилъ свою жену, а самъ съ двумя солдатами потащилъ ее на бечевѣ, и такимъ образомъ благополучно прошелъ черезъ штабъ своего баталіона, и, уже миновавъ оный, сѣлъ въ лодку, которую два раза обыскивали его же солдаты и поселяне.

Отпустивъ Москвина, я вышелъ къ собраннымъ людямъ, но духъ ихъ не показался мнѣ хорошимъ. Я уговаривалъ ихъ быть послушными начальству, не дозволять поселянамъ бушевать, бить своихъ

командировъ и оставаться вѣрными присягѣ и государю; но за всѣмъ тѣмъ нашелъ лучшимъ распустить ихъ, приказавъ быть наготовѣ, когда ихъ потребуютъ.

Не много погодя, по отпускѣ военнорабочихъ, разъѣзды мои дали мнѣ знать, что въ третьей ротѣ собираются поселяне ѣхать ко мнѣ съ спросомъ: для чего я писалъ секретныя бумаги и посылалъ ночью въ Новгородъ за помощью? Два рапорта мои были перехвачены!.. Черезъ полчаса явилось человѣкъ полтораста верхами, съ кольями, саблями, а нѣкоторые имѣли охотничьи ружья и какія-то алебарды. Откуда они ихъ взяли, этого я до сихъ поръ не знаю, но только одна изъ алебардъ и теперь хранится у меня. Они стали кричать, что ихъ обманываютъ и просятъ помощи противъ нихъ. Минута была страшная! Я обратился съ молитвою къ Господу Богу, простился съ женой и вышелъ на крыльцо, рѣшительно не зная, что отвѣчать бунтовщикамъ. Меня встрѣтили воплями.

— Шапки долой!—закричалъ я.

Мнѣ повиновались.

— Молчать!

Толпа поутихла; тогда я приказалъ имъ сойти съ лошадей, бросить колья и оружіе и приблизиться ко мнѣ.

— Такъ ли слѣдуетъ пріѣзжать къ начальнику?—заговорилъ я.— Чего вы хотите?

Они показали мнѣ два мои рапорта и спрашивали: я ли это писалъ? и почему къ нѣмцамъ?

— Ну, я; что-жъ такое? Воинскій уставъ повелѣваетъ начальникамъ, кто бъ они ни были, писать рапортами; впрочемъ, вамъ не понять этого, ибо вы мужики, а не солдаты, никогда не служили и устава не знаете. — Затѣмъ, обратясь къ одному унтеръ-офицеру съ анненскимъ крестомъ и съ нѣсколькими шевронами на рукавѣ, я продолжалъ: вотъ старый служивый такъ это знаетъ. Не правда ли, старина, что начальникъ до тѣхъ поръ, пока начальникъ, всегда получаетъ рапорты и честь ему отдается?

— Знаю, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ онъ.—Да вотъ, напримѣръ, когда я служилъ въ дѣйствующихъ и нашъ полкъ стоялъ въ Кіевѣ, то на главной гауптвахтѣ сидѣлъ генералъ, и мы всѣ передъ нимъ становились во фрунтъ, снимали шапки и величали: ваше превосходительство. А какъ потомъ пріѣхалъ майоръ съ аудиторомъ, да прочли бумагу, такъ его взяли да и повезли въ Сибирь.

Всѣ поселяне стали извиняться передъ мною, что они этого не знали, что имъ показалось Богъ знаетъ что, а теперь будутъ знать и что до тѣхъ поръ, покуда ихъ посланные не воротятся отъ государя и не привезутъ приказанія, что дѣлать съ генераломъ Эйле-

ромъ, то ему должно писать рапорты. Побранивъ ихъ за подозрѣніе начальства, которое всегда знаетъ, что нужно дѣлать болѣе, чѣмъ, подчиненные, я отпустилъ ихъ. Такъ кончилось это дѣло, едва не стоившее мнѣ головы! Благодареніе Богу, вразумившему и сохранившему меня отъ жестокой смерти!

Въ то же утро началось буйство въ округѣ гренадерскаго короля прусскаго полка; поселяне перехватили двухъ офицеровъ того полка, спасавшихся на нашемъ берегу Волхова, но уже ихъ не били, а привели ко мнѣ. Я приказалъ отправить ихъ на гауптвахту. Такимъ образомъ у меня было уже тридцать восемь человѣкъ подъ арестомъ.

Часовъ въ десять нѣсколько поселянъ пришли мнѣ сказать, что у нихъ въ ротѣ въ погребкѣ нашлось тридцать боченковъ пороху, а въ цейхгаузѣ до 300 ружей и нѣсколько ящиковъ патроновъ, и что поселяне хотятъ порохъ этотъ привезти въ штабъ и взорвать штабныя строенія. Я сказалъ, что, если они рѣшатся на это, то ни одного дома не останется на мѣстѣ, а лучше всего порохъ и ружья отправить лодкою въ Новгородъ; пусть тамъ дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ, а намъ его не надо. Совѣтъ мой былъ принятъ, и я, нагрузивъ лодку порохомъ и ружьями, отправилъ при запискѣ въ Новгородъ; но въ то время на Волховѣ стоялъ пароходъ и лодку обратилъ назадъ, и только по вторичной просьбѣ моей порохъ приняли; но, къ несчастію, вмѣстѣ съ симъ удержали и людей, бывшихъ на лодкѣ; а это мнѣ чуть не стоило головы... Поселяне подумали, что я нарочно ихъ выдалъ и на другой день приступили ко мнѣ съ крикомъ и угрозами. Не будь въ то время въ рукахъ моихъ знамени, которое, въ случаѣ какого-либо насилія, я обѣщалъ бросить въ топившуюся печку, дѣло было бы плохо. Унтеръ-офицеръ Перекопаевъ, стоявшій въ караулѣ при знамени, собравъ 30 человѣкъ, цѣлый день удерживалъ поселянъ, а къ вечеру предложилъ взять денежный ящикъ и знамя, и пробиться на штыкахъ въ городъ. За такое его преднамѣреніе я произвелъ его именемъ государя императора въ прапорщики; но идти въ городъ не могъ, ибо бунтовщики перебили бы всѣхъ арестантовъ и всѣхъ женъ и дѣтей офицерскихъ.

На другой же день я приказалъ при депутатахъ со стороны военныхъ поселянъ и при парадѣ изъ взвода резервнаго баталіона перенести ко мнѣ высочайше пожалованную грамату полку на владѣніе землями и перевезти денежный ящикъ. Грамату вынесъ изъ комитета штабсъ-капитанъ Носовъ и отдалъ унтеръ-офицеру и двумъ депутатамъ-ассистентамъ изъ поселянъ. Взводъ отдалъ честь съ пробитіемъ похода, и процессія отправилась ко мнѣ на квартиру; два караула, бывшіе по дорогѣ, тоже выходили и отдавали честь съ походомъ. На крыльцѣ моего дома, я, въ сопровожденіи нѣсколькихъ

офицеровъ, явившихся ко мнѣ въ шарфахъ и мундирахъ, встрѣтилъ грамату, и взводъ опять отдалъ честь съ пробитіемъ похода. Унтеръ-офицеръ и два ассистента внесли грамату въ комнаты и положили на покрытый столъ подъ знаменемъ. Послѣ сего депутаты отъ ротъ въ присутствіи наличныхъ офицеровъ, по приказанію моему, сняли казенную печать съ денежнаго ящика, перенесли ко мнѣ все, что въ немъ находилось, и мы, пересчитавъ всѣ деньги и билеты, равно серебро, принадлежащее полковой ресторація и прочія вещи, сдѣлали всему этому опись въ шести экземплярахъ за подписомъ наличныхъ офицеровъ и трехъ депутатовъ отъ каждой поселенной роты; одинъ экземпляръ положили въ денежный ящикъ, четыре экземпляра отдали депутатамъ каждой роты для храненія въ ротныхъ комитетахъ, а шестой я оставилъ при дѣлахъ окружнаго комитета. Въ эту пору штабсъ-капитанъ Носовъ предъявилъ мнѣ, что подполковница Бутовичева дала ему на сохраненіе ящикъ съ казенными деньгами, бывшими на квартирѣ у ея мужа, что онъ принялъ отъ Бутовичевой только ящикъ, а ключъ остался у ней. Взявъ показанный ящикъ, я пошелъ съ депутатами отъ каждой роты къ Бутовичевой на квартиру, и спросилъ ключъ, котораго она не могла въ скорости отыскать, объявивъ мнѣ при этомъ, что тутъ же были и собственныя деньги покойнаго ея мужа.

— Сколько?—спросилъ я.

— Полторы тысячи рублей ассигнаціями,—отвѣчала она.

— А сколько тутъ всѣхъ денегъ?

Бутовичева отозвалась незнаніемъ, прибавивъ, что она въ смятеніи отдала весь ящикъ Носову на сохраненіе; но что всѣ деньги ея мужа лежали въ этомъ ящикѣ. Такъ какъ она долго не могла отыскать ключа, то я приказалъ позвать слесаря и вскрыть ящикъ, гдѣ дѣйствительно нашелъ въ особомъ конвертѣ полторы тысячи рублей. Отдавъ эти деньги Бутовичевой, мы пересчитали остальныя и нашли, кажется, около 14 тысячъ. Я опять составилъ протоколъ и объ этихъ деньгахъ и попросилъ Бутовичеву подписать обще съ нами; послѣ сего, присовокупивъ эти деньги къ первымъ описямъ, велѣлъ запереть денежный ящикъ и запечатать, кромѣ казенной печати и моей, печатями наличныхъ офицеровъ и поселянскими, сколько могло найтись у солдатъ въ то время. Ящикъ поставили у меня подлѣ крыльца и приставили часового.

Въ этотъ же день велѣлъ я сдѣлать въ мастерскихъ, по числу убитыхъ офицеровъ, восемь гробовъ; но настоялъ, чтобы до трехъ дней не хоронили, ибо не вѣрилъ поселянамъ и полагалъ, что они еще живы. Едва я кончилъ провѣрку суммъ, какъ донесли мнѣ, что въ селѣ Богословѣ, гдѣ назначена была квартира дивизіоннаго ко-

мандира, поселяне ворвались и ломаютъ въ саду деревья и бьютъ въ оранжереѣ стекла. Я тотчасъ же созвалъ депутатовъ, коихъ распустилъ было по ротамъ, и сталъ имъ говорить, что поселяне ворвались въ Богослово и безчинствуютъ, ломаютъ въ государскомъ саду деревья и бьютъ стекла, что это нехорошо, за это надо ихъ наказать. Депутаты отвѣчали мнѣ, что это вѣрно пьяные, — „вѣдь теперь-де другому море по колѣно"; однако же, тотчасъ отправились и привели ко мнѣ восемь человѣкъ. Я приказалъ дать имъ по 25 палокъ и ихъ тутъ же наказали. Преступники вздумали было роптать, говоря, что они же выбрали меня въ начальники и я же ихъ наказываю.

— На то и начальники,—отвѣчали имъ депутаты,—чтобъ за нами смотрѣли да наблюдали, безъ начальниковъ намъ быть нельзя. Вотъ и у забора есть столбы: какъ бы ты закрѣпилъ заборъ безъ нихъ?

Такая философія мнѣ крѣпко полюбилась, и я увидѣлъ тутъ, что народомъ управлять можно.

Около четырехъ часовъ послѣ обѣда разъѣзды мои донесли мнѣ, что въ прусскомъ полку поселяне мучительно умертвили своихъ начальниковъ и посылали узнать къ намъ въ полкъ въ четвертую роту: кого у насъ выбрали въ начальники? Тѣ отвѣчали, что „строителя". Они поскакали обратно и выбрали отставнаго инженеръ-капитана Костырева, производителя работъ въ ихъ округѣ. Опоздай они двумя-тремя минутами, Костыревъ былъ бы убитъ, ибо посланные застали его на колѣняхъ съ послѣдней молитвою на устахъ. Я тотчасъ же послалъ къ Костыреву предписаніе, чтобъ, занявъ въ Сабачьихъ горбахъ паромъ военно-рабочими и учредивъ изъ конно-рабочихъ конную команду, поддерживалъ сообщеніе со мною четыре раза въ день и присылалъ свѣдѣнія о всякомъ приключеніи, и чтобы послалъ, подобно мнѣ, депутатовъ къ государю съ повинною въ Петербургъ. Командиръ пароваго лѣсопильнаго завода, артиллеріи подполковникъ Шиповъ, тоже явился лично съ донесеніями, какъ къ старшему по службѣ.

А изъ города все не было ни вѣсти, ни помощи. Хотя два моихъ рапорта и были перехвачены, но третій долженъ же былъ дойти. Трудно вообразить мое нетерпѣніе и тревожное ожиданіе. Наконецъ, вечеромъ черезъ военно-рабочаго солдата я получилъ секретный конвертъ изъ отряднаго дежурства, подписанный, за отсутствіемъ генерала Эйлера, какимъ-то аудиторомъ. Дежурство дѣлало мнѣ выговоръ за то, что ему уже въ четыре часа по полудни вчерашняго числа было извѣстно о безпорядкахъ, происшедшихъ въ округѣ, между тѣмъ какъ донесеніе отъ меня получено лишь сегодня по утру въ шесть часовъ, а потому строжайше подтверждало мнѣ

доносить ежедневно, по пробитіи вечерней зари, о благополучіи округа, а о случающихся чрезвычайныхъ происшествіяхъ писать съ нарочнымъ въ то же время; въ случаѣ же несоблюденія сего, дежурство угрожало мнѣ строжайшимъ взысканіемъ по законамъ. Тутъ же узналъ я, что въ городѣ былъ совѣтъ, и что тамъ положено выставить противъ бунтовщиковъ находящіяся въ Новгородѣ войска, а военно-рабочую роту вооружить ружьями.

Въ тотъ же вечеръ получилъ я донесеніе, что четыре человѣка помѣщика Литвинова, имѣніе котораго было внутри поселенія близъ 4-й роты, приходили къ поселянамъ съ доносомъ, что помѣщикъ ихъ бѣжалъ и скрывается во ржи. Поселяне, соединившись съ крестьянами, отправились искать помѣщика, обвиняемаго въ отравленіи полей, будто бы, говорили послѣдніе, съ нимъ помазокъ, которымъ онъ, помакивая въ ядъ и расхаживая по полянѣ, мажетъ колосья. Отрядивъ туда сильный патруль, я велѣлъ разогнать поселянъ, а людей помѣщика Литвинова взять и привести ко мнѣ. Ихъ нашли уже въ господскомъ домѣ, разбирающими бумаги въ помѣщичьемъ кабинетѣ, и привели ко мнѣ вмѣстѣ съ старостой, который не пускалъ ихъ въ домъ господскій. Поблагодаривъ старосту, я далъ ему для защиты унтеръ-офицера и рядового съ открытымъ предписаніемъ, чтобъ никто не смѣлъ входить въ домъ помѣщика и обижать старосту; а людей, искавшихъ Литвинова, посадилъ подъ арестъ на полковую гауптвахту.

Ославъ затѣмъ съ вечернимъ объѣздомъ кондуктора Миллерова, находившагося при мнѣ, осмотрѣть тѣла убитыхъ начальниковъ, я отдалъ приказъ похоронить ихъ въ субботу 18 числа. Для сего назначенъ былъ мною парадъ изъ всѣхъ четырехъ ротъ поселянъ по взводу, и отъ резервнаго баталіона два взвода, но безъ ружей. Парадомъ приказалъ я начальствовать майору Баллашу; службу же отправлять полковому священнику Лавру, не смотря на то, что у него была перебита рука и что онъ содержался вмѣстѣ съ Соколовымъ во 2-й ротѣ на гауптвахтѣ.

Ночью пришли ко мнѣ изъ города два солдата военно-рабочихъ и два артиллериста изъ числа войскъ, предположенныхъ къ движенію противъ бунтовщиковъ, съ предложеніемъ отъ товарищей, не прикажу ли я имъ присоединиться ко мнѣ? Въ такомъ случаѣ, они свяжутъ своихъ начальниковъ и приведутъ ихъ ко мнѣ. Записавъ ихъ имена, я посовѣтовалъ имъ быть покойными и слушаться покамѣстъ своихъ начальниковъ, что мы уже послали къ государю императору спросить, что онъ прикажетъ намъ дѣлать, и ждалъ теперь отвѣта.

Объ этой депутаціи я въ то же время послалъ въ Новгородъ за-

писку съ надписью: командующему въ городѣ, а между прочимъ узналъ, что въ третью роту приходили изъ города 16 человѣкъ купцовъ или мѣщанъ, не знаю, и совѣщались по берегу Волхова съ поселянами. Объѣзжая на разсвѣтѣ разставленные мною посты, я дѣйствительно замѣтилъ какого-то человѣка во фракѣ, чего у насъ нельзя было видѣть, ибо всѣ носили мундиры, кромѣ помощника моего, иностранца Ламони, да и на того поселяне и военнорабочіе смотрѣли непріязненно. Я началъ кричать фрачнику, чтобъ подошелъ ко мнѣ, но вмѣсто этого онъ ударился бѣжать по полю и спрятался въ новомъ строеніи, назначенномъ подъ казарму для резервнаго баталіона, стоявшемъ безъ лѣстницъ, оконъ и дверей и заставленномъ лѣсами. Это было очень рано, и я былъ одинъ на дрожкахъ съ кучеромъ, и поэтому не могъ преслѣдовать его въ полѣ и поймать. Послѣ я вспомнилъ, что я видѣлъ какъ-то этого господина въ церкви, когда Бутовичъ дѣлалъ церковный парадъ, и на вопросъ мой: кто это такой?—Бутовичъ отвѣчалъ, что не знаетъ, а что онъ, должно быть, пріѣхалъ на пароходѣ, стоявшемъ тогда у пристани. Пріѣхавъ поспѣшно домой, я тотчасъ же послалъ людей съ гауптвахты окружить строеніе и поискать бѣглеца; но онъ успѣлъ уже скрыться, и поиски были напрасны. Это совѣщаніе съ мѣщанами и появленіе незнакомаго человѣка во фракѣ еще передъ началомъ бунта, наконецъ, побѣгъ его отъ меня въ настоящую пору сильно меня озабочивалъ. Къ тому же нерѣшительныя дѣйствія въ городѣ, усиливающееся буйство поселянъ и распространеніе по другимъ округамъ бунта, ибо 18 числа истреблены начальники въ Аракчеевскомъ полку, а также въ полку наслѣднаго принца прусскаго, свѣдѣнія, мной полученныя о бунтахъ въ Старой Русѣ, въ тринадцати округахъ и въ карабинерномъ полку, наконецъ, возстаніе въ Польшѣ и Литвѣ—всѣ эти обстоятельства заставляли меня подозрѣвать, не приняло ли возмущеніе это характеръ болѣе серьезный, политическій. Потерявъ надежду получить откуда-либо скорую помощь, я рѣшился всѣми мѣрами поддерживать уваженіе къ государю и его повелѣніямъ.

Съ утра 18 числа начались разные наѣзды на мою квартиру. Первое было по поводу задержанныхъ поселянъ, отправленныхъ съ оружіемъ и порохомъ.

— Кто жъ вамъ виноватъ,—отвѣчалъ я имъ.—Если бъ вы не остановили моихъ сношеній съ городомъ, перехвативъ мои рапорты, то я бы ихъ вытребовалъ.

Второе требованіе состояло въ томъ, чтобъ идти всѣмъ на Новгородъ и взять всѣхъ тамошнихъ начальниковъ, которымъ они повиноваться не хотятъ.

— Погодите,—сказалъ я имъ:—мы послали уже къ государю импе-

ратору своихъ депутатовъ; подождемъ, что скажетъ государь, и тогда, какое приказаніе получимъ, то и сдѣлаемъ. Хотя бы намъ велѣно было идти на Петербургъ, не только на Новгородъ, то я первый сяду на коня и самъ поведу ихъ. Но до тѣхъ поръ, покуда не узнаю воли императора,—не приступлю ни къ чему.

Полагая, что они были наущены кѣмъ-либо, а, можетъ, узнали и о томъ, что войска новгородскія не надежны, я продолжалъ:

— Ребята! я русскій, и не стану помогать проклятымъ полякамъ! Вы полагаете, что они дѣйствуютъ отравами; нѣтъ, не отравами! Они распространяютъ ложные слухи, бунтуютъ народъ и мѣшаютъ государю усмирить ихъ—злодѣевъ!

— Какъ же не отравами?—заговорили два человѣка.—Мы сами видѣли это своими глазами. Двое изъ нашихъ были въ банѣ, и только что послѣ пару вступили въ рѣку, какъ ноги у нихъ почернѣли до тѣхъ мѣстъ, куда хватила вода.

Я тотчасъ послалъ въ баню и велѣлъ привести указанныхъ людей. Когда они явились, я приказалъ снять съ нихъ сапоги; ноги были красны, а не черны. Обличивъ такимъ образомъ злонамѣренныхъ болтуновъ, я велѣлъ наказать ихъ розгами за ложь. Хоть наказаніе было и пустое, но это подало поводъ къ насмѣшкѣ надъ ними.

— А что, братцы,—спрашивали нѣкоторые:—какія ноги-то были въ банѣ?

— Да съ чего вы взяли,—говорили другіе,—что ноги почернѣли?

— Эхъ, братъ,—отвѣчалъ одинъ изъ разсказчиковъ,—я не зналъ, что онъ велитъ привести да осмотритъ. Ну, всѣ говорили, и я туда же.

Холера между тѣмъ страшно усиливалась, и это много принесло пользы тѣмъ, что перестали толковать вздоръ, хоть и продолжали вѣрить въ отравленіе.

Выше сказано, что на этотъ день я назначилъ погребеніе убитыхъ офицеровъ: но, къ сожалѣнію, похоронный парадъ мой не удался, взводы не пошли, а собрались только толпы; въ гробы не положили, ибо трупы окоченѣли въ неправильныхъ формахъ. Ихъ вытащили изъ риги пожарными крючьями и, бросивъ на телѣги, отвезли на кладбище, гдѣ, выкопавъ двѣ ямы, свалили туда покойниковъ. Но лишь только священникъ началъ отпѣваніе, поднялся шумъ; нѣкоторые изъ бунтовщиковъ побѣжали на гауптвахту, гдѣ, схвативъ капитана Соколова, притащили его на кладбище и, опустивъ вмѣстѣ съ священникомъ въ яму, хотѣли засыпать ихъ живыхъ, допрашивая объ отравѣ. Соколовъ говорилъ, что ничего не знаетъ, а отецъ Лавръ, будучи уже засыпанъ по колѣна, отвѣчалъ мнѣ:

— Я вамъ уже говорилъ, что отравы никакой нѣтъ. Знаю только

то, что въ васъ вселился дьяволъ. Будьте вы анафемы прокляты отъ нынѣ и до вѣка!

Рѣчь эта неожиданно подѣйствовала на мятежную толпу, поселяне начали упрекать священника тѣмъ, что онъ и въ могилѣ ругается; однако же, порѣшили вытащить ихъ и отвести обратно на гауптвахту. Съ этихъ поръ они начали носить къ нимъ кушанье.

Депутаты прусскаго полка проѣхали въ Петербургъ черезъ нашъ округъ, о чемъ получено мною отъ Костырина увѣдомленіе. Въ этотъ день поселяне нѣсколько разъ пріѣзжали ко мнѣ съ разными требованіями, и было очень безпокойно, но наѣзды были уже малыми партіями, много было и пьяныхъ.

Выше упомянулъ я, что посылалъ кондуктора Миллерова 17-го числа вечеромъ осмотрѣть убитыя тѣла, и такъ какъ кабріолетъ Бутовича, послѣ убіенія его, оставался во 2-ой ротѣ, то я приказалъ ѣхать верхомъ въ роту на его лошади, и, осмотрѣвши покойниковъ, взять кабріолетъ и доставить его въ штабъ, для отдачи женѣ Бутовича, потому что она два раза присылала ко мнѣ за этимъ. Миллеровъ, осмотрѣвъ покойниковъ, заѣхалъ на гауптвахту узнать объ участи Соколова и свящ. Лавра и, воротившись отъ нихъ, заложилъ кабріолетъ и поѣхалъ черезъ первую и четвертую роты ко мнѣ въ штабъ. Это ужъ было поздно. Какая-то поселянка четвертой роты, услышавъ ѣзду по улицѣ, выглянула, чтобъ узнать, кто ѣдетъ, и впотьмахъ, не разглядѣвъ кондуктора, вообразила, что это ѣдетъ Бутовичъ, перепугалась и сообщила объ этомъ своей семьѣ. Вѣсть эта распространилась по ротѣ; другіе тоже говорили, что видѣли дѣйствительно лошадь и кабріолетъ. Это навело на нихъ страхъ. Два поселянина прибѣжали ко мнѣ по утру и принесли—одинъ обручальное кольцо, которое онъ снялъ съ руки Бутовича, и другой—такое же кольцо съ руки капитана Саурскаго, разсказывая при семъ, что имъ не спалось цѣлую ночь, и просили меня возвратить кольца женамъ убитыхъ, сверхъ того, спрашивали: нѣтъ ли у меня кутьи, чтобъ отправить панихиду. Я снабдилъ ихъ двумя чашками рису, съ чѣмъ и поѣхали они въ Богослово къ младшему священнику о. Гавріилу, который скрывался тамъ до сего дня. Онъ отслужилъ имъ панихиду и отпустилъ домой. Обрадованный такимъ суевѣрнымъ мнѣніемъ, я старался не только поддерживать, но и распространять и увеличивать его.

Ординаторъ госпиталя Гутниковъ, во время нападенія поселянъ 15-го числа на госпиталь, откуда они разобрали больныхъ по домамъ, убивъ фельдшера, скрылся на чердакѣ дома холостыхъ офицеровъ, гдѣ была квартира и акушерки. Томимый голодомъ и жаждой, онъ хотѣлъ пробраться въ комнату акушерки, но былъ замѣченъ инва-

лидомъ, который сообщилъ о томъ поселянамъ. Они начали сходиться, чтобъ взять и убить Гутникова. Носовъ, узнавъ о такомъ ихъ намѣреніи, тотчасъ же далъ мнѣ знать, говоря, что уже человѣкъ 20 ходятъ около дома и поджидаютъ только товарищей. Я велѣлъ Носову взять человѣкъ 10 съ гауптвахты и привести Гутникова подъ карауломъ въ мою квартиру, будто бы для допроса. Его привели къ самому обѣду; накормивъ его и успокоивъ, я отправилъ на гауптвахту. Поселяне, свѣдавъ объ этомъ, начали требовать выдачи Гутникова, но стараніемъ и твердостью унтеръ-офицера Перекопаева, уже два дня стоявшаго въ карауле при квартирѣ моей и при знамени, они были прогнаны и поѣхали въ штабъ на полковую гауптвахту, гдѣ, пошумѣвъ довольно, отправились къ себѣ въ роту.

Осматривая вечеромъ посты, я нарочно заходилъ къ арестованнымъ офицерамъ, чтобъ узнать ихъ нужды. Они предложили мнѣ проектъ: завладѣть у караула ружьями, соединиться съ унтеръ-офицеромъ Перекопаевымъ и съ тѣми тридцатью человѣками, которые предлагали мнѣ пробиться на штыкахъ со знаменемъ и денежнымъ ящикомъ, завладѣть гауптвахтой и перевести въ верхній этажъ всѣхъ женъ и дѣтей, а самимъ укрѣпиться въ нижнемъ. Такимъ образомъ, говорили они, насъ будетъ до 150 человѣкъ, и можно будетъ продержаться до тѣхъ поръ, покуда придетъ помощь. Мысль эта показалась мнѣ неудобоисполнимою, во-первыхъ, потому, что, завладѣвъ ружьями, мы поневолѣ оставили бы сумы съ патронами на солдатахъ, которые, опасаясь отвѣтственности, начали бы драться за ружья и тѣмъ могли бы поколебать и предлагавшихъ намъ свои услуги; къ тому же, какъ замѣтилъ майоръ Баллашъ, когда онъ приказалъ, по случаю сильной росы, внести ружья подъ навѣсъ гауптвахты, то они всю ночь держали ихъ въ рукахъ,—значитъ, подозрѣваютъ арестантовъ, и только отъ того не соединяются съ поселянами, что находятся въ карауле, а между тѣмъ сильно ропщутъ и даже поговариваютъ, чтобъ взять знамя къ себѣ на гауптвахту. Второе,—собравшись въ числѣ 150 человѣкъ въ домъ гауптвахты, надобно бы было припасти и продовольствіе, и воду для питья. Третье,—запершись и укрѣпившись, я не имѣлъ бы средствъ дѣйствовать на поселянъ и приводить ихъ къ покорности. Четвертое,—примѣръ нашъ произвелъ бы въ другихъ округахъ новое возмущеніе, которое трудно было бы усмирить. Пятое,—если бы можно было собраться въ большомъ числѣ, то слѣдовало бы не запираться, а идти и усмирять силою оружія, но при этомъ надобно принять во вниманіе, что въ другихъ округахъ оружіе и порохъ находятся въ большомъ количествѣ, ибо ни то, ни другое не отправлено въ городъ; въ каждомъ же изъ нихъ, кромѣ поселянъ, состоитъ еще по резервному батальону, и

намъ, для прикрытія женъ и дѣтей, нужно было отдѣлить сильное подкрѣпленіе, которое бы насъ ослабило. По всему этому я находилъ гораздо благоразумнѣйшимъ оставаться въ томъ положеніи, какъ есть, стараться увеличивать свою партію, и, упираясь на религію и государя, приводить постепенно къ порядку.

Въ этой мысли я назначилъ на другой день (19 числа въ воскресенье) обѣдню въ 3-й ротѣ, ближайшей къ городу, а послѣ обѣдни молебенъ съ водосвятіемъ и съ молитвою о избавленіи отъ холеры. На молебенъ сей я просилъ изъ Сыркова женскаго монастыря поднять чудотворный образъ Божьей Матери и съ нимъ произвести крестный ходъ по всѣмъ ротамъ.

Зная, что поселяне очень желаютъ ѣхать въ Новгородъ, я думалъ было заставить ихъ покориться новгородскому начальнику и для того припасъ отъ каждой роты по листу подписному, въ коемъ сверху было написано: „мы, поселяне такой-то роты, симъ объявляемъ, что мы послушны какъ его императорскому величеству государю императору, такъ и всѣмъ начальникамъ и властямъ, отъ него поставленнымъ“. Препроводивъ эти листы въ роты, я объявилъ, что тѣ, кои подпишутъ, получатъ отъ меня билеты, по которымъ могутъ свободно ѣхать въ городъ, не опасаясь, что ихъ задержатъ тамъ. Но это сдѣлано было слишкомъ рано, и вмѣсто пользы принесло вредъ. Начался ропотъ; стали меня упрекать, будто я хочу предать ихъ городскому начальству, которое и такъ уже задержало шесть человѣкъ, посланныхъ съ ружьями и порохомъ, да кромѣ того, и другихъ бывшихъ по дѣламъ своимъ въ городѣ и засадили ихъ въ острогъ. Поселяне начали приступать ко мнѣ, чтобъ я выдалъ имъ ихъ товарищей, а не то они сами пойдутъ выручать и въ Новгородѣ не оставятъ камня на камнѣ. Къ тому же и депутаты ихъ еще не вернулись отъ государя, стало быть, говорили бунтовщики, они перехвачены.

— Пора начинать дѣло! — кричали они. — Насъ теперь до тридцати тысячъ! первая и другія дивизіи перебили уже во всѣхъ полкахъ своихъ начальниковъ!

Богъ знаетъ, до чего бы дошло это, если бы въ эту пору не показался крестный ходъ изъ монастыря. При этомъ всѣ бросились къ шоссе, и, присоединившись къ процессіи, смирно пошли за чудотворнымъ образомъ. Я съ Носовымъ тоже подошли и, взявъ образъ, понесли его въ церковь, откуда священникъ о. Гавріилъ вышелъ съ крестомъ и святой водой. По прибытіи нашемъ въ церковь, началась литургія, а послѣ литургіи молебенъ съ водосвятіемъ на площади.

Привожу здѣсь грустный примѣръ безумнаго ожесточенія. Когда я вышелъ изъ церкви, чтобъ устроить все къ молебну, то увидѣлъ

одного поселянина, пользовавшагося большимъ уваженіемъ и бывшаго головой, во время состоянія ихъ въ крестьянствѣ.

— Послушай, старикъ,—сказалъ я, подошедши къ нему,—ты человѣкъ умный. Самъ ты разсуди, какъ можно отравить всѣхъ? Поди ты къ нимъ и растолкуй. Они тебѣ больше повѣрятъ.

— Что тутъ толковать!—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Для дураковъ адъ да холера, а намъ нужно, чтобъ вашего дворянскаго, козьяго племени не было!

По окончаніи молебствія и водосвятія, мы обошли третью роту съ крестнымъ ходомъ. Когда процессія отправилась въ другую роту а я хотѣлъ было ѣхать въ штабъ, то былъ остановленъ вмѣстѣ съ Носовымъ толпою поселянъ, которые еще передъ тѣмъ стояли около моихъ дрожекъ и держали у себя тѣ листы, которые хотѣлъ я уговорить ихъ подписать. Они опять начали упрекать меня въ предательствѣ и требовали, чтобъ ихъ товарищи были возвращены изъ города. Я представлялъ имъ, что, ежели они не покорятся городскимъ властямъ, то я, сидя тутъ съ ними, ничего не могу сдѣлать. Если же они подпишутъ данные имъ листы, то я самъ поѣду съ ними въ городъ и выручу ихъ товарищей.

Убѣжденіе мое не подѣйствовало,—они изорвали листы, несмотря на то, что на нихъ было нѣсколько подписей. Видя это, я вздумалъ предложить имъ и другое средство: просилъ, чтобъ они пустили меня хотя къ аванпостамъ, выставленнымъ около Колмова, для переговора съ уланскимъ начальникомъ, представляя имъ, что надобно же, чтобъ городское начальство знало, что мы требуемъ высылки къ намъ арестованныхъ людей. Цѣль моя была уговорить командира уланскаго, чтобъ онъ, ничего не опасаясь, двинулся съ отрядомъ черезъ роту къ штабу, и открывъ такимъ образомъ сообщеніе со мною, подкрѣпилъ бы меня, ибо поселяне страшно боялись уланъ, вооруженныхъ пиками, ежели бы можно было сообщить имъ это, то бунтъ былъ бы прекращенъ тогда же. Но бунтовщики не согласились и на мою поѣздку. Тогда видя, что ничто не помогаетъ, я разорвалъ бланкеты билетовъ, приготовленные и бывшіе у меня для отпуска ихъ въ городъ, снялъ съ себя шарфъ, шпагу, эполеты и объявилъ имъ, что болѣе начальникомъ ихъ быть не хочу, и послѣ этого пусть они дѣлаютъ, что сами найдутъ лучшимъ, а я уже истощился доказывать имъ, что требованій ихъ выполнять невозможно, именно потому, что городское начальство не можетъ знать ихъ желанія, когда они писать меня не допускаютъ, ѣхать для выясненія тоже, а сами боятся идти, чтобъ ихъ не задержали. Послѣдній же мой совѣтъ имъ, чтобъ сидѣли смирно и ожидали пріѣзда депутатовъ ихъ изъ Петербурга. Поселяне присмирѣли, разошлись по сторонамъ и дорога очи-

стилась. Я сѣлъ на дрожки и, подозвавъ къ себѣ Носова, который также уговаривалъ другихъ, пригласилъ его садиться со мною, и видя, что дорога свободна, приказалъ шагомъ ѣхать къ штабу. Человѣкъ 12 поселянъ пошли съ нами; другіе остались толковать между собой. Дорогой мы повторяли имъ то же, что и прежде. Отдалившись отъ толпы и проѣхавъ ротныя ворота, я приказалъ кучеру прибавить шагу и, когда провожавшіе насъ начали понемногу отставать, велѣлъ ѣхать рысью, и такимъ образомъ мы благополучно доѣхали до штаба.

Дома я узналъ, что знамя съ квартиры моей взяли; новый карауллъ, смѣнивъ Перекопаева, простоявшаго двое сутокъ, самовольно взялъ знамя и, смѣнивъ часового при денежномъ ящикѣ, присоединился къ главной гауптвахтѣ, а ящикъ и грамату оставили безъ часового; что въ бытность мою въ 3-й ротѣ на молебнѣ проѣзжало нѣсколько поселянъ къ главной гауптвахтѣ и взбунтовали резервныхъ, находившихся тамъ съ майоромъ Баллашемъ; что небольшое число поселянъ короля прусскаго полка, подъѣхавъ къ паровому заводу, кричали на нашу сторону, чтобъ подать имъ лодку. Жена моя, узнавъ объ этомъ, приказала стоявшія у меня на дворѣ весла спрятать въ сарай; но денщикъ мой вынесъ ихъ оттуда и, несмотря на запрещеніе, перевезъ четырехъ поселянъ, которые, прибывъ на мою квартиру, требовали выдачи тѣхъ двухъ офицеровъ короля прусскаго полка, которыхъ наши привели ко мнѣ и которыхъ я приказалъ посадить на гауптвахту. Жена моя отвѣчала имъ на то, что такъ какъ меня нѣтъ дома, то и отпустить ихъ никто не смѣетъ. Они пошли было къ гауптвахтѣ, но и тамъ имъ не дали офицеровъ. Пошумѣвъ немного, они опять пошли къ лодкѣ и поѣхали уже одни на ту сторону Волхова. Еще узналъ я, что поручица Бутлеръ умерла отъ холеры, а майорша Кутузова заболѣла, и когда мужъ ея, бывшій подъ судомъ, подавалъ ей помощь, то денщикъ его привелъ человѣкъ 8 поселянъ, которые схватили Кутузова и, ранивъ его въ руку желѣзнымъ шкворнемъ отъ телѣги, потащили на гауптвахту. Кутузовъ пострадалъ за то, что денщикъ его сказалъ бунтовщикамъ, будто бы онъ говорилъ, что давно бы пора всѣхъ поселянъ перевѣшать.

Майоръ Кутузовъ былъ командиромъ баталіона, кажется, невскаго пѣхотнаго полка, отданъ былъ по высочайшему повелѣнію подъ судъ съ четырьмя своими ротными командирами и адъютантомъ за разные безпорядки по баталіону и судились не арестованными. Еще былъ подъ судомъ и содержался на гауптвахтѣ штабсъ-капитанъ Левицкій за то, что, получивъ, по мнѣнію его, несправедливый выговоръ, подалъ рапортъ и просилъ отмѣнить приказъ. Всѣ они были уже нѣсколько лѣтъ подъ судомъ. Кромѣ нихъ, на гауптвахтѣ было,

кажется, человѣкъ 8 нижнихъ чиновъ, также состоявшихъ подъ судомъ, изъ которыхъ одинъ судился за фальшивую пріемку провіанта на небывалую роту, которая, по приказу графа Аракчеева, должна была формироваться, но по какому-то случаю не формировалась, да былъ еще одинъ военнорабочій солдатъ, судившійся за четвертый побѣгъ; остальные содержались за меньшіе проступки — за первый побѣгъ, за воровство и проч.

Нѣсколько разъ военные поселяне выпускали ихъ изъ-подъ караула, предлагая идти по домамъ; но ни одинъ не соглашался воспользоваться этимъ. Даже въ этотъ день (19-го іюля), когда поселяне вечеромъ распустили караулъ и прогнали съ гауптвахты майора Баллаша со всѣми бывшими при немъ офицерами, оставивъ при посаженныхъ мною офицерахъ караульными только нѣсколько человѣкъ изъ кантонистовъ, арестованные оставались на своихъ мѣстахъ. Послѣ обѣда въ тотъ же самый день нѣсколько поселянъ и кантонистовъ приходили ко мнѣ на квартиру съ тѣмъ, чтобъ взять отъ крыльца моего денежный ящикъ и высочайшую грамату на осѣдлость полка. Часовыхъ не было. Я нарочно надѣлъ халатъ и вышелъ къ нимъ уже не такъ, какъ начальникъ, а какъ простой зритель, и сказалъ имъ, что, конечно, лучше взять эту государеву собственность, чѣмъ оставлять ее безъ часовыхъ и подвергать расхищенію, потому что я ночью буду спать и глядѣть за этимъ не стану, такъ какъ я ужъ ихъ не начальникъ, да и высочайшая грамата валяется теперь въ частномъ домѣ, и ежели случится, что, Боже избави, пожаръ, то грамата сгоритъ, ибо я, сложивъ съ себя начальство, не осмѣлюсь ея коснуться и для того просилъ, чтобъ прислали за ней того, кого они выбрали вмѣсто меня. Поглядѣвъ на грамату, они ее не тронули, а пошли къ денежному ящику и хотѣли было стащить его на гауптвахту. Но подъ ящикомъ сидѣла индѣйка съ цыплятами, а около нея ходилъ пѣтухъ, который, лишь только поселяне подступали къ ящику, бросался на нихъ, хваталъ за ноги и налеталъ на грудь.

— Вишь какого дьявола держитъ онъ!—сказали поселяне и, обругавъ пѣтуха, спокойно пошли въ штабъ, и уже болѣе не приходили ни за граматой, ни за ящикомъ. И смѣхъ и горе съ такимъ народомъ!..

Въ шесть часовъ человѣкъ до ста пріѣхали ко мнѣ на квартиру и стали требовать отъ меня отвѣта, почему ихъ депутаты не возвращаются изъ Петербурга; почему взяты вновь еще два человѣка, которые хотѣли было пробраться тайно въ городъ, чтобъ разузнать, гдѣ содержатся ихъ товарищи.

— Да вы къ кому послали депутатовъ-то?—отвѣчалъ я.—Къ государю императору, — такъ ли? А вѣдь и у меня вамъ приходится

дожидаться въ передней часа по два: какъ же вы можете разсчитывать часы и назначать срокъ государю императору? Что же касается взятыхъ патрулемъ двухъ человѣкъ, то я же предлагалъ вамъ по утру подписать листы; вы не соглашались и не захотѣли брать у меня билетовъ,—ну, такъ теперь не пеняйте на меня, что васъ задерживаютъ!

Пошумѣвъ немного, они поѣхала обратно. Между тѣмъ я получилъ отъ моихъ конноработчихъ разъѣздовъ извѣстіе, что поселяне собрались во второй ротѣ и выбрали изъ среды себя одного, но поселяне той роты, резервные старые солдаты и унтеръ-офицеры рѣшительно объявили имъ, что они „лапотники", мужики, что ихъ слушаться не будутъ и требуютъ, чтобъ они выбрали кого-либо изъ служившихъ государю и при томъ такого, который бы проливалъ кровь свою за вѣру и царя, что лучше покоряться заслуженному человѣку, ходившему въ походы, чѣмъ человѣку-міроѣду. Началась драка; раздѣлились на двѣ партіи. Поселяне, не терпѣвшіе старыхъ солдатъ, бывшихъ ихъ учителями по фронтовой службѣ, кричали, что у нихъ есть свои головы, которые и съ исправниками, и съ губернаторами говорить умѣли. Унтеръ-офицеры, къ которымъ пристали также и нѣсколько уже произведенныхъ въ этотъ чинъ кантонистовъ, а равно и ожидавшіе производства говорили, что лучше явиться къ старымъ начальникамъ, чѣмъ слушаться мужика-лапотника, и начали выбирать депутацію ко мнѣ, чтобъ я опять принялъ команду. Поселяне, увидѣвъ это, бросились къ моей квартирѣ и, прискакавъ въ числѣ двухъ-сотъ человѣкъ, требовали, чтобъ я не принималъ команды. Я вышелъ къ нимъ въ халатѣ и, выслушавъ ихъ—сказалъ:

— Вы видите, что я и самъ не хочу вами командовать. Вы — бунтовщики, не покорны государю! Отвѣчайте же сами за себя!

Въ ту же пору прискакали и солдаты. Подозвавъ къ себѣ надежнѣйшихъ изъ нихъ, я сказалъ:

— Скажите сами, можно ли при такомъ положеніи дѣлъ принять мнѣ команду надъ вами? Но ежели вы этого хотите, то соберитесь вмѣстѣ и приходите сюда съ аммуниціей и съ хлѣбами на два дня. Тогда, пожалуй, я возьму васъ подъ свою команду, но съ условіемъ, что за всякое непослушаніе будетъ взыскано примѣрно. Подумайте, хорошо ли это: ваше знамя стоитъ на гауптвахтѣ, денежный ящикъ безъ часовыхъ, грамата царская валяется безъ надлежащаго присмотру; вами одолѣли нѣсколько мужиковъ и ихъ дѣтей кантонистовъ,—что это такое? Ступайте же, скажите мое слово своимъ товарищамъ, старымъ служивымъ, и приходите ко мнѣ скорѣе съ ружьями и аммуниціей. Мы заставимъ этихъ мужиковъ слушаться!

Солдаты отправились домой, но поселяне долго еще бушевали въ

штабѣ. На главную гауптвахту пришли и кантонисты резервнаго баталіона, бывшіе при караулѣ, при знамени и при арестованныхъ офицерахъ. Безъ всякаго сопротивленія они взошли въ солдатскую арестантскую комнату и начали выгонять оттуда арестантовъ, но тѣ не соглашались оставлять гауптвахту, говоря, что они находятся подъ судомъ и не могутъ выдти отсюда. Когда же тѣ силою стали ихъ выталкивать, то они перешли въ солдатскую караульню. Послѣ всего бунтовщики пошли въ офицерскую арестантскую комнату и перевели всѣхъ арестованныхъ офицеровъ въ солдатскую, приговаривая: „полно вамъ тутъ чаи-то попивать, ступайте-ка за желѣзныя рѣшетки!“—и силою погнали туда всѣхъ. Одинъ только подсудимый, капитанъ Левицкій, сопротивлялся этому, сказавъ имъ, что онъ находится подъ судомъ и что его никто не смѣетъ отсюда переводить, что онъ убьетъ перваго, кто къ нему подступитъ. Левицкій, будучи долгое время подъ арестомъ, обзавелся хозяйствомъ, придѣлалъ къ окошкамъ занавѣски и имѣлъ для колотія сахару обломокъ отъ чугунной рѣшетки. Этотъ кусокъ чугуна онъ спряталъ въ карманъ своихъ шароваръ и, выхвативъ его, закричалъ: „подступи лишь кто, убью, какъ собаку!“ Поселяне всѣ выскочили изъ гауптвахты, произнося разныя ругательства. Левицкій заперъ дверь, укрѣпилъ ее половой щеткой и черешневымъ чубукомъ, а у окошекъ задернулъ занавѣски. Поселяне вышедшіе пошли къ остальнымъ, остававшимся на платформѣ и на улицѣ, и разсказали имъ, что всѣхъ перевели, а остался одинъ такой разбойникъ, что чуть всѣхъ ихъ не перебилъ, выхвативъ пистолетъ изъ кармана. Посовѣтовавшись между собою, они рѣшили раздѣлиться на двѣ части—однимъ идти выломать двери, а другимъ выбить окна, говоря, что, ежели онъ коснется къ двери, то его возьмутъ тѣ, которые войдутъ черезъ окно; а ежели будетъ защищать окна, то войдутъ, вломившись въ двери. Левицкій все это слышалъ изъ-за занавѣски и, когда они приступили къ окнамъ и двери, то онъ, ставъ на табуретъ, ударилъ чугунной колотушкой въ раму и, соскочивъ въ одно мгновеніе съ табурета, ударилъ изо всей силы въ дверь и закричалъ въ открытую форточку: „прочь, негодяи! всѣхъ разстрѣляю!“ Вся толпа бросилась бѣжать отъ гауптвахты черезъ плацъ къ своимъ лошадямъ, привязаннымъ къ рѣшеткѣ штаба, начали ругать Левицкаго, называя разбойникомъ и, объявивъ, что теперь время ночное, а завтра поутру они пріѣдутъ съ веревками и всѣхъ ихъ перевѣшаютъ. Послѣ сего сѣли на лошадей и поѣхали по домамъ въ роты, остались нѣсколько человѣкъ, менѣе шумливыхъ, и начали разсуждать, что дѣло сдѣлали неладно, ибо и майора Кутузова посадили за желѣзную рѣшетку, „вѣдь это не то, что простой офицеръ; чтобъ не отвѣчать за него послѣ“. Они пошли

на гауптвахту, переговорили съ караульными, пошли въ арестантскую, гдѣ всѣ по тѣснотѣ стояли, сказали майору Кутузову: „извините, ваше высокоблагородіе, мы впотьмахъ не разглядѣли, а вамъ здѣсь не мѣсто; извольте перейти въ офицерскую", и учтиво проводили его къ капитану Левицкому.

Узнавъ о всѣхъ сихъ приключеніяхъ, я одѣлся и пошелъ на гауптвахту, боясь, чтобъ въ такой тѣснотѣ не открылась холера, которая въ то время развилась уже сильнѣйшимъ образомъ. „Какъ вы смѣли, — сказалъ я караульнымъ, — допускать поселянъ къ арестантамъ!" Они извинялись своимъ малолюдствомъ, и я, побранивъ ихъ, велѣлъ опять арестантамъ перейти въ офицерскія комнаты. Переговоривъ затѣмъ съ офицерами о происшествіяхъ этого дня, мы положили, въ случаѣ завтрашняго нападенія, защищаться до послѣдняго. Для этого я собралъ человѣкъ 12 изъ военнорабочихъ надежныхъ людей, которые извѣстны мнѣ были лично, и вооружилъ ихъ восемью ружьями, отобранными мною у коннорабочихъ, а остальныхъ ломами, приказалъ имъ для усиленія караула стать вмѣстѣ съ резервными, менѣе надежными людьми и ни подъ какимъ видомъ не допускать поселянъ къ арестантамъ, что подтвердилъ и кантонистамъ. Мнѣ хотѣлось было обезоружить сихъ послѣднихъ, но успѣха не было; цѣлую ночь всѣ они держали ружья въ рукахъ. Однако жъ мнѣ удалось доставить офицерамъ четыре карманныхъ пистолета заряженныхъ, два кинжала и два топора. Все это отдано по секрету майору Кутузову съ приказаніемъ употребить только въ крайности. Ему же поручилъ я и начальство надъ всѣми. Левицкаго же, по пылкости его, я вооружить не смѣлъ, до и отъ прочихъ офицеровъ, незнакомыхъ мнѣ лично, я совѣтовалъ Кутузову хранить до времени оружіе.

Прибывъ домой, я послалъ разъѣзды по всѣмъ дорогамъ, приказавъ доѣхать до самыхъ ротъ поселенныхъ и наблюдать, не собираются ли гдѣ-либо поселяне; а между тѣмъ капитану Носову, да бывшимъ подъ судомъ ротнымъ командирамъ невскаго баталіона Абрамову, Асѣеву и поручику Стерлингову, посланнымъ мною съ тѣми разъѣздами, поручилъ тайно, что, ежели они увидятъ старыхъ солдатъ, которые избрали меня въ начальники, то, чтобы, не дожидаясь сбора, направили ихъ частями ко мнѣ для занятія караула при знамени и денежномъ ящикѣ. Но все было смирно; поселяне спали крѣпкимъ сномъ, и разъѣзды мои никого не видѣли.

На разсвѣтѣ прибылъ ко мнѣ разъѣздъ изъ первой роты и увѣдомилъ, что депутаты воротились изъ Петербурга, и что лишь только прискакала первая тройка, то начали будить поселянъ и сзывать на сходку. Слѣдомъ за симъ прискакалъ и другой разъѣздъ съ докладомъ, что прибыла еще тройка въ четвертую роту. Мнѣ сказали

только, что наши были у государя и вернулись благополучно. Часу въ пятомъ утра съ нередоваго поста отъ 4-й роты донесли мнѣ, что нѣсколько троекъ скачутъ къ штабу, и черезъ нѣсколько минутъ явились 12 человѣкъ депутатовъ, посланныхъ мною въ Петербургъ. Я велѣлъ ихъ позвать въ комнаты, вышелъ къ нимъ и спросилъ: „благополучно ли ѣздили и видѣли ли государя императора?“ Они отвѣчали, что ѣздили благополучно, что въ Ижорѣ самъ государь пріѣзжалъ къ нимъ изъ Царскаго Села, разговаривалъ съ ними, и будто похвалилъ ихъ, сказавъ: „спасибо, ребята, что вы тамъ за меня постояли; поѣзжайте домой, а я пришлю къ вамъ графа Орлова разобрать дѣло“. Но одинъ изъ молодыхъ унтеръ-офицеровъ, который, когда 16-го числа выбрали депутатомъ, сильно отговаривался и не хотѣлъ ѣхать, говоря, что еще молодъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, чтобъ я вышелъ на улицу, а самъ между тѣмъ пошелъ въ переднюю. Я остался съ прочими депутатами, которые донесли мнѣ, что хоть вписанные въ билетѣ 12 человѣкъ и отправлены изъ Петербурга обратно, а тринадцатый, который самъ вызвался ѣхать, сказавъ, что поселяне выбрали все дураковъ, задержанъ тамъ, а потому просили, чтобъ я его выручилъ.

— А что, ребята, теперь вы и сами видите, что значитъ начальство. Безъ моего билета и васъ бы задержали.

Приказавъ имъ послѣ этого пообождать въ комнатѣ, покуда я напишу записку въ роты о приготовленіяхъ къ принятію графа Орлова, я вышелъ заднимъ крыльцомъ на дворъ и велѣлъ привести съ улицы унтеръ-офицера, который дѣлалъ мнѣ знаки. Онъ сказалъ мнѣ вотъ что:

— Не вѣрьте, ваше высокоблагородіе. Государь насъ точно принялъ въ Ижорѣ, но бранилъ, какъ смѣли убить своихъ начальниковъ, и когда потомъ спросилъ ихъ: кто же теперь ими командуетъ? то они сказали, что строитель, который подписался на билетѣ. Государь спросилъ: кто это такой?—и какой-то адъютантъ сказалъ: подписался инженеръ-подполковникъ Панаевъ. Тогда государь велѣлъ отправить ихъ на курьерскихъ обратно и сказать поселянамъ всѣмъ, чтобъ они слушались васъ во всемъ, что станете приказывать, и что слѣдомъ за нами поѣдетъ графъ Орловъ съ дальнѣйшими приказаніями.

Выслушавъ это, я приказалъ кондуктору написать записки въ роты, чтобъ всѣ поселяне къ десяти часамъ были одѣты по формѣ и прибыли въ штабъ вмѣстѣ съ кантонистами старшаго возраста, чтобы въ селеніяхъ улицы и тротуары были вычищены, а когда поѣдетъ графъ Орловъ, то чтобы поселяне, старики и поселянки съ кантонистами меньшаго возраста и дочерями вышли, по обычаю, передъ крыльца, и приняли бы его, какъ принимали своихъ началь-

никовъ, а самъ я поѣхалъ навстрѣчу графа на станцію Подберезье. Я уже былъ близко къ станціи, какъ увидѣлъ четырехъ человѣкъ на двухъ тройкахъ, которыхъ послали поселяне депутатами, чтобы присутствовать при объясненіяхъ моихъ съ графомъ Орловымъ. Приказавъ имъ ожидать графа вмѣстѣ со мною, я написалъ письмо къ матери въ Петербургъ и отдалъ станціонному смотрителю для отправки съ первой же почтой.

Черезъ полчаса пріѣхалъ фельдъегерь для заготовленія лошадей, а черезъ часъ прибылъ и самъ графъ. Я встрѣтилъ его у коляски и подалъ рапортъ о состояніи округа. Принявъ бумагу, графъ спросилъ мою фамилію и приказалъ мнѣ идти на верхъ въ комнату для пріѣзжающихъ. Поселяне хотѣли было слѣдовать за нами, но графъ сказалъ, что хочетъ говорить со мной однимъ. Я обернулся къ поселянамъ и послалъ ихъ по ротамъ сказать, что графъ пріѣхалъ, и для того, чтобы всѣ становились по своимъ мѣстамъ, они поскакали назадъ.

Графъ, разспросивъ меня обо всѣхъ обстоятельствахъ, сказалъ: не лучше ли будетъ, если онъ пріѣдетъ въ округъ изъ Новгорода, сдѣлавъ тамъ предварительно нужныя распоряженія? На это я представилъ ему, что, такъ какъ наши депутаты вернулись и уже увѣдомили своихъ товарищей о его прибытіи, то его сіятельству не нужно откладывать своей поѣздки въ округъ. Буйства же и опасности со стороны поселянъ опасаться нечего, ибо они не совсѣмъ забыли должную субординацію, чему свидѣтель я, уже четыре дня распоряжающійся именемъ государя, что поселяне уже болѣе трехъ часовъ стоятъ у меня во фронтѣ въ ожиданіи его сіятельства. Надобно тотчасъ же объявить имъ волю государя, а также въ ихъ присутствіи повелѣть мнѣ немедленно отправить всѣхъ арестантовъ въ городъ за конвоемъ, ибо до тѣхъ поръ, покуда они на моихъ рукахъ, я не могу отвѣчать за ихъ цѣлость и безопасность, а также просилъ, чтобы приказано было и знамя возвратить ко мнѣ на квартиру. Графъ велѣлъ мнѣ ѣхать впередъ и, собравъ людей на площади, ожидать его.

По прибытіи моемъ въ штабъ, я привелъ съ собою шесть почтовыхъ лошадей для того, чтобы, покуда графъ и я будемъ на площади съ поселянами, семейство мое могло бы выѣхать въ Новгородъ. Но это не состоялось. Не имѣя времени заѣхать домой, чтобъ лично сообщить женѣ моей такое распоряженіе и убѣдить ее воспользоваться временемъ, когда дороги будутъ отъ поселянъ свободны, я, къ величайшему огорченію моему, узналъ, что она безъ меня не хотѣла выѣхать и осталась ждать моего прибытія домой. До сихъ поръ не могу я простить доброй женѣ моей такого ослушанія!.. Пріѣхалъ

графъ Орловъ, говорилъ съ поселянами, прочелъ имъ печатный приказъ государя императора, экземпляры котораго онъ привезъ съ собою изъ Петербурга, и когда поселяне во фронтѣ начали ему приносить свои жалобы и оправданія, то онъ приказалъ имъ молчать и выслать къ нему по два человѣка изъ роты. Съ этими людьми онъ долго разговаривалъ и велѣлъ имъ внести всѣ свои претензіи на бумагу, отдать мнѣ для доставленія ему въ Новгородъ. Объявивъ послѣ этого поселянамъ, что, по высочайшему повелѣнію, онъ назначаетъ меня начальникомъ ихъ округа, графъ приказалъ перенести знамя ко мнѣ на квартиру, и спросилъ у меня: много ли содержится на гауптвахтѣ арестантовъ, велѣлъ отправить ихъ за сильнымъ конвоемъ къ нему въ Новгородъ и посадить ихъ въ крѣпость, а самому прибыть къ нему съ объясненіемъ и запиской поселянъ о претензіяхъ, ему объявленныхъ. Подтвердивъ затѣмъ именемъ государя, чтобъ меня слушались и поставленныхъ мною начальниковъ почитали, графъ хотѣлъ было ѣхать; но въ то самое время мнѣ доложили, что по запискѣ моей къ капитану Костыреву въ прусскій полкъ о возвращеніи моихъ депутатовъ и о прибытіи графа Орлова, и онъ прислалъ своихъ депутатовъ. Графъ принялъ ихъ, и коротко повторивъ имъ то же, что говорилъ поселянамъ моего округа, далъ экземпляръ приказа, прибавивъ къ сему, что онъ самъ къ нимъ будетъ изъ Новгорода, и затѣмъ поѣхалъ.

Собравъ, сколько можно было, экипажей въ округѣ, я усадилъ и уложилъ въ нихъ избитыхъ и здоровыхъ арестованныхъ офицеровъ, въ числѣ 38 человѣкъ, и съ конвоемъ отправилъ ихъ въ Новгородъ, приставивъ въ начальники конвоя инвалиднаго офицера изъ солдатъ, которому строжайше приказалъ хранить ихъ дорогой и по пріѣздѣ въ Новгородъ сдать въ цѣлости графу Орлову. А потомъ и самъ, принявъ написанныя поселянами жалобы и поставивъ знамя въ своей квартирѣ, отправился я въ городъ; но семейства моего поселяне не отпустили. Обогнавъ арестантовъ, отправленныхъ мною, я явился къ генералу Эйлеру и графу Орлову и отдалъ ему записку поселянъ. Графъ прочелъ и спросилъ, что это за Левицкій, на котораго жалуются поселяне въ своей запискѣ, что онъ не хотѣлъ ихъ ни въ чемъ слушать, и когда они посадили всѣхъ офицеровъ за желѣзную рѣшетку, то не только не пошелъ туда, но даже отбивался отъ нихъ, „выхватилъ, — сказано было въ запискѣ, — изъ штановъ штуку, да какъ махнулъ оной, то всѣ они бѣжали. Къ тому же,—продолжали жалобщики,—этотъ разбойникъ Левицкій извѣстенъ уже всѣмъ, да и судъ самъ три года ничего съ нимъ сдѣлать не можетъ“. Графъ спросилъ: за что онъ подъ судомъ?—и когда я ему разсказалъ, то онъ велѣлъ мнѣ уволить его изъ-подъ ареста, представить къ его

сіятельству лично, и, по недостатку офицеровъ, употребить на службу. Выхлопотавъ увольненіе изъ острога тѣхъ поселянъ, которыхъ взяли при доставленіи ружей и пороха, и тѣхъ, которыхъ послѣ захватили въ городѣ, я двухъ изъ нихъ взялъ съ собою на дрожки и привезъ къ величайшему удовольствію поселянъ, объявивъ имъ при этомъ, что и остальные всѣ идутъ слѣдомъ за мною. Это произвело на нихъ сильное впечатлѣніе и увеличило довѣріе ко мнѣ. Но сознанія беззаконности и несправедливости своихъ поступковъ въ то время они еще не имѣли. Въ этотъ вечеръ прибывшіе изъ ротъ ко мнѣ за приказаніями доложили, что казенная рожь поспѣла и пора жать, да и Тимоѳеева трава тоже, а потому спрашивали: не нарядить ли жать и вдовъ, оставшихся послѣ убитыхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ поселянками. Объяснивъ имъ, что этого безъ воли государя дѣлать нельзя, я отказалъ и велѣлъ идти на работу однимъ поселянкамъ.

Графъ Орловъ въ разговорѣ со мною сказалъ, между прочимъ, что государю угодно, дабы поселяне доведены были до того, чтобъ отслужили по убіеннымъ панихиду. Я зналъ, что нѣкоторые изъ поселянъ находятся въ тревожномъ состояніи. Не имѣя возможности дѣйствовать на нихъ прямымъ образомъ, я рѣшился употребить въ дѣло ихъ суевѣріе. Для этой цѣли, черезъ приверженныхъ ко мнѣ военнорабочихъ солдатъ, я началъ распространять слухи, что многимъ являются во снѣ Бутовичъ и лѣкарь, а инымъ Забѣлинъ или Пановъ. Къ тому же и безъ того многіе были увѣрены, что Бутовичъ ѣздитъ по ночамъ въ кабріолетѣ. Я распространилъ слухъ, что проходившій обозъ видѣлъ на кладбищѣ большой свѣтъ; на другой же день вѣсть эта была повсемѣстною, многіе даже и сами начали утверждать, что хоть яснаго блеска и не было, но словно двѣ свѣчки горѣли на могилѣ. Наконецъ, 23-го числа поселяне пришли ко мнѣ съ донесеніемъ, что однимъ изъ нихъ видится на могилѣ убитыхъ офицеровъ свѣтъ, другимъ ночью дѣлаются страшныя представленія, а потому просили меня отслужить панихиду. Обрадованный этимъ, я на другой же день послалъ пригласить Вяжицкаго монастыря архимандрита Меѳодія прибыть въ округъ и отслужить панихиду; но архимандритъ послалъ въ городъ испросить позволенія у преосвященнаго Тимоѳея, викарія новгородскаго. Самъ же я поѣхалъ въ Новгородъ доложить объ этомъ графу Орлову. Преосвященный Тимоѳей, узнавъ, что я въ городѣ, пригласилъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ:

— Зачѣмъ вы не обратились прямо ко мнѣ? Я самъ съ величайшимъ бы удовольствіемъ почтилъ память этихъ страдальцевъ.

Я доложилъ, что не смѣлъ его безпокоить, но если онъ соизволяетъ на это, то пусть назначитъ день, и преосвященный назначилъ 25-го числа по утру въ 11 часовъ.

Въ опредѣленный день я приказалъ во второй ротѣ собраться въ колоннахъ всѣмъ военнымъ поселянамъ, кантонистамъ большаго возраста и резервному баталіону. Въ 10 часовъ утра прибылъ преосвященный; облачаясь въ часовнѣ, онъ спрашивалъ меня о положеніи умовъ поселянъ, о ихъ раскаяніи; но я не могъ его утѣшить ничѣмъ хорошимъ. Когда же онъ вышелъ въ предшествіи пѣвчихъ, на площадь, принесли блюдо съ кутьей и начали раздавать поселянамъ свѣчи, то произошелъ ропотъ. Несмотря на это, я строго приказалъ, чтобъ непремѣнно у всѣхъ были въ рукахъ зажженныя свѣчи, и панихида началась. Во время великой ектеніи, когда іеродіаконъ возгласилъ: „о убіенныхъ рабахъ Божіихъ такихъ-то“,—вдругъ преосвященный, остановивъ его, сказалъ громко: „читай о невинно-убіенныхъ рабахъ Божіихъ“. Въ колоннахъ начался ропотъ; діаконъ смѣшался. Но преосвященный опять повторилъ: „о невинно-убіенныхъ рабахъ Божіихъ!“ и діаконъ продолжалъ уже по повелѣнію владыки. Окончивъ панихиду, преосвященный приказалъ подать святой воды и спросилъ меня: „гдѣ погребены избіенные?“ Узнавъ, что въ полутора верстахъ оттуда, при церкви, просилъ показать мѣсто, гдѣ они были убиты.

— Кровь неповинныхъ, — сказалъ онъ поселянамъ,—вопіетъ на васъ передъ Господомъ Богомъ! Пойдемте, окропимъ святою водою мученическую кровь ихъ и освятимъ мѣсто, осквернённое беззаконіями вашими!

Съ этимъ словомъ, онъ пошелъ на шоссе, къ тому мѣсту, гдѣ были убиты Саурскій и Султановъ, и, окропивъ ригу, въ которой лежали убіенные, служилъ литію.

По возглашеніи вѣчной памяти, ропотъ поселянъ дошелъ до крайности; стали кричать: „какіе невинные! они отравляли насъ!“ и начали угрожать самому архіерею. Видя это, я приказалъ подать на шоссе экипажъ преосвященнаго, и, усадивъ его въ карету въ полномъ облаченіи, отправилъ въ городъ, а самъ съ діакономъ и пѣвчими пошелъ къ кутьѣ поминать преставившихся, затѣмъ и ихъ отпустилъ домой.

Во время отправленія панихиды, прискакалъ изъ города фельдегерь, съ приказаніемъ отъ графа Орлова, что государь императоръ въ два часа прибудетъ въ округъ и для того, чтобъ я собралъ поселянъ въ экзерциргаузѣ. Такъ какъ уже было около полудня, и поселяне были всѣ въ сборѣ, то я приказалъ имъ слѣдовать прямо въ штабъ и, оправившись, выстроиться въ манежѣ. Тутъ поселяне пришли сказать мнѣ, что у нихъ нѣтъ хлѣба-соли, съ чѣмъ бы принять государя. Я совѣтовалъ имъ взять у кого-либо изъ поселянъ цѣльный хлѣбъ; но они замѣтили мнѣ, что ржаной хлѣбъ не хорошо,

и что прежде всегда пекли изъ крупичатой муки, а такъ какъ теперь уже некогда, то не взять ли круглыхъ кренделей и сотоваго меда? Я утвердилъ ихъ предположеніе и велѣлъ выбрать отъ себя депутатовъ, которые встрѣтили бы со мною государя императора у коляски, и стоя на колѣняхъ, просили бы прощенія. Они нарядили шесть человѣкъ. Поселянамъ же, стоявшимъ во фронтѣ въ манежѣ, я приказалъ,—какъ скоро увидятъ государя, то, снявши шапки, стать всѣмъ на колѣни. Младшему священнику, отцу Гавріилу, велѣлъ растворить двери изъ церкви въ экзерциргаузъ и быть въ полномъ облаченіи съ крестомъ и святой водой; царскія двери также растворить, положить въ экзерциргаузѣ на аналоѣ Евангеліе и знамя военныхъ поселянъ, хранившееся въ церкви съ тѣхъ поръ, когда, со вступленіемъ на престолъ государя императора Николая Павловича, была снята съ нихъ боевая аммуниція. Полагая, что государь прикажетъ бунтовщиковъ привести къ присягѣ, я приказалъ положить на аналой и форму оной.

Около двухъ часовъ государь императоръ съ графомъ Орловымъ прибылъ въ штабъ гренадерскаго императора австрійскаго полка. Встрѣтивъ его величество у рѣшетки между церковью и госпиталемъ, я подалъ рапортъ о состояніи округа; государь, принявъ отъ меня рапортъ и увидѣвъ, что 8 человѣкъ показаны въ командировкѣ (убитыхъ и умершихъ до исключенія изъ списковъ всегда такъ показывали), сказалъ мнѣ съ видимой грустью:

— Это, въ дальней.

Потомъ, вышедъ изъ коляски, поцѣловалъ меня и изволилъ сказать:

— Спасибо, старый сослуживецъ, что ты здѣсь одинъ не потерялъ разума. Я этого никогда не забуду!

Увидѣвъ же поселянъ, стоящихъ на колѣняхъ съ хлѣбомъ-солью, государь произнесъ:

— Не беру вашего хлѣба. Идите и молитесь Богу!

Вошедши въ экзерциргаузъ и взглянувъ на стоящихъ поселянъ, которымъ майоръ Баллашъ скомандовалъ: „шапки долой!“ государь прошелъ въ церковь. Я слѣдовалъ за нимъ. Священникъ встрѣтилъ императора съ крестомъ и святою водой. Государь, приложившись ко кресту, изволилъ слѣдовать въ алтарь, гдѣ и началъ разспрашивать священника насчетъ нравственнаго состоянія поселянъ. Священникъ замялся, и государь, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Войди въ алтарь!

Я доложилъ, что, по моему мнѣнію, истиннаго раскаянія въ нихъ нѣтъ, а дѣйствуетъ суевѣріе и страхъ, прибавивъ къ сему, что еще сегодня по утру преосвященный былъ здѣсь и служилъ панихиду о убіенныхъ, но что они проводили его съ ропотомъ.

Государь, выслушавъ это, вышелъ изъ церкви и сказалъ священнику:

— Служите!

Священникъ, не будучи къ сему приготовленъ и не имѣя при себѣ церковнослужителей или пѣвчихъ, началъ прямо ектенію, и самъ вмѣсто пѣвчихъ запѣлъ: „Господи помилуй“. Въ это время пѣвчій изъ военныхъ поселянъ, стоявшихъ на колѣняхъ во фрунтѣ, вдругъ вскочилъ, побѣжалъ къ священнику и на-бѣгу началъ пѣть: „Господи помилуй“. По окончаніи ектеніи, государь приказалъ мнѣ скомандовать: „накройсь, вставай; справа, слѣва, кругомъ заходи!“ а потомъ повелѣлъ еще вздвоить ряды и началъ говорить:

— Какъ вы смѣли возстать противъ меня?

Когда же поселяне начали говорить, что они противъ него не возставали, то государь перебилъ:

— Вы убили своихъ начальниковъ, Богомъ и мною надъ вами поставленныхъ; это все равно, что вы подняли руку свою на меня!

Потомъ говорилъ имъ, что эта болѣзнь послана Господомъ за наши грѣхи, что и самъ онъ потерялъ брата отъ сей болѣзни, что надо съ кротостію переносить волю Господню. Увидѣвъ же между поселянами одного унтеръ-офицера съ анненскимъ крестомъ и двумя медалями, подозвалъ къ себѣ, равно и всѣхъ бывшихъ тутъ кавалеровъ и, обращаясь къ нимъ, сказалъ:

— Васъ ли я вижу? И вы всѣ живы?

Анненскій кавалеръ, прежде всѣхъ позванный государемъ, отвѣчалъ: Слава Богу, ваше величество, Богъ помиловалъ!

Но государь съ гнѣвомъ перебилъ его.

— Молчи и не срами имя Божіе! Вы,—продолжалъ онъ, обращаясь къ прочимъ,—кавалеры должны были всѣ лечь тутъ и не допустить истреблять вашихъ начальниковъ! А ты,—заключилъ государь ко мнѣ, и такъ, чтобы всѣ слышали, — съ ними не шути, и при первомъ ослушаніи выведи и тутъ же разстрѣляй на мѣстѣ!

Потомъ началъ говорить поселянамъ, чтобъ они выдали виновныхъ, но поселяне замолчали. Я въ это время стоялъ въ рядахъ поселянъ и услышалъ, что сзади меня кто-то изъ нихъ сказалъ своимъ товарищамъ:

— А что, братцы, полно, это государь ли? Не изъ ихнихъ ли переряженцевъ?

Я обмеръ отъ ужаса, и, кажется, государь прочелъ смятеніе на лицѣ моемъ, потому что послѣ того не настаивалъ болѣе о выдачѣ виновныхъ, а спросилъ:

— Раскаиваетесь ли вы?

Когда поселяне начали кричать: раскаиваемся! То государь, отломивъ кусокъ кренделя, изволилъ скушать, сказавъ:

— Ну вотъ и я ѣмъ теперь вашу хлѣбъ-соль. Конечно, я могу васъ простить; но какъ Богъ васъ проститъ?

Затѣмъ приказалъ мнѣ командовать: „налѣво кругомъ“ и выстроить фронтъ. Когда поселяне были обращены опять лицомъ къ государю, то его величество снова сталъ благодарить меня и гг. офицеровъ, бывшихъ во фронтѣ; но такъ какъ не всѣ офицеры того стоили, то я остановилъ государя и, сказавъ, что не всѣ стоятъ его благодарности, подалъ ему списокъ достойныхъ, который у меня былъ уже припасенъ. При чемъ доложилъ его величеству, что именемъ его я произвелъ одного унтеръ-офицера въ прапорщики. Государь спросилъ:

— За что?

— За то, что онъ предлагалъ мнѣ пробиться съ тридцатью человѣками на штыкахъ и знаменемъ и денежнымъ ящикомъ въ городъ.

Государь подозвалъ къ себѣ Перекопаева, поцѣловалъ и утвердилъ. Послѣ сего, вышедъ изъ экзерциргауза, императоръ поѣхалъ на гауптвахту, гдѣ поздоровался съ поселянами, стоявшими на часахъ съ косами вмѣсто ружей, потому что резервный баталіонъ я смѣнилъ, по приказанію графа Орлова, чтобъ приготовить ихъ къ выступленію по проѣздѣ государя въ Новгородъ. Тамъ на гауптвахтѣ представилъ я ему арестантовъ, которые не послушались выпускавшихъ ихъ военныхъ поселянъ. Государь благодарилъ ихъ, и послѣ всѣ они оставлены были безъ наказанія. Отъ гауптвахты государь поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ изволилъ быть въ церкви св. Николая Качанова, а на другой день дѣлалъ смотръ всѣмъ резервнымъ баталіонамъ въ Новгородѣ, и приказалъ отправить ихъ въ Гатчину. Въ ночь на 27 число государь отправился въ Петербургъ обратно, получивъ увѣдомленіе, что государыня почувствовала приближеніе родовъ. По отбытіи государя изъ округа, я отслужилъ съ поселянами благодарственный молебенъ и распустилъ ихъ по домамъ, а самъ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ еще разъ удостоился видѣть его величество.

По выступленіи резервныхъ баталіоновъ въ Гатчину, мы въ округахъ остались одни. Графъ Орловъ объявилъ мнѣ, что государю угодно, дабы поселяне какимъ бы то ни было образомъ доведены были до раскаянія. Полагая въ этомъ случаѣ дѣйствовать религіей, я предложилъ въ наступившій Успенскій постъ отправлять во всѣхъ четырехъ ротахъ ежедневно служеніе по церквамъ и приготовляться къ исповѣди и принятію святыхъ таинъ; но такъ какъ у насъ въ округѣ одинъ священникъ былъ раненъ и оставался только младшій, да и къ тому поселяне не имѣли довѣрія, опасаясь ему исповѣдываться, то я просилъ преосвященнаго командировать ко мнѣ пять человѣкъ умныхъ монаховъ, которые могли бы на исповѣди

усовѣщевать заблудшихъ и приводить убійцъ къ раскаянію. Монахи исполнили свое дѣло умно и усердно. 1-го августа былъ парадъ, благодарственное молебствіе о рожденіи его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича и водоосвященіе по чину на рѣкѣ Волховѣ. Послѣ въ теченіе двухъ недѣль всѣ роты говѣли, и чувствовавшіе себя достойными пріобщились св. таинъ. Мы же,—я и нѣкоторые офицеры, взявъ образъ угодника Божія, коимъ 16 числа остановлено было буйство поселянъ, разглядѣли подпись и, прочитавъ, что образъ этотъ былъ препод. Ѳеодосія Тотемскаго, сложились, подновили ликъ, сдѣлали серебряный окладъ и положили оставшіеся 50 рублей въ банкъ навѣчно съ тѣмъ, чтобъ изъ процентовъ на сіи деньги ежегодно горѣла лампада въ дни 16, 17, 18, 19 и 20 іюля, а также въ день Рождества Христова и Пасхи и 28 января въ день угодника Божія, окружнаго же священника просили служить 16 іюля молебенъ св. Ѳеодосію Тотемскому и панихиду о убіенныхъ, а 20-го благодарственное пѣніе за водворепіе тишины и спокойствія въ округѣ. Билетъ на показанную сумму внесенъ нами въ окружной комитетъ.

Августа 12 пришелъ въ округъ резервный баталіонъ, кажется, невскаго пѣхотнаго полка, подъ командой майора Гротенфельда; я расположилъ ихъ въ новомъ строеніи штаба. Баталіонъ этотъ состоялъ изъ 80 человѣкъ старыхъ солдатъ и изъ 250 рекрутъ. Ими я сталъ занимать всѣ посты.

Около половины августа снова была попытка къ бунту. Заговорщики хотѣли, во время возвращенія моего изъ города ночью, напасть на меня, убить и возобновить возмущеніе; но жена одного изъ заговорщиковъ объявила капитану Носову, а тотъ сообщилъ мнѣ,ославъ записку съ офицеромъ и предупреждая, чтобъ я одинъ не ѣздилъ. Записку эту я предъявилъ генералъ-лейтенанту Стеселю, который былъ назначенъ отряднымъ генераломъ Новгородскаго удѣла военныхъ поселеній. Онъ приказалъ новгородскому коменданту генералъ-майору Люцѣ дать мнѣ уланскій конвой, съ которымъ я и пріѣхалъ въ штабъ и тотчасъ же послалъ въ роты, чтобы къ 6 часамъ утра высланы были ко мнѣ заговорщики. Они начали ходить по поселянамъ и упрашивать, чтобъ ихъ не выдавали, но тѣ, выѣзжая съ разсвѣтомъ на полевыя работы, сказали имъ, чтобъ они лучше сами шли, не дожидаясь, пока ихъ свяжутъ. Между тѣмъ, время близилось къ 6 часамъ, а ко мнѣ еще никто не являлся. Я послалъ вторично 12 человѣкъ уланъ съ подтвержденіемъ, что ежели къ 7 часамъ требуемые люди не будутъ ко мнѣ приведены, то въ 8 не останется камня на камнѣ во всей ротѣ. Уланы, однакожъ, не доѣхали до мѣста, ибо встрѣтились на дорогѣ съ конвоемъ, препрово-

ждавшихъ поселянъ-заговорщиковъ. Я тотчасъ же отправилъ ихъ въ Новгородъ.

18 августа былъ праздникъ въ 1-й ротѣ, и поселяне пришли приглашать меня. Въ этотъ день старшій священникъ о. Лавръ былъ именинникъ и въ первый разъ послѣ исцѣленія разбитой руки готовился священнодѣйствовать. Я отправился къ обѣднѣ. По освященіи святыхъ даровъ и по окончаніи причастной пѣсни, священникъ отворилъ царскія врата и вышелъ.

— Приступая въ первый разъ,—сказалъ онъ поселянамъ,— послѣ 16 іюля къ священнодѣйствію и принятію св. таинъ, я не могу приступить, не очистивъ себя прежде покаяніемъ и примиреніемъ со всѣми, причинившими мнѣ зло, а потому простите меня, если въ вѣдѣніи или невѣдѣніи причинилъ вамъ какое-либо зло или огорченіе.

Онъ поклонился на всѣ стороны и продолжалъ:

— Но вмѣстѣ съ симъ я не могу и не долженъ оставлять васъ въ сомнѣніи касательно вашего заблужденія объ отравленіи, — заблужденія пагубнаго, заставившаго васъ поднять руки на своихъ начальниковъ, пролить кровь людей неповинныхъ, души которыхъ предстоятъ, конечно, теперь предъ престоломъ Всевышняго и молятъ правосуднаго Бога, да отпуститъ Онъ прегрѣшенія ваши и ослѣпленіе, причинившія имъ мученія и самую смерть. Вмѣсто клятвы о томъ, что вы поругались и избили неповинныхъ, я приступаю къ принятію Тѣла и Крови Господней.

И, возвратясь въ алтарь, при отверстыхъ царскихъ дверяхъ, сталъ пріобщаться.

По окончаніи литургіи и молебна, поселяне попросили меня на ихъ завтракъ. Я поздравилъ ихъ съ праздникомъ, а священника съ днемъ ангела и отправился въ Новгородъ.

Графъ Орловъ сказалъ мнѣ, что уже мѣсяцъ проходитъ, какъ онъ пріѣхалъ, и такъ какъ теперь уже извѣстны главные дѣйствователи, то онъ желалъ бы, чтобъ двадцатаго числа они были арестованы и присланы въ Новгородъ закованные, но ему хотѣлось бы, чтобъ сами военные поселяне ихъ выдали, и потому велѣлъ мнѣ прислать къ нему по два человѣка изъ каждой роты, чтобъ поговорить съ ними. Я доложилъ, что забрать всѣхъ бунтовщиковъ можно безъ всякаго шума, но не полагаю на уговоръ, чтобъ они согласились на то добровольно, даже,—замѣтилъ я,—это можетъ повредить дѣлу.

— Попробуемъ,—сказалъ графъ—а если не удастся, тогда возьму силою. Ты,—продолжалъ онъ шутя,—началъ бунтовать, ты и покажи примѣръ первый, доставь мнѣ главныхъ виновниковъ.

Пріѣхавъ домой, я приказалъ въ своихъ кузницахъ, въ которыхъ было 22 горна, ковать ручныя кандалы, а чтобъ это было въ тайнѣ,

то не велѣлъ оканчивать совсѣмъ, а дѣлать по лекалу и по частямъ, такъ, чтобъ послѣ можно въ скорости собрать. 19-го я послалъ по два депутата съ роты къ графу, отправилъ семейство свое, и всѣхъ вдовъ убитыхъ офицеровъ и прочихъ женъ и дѣтей въ городъ по частямъ, какъ будто за покупками. Майору же Гротенфельду приказалъ быть готовымъ съ своимъ баталіономъ, и какъ только смеркнется, высылать сильные патрули въ роты и усилить караулы такъ, чтобы рота одна занимала четыре ротныхъ караула, полъ-роты въ караулъ при штабѣ, а полъ-роты раздѣлить на 8 патрулей, которые и обходили бы по очереди въ эту ночь всѣ роты; съ остальными же двумя оставаться въ резервѣ. Изъ числа 6 уланъ, бывшихъ при мнѣ, я взялъ двухъ съ собою, а четырехъ оставилъ у Готенфельда для сообщенія мнѣ въ городъ, ежели что случится, а самъ вечеромъ отправился къ графу Орлову.

Графъ сообщилъ мнѣ, что надежда на депутатовъ плоха, и что они хоть и обѣщали поговорить съ своими товарищами, но не охотно и съ большимъ сомнѣніемъ, и потому, придавъ мнѣ еще 10 человѣкъ уланъ, приказалъ забрать главныхъ бунтовщиковъ по квартирамъ. Получивъ такое распоряженіе, я отправился въ 3-ю роту съ 12-ю уланами и, подъѣхавъ къ ротѣ, велѣлъ двумъ уланамъ быть при мнѣ, а четыремъ остаться на флангѣ роты, шестерымъ же ѣхать по Московскому шоссе, и оставивъ двухъ передъ ротной площадью, четыремъ наблюдать другой флангъ и не пропускать ни одного человѣка безъ конвоя изъ роты, но не оставляя постовъ своихъ, вязать схватываемыхъ и держать ихъ до прибытія пѣхотнаго патруля, которому и сдавать.

Подъѣхавъ съ двумя уланами къ ротному комитету, я послалъ прежде одного улана къ караульному унтеръ-офицеру, чтобъ онъ выслалъ въ комитетъ ефрейтора и двухъ часовыхъ, а самъ вошелъ въ комитетъ и вмѣсто того, чтобъ найти тамъ депутатовъ, бывшихъ у графа, я нашелъ человѣкъ до 15 тѣхъ поселянъ, коихъ слѣдовало арестовать. Депутаты же, вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать арестованію виновныхъ, по пріѣздѣ изъ города, сказали имъ, что ихъ хотятъ брать и отправлять въ Новгородъ. Для того-то и собрались они, чтобъ посовѣтоваться, что имъ дѣлать.

— Зачѣмъ вы тутъ?—спросилъ я.

Вмѣсто должнаго отвѣта, они начали шумѣть и кричать: на что хотятъ ихъ отправить въ городъ.

Но въ это время прискакалъ другой уланъ отъ караульнаго унтеръ-офицера съ докладомъ, что идутъ часовые, да и два улана, посланные мною на средину роты, въ то время подъѣхали къ площади. Лошади стали ржать, и поселяне оторопѣли, а въ эту минуту явился

и ефрейторъ съ двумя часовыми. Я приказалъ зарядить ружья и поставить часовыхъ у дверей. Но одинъ изъ рекрутовъ сказалъ ефрейтору:

— Дядюшка! да какъ зарядить ружье-то? Я не умѣю стрѣлять.

Ефрейторъ взялъ патронъ, насыпалъ на полку, опустилъ въ дуло и прибилъ шомполомъ, потомъ, отдавая ружье рекруту и взведя курокъ, сказалъ:

— Ежели кто къ тебѣ будетъ подступать, такъ ты приставь къ брюху, да и дерни за спускъ.

Прибѣжалъ и поселенный фельдфебель. Я приказалъ ему взять въ первомъ же домѣ веревокъ, возжей, постромокъ и принести ко мнѣ. Все это было доставлено изъ пожарнаго сарая. Зная по именамъ нѣкоторыхъ поселянъ, тутъ бывшихъ, я велѣлъ имъ съ фельдфебелемъ вязать другихъ, что они и начали дѣлать, въ той надеждѣ, что ихъ самихъ не тронутъ. Между тѣмъ прибылъ и подвижной патруль изъ штаба и усилилъ насъ; я приказалъ ему пособлять вязать остальныхъ, а фельфебель съ двумя уланами послалъ по домамъ, давъ ему списокъ, кого брать, и приказавъ начать съ ближняго дома, чтобъ тревога не распространилась по ротѣ. Во всѣхъ домахъ, гдѣ брали виновныхъ, сопротивленія не было никакого; сами домашніе помогали вязать. Въ то же время я отправилъ за уланами, стоявшими на флангѣ къ городу, и послалъ предписаніе и списокъ къ Гротенфельду, чтобъ онъ поступилъ также во 2-й ротѣ, а капитановъ Носова и Левицкаго отправилъ въ 1-ю и 4-ю роты, давъ каждому по 4 улана. Собравъ 36 арестантовъ въ 3-й ротѣ, я отправилъ ихъ въ штабъ съ патрулемъ и половиной караула, бывшихъ въ ротѣ при двухъ уланахъ, а самъ съ остальными двумя уланами поѣхалъ туда же и приказалъ кузнецамъ сбирать и гнуть кандалы, чтобы по мѣрѣ того, какъ будутъ приводить преступниковъ, можно было заковывать ихъ немедленно. Такимъ образомъ къ 5 часамъ утра было взято, по предварительно составленному списку, 160 человѣкъ; всѣ они были закованы по 10 человѣкъ на одинъ желѣзный прутъ и отправлены въ Новгородъ. Въ 9 часовъ я поѣхалъ самъ туда и, осмотрѣвъ по дорогѣ, какъ ихъ ведутъ, явился къ генералу Стеселю и графу Орлову и представилъ ихъ. Достойно примѣчанія, что хоть дѣйствовали поспѣшно, безъ лишняго разбора, справедливо ли или нѣтъ показаніе и обвиненіе, но изъ всѣхъ доставленныхъ мною оказался правымъ только одинъ, прочіе всѣ, по ихъ собственному признанію, осуждены. Правый этотъ былъ тотъ депутатъ унтеръ-офицеръ, который ѣздилъ въ Петербургъ и, возвратясь, сказалъ мнѣ, что государь не похвалилъ ихъ, какъ говорили товарищи, а побранилъ. Онъ былъ освобожденъ, по моему ходатайству.

Вотъ истинное описаніе бунта и усмиренія его въ военномъ поселеніи! Результатомъ моихъ дѣйствій было: сохраненіе тридцати осьми человѣкъ, обреченныхъ на смерть и спасенныхъ мною арестомъ, поддержаніе покорности волѣ государя императора, подъ защитою которой я дѣйствовалъ, впослѣдствіи, сохраненіе суммъ, бывшихъ въ комитетѣ въ количествѣ болѣе чѣмъ на полтораста тысячъ рублей, изъ которыхъ израсходовано только 800 на прогоны, церковныя нужды, на содержаніе пяти монаховъ въ теченіе двухъ недѣль, на покупку свѣчей, вина и прочихъ потребностей; сохраненіе пороха и оружія, въ округѣ бывшаго, и вообще всей собственности гренадерскаго императора австрійскаго полка и собственности, принадлежавшей офицерамъ, ибо никто ничего не потерялъ, а по истеченіи 8 мѣсяцевъ моего командованія все сдано въ излишествѣ новому командиру округа подполковнику Королькову и возвратившемуся изъ похода командиру полка генералъ-майору Полтинину. Соколовъ, Носовъ и Черницовъ произведены въ слѣдующіе чины; Перекопаевъ въ прапорщики съ пожалованіемъ ему на обмундировку 300 рублей. Майору Кутузову, бывшему подъ судомъ вмѣстѣ съ прочими, ему подвѣдомственными офицерами, облегчено наказаніе. Первый, по выдержаніи еще мѣсяца подъ арестомъ, только отставленъ отъ службы, а капитаны его баталіона, равно какъ и Левицкій, такъ какъ дѣйствія ихъ происходили отъ незнанія службы, для узнанія порядка отправлены въ образцовый полкъ, со вмѣненіемъ имъ въ наказаніе бытность ихъ подъ судомъ и содержаніе подъ арестомъ. Арестанты нижнихъ чиновъ уволены отъ суда. Дѣти майора Кутузова приняты: сынъ—въ корпусъ, дочь—въ Смольный монастырь. Вдовы убитыхъ первоначально получили вспомоществованіе изъ собственной суммы графа Орлова на мой округъ 2.500 рублей, впослѣдствіи—пенсіоны полные. Кромѣ того имъ оставлены были квартиры въ округахъ, а дѣти опредѣлены въ училища на казенный коштъ.

Я произведенъ въ полковники, прослуживъ въ подполковничьемъ чинѣ только съ 1825 года, и пожаловано мнѣ единовременно 900 рублей ассигнаціями, съ вычетомъ 10 процентовъ въ пользу инвалиднаго капитала; стало-быть, въ очисткѣ 810 рублей ассигнаціями. До сихъ поръ я описывалъ, чему былъ болѣе и менѣе непосредственнымъ свидѣтелемъ; теперь объясню, какъ бунтъ начался.

Былъ обычай въ округахъ вмѣсто того, чтобъ для пожарныхъ лошадей сбирать сѣно по раскладкѣ съ каждаго дома въ ротѣ, заставлять поселянъ косить извѣстное урочище, оврагъ или другое какое-нибудь мѣсто. 16 числа капитанъ 2-й роты Заикинъ приказалъ поселянамъ выкосить для пожарныхъ лошадей оврагъ, простирающійся по большой дорогѣ вдоль по ручью, но поселяне начали упор-

ствовать и, собравшись къ нему, объявили, что они не хотятъ косить, а дадутъ сѣно съ вѣсу. Тогда Заикинъ приказалъ имъ этотъ оврагъ косить для себя самихъ; поселяне хоть и спорили, но пошли, и вмѣсто того, что бъ косить, роптали на начальниковъ и стали толковать про холеру, о коей получили свѣдѣнія отъ мужиковъ, проходившихъ изъ Петербурга, и отъ пріѣхавшихъ солдатъ, бывшихъ за пріемкой вещей съ офицеромъ Бѣляевымъ. Они роптали и на то, что приняты карантинныя мѣры, и не допускаютъ ихъ имѣть свиданіе съ дѣтьми, служащими въ резервномъ баталіонѣ, пришедшими изъ лагеря и расположенными въ ригахъ. Около Подберезья находится и нынѣ на Московскомъ шоссе казарма нижнихъ чиновъ путей сообщенія; въ этомъ домикѣ жилъ унтеръ-офицеръ съ командой, у котораго находилась безъ паспорта дѣвка. Когда, по случаю появленія холеры, начали чаще посѣщать казармы и учредились карантины, разсматривавшіе, откуда проходящіе слѣдуютъ, то унтеръ-офицеръ прогналъ отъ себя дѣвку; та бросилась къ Новгороду, но на карантинѣ была остановлена; она обратилась къ Петербургу, но и тамъ не пустили, а потому она воротилась въ казарму. Унтеръ-офицеръ научилъ ее идти по проселочной дорогѣ, однако, и тамъ она была обращена назадъ гражданскимъ карантиномъ. Вышедши на шоссе, она направилась къ казармѣ и повстрѣчалась съ унтеръ-офицеромъ, у котораго до сихъ поръ жила, и который былъ посланъ въ сосѣднюю казарму своимъ докторомъ съ хлориновой известью и сѣрной кислотой. Дѣвка, увидавъ его, сказала, что нигдѣ нельзя пройти, и стала просить его, чтобъ онъ опять ее принялъ; слово за слово, межъ ними началась ссора; унтеръ-офицеръ ударилъ дѣвку, прикрикнувъ, что если она его не оставитъ, то онъ ее тутъ же убьетъ, при этомъ взявъ хлориновой извести, положилъ на камень и налилъ кислоты; когда известь закипѣла и газъ сталъ подниматься, дѣвка закричала: „караулъ, травятъ!“ Поселяне, бывшіе около того мѣста въ оврагѣ, выскочили, и, увидѣвъ исходящій паръ изъ камня, схватили унтеръ-офицера и дѣвку и повели къ своему капитану Заикину, укоряя его, что онъ потворствуетъ отравителямъ, и заставили его вызвать подполковника Бутовича съ лѣкаремъ. Заикинъ, не объяснивъ буйства поселянъ, написалъ записку къ Бутовичу, что поселяне поймали съ ядомъ отравителя и требуютъ его къ себѣ съ лѣкаремъ. Въ это время Бутовичъ занимался съ Пановымъ счетами и, положивъ не досчитанныя деньги въ карманъ и пригласивъ съ собою штабъ-лѣкаря, поѣхалъ съ нимъ въ кабріолетѣ во 2-ю роту. По прибытіи туда, онъ пашелъ толпу поселянъ на площади. Поселяне собрались къ лѣкарю и стали его допрашивать объ ядѣ. Бутовичъ сталъ вразумлять ихъ, что это не ядъ, а хлориновая известь, и что она по-

слана не имъ, а лѣкаремъ путей сообщенія. Поселяне начали его толкать и бить. Тогда Бутовичъ приказалъ штабсъ-капитану Забѣлину вывести роту резервнаго баталіона изъ риги и зарядить ружья. Забѣлинъ, выстроивъ роту и зарядивъ ружья, взялъ на изготовку. Но Бутовичъ вмѣсто того, чтобъ командовать „пли", подошелъ и, вынувъ пучокъ денегъ изъ кармана, сказалъ: „стрѣляйте, ребята! сто рублей за каждый выстрѣлъ!" Дивизіонъ спустилъ курки на первый взводъ и поставилъ ружья къ ногѣ. Забѣлинъ, чтобъ подать примѣръ, выхватилъ у рядового ружье и хотѣлъ выстрѣлить самъ, но стоявшій сзади унтеръ-офицеръ прокололъ его штыкомъ въ спину и вытолкнулъ изъ фронта. Дивизіонъ сдѣлалъ налѣво кругомъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Тогда поселяне схватили Бутовича и начали бить, а дивизіонъ, оставшись безъ начальниковъ, разошелся; отъ того-то и съ майоромъ Баллашомъ было только три роты. Въ это время я узналъ о происходившемъ и прибылъ на мѣсто бунта.

Н. И. Панаевъ.

Одинъ изъ незамѣтныхъ дѣятелей Екатерининской эпохи.

II. Яковъ Павловичъ Козельскій [1]).

(Историко-литературный матеріалъ).

I.

Эпоха Екатерины Великой должна привлекать къ себѣ вниманіе историка русской культуры не только вслѣдствіе появленія на исторической аренѣ великихъ дѣятелей, отмѣченныхъ рѣзко и рѣзко выдѣляющихся изъ обычной среды. Эти люди, благодаря своимъ недюжиннымъ талантамъ, обращали на себя усиленное вниманіе и еще при жизни подверглись суду современниковъ. Ихъ роль въ исторіи нашего культурнаго развитія въ достаточной степени опредѣлена.

Нѣтъ, историкъ культуры долженъ начать свою экскурсію въ другомъ направленіи. Необходимо подмѣтить тѣхъ не блестящихъ особенными достоинствами работниковъ на нивѣ народной, тѣхъ рядовыхъ, такъ сказать, работниковъ, которые исполняли черновую, подготовительную работу. Эта работа на первый взглядъ не можетъ привлечь особаго вниманія, а сами выполнители ея кажутся черезчуръ заурядными. Но, познакомившись поближе съ тѣми условіями жизни, въ которыхъ находились эти работники, познакомившись съ тѣмъ, какъ они работали, что они сдѣлали—мы невольно должны почувствовать нашу глубокую благодарность къ этимъ культурнымъ одиночкамъ. Благодаря ихъ незамѣтнымъ на первый взглядъ трудамъ, благодаря ихъ упорной, мучительной работѣ былъ возможенъ общій

[1]) Смотри „Русская Старина“ 1905 г. т. CXXII, май. Михаилъ Васильевичъ Поповъ.

прогрессъ, общее развитіе народной массы. И въ конечномъ результатѣ за ними нужно признать гораздо большее значеніе, чѣмъ имъ отводилось до настоящаго времени.

Объ одномъ изъ такихъ культурныхъ одиночекъ я и поведу свою рѣчь. Кому изъ современныхъ читателей извѣстно имя—Яковъ Козельскій?—На означенный вопросъ можно вполнѣ утвердительно отвѣтить, что большинство изъ русской интеллигенціи совсѣмъ не знаетъ про существованіе такого лица,—а между тѣмъ этотъ Яковъ Козельскій является очень оригинальною личностью, однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ.

Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, въ историческомъ словарѣ, да въ матеріалахъ къ исторіи Екатерининской коммиссіи по составленію уложенія мы найдемъ самыя короткія біографическія данныя и сухой перечень трудовъ. Нѣсколько строчекъ, посвященныхъ этому лицу въ современныхъ справочныхъ изданіяхъ ничего не говорятъ, и мы можемъ съ легкимъ сердцемъ зачислить Козельскаго въ тотъ безчисленный рядъ переводчиковъ и композиторовъ, которые появились съ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ восемнадцатаго столѣтія у насъ въ Россіи. И лишь тогда, когда мы разыщемъ по библіотекамъ самые труды Якова Козельскаго, поближе познакомимся съ нимъ, перечитаемъ тѣ довольно значительныя по размѣрамъ предисловія, которыми онъ снабжалъ почти всѣ свои работы—мы увидимъ, что передъ нами незаурядный мыслитель, человѣкъ съ большою эрудиціею.

По обычаю и условіямъ разсматриваемой эпохи, Яковъ Козельскій долженъ былъ служить. Трудъ литератора въ Екатерининскую эпоху не могъ давать средствъ къ пропитанію; литераторъ, какъ таковой, въ современномъ значеніи этого слова, еще не существовалъ. Литература была или занятіемъ побочнымъ, въ свободное время отъ непосредственныхъ занятій или представляла изъ себя ту же службу, какъ, напримѣръ, переводчики при академіи наукъ, различныхъ коллегіяхъ, одописцы, стихотворцы при дворѣ. Платы за литературные труды, въ видѣ гонорара, не существовало долгое время, и она была введена лишь Новиковымъ, когда онъ развилъ съ средины 80-хъ годовъ XVIII столѣтія свою издательскую дѣятельность. Литераторъ къ тому же долженъ былъ и самъ издавать свою книгу, свой трудъ, а изданіе книги по тѣмъ временамъ стоило очень дорого, книга же расходилась туго, лишь немногія сочиненія выдержали по нѣсколько изданій; это были, главнымъ образомъ, учебники, затѣмъ нѣкоторыя беллетристическія и историческія сочиненія.

Всѣ эти обстоятельства приводили къ тому, что писатель долженъ былъ служить. Служилъ и Яковъ Козельскій. Сначала онъ былъ

учителемъ при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ въ чинѣ артиллеріи капитана, а съ 1768 года — надворнымъ совѣтникомъ и Правительствующаго Сената секретаремъ. Что заставило Козельскаго перемѣнить службу, бросить мундиръ и учительство и стать чиновникомъ Сената—намъ осталось неизвѣстнымъ, и это обстоятельство довольно таки странно. Я. Козельскій былъ незаурядный учитель, онъ не только училъ, но и сочинялъ руководства, переводилъ учебники—а такими людьми дорожили въ то время и особенно въ такомъ привилегированномъ заведеніи, какъ артиллерійскій корпусъ.

Какъ протекала служба Козельскаго, намъ тоже неизвѣстно—вообще мы слишкомъ мало знаемъ о біографіи людей Екатерининской эпохи, данныхъ или почти совсѣмъ не сохранилось, а если и есть они, то хранятся по разнымъ архивамъ, доступъ въ которые болѣе чѣмъ затруднителенъ. Но мы можемъ отмѣтить одну особенность, слишкомъ характерную для Козельскаго. Въ корпусѣ, какъ мы и указали выше, Козельскій не только училъ, но и писалъ учебники; перейдя въ Сенатъ, онъ не оставилъ своей склонности. „При вступленіи моемъ изъ воинской службы въ статскую, имѣлъ я для пріобрѣтенія въ ней нѣкоторой способности необходимую нужду упражняться въ чтеніи философическихъ книгъ, служащихъ къ сему намѣренію“—съ такими словами Козельскій обращается къ своему начальнику генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому въ предисловіи къ книгѣ „Философическія Приложенія“ и дальше прибавляетъ: „въ тѣхъ книгахъ нашелъ я многія пріятныя и полезныя истины, неприступныя для скучливыхъ читателей, такъ что познаніе каждой изъ нихъ стоитъ читателю великаго труда въ безполезномъ разборѣ другихъ изъ вовсе ненадобныхъ для него предложеній; и для того я, хотя и не учился ни отъ кого философіи, по примѣру прежнихъ моихъ сочиненій, выбралъ изъ тѣхъ книгъ полезныя для человѣческаго рода истины и къ тѣмъ присовокупилъ и мои извѣданныя надежными опытами“.

Въ этихъ строкахъ предисловія находится замѣчательно мѣткая характеристика писателя и переводчика средней величины Екатерининской эпохи. Прежде всего мы видимъ, что человѣкъ сталъ сочинителемъ безъ предварительной подготовки—хотя и не учился ни отъ кого философіи—откровенно и чистосердечно признается самъ Козельскій; далѣе натолкнула его на мысль сочинять вовсе не потребность въ сочинительствѣ, безспорно, такая потребность въ немъ была, но импульсомъ послужило совершенно постороннее обстоятельство—„при вступленіи моемъ изъ воинской службы въ статскую имѣлъ я, для пріобрѣтенія въ ней нѣкоторой способности, необхо-

димую нужду упражняться въ чтеніи"—служба требовала отъ Козельскаго извѣстныхъ знаній, ихъ не было, нужно было пополнить, для этого было единственное средство—самообразованіе, чтеніе книгъ. Козельскій началъ читать, началъ пріобрѣтать знанія и какъ не лѣнивый рабъ не захотѣлъ воспользоваться своими пріобрѣтенными знаніями только для себя лично, но дать возможность облегчить и другимъ пріобрѣтать знанія, а отсюда и появилось сочиненіе Козельскаго „Философическія Предложенія".

Такъ или въ этомъ духѣ начинали работать и другіе второстепенные и третьестепенные писатели Екатерининской эпохи. Я уже указывалъ, что М. В. Поповъ, довольно извѣстный переводчикъ, началъ свои переводы, обучаясь французскому языку. Онъ самъ сознаетъ недостатки своего перевода, но извиняетъ ихъ лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что на этихъ переводахъ онъ учится самъ.

Время было слишкомъ горячее. Введенная на міровой рынокъ политикою Екатерины—пріобрѣтеніемъ Польши, Новороссіи и Крыма—Россія, если хотѣла сдѣлаться участникомъ этого рынка, если не желала остаться въ экономическомъ рабствѣ у другихъ болѣе промышленныхъ, болѣе развитыхъ странъ, должна была развиваться, должна была поднять свой культурный уровень какъ можно скорѣе, быстрыми скачками. Надо было учиться, схватывать премудрости запада, которыя тамъ являлись логическимъ слѣдствіемъ долгой исторической жизни и дѣлать эти премудрости достояніемъ всѣхъ русскихъ. Страна жила кипучею жизнью, развитіе ея шло не столѣтіями, а десятками лѣтъ—и поэтому работа не могла быть спокойною, работники не могли до сего сами учиться. Необходимость въ людяхъ, въ знаніи требовала немедленнаго примѣненія полученныхъ знаній къ жизни. Весьма понятно, что при этомъ не было гармоническаго развитія, наоборотъ, скачки, неровности слишкомъ ярко выдѣлялись, многое являлось наноснымъ, не получало органической связи съ дѣйствительностью, а многое въ зависимости отъ этой дѣйствительности испытывало такую своеобразную эволюцію, что, безъ детальнаго знакомства со всѣми эпизодами русской жизни—прямо таки нельзя объяснить эту эволюцію. Вотъ эти-то особенности русской исторіи и создали въ нашей дѣйствительности такой интересный типъ, какъ Яковъ Козельскій.

Пушкинъ назвалъ Ломоносова—„первымъ русскимъ университетомъ", Бестужевъ-Рюминъ, съ своей стороны, полагалъ, что это прозвище съ честью могъ носить первый русскій историкъ Татищевъ. И поэтъ земли русской и академикъ-профессоръ даваемымъ ими эпитетомъ хотѣли отмѣтить универсальность знаній и занятій, какъ Ломоносова, такъ и Татищева. Но эта универсальность не была от-

личительною чертою только этихъ двухъ ученыхъ—она въ большей или меньшей степени можетъ быть примѣнена чуть ли не ко всѣмъ дѣятелямъ разсматриваемаго нами царствованія, она является такимъ образомъ характерною чертою не отдѣльныхъ личностей, а цѣлой эпохи. Въ самомъ дѣлѣ просмотрите списокъ трудовъ Козельскаго—вотъ онъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1. Вертотъ. Исторія о перемѣнахъ, происходившихъ въ Швеціи въ разсужденіи вѣры и правленія, перевелъ съ французскаго Яковъ Козельскій. Спб., 1764—65 г.

2. Оттвай. Возмущеніе противъ Венеціи, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, перевелъ съ нѣмецкаго Яковъ Козельскій. Спб., 1764 г., 8°.

3. Ариѳметическія предложенія для употребленія артиллерійскимъ кадетамъ, составилъ Яковъ Козельскій. Спб., 1764 г.

4. Голдбергъ. Исторія датская, съ нѣмецкаго перевелъ Яковъ Козельскій, 2 тома. Спб., 1765—66 г.

5. Шофинь. Исторія славныхъ государей и великихъ генераловъ съ разсужденіемъ о ихъ поступкахъ и дѣлахъ, собранныя Шофиномъ, изъ сочиненій Роллена, Кревіера и другихъ, перевелъ съ французскаго Яковъ Козельскій. Спб., 1765 г. Второе изданіе, Спб., 1792 г.

6. Вольфъ, баронъ. Начальныя основанія фортификаціи, съ латинскаго перевелъ Яковъ Козельскій. Спб., 1765 г., 8°.

7. Механическія предложенія для употребленія обучающагося при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ благороднаго юношества, сочиненныя артиллеріи капитаномъ Яковомъ Козельскимъ. Первое изданіе, Спб., 1766 г. Второе изданіе, Спб. 1787 г.

8. Государь и министръ, книга, сочиненная господиномъ Мозеромъ, съ нѣмецкаго языка переведена артиллеріи капитаномъ Яковомъ Козельскимъ. Въ Санктпетербургѣ, 1766 г.

9. Философическія предложенія, сочиненныя надворнымъ совѣтникомъ и Правительствующаго Сената секретаремъ Яковомъ Козельскимъ. Въ Санктпетербургѣ 1768 г.

10. Статьи о философіи и частяхъ ея, переведено Яковомъ Козельскимъ въ 2 частяхъ. Спб. 1770 г., 8°.

11. Сочиненіе о осадѣ крѣпостей, Якова Козельскаго. Спб. 1770 г.

12. Волесонъ, трагедія въ 4 дѣйствіяхъ, 1778 г.

13. Китайскій философъ или ученые разговоры двухъ индѣйцевъ Калана и Ибрагима, т. е. философическія разсужденія о человѣческихъ познаніяхъ касательно физики, врачебной науки, испытанія природы и ея таинствъ, естественной исторіей открываемыхъ, а именно о землѣ, водѣ, огнѣ, воздухѣ, о человѣкѣ и животныхъ, о расте-

ніяхъ и ископаемыхъ минералахъ, во врачествѣ употребляемыхъ, о тяжествѣ движеній и о покоѣ земныхъ тѣлъ и пр., перевелъ Яковъ Козельскій. Спб., 1788 г., 8°.

Списокъ, какъ видимъ, довольно значительный и состоитъ изъ сочиненій оригинальныхъ (3, 7, 9, 11, 12, 13) и переводныхъ (1, 2, 4, 5, 6, 8, 10). Изъ этого списка видно, что Яковъ Козельскій владѣлъ тремя языками—латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, такимъ образомъ, онъ могъ знакомиться въ подлинникахъ почти со всѣми выдающимися произведеніями того времени. Далѣе, работы Я. Козельскаго захватываютъ собою очень широкія области человѣческихъ знаній—здѣсь и математика (ариѳметическія предложенія), и механика (№ 7), и философія (№ 9), наконецъ, изящная литература и естественная исторія (12—13); также разнообразны переводы Козельскаго, они касаются философіи (10), исторіи (1, 4, 5), политики (8), военнаго искусства (6, 11), наконецъ, одинъ переводъ драма Оттвая—Возмущеніе противъ Венеціи.

Человѣкъ владѣетъ тремя языками, изучаетъ, начиная отъ математики съ ея практическимъ примѣненіемъ, механикою и военнымъ искусствомъ, кончая философіей, пишетъ и переводитъ трагедіи—неужели же это не та универсальность, на которую указывалъ и Пушкинъ, и Бестужевъ-Рюминъ, какъ на характерную черту Ломоносова и Татищева.

Это знаменіе времени. Ученыхъ работниковъ было слишкомъ мало, наука находилась въ зачаточномъ состояніи, спеціализироваться было некогда, надо было отвѣчать запросамъ минуты, и поэтому Яковъ Козельскій, пока былъ въ корпусѣ, являлся математикомъ и механикомъ, перешелъ въ Сенатъ, сталъ заниматься философіей. Намъ можетъ показаться страннымъ подобное смѣшеніе, но оно было естественно,—нельзя забывать, что прошло 140 лѣтъ, какъ появилась первая книга Козельскаго.

Мы не будемъ останавливаться подробно на всѣхъ работахъ Козельскаго, отмѣтимъ лишь, что онъ, очевидно, былъ хорошо знакомъ съ иностранною литературою и умѣлъ выбирать для переводовъ дѣйствительно подходящій матеріалъ и, кромѣ того, стремился въ предисловіяхъ къ своимъ переводамъ подчеркнуть основную мысль перевода, указать на значеніе книги. Такъ, въ предисловіи къ исторіи Шофина Я. Козельскій слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ исторію: „извѣстно всѣмъ читателямъ, какую чтеніе исторій приноситъ людямъ пользу. Она, вмѣсто сухихъ и скучныхъ философскихъ правилъ, исправляетъ нашъ разумъ и поступки живыми и въ натурѣ

происходящими примѣрами. Она низкихъ людей научаетъ быть довольными своимъ состояніемъ. Вельможъ наставляетъ къ трудолюбію, прилежанію къ ихъ должностямъ, къ исканію пользы и удовольствію подчиненныхъ и къ поданію своему монарху полезныхъ и спасительныхъ совѣтовъ. Монархамъ напоминаетъ ихъ должность; учитъ ихъ правосудію, удерживаетъ отъ излишествъ объявленіемъ печальныхъ примѣровъ, случавшихся за то другимъ обладателямъ". Это опредѣленіе исторіи, конечно, не отличается оригинальностью, оно было распространенное въ XVIII вѣкѣ, но, какъ увидитъ читатель ниже, не безъ основанія Яковъ Козельскій подчеркнулъ, что исторія научаетъ низкихъ людей быть довольными своимъ положеніемъ. Далѣе, Козельскій указываетъ, что войны, производимыя монархомъ, еще не даютъ ему право на прозвище „Великій", и въ подтвержденіе этой мысли во всей исторіи Шофина нѣтъ біографіи знаменитыхъ истребителей рода человѣческаго. Содержаніе исторіи, или, какъ называли въ то время, „реэстръ" слѣдующій: 1. Нума Помпилій. 2. Деіоцесъ. 3. Анкъ Маркій. 4. Ликургъ. 5. Тарквиній древній. 6. Крезъ. 7. Сервій Туллъ. 8. Аристидъ и Ѳемистоклъ. 9. Коріоланъ. 10. Цимонъ. 11. Манлій Торкватъ. 12. Діонъ. 13. Серторій. 14. Залевкъ. 15. Герцогъ Бургонскій.

Еще болѣе характеризуетъ съ положительной стороны Якова Козельскаго выборъ для перевода датской исторіи Голдберга, этого геніальнѣйшаго писателя Даніи, отца датской литературы. Напомнимъ читателямъ, что исторія Голдберга считается и до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ руководствъ по датской исторіи, что Голдбергъ „внесъ въ Данію свѣтъ европейской мысли, открылъ дорогу просвѣтительнымъ, гуманнымъ идеямъ", бичевалъ всю недоразвитость и самодовольную узкость взглядовъ общества, его закоснѣлые предразсудки, мелочность и эгоистичность, что Голдбергъ велъ борьбу съ суевѣріемъ, предразсудками, сухимъ педантизмомъ, схоластикою, съ напускною ученостью, страстью къ показному и слѣпому подражанію, съ мелочностью интересовъ, грубостью литературныхъ вкусовъ и другими общечеловѣческими слабостями, что, наконецъ, Голдбергъ былъ горячимъ поборникомъ эмансипаціи женщинъ—и мы поймемъ, что выборъ для перевода такого писателя дѣлаетъ честь переводчику.

Чтобъ вполнѣ охарактеризовать Якова Козельскаго, мы остановимъ наше вниманіе на двухъ его произведеніяхъ—первое по механикѣ „Механическія Предложенія", второе по философіи „Философическія Предложенія". Эти сочиненія имѣютъ еще и тотъ интересъ, что они являются первыми болѣе или менѣе самостоятельными произведеніями на русскомъ языкѣ по указаннымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Они не простой переводъ, не компиляція изъ тогдаш-

нихъ сочиненій западно-европейскихъ ученыхъ, нѣтъ—они представляютъ изъ себя не только переработку извѣстныхъ идей, но и содержатъ въ себѣ критику на эти идеи.

II.

Что заставило Козельскаго сочинить „Механическія Предложенія“? Отвѣтимъ же его словами изъ предисловія къ этой книгѣ: „уже тому прошло нѣсколько времени, какъ я порученной мнѣ при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ обучаю классъ механикѣ, а какъ на россійскомъ языкѣ нѣтъ никакой книги о механикѣ, кромѣ сочиненнаго господиномъ Крафтомъ краткаго руководства къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ. Но какъ сія книга недостаточна къ обученію по ней благороднаго юношества, то въ такомъ разсужденіи долженъ былъ я искать помощи отъ другихъ авторовъ на иностранныхъ языкахъ и въ продолженіи обученія того класса, собравши изъ тѣхъ авторовъ нужнѣйшія правила и гдѣ могъ употребительные въ человѣческой жизни случаи, въ коихъ я и собственныхъ моихъ предложеній нѣсколько прибавилъ, совокупилъ отъ всѣхъ въ одну книгу для порядочнаго обученія по ней юношества онаго корпуса“.

Причина, какъ видимъ, самая простая, на русскомъ языкѣ не было сочиненія по механикѣ, кромѣ неважнаго, чтобы не сказать болѣе, руководства Крафта, а обучать „благородное россійское юношество“ механикѣ надлежало. Выйти изъ этого затрудненія возможно было только, издавъ свое собственное руководство и въ результатѣ появилась книга in 4^{0}—4 неп. стр. (посвященіе), 10 неп. стр. (предисловіе), 2 неп. стр. (оглавленіе), 242 стр. нумер. (текстъ), 2 неп. стр. (письмо Эпинуса) и 30 листовъ гравированныхъ на мѣди чертежей.

Прежде всего Козельскій въ своемъ механическомъ трактатѣ указываетъ, въ чемъ же состоитъ разница между его изложеніемъ механики и изложеніемъ, практиковавшимся въ то время въ другихъ странахъ и другими авторами. Оттѣняя эту разницу, Козельскій не забываетъ дополнить, что не подражаетъ онъ „не изъ тщеславія“, а „изъ подражанія лучшему“. Разница заключается въ слѣдующемъ: „они (т. е. авторы) пишутъ механическія правила на подобіе математическихъ, кои выводятся изъ положеній и разсужденій; напротивъ того, въ механикѣ, какъ физической наукѣ, такой порядокъ расположенія предложеніемъ показался мнѣ непристойнымъ... и, такимъ образомъ, принявъ къ тому за предводителя натуру, сперва полагаю

всякому дѣйствію ея опытъ, дабы пріуготовить черезъ то начинающаго учиться къ скорѣйшему понятію тѣхъ предложеній, какъ-то: слѣдствій, теоремъ и прочая, которыя выводятся и должны выводиться въ механикѣ изъ опытовъ".

Нельзя не признать этотъ взглядъ свѣтлымъ и далеко опережающимъ современные Козельскому взгляды схоластической науки. Своимъ руководствомъ Козельскій вносилъ новый принципъ,—принципъ, который и въ настоящее время хотя признается принципіально, но на практикѣ во многихъ мѣстахъ не осуществляется, за неимѣніемъ механическихъ кабинетовъ, въ которыхъ можно было производить опыты. Плодотворность этого принципа въ настоящее время, кажется, не подлежитъ доказательству.

Являясь, такимъ образомъ, новаторомъ, Козельскій въ то же время проявляетъ изумительную, особенно для того времени скромность, не присущую вообще ученымъ людямъ, и даже умаленіе своихъ заслугъ. Такъ онъ говоритъ, что „въ каждой главѣ старался я описать, сколько мнѣ можно было, больше принадлежащихъ къ ней случаевъ, а наипаче сомнительныя въ другихъ авторахъ мѣста, старался я изяснить по крайней моей возможности желая лучше (ежели-бъ гдѣ могло случиться) признать передъ свѣтомъ мое незнаніе, нежели оставить читателя въ сомнѣніи и неудовольствіи и казать фальшивый блескъ якобы обширнаго знанія науки". И это обѣщаніе Козельскій твердо сдерживалъ—для насъ оно можетъ быть наивно, можетъ вызвать улыбку на устахъ, но мы должны не забывать, что эта выдержка взята изъ предисловія къ первой появившейся на россійскомъ языкѣ учебной книгѣ по такому серьезному предмету, какъ механика.

Все сочиненіе Якова Козельскаго состоитъ изъ восьми главъ, въ первыхъ пяти главахъ разсматривается собственно движеніе; въ трехъ главахъ простыя и сложныя машины. Укажемъ на нѣкоторыя особенности, прежде всего въ терминахъ, такъ вмѣсто „наклонная плоскость" писалось „наклоненная плоскость", вмѣсто „ударъ" употреблялось „сраженіе", такимъ образомъ, цѣлая глава носила заглавіе: „О дѣйствіи твердыхъ тѣлъ послѣ сраженія", къ слову замѣтимъ, что въ этой главѣ довольно значительное мѣсто было отведено „объ употребленіи правилъ, о сраженіи упругихъ тѣлъ въ практикѣ при игрѣ биллiардной". Какъ примѣръ слога, приведемъ опредѣленіе понятія силы—„силою называется всякая та причина, которая дѣйствительно приводитъ, или только старается привесть недвижущія тѣла въ движеніе, а движущіяся въ спокойство и въ случаѣ дѣйствительнаго приведенія тѣлъ въ движеніе или въ спокойство, называется сила живая; а когда она только старается ихъ

къ тому привесть, а не можетъ, то мертвая". Надо отдать справедливость Козельскому, что въ своихъ опредѣленіяхъ онъ достигалъ возможной по тогдашнему состоянію науки ясности и понятности, эти положительныя стороны его сочиненія особенно рѣзко выдѣляются, если припомнить, что въ тѣ времена наука не отличалась точностью опредѣленія. Сравните вышеприведеиное опредѣленіе понятія силы хотя бы съ опредѣленіемъ понятія алгебра, которое помѣщено въ примѣчаніяхъ къ сатирамъ Кантемира (изд. 1762 г.). „Алгебра есть часть математики, весьма трудная, но преполезная, служащая къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ въ математикѣ. Можно назвать ее генеральною ариѳметикою, поколику части ея по большей мѣрѣ между собою сходны, кромѣ того, что ариѳметика употребляетъ для каждаго числа особливые знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу приличествуютъ. Сія наука въ Европу пришла отъ араповъ, которые мнятъ быть ея изобрѣтателями, имя самой алгебры есть арапское, которые ее называютъ алжабръ валмукабала, то есть наверстать или соравнять". Просматривая приведенныя два опредѣленія, конечно, нельзя не отдать предпочтеніе первому изъ нихъ, оно и научно, и понятно; второе же представляетъ изъ себя лишь наборъ фразъ, а между тѣмъ оно предлагалось для гораздо большаго круга читателей и читателей менѣе подготовленныхъ, менѣе развитыхъ.

Обращаясь къ особенностямъ этого сочиненія, нельзя не отмѣтить массы приводимыхъ Козельскимъ примѣровъ изъ повседневной жизни: говоря о центрѣ тяжести, онъ вспоминаетъ про особыя дѣтскія качели, въ разборѣ положенія о равновѣсіи онъ не забываетъ пизанскую башню и т. п.

Словомъ, общее впечатлѣніе отъ его труда очень благопріятное, это былъ не простой переводъ учебника, не компиляція, а самостоятельный научный трактатъ, который, до извѣстной степени, не потерялъ своего значенія и до настоящаго времени. Между прочимъ, значительный интересъ представляетъ то мѣсто, гдѣ Козельскій пытается выяснить, почему механика получила такое слабое развитіе. Объясненіе это характерно, приводимъ его текстуально: „что сія наука, равно какъ и другія (какъ то изъ исторіи видѣть можно), медленно получала свои приращенія, а иногда и совсѣмъ останавливалась на долгое время, то причиною тому отчасти бывшія тогда войны, а отчасти пристрастье, несправедливость и зависть нѣкоторыхъ самолюбивыхъ изъ самыхъ же ученыхъ людей (какъ то ученая исторія намъ объявляетъ), кои не столько старались о принесеніи черезъ свои сочиненія свѣту пользы, сколько о преимуществахъ предъ своими сверстниками. Правда, что и то уступить имъ можно бы (хотя иногда и несправедливо), только-бъ они не искали совершен-

наго опроверженія и уничтоженія дѣлъ своихъ сверстниковъ. Самолюбіе ихъ доводитъ до того, что они похвалу и честь ближняго признаютъ за существенный ущербъ своей хвалы и чести, будто бы имъ писаніями о той же наукѣ, о которой и сверстники ихъ въ свѣтъ издаютъ сочиненія, болѣе прославиться и не осталось. А ежели они паче чаянія къ тому не имѣютъ силы, хотятъ при томъ слыть учеными, то лучше имъ какъ можно остерегаться отъ сей страсти, которая ясно открыть можетъ другимъ людямъ недовольное ихъ знаніе въ наукѣ, потому что сильные въ наукахъ люди обыкновеніе имѣютъ не критиковать, а издавать свои сочиненія, которыми они и безъ критики посрамляютъ слабыя другія сочиненія. Статься можетъ, что я сею моею рѣчью много посягнулъ противъ такого ихъ поступка, въ разсужденіи того, что можетъ быть человѣческая слабость подаетъ имъ къ тому поводъ, т. е. когда умножатся ученые люди, то имъ не столько чести будетъ. Это правда, что люди не то почитаютъ, что въ самой вещи по своей пользѣ почтенія достойно, а за большее ставятъ то, что хотя едва какую принесть можетъ пользу, да въ своемъ родѣ рѣдкое. Но сія причина съ пути свести должна непросвѣщеннаго человѣка; напротивъ того, такихъ людей, которые какъ дарованіемъ природнаго разума, такъ силою знанія наукъ передъ прочими несравненно превосходнѣе, поколебать ей казалось бы ужъ и не кстати. Они, кромѣ того философскаго удовольствія, что лучше знать науку, хотя и безъ всякой отъ того пользы, нежели не знать ее, могутъ имѣть лучшее и благороднѣйшее въ отличеніи себя передъ другими людьми средство".

Мы видимъ, что первый русскій ученый исповѣдывалъ вполнѣ гуманитарные взгляды, широту которыхъ не смогла окургузить русская дѣйствительность.

III.

Самое главное и интересное произведеніе Козельскаго „Философическія Предложенія". Написано оно было по побужденіямъ, какъ мы уже и указали выше, постороннимъ—въ зависимости отъ перемѣны Кезельскимъ службы и представляетъ изъ себя не только простую компиляцію, но самостоятельную разработку многихъ философскихъ проблемъ.

Основаніемъ ея служили, какъ и должно было ожидать, философы Франціи, главнымъ образомъ, Руссо, Гельвецій, Гольбахъ, Дидеро. Но съ самаго начала своего изложенія Козельскій не вполнѣ согла-

шается съ своими учителями. На второй страницѣ предисловія онъ говоритъ: „господинъ Руссо думаетъ, что полезнѣе бъ было для человѣческаго рода, чтобъ не знать ему наукъ и жить бы натурально". Хотя Козельскій и соглашается отчасти съ этимъ мнѣніемъ, но не вполнѣ; русскому философу кажется—„слѣдовать сему мнѣнію тогда было хорошо, когда еще весь родъ человѣческій былъ въ натуральной простотѣ, а въ нынѣшнемъ состояніи ученаго свѣта, ежели бъ какой народъ вздумалъ не учиться, то другіе ученые народы въ краткое время и съ великимъ аппетитомъ его скушаютъ; и тогда-то ужъ онъ отъ сихъ просвѣщенныхъ волковъ безсумнѣнно убѣжденъ будетъ о вредности своей простоты въ нынѣшнія мудреныя и развращенныя времена". Какъ въ своихъ Механическихъ Предложеніяхъ Козельскій не довольствовался однѣми математическими выкладками, а прибѣгалъ при доказательствахъ къ опыту, такъ и при изложеніи философіи тотчасъ послѣ теоретическаго разсужденія слѣдовалъ примѣръ изъ жизни, изъ исторіи. Не соглашаясь съ Руссо—Козельскій говоритъ: „Америка служитъ сему яснымъ доказательствомъ, какъ залетѣли туда ученые европейскіе коршуны и показали надъ тамошними цыпленками мастерство, проворство и удальство свое, то съ того времени потеряла она натуральное свое благополучіе, а остается ей только искать отъ искусства рождающагося благополучія, и то ужъ не наипаче, какъ посредствомъ самого же искусства, которымъ бы можно было имъ отвадить отъ себя лакомыхъ гостей". Такимъ образомъ въ результатѣ Козельскій прямо опровергаетъ основной тезисъ Руссо въ его „Discours sur l'origine et les fondements de l'inegalité parmi les hommes", и приходитъ къ выводу—„въ такомъ нынѣшнемъ состояніи ученаго свѣта надобно имѣть прибѣжище къ искусству и наукѣ". Слѣдовательно, мы видимъ извѣстную самостоятельность взгляда и большую смѣлость—не соглашаться съ Руссо въ вѣкъ его безусловнаго господства надъ умомъ людей. Вообще Козельскій очень дорожилъ своею самостоятельностью, онъ тщательно отдѣляетъ свои мысли, своими умозаключеніями отъ чужихъ, заимствованныхъ. Онъ прямо говоритъ: „писалъ я мои опредѣленія и предложенія точно отъ моего имени, а изобрѣтенныя другими писалъ я вообще; какъ, напримѣръ, когда я пишу опредѣленіе права, то говорю такъ: правомъ я называю основаніе всякаго добраго или безпристрастнаго въ разсужденіи всѣхъ животныхъ дѣлъ; а когда я пишу опредѣленіе человѣка или любви, не отъ меня изобрѣтенное, то говорю не отъ моего имени, а вообще, то есть, человѣкъ есть разумное животное, также веселіе о чьемъ благополучіи называется любовь".

Особенности изложенія философіи у Козельскаго, если сравнить его книжку съ аналогичными, довольно значительны. Въ то доброе

старое время „философія“ понималась слишкомъ широко. Вотъ для примѣра книжка, носящая заглавіе: Грамматика философическихъ наукъ или краткое разобраніе новѣйшей философіи, изданная на аглицкомъ языкѣ г. Веніаминомъ Мартиномъ, а съ онаго переведена на французскій, съ французскаго же переложена на Россійскій Павломъ Бланкомъ. Часть первая. Москва, въ вольной типографіи Пономарева. 1796 г.

Читатель вполнѣ ошибется, если подумаетъ, что въ этой книжкѣ излагается философія, какъ мы ее понимаемъ въ настоящее время, это просто на просто изложеніе физики, такъ какъ и послѣдняя входила въ понятіе философіи. Козельскій съузилъ свою задачу. Онъ исключилъ изъ своихъ философическихъ предложеній „физику“—хотя исключилъ ее не потому, что полагалъ, что она не составляетъ философіи, а лишь потому, что „она сама собою очень пространна“; далѣе, въ его философіи не найдутся разсужденія о свойствахъ и дѣлахъ Божіихъ—ибо по его мнѣнію объ этомъ говорится въ священномъ писаніи—„чего для насъ и довольно, а болѣе покушаться на непонятное умомъ нашимъ покажется не кстати“; наконецъ, какъ онъ самъ говоритъ, что онъ оставилъ всѣ мелочныя описанія и сосредоточилъ свое вниманіе на существенныхъ положеніяхъ.

Наконецъ, само дѣленіе философіи не соотвѣтствуетъ общепринятому въ то время; вотъ что читаемъ въ предисловіи—„практическую философію вмѣсто раздѣленія ея на человѣческія дѣла, натуральный законъ, натуральное право, этику и политику раздѣлилъ я по благопристойности, какъ кажется мнѣ, на юриспруденцію, какъ содержащую въ себѣ всѣ права и праведные законы и дѣла, и на политику“.

Таковы особенности работы Козельскаго съ чисто внѣшней стороны. Между прочимъ, очень любопытно его поясненіе, во сколько времени можно научиться философіи. Вотъ какъ выражается по этому поводу русскій философъ: „теперь я не ограничивалъ точнаго количества времени на обученіе философіи, объявлю по самой сущей справедливости, во сколько времени позналъ я изъ философіи безъ предводительства учителя все то, что содержитъ въ себѣ сія сочиненная мною книга [1]). Я, не останавливая другихъ дѣлъ, употребилъ на познаніе и сочиненіе содержащейся въ сей книгѣ матеріи годъ

[1]) Мы не указали, гдѣ обучался Я. Козельскій, такъ какъ у насъ не было данныхъ. Судя по его посвященію своихъ „Механическихъ Предложеній“ академіи наукъ—можно предположить, что онъ былъ въ числѣ учениковъ академіи, хотя въ опубликованныхъ донынѣ спискахъ учениковъ мы не нашли его фамиліи, между тѣмъ въ своемъ посвященіи Козельскій прямо говоритъ: „Сочиненіе сіе передаю я той же академіи, какъ плодъ нѣскольколѣтняго моего упражненія при ней въ наукахъ“.

и думаю, что всякій упражнявшійся въ наукахъ скажетъ, что это на такое дѣло употреблено весьма немного времени; но какъ я не сумнѣваюсь, то по тому и признаюсь, что упражненіе мое до сего времени въ другихъ наукахъ, въ коихъ я уже препроводилъ много лѣтъ, можетъ быть не мало облегчило мнѣ понятіе философіи и, замѣняя способность къ понятію, пріобрѣтенную упражненіемъ въ наукахъ на лѣта неучившагося человѣка, то можетъ быть оно къ тому году придало еще три года".

Такимъ образомъ, по мнѣнію Козельскаго, въ четыре года можно было изучить философію,—срокъ не особенно продолжительный.

Намъ, конечно, не приходится разбирать всю книгу Козельскаго, въ большинствѣ случаевъ онъ проводилъ и защищалъ взгляды энциклопедистовъ, мы отмѣтимъ лишь только тѣ пункты, въ которыхъ онъ былъ оригиналенъ или которые касались русской дѣйствительности.

Мы уже указали, что Козельскій не соглашался съ Руссо, но онъ во многихъ мѣстахъ своей книги опровергаетъ и другія знаменитости своего времени, такъ, напримѣръ, онъ не согласенъ съ Гельвеціемъ съ его опредѣленіемъ разсужденія (стр. 18), съ Даржанонъ въ опредѣленіи силлогизма, съ Вольтеромъ—въ опредѣленіи матеріи (стр. 43), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ Козельскій довольно откровенно сознается: „мнѣ какъ опредѣленіе Нейтоново не понятно, такъ и толкованіе Вольтера темно; правда, что можетъ быть сія темнота зависитъ отъ темнаго моего разума". Но особенно сильно возстаетъ Козельскій противъ различныхъ схоластическихъ понятій, опредѣленій, господствовавшихъ въ то время въ наукѣ, здѣсь онъ не щадитъ своего подчасъ очень злаго сарказма; напримѣръ, говоря, что скупость и жадность человѣческую не должно заключать въ тѣсныхъ предѣлахъ одного обыкновеннаго имѣнія, она пребываетъ еще въ „вѣчности, славѣ, хвалѣ и любви". Козелькій тотчасъ прибавляетъ: „я удивляюсь тому, что философы истолковываютъ такія мелочи, которыя всѣмъ понятны". Дѣйствительно, указаніе на мелочи въ своемъ сочиненіи Козельскій тщательно избѣгнулъ, онъ преслѣдовалъ одну цѣль доказать правоту матеріалистическаго пониманія жизни. Эта цѣль была всѣмъ для Козельскаго, и онъ очень удачно подбиралъ доказательства, и слѣдилъ, чтобы эта главная цѣль не затемнялась мелочными разсужденіями. Не всегда, впрочемъ, онъ прямо говорилъ, иногда употребляя или способъ доказательства отъ противнаго или прибѣгая къ метафорамъ. Наиболѣе опредѣленно высказался онъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „1) въ натурѣ не дѣлается ничего скачкомъ или безъ причины (философы раздѣляютъ еще и скачокъ на совершенный и зависящій. Этакая важность стоила вне-

сенія въ философію!), 2) ежели мы полагаемъ на свѣтѣ связь между дѣлами и вещьми, то черезъ сіе уничтожается судьба, что и за справедливость почесть можно; потому что, хотя мы иныхъ нечаянныхъ происхожденій причинъ вдругъ и не узнаемъ, однако, строгимъ изслѣдованіемъ можно испытать тѣ причины". — Нельзя, конечно, удивляться тому, что такіе взгляды высказывались прямо и открыто. Время Екатерины II во многомъ было либеральнѣе настоящаго момента или нѣсколькихъ лѣтъ тому назадъ. Это и понятно. При Екатеринѣ II знаніе, ученіе, книга были доступны лишь незначительному меньшинству населенія, людямъ обезпеченнымъ, людямъ, стоящимъ болѣе или менѣе высоко на общественной лѣстницѣ. Зараза знанія не проникала въ массу, масса была индифферентна и либеральныя идеи царили въ обществѣ и мирно уживались съ самымъ яркимъ нарушеніемъ идей либерализма, „крѣпостнымъ правомъ".

Дѣйствительности Козельскій касался сравнительно мало, о крѣпостномъ правѣ нѣтъ даже и указанія—онъ дѣлаетъ лишь нападеніе на знатность, чины, отличія—нападенія обычныя, по тому времени [никакая слава не состоитъ въ богатствѣ, знатности фамиліи или въ пустыхъ и пышныхъ титулахъ (стр. 104) или еще другое мѣсто, знатность предковъ нашихъ не должна служить намъ въ честь (стр. 100)], отмѣчаетъ неправильное пониманіе слова „подлый" — „въ нашемъ Россійскомъ народѣ вошло въ обычай называть убогаго человѣка бѣднымъ, а простой народъ подлымъ; а мнѣ думается, что бѣднымъ называть должно того, кто не можетъ трудомъ своимъ сыскать пропитанія, а развѣ милостынею; а подлымъ того, кто упражняется въ порочныхъ дѣлахъ". Но вообще у Козельскаго отношеніе къ низшимъ классамъ общества свысока, немного презрительное— вспомнимъ, что это общая черта почти всѣхъ энциклопедистовъ, а особенно Вольтера; такъ Козельскій прямо говоритъ: „простой народъ прямую набожность и прямую добродѣтель рѣдко разумѣетъ". Все же этотъ взглядъ выше, чѣмъ тѣ, которые неоднократно высказывалъ великій вольнодумецъ XVIII вѣка—Вольтеръ!

И только объ одномъ жизненномъ вопросѣ—несмотря на всю его щекотливость для россійскаго подданнаго—Козельскій высказался прямо, откровенно, съ присущею ему рѣзкостью, но этотъ вопросъ былъ, очевидно, для Козельскаго больнымъ вопросомъ, такъ какъ онъ къ нему возвращался неоднократно даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на первый взглядъ не было и основанія затронуть этотъ вопросъ.

Козельскій былъ принципіальнымъ противникомъ войны и, не стѣсняясь, осуждалъ ее. Нельзя забывать, что война велась почти все царствованіе Екатерины, что война воспѣвалась, прославлялась всѣми и „екатерининскіе орлы" „и громъ побѣды раздавайся" является наи-

болѣе характерными чертами этого царствованія. И, несмотря на все это какой-то ничтожный капитанъ-отъ-артиллеріи или надворный совѣтникъ громко возвышалъ свой протестующій голосъ, не сдерживалъ своего негодованія, осуждая этотъ варварскій обычай—войну.

„Ненасытные самолюбцы, не зная или не хотя знать, въ чемъ состоитъ истинное право,—говоритъ Козельскій,—выдумали еще нѣкакое военное право, которое никогда не было, не есть и не будетъ правомъ". Точка зрѣнія автора ясна, высказался онъ опредѣленно, но этого ему мало, онъ продолжаетъ: а ежели его,—т. е. военное право—въ укоризну и поношеніе истиннаго права пребывающаго подъ опекою самаго всемогущаго божества назвать правомъ, то опредѣленіе ему полагаю я нижеслѣдующее: *безчеловѣчное желаніе, сопряженное съ могуществомъ и силою, чтобы причинять своему ближнему всевозможный вредъ, даже и самую смерть безъ страха казни—называю я войною* (73 стр.)".

Эти взгляды Козельскій развивалъ и дополнялъ и въ другихъ своихъ работахъ—противъ войны онъ возстаетъ въ предисловіи къ своимъ Механическимъ Предложеніямъ, противъ войны онъ говоритъ и въ предисловіи къ Шофину. Къ слову сказать, въ царствованіе императрицы Екатерины II вопросъ „о войнѣ" дебатировался довольно усиленно въ русской литературѣ, о немъ говорится довольно подробно въ Новиковскихъ журналахъ. Спеціально этому вопросу посвящены два сочиненія, отдѣльно изданныя. Первое изъ нихъ появилось въ 1771 г. и носило слѣдующее заглавіе: „Сокращеніе сдѣланное Ж.-Ж. Руссо, женевскимъ гражданиномъ, о вѣчномъ мирѣ изъ сочиненія аббата де Сентъ-Піера, переводъ съ франц. И Богдановича. Спб. 1771, 8° (см. 6808), второе въ 1789 году—„Миръ Европы или проектъ всеобщаго замиренія. Миръ Европы не можетъ иначе возстановиться, какъ только по продолжительному перемирію или проектъ всеобщаго замиренія сопряженнаго купно съ отложеніемъ оружей на 20 лѣтъ между всѣми политическими державами. Переведъ въ станѣ предъ Очаковомъ въ 1788 г. съ нѣм. Романъ Цебриковъ. Спб. Вильковскаго, 1789 XXXIII+185 (Григоровичъ. Біографія Безбородка)". Небезынтересно, что капитанъ-артиллеріи Я. Козельскій ратуетъ противъ войны, а будущій декабристъ Романъ Цебриковъ, находясь подъ стѣнами Очакова, мечтаетъ о вѣчномъ мирѣ и переводитъ съ нѣмецкаго сентиментальный трактатъ о возможности этого мира.

Но Козельскій не только ратовалъ противъ войны, онъ сдѣлалъ указанія и вообще относительно арміи. Эти указанія слѣдующія:

1. Для наружной безопасности надобно ставить крѣпости на однѣхъ границахъ не въ близкомъ разстояніи и то такія, чтобъ тамош-

нимъ жителямъ однимъ не отяготительно было ихъ строить, въ томъ намѣреніи, что крѣпость должна только устоять хотя малое время до поданія помощи, а не такъ, какъ нѣкоторые въ головахъ своихъ строятъ непобѣдимую крѣпость; такіе прожекты доказываютъ больше непобѣдимое упрямство, а не непобѣдимую крѣпость, невозможно въ натурѣ и не пользу обществу.

2. Содержать столько войска, которое бъ пропорціонально было пространству земли и количеству народа.

3. Чтобъ солдаты были хороши, то брать въ сіе званіе по охотѣ, а не поневолѣ, для сего полезно, чтобъ солдаты всѣ женаты были, то дѣти ихъ могутъ быть лучшіе солдаты.

4. Для наружной безопасности во всѣхъ, а наипаче въ пограничныхъ мѣстахъ надобно пріучивать всякаго званія людей безъ изъятія умѣть обходиться съ оружіемъ.

5. Надобно, чтобъ солдатъ сносилъ трудъ всегдашній, только не чрезвычайный, также нужду, а не страданіе, и исправлялъ бы свою должность, а не прихоти начальниковъ.

Все это очень не походило на распространенные въ то время взгляды, рисовало совсѣмъ новую постановку военнаго дѣла—и, конечно, должно было остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Основаніемъ для этихъ взглядовъ у Козельскаго было слѣдующее: „Ежели бъ употребить то число людей, которые бываютъ въ кампаніи противъ непріятеля, къ какому-либо другому дѣлу, то чаятельно они не меньше бы принесли трудомъ своимъ пользы, какъ и побѣдою своею, и то еще ежели удастся, а побываемые бы на баталіи люди живы остались".

Являясь новаторомъ во многихъ вопросахъ, Яковъ Козельскій высказалъ вполнѣ новую для своего времени мысль. Онъ говоритъ: „но надлежитъ знать, что хотя я и совѣтую имѣть трудолюбіе, но не чрезвычайное, которое можетъ укоротить жизнь человѣку. Мнѣ думается, *что для труда человѣку довольно восьми часовъ въ сутки, другіе восемь часовъ можетъ онъ употребить на одѣянье, кушанье и забаву. а третіи восемь часовъ на сонъ* (200 стр.).

Итакъ, въ 1768 году, т. е. почти 140 лѣтъ тому назадъ въ Россіи былъ человѣкъ, который выставилъ требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. Конечно, это требованіе не было удовлетворено, за него идетъ борьба въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ это требованіе Козельскаго заслуживаетъ вниманія. Едва-ли Козельскій былъ не первый изъ мыслителей, который задался этимъ вопросомъ и далъ ему такое разрѣшеніе.

Мы насколько возможно подробно произвели анализъ главныхъ трудовъ Козельскаго. Изъ всего вышесказаннаго видно, что Козельскій былъ человѣкомъ выдающимся, съ большою эрудиціею, съ талантомъ, что онъ не держался протертой дорожки, а стремился самостоятельно прокладывать новые пути...

И что же? — Несмотря на оригинальность своихъ взглядовъ, несмотря на живой, вполнѣ литературный языкъ, — Козельскій, какъ видно, и при жизни не пользовался успѣхомъ, а послѣ смерти [1]) онъ былъ вполнѣ основательно забытъ...

Почему?—Намъ кажется, что одною изъ причинъ является именно та оригинальность, самобытность воззрѣній Козельскаго, которую мы старались подчеркнуть въ нашемъ очеркѣ. Козельскій былъ идеологомъ будущаго времени, современники не могли его понять, его идеи были не для нихъ.

П. Столпянскій.

1906 г. 24 февраля.
Оренбургская тюрьма.

---

[1]) Годъ его смерти неизвѣстенъ, такъ какъ послѣдній изъ его трудовъ вышелъ въ 1788 г., то авторъ замѣтки о Козельскомъ въ историческомъ Словарѣ полагаетъ, что Козельскій умеръ послѣ 1788 г.—намъ кажется это предположеніе невѣроятнымъ, и мы думаемъ, что Козельскій умеръ гораздо раньше, около 1770, и что два послѣднихъ его труда изданы послѣ его смерти; наше предположеніе основано на томъ, что вплоть до 1770 года Козельскій проявляетъ кипучую дѣятельность, издаетъ одну за другою книгу—а затѣмъ появляются только двѣ его работы; едва-ли если бы Козельскій былъ живъ, онъ не продолжалъ выпускать если не оригинальныя сочиненія, то переводы; конечно, и 1770 г., какъ годъ смерти, есть только предположеніе.

На поворотѣ.

I.

Въ современномъ общественномъ движеніи духовенство заняло весьма опредѣленную позицію. Если не останавливаться на нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ, фактахъ, то общее отношеніе духовнаго сословія къ идеямъ, какими проникнуты прогрессивные слои всѣхъ классовъ общества, представляется явно отрицательнымъ. То молодое направленіе, которое начинаетъ пробиваться въ средѣ духовенства и которое стремится внести въ эту изолированную область вмѣсто сословно-кастовыхъ и традиціонныхъ взглядовъ новые интересы общечеловѣческаго и общегражданскаго характера, встрѣчаетъ суровое осужденіе не только со стороны высшей духовной власти, но и въ болѣе широкихъ кругахъ самого духовенства. Въ общемъ масса и высшаго, и низшаго духовенства является пока однимъ изъ наиболѣе активныхъ органовъ воздѣйствія въ направленіи, противоположномъ современному освободительному движенію.

Это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что внутри самаго духовнаго сословія вотъ уже болѣе года идетъ оживленное движеніе въ пользу переустройства церковной жизни на новыхъ началахъ,—т. е. тотъ же процессъ освобожденія отъ старыхъ, отжившихъ формъ жизни. Рѣшено созвать помѣстный соборъ, который долженъ поставить церковную жизнь въ новыя условія; на этотъ соборъ и на ожидаемыя отъ него реформы духовенство возлагаетъ большія надежды. А между тѣмъ—общее отношеніе духовенства къ реформированію общегражданскихъ отношеній общества—далеко не сочувственное. Странное, повидимому, противорѣчіе: стоя на поворотѣ къ новой жизни, многочисленный общественный классъ ставитъ всяческія препятствія къ обновленію жизни другихъ классовъ.

Современная жизнь духовенства повторяетъ тѣ фазисы, какіе уже имѣли мѣсто въ его исторіи—два вѣка тому назадъ. Духовенство и тогда также стояло на поворотѣ отъ старыхъ условій къ реформѣ; нѣкоторые верхи его принимали даже дѣятельное участіе въ выработкѣ и проведеніи этой реформы. Въ результатѣ духовное сословіе поставлено было на новый путь, по которому неизмѣнно и катится его жизнь вотъ уже два вѣка, оставаясь, какъ бѣлка въ колесѣ, все на томъ же самомъ мѣстѣ. И тогда (какъ, повидимому, и теперь) духовенство оказалось совершенно неподготовленнымъ къ реформѣ и къ сколько-нибудь активному отношенію къ ней. Реформа захватила духовное сословіе врасплохъ, когда оно, повидимому, менѣе всего ожидало этого. Церковный строй русской жизни въ продолженіе нѣсколькихъ предыдущихъ вѣковъ, казалось, прочно обезпечивалъ авторитетъ духовенства и огромное общественное его вліяніе. Подъ разслабляющей защитой непоколебимаго авторитета, духовное сословіе постепенно опускалось въ своей жизни до того уровня, въ которомъ пребывала вся некультурная масса народа. Наступившій поворотъ и нашелъ для себя почву во внутреннемъ разложеніи духовнаго сословія и въ результатѣ привелъ къ крайне неприглядному положенію духовенства, въ особенности низшихъ его слоевъ.

Вѣкъ великихъ государственныхъ реформъ былъ временемъ упадка тѣхъ религіозныхъ основъ жизни—государственной, общественной и частной, какими характеризовался дореформенный строй. Новая струя западно-европейской цивилизаціи, такъ стремительно ворвавшаяся въ русскую жизнь, не только увлекла русское общество къ новому порядку жизни, къ новымъ понятіямъ и идеаламъ, но и поставила его въ отрицательное отношеніе ко всему тому, что представляло характеристическіе признаки стараго строя и старыхъ условій жизни. Реакція церковному дореформенному строю прежде всего выразилась въ подчиненіи идеи церкви идеѣ государства. Создалась новая группировка общественныхъ классовъ и отношеній, которая должна была коснуться доминировавшаго ранѣе духовнаго класса самымъ невыгоднымъ для него образомъ. Литература, общество, администрація обнаруживаютъ замѣчательное единодушіе въ своемъ отношеніи къ духовенству, крайне переоцѣнивая его силы и руководившіе имъ интересы. Взглядъ Татищева на духовенство, какъ на сословіе притязательно-властолюбивое, поддерживался въ русской литературѣ въ теченіе всего XVIII в.; Болтинъ въ невѣжествѣ и матеріальной бѣдности духовенства видѣлъ спасеніе Россіи отъ грозящихъ ей бѣдъ клерикализма; онъ даже упрекалъ Щербатова за то, что тотъ въ своей исторіи не слѣдовалъ Татищеву; да и Щербатовъ откровенно высказывался, что всѣ стремленія духовнаго сословія на-

правлены лишь къ захвату господства надъ гражданскимъ обществомъ. Всѣ эти недоразумѣнія, вызывающія теперь лишь улыбку, могли держаться только потому, что о русскомъ духовенствѣ судили по западноевропейскому католическому духовенству и въ своихъ подозрительныхъ ожиданіяхъ прилагали къ нему ту же мѣрку. Но ожиданія эти были напрасны и, во всякомъ случаѣ, протестующіе элементы учтены были по болѣе высокому, чѣмъ слѣдуетъ, курсу; они для насъ характерны лишь въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ сильна была въ проснувшемся обществѣ реакція противъ тѣхъ силъ, которыя связывали его духовную жизнь въ теченіе многихъ столѣтій. Современные представители духовнаго сословія могли бы почерпнуть въ этомъ для себя очень поучительный урокъ.

Но, въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда представляется страннымъ, какимъ образомъ духовенство, дававшее въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ основное направленіе русской жизни, могло почти безъ борьбы уступить новому, противоположному направленію. Это такъ было странно и неожиданно, что современники подъ кажущимся спокойнымъ подчиненіемъ духовенства своей участи подозрѣвали скрытыя властолюбивыя стремленія, ожидавшія лишь благопріятной минуты для своего проявленія. На самомъ дѣлѣ, конечно, духовенство не было довольно. Болѣе образованные и идейные архіереи не могли удовлетворяться той незавидной ролью, какая отмежевывалась имъ всецѣлымъ подчиненіемъ церкви безапелляціоннымъ предписаніямъ правительственной власти. Положеніе церкви, какъ покорно-безгласнаго слуги администраціи и ретиваго апологета всѣхъ ея дѣйствій, возмущало многихъ духовныхъ лицъ, о чемъ особенно ясно говоритъ частная переписка между тогдашними іерархами. Но все это недовольство очень рѣдко выходило за предѣлы изліяній наболѣвшей души другъ передъ другомъ, а въ дѣйствительности тѣ же архипастыри являлись проводниками въ жизнь все тѣхъ же новыхъ порядковъ, о которыхъ они выражались съ такимъ осужденіемъ въ личной перепискѣ. Какой-либо реальный протестъ духовенства противъ политики свѣтской власти въ защиту справедливыхъ интересовъ церкви былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы высшія духовныя лица, стоявшія во главѣ церковнаго управленія, имѣли подъ ногами прочную, устойчивую почву въ видѣ сознательной поддержки рядоваго духовенства, многочисленною арміей разсѣяннаго по всей странѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что армія эта была крайне дезорганизована. Подъ защитой высокаго положенія духовенства въ дореформенное время въ средѣ, его болѣе и болѣе утверждались и пускали глубокіе корни недостатки, безпрепятственно созрѣвая здѣсь въ крупныя язвы, которыя все болѣе и болѣе подрывали духовный организмъ самаго сословія и пагубно отражались на всей русской жизни, находившейся подъ его вліяніемъ.

При такихъ слабыхъ внутреннихъ силахъ духовенства, правительству ничего не стоило сломить его окончательно и даже сдѣлать послушнымъ органомъ своей власти. Наиболѣе пострадало рядовое приходское духовенство. Прежде всего, умалены были гражданскія его права. Въ правовомъ отношеніи духовенство являлось полутягловымъ классомъ и не вполнѣ было освобождено даже отъ подушнаго оклада и различнаго рода натуральныхъ полицейскихъ повинностей. Оно обязано было ходить въ городахъ на караулы къ рогаткамъ, являться на пожары, дежурить на съѣзжихъ дворахъ и въ домахъ офицеровъ для посылокъ къ колодникамъ и работъ. Оно старалось освободиться отъ этихъ несоотвѣтствовавшихъ характеру его дѣятельности повинностей и указывало, что при исполненіи ихъ „въ служеніяхъ во святыхъ Божіихъ церквахъ и въ мірскихъ требахъ бываетъ не безъ остановки; и какъ военный артикулъ запрещаетъ съ карауловъ отлучаться, то случается, что сущіи въ болѣзняхъ въ приходахъ умираютъ безъ исповѣди и причащенія, церковники же оставляютъ въ ночномъ времени церкви Божіи безъ всякаго охраненія“; къ тому же „за назначеніемъ священно-и-церковнослужителей къ рогаточнымъ карауламъ, въ бытность поповъ, дьяконовъ и церковниковъ въ караулахъ чинится зазрѣніе духовенству отъ инославныхъ“. Но просьбы эти долго не имѣли успѣха. Въ 1736 г. Сенатъ освободилъ духовенство только отъ присутствованія на съѣзжихъ дворахъ и въ офицерскихъ домахъ для работъ и посылокъ къ колодникамъ, караульная же и пожарная повинности отмѣнены были уже въ 1798 г. Равнымъ образомъ, и отъ тѣлесныхъ наказаній духовенство освобождено было лишь въ самомъ концѣ XVIII в.—въ 1796 г., жены священниковъ—въ 1808 г., дѣти ихъ—въ 1835 г., а церковники и ихъ семьи уже при крестьянской реформѣ.

Унизительное положеніе духовенства, при подчиненіи церкви и религіозныхъ интересовъ исключительно правительственному режиму, особенно замѣтно выразилось тамъ, гдѣ духовенство фактически осуществляло служебную роль церкви. Въ царствованіе Петра I священники, при вступленіи въ свою должность, напримѣръ, обязывались объявлять преображенскому приказу и тайной канцеляріи о сообщенныхъ имъ на исповѣди народныхъ соблазнахъ и злодѣйственныхъ намѣреніяхъ, къ которымъ отнесены: „измѣна или бунтъ на государя или на государство, или злое мышленіе на честь и здравіе государево и на фамилію его царскаго величества“, даже „слова до высокой его императорскаго величества чести касающіяся или государству вредительныя“. Регламентъ старается доказать, что такое объявленіе нисколько не противорѣчитъ существу исповѣди, что, напротивъ, духовникъ чрезъ свой доносъ исполнитъ слова Господни:

„аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ... аще же не послушаетъ, повѣждь церкви“, что если Господь повелѣваетъ объявлять церкви о частныхъ обидахъ, то тѣмъ болѣе нужно доносить полиціи о злодѣйственныхъ умышленіяхъ. Кромѣ того, „священникъ не токмо намѣренное зло, которое въ дѣйство произвестися хощетъ, долженъ объявлять, но и сдѣланный уже народной соблазнъ, напримѣръ: ежели кто, вымысливъ гдѣ какимъ либо образомъ или притворно учинивъ, разгласитъ ложное чудо, а раскаянія на то не покажетъ, и опубликовать того (дабы невѣдующіе той лжи за истину не принимали) не обѣщается, то духовникъ долженъ гдѣ надлежитъ безъ всякаго медленія о томъ объявить, дабы такая лжа была пресѣчена, и народъ, тою лжою прельщенный, невѣдѣніемъ не согрѣшалъ и лжи за истину не принималъ. И таковые духовники, которые какъ о вышеозначенномъ зломъ и нераскаянномъ намѣреніи, такъ и о содѣянномъ ложныхъ и притворныхъ чудесъ разглашеніи объявятъ, и по изслѣдованіи явится то объявленіе истинно, награждены будутъ достойною по мѣрѣ вѣрности его императорскаго величества милостію. А ежели кто изъ священниковъ сего не исполнитъ, и о вышеозначенномъ услышавъ вскорѣ не объявитъ, тотъ безъ всякаго милосердія, яко противникъ и таковымъ злодѣемъ согласникъ, паче же государственныхъ вредовъ прикрыватель, по лишеніи сана и имѣнія, лишенъ будетъ и живота“ (Полное собраніе постановл. и расп. по вѣд. прав. исп., т. II, № 557, стр. 205.). Такое и безъ того тяжелое положеніе духовника еще болѣе осложнялось въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ. На духовенствѣ, напримѣръ, лежала высокая по своей идеѣ, но тяжелая по послѣдствіямъ обязанность увѣщевать и напутствовать предъ смертною казнью преступниковъ; для этого избирался обыкновенно священникъ высокихъ душевныхъ качествъ, „который бы былъ добрыя совѣсти и могъ таковыхъ осужденныхъ въ отчаяніи на истинный путь возвратить“ (Полн. собр. пост. по дух. в., т. II № 874). Обязанность увѣщателя колодниковъ была, однако, не легкою. Вотъ какъ выражается по этому поводу историкъ петербургской епархіи: „Ночью священника приглашаютъ на каторжный дворъ, или, еще лучше, въ казематы тайной канцеляріи. Предъ нимъ несчастный, умирающій отъ пытокъ. Онъ хочетъ облегчить свою душу, хочетъ облегчить сердце, быть можетъ, ожесточенное несправедливостями, тиранствомъ. У постели умирающаго, у духовника всего ближе и молитвеннѣе слово утѣшенія, слово сочувствія. Но берегись духовникъ! Въ казематахъ и у стѣнъ есть уши, которыя тайну предсмертнаго покаянія не сочтутъ священною и, можетъ быть, за нѣсколько сочувственныхъ, невѣрно понятыхъ словъ, ты завтра же попадешь на мѣсто твоего

духовнаго сына, испытаешь наслажденіе застѣнковъ. Можетъ быть, тотъ же утѣшаемый тобою страдалецъ, оправившись, подъ новыми пытками оговоритъ и тебя. Берегись, духовникъ! Въ казематахъ сочувствіе и теплота сердца немыслимы" [1]).

Дѣло царевича Алексѣя, въ которомъ замѣшанъ былъ духовникъ царевича, еще болѣе усилило подозрительность царя къ духовенству и повело къ страшнымъ наказаніямъ духовенству по политическимъ доносамъ. Съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны все духовное сословіе было заподозрѣно въ недоброжелательствѣ къ правительству и было поставлено подъ самый придирчивый надзоръ свѣтскихъ властей, которыя, чтобы оправдать это довѣріе, безпощадно подвергали духовныхъ лицъ „жестокимъ и нестерпимымъ мученіямъ и экзекуціямъ". Подозрительность правительства Анны Іоанновны къ духовенству яснѣе всего выразилась въ политическихъ розыскахъ по поводу неслуженія царскихъ молебновъ и панихидъ. Строгость въ отношеніи къ нарушенію чести и святости высокоторжественныхъ дней простиралась до того, что нѣкоторыя духовныя лица приговорены были къ разстриженію и тяжкимъ заточеніямъ за служеніе царскихъ молебновъ въ ризахъ не перваго, а втораго разряда. Не менѣе пришлось вытерпѣть духовенству въ то же царствованіе и изъ-за присягъ 1703 и 1731 г. г. Свободнѣе вздохнуло духовенство отъ страшныхъ розысковъ по поводу „слова и дѣла" и растяжимыхъ обвиненій „въ ущербѣ царской власти" и успокоилось отъ нелѣпыхъ политическихъ доносовъ уже послѣ закрытія Петромъ III тайной канцеляріи.

Въ тонъ такой правительственной политикѣ отвѣчало отношеніе къ духовенству высшаго, образованнаго класса общества. Общественное положеніе духовенства было весьма унизительно. Всѣ иностранные мемуаристы, касавшіеся общественнаго значенія духовенства, въ одинъ голосъ говорятъ о крайней приниженности его сравнительно съ высшимъ, дворянскимъ сословіемъ, развивавшейся прогрессивно въ теченіе всего XVIII вѣка. Еще Корбъ подмѣтилъ ослабленіе въ обществѣ уваженія къ духовному чину. „Уваженіе къ духовенству,— говоритъ онъ,—не осталось во всей силѣ; прежде во всѣхъ собраніяхъ священникамъ предоставляли первое мѣсто; теперь ихъ званіе такъ унижено, что ихъ почти не принимаютъ уже въ обществѣ". Веберъ замѣчаетъ, что бѣлое духовенство въ Россіи пользуется не большимъ почетомъ, чѣмъ лица другихъ податныхъ сословій, наравнѣ съ которыми оно обязано нести государственныя повинности и платить въ казну разные сборы, что также отдаляло его отъ дворянскаго со-

[1]) Историко-статистич. опис. петерб. епархіи, вып. V, стр. 101.

словія, гордаго своимъ привилегированнымъ положеніемъ, и низводило въ разрядъ „подлыхъ“ людей. По словамъ Фоккеродта, бѣлое духовенство, кромѣ протоіереевъ въ городахъ, находилось въ большомъ пренебреженіи. „Дворянинъ рѣдко посадитъ за столъ своего попа, и только что тотъ скажетъ послѣобѣденную молитву, его отсылаютъ къ домашней челяди“. Вообще, иностранцы, привыкшіе видѣть у себя дворянство и духовенство въ тѣсной родственной связи и живомъ общеніи между собою, удивлялись разобщенности этихъ двухъ сословій, отчужденности ихъ другъ отъ друга въ Россіи. Коксъ не безъ удивленія говоритъ: „Во время моего пятимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, при постоянныхъ и почти ежедневныхъ сношеніяхъ съ русской знатью и дворянствомъ, мнѣ ни разу не случалось встрѣтить въ посѣщаемыхъ мною домахъ ни единаго представителя бѣлаго духовенства, что отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣшніе приходскіе священники настолько грубы и неотесаны, что не могутъ быть допускаемы въ образованное общество“. Вслѣдствіе приниженности духовенства, случаи поступленія дворянъ въ духовное званіе были очень рѣдки,—такъ рѣдки, что аббатъ Шаппъ не очень далекъ отъ истины, когда говоритъ, что „дворяне въ Россіи никогда не вступаютъ въ духовное званіе“. „Большинство поповъ въ Россіи,—говоритъ Веберъ,—люди низкаго происхожденія, безъ связей и богатства“. Это происхожденіе духовенства изъ низшихъ слоевъ общества еще болѣе унижало его въ общественномъ мнѣніи. Насколько было зависимо положеніе священника отъ какого-нибудь помѣщика, насколько священникъ долженъ былъ заискивающе, подобострастно относиться къ нему, видно изъ записокъ священника Ярославской губ. Матусевича. „Въ отношеніи къ окружающимъ помѣщикамъ,—говоритъ г. Семевскій,—сельскій священникъ находился въ весьма зависимомъ положеніи: каждый такой помѣщикъ былъ для него бариномъ (Матусевичъ такъ и называетъ ихъ въ своемъ дневникѣ), которому приходилось поклоняться для полученія всякой небольшой подачки“. И это подтверждается тѣми мѣстами дневника Матусевича, гдѣ онъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Заѣхалъ, напримѣръ, Матусевичъ къ помѣщику Волкову попросить соломы, но у того были гости,—„такъ другимъ временемъ приказалъ побывать“, и черезъ два дня „пожаловалъ возъ соломы“ [1]).

Записки Матусевича рисуютъ намъ отношенія помѣщичьяго класса къ духовенству при условіяхъ миролюбиваго настроенія той и другой стороны. Въ случаѣ же какихъ-либо взаимныхъ столкновеній между ними, положеніе духовенства становилось въ высшей степени

[1]) „Русская Старина“, 1877 г., т. XIX.

плачевнымъ. Оффиціальный документъ второй половины XVIII вѣка такъ рисуетъ намъ эти отношенія: „нѣкоторые вомѣщики священно- и церковнослужителей не только побоями, но и наказаніемъ на тѣлѣ оскорбляютъ, напротиву жъ того обиженные иные отъ свѣтскихъ командъ, по просьбамъ своимъ, удовольствія не получаютъ, а другіе по причинѣ своего неимущества, отъ суднаго по формѣ процесса отрицаются“ [1]). Въ отношеніяхъ къ духовенству всякаго рода „лицъ, власть имѣющихъ“, видимъ полную вакханалію произвола. Епархіальные архіереи посылали неоднократныя жалобы въ Святѣйшій Синодъ по поводу того, что „воеводы, коммиссары и земскихъ дѣлъ управители не только для сборовъ, но и по челобитчиковымъ дѣламъ посылаютъ въ архіерейскія вотчины подьячихъ съ солдатами, чинятъ какъ крестьянамъ, такъ и священнослужителямъ обиды, берутъ съ нихъ подводы, бьютъ ихъ на правежѣ, держатъ продолжительное время подъ карауломъ и разоряютъ въ конецъ“ [2]). По смерти Петра Великаго, „когда,—говоритъ проф. Знаменскій, — тяжелая рука грознаго царя, державшая всѣхъ сильныхъ людей въ должныхъ границахъ, отнялась, эти сильные люди свободно предались своему грубому произволу и насиліямъ, потеряли всякую сдержку въ своей разнузданности, и настало безотрадное время разныхъ крупныхъ и мелкихъ временщиковъ, государственнаго безнарядья, безправія и тяжелыхъ страданій для всего слабаго и подчиненнаго люда“ [3]). Приходское духовенство въ этомъ случаѣ являлось едва-ли не наиболѣе, послѣ крестьянства, страдательнымъ элементомъ. Ржевскій воевода Вешковъ безнаказанно избиваетъ батогами діакона преображенской церкви, Барсова; тверской полицеймейстеръ Тарховъ велитъ бить плетьми пономаря Григорьева, самъ бьетъ его тростью и едва оставляетъ живымъ [4]). Даже въ сравнительно гуманное время Екатерины какому-нибудь звенигородскому городничему въ церкви вдругъ, напримѣръ, приходила въ голову мысль сказать свою проповѣдь; нимало не раздумывая, какъ хозяинъ, онъ тутъ же обращался къ священнику, стоявшему уже за аналоемъ, со словами: „пошелъ, я самъ скажу“,—и, ставши на его мѣсто, начиналъ читать поученіе городскимъ будочникамъ, однихъ называлъ мошенниками, другихъ ставилъ въ примѣръ, и т. д. [5]).

Только на Украйнѣ общественное положеніе духовенства было нѣсколько выше. Въ составъ духовенства здѣсь поступали весьма

---

[1]) Полное собраніе законовъ, XVIII, 13286.

[2]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива Святѣйшаго Синода, I, 321.

[3]) Приходское духовенство, 80.

[4]) Исторія Россіи, Соловьева, т. XXI—XXV, 615.

[5]) „Русскій Архивъ“, 1869 г., 630.

часто представители мѣстной войсковой старшины, и оно здѣсь имѣло родственныя и общественныя, по прежней службѣ, связи съ значительными административными лицами, при чемъ въ этомъ высокомъ положеніи отдѣльныхъ личностей изъ среды духовенства долженъ былъ нѣсколько растворяться общій тонъ того презрительнаго воззрѣнія, какимъ характеризуется вообще отношеніе общества къ духовенству въ данную эпоху. Но и здѣсь, при почти неограниченной власти войсковой старшины, положеніе рядоваго духовенства также было тяжелое. „Брань духовныхъ лицъ различными „непристойными словами", битье „кіями" и „канчуками", „пханье въ шею", сажаніе, въ наказаніе, въ колокольню—были обычными обнаруженіями помѣщичьяго произвола надъ лицами духовнаго званія. Священникъ былъ почти неоффиціальнымъ холопомъ, крѣпостнымъ владѣльца, являлся къ нему, какъ „своему милостивому пану", „съ поклономъ", долженъ былъ давать взятки, подарки. Противъ самоуправства мѣстныхъ властей духовенство нигдѣ не могло найти себѣ защиты. Дѣла, по жалобамъ духовенства, обыкновенно передавались консисторіей въ казацкіе суды, а оттуда они еще болѣе вызывали бѣдъ на жалобщиковъ за посрамленіе „казацкой чести", и дѣло обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что принесшій жалобу униженно явится къ „милостивому пану", торжественно „перепроситъ" его и прекратитъ дѣло" [1]).

Потерявъ почву въ сферѣ новыхъ, ставшихъ для него чуждыми, общественныхъ отношеній, рядовое приходское духовенство не находило для себя защиты или просто даже сочувствія и въ средѣ внутреннихъ епархіальныхъ отношеній, отличавшихся крайнею грубостью.

И въ этой, такъ сказать, „своей" сферѣ приходскому духовенству приходилось испивать не менѣе горькую чашу униженія и безправія, чѣмъ въ „свѣтскихъ" гражданско-соціальныхъ отношеніяхъ. Область епархіальныхъ отношеній юридически совершенно не была урегулирована; дореформенное личное усмотрѣніе и личный произволъ остались здѣсь во всей своей неприкосновенности. Такое положеніе дѣла уже само по себѣ воспитывало дурные, переходившіе потомъ въ традицію, инстинкты у лицъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ епархіальное управленіе; если же при этомъ у нѣкоторыхъ изъ владыкъ оказывалась и природная наклонность къ властолюбію и произволу, то на практикѣ это создавало очень тяжелое положеніе для подвластнаго духовенства. Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ

---

[1]) А. Діанинъ. Малороссійское духовенство во второй половинѣ XVIII в., 19. Подробнѣе о соціальномъ положеніи духовенства въ моихъ статьяхъ: „Суспільне становище білого духовенства у XVIII в". („Записки Наукового Товариства імени Шевченка", т. XXIII) и „Между двухъ огней" („Историческій Вѣстникъ", 1905, VI).

современникъ о тамбовскомъ владыкѣ Пахоміи (Симанскомъ): „онъ былъ самый тиранъ и драчунъ, и объ немъ разсказывали мнѣ одинъ странный анекдотъ. Случилось быть въ его время въ м. Ранебургѣ одному богатому и ульевъ до 300 пчелъ имѣющему попу и опредѣленному туда самимъ Синодомъ. Архіерей, пріѣхавши въ епархію, тотчасъ о немъ пронюхалъ и надобно было его притащить, надобно было помучить. Къ несчастію сего бѣдняка, вздумалось ему поупрямиться, онъ счелъ себя не подъ командою архіерейскою и не хотѣлъ по двумъ посылкамъ ѣхать и везть ему свою ставленную. Архіерей велѣлъ притащить его силою и до тѣхъ поръ мучилъ его плетьми и тиранилъ, пока не вымучилъ у него 500 р. и не разорилъ его до конца“ [1]). Другой современникъ такъ разсказываетъ о викаріи сѣвскомъ Кириллѣ (Фліоринскомъ): „преосвященный всегда, даже въ самомъ священнодѣйствіи, доходилъ до такого позора, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ трикиріями бороду подожжетъ, иному клокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было,—въ алтарѣ или среди церкви, а особливо въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды“. Непривыкшіе къ такому обращенію кіевскіе священники отказывались служить съ нимъ, „почему митроп. кіевскій имѣлъ необходимость употребить всю свою кротость на соглашеніе ихъ къ священнодѣйствію съ нашимъ архіереемъ“ [2]). Лучшіе іерархи возмущались такимъ произволомъ и протестовали противъ него. Вотъ, напр., письмо новгородскаго архіеп. Амвросія (Юшкевича) къ архангельскому архіепископу Варсонофію: „ваше преосвященство, — пишетъ владыка новгородскій,—только-что получили характеръ архіерейской и прибыли въ епархію свою, ниже слѣда прежде смиренныхъ и кроткихъ поступковъ въ себѣ оставили; пошли иною дорогою жестокости безмѣрной, къ разоренію церкви Христовой слѣдующею; отъ чего многіе, оставивъ церкви, бѣжатъ отъ васъ рады бы, и такой изрядной вашего преосвященства поступокъ одинъ видимъ, — и въ священнослужителяхъ Архангелогородскаго собора, людяхъ подлинно по всѣхъ свидѣтельству честныхъ и достойныхъ, которыхъ ваше преосвященство, сковавши въ желѣза, волочили по разнымъ мѣстамъ, и столько штафами денежными невѣдомо за что, развѣ только для вѣчной вашей памяти, съ крайнимъ ихъ разореніемъ отягчевали. И на послѣдокъ еще, что всего больше, не только на судѣ Божіемъ отвѣту, но и на судѣ

[1]) Записки Болотова, т. 2., стр. 725—6.

[2]) Записки Добрынина, „Русская Старина“, 1871 г., III т.

человѣческомъ не меньше наказанія подлежащее. Въ самый день Свѣтлаго Воскресенія Христова, совершая литургію, ваше преосвященство приказали оныхъ же соборянъ, не жалѣя общей всего духовенства чести, на поруганіе народу, и нѣсколько часовъ на льду босыхъ мучить тирански. Сколько бы предъ вами какой священникъ ни виноватъ былъ; но видали ли ваше преосвященство гдѣ, чтобы его такъ наказывали тирански,—поставивши босаго на льду черезъ нѣсколько часовъ: должно прежде быть наказаніе цѣпь, плеть и прочее, которыми можно по мѣрѣ вины наказать, да милостиво, кротко и не въ публикѣ" [1]). Характерно все-таки, что просвѣщенный новгородскій владыка нисколько не считаетъ предосудительнымъ для духовенства такое наказаніе, какъ „цѣпь, плеть и прочее".

Если духовенство встрѣчало такое отношеніе со стороны самихъ іерарховъ, какъ руководителей епархіальной жизни, то тѣмъ менѣе было для него гарантіи отъ злоупотребленія со стороны различныхъ органовъ епархіальнаго управленія. Приходское духовенство страдаетъ отъ безграничной симоніи. Производство во священники даже на бѣдные приходы не обходится менѣе 70 рублей, а то и много дороже; такъ, города Мирополья попу Евстафію оно стало до 300 р., Обоянскаго уѣзда с. Павловки попу Ильѣ—400 руб., города Боромли попъ Василій на одну митрополичью персону далъ 100 руб., да при этомъ еще секретарь Леонтьевъ съ него же, попа Василія, взялъ нѣсколько червонцевъ и ефимковъ, и т. д. [2]). Система консисторскаго судопроизводства въ прошломъ вѣкѣ отличалась большою грубостью. Вызовъ къ суду, производимый обыкновенно такимъ образомъ, что вызываемаго арестовывали и, заковавъ въ кандалы, везли въ консисторію, допросъ съ жестокостями „пристрастія", содержаніе до судебнаго рѣшенія въ смрадной, наполненной всякимъ сбродомъ тюрьмѣ,—все это было лишь преддверіемъ того униженія и тѣхъ мученій, какія испытывало духовное лицо послѣ судебнаго приговора и опредѣленія наказанія. Наказанія отличались удивительною, жестокою суровостью. Самымъ популярнымъ видомъ духовно-административной кары въ первой половинѣ XVIII в. было наказаніе плетьми. Такія резолюціи, какъ: „бить плетьми нещадно, чтобъ, на то смотря, и другимъ чинить такихъ продерзостей было неповадно", „за чинъ священства вмѣсто кнута учинить нещадное наказаніе шелепами", или, какъ писали на Украйнѣ, наказать барбарами, кійками,—такъ и нестрятъ на консисторскихъ судебныхъ дѣлахъ первой половины прошлаго вѣка. И это наказаніе назнача-

---

[1]) Чтенія въ имп. обществѣ исторіи и древностей россійск. 1880 г., I—III; Соловьева, Исторія Россіи, кн. V, т. XX—XXV, 529.

[2]) А. Лебедевъ. Бѣлогородскіе архіереи, 74.

лось даже не за какіе-нибудь важные проступки; въ 1726 г. положено трехъ московскихъ священниковъ за неподачу въ свое время метрикъ, „въ страхъ прочимъ, дабы впредь имъ, такъ и другимъ чинить было неповадно, при собраніи старостъ и знаменитыхъ церквей поповъ, учинить наказаніе плетьми безпощадное“ [1]). Какъ наказанія, практиковались еще содержаніе въ тюрьмѣ или колодничьей въ цѣпяхъ и колодкахъ до нѣсколькихъ лѣтъ, ссылка въ монастырь на такъ называемый „подначалъ“ или—въ Малороссіи—на „мукосѣяніе“, на труды въ архіерейскій домъ, изверженіе изъ сана, и др. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ духовнаго суда и наказанія. Содержавшійся въ курскомъ духовномъ правленіи за пьянство священникъ Стефанъ Кавыршинъ кричалъ за „собой слово и дѣло“; и хотя онъ затѣмъ показалъ, что „кричалъ ли онъ то слово и дѣло, за пьянствомъ того не упомнитъ точно за собой и ни за кѣмъ такой важности не знаетъ“, тѣмъ не менѣе одинъ изъ лучшихъ архіереевъ своего времени—Іоасафъ Горленко положилъ такую резолюцію: „священника Стефана за пьянство сослать въ харьковскій Преображенскій монастырь въ черную работу на полгода, а за безсовѣстное за собою государева слова и дѣла показаніе чинить ему, священнику, по окончаніи каждаго мѣсяца, плетьми въ трапезѣ нещадное наказаніе и давать именно по 50 ударовъ“ [2]).

При такой системѣ управленія дѣло духовнаго служенія должно было мотивироваться не столько внушеніемъ религіознаго долга и живыхъ убѣжденій, сколько дисциплинарнымъ началомъ исполненія указовъ, сводиться къ чему-то въ родѣ канцелярской очистки дѣлъ больше по формѣ, чѣмъ по самой ихъ сущности. Вся масса подчиненнаго духовенства встала къ своимъ властямъ въ отрицательное отношеніе, поставивъ себѣ главной задачей какими бы то ни было способами уйти отъ этихъ властей, прятать отъ нихъ всѣ свои дѣйствія и мысли, сталкиваться съ ними какъ можно меньше, гдѣ надобно обманывать ихъ, запираться, лишь бы остаться нетронутыми. Вредныя послѣдствія этой системы устраненія менѣе обнаружились тамъ, гдѣ духовенство менѣе подавлено было жестокимъ канцеляризмомъ консисторій и правленій. Правда, со второй половины вѣка система эта начинаетъ понемногу стушевываться подъ вліяніемъ новаго духа времени, вездѣ требовавшаго смягченія прежнихъ проявленій грубости административныхъ нравовъ. Но было бы по меньшей мѣрѣ оптимистично ожидать, что одни юридическія постановленія способны были быстро и радикально измѣнить весь строй вѣками

---

[1]) Исторія москов. епарх. управленія, примѣч. къ I ч., стр. 216, примѣч. 291.
[2]) А. С. Лебедевъ, Бѣлогородскіе архіереи, 105.

сложившихся административныхъ отношеній въ духовномъ вѣдомствѣ. Для перерожденія въ лучшую сторону прочно и устойчиво сложившихся административныхъ нравовъ нужно было продолжительное время, необходимо было радикально измѣнить матеріальное и соціальное положеніе духовенства и предоставить ему болѣе солидныя образовательныя средства. При томъ же новыя начала въ епархіальномъ управленіи и не отличались сколько-нибудь послѣдовательной выдержанностью. Въ духовной сферѣ вполнѣ отразилась та двойственность времени, въ силу которой на практикѣ далеко не выдерживались принципы, какіе проповѣдывались въ теоріи. Гуманное настроеніе нѣсколькихъ частныхъ личностей въ сферѣ тогдашней іерархіи не исключало и суроваго властелинствованія владыкъ, въ родѣ Арсенія Маціевича, Кирилла Фліоринскаго, Пахомія и др. Вліяніе новаго духа времени само по себѣ еще слишкомъ мало гарантировало права подчиненнаго духовенства и его новое положеніе. Весь общій строй епархіальной администраціи, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ низшихъ ея частей, оставался не тронутымъ реформою, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ духовно-административныхъ отношеніяхъ оставалось много прежней грубости нравовъ. Низшія духовныя власти постоянно прибѣгали къ старымъ пріемамъ смиренія подчиненныхъ, за исключеніемъ развѣ однихъ плетей, а въ отношеніи къ причетникамъ были въ ходу и плети. Самъ митрополитъ Платонъ не могъ укротить своихъ консистористовъ, какъ самъ говорилъ о томъ въ своихъ письмахъ; и около Платона былъ возможенъ протоіерей Александръ Левшинъ, епархіальный временщикъ, съ грубымъ окрикомъ заносившій свою трость на другаго первенствующаго протоіерея столицы (П. Алексѣева) при всемъ честномъ народѣ, среди крестнаго хода. Послѣ 1764 г. на консисторскомъ судѣ не употребляли плетей, но и кромѣ ихъ существовало много другихъ унизительныхъ наказаній, какъ-то: публичные поклоны въ церкви, мукосѣяніе и другія работы по монастырямъ, цѣпи, колодки и другія принадлежности колодничьяго заключенія. Въ 1788 г. по упраздненіи крутицкой епархіи, крутицкая консисторія, напримѣръ, передала вмѣстѣ съ дѣлами въ наслѣдство московской консисторіи „желѣзъ ножныхъ пятеро и одни кандалы, да стульевъ съ цѣпями три, изъ нихъ одинъ большой“ [1]). Въ дѣлѣ московской консисторіи 1791 г. объ одномъ подначальномъ священникѣ, сосланномъ въ Перемышльскій монастырь, читаемъ, что тамошній игуменъ Иннокентій обращался съ колодниками крайне сурово, инымъ голову и бороду брилъ, а прочихъ, къ деревянной стѣнѣ приставя, ниткой подъ бородой запеча-

[1]) Истор. московск. епарх. упр., ч. 3, кн. 1, стр. 179.

тывалъ, и часа по 4 и болѣе въ лѣтнее время, на солнце ставя, морилъ и т. д. Въ низшихъ духовно-административныхъ отношеніяхъ сильное развитіе единоличности и безконтрольности властей заключало въ себѣ зародышъ большихъ злоупотребленій. Такъ, благочинные были полными хозяевами, воеводами своихъ округовъ, и могли дѣлать въ нихъ все, что хотѣли. Инструкція митрополита Платона требовала, чтобы они обращались съ духовенствомъ уважительно, не роняли его сановитости, но въ то же время, въ видахъ возвышенія самихъ благочинныхъ, предписывала духовенству воздавать имъ такіе знаки уваженія, которые близко граничили съ униженіемъ собственнаго достоинства [1]).

Несмотря на всю невыдержанность новыхъ началъ въ духовной администраціи, съ теченіемъ времени, грубая атмосфера епархіальныхъ отношеній стала постепенно очищаться. Соотвѣтственно этому измѣнялся къ лучшему и духовный обликъ самого подначальнаго духовенства. Лучшимъ доказательствомъ такой перемѣны является замѣчаемый въ немъ къ концу XVIII вѣка нѣкоторый подъемъ чувства собственнаго достоинства. Этому, между прочимъ, содѣйствовали и старанія нѣкоторыхъ гуманныхъ архіереевъ поднять самосознаніе и достоинство униженнаго духовнаго сословія. Митрополитъ московскій Платонъ (Левшинъ) какъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ давалъ начальствующимъ наставленія, „стараться вперять въ учениковъ благородное честолюбіе, которымъ бы они, яко пружиною, были управляемы въ поступкахъ“, такъ и въ общественной жизни поставлялъ духовенству въ правило вести себя „съ осанкою“ или „сановито“ и вообще, „якоже прилично служителю св. алтаря и пастырю христіанскому“ [2]). Всѣ такія распоряженія, само собою разумѣется, должны были повліять въ лучшую сторону на поднятіе самочувствія въ средѣ духовенства. Въ концѣ XVIII вѣка одинъ изъ членовъ бѣлаго духовенства пишетъ даже для представленія государю разсужденіе на вопросъ, „можно ли достойному священнику, миновавъ монашество, произведенному быть во епископа?“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ это же время, какъ и во всѣ переходныя эпохи, попадались случаи ложнаго и фальшиваго пониманія собственнаго достоинства. Униженное духовенство, почувствовавъ свое достоинство, начинаетъ обнаруживать излишнюю, и даже подчасъ курьезную, притязательность. Характерный примѣръ такой притязательности представляетъ извѣстный московскій протоіерей Петръ Алексѣевъ, тотъ самый, ко-

---

[1]) Знаменскій, Приходское духовенство и чтенія изъ исторіи русской церкви.

[2]) Истор. московск. епарх. упр., ч. 3, кн. 1, стр. 146—147.

торый писалъ для подачи императору Павлу I упомянутое выше „разсужденіе“. Въ 1789 г. онъ, назвавъ себя протопресвитеромъ, подалъ митрополиту Платону прошеніе, жалуясь, что указами московской консисторіи „приписано ему названіе протопопъ, которое сложное реченіе по предшествующей своей частицѣ прото,—съ греческаго языка—значитъ—первый, а вторая часть, попъ, ему, протопресвитеру, не вразумительна, ибо, при производствѣ его въ московскій Архангельскій соборъ настоятелемъ, священнодѣйствующій архіерей именовалъ его протопресвитеромъ; да и всѣ чины церковные, начавъ отъ епископа до діакона, тѣми именами называются въ православной церкви, какими они произведены, напримѣръ, никто не осмѣлится архіерея именовать архипопъ, понеже попъ есть реченіе варварское, въ грубыя времена вошедшее, ничего приличнаго къ христіанскому протопресвитеру не заключающее и въ Св. Писаніи не употребительное“; потому протоіерей просилъ „сіе гнусное прозваніе протопопъ вовсе уничтожить, и законно произведенныхъ протопресвитеровъ писать и называть свойственными ихъ званію именами“. Чрезвычайно характерно отношеніе къ этому курьезному случаю митрополита Платона. Послѣдній на прошеніи написалъ: „1) Прошеніе протопопское есть неосновательно. Названіе протопопъ почитаетъ онъ невразумительнымъ и варварскимъ, что само себѣ противорѣчитъ, ибо, когда оно для него невразумительно, то и надлежало ему назвать то реченіе варварскимъ и гнуснымъ поудержаться, доколѣ бы въ томъ вразумленъ былъ, ибо реченіе протопопъ есть греческое и составлено изъ прото—первый и папас—отецъ, батюшка, коимъ малыя дѣти, по нѣжности выраженія, родителей своихъ именуютъ. Сіе тѣмъ доказательнѣе, что и нынѣ въ греческой церкви священникъ называется папас, а протопопъ—протопапасъ; отъ сего и произошло и наше россійское названіе попъ и протопопъ; а потому оно не варварское и не гнусное. 2) Прошеніе протоіерея есть дерзновенно, ибо въ высочайше конфирмованныхъ штатахъ Архангельскій, такъ какъ и прочихъ соборовъ протопопы, наименованъ протопопомъ, и въ указѣ Св. Синода о произведеніи его въ Архангельскій соборъ предписано произвести его въ протопопа, да и при пожалованіи ему, протопопу, креста къ намъ при письмѣ отъ графа А. А. Безбородко, именемъ ея императорскаго величества присланнаго, онъ, протопопъ, именованъ протопопомъ, почему за всѣмъ симъ ему, протопопу, реченіе протопопа называть варварскимъ и гнуснымъ есть не только дерзновенно, но и не извинительно. 3) Прошеніе протопопское, чтобъ сіе гнусное прозваніе протопопъ вовсе уничтожить, есть и безразсудно; ибо, хотя-бъ оно и подлинно было таково, но мнѣ его вовсе уничтожить и запретить общее онаго въ Россіи употребленія никакъ невозможно. Что же

протопопъ при произведеніи именованъ протопресвитеромъ, и сіе правильно; такъ какъ и именованіе протопопа, по принятому издревле обыкновенію и по силѣ его, есть не предосудительно и похвально. И потому все одно протопресвитеромъ именоваться или протоіереемъ, такъ какъ и онъ, протопопъ, обыкновенно не протопресвитеромъ, но протоіереемъ подписывается, которое именованіе также съ одного принято обыкновенія. Консисторіи сіе разсмотрѣть и чему онъ за таковой дерзновенный вызовъ подлежателенъ, и что якобы онъ въ нашъ каѳедральный соборъ произведенъ въ настоятеля, выписавъ изъ законовъ и учиня опредѣленіе, представить". Консисторія къ этому дѣлу выписала тьму законовъ, но дѣло дальше этого производствомъ не пошло [1]). Какъ видимъ изъ этой курьезной полемики, самъ митрополитъ Платонъ, такъ убѣжденно проповѣдывавшій „благородное честолюбіе" и „сановитость" среди духовенства, слишкомъ уже возмущается хотя бы и слишкомъ претенціознымъ проявленіемъ духовнаго „честолюбія", заслуживавшимъ въ крайнемъ случаѣ выговора, но никакъ не административнаго взысканія чрезъ посредство нущенной полнымъ ходомъ консисторской машины. Другіе епархіальные владыки ко всякимъ проявленіямъ „благороднаго честолюбія" относились болѣе прямолинейно и такимъ отношеніемъ далеко не располагали подчиненное духовенство держать себя „сановито". При этомъ, само собою разумѣется, что такая амбиціозная притязательность, какъ реакція общему положенію бѣлаго духовенства, могла быть заявляема лишь немногими личностями бѣлаго духовенства, чувствовавшими подъ ногами твердую почву. Рядовое же приходское духовенство въ общей своей массѣ все-таки продолжало чувствовать себя въ большой степени униженнымъ и оскорбленнымъ.

Подъ стать соціальному положенію приходскаго духовенства было и матеріальное его положеніе. Извѣстный изслѣдователь прошлаго духовнаго быта, проф. Знаменскій, опредѣляетъ общую сумму годоваго дохода причта по таксѣ въ великорусскомъ приходѣ въ 11 руб. 40 коп. [2]); затѣмъ уже во второй половинѣ вѣка, когда положеніе духовенства во всѣхъ отношеніяхъ улучшилось, годовой бюджетъ священника не превышалъ 40 руб. [3]). Часто дѣло обстояло и гораздо хуже: такъ, напримѣръ, протопопъ Яковъ Буявинскій, окончившій философскія науки въ славяно-латинскихъ школахъ, за свою службу при дѣвичьемъ суздальскомъ монастырѣ получалъ жалованья три рубля съ полтиною

---

[1]) „Душеполезное чтеніе", 1869 г., т. II, стр. 22—23.

[2]) П. Знаменскій. „Приходское духовенство со времени реформы Петра Великаго".

[3]) М. Семевскій, „Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка („Русская Старина", 1877 г., т. 19).

въ годъ и по 10 четвертей ржи и овса [1]). Хотя стоимость денегъ въ XVIII вѣкѣ была значительно выше, чѣмъ теперь, во всякомъ случаѣ такое содержаніе и по тому времени слѣдуетъ считать просто нищенскимъ. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что главнымъ источникомъ доходовъ духовенства были сборы съ прихожанъ за требоисправленія, сборы, при всей своей скудости, служившіе яблокомъ раздора между духовенствомъ и прихожанами. Непосредственный платежъ священнослужителю за каждую требу, вслѣдъ за ея совершеніемъ, невольно наводилъ прихожанина на мысль о торговлѣ святыней; да и священнику нужна значительная степень умственнаго и нравственнаго развитія, нужно высоко развитое религіозное чувство, чтобы не соблазниться тѣмъ же взглядомъ на требоисправленія. Постоянная зависимость бѣдствовавшаго духовенства отъ прихожанъ заставляла его заискивать у послѣднихъ для полученія большей платы. Но при этомъ не могли не страдать какъ религіозно-нравственные интересы пасомыхъ, такъ равно и нравственность самихъ пастырей. „Попы, получивъ отъ крестьянъ алтыны,—говорилъ Татищевъ,—мирволятъ и совсѣмъ на нихъ того не взыскиваютъ, къ тому же почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ, одно только имъ разсказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пиво, сидѣть вино, ѣдять и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой христіанской должности никакого помышленія не имѣютъ“ [2]). Въ отношеніяхъ же къ помѣщику, отъ котораго можно было ожидать дѣйствительной помощи, священникъ обыкновенно становился въ такія зависимыя отношенія, которыя обращали его почти въ штатъ домашней дворни. Съ другой стороны, подобный способъ матеріальнаго обезпеченія духовенства не могъ не развивать въ немъ корыстолюбивой притязательности, при чемъ духовенство всячески старалось поднять плату за требы какъ можно выше, запрашивало и торговалось. Отсюда—постоянныя жалобы на него прихожанъ за вымогательство, множество дѣлъ объ этомъ вымогательствѣ въ консисторіяхъ, энергичныя противъ него обличенія и угрозы со стороны какъ духовной, такъ и свѣтской власти, которая иногда обвиняла его въ „симоніи и безстыдномъ нахальствѣ“. Не было духовенство сколько-нибудь достаточно обезпечено и землею; незначительныя церковныя дачи не могли поднять его благосостоянія, и оно вообще должно было бѣдствовать матеріально. Къ тому же самый способъ обезпеченія землею также не могъ не отражаться неблагопріятно на его жизни и дѣятельности. Еще Посошковъ въ

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива Св. Синода, т. II, ч. 1, № 258.
[2]) „Татищевъ и его время“, Н. Попова, стр. 744.

началѣ XVIII вѣка указывалъ на это: „у насъ въ Россіи,—говорилъ онъ,—сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху, и попъ за соху; мужикъ за косу, и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ... У коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка, другаго не отслужитъ; понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть. И ради земледѣльства поповскаго стоятъ церкви Божіи, яко пустыя храмины, безъ славословія Божія, а православные христіане умираютъ за ихъ земледѣльствомъ ничѣмъ же отмѣнно отъ скота... А что Богъ взыщетъ всякія погибшія души на нихъ, того не смышляютъ, и коль у Бога душа человѣческая велика, ничего того не знаютъ“ [1]). Иностранцы въ XVIII вѣкѣ, напримѣръ, Коксъ [2]), Фоккеродтъ [3]), съ удивленіемъ смотрѣли на то, что священники должны были искать средствъ для своего существованія въ личномъ черномъ трудѣ, должны были такъ же, какъ и крестьяне, ходить за сохою и пахать землю. Но иначе духовенство и не могло поступать; имѣя слишкомъ ничтожный надѣлъ, оно не могло пользоваться своей землей путемъ отдачи ея въ чужія руки, а должно было обработывать лично. Священнику же, занятому земледѣльческими работами, не было времени и возможности исполнять свои прямыя пастырскія обязанности, потому что земледѣльческія работы нельзя откладывать до болѣе досужаго времени. Кромѣ земледѣлія духовенство для своего обезпеченія должно было заниматься различнаго рода ремеслами и промыслами. Такъ, Иваньковскій священникъ Матусевичъ умѣлъ переплетать, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ 1779 года заработалъ переплетомъ 3 руб. 25 коп.; тотъ же священникъ продавалъ книги, требники, службы и проч.,—конечно не безъ барыша для себя; кромѣ того, онъ взялся однажды обучать сына одного священника переплетному мастерству и получилъ за выучку 12 рублей [4]). Украинскій священникъ обыкновенно заводилъ стада овецъ, выдѣлывалъ и продавалъ сальныя свѣчи, обдѣлывалъ кожи, шерсть, самъ шилъ и продавалъ свитки и кожухи, или же, нагрузивъ нѣсколько возовъ пшеницей, рожью, овсомъ и т. п. и, простившись на мѣсяцъ-другой съ семействомъ и приходомъ, отправлялся въ Запорожье, въ Крымъ, тамъ продавалъ все это, закупалъ въ Крыму соль, на Дону рыбу, развозилъ по украинскимъ ярмаркамъ и мѣстечкамъ, самъ, сидя на возу, отмѣривалъ покупателямъ соль, отсчитывалъ вяленую и соленую рыбу, или же выпасалъ рогатый скотъ,

[1]) Сочиненія Ив. Посошкова, т. I, стр. 23, 25, 27.
[2]) „Русская Старина“, 1877 г., кн. 2, стр. 46.
[3]) „Чтенія въ общ. истор. и древн. россійскихъ“, 1874 г., кн. 4, стр. 113.
[4]) „Сельскій священникъ“ („Русская Старина“, 1877 года, стр. 529).

самъ съ гайдаями гонялъ въ далекія мѣста и продавалъ. Хотя на Украинѣ матеріальное положеніе духовенства было все-таки сравнительно лучше, но и здѣсь оно настолько было бѣдственно, что члены коммиссіи, составленной при митрополитѣ кіевскомъ Арсеніи, писали: „священники такъ бѣдственно живутъ, что не только для прокормленія своего гдѣ хлѣба пахать, но и собственной избы къ прожитію своему гдѣ построить вовсе не имѣютъ“ [1]).

При такихъ тяжелыхъ матеріальныхъ и соціальныхъ условіяхъ жизни духовенства положеніе его не заключало въ себѣ съ внѣшней стороны ничего привлекательнаго. Поэтому казалось бы даже страннымъ предполагать какія-либо корыстныя побужденія въ лицахъ, искавшихъ духовной службы. Но тѣ же неблагопріятныя условія жизни производили въ результатѣ то, что духовное сословіе наполнялось людьми, которые не могли выйти изъ него, хотя бы и вовсе не чувствовали никакого расположенія къ духовной службѣ. Съ самаго начала XVIII вѣка замѣчается тенденція къ сословному дѣленію на рода. Сперва выдѣленъ былъ средній классъ—купцовъ и ремесленниковъ, съ дѣленіемъ первыхъ на—гильдіи, вторыхъ—на цехи; высшій классъ общества также образовалъ особую сословно-юридическую корпорацію — „дворянства“; ревизія закрѣпостила крестьянъ, которые составляли теперь отдѣльный тягловый классъ общества. Соотвѣтственно этому и духовенство должно было замкнуться въ предѣлы отдѣльнаго общественнаго класса. Общественное уединеніе духовенства, оторваннаго отъ другихъ классовъ общества, постепенно укрѣплялось и юридически въ продолженіе всего XVIII вѣка, пока не завершилось, наконецъ, сословно-кастовымъ юридическимъ отдѣленіемъ духовенства отъ другихъ общественныхъ классовъ. Сословная замкнутость духовенства дѣлала очень труднымъ, если только не невозможнымъ, выходъ изъ духовнаго сословія людямъ, не чувствовавшимъ никакого призванія къ духовной службѣ. Такъ называемые „разборы“—массовыя отчисленія неслужащихъ членовъ духовнаго сословія въ военную службу—были слишкомъ механическими и палліативными мѣрами дезинфекціи духовнаго сословія; неожиданною грозой налетали они на духовенство, случайно захватывали того, кто попадался по пути, и затѣмъ прекращались, оставивъ духовенство въ трепетномъ ожиданіи новой, такой же случайной, бѣды и заставляя его всѣми мѣрами возможно крѣпче держаться духовной службы, такъ какъ за предѣлами ея не было для него другаго, болѣе почетнаго положенія, кромѣ подушнаго тягловаго состоянія

---

[1]) „Права и привил. малорусск. духов.“, стр. 9, п. 3 (Рукопись Кіево-Печер. Лавры).

и солдатской службы. Оттого „мнозіи,—по свидѣтельству современнаго законодательнаго памятника,—въ священническій чинъ вдираются не для чего иного, только для большой свободы и пропитанія, а никакого званія сему должнаго искусства не имѣютъ [1])". Духовная власть часто не могла предотвратить подобныхъ случаевъ недостойнаго „водранія въ духовный чинъ", въ особенности въ украинскихъ епархіяхъ, такъ какъ желающіе всегда могли получить посвященіе за границей у какого-нибудь странствующаго валахскаго или греческаго епископа. Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій писалъ въ 1751 г., что „нѣкоторые, узная свое къ полученію іерейскаго чина недостоинство и въ чтеніи крайнее неискусство и минуя архипастыря своего, отошедъ за рубежъ къ чужестраннымъ епископомъ, безъ всякой правильной причины и указныхъ презентовъ никакому мѣсту, на единъ точію вакансъ, ухищреннымъ образомъ жребій священства похитили" [2]).

Насколько бывали низменны и нечисты побужденія къ занятію церковнаго мѣста, настолько же нечисты были и средства къ достиженію этой цѣли. Самымъ обычнымъ средствомъ для этого была покупка мѣста за деньги. Нѣкоторые священнослужители продавали свои мѣста по старости и бездѣтности, какъ послѣдніе въ родѣ; другіе рѣшались на эту продажу въ хозяйственныхъ интересахъ, чтобы на полученныя деньги поправить свои запутанныя обстоятельства; третьи просто увлекались соблазномъ получить болѣе или менѣе значительную сумму, будучи подбиваемы къ этому покупателями, большею частью среди зажигательной компаніи, за чаркой вина и въ предпріимчивомъ расположеніи духа. Отношеніе къ церковному мѣсту имѣло совершенно хозяйственный, контрактовый, коммерческій характеръ. Продающая сторона старалась, понятно, выгадать на этой операціи какъ можно больше; купившая сторона, затратившая на покупку подчасъ немалый капиталъ, смотрѣла на церковное мѣсто, какъ на купленную доходную статью, которая должна была кормить покупщика процентами съ затраченнаго капитала; при этомъ принципіальная сторона служенія должна была совершенно стушеваться за экономическою. Коммерческій способъ пріобрѣтенія церковнаго мѣста долженъ былъ оказывать чрезвычайно деморализующее вліяніе на кандидатовъ священства и крайне вредно отражаться на всемъ характерѣ служебной дѣятельности такого пастыря-коммерсанта.

Ненормальная атмосфера окружала кандитата на духовную долж-

---

[1]) Прибавленіе къ Духовному Регламенту.

[2]) Лилѣевъ. Опис. рукописей Черниговской духовной семинаріи, 106.

ность и при самомъ посвященіи его въ церковную степень. Въ духовныхъ консисторіяхъ и при архіерейскихъ домахъ царила самая беззастѣнчивая симонія; противъ нея безсильны были всѣ мѣры лучшихъ владыкъ, разсматриваемаго времени. По словамъ Добрынина, стоявшаго весьма близко къ сѣвскому архіерею Кириллу Фліоринскому, получаемыя кандидатами свидѣтельства въ знаніи церковнаго устава „могли умножить годовые всякаго учителя доходы до двухсотъ рублей, смотря по числу и достатку учениковъ“ [1]); другіе поборы съ духовенства при посвященіи были еще значительнѣе. Нечистая атмосфера взяточничества дѣйствовала на ставленниковъ крайне разлагающимъ образомъ и вызывала въ нихъ искреннее убѣжденіе, что въ посвященіи въ санъ главное дѣло—уплата взятокъ, а все другое, въ томъ числѣ и самое посвященіе, какъ не существенное, можно и обойти. Отсюда сплошь и рядомъ видимъ, что ставленники, „не токмо не получа ставленныхъ грамотъ, но и не бывъ въ ученіи священнослуженія, отходили въ домы свои, и служенія отправляли“ [2]). Бакумовскій священникъ Іоаннъ Максимовъ не только служилъ долго безъ грамоты, но и обманывалъ протопопа, увѣряя его, что не служитъ; священникъ с. Кручи Леонтій Дудчевскій совершалъ требы безъ грамоты и даже отказавшись отъ прихода [3]); совершаютъ службу даже запрещенные въ служеніи [4]). Бывало и такъ, что наслѣдникъ немедленно послѣ смерти своего предмѣстника, безъ всякаго сношенія съ епархіальною властью, нанималъ для совершенія требъ какого-нибудь попа въ качествѣ своего викарія, а самъ, хотя и не былъ посвященъ, становился въ отношеніи къ нему чѣмъ-то въ родѣ самостоятельнаго священника, которому викарій обязанъ былъ во всемъ подчиняться [5]). Отсюда одинъ шагъ и къ признанію ненужности самого посвященія. Бывало, что поповичъ-наслѣдникъ не только занималъ немедленно по смерти отца наслѣдственное мѣсто, не дожидаясь согласія епархіальной власти, но даже совершалъ требы безъ посвященія. Я извлекъ изъ архива кіевской духовной консисторіи чрезвычайно характерную въ этомъ отношеніи исторію кіевскаго поповича Павла Лобченка. Послѣдній по смерти отца тотчасъ же взялъ въ свои руки управленіе приходомъ кіево-подольской Васильевской церкви и, позволяя себѣ возмутительныя вымогательства и насилія надъ прихожанами, онъ, кромѣ того, какъ доносили о немъ прихожане, „подчасъ (во время) праздн-

[1]) „Записки Добрынина“, „Рус. Старина“, 1871, III.
[2]) „Ист. моск. еп. упр“., ч. II, кн. 2, стр. 31—32, рим., стр. 12 и др.
[3]) Изъ дѣлъ кіевскаго консисторскаго архива.
[4]) „Ист. Моск. еп. упр.“, ч. II, кн. 2, прим., стр. 96.
[5]) „Приходское духовенство“ проф. Знаменскаго, 13.

никовъ Рождества, Богоявленія и Воскресенія Христова ходитъ по приходу съ крестомъ, припѣвая: ворданѣ, курданѣ, фурданѣ, на хрещатицкой банѣ, ой такъ дѣва спаска за ручку водила, и прочая соблазнительная слова, коихъ означать стыдно, называя себе настоятелемъ". Если принять въ вниманіе, что грубокощунственные подвиги Павла Лобченка происходили въ самомъ Кіевѣ, каѳедральномъ городѣ митрополита, и продолжались, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (Лобченко ходилъ съ крестомъ на Рождество и Пасху),—то невольно является вопросъ: что же дѣлалось въ глухой провинціи, такъ сказать, внѣ поля зрѣнія тогдашней духовной администраціи?

Но поступки Лобченка имѣютъ за собою еще ту извинительную сторону, что онъ, по крайней мѣрѣ, не выдавалъ себя за посвященнаго. Другіе шли гораздо дальше. Вотъ, напр., случай, бывшій также въ митрополичьей московской епархіи. Сынъ умершаго священника с. Крупецъ, Одоевскаго уѣзда, Алексѣй Яковлевъ, не былъ произведенъ во священники, такъ какъ „ни въ какую причетническую должность еще не опредѣленъ, и въ стихарь не посвященъ", а безъ этого, по новымъ положеніямъ (во второй половинѣ XVIII вѣка), нельзя было производить во священники; Яковлеву поэтому велѣно было просить причетническаго мѣста, но онъ поступилъ проще: пришелъ домой и объявилъ, что поставленъ во священники, и сталъ совершать требы; но такъ какъ онъ не имѣлъ документовъ на свое званіе, то управляющій того села представилъ его въ духовное правленіе, а правленіе препроводило его въ консисторію. Здѣсь и открылось самоставство Яковлева; между прочимъ, онъ показалъ на допросѣ, что „ему гуменцо постригъ на выходѣ изъ Москвы за Серпуховскими воротами не знамо какой человѣкъ, котораго онъ поподчивалъ виномъ" [1]).

Вотъ еще нѣсколько случаевъ, обнаруживающихъ въ самоставахъ крайнюю степень кощунственнаго цинизма. Одинъ изъ такихъ самоставовъ, по фамиліи Бреусъ, цѣлыхъ два года священствовалъ въ с. Селищѣ, Каневскаго староства, потомъ куда-то пропалъ и еще черезъ два года явился въ своей парохіи уже польскимъ гусаромъ. Парохіяне пришли въ ужасъ, когда онъ цинически разсказалъ имъ о своемъ самозванствѣ и звалъ ихъ подъ благословеніе; обвѣнчанные имъ хотѣли разводиться. Насмѣявшись вдоволь надъ громадой, онъ уѣхалъ и былъ таковъ. Въ заграничной Украйнѣ уже въ концѣ 1780-хъ годовъ разыгралась другая любопытная исторія самосвятства, „исполненная химерогонства, криминальства и прочихъ непо-

[1]) „Ист. моск. еп. упр"., II, кн. 2, стр. 71.

добныхъ поступковъ", какъ выражался о ней оффиціальный документъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой исторіи явился нѣкто Евстафій Пилипенко, пройдоха, выдававшій себя подъ разными именами и званіями, всегда имѣвшій съ собой нѣсколько разныхъ билетовъ и документовъ, которыми и пользовался, смотря по надобности. Въ Полтавской губерніи онъ женился на одной богатой казацкой дѣвицѣ, потомъ въ 1767 г. бросилъ ее и бѣжалъ въ польскую Украйну, къ чему побудило его, между прочимъ, совершенное имъ убійство своей работницы. За Днѣпромъ онъ въ томъ же году присватался къ дочери умершаго хрещатицкаго священника Мороза (въ нынѣшнемъ Черкасскомъ уѣздѣ), наслѣдницѣ, успѣлъ обмануть своими бумагами и невѣсту, и мать ея, вдову Морозиху, и даже мѣстнаго управителя Сушинскаго; сказавшись дворяниномъ, студентомъ кіевской академіи, онъ женился, взялъ у Сушинскаго согласіе занять наслѣдную парохію (приходъ), а у парохіянъ выборъ и выѣхалъ въ Переяславъ „промоваться на попа", но скоро воротился и взялъ у Сушинскаго другой билетъ въ русскія владѣнія, тоже для рукоположенія, и въ этомъ билетѣ былъ названъ уже священникомъ. Черезъ мѣсяцъ онъ благополучно священствовалъ въ Хрещатикѣ, разсказывая однимъ,—что рукоположенъ въ Волощинѣ, другимъ—въ Полтавѣ, третьимъ—отъ адріанопольскаго архіерея. Все бы ему хорошо сошло съ рукъ, но на грѣхъ у него явилась странная фантазія взять къ себѣ и свою первую жену съ дѣтьми. Съ этой цѣлью весной 1788 г. онъ неожиданно явился къ ней ночью и уговорилъ ее ѣхать съ собой въ польскія владѣнія; дорогой онъ разсказалъ ей, что у него есть за Днѣпромъ парохія, открылъ также, что онъ женатъ на другой, но что и ее возьметъ съ собой и будетъ жить съ обѣими женами, потому что ему обѣихъ жаль, и уговаривалъ ее не безпокоиться этимъ обстоятельствомъ. Но послѣ такого признанія жена немедленно выдала своего коварнаго мужа духовному начальству. Началось слѣдствіе, которое обнаружило всѣ описанныя обстоятельства и подложность самой ставленной грамоты Пилипенка; грамоту эту смастерили для него двое какихъ-то бродячихъ іеромонаховъ, такихъ же кутилъ и плутовъ, какъ и онъ самъ. Къ слѣдствію явилась и Морозиха съ дочерью, прося возвратить забранныя у нея Пилипенкомъ вещи и удовлетворить ее за безчестіе. Морозиху удовлетворили деньгами, потому что вся ея претензія была въ 7 рублей съ полтиной. Но пока это слѣдствіе тянулось по всѣмъ правиламъ приказнаго искусства, Пилипенко бѣжалъ изъ-подъ ареста, и дальнѣйшая судьба его и его жены, къ сожалѣнію, осталась неизвѣстною [1]).

[1]) Кіевскія Еп. Вѣдом., 1864, № 10; „Приходское духовенство", П. Знаменскаго, 287—9.

Такія нравственно-безобразныя личности, какъ Яковлевъ, Брегъ, Пилипенко, не могутъ, конечно, служить основаніемъ для оцѣнки нравственнаго облика нашего духовенства въ XVIII вѣкѣ; это, несомнѣнно, были негодные отбросы общества, находившіеся внѣ обычной нормы духовной жизни. Но справедливость требуетъ замѣтить, что возможность такого рода фактовъ, какъ только-что приведенные, не можетъ не говорить вообще о легкости отношенія духовенства къ своему сану и своимъ служебнымъ обязанностямъ; если возможна была столь циничная профанація священнаго сана, то, очевидно, поведеніе духовенства подавало къ тому небезосновательный поводъ. Въ самомъ дѣлѣ, легкомысленное отношеніе къ церковному посвященію замѣчалось и въ средѣ дѣйствительно служащаго духовенства. Изъ массы примѣровъ легкомысленной игры сномъ приведемъ одинъ, въ которомъ фигурируетъ личность съ проблесками живаго нравственнаго чувства и искренняго раскаянія. Священникъ с. Калабарки, Михаилъ Гученко, такъ описываетъ свою исторію своей жизни въ донесеніи епископу переяславскому Гервасію. Выходецъ изъ Солободской Украйны, онъ былъ сперва два года дьячкомъ въ с. Петрикахъ; „будучи же дьячкомъ, возымѣлъ желаніе быть чернцемъ“ и для этой цѣли отправился въ 1753 г. въ Ирдевскій Виноградскій монастырь, гдѣ и былъ постриженъ въ рясофоръ, подъ именемъ Матѳея, 18 лѣтъ отъ роду. Вскорѣ онъ „пришелъ въ развращеніе и пойшелъ зъ оного монастыря“, и „черезъ всю зиму ажъ до великаго посту скитаясь, пришелъ въ такое конечное раскаяніе, что и паки быть мірскимъ пожелалъ“. И вотъ однажды онъ „въ лѣсѣ всю одежду монашескую... сбросилъ зъ себе и на огни попалилъ“, послѣ чего служилъ дьячкомъ въ с. Адамовкѣ. Начѣревшись жениться, Гученко почувствовалъ угрызенія совѣсти за самовольное оставленіе монашества и обратился за совѣтомъ, какъ ему быть, сперва къ своему приходскому священнику, а потомъ къ чигиринскому протопопу Гавріилу; тѣ успокоили его, сказавъ, что онъ, будучи только рясофорнымъ, имѣетъ право жениться. Когда ему предложено было священническое мѣсто, онъ вторично обратился за такимъ же совѣтомъ къ протопопу, и тотъ опять успокоилъ его. Гученко отправился въ Волощину и принялъ тамъ въ 1761 г. посвященіе, скрывъ при этомъ свое самовольное оставленіе монашества. Но чуткая совѣсть и теперь не давала ему покоя, такъ что онъ рѣшился обратиться съ искреннимъ раскаяніемъ къ преосвященному Гервасію. Въ своемъ донесеніи, послѣ изложенія всей предшествовавшей исторіи своей жизни, онъ писалъ: „чувствительно признавая передъ Господомъ Богомъ свой грѣхъ, и понынѣ усумнѣваюсь и не имѣю мирнія совѣсти, достойно ли принялъ и имѣю на себѣ чинъ священства.

Того ради нынѣ предъ вашимъ высокопреосвященствомъ, якъ предъ самымъ своимъ Создателемъ, съ истиннимъ сердца сокрушеніемъ и по самой чистой совѣсти о прописанномъ, мною нижайшимъ съ единаго малодушія содѣянномъ, грѣхѣ исповѣдаюсь и повергаюсь къ стопамъ вашего святительства, со слезами молю архипастырски наказать и помиловать“ [1]).

Наиболѣе циническое отношеніе къ своимъ обязанностямъ обнаруживалъ многочисленный классъ бѣглыхъ, бродячихъ, крестцовыхъ и другихъ безмѣстныхъ священниковъ, составлявшій одну изъ злѣйшихъ язвъ духовнаго сословія и демонстрировавшій собою всѣ пороки его въ крайней степени; духовная дѣятельность была доведена этимъ бродячимъ духовенствомъ до послѣдней степени матеріализаціи и самаго грубаго формализма. Основы для появленія безмѣстнаго духовенства естественно созданы были условіями церковной и государственной жизни. Количество причта обыкновенно рѣдко соотвѣтствовало величинѣ прихода, и весьма часто приходы оказывались не въ состояніи доставлять достаточно средствъ для содержанія всего наличнаго числа духовенства; вслѣдствіе этого, собравшись по нѣскольку человѣкъ въ одномъ приходѣ, священники и церковно-служители ссорились между собою, подкапывались другъ подъ друга, слали жалобы своему начальству. Все это заставляло многихъ уходить съ мѣста и искать себѣ куска хлѣба на сторонѣ. Строгіе „разборы“ XVIII в. также были отчасти причиною того, что множество лицъ духовнаго званія, спасаясь въ разныхъ трущебахъ и подвалахъ отъ народной переписи во время ревизій, странствовали потомъ по всей Россіи, не имѣя законныхъ видовъ и опредѣленныхъ занятій. Между такимъ бродячимъ духовенствомъ было не мало и заштатныхъ священниковъ. Законъ объ опредѣленіи ихъ на причетническія мѣста, до открытія штатной священнической вакансіи, безъ сомнѣнія, много содѣйствовалъ увеличенію числа бродячихъ поповъ. Но было много и другихъ причинъ, побуждавшихъ священниковъ скитаться по бѣлу свѣту, особенно священниковъ вдовыхъ, ничѣмъ не привязанныхъ къ опредѣленному мѣсту. Тяжесть наказаній за проступки, иногда самые незначительные, должна была дѣйствовать устрашающе на духовенство, и послѣднее, конечно, въ случаѣ какой-либо провинности, всячески старалось скрыться отъ грозившей жестокой кары. Чувствовавшіе за собой какую-либо вину священники убѣгали къ раскольникамъ-поповцамъ, которые принимали ихъ съ распростертыми объятіями, но не чуждались ихъ и православные. Послѣдніе вмѣсто того, чтобы обращаться къ штатному и законному

[1]) „Архивъ Ю.-З. Россіи“, ч. III, стр. 386—391.

священству, не пренебрегали, а во многихъ случаяхъ и предпочитали услуги перехожихъ поповъ, потому что эти были гораздо сговорчивѣе, брали дешевую плату и не стѣснялись никакими церковными канонами и правительственными распоряженіями при совершеніи требъ. Мѣстомъ сборища для переходящихъ священниковъ искони былъ такъ называемый крестецъ (перекрестокъ), выбираемый въ центрѣ города и на бойкомъ мѣстѣ.

Особенно много было такого крестцоваго духовенства въ Москвѣ; здѣсь оно собиралось для найма у Варваринскихъ и особенно у Спасскихъ воротъ. Митрополитъ московскій Амвросій (Зертисъ-Каменскій) въ такихъ чертахъ описываетъ крестцовое духовенство своего каѳедральнаго города: „Въ Москвѣ праздныхъ священниковъ и прочаго церковнаго причта людей премногое число шатается, которые, къ крайнему соблазну, стоя на Спасскомъ крестцѣ для найму къ служенію по церквамъ, великія дѣлаютъ безобразія, производятъ между собою торгъ и при убавкѣ другъ предъ другомъ цѣны, вмѣсто подлежащаго священнику благоговѣнія, произносятъ съ великою враждою сквернословную брань, иногда же дѣлаютъ и драку. А послѣ служенія, не имѣя собственнаго дому и пристанища, остальное время или по казеннымъ питейнымъ домамъ и харчевнямъ провождаютъ, или же, напившись до пьяна, по улицамъ безобразно скитаются“ [1]).

Бродячее и крестцовое духовенство еще съ XVI ст. стало обращать на себя вниманіе правительства и свѣтскаго, и духовнаго. Петръ I велѣлъ такихъ духовныхъ ловить и отсылать въ мѣсто жительства, а за укрывательство бѣглыхъ поповъ положилъ штрафъ. Въ 1732 г. этотъ штрафъ возвышенъ былъ до 50 руб. Въ 1755 г. относительно Петербурга, который, вмѣстѣ съ Москвою, былъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ бродячаго духовенства, сдѣлано было такое распоряженіе: „бродягъ (духовнаго званія), не имѣющихъ у себя паспортовъ, а хотя кто и имѣетъ, а въ надлежащихъ командахъ не явлены, имать и присылать въ Св. Синодъ, и для того объявить обывателямъ съ подписками, чтобы жители въ домахъ своихъ таковыхъ не держали“. Но бродячее духовенство продолжало существовать и въ царствованіе Екатерины II. Въ 1765 г. синодскимъ указомъ было подтверждено, чтобы никто не принималъ къ себѣ бродячихъ священнослужителей, подъ опасеніемъ штрафа въ 50 р., при чемъ поповъ велѣно представлять въ духовныя консисторіи. Въ 1772 г. снова подтверждено, чтобы бѣглыхъ поповъ не было, чтобы епархіальное начальство не отпускало священниковъ ни въ Петербургъ, ни въ Москву и чтобы имъ не священнодѣйствовать въ чужихъ епархіяхъ и

[1]) „Ист. Моск. еп. упр.“, ч. II, кн. I, стр. 196.

частныхъ домахъ. Несмотря на это, въ указѣ 1774 г. опять говорится, что „многіе изъ разныхъ епархій приходили въ С.-Петербургъ и Москву, исправляли въ домахъ крестовую службу и въ церквахъ по найму мѣстныхъ священниковъ всякое священнодѣйствіе, въ Москвѣ же для такого найму, подъ давнимъ названіемъ крестца, и публично во множественномъ числѣ собираться они дерзали"; поэтому снова рекомендуются строжайшія мѣры противъ увольняющихся и бѣжавшихъ поповъ. Вслѣдствіе этого указа, Московская консисторія принуждена была даже назначить постоянный караулъ у Спасскихъ воротъ изъ своихъ солдатъ и сосѣднихъ священниковъ, чтобы воспрепятствовать тутъ сборищамъ крестцоваго духовенства. Наконецъ, Св. Синодъ указомъ въ 1778 г., запрещая посвящать новыхъ священниковъ и дьяконовъ при жизни старыхъ, если послѣдніе не старѣе 60 лѣтъ и не подвержены болѣзнямъ, удостовѣряться въ чемъ архіереи обязывались лично,—предписывалъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы они при увольненіи за штатъ священниковъ и дьяконовъ, отбирали у нихъ ставленыя грамоты и запрещали имъ исправлять требы и даже служить литургіи безъ благословенія архіереевъ. Но конецъ бродяжничеству духовенства положенъ былъ митрополитомъ московскимъ Платономъ уже въ послѣдней четверти XVIII в., по крайней мѣрѣ въ Москвѣ [1]).

Послѣ преобразованія украинскихъ епархій всѣ эти мѣры прилагаемы были и къ тамошнему духовенству, между которымъ, бродяжничество развивалось, можно сказать, до чрезвычайныхъ размѣровъ. Священники часто ничѣмъ не отличались тамъ отъ бродячихъ вольныхъ дьячковъ, также ходили отъ парохіи къ парохіи, отыскивая мѣста, со своими ставленными грамотами, иногда очень сомнительнаго качества. Само епархіальное начальство поддерживало это бродяжничество, выдавая безмѣстнымъ попамъ грамоты безъ назначенія приходовъ, такъ называемыя „грамоты на пріисканіе мѣста". Получивъ такую грамоту, „дикій" (безприходный) попъ былъ воленъ отправляться на всѣ четыре стороны и приставать къ какой угодно парохіи. Духовный Регламентъ запретилъ эти грамоты, и онѣ почти вывелись въ Великороссіи, но уцѣлѣли въ украинскихъ епархіяхъ, вызываясь здѣсь практической необходимостью. Вслѣдствіе сильнаго развитія на Украйнѣ приходскихъ выборовъ, назначеніе безмѣстныхъ священниковъ къ опредѣленнымъ церквамъ въ большинствѣ случаевъ могло имѣть мѣсто только тогда, если такой священникъ сумѣетъ понравиться приходу; и вотъ, осаждаемые просьбами о мѣстахъ со стороны разныхъ безмѣстныхъ священнослужителей, напримѣръ, при-

[1]) „Чтенія въ общ. люб. дух. просв.", 1875, октябрь.

ходившихъ изъ польскихъ владѣній отъ притѣсненій католиковъ, или получившихъ санъ въ Молдавіи и Турціи отъ бродячихъ и небродячихъ греческихъ архіереевъ „про запасъ“ или „на вакансъ“, безъ назначенія храма, а также продавшихъ свою парохію другимъ, или изгнанныхъ изъ прихода громадою и т. п., архіереи украинскихъ епархій ничего инаго не могли сдѣлать съ этими просителями, какъ отправить ихъ самихъ искать себѣ мѣста съ дозволительной на то грамотой отъ каѳедры. Многіе бродили и безъ всякихъ грамотъ, уходя изъ бѣднаго прихода для наживанія копѣйки наемной службой въ Кіевѣ или въ Запорожьѣ, а то даже просто какой-нибудь физической работой. Пока такой священникъ гдѣ-нибудь косилъ или молотилъ, или ходилъ съ извозомъ, парохія его доставалась другому, а онъ и вовсе оставался безъ мѣста. Особенно часто пускались въ бродяжничество вдовые попы: освободясь отъ семьи, сдѣлавшись, что называется, вольнымъ казакомъ, такой вдовый священникъ шатался по деревнямъ, приставалъ въ городахъ къ цехамъ, въ Кіевѣ и Черниговѣ приставалъ къ бурсакамъ, распѣвая съ ними канты подъ окнами, участвуя въ бурсацкихъ шалостяхъ и попойкахъ, вообще „бурлакуя“, пока его не ворочали въ домъ мать, теща или дѣти, или пока самому не приходило въ голову пристать къ одному мѣсту и покаяться предъ епархіальнымъ начальствомъ [1]). Иногда бродячая жизнь до такой степени увлекала украинскихъ священниковъ, вкусившихъ ея воли, что они сами устранялись отъ служенія на какимъ-нибудь постоянномъ мѣстѣ, чувствуя непреодолимое влеченіе „погулять“. Таковъ былъ, напр., Юсковскій священникъ Іоаннъ Максимовъ, который время отъ времени отправлялся въ Сѣчь Запорожскую и тамъ „съ гуляющими козаками въ единой рубашки пьянствовалъ“, при чемъ запорожская жизнь, видимо, такъ ему понравилась, что онъ даже во время похороннаго провода „благословилъ жену, сказовая, сѣчовимъ благословеніемъ съ великимъ соблазномъ присутствующихъ людей и смѣхотвореніемъ“, а также въ церкви „при послѣднемъ цѣлованіи приходячихъ людей до креста многихъ тѣмъ же крестомъ по головамъ билъ, сказуя: знайте, что я запорожецъ“ [2]). Кадръ такихъ „волочащихся поповъ“, ни отъ кого независѣвшихъ, но зато по большей части никѣмъ не признанныхъ, все болѣе возрасталъ, такъ какъ ряды ихъ охотно пополнялись разными темными личностями, авантюристами, которыхъ въ то время не мало было въ пустынныхъ окраинахъ Польши и Украйны; нетрудно имъ было получать рукоположеніе „въ Волощинѣ“, а еще легче назваться „во-

[1]) „Очерки быта малор. дух. “ Крыжановскаго; „Приходское духовенство“ Знаменскаго.

[2]) Изъ дѣлъ кіевскаго консисторскаго архива.

лоскимъ рукоположенцемъ", смастеривши, при помощи свѣдущихъ людей, „грамоту на волоскомъ діалектѣ", который мало кто зналъ, и будучи на самомъ дѣлѣ самосвятомъ, совершать богослуженіе и таинства въ православныхъ приходахъ [1]).

Нравственный обликъ всего этого безмѣстнаго, бродячаго духовенства былъ слишкомъ отрицательнаго свойства. Это были въ полномъ смыслѣ слова отбросы общества, чрезвычайно легко смотрѣвшіе на жизнь, предававшіеся авантюрѣ съ какимъ-то безшабашнымъ увлеченіемъ, не останавливающіеся ни предъ какими средствами и обыкновенно кончавшіе очень плохо. Вотъ, напр., стереотипная біографія одного изъ такихъ бродячихъ поповъ Стефана Васильева. Сперва былъ онъ священникомъ при церкви Радовицкаго дѣвичьяго монастыря, Новгородской губ., но почему-то, оставивъ церковь, убѣжалъ въ столицу и отправлялъ здѣсь крестцовую службу безъ указа; за это и за другія „непотребныя дѣла" онъ лишенъ былъ сана и „по природѣ его" отосланъ въ приписной Ковалевъ монастырь въ крестьянство, но оттуда бѣжалъ въ Кронштадтъ, называясь священникомъ, служилъ и, когда былъ пойманъ, дѣлалъ на кронштадтскаго протопопа ложныя показанія. Въ 1732 г. онъ подалъ въ Синодъ доносъ на находившагося вмѣстѣ съ нимъ въ заключеніи колодника распопа Петра Іосифова, что тотъ хулилъ Синодъ и архіереевъ-малороссовъ. По суду тайной канцеляріи, Васильевъ былъ битъ кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланъ въ Охотскъ на вѣчныя каторжныя работы [2]).

А. И. Лотоцкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Переяславскій еп. Гервасій Линцевскій". С. Иваницкаго, 37.

[2]) Описаніе СПБургской епархіи, в. II, стр. 246; „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время", И. Чистовича, 509—510.

Изъ воспоминаній графа Валентина Эстергази[1]).

Графъ Валентинъ Эстергази, блиставшій при французскомъ дворѣ въ годы, предшествовавшіе великой французской революціи, происходилъ изъ богатаго и вліятельнаго рода венгерскихъ магнатовъ; его дѣдъ, графъ Антонъ, игралъ видную роль въ эпоху геройской борьбы венгерцевъ за независимость. Примкнувъ къ партіи „недовольныхъ“, онъ сражался подъ знаменами извѣстнаго предводителя мятежныхъ венгерцевъ — Ракоци и эмигрировалъ вмѣстѣ съ нимъ на островъ Родосъ, гдѣ и скончался. Сынъ графа Антона переселился во Францію, служилъ въ гусарскомъ полку, сформированномъ изъ венгерскихъ эмигрантовъ, и прожилъ во Франціи до революціи, когда онъ покинулъ эту страну навсегда.

Вспоминая, въ своихъ мемуарахъ, времена великой французской революціи, графъ Валентинъ говоритъ, что, бывъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ террора, онъ рѣшилъ не возвращаться болѣе въ Францію, которую считалъ нѣкогда своей второй родиной. Онъ сдержалъ слово: его потомки живы въ Венгріи понынѣ.

Во Франціи графъ Эстергази вступилъ въ военную службу и участвовалъ въ кампаніи 1757—1760 г. Въ то время, люди дѣлали карьеру съ головокружительной быстротой, и Эстергази, отличившись въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, былъ къ концу кампаніи произведенъ въ полковники, когда ему не было еще двадцати одного года; а по окончаніи военныхъ дѣйствій—онъ получилъ вновь сформиро-

---

[1]) Mémores du C—te Valentin Esterhazy. Paris.

ванный въ 1764 г. гусарскій полкъ, коимъ командовалъ въ теченіе двадцати шести лѣтъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ герцогъ Шуазель пригласилъ Эстергази къ себѣ и сказалъ:

— Я командировалъ нѣсколько офицеровъ въ Австрію и Пруссію съ порученіемъ доставить мнѣ свѣдѣнія о войскахъ; они собрали нужныя свѣдѣнія относительно пѣхоты и кавалеріи; но у меня нѣтъ ихъ о гусарахъ, я хочу поручить эту часть вамъ. Поѣзжайте въ Кассель, изучите тамъ все подробно, затѣмъ проѣдете въ Берлинъ и, собравъ свѣдѣнія, отправитесь въ Вѣну, гдѣ вамъ нетрудно будетъ получить у императора Іосифа позволеніе сопровождать его при объѣздѣ лагерей. Готовьтесь выѣзжать передъ Пасхой и возьмите съ собой одного изъ офицеровъ вашего полка.

По пріѣздѣ въ Потсдамъ, Эстергази написалъ принцу Ангальтскому, въ то время королевскому любимцу, который отвѣтилъ ему весьма вѣжливымъ письмомъ и посовѣтовалъ обратиться къ самому королю, что онъ и сдѣлалъ и въ тотъ же день былъ приглашенъ королевскимъ принцемъ (впослѣдствіи Фридрихъ Вильгельмъ II) къ ужину, а на утро онъ получилъ отъ короля отвѣтъ на свое письмо. Отвѣтъ былъ кратокъ.

„Пріѣзжайте въ Берлинъ; я буду радъ видѣть васъ. Фредрихъ“;

Окончивъ свою миссію въ Берлинѣ и побывавъ затѣмъ въ Саксоніи и въ Вѣнѣ, Эстергази, въ исходѣ 1769 года, возвратился во Францію.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1770 г. при (французскомъ) дворѣ произошли нѣкоторыя перемѣны. Г-жа Дюбарри, сложившая впослѣдствіи голову на гильотинѣ, была оффиціально признана любовницею короля; ея партія, которую поддерживалъ герцогъ Эгильонскій, находилась въ открытой оппозиціи съ партіей герцога Шуазеля. Этотъ министръ давно уже велъ переговоры о бракѣ дофина, внука короля, съ эрцгерцогиней австрійской Маріей-Антуанетой: и этотъ планъ былъ близокъ къ осуществленію. Герцогъ Шуазель предложилъ Эстергази отвезти въ Вѣну портретъ дофина, который онъ долженъ былъ лично передать французскому посланнику.

Будучи, по пріѣздѣ въ Вѣну, представленъ эрцгерцогинѣ и допущенъ въ ея интимный кругъ, онъ бывалъ каждый вечеръ на ея собраніяхъ. Милостивое отношеніе, какимъ она удостоила графа въ то время, не прекращалось до ея кончины, до того роковаго дня, 10 августа 1792 г., послѣдствія котораго легли на Францію несмываемымъ пятномъ, одно воспоминаніе о коемъ повергаетъ въ ужасъ, и внушило Эстергази такое отвращеніе къ Франціи, что послѣ этихъ страшныхъ событій онъ не могъ болѣе жить въ этой странѣ.

„Я присутствовалъ,—говоритъ онъ,—на всѣхъ торжествахъ, происходившихъ въ Вѣнѣ по случаю бракосочетанія Маріи-Антуанеты, участвовалъ на придворныхъ балахъ въ Бельведерѣ и во французскомъ посольствѣ во всѣхъ кадриляхъ. Провожая изъ Вѣны эту принцессу, которая должна была служить украшеніемъ великолѣпнѣйшаго трона въ мірѣ, я былъ далекъ отъ мысли, что ее ожидалъ эшафотъ.

Во время моей поѣздки въ Вѣну, вліяніе при французскомъ дворѣ г-жи Дюбарри еще болѣе упрочилось. Герцогъ Шуазель, въ исходѣ 1770 г., былъ высланъ въ Шантелу, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ герцогъ Эгильонъ, военнымъ министромъ Монтейнаръ, морскимъ—де-Бейне. Я былъ преданъ герцогу Шуазелю изъ чувства признательности и изъ личнаго расположенія. Его опала, опечалившая всѣхъ его друзей, доставила мнѣ большое огорченіе. Дворъ сдѣлался для меня совершенно чуждымъ, и я появлялся при немъ лишь изрѣдка, только на поклонъ къ супругѣ дофина, относившейся ко мнѣ по-прежнему весьма милостиво.

Въ ту зиму въ Парижѣ образовалось двѣ партіи: къ одной изъ нихъ принадлежали друзья герцога Шуазеля, къ другой—сторонники герцога Эгильона, принца Конде и всѣхъ тѣхъ, кои обращали свои взоры къ восходившему солнцу. Весьма странно, что первые пользовались въ обществѣ большой популярностью, были, такъ сказать, въ модѣ. Они присвоили себѣ право фрондировать при дворѣ, относились презрительно къ королю, высмѣивали вновь назначенныхъ министровъ. Съ этого времени пошли всѣ бѣдствія, постигшія Францію.

Фрондеры существовали во всѣ времена; надъ дворомъ и министрами всегда посмѣивались, но это рѣдко проходило безнаказанно. Въ былое время авторамъ злыхъ словечекъ и эпиграммъ приходилось прятаться, иначе они подвергались наказанію. Въ описываемое время, напротивъ, стало заслугой идти противъ двора, и было достаточно того, чтобы на просьбу о разрѣшеніи посѣтить въ Шантелу опальнаго герцога Шуазеля министръ отвѣтилъ, что эта просьба не понравилась королю, чтобы всякій, мало-мальски знавшій Шуазеля, счелъ долгомъ поѣхать къ нему.

По добротѣ короля или по слабости его характера, эта поѣздка была оффиціально разрѣшена нѣкоторымъ лицамъ, занимавшимъ извѣстныя должности при королѣ; любопытно, что тѣ именно лица, къ коимъ онъ относился лучше всего, одни изъ первыхъ выразили желаніе посѣтить Шуазеля.

Я провелъ у него декабрь мѣсяцъ 1769 и январь 1770 г.

Когда я ходатайствовалъ у военнаго министра о разрѣшеніи ѣхать въ Шантелу, онъ сказалъ мнѣ по обыкновенію:

— Это ваше дѣло, но королю это не понравится.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія, я получилъ письмо отъ г. Шабо, который совѣтовалъ мнѣ пріѣхать какъ можно скорѣе въ Парижъ, чтобы предотвратить ударъ, который собирался мнѣ нанести Монтейнаръ, предполагая реформировать мой полкъ. Министръ преслѣдовалъ всѣхъ, кто былъ преданъ Шуазелю.

Шабо присовокуплялъ въ своемъ письмѣ, что когда онъ попытался замолвить за меня слово, то министръ остался непреклоненъ и сказалъ:

— Зачѣмъ ему понадобилось ѣздить въ Шантелу?

Въ главѣ финансовъ стоялъ тогда Тюрго, человѣкъ добродѣтельный, честный, но болѣе теоретикъ, нежели практикъ; послѣдователь ученія экономистовъ, онъ заявилъ себя съ самаго начала сторонникомъ полной свободы хлѣбной торговли. Его враги, опасаясь, что ихъ имя будетъ замѣшано въ проектированныхъ имъ реформахъ, къ которымъ король видимо склонялся, воспользовались усиленнымъ вывозомъ зерноваго хлѣба, чтобы пустить слухъ о начавшемся голодѣ, напугать народъ и вызвать бунтъ. Слухъ этотъ быстро возымѣлъ желанныя послѣдствія. Народъ началъ грабить булочныя, задерживалъ суда, нагруженныя хлѣбомъ; тогда Тюрго потребовалъ присылки войска. Для усмиренія бунтовщиковъ была послана королевская гвардія; но многія изъ начальствующихъ лицъ были довольны вспыхнувшимъ бунтомъ, который могъ повлечь за собою паденіе человѣка и искоренить злоупотребленія.

Чтобы запугать окончательно короля, разграбили Версальскій рынокъ. Я былъ свидѣтелемъ этого разграбленія; это былъ одинъ смѣхъ. Женщины развязывали мѣшки съ мукой, накладывали муку въ передники и уносили ее. Если кто находилъ, что мѣшокъ слишкомъ тяжелъ, то половину содержимаго высыпали на улицу.

Мятежъ, начавшійся въ окрестностяхъ Парижа и быстро подавленный въ столицѣ, охватилъ вскорѣ провинцію, куда было двинуто войско, въ томъ числѣ и мой полкъ, посланный въ Шато-Тьери. Это было нѣчто въ родѣ карательной экспедиціи, посланной подъ командою маршала Бирона. Мнѣ было поручено наблюдать за рынками отъ Монмираля до Вервена. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ были маленькіе рынки, были разставлены незначительные отряды. Торговцамъ, привозившимъ на рынокъ зерно или муку, давались для охраны патрули.

Чтобы провести свой планъ, Тюрго отмѣнилъ между прочимъ принадлежавшее помѣщикамъ право на полученіе въ свою пользу извѣстнаго количества зерна, продаваемаго на рынкѣ въ ближайшемъ къ ихъ имѣнію городѣ. Это право считалось какъ бы платой за пользованіе рынкомъ, построеннымъ помѣщиками сообща для удобства

торговцевъ. Но это превратилось съ теченіемъ времени въ особый налогъ въ пользу помѣщиковъ, который Тюрго обѣщалъ отмѣнить. Другая мѣра, принятая министромъ, состояла въ томъ, что въ болѣе значительныхъ городахъ округа было закуплено извѣстное количество зерна, которое генеральному комиссару было предписано доставить на рынки, гдѣ ощущался полный недостатокъ зернового хлѣба, и продавать его жителямъ по доступной цѣнѣ. Эта мѣра держалась въ тайнѣ; къ ней предполагалось прибѣгнуть только въ случаѣ крайней необходимости.

Рынокъ въ Шато-Тьери былъ разграбленъ до прихода моего полка; фермеры не рѣшались везти зерно ни на этотъ, ни на сосѣдніе рынки. Я разставилъ, согласно полученнымъ мною инструкціямъ, свои маленькіе отряды въ окрестностяхъ, и хлѣбъ былъ доставленъ безпрепятственно. По деревнямъ мною были разосланы патрули съ цѣлью разъяснить крестьянамъ положеніе дѣлъ и успокоить ихъ. Во ввѣренномъ мнѣ раіонѣ, все обошлось благополучно. До моего пріѣзда появлялись какія-то неизвѣстныя лица, склонявшія народъ къ бунту, но при мнѣ объ этомъ болѣе не было слышно.

Въ теченіе зимы 1776 г. я часто бывалъ въ Версалѣ, почти всегда охотился вмѣстѣ съ королемъ и катался верхомъ съ королевой. По ея приглашенію, пріѣхалъ въ Версаль графъ Юлій Полиньякъ, съ которымъ она посовѣтовала мнѣ сблизиться. Мы часто проводили съ нимъ вечера у королевы или отправлялись вмѣстѣ въ театръ. Въ тотъ годъ посѣтилъ Парижъ императоръ австрійскій; онъ проводилъ иногда вечеръ у королевы вмѣстѣ съ графомъ Полиньякомъ, мною и съ герцогомъ Куаньи.

Весною, графъ Артуа, относившійся ко мнѣ весьма благосклонно, предложилъ мнѣ сопровождать его въ поѣздкѣ по королевству и объявилъ, что мы осмотримъ эскадру въ Брестѣ, откуда проѣдемъ вдоль берега въ Бордо и вернемся черезъ Туръ и Шантелу. Эта часть Франціи была мнѣ мало знакома, и я былъ въ восторгѣ отъ этой поѣздки.

Осенью умеръ Мюи, и на его мѣсто былъ назначенъ Сенъ-Жерменъ, хорошій служака, человѣкъ не глупый, но вздорный и неуживчивый. Онъ покинулъ Францію въ 1760 г. и жилъ съ тѣхъ поръ уединенно, всѣми забытый, въ маленькомъ городкѣ Эльзаса, не имѣя почти средствъ къ жизни. Будучи назначенъ военнымъ министромъ, онъ вздумалъ передѣлать все на свой ладъ; между прочимъ, рѣшилъ уничтожить гусаръ, преобразовавъ ихъ въ егерей. Я возсталъ противъ этого; королева была такъ добра, что приняла мою сторону, и гусаръ не тронули. Это возстановило противъ меня графа Сенъ-Жермена, и онъ вздумалъ, въ наказаніе, послать мой полкъ въ Монмеди—

одинъ изъ самыхъ непріятныхъ гарнизонныхъ городовъ Франціи. Въ окрестностяхъ его не было ни хорошей воды для лошадей, ни хорошаго пастбища, словомъ, туда никогда не ставили гусаръ.

Получивъ этотъ приказъ, который привелъ въ отчаяніе весь полкъ, я полетѣлъ въ Версаль и повѣдалъ свое горе королевѣ. Она сказала:

— Положитесь на меня. Вы услышите, что я скажу ему.

Королева велѣла просить министра къ себѣ, и когда онъ явился, воскликнула:

— Достаточно того, м. г., чтобы я приняла въ комъ-либо участіе, чтобы вы стали преслѣдовать этого человѣка. Почему посылаете вы полкъ Эстергази въ Монмеди, отвратительный гарнизонный городъ, гдѣ никогда не стоитъ кавалерія? Позаботьтесь о томъ, чтобы онъ былъ переведенъ въ другое мѣсто.

— Но, в. в.,—возразилъ министръ, дрожа отъ страха,—всѣ распоряженія уже сдѣланы, невозможно перемѣстить полкъ и тотчасъ назначить на его мѣсто другой.

— Какъ знаете, только постарайтесь, чтобъ г. Эстергази былъ доволенъ, и доложите мнѣ о томъ, что будетъ вами сдѣлано.

Королева повернулась къ нему спиною и прошла въ кабинетъ, гдѣ я ее ожидалъ и откуда слышалъ весь разговоръ. Въ тотъ же вечеръ я зашелъ къ министру; онъ меня не принялъ, велѣвъ сказать, что онъ боленъ, и пришлетъ ко мнѣ на другой день Давранжа. Это былъ завѣдующій передвиженіемъ войскъ.

На другой день Давранжъ дѣйствительно явился и принесъ мнѣ списокъ вакантныхъ гарнизоновъ; всѣ были не завидны. Я сказалъ, что прошу дать мнѣ время на размышленіе, что я пошлю осмотрѣть гарнизоны и сдѣлаю выборъ. Я написалъ въ полкъ и, согласно съ полученными мною свѣдѣніями, избралъ Рокруа, но мнѣ обѣщали, что полкъ останется тамъ не болѣе года, а затѣмъ будетъ перемѣщенъ въ Мецъ—лучшій гарнизонный городъ Франціи.

Сенъ-Жерменъ доложилъ королевѣ, что я доволенъ, но съ тѣхъ поръ избѣгалъ встрѣчаться со мною.

Въ 1788 г. положеніе дѣлъ во Франціи значительно ухудшилось. Въ Бретани и Дофине начались волненія. Финансы были разстроены; нотабли, созванные въ 1786 г., были распущены архіепископомъ Тулузскимъ [1]).

Не обладая нужнымъ талантомъ для того, чтобы противостоять надвигавшейся грозѣ, этотъ министръ возвѣщалъ о принятіи суровыхъ мѣръ, которыя онъ не былъ въ состояніи провести въ жизнь. По его совѣту, король сдѣлалъ неосторожные шаги; таково было его

---

[1]) Ломени де-Бріеннъ, фр. кардиналъ и министръ. † 1794 г.

личное присутствіе въ парламентѣ, высылка герцога Орлеанскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, что̀ вызвало къ нимъ сочувствіе со стороны всѣхъ враговъ большаго двора. Парламентъ выказалъ свою ненависть къ Маріи-Антуанетѣ въ дѣлѣ кардинала Рогана, которому баронъ Бретейль придалъ нежелательный смыслъ, скомпрометтировавъ королеву.

Видя, что всѣ его планы рушатся и что денегъ не хватаетъ даже на уплату жалованья солдатамъ, архіепископъ, способности котораго были ниже той репутаціи, которую онъ пріобрѣлъ въ обществѣ, рѣшительно не зналъ, что предпринять; онъ подалъ въ отставку, предложивъ въ замѣстители себѣ Неккера. Невѣжду замѣнилъ шарлатанъ. Эти два человѣка, навѣрно, будутъ строго осуждены потомствомъ, такъ какъ они были виновниками всѣхъ бѣдствій, постигшихъ управляемую ими страну. Такъ какъ я зналъ ихъ лично и близко стоялъ въ то время, по своему служебному положенію, къ административнымъ сферамъ, то я опишу ихъ такъ, какъ я ихъ понималъ, стараясь быть безпристрастнымъ.

Архіепископъ былъ уменъ; онъ выказалъ свои способности еще въ то время, когда онъ былъ простымъ священникомъ и прославился краснорѣчіемъ, какъ духовный ораторъ; впрочемъ, въ его религіозныя убѣжденія никто не вѣрилъ. Онъ защищалъ аббата де-Прода, диссертація коего была осуждена. Его нравы были такъ же небезупречны, какъ и его убѣжденія, а его увлеченіе современной философіей, коимъ онъ хвасталъ, заставляло сомнѣваться въ искренности его вѣры. Но все это сглаживалось безукоризненной внѣшностью, широкой благотворительностью и заботами объ основаніи благотворительныхъ учрежденій, полезныхъ для народа. Архіепископъ очень дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ, друзья считали его человѣкомъ свѣдущимъ въ финансахъ и администраціи, который одинъ могъ возстановить въ королевствѣ порядокъ.

Что касается меня, то я считалъ его безхарактернымъ, неспособнымъ справиться съ непредвидѣнными обстоятельствами, которыя постоянно возникаютъ при управленіи государствомъ; къ тому же онъ былъ лишенъ творческой фантазіи и присвоивалъ себѣ чужія мысли. Деспотъ въ душѣ, онъ всегда имѣлъ на устахъ свободолюбивыя изреченія философовъ. Робкій и недальновидный, высказавъ однажды, какъ непреложную истину, что генеральные штаты погубятъ Францію, онъ самъ убѣдилъ короля обѣщать всенародно, что штаты будутъ созваны черезъ три года, въ надеждѣ, что, имѣя въ запасѣ время, удастся избѣжать ихъ созыва и что тѣ, кои этого требовали удовлетворятся однимъ обѣщаніемъ. Онъ плохо зналъ людей и судилъ объ нихъ по окружающимъ, въ числѣ коихъ было не мало

льстецовъ, надѣявшихся получить по его протекціи должности и мѣста.

Не знаю, къ какой категоріи людей отнести аббата Вермона, который наиболѣе способствовалъ возвышенію архіепископа. Когда зашла рѣчь о бракѣ дофина, Людовика XVI, съ эрцгерцогиней австрійской, этотъ аббатъ былъ посланъ, по совѣту архіепископа, въ Вѣну, въ качествѣ духовника и наставника молодой принцессы, которой было бы не совсѣмъ удобно пріѣхать къ французскому двору въ то время, когда тамъ блистала г-жа Дюбарри, со строгими принципами набожности, коихъ придерживались въ Вѣнѣ въ послѣдніе годы жизни императрицы Маріи-Терезіи.

Выборъ аббата оказался весьма удачнымъ. Простой, скромный, нечестолюбивый и не особенно умный, но хорошо образованный, снисходительный, любившій уединенную жизнь, ни во что не вмѣшивавшійся, онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на принцессу, которая во всемъ совѣтовалась съ нимъ и питала къ нему величайшее довѣріе. Отказавшись отъ епископства, онъ снискалъ этимъ репутацію человѣка безкорыстнаго; врагамъ не удалось погубить его. Пользуясь своимъ вліяніемъ на королеву, аббату удалось, въ началѣ царствованія Людовика XVI, выхлопотать значительныя милости для нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей; онъ этимъ удовлетворился и рѣшительно отказывался впослѣдствіи о чемъ-либо ходатайствовать у Маріи Антуанеты, но часто давалъ ей полезные совѣты. Преданный архіепископу Тулузскому, онъ говорилъ объ немъ всегда съ большой похвалою, какъ о единственномъ человѣкѣ, который могъ управлять королевствомъ, и дурно отзывался обо всѣхъ, коихъ общественное мнѣніе называло его соперниками.

Къ числу таковыхъ лицъ принадлежалъ Калоннъ, у котораго было много друзей, въ особенности среди дѣльцовъ финансоваго міра.

Престарѣлый Морепа, призвавъ къ управленію финансами Неккера, довольно скоро уволилъ его отъ этой должности. Послѣ смерти Морепа, генералъ-контролеромъ былъ назначенъ Жоли де-Флери, человѣкъ умный, хотя сомнительной честности и совершенный невѣжда въ финансовыхъ дѣлахъ; онъ надѣлалъ въ этой сферѣ не мало глупостей и ошибокъ.

Въ это время французскіе финансы находились въ самомъ плачевномъ состояніи; расходы государства превышали доходы.

Увеличить налоги было немыслимо. Неккеръ, доведя разорительную систему займовъ до крайнихъ предѣловъ, не успѣлъ установить болѣе раціональной системы финансоваго управленія и провести необходимыя реформы. Учетному банку грозило банкротство, которое повлекло бы за собою всеобщій крахъ. Денежные тузы заволнова-

лись. Королю намекнули на угрожавшую опасность и указали на Калонна, какъ на единственнаго человѣка, который могъ бы направить дѣла на болѣе правильный путь.

Ставъ въ главѣ финансовъ въ 1783 г., Калоннъ скоро убѣдился, что, для приведенія дѣлъ въ порядокъ, нужны были чрезвычайныя мѣры. Онъ хотѣлъ добиться того, чтобы духовенство, подобно всѣмъ остальнымъ, платило налоги, чтобы дворяне были лишены своихъ привилегій, хотѣлъ обложить повинностями землевладѣльцевъ, установить налогъ на гербовую бумагу и т. д.

Я не стану оспаривать пользы этихъ мѣръ, скажу только, что король не счелъ возможнымъ осуществить ихъ; тогда Калоннъ предложилъ созвать собраніе нотаблей.

Крупные землевладѣльцы, епископы, служащіе всѣхъ высшихъ учрежденій, мэры большихъ городовъ были созваны, по повелѣнію короля, на совѣщаніе въ Версаль. Было организовано нѣсколько бюро, во главѣ которыхъ стали братья короля и принцы крови. Въ этихъ бюро обсуждались планы реформъ и интриговали. Философы, желая провести въ министры архіепископа Тулузскаго, разжигали страсти. Сторонники свободы, поддерживая мятежныхъ подданныхъ противъ монарха, возлагали всѣ свои надежды на революцію, которая готова была вспыхнуть во Франціи, и подстрекали нотаблей объявить, что, не будучи избранниками народа, они не имѣли права вотировать новыхъ налоговъ. Словомъ, Калоннъ потерпѣлъ полное фіаско, не успѣвъ даже подробно выработать свой планъ. Архіепископъ торжествовалъ и распустилъ нотаблей, когда разсмотрѣніе дѣлъ еще не было окончено.

Въ это время скончался министръ иностранныхъ дѣлъ Девержень, къ которому Людовикъ XVI питалъ особое довѣріе; хотя это былъ человѣкъ малоспособный и съ узкими взглядами, но по крайней мѣрѣ онъ имѣлъ ясное представленіе о политической системѣ европейскихъ державъ. Его преемникъ, графъ Монморенъ, не имѣлъ качествъ, потребныхъ для того, чтобы занимать столь отвѣтственный постъ. Король желалъ добра народу, но не имѣлъ достаточно твердости, чтобы осуществить свои желанія и при назначеніи должностныхъ лицъ былъ игрушкою въ рукахъ интригановъ. Неудачный выборъ лицъ, назначенныхъ имъ лично, еще болѣе увеличилъ неувѣренность короля въ правильности своего сужденія и заставилъ его вполнѣ положиться на мнѣніе окружающихъ.

Архіепископъ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы занять мѣсто перваго министра.

Въ 1788 г. во главѣ финансовъ стоялъ, какъ я уже говорилъ, Неккеръ. Уроженецъ Женевы, начавшій свою карьеру простымъ служащимъ банка, онъ пріобрѣлъ извѣстность похвальнымъ словомъ

Кольберу и нѣсколькими сочиненіями, направленными противъ Тюрго и экономистовъ. Его жена держала салонъ, въ которомъ собирались самые образованные и извѣстные люди Парижа.

Выдающійся умъ быстро выдвинулъ Неккера на видный постъ. Его республиканскіе пріемы, краснорѣчіе, хвалебные гимны добродѣтели, отчасти мода, создали ему, быть можетъ, вполнѣ заслуженно восторженныхъ поклонниковъ. Но непомѣрное самолюбіе и кредитъ, открытый ему банкирами и капиталистами, вскружили ему голову, онъ мечталъ попасть въ совѣтъ и стать ближайшимъ совѣтникомъ короля.

Представленный Неккеромъ въ 1781 г. Compte rendu (отчетъ о финансахъ), въ которомъ онъ указалъ на новые источники доходовъ, создалъ ему много сторонниковъ. Число ихъ было бы еще больше, если бы не объяснительная записка, составленная имъ для короля, въ которой онъ говорилъ много дурнаго о парламентскихъ дѣятеляхъ и финансистахъ, что вооружило противъ него этихъ господъ. Къ нимъ присоединился Морепа, убѣжденный защитникъ парламентаризма, и Неккеру, какъ протестанту, былъ закрытъ доступъ въ совѣтъ. Не пожелавъ перемѣнить вѣру, онъ оставилъ тогда свой постъ. Его мѣсто занимали послѣдовательно Флери, Дормессонъ, Калоннъ и Дебріенъ, архіепископъ Тулузскій. Оставшись не у дѣлъ, Неккеръ старался однако, чтобы объ немъ не забыли. Онъ написалъ сочиненіе о французскихъ финансахъ, въ которомъ было много дѣльныхъ и правдивыхъ замѣчаній, каковыя могъ сдѣлать только человѣкъ, стоявшій во главѣ финансовъ. Защищая свой Compte rendu, на который Калоннъ нападалъ, онъ вступилъ съ нимъ въ полемику, и Калоннъ, придравшись къ довольно рѣзкимъ фразамъ, которыя позволилъ себѣ Неккеръ, добился того, что онъ былъ высланъ изъ Франціи. Преслѣдованіе только увеличило популярность Неккера и число его сторонниковъ. Когда онъ сталъ вторично во главѣ финансовъ, его самолюбіе и самомнѣніе достигли крайнихъ предѣловъ. Я убѣжденъ, что, желая болѣе зависѣть отъ воли короля, онъ задумалъ тогда же сдѣлаться министромъ, по избранію народа, хотя бы вопреки волѣ короля. Только этимъ можно объяснить, по моему мнѣнію, его преступный образъ дѣйствій въ 1789 г., до созванія генеральныхъ штатовъ и во время ихъ открытія.

Очутившись снова у власти, Неккеръ созвалъ нотаблей, не съ той цѣлью, чтобы выслушать ихъ мнѣніе, а для того, чтобы заставить ихъ высказаться за необходимость созвать генеральные штаты ранѣе срока, назначеннаго архіепископомъ, который въ то время уже былъ кардиналомъ.

Вскорѣ послѣ обнародованія правилъ о созывѣ штатовъ, въ которыхъ

было значительно усилено третье сословіе, я отправился въ Валансіенъ, чтобы слѣдить за ходомъ выборовъ и поддерживать порядокъ. Хотя народъ былъ настроенъ довольно мирно, но выборы вызвали повсемѣстно жажду реформъ. Духовенство не избрало ни одного аббата; его представителями явились приходскіе священники.

Тѣмъ временемъ парижская чернь вооружилась, разграбила складъ оружія и овладѣла Бастиліей, убивъ губернатора. Въ Ратушѣ былъ убитъ староста купеческаго сословія.

Чернь, опьянѣвъ отъ вина и крови, носила головы своихъ жертвъ по Парижу.

Испуганный король, пріѣхавъ въ Національное Собраніе въ сопровожденіи своихъ братьевъ, обѣщалъ исполнить все, чего требовалъ народъ, и далъ слово пріѣхать на слѣдующій день въ Парижъ, гдѣ онъ долженъ былъ санкціонировать эти мятежныя требованія своимъ одобреніемъ.

Хотя подробности этихъ событій приводятся во всѣхъ разсказахъ о той эпохѣ, но я долженъ вернуться нѣсколько назадъ, чтобы дать понять, какія пагубныя послѣдствія имѣла слабость короля и его нерѣшительность.

Послѣ извѣстной сцены, разыгравшейся въ Версальскомъ манежѣ, Національное Собраніе нарушало постоянно прерогативы королевской власти. Неккеръ стоялъ за необходимость пойти на уступки.

Власть короля сдѣлалась ничтожной, и онъ рѣшилъ уволить въ отставку министра, который поощрялъ своимъ поведеніемъ народъ въ противодѣйствіи королю и, добившись огромнаго вліянія, уничтожилъ фактически королевскую власть.

Неккеръ былъ уволенъ въ отставку, но его замѣститель не принялъ необходимыхъ мѣръ предосторожности. Въ Версалѣ не было денегъ; онѣ находились въ Парижѣ. Французская гвардія была подкуплена; войско, сосредоточенное въ окрестностяхъ Парижа небольшими отрядами, было слабо во всѣхъ пунктахъ, и революціонеры легко могли склонить его на свою сторону, пустивъ въ ходъ деньги, вино и вліяніе женщинъ.

Революціонеры не пренебрегали ничѣмъ. Мирабо, талантливый, даже геніальный, но безпринципный негодяй, избѣгшій кары закона, коимъ онъ былъ дважды осужденъ, и Лакло, человѣкъ высокаго ума, знавшій людей съ ихъ дурной стороны, знавшій, на что они способны въ погонѣ за властью, вполнѣ овладѣли герцогомъ Орлеанскимъ, человѣкомъ безнравственнымъ, распутнымъ, сдѣлавшимся честолюбцемъ съ того момента, какъ дворъ пересталъ оказывать ему должное почтеніе.

На него имѣла огромное вліяніе г-жа Жанлисъ, умная, небезприн-

ципная интриганка, сочетавшая величайшее лицемѣріе со всевозможными пороками. Она толкала его къ мятежу. Но, трусливый отъ природы, онъ не могъ играть той роли, какую ей хотѣлось. Въ числѣ его недостойныхъ совѣтниковъ былъ еще одинъ аббатъ, убѣжденный врагъ всякой предержащей власти, ни во что не вѣрившій и питавшій честолюбивую мечту ниспровергнуть монархію и уничтожить религію.

Всѣ эти приближенныя къ герцогу Орлеанскому лица не питали другъ къ другу ни малѣйшей любви, всѣ они ненавидѣли герцога Орлеанскаго. Но его имя и деньги были имъ нужны для того, чтобы подкупить войско, чтобы имѣть на своей сторонѣ всю Францію; двѣ вещи, безъ коихъ переворотъ, совершенный въ Парижѣ, не могъ имѣть рѣшающаго значенія. Взрывъ народныхъ страстей подготовлялся съ зимы.

Дороговизна зернового хлѣба дала герцогу Орлеанскому возможность достигнуть популярности, раздавая народу щедрыя благодѣянія.

Неккеръ преслѣдовалъ ту же цѣль отъ имени короля, приступивъ къ общественнымъ работамъ, которыя привлекли въ Парижъ не мало постороннихъ рукъ. Весь этотъ пришлый элементъ могъ быть въ распоряженіи министра и вообще всякаго, кто имѣлъ бы возможность заплатить за услугу.

Начавшееся народное движеніе заставило правительство стянуть къ Парижу войска. Но Неккеръ, не одобрявшій эту мѣру, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій для обезпеченія войска продовольствіемъ. Онъ былъ противъ мысли созвать генеральные штаты въ Реймсѣ или Турѣ; король уступилъ министру, хотя ему указывали на то, что было опасно сосредоточивать войско въ большомъ городѣ, гдѣ чернь представляла изъ себя огромную силу. Неккеръ думалъ въ случаѣ надобности воспользоваться этой чернью; въ особенности онъ возлагалъ надежды на банкировъ и ажіатеровъ, коими кишѣла столица. Наконецъ, желая показать, что онъ дѣлаетъ какую-то уступку, Неккеръ согласился на то, чтобы генеральные штаты были созваны въ Версалѣ. Король думалъ, что этимъ все спасено, но революціонеры постарались совратить жителей Версаля; это оказалось нетрудно.

Таково было положеніе Парижа, когда разнеслась вѣсть объ отставкѣ Неккера. Народъ тотчасъ заволновался, сталъ собираться, досталъ въ одномъ магазинѣ бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго и понесъ ихъ торжественно по улицамъ. Загудѣлъ набатъ; французская королевская гвардія взялась за оружіе.

Вынужденный остаться въ Валансьенѣ для того, чтобы выписать зерно изъ-за границы и поддержать порядокъ, я тщетно просилъ уволить меня въ отпускъ.

Вечеромъ, 15 августа, ко мнѣ явился одинъ драгунъ, уволенный по моему ходатайству въ отставку; онъ просилъ позволеніе видѣть меня наединѣ. Этотъ драгунъ только-что прибылъ изъ Парижа, откуда онъ выѣхалъ наканунѣ съ однимъ офицеромъ французской гвардіи. Имъ пришлось идти пѣшкомъ до Бурже; только тамъ имъ удалось достать лошадей. Онъ разсказалъ мнѣ, что изъ Парижа никого не выпускали, и сообщилъ подробности взятія Бастиліи.

Въ первый моментъ я не совсѣмъ повѣрилъ его разсказу, но онъ передавалъ мнѣ такія подробности, утверждая, что онъ самъ видѣлъ головы несчастныхъ жертвъ, когда ихъ несли въ Пале-Рояль, что сомнѣній быть не могло.

Въ Валансьенѣ, 16-го числа, все было спокойно; революціонные агенты всячески старались возбудить народъ, но всѣ ихъ усилія были тщетны, и чрезъ этотъ городъ благополучно прослѣдовали всѣ бѣжавшіе изъ Франціи эмигранты. Нѣкоторые изъ эмигрантовъ даже останавливались не на долго въ городѣ, что очень встревожило революціонеровъ.

Жамаръ сыпалъ деньгами, данными ему герцогомъ Орлеанскимъ, и чернь заволновалась. Чтобы сдержать ее, я приказалъ выставить на городской площади два орудія. Къ несчастью, нѣкоторые офицеры оказались на сторонѣ революціонеровъ; хуже всего было то, что я не зналъ, на кого можно было положиться.

Парижъ еще не успокоился; тамъ былъ арестованъ баронъ Безенваль, и вооруженный народъ могъ, съ минуты на минуту, совершить новые ужасы. Чернь уже повѣсила Фулона, котораго она розыскала и захватила въ его имѣніи. Та же участь постигла его зятя, Бертье. Лафайетъ и мэръ г. Парижа не только допустили эти злодѣянія, но даже поощряли ихъ, думая запугать дворъ и придворную партію, ослабленную тѣмъ, что многія лица изъ ея среды бѣжали.

Мною было получено приказаніе, чтобы войско присягнуло королю и народу, и велѣно было слѣдить за тѣмъ, чтобы граждане не подвергались репрессіямъ иначе какъ по суду. Наканунѣ дня, назначеннаго для присяги, часть карабинеровъ ушла за городъ, гдѣ ихъ угощали въ харчевнѣ виномъ и раздавали имъ кокарды національныхъ цвѣтовъ. Я узналъ, что былъ проектъ навязать гарнизону кокарду, помимо меня. Во избѣжаніе этого я отправился въ Ратушу и предложилъ чинамъ муниципалитета роздать войску новую кокарду до принесенія присяги и разрѣшить гарнизону носить ее. Такъ и было рѣшено. На маленькіе безпорядки, происшедшіе наканунѣ присяги, было рѣшено не обращать вниманія.

Церемонія присяги прошла чинно и благопристойно, но вечеромъ

начался разгулъ, и мы избѣгли прискорбныхъ событій, только благодаря тому, что по городу разъѣзжали усиленные патрули и были приняты мѣры предосторожности.

По улицамъ бѣгали пьяные солдаты, крича, что меня слѣдуетъ повѣсить, что народу не нужны коменданты. Въ нѣсколькихъ кабакахъ, гдѣ хозяева были подкуплены герцогомъ Орлеанскимъ, поили солдатъ, поощряя ихъ къ бунту. Къ счастью, Вобанъ, Ферзенъ и Шомбергъ ничего не предприняли и ночь прошла спокойно. Но на слѣдующее утро, всѣ солдаты Орлеанскаго полка ушли въ предмѣстье, въ кабаки, гдѣ ихъ поили и кормили даромъ. Они поспѣшили увѣдомить объ этомъ другія войсковыя части. Стража, стоявшая у городскихъ воротъ, коей было запрещено стрѣлять, была оттѣснена, и почти весь гарнизонъ ушелъ за городъ, чтобы воспользоваться тѣмъ, что солдаты называли благодѣяніемъ народа.

Мое положеніе было весьма затруднительное. Войско было объято духомъ мятежа, а я не имѣлъ никакой возможности прибѣгнуть къ строгости. Съ одной стороны, я былъ увѣренъ, что мои приказанія не будутъ исполнены, съ другой — не подлежало сомнѣнію, что военный министръ, какъ человѣкъ слабый, всецѣло подпавшій подъ вліяніе своего сына—отъявленнаго демократа, не одобрилъ бы строгихъ мѣръ и что это было бы поставлено мнѣ въ вину. Поэтому я рѣшилъ снять отъ городскихъ воротъ стражу, оставивъ при нихъ только національную гвардію, которой я не имѣлъ права отдавать никакихъ приказаній.

Солдаты, какъ я и предвидѣлъ, предались разгулу; разграбили въ городѣ нѣсколько домовъ, захватили съѣстные припасы и напитки, разукрасились лентами національныхъ цвѣтовъ и разбрелись по окрестностямъ, предавшись всѣмъ излишествамъ пьянства и разврата.

Я провелъ всю ночь верхомъ на улицахъ. Онѣ были пустынны, только кое-гдѣ попадались толпы пьяныхъ, громко распѣвавшихъ пѣсни. Всѣ благоразумные люди попрятались по домамъ; члены муниципалитета засѣдали въ Ратушѣ всю ночь; назавтра ожидали чрезвычайныхъ событій.

На разсвѣтѣ ко мнѣ явились крестьяне съ просьбою дать имъ вооруженную силу въ помощь противъ безчинствовавшихъ солдатъ; я направилъ ихъ въ Ратушу.

Часовъ около одиннадцати, члены муниципалитета прислали ко мнѣ депутацію, требуя помощи противъ разбунтовавшейся черни. Я поѣхалъ въ Ратушу и сталъ доказывать членамъ муниципалитета, что граждане сами потворствовали разгулу, и что я имѣлъ весьма мало средствъ, чтобы успокоить чернь, тѣмъ не менѣе я обѣщалъ имъ попытаться возстановить порядокъ въ окрестностяхъ, если они возьмутся поддержать спокойствіе въ самомъ городѣ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи весьма мало войска, я могъ взять на себя только охрану укрѣпленій и королевскихъ складовъ. Я просилъ муниципалитетъ поддержать мой авторитетъ, ибо иначе я не могъ бы подавить разнузданность толпы, что несомнѣнно имѣло бы для города самыя печальныя послѣдствія, если бы я не приказалъ въ видахъ осторожности, отворить городскія ворота.

По деревнямъ солдаты были вездѣ больны съ перепоя. Они избили многихъ крестьянъ. Повсюду виднѣлись слѣды погрома. Но солдаты оказались столь покорны, что, по первому моему требованію, преспокойно направились въ городъ; полтораста человѣкъ шло подъ конвоемъ двухъ драгунъ, какъ стадо овецъ. Вечеромъ, на перекличкѣ не доставало всего двухъ человѣкъ.

Революціонеры, видимо испугавшись послѣдствій своего поведенія, вели себя въ тотъ день благоразумнѣе, все вошло въ обычную колею: король приказалъ выяснить цифру убытковъ, которая была опредѣлена въ 45 тысячъ ливровъ; онъ обѣщалъ возмѣстить ихъ на счетъ казны.

Министръ одобрилъ мой образъ дѣйствій и настоятельно просилъ меня не компрометтировать его передъ Національнымъ Собраніемъ злоупотребляя властью, коей я былъ облеченъ, что было бы въ данный моментъ опасно.

Въ самомъ дѣлѣ, своеволіе и разнузданность обуяли всѣхъ. Въ Маріенбургѣ, въ небольшомъ городкѣ, въ 27 лье отъ Валансіена, мятежники разогнали членовъ муниципальнаго совѣта и разграбили дома. Потерпѣвшіе обратились къ начальнику Авенскаго маршальства, который приказалъ въ ночь арестовать виновныхъ и препроводить въ тюрьму. Донося объ этомъ, онъ прислалъ мнѣ протоколы, изъ коихъ было видно, что онъ дѣйствовалъ согласно моимъ приказаніямъ. Но родственники заключенныхъ или, быть можетъ, тѣ, кои подстрекали народъ къ бунту, жаловались на злоупотребленія властей. На меня была подана въ Національное Собраніе жалоба; меня обвиняли въ томъ, что я оторвалъ отцовъ отъ домашняго очага и заключилъ въ оковы гражданъ, единственная вина которыхъ заключалась въ ихъ приверженности къ новой конституціи. Нѣкоторые изъ членовъ Собранія полагали, что меня слѣдуетъ наказать, другіе требовали, чтобы я далъ отчетъ Національному Собранію въ своемъ поведеніи и былъ преданъ суду. Мои друзья пытались защитить меня и требовали, чтобы я былъ допрошенъ до преданія меня суду; но на ихъ просьбу не было обращено вниманія, и я былъ бы вѣроятно присужденъ къ наказанію, если бы Дарси, ярый демократъ, котораго я зналъ лично, не выступилъ защитникомъ принципа, что гражданинъ долженъ быть допрошенъ до преданія его суду. Его мнѣніе восторг-

жествовало къ великому неудовольствію нѣкоторыхъ лицъ, разсчитывавшихъ погубить меня. Разсмотрѣніе моего дѣла было отложено на пятнадцатое число.

Мнѣ было не трудно доказать всю ложность обвиненія. Въ тотъ день, когда солдаты были арестованы въ Валансіенѣ въ одиннадцать часовъ вечера, я отдалъ пароль въ восемь часовъ; слѣдовательно, это приказаніе не могло исходить отъ меня. Они были арестованы, по приговору судьи по жалобѣ потерпѣвшихъ, безъ моего вѣдома; это было видно изъ протокола, полученнаго мною день спустя. Я препроводилъ эти оправдательные документы предсѣдателю Національнаго Собранія и копіи съ нихъ—министрамъ: военному и юстиціи, тѣмъ журналистамъ, которые ополчились противъ меня и всѣмъ, кто защищалъ меня, не зная хорошенько сущности дѣла. Затѣмъ, я приказалъ отпечатать эти копіи въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ, которые были распространены въ публикѣ. Это заставило смолкнуть моихъ недоброжелателей.

Въ началѣ 1790 г., явилось изъ Парижа, въ Рокруа одно частное лицо и начало агитировать въ пользу того, чтобы ближайшія къ городу коммуны потребовали обратно участки земли, уступленные ими мнѣ лично и моему полку. Въ первый моментъ населеніе встрѣтило агитатора враждебно. Мѣстные жители говорили, что въ то время, когда эти земли были отданы въ мое владѣніе, онѣ были необработаны, что мною были затрачены на ихъ обработку большія деньги, и, что за тѣ одиннадцать лѣтъ, которыя мой полкъ стоялъ въ городѣ, я успѣлъ прекрасно воздѣлать землю. Агитаторъ уѣхалъ, ничего не добившись, но вскорѣ вернулся съ полномочіемъ снести всѣ возведенныя мною постройки, и, чтобы добиться своего, сталъ щедро раздавать привезенныя имъ деньги. Явившись съ толпою крестьянъ, онъ приказалъ имъ разнести домъ садовника, баню, срѣзать питомникъ. Эта потеря была для меня очень чувствительна, хотя я успѣлъ увезти въ Валансіенъ свою мебель и книги. Я могъ еще помириться съ потерею мѣста, но уничтоженіе сада, коимъ я занимался въ теченіе одиннадцати лѣтъ, и на который я затратилъ средства, глубоко опечалило меня.

Такъ какъ я встрѣчалъ постоянно со стороны горожанъ и окрестныхъ жителей самое дружеское расположеніе, то я хотѣлъ доказать имъ свое довѣріе, поселившись за городомъ, и просилъ барона Недонтеля отдать мнѣ въ аренду его имѣніе „Jolimay“, въ которомъ онъ не жилъ; онъ изъявилъ на это свое согласіе. Но когда я послалъ туда своего дворецкаго осмотрѣть помѣщеніе, то онъ встрѣтилъ со-

противленіе со стороны привратника, а уполномоченный барона высказалъ опасеніе, какъ бы имуществу его хозяина не угрожала опасность, если я поселюсь въ его домѣ. Поэтому я отказался отъ этой мысли; но такъ какъ я уже заявилъ всѣмъ о томъ, что я выѣзжаю временно изъ города, то перемѣнить свое рѣшеніе значило бы выказать трусость; но я ничего не боялся и, главное, не долженъ былъ показывать вида, что я чего-либо боюсь. Поэтому, я сталъ пріискивать другую дачу; г-жа де-Круа предложила мнѣ „Фаверъ“, совершенно уединенный домикъ, стоявшій на опушкѣ лѣса близъ берега Шельды, въ двухъ верстахъ отъ Валансіена. Мѣстоположеніе было очень красивое, я поселился тамъ съ женою и дѣтьми, безъ сторожа.

Я рѣшилъ не оставаться долѣе на мѣстѣ, на которомъ трудно было исполнять свои обязанности, и гдѣ я рисковалъ не только жизнью, но и честью. Въ Лиллѣ Ливаро былъ заключенъ въ тюрьму солдатами его гарнизона и едва не былъ убитъ, а между тѣмъ, демократы не питали къ нему такой ненависти, какъ ко мнѣ, такъ какъ онъ подлаживался ко всѣмъ партіямъ и получилъ свое мѣсто изъ рукъ конституціоналистовъ. Я обратился письменно къ королевѣ и къ герцогу Дюшателе, изложивъ имъ свое затруднительное положеніе и свое горячее желаніе оставить мѣсто. Герцогъ совѣтовалъ мнѣ просить трехмѣсячный отпускъ; я ухватился за эту мысль. Но, чтобы эта просьба не возбудила подозрѣнія, надобно было обставить дѣло такъ, чтобы самъ король повелѣлъ мнѣ пріѣхать въ Парижъ для представленія ему отчета о состояніи умовъ въ провинціи, и, чтобы въ томъ же приказѣ было упомянуто о моемъ возвращеніи въ скоромъ времени къ мѣсту служенія. Я сообщилъ этотъ планъ королевѣ, прося ее ходатайствовать за меня.

Въ исходѣ апрѣля былъ, наконецъ, полученъ приказъ, котораго я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ; я разослалъ копіи съ него во всѣ провинціальные муниципалитеты и четыре дня спустя двинулся въ путь съ женою и дѣтьми, оставивъ всю обстановку и лошадей въ Валансіенѣ. По пріѣздѣ въ Парижъ я поѣхалъ первымъ дѣломъ въ Тюильри.

Королева милостиво привѣтствовала меня, заливаясь слезами. Нѣсколько минутъ спустя, къ ней пришелъ король; онъ также сдѣлалъ мнѣ честь и обнялъ меня; въ эту минуту меня охватило съ новой силой жгучее чувство страданія, испытанное мною при первомъ извѣстіи о происшедшемъ: я рисовалъ себѣ будущее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; но дѣйствительность превзошла мои опасенія.

Пребываніе въ Парижѣ было для меня несносно; все, что я видѣлъ, возмущало меня.

Выйдя однажды отъ королевы, часовъ около девяти вечера, въ

то время, какъ король былъ въ совѣтѣ, я услышалъ, что народъ, столпившись подъ окнами дворца, рукоплескалъ, крича: „да здравствуетъ король“. Никто не могъ сказать мнѣ, что это значитъ; такъ какъ я спѣшилъ, то я не могъ ничего разузнать.

На утро я отправился во дворецъ, гдѣ узналъ, что король препроводилъ Національному Собранію записку, коей повелѣвалось всѣмъ носить кокарду національныхъ цвѣтовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ король отдавалъ дворянство и духовенство всецѣло въ руки революціонеровъ. Эта записка, составленная въ засѣданіи совѣта, была встрѣчена Національнымъ Собраніемъ восторженными кликами. Оно послало на слѣдующій день королю депутацію благодарить его. Въ то время, какъ депутація была у его величества, королева, ожидавшая своего супруга, чтобы идти къ обѣднѣ, позвала меня. Я передалъ ей съ грустью все то, что я слышалъ, но она успокаивала меня, говоря, что записка короля касалась только вопроса о кокардѣ и не имѣла никакого значенія. Хотя она ее не читала, но король сказалъ ей наканунѣ, когда народъ явился благодарить его, что онъ не понимаетъ, почему народъ придаетъ этому такое значеніе. Я отвѣтилъ, что ея слова радуютъ меня, но что я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока самъ не прочитаю записку.

Ихъ величества отправились къ обѣднѣ, а я возвратился въ Шайльо. Въ то время, какъ я сидѣлъ за столомъ, королева прислала сказать мнѣ, чтобы я зашелъ къ ней немедленно.

Она была въ отчаяніи. Она прочла записку и нашла ее опасной и неприличной. Когда королева стала упрекать своего супруга, то онъ оправдывался тѣмъ, что ему предлагали подписать другую декларацію, но онъ на это не согласился; этой же запискѣ онъ не придалъ никакого значенія. Теперь же, обсудивъ ее вмѣстѣ съ королевой, онъ увидѣлъ, что онъ жестоко ошибся. Тогда онъ сталъ жаловаться на недобросовѣстность своихъ министровъ, на западни, которыя они устраивали ему, и на свое затруднительное положеніе. Королева предлагала ему отречься отъ престола, который ускользалъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе изъ его рукъ. Но этотъ несчастный монархъ былъ слишкомъ слабъ характеромъ, чтобы принять какое-либо энергичное рѣшеніе; привычка руководствоваться въ государственныхъ дѣлахъ волею министровъ, была причиною, что онъ во всемъ полагался на нихъ, хотя они и не пользовались его довѣріемъ.

Въ одинъ воскресный день, Лафайетъ уговорилъ короля произвести смотръ дивизіи національной гвардіи. Король отправился на равнину des Salons верхомъ; на немъ былъ сѣрый сюртукъ; послѣ того, какъ онъ проѣхалъ по фронту, войско прошло мимо него церемоніальнымъ маршемъ. Всѣ тѣ, кои пользовались всякимъ случаемъ,

чтобы осуждать короля, не одобрили того, что онъ пріѣхалъ на смотръ въ сюртукѣ и съ зачесанными буклями. Народъ толковалъ объ этомъ и въ слѣдующую субботу, и Лафайетъ передалъ королю, что его костюмъ не понравился національной гвардіи, которая выразила желаніе, чтобы онъ появлялся на смотры въ красномъ мундирѣ, какъ это было принято на смотрахъ французской гвардіи.

Это замѣчаніе не понравилось королю, который рѣшилъ не обращать на него вниманія и отпустилъ Лафайета, не давъ ему никакого положительнаго отвѣта. Вечеромъ, послѣ ужина, когда мы играли въ карты, адъютантъ Лафайета привезъ письмо, въ которомъ Лафайетъ писалъ, что гвардія недовольна отказомъ короля надѣть красный мундиръ, и что онъ не ручается ни за что, ежели король явится въ сѣромъ сюртукѣ; „конечно,—присовокуплялъ Лафайетъ,—король воленъ поступить, какъ ему угодно, и онъ будетъ ожидать его во главѣ дивизіи, на равнинѣ, въ десять часовъ утра".

Нерѣшительность и слабость характера были причиною того, что король не принялъ въ тотъ вечеръ никакого рѣшенія, а на слѣдующее утро онъ уступилъ на половину, никого тѣмъ не удовлетворивъ. Онъ надѣлъ красный мундиръ, но не тотъ расшитый по всѣмъ швамъ, въ которомъ короли являлись на смотръ гвардіи, а другой, обшитый только золотымъ галуномъ.

Въ то время, правительство дѣлало все возможное для увеселенія народа: назначало церковные парады, смотры, при каждомъ баталіонѣ національной гвардіи были организованы оркестры, но все это казалось недостаточнымъ: день взятія Бастиліи 14-го іюля вздумали отпраздновать, устроивъ торжественный съѣздъ представителей всѣхъ провинцій и войска; въ этотъ день король долженъ былъ присягнуть конституціи, хотя она еще не была выработана.

Въ то время, какъ шли приготовленія къ празднику федераціи, случилось одно маленькое обстоятельство, которое дало мнѣ поводъ думать, что король принялъ, наконецъ, твердое и энергичное рѣшеніе, которое одно могло спасти Францію; но моя надежда не сбылась.

Король, съ 6-го октября 1788 г., не ѣздилъ болѣе на охоту, но въ видахъ здоровья часто катался верхомъ и проѣзжалъ отъ четырехъ до пяти лье въ окрестностяхъ Сенъ-Клу.

Въ одинъ прекрасный день, онъ поѣхалъ по направленію къ Сенъ-Клу. Мы проѣхали по равнинѣ, близъ Рюэля и, проскакавъ чрезъ мостъ Шату, въѣхали въ лѣсъ Везине. Почтовая станція находилась въ Бутардѣ; мы ѣхали въ противоположную отъ нея сторону, и какъ только достигли озерка, король свернулъ направо, и пришпоривъ лошадь, помчался по направленію къ Мэзону. Для меня было ясно, что онъ намѣревался бѣжать.

Въ тоже время, королева приказала подать коляску, чтобы ѣхать кататься съ сыномъ и принцессой Елизаветой. Я думалъ, что у нихъ все было условлено заранѣе, что мы найдемъ лодку, чтобы переплыть черезъ Сену, и сѣвъ на другомъ берегу въ приготовленныя кареты, выѣдемъ на дорогу въ Шантильи, гдѣ у принца Конде были лошади, которыя могли быть разставлены по дорогѣ въ разныхъ пунктахъ, чтобы отвезти короля къ арміи, гдѣ онъ нашелъ бы своихъ преданныхъ слугъ.

Но король, вмѣсто того, чтобы ѣхать далѣе, внезапно остановился и приказалъ своему берейтору прислать почтовыхъ лошадей со станціи Бутардъ къ мосту Дюнекъ. Это приказаніе разрушило всѣ наши надежды, но чѣмъ болѣе я думалъ объ этомъ впослѣдствіи, тѣмъ болѣе убѣждался, что королю въ тотъ день легко было бѣжать. Такъ какъ мы возвращались съ прогулокъ иной разъ поздно ночью, то мы были бы далеко за Шантильи, прежде, нежели бы кто-либо спохватился о насъ; намъ было бы легко избѣжать деревень и ѣхать по охотничьимъ тропинкамъ въ лѣсахъ, окружающихъ Шантильи и Компьень, гдѣ лошади принца Конде могли быть выставлены, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣній.

Возвратясь во дворецъ, я разсказалъ королевѣ о нашихъ предположеніяхъ и высказалъ, между прочимъ, что, по моему мнѣнію, королю было необходимо бѣжать, пока онъ еще пользовался достаточной свободой, чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе. Она согласилась со мною, но сказала, что она потеряла всякую надежду склонить къ этому короля, пока еще было не поздно; что касается ея, то она рѣшила не разставаться со своимъ супругомъ и раздѣлить участь, которую готовитъ ему судьба.

У королевы было нѣсколько агентовъ, разъѣзжавшихъ изъ Парижа въ Туринъ, Вѣну и Мадридъ, но это не принесло никакой пользы дѣлу, ибо она получила чрезъ нихъ только неопредѣленные отвѣты, сочувственныя фразы и болѣе ничего.

Приближался праздникъ федераціи (установленный въ честь объединенія французовъ, какъ символъ уничтоженія розни, существовавшей при прежнемъ режимѣ). Передъ этимъ днемъ король переѣхалъ изъ Сенъ-Клу въ Тюильри. Въ день праздника въ Парижѣ было прекращено движеніе экипажей. Уже въ ночь съ 13 на 14 іюля всѣ скамьи на Марсовомъ полѣ были переполнены жителями; 14-го числа на разсвѣтѣ, депутаты отъ департаментовъ, съ флагами въ рукахъ, открыли шествіе отъ воротъ Сенъ-Мартенъ. Къ нимъ присоединились депутаты отъ арміи, муниципалитета и отъ коммуны г. Парижа. Члены Національнаго Собранія должны были собрался на площади Людовика XV.

За процессіей шелъ отрядъ конной и пѣшей національной гвардіи, предшествуемый трубачами.

Въ одиннадцать часовъ свита короля собралась въ Тюильрійскій дворецъ и размѣстилась въ придворныхъ каретахъ. Къ полудню мы подъѣхали къ зданію военной школы. Въ этотъ день нѣсколько разъ принимался идти проливной дождь, солнце выходило на минутку, и затѣмъ снова лилъ дождь.

Мы ждали появленія членовъ Національнаго Собранія болѣе двухъ часовъ. Всѣ въ черномъ, они пришли пѣшкомъ промокшіе, въ грязи съ головы до ногъ. Королевская свита была въ парадныхъ костюмахъ и держалась прекрасно. Этотъ контрастъ не говорилъ, въ глазахъ народа, въ пользу членовъ Собранія.

Наканунѣ депутаты отъ арміи и департаментовъ представлялись королю въ Тюильрійскомъ дворцѣ; онъ обошелся съ ними любезно, и когда король появился на Марсовомъ полѣ, то исконная любовь французовъ къ своимъ монархамъ вылилась кликами: „да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! да здравствуетъ дофинъ!“ Эти клики заглушали не разъ возгласъ: „да здравствуетъ народъ!“

Я убѣжденъ, что если бы король рѣшился въ эту минуту сѣсть на лошадь и проѣхать по рядамъ войска, то къ нему примкнули бы всѣ депутаты отъ провинцій и войска, и быть можетъ даже часть національной гвардіи, и этотъ праздникъ, на который революціонеры возлагали такія большія надежды, способствовалъ бы упроченію монархіи.

Но этого не случилось. Негодяй, ренегатъ, епископъ Отэнскій отслужилъ обѣдню, которая напоминала скорѣй древнегреческое языческое жертвоприношеніе, нежели богослуженіе христіанской церкви; за обѣдней были освѣщены провинціальныя знамена.

Лафайетъ, провозглашенный генераломъ федеративныхъ войскъ, прочиталъ формулу присяги, стоя подлѣ королевскаго кресла.

Рядомъ съ нимъ стоялъ Дебонне, предсѣдатель Національнаго Собранія, сидѣвшій на болѣе низкомъ креслѣ, нежели король. Онъ прочелъ стоя присягу, которая была повторена всѣми членами Національнаго Собранія. Затѣмъ Лафайетъ проѣхалъ, по приказанію короля, верхомъ по площади и, остановившись подлѣ алтаря, прочелъ формулу присяги, которая была повторена депутатами отъ департаментовъ и отъ арміи. Въ заключеніе было отслужено молебствіе, и сдѣлано нѣсколько залповъ изъ орудій.

На лужайкѣ, передъ замкомъ „la Muette“ были накрыты столы, но участники этой странной и ненужной церемоніи были такъ утомлены, что только весьма немногіе воспользовались приготовленнымъ угощеніемъ. На обратномъ пути народъ привѣтствовалъ короля го-

раздо сердечнѣе, нежели раньше; многіе кричали: „да здравствуетъ король“, всѣ его сторонники казались веселы и довольны, и этимъ настроеніемъ толпы можно было бы воспользоваться въ интересахъ монархіи, если бы кто-либо сумѣлъ это сдѣлать. Лафайетъ былъ въ унынiи; всѣ разсчитывавшіе на то, что праздникъ федераціи подниметъ обаяніе революціи, увидѣли, что они ошиблись и сдѣлали непроизводительно большія затраты; ихъ волновалъ вопросъ: подъ какимъ впечатлѣніемъ возвратятся депутаты въ провинцію. Они выказали свою преданность королю, не обнаружили особеннаго уваженія къ Національному Собранію и находили происходившія въ немъ прeнія неприличными, а постановленія его ничтожными.

Мирабо, понявшій это прежде всѣхъ, добился свиданія съ королемъ и королевой въ одномъ изъ гротовъ парка Сенъ-Клу. Вслѣдъ за этимъ свиданіемъ между ними завязалась переписка; этотъ негодяй предлагалъ королю освободить его изъ плѣна, въ которомъ онъ находился, подъ условіемъ, что король поселится внутри королевства и вдали отъ границы и отъ мѣста расположенія войскъ. Король и королева полагали, что имъ слѣдовало воспользоваться предложеніемъ Мирабо для того, чтобы уѣхать изъ Парижа, не ввѣряя себя, впрочемъ, всецѣло въ его руки. Вмѣсто того, чтобы отправиться за Луару, какъ предлагалъ Мирабо, они рѣшили ѣхать въ Руанъ, городъ, внушавшій имъ довѣріе. Поселившаяся тамъ герцогиня Виллеруа, сестра Виллекье, навербовала королю не мало сторонниковъ. Изъ Руана можно было пробраться во Фландрію или, воспользовшись близостью моря, прибѣгнуть къ помощи иностранныхъ державъ. Наконецъ, можно было выждать дальнѣйшихъ событій спокойнѣе, нежели въ столицѣ, которая находилась въ рукахъ мятежниковъ и войска.

Ко дню своего тезоименитства король пріѣхалъ въ Тюильрійскій дворецъ. Тайна его предполагаемаго отъѣзда въ Нормандію соблюдалась строго, но день отъѣзда былъ отложенъ. Король полагалъ, что въ эту тайну слѣдовало посвятить Лафайета, я же думалъ, что если онъ будетъ знать о намѣреніи короля, то онъ не только не будетъ способствовать отъѣзду королевской фамиліи, но даже постарается помѣшать ему.

Въ то время Лафайетъ уже утратилъ въ значительной степени свое вліяніе на Національное Собраніе. Герцогъ Орлеанскій, ненавидѣвшій его, возвратился изъ Англіи къ празднику федераціи, и у него происходили совѣщанія, на которыя пріѣзжали Мирабо, Лакло, аббатъ Сіэсъ, Латушъ, Силлери, Барнавъ, Робеспьеръ и другіе революціонеры, относившіеся одинаково враждебно къ королевѣ и руководствовавшіеся тѣмъ взглядомъ, что во Франціи нельзя было совершить серьезной революціи иначе, какъ низвергнувъ династію. Одинъ

Мирабо не раздѣлялъ этого взгляда, но онъ тщательно скрывалъ свои мысли. Этотъ отъявленный и ловкій негодяй относился къ революціонному движенію крайне равнодушно, стремясь только пользоваться властью при правителѣ, кто бы онъ ни былъ. Онъ обманывалъ одновременно короля и герцога Орлеанскаго и заставлялъ обѣ стороны щедро платить себѣ.

Дворъ вполнѣ положился на этого интригана, который оттягивалъ отъѣздъ его велич. подъ разными предлогами. Истинные друзья короля не знали о его сношеніяхъ съ Мирабо и приписывали его нерѣшительности то, что было дѣломъ ловкости этого послѣдняго; они опасались что, вслѣдствіе промедленія, планъ побѣга не будетъ осуществленъ. Герцогъ Виллекье, то и дѣло, получалъ извѣстія отъ своей сестры, которая настаивала на томъ, чтобы король принялъ, какъ можно скорѣе, какое-либо рѣшеніе, такъ какъ многіе уже были посвящены въ его тайну. Къ тому же, приближалась осень, и, переѣхавъ въ Парижъ, ему было бы труднѣе бѣжать. Король постоянно обнадеживалъ Виллекье, но не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ побѣгу.

Возвратясь изъ одной маленькой поѣздки, я нашелъ, что наши друзья пали духомъ, а король и королева были нѣсколько смущены, когда я заговорилъ съ ними о необходимости поспѣшить отъѣздомъ, пока было не поздно. Они показали мнѣ письма Мирабо, и мнѣ было прискорбно видѣть, что они довѣряли такому опасному и безнравственному человѣку. Не знаю, сообщили ли они ему мое замѣчаніе. Но королева, вскорѣ послѣ моего пріѣзда, сказала мнѣ, что вопросъ о бѣгствѣ рѣшенъ, что младшій братъ короля предложилъ г-жѣ Бальби совершить поѣздку въ Англію и что я долженъ воспользоваться этимъ и отправиться вмѣстѣ съ нею, чтобы повидать мою семью, живущую въ Англіи.

28-го февраля 1791 г. въ Тюильрійскомъ дворцѣ разыгралась слѣдующая сцена. Король захотѣлъ съѣздить въ Сенъ-Клу. Черни этому воспротивилась. Въ Тюильри собрались лица, преданныя королю. У каждаго изъ нихъ было спрятано подъ одеждою оружіе, на случай отъѣзда его величества. Лафайетъ держалъ себя, по обыкновенію, двусмысленно. Онъ отправился въ предмѣстье Сентъ-Антуанъ, чтобы подавить вспыхнувшее тамъ народное волненіе. Онъ обѣщалъ народу уговорить короля уѣхать изъ Франціи, и вмѣсто того убѣдилъ его отказаться отъ этой мысли, и настоялъ на томъ, чтобы его величество потребовалъ отъ дворянъ, сплотившихся вокругъ него, чтобы они выдали ему свое оружіе. Дворяне повиновались и сложили оружіе на столѣ въ кабинетѣ короля. Выходя изъ дворца, они подверглись оскорбленію со стороны черни.

Въ газетахъ писали про нихъ всякія небылицы, ихъ называли рыцарями кинжала и старались возстановить противъ нихъ народъ

Королю, съ каждымъ днемъ, труднѣе становилось бѣжать. Валансіеннъ былъ въ рукахъ лицъ неблагонадежныхъ. Многіе изъ тѣхъ, кои были извѣстны своей преданностью королю, рѣшили эмигрировать и удалиться въ Брабантъ.

По удаленіи изъ Франціи, Эстергази получилъ отъ эмиграціи порученіе отправиться въ Петербургъ. 29 іюля были написаны три инструкціи; мнѣ было поручено передать императрицѣ письма графа Артуа и герцога Нассаускаго. Послѣдній адресовалъ свое письмо генералу Зубову, который пользовался уже довольно большимъ вліяніемъ, во многихъ отношеніяхъ превосходившимъ вліяніе, коимъ пользовался издавна князь Потемкинъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ 13/2 сентября.

14/3 я написалъ генералу Зубову, прося его дать мнѣ возможность представиться императрицѣ. Такъ какъ я не могъ обратиться къ г. Жене, повѣренному по дѣламъ Франціи, который былъ ярый революціонеръ, то я послалъ ему свое письмо вмѣстѣ съ письмомъ герцога Нассаускаго черезъ г. Рата. Отославъ письма, я нанялъ карету и поѣхалъ осматривать достопримѣчательности столицы, проѣхалъ по Сенатской площади, черезъ Неву, мимо Биржи, на Дворцовую площадь, по набережной, мимо Эрмитажа, прошелъ по Лѣтнему саду, до Аничкова дворца и вернулся въ гостинницу, гдѣ я остановился, на Невскомъ проспектѣ. Эти подробности могутъ показаться мало интересными, но какъ увидимъ далѣе, это принесло свою пользу; императрица была удивлена тѣмъ, что, едва пріѣхавъ въ Петербургъ, я уже успѣлъ столько видѣть; это дало ей выгодное понятіе о моей дѣятельности, качество, которое она очень цѣнила; быть можетъ, я этому былъ обязанъ ея милостивому ко мнѣ отношенію, которое она не переставала оказывать мнѣ до конца своей жизни.

Ратъ передалъ мнѣ отъ генерала Зубова очень любезное письмо; генералъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ четыре часа, обѣщая представить меня императрицѣ въ Эрмитажѣ. Я отправился въ назначенный часъ. Поговоривъ со мной нѣсколько минутъ, Зубовъ сказалъ, чтобы я отправился въ Эрмитажъ, гдѣ меня ждутъ. Я засталъ его въ аппартаментахъ императрицы; онъ вышелъ мнѣ навстрѣчу. Подойдя къ одной двери, которая была заперта, онъ открылъ ее и, сказавъ: „вотъ ея величество“, удалился.

Прійдя въ себя отъ изумленія, вызваннаго столь необычайнымъ представленіемъ, я вручилъ императрицѣ письмо, привезенное мною, и сказалъ, что мнѣ было приказано просить у нея отъ имени принцевъ совѣта и передать ей нѣсколько документовъ, по которымъ

она могла бы составить себѣ понятіе о положеніи принцевъ, братьевъ короля, и объ ихъ планахъ. Императрица спросила: со мной ли эти документы? Я отвѣчалъ утвердительно, присовокупивъ, что я передамъ ихъ генералу Зубову.

Но она сказала:

— Нѣтъ, дайте ихъ мнѣ, я прочту ихъ на досугѣ.

Затѣмъ императрица сѣла въ кресло и приказала мнѣ сѣсть въ другое, начала предлагать мнѣ вопросы о положеніи дѣлъ. Я отвѣчалъ на нихъ правдиво; видя, что императрица одобряетъ, я осмѣлился сказать, что мое довѣріе къ ней такъ велико, что еслибы она благоволила разрѣшить мнѣ, то я передамъ ей и мои инструкціи. И я подалъ ихъ; она взяла ихъ, смѣясь, и разспросивъ меня о моей семьѣ, о моемъ дядѣ, которыхъ она знала, о томъ, что происходило въ Пильницѣ, сравнила этикетъ Саксонскаго двора съ тѣмъ, какъ я былъ принятъ, и сказала, что ежели мнѣ нечего дѣлать, то я могу остаться, чтобы быть на маленькомъ спектаклѣ, который состоится у нея во дворцѣ и на которомъ будетъ присутствовать самое ограниченное число лицъ. Я разсыпался въ благодарности, затѣмъ императрица сказала:

— Попросите, пожалуйста, генерала Зубова войти. Я открылъ дверь, Зубовъ вошелъ. Императрица спросила, знаю ли я графа Кобенцеля, австрійскаго посланника, графа Сенъ-При и барона Штединга, шведскаго посланника. Я отвѣтилъ утвердительно.

Императрица говорила со мною такъ весело и непринужденно. Сопоставляя славу, коей императрица пользовалась во всемъ мірѣ, съ простотою и непринужденностью ея обхожденія, я испытывалъ чувство, которое весьма трудно передать. Императрица заговорила со мною о Петербургѣ и была весьма удивлена, что, едва пріѣхавъ и совершивъ столь далекое путешествіе, я уже успѣлъ побывать въ лучшихъ кварталахъ города. Наконецъ, мы вернулись въ билліардную, гдѣ императрица сѣла; генералъ Зубовъ сѣлъ подлѣ нея и указалъ мнѣ на кресло, я сѣлъ по другую сторону ея величества, оставивъ пустое кресло между императрицею и мною. Разговоръ шелъ все время оживленный, до пріѣзда графа Кобенцеля, который прошелъ мимо меня, принявъ меня за графа де Сенъ-При, и сѣлъ между мною и императрицей.

Минуту спустя, ея величество попросила его угадать, кто сидитъ рядомъ съ нимъ; послѣ минутнаго изумленія Кобенцель сказалъ:

— Мнѣ кажется, что это графъ Эстергази.

— Онъ и есть, сказала императрица.—Поцѣлуйтесь же, какъ подобаетъ кузенамъ.

Мы встали; нѣсколько минутъ спустя начали съѣзжаться обычные

посѣтители Эрмитажа. Въ числѣ ихъ находился графъ Сенъ-При, которому я сообщилъ о предметѣ моей миссіи, графъ Строгановъ, котораго я видалъ въ Парижѣ, г-жа Протасова съ двумя племянницами, съ коими я также встрѣчался въ Парижѣ, и нѣсколько другихъ лицъ; всѣхъ было не болѣе пятнадцати человѣкъ, вмѣстѣ съ обоими великими князьями, коимъ ея величество представила меня. Они были во фракахъ, съ незавитыми волосами и безъ пудры. Во время спектакля, императрица много разговаривала со мною. Когда мы вышли изъ дворца, Кобенцель повелъ меня къ графу Пушкину, оберъ-церемоніймейстеру великаго князя Павла Петровича, къ которому у меня было письмо отъ графа Артуа. Отъ него я узналъ, что великій князь собирался на другой день въ Гатчино; онъ не могъ сказать, приметъ ли великій князь меня до своего отъѣзда, и обѣщалъ извѣстить меня объ этомъ на другой день, рано утромъ.

Рано утромъ, я получилъ отъ Кобенцеля записку; онъ писалъ, что графъ Пушкинъ прислалъ сказать ему, что е. в. приметъ меня въ десять часовъ утра, до отъѣзда своего въ Гатчино. Я отправился во дворецъ. Великій князь принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, попросилъ сѣсть и заговорилъ съ самымъ трогательнымъ участіемъ о положеніи, въ какомъ находилась Франція. Я былъ представленъ великой княгинѣ въ тотъ моментъ, когда она вышла на крыльцо, чтобы сѣсть въ экипажъ. Кобенцель далъ мнѣ совѣтъ, кому мнѣ слѣдовало сдѣлать визиты; представилъ меня петербургскому обществу и отнесся ко мнѣ съ той необычайной любезностью, съ какой онъ относился ко всѣмъ французамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію.

Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, принцъ намѣревался вступить во Францію, собравъ подъ свои знамена какъ можно больше дворянъ и войска, которое состояло бы у нихъ на ихъ жалованіи; кромѣ того, они хотѣли, чтобы союзныя державы сосредоточили свои войска на французской границѣ, чтобы поддержать ихъ въ случаѣ надобности. Эта мысль была видимо одобрена обоими монархами, совѣщавшимися въ Пильницѣ.

Между тѣмъ, едва графъ Артуа успѣлъ вернуться въ Кобленцъ, какъ министры высказали предположеніе, что будетъ трудно сосредоточить войска ранѣе зимы. Король прусскій сослался на принятое имъ обязательство дѣйствовать во всемъ согласно съ императоромъ австрійскимъ.

Мнѣ было поручено: 1) просить императрицу побудить берлинскій и австрійскій дворы сосредоточить войска, предназначенныя для активныхъ дѣйствій; 2) просить у нея войско для совмѣстныхъ дѣйствій со шведами у береговъ Франціи; 3) просить ее дать принцамъ денегъ. Что касается перваго пункта, то императрица рѣшила обождать курье-

ра, который долженъ былъ прибыть отъ австрійскаго императора; по второму пункту, она не дала мнѣ никакого положительнаго отвѣта; относительно же третьяго пункта приказала послать деньги немедленно.

Когда курьеръ, посланный императоромъ, прибылъ въ Петербургъ, то стало ясно, что король Людовикъ XVI далъ Вѣнскому двору, чрезъ барона Бретейля, совѣтъ не предпринимать никакихъ совмѣстныхъ дѣйствій съ принцами, его братьями, и склонилъ даже императора выработать, безъ ихъ вѣдома, планъ кампаніи на слѣдующій годъ. Эти интриги были причиной, что Англія, заявившая вначалѣ о своемъ намѣреніи соблюдать нейтралитетъ, безъ всякихъ условій, сдѣлала теперь нѣкоторыя замѣчанія касательно пограничныхъ крѣпостей въ Голландіи. Кромѣ того, по ходу переговоровъ, было видно, что императоръ хотѣлъ выждать время и затянуть переговоры; даже былъ поднятъ вопросъ о созывѣ, для улаженія французскихъ дѣлъ, конгресса въ Ахенѣ, который, однако, не состоялся.

Императрица отвѣчала принцамъ дружескимъ письмомъ: обѣщала имъ свои дружескія услуги, послала имъ денегъ, но не приняла на себя никакихъ обязательствъ ни по отношенію къ предоставленію войскъ королю шведскому, ни по отношенію къ болѣе активному съ ея стороны участію въ дѣлахъ, ссылаясь на отдаленность Россіи и на то, что миръ съ Турціей еще не былъ ею заключенъ. По ея мнѣнію, сосредоточенныхъ уже силъ было болѣе чѣмъ достаточно для предположенной цѣли, и главная помѣха, которой можно было опасаться, могла возникнуть именно благодаря этой комбинаціи. Императрица обѣщала войти по этому поводу, если окажется возможнымъ, въ соглашеніе съ королемъ шведскимъ, предоставляя себѣ право высказаться болѣе положительно относительно размѣровъ той помощи, которую она предполагала оказать принцамъ лишь послѣ того, какъ она уяснитъ себѣ намѣренія прочихъ монарховъ. Впрочемъ, она теперь же обѣщала оказывать принцамъ поддержку, гдѣ бы таковая ни понадобилась, и просила ихъ видѣть въ ней искренняго и безкорыстнаго друга, желавшаго имъ полнаго успѣха.

Независимо отъ этого письма, императрица уполномочила меня передать, отъ ея имени, принцамъ, что ея сочувствіе къ королю и его семейству не было пассивно, что всѣмъ ея посланникамъ, аккредитованнымъ при тѣхъ дворахъ, на сочувствіе которыхъ можно было разсчитывать, или сочувствіе коихъ было желательно, былъ уже разосланъ ея отвѣтъ императору, по поводу декларацiи, съ которой она предлагала обратиться къ Національному Собранію отъ имени державъ, дабы ея посланники могли, въ случаѣ надобности, руководствоваться въ своихъ дальнѣйшихъ шагахъ этимъ отвѣтомъ, что она

ожидала курьера отъ своего союзника, императора, и что, сообразно съ полученнымъ отвѣтомъ, ею будутъ приняты, со своей стороны, мѣры, признанныя ею необходимыми для поддержанія того справедливаго и славнаго дѣла, защитниками котораго являются принцы.

Императрица сказала мнѣ, что она ведетъ, въ интересахъ французской монархіи, переговоры съ королемъ шведскимъ о заключеніи союзнаго договора и напомнила, что она уже обращалась и намѣрена и впредь обращаться съ совѣтами и дружественными представленіями къ тѣмъ монархамъ, кои относились къ Франціи доброжелательно, дабы ускорить дѣйствительные результаты той помощи, которую она рѣшила оказать этой странѣ. Наконецъ, признавая, что регентомъ французскаго королевства, съ того момента, когда король лишился свободы, становится младшій братъ короля, императрица выразила готовность признать его регентомъ, какъ только ей будетъ заявлено о томъ оффиціально; она готова была также принять аккредитованнаго принцами къ ея двору посланника, подобно тому, какъ уже былъ аккредитованъ при нихъ графъ Николай Румянцевъ.

Императрица выразила также желаніе, чтобы они показали себя Франціи во всеоружіи, послѣ чего уже можно было бы, смотря по обстоятельствамъ, начать переговоры или приступить къ военнымъ дѣйствіямъ. Созывъ новыхъ генеральныхъ штатовъ былъ бы сопряженъ, по ея мнѣнію, съ большими неудобствами. Прежде нежели объявить объ этомъ или обѣщать, что они будутъ созваны, надобно было бы, по примѣру Генриха IV, распустить созванные уже штаты. При этомъ императрица замѣтила, что у этого короля было первоначально всего четыреста дворянъ и что тѣхъ десяти тысячъ эмигрантовъ, кои находились, по словамъ принцевъ, въ ихъ распоряженіи, было совершенно достаточно для того, чтобы возстановить королевскую власть, если бы къ нимъ удалось присоединить наемныхъ швейцарцевъ или нѣмцевъ.

По мнѣнію императрицы, принцы поступили бы благоразумно, объявивъ амнистію, такъ какъ число виновныхъ очень велико; имъ не слѣдовало, въ особенности, упускать изъ вида, что тотъ монархъ, который надѣется получить обратно свой тронъ при помощи иноземныхъ войскъ, есть монархъ несчастный, такъ какъ противъ него могутъ возстать всѣ партіи. Поэтому принцамъ слѣдовало имѣть только свои собственныя войска, ограничивъ ихъ численность самымъ необходимымъ.

Депеша, въ коей я излагалъ все вышесказанное, еще не была мною отправлена, какъ прибылъ курьеръ отъ императора. Мнѣ не было сообщено содержаніе привезенныхъ имъ депешъ, но я вскорѣ узналъ, что императоръ намѣревался дѣйствовать методически, настаивалъ

на томъ, чтобы принцы не спѣшили и дѣйствовали только единодушно съ нимъ. Я имѣлъ основаніе думать, что вѣнскій дворъ основывалъ свой отказъ предоставить принцамъ полную свободу дѣйствій на увѣреніи Бретейля, что таково желаніе короля и королевы, что и было мною изложено въ припискѣ къ моей депешѣ.

Вскорѣ послѣ этого мнѣ было прислано, для свѣдѣнія, письмо, съ коимъ принцы обратились къ королю, склоняя его не признавать конституціи. Это письмо было напечатано, одобрено русскимъ правительствомъ, но нисколько не измѣнило дѣла. Король присягнулъ конституціи, принцы протестовали противъ этого акта, но, какъ справедливо замѣтила императрица: „акты, не поддержанные военной силой, не имѣютъ значенія".

Кончина князя Потемкина, послѣдовавшая въ исходѣ 1791 г. близъ Яссъ, въ Молдавіи, была причиною нѣкоторой задержки въ выполненіи возложеннаго на меня порученія. Императрица нѣсколько дней никого не принимала. Генералъ Зубовъ не хотѣлъ брать на себя никакой отвѣтственности, графъ Безбородко былъ посланъ въ Молдавію, чтобы заключить миръ съ турками; вице-канцлеръ графъ Остерманъ, относившійся къ нашему дѣлу въ общемъ весьма доброжелательно, былъ того мнѣнія, что не слѣдовало высказываться окончательно, а надобно было выиграть время; было ясно, что онъ не одобрялъ мнѣнія императрицы о необходимости дѣйствовать рѣшительно.

Король Людовикъ XVI, со своей стороны, писалъ принцамъ, своимъ братьямъ, что, признавъ конституцію, свободно и добровольно, онъ проситъ ихъ возвратиться во Францію и будетъ считать этотъ шагъ знакомъ ихъ вѣрности и преданности къ нему, какъ къ брату и королю. Принцы отвѣчали съ тѣмъ почтеніемъ, коимъ они были обязаны своему монарху, что, несмотря на письмо его величества, они убѣждены, что все сказанное въ немъ не было свободнымъ изъявленіемъ его воли, поэтому ихъ честь, долгъ и преданность королю воспрещаютъ повиноваться ему; и они подтверждаютъ чувства, принципы и рѣшенія, высказанные ими. Недоброжелательное отношеніе къ принцамъ чувствовалось во всемъ; они могли разсчитывать только на Россію, но и она ограничивалась совѣтами.

Между тѣмъ, императрица повторяла, что она добьется того, что императору и королю прусскому придется, волей-неволей, дѣйствовать. Союзный договоръ, заключенный ею со Швеціей, былъ подписанъ, король шведскій энергично готовился начать военныя дѣйствія весною; англійскій король обязался соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

Наконецъ, императрица поручила мнѣ передать принцамъ, что въ данный моментъ имъ необходимо было прежде всего помириться съ

королевой, что король шведскій дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ на Тюильрійскій дворъ чрезъ тѣхъ лицъ, съ коими онъ сохранилъ связи, и что она, императрица, поручила, со своей стороны, Румянцеву повидать барона Бретейля и убѣдить его, если это окажется возможнымъ, въ томъ, что это примиреніе необходимо. По тону, какимъ говорила объ этомъ императрица, было ясно, что непріязненныя отношенія, которыя она тщетно старалась уладить, очень охлаждали ее и что, въ общемъ, дѣло было въ несравненно худшемъ положеніи, нежели въ моментъ моего пріѣзда въ Петербургъ.

12 октября 1791 г., французскій король обнародовалъ воззваніе, имѣвшее цѣлью пріостановить эмиграцію и побудить принцевъ возвратиться во Францію. Было очевидно, что король вынужденъ сдѣлать этотъ шагъ, который никого не могъ ввести въ заблужденіе, но это послужило для недоброжелателей новымъ поводомъ къ неудовольствію. Вдобавокъ, среди ближайшихъ совѣтниковъ принцевъ начался разладъ. Хотя императрица относилась къ эмигрантамъ до тѣхъ поръ весьма доброжелательно, но Совѣтъ не раздѣлялъ ея симпатій къ дѣлу короля. Миръ съ Турціей только-что былъ подписанъ; русское правительство уже имѣло виды на Польшу, и по мнѣнію русскихъ министровъ было бы неосмотрительно, едва окончивъ одну войну, начать другую.

Что касалось Швеціи, дѣла шли не лучше. У нея было весьма мало денегъ, а число недовольныхъ было очень велико, и король не могъ ничего предпринять безъ согласія сейма, который относился несочувственно къ походу въ далекіе края.

Въ началѣ 1792 г. у принцевъ совершенно не было денегъ. Интриги, въ связи съ очевиднымъ желаніемъ вѣнскаго двора игнорировать принцевъ и конституцію и начать войну въ отвѣтъ на декларацію Національнаго Собранія, если бы таковая послѣдовала, вызвали во мнѣ желаніе уѣхать изъ Петербурга; въ ожиданіи разрѣшенія на это со стороны принцевъ, къ которымъ я обратился съ просьбой, я рѣшилъ побывать въ Москвѣ, чтобы не уѣхать изъ Россіи, не видавъ этой древней столицы.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ этой поѣздки въ Петербургъ, 1 марта 1792 г. скончался въ Вѣнѣ императоръ Леопольдъ II; 16 числа того же мѣсяца былъ застрѣленъ, во время маскарада, король шведскій, скончавшійся 29 марта. Въ смерти этихъ двухъ монарховъ заподозрили якобинцевъ и хотя они имѣли возможность оправдаться въ этомъ, но они выказывали по поводу цареубійства такую радость, что это могло встревожить монарховъ, къ коимъ они обнаруживали открыто свою ненависть.

Республиканская партія, наиболѣе вліятельная въ Національномъ

Собраніи, заставила короля объявить, 20 апрѣля, войну Австріи. Принцы воспользовались моментомъ, чтобы спросить позволенія вооружиться и составить авангардъ арміи, цѣлью которой было, повидимому, возстановленіе французской монархіи. Ихъ просьба не понравилась. Въ отвѣтъ на ноту, переданную отъ ихъ имени герцогу Полиньяку, было замѣчено, что король венгерскій, объявляя войну, на которую онъ былъ вызванъ, не дѣлаетъ различія между французской націей и королемъ, присягнувшимъ ея конституціи, и что возстановленіе его власти не входило въ его планы.

Императрица Екатерина не одобрила письма принцевъ, хотя она соглашалась въ принципѣ со всѣми высказанными въ немъ положеніями; она предвидѣла, что оно произведетъ впечатлѣніе обратное тому, на какое они разсчитывали. Однако, она написала королю венгерскому и прусскому и совѣтовала имъ воспользоваться силами эмигрантовъ. Эта просьба имѣла результатомъ, что при выработкѣ плана кампаніи эмигранты были раздѣлены на три корпуса, но имъ было запрещено собираться ранѣе 5-го іюля; было ясно, что ихъ хотѣли обречь на пассивную роль. Такъ какъ ихъ поведеніе подвергалось въ это время большимъ и несправедливымъ нареканіямъ, то я считаю долгомъ оправдать его во многихъ отношеніяхъ, и, чтобы меня не заподозрѣли въ пристрастіи, я буду строгъ въ отношеніи того, въ чемъ они были дѣйствительно виновны.

Я согласенъ съ тѣмъ, что вслѣдствіе большаго числа женщинъ и молодыхъ людей, съѣхавшихся въ Кобленцъ, тамошняя жизнь слишкомъ походила на жизнь Версальскаго двора и подавала поводъ къ нареканіямъ и интригамъ; также точно, всевозможныя требованія, которыя предъявляли привилегированныя лица и приближенные принцевъ, влекли за собою расходы, коихъ можно было бы избѣжать; а вслѣдствіе несогласій и раздоровъ, возникшихъ между членами совѣта, тайна совѣщаній соблюдалась зачастую не такъ строго, какъ это было необходимо. Но все это представляется мелкимъ и ничтожнымъ по сравненію съ происками барона Бретейля и поступками вѣнскаго и испанскаго дворовъ.

Бретейль разослалъ, отъ имени короля, ко всѣмъ дворамъ эмиссаровъ съ требованіемъ, чтобы иностранныя державы дѣйствовали однѣ и не придавали никакого значенія принцамъ. Императрица была противъ этого плана, полагая, что это могло возстановить во Франціи всѣ партіи противъ иниціаторовъ этого плана, она была увѣрена, что контръ-революція была возможна лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось возстановить французовъ противъ французовъ. Если бы державы искренно хотѣли возстановить монархію, имъ было бы достаточно дать принцамъ средства сформировать собственное войско,

а затѣмъ выставить на границѣ свои войска. Но этого именно они не хотѣли. Ихъ цѣль была—вступить во Францію, заставить короля заключить миръ, уступивъ нѣкоторыя провинціи взамѣнъ свободы, которую вернули бы ему побѣды союзниковъ, и, быть можетъ, даровать Франціи нѣкоторое подобіе конституціи, которая сдѣлала бы ее навсегда безопасной для австрійскаго и бранденбургскаго домовъ.

Съ этой именно цѣлью державы настаивали на томъ, чтобы принцы и сплотившееся вокругъ нихъ дворянство ничего не предпринимали; съ этой же цѣлью они не допустили того, чтобы братъ короля принялъ титулъ регента, не допустили вооруженія эмигрантовъ, ихъ сосредоточенія, заготовленія ими провіанта и, наконецъ, нарушили данное ими торжественное обѣщаніе ссудить принцамъ два милліона, которые никогда не были имъ даны.

Что касается мадридскаго двора, подчинившагося всецѣло навѣтамъ Тюильрійскаго дворца, то онъ вѣрилъ, или, быть можетъ, только дѣлалъ видъ, что вѣритъ въ возможность соглашенія, и былъ все время противъ предложеній Россіи, клонившихся къ тому, чтобы дать принцамъ возможность дѣйствовать самостоятельно.

Итакъ, по моему мнѣнію, совершенно ясно, что Австрія и Пруссія весьма мало заботились о полной реставраціи французской монархіи; единственной цѣлью первой изъ нихъ было видѣть Францію ослабленной, овладѣть снова Лотарингіей и быть можетъ Эльзасомъ и цѣлымъ рядомъ крѣпостей въ Нидерландахъ; Пруссія же расчитывала воспользоваться усиленіемъ австрійской монархіи, чтобы завладѣть нѣкоторой частью Польши. Величайшее несчастіе, которое могло быть результатомъ этого плана, заключалось въ томъ, что онъ давалъ французскимъ революціонерамъ возможность употребить всѣ силы народа на борьбу съ нашествіемъ непріятеля и привлечь къ участію въ этой борьбѣ всѣ партіи.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства и понявъ со свойственнымъ ей геніемъ и опытностью, что дѣйствіями державъ руководили только личный интересъ и выгода, императрица (Екатерина) совѣтовала принцамъ сдѣлать все возможное, чтобы дѣйствовать самостоятельно и независимо, стараясь въ то же время не возстановлять противъ себя императора, короля прусскаго и прочихъ монарховъ. Я вполнѣ увѣренъ, что если бы этотъ планъ былъ принятъ съ самаго начала, если бы графъ Артуа, съ самаго выѣзда своего изъ Франціи, соблюдалъ строгую экономію, и если бы къ деньгамъ, которыя были даны ему монархами, онъ присоединилъ тѣ средства, коими располагали каждый изъ принцевъ лично, то въ 1792 г. принцы имѣли бы возможность дѣйствовать самостоятельно. Но, кто бы, на ихъ мѣстѣ, не положился на обѣщанія, которыя имъ расточали со всѣхъ сторонъ;

ибо, въ сущности, если бы державы сдержали свои обѣщанія, то экономія и бережливость оказалась бы по меньшей мѣрѣ излишней.

Въ началѣ іюня, мнѣ было поручено обратиться къ императрицѣ съ просьбою послать пятнадцати или двадцатитысячный корпусъ русскихъ войскъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ союзной арміей, къ чему она была обязана договорами, заключенными ею съ императоромъ; французскіе принцы были бы весьма довольны дѣйствовать совмѣстно съ русскими, коихъ, разумѣется, нельзя было заподозрить въ намѣреніи расчленить Францію.

Но венгерскій король, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ принцы желали, чтобы Россія послала свои войска во Францію, просилъ императрицу не посылать войска, а ассигновать субсидію, которую она обязалась дать въ случаѣ войны. Онъ доказывалъ, что, дѣйствуя совмѣстно съ королемъ прусскимъ, у него будетъ вполнѣ достаточно войска, и что было бы лучше, если бы императрица доказала участіе, принимаемое ею въ дѣлѣ, присоединивъ къ субсидіи, оговоренной въ союзномъ договорѣ, ту сумму, какую ей пришлось бы истратить, если бы она двинула свои войска.

Хотя императрица и была, какъ мнѣ казалось, весьма довольна, что ей не приходилось посылать войско, которое было ей нужно въ Польшѣ, но она не пожелала увеличить субсидіи, ссылаясь на то, что, согласно указанному ею плану, принцамъ надлежало дѣйствовать вмѣстѣ съ эмигрантами и небольшимъ числомъ войска, поэтому, излишекъ, который она могла бы дать сверхъ условленнаго ею по договору, могъ быть употребленъ съ большею пользою, будучи предоставленъ въ распоряженіе принцевъ.

Однако, этотъ проектъ былъ отвергнутъ венгерскимъ королемъ.

Императрица, на высказанное мною, однажды, опасеніе по поводу того, что русскія войска не придутъ на берега Рейна своевременно, отвѣчала:

— Что дѣлать? Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Принцъ Нассаусскій, пріѣзжавшій въ Петербургъ, съ просьбою ввѣрить ему командованіе русской арміей, предназначавшейся для дѣйствій противъ французскихъ революціонеровъ, получилъ отказъ, подъ предлогомъ, что ея величество можетъ ввѣрить командованіе войсками только русскому генералу. Все это не предвѣщало ничего добраго, какъ вдругъ, 26-го іюня, было обнародовано воззваніе герцога Брауншвейгскаго.

Но въ Петербургѣ нашли это воззваніе преждевременнымъ и поставили въ особенности на видъ, что оно было написано въ слишкомъ рѣзкихъ выраженіяхъ и могло произвести впечатлѣніе обратное тому, какое отъ него ожидали. Читая это воззваніе, императрица повторила нѣсколько разъ:

— Горе странѣ, ожидающей спасенія отъ иноземныхъ войскъ.

Между тѣмъ, положеніе короля и королевы становилось съ каждымъ днемъ опаснѣе, и ихъ жизни угрожала опасность въ то время, какъ Европа готовилась воевать съ Франціей, не дѣлая различія между королемъ и революціонерами, лишившими его власти.

Въ маѣ мѣсяцѣ императрица переѣхала въ Царское Село, куда она пригласила и меня. Принцъ Нассаусскій, получивъ нѣкоторую сумму денегъ, уѣхалъ въ Кобленцъ. Все происходившее напоминало многоголовую гидру. Что касается меня, то я потерялъ всякую надежду на то, что Россія двинетъ свои войска, и писалъ принцамъ положительно, чтобы они на это не разсчитывали.

Ихъ тревога усилилась, когда осуществился проектъ раздѣленія эмигрантовъ на три отряда, изъ коихъ одинъ оставался на Рейнѣ подъ начальствомъ принца Конде; другой—подъ командою принца Бурбонскаго, долженъ былъ находиться близъ Нидерландъ, а третій долженъ былъ присоединиться къ арміи въ окрестностяхъ Трира. Эмигранты выступили 2-го августа 1792 г.

Я не стану описывать подробности этого роковаго похода, имѣвшаго такія роковыя послѣдствія. Быть можетъ, со временемъ выяснятся причины той зависти и тѣхъ интригъ, которыя привели къ неудачному исходу кампаніи, почему осада Тіонвиля велась безъ единаго осаднаго орудія, почему Седанъ не былъ осажденъ въ тотъ моментъ, когда уполномоченные Національнаго Собранія были арестованы въ этомъ городѣ и гарнизонъ вновь присягнулъ на вѣрность королю.

22-го сентября, союзныя войска внезапно отступили безъ сраженія, и во Франціи не осталось иноземныхъ войскъ. 22-го октября, принцы отступили въ окрестности Литтиха, не имѣя средствъ къ существованію ни для себя, ни для злополучныхъ эмигрантовъ, которые истратили всѣ свои средства, чтобы принять участіе въ этой злосчастной кампаніи. Вскорѣ послѣ вступленія французскихъ войскъ въ Германію, эмигранты были вынуждены искать убѣжище въ Вестфаліи, гдѣ король прусскій согласился дать имъ пріютъ.

Въ это время, графъ д'Артуа писалъ мнѣ, что онъ намѣревался пріѣхать въ Петербургъ, и поручилъ мнѣ попросить на это соизволеніе императрицы.

По ея мнѣнію, эта поѣздка была безполезна, и деньги, которыя были бы на нее истрачены, могли быть употреблены съ большею пользою, „но,—прибавила императрица,—если принцъ желаетъ непремѣнно совершить эту поѣздку, то она будетъ очень рада познакомиться съ нимъ, и онъ можетъ быть увѣренъ, что ему будетъ оказанъ подобающій пріемъ“, что я и поспѣшилъ передать принцу.

Въ моментъ объявленія войны, моя семья уѣхала изъ Турнэ, гдѣ

я ее оставилъ, въ Ахенъ, но, когда послѣ побѣдъ, одержанныхъ Дюмурье, жить въ этомъ мѣстѣ оказалось не безопасно, она переѣхала въ Нимвегенъ. Послѣ сраженія при Джеманѣ, когда было получено извѣстіе о бѣдственномъ положеніи, въ какомъ очутились принцы, и о томъ, что эмигранты разсѣялись, императрица предложила мнѣ вызвать мою семью въ Петербургъ.

Выѣхавъ навстрѣчу моей женѣ, я находился съ нею въ Ригѣ, въ то время, когда было получено извѣстіе о преступленіи, совершенномъ въ Парижѣ 21-го января надъ личностью короля; это заставило меня поспѣшить въ Петербургъ.

Когда я пріѣхалъ въ столицу, императрица была не совсѣмъ здорова.

Младшій братъ короля принялъ титулъ регента и объявилъ графа д'Артуа намѣстникомъ королевства. 28-го января императрица признала за нимъ это званіе, аккредитовала при немъ графа Румянцева, а я получилъ аудіенцію, какъ его послапникъ. Къ сожалѣнію, этому примѣру, несмотря на всѣ настоянія императрицы, не послѣдовалъ ни одинъ дворъ. Екатерина этимъ не ограничилась, она издала указъ, коимъ воспрещались всякія сношенія ея подданныхъ съ французскими цареубійцами; въ Россіи было разрѣшено остаться только тѣмъ французамъ, кои присягнутъ законному наслѣднику несчастнаго Людовика XVI.

Графъ д'Артуа, не получивъ моего письма, рѣшилъ ѣхать въ Россію, но выразилъ желаніе жить инкогнито. Это была единственная просьба, на которую императрица отвѣчала отказомъ, поручивъ мнѣ передать принцу, что при иныхъ обстоятельствахъ она исполнила бы его желаніе, но, что при данныхъ обстоятельствахъ она сочтетъ долгомъ принять принца съ тѣмъ же почетомъ и церемоніаломъ, какой соблюдался при пріемѣ принца Генриха прусскаго. Какъ только было получено извѣстіе, что графъ д'Артуа ѣдетъ, навстрѣчу ему былъ посланъ графъ Сергѣй Румянцевъ съ придворными каретами; при немъ назначены были состоять безотлучно камергеръ и два камеръ-юнкера и назначенъ особый штатъ на все время его пребыванія въ Петербургѣ. Императрица поручила мнѣ передать принцу, чтобы онъ не безпокоился на счетъ подарковъ, которые ему придется сдѣлать, что она беретъ все на себя.

20-го марта, узнавъ о пріѣздѣ его высочества въ Ригу, я выѣхалъ ему навстрѣчу. Мнѣ было поручено задержать его въ пути, такъ какъ императрица ушиблась, упавъ въ банѣ, и не выходила изъ своихъ покоевъ.

Я встрѣтилъ графа 21-го числа. Въ Петербургъ мы прибыли только 23-го.

Графу д'Артуа была устроена торжественная встрѣча въ приготовленномъ для него домѣ.

Графъ Зубовъ привѣтствовалъ его отъ имени императрицы; Нарышкинъ—отъ имени великаго князя. 24-го числа онъ отправился съ большимъ церемоніаломъ ко двору.

Императрица, пробывъ съ принцемъ нѣсколько минутъ во внутреннихъ покояхъ, вышла вмѣстѣ съ нимъ къ собравшимся; принцъ представилъ ей лицъ своей свиты: епископа Аррарскаго, графа Дескара, барона Ролля и графа Роже-де-Дама. Изъ Большаго дворца мы поѣхали къ великому князю, великой княгинѣ, молодымъ князьямъ и т. д. Обѣдали у великаго князя, такъ какъ императрица чувствовала себя нехорошо и не могла пригласить насъ къ столу.

Когда всѣ эти церемоніи закончились, было приступлено къ дѣламъ.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній принца съ графомъ Зубовымъ, было рѣшено, что императрица предложитъ Англіи послать 15.000 отрядъ къ берегамъ Нормандіи или Бретани, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ отрядомъ эмигрантовъ, если бы принцу удалось сформировать таковой, для чего императрица требуетъ субсидіи, о размѣрахъ которой можно будетъ начать переговоры. Она написала англійскому королю собственноручно длинное письмо, подробности котораго были сообщены для свѣдѣнія русскому посланнику въ Лондонѣ, графу Воронцову. Кромѣ того, Екатерина приказала снарядить фрегатъ и корветъ для отправки графа д'Артуа въ Гулль, откуда онъ долженъ былъ написать англійскому королю, чтобы испросить у него разрѣшенія пріѣхать въ Лондонъ.

Сопровождать принца былъ назначенъ генералъ Корсаковъ, которому было поручено, въ случаѣ если бы предложенія императрицы были приняты, закупить для русской арміи нужные съѣстные припасы и озаботиться перевозомъ ихъ во Францію.

Императрица роздала подарки свитѣ принца и поручила мнѣ передать ему ящикъ, наполненный драгоцѣнностями, которыя онъ долженъ былъ раздать отъ своего имени служащимъ и всѣмъ лицамъ, состоявшимъ при немъ во время его пребыванія въ Петербургѣ.

Самъ графъ д'Артуа получилъ золотую саблю, рукоятка которой была украшена крупнымъ бриллiантомъ и которую благословилъ митрополитъ, десять тысячъ дукатовъ деньгами, коллекцію золотыхъ медалей, походный серебряный сервизъ; ему былъ открытъ кредитъ на 300 тысячъ рублей.

Графъ д'Артуа уѣхалъ изъ Петербурга 26-го апрѣля.

Вскорѣ было получено извѣстіе, что онъ прибылъ благополучно въ Гулль. Но дѣла сложились не такъ, какъ мы ожидали.

Графу д'Артуа не было разрѣшено сойти на берегъ въ Англіи, подъ предлогомъ, что у него были долги; послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, стало ясно, что, такъ какъ англичане обязались не вмѣшиваться во внутреннее управленіе Франціи, то они не хотѣли содѣйствовать тому, что могло повести къ реставраціи монархіи. Мысль объ ассигнованіи субсидіи Россіи была отвергнута безо всякихъ переговоровъ. Прождавъ нѣсколько дней въ Гуллѣ и убѣдившись въ томъ, что онъ ничего не добьется, графъ д'Артуа отправился къ своему брату въ Гаммъ.

Въ началѣ 1796 г., я нашелъ моментъ подходящимъ, чтобы оставить Петербургъ. Испросивъ у короля Людовика XVIII отпускъ, чтобы отвезти мое семейство въ помѣстье, подаренное мнѣ императрицею, я продалъ свой домъ въ Петербургѣ, не отказываясь, однако, отъ мысли вернуться туда со временемъ, какъ частный человѣкъ, чтобы выразить мою признательность императрицѣ. По моей просьбѣ, король назначилъ, на время моего отсутствія, повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи, маркиза Лафертэ.

Совершивъ длинное путешествіе, я пріѣхалъ въ Лукку, гдѣ я получилъ, нѣсколько времени спустя, извѣстіе о кончинѣ императрицы.

Вслѣдъ за этимъ печальнымъ извѣстіемъ, я получилъ письмо отъ графа Безбородко; онъ писалъ мнѣ, отъ имени императора Павла I, чтобы я не возвращался болѣе въ Петербургъ, что императоръ самъ будетъ вести переговоры о дѣлахъ Франціи, которые возложены были на меня. Графъ присовокуплялъ, что его императорское величество увѣренъ, что причина этого запрещенія должна быть мнѣ понятна.

Я отвѣчалъ чистосердечно, что мнѣ эта причина неизвѣстна.

Я уже успѣлъ помириться съ мыслью о потерѣ мѣста, которое, несмотря на милостивое отношеніе ко мнѣ императрицы, мнѣ было всегда крайне непріятно, по причинѣ тѣхъ безчисленныхъ просьбъ, съ коими мнѣ приходилось къ ней обращаться, и неосмотрительнаго поведенія многихъ французовъ, какъ вдругъ меня увѣдомили, что императоръ Павелъ возвратилъ прежнимъ польскимъ владѣльцамъ имѣнія, конфискованныя въ царствованіе императрицы Екатерины и пожалованныя ею мнѣ. Это извѣстіе, полученное мною среди зимы, было мнѣ крайне непріятно, такъ какъ я оставался безъ крова, почти безъ всякихъ средствъ къ жизни, вдобавокъ съ беременною женою и больнымъ сыномъ. Кромѣ того, отнятіе у меня этихъ деревень, въ особенности послѣ того, какъ мнѣ былъ воспрещенъ въѣздъ въ столицу, заставляло предполагать, что меня постигла опала. Это обстоятельство очень скоро охладило ко мнѣ всѣхъ тѣхъ, кои оказывали мнѣ нѣкогда всевозможныя любезности и предлагали свои услуги. Но графиня Браницкая, съ которой я часто встрѣчался

въ Петербургѣ, хотя и не былъ близко знакомъ, великодушно пришла мнѣ на помощь. Она предложила мнѣ со всей семьею провести зиму у нея въ Бѣловѣжѣ, куда я переѣхалъ въ началѣ 1797 г. и гдѣ моя жена разрѣшилась отъ бремени сыномъ Владиславомъ; тамъ же я потерялъ сына Георгія и получилъ увѣдомленіе, что императоръ пожаловалъ мнѣ, взамѣнъ отнятыхъ у меня имѣній, другія, во владѣніе которыми я и вступилъ весною.

На этомъ кончаются любопытныя и довольно объемистыя воспоминанія графа Эстергази.

По окончаніи революціи графъ Эстергази не захотѣлъ вернуться во Францію, рѣшивъ провести остатокъ жизни въ пожалованномъ ему императоромъ Павломъ имѣніи, гдѣ и умеръ въ 1805 году.

Очерки моихъ воспоминаній.

Настаетъ конецъ жизни! Нѣтъ больше личной надежды, нѣтъ болѣе будущности! Осталось лишь только ожиданіе болѣзни, страданія и смерти. А природа такъ много дала, такъ щедро меня одарила. Боролась-то я со всѣми трудностями, невзгодами, интригами и т. п. До самой старости не унывала, не надѣялась, что достигну желаемаго, не отдавая себѣ полнаго отчета въ томъ, что для достиженія цѣли, въ какой бы то ни было сферѣ знанія или искусства, нужно всѣмъ жертвовать: привязанностями, положеніемъ, родствомъ, даже къ несчастію принципами. Иначе останешься ни при чемъ только, съ сожалѣніемъ въ душѣ, что своимъ талантомъ мало пользы причесла.

Постараюсь описать мою жизнь, мои дѣйствія. Пусть читатель самъ судитъ, легко ли мнѣ было, и чего могла бы я достичь при другой обстановкѣ. Какъ, во многихъ отношеніяхъ, была легкомысленна, жила болѣе воображеніемъ и какъ часто не умѣла пользоваться счастливымъ обстоятельствомъ.

Родилась я въ Петербургѣ. Отецъ мой былъ декабристъ. Въ первый годъ женитьбы его заключили въ Петропавловскую крѣпость. Какъ ему удалось быть освобожденнымъ — намъ не было извѣстно, тогда въ Николаевское время, все держалось въ тайнѣ и разоблаченіе въ въ этомъ родѣ наводило страхъ. Мать моя была урожденная Львова, семейство, извѣстное своею многочисленностью и своимъ музыкальнымъ дарованіемъ, сестра Алексѣя Ѳедоровича Львова, знаменитаго скрипача, композитора народнаго гимна и многихъ церковныхъ и свѣтскихъ сочиненій. У моей матери былъ чудный, единственный

въ своемъ родѣ голосъ, контральто, который восхищалъ всѣхъ; она воспитывалась въ музыкальномъ семействѣ у своего отца, Ѳедора Петровича, директора дворцовой пѣвческой капеллы, и у котораго всѣ знаменитости перебывали и гдѣ исполнялась постоянно классическая музыка.

Она давала мнѣ первоначальные уроки музыки; я помню себя на Кавказѣ въ Ставрополѣ, гдѣ мой отецъ былъ губернаторомъ, мнѣ тогда было семь лѣтъ, и я играла Крамеровы этюды наизусть, мать моя много тамъ пѣла и иногда предлагала послушать свою дочурку. Я была еще такъ мала, что носъ трогалъ клавиши рояля, но это не мѣшало съ восторгомъ пѣть мамины романсы.

Воспитывали насъ очень строго, мать моя, не смотря на свое оффиціальное положеніе, съ ранняго утра занималась нами, сама готовилась, чтобы намъ старшимъ дать начальное образованіе, строго относилась къ воспитанію и къ нравственнымъ началамъ; утро начиналось тѣмъ, что мы собирались у нея въ спальнѣ, читали Евангеліе и молились вмѣстѣ.

Она успѣвала за всѣмъ слѣдить, пріучала насъ къ труду, къ исполненію долга, къ порядку, внушала чувства любви, уваженія, сострадания, на праздникахъ пріучала насъ думать о бѣдныхъ, неимущихъ, старыхъ, больныхъ. Елки не для насъ готовились, а мы сами ихъ украшали для бѣдныхъ города и дѣтей пріюта,—въ этомъ все было наше удовольствіе и счастіе.

Изъ Ставрополя отецъ мой былъ назначенъ губернаторомъ въ Вильну, родители отправились сначала въ Петербуртъ, а насъ завезли въ подмосковную деревню Голубино.

Тамъ жила одиноко старая тетя Варвара Александровна Наумова, двоюродная сестра отца, типъ старосвѣтской помѣщицы. Она была совершенно особеннаго характера. Разсказывала, какъ была несчастна въ молодости и не любима въ своемъ родительскомъ домѣ, какъ ея сестеръ вывозили въ свѣтское общество, а ее заставляли шить имъ наряды, она же сама находилась въ полномъ пренебреженіи, что̀ очень подѣйствовало на ея характеръ. Она постоянно желала смерти, все приготовила и показывала, въ чемъ должны ее хоронить, никакія похороны не могла видѣть равнодушно, жалѣя, что не ее хоронятъ. Кушала очень мало, носила въ карманѣ разную сырую крупу, которую жевала, для подкрѣпленія силъ; но это не помѣшало ей жить до глубокой старости и наконецъ такъ свыклась со своею жизнью, что, когда силы ей измѣнили, она продала платье, назначенное для похоронъ, и не хотѣла умирать. Мнѣ это разсказывала моя младшая сестра, къ которой она пріѣзжала гостить въ Москву, когда уже съ трудомъ могла ходить. Тетя была очень богомольна, въ деревен-

скомъ домѣ была большая образная комната, гдѣ постоянно горѣли лампады. Это было священное мѣсто, куда мы входили только, чтобы молиться. Вслѣдствіе скудной пищи, тетя впадала въ галлюцинацію и разсказывала, какъ чувствовала прикосновеніе своего мертваго брата, что съ нимъ сообщалась, и наконецъ она предвѣщала факты, которые сбывались.

Мы въ дѣтствѣ очень ее любили, она насъ баловала, угощала разными сладостями и очень берегла въ отсутствіе родителей.

Насъ было шесть человѣкъ братьевъ и сестеръ, я—восьмилѣтняя, старшая, распѣвала на всѣ лады; посѣщали мы съ тетей нашихъ крестьянъ, и я помню, какъ разъ пришли въ гости къ нашему старостѣ. Сидя на ларѣ, я запѣла во весь голосъ: „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту", да такъ сильно, что по всей деревнѣ раздавался мой голосъ. Варвара Александровна пришла въ восторгъ и сказала: „эта со временемъ будетъ удивлять своимъ голосомъ".

Въ Вильнѣ взяли мнѣ преподавателя музыки, старика Янчевскаго, который такъ былъ старъ, что во время урока безъ всякой пищи нескончаемо жевалъ; но не смотря на старость преподавалъ съ хорошей школой и пріучалъ правильно считать, такъ что я была ему обязана изученію ритма; по вечерамъ я приготовляла ему уроки, а для удовольствія брала всѣ пѣсни и мамины романсы и распѣвала ихъ. Дежурные чиновники, которые приходили съ докладами къ отцу, забѣгали къ моему роялю, брали меня на руки, цѣловали и все упрашивали пѣть. Когда же были пріемные вечера и балы въ родительскомъ домѣ, то предъ началомъ, за раннимъ пріѣздомъ, сажали меня за рояль и, окруженная обществомъ, я со смѣлостью и увлеченіемъ играла попури изъ „Сонамбулы" и „Нормы", послѣ чего меня отправляли къ моему огорченію спать; но стоило мнѣ услышать нѣсколько нотъ голоса маменьки, чтобъ подъ этимъ впечатлѣніемъ никакъ не заснуть,—такъ сильно волновалъ меня прелестный звукъ ея голоса.

Хотя положеніе родителей обязывало ихъ часто принимать и вести свѣтскую жизнь, но оно не мѣшало матери моей лично серьезно заниматься нашимъ образованіемъ и воспитаніемъ. Съ ранняго возраста наши занятія были распредѣлены по часамъ. До 12-ти лѣтъ къ намъ была приставлена нѣмка бонна, которая обязана была слѣдить за тѣмъ, чтобы мы вставали рано, то есть въ 6 часовъ утра, и готовили уроки, въ восемь часовъ мы обыкновенно должны были всѣ собраться къ матери, читать въ слухъ Евангеліе. Отъ 10 до 3 подъ ея наблюденіемъ мы занимались въ классной, а когда приходилось ей принимать посторонннихъ по дѣламъ или съ визитомъ, она мнѣ поручала слѣдить за тишиной и за исполненіемъ нашего долга. Послѣ

обѣда, два часа были назначены для чтенія всеобщей исторіи на французскомъ языкѣ и на музыкальныя упражненія.

Порядокъ и дисциплина у насъ были введены съ самаго дѣтства, особливо къ дочерямъ, какъ будто предчувствовали, что намъ придется много бороться въ жизни, трудиться и превозмочь разныя невзгоды. Дѣтьми же мы были очень счастливы, дружны между собою, чувствуя безпредѣльную любовь къ отцу и матери, хотя оно было сопровождено съ чувствомъ страха, такъ какъ отецъ былъ очень строгъ и взыскателенъ.

Къ роскоши насъ не только не пріучали, напротивъ того, насъ вели съ этой стороны на спартанскій ладъ, точно также въ отношеніи пищи, многіе критиковали это направленіе, но слухи и мнѣнія до насъ тогда не доходили.

Къ подаркамъ насъ также не пріучали, для насъ собственно елку на Рождество никогда не дѣлали, но въ нашу большую залу каждый годъ ставили громадныя три елки, которыя предоставляли намъ украшать и увѣшивать подарками, для бѣдныхъ дѣтей пріюта, надъ которымъ мать моя состояла попечительницей. На праздникѣ Рождества Христова къ намъ собиралось ихъ сотнями разныхъ сословій и вѣроисповѣданій, многія изъ нихъ были также евреи.

Насъ пріучала мать ходить въ пріютъ учить маленькихъ дѣтей, а когда мы были постарше, посылала насъ во время рекреаціи съ гувернанткой почти каждый день присутствовать за ихъ обѣдомъ и пробовать ихъ кушанья, также обѣдъ евреевъ, который подавался за особеннымъ столомъ. Утренняя молитва же у нихъ была общая. Я это описываю, какъ доказательство, что даже въ 50-хъ годахъ при царствованіи императора Николая, безъ всякаго шума, можно было многое согласовать, только будь все основано на любви, правдѣ, снисхожденіи и справедливости.

Насъ съ дѣтства пріучали видѣть и помогать бѣднымъ, больнымъ, несчастнымъ и старымъ, что чувство такъ сильно примѣромъ было намъ внушено, что мы во многомъ себѣ отказывали и даже втихомолку не ѣли бѣлый хлѣбъ, который намъ давали къ чаю, а собирали булки, чтобы ихъ отнести въ богадѣльню старушкамъ, такъ какъ денегъ у насъ не бывало и намъ не давали. Вотъ, на какихъ основаніяхъ мы были воспитаны. Въ это время съ 46-го года мы жили въ Минскѣ, куда отецъ мой былъ переведенъ губернаторомъ; тогда еще была у насъ бонна-нѣмка, но такъ какъ мы подросли и требовали личности, болѣе развитой и образованной, мама обратилась къ нашей бабушкѣ, знаменитой въ молодости своей красотой и необыкновеннымъ умомъ, къ Елизаветѣ Николаевнѣ Львовой, племянницѣ нашего поэта Державина, у котораго она жила въ дѣвушкахъ и воспитывалась, потому что была сирота.

Она въ это время собралась ѣхать за границу, и потому родители мои просили ее привезти намъ француженку. Въ одинъ прекрасный день явилась къ намъ мадемуазель Папье, очень образованная личность, на поруки которой меня съ сестрой передали и вдобавокъ еще младшую, которая была пятью годами моложе. Всѣ науки стали преподаваться на французскомъ языкѣ. Былъ также у насъ преподаватель русскаго языка, но очень слабый и бездарный, что, на мой взглядъ, сильно на насъ отразилось, тѣмъ болѣе, что тогда русскій языкъ былъ въ большомъ пренебреженіи; все общество говорило по-французски, и даже стыдились говорить на своемъ родномъ языкѣ, конечно, только не поляки, которые своимъ нарѣчіемъ никогда не пренебрегали и между собой всегда были солидарны,—качество, которымъ не блещутъ русскіе.

Развивать основательно мои музыкальные задатки не кому было, да тогда и другой взглядъ былъ на искусство и талантъ. На все смотрѣли по-дилеттантски для забавы и блеска въ обществѣ. Учитель музыки оказался совершенно бездарнымъ, хотя былъ лучшій въ Минскѣ; къ счастью, жена губернскаго предводителя дворянства г-жа Хорватъ, большая музыкантша, ученица Монюшки, меня полюбила; я ее заинтересовала своими способностями, и она упросила мою мать присылать меня съ нею заниматься. Когда она садилась за рояль, гдѣ бы я ни была, чѣмъ бы ни занималась,—все бросала, становилась около нея, упивалась ея игрой и цѣлыми часами оставалась подъ этимъ впечатлѣніемъ. Когда же я изучала этюды Мошелеса или пѣсни безъ словъ Мендельсона, я все окружающее забывала и при исполненіи каждой пьесы, въ моемъ воображеніи, сочиняла цѣлыя драмы, это меня прельщало и интересовало. Мнѣ было тогда 13 лѣтъ, и я была въ восторгѣ, когда мнѣ дали изучить концертъ съ оркестромъ capriccio Мендельсона, который я исполнила на музыкальномъ вечерѣ въ пользу бѣдныхъ.

Г-жа Хорватъ, съ которой я занималась, была женщина очень умная, образованная и талантливая, дочь бывшаго губернскаго предводителя, стариннаго дворянскаго семейства Осторпа. Она постоянно жила тогда въ деревнѣ и пріѣзжала только на нѣсколько недѣль въ городъ Минскъ, на время контрактовъ и выборовъ, такъ какъ ея мужъ былъ губернскій предводитель дворянства. Въ это время только и оживлялся городъ, потому что собирались предводители всѣхъ уѣздовъ. Общество очень образованное и интеллигентное; я была слишкомъ юна, чтобъ имъ пользоваться, но приглядывалась и прислушивалась къ ихъ разговору во время обѣда, когда мы соединялись со всѣмъ обществомъ.

Единственною газетою, которую получалъ и читалъ мой отецъ

была „Independance Belge"; тогда много говорили объ иностранной политикѣ, особливо о смутахъ въ Парижѣ, удивлялись присваиваніемъ титула императора Наполеону III-му; наша гувернантка m-lle Папье волновалась. При всей моей наивности, послѣ всего того, что я слышала о Наполеонѣ, я сдѣлала слѣдующее заключеніе: что не такъ уменъ Наполеонъ, какъ странны и недальновидны французы своимъ выборомъ послѣ его coup d'état. Дальше этого я не заходила въ своихъ мысляхъ и замѣчаніяхъ. Въ то время не позволялось разсуждать, и юная молодежь должна была молчать. О нашемъ внутреннемъ устройствѣ не говорили, россійскія дѣла не разбирали, слишкомъ расходились въ мнѣніяхъ, время было тяжелое, и печать молчанія была наложена на всѣхъ. А вмѣстѣ съ этимъ польскіе помѣщики Западнаго края большею частью были очень требовательны, строги и нѣкоторые жестоки со своими крестьянами. У моего отца каждый день вся прихожая, лѣстница была занята народомъ съ жалобой на помѣщиковъ. Одна изъ нихъ, Стоцкая, была извѣстна тѣмъ, что провинившихся крестьянокъ сажала въ боченокъ съ горячимъ дегтемъ, мы видѣли въ окошко, какъ ее осужденную везли привязанною къ колесницѣ. Этотъ фактъ такъ сильно подѣйствовалъ на мое воображеніе, что разъ, во время моего урока у г-жи Хорватъ, когда пришли ей доложить о приходѣ мужа Стоцкой, я отъ страха убѣжала домой.

Музыкальныя упражненія съ г-жей Хорватъ были очень кратковременны и отрывочны; они не могли принести большую пользу, но страсть къ музыкѣ была громадная; къ несчастію, я родилась слишкомъ рано: тогда правильной музыкальной школы не существовало, и я только была обязана матери, которая неустанно слѣдила за моей игрой.—Она на все находила время, желая, чтобы мы были ловки и довольно изящны, она насъ также учила характернымъ танцамъ, такъ какъ сама въ молодости у моего дѣдушки плясала русскую и pas de chale—тогдашній модный танецъ. Мать наша постоянно слѣдила за каждымъ нашимъ движеніемъ; она сама воспитывалась въ большомъ свѣтѣ. У дѣдушки Львова собиралось самое изысканное общество, все иностранное посольство, всѣ знаменитые артисты и т. п.; маменька боялась, чтобы провинція не сдѣлала насъ неуклюжими.

Когда мнѣ было 14 лѣтъ, а сестрѣ 13, повезли насъ въ Петербургъ съ гувернанткой m-lle Папье, и мы остановились у дяди Фулонъ; родная сестра матери была за нимъ замужемъ. Мы очень подружились съ одногодками нашими двоюродными сестрами, особенно со старшей Анной, которая потомъ вышла замужъ за моряка Эша-

пара. Тутъ пошло соревнованіе въ музыкѣ; мнѣ посчастливилось, и я взяла надо всѣми верхъ. Мнѣ дали изучать какой-то дуэтъ рояля и скрипкой, я этимъ возгордилась потому, что пришлось играть съ дядей Александромъ Ѳедоровичемъ Львовымъ, сама же въ душѣ сознавала, что исполненіе мое было очень слабо и что я далеко не была достойна аккомпанировать такого знаменитаго музыканта, какъ мой дядя, да и дуэтъ не былъ въ моемъ вкусѣ; совсѣмъ не помню имя композитора, только довольно длинное. Моимъ учителемъ былъ тогда нѣкто Бланкмееръ, не симпатичный и холодный нѣмецъ.

Въ это самое время была свадьба моей тетки Ростовской, извѣстной писательницы своими дѣтскими разсказами. Всѣ ею занялись, такъ какъ свадьба состоялась во дворцѣ Царскаго Села, и государь Николай Павловичъ былъ посаженымъ отцомъ. Мы, какъ дѣти, были въ сторонѣ и жили въ нашемъ юномъ мірѣ, далеко отъ интересовъ старшихъ родныхъ, и поэтому этотъ разъ я мало слышала музыки.

Мы не долго пробыли въ Петербургѣ и опять отправились восвояси въ Минскъ. Желѣзной дороги, конечно, тогда еще не было, и мы ѣхали въ большой старинной высокой каретѣ, въ которой лежа помѣщалась наша мама, я съ сестрой и гувернантка. Отъ однообразія и дорожной скуки, маменькѣ вздумалось пробовать голосъ моей сестры, которая до сего времени никогда не издавала ни одного пѣвучаго звука. Къ нашему удивленію, оказался у нея контральтовый тембръ, такъ что по возвращеніи въ Минскъ маменька стала насъ учить пѣнію. Сначала заставляла насъ тянуть ноты отъ низкаго по очереди всю октаву, а потомъ пѣть въ два голоса „Stabat Mater“, Перголези, и съ этого времени мы не покидали пѣніе съ сестрой, распѣвали разные легкіе дуэты, голоса были вѣрные, но еще не сильные, особливо въ сравненіи со звучнымъ и глубокимъ голосомъ нашей матери.

Въ слѣдующую поѣздку нашу въ Питеръ, взяли намъ итальянскаго учителя пѣнія, но тутъ завязался споръ дяди Алексѣя Ѳедоровича съ моими родителями, что необходимо было также учить меня особенно игрѣ на роялѣ; наконецъ дядя сказалъ отцу: „ежели ты не возьмешь Надѣ учителя піаниста, то я на это рѣшусь“. Вотъ и пригласили для меня Герке, тогда послѣ Гензельта самаго знаменитаго профессора музыки. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (срокъ отпуска отца) я училась музыкѣ и пѣнію,—конечно, слишкомъ короткій срокъ, чтобы достичь большихъ успѣховъ.

Черезъ два года времени, мы опять отправились въ Петербургъ, и тогда было рѣшено, что мой голосъ много обѣщаетъ, и потому итальянецъ Негри былъ предпочтенъ, хотя Герке оспаривалъ свое

преимущество. Съ Герке я разучивала сонаты Бетховена, этюды, вальсы, мазурки Шопена, романсы безъ словъ Мендельсона. Нѣкоторыя вещи мнѣ удавались не дурно и какъ юную дѣвушку невзыскательное общество подстрекало своимъ вниманіемъ. — Пѣвецъ же Негри давалъ прямо большія оперныя аріи.

Въ Петербургѣ у насъ было много родныхъ, со стороны матери, которой надо было блеснуть своими дочерьми и выставить наши таланты, вотъ и назначили у насъ музыкальный вечеръ. Я пѣла трудную арію изъ „Лучіи“ соч. Доницетти; внутренній голосъ мнѣ подсказывалъ, что исполненіе было далеко не совершенное, но свѣжесть голоса и молодость брали верхъ надъ всѣмъ. Спѣли мы также дуэтъ изъ оперы „Джіуратенто“ Меркаденте съ сестрой моей, у которой очень развился контральтовый голосъ, бархатнаго тембра, дуэтъ намъ очень удался и очаровалъ изысканное общество. Министръ Норовъ, другъ нашихъ родителей, пришелъ въ такой восторгъ отъ нашего пѣнія, что сталъ на колѣни и поцѣловалъ наши руки.—Къ сожалѣнію, по тогдашнему времени, насъ воспитывали какъ свѣтскихъ барышень и искусству учили болѣе для блеска и украшенія въ обществѣ, я же лично все болѣе и болѣе предавалась музыкѣ и пѣнію; когда мнѣ было грустно, садилась за рояль и за музыкальнымъ исполненіемъ лучшихъ произведеній, въ мечтаніяхъ, забывала все окружающее.

Какъ 16-ти лѣтняя дѣвушка, я была не дурна собою, ловка, хорошаго роста, и маменька захотѣла представить меня императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; заказали мнѣ чудное бѣлое платье изъ шелковаго тюля съ нѣсколькими тюниками на шелковомъ чехлѣ; въ первый разъ причесалъ меня парикмахеръ, прическа мнѣ не понравилась и я находила себя странной.

Въ большомъ Зимнемъ Дворцѣ пригласили насъ войти въ комнату, которая была раздѣлена краснобархатной занавѣсью. Статсъ-дама графиня Баранова оглянула меня со всѣхъ сторонъ и такъ какъ я была очень блѣдна, прислонила къ красному бархату и сказала „Le rouge vous va et vous plairez ainsi à l'emperatrice“. Вскорѣ вошла императрица и сказала нѣсколько любезныхъ словъ; мы приложились къ ея рукѣ, и тѣмъ все кончилось. Когда мы возвращались и проходили царскія комнаты, встрѣчали генералъ-адъютантовъ и разныхъ военныхъ господъ; всѣ волновались, суетились, спѣшили куда-то; все это вмѣстѣ взятое внушило мнѣ какое-то непріятное чувство и отняло охоту бывать во дворцѣ. На слѣдующій день отецъ мой спросилъ, желаю ли я получить назначеніе во фрейлины при императрицѣ, на что я дала отрицательный отвѣтъ, и тогда взамѣнъ этого ему была дана другая награда.

Мы были приглашены на балъ въ Зимній Дворецъ и уже приго-

товились ѣхать, но за нѣсколько часовъ балъ былъ отложенъ, по случаю какого-то траура, такъ что мнѣ не удалось видѣть залы, убранныя цвѣтами, и общество въ роскошныхъ туалетахъ.

Въ театрахъ мы почти никогда не бывали. Повезли меня въ первый разъ слушать Гризи въ „Нормѣ“; сильное впечатлѣніе произвела она на меня своимъ пріятнымъ голосомъ и исполненіемъ. На слѣдующій день я такъ ей подражала въ аріи Casta Diva, что слушатели въ сосѣдней комнатѣ были поражены. Но все это были мимолетные случаи; по тогдашнему времени никто не думалъ, что надо было серьезно приняться за такой талантъ и правильно развить природныя способности.

Въ 1850 году моего отца назначили сенаторомъ въ Москву, куда мы и переѣхали на жительство. Тамъ у насъ постоянно устраивались музыкальные вечера. Много мы пѣли съ моей сестрой (которая потомъ вышла замужъ за Александра Николаевича Скобельцына). Семейство наше состояло изъ восьми человѣкъ: трехъ братьевъ и пяти сестеръ. Между собой мы были очень дружны и безпредѣльно любили отца и мать. Въ это время готовилось у насъ семейное торжество, которое мы устроили въ честь серебряной свадьбы нашихъ родителей; я была во главѣ всѣхъ дѣтей. Сработали мы полный туалетъ матери, одѣли ее съ ногъ до головы. Я сочинила поздравительное тріо, которое запѣли при пробужденіи отца и матери; цѣлое утро сопровождалось разными сюрпризами, а къ вечеру приготовили двѣ піесы, русскую и французскую, которыя семейно сыграли. Между прочимъ я выучила младшую 8-лѣтнюю сестру играть въ первый разъ на роялѣ. Взрослой дѣвушкой она была ученицей Николая Григорьевича Рубинштейна и сдѣлалась замѣчательной піанисткой. Она впослѣдствіи вышла замужъ за Дмитріева-Мамонова и когда онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Томскъ, она тамъ учредила отдѣленіе русскаго музыкальнаго общества. Для составленія капитала она устраивала постоянно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ концерты, въ которыхъ сама исполняла замѣчательныя классическія произведенія Бетховена, Шумана, Листа, Рубинштейна и т. д., съ большимъ талантомъ и съ громаднымъ успѣхомъ. Она была утверждена великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ предсѣдательницей отдѣленія русскаго музыкальнаго общества, и Сибирь ей обязана своимъ музыкальнымъ развитіемъ. Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ выслалъ ей изъ Москвы чудный рояль Беккера.

Семейный праздникъ нашъ очень удался, это было въ началѣ нашего пребыванія въ Москвѣ. Насъ посѣщало большое общество; сестру и меня пригласили пѣть въ концертѣ, данномъ съ благотворительною цѣлью въ большомъ залѣ Дворянскаго собранія. Мы пѣли

дуэтъ изъ „Пророка“ Меербера и другой изъ Доницетти; вѣроятно, шло недурно, потому что спустя два года, когда мы были обѣ замужемъ, слушая насъ у Ивана Васильевича Капниста, гдѣ насъ просили пѣть, одинъ изъ присутствующихъ выразилъ свое мнѣніе слѣдующими словами: „Я второй разъ слышу такое чудное исполненіе; двухъ сестеръ Семеновыхъ въ концертѣ, а теперь этихъ молодыхъ дамъ“. Вообще тогда въ Москвѣ мало кто пѣлъ, какъ мы, и по этому случаю каждую недѣлю къ намъ собирались, чтобы насъ слушать.

Въ зимній сезонъ возили меня по баламъ, которые тогда въ Москвѣ были въ большой модѣ; они меня особенно не привлекали, все мнѣ казалось какъ-то чуждо, общество было мнѣ мало знакомое, товарокъ также не было, и потому я почти не отходила отъ матери, что, конечно, находили оригинальнымъ. Къ тому же, я была очень застѣнчива.

На балу у Римскаго-Корсакова въ 1851 году былъ мнѣ представленъ очень красивый и интересный молодой человѣкъ, 22 лѣтъ; онъ такъ меня поразилъ, что при его поклонѣ, я вся вздрогнула и сейчасъ вообразила, что это счастливое предзнаменованіе: въ этомъ не ошиблась, то былъ Василій Николаевичъ Невѣдомскій, за котораго въ слѣдующемъ году я вышла замужъ. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ. Страстно я его полюбила, онъ все въ себѣ соединялъ: красоту, молодость, широкое образованіе, необыкновенную память, рѣдкій даръ слова, и при всемъ этомъ изящное воспитаніе. Тогда онъ служилъ чиновникомъ при генералъ-губернаторѣ графѣ Закревскомъ, но вскорѣ перешелъ въ Сенатъ помощникомъ секретаря къ Побѣдоносцеву.

Устроились мы очень скромно, средства у насъ были маленькія. Отецъ мой выдавалъ 150 рублей въ мѣсяцъ, у моего мужа не было никакого состоянія. Семейство Невѣдомскихъ состояло изъ 12 человѣкъ дѣтей; приходилось на каждаго члена неопредѣленное и очень незначительное пособіе для жизни. По родству и странному тогдашнему взгляду нашли необходимымъ, чтобы у насъ былъ свой выѣздной экипажъ; три тысячи были издержаны на мое приданое и въ томъ числѣ куплена карета. При крѣпостномъ правѣ и дешевизнѣ можно было еще жить и довольствоваться этими малыми средствами.

Жена генералъ-губернатора, графиня Закревская (очень эксцентричная дама) затѣяла любительскій спектакль, въ которомъ я должна была играть главную роль и пѣть. Все это я удачно исполнила, и извѣстный Маркевичъ отзывался съ большой похвалой о моемъ талантѣ. Мнѣ пришлось также участвовать въ нѣсколькихъ благотворительныхъ концертахъ, въ одномъ, между прочимъ, гдѣ пѣла знаменитая пѣвица Лагранжъ. Графъ Гудовичъ, хорошій музыкантъ, критически ко всему относившійся, нашелъ, что моимъ голосомъ я

убила Лагранжъ; публика была такъ снисходительна и добра къ моей молодости, что несчетное число разъ меня вызывала и безумно аплодировала. Но я нисколько этимъ не возгордилась; по характеру, а главное по воспитанію, я была еще очень застѣнчива, мнѣ даже совѣстно было пѣть, во весь голосъ у себя дома, мнѣ все казалось, что я слишкомъ кричу, такъ какъ мой голосъ раздавался во всемъ Штатномъ переулкѣ, въ которомъ мы тогда жили. Въ это время итальянецъ Пицинато былъ извѣстный преподаватель пѣнія, онъ просилъ моего мужа давать мнѣ уроки за стаканъ воды. Конечно, мой мужъ на это не согласился, я же каждый день одна упражнялась часами и постоянно мнѣ слышался таинственный голосъ: „это тебѣ пригодится".

Знакомыхъ домовъ у насъ было много, но частые выѣзды очень наскучили, мы старались ихъ избѣгать. Была я на вечерѣ у нашей извѣстной поэтессы графини Растопчиной, у которой мнѣ пришлось много пѣть—нѣсколько пѣсенъ Шуберта; я имѣла счастье такъ ей понравиться моимъ исполненіемъ, что она написала слова на двѣ мазурки Шопена, которыя просила позволеніе мнѣ посвятить при слѣдующей запискѣ.

Voici Madame les paroles pour les deux Masourka de Chopin, je suis heureuse de penser qu'elles seront peut-être chanter par une aussi belle voix et par une aussi charmante femme! Si je me décide, à les faire imprimer, voulez vous me permettre de vous les dedier. En leur donnant pour patronage le talent, la jeunesse et la grâce réunies—je croirais leur porter bonheur!

Je saisis cette vecasion, Madame, de vous assurer, de tout la sympathie que vous porte.

Votre très dévouée. Comtesse E. Rostoptchine.

СТИХИ НА МАЗУРКИ.

ПЕРВАЯ МАЗУРКА.

ГРУСТЬ НЕВѢСТЫ.

Полночь бьетъ и свищетъ вьюга.
Что ты, дѣвушка, одна...
Что не спишь... Иль ждешь ты друга,
Торопliва и блѣдна...
Да, я жду... Онъ обѣщалъ мнѣ
Посѣтить свой край родной;
Онъ пріѣдетъ... Онъ писалъ мнѣ:
„Жди меня, примчусь съ зимой..."
Въ бѣлый сарафанъ свой широкій
Вотъ зима ужъ облеклась:
Гдѣ же милый, гдѣжъ далекій,
Иль забылъ совсѣмъ про насъ.

Вотъ и святки миновали...
Вотъ насталь и Новый годъ...
Нѣтъ его... Изъ чуждой дали
Онъ и вѣсточки не шлетъ...
Знать, везетъ ему тамъ счастье.
Край родной ему не милъ...
Знать, онъ счастливъ новой страстью
И невѣсту позабылъ...
Нѣтъ, не плачь, не плачь, дѣвица,
И на друга не пеняй.
Вотъ письмо: скорѣй свѣтлицу
Доброй вѣсти отворяй...
Вѣренъ онъ тебѣ въ чужбинѣ,
Дышетъ тамъ тобой одной...
Онъ, какъ прежде, любитъ нынѣ
Отчій домъ и край родной.

ВТОРАЯ МАЗУРКА.

ПИСЬМО ОТЪ ДРУГА.

За морями, за горами
Я одинъ въ странѣ чужой
Подъ чужими небесами
Вѣренъ я странѣ родной.
Тамъ живетъ моя денница
Люба прежняя моя,
Свѣтлоокая дѣвица
Все зоветъ и ждетъ меня.
За морями, за горами,
Не забылъ я прежнихъ дней,
Подъ чужими небесами
Вѣренъ первой милой я своей.
Я видалъ красавицъ много...
Много черныхъ, свѣтлыхъ глазъ,
Сердце сладкою тревогой
Воспѣвали мнѣ не разъ:
Но предъ этими глазами,
Не забылъ я прежнихъ дней,
За морями, за горами
Вѣренъ первой Любѣ я своей...
И плѣнительнымъ видѣньямъ
Посвящалась жизнь моя,
И минутнымъ искушеньямъ,
Грѣшный, предавался я...
Но и съ новыми мечтами,
Не забылъ я прежнихъ дней,
За морями, за горами,
Вѣренъ прежней, милой я своей...

Все мнѣ снится кровъ родимый
Подъ синѣющимъ дымкомъ...
Тамъ она съ сестрой любимой
И съ сѣдымъ моимъ отцомъ...
За морями, за горами,
Не забылъ я прежнихъ дней,
Я душой живу съ друзьями,
Съ первой, милой Любою моей.

Я была очень тронута лестнымъ вниманіемъ талантливой графини, но не могла сейчасъ исполнить ея желаніе и примѣнить слова къ мазуркамъ; даже не пришлось мнѣ болѣе ее встрѣчать, такъ какъ пріѣхалъ къ намъ отецъ моего мужа больнымъ и вскорѣ умеръ отъ рака; мы поѣхали на похороны въ его имѣніе Подобино Тверской губерніи. Болѣзнь и смерть отца очень подѣйствовали на здоровье моего мужа, который вообще не былъ крѣпкаго сложенія; намъ не хотѣлось болѣе оставаться въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что мой отецъ былъ переведенъ сенаторомъ въ Петербургъ, и мы переѣхали туда. Мой мужъ получилъ назначеніе секретаремъ въ Сенатѣ и часто приходилось ему исполнять должность оберъ-секретаря. Онъ очень ревностно занимался службой и приводилъ въ восторгъ присутствующихъ сенаторовъ своими докладами, что передали моему отцу. О характерѣ, дѣйствіяхъ и дѣятельности моего мужа хочу составить особенную главу.

Въ Петербургѣ за мой голосъ меня полюбили всѣ родственники Львовы, особливо дядя Алексѣй Ѳедоровичъ, у котораго каждую недѣлю устраивались замѣчательные квартетные вечера, которые меня приводили въ полный восторгъ. Приходилось мнѣ въ нихъ участвовать. Я пѣла партію Донъ-Эльвиры въ тріо изъ „Донъ-Жуана“ Моцарта съ извѣстной дилеттанткой камеръ-фрейлиной Полиной Бартеневой и съ знаменитымъ теноромъ Кальцоляри; исполняла также съ увлеченіемъ романсы Шуберта съ аккомпаниментомъ скрипки и романсы тетки Надежды Ѳедоровны Самсоновой. Каждый разъ получала большія похвалы отъ графа Віельгорскаго и отъ всѣхъ артистовъ. Наконецъ, видя мой успѣхъ, дядя пожелалъ, чтобы я приходила къ нему каждый вечеръ, для изученія подъ аккомпаниментъ скрипки его оперу „Ундину“, что я дѣлала съ большимъ удовольствіемъ. Скоро я превозмогла всѣ трудности, несмотря на то, что партія была написана очень высокой тецитурой. Было рѣшено спѣть всю оперу въ дворцовой пѣвческой капеллѣ, гдѣ состоялъ директоромъ дядя. Для исполненія другихъ партій, онъ пригласилъ знаменитыхъ итальянскихъ артистовъ: Лаблаша, Кальцоляри и Александрову-Кочетову для второй женской партіи. Зало было полно приглашенныхъ. Извѣстный

Улыбышевъ подошелъ ко мнѣ, поздравилъ съ успѣхомъ и былъ совершенно тронутъ, что русская достигла такого исполненія; тогда въ Петербургѣ была знаменитая и очаровательная пѣвица Бозіо; онъ увѣрялъ, что мой голосъ звучалъ гораздо лучше, чему, конечно, я не довѣряла. А когда я ему сказала, что моя мечта ѣхать за границу и предпринять артистическую карьеру, старикъ вскочилъ отъ радости. Я была совершенно взволнована отъ всѣхъ похвалъ, одни говорили, что у меня милліоны въ горлѣ. Лаблашъ находилъ, что я напоминала Джени Линдъ.

Все это я достигла самоучкой, потому, что хорошаго постояннаго учителя пѣнія я не имѣла, опредѣленную школу я не прошла, но вѣрила твердо и горячо въ свою счастливую и удачную будущность, какъ умѣютъ вѣрить только смолоду, не предвидя всѣхъ трудностей. На слѣдующій день послѣ исполненія оперы „Ундины", прислали мнѣ со всѣхъ сторонъ цвѣты, а дядя ожерелье крупныхъ розовыхъ коралловъ съ замочкомъ, на которомъ было гравировано „дорогой Ундинѣ". Этотъ успѣхъ вскружилъ мнѣ голову и далъ желаніе совершенствоваться и серьезно заняться музыкой и пѣніемъ; тогда надо было ѣхать за границу; сама судьба помогла исполнить мое влеченіе.

Здоровье мое сильно разстроилось отъ нервнаго возбужденія, петербургскій климатъ также дурно повліялъ на слабый организмъ моего мужа, и намъ было предписано докторами ѣхать на воды и потомъ на морскія купанья. Для леченія сезонъ еще не начался, мы и рѣшились сначала ѣхать прямо въ Парижъ; я заручилась письмомъ отъ дяди къ Віардо, она очень его любила и во время своего пребыванія въ Петербургѣ, цѣлыми вечерами у него пѣла, когда я еще была ребенкомъ и мы жили въ Вильнѣ.

По прибытіи нашемъ въ Парижъ, я тотчасъ отправилась къ Віардо съ письмомъ; она съ удовольствіемъ согласилась давать мнѣ уроки пѣнія; я также захотѣла учиться итальянскому языку, она мнѣ рекомендовала г-на Моненъ.

Моненъ показался мнѣ очень интереснымъ, усердно со мной занимался; онъ все грустилъ по Италіи, жаловался на головную боль, но мало распространялся о своей жизни; меня влекло за нимъ ухаживать, такъ старикъ былъ симпатиченъ, но постоянно задумчивый и унылый. Условіе вознагражденія за уроки не было сдѣлано, и послѣ десяти уроковъ мой мужъ отправился къ г-жѣ Віардо, чтобы узнать, сколько мы ему должны? На этотъ вопросъ она у него спросила: „знаете ли вы съ кѣмъ имѣете дѣло, это знаменитый Манини, послѣдній венеціанскій дожъ". Это открытіе такъ поразило моего мужа, что онъ тотчасъ отправился къ нему, но не могъ его видѣть, потому что онъ былъ опасно боленъ и вскорѣ умеръ. У меня сохраняется

тетрадь съ его рукописными поправками. Уроки г-жи Віардо не мнѣ принести большой пользы, они были слишкомъ кратковременны, и при томъ она заставляла меня исполнять слишкомъ трудныя вещи безъ предварительнаго приготовленія; голосомъ моимъ и талантомъ восхищалась и совѣтовала ѣхать въ Лондонъ брать уроки пѣнія у ея брата, Manuel Garzia. Мы прожили два мѣсяца въ Остенде для морскихъ купаній, а въ октябрѣ мѣсяцѣ отправились въ Лондонъ, гдѣ начала серьезно работать подъ руководствомъ Гарсіа, а теорію музыки брала уроки у знаменитаго віолончелиста Моликa, которому мой голосъ особенно понравился. Онъ уговаривалъ меня не слишкомъ утомлять его разными упражненіями, чтобы не терять его звучность, густоту и мягкость тембра. Гарсіа, которому я вполнѣ довѣряла, давалъ мнѣ пѣть партіи самаго высокаго сопрано въ перемежку съ самыми низкими для контральто, онъ понялъ силу моего голоса, но дѣйствовалъ какъ съ выгодной и очень молодой ученицей. За каждый урокъ я оставляла гинею. Прежде всего, время у него считалось золотомъ и каждый часъ новая ученица смѣняла другую. Віардо и онъ не утруждали себя, первая берегла остатокъ своего голоса, а Гарсіа не могъ за недостаткомъ голоса ничего основательно показать или исполнить. Оба говорили мнѣ при трудномъ пассажѣ или трилирѣ на самыхъ высокихъ нотахъ „allez toujours“. Что придавало храбрости, но не умѣнья и знанія.

Уроки съ Гарсіа и съ Моликомъ продолжались шесть мѣсяцевъ. Весной для поправленія здоровья отправились мы на воды въ Висбаденъ, тамъ я познакомилась съ г-жей Вильгельми, прекрасною пѣвицей, матерью знаменитаго віолончелиста; много мы вмѣстѣ пѣли и наслаждались музыкой. Приходилъ со мной знакомиться маркизъ Санъ-Піери, извѣстный въ то время дилеттантъ, который зналъ Малибранъ и Віардо; онъ меня слушалъ и сильно поддерживалъ въ мысли предпринятія артистической карьеры; приглашалъ какъ можно скорѣе ѣхать въ Италію, куда я и стремилась, тѣмъ болѣе, что обѣтованною землею для восторженныхъ душъ была тогда именно Италія.

Маркизъ далъ мнѣ рекомендательное посьмо къ Лаперти, знаменитому учителю пѣнія въ Миланѣ, тутъ я также познакомилась съ маркизомъ Трекки; бывшій адъютантъ короля Италіи Виктора Эмануеля, онъ предложилъ насъ встрѣтить въ Миланѣ, гдѣ сейчасъ же по его рекомендаціи импрессарій доставилъ мнѣ выгодное приглашеніе какъ дебютантки примадонной въ городъ Піаченцу; но къ моему огорченію ничего не состоялось, моего молодаго мужа вдругъ эта карьера испугала, онъ вообразилъ, что этотъ Трекки за мной ухаживаетъ, и потому объявилъ желаніе все бросить и возвратиться въ Россію, что мы и сдѣлали безъ всякой борьбы. Любовь моя къ мужу

превышала всѣ другія чувства. Такъ какъ его здоровье было слабое, я всю мою жизнь за него боялась, и развилась у меня суевѣрная покорность року и раздвоеніе чувствъ, любовь безграничная къ мужу и такая же къ искусству. Никто не зналъ той внутренней драмы, которая развивалась и все росла въ душѣ. Я избѣгала говорить. Поѣхали мы прямо въ Петербургъ и остановились у моего отца. Родители мои были въ восторгѣ рѣшеніемъ моего мужа бросить артистическую карьеру. Отецъ мой уговорилъ моего мужа вступить на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, лѣтомъ ему были поручены ревизіи въ нѣсколькихъ губерніяхъ, я всюду его сопровождала, несмотря на ужасныя проселочныя дороги и на всякія неудобства и лишенія. Я говорила моему мужу, что хочу всюду быть его товарищемъ, тѣмъ болѣе, что мы были лишены счастія имѣть дѣтей.

Я находила, что въ принципѣ нужно, чтобъ любовь проникла всю нашу сущность, всего человѣка и не оставалась пустою мыслью.

Музыкой и пѣніемъ мнѣ совершенно не приходилось заниматься лѣтомъ, но я захватила съ собой много разныхъ книгъ, передумывала и перечитывала многое русское и иностранное, все, что только касалось искусства и пѣнія. Зиму же мы провели въ Петербургѣ, гдѣ я много пѣла въ обществѣ, и ни одинъ концертъ не могъ состояться безъ моего участія. Пѣла я нѣсколько разъ въ Университетѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, также въ память Чешскаго поэта Ганки—въ пользу его семейства. Извѣстный музыкантъ Воячекъ просилъ меня спѣть нѣсколько чешскихъ пѣсенъ, между прочимъ, старинную славянскую пѣсню Нитру и чешскія народныя пѣсни; онъ былъ пораженъ, какъ я инстинктивно поняла ихъ характеръ. Студенты же по обыкновенію приходили въ восторгъ и, провожая меня, называли Ганочкой. Въ этотъ самый сезонъ графиня Строганова, попечительница всѣхъ дѣтскихъ пріютовъ въ Петербургѣ, поручила Антону Григорьевичу Рубинштейну устроить концертъ въ пользу ея пріютовъ, онъ пріѣхалъ просить меня участвовать и для переговоровъ собраться въ зданіе Думы, приглашены также были Штуве, Шиловская, Вениявскій, Петровъ.

Я предложила спѣть большую концертную арію Бетховена съ оркестромъ и нѣсколько романсовъ, которые мнѣ аккомпанировалъ Рубинштейнъ. Г-жа Калержи, ур. Нессельроде, большая музыкантша, захотѣла со мной познакомиться, такъ ей понравилось мое исполненіе. Петровъ, нашъ знаменитый артистъ и пѣвецъ, восхищался объемомъ и ровностью моего голоса во всѣхъ регистрахъ, наконецъ, великая княгиня Елена Павловна, которая присутствовала на генеральной репетиціи, пригласила меня въ свою ложу, спросила, кто былъ мой преподаватель, и пожелала, чтобы я у нея была. Черезъ нѣсколько

дней спустя великая княгиня поручила княжнѣ Львовой письмен пригласить меня на вечеръ. Я никогда не забуду ея простое и м лое расположеніе ко мнѣ. Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевск встрѣтилъ меня на лѣстницѣ и ввелъ въ гостиную, гдѣ я нашл самое изысканное небольшое общество, какъ князь Черкасскій, Ива Сергѣевичъ Тургеневъ, Вьетанъ, Рубинштейнъ, Штуве (впослѣд ствіи жена Ал. Ал. Абазы). Великая княгиня любезно со всѣми г ворила и своимъ привлекательнымъ умомъ умѣла всѣхъ очаровыва она поручила князю Одоевскому просить меня пѣть и такъ как нотъ я съ собой не привезла, приказала выбрать въ ея музыкальн библіотекѣ по моему желанію. Я спѣла арію Ивы изъ оперы „Отелл Россини и арію Шуберта, Рубинштейнъ мнѣ аккомпанировалъ чт меня особенно вдохновляло. Всѣ меня поздравляли, а Вьетанъ выр жалъ восхищеніе, на что Рубинштейнъ отвѣчалъ: Il faut l'entendr dans l'air de Bethoven. Великая княгиня благодарила, апплодировал и все это меня сильно взволновало; тѣмъ болѣе, что наканунѣ этог вечера, когда я была у моей тетки Львовой и сказала, что я пригл шена къ великой княгинѣ, она меня предупредила, что мнѣ будет неловко, стѣснительно, на что я отвѣчала: „въ такомъ случаѣ у мен голова заболитъ и я тотчасъ уѣду". Случилось же совершенно прот воположное, нигдѣ не встрѣчала я столько простоты и предупред тельности.

Мнѣ было пріятно видѣть тамъ Ивана Сергѣевича Тургенева, к торый за нѣсколько дней передъ этимъ пріѣзжалъ съ нашимъ п этомъ Апухтинымъ со мной познакомиться, такъ какъ г-жа Віардо ем говорила обо мнѣ и рекомендовала меня.

Я была польщена этимъ фактомъ, пригласила его къ намъ обѣ дать, но такъ какъ это было въ началѣ нашего пріѣзда изъ-за гр ницы, а мы жили въ домѣ родителей, у которыхъ остановились на время, то это насъ очень стѣсняло и не давало свободу въ дѣй ствіяхъ и разговорахъ. За обѣдомъ Иванъ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ, что приглашенъ къ великой княгинѣ, и что придется ему сбрить бороду по этому случаю, потому что не принято ее носить въ Россіи: это меня поразило, и на это мой отвѣтъ былъ, что не подобаетъ Ивану Сергѣевичу что-либо мѣнять въ своихъ привычкахъ для кого бы то ни было. Апухтинъ часто у насъ бывалъ и, слушая меня, на писалъ въ мой альбомъ слѣдующіе стихи:

Я слушалъ васъ... Мои мечты
Летѣли вдаль отъ свѣтской скуки;
Надъ шумомъ праздной суеты
Неслись чарующіе звуки.

Я слушалъ васъ... и мнѣ едва
Не снились вновь, какъ въ часъ разлуки,
Давно замолкшія слова,
Давно исчезнувшіе звуки.
Я слушалъ васъ... и нынѣ грудь,
И сердце рвалося отъ муки,
И слово горькое: „Забудь"
Твердили гаснувшіе звуки.

Съ Иваномъ Сергѣевичемъ я также часто встрѣчалась у Гирсъ; г-жа Гирсъ была очень талантливая музыкантша; Антонъ Рубинштейнъ посѣщалъ эти вечера, и составился нашъ кружокъ, собиравшійся у нея, у Веригиной и у меня. Рубинштейнъ тогда издалъ тетрадь романсовъ, посвященныхъ по одному каждой изъ насъ. То время было самое интересное; подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны устраивались концерты Русскаго музыкальнаго общества, дирижеромъ которыхъ былъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Они пользовались громаднымъ успѣхомъ и многолюднымъ посѣщеніемъ. Директора общества прислали ко мнѣ депутацію во главѣ своего секретаря Дмитрія Стасова, съ приглашеніемъ пѣть въ одномъ изъ концертовъ. Я согласилась съ удовольствіемъ, хотя другая партія (во главѣ которой былъ мой дядя Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ) протестовала, я же лично находила, что искусство выше всѣхъ личностей и партій, назначила арію изъ „Fidelio" Бетховена и другую съ хоромъ изъ „Оберона" Вебера. Успѣхъ былъ значительный, превзошелъ всѣ ожиданія, князь Одоевскій, Теофилъ Толстой и многіе другіе меня окружили. Одни находили, что я лирическая пѣвица, другіе, что тембръ голоса драматичный, сильный и выразительный. Много обо мнѣ говорили. Бабушка моя Елизавета Николаевна Львова гордилась своей внучкой и пригласила меня на слѣдующій день ѣхать съ нею въ оперу; меня также часто слышали въ дворцовой капелѣ, гдѣ я пѣла съ благотворительною цѣлью, и потому въ ложѣ я служила предметомъ общаго вниманія. Дядя Алексѣй Ѳедоровичъ воспользовался этимъ успѣхомъ и назначилъ у себя музыкальный вечеръ. Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, великій князь Константинъ Николаевичъ и герцогъ Мекленбургскій удостоили своимъ присутствіемъ. Я пѣла романсы Шуберта и русскую пѣсню сочиненія дяди; она очень понравилась, и мнѣ передали, что на другой день цесаревичъ все ее распѣвалъ. За достовѣрность этого факта не ручаюсь. Мало ли, что сочиняютъ, чтобы польстить молодую талантливую женщину, и я душою не прельщалась всѣми этими заманчивыми успѣхами. Искра божественнаго огня, истиннаго уваженія къ искусству сидѣла у меня глубоко, артисти

ческая карьера представлялась мнѣ нескончаемой вереницей все н
выхъ и новыхъ радужныхъ впечатлѣній. Вѣчно я строила проек
и планы, которые рѣдко исполнялись. Съ любящей и экзальтиров
ной натурой по природѣ я почти постоянно страдала внутрен
за жизнь и слабое здоровье моего мужа и, вмѣстѣ съ этим
говорила, что мои волненія и желаніе воспользоваться своим
томъ мнѣ много горя принесутъ. Мы потеряли въ предпріятіях
часть нашего маленькаго капитала, моему мужу министръ госуд
ственныхъ имуществъ предложилъ зимнюю ревизію въ отдаленну
Оренбургскую губернію, безъ всякаго оклада, къ тому же здоров
его такъ пошатнулось, что знаменитый докторъ Здекауэръ посыл
безъ оглядки въ теплый климатъ за границу, какъ можно скоре
Вотъ мы и рѣшились бросить службу, продали все движимое и н
ѣхали съ намѣреніемъ исполнить мое завѣтное желаніе; я дума
что этимъ также помогу моему мужу. Но это было лишь мечта
на то недостаточно имѣть неугасимую энергію, талантъ, голос
другое требовалось, что не приставало къ моимъ взглядамъ и уб
жденіямъ. Сначала приходилось бороться противъ предубѣжден
родныхъ и тогдашняго взгляда на артистическую карьеру, и вообщ
мое положеніе не отличалось благопріятными условіями для ши
кой артистической дѣятельности. Всѣ мои родственники были пр
тивъ этого, дядя Алексѣй Ѳедоровичъ не хотѣлъ мнѣ дать рекоме
дательныя письма ни къ Ѳетису (извѣстный музыкальный историк
и критикъ въ Брюсселѣ), ни къ Оберу, ни къ Берліозу, хотя он
всѣхъ ихъ зналъ и былъ съ ними въ перепискѣ. Антонъ Григорье
вичъ Рубинштейнъ также былъ недоволенъ, что я оставляю Петер
бургъ, когда могла быть полезна участіемъ въ концертахъ Русско
музыкальнаго общества, великая княгиня Елена Павловна желал
чтобы я жила у нея во дворцѣ и участвовала на всѣхъ музыкаль
ныхъ вечерахъ, которые давались у нея, но мнѣ невозможно бы
ни на что согласиться.

Поѣхали мы сначала въ Висбаденъ. Тамъ я познакомилась с
извѣстнымъ скрипачемъ, профессоромъ Давидомъ, который пригласил
меня пріѣхать въ Лейпцигъ. Я воспользовалась этимъ случаемъ, ми
очень хотѣлось пѣть въ Гевандгаузенѣ, туда пріѣхалъ со мной зна
комиться Мошелесъ, аккомпанировалъ мнѣ концертную арію Бетховен
и я должна была на слѣдующій сезонъ пріѣхать по приглашенію
пѣть въ Гевандгаузенѣ. Оттуда заѣхали мы въ Баденъ-Баденъ, всюд
въ обществѣ и въ казино меня приглашали пѣть, тамъ я также по
знакомилась съ Берліозомъ, который совѣтовалъ мнѣ пріѣхать на
зиму въ Парижъ. Все общество собиралось въ казино меня слушать
наши посланники Бутеньевъ, Титовъ, графъ Хребтовичъ, Барятинскій,

Гамздорфъ, лэди Сеймуръ съ дочерьми, всѣ ко мнѣ пріѣзжали и, когда я пѣла арію Генделя „Figlio mia non piagerno“, то рѣшительно всѣ были до слезъ взволнованы, и кто-то сказалъ: „посмотрите на графа Хребтовича,—и тотъ въ слезахъ“. Великая княгиня Елена Павловна находилась также въ Баденѣ, часто за мной присылала г-жу Раденъ, свою статсъ-даму, очень благосклонно относилась ко мнѣ и къ моему мужу, много съ нимъ говорила, спросила также, отчего онъ оставилъ службу и не желаетъ ли ее возобновить, но здоровье его уже было слишкомъ разшатано, денежныя дѣла въ очень плачевномъ состояніи, и потому невозможно было возвратиться въ Россію, и мы поѣхали прямо во Флоренцію. Какъ переѣхали Альпы, моему мужу стало лучше и кашель принялъ менѣе острый и опасный оборотъ.

По нашемъ пріѣздѣ во Флоренцію, я сейчасъ отправилась къ знаменитому профессору пѣнія старику Романи, изучила съ нимъ нѣсколько оперъ; онъ былъ доволенъ моими успѣхами; познакомилась также съ княземъ Понятовскимъ, почетнымъ директоромъ театра Pergola. Его жена была извѣстная пѣвица делеттантка, замѣтно было, что мой голосъ имъ особенно понравился, но все для достиженія цѣли не то было надо, и внутреннее чувство мнѣ внушило разныя грустныя мысли. Послѣ двухъ мѣсяцевъ занятій поѣхали мы въ Миланъ, гдѣ устраиваются всѣ приглашенія. Извѣстный импрессаріо Лорини, прослушавъ меня, изъявилъ желаніе пригласить на три года, чему я воспротивилась, хотя онъ мнѣ сказалъ, что Арто, Требелли не могли бы ничего сдѣлать безъ него. Онъ имъ устраивалъ рекламы и статьи въ газетахъ, но для меня такъ все это было ново, что пугало, и я только соглашалась на одинъ сезонъ ѣхать въ Туринъ. Страшная ошибка и непониманіе своихъ выгодъ, чѣмъ онъ, конечно, воспользовался.

Первый мой дебютъ былъ въ „Поліектѣ“, соч. Доницетти. Когда я вышла на сцену, мой импрессаріо сказалъ, что его обдало холодомъ; такъ я ему напомнила Рашель (которую въ юности моей я видѣла въ этой самой роли). Весь первый актъ прошелъ хорошо до финала, тутъ молодой баритонъ сталъ повышать голосъ, и такой былъ разладъ хора съ оркестромъ, что меня совершенно смутило; къ счастью, у капельмейстера въ оркестрѣ была скрипка въ рукахъ, я ему мигнула, чтобы онъ тронулъ одну струну, и тотчасъ вступила вѣрно въ мое соло, такъ что возстановила весь хоръ. Публика покрыла меня аплодисментами, а когда опустили занавѣсь, дирекція пришла меня поздравить, всѣ же артисты назвали меня ангеломъ спасителемъ, потому что, не возьми я вѣрную ноту, дирекція протестовала бы весь артистическій персоналъ, и мы должны были бы всѣ отправиться безъ гонорара восвояси.

Второй дебютъ былъ въ „Лукреціи Борджіа“, третья опера—„Норма“. Теноръ, пѣвшій со мной, былъ старый извѣстный артистъ, онъ такъ былъ обиженъ, что назначили въ двухъ операхъ сряду меня протогонисткой, что на послѣднемъ представленіи „Лукреціи“, во время дуэта мѣнялъ ритмъ и старался меня сбить, но ему не удалось, это меня такъ возмутило, что въ послѣднемъ восклицаніи въ дуэтѣ, вмѣсто выраженія горя, что Женнаро отравленъ, я радостно вскрикнула и тѣмъ заглушила большую овацію.

Въ „Нормѣ“ я имѣла громадный успѣхъ, меня забросали цвѣтами и по телеграфу меня приглашали исполнить самую оперу въ Пизѣ, но я не рѣшилась ѣхать, такъ какъ по случаю утомленія и горловой простуды боялась повредить голосу. Большая ошибка, доказывающая полную неопытность.

Нервы мои были сильно возбуждены, я поддерживала свои силы бульономъ и краснымъ теплымъ виномъ, никакой пищи не могла найти по своему вкусу. Однажды не могла встать съ постели отъ постояннаго головокруженія, а въ этотъ день былъ назначенъ бенефисъ молодой дѣвушки балерины, долженствующей танцовать во время антрактовъ. Ей были приготовлены подарки, и она пришла ко мнѣ и умоляла пѣть, не отлагая день представленія. Я обѣщала исполнить ея желаніе, ежели буду въ состояніи стоять на ногахъ. Силой воли достигла желаемаго и вечеромъ исполнила партію Лукреціи. Это осчастливило бенефиціантку.

Съ артистами я старалась быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, хотя они были мало образованы и воспитаны въ Италіи. Никто не игралъ ни на какомъ инструментѣ и потому меня считали профессоромъ и называли увеличительнымъ нарѣчіемъ (profesorano). Говорила я съ ними по-итальянски въ третьемъ лицѣ, по обычаю общественнаго разговора. Моя сдержанность никому не нравилась, хотя я всѣхъ принимала, угощала и старалась имъ угождать. Прислуга моя мнѣ призналась, что ей предлагали хорошее вознагражденіе, чтобы мнѣ всыпать наркотинъ, отъ котораго я бы не умерла, но пропалъ бы голосъ.

Жили мы очень скромно и долговъ не дѣлали, то и распространяли слухъ, что я не нуждаюсь въ заработкѣ, а пріѣхала изъ любви къ искусству и забираю ихъ деньги, тѣмъ болѣе, что я не допускала за собой ухаживать и гордо смѣялась надъ тѣми, которые мнѣ предлагали дворцы и богатство. Также я не соглашалась на ихъ обычай, во время своего бенефиса, выставлять при входѣ въ театръ большой подносъ для собиранія подарковъ и денежныхъ приношеній. Большую часть прибыли бенефиса отдавала хору, который составлялся изъ ремесленниковъ и бѣднаго народа.

Разъ, проходя съ мужемъ по набережной въ Генуѣ, мы встрѣтили крестьянина, который несъ на спинѣ большой тюкъ. Увидя меня, онъ бросилъ его въ сторону, сталъ на колѣни и закричалъ: „Viva signora Duno". Въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ я пѣла, на стѣнахъ были написаны эти восклицанія. Серенады часто ночью давались мнѣ передъ моими окнами, такъ что мнѣ приходилось вставать, одѣваться и выходить на балконъ для выраженія благодарности. Вообще итальянская публика ко мнѣ очень горячо относилась. Въ Италіи публика живая, страстная, впечатлительная, не сдержанная, она вся точно бурлитъ страстями, вся дышитъ жизнью, прорывающейся въ каждомъ крикѣ, въ каждомъ движеніи, она сама собой вдохновляетъ артиста. Такъ было въ семидесятыхъ годахъ. Въ теперешнемъ общемъ направленіи, можетъ быть, все перемѣнилось. Послѣ Турина я получила приглашеніе пѣть въ Перуджіо, гдѣ исполнила четыре оперы. На первой репетиціи съ оркестромъ, я нашла, что все шло очень плохо и что директоръ оркестра по преклонному возрасту не былъ на высотѣ своего призванія; я протестовала, заявляя, что такъ идти не можетъ, что я отказываюсь пѣть. На спѣвкахъ же съ роялью у меня на квартирѣ игралъ и дирижировалъ Кортичелли, бывшій ученикъ Меркаданте; я предложила дирекціи его взять для оркестра, а бывшему дать денежное вознагражденіе, что и было рѣшено,—и такъ исполнялась завѣтная мечта Кортичелли.

Во время моего пребыванія въ Перуджіо, меня постигло ужасное горе. Я получила извѣстіе изъ Россіи о смерти моего отца. Мать моя писала мнѣ и просила бросить карьеру и ѣхать свидѣться съ нею и съ младшей сестрой въ Берлинъ, на что я думала на время рѣшиться по окончаніи сезона. Но каковъ былъ ударъ, когда я получила телеграмму, что сама мама опасно занемогла; отправиться въ Россію мнѣ было невозможно: средствъ не хватало на такое дальнее и дорогое путешествіе. Она скончалась, и я должна была вынести это страшное горе, продолжать пѣть и исполнять долгъ, предписанный судьбою.

Все переживается и не поддается описанію. Кому какой интересъ былъ въ томъ, что я чувствовала. Сколько надо было силы воли, энергіи, чтобы не падать духомъ и побѣдить душевную скорбь. Надо было идти впередъ, но къ несчастью часто во многомъ заблуждалась, вслѣдствіе экзальтированнаго характера. Постоянныя музыкальныя занятія еще болѣе развивали безотчетное вѣрованіе во всевозможное и невозможное и внушали религіозное поклоненіе искусству для искусства.

Изъ Перуджіо отправились мы во Флоренцію, тамъ встрѣтили многихъ нашихъ русскихъ знакомыхъ, съ которыми часто видѣлись,

соединялись и ходили вмѣстѣ обѣдать въ маленькій недорогой ресторанъ. Кружокъ былъ интересный. Профессоръ Александръ Николаевичъ Веселовскій [1]), бывшій академикъ, съ женой, знаменитый художникъ Ге съ семействомъ, Прянишниковъ, очень талантливый молодой человѣкъ (онъ нарисовалъ мнѣ на память свой портретъ карандашомъ, глядя въ зеркало, въ то время, когда я упражнялась и изучала оперу; портретъ вышелъ прелестный по сходству); Каменскій, скульпторъ (который прельстился моей ногой и снялъ съ нея модель для заказанной статуи въ Америку); Елена Абрамовна Делянова, графиня Анрепъ, у которой я часто бывала и пѣла. Туда приходилъ меня слушать великій князь Николай, герцогъ Лейхтенбергскій. Я не умѣла воспользоваться его вниманіемъ и любезностью, а оно могло бы принести большую пользу для моей карьеры, но тогда мнѣ и въ голову это не приходило. Я вся была погружена, съ одной стороны, въ искусство, а съ другой—въ постоянныя заботы и безпокойство о здоровіи моего мужа. Тутъ еще случилась исторія, которая впослѣдствіи мнѣ много повредила.

На Страстной недѣлѣ пріѣхала ко мнѣ графиня Анрепъ и просила пѣть съ обществомъ, мнѣ совершенно незнакомымъ, пасхальную всенощную въ церкви Сан-Донато, гдѣ оставалась великая княгиня Марія Николаевна. Я не была расположена на это согласиться и неосторожно протестовала, что я въ траурѣ и потому нѣтъ у меня праздничнаго приличнаго туалета, но каково было мое удивленіе, когда на другой день графиня Анрепъ безъ записки съ посланнымъ прислала мнѣ цѣлый туалетъ, который, конечно, я тотчасъ ей отослала обратно. Она вслѣдъ затѣмъ пріѣхала ко мнѣ, увѣряя, что это сдѣлано Воейковой, статсъ-дамой великой княгини и по ея приказанію. Этотъ фактъ меня такъ оскорбилъ, что въ церкви, куда я отправилась и гдѣ пѣла всю обѣдню по просьбѣ нашего тамошняго священника, когда нашъ консулъ баронъ Розенъ приглашалъ меня отъ имени великой княгини придти къ ней разговляться, я отказала, вслѣдствіе головной боли. Теперь только вижу, что это было очень опрометчиво, великая княгиня ничего не знала о случившемся, молодой князь Горчаковъ и его товарищъ князь Оболенскій пріѣзжали ко мнѣ и просили не подымать этотъ щекотливый инцидентъ, такъ какъ Воейкова могла получить очень непріятный выговоръ отъ великой княгини. Черезъ нѣсколько слѣдующихъ дней я была поражена извѣстіемъ, что г-жа Воейкова умерла за обѣдомъ отъ жареной косточки, которую неосторожно проглотила. Итакъ, вся эта исторія канула въ воду. Я была тогда молода, неопытна, характера незави-

[1]) Умершій.

симаго и самостоятельнаго, что всегда очень мнѣ вредило въ жизни.

Въ это самое время замѣчательная труппа пѣла въ Королевскомъ театрѣ Пергола, примадонна (не помню ея фамилію) занемогла. Князь Понятовскій, почетный директоръ, прислалъ просить меня замѣнить ее и исполнить главную роль въ оперѣ „Ломбарды“ сочиненія Верди съ Граціани и Дебасини,—всѣ знаменитые пѣвцы, и я рѣшилась на это съ одной оркестровой репетиціей. Что значитъ искра Божія и талантъ; теперь, когда я стара, сама удивляюсь моей смѣлости. Къ счастью побѣда была полная: извѣстная пѣвица Фрецолини мнѣ аплодировала и удивлялась, какъ я пѣла арію въ настоящемъ тонѣ, очень высокомъ (но это была неожиданная интрига противъ меня). Князь Понятовскій пришелъ меня поздравить. На другой день получила письмо отъ одной знакомой итальянки, которое хранится у меня въ альбомѣ, она слышала, какъ въ партерѣ меня хвалили. Этотъ успѣхъ и эта слава, конечно, привели меня въ восторгъ, но денегъ большихъ не доставляли.

Послѣ спектакля, нашъ знаменитый художникъ Ге пригласилъ насъ и маленькій русскій кружокъ къ себѣ ужинать, что составляло настоящій праздникъ для меня. Но все это было проходящее, минутное наслажденіе, полнаго удовлетворенія артисту трудно получить. Необходимо имѣть около себя постоянно дѣйствующее лицо, которое устраиваетъ партіи, приглашенія и т. п., а самой должно заниматься только искусствомъ и постоянно работать. У меня этой личности недоставало, а сама кромѣ того слишкомъ была поглощена семейной жизнью.

На лѣтній сезонъ получила приглашеніе въ Авчизіо, тамъ находился легіонъ венгерцевъ съ его командиромъ полковникомъ Фелдвари; молодежь и студенты собирались отправляться вмѣстѣ, подъ начальствомъ Гарибальди, чтобы освободить Венецію отъ власти австрійцевъ. Была сочинена кантата въ честь освобожденія Италіи отъ ига иностранцевъ; я должна была ее исполнить въ театрѣ въ національномъ костюмѣ со знаменемъ въ рукахъ. Надо было видѣть и слышать энтузіазмъ публики при исполненіи кантаты. Весь театръ гремѣлъ, стульями стучали и потомъ провожали меня до дома въ маленькихъ носилкахъ, такъ какъ экипажи съ упряжью тамъ не употреблялись по случаю гористаго мѣста. У Фелдвари всѣ собрались на ужинъ, рѣчи говорилъ одинъ молодой человѣкъ, другой сочинилъ акростихъ на мое имя и потомъ написалъ цѣлую тетрадь стиховъ, въ которой меня воспѣвалъ, и поднесъ мнѣ ее на память въ случаѣ, ежели будетъ убитъ въ сраженіи съ Гарибальди. Онъ просилъ дать ему прядку моихъ волосъ и трецвѣтный платокъ

на счастье, потомъ съ поля сраженія онъ мнѣ прислалъ портретъ, врученный ему самимъ Гарибальди. Это было минутное увлеченіе очень молодаго человѣка. Я его потеряла изъ виду.

И такъ, пѣла я въ Италіи въ продолженіе пяти лѣтъ, исполнила 13 оперъ, пѣла въ Миланѣ и Туринѣ, съ извѣстнымъ баритономъ Морелли, самый выдающійся успѣхъ имѣла въ „Нормѣ". Сравнивали меня съ пѣвицей Феадоръ, о которой я никогда не слыхала; но потомъ, однажды мнѣ пришлось читать жизнь нашего геніальнаго композитора Глинки, который отзывался о ней, какъ о самой лучшей пѣвицѣ.

Много у меня находится стиховъ, напечатанныхъ въ честь меня, много газетныхъ статей, пусть все это со мной и умираетъ. Оно проходящее и никого не можетъ интересовать, имя мое не достаточно прогремѣло, а рекламами я никогда не занималась.

Во время отдыха я постоянно слѣдила курсы пѣнія у Ламперти, замѣчала всѣ хорошія стороны школы и всѣ недостатки; моя мечта была возвратиться въ Россію, пѣть и учредить свою школу, чтобы мы, русскіе, не попадали къ шарлатанамъ, которые бы пользовались нашимъ незнаніемъ и нашимъ довѣріемъ, опустошая карманы, истребляя свѣжесть голоса, не принося существенной пользы. Мнѣ приходилось слышать голоса разныхъ національностей, и я нашла, что по звуку и тембру самые красивые голоса—итальянскіе и малороссійскіе съ рѣдкими исключеніями. Въ это самое время, то есть въ 70-хъ годахъ, итальянская опера процвѣтала въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ состоялъ директоромъ мой дядя Леонидъ Ѳедоровичъ Львовъ. Мнѣ писали изъ Москвы, что, слушая пѣвицу Фричи въ „Нормѣ", въ сосѣднихъ ложахъ говорили: „мы здѣсь восхищаемся иностранкой, а наша русская пѣвица Динаръ въ восторгъ приводитъ итальянцевъ въ самой оперѣ". Графъ Адельбергъ хотѣлъ меня пригласить за хорошее вознагражденіе въ Петербургскую оперу, о чемъ братъ моего мужа увѣдомилъ насъ, но мой дядя воспротивился, не желая видѣть свою племянницу на сценѣ. Это былъ мнѣ первый ударъ изъ моего отечества, и я тогда поѣхала въ Ниццу, гдѣ имѣла огромный успѣхъ. Въ Италіи мало зарабатываютъ, такихъ гонораровъ не даютъ, какъ въ Россіи. Деньги мнѣ были нужны, я дала концертъ въ казино. Зало было переполнено изысканнымъ обществомъ. Меня тамъ полюбили, я каждый день получала приглашенія на вечера, гдѣ желали меня слышать герцогиня Карола, г-жа Кешко, графъ Кантакузинъ, Бутовская, нашъ консулъ, — даже не запомнить всѣ имена—просили меня пѣть и назначали въ честь меня музыкальные вечера. Изъ Ниццы я была приглашена въ Висбаденъ и Гамбургъ, гдѣ пѣла съ большимъ успѣхомъ на слѣдующій день

послѣ Патти. Потомъ мы отправились въ Лондонъ, куда наша извѣстная г-жа Смирнова дала мнѣ рекомендательныя письма, и многіе другіе очень были ко мнѣ любезны, принимали радушно, доставляли приглашенія и уроки. Сейчасъ я должна была пѣть въ большомъ концертѣ, и въ началѣ моего прибыванія въ Лондонѣ меня очень огорчила не безызвѣстная русская немолодая барышня С. Д. Св.; она просила дать ей газеты, въ которыхъ были похвальныя статьи обо мнѣ и гдѣ меня называли Сѣверной звѣздой, чтобы прочесть своимъ знакомымъ, и—каковъ былъ сюрпризъ!—она всѣ ихъ потеряла и написала мнѣ слѣдующее извинительное письмо:

„Лондонъ Ihe. Mall Hammersmith.

Не знаю, какъ начать свою записку, до того сама я разстроена тѣмъ, что случилось. Моя дѣвушка, которой я поручила отнести вамъ ваши газеты, ихъ потеряла, т. е. оставила въ омнибусѣ и хотя тотчасъ спохватилась и ходила въ контору этой компаніи, бумаги не нашлись. Остается одна надежда: сдѣлать объявленіе въ газетахъ, что и будетъ сдѣлано мной нынче. Извиняться или просить прощенье не имѣю духа, а главное смущаетъ меня то, что я не могу придумать, какъ поправить это дѣло. Вчера я даже до того была разстроена этимъ, что не способна была писать, но такъ какъ не смѣю надѣяться, что они найдутся по объявленію, то рѣшилась написать прямо и возвать къ вашему великодушію.

Зайду къ вамъ сама въ субботу, какъ ни совѣстно будетъ мнѣ васъ видѣть. Преданная вамъ Е. Свербеева. Среда утромъ“.

Какъ мнѣ ни было грустно, но дѣлать было нечего въ совершенно чужомъ для меня городѣ. Нашъ тамошній священникъ просилъ меня простить ей и не возбуждать этотъ вопросъ, чтобы не разстроить эту г-жу, которая жила въ Лондонѣ для возстановленія своихъ разстроенныхъ нервовъ.

Зиму провели мы въ Парижѣ, я также тамъ участвовала во многихъ концертахъ въ залахъ Ераръ и Плеелъ, въ церквахъ, въ обществѣ слушалъ меня князь Понятовскій и знаменитый Оберъ, обѣщали мнѣ приглашеніе на слѣдующій годъ въ большой театръ. Съ этой радужной надеждой отправилась на второй сезонъ и на хорошія условія въ Лондонъ.

Въ Парижѣ я была очень дружна съ Татьяной Сергѣевной д' Альгеймъ, которая меня познакомила съ журналистами и съ разными школами, куда меня желали пригласить, для преподаванія пѣнія: но я это оставила для будущаго времени. Въ Лондонѣ я пѣла во многихъ концертахъ, нѣсколько разъ въ Хрустальномъ дворцѣ, гдѣ, между прочимъ, исполнила „Соловья“ скомпанируя сама, играя первую

часть, аранжировка Листа, чѣмъ Конскій и многіе другіе музыканты были поражены. Наконецъ, мое имя стало такъ извѣстно, что я рѣшилась дать свой собственный концертъ. Лэди Дункеръ, лондонская аристократка, предложила мнѣ залу въ своемъ домѣ. Концертъ вполнѣ удался, высшее общество и многіе посланники присутствовали. „Morning Post“ и другія газеты описали мой концертъ и отнеслись съ большой похвалой къ программѣ и къ исполненію.

По окончаніи сезона я думала возвратиться въ Парижъ, гдѣ заручилась приглашеніемъ пѣть въ большомъ театрѣ, но злосчастная война 70 года рушила всѣ мои планы. Мой другъ г-жа д'Альгеймъ, рожденная Пушкина-Бобрищева, осталась въ Парижѣ во время осады, а сама прислала намъ своихъ дѣтей: дочку 14 лѣтъ, Маделенъ, и сына 8 лѣтъ, съ теткою Полторацкой 75 лѣтъ. Я продолжала работать и давать уроки пѣнія, вмѣстѣ съ этимъ занималась этими дѣтьми; мой мужъ училъ ихъ разнымъ предметамъ, а я давала уроки музыки мальчику Піеру, который былъ очень способный. Это продолжалось въ теченіе семи мѣсяцевъ. Мальчикъ, который даже нотъ не зналъ, выучилъ со мной этюды Крамера, маленькія пьесы Шумана въ четыре руки, варіаціи Моцарта на тему и марсельезу, которую игралъ съ большимъ воодушевленіемъ. Я была въ перепискѣ съ матерью и посылала извѣстія чрезъ Ротшильда голубинымъ способомъ. У меня хранится одно трогательное письмо матери, которая выражала глубокую благодарность за дѣтей.

Татьяна Сергѣевна, когда могла оставить Парижъ, пріѣхала въ Лондонъ съ г-номъ Мюратомъ, за котораго потомъ вышла замужъ. Онъ поссорился съ моимъ мужемъ изъ-за политическихъ идей, увѣряя, что нѣмцы не смѣли войти въ Парижъ съ тріумфомъ, что они потерпѣли полное фіаско; мой мужъ съ этимъ согласиться не могъ, и мы разстались со всѣмъ семействомъ. Это грустное обстоятельство, переутомленіе и разныя неудачи по карьерѣ сильно потрясли мои нервы, я заболѣла, лежала безъ движенія въ теченіе трехъ недѣль, вслѣдствіе чего мы рѣшились возвратиться въ Россію.

Лондонскія лэди были очень недовольны и находили неблагоразумнымъ оставлять Лондонъ, гдѣ были такъ хорошо ко мнѣ расположены, но многія неудачи, моя болѣзнь и скитальческая жизнь насъ утомили. Мы не могли и не умѣли отнестись къ искусству, какъ къ ремеслу: слишкомъ все идеализировали и потому денегъ большихъ не пріобрѣли. Съ моимъ экзальтированнымъ и непрактичнымъ характеромъ трудно было пріобрѣсть независимое состояніе. Мой мужъ изучалъ иностранные языки, писалъ въ газетахъ, давалъ уроки русскаго языка, но изъ всего этого отложить въ сторону на черный день ничего не могли, мы и рѣшились возвратиться восвояси, тѣмъ

болѣе, что здоровье моего мужа видимо улучшилось, и въ эти годы грудная болѣзнь не была такъ опасна. Но ѣхать вмѣстѣ мы не могли: на то средствъ не хватало, и потому мой мужъ отправился одинъ, а я продолжала концертировать и къ концу сезона заработала достаточно, чтобъ предпринять путешествіе. Піанистъ Конскій далъ мнѣ нѣсколько очень лестныхъ рекомендательныхъ писемъ въ Берлинъ къ извѣстнымъ агентамъ и музыкальнымъ обществамъ, личностямъ, которыя могли быть мнѣ очень полезными для моей артистической карьеры, но я не имѣла духа ими воспользоваться, а предпочла ѣхать безъ остановки въ Петербургъ. Меня влекло какъ можно скорѣе свидѣться съ моимъ мужемъ, такъ что письма остались до сего времени у меня безъ всякой пользы. Мой мужъ сейчасъ сталъ сотрудничать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, которыя издавались подъ редакціей Ев. Ф. Корша, а я отправилась къ директору театра и заявила желаніе пѣть въ оперѣ, тѣмъ болѣе, что меня давно хотѣли пригласить, вслѣдствіе моихъ успѣховъ за границей. Но меня глубоко оскорбило, когда потребовали даровой дебютъ, а графиня Адлербергъ, у которой я пѣла на вечерѣ, сказала мнѣ, что театральный бюджетъ такъ малъ, что средства не позволяютъ платить мнѣ по моему достоинству. Это, конечно, была одна отговорка для русской артистки того времени. Желала я попасть профессоромъ въ консерваторію, но Азанчевскій, временный директоръ, нашелъ также препятствіе. Наконецъ, пригласили меня пѣть въ концертѣ пѣвческой дворцовой капеллы, исполнила я тамъ арію „Орфея“ Глюка; зала была переполнена, и меня приняли очень горячо. Князь Волконскій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія и покровитель искусства, подошелъ ко мнѣ и предложилъ свои услуги по всѣмъ моимъ желаніямъ и стремленіямъ. Великая княгиня Елена Павловна была тогда опасно больна, и потому я не могла къ ней представиться и воспользоваться ея покровительствомъ. Служба моего мужа въ Сенатѣ не была забыта и онъ былъ записанъ, какъ первый кандидатъ въ члены суда. Но къ несчастію, все это кануло въ воду, судьба иначе все опредѣлила. Родственники моего мужа приглашали его пріѣхать въ Москву, редакторъ-издатель „Русскихъ Вѣдомостей“ Николай Семеновичъ Скворцовъ нуждался въ хорошемъ сотрудникѣ, написалъ очень лестное пригласительное письмо моему мужу, предлагая вѣское вознагражденіе. Наше финансовое положеніе было такъ скудно, что мой мужъ не находилъ себя въ правѣ отказаться и ждать обѣщанное назначеніе; мнѣ же лично глубоко грустно было оставить Петербургъ, гдѣ меня гораздо больше знали, помнили и цѣнили и гдѣ со временемъ могла бы все превозмочь и достичь желаемаго. Но обстоятельства заставили все забыть и ѣхать на то, что предлагали. Мнѣ только улыбалась

надежда, что исполнится обѣщаніе, данное Николаемъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ, назначить меня профессоромъ въ московскую консерваторію.

Какъ только узнали мой пріѣздъ въ Москву, явились ко мнѣ знаменитый артистъ Ноденъ съ антрепренеромъ Ферри, чтобъ пригласить пѣть Норму. Но дирекція не допустила исполнять заглавную роль русской пѣвицѣ въ итальянской труппѣ. Итакъ я получала ударъ за ударомъ. Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ назначилъ у себя музыкальный вечеръ и пригласилъ меня пѣть въ присутствіи артистовъ и профессоровъ консерваторіи. Я исполнила подъ аккомпаниментъ Н. Г. нѣсколько классическихъ сочиненій Шумана и Бетховена. Вѣроятно, успѣхъ былъ удовлетворительный; на слѣдующій день появилась музыкальная статья Петра Ильича Чайковскаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", гдѣ сказано: „Всѣ присутствующіе были поражены, что между нами находилась такая замѣчательная пѣвица". Меня сейчасъ пригласили участвовать въ симфоническомъ концертѣ Русскаго музыкальнаго общества, послѣ котораго также была очень лестная статья Чайковскаго. Наконецъ, я пожелала дать свой концертъ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Съ большимъ трудомъ добилась разрѣшенія послѣ трехъмѣсячнаго исканія. Изъ опасенія же, чтобы меня не назначили профессоромъ пѣнія въ консерваторіи, одна изъ тогдашнихъ преподавательницъ, оперная артистка А. К., со своимъ братомъ, напечатали домашнимъ образомъ пасквиль на мой счетъ и разослали всѣмъ профессорамъ, начальству, директорамъ и даже великому князю Константину Николаевичу. Н. Г. Рубинштейнъ былъ этимъ пораженъ и сказалъ мнѣ, что современемъ мое желаніе осуществится, но что сейчасъ не можетъ меня назначить профессоромъ, что меня заѣдятъ въ консерваторіи, это были его собственныя выраженія. Онъ передалъ эти слова своей ученицѣ Темирязевой. Вообще, тамъ много интригъ приходилось испытывать. Однажды влетѣлъ ко мнѣ знаменитый скрипачъ Лаубе, взялся за голову и вскрикнулъ: „Сколько страданій нужно вынести артисту отъ всѣхъ консерваторскихъ интригъ". Недоброжелатели меня постоянно преслѣдовали, кто, почему и отъ чего—я никогда не могла понять.

Послѣ семилѣтняго отсутствія по возвращеніи въ Россію, все привлекало мое вниманіе, концерты, публичныя лекціи, печать, церковныя проповѣди, всюду искала удовлетворенія потребности знанія. Съ жадностью читала самыя разнообразныя сочиненія. Музыкой и пѣніемъ постоянно занималась, изучала всѣ новыя сочиненія, желала устраивать концерты, но препятствія встрѣчались часто, и потому многое вынуждало замкнуться въ рамкѣ личной жизни; и нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ я могла бы достичь

желательнаго, и мой талантъ принесъ бы лучшіе результаты. Въ матеріальномъ отношеніи мы никогда не были обезпечены, и потому я не могла располагать занятія сообразно со своими индивидуальными стремленіями. Пока мой мужъ былъ сотрудникомъ и вторымъ редакторомъ „Русскихъ Вѣдомостей“, мы имѣли довольно средствъ, чтобы жить не нуждаясь, но потомъ, какъ увидятъ дальше, все перемѣнилось и мы оба должны были неустанно работать.

Устроила я у себя курсы пѣнія, ѣздила въ Петербургъ для утвержденія программы министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣсколько лѣтъ они процвѣтали, многимъ бѣднымъ дѣвушкамъ давала уроки безвозмездно и радовалась ихъ успѣхамъ. До сего времени нѣкоторыя зарабатываютъ хорошія деньги на провинціальныхъ сценахъ. До сорока дѣвушекъ вышли замужъ и перестали заниматься пѣніемъ. Вообще, работать и правильно учиться очень рѣдко кому хватало терпѣливой и устойчивой послѣдовательности: и поэтому большею частью всѣ мои труды пропадали безвозвратно.

Былъ чудный голосъ у Цвѣтковой—глубокій, широкій, звучный меццо-сопрано, она пробовала заниматься въ петербургской консерваторіи, но по слабому здоровью бросила и переѣхала въ Москву. Тутъ извѣстный преподаватель и композиторъ Дюбюкъ, который былъ инспекторомъ музыки Александро-Маріинскаго института, и однажды присутствовалъ на моихъ урокахъ, посовѣтовалъ ей обратиться ко мнѣ за совѣтомъ на счетъ пѣнія; ея замѣчательный голосъ меня прельстилъ, я съ удовольствіемъ стала ею заниматься, прошли мы съ нею партію Фидесъ въ „Пророкѣ“ Меербера, Вани въ „Жизни за Царя“; устроила ей концертъ,—она была бѣдная дѣвушка и нуждалась въ деньгахъ,—пригласила я къ себѣ нѣсколькихъ артистовъ и тогдашняго директора оркестра Эмануила, чтобъ ей аккомпанировать. Присутствовалъ также извѣстный скрипачъ Безекирскій, которому она понравилась, и онъ ее тотчасъ пригласилъ пѣть въ большой залѣ дворянскаго собранія, гдѣ онъ устраивалъ концерты. Наконецъ, я дала ее послушать на оперной сценѣ большаго театра, голосъ очень понравился, и уже былъ поднятъ вопросъ о приглашеніи на зиму, но ужасное и поразительное несчастіе 81 года закрыло театры на неопредѣленное время, и она отправилась со многими артистами пѣть въ частный провинціальный театръ, гдѣ пользовалась большимъ успѣхомъ, писала мнѣ восторженныя письма, получая порядочный гонораръ, потомъ вышла замужъ за богатаго человѣка Миропольскаго, не нуждаясь во мнѣ, никогда больше не являлась, я потеряла ее изъ виду; и такъ случалось со многими моими даровитыми ученицами.

Марья Александровна Нейдгардъ, попечительница Маріинскаго училища, которая знала наше семейство, когда мой отецъ былъ се-

наторомъ въ Москвѣ, пригласила меня быть преподавательницей свѣтскаго пѣнія въ ея институтѣ. Тамъ была прелестная, недавно назначенная начальница, Варвара Быкова; она своею кротостью и замѣчательно тонкимъ воспитаніемъ облегчала мое трудное положеніе въ началѣ моихъ занятій. Инспекторомъ музыки былъ Веберъ—человѣкъ мало образованный, очень грубый и неделикатный въ сношеніяхъ съ сотрудниками. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ занятій, я просила Марью Александровну пригласить Николая Григорьевича Рубинштейна быть инспекторомъ и руководителемъ музыки вмѣсто Вебера, иначе я не могла оставаться при институтѣ. Къ моему большому удовольствію мое желаніе было исполнено, и главнымъ преподавателемъ музыки Н. Г. Рубинштейнъ назначилъ профессора консерваторіи Н. Кашкина. Все пошло правильно и было неузнаваемо. Труда было много: въ началѣ никто не имѣлъ понятія о чтеніи нотъ, о дѣленіи, о ритмѣ; всего я достигла, но отъ переутомленія была нѣсколько разъ опасно больна. Пріучила дѣвочекъ къ хорошей классической музыкѣ; не умѣя спѣть правильно хоромъ даже національный гимнъ, онѣ у меня стали исполнять хоры Баха, Шумана, Чайковскаго, Даргомыжскаго, Глинки, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ Мендельсона, Керубини и т. д. Николай Григорьевичъ присутствовалъ при исполненіи и остался доволенъ исполненіемъ и школой. Голоса были свѣжіе, сильные, красивые, я сама много имъ пѣла и особенно занималась правильной постановкой голоса. Младшая дочь начальницы Евдокія Михайловна Быкова съ хорошимъ и вѣрнымъ голосомъ много мнѣ помогала; первое десятилѣтіе все шло мирно и очень удовлетворительно. Во время акта переполнены были залы публикой, которая пріѣзжала слушать моихъ ученицъ, похваламъ не было конца. Поднесли мнѣ прелестные букеты съ лентами и съ надписью.

Варвара Евграфовна Чертова, попечительница Александро-Маріинскаго училища, также меня пригласила заниматься въ ея учрежденіи. Сначала былъ инспекторомъ Дюбюкъ, потомъ Шестаковскій, которому мое преподаваніе очень понравилось, онъ даже желалъ пригласить меня въ филармоническое общество. Но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, ему необходимо было дать мѣсто преподавателя свѣтскаго пѣнія одному изъ своихъ сотрудниковъ филармоническаго общества, и потому были вооружены противъ меня, и такъ много было незаслуженныхъ интригъ и непріятностей, что послѣ 17-лѣтняго труда я не желала больше продолжать и оставаться при дѣлѣ въ институтѣ.

Меня также пригласила княгиня Долгорукая, начальница Александровскаго института.

Марья Александровна Нейдгардъ устроила музыкально-литературное утро въ пользу недостаточныхъ ученицъ Маріинскаго училища

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ принималъ участіе; онъ читалъ изъ „Записокъ Охотника". Разныя дамы играли и пѣли, но самый большой успѣхъ палъ на дуэтъ изъ „Нормы", исполненный моими ученицами, племянницей моей Скобельцыной и дочерью начальницы Маріинскаго училища барышней Быковой. Онѣ такъ хорошо его исполнили, что Иванъ Сергѣевичъ меня поздравилъ съ хорошей школой и на слѣдующій день обрадовалъ меня своимъ посѣщеніемъ; а княгиня Долгорукая упросила меня согласиться давать уроки пѣнія солисткамъ и хору въ ея институтѣ, обѣщая мнѣ во всемъ помогать. Въ теченіе десяти лѣтъ были всѣ въ восторгѣ и очень ко мнѣ внимательны. Но вдругъ черная кошка пробѣжала, и все перемѣнилось, невозможныя требованія явились, и я была такъ взволнована несправедливостью, что, не дождавшись срока пенсіи, оставила институтъ.

То же самое случилось и съ Маріинскимъ институтомъ послѣ 23 лѣтъ службы.

Такое было вѣяніе.

Время все охлаждаетъ, направленіе мѣняется, новыя силы растутъ. Независимый характеръ не выносится, и вслѣдствіе интригъ и непріятностей я освободила мѣста для тѣхъ, которыя правдой и неправдой желали и искали ихъ получить.

Мы переселились въ Москву въ 1873 году,—это относительно было удачное и счастливое время. Мой мужъ съ любовью сотрудничалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" передовыми статьями и разными корреспонденціями улучшилъ газету, и съ 7 тысячъ подписчиковъ возросло до 23-хъ. Я же давала уроки пѣнія, чтобы также помочь на воспитаніе бѣдныхъ родственницъ; только напрасно я ждала назначенія профессоромъ въ консерваторію. Въ одно прекрасное утро пріѣхалъ ко мнѣ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ и сказалъ, что общество профессоровъ отвергло его предложеніе и выбрало какого-то Миллера неизвѣстнаго. Я со слезами должна была покориться моей участи.

Въ 77 году разразилась Турецкая война. Московское общество выбрало меня предсѣдательницей одного отдѣленія Краснаго Креста, я и бросилась въ эту дѣятельность, ходила за ранеными, устроила два сборные поѣзда, перевозила раненыхъ солдатъ въ Москву, все, что зарабатывала уроками, отдавала въ комитетъ о раненыхъ. Сама ѣздила въ Ясли за ранеными. Старалась, чтобы имъ было какъ можно лучше и сноснѣе; посѣщала всѣ больницы, занималась солдатскими корреспонденціями; ѣздила ко всѣмъ знакомымъ для собиранія пожертвованій, посылала циркуляры по всей Россіи, и мнѣ присылали все, что было необходимо для раненыхъ. Читала постоянно всѣ газеты и новости сообщала солдатамъ. Одни меня называли сестрицей,

другіе—полковымъ командиромъ. Къ счастью, меня всѣ любили, съ чѣмъ могла, приходила къ нимъ на помощь и пользовалась всѣми связями, чтобы улучшить ихъ положеніе. Дала концертъ для увеличенія капитала; онъ мнѣ очень удался по милости Марьи Николаевны Ермоловой, которая согласилась принять участіе. Однимъ словомъ, я была счастлива, что могла чѣмъ-либо быть полезной. Черезъ годъ все перемѣнилось, былъ заключенъ грустный миръ, не принесшій ни блага, ни пользы, кромѣ громадныхъ жертвъ.

Я встрѣтила нашего великаго царя-освободителя на раутѣ у князя Долгорукаго, и была глубоко огорчена и подавлена его грустнымъ и угнетеннымъ видомъ.

Вскорѣ и на нашу личную жизнь обрушилась большая непріятность, которая заставила моего мужа отказаться отъ сотрудничества въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Объ этомъ тяжеломъ времени, ежели будутъ силы, опишу дальше.

Теперь, анализируя все прошедшее, видимъ яснѣе всѣ свои ошибки, недоразумѣнія и приходимъ къ тому заключенію, что невозможно быть одновременно артисткой и семьянинкой. Какъ женщина, страстно любящая, рвалась въ одну сторону, а какъ артистка—въ другую, никто не зналъ той внутренней драмы, которая развивалась и все росла въ душѣ. Я избѣгала говорить. Во мнѣ постоянно боролись два чувства. Да и не могло быть иначе. Обстоятельства моей жизни такъ сложились, что я постоянно была въ страхѣ за здоровье моего мужа, и на все соглашалась, чтобы только его не раздражать.

Теперь, когда все кончено и когда осталось мнѣ одно воспоминаніе о томъ счастіи, которое было мнѣ дано любовью, преданностью, лаской того незабвеннаго друга, котораго я безвозвратно лишилась, хочу писать много о немъ и связать вмѣстѣ нашу жизнь и нашу борьбу.

Пусть эти воспоминанія, замѣтки и мысли останутся на память моимъ племянницамъ. Оно написано безъ таланта, но все-таки пока жетъ, сколько надо было силы воли, энергіи, любви, чтобы побѣждать всѣ непріятности, униженія, несчастія для достиженія своей цѣли.

Мы оба чрезъ многое прошли и все вынесли силою любви. Теперь, когда его не стало, я глубже поняла, какъ все ничто въ сравненіи съ этимъ ужаснымъ горемъ.

Зло и добро, радость и горе, счастіе и несчастіе переплетались между собою. Терпѣли мы много, да не пропали же, потому что прежде всего любили другъ друга и съ прямаго пути не сбились. Хотя грустно и тяжело, когда воротишься памятью къ тому, что отъ жизни ожидали.

Невѣдомская-Динаръ.

Стихотворенія Н. Ѳ. Щербины.

Предлагаемыя вниманію читателя пьесы Н. Ѳ. Щербины (1821—1869 гг.) извлечены мною изъ хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ бумагъ поэта. Онѣ не вошли ни въ одно изъ существующихъ изданій Щербины, который самъ не печаталъ ихъ изъ стыдливости раскрывающагося въ нихъ чувства, боясь этихъ лирическихъ „обнаженій“ своей души передъ свѣтомъ. Относятся онѣ къ первоначальному періоду творчества Щербины, но среди нихъ найдутся два—три вполнѣ зрѣлыя произведенія.

Занимаясь бумагами Щербины въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки, я пользовался любезнымъ вниманіемъ завѣдывающаго этимъ отдѣленіемъ И. А. Бычкова, которому приношу глубокую благодарность.

Н. Лернеръ.

УСЛЫШАННАЯ МОЛИТВА.

Звѣзды въ туманѣ мерцали,
Облакомъ мѣсяцъ покрылся.
Полный глубокой печали
Робко я Богу молился.
Въ счастіи гордый, забывшись,
Милости Божьей не ждалъ я;
Такъ безкорыстно молившись,
Вѣчно молиться желалъ я...
Вѣрю я, — минутъ печали.
Мѣсяцъ по небу катится,
Звѣзды свѣтлѣй заблистали,—
Сталъ я теплѣе молиться.

***

Зачѣмъ ты, мой ангелъ, прекрасна,
Зачѣмъ твои глазки горятъ,
И сердцу такъ сладко, такъ ясно
О долѣ иной говорятъ!
Къ чему этотъ пурпуръ улыбки
И музыка чистыхъ рѣчей?...
Иль ангелъ явился ошибкой
Въ обители бѣдной людей?
Я молча любуюсь тобою,
Но шепчутъ невольно уста:
Ужель подъ могильной землею
Сотлѣетъ твоя красота!

ПЛЯСКА.

Греческая мелодія.

Звучитъ вамъ музыка источниками Ксанѳа.
Кружитеся вольнѣй: здѣсь нѣтъ цвѣтовъ аканѳа...
Привѣтно дышутъ вамъ столѣтній кипарисъ
И роза юная—цвѣтущій Адонисъ.
Смотрю я издали, сокрытый за вѣтвями,
Какъ вы летаете привольными кругами,
Какъ руку бѣлую съ амфорой золотой,
Вы поднимаете надъ буйной головой.
Есть радость дикая въ чаду самозабвенья,
Есть неземный покой въ безумствѣ изступленья.
Какъ сладко, старику, при васъ забыться мнѣ
И вспомнить со слезой о юной старинѣ!

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

Я палъ подъ горемъ и бѣдами,
Мнѣ тяжело нести свой крестъ,—
И ропотъ грѣшными устами
Душа готова произнесть...
Но въ свѣтѣ пурпурной денницы
Душѣ слетѣла благодать,

И пали слезы на рѣсницы,
И легче стало мнѣ страдать...
Въ молитвѣ теплой я излился,
Но благъ себѣ не смѣлъ просить:
Я только плакалъ и молился,
Я только могъ благодарить.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

Родился я бѣднымъ смертнымъ,
И назначено пройти мнѣ
Битую тропинку жизни.
Зная хорошо, что̀ мѝнулъ,
Я не знаю, какъ и сколько
Мнѣ еще пройти осталось...
Прочь отсюда, всѣ заботы:—
Я вамъ чуждъ, и вы мнѣ чужды!
Я желаю насладиться:—
Буду весело смѣяться
И плясать съ Ліевсомъ милымъ.

БЕЗСОННИЦА.

Какъ тяжелы душѣ часы безсонной ночи,
Среди раскаянья, среди печальныхъ думъ!
Какъ плакать хочется, когда не плачутъ очи,
И ужасается прошедшаго мой умъ!
Въ пылу безумныхъ слезъ невыносимой жажды,
Я знаю, прошлаго не выплакать очамъ;
Что жизнь намъ ничего не повторяетъ дважды,
Что безполезенъ дождь согнившимъ сѣменамъ.
Но все ищу себѣ отраднаго цѣленья,
Не вѣдая, и какъ, и въ чемъ его сыскать.
То горько думаю: ужель одно забвенье
Мои страданія способно врачевать?
То говорю:—къ чему я у могилъ рыдаю,
Когда не воскрешу безсмертныхъ мертвецовъ!
И все прошедшее съ усильемъ забываю,
Но позабытое воспоминаю вновь...

6 февраля (1845 г.)

***

Когда много надеждъ схоронилъ,
Я одною надеждою жилъ,
И она у меня отнята:—
Ты во гробѣ, моя красота!...
И застыли слова на устахъ;
Цвѣтъ лилей, а не розъ на щекахъ,
И въ твои голубые глаза
Не глядятся уже небеса.
Наклонившись, у гроба стою,
Но я слезъ надъ тобою не лью...
Да! я столько умѣю страдать,
Чтобъ не плакать и жизни желать.
И, исполненный мысли одной,
Я одно говорю предъ тобой:—
Чтобъ любить, еще долженъ я жить,
Но ты больше не можешь любить!

18 февраля (1845 г.)

НА ОТЪѢЗДЪ.

(Н. Е. О.)

Чистую дѣву земную
Дѣвѣ Пречистой вручаю...
Что жъ я, какъ прежде, тоскую,
Что жъ я, какъ прежде, страдаю!
Сильно въ душѣ упованье
Въ благость и милость Пречистой,
Въ сердце жъ невольно страданье
Льется струею огнистой...
Матерь скорбящихъ святая,
Скорби прости мнѣ и слезы:—
Въ жизни, межъ терній блуждая,
Могъ ли набресть я на розы?...
Въ счастіе вѣрить могу ли,
Чтобъ за *нее* не бояться?—
Утра лучи лишь блеснули,
Какъ облака ужъ гнѣздятся.

1 мая (1845 г.)

***

Она моей страсти не знаетъ,
Ей чуждо страданье мое...
Найдется ль кто мнѣ разгадаетъ
Всѣ таинства сердца ея?
То, вижу, ко мнѣ равнодушна,
То будто съ любовью глядитъ
И, строго разсудку послушна,
Что мыслитъ, не то говоритъ...
Какъ много въ минуты свиданья
Сказать моей милой хочу!
Въ устахъ ужъ трепещетъ признанье:
Я робко иль гордо молчу...
Когда мнѣ украдкой о милой
Разскажетъ подруга ея:—
„Она безъ тебя все грустила
„И имя шептала твое“,
Когда я паду передъ нею
Съ немолчною рѣчью любви,
О, Боже, съ любовью моею,
На небо меня воззови!...

БОЙ ЧАСОВЪ.

Я долго смотрѣлъ на тебя,
Любуясь твоей красотою;
Мечталъ тебя вѣчно любить,
Быть вѣчно любимымъ тобою...
Но вдругъ зазвучали часы,—
Ихъ бой въ моемъ сердцѣ раздался:
Я тоже смотрѣлъ на тебя,
Но грустно тобой любовался.

***

Чтобы не быть мнѣ лицемѣромъ:—
Не то, что думать, говорить,
Готовъ прослыть я изувѣромъ,
И можете меня вы не любить...

Неправда ль, низко лицемѣрить?
Ужъ лучше злиться высоко,—
И мнѣ куда какъ нелегко
Трунить надъ всѣмъ и ничему не вѣрить.

***

Мнѣ нечего отъ жизни ожидать,
И ничего у жизни не прошу я:
Какъ я страдалъ, я не могу страдать,
Блаженствовать, какъ прежде, не могу я!...
И мнѣ смѣшны страданія людей,
И жалки мнѣ ихъ радости смѣшныя;
Но я бъ хотѣлъ быть жалче и смѣшнѣй,
Чтобъ заблужденія былыя
Съ былыми днями возвратить
И память сердца заглушить.

СМѢХЪ.

Я чувствовалъ смѣясь надъ чувствами другихъ;
Я тайно слезы лилъ и хохоталъ открыто;
Страдая и любя въ огнѣ страстей моихъ,
Я зналъ, что будетъ все съ насмѣшкой позабыто...
Мнѣ жизнь казалася ничтожной и смѣшной,
Жизнь, недостойная ничтожества и смѣха,
И жалкое смѣшнымъ являлось предо мной,
Чтобъ позднею слезой откликнулась потѣха.
Зачѣмъ я не постигъ, что наша жизнь свята,
И что кощунствовать опасно надъ высокимъ,
Что хохотомъ другимъ поплатятся уста,
И будетъ межъ людей онъ смѣхомъ одинокимъ!
На настоящее презрительно роптalъ,
Жалѣлъ, что прошлое для насъ невозвратимо,
Пока я не узналъ, пока не разгадалъ,
Что всѣ явленія всегда необходимы.
Нечаянно пришедъ ко двери гробовой,
Извилистый мой путь со страхомъ измѣряю;
Недвижно я стою, наказанъ самъ собой,
И никого въ судьбѣ своей не обвиняю....

ПИСЬМО.

Письмо лежитъ передо мною...
Его коснуться не могу:
Я съ сожалѣньемъ и тоскою,
Не прочитавъ его, сожгу.
Зачѣмъ читать!... Вѣдь я васъ знаю,
Вѣдь сердца мнѣ не пробудить!
Повѣрьте: временно любить
Я не могу и не желаю.
Давно не вѣрю я въ блаженство:
На бѣдномъ жизненномъ пути
Не отыскать мнѣ совершенства,
Души родной мнѣ не найти.
Я ужъ давно не лицемѣрилъ
И жизнь съ мечтами примирилъ;
Любовь я женскую извѣрилъ:
Я безъ страданья не любилъ...
Прощайте, болѣе ни слова...
Я съ сердцемъ не привыкъ шутить:
Вамъ полюбить легко другова,
Но тяжело мнѣ разлюбить!...

СОПЕРНИКУ.

Не мнѣ соперничать съ тобою!
Повѣрь, не я соперникъ твой...
Не мнѣ съ непрошенной мольбою
Вздыхать предъ юной красотой.
Я неспособенъ мелкой лестью
Невинный умъ обворожать,
Притворнымъ холодомъ, какъ местью,
Покой душевный возмущать.
Быть можетъ, лучшаго мгновенья
Я не хочу отнять у ней
Моимъ докучливымъ моленьемъ
И рѣчью пламенной моей...
О, какъ я счастливъ, что умѣю
Любить и плакать про себя,
Что, страстью бѣшенной любя,
Любви ей высказать не смѣю.

ПОКОЙ.

Въ широкомъ раздольѣ природы,
Гдѣ льетъ свои желтыя воды
Священный индусу Гангесъ,
Гдѣ все развернулось громадно,
Гдѣ богъ Магадева понятно
Бесѣдуетъ съ доломъ съ небесъ,—
Когда-то видали брамина
На ложѣ изъ розъ и ясмина,
Подъ тѣнью прохладныхъ кустовъ.
Въ душистомъ дыханьѣ алоя,
Въ нѣмомъ сладострастьѣ покоя
Стоялъ онъ тамъ много годовъ.
На міръ устремивъ свои взоры,
И небо, и море, и горы
Онъ кроткой душой созерцалъ
И съ міромъ слился безконечнымъ;
Забывшись младенцемъ безпечнымъ,
На персяхъ природы дремалъ.
Предъ нимъ проносилися бури,
Яснѣло сіянье лазури,
И валъ океана ревѣлъ,
И львы проходили стадами,
И бились тигры съ слонами,
И змѣй чешуею звенѣлъ...
Но онъ созерцалъ неподвижно:—
Природа красой непостижной
Могла бъ его мысль подавлять,—
Предъ стройнымъ ея совершенствомъ,
Въ покоѣ, считалъ онъ блаженствомъ
Ничтожность свою познавать.
Блестящія пташки, какъ звѣзды,
Свивали въ ушахъ его гнѣзды,
Паукъ паутину сновалъ,
Въ уста его пчелы влетали,
Въ нихъ медъ свой оніе оставляли,—
Но все онъ недвижно стоялъ...

30 марта 1847 г.

***

Ароматный вѣтеръ вѣетъ,
Ясны небеса,
Поле чистое пестрѣетъ,
Зелены лѣса...
Что подъ вьюгами завяло—
Снова расцвѣло,
Что минуло, что бывало—
Въ сердцѣ зажило...
Но при общемъ ликованьѣ
Грустенъ я стою,
Незнакомое страданье
Точитъ грудь мою:
Я почувствовалъ сильнѣе
Въ сей роскошный часъ,
Что душой я сталъ бѣднѣе,
Сердцемъ не погасъ.

25 марта 1846 г.

ГРЕЧЕСКІЙ МІРЪ.

Нашей безцвѣтною жизнью, исполненной мелкихъ стремленій,
Своекорыстныхъ страстей, утомленный, люблю я порою
Съ грустнаго сѣвера мыслью свободной подняться
И полетѣть подъ лазурное небо отчизны искусства,
Вѣчно-нетлѣнной Эллады, гдѣ статуи все да колонны,
Дивные храмы, а въ храмахъ богини да боги,
Портики, дѣло руки Каллистрата, въ портикахъ много
Славныхъ картинъ Полигнота, гдѣ творческой мыслью возвышенъ
Братъ-человѣкъ, высочайшее неба творенье,
Очи богини-природы, соперникъ безсмертныхъ,
Богоподобная персть... И невольно здѣсь, полный сознанья,
Именемъ этимъ горжусь я, горжусь я тобою, Эллада!

9 апрѣля 1846 г.

***

О, не кляни меня, прекрасное созданье,
Не поражай своей невинной клеветой...
Повѣрь, въ душѣ моей есть тяжкія страданья,
Но я безмолвствую предъ мрачною судьбой,—

Есть страсти, есть печаль, какой ты не знавала,
Съ томленіемъ, плодомъ болѣзненныхъ страстей,
Есть мысль, что никогда еще не волновала
Души младенческой твоей....
Но я молчу, но я не проклинаю,
Когда, какъ ты, я вправѣ проклинать:
Безмолвно я и плачу, и страдаю,
Что прежде не умѣлъ безмолвно я страдать,
Что я увлекъ тебя безумною любовью
Въ несродныя тебѣ волшебныя страны,
Что къ твоему призвалъ я изголовью
Роскошные, несбыточные сны.

25 апрѣля 1846 г. С. Новоселовка.

ГРУСТНАЯ МЫСЛЬ.

Посмотришь, такъ все безотрадно,
Что жить бы, кажется, грѣшно,
А жить хотимъ мы жадно, жадно:—
Что непонятно и смѣшно.
И, такъ ничтожно-малодушны,
Мы презираемъ насъ самихъ
И, себялюбію послушны,
Мы гаснемъ въ мелочахъ пустыхъ.
Въ бездѣльѣ мысль мы заглушили;
Въ насъ спитъ добро, какъ и порокъ,
И то, что пламенно любили,
Насъ разлюбить заставилъ рокъ.

30 мая 1846 г.

***

Мнѣ люди говорятъ такъ часто въ утѣшенье,
Что, какъ всему, конецъ страданьямъ есть,
Что, рано ль, поздно ли, найду успокоенье
И жизни крестъ я перестану несть...
Но на сердцѣ тогда тяжелѣ грусть ложится,
Все мрачное встаетъ въ душевной глубинѣ,
Въ устахъ мертвѣющихъ отвѣтъ имъ шевелится:—
Гдѣ жизни нѣтъ, не надо мира мнѣ!

ПРЕЖНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Легче мнѣ было страданіе
Въ юности, полной надежды:
Теплой рукой упованіе
Сладко смыкало мнѣ вѣжды...
Страсть, безъ отзыва погибшая
Въ годы давно прожитые,
Мрачною тучей покрывшая
Юности дни золотые,—
Что же тобою смущается
Сонъ старика безнадежный,
Бурный огонь возгарается
Въ грусти давно безмятежной!...
Гдѣ ты, о Лета нешумная?—
Въ сердце забвеньемъ пролейся!...
Смолкни, о сердце безумное,
Смолкни же, или разбейся!...

30 іюля 1846 г.

***

Мятежный ураганъ, пронесшись надъ землей,
Опустошеніемъ крушительнымъ разлился,
Измялъ ея цвѣты тяжелою стопой
И надъ главой ея громами разразился.
Настала ночь. При мѣсяцѣ она
Опять блеститъ въ цвѣтущемъ прозябеньѣ,
Забывъ прошедшее, спокойствія полна...
Зачѣмъ же у меня нѣтъ ничему забвенья!

Харьковъ. 1846 г.

ИСТИНА МОЛИТВЫ.

Когда, обольщенный земными соблазнами,
Волненіемъ крови, желаньями праздными,
Къ Тебѣ возношусь я въ мольбѣ,—
Не внемли ей... Слава Тебѣ!
Когда на тернистомъ пути испытанія
Я крестъ свой тяжелый несу безъ роптанія
И чуждъ я корыстной мольбѣ,
Услышь меня... Слава Тебѣ!

Харьковъ. 1847 г.

КЪ К***.

Я думалъ, что прошлою жизнью убито
Все лучшее въ сердцѣ моемъ,
И холодомъ смерти навѣки облито
Все страстно-горячее въ немъ...
Я жилъ, но я жилъ какъ мертвецъ межъ живыми
И крестъ свой безъ ропота несъ,
И въ снѣ непробудномъ не вѣдалъ я съ ними
Ни радостей общихъ, ни слезъ...
И ты предо мною нежданно явилась,
И все воскресила во мнѣ,
И властью твоею душа обновилась
Въ своей первобытной веснѣ,
И сбросивъ тяжелыя тлѣнья одежды,
Все вспыхнуло страстью былой:—
Одной лишь во мнѣ не воскресло надежды,
Убитой надежды одной!...
Утѣшься и мыслію грустно-тревожной,
Мой другъ, не смущайся любя...
О, вѣрь,—безъ меня тебѣ счастье возможно,
А мнѣ его нѣтъ безъ тебя!

1847 г.

***

На небѣ голубомъ несутся облака,
Цвѣтами радуги играя прихотливо.
Художника незримая рука
Ихъ, кажется, рисуетъ тамъ на диво...
И всѣ они плывутъ назначеннымъ путемъ,
И всѣ невѣдомо куда-то уплываютъ:—
Разсѣеваются безслѣднымъ ли дождемъ,
Съ лазурью ль воздуха сливаясь исчезаютъ?
Я думаю,—отнынѣ ни одно
Такое облачко по небу не промчится,—
И какъ-то на душѣ мнѣ грустно становится,
И мысль вяла, и сердце холодно...
И о себѣ тогда я думаю невольно,
Что жребій мой похожъ на жребій облаковъ:—

Явиться, промелькнуть и съ пѣсней погребальной
Въ ничтожествѣ исчезнуть безъ слѣдовъ...
. . . . . .
Но дни пришли съ такимъ же небомъ чуднымъ,
Съ такою же грядою облаковъ,
И лучшею еще, съ отливомъ изумруднымъ,
Какъ вѣчная весна миѳическихъ садовъ.

27 марта 1847 г.

***

Въ мірѣ есть бурныя грозы,
Грозы смѣняетъ покой,
Лѣта румяныя розы
Снѣгъ покрываетъ сѣдой.
Сѣмя тревоги въ покоѣ,
Въ стужѣ зародышъ тепла,
Въ зло зародилось благое,
Блага не знаютъ безъ зла...
Нѣтъ! Оно чуждо вселенной...
Люди жъ, въ безумьѣ своемъ,
Страстью иль мыслью растлѣнной
Благо содѣлали зломъ.

Харьковъ. 1848 г.

ВНУТРЕННЯЯ МУЗЫКА.

Когда багрецъ и золото заката
Одѣнутъ край вечернихъ облаковъ,
И вѣтерокъ всю свѣжесть аромата
Несетъ ко мнѣ со скошенныхъ луговъ,
Покрыта даль лиловой пеленою,
Рисуется на ней кудрявый лѣсъ,
Рѣка лежитъ серебряной змѣею,
И Гесперъ льетъ сіяніе съ небесъ;
Какъ объ руку со мной созданье молодое
Мелодіей чарующихъ рѣчей
Напомнитъ мнѣ далекое былое,
Расцвѣтъ любви и юности моей,—
Въ тотъ рѣдкій часъ преобразятся въ звуки
И сердце, и душа моя;

Блаженства я тогда не отличу отъ муки,
Покоя—отъ борьбы, отъ смерти—бытія!...
И, музыкой проникнутъ, какъ душою,
Смотрю на міръ и мыслю я безъ словъ:
Мнѣ истины его понятны той порою
Подъ образомъ какихъ-то странныхъ сновъ...
И я люблю, кого люблю не зная,
Хочу, чтобъ все любило бы со мной,
Мою любовь и слезы раздѣляя,
Съ единой жизнію и во плоти одной...
Но наши скудныя такъ слабы выраженья:
Не передать ихъ грубымъ веществомъ
Эѳира чувствъ, цвѣтовъ воображенья
И творческую мысль въ разгарѣ молодомъ.
Звучащій рой всеструнныхъ ощущеній,
Неуловимъ, прозраченъ и глубокъ,
Объемлетъ душу мнѣ и проситъ пѣснопѣній,
Все сущее влечетъ въ стремительный потокъ
Нѣмого, сладкаго, болѣзненнаго чувства:—
Тогда намъ чуждъ художника вѣнецъ...
Не доросли еще мы до искусства:
Безсильны стихъ, и краска, и рѣзецъ.

***

— Я не красавица!... Разлюбишь ты меня
И назовешь любовь минутнымъ увлеченьемъ,
А я, въ дыханіи сердечнаго огня,
Завяну безъ тебя подъ медленнымъ томленьемъ.
— Одну любовь твою въ тебѣ я полюбилъ,
И прелестью она исполнена такою,
Что сердцу образъ твой пребудетъ вѣчно милъ
Для ока бреннаго незримой красотою.
Я чувство лучшее мое въ тебѣ узналъ,
Узналъ души моей другую половину,
Къ чему стремился я, надѣялся, страдалъ:—
Ужели я его безсмысленно покину!...
Ужель не доростемъ до той мы высоты,
Желаемой душѣ, родной ей, но далекой,
Гдѣ на небѣ любви духовной и глубокой
Сіяетъ вѣчное свѣтило красоты!

Сообщилъ **Н. Лернеръ.**

Письмо Погодина къ Е. П. Ковалевскому по поводу запрещенія газеты „Парусъ“.

Милостивый государь Евграфъ Петровичъ.

Получивъ извѣстіе о признаніи статьи моей, подъ заглавіемъ „Прошедшій годъ въ русской исторіи“, напечатанной въ 2-мъ № газеты „Парусъ“, „неблагонамѣренною“ въ числѣ статей, кои побудили главное правленіе цензуры прекратить изданіе означенной газеты, считаю необходимымъ представить слѣдующія объясненія вашему высокопревосходительству.

Въ отношеніи вашемъ на имя г. управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, отъ 31-го января за № 259, статья моя подвергается двумъ обвиненіямъ: 1-ое—за ѣдкое униженіе нашей иностранной политики и 2-ое—за непозволительныя вмѣшательства частнаго лица въ виды и соображенія правительства.

Противъ перваго обвиненія имѣю честь объяснить, что статья моя не только не заключаетъ никакого униженія нашей политики, но, напротивъ, воздаетъ ей безусловную и совершенную хвалу, согласно, впрочемъ, съ прежними моими о ней отзывами. Осмѣливаюсь привести въ доказательство неопровержимыя слѣдующія слова, коими заключается первая часть статьи.

Что дѣлаетъ Россія на поприщѣ европейской политики?

Она безмолвствуетъ, и какъ будто нѣтъ нигдѣ ея представителей: на европейскомъ толкучемъ рынкѣ не раздается только русскаго голоса: это, по моему смиренному мнѣнію, прекрасно; для чего намъ вступаться въ копѣечныя дрязги, что намъ спорить о грошевыхъ интересахъ, къ чему домогаться алтынныхъ выгодъ? Въ какое сравненіе идутъ нынѣшніе европейскіе вопросы съ нашими домашними вопросами! Лучше безъ шуму думать свою крѣпкую думу, лучше пока, пре-

доставивъ европейскія дѣла естественному ихъ теченію, выжидать спокойно, гдѣ что случится и, приготовляясь къ будущимъ дѣйствіямъ, когда они понадобятся на пользу себѣ и другимъ во имя прогресса, во благо Европѣ и человѣчеству.

Спрашиваю всякаго безпристрастнаго читателя: можно ли выразить одобреніе яснѣе и полнѣе. Согласно съ этими словами, и въ самомъ приступѣ статьи сказано: „Русская внѣшняя политика вездѣ молчитъ или машетъ рукою. — Она поступаетъ, разумѣется, прекрасно".

Спрашиваю: можетъ ли оставаться сомнѣніе, послѣ такихъ категорическихъ положеній, въ мнѣніи моемъ о дѣйствіяхъ внѣшней политики, извѣстныхъ по газетамъ. Но есть ея дѣйствія, по газетамъ не извѣстныя. Я не отвергаю ихъ и готовъ назвать еще прекраснѣйшими, когда они поступятъ во всеобщее свѣдѣніе.

Угодно ли вашему высокопревосходительству, чтобы я сказалъ даже свою тайную мысль, при разсужденіяхъ о дѣйствіяхъ англичанъ въ Турціи и Греціи, французовъ въ Молдавіи и Валахіи, австрійцевъ въ Черногоріи? Вотъ она: чортъ васъ возьми, думалъ я про себя, судите и рядите, какъ хотите; мы молчимъ, но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Какъ профессоръ, преподававшій 25 лѣтъ политическую исторію, знакомый ex officio и со всѣми министрами и ихъ тайнами, даже до настоящихъ минутъ, если не до настоящей минуты, я считаю себя въ правѣ имѣть свое мнѣніе о политикѣ, какъ предметѣ науки, и объявлять его во всеуслышаніе, не преклоняясь передъ авторитетомъ никакого Гизо, никакого Меттерниха, никакого Нессельроде. Надѣясь, что дальнѣйшаго толкованія о первой половинѣ моей статьи, послѣ открытія даже задушевной и тайной мысли, болѣе не нужно, перехожу ко второму обвиненію: — „о непозволительномъ вмѣшательствѣ частнаго лица въ виды и соображенія правительства".

Темы предметовъ второй половины моей статьи заключаютъ мысль, что Россія должна заботиться больше всего объ оборонительныхъ средствахъ въ настоящую минуту, когда всѣ европейскія государства, даже дружныя между собою, принимаютъ подобныя мѣры въ огромномъ масштабѣ.

Я счелъ невозможнымъ высказать эту мысль прямо, по взыскательному иногда образу дѣйствій нашей цензуры, и потому завернулъ ее въ вопросъ: что дѣлаетъ Тотлебенъ, Путятинъ, Хрулевъ, К. Меншиковъ, Горчаковъ и проч.? Неужели въ такой мысли и подъ такой формой есть вмѣшательство въ виды и распоряженія правительства?

Такое вмѣшательство можно показать на всѣхъ страницахъ нашей печати, и не найдете ни одного порядочнаго русскаго человѣка, ко-

торый бы не восклицалъ, не говорилъ, не желалъ, не молился, чтобы наши войны были побѣдоносны, чиновники справедливы, священники благочестивы, писатели благоразумны, чтобы наши крѣпости были неприступны, суды неподкупны, училища просвѣтительны и проч., и проч.

Во всѣхъ нашихъ газетахъ, журналахъ и книгахъ встрѣчаются ежедневно эти мысли въ безчисленныхъ формахъ, и онѣ не только не показываютъ непозволительнаго вмѣшательства частныхъ лицъ въ виды и распоряженія правительства, но служатъ доказательствомъ возникшаго благотворительнаго сердечнаго участія гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, которому нельзя не радоваться. Приводимые къ присягѣ передъ крестомъ и Евангеліемъ, мы клянемся дѣлать и говорить все, что считаемъ для отечества полезнымъ. Неужели эти слова должно считать только словами и не думать о приложеніи ихъ къ жизни? Не далѣе какъ вчера было у насъ вездѣ перепечатано письмо г. Непира къ первенствующему въ Англіи министру графу Дерби, въ которомъ г. Непиръ настоятельно требуетъ собранія резервовъ, умноженія кораблей, распространенія укрѣпленій, однимъ словомъ, принятія самыхъ дѣятельныхъ военныхъ мѣръ. Что же англичанинъ можетъ, преувеличивая опасности, призывать правительство къ оружію, и мы отдаемъ полную справедливость его заботливости, хотя изъ Портсмута, Плимута, Дувра, не унесено никѣмъ ни одного камешка и Англія съ Франціею обнимаются безпрестанно дружески, а русскій не смѣй заикнуться о развалинахъ Севастополя.

Самъ покойный императоръ Николай, въ письмѣ своемъ къ Наполеону, упомянулъ, какъ должно было забиться русское сердце у всѣхъ его подданныхъ при появленіи иностраннаго флота въ Черномъ морѣ. Неужели это сердце успокоилось въ продолженіе одиннадцати-мѣсячной осады Севастополя? Нѣтъ, оно билось со всякимъ днемъ сильнѣе и сильнѣе, больнѣе и больнѣе. Когда англійскимъ и французскимъ порохомъ подняты были на воздухъ труды четырехъ царствованій, облитые благородною кровью Корниловыхъ, Нахимовыхъ, Истоминыхъ и ихъ незабвенныхъ сподвижниковъ, оно замерло но оно не можетъ еще по временамъ не испускать тяжкаго вздоха, хотя бы этотъ тяжкій вздохъ и показался докучнымъ диссонансомъ петербургскимъ охотникамъ до итальянскихъ оперъ. Горе, если такой вздохъ, т. е. легкое напоминаніе о нашей потерѣ, называется вмѣшательствомъ частнаго лица въ виды и распоряженія правительства. Въ Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Турціи такъ уже не думаютъ.

Россія есть общее наше отечество, она принадлежитъ всѣмъ намъ одинаково. Ея болѣзнь, какъ и здравіе, всякое частное лицо ощущаетъ въ равной степени, и благо той странѣ, въ которой всѣ

граждане, государь и народъ, чувствуютъ какъ одинъ человѣкъ! Такая страна и сильна, и счастлива, и достойна своего счастья. Неужели монополія мысли, чувствъ, любви къ отечеству, должна принадлежать только извѣстному персоналу, у котораго можетъ иногда встрѣтиться даже очевидный недостатокъ въ мысли, въ чувствѣ и любви.

Въ необходимости укрѣпленій, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ необходимостяхъ, я убѣжденъ, какъ русскій, какъ гражданинъ, какъ историкъ, какъ внимательный наблюдатель текущихъ событій.

Многимъ моимъ убѣжденіямъ посчастливилось, или, лучше сказать, не посчастливилось, оправдаться нѣсколько разъ на самомъ дѣлѣ, что утвердило меня еще болѣе въ ихъ истинѣ, и я считаю гражданскимъ долгомъ заявлять ихъ при всякомъудобномъ случаѣ. Еслибъ главное управленіе цензуры, по чьему бы то ни было совѣту или доносу, заимствовавъ орудіе изъ подваловъ испанской инквизиціи, опредѣлило вырвать у меня языкъ, такъ я выучился бы пантомимѣ и пантомиму мою настоящіе русскіе поняли бы лучше всякаго ученаго и краснорѣчиваго разсужденія.

Спросятъ: почему я, именно я, принимаю такъ къ сердцу то и другое событіе? Потому что я 40 лѣтъ занимаюсь русской исторіей, потому что я ежедневно питаюсь ею, какъ насущнымъ хлѣбомъ, и потому что она сдѣлалась моею плотію, моею кровію.

Въ продолженіе послѣдней войны написалъ я 20 записокъ, кои передавались покойному государю его сыномъ, нынѣшнимъ государемъ. Во всѣхъ запискахъ, изъ коихъ иныя разсыпались въ тысячахъ экземпляровъ по всей Россіи, я говорилъ одно и то же, что сказалъ въ полушутливой статьѣ моей. Покойный государь, получивъ еще прежде вѣрное свидѣтельство моей прямоты и преданности, отдавалъ справедливость моему образу дѣйствій и выражалъ мнѣ свою признательность. А теперь меня называетъ неблагонамѣреннымъ главное управленіе цензуры! Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, въ благонамѣренности я не уступаю никому на свѣтѣ, 20 лѣтъ я издавалъ журналъ, 25 лѣтъ я преподавалъ исторію;—я издалъ книгъ больше, чѣмъ иному пришлось прочесть ихъ; тысячи моихъ учениковъ разсыпаны по всѣмъ городамъ Россіи; извольте спросить, кого хотите, поручите пересмотрѣть мои лекціи, перечесть мои сочиненія, и вы не найдете ни одного слова, за которое я долженъ былъ бы отвѣчать совѣсти, и, вмѣстѣ, которое бы находилось въ противорѣчіи съ послѣдней моей статьей.

Приближаясь къ концу своего поприща, на 60 году, я не позволю никому относиться легко о моей гражданской чести, которую я берегъ, какъ зѣницу ока, вмѣстѣ съ знакомъ почти 40-лѣтней безпорочной

службы, не думая и не заботясь ни о какихъ наградахъ, остававшихся всегда въ долгу у правительства. Я требую суда, я прошу ваше высокопревосходительство сообщить это письмо главному управленію цензуры, дабы оно, разсмотрѣвъ и уваживъ вышепредложенныя мною доказательства, отмѣнило свое первое рѣшеніе, позволило мнѣ перепечатать статью въ настоящемъ ея видѣ и исходатайствовало у государя императора законное для меня удовлетвореніе въ нанесенномъ мнѣ оскорбленіи.

Государь, обремененный тысячью дѣлъ, одно другаго важнѣе, среди безпрерывныхъ заботъ о трудностяхъ настоящихъ мудреныхъ обстоятельствъ, могъ не прочитать моей статьи, или не вникнуть въ истинный смыслъ ея, могъ положиться на какія-нибудь недостаточныя выписки, злонамѣренныя указанія или кривыя толкованія, кои, по несчастію, слышатся не рѣдко; я прошу ваше высокопревосходительство представить ему дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, по предложеннымъ моимъ объясненіямъ. Письмо мое изъ частной жалобы можетъ, такимъ образомъ, сдѣлаться страницею исторіи. Какъ министръ просвѣщенія, вы лучше всѣхъ должны разумѣть духъ нашего времени и тотъ переворотъ, который произошелъ въ нашихъ понятіяхъ о цѣнахъ людей и происшествій; какъ министръ народнаго просвѣщенія, вы должны знать, какую силу и значеніе со всякимъ днемъ пріобрѣтаетъ слово въ самой Россіи, не только въ Европѣ, съ которой она соединяется не однѣми желѣзными дорогами и электрическими телеграммами, но тѣломъ и душою. Можно ли нынѣ писателей traiter en canaille! Въ длинной аудіенціи вы объясните государю, какъ важенъ настоящій частный случай: почему имъ дорожить и воспользоваться должно, сколько любви и довѣренности къ нему прибавится гуманнымъ рѣшеніемъ отъ всѣхъ истинныхъ друзей отечества, передовыхъ людей, а не тѣхъ черствыхъ, заматерѣлыхъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ царедворцевъ, которые сбиваютъ его съ царскаго пути, и ведутъ слѣпцы... куда?.. я увѣренъ, что онъ, благодушный, внемлетъ голосу истины, велитъ удовлетворить меня блистательнымъ образомъ, поколику я имѣю заслуги и права, и ясно покажетъ ту готовность на всякое добро, которое пріобрѣло ему сердца при вступленіи его на престолъ.

Если же государь, паче чаянія, не отдастъ мнѣ должной справедливости, я пожалуюсь на него ему самому и покажу примѣръ, что въ наше время и въ неограниченномъ монархическомъ правленіи голосъ оскорбленнаго чувства, голосъ оскорбленнаго нравственнаго достоинства, можетъ раздаться, дойти до престола и пріобрѣсти общее сочувствіе, не смотря ни на какія стѣснительныя мѣры посредствующихъ властей.

*

Имя Александра II потому-то и озаряется уже лучами безсмертія въ исторіи, что съ нимъ соединяется умственное и нравственное возрожденіе шестидесяти милліоновъ даровитѣйшаго въ Европѣ народа, который черезъ 1000 лѣтъ, достигнувъ при немъ совершеннолѣтія, разверзаетъ наконецъ свои уста, столь долго семью печатями запечатлѣнныя. Я имѣю счастье принадлежать къ этому народу и жить въ это время!

Предъявивъ мои права, я долженъ принести покаяніе вашему высокопревосходительству и въ своихъ винахъ. Мои вины, не сознаваемыя, впрочемъ, по слабости человѣческой, могутъ относиться къ незнанію свѣтскихъ приличій, жестокости и грубости рѣчи, которыя доходятъ иногда, говорятъ, даже до дерзости. Во всѣхъ моихъ прежнихъ запискахъ, писанныхъ однимъ тономъ, и даже въ послѣдней полушутливой статьѣ моей, я коснулся самъ этихъ недостатковъ и просилъ извиненія.

Человѣкъ кабинетный, занимающійся болѣе съ книгами, чѣмъ съ людьми, точно, я выражаюсь иногда слишкомъ рѣзко, и особенно, когда говоритъ моя кровь и дѣло касается исторіи. Скажу болѣе, я могу ошибиться и могу увлекаться любимыми своими мыслями. Судите меня по закону, осужденный по закону, я приму съ совершенной покорностью всякое наказаніе, снесу его терпѣливо; но не называй никто моей статьи неблагонамѣренной; ни одной страницы не пускалъ я безъ своего имени, и ни одной строки не напечаталъ нигдѣ тайно—вотъ осязательное доказательство, что я хотѣлъ служить своему отечеству, по крайнему своему разумѣнію, открыто, чисто и честно — если и грубо, если и дерзко. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ коимъ пребыть честь имѣю, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Погодинъ.

Полицейская характеристика офицеровъ Л.-Г. Измайловскаго полка.

Резолюція Николая Павловича:

Написать В. К. Михаилу Павловичу о музыкантахъ и писаряхъ и о прочемъ достойномъ вниманія [1]).

Полицейскому надзору поручено изложить характеристику офицеровъ означенной части, ихъ образа жизни и нравственности. Онъ можетъ осуществить это только посредствомъ послѣдовательныхъ изысканій, для того, чтобы не дать ошибочно, что было бы гнусно, неблагопріятныхъ впечатлѣній о людяхъ и ихъ поведеніи. Посему онъ долженъ пока ограничиться распредѣленіемъ офицеровъ этого полка, на основаніи общихъ данныхъ, на три различныя категоріи, а именно: 1-я,—лицъ съ 1820 года, заявившихъ свое неудовольствіе противъ того или другаго начальника, рѣшившагося поддерживать во всей ея строгости военную дисциплину и до сихъ поръ пребывающихъ въ настроеніи, не соотвѣтствующемъ видамъ правительства; 2-я,— тѣхъ, поведеніе которыхъ, со стороны нравственности двусмысленно и неправильно, и, наконецъ, 3-я, — небольшаго числа офицеровъ, умѣющихъ устраняться отъ заразительности дурныхъ примѣровъ и не дающихъ повода увлечь себя.

Нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, отмѣченныхъ полицейскимъ надзоромъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ сосѣдственныхъ съ казармами домахъ имѣются тайные притоны, гдѣ нерѣдко происходятъ

[1]) Курсивомъ отмѣчены слова, писанныя на подлинномъ французскомъ текстѣ рукою императора Николая I. *Б. Ю.*

щирушки и кутежи на широкую или скромную ногу и что отсутствіе всякихъ нравственныхъ началъ, проявляющееся въ поведеніи писарей и музыкантовъ полка, составляетъ предметъ постоянной бдительности полицейскаго надзора.

Донесенія второстепенныхъ агентовъ, за точность которыхъ можно было бы отвѣчать только по тщательной ихъ провѣркѣ, на что требуется много времени и неослабнаго вниманія, въ общемъ выражаютъ слѣдующее: во-первыхъ, что прошлое поведеніе нѣкоторыхъ офицеровъ, въ день 14-го декабря подстрекавшихъ солдатъ къ отказу отъ присяги, необходимость которой вызывалась отреченіемъ великаго князя Константина отъ престола, должно быть предметомъ вниманія правительства какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ; во-вторыхъ, что, вообще говоря, офицеры полка мало посѣщаютъ общество, составляя между собою замкнутые кружки и предаваясь игрѣ, вину и женщинамъ легкаго поведенія, въ третьихъ, что между ними много послѣдователей ложныхъ ученій, людей порочныхъ, а въ самомъ полку много болѣе или менѣе постоянныхъ непорядковъ, вытекающихъ изъ несогласій, существующихъ между второстепенными начальниками и бригаднымъ командиромъ, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, что солдаты слишкомъ вольно разсуждаютъ и часто съ самоувѣренностью судятъ о предметахъ, отнюдь не входящихъ въ область ихъ компетенціи.

Къ этому краткому очерку должно прибавить характеристики офицеровъ полка, составленныя второстепенными агентами; изображенія эти могутъ, однако, служить только канвой, на которой своевременно должна быть выработана наиболѣе полная картина.

1. Генералъ *Мартыновъ*. Притворяется недовольнымъ; имѣя болѣзненную страсть къ командованію, онъ распространяетъ слухъ о своемъ намѣреніи подать въ отставку. Игра составляетъ любимое его занятіе. Онъ играетъ съ офицерами и проигралъ капитану Норову 4.000 рублей и двѣ лошади. Онъ не прочь и выпить.

Онъ, стало быть, совсѣмъ другой человѣкъ, никогда онъ такимъ не былъ.

2. Генералъ *Анненковъ*. Между нимъ и генераломъ Мартыновымъ установились враждебныя отношенія. Солдаты очень довольны его обхожденіемъ съ ними. Онъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ полковниками де-Витте, Веселовскимъ и Щербинскимъ и съ капитаномъ Штакельбергомъ. Жизнь ведетъ скромную.

Надо объ этомъ сообщить Михаилу [1]).

---

[1]) Великому князю Михаилу Павловичу, который былъ командующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами.

3. Полковникъ *Веселовскій*. При весьма умѣренномъ состояніи ведетъ жизнь весьма правильную, избѣгаетъ новыхъ связей и держится очень тѣснаго кружка.

Человѣкъ почтенный и портретъ его таковъ, какимъ я надѣялся его получить.

4. Полковникъ *Щербинскій*. Столь же скупъ для себя, какъ щедръ для своей любовницы, и потому играетъ мало и не посѣщаетъ общества.

Хорошій человѣкъ, но ничтожество.

5. Полковникъ *де-Витте*. Безупречная репутація и общее уваженіе составляютъ плодъ его поведенія. Онъ ведетъ скромную жизнь въ кругу семьи.

Это приблизительно то, что мнѣ о немъ извѣстно.

6. Полковникъ *Анненковъ*. Состояніе умѣренное; онъ играетъ въ карты, но вообще не одержимъ никакими необузданными страстями.

Прекрасный офицеръ; я за него отвѣчаю.

7. Капитанъ *Семеновъ*. Безъ состоянія, безъ принциповъ и безъ нравственности, человѣкъ этотъ, лишенный средствъ къ существованію, ведетъ самую распутную жизнь. Въ день 14-го декабря онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые отговаривали солдатъ отъ присяги. Солдаты его роты, съ его вѣдома, посѣщаютъ мелочную лавочку, гдѣ производится тайная продажа водки.

Это едва-ли возможно, ибо онъ былъ въ Петергофѣ, гдѣ командовалъ 9-ой ротой.

8. Капитанъ *Эссенъ*. Получаетъ большую поддержку отъ родныхъ, предается игрѣ и ведетъ жизнь неправильную.

Это абсолютно невѣрно; отецъ не даетъ ему ни гроша и онъ служитъ превосходно.

9. Капитанъ *Норовъ*. Мало избалованъ судьбой; можетъ быть названъ достойнымъ соперникомъ *Семенова*, какъ въ отношеніи его поведенія, такъ и въ дѣлѣ подстрекательства въ день 14-го декабря. На тайную продажу водки также смотритъ сквозь пальцы, а связи его изъ такихъ, которыя далеко не дѣлали бы чести порядочному человѣку.

Этому я никогда не довѣрялъ, но не могу допустить, чтобы онъ фигурировалъ 14-го числа.

10. Капитанъ *Плаутинъ*. Предается игрѣ и въ средствахъ къ жизни пользуется помощью родныхъ. Не посѣщаетъ порядочнаго общества. Былъ въ числѣ подстрекателей.

Я его не знаю.

11. Капитанъ *баронъ Штакельберъ*. Имѣетъ порядочное состояніе, предается игрѣ и женщинамъ. Былъ въ числѣ подстрекателей 14-го числа. Посѣщаетъ общество.

Онъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ и эстонецъ,—этимъ все сказано и 14-го числа онъ велъ себя превосходно.

12. Капитанъ *Бутовскій*. При изрядномъ состояніи ведетъ жизнь уединенную; преданъ женщинамъ и игрѣ и мало посѣщаетъ порядочное общество.

Онъ впадалъ въ мистицизмъ, остальное возможно, такъ какъ оно встрѣчается часто.

13. Капитанъ *Шваневичъ*. Состоянія нѣтъ, но онъ богатъ либеральными идеями, хотя со стороны поведенія не подаетъ повода къ осужденію. Онъ родственникъ генерала Гладкова, домъ котораго часто посѣщаетъ.

Онъ женится на его дочери и теперь служитъ полковникомъ въ Финляндскомъ полку.

14. Штабсъ-капитанъ *Бутурлинъ*. Состоянія не имѣетъ, кругъ знакомыхъ его ограниченъ, былъ въ числѣ подстрекателей 14-го числа.

Головою ручаюсь, что это неправда, при томъ же онъ былъ въ отпуску въ Костромѣ.

15. Штабсъ-капитанъ *Львовъ*. Игрокъ по призванію, любитъ вино, не платитъ долговъ и бываетъ въ лучшемъ обществѣ.

Это очень возможно.

16. Поручикъ *Зиновьевъ*. Имѣетъ большое состояніе; но двойная страсть къ игрѣ и женщинамъ ввела его въ неоплатные долги. Былъ въ числѣ подстрекателей.

За него не ручаюсь.

17. Поручикъ *Дьяковъ*. Живетъ единственно игрой. Посѣщаетъ дома, гдѣ ведется игра.

Это подарокъ 5-го корпуса, я очень мало его знаю.

18. Поручикъ *Вульфъ*. Во всемъ достойный подражатель предыдущаго, отличается нахальствомъ и глупостью.

19. Поручикъ *Криницынъ 1-й*. Неразлучный пріятель обоихъ предыдущихъ и также никакого состоянія не имѣетъ.

Онъ почти навѣрное участвовалъ въ заговорѣ 14-го числа.

20. Поручикъ *графъ Тышкевичъ*. Живетъ въ домѣ у матери и содержитъ игорную академію, гдѣ собираетъ своихъ товарищей. Нравственности болѣе чѣмъ сомнительной, кругъ знакомства весьма обширный.

Это возможно.

21. Поручикъ *Андреевъ*. Бѣденъ, игрокъ, преданъ вину и женщинамъ и соотвѣтственно тому составляетъ себѣ кругъ знакомства.

Это возможно.

22. Поручикъ *Копьевъ*. Ведетъ жизнь развратную. Имѣя отца, мало расположеннаго снабжать его деньгами, онъ достаетъ ихъ посредствомъ темныхъ дѣлъ. Онъ товарищъ предыдущаго.

Это возможно.

23. Поручикъ *Норовъ 2-й.* Живетъ съ братомъ, отъ котораго вполнѣ зависитъ и которому старается подражать.

Сомнѣваюсь.

24. Поручикъ *Козловъ.* Состоянія не имѣетъ, преданъ вину и женщинамъ дурнаго поведенія.

Его не знаю.

25. Поручикъ *Кобяковъ 1-й.* Мало избалованъ счастьемъ, ведетъ правильную жизнь; но слыветъ за жестокаго начальника. Былъ въ числѣ подстрекателей 14-го числа.

Это клевета, которую я могу доказать. Напротивъ, они вдвоемъ съ Штакельбергомъ, быть можетъ, спасли честь полка.

26. Поручикъ *Кобяковъ 2-й.* Его поведеніе и вкусы не предосудительны; но иногда бываетъ увлеченъ товарищами.

Это возможно, онъ—казначей полка.

27. Подпоручикъ *князь Урусовъ.* Отличается хорошимъ поведеніемъ и тщательнымъ стараніемъ избѣгать общества товарищей.

Его я мало знаю.

28. Подпоручикъ *князь Урусовъ 2-й.* Живетъ съ братомъ и, какъ и этотъ послѣдній, бываетъ въ лучшемъ обществѣ.

29. Подпоручикъ *Навроцкій.* Игрокъ и пьяница, знакомъ лишь съ предосудительными людьми. Состоянія не имѣетъ.

Его не знаю.

30. Подпоручикъ *Криницынъ 2-й.* Живетъ съ братомъ, состояніе его незначительно, а ведетъ себя гораздо лучше товарищей.

Но истинный негодяй, котораго я ставлю ниже всѣхъ прочихъ.

31. Подпоручикъ *Румянцевъ.* Имѣетъ порядочное состояніе, ведетъ себя изрядно, бываетъ въ хорошемъ обществѣ.

Его не знаю.

32. Подпоручикъ *Скалонъ.* Бѣденъ, но ищетъ хорошаго общества и избѣгаетъ общества товарищей.

Онъ сумасшедшій.

33. Подпоручикъ *Меллеръ-Закомельскій.* Родные даютъ ему средства къ жизни, которыя онъ тратитъ на удовлетвореніе страсти къ игрѣ и женщинамъ. Его можно встрѣтить только въ игорныхъ домахъ.

Его не знаю.

34. Подпоручикъ *Кротковъ.* Состояніе небольшое; не имѣя отвращенія къ игрѣ и женщинамъ, онъ, однако, ведетъ себя не предосудительно и избѣгаетъ сборищъ, организуемыхъ его товарищами.

Его мало знаю.

35. Подпоручикъ *Веревскій.* Не богатъ и поведенія не предосудительнаго, тѣмъ не менѣе иногда увлекается дурнымъ примѣромъ.

Тоже.

36. Подпоручикъ *Полибинъ*. Состояніе умѣренное, предается женщинамъ и поведенія двусмысленнаго, а потому не бываетъ въ хорошемъ обществѣ.

Тоже.

37. Подпрапорщикъ *Аристовъ*. Состоянія не имѣетъ, ведетъ правильную жизнь. Характера кроткаго и избѣгаетъ шумнаго общества товарищей.

Его не знаю.

Когда донесеніе это было уже составлено, получены были свѣдѣнія о томъ, что юнкера означеннаго полка продолжаютъ вести крайне неправильную жизнь, о чемъ говорятъ, извѣстно всему околотку и что окончательно обнаружится при первомъ случаѣ.

Такъ какъ ни одного изъ нихъ нѣтъ въ полку, а всѣ находятся в школѣ, то, повидимому, все это мало вѣроятно.

Б. Ю.

Изъ архивныхъ мелочей.

Письма Ив. Ег. Чернышова [1]) Г. Н. Жулеву:

1.

1860 г., октября 9-го.

Любезный дружище Гавріилъ Николаевичъ!

Насилу-то я дождался отъ тебя письма! Я ужъ думалъ: не погибъ ли ты на дорогѣ.

Новостей у насъ особенныхъ не имѣется. Про похороны Мартынова, чай, читалъ въ газетахъ. Завтра бенефисъ его вдовы и дѣтей. Идутъ сцены Островскаго изъ „Современника“ и разнородный винегретъ. Въ бенефисъ Бурдина идетъ пьеса Потѣхина—пропустила цензура. Въ „Глуши“ комитетъ забраковалъ, положивъ резолюцію: Отдать автору для сокращенія. Сюжетъ-де молъ на пять актовъ! Я, разумѣется, сокращать не буду, и пьеса не пойдетъ. Я ее послалъ въ „Русскій Вѣстникъ“, по совѣту Пыпиева [2]). Если тамъ напечатаютъ, я тебѣ тотчасъ же пришлю экземпляръ.

Марковецкій беретъ въ бенефисъ „Не въ деньгахъ счастье“. Не шути имъ! Васильевъ дебютировалъ съ успѣхомъ. Онъ съ большимъ талантомъ, но глупость сдѣлалъ тѣмъ, что не согласился сразу на условія, предложенныя дирекціею (80 жалованья, 10 разовыхъ и 1/2 бенефиса), а поломался, въ надеждѣ, что станутъ упрашивать. Но не упрашивали—и онъ пришелъ съ повинной. Глупо!

Не пиши на имя Малышева ко мнѣ, ибо мы съ нимъ, съ твоего отъѣзда, охладѣли. Изъ-за чего?—Такъ! Довольно!

---

[1]) Иванъ Егоровичъ Чернышевъ (1832—1863) — извѣстный драматургъ, Е. Жулевъ (Скорбный поэтъ)—извѣстный поэтъ-юмористъ, авторъ комедіи „Петербургскіе когти“. Род. въ 1836 г., умеръ въ 1878 г.

[2]) Михаилъ Ивановичъ, извѣстный знатокъ Петербургской старины (1842—1899).

Я живу въ домѣ Щелкова, Дмитровскій переулокъ.

Трескина тебѣ кланяется. Она сдѣлала то, про что говорила. Да ну, все къ чорту!

Главное дѣло вотъ въ чемъ. Я теперь въ ужасномъ положеніи, пойми ты это! Я видѣлся съ ней (имѣющіе уши слышать—да слышатъ) въ одномъ домѣ. Она говорила мнѣ откровенно и о своей первой любви къ Базану (?). Ахъ, какъ она говорила!—Божусь тебѣ, если бы ты ее слушалъ, ты бы заплакалъ. Она поняла всю ничтожность этого человѣка и оплакиваетъ свое заблужденіе.—„Ахъ!“ говоритъ она, „если бы въ первый разъ я попала на человѣка. Что бы онъ могъ изъ меня сдѣлать!“ И она говорила не фразы, а правду! Потомъ она мнѣ разсказала исторію сватовства флигель-адъютанта (помнишь?) Про все она мнѣ говорила съ полной дѣтской откровенностью—какъ брату! Вообрази себѣ ея тихій голосъ, ея взглядъ-взглядъ ея—и пойми мое положеніе.

Потомъ я опять тамъ съ нею встрѣтился, потомъ откровенный разговоръ въ театрѣ!.. Однимъ словомъ, она знаетъ о моей любви и очень, очень ласкова со мной.

Я же боюсь надѣяться на что-нибудь, а между тѣмъ мучусь всегда, постоянно. Ты уѣхалъ, не съ кѣмъ мнѣ поговорить, а нужно высказаться, нужно посовѣтоваться, а то какъ разъ разыграешь роль Отелло (?). Не знаю, какъ, что, къ чему меня ведетъ. Но, если это кончится не такъ, а иначе,—жизнь меня перекорчитъ окончательно. Веду я себя съ нею совершеннымъ дуракомъ! Ни путнаго слова сказать и обратиться ловко не умѣю. Помнишь, ты замѣтилъ, какъ я покраснѣлъ на репетиціи „Отелло“? Такъ вотъ и теперь! Если бы я говорилъ за другого, я бы многое ей сказалъ, а за себя не могу, совѣщусь. Чуть хоть небольшая явится надежда или горе, я тебѣ тотчасъ же сообщу. Лучше хоть письменно подѣлиться, если ужъ нельзя словесно.

Прощай, братъ, пожелай счастья искренно тебя любящему

Ив. Чернышову.

2.

1861 г., марта 23-го.

Вчера былъ у насъ юбилей Сосницкому. Сдѣлали обѣдъ, поднесли вѣнокъ и вазу. Царь прислалъ ему золотую медаль на Андреевской лентѣ, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ, и эта медаль во время обѣда была возложена самимъ его превосходительствомъ г. директоромъ на выю проливающаго слезы юбилятора (sic) при восторженныхъ кликахъ и пискахъ окружающихъ.

Сосницкій сидѣлъ за обѣдомъ между настоящимъ и прошедшимъ

директоромъ, Гедеоновымъ, который, между прочимъ, сталъ еще похожѣе на тотъ бюстъ, который ты оставилъ въ домѣ Хрущова. Обѣдъ былъ у Полицейскаго моста, въ домѣ Руадзе.

Въ пятомъ часу привезли юбилятора. Впрочемъ, всѣ эти подробности ты можешь прочесть въ „Инвалидѣ“. Петръ былъ распорядителемъ праздника и вѣрно опишетъ его съ свойственнымъ краснорѣчіемъ своего пера.

Въ спичахъ болѣе всего отличились—Богдановъ—балетный и молодой Потѣхинъ, авторъ „Быль молодцу не укоръ“, личность замѣчательно самолюбивая и нахальная до-нельзя, нѣчто среднее между Свѣтъ-Львовымъ и нашимъ Бурдинымъ.

Богдановъ прочелъ четверостишіе, имъ же самимъ сочиненное, какъ пишутъ о его разнобалетныхъ афишахъ. Изъ всего его стихотворенія я запомнилъ только риемы:

. . . . . привѣтъ
Пятьдесятъ лѣтъ на сценѣ
. . . . . балетъ.
. . . . . любимецъ мельпомены.

Потѣхинъ же взялъ за образецъ для своей рѣчи стихотвореніе Пушкина „Къ клеветникамъ Россіи“.

„Сосницкій“, началъ онъ, „имя твое извѣстно отъ Камчатки до Финскаго залива, отъ Бѣлаго до Чернаго моря“. Послѣ границъ Россіи начались комплименты, наборъ общѣйшихъ мѣстъ.—Иванъ Ивановичъ, позволь мнѣ, въ заключеніе, сказать нѣсколько стиховъ, которыя я здѣсь же написалъ“. Иванъ Ивановичъ, само собой, изъявилъ согласіе.

Онъ откашлянулся и началъ (за вѣрность стиховъ не ручаюсь, передаю только фактъ):

Ты полстолѣтія служилъ искусству...

Пауза.

Онъ откашливается и повторяетъ:

Ты полстолѣтія служилъ искусству...

Двойная пауза. Легкій смѣхъ въ публикѣ.

— Простите!.. Позабылъ!

Смѣхъ.

Онъ достаетъ бумажку и дочитываетъ остальныя три строки.

Конечно, Григорьевъ настрочилъ всѣ 56 куплетовъ. Каратыгинъ—съ остротами. Куликовъ—написалъ то же что-то также до-нельзя позорное, такъ что невозможно было читать. Крику и ликованій было множество. Больше другихъ энтузіаствовали Малышевъ и Озеровъ.

Послѣдній сидѣлъ за столомъ рядомъ со мной и ужасно радовался, что въ нашъ вѣкъ такъ высоко цѣнятъ артиста.

Ну, да къ чорту ихъ! Дѣло вотъ въ чемъ.

Не могу я встрѣтиться съ Курочкинымъ, чтобы онъ не спрашивалъ о тебѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ты ужасная свинья! Отчего ты пересталъ писать? Онъ о тебѣ отзывается, какъ о лучшемъ своемъ сотрудникѣ, и постоянно проситъ писать къ тебѣ. Лѣнишься ли ты или пьянствуешь и въ карты играешь. И я, съ своей стороны, тебѣ прибавлю, что ты поступаешь до нелѣпости глупо. Ты очень ошибаешься, если разсчитываешь на свой сценическій талантъ и пренебрегаешь литературнымъ. Послѣдній у тебя гораздо выше, чѣмъ первый, и на него слѣдуетъ обратить тебѣ особенное вниманіе. Я никакъ не хочу вѣрить, чтобы ты въ это время ничего не писалъ. Я убѣжденъ, что ты привезешь или что-нибудь большое, или кучу разныхъ разностей. Если у тебя есть мелкіе стихи, вышли ихъ тотчасъ же, не прерывай ты связи съ редакторами. Нужно постоянно напоминать о себѣ публикѣ. Неужели тебѣ не горько читать въ „Искрѣ“ разныя пошлости, когда сознаешь въ душѣ, что можешь написать въ милліонъ разъ умнѣе и лучше. Занимайся, пожалуйста, пробуди свое самолюбіе. Эта пишущая братія ужасно занята своимъ университетскимъ образованіемъ. Докажемъ же имъ, что талантъ дается природой, и человѣкъ самъ въ состояніи образовать себя. Жаль (?) тебя. Беретъ меня страшная злость. На кой чортъ уѣхалъ? Пиши же хоть письма, по крайней мѣрѣ, или и это ужь лѣнь?

Твой другъ Ив. Чернышовъ.

Сообщилъ **В. А. Алексѣевъ.**

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1906 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

	стран.
I. Записки императрицы Екатерины II	5— 53
II. Воспоминанія В. Н. Никитина . . 54—161,	312—396
III. Мысли и воспоминанія поляка. О. Еленскаго.	200—242
IV. Изъ воспоминаній В. А. Панаева	397—442
V. Воспоминанія стараго студента. Вл. Сорокина.	443—472
VI. Изъ воспоминаній графа Эстергази.	614—651
VII. Очерки моихъ воспоминаній. Невѣдомской-Динаръ	652—684

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Изъ дневника М. И. Михайлова	162—199
II.	Изъ архивныхъ мелочей . . . . 243—244,	711—714
III.	Плетневъ, какъ критикъ и публицистъ. Вячеслава Калинскаго	245—286
IV.	Автобіографія графа Льва Николаевича Тостого. Льва Тостого	287—311
V.	Изъ деревни. В. Т-а.	473—492
VI.	Просвѣщеніе христіанствомъ инородцевъ Казанскаго края въ періодъ до появленія Н. И. Ильинскаго. П. А.	493—517
VII.	Новгородскій бунтъ 1831 года. Н. И. Панаева.	518—566
VIII.	Одинъ изъ незамѣтныхъ дѣятелей Екатерининской эпохи. II. Яковъ Павловичъ Козельскій П. Столпянскаго	567—584
IX.	На поворотѣ. А. И. Лотоцкаго	585—613
X.	Стихотворенія Н. Ѳ. Щербины. Сообщ. Н. Лернеръ.	685—698
XI.	Письмо Погодина къ Е. П. Ковалевскому по поводу запрещенія газеты „Парусъ“	699—704
XII.	Полицейская характеристика офицеровъ л-гв. измайловскаго полка. Б. Ю.	705—710

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1907 г.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. **№ 145**, кв. **№ 1**.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1906 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

DEC 26 62 H

4322919

DEC 12 '73 H

CANCELLED 1973